...59 ...нъ

28 Мая 1873 Хива

12 Янв. 1881 Геокъ-тепе

27 Іюля 1723 Баку

20 Іюня 1736 Азовъ

23 Авг. 1741 Вильманстрандъ

15 Сент. 1847 Салты

19 Авг. 1757 Гроссъ-Эгерсдорфъ

Исторія Апшеронскаго полка

Іюль 1845 Дарго

1 Авг. 1759 Кунерсдорфъ

22 Авг. 1839 Ахульго

28 Сент. 1760 Берлинъ

18 Март. 1814 Парижъ

21 Іюля 1770 Кагулъ

4,6,7 Окт. 1813 Лейпцигъ

21 Іюля 1789 Фокшаны

1700-1892

16 Ноябр. 1812 Березина

11 Сент. 1789 Рымникъ

30 Окт. 1805 Кремсъ

14 Сент. 1799 Чертовъ-мостъ

4 Авг. 1799 Нови

6,7,8 Іюня 1799 Треббія

24 Окт. 1794 Прага

11 Дек. 1790 Измаилъ

ИСТОРІЯ

АПШЕРОНСКАГО ПОЛКА.

Вел. Кн. Георгій Михаиловичъ.

ИСТОРІЯ
АПШЕРОНСКАГО ПОЛКА

1700—1892.

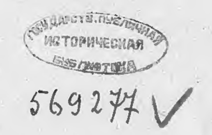
СОСТАВИЛЪ

Л. БОГУСЛАВСКІЙ,
штабсъ-капитанъ 81 пѣх. Апшеронскаго полка.

ТОМЪ I.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ШЕСТИ ПОРТРЕТОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), Фонтанка 117.
1892.


ИСТОРИЧЕСКАЯ
569277

Державному Вождю

Русской Арміи

съ благоговѣніемъ

посвящаетъ

свое изданіе

Великій Князь Георгій Михаиловичъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 марта 1892 г.

Фототипографія Экспедиціи загот. госуд. бумагъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 21 марта 1892 г.

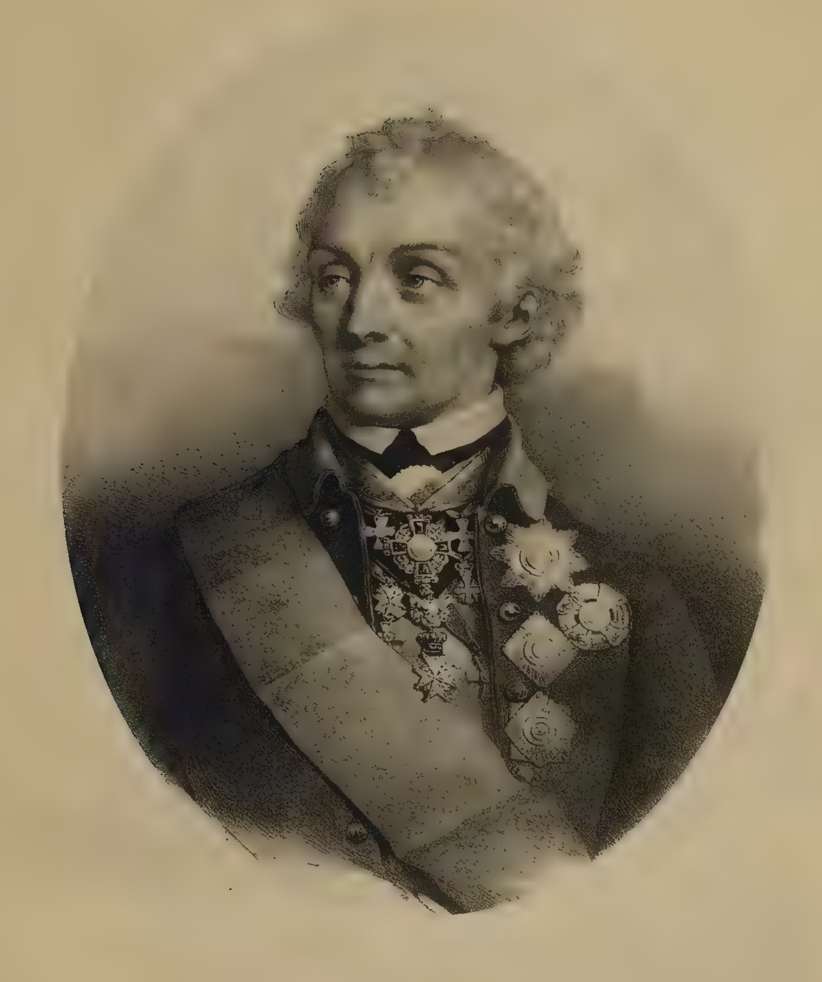
ФОТОТИПІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 марта 1892 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 14 МАРТА 1892 г.

ФОТОГІАЛОТИПЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 марта 1892 г. Фотогіалотипъ Экспедиціи Загот. Госуд. Бумагъ.

ГРАФЪ МИЛОРАДОВИЧЪ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 21 марта 1892 г. ФОТОТИПІЯ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

СТРАН.

Глава Первая.

Война съ Персіею 1722—1735 года.— Смуты въ Персіи въ началѣ XVIII вѣка. — Просьба шаха Тахмасиба. — Приготовленія Петра Великаго къ походу. — Прибытіе на Кавказъ. — Разбитіе уцмія Каракайтахскаго. — Возвращеніе Петра I въ Россію. — Походъ 1723 года и взятіе Баку. — Образованіе въ 1724 году Астрабатскаго полка. — Составъ и численность его. — Военныя дѣйствія 1725—1728 годовъ. — Трактатъ въ Рештѣ. — Переименованіе полка. — Происшествія въ 1733 году. — Разбитіе крымскихъ войскъ и разгромъ Башлы. — Ганжинскій трактатъ и движеніе полка въ Россію.

По окончаніи сѣверной войны, Императоръ Петръ Великій устремилъ все свое вниманіе на западное побережье Каспійскаго моря, имѣя въ виду завязать отсюда торговыя сношенія съ Индіей. Для этого необходимо было пріобрѣсти на Кавказѣ рядъ опорныхъ приморскихъ пунктовъ, которые могли бы служить складами для товаровъ и въ то же время обезпечивали бы торговлю отъ грабежей и насилій, со стороны дагестанскихъ народовъ и персіянъ.

Въ это время въ Персіи происходили смуты.

Въ концѣ XVII вѣка на шахскій престолъ вступилъ Шахъ Гуссейнъ и уже при нёмъ началось разложеніе огромной персидской монархіи. Первыми подняли знамя возстанія афганцы, а вслѣдъ за ними дагестанскіе горцы, предводительствуемые нѣкіимъ Даудомъ и Сурхай-ханомъ Казикумухскимъ. Въ 1712 году толпы горцевъ напали на городъ Шемаху, ограбили и сожгли ее до тла. Въ числѣ пострадавшихъ находилось 300 русскихъ купцовъ, у которыхъ было захвачено разнаго товару на 4 милліона рублей.

Русское правительство потребовало отъ Персіи немедленнаго удовлетворенія, но Шахъ Гуссейнъ окончательно потерялъ голову, и вмѣсто наказанія виновныхъ и удовлетворенія требованій Россіи, просилъ у нея помощи. Неурядицы въ Персіи давно уже обратили на себя вниманіе Петра Великаго, но занятый войною со Швеціею, онъ не имѣлъ возможности вмѣшиваться въ персидскія дѣла. Тѣмъ не менѣе Петръ I отправилъ въ Персію Артемія Волынскаго, «въ характерѣ посланника», и приказалъ предложить шаху помощь противъ предводителя афганцевъ Миръ-Вейса и другихъ мятежниковъ, надѣясь за это склонить персидское правительство къ скорѣйшему заключенію трактата на счетъ свободной и безопасной торговли между обоими государствами.

Независимо того, Петръ I поручилъ Волынскому развѣдать о причинахъ возстанія, о политическомъ настроеніи умовъ въ Персіи, о городахъ, крѣпостяхъ, границахъ и т. д.

Волынскій удачно выполнилъ порученіе и заключилъ торговый трактатъ съ Персіей. Отдавая отчетъ Государю въ своихъ дѣйствіяхъ, посланникъ разсказалъ о найденномъ имъ бѣдственномъ положеніи Персіи и предложилъ для охраненія нашихъ границъ взять подъ свою защиту и занять русскими войсками персидскія провинціи, лежавшія по берегу Каспійскаго моря, «которыми безъ того овладѣютъ афганцы»; таково было желаніе и Шаха Гуссейна, тревожимаго бунтовщиками. Предложеніе это чрезвычайно обрадовало Петра, хотя продолжавшаяся еще шведская война не позволяла ему немедленно приступить къ исполненію своихъ давнихъ намѣреній, и онъ пока ограничился отправленіемъ поручика флота фонъ-Вердена для снятія плановъ Каспійскаго моря и его береговъ.

Съ каждымъ годомъ безпорядки и волненія въ Персіи не только не прекращались, но еще болѣе увеличивались. Сынъ умершаго Миръ-Вейса, Миръ-Махмутъ, соединясь съ дагестанскими предводителями Даудомъ и Сурхай-ханомъ, занялъ въ 1720 году Ширванскую провинцію; въ томъ же году они вновь взяли и разорили городъ Шемаху. Опасаясь Россіи, которая уже дѣлала приготовленія къ походу, Миръ-Махмутъ и его союзники рѣшились прибѣгнуть къ покровительству Порты. Вскорѣ послѣ того мятежники взяли городъ Испагань, шаха Гуссейна заключили въ темницу и, такимъ образомъ, сдѣлались полновластными хозяевами Персіи. Тогда сынъ шаха Гуссейна, Тахмасибъ, обратился къ Петру Великому за помощью и покровительствомъ.

Въ посланной Государю нашему золотой грамотѣ, Тахмасибъ называетъ его «дядей», а себя «вѣрнымъ племянникомъ», умоляетъ заступиться за него, какъ за роднаго, изгнать турокъ изъ предѣловъ Персіи и дать ему средства управиться съ мятежниками; просилъ царя занять русскими войсками Дербентъ, Баку, Ширвань, Гилянь и закавказскія христіанскія провинціи.

Моментъ для занятія областей по берегу Каспійскаго моря представлялся на столько удобнымъ, что Петръ Великій съ радостью согласился принять участіе въ несчастной судьбѣ Персіи. Кстати и желанный съ Швеціею миръ подписанъ былъ въ Ништатѣ 30-го августа 1721 года; это обстоятельство развязало руки Россіи и позволило ей дѣйствовать на Востокѣ.

Незадолго до того, именно въ 1720 году, шамхалъ Тарковскій Адиль-Гирей призналъ надъ собою власть русскихъ. Послѣднее обстоятельство было весьма пріятно Петру I, такъ какъ оно значительно облегчало предпринимаемый походъ.

Для военныхъ дѣйствій назначено было 2 гренадерскихъ и 18 пѣхотныхъ баталіоновъ, 2000 драгунъ, малороссійскіе казаки, астраханскіе татары и кабардинцы. Всѣ войска, кромѣ кабардинскаго ополченія, сосредоточились въ городѣ Астрахани, куда 15-го іюня 1722 года прибылъ и Петръ Великій, пожелавшій принять непосредственное участіе въ походѣ.

Когда всѣ приготовленія были окончены и назначенная для перевозки войскъ флотилія судовъ собрана, Императоръ отправилъ на Кавказъ и въ Персію воззванія; содержаніе ихъ заключалось въ томъ «что русскій Императоръ предпринимаетъ походъ для наказанія возмутившихся противъ шаха жителей Персіи и для удовлетворенія на счетъ Персіи русскихъ купцовъ, разграбленныхъ еще въ 1712 году».

18-го іюля вся пѣхота посажена была на суда, а кавалерія направлена изъ Царицына сухимъ путемъ.

По прибытіи флотиліи къ острову «Четыре Бугра», отъ шамхала Тарковскаго явился посолъ, съ изъявленіемъ покорности. Петръ I принялъ отъ него присягу на вѣрноподданство и обѣщалъ защиту и покровительство.

Войска высадились между устьями рѣкъ Сулака и Терека; здѣсь Петръ Великій хотѣлъ

дождаться кавалеріи. Но кавалерія во время не подоспѣла по недостатку фуража и воды, а также потому, что на пути была атакована жителями селенія Андреева. Начальникъ авангарда, бригадиръ Ветераній, подходя къ Андрееву съ 4-мя драгунскими полками, не принялъ надлежащихъ мѣръ предосторожности, вслѣдствіе чего былъ внезапно атакованъ въ лѣсу. Но Ветераній искупилъ свою вину: потерявъ еще убитыми и ранеными 70 человѣкъ, онъ разбилъ на голову андреевцевъ, а самое селеніе, состоявшее тогда изъ 3000 дворовъ, совершенно разорилъ.

Такъ какъ кавалерія была уже не далеко, то, чтобы не терять даромъ времени, Петръ Великій приказалъ устроить камышевые плоты, и 6-го августа переправился на нихъ черезъ рѣку Сулакъ.

Пройдя съ отрядомъ на югъ, онъ остановился лагеремъ на берегу Каспійскаго моря, недалеко отъ бывшаго Низоваго укрѣпленія, гдѣ теперь находится городъ Петровскъ.

Здѣсь шамхалъ Тарковскій опять явилъ доказательство своей покорности, приславъ арбы для поднятія тяжестей, скотъ для продовольствія войскъ и три персидскія лошади, изъ коихъ одна имѣла окованное въ серебро сѣдло. По прибытіи кавалеріи, русскія войска двинулись въ Тарки.

Шамхалъ Адиль-Гирей выѣхалъ за 5 верстъ встрѣтить Русскаго Императора, и предложилъ въ его распоряженіе свои войска. Но Петръ I, обласкавъ и одаривъ шамхала, предложеніе его, однако, не принялъ. При движеніи изъ Тарковъ къ Дербенту наши войска понесли небольшой уронъ при нападеніи уцмія Каракайтахскаго. Въ это время уцміемъ былъ Ахметъ-ханъ, человѣкъ очень хитрый, лукавый и преданный Персіи. Его владѣнія состояли изъ верхняго и нижняго Кайтаха; они граничили къ сѣверу шамхальствомъ Тарковскимъ, къ югу Дербентской провинціею и Табасаранью, къ западу ханствомъ Казикумухскимъ. Въ самомъ Кайтахѣ считалось болѣе 20.000 дворовъ, кромѣ того уцмію подчинялось воинственное акушинское общество.

Ахметъ-ханъ рѣшился противиться дальнѣйшему движенію русскихъ. Съ этой цѣлью онъ собралъ до 16.000 человѣкъ и недалеко отъ селенія Буйнаки атаковалъ наши войска, но былъ совершенно разбитъ, потерявъ болѣе 1.000 человѣкъ убитыми и ранеными.

Русскіе сожгли въ нижнемъ Кайтахѣ селенія и захватили до 11.000 крупнаго и мелкаго скота.

Всѣ плѣнные были повѣшены, въ отомщеніе за распоряженіе Ахметъ-хана повѣсить казаковъ, посланныхъ отъ имени Государя съ миролюбивымъ письмомъ. Затѣмъ Петръ Великій двинулся къ Дербенту; жители этого города не защищались, а по приближеніи русскихъ встрѣтили ихъ хлѣбомъ и солью и вынесли ключи отъ города.

Дальше Петръ I не пошелъ, вслѣдствіе того, что суда, везшія провіантъ изъ Астрахани, были разбиты бурею. Оставивъ въ Дербентѣ гарнизонъ, подъ начальствомъ генерала Матюшкина, назначеннаго управляющимъ покоренныхъ земель, Императоръ выступилъ обратно на Сулакъ. По прибытіи къ этой рѣкѣ, онъ заложилъ крѣпость Св. Креста и снабдилъ ее всѣмъ необходимымъ; сюда же былъ переведенъ почти весь гарнизонъ изъ крѣпости Терки.

Для подкрѣпленія Матюшкина отправлены прибывшіе въ крѣпость Св. Креста 40.000 калмыковъ и 1.000 человѣкъ донскихъ казаковъ. Посланный отрядъ, проходя черезъ Каракайтахъ, разбилъ на всѣхъ пунктахъ уцмія, забралъ много добычи и 350 плѣнныхъ.

Въ сентябрѣ 1722 года Петръ Великій возвратился въ Астрахань. Уѣзжая, Императоръ поручилъ командованіе войсками генералу Матюшкину, приказавъ ему въ слѣдующемъ году овладѣть городомъ Баку.

*

Въ 1723 году Матюшкинъ вышелъ съ отрядомъ изъ Дербента и направился въ Баку; одновременно съ нимъ изъ Астрахани, подъ начальствомъ Шипова, отправленъ былъ другой отрядъ на судахъ, въ персидскую провинцію Гилянь. Петръ Великій придавалъ очень важное значеніе городу Баку, что явствуетъ изъ письма его къ Матюшкину: «идтить къ Бакѣ какъ наискорѣе и тщиться оный городъ съ помощью Божіей конечно достать, понеже ключь всему нашему дѣлу оный»[1].

Приплывъ въ Баку, Матюшкинъ потребовалъ сдачи города, но жители отказали. Тогда высажены были 4 баталіона; на берегу устроили батарею[2], и поставивъ въ ней 4 гаубицы, открыли стрѣльбу по городу. Бомбардированіе, веденное день и ночь, заставило, бакинцевъ 27-го іюля сдать городъ. Въ 1723 году, 12-го сентября, былъ заключенъ между Россіей и Персіей мирный договоръ, по которому послѣдняя уступила Россіи въ вѣчное владѣніе Дербентъ, Баку, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ.

Въ концѣ 1723 года генералъ Матюшкинъ, во всеподданнѣйшемъ донесеніи Императору Петру, испрашивалъ разрѣшенія образовать изъ находившихся на Кавказѣ и въ персидскихъ провинціяхъ баталіоновъ, полки, что облегчало управленіе корпусомъ. Петръ Великій далъ свое согласіе и приказалъ образованные полки назвать по именамъ занятыхъ провинцій[3].

По этому поводу между Петромъ Великимъ и генераломъ Матюшкинымъ происходила переписка.

Матюшкинъ писалъ Петру I: «Низоваго корпуса пѣхотные 18 баталіоновъ повелѣли учинить полками, а когда сведутся какія давать званія?»

Рѣшеніе: «Давать имена по мѣстамъ».

«Гренадерскіе два баталіона полкомъ учинить, или къ каждому пѣхотному полку опредѣлить по ротѣ гренадеръ?»

Рѣшеніе: «лучше по полкамъ роты учинить»[4].

На этомъ основаніи 9-го іюня 1724 года въ крѣпости Св. Креста сформированъ былъ *Астрабатскій пѣхотный полкъ* (нынѣ Апшеронскій); для сформированія его взяты слѣдующія части: *рота гренадерскаго Зыкова полка, четыре роты Великолуцкаго и четыре роты Шлиссельбургскаго пѣхотныхъ полковъ*[5].

Войдя въ составъ полка, эти части образовали одну гренадерскую и семь фузилерныхъ ротъ. Въ ротѣ находилось 4 оберъ-офицера и 157 нижнихъ чиновъ, а въ полку: 3 штабъ-офицера, 34 оберъ-офицера, 1265 нижнихъ чиновъ, 139 нестроевыхъ и 56 деньщиковъ — всего 1497 человѣкъ.

Первымъ командиромъ полка назначенъ полковникъ Иванъ Шванъ.

Всего сформировано 9 полковъ: 1) Астрабатскій, нынѣ Апшеронскій; 2) Дербентскій, поступилъ въ составъ Нижегородскаго; 3) Бакинскій—впослѣдствіи поступилъ въ составъ Москов-

---

[1]) Исторія Соловьева.

[2]) Остатки этой батареи подъ названіемъ «Урусъ Кале» существуютъ и до сихъ поръ.

[3]) Дѣло № 110. Военно-Ученый Архивъ.

[4]) Дѣло № 110. Военно-Ученый Архивъ.

[5]) Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ основаніе свое ведетъ со времени учрежденія въ Россіи регулярной арміи, взамѣнъ уничтоженнаго войска стрѣльцевъ. 25-го іюня 1700 года, въ Москвѣ сформированъ былъ пѣхотный Матвѣя Трейдена полкъ, въ составѣ 10 ротъ. Численный составъ полка былъ въ 1322 человѣка. Въ 1703 году онъ названъ пѣхотнымъ Повиша полкомъ. 12-го октября 1704 года приведенъ въ составъ двухъ баталіоновъ, каждый изъ 4-хъ фузилерныхъ, съ одною гренадерскою ротою, и въ немъ положено имѣть 1364 человѣка. 10-го марта 1708 года, при общемъ переименованіи полковъ по провинціямъ и городамъ, названъ Шлиссельбургскимъ пѣхотнымъ. 9-го іюня 1724 года отъ полка отдѣленъ одинъ баталіонъ на сформированіе Астрабатскаго, нынѣ Апшеронскаго пѣхотнаго полка.

Великолуцкій полкъ сформированъ былъ въ 1700 году, 25-го іюня, княземъ Репнинымъ и названъ пѣхотнымъ Николая фонъ-Вердена полкомъ; съ 1702 года именовался пѣхотнымъ Дедюта; 10-го марта 1708 года — Луцкимъ, а въ 1724 году — Великолуцкимъ. Гренадерскій Зыкова полкъ сформированъ былъ въ 1710 году и названъ гренадерскимъ князя Барятинскаго полкомъ или 2-мъ гренадерскимъ. 7-го мая 1722 года названъ гренадерскимъ Зыкова полкомъ.

4) Ширванскій, и нынѣ того-же названія; 5) Зинзилянскій—въ 1773 году разформированъ; 6) Рящинскій—поступилъ въ составъ Сибирскаго полка; 7) Гирканскій — въ составъ Архангелогородскаго полка; 8) Мазандеранскій — въ составъ Псковскаго полка и 9) Дагестанскій — въ составъ Вологодскаго полка; значитъ изъ всѣхъ сформированныхъ въ 1724 году полковъ остались только два — Апшеронскій и Ширванскій.

По сформированіи полка, онъ въ томъ-же году былъ двинутъ изъ крѣпости Св. Креста въ Дербентъ, а въ 1725 году принялъ участіе въ подавленіи возстанія въ Дагестанѣ.

Въ 1726 году составъ и численность Астрабатскаго полка уменьшилась, вслѣдстіе отдѣленія одной фузилерной роты на сформированіе новаго — Кескерскаго полка; затѣмъ въ томъ же году прибыло изъ Россіи на Кавказъ еще 5 полковъ, которые вмѣстѣ съ находившимися уже здѣсь, образовали Низовый корпусъ [6]. Астрабатскій полкъ, какъ и всѣ остальные полки Низоваго корпуса, считался «нештатнымъ» и включенъ въ число штатныхъ только въ 1745 году. Въ 1725 году шамхалъ Адиль-Гирей, подстрекаемый уцміемъ Ахметъ-ханомъ, обѣщавшимъ ему помощь, измѣнилъ намъ; за это онъ, будучи взятъ въ плѣнъ, отправленъ въ городъ Колу, гдѣ и умеръ. Достоинство шамхала уничтожено, а самое Шамхальство Тарковское присоединено къ Россіи. Тогда Ахметъ-ханъ, изъ боязни подвергнуться такой же участи, самъ принялъ подданство Россіи. Ему оставлены были всѣ доходы съ имѣній и кромѣ того назначено жалованье въ 2.000 рублей, а уцмій съ своей стороны обязался со всѣми подвластными народами участвовать вмѣстѣ съ русскими въ военныхъ дѣйствіяхъ. Одновременно съ нимъ присягнули на вѣрноподданство общества Акуша и Табасарань.

Въ 1725 году умеръ Петръ Великій, а вмѣстѣ съ нимъ и его широкіе планы относительно Кавказа. Правительство наше тяготилось персидскими дѣлами и не употребляло энергичныхъ мѣръ для упроченія за Россіею покореннаго края.

Въ 1727 году, на мѣсто уволеннаго по болѣзни генерала Матюшкина, назначенъ былъ генералъ князь Долгоруковъ; онъ нашелъ необходимымъ занять весь берегъ моря отъ Ряща до Сальянъ. Предпріятіе это, произведенное съ колонною изъ 500 человѣкъ пѣхоты и 300 драгунъ, было совершено безъ кровопролитія. Астара, Ленкорань и Кизилъагачь покорились. Въ Астарѣ и Джилѣ были возведены два полевыхъ укрѣпленія. Князь Долгоруковъ прошелъ берегомъ моря до рѣки Куры, а оттуда черезъ Баку возвратился въ Дербентъ.

Тѣмъ не менѣе, нападенія и возмущенія въ Гиляни не прекращались; персіяне съ настойчивостью насъ тревожили и старались затруднять сообщенія между занятыми укрѣпленіями; но, по обыкновенію, терпѣли вездѣ пораженія и несли большой уронъ. Появившійся въ раздираемой бѣдствіями Персіи самозванецъ Измаилъ, выдававшій себя за сына и законнаго наслѣдника шаха, рѣшилъ произвести нападеніе на насъ съ двухъ сторонъ: отъ Кескера и Лагиджана. Но въ первой же встрѣчѣ съ колонною маіора Мартынова, 24-го октября, непріятель былъ разбитъ и обратился въ бѣгство; у Лагиджана-же, куда прибылъ самъ генералъ Левашевъ, самозванца уже не застали, но за то встрѣтились съ другимъ противникомъ — персидскимъ визиремъ, котораго и разбили на голову, отнявъ у него три пушки и нѣсколько плѣнныхъ. Лагиджанъ былъ занятъ и тамъ оставленъ гарнизонъ, подъ начальствомъ подполковника Фишбекера.

Въ 1727 году пришлось имѣть дѣло съ новымъ непріятелемъ. Одинъ изъ военачальниковъ афганистанскихъ, Салдинъ-ханъ, самовластно распоряжавшійся большею частью персидскаго государства, вздумалъ овладѣть и провинціями, занятыми русскими войсками. Въ

[6] Въ корпусѣ были слѣдующіе полки: Астрабатскій, Мазандеранскій, Рящинскій, Кескерскій, Бакинскій, Дербентскій, Зинзилянскій, Ширванскій, Дагестанскій, Ленкоранскій, Кергерутскій, Астаринскій, Аджеруцкій, Куринскій и Тенгинскій.

декабрѣ мѣсяцѣ Салдинъ-ханъ съ 4.000 человѣкъ прибылъ въ Мазандеранъ и потребовалъ отъ генерала Левашева очищенія Гиляни. Въ отвѣтъ на это Левашевъ предложилъ ему немедленно оставить Мазандеранъ, какъ провинцію уже принадлежащую Россіи. Салдинъ-ханъ рѣшился попытать счастія и двинулся къ Лагиджану. На встрѣчу афганцамъ выступилъ маіоръ Юрасовъ съ 250 человѣкъ, и 20-го декабря непріятель потерпѣлъ жестокое пораженіе, потерявъ до 600 человѣкъ и 450 лошадей; у насъ было 6 убитыхъ и 28 раненыхъ.

Начало 1728 года ознаменовалось встрѣчами нашихъ войскъ съ полчищами самозванца Измаила. Разбитый въ январѣ при Шефи и за рѣкою Кисмою, онъ въ мартѣ появился на дорогѣ къ Рутуму. Генералъ Левашевъ послалъ противъ него подполковника Шепинга съ 300 человѣкъ. Непріятель былъ разбитъ, опрокинутъ въ рѣку Кизиль-Узейнъ съ потерею до 150 человѣкъ[7].

Произведенный въ фельдмаршалы, князь Долгоруковъ уѣхалъ въ Петербургъ, поручивъ командованіе войсками генералу Левашеву.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, въ 1732 году, по трактату, заключенному въ Рештѣ, Шаху Тахмасибу уступлены всѣ земли по правый берегъ Куры. Генералъ Левашевъ вывелъ гарнизоны изъ укрѣпленій и сосредоточилъ ихъ въ Баку. Вслѣдъ за тѣмъ полки были размѣщены на постоянныя квартиры, причемъ Апшеронскій полкъ сталъ въ городѣ Дербентѣ и окрестныхъ деревняхъ[8].

7-го ноября того же года измѣнены названія полковъ и Астрабатскій полкъ названъ *Апшеронскимъ*.

31-го октября 1732 года, военная коллегія представила Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующій докладъ: «Сего октября 24 дня, писалъ въ военную коллегію генералъ и кавалеръ Левашевъ, что шаха персидскаго посолъ Мирза-Ибрагимъ, съ которымъ въ Гиляни, по указу Вашего Императорскаго Величества, между Вашимъ Величествомъ и шахомъ персидскимъ мирный трактатъ учиненъ чрезъ посланныхъ съ нимъ, генераломъ, для провожденія и удовольства подводъ и фуража секретаря Мирзы Мухамедъ-Алія и перваго слугу Мирхазана, къ нему генералу приказывалъ и яко-бы по дружбѣ спрашивать велѣлъ, многіе-де россійскіе бывшіе въ Персіи полки и до нынѣ званіями персидскихъ провинцій именуются, которыя-де провинціи, по трактату по Куру рѣку въ персидской сторонѣ оставлены, и по званію-де тѣхъ полковъ не имѣется ли съ россійской стороны въ персидскія провинціи, въ Гилянь прочія мѣста, вновь ко вступленію намѣренія, чтобъ онъ генералъ о томъ имъ знать далъ, на что помянутымъ отъ него сказано, что между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и шахомъ персидскимъ учиненной трактатъ, со стороны Вашего Императорскаго Величества во всемъ въ своей силѣ, всегда ненарушимо содержанъ будетъ и дабы шахово Величество и онъ посолъ въ томъ сомнѣнія не имѣли и тако чтобъ шахъ персидской и по легкомыслію вся Персія въ томъ не сомнѣвалися и не конфузилися, или не по непостоянству персидскому, учиненной трактатъ не былъ-бы въ чемъ поврежденъ, до будущаго Вашего Императорскаго Величества указа, полки персидскихъ провинцій званія имѣвшія наименовалъ онъ новыми званіями, которымъ при семъ прилагается реестръ.

«Того ради, военная коллегія всеподданнѣйше требуетъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа, оные полки отъ сего времени прежними званіями или вновь отъ него генерала данными именовать».

---

7) Зиссерманъ. Исторія Кабардинскаго полка. Томъ I, стр. 25.

8) Въ Дербентѣ: Апшеронскій, Дербентскій, Кабардинскій, Нашебургскій и баталіонъ Дагестанскаго; въ Баку: Ширванскій, Сальянскій, Бакинскій и Куринскій; въ крѣпости Низовой: Навагинскій и Низовскій; въ крѣпости Св. Креста: Тенгинскій и баталіонъ Дагестанскаго.

Реестръ полкамъ Персидскаго корпуса.

Прежняго званія.	Вновь наименованы.	Прежняго званія.	Вновь наименованы.
Рящинской.	Каспійской.	Ранокуцкой.	Кабардинской.
Астрабатской.	*Апшеронской.*	Ленкоранской.	Нашебурской.
Мазандеранской.	Ставропольской.	Кергеруцкой.	Сальянской.
Гирканской.	Сулацкой.	Астаринской.	Низовской.
Зинзилинской.	Аграханской.	Аджеруцкой.	Навагинской.
Кескерской.	Кавказской.	Куринской.	по прежнему Куринской.
Бакинской.	Бакинской.	Тенгинской.	по прежнему Тенгинской.
Ширванской.	по прежнему Ширванской.		
Дербентской.	по прежнему Дербентской.		
Дагестанской.	по прежнему Дагестанской.		

На подлинномъ докладѣ написано тако: «Именовать новыми званіями по приложенному при семъ реестру, токмо впредь безъ доклада Нашего полкамъ званіе не перемѣнять». Анна.

Въ началѣ 1733 года, генералъ Левашевъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ командованія войсками и вмѣсто его назначенъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Съ пріѣздомъ послѣдняго, въ Дагестанѣ начался рядъ возмущеній, съ которыми, неопытный и совершенно незнакомый съ мѣстными условіями, принцъ Гомбургскій справиться не могъ.

Вскорѣ появился новый врагъ: 20.000 крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ султана Фахты-Гирея, двигались черезъ Кавказъ въ Персію. Чтобы остановить татаръ, принцъ Гомбургскій выслалъ изъ крѣпости Св. Креста отрядъ, въ 1.000 человѣкъ пѣхоты, 1.000 драгунъ при 10-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Еропкина.

Сначала отрядъ нашъ направился къ Червленой; но когда получено было извѣстіе, что Фахты-Гирей переправился уже черезъ рѣки Терекъ и Сунжу, то Еропкинъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ крѣпости Св. Креста, поворотилъ назадъ и остановился у станицы Щедриной. Въ тоже время принцъ Гомбургскій послалъ полковника князя Волконскаго съ небольшою колонною къ Горечаю [9], а вслѣдъ за нимъ и самъ выступилъ.

Фахты-Гирей прислалъ къ принцу парламентера, съ требованіемъ пропустить татаръ, но получилъ отказъ; тогда онъ рѣшился силою проложить себѣ дорогу. Присоединивъ къ татарамъ нѣсколько тысячъ чеченцевъ, султанъ направился къ Горечаю и атаковалъ Волконскаго. Построившись въ карре, наша колонна мужественно отбивала всѣ атаки. Наконецъ, къ 7-ми часамъ вечера на помощь прибылъ со всѣми силами принцъ Гомбургскій. Не давъ времени устроиться пришедшимъ войскамъ, непріятель съ яростію атаковалъ ихъ и потѣснилъ лѣвое крыло. Но сосредоточенный огонь изъ орудій разстроилъ татаръ и заставилъ ихъ обратиться въ бѣгство. Непріятель оставилъ на мѣстѣ около 1.000 тѣлъ, русскій отрядъ потерялъ 78 убитыми и 53 ранеными. Фахты-Гирей отступилъ.

Не смотря на одержанную побѣду, положеніе наше не улучшилось: волненіе въ Дагестанѣ разросталось; вскорѣ всѣ дагестанскіе горцы подняли знамя возмущенія и поспѣшили на соединеніе съ крымскими татарами.

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать энергично и постараться разбить непріятеля по частямъ, принцъ Гомбургскій счелъ болѣе благоразумнымъ запереться въ крѣпостяхъ, что дало возможность крымскому султану безпрепятственно пройти весь Дагестанъ. Онъ подошелъ къ Дербенту и, соединившись съ уцміемъ Каракайтахскихъ, сдѣлалъ попытку къ овладѣнію городомъ, но потерпѣлъ неудачу и направился въ Персію.

---

9) Вѣроятно, нынѣшній аулъ Исти-су.

Опасаясь наказанія за измѣну, уцмій призвалъ на помощь Сурхай-хана Шемахинскаго и сталъ укрѣпляться въ главномъ городѣ своихъ владѣній Башлы. Прежде, чѣмъ Сурханъ-ханъ успѣлъ явиться на призывъ, уцмій потерпѣлъ заслуженное наказаніе.

17-го сентября изъ Дербента былъ двинутъ въ Кайтахъ отрядъ, численностью въ 6.000 человѣкъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ; въ составъ его вошелъ весь дербентскій гарнизонъ, а слѣдовательно и Апшеронскій полкъ. Командовалъ отрядомъ генералъ-маіоръ Еропкинъ.

21-го сентября русскія войска подошли къ Башлы и въ тотъ же день взяли городъ штурмомъ и совершенно его разорили, потерявъ 370 человѣкъ убитыми и ранеными. Уронъ горцевъ былъ весьма великъ, однихъ убитыхъ насчитывалось болѣе 400 человѣкъ [10].

Разгромъ Башлы навелъ такой страхъ на возмутившихся дагестанцевъ, что волненіе быстро улеглось.

Но не прошло и года, какъ завоеванныя провинціи, стоившія намъ столько крови и денегъ, были уступлены Персіи и владычество русскихъ въ Дагестанѣ окончилось.

Ганжинскимъ трактатомъ 10-го марта 1735 года, Дербентъ, Баку и Кубинское ханство возвращены Персіи, и граница наша отодвинулась къ рѣкѣ Сулаку. Мотивами къ заключенію такого невыгоднаго для трактата послужили страшныя эпидемическія болѣзни, свирѣпствовавшія на Кавказѣ и уносившія массу жертвъ изъ рядовъ русскаго корпуса. Управленіе Прикаспійскимъ краемъ обошлось Россіи около 200.000 солдатъ и болѣе 12 милліоновъ рублей.

Сдавъ Персіи уступленныя ей провинціи, генералъ Левашевъ посадилъ войска Низоваго корпуса на суда и отплылъ въ Астрахань, куда прибылъ въ концѣ 1735 года.

Въ началѣ 1736 года, Апшеронскій полкъ направился изъ станицы Усть-Медвѣдицкой въ крѣпость Св. Анны, гдѣ и оставался до выступленія къ Азову.

Персидская война, состоявшая изъ маловажныхъ сраженій, безъ всякой между собою связи, не можетъ быть любопытна. Впрочемъ, война эта сдѣлавшись послѣ смерти Петра I совершенно безцѣльной и безполезной для Россіи, все-таки имѣла нѣкоторое значеніе, создавъ среди азіятскихъ народовъ высокое мнѣніе о Россіи, внушивъ имъ страхъ къ нашимъ войскамъ, которыя, не смотря на малочисленность, дѣйствовали почти всегда съ блестящимъ успѣхомъ противъ окружавшихъ ихъ полудикихъ народовъ. Русскіе генералы, въ особенности генералъ Левашевъ, заслуживаютъ глубокое уваженіе и благодарность потомства, за свою по истинѣ изумительную дѣятельность и благоразуміе. Они всегда успѣвали скрывать малочисленность своихъ войскъ и подавляли возмущенія, постоянно возникавшія среди вновь покоренныхъ народовъ. Трудно опредѣлить точно всѣ мѣста, въ которыхъ стоялъ Астрабатскій полкъ за періодъ своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Персидскихъ провинціяхъ, ибо дислокацій частей войскъ за то время не имѣется. Но разсматривая въ архивѣ при управленіи Терскаго казачьяго войска дѣла, привезенныя сюда изъ города Кизляра, намъ пришлось натолкнуться на вѣдомость раненыхъ чиновъ полка, съ показаніемъ его въ Гилянской провинціи; командовалъ имъ подполковникъ Андреасъ Эттонъ. Вѣдомость помѣчена 1729 годомъ.

---

10) Дѣло № 110. Военно-Ученый Архивъ.

Глава Вторая.

Война съ Турціею 1736—1739 гг. — Набѣги крымскихъ татаръ. — Манифестъ о войнѣ съ Турціею. — Приготовленія къ походу.— Образованіе двухъ армій.—Численность и составъ арміи графа Ласси.—Осада Азова.—Вылазки турокъ. — Переходъ Апшеронскаго полка въ передовой лагерь.—Взятіе полкомъ турецкихъ окоповъ. — Сдача Азова.—Роспускъ войскъ на зимнія квартиры.—Очеркъ дѣйствій арміи Миниха. — Кампанія 1737 года. — Союзъ съ Австріею. — Походъ графа Ласси въ Крымъ. — Переправа черезъ Сивашъ.—Взятіе Карасу-Базара.—Сраженіе 15-го іюля у р. Карасу.—Дѣйствія Миниха.—Конгрессъ въ Немировѣ.—Открытіе военныхъ дѣйствій въ 1738 году. — Походъ Ласси въ Крымъ и взятіе Перекопа. — Успѣхи наши въ Европейской Турціи. — Кампанія 1739 года и заключеніе Бѣлградскаго мира.

Результатомъ несчастнаго для Россіи Прутскаго похода Императора Петра Великаго явилась уступка Турціи города Азова, что окончательно убило зарождавшуюся торговлю на Черномъ морѣ. Вслѣдъ за тѣмъ усилились набѣги крымскихъ татаръ на южныя наши границы и всѣ жалобы русскихъ посланниковъ въ Константинополѣ на безчинства татаръ оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ 1735 году крымскіе татары напали на Украйну, увели въ плѣнъ множество жителей, забрали весь скотъ и разорили села. На сдѣланное по этому поводу оттоманскому правительству представленіе, оно отвѣтило, что хотя крымскіе татары и находятся подъ покровительствомъ Порты, но что она не имѣетъ возможности помѣшать или удержать татаръ отъ набѣговъ.

Наконецъ, вопреки заключенному съ Россіею трактату, Турція направила черезъ русскія владѣнія въ Персію крымскаго хана съ 20.000 татаръ. Истощивъ все терпѣніе, Императрица Анна Іоанновна рѣшилась объявить Турціи войну, которая и была обнародована въ Манифестѣ 2-го іюня 1736 года.

Полкамъ велѣно было справлять свою походную амуницію. Фельдмаршалъ Минихъ снова завелъ пики, которыя вышли изъ употребленія послѣ Ништадтскаго мира. Каждый полкъ обязанъ былъ имѣть 350 пикъ, каждая длиною въ 18 футъ, а также 20 рогатокъ, длиною въ туазъ.

По поводу рогатокъ, Минихъ въ донесеніи своемъ Императрицѣ, между прочимъ, писалъ, что «находитъ ихъ необходимыми, не дознавъ собственнымъ опытомъ сей отяготительной обороны» [1]. Впрочемъ, онѣ приносили нѣкоторую пользу: лишь только войска становились лагеремъ, какъ выставлялись рогатки и армія была обезпечена отъ нечаяннаго нападенія. За то пики были безполезны и затрудняли солдатъ въ походѣ (вторая шеренга несла пики); кромѣ того, приходилось увеличивать обозъ каждаго полка двумя подводами, на которыя складывались пики больныхъ. Минихъ распорядился также освободить

[1] Дѣло № 121. Военно-Ученый Архивъ.

офицеровъ и унтеръ-офицеровъ отъ эспонтоновъ и алебардъ, замѣнивъ ихъ болѣе удобными короткими ружьями со штыками.

Немедленно, по объявленіи войны, составленъ былъ планъ кампаніи. Всѣ войска, предназначенныя для военныхъ дѣйствій, раздѣлены были на двѣ арміи и каждая изъ нихъ имѣла свою задачу. Одна армія направлялась къ Азову, чтобы овладѣть этою крѣпостью; экспедиція противъ Азова получила названіе «Донской»; другая армія наступала въ Крымъ и экспедиція получила названіе «Днѣпровской». Съ началомъ дѣйствій обѣихъ армій, владѣтель калмыковъ, Дондукъ-Омбо съ калмыками и нѣсколькими тысячами донскихъ казаковъ двигался къ р. Кубани, съ цѣлью удержать закубанскихъ горцевъ отъ поданія помощи Туркамъ.

Въ составъ арміи, направленной противъ Азова, вошли полки бывшаго Низоваго корпуса, отозваннаго съ Кавказа въ концѣ 1735-го года, въ числѣ ихъ находился и Апшеронскій. Общая численность войскъ въ обѣихъ арміяхъ простиралась до 90 т. человѣкъ. У фельдмаршала Ласси находилось: 18 пѣхотныхъ полковъ (въ томъ числѣ Апшеронскій, подъ командою полковника Фридриха Ломана)[2], гарнизонныхъ пѣхотныхъ полковъ—5 и драгунскихъ 1, полевыхъ драгунскихъ полковъ 5, безконныхъ 1; осадной артиллеріи 626 ч. и 70 пушекъ, минерная рота—212 ч. и 8 т. казаковъ. Кромѣ того взято изъ крѣпости Св. Анны (на лѣвомъ берегу Дона около Старочеркаска), 60 чугунныхъ пушекъ и 33 мортиры; при полевыхъ полкахъ находилось 36 пушекъ. Въ арміи, подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, было 55 пѣхотныхъ и гарнизонныхъ полковъ, конницы 30.130 человѣкъ, 109 орудій, 7 гаубицъ и 3 мортиры.

Для довольствія войскъ устроены были запасные склады на Дону, по Днѣпру и въ южныхъ пограничныхъ губерніяхъ. На Дону существовали магазины въ слѣдующихъ пунктахъ: въ крѣпости Св. Анны, въ Азовѣ, «по взятіи сей крѣпости, аще Господь поможетъ»[3], въ Усть-Хопрѣ, Лугани, Изюмѣ, Палуйкахъ, Тавридѣ и др.; всего на 150.000 четвертей. Магазины пополнялись хлѣбомъ, доставляемымъ изъ Малороссіи, изъ Воронежской и другихъ пограничныхъ губерній. Кромѣ того, при арміяхъ всегда слѣдовалъ подвижной запасный провіантъ на 3 мѣсяца. Для раненыхъ и больныхъ учреждены госпиталя, изъ нихъ главный и армейскіе лазареты находились въ Лубнахъ и окружныхъ мѣстечкахъ. Убыль дѣйствующихъ армій пополнялась изъ гарнизонныхъ войскъ, куда приходили и обучались рекруты. Такимъ образомъ, полки не обременялись множествомъ совершенно необученныхъ новобранцевъ, переходившихъ прямо отъ плуга къ ружью. Въ виду того, что предполагаемыя военныя дѣйствія должны были происходить въ безводныхъ степяхъ, заранѣе изготовлены были солдатами фляги для воды.

Командующій обѣими арміями, фельдмаршалъ графъ Минихъ, предполагалъ начать военныя дѣйствія осадой крѣпости Азова, послѣ чего приступить къ наступательной войнѣ въ Крыму. Гарнизонъ Азова состоялъ изъ 2.000 янычаръ и тысячи татаръ, кромѣ того много татаръ кочевало около крѣпости. Разлитіе р. Дона и постоянныя бури въ Азовскомъ морѣ не позволяли туркамъ усилить гарнизонъ, хотя они и знали, что первый ударъ Русскихъ войскъ обрушится на эту крѣпость. 8-го марта 1736 года графъ Минихъ прибылъ въ крѣпость Св. Анны, а на другой день здѣсь состоялся военный совѣтъ. Общее мнѣніе генераловъ заключалось въ томъ, чтобы немедленно двигаться къ Азову, разсѣять и отбросить за Кубань кочующихъ у крѣпости татаръ и затѣмъ начать правильную осаду ея.

---

[2]) Полки: Апшеронскій, Азовскій, Рязанскій, Пермскій, Вятскій, Вологодскій, Выборгскій, Казанскій, Дагестанскій, Бакинскій, Ширванскій, Дербентскій, Кабардинскій, Нашебургскій, Низовскій, Навагинскій и Куринскій.

[3]) Изъ донесенія фельдмаршала Миниха.

Число войскъ, назначенныхъ къ дѣйствіямъ подъ Азовомъ, простиралось до 9.250 человѣкъ пѣхоты и конницы [4]; къ нимъ должны были присоединиться въ концѣ апрѣля еще 9.000 человѣкъ.

16-го марта русскій корпусъ переправился черезъ р. Донъ; полковыя лошади, рогатки и прочія тяжести оставлены на правомъ берегу рѣки, ибо переправа ихъ заняла бы чрезвычайно много времени. 17-го числа свирѣпствовала страшная буря и войска, сдѣлавъ переходъ только въ 13 верстъ, остановились на ночлегъ противъ Черкаска. На другой день графъ Минихъ вступилъ въ турецкую территорію; здѣсь къ нему присоединилась колонна войсковаго старшины Краснощекова, состоявшая изъ 3.000 регулярныхъ и 2.000 нерегулярныхъ войскъ [5]. Передъ Азовомъ, на лѣвомъ берегу р. Дона, у турокъ существовала оборонительная линія, съ нѣсколькими отдѣльными укрѣпленіями, называемыми каланчами. 20-го апрѣля графъ Минихъ отрядилъ для занятія каланчей особую колонну изъ 500 человѣкъ пѣхоты и 1.200 донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Сперрейтера.

Предпріятіе было выполнено съ успѣхомъ и въ тотъ же день войска заняли Скапинскій окопъ, послѣ чего расположились лагеремъ подъ Азовомъ. Не сомнѣваясь больше въ намѣреніяхъ русскихъ, турки зажгли сигнальные огни и открыли пальбу изо всѣхъ орудій, призывая жителей окрестныхъ селеній и кочующихъ татаръ спасаться за стѣнами крѣпости. Но какъ жители, такъ равно и татары-кочевники бѣжали за р. Кубань, будучи преслѣдуемы нашими казаками. У самой крѣпости находился непріятельскій фортъ, господствовавшій надъ окружавшею мѣстностью [6]. Для болѣе свободной и правильной осады Азова надлежало предварительно взять этотъ фортъ, поэтому 23-го числа предпринятъ былъ штурмъ его. Штурмовая колонна, предводимая храбрымъ генералъ-маіоромъ Сперрейторомъ, быстро овладѣла фортомъ, гдѣ взяты въ плѣнъ 50 янычаръ и одинъ ага; въ укрѣпленіи найдено 2 орудія и 2 знамени. Наша потеря убитыми и ранеными заключалась въ 1 офицерѣ и 15 рядовыхъ.

24-го апрѣля къ осадному корпусу прибылъ фельдмаршалъ графъ Ласси, а графъ Минихъ отправился къ своей арміи, чтобы двинуться съ нею въ Крымъ. Произведя осмотръ мѣстности и блокируемой крѣпости, графъ Ласси сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ мортирной батареи; она была окончена 26-го числа и первая же удачно брошенная бомба произвела среди осажденныхъ страшный переполохъ.

Съ этого дня началась усиленная бомбардировка крѣпости изъ мортирной батареи и изъ 70-ти, 12-ти и 6-ти фунтовыхъ пушекъ. Изъ рапорта генералъ-лейтенанта Левашева фельдмаршалу Ласси видно, что при осадѣ Азова находилось: пѣхоты 9.495 человѣкъ, казаковъ 3.881 человѣкъ, артиллеристовъ, инженерныхъ войскъ и піонеровъ 524 человѣка. Въ корпусѣ показано больныхъ 710 человѣкъ.

Для достиженія вѣрнѣйшаго успѣха, Ласси приказалъ усилить осадную линію и вести атаку съ двухъ сторонъ: одну южнѣе крѣпости, а другую сѣвернѣе,—по рѣкѣ Дону, противъ Алексѣевскаго кронверка. Для работъ съ южной стороны отряжено было 1.000 человѣкъ и столько же въ прикрытіе рабочихъ; для работъ съ сѣверной стороны—500 человѣкъ и столько же въ прикрытіе. Желая отрѣзать гарнизону сообщеніе съ моремъ, фельдмаршалъ приказалъ возможно поспѣшнѣе соорудить редуты у устья рѣки Дона и вооружить ихъ орудіями*). 7-го мая получено было извѣстіе о томъ, что Дондукъ-Омбо

4) Въ числѣ пѣхоты находился Апшеронскій полкъ.

5) Во всѣхъ донесеніяхъ Миниха и Ласси иррегулярная кавалерія называется «не регулярная», или «неправильныя войска». Иногда регулярная пѣхота и конница называется «правильной».

6) Въ донесеніи этотъ фортъ названъ «Лютикомъ».

*) См. планъ осады крѣпости Азова (№ 1).

съ калмыками и казаками разгромилъ 30.000 кочевыхъ татаръ; послѣдніе потеряли много убитыми, въ плѣнъ взято до 10 тысячъ человѣкъ. Это весьма радостное для насъ извѣстіе, дойдя до защитниковъ крѣпости, произвело на нихъ удручающее впечатлѣніе,—разбитіе кочевниковъ лишало гарнизонъ послѣдней надежды на помощь. Тѣмъ не менѣе, комендантъ Азова, Ибрагимъ-Ага, рѣшилъ упорно защищаться. Почти ежедневно, во все время осады, происходили болѣе или менѣе значительныя стычки съ выходившими на вылазку турками. 8-го мая, когда наша линія параллелей уже достаточно приблизилась къ крѣпости, Ласси нашелъ необходимымъ перенести лагерь ближе къ параллелямъ, чтобы имѣть подъ рукою и резервъ на случай вылазокъ осажденныхъ. Линія лагеря была разбита и того же числа туда отправленъ генералъ-маіоръ Де-Бриньи, которому графъ Ласси поручилъ избрать мѣста для полковъ; въ прикрытіе ему назначено 150 гренадеръ и 120 казаковъ. Въ циркуль-валаціонной линіи 300 конныхъ и 500 пѣшихъ янычаръ произвели сильное нападеніе на прикрытіе, но были съ урономъ отбиты. Наша потеря заключалась въ 5-ти убитыхъ и 64 раненыхъ. Вторую сильную вылазку непріятель произвелъ 16-го мая. Въ этотъ день 2.600 человѣкъ солдатъ и 112 казаковъ, подъ прикрытіемъ 650 человѣкъ, занимались осадными работами. Около 3-хъ часовъ пополудни въ лагерѣ услышали сильную пальбу, производимую въ передовой линіи. Оказалось, что непріятель, собравшись въ большомъ числѣ за палисадами, сталъ выходить оттуда, а гарнизонъ открылъ со стѣнъ крѣпости сильный огонь по работавщимъ войскамъ. На помощь поспѣшилъ находившійся вблизи маіоръ (фамилія его осталась неизвѣстной) съ 800 человѣкъ, но совершенно неожиданно попалъ подъ перекрестный огонь турокъ, и видя, что изъ Азова противъ него идетъ особая колонна, рѣшилъ отступить. Положеніе работавшихъ войскъ становилось весьма критическимъ; но на выручку подоспѣлъ самъ фельдмаршалъ Ласси съ 200 человѣкъ. Онъ присоединилъ къ себѣ отступавшихъ 800 человѣкъ и успѣлъ прогнать непріятеля за палисады. Сильный ружейный и орудійный огонь не умолкалъ до захожденія солнца. Потеря наша во время вылазки была весьма велика: 2 оберъ-офицера и 19 рядовыхъ убито, 1 штабъ-офицеръ, 3 оберъ-офицера и 187 рядовыхъ ранено. Въ этотъ день въ крѣпость было брошено 299 бомбъ.

18-го мая Апшеронскій полкъ, вмѣстѣ съ Дагестанскимъ пѣхотнымъ и 6-ю драгунскими, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дугласа, направленъ во 2-й передовой лагерь [7]. Съ каждымъ днемъ положеніе осажденныхъ дѣлалось тягостнѣе; это положеніе еще больше ухудшилось, когда исчезла надежда на помощь со стороны Чернаго моря. Турецкій флотъ, подъ начальствомъ капитанъ-паши Джанумъ-Кадія, вступилъ въ Азовское море, съ цѣлью доставить осажденнымъ подкрѣпленіе; но мелководье въ устьи Дона и выгодное положеніе, занятое нашей флотиліей, не позволили туркамъ выполнить своего намѣренія, поэтому флотъ непріятельскій ушелъ обратно въ Черное море. Между тѣмъ, осадныя работы подвигались впередъ. 2-го іюня осажденные сдѣлали вылазку и засыпали часть передовыхъ траншей, но вслѣдъ затѣмъ были обратно вогнаны въ крѣпость; во время преслѣдованія турокъ, наши войска успѣли занять пунктъ близъ крѣпостного палисада и немедленно заложили здѣсь три батареи. 6-го іюня удачно брошенная бомба взорвала въ крѣпости пороховой погребъ, вслѣдствіе чего совершенно разрушено 5 мечетей, до 1.000 домовъ и погибло около 300 человѣкъ. Къ 16-му іюня войска дошли сапою до подошвы крѣпостного окопа. Графъ Ласси, желая ускорить взятіе Азова, отрядилъ для овладѣнія окопомъ командира Апшеронскаго полка, полковника Ломана, съ 1.600 человѣкъ (весь Апшеронскій полкъ) и съ 600 рабочихъ.

---

7) Журналъ военныхъ дѣйствій при осадѣ крѣпости Азова. Дѣло № 125. Военно-Ученый Архивъ.

Въ полночь Ломанъ двинулся къ окопу. Турки защищались съ необыкновеннымъ упорствомъ и взорвали двѣ мины, не принесшія, впрочемъ, войскамъ никакого вреда; но, благодаря храбрости и распорядительности Ломана, а также геройскимъ усиліямъ штурмующихъ упорство непріятеля было сломлено и онъ отступилъ въ крѣпость, потерявъ нѣсколько пушекъ. Наши войска преслѣдовали турокъ до воротъ крѣпости, послѣ чего расположились въ занятомъ окопѣ. Уронъ осажденныхъ простирался до 50 человѣкъ убитыми. 19-го іюня Ибрагимъ-Ага прислалъ къ фельдмаршалу Ласси письмо, въ которомъ предлагалъ приступить къ переговорамъ о сдачѣ. Условія сдачи крѣпости, предложенныя Ибрагимъ-Агою, заключались въ томъ, чтобы гарнизону предоставлено было право выйти изъ Азова съ оружіемъ въ рукахъ, при отданіи ему нашими войсками воинскихъ почестей. Отъ предложенія сдаться военно-плѣнными комендантъ Азова отказался на отрѣзъ и объявилъ, что онъ лучше погребетъ себя и гарнизонъ подъ развалинами крѣпости, чѣмъ согласится на такое условіе. Желая избѣжать большихъ потерь, неминуемыхъ при штурмѣ, когда доведенный до отчаянія гарнизонъ защищался бы съ необыкновеннымъ упорствомъ, графъ Ласси согласился выпустить турокъ на слѣдующихъ условіяхъ: «гарнизонъ крѣпости Азова можетъ свободно выйти вмѣстѣ со всѣми подданными Турціи; каждый турецкій солдатъ можетъ имѣть при себѣ ружье, лукъ, пистолеты и саблю. Гарнизону воинскихъ почестей не отдается и отъ него отбирается подписка не сражаться противъ Русскихъ войскъ въ теченіи одного года». Условія капитуляціи подписаны были 20-го іюня, а на слѣдующій день въ крѣпость введено 3.232 человѣка нашей пѣхоты, которые и заняли всѣ караулы. Въ Азовѣ находилось 3.463 человѣка гарнизона. При взятіи крѣпости освобождено 81 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ и найдено 211 пушекъ, 14 мортиръ, 1 гаубица и множество ружей, сабель, щитовъ и прочаго мелкаго оружія [8]. Комендантомъ взятой крѣпости назначенъ генералъ-маіоръ Сперрейтеръ. И такъ, одна изъ главныхъ задачъ кампаніи 1736 года, т. е. взятіе крѣпости Азова, была выполнена съ успѣхомъ и при сравнительно небольшихъ потеряхъ: за все время осады у насъ убито и безъ вѣсти пропало 268 человѣкъ и 1.060 ранено. Апшеронскаго полка убито гренадеръ 6 и ранено: гренадеръ 1 и мушкетеровъ 19.

Извѣстіе о взятіи Азова принято было въ С.-Петербургѣ съ большою радостью. По этому поводу во всѣхъ церквахъ служились благодарственные молебны, а въ Петропавловскомъ соборѣ прочитано печатное объявленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «...и тако Всемогущаго Бога помощью сей непріятельскій городъ, изъ котораго Всероссійскимъ границамъ и подданнымъ толь великія обиды и чювственныя разоренія приключены, и который отъ вѣроломныхъ турокъ въ 1711 году, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, отъ Россійскаго государства оторванъ былъ, къ вѣчной безопасности тамошнихъ всероссійскихъ границъ и подданныхъ, славнымъ Ея Величества оружіемъ по прежнему къ Россійской Имперіи присовокупленъ».

По соглашенію обоихъ фельдмаршаловъ, Миниха и Ласси, войска «Донской экспедиціи», послѣ взятія Азова, должны были направиться въ Крымъ, чтобы здѣсь дѣйствовать сообща съ арміею графа Миниха. Имѣя это въ виду, Ласси оставилъ у Азова съ 4-мя пѣхотными и 2-мя драгунскими полками, генералъ-аншефа Левашева, а съ остальными войсками (въ числѣ ихъ и Апшеронскій полкъ) двинулся къ Перекопу; въ отрядѣ фельдмаршала насчитывалось до 7-ми тысячъ пѣхоты и до 9-ти тысячъ казаковъ и калмыковъ. Это движеніе предпринято было уже въ то время, когда армія Миниха слѣдовала обратно къ Днѣпру. Не зная о томъ, графъ Ласси спокойно продолжалъ путь и,

---

[8]) Дѣло № 125. Военно-Ученый Архивъ.

только дойдя до рѣки Калміуса, получилъ извѣстіе объ отступленіи Миниха. При подобнаго рода обстоятельствахъ, удаленіе незначительнаго нашего отряда отъ своихъ границъ подвергало его большой опасности, ибо находившіяся на полуостровѣ превосходныя силы непріятеля (крымскіе татары и турки) могли отрѣзать войскамъ путь отступленія и разбить ихъ. Къ счастью непріятель бездѣйствовалъ, что и дало возможность Ласси спокойно отступить. Обратное движеніе фельдмаршалъ совершилъ, направляясь къ рѣкѣ Міусу, близъ Азовскаго моря, съ цѣлью рекогносцировать берега моря и устья рѣкъ, впадающихъ въ него, а также для прикрытія окрестностей Бахмута и лежавшихъ по рѣкѣ Дону поселеній. 26-го августа войска «Донской экспедиціи», кромѣ оставленныхъ въ Азовѣ, прибыли въ Изюмъ и вскорѣ расположились на зимнія квартиры по восточной окраинѣ украинской линіи, неподалеку отъ рѣки Донца.

Теперь перейдемъ къ описанію дѣйствій арміи графа Миниха. 4-го мая днѣпровская армія совершила переправу черезъ рѣку Бѣлозерки. У мѣста переправы устроили укрѣпленіе, для связи арміи съ тыломъ; отъ укрѣпленія къ непріятельской крѣпости Перекопу шли двѣ дороги: одна ближайшая, степями, а другая берегомъ рѣки Днѣпра; первая дорога, какъ проходившая по совершенно безводному пространству, была оставлена, и армія направилась вдоль Днѣпра. До того времени о непріятелѣ не было никакихъ извѣстій и только 6-го числа, когда войска расположились на рѣчкѣ Дружкѣ, появилась толпа конныхъ татаръ, но приближеніе казаковъ заставило ее разсѣяться. 8-го мая армія перешла къ Казикерменю (Бориславъ), гдѣ заложено второе укрѣпленіе для склада продовольственныхъ запасовъ. Въ тотъ же день произошло первое дѣло съ татарами. Для рекогносцировки впереди лежащей мѣстности, Минихъ послалъ генералъ-маіора Шпигеля съ кавалерійскимъ отрядомъ въ 2.700 человѣкъ. Не успѣлъ Шпигель проѣхать и нѣсколькихъ верстъ, какъ совершенно неожиданно былъ атакованъ 20.000 татаръ. Несмотря на быстроту, съ которою непріятель произвелъ нападеніе, отрядъ все-таки успѣлъ построить карре и отбивалъ всѣ атаки, до прибытія подкрѣпленія, подъ начальствомъ самого фельдмаршала. Увидя приближеніе пѣхоты и кавалеріи, татары разсѣялись, оставя на мѣстѣ до 200 тѣлъ. Наша потеря состояла изъ 50-ти убитыхъ и раненыхъ. Дѣло происходило при урочищѣ «Черная долина», куда на другой день перенесенъ былъ лагерь всей арміи [9]. Постепенно переходя отъ одного пункта къ другому, армія, 16-го числа, подошла къ Перекопу и стала лагеремъ на пушечный выстрѣлъ отъ крѣпости. На другой день войска овладѣли передовыми укрѣпленіями, послѣ чего графъ Минихъ предложилъ коменданту крѣпости сдать ее, въ противномъ случаѣ грозилъ истребить гарнизонъ. Хотя турки и встрѣтили посланныхъ переговорщиковъ выстрѣлами, но послѣдовавшее за тѣмъ сближеніе нашихъ войскъ и приготовленія къ штурму сдѣлали противника сгорчивѣе и 21-го мая крѣпость сдалась. По взятіи Перекопа, войска вступили въ Крымъ и стали подвигаться къ Козлову. Непріятель не оказывалъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія; только незначительныя толпы татаръ появлялись вблизи арміи и изрѣдка производили нападенія на наши обозы. Такъ напримѣръ, 26-го мая, при переправѣ въ бродъ черезъ Бальчикъ [10], карре разорвалось; тогда до 2.000 человѣкъ татаръ бросились въ образовавшійся промежутокъ и стали грабить обозъ, но карре быстро сомкнулось и почти всѣ татары легли на мѣстѣ. 5-го іюня городъ Козловъ, выжженный жителями, ушедшими въ Бахчисарай, былъ занятъ безъ всякаго сопротивленія отрядомъ генералъ-маіора Бирона; тамъ найдено 21 орудіе, множество свинцу, сорочинскаго пшена и пшеницы; послѣдняя оказалась какъ нельзя бо-

9) Дѣло № 121. Военно-Ученый Архивъ.
10) Заливъ Гнилого моря.

лѣе кстати, такъ какъ въ войскахъ уже ощущался недостатокъ въ продовольствіи. 15-го іюня армія находилась недалеко отъ столицы Крымскаго хана — Бахчисарая и расположилась у рѣчки Альмасъ. Послѣ вечерней зари, оставивъ на мѣстѣ бивуачнаго расположенія обозъ, больныхъ и раненыхъ, подъ прикрытіемъ четверти всей арміи, фельдмаршалъ съ остальными войсками быстро двинулся къ Бахчисараю. Большая партія татаръ, поддерживаемая янычарами, защищала городъ. Когда непріятель увидѣлъ приближеніе нашихъ войскъ, то произвелъ стремительное нападеніе на шедшихъ впереди казаковъ и Владимірскій пѣхотный полкъ и успѣлъ захватить одно полковое орудіе. Вслѣдъ затѣмъ татары кинулись къ вагенбургу и изрубили до 200 человѣкъ украинскихъ казаковъ, фуражировавшихъ въ окрестностяхъ Альмаса, но всѣ отчаянныя нападенія на вагенбургъ были отбиваемы пѣхотой и, наконецъ, татары, понеся большія потери, принуждены были отступить, бросивъ на произволъ судьбы Бахчисарай. Войска наши заняли городъ и предали его грабежу и огню. 17-го іюня Минихъ отправился вслѣдъ за непріятелемъ и продолжалъ преслѣдованіе до рѣки Салгира. Однако, не смотря на всѣ успѣхи нашего оружія, фельдмаршалъ сознавалъ, что ему придется въ скоромъ времени предпринять обратное движеніе и по слѣдующимъ причинамъ: 1) непривычныя климатическія условія страны, т. е. сильныя жары, въ связи съ отсутствіемъ хорошей здоровой воды [11], породили въ арміи чрезмѣрное количество больныхъ, которые, будучи возимы за войсками, увеличивали обозъ, и, слѣдовательно, значительно уменьшали подвижность арміи; 2) плохо подготовленная матеріальная часть экспедиціи дала себя быстро почувствовать: не успѣли войска войти въ Крымъ, какъ уже сказался недостатокъ продовольствія и армія не имѣла кислой пищи, въ коей такъ нуждается нашъ солдатъ; провіантъ, найденный въ городѣ Козловѣ, явился величайшею подмогой для войскъ и Минихъ приказалъ запастись имъ на 34 дня, что очевидно указываетъ на полнѣйшее отсутствіе собственныхъ запасовъ, и, наконецъ, 3) получены были извѣстія о томъ, что турецкая армія сосредоточивается у Дуная, съ цѣлью направиться къ Очакову; поэтому надлежало поспѣшить на встрѣчу туркамъ и не позволить имъ переправиться черезъ рѣку Днѣпръ. 26-го іюня Минихъ двинулся обратно къ Перекопу, куда и прибылъ 6-го іюля. Во все время пути татары постоянно тревожили войска, производя нападенія днемъ и ночью. Пришедшая къ Перекопу армія фельдмаршала Миниха находилась въ весьма плачевномъ состояніи: изнурительные походы и болѣзни значительно уменьшили составъ ея, продовольственныхъ запасовъ имѣлось весьма ограниченное количество. Фельдмаршалъ рѣшилъ въ Перекопѣ дать отдыхъ войскамъ и тутъ же дождаться продовольствія. Экспедиція въ Крымъ стоила намъ 800 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ; если принять во вниманіе, что, по всей вѣроятности, эта цифра значительно уменьшена, да присоединить сюда же число раненыхъ (о нихъ умалчивается), то мы увидимъ, что наши потери были весьма значительны, а между тѣмъ вся экспедиція закончилась только овладѣніемъ Перекопа.

По прибытіи къ Перекопу, графъ Минихъ приступилъ къ укрѣпленію его и вооружилъ пушками, взятыми у татаръ. Теперь вся задача сводилась къ тому, чтобы, прочно занявъ Перекопъ, не пропускать татаръ переходить черезъ броды Гнилого моря и не позволять имъ вторгаться въ Украйну. Но даже и эту задачу не пришлось выполнить: желая дать войскамъ отдыхъ, графъ Минихъ, съ Высочайшаго соизволенія, разорилъ до основанія Перекопскую линію съ ея крѣпостью и 16-го августа выступилъ обратно къ своимъ границамъ.

---

[11]) Непріятель портилъ воду въ колодцахъ, бросая туда всякаго рода нечистоты.

По заключенному оборонительному союзу между Россіею и Австріею, послѣдняя обязалась объявить войну Турціи, и еще въ прошломъ году въ Австрію былъ двинутъ вспомогательный русскій корпусъ; но война, веденная австрійскимъ императоромъ Карломъ VI съ Франціей и Испаніей не позволила ему принять въ 1736 году дѣятельное участіе въ борьбѣ съ Турціей. Въ 1737 году Австрія заключила съ обоими названными государствами миръ, что дало ей возможность обратить свое оружіе противъ турокъ. Планъ дѣйствій австрійской арміи заключался въ слѣдующемъ: перейдя рѣку Дунай у Виддина, она должна овладѣть Бѣлградомъ и недопустить турокъ опустошить Сербію и славянскія земли. Вѣнскій кабинетъ настаивалъ на соединеніи армій (русской и австрійской); но фельдмаршалъ графъ Минихъ рѣшительно возсталъ противъ этого, доказывая, что, во-первыхъ, Россія озабочена выполненіемъ собственныхъ задачъ, а во-вторыхъ, каждая изъ союзныхъ армій на столько сильна, что въ состояніи дѣйствовать совершенно самостоятельно и, слѣдовательно, нѣтъ никакой необходимости въ соединеніи ихъ. Минихъ хотѣлъ начать кампанію какъ можно раньше и всѣ военныя дѣйствія свести къ двумъ главнымъ задачамъ: покорить Крымъ и взять турецкую крѣпость Очаковъ. Занятіе Крыма гарантировало намъ спокойствіе южныхъ границъ Имперіи отъ набѣговъ татаръ и обезпечивало развитіе торговли на Черномъ морѣ, а взятіе Очакова, какъ ближайшей къ Крыму турецкой крѣпости, лишало татаръ возможности получать помощь сухимъ путемъ и совершенно раздѣляло владѣнія турецкія отъ полуострова. Раннею весною приступили къ военнымъ приготовленіямъ; убыль въ обѣихъ арміяхъ, Миниха и Ласси, пополнена была людьми изъ гарнизонныхъ полковъ, взамѣнъ которыхъ прибыло 40.000 рекрутъ; свозился провіантъ и боевые припасы. Во избѣжаніе неудобства и медленности перевозки различныхъ припасовъ сухимъ путемъ, графъ Минихъ образовалъ особую флотилію изъ плоскодонныхъ судовъ, которыя могли бы безпрепятственно переходить пороги Днѣпра. Въ началѣ марта армія Миниха была приведена въ полную готовность. Порта также приготовлялась къ борьбѣ съ двумя врагами, изъ которыхъ Россію она считала всегда страшнѣйшимъ.

Разославъ повсюду фирманы и призывая мусульманъ къ поголовному ополченію противъ невѣрныхъ, Турція успѣла сформировать двѣ арміи, изъ которыхъ одна—сильнѣйшая, въ 70.000 человѣкъ, назначена была удерживать русскую армію, а другая—направлена въ Сербію для дѣйствій противъ австрійцевъ. Однако, напрягая всѣ усилія для войны на обоихъ театрахъ, Турція не прочь была отъ мира. Такъ напримѣръ, турецкій султанъ смѣнилъ крымскаго хана, подавшаго поводъ къ войнѣ, и назначилъ вмѣсто него другаго. Новый ханъ не замедлилъ выказать свое усердіе и преданность Портѣ: въ началѣ февраля онъ ворвался съ полчищами татаръ въ украинскую линію и опустошилъ южную границу Россіи. Полчища его, усиленныя толпами Буджакскаго и Бѣлгородскаго (аккерманскаго) султановъ, а также гарнизономъ бендерскаго паши, простирались до 100.000 человѣкъ. Съ такими громадными силами крымскій ханъ двинулся къ Днѣпру, истребилъ вышедшій противъ него отрядецъ (100 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ласси), перешелъ Днѣпръ и потянулся между рѣками Псёлъ и Ворсклою къ Полтавѣ, уничтожая по пути села, убивая и уводя въ плѣнъ жителей. Но узнавъ о движеніи на встрѣчу ему русскихъ войскъ, ханъ 14-го числа перешелъ на правый берегъ Днѣпра и ушелъ въ свои владѣнія. Въ зимній періодъ 1736—37 годовъ это былъ единственный набѣгъ татаръ.

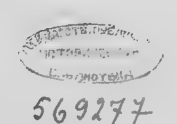
По плану кампаніи, армія фельдмаршала графа Ласси, въ которой находился Апшеронскій полкъ, должна была дѣйствовать въ Крыму. Она состояла изъ 20 пѣхотныхъ и 15 драгунскихъ полковъ, при 10.000 казаковъ и калмыковъ, что въ общемъ составляло около 40.000 человѣкъ. Въ началѣ апрѣля мѣсяца графъ Ласси началъ сосредоточи-

вать войска у рѣчки Берды; вся пѣхота съ зимнихъ квартиръ направилась сначала къ рѣкѣ Міусу, и соединясь у Павловской крѣпости, двинулась къ рѣчкѣ Кальміусу; здѣсь она, будучи посажена на суда контръ-адмирала Бредаля, переправилась на Крымскій полуостровъ. Въ тоже время конница двинулась отъ Бахмута сухимъ путемъ. Наши войска, по мѣрѣ удаленія отъ границъ, строили по дорогѣ редуты, гдѣ оставлялись незначительные гарнизоны; въ нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ складывался провіантъ. Такимъ образомъ, Ласси всегда сохранялъ сообщеніе съ тыломъ. Соединивъ у устья Берды всѣ части арміи, фельдмаршалъ повелъ ее по берегу Азовскаго моря. 10-го іюля войска перешли рѣку Молочныя Воды и устроили здѣсь укрѣпленіе, въ которомъ оставлены всѣ больные, подъ надежнымъ прикрытіемъ. Крымскій ханъ ожидалъ движенія русскихъ на полуостровъ и заранѣе принялъ всѣ мѣры для обороны. Прежде всего ханъ вновь занялъ и сильно укрѣпилъ, оставленную графомъ Минихомъ въ прошломъ году, Перекопскую линію, собралъ сильное ополченіе татаръ и усилилъ его прибывшими изъ Турціи янычарами. Предполагая, что русскіе двинутся въ Крымъ черезъ Перекопъ, онъ сосредоточилъ тамъ значительныя силы (около 60.000 татаръ). Но графъ Ласси не имѣлъ намѣренія наступать къ Перекопу, — его планъ состоялъ въ томъ, чтобы обойти крымскаго хана и, взявъ направленіе на Арбатскую стрѣлку, вступить въ Крымъ. 15-го іюня армія достигла рѣчки Конскія Воды, гдѣ устроено было сильное укрѣпленіе и въ немъ оставлено 500 человѣкъ; 21-го числа войска подошли къ проливу Еничи и, перейдя на Арбатскую стрѣлку, продолжали движеніе къ урочищу Чепраку, куда прибыли 23-го іюня. Здѣсь къ арміи присоединилось 5.000 калмыковъ, подъ предводительствомъ сына Дондукъ-Омбо, Гольданъ-Нармы. Въ то время, какъ русскіе двигались въ Крымъ, въ Азовскомъ морѣ появился турецкій флотъ и, приблизившись къ нашей флотиліи, открылъ по ней сильный огонь. Удачное дѣйствіе построенныхъ на берегу батарей принудило турецкія суда удалиться.

Непріятельскій флотъ поплылъ къ Арбату, гдѣ въ то время уже находился крымскій ханъ, прибывшій изъ Перекопа, съ цѣлью задержать дальнѣйшее наступленіе русской арміи. Какъ только графъ Ласси получилъ извѣстіе о прибытіи хана къ Арбату, то рѣшилъ немедленно переправиться черезъ Гнилое море (заливъ, отдѣляющій Арбатскую стрѣлку отъ остальной части Крыма, иначе называется Сивашъ). Хотя въ виду значительныхъ силъ непріятеля, переправа являлась дѣломъ весьма рискованнымъ, однако она была совершена съ полнымъ успѣхомъ и совершенно безпрепятственно. Отыскавъ удобное мѣсто, фельдмаршалъ приказалъ устроить плоты, для чего употреблены пустыя бочки и рогаточныя бревна. 12-го іюля началась переправа: сначала перебрались вплавь 5 драгунскихъ полковъ, 6 конно-гренадерскихъ ротъ и на казачьихъ лошадяхъ 2 полка пѣхоты (неизвѣстно какіе). Подъ прикрытіемъ этихъ войскъ, остальная армія и обозы перевезены на плотахъ. Чтобы отвлечь вниманіе крымскаго хана отъ переправы, фельдмаршалъ отправилъ противъ него особый отрядъ конницы, подъ начальствомъ маіора Храповицкаго. 8-го іюля турки произвели высадку съ флота, но русскія войска уже успѣли перейти на крымскій берегъ. Изумленный быстрой переправой нашей арміи, крымскій ханъ не рѣшился атаковать ее и отступилъ въ горы. Двигаясь вдоль рѣки Карасу внутрь страны, русская армія, 12-го числа, перешла рѣку Салгиръ; въ тотъ же день авангардъ ея имѣлъ большое дѣло съ пятнадцатитысячнымъ турецкимъ корпусомъ, шедшимъ на соединеніе съ ханомъ.

Въ 4 часа утра армія стала переправляться черезъ Салгиръ; берега этой рѣки отличаются большой крутизной и войскамъ переправа стоила много трудовъ, въ особенности при перевозкѣ обоза. Авангардъ, состоявшій изъ 1.000 человѣкъ конницы, пройдя шесть верстъ отъ Салгира, былъ встрѣченъ значительными силами турокъ и татаръ, которые

3



произвели на него стремительное нападеніе. Отбивъ, съ помощью подоспѣвшей изъ главныхъ силъ конницы, нападеніе, авангардъ перешелъ въ наступленіе и гналъ непріятеля до рѣки Карасу; но тутъ неожиданно наткнулся на превосходныя силы турокъ, занимавшихъ весьма выгодную позицію: правое крыло ея упиралось въ глубокій каналъ, а съ лѣвой находилась рѣка Карасу. Занимая такую позицію, турки прикрывали богатый городъ Карасу-Базаръ. Какъ только фельдмаршалъ получилъ извѣстіе о занятіи турками позиціи, то немедленно поспѣшилъ къ авангарду съ однимъ пѣхотнымъ, пятью драгунскими полками и шестью ротами гренадеръ; непосредственно за нимъ слѣдовали съ пѣхотою арміи генералъ-лейтенантъ Измайловъ и генералъ-маіоръ Шпигель. Дойдя до рѣки Карасу, обозъ остановился; въ прикрытіе его оставлено было 7.000 регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ при 32-хъ полковыхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ бригадира Колокольцева. Соединившись съ авангардомъ, графъ Ласси немедленно отдалъ диспозицію для боя (ордеръ де батайль),—всѣ казаки перешли на правое крыло арміи, и калмыки на лѣвое. Не смотря на наши приготовленія къ бою, турки, видимо, рѣшились упорно драться и не отдавать Карасу-Базара. Но грозное наступленіе пѣхоты съ одной стороны (1-я и 2-я дивизіи), а донскихъ и украинскихъ казаковъ — съ другой, принудило непріятеля измѣнить свое рѣшеніе: когда онъ увидѣлъ, что вскорѣ послѣдуетъ ударъ въ штыки, то очистилъ позицію и началъ отступать. Кавалерія преслѣдовала его на разстояніи 15-ти верстъ. Потери турокъ были весьма велики и между убитыми находилось много мурзъ. Разсыпавшись по окрестностямъ, казаки и калмыки разорили нѣсколько деревень и захватили до 600 человѣкъ въ плѣнъ. Изъ показаній послѣднихъ выяснилось, что армія имѣла дѣло съ 15.000 янычаръ, шедшихъ на соединеніе съ ханомъ. Потеря русскихъ заключалась въ 4-хъ убитыхъ и 7-ми раненыхъ[12]. На ночлегъ армія расположилась у рѣки Карасу, верстахъ въ 25-ти отъ Салгира. На другой день войска двинулись дальше.

Посланные графомъ Ласси къ Карасу-Базару отряды казаковъ и калмыковъ возвратились въ тотъ же день; начальники ихъ донесли, что городъ защищается значительной партіей татаръ и турокъ. Въ виду этого, утромъ 14-го іюля, фельдмаршалъ направилъ для овладѣнія городомъ особый отрядъ; онъ состоялъ изъ 9 ротъ пѣшихъ гренадеръ, всей пѣшей ландмилиціи, 5-ти драгунскихъ полковъ и 9 ротъ конныхъ гренадеръ — всего 6.140 человѣкъ; кромѣ того при отрядѣ находились вся иррегулярная кавалерія и полевая артиллерія; означенныя войска ввѣрены были генералъ-лейтенанту Дугласу, генералъ-маіору Еропкину и генералъ-квартирмейстеру де-Бриньи. Въ поддержку генералу Дугласу, на случай, если бы непріятель вздумалъ упорно защищать городъ, графъ Ласси назначилъ генералъ-маіора Шпигеля съ 2.000 пѣхоты, а въ резервѣ 3 пѣхотныхъ полка, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Измайлова. Карасу-Базаръ расположенъ въ гористой мѣстности и дорога къ нему проходила черезъ горныя дефиле. Послѣднія заняты были татарами и турками, съ цѣлью недопустить русскихъ къ городу. Однако всѣ усилія противника остались тщетны: горные проходы постепенно занимались нами, и непріятель очищалъ войскамъ дорогу къ городу. Оставивъ послѣднее дефиле, татары заняли высокую, малодоступную гору, гдѣ уже стоялъ турецкій корпусъ, подъ начальствомъ Семектанъ-Магометъ-паши. Богатый и торговый Карасу-Базаръ, не защищаемый болѣе ни кѣмъ, очутился въ рукахъ передовыхъ войскъ и былъ преданъ пламени. Казаки и калмыки разграбили всѣ лавки, набрали массу товаровъ и денегъ, взяли множество плѣнныхъ и перебили не мало жителей.

---

[12] Дѣло № 125. Томъ 4. Военно-Ученый Архивъ.

Въ дѣлѣ при взятіи Карасу-Базара убито было въ пѣхотѣ: 1 человѣкъ и ранено 7, между послѣдними одинъ поручикъ; «казаковъ и калмыковъ побито много», но сколько именно — не говорится [13].

Отведя войска верстъ на шесть отъ пылающаго города, по направленію къ рѣкѣ Карасу, графъ Ласси расположилъ ихъ на ночлегъ. На другой день армія двинулась обратно, внизъ по Карасу; пройдя верстъ пять, Ласси остановился, чтобы дать возможность подойти обозу и аріергарду. Когда послѣдній приблизился и войска тронулись дальше, то невдалекѣ показались полчища крымскаго хана, отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, за которыми въ 2-хъ линіяхъ слѣдовалъ турецкій корпусъ. Намѣреніе непріятеля состояло въ томъ, чтобы, занявъ высоту, расположенную впереди арміи, обстрѣливать наши войска артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Угадавъ намѣреніе хана, графъ Ласси, взявъ съ собою роту гренадеръ и 4 полковыя пушки, направился къ высотѣ и занялъ ее прежде непріятеля; вслѣдъ затѣмъ переправились черезъ Карасу три пѣхотныхъ полка и одинъ драгунскій, 9 ротъ конныхъ гренадеръ и 1.400 человѣкъ ландмилиціи. Сраженіе открылось съ обѣихъ сторонъ сильной пальбою, послѣ чего завязались въ нѣсколькихъ мѣстахъ схватки между иррегулярной конницей и татарами; эти схватки кончались всегда въ нашу пользу; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ боя, казаки и калмыки принудили татаръ отступить. Непріятель оставилъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ тѣлъ и лишился 3 знаменъ. Наша потеря заключалась въ 1 унтеръ-офицерѣ и 5 рядовыхъ ранеными, а въ иррегулярной кавалеріи убито и ранено до 20 человѣкъ. По окончаніи дѣла, фельдмаршалъ отвелъ войска за рѣку Карасу, а потомъ отступилъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ 11-го іюля обозы. Такимъ образомъ, въ половинѣ іюля армія фельдмаршала Ласси заняла большую половину Крыма, причемъ значительная часть его была опустошена. Тѣмъ не менѣе, въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, намъ пришлось оставить полуостровъ и отступить къ своимъ границамъ, и опять-таки вслѣдствіе отсутствія достаточнаго количества продовольствія, а также недостатка хорошей воды, такъ необходимой при крайне тяжелыхъ лѣтнихъ переходахъ. На собранномъ графомъ Ласси военномъ совѣтѣ рѣшено было начать обратное движеніе, и 16-го числа вся армія направилась къ рѣкѣ Салгиру.

21-го іюля войска, въ пять переходовъ, достигли рѣки Шунгары, гдѣ устроенъ былъ мостъ изъ судовъ, и началась переправа. Въ это время показался непріятель. Какъ оказалось впослѣдствіи, намѣреніе его заключалось въ томъ, чтобы дать переправиться части войскъ, послѣ чего всей массой обрушиться на оставшуюся часть, разбить ее и ограбить обозы. Но фельдмаршалъ разгадалъ этотъ планъ: онъ воротилъ назадъ переправившихся уже за рѣку калмыковъ и поставилъ ихъ на одномъ изъ фланговъ, а на другомъ стали казаки и регулярная кавалерія. Сдѣлавъ всѣ распоряженія къ встрѣчѣ противника, Ласси приказалъ переправлять обозъ. Какъ только непріятель увидѣлъ, что его намѣреніе разгадано, то произвелъ рядъ сильныхъ и упорныхъ нападеній, но былъ отбитъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи. Оставивъ на мѣстѣ 100 тѣлъ, татары и турки отступили. По переправѣ черезъ Шунгару, войска расположились лагеремъ и простояли здѣсь нѣсколько дней; отдѣльные отряды опустошали окрестныя деревни и доставили въ лагерь много рогатаго скота. 31-го іюля армія снялась съ лагеря и двинулась къ рѣкѣ Молочныя Воды, гдѣ оставалась до 17-го августа, а 23-го числа она прибыла къ Бердѣ. Отсюда графъ Ласси направилъ генерала Левашева съ 8-ю пѣхотными полками въ Азовъ, а остальныя части были распущены на зимнія квартиры и расположены по рѣкамъ Дону и Донцу.

---

[13]) Дѣло № 125. Томъ 4. Военно-Ученый Архивъ.

*

Въ началѣ апрѣля 1737 года, миниховская армія, переправившись черезъ Днѣпръ при Мишуринѣ Рогѣ, Власовкѣ и у Орлика, 18-го числа соединилась при рѣчкѣ Омельникѣ, куда вслѣдъ за тѣмъ прибыли: продовольствіе, артиллерія, партіи рекрутъ и гарнизонныхъ солдатъ. 21-го апрѣля Минихъ двинулся къ Очакову. Маршъ войскъ продолжался два мѣсяца и только 16-го іюня они подошли къ Бугу. Для обезпеченія переправы и для развѣдокъ о непріятелѣ, на правый берегъ рѣки было послано нѣсколько конныхъ отрядовъ, подъ прикрытіемъ которыхъ устроены понтонные мосты; авангардъ перешелъ въ тотъ день на противоположный берегъ. 17-го числа переправилась большая часть пѣхоты, а обозы и остальныя войска 21-го іюня, когда армія находилась уже въ движеніи къ Очакову. Желая отвлечь вниманіе непріятеля отъ своей настоящей цѣли, т. е. овладѣнія Очаковомъ, графъ Минихъ, подвигаясь вдоль праваго берега Буга, распускалъ слухи о намѣреніи овладѣть Бендерами, куда дѣйствительно и направилъ сильныя конныя партіи; но замѣтивъ, что турки не даются въ обманъ, а напротивъ сосредоточиваютъ большую часть войскъ у Очакова, фельдмаршалъ поспѣшилъ обложить эту крѣпость — и 29-го іюня армія подошла къ ней. Въ тотъ же день турки произвели сильную вылазку: конница турецкая, выйдя изъ крѣпости, завязала перестрѣлку съ казаками и потѣснила ихъ, но прибывшее подкрѣпленіе изъ пѣхоты и регулярной кавалеріи принудило непріятеля отступить. По показаніямъ плѣнныхъ, гарнизонъ Очакова, состоявшій ранѣе изъ 20.000 человѣкъ, былъ усиленъ за день до прибытія арміи 7.000 арнаутовъ и босняковъ, и въ скоромъ времени ожидалось прибытіе новыхъ подкрѣпленій [14]. На другой день русскія войска расположились между лиманомъ и Чернымъ моремъ, а съ 30-го іюня приступили къ осадѣ крѣпости. 2-го іюля нѣсколько удачно пущенныхъ бомбъ произвели въ крѣпости пожаръ и тогда графъ Минихъ рѣшилъ двинуть войска на штурмъ. Ровъ, шириною до 12 футовъ, остановилъ стремленіе штурмовавшихъ войскъ, которыя оставались въ немъ болѣе двухъ часовъ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля; потомъ, въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, они отступили къ садамъ, но и отсюда были съ большимъ урономъ выбиты вышедшимъ на вылазку гарнизономъ. Впрочемъ, неудача штурма были вознаграждена отличнымъ дѣйствіемъ артиллеріи: въ 9 часовъ утра пламя охватило почти весь городъ, главный пороховой магазинъ въ крѣпости взорвало, при чемъ погибло до 6.000 человѣкъ. Сераскиръ Очакова Яжъ-паша, не желая дать погибнуть гарнизону подъ развалинами крѣпости, приказалъ выставить бѣлое знамя и просилъ перемирія на 24 часа. Получивъ отказъ, онъ вышелъ изъ крѣпости съ частью гарнизона и пытался спастись на галерахъ, но будучи открытъ нашей кавалеріей, принужденъ былъ возвратиться въ Очаковъ, куда вмѣстѣ съ турками ворвались и русскія войска. Тогда Яжъ-паша согласился сдаться, прося только пощады. Гарнизонъ былъ обезоруженъ и отведенъ въ лагерь. Въ продолженіи сдачи непріятельскихъ войскъ, нѣсколько сотъ русскихъ вошли въ городъ и начался грабежъ.

Во время пожара взорвало еще два пороховыхъ погреба, при чемъ убито не мало и русскихъ солдатъ, ушедшихъ за добычею. Взятіе крѣпости стоило намъ довольно дорого: убито 68 штабъ и оберъ-офицеровъ и 987 нижнихъ чиновъ; ранено 2 генералъ-лейтенанта (Кейтъ и Левендаль), 2 генералъ-маіора (Хрущовъ и Аракчеевъ), 140 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2.703 нижнихъ чина. Потери непріятеля были еще больше. По собраннымъ потомъ свѣдѣніямъ, уронъ турокъ простирался до 17.000 убитыми, ранеными и погибшими во время пожара; въ плѣнъ взяты: очаковскій сераскиръ Яжъ-паша (трехбунчужный), двухбунчужный Мустафа-паша, 90 разныхъ чиновниковъ и 3.174 нижнихъ чина. Въ крѣпости

---

[14]) Крѣпость Очаковъ была построена у лимана Днѣпра.

найдено: 88 пушекъ, 7 мортиръ, 1 гаубица, 9 бунчуговъ, 8 булавъ, до 300 знаменъ и множество мелкаго оружія [15].

Въ тотъ же день въ Очаковъ вступили 12 баталіоновъ пѣхоты, 2 драгунскихъ полка и около 2.000 казаковъ. Графъ Минихъ принялъ всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія гарнизона на случай осады крѣпости турками: онъ оставилъ въ ней всю взятую у турокъ артиллерію, добавилъ еще нѣсколько своихъ орудій и приказалъ немедленно приступить къ исправленію поврежденій.

Согласно плану кампаніи, фельдмаршалъ долженъ былъ теперь овладѣть устьемъ Днѣстра, а затѣмъ и крѣпостью Бендерами. Но изнуреніе войскъ и лошадей, а также недостатокъ продовольствія рѣшительно не позволяли выполнить послѣднихъ двухъ задачъ. Выступивъ изъ-подъ Очакова черезъ два дня по взятіи его, графъ Минихъ 10-го іюля соединился съ обозомъ. Отрядъ турокъ и татаръ, численностью до 15.000, все время слѣдилъ за движеніемъ арміи и производилъ нападенія на фуражировъ, транспорты и т. п., но всѣ нападенія были отбиваемы. Войска передвигались между Днѣстромъ и Бугомъ въ теченіе іюля мѣсяца, и только совершенное истощеніе подножнаго корма заставило фельдмаршала переправиться на лѣвый берегъ рѣки Буга. Въ половинѣ августа флотилія подвезла провіантъ, что дало возможность снабдить гарнизонъ Очакова необходимымъ продовольствіемъ.

Назначивъ комендантомъ крѣпости генералъ-маіора Штофельна, Минихъ двинулся обратно къ своимъ границамъ. 5-го сентября армія переправилась черезъ Днѣпръ и вступила въ Украйну. Въ концѣ октября всѣ войска были распущены на зимнія квартиры. Послѣ ухода русской арміи, турки сдѣлали попытку овладѣть Очаковомъ. 8-го октября они подступили къ крѣпости, а 28-го числа того же мѣсяца произвели штурмъ, окончившійся полной неудачей. Потерявъ за время осады и при штурмѣ около 20.000 человѣкъ, непріятель отступилъ.

По словамъ участника кампаніи, подполковника Манштейна, походъ 1737 года является самымъ кровопролитнымъ въ продолженіи всей турецкой войны. Въ кампанію этого года наша армія потеряла 11.000 регулярныхъ и 5.000 иррегулярныхъ войскъ, причемъ главная потеря произошла вслѣдствіе повальныхъ болѣзней, развившихся въ войскахъ отъ недостатка пищи, отсутствія хорошей воды и изнурительныхъ походовъ. Солдаты спали безъ всякихъ подстилокъ, на голой землѣ; недостатокъ лѣкарей и невѣжество лѣкарскихъ учениковъ явились одной изъ главныхъ причинъ большой смертности въ войскахъ. Кромѣ весьма ощутительной потери въ людяхъ, погибло также множество рогатаго скота: въ одной артиллеріи пало болѣе 30.000 воловъ отъ недостатка корма, такъ какъ татары выжигали траву, или она высыхала вслѣдствіе знойнаго, бездождливаго лѣта.

Еще въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, по просьбѣ Порты, собрался въ городѣ Немировѣ конгрессъ, для обсужденія мирныхъ условій между тремя воевавшими державами. Со стороны Россіи на конгрессъ явились: баронъ Шафировъ, Волынскій и Неплюевъ; со стороны Австріи — графъ Остейнъ, баронъ Тальманъ и графъ Вилодзенъ, а со стороны Турціи — Рейсъ Эфенди, Метипе и Мустафа Эфенди. На происходившихъ совѣщаніяхъ турецкіе уполномоченные предъявили требованіе, чтобы Россія возвратила взятыя у Турціи крѣпости и вообще осталась при прежнихъ границахъ. Съ своей стороны наши уполномоченные сначала требовали: отдачи Крыма и всей земли по рѣкѣ Кубани, а впослѣдствіи поставили такія условія мира: 1) сдѣлать границей со стороны Кавказа рѣку Кубань; 2) возвратить Россіи все то, что было уступлено Турціи по Прутскому миру; 3) со стороны

[15]) Дѣло № 121. Военно-Ученый Архивъ.

Европейской Турціи сдѣлать границей рѣку Днѣстръ. Кромѣ того, Порта должна была дать обязательство не помогать татарамъ, если мы принуждены будемъ вести съ ними войну и уплатить Россіи 6 милліоновъ рублей контрибуціи. Всѣ означенныя условія мира Порта отвергла и конгрессъ 14-го октября прекратилъ свои дѣйствія. Предложенный фельдмаршаломъ Минихомъ планъ кампаніи на 1738 годъ былъ таковъ. Укомплектовавъ всѣ полки, пополнивъ провіантскіе магазины и артиллерійскіе парки, открыть военныя дѣйствія съ двухъ сторонъ: со стороны Крыма и со стороны Днѣстра; въ то же время особый отрядъ изъ донскихъ казаковъ и калмыковъ долженъ двинуться на рѣку Кубань, гдѣ, соединясь съ кабардинцами, стараться совершенно уничтожить или оттѣснить кубанскихъ татаръ. Послѣднее гарантировало намъ спокойствіе со стороны Азовскаго моря, препятствовало крымскимъ татарамъ посылать свои семейства на Кубань и заставляло турокъ бояться за Тамань. Армія фельдмаршала Ласси весною 1738 года направлялась въ Крымъ, чтобы не позже начала іюля овладѣть Перекопомъ, взять оттуда артиллерію и всѣ имѣвшіеся въ крѣпости запасы, а самую крѣпость разрушить до основанія. Къ 15-му іюля, когда уже настанутъ сильныя жары, Ласси долженъ былъ выступить къ Молочнымъ Водамъ или Бердѣ, гдѣ, выбравъ позицію, ожидать появленія непріятеля; если же послѣдній будетъ на столько ослабленъ, что дѣйствій съ его стороны не послѣдуетъ, то части арміи расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Украйнѣ, а другой части идти къ Днѣстру на соединеніе съ Минихомъ.

Цѣль дѣйствій арміи послѣдняго заключалась въ движеніи въ земли Бѣлгородскихъ татаръ и разореніи ихъ, а затѣмъ въ осадѣ и взятіи крѣпости Бендеръ.

Потерпѣвъ въ прошломъ году нѣсколько пораженій отъ турокъ, австрійцы настаивали на присылкѣ имъ русскаго вспомогательнаго корпуса. Императрица Анна Іоанновна, не желая брать на себя рѣшеніе такого важнаго вопроса, предложила фельдмаршаламъ Миниху и Ласси высказать свои мнѣнія. Мнѣніе фельдмаршала Ласси намъ неизвѣстно, а Минихъ высказался противъ отправленія вспомогательнаго корпуса. По его мнѣнію, съ Австріей во всякомъ случаѣ слѣдовало находиться въ согласіи; но онъ полагалъ весьма вреднымъ для Россіи исполнить просьбу Вѣнскаго двора по слѣдующимъ причинамъ: 1) посланный въ Австрію корпусъ долженъ будетъ проходить черезъ Польшу, чѣмъ поляки могутъ воспользоваться и впустить въ свои предѣлы турокъ и татаръ, которые и будутъ безпокоить войска наши партизанскими дѣйствіями; 2) корпусъ приходится отправлять зимою, чтобы онъ заблаговременно пришелъ къ назначенному мѣсту; а, между тѣмъ, въ арміи нѣтъ достаточнаго количества продовольствія и фуража; 3) русская армія слишкомъ ослабѣетъ отъ подобнаго раздѣленія и сама не будетъ въ состояніи дѣйствовать наступательно.

Императрица согласилась съ доводами графа Миниха и въ помощи Австріи отказала.

Въ продолженіи зимы 1737—38 гг. татары произвели нѣсколько набѣговъ. Крымскій ханъ съ 40 тысячами войска появился близъ Украйнской линіи, но, опасаясь быть отрѣзаннымъ, направился къ Изюму и, остановившись у Донца, ограничился посылкой въ Украйну сильной партіи; послѣдняя разорила нѣсколько селеній и увела жителей въ плѣнъ. По распространившейся тревогѣ вышли русскія войска; они успѣли догнать нѣкоторые изъ непріятельскихъ отрядовъ и принудили ихъ оставить свою добычу. Получивъ извѣстіе о движеніи русскихъ, ханъ поспѣшилъ отступить и былъ преслѣдуемъ нѣсколько переходовъ нашимъ отрядомъ, подъ начальствомъ генерала Дугласа.

1-го апрѣля фельдмаршалъ Ласси приказалъ всѣмъ войскамъ, назначеннымъ въ походъ, выступить изъ мѣстъ своего расположенія и двигаться къ Бахмуту [16]. 17-го числа фельд-

[16]) Исключая войскъ, находившихся въ Азовѣ, сборнымъ пунктомъ для нихъ назначена была рѣка Калміусъ.

маршалъ прибылъ изъ Изюма въ Бахмутъ, куда постепенно подходили части войскъ. Вице-адмиралъ Бредаль направленъ съ флотиліей къ Бердѣ. Изъ Бахмута большая часть арміи выступила въ началѣ мая и 3-го числа прибыла къ рѣчкѣ Кривой Торецъ, гдѣ остановилась въ ожиданіи остальныхъ войскъ. Придя въ урочище Волчьи Воды, графъ Ласси раздѣлилъ всю армію на двѣ дивизіи: 1-я, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Левашева, состояла изъ 7-ми пѣхотныхъ и 5-ти драгунскихъ полковъ, донскихъ казаковъ и 3-хъ слободскихъ полковъ [17]; бригадирами въ этой дивизіи были генералъ-маіоры Шпигель и Еропкинъ. Вторая дивизія, подъ командою генералъ-лейтенанта де-Бриньи и генералъ-маіора Аракчеева, состояла изъ 7-ми пѣхотныхъ, 2-хъ драгунскихъ, 5-ти малороссійскихъ полковъ и ландмилиціи [18]. Порядокъ слѣдованія арміи отъ Волчьихъ Водъ былъ таковъ: каждая дивизія двигалась въ двухъ колоннахъ; въ 1-й дивизіи, въ правой колоннѣ шли 3 пѣхотныхъ и 3 драгунскихъ полка, а въ лѣвой — 4 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полка; во всѣхъ полкахъ гренадерскія роты впереди; обозы помѣщались въ серединѣ полковъ. Вторая дивизія шла за первой, имѣя въ правой колоннѣ 3 пѣхотныхъ и 3 полка ландмилиціи, а въ лѣвой — 4 полка пѣхоты и 3 ландмилиціи, въ аріергардѣ два драгунскихъ полка. 16-го мая армія находилась у Бердынскихъ вершинъ; здѣсь, у рѣчки Ганчукъ, къ ней присоединилось 1.385 калмыковъ, присланныхъ Дондукъ-Омбо. Давъ войскамъ двухдневный отдыхъ, Ласси двинулся дальше и перешелъ рѣчку Берду, у которой армія увеличилась присоединеніемъ 4.822 казаковъ. У Берды сооруженъ былъ редутъ и оставлены больные, подъ прикрытіемъ 577 казаковъ. Изъ распросовъ взятыхъ въ плѣнъ татаръ выяснилось, что непріятельская партія въ 1.000 человѣкъ находится около Молочныхъ Водъ, а крымскій ханъ, съ 30 тысячами человѣкъ, стоитъ въ 15-ти верстахъ за Перекопомъ. Первая партія, подъ предводительствомъ Амазатъ-Гирея, 25-го мая была разбита казаками полковника Малышкина, весь татарскій лагерь достался побѣдителямъ. 5-го іюля фельдмаршалъ Ласси подошелъ къ Молочнымъ Водамъ и приказалъ устроить ретраншементъ, въ которомъ оставилъ больныхъ и раненыхъ, а затѣмъ двинулся къ Перекопу.

Въ Любезномъ Утлукѣ къ арміи присоединился генералъ-маіоръ Еропкинъ, слѣдовавшій изъ Украйны съ 5.164 малороссійскихъ казаковъ, 665 рядовыхъ отъ разныхъ полковъ, при 3-хъ пушкахъ. Небольшія партіи непріятеля изрѣдка показывались, но главныя силы его, подъ предводительствомъ Калга Султана и одного паши, стояли противъ переправы черезъ Сивашъ; самъ крымскій ханъ находился при урочищѣ Учь. Не смотря на присутствіе 30-ти тысячнаго отряда турокъ и татаръ, Ласси рѣшилъ форсировать переправу черезъ Гнилое море, для чего предварительно двинулъ войска до урочища Одива и сталъ лагеремъ въ виду Перекопа.

Узнавъ достовѣрно, что крымскій ханъ расположился у Перекопа, графъ Ласси рѣшилъ обойти эту крѣпость и, перейдя Гнилое море, зайти непріятелю въ тылъ. Ночью, 26-го іюня, войска начали переправу на полуостровъ; стоявшій на противуположномъ берегу Сиваша, татарскій наблюдательный отрядъ спасся бѣгствомъ и войска безпрепятственно совершили переправу. Увидѣвъ приближеніе русскихъ, Калга Султанъ даже и не подумалъ защищать переправу, а удалился въ глубь полуострова. На другой день, въ 10 часовъ утра, армія двинулась къ Перекопу и пройдя нѣкоторое разстояніе отъ Сиваша, по

17) Пѣхотные полки: Апшеронскій, Азовскій, Вологодскій, Дербентскій, Казанскій, Низовскій и Пермскій; драгунскіе полки: Азовскій, Вологодскій, Казанскій, Олонецкій и Псковскій.

18) Пѣхотные полки: Бакинскій, Дагестанскій, Кабардинскій, Куринскій, Навагинскій, Нашебургскій, Сальянскій и Ширванскій; драгунскіе полки: Воронежскій и Нижегородскій.

Общая численность арміи, выступившей въ походъ, была такова: пѣхоты и кавалеріи — 23.105 человѣкъ, артиллеристовъ — 912, инженерныхъ — 83 человѣка, въ Слободскихъ полкахъ — 1.845 человѣкъ; при арміи имѣлась полевая и осадная артиллерія.

направленію къ Черному морю, расположилась лагеремъ въ двухъ колоннахъ: одна стала лицомъ къ крѣпости, а другая лицомъ въ поле; кавалерія и иррегулярная конница поставлены были по флангамъ, а пѣхота въ серединѣ. Въ тотъ же день особый отрядъ занялъ постъ Чивашъ-Кале, находившійся на концѣ перекопскаго вала. въ 12 часовъ дня графъ Ласси послалъ коменданту крѣпости требованіе о сдачѣ. Получивъ отказъ, фельдмаршалъ рѣшилъ взять Перекопъ штурмомъ. Ночью генералъ-квартирмейстеръ де-Бриньи, съ 2.000 человѣкъ пѣхоты, расположился въ шанцахъ въ полупушечномъ разстояніи отъ крѣпости и началъ возведеніе мортирныхъ батарей. На другой день открыта была бомбардировка Перекопа, продолжавшаяся цѣлый день 29-го іюня. Когда нашими выстрѣлами было сбито нѣсколько непріятельскихъ орудій и въ крѣпости начался пожаръ, то комендантъ ея выкинулъ бѣлый флагъ и предложилъ сдаться на условіи свободнаго выхода гарнизона; но Ласси не согласился на такое условіе, и гарнизонъ сдался на волю побѣдителей. Въ Перекопъ введено было 10 гренадерскихъ ротъ, которыя приняли отъ гарнизона пороховые погреба, батареи и магазины. При взятіи Перекопа сдались военно-плѣнными: двухбунчужный Абубекеръ-паша, одинъ ага, 1.136 турокъ и 1.276 татаръ. Найдено въ крѣпости: 82 пушки, 2 дробовика, 5 мортиръ, множество пороху, 3.422 ядра и 45 знаменъ; освобождено 22 плѣнныхъ. Потеря непріятеля состояла изъ 128 убитыхъ; съ нашей стороны убито 5 нижнихъ чиновъ, ранены: 1 штабъ-офицеръ, 1 оберъ-офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ.

Назначивъ комендантомъ Перекопа генерала де-Бриньи, фельдмаршалъ двинулся внутрь полуострова. Страна имѣла самый безотрадный видъ: зелень совершенно отсутствовала, повсюду виднѣлись слѣды разрушенія, произведеннаго татарами, не щадившими собственныхъ жилищъ. Во время марша 9-го іюля, аріергардъ былъ атакованъ 20.000 татаръ; находившіеся въ аріергардѣ украинскіе казаки пришли въ смятеніе и потѣснили шедшихъ впереди азовскихъ драгунъ. На помощь явился генералъ Шпигель съ 4-мя драгунскими полками и донскими казаками; онъ успѣлъ остановить бѣгущихъ, но въ свою очередь былъ атакованъ татарами. Сраженіе съ обѣихъ сторонъ сдѣлалось упорнымъ и нашей конницѣ пришлось бы плохо, не подоспѣй на выручку нѣсколько пѣхотныхъ полковъ (неизвѣстно какихъ); усиленное дѣйствіе ружейнаго огня заставило татаръ отступить. Непріятель понесъ огромный уронъ: на мѣстѣ сраженія оставлено имъ до 2.000 тѣлъ; наша потеря состояла изъ 700 человѣкъ убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ находился и генералъ Шпигель, получившій сабельный ударъ въ лицо. Конечная цѣль дѣйствій арміи графа Ласси заключалась во взятіи Кефы, чего фельдмаршалъ не имѣлъ возможности выполнить, въ виду отсутствія продовольствія и подножнаго корма въ опустошенномъ непріятелемъ краѣ; а флотилія наша, которая должна была доставить продовольствіе изъ Азова въ Крымъ, вслѣдствіе бурь, не пришла. Такимъ образомъ, фельдмаршалъ принужденъ былъ поспѣшить возвращеніемъ въ Украйну. Придя въ Перекопъ, онъ приказалъ совершенно срыть всѣ его укрѣпленія, и, присоединивъ гарнизонъ къ арміи, направился къ своимъ границамъ. Небольшія партіи татаръ все время преслѣдовали войска. Въ концѣ августа армія вступила въ Украйну, а въ началѣ октября уже расположилась на зимнихъ квартирахъ.

На европейскомъ театрѣ войны турки собрали всѣ свои силы для борьбы съ Россіей и Австріей; на этотъ разъ они направили большую часть войскъ противъ австрійцевъ, чтобы скорѣе покончить съ ними и тогда уже всей массой обрушиться на русскую армію. Противъ насъ дѣйствовало 70.000 турокъ, подъ начальствомъ бендерскаго сераскира и аккерманскаго султана Селимъ-Гирея. 18-го мая Минихъ переправился черезъ рѣку Омельникъ и пошелъ къ Бугу. 8-го іюня часть войскъ, по наведеннымъ мостамъ, перешла черезъ

Ингулъ, а 19-го числа передовой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-квартирмейстера Фермора, подошелъ къ рѣкѣ Бугу. Турки сосредоточивали свои силы близъ рѣки Кодыма, намѣреваясь атаковать нашу армію при переправѣ черезъ эту рѣку. 29-го іюня войска выступили изъ лагеря и начали переправу черезъ Кодымъ, неподалеку отъ сліянія его съ Бугомъ. Уже большая часть арміи была на противоположномъ берегу, когда казаки дали знать, что непріятель имѣетъ намѣреніе переправиться на лѣвый берегъ Кодыма и напасть на обозы, артиллерію и провіантскій магазинъ. Впрочемъ, тревога оказалась ложной, и турки, вмѣсто атаки, совсѣмъ отступили. На другой день (30-го іюня) они вновь произвели нападеніе; сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ и всѣ атаки непріятеля были отбиты; вслѣдъ затѣмъ русскіе полки перешли въ наступленіе и совершенно разсѣяли облегавшія ихъ толпы турокъ.

Послѣ сраженія у Кодыма, наши войска, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, не были тревожимы непріятелемъ; но совершенное отсутствіе подножнаго корма заставило Миниха измѣнить маршрутъ: онъ направился по рѣкамъ Саврани и Малакиша, вмѣсто прежняго пути по рѣкамъ Сухому Парталу и Кодыму. Непріятель все время преслѣдовалъ армію. 26-го іюля при рѣкѣ Молочицѣ и 30-го іюля на Бѣлогѣ, произошли два жаркихъ дѣла; въ послѣднемъ мы потеряли до 500 человѣкъ, а турки оставили на мѣстѣ 2.000. Впрочемъ, сраженіе 30-го іюля было послѣднимъ въ этомъ году: фельдмаршалъ, дойдя до рѣки Бѣлоги и не переходя даже Днѣстръ, предпринялъ отступленіе къ своимъ границамъ. Къ такому рѣшенію заставили его придти слѣдующія причины: 1) сильное изнуреніе вьючнаго скота не позволяло арміи переправиться черезъ Днѣстръ; 2) носились упорные слухи о намѣреніи турокъ пройти черезъ Польшу и напасть на Кіевъ, и 3) появленіе въ Молдавіи мороваго повѣтрія. 1-го августа войска расположились лагеремъ недалеко отъ рѣки Бѣлоги. На другой день генералъ-лейтенантъ Загряжскій, безъ приказанія фельдмаршала, отправилъ на фуражировку отрядъ, подъ начальствомъ полковника Тютчева. Въ то время, когда солдаты фуражировали, большая толпа татаръ, засѣвшая въ близлежавшихъ развалинахъ замка, напала на фуражировъ, разсѣяла ихъ по полю, удаливъ отъ арміи на 4 или 5 верстъ, причемъ 400 человѣкъ было убито и столько же взято въ плѣнъ; татары успѣли отогнать болѣе двухъ тысячъ лошадей и рогатаго скота. Этотъ печальный случай чрезвычайно разсердилъ графа Миниха. Генералъ-лейтенантъ Загряжскій, дежурный бригадиръ князь Кантакузенъ и полковникъ Тютчевъ были преданы военному суду, который приговорилъ: первыхъ двухъ — къ разжалованію, а послѣдняго — къ разстрѣлянію. При движеніи арміи къ рѣкѣ Каменкѣ, она терпѣла большой недостатокъ въ водѣ, вслѣдствіе чего пало много скота. Чтобы сохранить остальной скотъ, Минихъ отправилъ его, подъ сильнымъ прикрытіемъ, къ источникамъ, находившимся въ 12-ти верстахъ впереди. 21-го августа армія пришла къ рѣкѣ Бугу и расположилась лагеремъ при деревнѣ Гремлянчикѣ, а въ концѣ сентября вошла въ Украйну. Такъ закончился походъ 1738 года.

Вѣнскій кабинетъ остался чрезвычайно недоволенъ раннимъ окончаніемъ кампаніи и просилъ Императрицу Анну Іоанновну предписать фельдмаршалу Миниху взять крѣпость Бендеры. Императрица согласилась на просьбу союзниковъ и послала фельдмаршалу приказаніе вторично двинуться въ Турцію. Фельдмаршалъ получилъ это повелѣніе въ то время, когда армія, переправясь черезъ рѣку Бугъ, шла уже въ Украйну; онъ немедленно собралъ военный совѣтъ, на коемъ рѣшено представить на усмотрѣніе Императрицы полнѣйшую невозможность вновь начинать военныя дѣйствія. Государыня уважила представленіе совѣта и позволила войскамъ отправиться на зимнія квартиры.

Продолжавшаяся уже три года война сильно утомила Россію и Турцію; кромѣ того, политическія обстоятельства заставляли оба государства искать мира: въ послѣднее время

Швеція стала весьма непріязненно относиться съ Россіи и нужно было ожидать съ нею разрыва; въ то же время и Турціи грозила война съ Персіей. Казалось бы, что въ интересахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ было заключить миръ и обратиться противъ новыхъ враговъ; но Порта, сдѣлавшись самонадѣянною послѣ одержанныхъ ею надъ австрійцами побѣдъ, не хотѣла принимать предложенныхъ ей условій мира и рѣшилась еще разъ испытать счастье въ войнѣ съ русскими. Къ началу 1739 г. положеніе нашей союзницы, Австріи, было самое плачевное: всюду терпѣвшіе пораженія, австрійцы почти уже соглашались на требованіе Турціи—отдать ей Венгрію и Трансильванію. Однако, прежде чѣмъ заключить такой постыдный миръ, императоръ Карлъ VI отправилъ въ Петербургъ маркиза де-Ботта съ убѣдительною просьбою прислать вспомогательный корпусъ. Императрица повелѣла сформировать корпусъ и направила его черезъ Польшу въ Австрію; но, по жалобѣ польскаго короля и вслѣдствіе увеличивавшихся недоразумѣній со Швецію, движеніе корпуса пріостановлено. Въ то же время переговоры нашего правительства съ Турціею, веденные при посредствѣ французскаго посла въ Константинополѣ, маркиза де-Вильнева, остались безуспѣшны, и война опять началась. Для совѣщаній о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, пріѣхали въ Петербургъ оба фельдмаршала, Минихъ и Ласси. Здѣсь былъ составленъ планъ кампаніи, главныя задачи котораго заключались во взятіи крѣпости Хотина и перенесеніи театра войны въ Молдавію. Одновременно съ началомъ дѣйствій арміи графа Миниха, фельдмаршалъ Ласси долженъ былъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, вступить въ Крымъ. Но Ласси находилъ неудобнымъ движеніе въ Крымъ, гдѣ всегда ощущался недостатокъ фуража и воды; вмѣсто этого онъ предложилъ, для отвлеченія татаръ отъ помощи туркамъ, расположить войска у Волчьихъ Водъ, на Калміусскихъ вершинахъ, въ Азовѣ и другихъ пунктахъ южной границы; а на Кубань отправить казаковъ и калмыковъ.

Въ 1739 году дѣятельность арміи фельдмаршала Ласси заключалась въ передвиженіяхъ по границѣ Крыма и въ набѣгахъ казаковъ внутрь полуострова. Въ маѣ мѣсяцѣ войска выступили изъ винтеръ-квартиръ; часть ихъ собралась у Молочныхъ Водъ, а другая часть, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Левашева, производила поиски изъ крѣпости Азова. Простоявъ на границахъ Крыма до августа, и произведя въ концѣ этого мѣсяца съ частью отряда движеніе къ Перекопу, фельдмаршалъ Ласси возвратился къ своимъ границамъ и затѣмъ распустилъ войска на зимовку [19].

Между тѣмъ, армія Миниха, противъ которой турки сосредоточивали почти всѣ свои силы, одержала рядъ побѣдъ (23-го іюля при Синковицахъ, 17-го августа при Ставучанахъ), взяла Хотинъ и въ концѣ августа вступила въ Молдавію. 3-го сентября графъ Минихъ торжественно въѣхалъ въ столицу Молдавіи, городъ Яссы. Отсюда онъ отправилъ въ Буджакскую орду нѣсколько манифестовъ, въ которыхъ убѣждалъ жителей принять русское подданство; чтобы заставить татаръ скорѣе на это рѣшиться, фельдмаршалъ двинулся къ Бендерамъ, хотя, въ сущности, совсѣмъ не думалъ объ овладѣніи этой крѣпостью, не имѣя при арміи осадной артиллеріи [20]. Но всѣ дальнѣйшіе успѣхи нашего оружія были парализованы заключеніемъ между Австріею и Турціею мира. 11-го сентября, постыдный для Австріи миръ былъ подписанъ и она уступила Портѣ права свои на Сербію и Австрійскую Валахію. Донося объ этомъ Императрицѣ, графъ Минихъ убѣдительно просилъ, въ случаѣ начатія съ Турціей переговоровъ, соглашаться на заключеніи мира только при условіяхъ: уступки Россіи всей Молдавіи или, по крайней мѣрѣ, до Яссъ и крѣпости Хотина, разореніи Бендеръ и распространеніи границъ черезъ Днѣстръ и Бугъ до Казикерменя

[19] Дѣло № 125. Томъ 7. Военно-Ученый Архивъ.
[20] Вслѣдствіе весьма плохаго состоянія упряжи, артиллерія была оставлена въ Хотинѣ.

(нынѣ Бориславъ). Въ случаѣ отказа Порты заключить миръ на этихъ условіяхъ, фельдмаршалъ предлагалъ поддержать свои требованія оружіемъ и на одержанныхъ побѣдахъ основать выгодный для Россіи миръ.

Не имѣя возможности овладѣть Бендерами, Минихъ остановился у буджакскихъ границъ. Вскорѣ армія возвратилась въ Яссы, а наступившіе затѣмъ сильные холода и морозы принудили фельдмаршала направиться къ своимъ границамъ.

Не смотря на просьбы графа Миниха, Императрица не пожелала продолжать войну и приказала приступить къ переговорамъ о мирѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ подписанъ былъ въ Бѣлградѣ между Россіею и Турціею прелиминарный договоръ, а въ концѣ декабря ратификованъ миръ, по которому Россія возвращала Портѣ всѣ свои завоеванія и обязалась разорить укрѣпленіе Азова, взамѣнъ чего границы наши расширялись къ югу на 80 верстъ.

И такъ, незначительная, безлюдная и безводная полоса земли послужила наградой за всѣ труды, лишенія и подвиги нашихъ войскъ. Пріобрѣтеніе это не могло вознаградить даже денежныхъ затратъ Россіи за періодъ четырехлѣтней войны.

Въ продолженіе турецкой войны, дѣйствія Апшеронскаго полка рельефнѣе всего обрисованы при осадѣ и взятіи крѣпости Азова. Безспорно, полкъ принималъ участіе и во всѣхъ дальнѣйшихъ походахъ и сраженіяхъ, находясь постоянно въ арміи графа Ласси; но положительно невозможно опредѣлить степень участія его въ томъ или другомъ сраженіи, ибо въ архивныхъ документахъ того времени, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ свѣдѣнія ограничиваются показаніемъ только лишь количества войскъ.

Глава Третья.

Война со Швеціею 1741—1743 гг. — Движеніе Апшеронскаго полка къ сѣвернымъ границамъ. — Интриги шведскаго правительства. — Борьба партій. — Вооруженіе шведовъ. — Политическое состояніе Россіи. — Приготовленія къ войнѣ. — Военный совѣтъ въ Петербургѣ. — Формированіе арміи. — Апшеронскій полкъ въ корпусѣ генерала Кейта. — Лагерь у Мула-Мыза. — Прибытіе графа Ласси. — Расположеніе непріятеля. — Движеніе русскихъ къ Вильманстранду. — Ночная тревога. — Прибытіе къ Вильманстранду корпуса Врангеля. — Ордеръ-де-батайль. — Сраженіе 23-го августа. — Разбитіе шведовъ. — Штурмъ крѣпости и смерть командира полка, полковника Ломана. — Потери наши и трофеи. — Реляція графа Ласси. — Возвращеніе въ Выборгъ. — Послѣдствія одержанной побѣды. — Военныя дѣйствія осенью. — Воцареніе Императрицы Елисаветы. — Заключеніе перемирія. — Численный составъ полка и назначеніе новаго командира.

По окончаніи войны съ Турціею, Апшеронскій полкъ былъ двинутъ къ сѣвернымъ границамъ, такъ какъ Россіи угрожала война со Швеціею. Пользуясь тѣмъ, что Россія вела войну и, слѣдовательно, значительная часть военныхъ силъ государства была стянута на южныя границы, Швеція задумала объявить намъ войну, съ цѣлью возвратить обратно провинціи свои, уступленныя Петру Великому по Ништадтскому миру (1721 г.). Въ это время въ Швеціи боролись двѣ партіи, изъ коихъ партія «шляпъ» требовала войны, а другая партія—«колпаковъ»—стояла за миръ. Не смотря на всѣ усилія колпаковъ, партія шляпъ одержала верхъ, и Швеція стала приготовляться къ войнѣ. Во всей арміи производилось вооруженіе, а на границы Россіи, въ Финляндію, отправлено 6.000 пѣхоты. Наконецъ, въ концѣ 1839 года, Швеція заключила съ Турціею союзъ.

Послѣднее обстоятельство обратило на себя вниманіе русскаго правительства, и оно, черезъ посла своего въ Стокгольмѣ, потребовало объясненія: что означаетъ заключеніе союза съ Турціей и съ какой цѣлью дѣлаются въ Швеціи большія военныя приготовленія. На оба эти вопроса шведское правительство дало весьма уклончивые отвѣты, не оставлявшіе, однако, никакихъ сомнѣній, что оно, въ недалекомъ будущемъ, намѣрено объявить намъ войну. Тѣмъ не менѣе, Швеція, такъ сильно желавшая съ Россіей разрыва и подготовлявшаяся къ войнѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, ко времени объявленія ея не имѣла въ Финляндіи, какъ въ главномъ театрѣ будущихъ военныхъ дѣйствій, ни достаточнаго количества войскъ, ни надежныхъ крѣпостей, ни снабженныхъ продовольстіемъ магазиновъ. Расчитывая на полнѣйшій успѣхъ, шведы предполагали довольствовать свою армію изъ взятыхъ у насъ магазиновъ и однимъ рѣшительнымъ ударомъ возвратить обратно то, что досталось Россіи путемъ двадцатилѣтней борьбы. Одинъ изъ участниковъ шведской войны, Александръ Ильичъ Бибиковъ (впослѣдствіи генералъ-аншефъ и кавалеръ многихъ орденовъ, скончавшійся во время дѣйствій противъ Пугачева), въ своихъ запискахъ о ней, пишетъ слѣдующее: «сія война, начатая шведами съ такимъ по всей Европѣ разглашеніемъ, что приготовленія для оной учинены съ благоразумнымъ основаніемъ, а производима будетъ съ чрезвычайною стремительною

силою, была съ ихъ стороны совершеннымъ противорѣчіемъ всѣмъ правиламъ и планамъ военныхъ дѣйствій. Не собравъ еще въ Финляндіи 10.000 человѣкъ, которыми бы можно было дѣйствовать, объявлена была уже война. Сей малый корпусъ не имѣлъ при себѣ ни осадной, ниже полевой артиллеріи, ибо находившагося при ономъ малаго числа полковыхъ пушекъ въ счетъ положить не можно, а магазейны ихъ такъ мало снабжены были хлѣбомъ, какъ и прочія распоряженія будто бы нарочно учинены худо. Къ сему надлежитъ присовокупить мнимую ихъ геройскую гордость, основанную на побѣдахъ первыхъ лѣтъ владѣнія короля Карла XII и на тогдашнее малое регулярство и неискусство въ войнѣ россійскихъ войскъ; вмѣсто чего приличнѣе бы имъ было воспомянуть состояніе россійской и шведской арміи послѣ 1709 года и доподлиннаго совершенства коего военная наука съ того времени достигла, а напротивъ того у шведовъ упала» [1]. Для приведенія въ безопасность нашихъ границъ и осмотра пограничныхъ со Швеціею крѣпостей, отправленъ былъ фельдмаршалъ Минихъ. Онъ усилилъ гарнизонъ крѣпости Кронштадта до 10.000 человѣкъ, увеличилъ также гарнизоны Выборга, Кексгольма и Шлиссельбурга; кромѣ того, въ первомъ образовалъ большой провіантскій магазинъ и, вообще, привелъ всю пограничную линію въ надлежащее оборонительное состояніе. Около Кронштадта началъ собираться корабельный и гребной флотъ, на послѣдній должна была быть посажена часть кронштадтскаго гарнизона для дессанта.

Въ это время внутреннее состояніе нашего государства находилось не въ особенно завидномъ положеніи. Какъ извѣстно, съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны, потомство Петра Великаго отстранено и державныя права перешли въ потомство Іоанна Алексѣевича. Императрица еще при жизни, за малолѣтствомъ наслѣдника престола Іоанна Антоновича, назначила регентомъ герцога Бирона, отстранивъ, такимъ образомъ, отъ регентства мать юнаго Императора, герцогиню Брауншвейгскую Анну Леопольдовну. Вскорѣ Императрица скончалась, и для Россіи наступило тяжелое время. Биронъ ознаменовалъ свое правленіе казнями, ссылками и различными угнетеніями какъ дворянъ, такъ и простого народа. Чтобы упрочить за собою власть, онъ задумалъ женить своего старшаго сына на Царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, а дочь выдать за герцога Голштинскаго. Но, къ счастью, всѣ планы честолюбиваго герцога рушились въ одну ночь: 8-го ноября фельдмаршалъ Минихъ арестовалъ Бирона, объявилъ Анну Леопольдовну правительницей, а надъ бывшимъ регентомъ назначенъ судъ. Биронъ, лишенный всѣхъ почестей и богатства, сосланъ въ Сибирь (въ городъ Пелымъ). Но вскорѣ и Минихъ сошелъ со сцены: видя, что услуги его забыты и власть ограничена, фельдмаршалъ подалъ въ отставку.

Когда описанныя выше событія происходили въ Петербургѣ, въ Стокгольмѣ собрался сеймъ, всѣ дѣйствія котораго ясно указывали на воинственные замыслы шведовъ. 15-го іюня 1741 года, шведскій посолъ выѣхалъ изъ Петербурга, хотя война и не была еще оффиціально объявлена. Для командованія русскими войсками назначены были фельдмаршалъ графъ Ласси и генералъ Кейтъ. Въ Петербургѣ составился военный совѣтъ (гдѣ, между прочимъ, засѣдали министры и придворные, но ни одного военнаго генерала), на которомъ рѣшили сформировать армію и раздѣлить ее на три части: главная, подъ начальствомъ фельдмаршала Ласси и генерала Кейта, предназначалась для военныхъ дѣйствій въ Финляндіи; вторая должна была находиться въ Ингерманландіи, съ цѣлью воспрепятствовать непріятелю произвести тамъ дессантъ, и третья—охраняла Эстляндію и Лифляндію. 22-го іюля начали формировать первый лагерь, подъ начальствомъ генерала Кейта. Онъ

---

[1]) Записки Бибикова. Дѣло № 33, стр. 10. Военно-Ученый Архивъ.

находился въ четырехъ миляхъ отъ Петербурга, къ сторонѣ Выборга, близъ деревни Осиновая Роща, и состоялъ изъ пяти пѣхотныхъ и трехъ драгунскихъ полковъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ гренадерскихъ ротъ. Наконецъ, 28-го іюля 1741 года, Швеція объявила Россіи войну, причемъ мотивы были слѣдующіе: «....учиненное запрещеніе вывозить хлѣбъ изъ Россіи въ Швецію, отстраненіе царевны Елисаветы Петровны отъ россійскаго престола, неограниченная власть, каковую иностранцы надъ россійскою націею себѣ присвоили, и проч.».

Обнародовавъ манифестъ о войнѣ, шведы приняли строжайшія мѣры къ тому, чтобы извѣстіе о немъ дошло въ Россію какъ можно позже; но наше правительство своевременно узнало о манифестѣ и предписало генералу Кейту немедленно открыть военныя дѣйствія. Предназначенный для дѣйствія корпусъ, въ началѣ кампаніи, состоялъ изъ десяти полковъ пѣхоты (въ числѣ ихъ Апшеронскій полкъ, подъ командою полковника Ломана) и девяти эскадроновъ драгунъ[2]. Впрочемъ, въ архивныхъ документахъ показанія о количествѣ русскихъ войскъ весьма разнорѣчивы, а объ артиллеріи упомянуто совсѣмъ глухо, сказано только, «что она при корпусѣ находилась».

Генералъ-аншефъ Бибиковъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Есть-ли прямо памятуя, ибо я при первой кампаніи 1741 году самъ не былъ, то сей корпусъ состоялъ изъ 9-ти полковъ пѣхоты и 14-ти эскадроновъ драгунъ, которые (т. е. пѣхота и кавалерія), будучи собраны, въ самой скорости къ Вильманстранду марщировали»[3].

Объявивъ намъ войну, шведы даже не подумали о составленіи какого либо плана кампаніи, не выбрали себѣ операціонной базы; въ началѣ марта 1741 года ихъ намѣренія сводились къ слѣдующимъ, весьма неопредѣленнымъ, задачамъ: «Швеція намѣрена дѣйствовать съ силою, чтобы скорѣе окончить войну и тѣмъ уменьшить издержки; въ Финляндію отправится 30.000 пѣхоты, такъ какъ мѣстность тамъ очень неровна, гориста и изрѣзана рѣками, почему кавалеріи было бы трудно дѣйствовать; армію эту прикрываетъ галерный флотъ, который самъ прикрывается корабельнымъ и проч.»[4]. Самоувѣренность нашихъ противниковъ была по-истинѣ изумительна. Такъ, напримѣръ, одновременно съ обнародованіемъ манифеста о войнѣ, въ Стокгольмѣ образована коммиссія изъ 11 членовъ, которая выработала проектъ будущихъ мирныхъ условій съ Россіею. Условія мира состояли изъ трехъ пунктовъ и вотъ содержаніе ихъ:

1) «Если Россія будетъ просить мира, то не вступать съ нею даже въ перемиріе, раньше чѣмъ прелиминарно не будутъ уступлены Швеціи: Карелія, Кексгольмъ, Выборгъ, Петербургъ, Кронштадтъ и вся Нева. Основаніемъ мира принять Столбовскій миръ, заключенный въ 1617 году; поэтому Швеціи, кромѣ уже упомянутаго выше, должны еще быть уступлены: вся Эстляндія, Лифляндія, Карелія и Ингерманландія, а также всѣ принадлежавшіе ей прежде острова и сверхъ того Ладожское озеро, такъ что граница должна значительно отодвинуться къ Востоку противъ той, которая была назначена въ 1617 году, и идти черезъ Онежское озеро до Бѣлаго моря»;
2) «Если бы шведское оружіе потерпѣло какой либо уронъ на сухомъ пути или на морѣ, или стеченіе обстоятельствъ (конъюнктуры) стало вообще невыгодно для Швеціи, то тогда требовать возвращенія Эзеля, Даго и остальныхъ острововъ Финскаго залива, а также всей Эстляндіи, Ингерманландіи, Кареліи и Кексгольмской

---

[2]) Пѣхота: Апшеронскій, Астраханскій, Великолуцкій, Гренадерскій, Ингерманландскій, Нарвскій, Невскій, Нивовскій, Новгородскій и Пермскій полки. Кавалерія: 3 эскадрона конныхъ гренадеръ, 3 эскадрона Казанскаго и 3 эскадрона Ямбургскаго полковъ (изъ ордеръ-баталіи).

[3]) Записки Бибикова. Дѣло № 33. Военно-Ученый Архивъ.

[4]) Шпилевскій. Описаніе войны между Швеціей и Россіей, составлено по шведскимъ источникамъ. Стр. 35 и 36.

губерніи, со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и крѣпостями, однимъ словомъ возстановленія границъ, существовавшихъ въ 1700 году»;

3) «Наконецъ, если, противъ всякаго ожиданія, шведское оружіе потерпѣло бы значительное пораженіе, или на Швецію возстали другія державы и ей черезъ то могла угрожать опасность, то довольствоваться въ такомъ случаѣ слѣдующими условіями: вся Карелія, Кексгольмъ, Выборгъ и вся рѣка Нева, съ крѣпостью Нозенбургомъ (?), Петербургомъ и Кронштадтомъ должны быть уступлены Швеціи. Россія должна обязаться не имѣть военныхъ судовъ и галеръ въ Финскомъ заливѣ или у береговъ Эстляндіи и Лифляндіи, откуда вывозъ хлѣба снова долженъ бытъ дозволенъ на условіяхъ Ништадтскаго мирнаго договора, о которомъ, впрочемъ, ни подъ какимъ видомъ не упоминать, но считать его совершенно уничтоженнымъ, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ такіе пункты, которые служатъ Россіи предлогомъ вмѣшиваться въ частныя дѣла Швеціи» [5].

Въ началѣ августа Кейтъ подошелъ со своимъ корпусомъ къ деревнѣ Мула-Мыза [6]. У этой деревни дороги раздѣлялись и до нея можно было дойти вдоль по берегу моря, обойти Выборгъ и проникнуть въ Петербургъ, поэтому генералъ Кейтъ велѣлъ соорудить здѣсь большой окопъ.

Въ половинѣ августа прибылъ въ армію фельдмаршалъ графъ Ласси и принялъ надъ нею главное начальство. Онъ собралъ подробныя свѣдѣнія о расположеніи и силахъ непріятеля. Находившіяся въ Финляндіи шведскія войска состояли изъ двухъ отрядовъ: первый—генерала барона Врангеля, стоялъ лагеремъ у Мартилы, въ 3-хъ миляхъ къ западу отъ крѣпости Вильманстранда, а другой, подъ начальствомъ Буденброка, занималъ позицію у Кварнбю, въ 1/4 мили къ востоку отъ крѣпости Фридрихсгама, и прикрывалъ дорогу въ Нюландскую и Абосскую губерніи. Между лагерями обоихъ непріятельскихъ отрядовъ считалось около 40 верстъ. По словамъ участника кампаніи, Манштейна, корпусъ Врангеля состоялъ изъ 5.256 человѣкъ, а Буденброкъ имѣлъ 5.000 человѣкъ. Ближайшій къ намъ укрѣпленный пунктъ—была крѣпость Вильманстрандъ. Вотъ какъ описываетъ ее полковникъ Манштейнъ:

«Это небольшой городокъ, въ хорошихъ четырехъ нѣмецкихъ миляхъ отъ русской границы, расположенный на берегу большаго озера, прикрывающаго его сзади, такъ что напасть на него можно только спереди, а эта часть укрѣплена прикрытымъ путемъ, сухимъ рвомъ съ палисадомъ и валомъ съ штурмфалами; все это сдѣлано изъ земли и фашинъ. Хотя городъ лежитъ на высотѣ, однако вокругъ него господствуютъ горы; самая высокая изъ нихъ находится на право, тамъ, гдѣ была вѣтреная мельница; шведы поставили здѣсь большой караулъ, чтобы не дать русскимъ занять ее; остальная часть мѣстности чрезвычайно неровная: вездѣ лѣса, болота, кустарники, скалы и овраги. Къ городу чрезвычайно трудно подойти, иначе нельзя, какъ по большой дорогѣ. Тамъ и сямъ попадаются небольшіе клочки огороженныхъ и обработанныхъ полей. Всякій согласится, что очень трудно дѣйствовать съ войсками на подобной почвѣ и что небольшой отрядъ, хорошо умѣющій защищаться, легко можетъ побѣдить болѣе сильный корпусъ, на него нападающій» [7].

20-го августа, въ день рожденія юнаго Императора Іоанна Антоновича, фельдмаршалъ поставилъ войска подъ ружье и объявилъ имъ о войнѣ со Швеціею. Войска приняли это извѣстіе съ большими изъявленіями радости. Графъ Ласси произнесъ короткую

---

5) Тамъ же, стр. 38 и 39

6) Въ 8-ми миляхъ отъ Выборга.

7) «Русская Старина» 1875 г. Записки Манштейна о Россіи 1727—1744 гг., стр. 221.

рѣчь, обращаясь къ каждому баталіону отдѣльно, уговаривалъ солдатъ дѣлать свое дѣло и стараться не только упрочить, но еще и увеличить славу русскаго оружія.

На разсвѣтѣ, 21-го августа, армія двинулась въ путь; повозки и палатки остались въ лагерѣ, а солдаты взяли хлѣба только на пять дней. Два штабъ-офицера были откомандированы для начальства надъ лагеремъ, въ которомъ оставлены отъ каждаго полка три офицера и сто солдатъ, а отъ каждой бригады по одному капитану. Въ походъ выступило 9.900 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи.

Гористое мѣстоположеніе страны, пересѣченной покрытыми лѣсомъ скалами, протоками, озерами и болотами позволяло нашимъ войскамъ слѣдовать только одной узкой колонной. Кавалерія въ Финляндіи не имѣла почти никакого примѣненія и всѣ дѣла рѣшались пѣхотою и артиллеріей. Вступивъ въ непріятельскую землю, русскіе, во все время движенія къ Вильманстранду, не встрѣтили ни одного вооруженнаго шведа, кромѣ нѣсколькихъ укрывавшихся въ лѣсахъ чухонцевъ. Безпечность непріятеля была настолько велика, что онъ узналъ о наступленіи русскаго корпуса только тогда, когда послѣдній, подойдя къ Вильманстранду, расположился верстахъ въ 6-ти отъ него лагеремъ. Ночью къ нашему лагерю подошелъ непріятельскій разъѣздъ, принятый часовыми за шведскій авангардъ; произошла большая тревога, открылась ружейная и пушечная пальба, которую могли остановить только черезъ полчаса.

Около 200 драгунскихъ лошадей, ошеломленныхъ огнемъ, оторвались отъ коновязи и побѣжали по большой вильманстрандской дорогѣ. Шведскій передовой караулъ, стоявшій въ полмили отъ русскихъ, услыхавъ стрѣльбу и въ то же время топотъ лошадей, вообразилъ, что это идутъ русскіе и понесся во весь духъ въ городъ; лошади бѣжали за нимъ такъ близко, что очутились въ Вильманстрандѣ вмѣстѣ съ карауломъ, прежде чѣмъ успѣли поднять мостъ. Тутъ только испуганный гарнизонъ увидѣлъ, что лошади не имѣли всадниковъ и страхъ ихъ былъ напрасный. На другой день русскій корпусъ продвинулся впередъ и занялъ позицію у деревни Армилы, верстахъ въ двухъ отъ крѣпости. Фельдмаршалъ Ласси и генералъ Кейтъ, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты и двухсотъ конныхъ гренадеръ, произвели рекогносцировку подступовъ къ Вильманстранду. Въ полдень передовые посты дали знать о приближеніи значительнаго непріятельскаго отряда—то шелъ корпусъ Врангеля. Получивъ наканунѣ извѣстіе о появленіи русскихъ войскъ, Врангель двинулся на помощь вильманстрандскому гарнизону и прибылъ къ крѣпости почти одновременно съ нашими войсками: въ 4 часа графъ Ласси расположился у Армилы, а въ 8 часовъ вечера шведскій отрядъ занялъ позицію у Вильманстранда. Появленіе значительныхъ силъ непріятеля поставило фельдмаршала въ затруднительное положеніе: онъ не зналъ, одинъ ли корпусъ Врангеля находится передъ нимъ, или соединенный съ корпусомъ Буденброка. Въ первомъ случаѣ русскій отрядъ былъ сильнѣе и могъ съ большими шансами на успѣхъ атаковать шведовъ; но въ послѣднемъ—силы непріятеля превосходили наши, слѣдовательно, надлежало дѣйствовать какъ можно осторожнѣе, ибо за стѣнами Выборга войскъ не имѣлось, да и ждать скорой помощи не откуда было. Неровности мѣстности скрывали непріятельскую позицію и не давали возможности сдѣлать ближайшее, вѣрное заключеніе о дѣйствительныхъ силахъ противника. Не желая отваживаться на сраженіе, исходъ котораго былъ не вполнѣ обезпеченъ, графъ Ласси отдалъ уже приказаніе начать утромъ 23-го августа обратное движеніе къ Выборгу. «Ночь прошла совершенно спокойно. Настало утро 23-го августа 1741 года, прогремѣла заревая пушка, пробили зорю и потомъ опять все смолкло; только небольшіе отряды кавалеріи, высылаемые съ той и съ другой стороны для рекогносцировки, появлялись по временамъ. Прошло нѣсколько часовъ, а нашъ корпусъ

все еще не показывалъ расположенія къ бою. Врангель надѣялся, что мы въ этотъ день ничего не предпримемъ и хотѣлъ послать адъютанта Аминова на встрѣчу Буденброку, чтобы просить его поспѣшить старою дорогою, которая отъ Фридрихсгама ведетъ черезъ Армилы къ востоку отъ Вильманстранда, съ цѣлью зайти русскому отряду въ тылъ [8]. Но въ это время графъ Ласси получилъ черезъ шпіоновъ вѣрное свѣдѣніе о силахъ находившагося передъ нимъ шведскаго отряда и рѣшилъ немедленно его атаковать. По диспозиціи къ бою, вся пѣхота стала въ двѣ линіи: въ первой находилось пять полковъ, подъ начальствомъ генераловъ Кейта, Штофельна и Альбрехта; во 2-й линіи также пять полковъ (въ томъ числѣ и Апшеронскій), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бахметьева и генералъ-маіора барона фонъ-Икскуля. Кавалерія сначала расположена была по обоимъ флангамъ, но впослѣдствіи сосредоточилась на лѣвомъ, гдѣ лѣсъ не былъ такъ густъ, какъ на правомъ. Особыхъ распоряженій къ атакѣ Ласси не сдѣлалъ, а приказалъ только, чтобы части «сохранили между собою связь общаго ордера баталіи».

Шведскій генералъ расположилъ свои войска по откосу горы, устроивъ въ центрѣ позиціи, на отдѣльной высотѣ, сильную батарею; лѣвое крыло позиціи примыкало къ глубокому рву и находилось подъ защитою ружейнаго и артиллерійскаго огня изъ крѣпости, а правое упиралось въ небольшую деревню, позади которой, въ лощинѣ, стояла кавалерія.

Въ 2 часа дня сраженіе открылось съ обѣихъ сторонъ сильной пушечной пальбою, причемъ намъ пришлось устраивать батареи подъ жестокимъ огнемъ непріятеля. Центральная шведская батарея наносила русскимъ чрезвычайный вредъ, поэтому генералъ Кейтъ приказалъ полковникамъ Бальмену и командиру Апшеронскаго полка Ломану, съ двумя баталіонами гренадеръ, взять батарею; атаку гренадеръ поддерживали два пѣхотныхъ полка, подъ начальствомъ полковника Манштейна. Мѣстность передъ батареей не вполнѣ благопріятствовала атакующимъ: имъ приходилось, выйдя изъ лѣса, устраивать линію въ двѣ роты, а затѣмъ спускаться въ крутой оврагъ, раздѣлявшій обѣ позиціи, и взбираться на гору подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. Произведя нѣсколько безуспѣшныхъ атакъ, потерявъ очень много убитыми и ранеными и лишившись болѣе половины офицеровъ, гренадеры начали въ безпорядкѣ отступать. Замѣтивъ это, генералъ Кейтъ приказалъ Манштейну атаковать лѣвый флангъ непріятельской позиціи, что и было исполнено съ большимъ успѣхомъ: послѣ перваго же залпа, шведы бросились бѣжать къ городу. Между тѣмъ, Врангель, видя разстройство гренадеръ и не зная о полномъ пораженіи своего лѣваго крыла, приказалъ перейти въ наступленіе. Шведы спустились внизъ съ занимаемой ими высоты и пошли на гренадеръ въ атаку. Тогда фельдмаршалъ Ласси двинулъ впередъ вторую линію, и увлекшійся преслѣдованіемъ непріятель сталъ лицомъ къ лицу со свѣжими нашими силами. Пять полковъ (въ томъ числѣ и Апшеронскій) штыками опрокинули противника и заставили его отступать, а вслѣдъ за тѣмъ отступленіе перешло въ безпорядочное бѣгство. Было уже около пяти часовъ вечера, когда русскія войска овладѣли какъ батареею, такъ и высотою; большая часть непріятельскаго корпуса истреблена, а оставшіеся въ живыхъ бѣжали подъ защиту стѣнъ крѣпости; командующій корпусомъ, генералъ Врангель, былъ взятъ въ плѣнъ. Разбивъ шведовъ и отправивъ вслѣдъ за бѣжавшими часть кавалеріи, фельдмаршалъ Ласси рѣшилъ немедленно штурмовать Вильманстрандъ. Онъ приказалъ повернуть взятыя у непріятеля орудія и открылъ противъ крѣпости губительный огонь. Еще до начала бомбардировки, Ласси послалъ къ крѣпости барабанщика, съ требованіемъ сдачи; но гарнизонъ производилъ по нашимъ войскамъ непрерывную стрѣльбу, и барабанщикъ былъ убитъ. Тогда

8) Дѣло № 193. Военно-Ученый Архивъ.

фельдмаршалъ послалъ пѣхоту на штурмъ. Солдаты наши быстро взобрались на валы и черезъ часъ крѣпость была взята, весь гарнизонъ истребленъ и только немногіе попались въ плѣнъ[9]. Во время штурма Вильманстранда, Апшеронцы лишились храбраго своего командира полка, полковника Ломана, убитаго въ то время, когда онъ уговаривалъ непріятеля не стрѣлять, а сдаться. Во II-мъ томѣ ученыхъ записокъ Императорской академіи наукъ за 1854 годъ, стр. 330, есть описаніе штурма, сдѣланное однимъ изъ участниковъ его, шведомъ Тибурціусомъ. Беремъ оттуда выдержку: «...Теперь дѣло дошло до крѣпости. Русскіе по пятамъ слѣдовали за бѣгущими и перешли почти одновременно съ ними за палисады. Ретировавшіеся въ крѣпость дрались отчаянно, но такъ какъ почти всѣ пушки сняты были со стѣнъ для кваренбакской батареи[10], то шведы доведены были до крайности. Вилебрандъ, комендантъ крѣпости, извѣстилъ Врангеля о бѣдственномъ своемъ положеніи и получилъ отъ него приказаніе просить капитуляціи. Русскіе уже начали входить на валы; защищаться далѣе было рѣшительно невозможно — и бѣлое знамя появилось на стѣнахъ крѣпости. Но такъ какъ Вилебрандъ, въ замѣшательствѣ, забылъ разослать всѣмъ постамъ приказаніе прекратить пальбу, то и сдѣлался причиной ужасной судьбы, постигшей городъ и крѣпость, которые были разграблены и совершенно уничтожены. Ожесточеніе русскихъ, вызванное уже тѣмъ, что посланный отъ графа Ласси для требованія капитуляціи барабанщикъ былъ убитъ, дошло до высочайшей степени, когда, вслѣдствіе упущенія Вилебранда, были убиты генералъ Икскуль и командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Ломанъ, которые, для отвращенія ненужнаго кровопролитія, взбѣжавши на валъ, старались вразумить шведское войско, объясняя ему по-шведски, что начальство его проситъ капитуляціи. Желая отмстить за смерть своихъ любимыхъ начальниковъ, русскіе стремительно бросились къ валамъ, въ одну минуту перешли ихъ и начали безъ разбору бить и рѣзать. Гарнизонъ и искавшія въ крѣпости спасенія войска защищались отчаянно. Въ баракахъ и въ караульномъ домѣ дрались, не давая пощады и не прося пардону. Кровопролитіе было страшное; защита безполезна. Груды тѣлъ покрывали улицы. Въ 7 часовъ Вильманстрандъ былъ во власти русскихъ, а на слѣдующій день сожженъ».

Въ примѣчаніяхъ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» за 1741 годъ, №№ 77, 78 и 79, появилась обстоятельная реляція фельдмаршала графа Ласси о сраженіи 23-го августа. Вотъ какъ онъ описываетъ экспедицію къ Вильманстранду: «Какъ я, 16-го августа, Его Императорскаго Величества указъ ко моему отъѣзду къ дѣйствующему на границахъ близъ Выборга корпусу и мою инструкцію получилъ, также потомъ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ и Правительницѣ и Его Императорскому Высочеству Генералиссимусу поклонъ свой на прощаніи отправилъ, то я, того-жъ дня еще въ 5-мъ часу пополудни, изъ Санктпетербурга въ Выборгъ поѣхалъ, куда я 18-го числа сего-жъ мѣсяца прибылъ, и для совѣтыванія со мною командующаго помянутымъ корпусомъ генерала Кейта къ себѣ призвалъ. Въ 19-й день фортеція, тамошняя артиллерія и принадлежащій къ оной припасъ мною осматриваны. Въ тотъ день получены о непріятелѣ разныя вѣдомости, по которымъ онъ 11.000 человѣкъ у пограничной крѣпости Вильманстранда собралъ и генерально въ тѣхъ мѣстахъ до 3.000 тысячъ (вѣроятно 3-мя тысячами) человѣкъ себя усилить хотѣлъ. А въ полдень ушедшій изъ Вильманстранда шведскій солдатъ приведенъ и сказкою того увѣдомлено, что хотя еще предъ тремя днями, какъ оной ушелъ, а кромѣ стоявшаго въ Вильманстрандѣ гарнизономъ вильдебрандскаго пѣхотнаго полку, шести драгунскихъ ротъ и одной ротѣ артиллерійскаго полку, никакихъ войскъ тамъ болѣе не было, въ назначенной туда въ семи пѣхотныхъ полкахъ

[9] Дѣло № 193. Военно-Ученый Архивъ.
[10] Въ нашихъ донесеніяхъ батарея эта называется «центральной».

и нѣсколькой конницѣ, число которой онъ не знаетъ, состоящій корпусъ повсядневно ожидался, и по послѣдней мѣрѣ часть онаго уже чаятельно прибыла. Около вечера, паки дезертиръ приведенъ, который помянутую сказку во всемъ подтвердилъ. Потомъ я на другой день, т. е. 20-го числа, изъ Выборга поднялся, и учиня напередъ тамо всѣ потребныя распоряженія и опредѣля генералъ-маіора Шипова оберъ-комендантомъ, къ стоящему въ Каннаное корпусу поѣхалъ и тотчасъ по прибытии моемъ, еже около полудни было, весь тамо обрѣтающійся генералитетъ, на военный совѣтъ въ присутствіи моемъ держанной, созвать велѣлъ, въ которомъ положено съ частью сего корпуса къ помянутой крѣпости Вильманстранду немедленно маршировать, и оного стоящій иногда къ прикрытію непріятельскій корпусъ атаковать. Для лучшаго же облегченія никакого багажу, и токмо на пять дней провіанту съ собою взять, и когда потому потребныя распоряженія учинены, то сей отдѣльный корпусъ 21-го числа, рано по утру, выступилъ, и пришедъ у Таскулы на шведскія границы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько скота, хлѣба и сѣна у тамошнихъ крестьянъ, кои толь скораго впаденія не чаяли, нашелъ; потомъ же по походѣ 12-ти верстъ, было 4 часа отдохновенія и маршъ шесть верстъ далѣе до села Синколы продолженъ. Какъ на другой день, корпусъ паки въ походъ вступилъ и три версты перешелъ, то бывшій тамо, чрезъ мелкую и топкую рѣчку мостъ непріятелемъ разбросанъ, и тако остановясь помянутый мостъ командированнымъ солдатствомъ наискорѣйше починенъ, а притомъ пѣхота по обѣимъ сторонамъ лѣса такъ разставлена была, что во время работъ отъ всякаго непріятельскаго нападенія въ безопасности быть могла. Такожъ въ тѣ три часа, кои къ тому употреблены, непріятель не показывался, кромѣ одной партіи, состоящей около 50 человѣкъ, которые увидѣвъ нашихъ, тотчасъ паки ушли. Какъ скоро мостъ готовъ былъ, то маршъ продолжился, а полковнику Резанову, съ потребною командою удержаніе за собою сего занятаго мѣста поручено, гдѣ я, для зѣло трудной дороги, тяжелую артиллерію и амуницію оставить за потребное призналъ. Потомъ, около получаса спустя, появилась во время марша паки непріятельская, состоявшая близъ 100 человѣкъ партія, которая хотя отъ нашей авангардіи тотчасъ назадъ побѣжала, однакожъ она отъ одной команды нашихъ войскъ преслѣдована, и одного плѣннаго покинуть принуждена была, по сказкѣ котораго увѣдомлено, что непріятельской въ Вильманстрандъ назначенной корпусъ, состоявшій изъ семи пѣхотныхъ и пяти недавно изъ Швеціи пришедшихъ драгунскихъ полкахъ, сегодня туда подлинно ожидается. Потомъ, около 4-хъ часовъ пополудни, корпусъ въ лежащей близъ Вильманстранда деревни, имянуемой Армила, пришелъ, изъ которой стоявшіе тамо непріятельскіе отводные караулы тотчасъ ушли. Какъ скоро лагерь учрежденъ былъ, то я съ генераломъ Кейтомъ, въ сопровожденіи одной гренадерской роты [11], къ той крѣпости верхомъ ѣздилъ, и оставя помянутый конвой внизу имѣющейся передъ городомъ горы, осматривалъ я оную такъ близко, «*что непріятель изъ пистолета и другаго мелкаго ружья по мнѣ стрѣлялъ*». Какъ я потомъ, осмотря той крѣпости всѣ околичныя положенія, назадъ въ лагерь поѣхалъ, то вскорѣ послѣ того репортовано, что не токмо войска у города въ строю стоявшія, но и другія туда шедшія видимы были. Почемъ я велѣлъ кавалеріи и большей части пѣхоты на гору всходить и противъ непріятеля нѣкоторое движеніе чинить, которое подлинно къ бою случай подало-бъ, ежели-бы наступившая ночь, и тѣ буераки, кои насъ и непріятеля раздѣляли, въ томъ не препятствовали. Какъ такимъ образомъ темно стало, то наши паки въ свой лагерь вступили. На другой день по утру, видѣнъ былъ непріятельской корпусъ подъ пушками города стоявшій, почему я генералитетъ и

---

[11]) Въ дѣлѣ № 193 Военно-Ученаго Архива говорится, что «рекогносцировка производилась подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты и 200 конныхъ гренадеръ».

полковниковъ ко мнѣ созвалъ и, по краткомъ совѣтѣ съ первыми, приказалъ всѣмъ около 2-хъ часовъ пополудни къ бою въ готовности быть. Около 10-ти часовъ, непріятельская осматривающая партія противъ нашего лѣваго крыла, а потомъ на правое показалась, но коль скоро и нашими усмотрѣна была, то она паки ретировалась. Потомъ я для весьма неравнаго и къ проходу неудобнаго, такожъ лѣсомъ прикрытою мѣста, кое мы, для себя имѣли, весь корпусъ, которымъ генералъ Кейтъ, подъ моею дирекціею, командовалъ, въ двѣ линіи раздѣлилъ. Первая была на правое крыло 6-ю, а на лѣвое тремя драгунскими эскадронами прикрыта, и состояла въ 2-хъ гренадерскихъ полкахъ и 4-хъ другихъ, а именно: Ингерманландскомъ, Астраханскомъ, Низовскомъ и Нарвскомъ пѣхотныхъ полкахъ, которые всѣ вмѣстѣ отъ генералъ-лейтенанта Штофельна и генераловъ-маэоровъ Ливена, Фермера, Альбрехта, командованы были. А вторая линія, которою генералъ-лейтенантъ Бахметевъ и генералъ-маэоръ баронъ фонъ-Икскуль командовали, была изъ командированныхъ отъ Новгородскаго, Великолуцкаго, Невскаго, Апшеронскаго и Ростовскаго пѣхотныхъ полковъ совокуплена, и три взятыя съ собою шестифунтовыя пушки между обѣими линіями поставлены были. Въ такомъ порядкѣ пошелъ корпусъ, оставя полковника Шереметева въ лагерѣ для прикрытія онаго съ нѣсколькими стами человѣкъ, около 2-хъ часовъ пополудни противъ непріятеля, который для того, что все утро спокойно прошло, уже того дни повидимому никакой атаки болѣе не опасался; но какъ скоро оной приближеніе нашихъ войскъ усмотрѣлъ, то онъ немедленно въ ордеръ баталіи сталъ и не токмо свою артиллерію на имѣющейся къ правой сторонѣ города высокой горѣ, которая все то положеніе мѣста прикрывала, надлежаще поставилъ, но и всѣ при томъ находящіяся вершины занялъ. И хотя непріятель черезъ то паче выгоднѣе стоялъ, ибо онъ при томъ надъ пушками, своей по старому находящейся крѣпости обрѣтался, однакожъ наши войска съ толь многою бодростью и храбростію, какъ и съ добрымъ порядкомъ чрезъ пригорокъ и долины на него прямо шли. Весьма трудное положеніе мѣста и лѣсъ, чрезъ который прикрывающая крылья кавалерія пробраться не могла, побудили меня, по отшествіи одной версты, оной приказать отъ крыльевъ отступя на лѣвую руку къ лѣсу идти. Потомъ нашими пушками, которыя на имѣющемся насупротивъ вышеупомянутой горы пригоркѣ поставлены были, бой начатъ и непріятельскія шеренги оттого по нѣкоторымъ мѣстамъ гораздо ущерблены находились. А напротивъ непріятельскій огонь, какъ съ горы, такъ и изъ города хотя жестокъ, однакожъ безъ особливаго дѣйствія былъ. Первая линія, которая прямо на помянутую гору пошла, схватилась потомъ сперва съ непріятельскимъ лѣвымъ крыломъ; какъ сіе учинилось, то приказалъ я нашей второй линіи такожде приступить и къ первой, сколько положеніе того мѣста допустило, такъ примкнуться, что она вторая линія такимъ образомъ уже лѣвое крыло всего корпуса сочинила. Какъ скоро непріятели оное усмотрѣли, то командировали они свое правое крыло сверху горы внизъ противъ сихъ войскъ, которыя и отъ нихъ съ превеликою и такою свирѣпостью атакованы были, что оныя наши войска [12]) въ началѣ нѣкоторымъ образомъ назадъ отступить принуждены находились, но какъ я стоявшей на сторонѣ конницѣ наступить и въ непріятельскій флангъ итить велѣлъ, то нападеніе онаго вскорѣ удержано. Когда непріятельское правое крыло, въ долинѣ съ нашимъ лѣвымъ въ дѣйствѣ обращались, то нашимъ удалось, что баталіонъ онаго корпуса, а потомъ лѣвое крыло, которые обои правое свое крыло внизу подкрѣпить хотѣли, съ горы и прочихъ выгодныхъ пригорковъ внизъ сбиты. Чѣмъ непріятель лишенъ своихъ пушекъ, кои на горѣ поставлены были, потомъ не будучи съ нашимъ

---

[12]) Собственно гренадерскіе баталіоны и полки первой линіи.

войскомъ въ совершенномъ сраженіи и весьма помогающей ему изъ города пальбѣ, насупротивъ чего наши видя уже себя въ равномъ съ непріятелемъ состояніи, на онаго такъ мужественно наступили, что онъ со всѣхъ сторонъ утѣсненъ и его, толь упорливое яко долговременное супротивленіе имъ около трехъ часовъ чиненное, отъ конечнаго побѣжденія избавить не могло. И такъ, когда напередъ непріятельское крыло, потомъ же корпусъ баталіи разбиты, на гору назадъ прогнаны, а потомъ тотчасъ же паки и оттуда согнаны, то съ полчаса послѣ того и правое непріятельское крыло равномѣрное счастіе съ онымъ имѣли. Полученный же нашими авантажъ повсюду и накрѣпко преслѣдованъ, такъ что въ 5-мъ часу весь непріятельскій корпусъ на голову разбитъ; помянутая гора съ поставленными на оной пушками счастливо взяты и щедрою Божіею помощью совершенная побѣда одержана. Бѣгствомъ непріятелю толь меньше спастись было мочно, ибо они не только нашими полковыми пушками на пригорки, но какъ они бѣжали, препровождены, и отъ нашихъ войскъ жестоко преслѣдованы, но и окромя крѣпости ничего иного къ ретирадѣ не имѣли, какъ только великіе буераки и воду, въ которую оные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бросались: и тако, кои такимъ образомъ себя не умертвили, или въ крѣпость не вбѣжали, нашему войску въ руки попались. Тѣ изъ нашего войска, которые за непріятелемъ въ крѣпость ретировавшимся гнались, за ними до самаго контръ-эскарпа продрались, куда все наше правое крыло и часть пѣхоты приступили и тамо мѣсто заняли. Почемъ я того часу туда же пошелъ и у города чрезъ барабанщика сдачи требовать велѣлъ, такимъ образомъ, что ежели оной того часу сдастся, то пристойную капитуляцію получить, а въ противномъ случаѣ никому пощады не будетъ, но понеже непріятель, всякому военному обыкновенію противно, вмѣсто учиненнаго на то отвѣта, того барабанщика застрѣлилъ, то наши жестоко штурмовать начали, и взятыя у непріятеля на вышеозначенной горѣ пушки, того часа противъ города поставили и по оному какъ изъ нихъ, такъ и изъ привезенныхъ нами собственныхъ пушекъ съ великимъ успѣхомъ стрѣляли, и тѣмъ штурмованію нашихъ людей такъ счастливо поспѣшествовали, что по приведенномъ чрезъ часъ жестокомъ боѣ наши въ непріятельскіе палисады со всею силою ворвались. И хотя непріятель, какъ наши уже на покрытой дорогѣ были, бѣлое знамя выставилъ, то однакожъ съ его стороны стрѣльба изъ мелкаго ружья противу насъ въ разныхъ мѣстахъ продолжалася, и въ то же время одинъ подкопъ подорванъ, токмо безъ всякаго дѣйства, за которымъ непріятельскимъ злостнымъ поступкамъ нашихъ на штурмѣ бывшихъ солдатъ уже ни коимъ образомъ унимать не возможно было. Между тѣмъ, ворота нашими привезенными пушками проломлены, и наше войско вездѣ на валъ взошло и россійскія знамена на ономъ разставило, и всѣхъ, которые изъ непріятелей въ городѣ еще обороняться хотѣли, побѣдило. И токмо въ 7-омъ часу весь городъ взяло. Потомъ я двумъ полкамъ инфантеріи, подъ командою генералъ-маэора Фермера (Фермора) въ городъ маршировать, а прочему войску изъ онаго выступить велѣлъ. Между тѣмъ временемъ съ страны Фридрихсъ-гавани великая пыль поднялась, почему я разсудилъ, что непріятель чаятельно съ новымъ корпусомъ въ близости находится; но понеже оная пыль вскорѣ миновалась, то я нашему чрезъ милосердіе Божіе побѣдоносному корпусу назадъ и къ лагерю выступить велѣлъ, отправя напередъ своего генералъ-адъютанта Кампенгаузена съ моимъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ о сей отъ Всевышняго дарованной побѣдѣ къ Его Императорскому Величеству и къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государынѣ Правительствующей Великой Княгинѣ и къ Генералиссимусу.

«При сей пополудни отъ 2-го часу до 7-го продолжавшейся акціи и штурмованіи, отъ непріятельскаго въ семи полкахъ и въ одномъ драгунскомъ полку состоявшаго корпуса, около 4-хъ тысячъ убитыхъ счислялось, между которыми, по сказкѣ плѣнныхъ, обрѣталися полков-

никъ Дузье, да маэоры Гренгагенъ и Фіантъ, и больше пяти человѣкъ оберъ-офицеровъ, а въ полонъ взяты: генералъ Врангель (который онымъ корпусомъ командовалъ), полковники Бильстейнъ, Виллебрандъ и Гриппенгельмъ; подполковники: графъ Вассабургъ, Бранденбургъ и Аминовъ, изъ которыхъ два первые за полковниковъ командовали; маэоръ Сало; 12 капитановъ (изъ коихъ два отъ ранъ умерли, прочіе, а именно: Обергъ, Мункъ, Дидронъ, Онгманъ, Дюпонтъ, Гатско, Кроокъ, Наунгофъ, Будде и Лагеръ Бомъ еще живы); полковой квартирмейстеръ Гильднеръ; поручики: Крокъ, Энгель, графъ Оксенъ Шерна, Вефманъ, Тесловъ, Линдманъ; прапорщики: Болинъ, Кулгельмъ, Тавасштерна, Гомитетъ, Шицъ, Герта, Бауманъ, Гофъ; два полковые адъютанта; одинъ полковой пасторъ; три полковые лѣкаря; 62 унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ 1.250 человѣкъ, кромѣ тѣхъ 200 человѣкъ, которые въ первой ночи отъ ихъ ранъ померли, и нѣсколькихъ сотъ разныхъ чиновъ, которые въ городѣ взяты. Сверхъ того у непріятеля отнято 4 штандарта и 12 знаменъ. Въ добычу получено: 1) пушекъ двѣнадцатифунтовыхъ 4, шестифунтовыхъ 3 и трехфунтовыхъ 5 и одинъ мортиръ со множественнымъ числомъ бомбъ, ядръ, гранатъ и пороху; 2) въ магазейнѣ около 800 четвертей хлѣба и довольное число собранныхъ съѣстныхъ припасовъ; 3) военная канцелярія; 4) военная казна, въ которой, однакожъ, нашими деньгами щитая, токмо около 2.589 рублевъ нашлось; 5) около 2.000 лошадей, между которыми знатное число съ сѣдлами, пистолетами и прочею принадлежностію; 6) почти все непріятельское ружье состоящее въ мушкетахъ, пистолетахъ и шпагахъ.

«Тѣ солдаты, которые штурмомъ въ городъ вошли, равномѣрно знатное число добычи деньгами, золотыми и серебрянными монетами, разною серебряною посудою, платьемъ, провіантомъ и иными разными вещами получили.

«Съ нашей стороны при сей щастливой акціи ранены: генералъ-лейтенантъ Штофельнъ, генералъ-маэоръ Альбрехтъ, полковники: Манштейнъ и Левашевъ, 2 подполковника, 3 маэора, 17 капитановъ, 17 поручиковъ, 13 секундъ-лейтенантовъ или подпоручиковъ, 15 прапорщиковъ, 1 полковой адъютантъ, 19 барабанщиковъ и 1.741 капраловъ и рядовыхъ. Убиты: генералъ-маэоръ Искуль, полковники Ломанъ и Бальменъ, 1 маэоръ, 3 капитана, 3 поручика, 4 подпоручика, 1 полковой адъютантъ, 10 унтеръ-офицеровъ, 3 фузелера, 3 флейщика, 4 барабанщика и 495 капраловъ и рядовыхъ. По которому малому числу съ нашей стороны уронъ противу непріятелей, дарованную отъ Бога праведному Его Императорскаго Величества оружію побѣду, толь наиважнѣйшею и знатнѣйшею признать надлежитъ.

«Для извѣстія.— Планъ крѣпости Вильманстранда и ордеръ баталіи Россійскаго Императорскаго войска, на мѣди вырѣзанные, въ книжной палатѣ по 10 коп. продаются» *).

Къ сожалѣнію, графъ Ласси, сообщая весьма точно имена всѣхъ шведскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, даже указывая среди нихъ раненыхъ, не потрудился назвать фамиліи убитыхъ и раненыхъ офицеровъ своего, русскаго корпуса, а исчислялъ ихъ по-штучно, поэтому нѣтъ никакой возможности изъ числа раненыхъ и убитыхъ офицеровъ выяснить, сколько и какіе именно изъ нихъ офицеры Апшеронскаго полка.

Побѣда надъ шведами и взятіе Вильманстранда праздновались въ Петербургѣ съ большимъ торжествомъ, а Ломоносовъ сочинилъ въ честь этого событія весьма пышную оду.

24-го августа фельдмаршалъ Ласси отступилъ къ Выборгу. Русскій дворъ остался чрезвычайно недоволенъ этимъ: министрамъ нашимъ хотѣлось, чтобы графъ Ласси продолжалъ военныя дѣйствія, напалъ на Буденброка и разбилъ его, а затѣмъ шелъ къ Фридрихсгаму. Но, по мнѣнію фельдмаршала Ласси, выполненіе такого плана представлялось

*) См. планъ сраженія и взятія Вильманстранда (№ 2).

невозможнымъ, вслѣдствіе недостатка провіанта и малой боевой численности корпуса, между тѣмъ какъ непріятель надѣялся въ непродолжительномъ времени получить сильное подкрѣпленіе изъ Швеціи. Въ дѣйствительности, фельдмаршалъ имѣлъ другія причины, не позволявшія ему удаляться въ глубь Финляндіи: онъ отлично зналъ, что существующее правительство имѣетъ подъ собою очень шаткую почву, поэтому ждалъ переворота и, на всякій случай, желалъ находиться съ войсками поближе къ Петербургу. Дальнѣйшая дѣятельность русскихъ войскъ въ кампанію 1741 года ограничилась набѣгами въ непріятельскіе предѣлы; летучіе отряды жгли села и уводили въ плѣнъ жителей.

Пораженіе Врангеля и взятіе Вильманстранда произвели въ Швеціи удручающее впечатлѣніе; всѣ блистательные планы шведовъ не осуществились и государство очутилось лицемъ къ лицу съ печальной дѣйствительностью. Проигравъ сраженіе 23-го августа, шведы лишились: 1) укрѣпленнаго пункта, который, находясь въ 5-ти миляхъ отъ нашей крѣпости Выборга, прикрывалъ Финляндію и давалъ возможность производить оттуда вторженія въ Русскую Карелію; 2) «получивъ пощечину» (örful), шведы долго не могли опомниться, потеряли драгоцѣнное время, а наступившая зима не позволила предпринять что-либо серьезное противъ насъ; 3) сраженіе при Вильманстрандѣ лишило шведскую армію очень многихъ храбрыхъ и способныхъ офицеровъ.

Впрочемъ, главнокомандующій шведскою арміею генералъ Левенгауптъ, въ донесеніи къ шведскому королю Фридриху, считалъ дѣло у Вильманстранда хотя и проиграннымъ, но во всякомъ случаѣ мало принесшимъ вреда шведамъ. Между прочимъ, онъ пишетъ:

«Участвовавшія въ этомъ дѣлѣ русскія войска — суть цвѣтъ ихъ арміи; намъ нѣтъ, поэтому, причины скрывать, что мы проиграли дѣло, въ которомъ 3.000 человѣкъ, въ продолженіи шести часовъ, защищались противъ корпуса отъ 16 до 18.000 человѣкъ, и ретировались потомъ, подавленные множествомъ и положивъ на мѣстѣ 8.000 своихъ противниковъ» [13].

Мы приводимъ эту выдержку съ цѣлью показать, что страстью къ преувеличенію одержимы были всѣ полководцы того времени: уменьшивъ составъ корпуса Врангеля до 3.000 человѣкъ, Левенгауптъ въ то же время увеличилъ численность русскихъ войскъ почти вдвое, а потерю ихъ чуть ли не вчетверо.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ русская армія расположена была лагеремъ при Уксѣ, а 30-го числа того же мѣсяца перешла къ Керстелю, гдѣ и остановилась, производя отсюда малыми кавалерійскими отрядами поиски въ непріятельскіе предѣлы. Въ октябрѣ большая часть войскъ разошлась по винтеръ-квартирамъ. Желая поправить дѣла и поднять упавшій духъ шведскихъ и финляндскихъ войскъ, генералъ Левенгауптъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ полнаго бездѣйствія (сентябрь и октябрь), собралъ отрядъ, численностью въ 6.450 человѣкъ, и вошелъ въ наши предѣлы. Остановившись въ Секіярвѣ, онъ разослалъ повсюду воззванія, въ которыхъ упоминалъ, что «Швеція ни мало не намѣрена вести войну съ россійскою націею, что вступила въ оную единственно для того, чтобы освободить русской народъ отъ чужестраннаго ига и доставить ему средства избрать себѣ законнаго государя». Весьма вѣроятно, что Царевна Елисавета Петровна, несправедливо удаленная отъ престола, при посредствѣ версальскаго кабинета, просила у шведовъ поддержки въ своихъ притязаніяхъ на престолъ; но она не имѣла ни малѣйшаго намѣренія получить его при помощи шведскаго оружія.

Какъ только въ Петербургѣ получено было извѣстіе о вторженіи шведовъ, то стоявшимъ на винтеръ-квартирахъ полкамъ приказано немедленно изготовиться къ походу въ

---

[13]) Шпилевскій, стр. 82.

Финляндію, а генералъ Кейтъ тотчасъ поскакалъ въ Выборгъ. Но Левенгауптъ уже отступилъ: проходивъ двѣ недѣли въ слякоть, грязь и дождь по русской Финляндіи, онъ возвратился въ свои предѣлы, и предпріятіе его не имѣло ровно никакого благопріятнаго для шведовъ результата.

Между тѣмъ, въ нашемъ государствѣ совершился важный переворотъ: въ ночь на 25-е ноября Цесаревна Елисавета Петровна, съ помощью 300 преданныхъ ей человѣкъ, свергла правленіе Анны Леопольдовны и вступила на русскій престолъ. Она немедленно повелѣла фельдмаршалу Ласси прекратить военныя дѣйствія и заключить со шведами перемиріе, а затѣмъ начались переговоры о мирѣ, которые, однако, ни къ чему не привели.

Зимовка въ Финляндіи и развившіяся болѣзни, въ особенности цынга, сильно уменьшили численность Апшеронскаго полка. По штату того времени, онъ долженъ былъ состоять: изъ 4 штабъ-офицеровъ, 33 оберъ-офицеровъ, 1.380 нижнихъ чиновъ, 93 нестроевыхъ и 56 деньщиковъ. Потеря полка въ сраженіи 23-го августа и болѣзни уменьшили составъ его почти на половину. Такъ, напримѣръ, въ вѣдомости о численности людей въ полку за февраль 1742 года показано: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 21, рядовыхъ 907 человѣкъ, нестроевыхъ 54 и деньщиковъ 53. Вмѣсто убитаго при Вильманстрандѣ полковника Ломана, командиромъ полка назначенъ полковникъ Иванъ Лескинъ.

Глава Четвертая.

Несообразныя требованія шведскаго правительства. — Приготовленіе къ продолженію войны. — Паника среди непріятельской арміи. — Росписаніе русскихъ войскъ. — Манифестъ о войнѣ. — Движеніе къ Фридрихсгаму. — Взятіе Мендолакса. — Реляція Ласси. — Очищеніе шведами Фридрихсгама. — Повелѣніе Императрицы закончить кампанію. — Рѣшеніе военнаго совѣта двигаться къ Гельсингфорсу. — Высадка русскихъ войскъ съ галернаго флота. — Сраженіе у Стафанъ. — Обходный маршъ арміи. — Прибытіе къ Гельсингфорсу. — Мелкія стычки. — Описаніе города. — Капитуляція шведской арміи. — Письмо шведскаго офицера. — Кампанія 1743 года. — Дѣйствія флота. — Заключеніе мира. — Награды. — Отправленіе русскаго корпуса въ помощь шведамъ. — Апшеронскій полкъ въ Швеціи. — Отзывы шведскаго короля о русскихъ войскахъ. — Возвращеніе въ Россію. — Расположеніе полка. — Походъ въ Богемію въ 1748 году.

Совершенно неудачная для шведовъ кампанія прошлаго года, повидимому, должна была сдѣлать ихъ сговорчивѣе при обсужденіи мирныхъ условій. Но шведскій дворъ, подстрекаемый Франціею, предъявилъ непомѣрныя требованія; такъ напр., шведы ставили непремѣннымъ условіемъ мира «возвращеніе имъ Выборга съ его уѣздомъ» [1]. Франція отлично знала, что подобное предложеніе Россія отвергнетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, слѣдовательно война опять возгорится, чего собственно и добивался хитрый версальскій кабинетъ, желая въ тоже время свободно расправиться съ Австріей. Дѣйствительно, Императрица Елисавета и слышать не хотѣла о предложеніи шведовъ, и, какъ достойная дочь Петра Великаго — грозы шведовъ, не соглашалась уступить противникамъ и одной четверти земли.

25-го февраля перемиріе окончилось и съ нашей стороны военныя дѣйствія открылись малой войной. Желая воспользоваться удобствами зимняго пути, фельдмаршалъ Ласси, имѣлъ намѣреніе двинуться въ шведскую Финляндію; но неожиданно наступившая оттепель помѣшала походу. А между тѣмъ, у непріятеля начался невообразимый переполохъ. Левенгауптъ сталъ сосредоточивать у Фридрихсгама всѣ свои силы, отправилъ изъ крѣпости женщинъ и дѣтей. Нѣсколько ротъ артиллеріи вступили въ крѣпость, пушки были поставлены на валы. Страхъ, вызванный извѣстіемъ о приготовленіяхъ русскихъ, положительно лишилъ шведовъ разсудка: они не могли даже понять того, что снѣгу было еще выше человѣческаго роста и что атаковать въ такое время года крѣпость, какъ бы плоха она не была и какъ бы дурно ее ни защищали, было бы истиннымъ безуміемъ. 1-го марта Левенгауптъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ постановили: «такъ какъ Фридрихсгамъ защищать почти невозможно, то, уничтоживъ крѣпостные верки, ретироваться дальше, чтобы спасти армію отъ конечной гибели». Вотъ какъ описываетъ Тибурціусъ происшедшія въ Фридрихсгамѣ безпорядки:

---

1) О прежнихъ предполагавшихся условіяхъ мира — не было и помину.

«Второе марта, говоритъ Тибурціусъ, я во всю жизнь свою не забуду, потому что, хотя еще не было никакихъ вѣрныхъ извѣстій о приближеніи русскихъ, но всѣ уже до того растерялись, что всякій дѣлалъ что хотѣлъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на приказанія начальства. Одинъ изъ магазинныхъ вахтеровъ, который водкой старался придать себѣ храбрости, въ пьяномъ видѣ позволилъ всѣмъ, кому хотѣлось, тащить изъ магазина, что кому угодно было, чрезъ что возникъ слухъ, что магазинъ отданъ на разореніе, и онъ дѣйствительно былъ разграбленъ. Всѣ пушки въ крѣпости были сброшены съ валовъ, и говорили, что ихъ будутъ рвать порохомъ, а крѣпость будетъ покинута. Почти всѣ жители были высланы изъ города, а между тѣмъ никто еще не зналъ навѣрное, дѣйствительно ли непріятель приближается» [2].

Въ то время, какъ описанная выше паника охватила шведовъ, фельдмаршалъ Ласси доносилъ Императрицѣ, что онъ не можетъ начать военныхъ дѣйствій ранѣе мая мѣсяца, когда въ Финляндіи появится подножный кормъ, и только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разослалъ по полкамъ приказы собираться къ Выборгу. Зимовка нашихъ войскъ въ Финляндіи была для нихъ крайне вредна,—въ частяхъ появились различныя болѣзни, отъ которыхъ множество солдатъ умирало. «Отъ шести полковъ пѣхотныхъ», писалъ въ своемъ донесеніи графъ Ласси, «которые прошедшую зиму здѣсь были на винтеръ-квартирахъ, находится въ здѣшнемъ госпиталѣ больныхъ 2,470 человѣкъ, изъ которыхъ не малое число и померло, а болѣе цынготныхъ больныхъ, хотя на тѣхъ больныхъ пища, въ разсужденіе такого нужнаго случая и сверхъ положеннаго по штату, пять тысячъ рублей госпитальной суммы было опредѣлено, изъ которой за расходомъ осталось всего восемьсотъ шестьдесятъ четыре рубли. Потому и отъ медикамента никакого недостатка не было, только къ умаленію болѣзни ничего вспомоществовать не могло, изъ чего видно, что оное ни отъ чего, какъ отъ здѣшняго худого воздуха да воды происходило» [3]. Въ началѣ апрѣля фельдмаршалъ успѣлъ сосредоточить почти всю дѣйствующую армію и въ рапортѣ отъ 5-го апрѣля 1742 года доносилъ Императрицѣ Елисаветѣ о росписаніи ввѣренныхъ его командѣ войскъ.

«Росписаніе высокославной Ея Императорскаго Величества арміи и будущей кампаніи о генералитетѣ и полкамъ по дивизіямъ, подъ главною командою генералъ-фельдмаршала и кавалера рейхсъ-графа Лассія».

А именно. Въ Выборгскомъ корпусѣ:

Въ первой дивизіи генералъ Кейтъ. Въ его командѣ генералъ-лейтенанты: Штофельнъ и графъ Салтыковъ; генералъ-маэоры: Ливенъ, графъ Ласси, графъ Брюсъ, Василій Лопухинъ, Димитрій Черцовъ; генералъ-квартирмейстеръ Делафоръ, генералъ-вагенмейстеръ Кошелевъ, оберъ-квартирмейстеръ Шрейдеръ.

Полки. Командированная конная гвардія, драгунскіе: Ямбургскій, Невскій, Казанскій и Новгородскій. Гренадерскихъ конныхъ пять ротъ. Пѣхотные: Командированный деташементъ лейбъ-гвардіи—12 гренадерскихъ ротъ. *Апшеронскій*, Ингерманландскій, Казанскій, Низовскій, Невскій, Ладожскій, Астраханскій, Кексгольмскій, Великолуцкій и Ростовскій.

«Вышеписанные полки по выступленіи въ кампанію имѣютъ распредѣлены быть на три бригады и, за несостояніемъ при арміи бригадировъ, въ этой должности имѣютъ опредѣлены быть и старшіе полковники».

Во второй дивизіи: генералъ и кавалеръ баронъ фонъ-Левендаль. Подъ его командою генералъ-лейтенанты: князь Василій Рѣпнинъ и принцъ Голштинскій. Генералъ-маэоры: Василій Ферморъ, баронъ фонъ-Вендель (оному быть при кавалеріи), фонъ-Броунъ, Кин-

---

[2]) Шпилевскій, стр. 99—100.

[3]) Донесеніе отъ 23 мая 1742 г. Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ.

дерманъ. При той дивизіи быть: въ должность генерала-квартирмейстера опредѣлитъ генералъ фонъ-Левендаль изъ капитановъ достойнаго.

Полки: Кирасирскій, (бывшій Миниховскій), конно-гренадерскихъ 6 ротъ. Драгунскихъ: Олонецкій, Ингерманландскій, Санктпетербургскій и Астраханскій. Пѣхотные: Кіевскій, Черниговскій, Воронежскій, Вологодскій, Нарвскій, Сибирскій, Ярославскій, Новгородскій, Архангелогородскій и Псковскій. Кромѣ того, ландмилиціи гренадерскихъ пѣхотныхъ 20 ротъ. На галерахъ, подъ командою генерала Василія Левашева, пѣхотные полки: Пермскій, Азовскій, Нижегородскій, Вятскій, Суздальскій, Капорскій и Рязанскій.

Сверхъ того, на флотѣ находились: Дагестанскій, Сальянскій и Дербентскій пѣхотные полки [4].

Впрочемъ, для наступательнаго движенія въ Финляндію, фельдмаршалъ измѣнилъ нѣсколько распредѣленіе полковъ: въ походъ онъ назначилъ 27 полковъ; изъ числа ихъ 13 полковъ должны были двинуться сухимъ путемъ, а 14 (въ томъ числѣ и Апшеронскій) посажены на галеры. Отъ каждаго полка выдѣлена гренадерская рота и онѣ вмѣстѣ составили особый гренадерскій отрядъ [5].

18-го марта 1742 года, Императрица Елисавета Петровна, обнародовавъ манифестъ о продолженіи войны со шведами, предписала графу Ласси открыть военныя дѣйствія. Война началась рядомъ вторженій небольшихъ отрядовъ въ шведскую Финляндію. Рѣшительныя дѣйствія фельдмаршалъ предполагалъ начать въ маѣ; но продолжавшаяся суровая зима задержала наступленіе.

Командующій шведскою арміею, генералъ Левенгауптъ, по заключеніи между Россіей и Швеціей перемирія, находился въ полной увѣренности, что перемиріе окончится миромъ, вслѣдствіе чего распустилъ войска на винтеръ-квартиры въ такія отдаленныя отъ границъ мѣста, что собрать ихъ скоро не представлялось возможнымъ; только въ Фридрихсгамѣ и окрестностяхъ его находился корпусъ, не болѣе 6.000 человѣкъ. До какой степени велика была увѣренность Левенгаупта въ окончаніи войны, видно изъ того, что онъ не принялъ даже самыхъ необходимыхъ мѣръ къ защитѣ Фридрихсгама, отлично зная, что эта крѣпость, въ случаѣ продолженія военныхъ дѣйствій, должна составлять главную задачу нашихъ операцій.

Къ концу мая мѣсяца погода, наконецъ, улучшилась и графъ Ласси, передъ выступленіемъ въ походъ, произвелъ войскамъ смотръ. По словамъ Манштейна, въ арміи насчитывалось не болѣе 36.000 человѣкъ регулярнаго и иррегулярнаго войска [6].

8-го іюня русская армія выступила по фридрихсгамской дорогѣ, а на 43-хъ галерахъ посажено 10.000 пѣхоты (Апшеронскій полкъ, кромѣ гренадерской роты); галеры должны были слѣдовать шхерами, сообразуясь съ движеніемъ береговой арміи. Одновременно съ наступленіемъ къ Фридрихсгаму, Ласси отправилъ генералъ-маіора Веделя съ кавалерійскимъ отрядомъ въ 1.600 человѣкъ къ Вильманстранду, приказавъ ему слѣдовать оттуда по вал-

---

4) Росписаніе, приложенное при донесеніи фельдмаршала Ласси, отъ 5 апрѣля 1742 г. Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ.

5) Донесеніе отъ 6-го іюня.

6) Вотъ что пишетъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ: «Русскіе сосредоточились подъ Выборгомъ въ концѣ мая; фельдмаршалъ Ласси прибылъ для командованія арміею; она состояла изъ трехъ полковъ кирасиръ, въ числѣ 1.640 человѣкъ, гвардейскаго деташемента кавалеріи въ 300 человѣкъ, 6-ти полковъ драгунъ, численностью въ 4.200 человѣкъ, трехъ полковъ гусаръ — 1.786 человѣкъ и 2.500 казаковъ. Пѣхота состояла изъ трехъ баталіоновъ пѣшей гвардіи и 28 баталіоновъ армейскихъ; каждый баталіонъ состоялъ изъ 500 человѣкъ. Кромѣ того, посажено было на 43 галеры 10.000 человѣкъ». Такимъ образомъ, вся армія имѣла около 36.000 человѣкъ

Въ дѣлѣ № 193 Военно-Ученаго Архива также находится указаніе на численность арміи; она состояла: изъ 28 баталіоновъ пѣхоты, 3-хъ кирасирскихъ полковъ, 300 человѣкъ конной гвардіи, 6-ти гренадерскихъ полковъ, 3-хъ гусарскихъ, 2.500 казаковъ и «приличнаго числа» полевой артиллеріи; всего 36.000 человѣкъ. Это указаніе вполнѣ сходится съ показаніемъ Манштейна.

*

курской дорогѣ и не доходя до Утинскаго урочища, поворотить къ Фридрихсгаму, соразмѣряя свой маршъ съ движеніемъ главной арміи. Дѣйствіе летучаго кавалерійскаго отряда имѣло цѣлью привлечь на себя главное вниманіе шведскаго главнокомандующаго и заставить его предполагать, что наступленіе ведется съ двухъ сторонъ. Конечно, фельдмаршалъ Ласси, какъ полководецъ крайне осторожный, не рѣшился бы отдѣлить кавалеріи своей, если бы не зналъ навѣрное, что шведская армія еще не вся собралась и многіе полки ея находятся по винтеръ-квартирамъ. Русскія войска подвигались вдоль морскаго берега въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ составляла конница, затѣмъ шла артиллерія и, наконецъ, пѣхота; аріергардъ состоялъ изъ половины всѣхъ драгунъ. Но скоро фельдмаршалъ нашелъ такой порядокъ марша неудобнымъ: онъ отозвалъ кавалерію и въ авангардъ послалъ пѣхоту, какъ родъ войска, съ которымъ только и можно было дѣйствовать въ Финляндіи— странѣ весьма гористой.

Между тѣмъ, генералъ Ведель донесъ, что шведы, узнавъ о наступленіи русской арміи, пришли въ крайнее замѣшательство и съ большой поспѣшностью укрѣпляются при Мендолаксѣ, лежавшемъ въ 11-ти верстахъ отъ Фридрихсгама, по дорогѣ къ Выборгу. Въ 1½ миляхъ къ востоку отъ Фридрихсгама находится небольшая, продолговатая долина, защищенная горами, которыя со стороны Выборга очень круты, но довольно отлоги со стороны Фридрихсгама, такъ что артиллерія безъ большаго труда могла быть туда перевезена. Къ востоку отъ этой долины течетъ небольшая топкая рѣчка; чрезъ нее, по узкому мосту, для защиты котораго шведы устроили палисады, пролегала почтовая дорога. Къ востоку отъ рѣчки находилась засѣка изъ большихъ срубленныхъ деревьевъ, чрезъ которую можно было пройти съ большимъ трудомъ и огромной потерею, ибо непріятельская артиллерія имѣла возможность дѣйствовать съ вышеупомянутыхъ горъ, стрѣляя по нашимъ войскамъ черезъ головы находившихся въ долинѣ шведскихъ войскъ. Къ югу лежалъ Финскій заливъ, а къ сѣверу, на большомъ протяженіи, болота и трясины, совершенно непроходимыя. Вотъ это то и было знаменитое Мендолакское дефиле, которое вслѣдствіе своего выгоднаго положенія, отличалось большею неприступностью, чѣмъ самъ Фридрихсгамъ. Защищали этотъ важный стратегическій пунктъ 2.000 шведовъ, подъ начальствомъ полковника Фреберга[7]. Дойдя до рѣки Вернсбю, фельдмаршалъ приказалъ устроить черезъ нее мостъ и въ тоже время присоединилъ къ своей арміи четыре полка, взятые съ галеръ (собственно команда въ 2.800 человѣкъ, и въ числѣ ихъ часть Апшеронскаго полка)[8]. По полученнымъ свѣдѣніямъ шведы усилили мендолакскій постъ до 4.000 человѣкъ. Не доходя 9 верстъ до Мендолакса, фельдмаршалъ остановилъ армію, а самъ отправился произвести рекогносцировку непріятельской позиціи. Рекогносцировка показала, что занятая шведами позиція дѣйствительно трудно доступна: правое крыло ея примыкало къ морю, а лѣвое къ большому озеру; впереди, на болотѣ, росъ густой лѣсъ. Такъ какъ, по словамъ проводниковъ, не было никакихъ дорогъ или удобныхъ подступовъ къ позиціи, то, фельдмаршалъ рѣшился атаковать непріятеля съ фронта и во что бы то ни стало овладѣть мендолакскимъ дефиле. Къ счастью, дѣло обошлось безъ крови: не успѣла еще наша армія выступить изъ лагеря, какъ передовые посты донесли, что шведы бросили свою позицію и отступили къ Фридрихсгаму. Какъ оказалось впослѣдствіи, приближеніе русскихъ навело такой страхъ на полковника Фреберга, что онъ даже и не подумалъ о защитѣ ввѣреннаго ему поста и поспѣшилъ отступить, совершивъ это въ ночь на 25-е іюня. «Страхъ Фреберга на столько былъ великъ, что ему мерещились тысячи опасностей: ему казалось, что засѣка уже выжжена

[7] Изъ описанія шведскаго историка Тибурціуса. Шпилевскій, стр. 131.

[8] Журналъ военныхъ дѣйствій Ласси. Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ.

нами, болото пройдено и скоро его отрядъ будетъ окруженъ и изрубленъ до послѣдняго человѣка» 9). Графъ Ласси былъ чрезвычайно удивленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованъ отступленіемъ непріятеля; на другой день онъ провелъ армію черезъ Мендолакское дефиле и занялъ брошенный шведами лагерь. Разсматривая уже на мѣстѣ позицію, наши генералы положительно удивлялись, какимъ образомъ шведы могли ее оставить. По словамъ Манштейна, «всѣ были того мнѣнія, что еслибы шведы защищали ее 7.000 человѣкъ и 20-ю пушками, для которыхъ уже приготовлены были батареи, то было бы очень трудно, даже почти невозможно, овладѣть ею и русскіе навѣрное потеряли бы значительную часть пѣхоты. Изъ любопытства послали нѣсколько гренадеръ, чтобы они взошли съ фронта на ретрашементъ, и прошло болѣе часу, прежде чѣмъ солдаты могли взобраться на самый верхъ. Легко себѣ представить, что бы было, если бы они были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ». Приводимъ здѣсь выписку изъ журнала военныхъ дѣйствій фельдмаршала Ласси, касающуюся взятія Мендолакса:

«24-го числа. По утру, въ началѣ четвертаго часа, армія выступила въ маршъ и того часу отъ авангарда у Ярвинкулы полученъ рапортъ, какъ непріятель слѣдуетъ въ немаломъ числѣ: и генералъ-фельдмаршалъ, взявъ пѣхотную гвардію и гренадерскія пѣхотныя роты, немедленно для супротивленія къ тому непріятелю слѣдовалъ, а протчимъ полкамъ велѣно туда поспѣшать, потомъ чрезъ полчаса отъ гусарскаго полковника Витковачева полученъ рапортъ, что вышеупомянутый непріятель былъ, напримѣръ, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, регулярныхъ и пришедъ до впереди стоящихъ гусарскихъ полковъ учинилъ съ ними сраженіе, съ Божею помощью оными гусарами сбитъ и гнанъ болѣе какъ три версты до рѣчки. При томъ сраженіи съ непріятельской стороны мертвыхъ тѣлъ осталось четырнадцать, въ полонъ взято капралъ одинъ, «барабанъ одинъ» и ружей четырнадцать; съ нашей стороны до смерти убито гусаровъ два, раненъ гусарской поручикъ одинъ, гусаръ двѣнадцать человѣкъ. Армія, прибывъ въ урочище Ярвинкулъ, остановилась въ лагерѣ, поставленномъ при урочищѣ Равіокѣ; обозамъ велѣно прибыть въ сей-же лагерь. Чрезъ посланную къ непріятельскому посту гусарскую партію приведено взятыхъ въ плѣнъ фурьеръ одинъ. По объявленіи помянутыхъ плѣнныхъ, что непріятельской постъ состоитъ въ немало укрѣпленномъ мѣстѣ засѣкою и пушками, по держанномъ консиліумѣ, разсуждено для атаки того непріятеля слѣдовать на легкѣ и пополуночи съ перваго часа, оставя обозы въ томъ мѣстѣ, выступя слѣдовали. И не дошедъ до непріятельскаго посту за четыре версты, генералъ Левашевъ, а при немъ генералъ-лейтенантъ графъ Салтыковъ, генералъ-маэоры графъ Брюсъ и Лопухинъ, съ частію кавалеріи и пѣхоты и однимъ гусарскимъ полкомъ, отправлены съ большой дороги вправо по маленькой дорожкѣ, лежащей къ непріятельской же засѣкѣ (какъ плѣнной объявилъ) и съ ними отправлено шести фунтовыхъ три и полковыя пушки, да малыхъ мортирцовъ шесть, и велѣно имъ какъ возможно пробраться къ засѣкѣ, оную атаковать. А генералъ-фельдмаршалъ съ протчимъ генералитетомъ, полками и полевою артиллеріею слѣдовалъ къ той же засѣкѣ большою дорогою; но не дошедъ до оной, чрезъ гусаръ получено извѣстіе, что непріятеля и его пушекъ въ той засѣкѣ уже не имѣется и по прибытіи арміи въ ту засѣку ни кого и непріятеля не сыскано. Помянутая засѣка сдѣлана, начавъ отъ стороны моря версты на три до болота, предъ которою отъ проходу нашего состоитъ натуральной ровъ и въ ономъ топкая рѣчка, а по тому рву саженъ пятьдесятъ широтою срубленъ изъ лѣсу брустверъ и въ разныхъ мѣстахъ батареи, на которыхъ какъ видно и пушки были поставлены; по большой же дорогѣ во рву чрезъ рѣчку мостъ

---

9) Изъ описанія шведскаго историка Тибурціуса.

и въ концѣ онаго подъемная рогатина, какъ видно непріятель съ торопливостью ретираду свою учинилъ, что по своему обычаю упомянутаго мосту сжечь не успѣлъ. Армія, прошедъ тою засѣкою, слѣдовала въ урочище Мендолаксъ и остановилась въ лагерь, а по скудости конскихъ кормовъ нѣкоторые драгунскіе и пѣхотные полки остановлены въ лагерѣ же, не входя въ засѣку, въ способныхъ для конскихъ кормовъ мѣстахъ. Чрезъ посланные къ крѣпости гусарскія партіи взято въ плѣнъ непріятельскихъ драгунъ одинъ, солдатъ одинъ; при томъ же гусарами съ непріятельской стороны убито солдатъ одинъ, драгунъ четыре, которые драгуны отъ крѣпости посланы были въ разъѣздъ» [10].

Еще раньше мы говорили о томъ, какой переполохъ надѣлало въ Фридрихсгамѣ извѣстіе о приближеніи нашихъ войскъ. Но слухъ оказался ложнымъ, и армія въ дѣйствительности приблизилась къ крѣпости только лишь въ концѣ іюня. Казалось бы, что въ теченіи такого, сравнительно, долгаго промежутка времени (отъ начала марта до конца іюня—4 мѣсяца) шведы успѣютъ приготовиться встрѣтить русскія войска, приведутъ крѣпость въ оборонительное состояніе, усилятъ ея гарнизонъ. На самомъ дѣлѣ, вѣсть о приближеніи русскихъ произвела такой же переполохъ, какъ и въ мартѣ; на этотъ разъ шведовъ обуялъ паническій страхъ и началось смятеніе. Фридрихсгамъ, имѣя весьма большую площадь и плохіе валы, не представлялъ изъ себя грозной твердыни; но эти невыгоды съ избыткомъ вознаграждались близостью крѣпости къ морю, вслѣдствіе чего гарнизонъ имѣлъ всегда свободный выходъ; съ другой стороны крѣпость примыкала къ озеру Бомбеле. Кромѣ того, въ тылу, при мѣстечкѣ Сумма, находился укрѣпленный лагерь, гдѣ въ то время стояла вся шведская армія. Правильная осада не могла пугать гарнизонъ, такъ какъ почва къ сторонѣ Фридрихсгама была камениста и, значитъ, неудобна для траншей. Зная всѣ выгоды расположенія крѣпости, графъ Ласси ожидалъ со стороны шведовъ сильнаго сопротивленія; тѣмъ не менѣе, на созванномъ военномъ совѣтѣ пришли къ рѣшенію взять Фридрихсгамъ. Но какъ видно, шведы старательно избѣгали случая имѣть съ нами дѣло; результатомъ такого неизмѣннаго рѣшенія явилось оставленіе ими крѣпости. 26-го іюня наша армія подошла къ Фридрихсгаму. Фельдмаршалъ Ласси произвелъ рекогносцировку и рѣшилъ придвинуть лагерь свой ближе. На другой день онъ отправилъ всю конницу и гренадеръ для приготовленія фашинъ, туровъ и лѣстницъ, а 28-го числа, утромъ, всѣ войска перешли въ новый лагерь. Фельдмаршалъ произвелъ вторую рекогносцировку, выбралъ мѣста для батарей и траншей и подтвердилъ приказаніе, чтобы заготовка всѣхъ матеріаловъ была непремѣнно окончена къ 29-му числу, а ночью предполагалось произвести заложеніе батарей и траншей. Но всѣ назначенныя работы оказались лишними. Шведы выступили изъ Фридрихсгама и затѣмъ зажгли его. Еще 27-го числа шведскій главнокомандующій, генералъ Левенгауптъ, пришелъ къ рѣшенію отступить съ арміею изъ лагеря при Суммѣ, а крѣпость Фридрихсгамъ сжечь.

28-го іюня, около 11-ти часовъ ночи, непріятель началъ иллюминацію: городъ, провіантскіе и пороховые магазины были подожжены и одновременно съ этимъ Левенгауптъ со своими войсками отступалъ къ Кюмени. Въ полночь пламя охватило весь городъ и послѣдовало нѣсколько страшныхъ взрывовъ,—то взлетали на воздухъ пороховые погреба. Не предполагая, чтобы трусость шведовъ дошла до такой степени, что они, не дождавшись штурма, зажгли бы городъ, графъ Ласси думалъ, что непріятель нарочно зажегъ предмѣстья, съ цѣлью лишить насъ прикрытыхъ пунктовъ вблизи крѣпости; на всякій случай, онъ отправилъ для развѣдокъ кавалерію, и можно было судить объ его удивленіи, когда гусары дали знать, что непріятель бросилъ Фридрихсгамъ и что горитъ не предмѣстье, а городъ. Графъ Ласси тот-

10) Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ. Журналъ военныхъ дѣйствій.

часъ двинулъ часть войскъ для тушенія пожара и, благодаря усиліямъ нашихъ солдатъ, четверть города была спасена, равно какъ и одинъ пороховой погребъ, въ которомъ найдено до 1.000 пуд. пороху. Въ добычу войскамъ досталось 10 мѣдныхъ 12-ти и 24-хъ фунтовыхъ пушекъ и 12 чугунныхъ. Бѣгство шведскихъ войскъ было произведено съ такой поспѣшностью, «*что одинъ изъ полковъ забылъ даже свои знамена*»[11].

Въ почтовомъ домѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, найдено было множество писемъ, адресованныхъ въ Швецію и писанныхъ офицерами арміи и флота къ друзьямъ и родственникамъ. Письма эти переданы фельдмаршалу, и онъ получилъ, такимъ образомъ, очень много важныхъ свѣдѣній о шведской арміи. Въ числѣ этихъ писемъ находилось письмо маіора Лагеркранца къ женѣ; вотъ главное его содержаніе: «Мы живемъ въ жалкія времена: у насъ плохіе генералы, глупыя головы, (dumma hufruden), которыя всячески притѣсняютъ всѣхъ порядочныхъ и храбрыхъ людей, производятъ мальчиковъ въ офицеры, не думаютъ о защитѣ страны, но при приближеніи непріятеля всегда отступаютъ и вѣрно побѣгутъ такимъ образомъ до самого Гельсингфорса, откуда потомъ на судахъ уйдутъ въ Швецію»[12].

И дѣйствительно, шведскій главнокомандующій, какъ будто-бы нарочно, дѣлалъ ошибку за ошибкой: покинувъ Фридрихсгамъ, Левенгауптъ потерялъ всю страну до самой р. Кюмени, а въ крѣпости громадный магазинъ съ боевыми припасами и провіантскимъ довольствіемъ. Для шведовъ потеряна была всякая надежда окончить войну съ успѣхомъ, и непріятельская армія была совершенно деморализована. Систематическое дезертирство шведскихъ солдатъ значительно уменьшило численный составъ арміи. Не долго она простояла у Кюмени и начала отступать къ Гельсингфорсу. Оставивъ въ Фридрихсгамѣ гарнизонъ изъ 2.800 рядовыхъ, фельдмаршалъ Ласси отправился догонять непріятеля. 1-го іюля русскіе стояли лагеремъ при Суммѣ. Оставивъ здѣсь обозъ и всѣ тяжести, армія сдѣлала переходъ въ 15 верстъ и остановилась, дойдя до рѣчки Кимисъ. Непріятель находился на противоположномъ берегу, онъ устроилъ нѣсколько батарей и, повидимому, имѣлъ намѣреніе воспрепятствовать переправѣ нашихъ войскъ. На другой день, графъ Ласси приказалъ открыть изъ орудій огонь, подъ прикрытіемъ котораго приступили къ постройкѣ моста. Какъ только шведы увидѣли, что мосты скоро будутъ готовы, то они поспѣшно отступили, перешли за слѣдующую, болѣе широкую, чѣмъ Кимисъ, рѣку, а мостъ за собой зажгли. Во время происходившихъ перестрѣлокъ съ нашей стороны убито и ранено 30 человѣкъ[13]. Въ то время, какъ наводился мостъ черезъ Кимисъ (одинъ изъ рукавовъ Кюмени), къ фельдмаршалу прибылъ отъ нашего двора курьеръ, съ повелѣніемъ прекратить военныя дѣйствія и закончить кампанію занятіемъ Фридрихсгама, учредивъ кордонъ по лѣвому берегу Кюмени; армію расположить въ окрестностяхъ Фридрихсгама. По полученіи такого повелѣнія, графъ Ласси собралъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить, что дѣлать въ данномъ случаѣ: исполнить ли полученное повелѣніе, или же продолжать военныя дѣйствія? Мнѣнія на совѣтѣ раздѣлились: одни стояли за продолженіе кампаніи, а другіе — за окончаніе ея. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, всѣ участвовавшіе въ совѣтѣ генералы пришли къ слѣдующему заключенію: «Если-бы дворъ зналъ обстоятельно положеніе дѣлъ, и вѣдалъ-бы, съ какою робостью непріятель уклоняется отъ встрѣчи съ нами, все бросая и всѣмъ жертвуя, ради своего спасенія, то всеконечно не далъ-бы никогда такого повелѣнія; а такъ какъ переправа войскъ уже совершена и къ успѣшнымъ впредь дѣйствіямъ всѣ мѣры приняты, а потому и должно пользоваться пріобрѣтенными надъ непріятелемъ выгодами и преслѣдовать его даже до самого Гельсингфорса, взять сей городъ

---

[11]) Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ. Журналъ военныхъ дѣйствій.

[12]) Шпилевскій, стр. 140.

[13]) Журналъ военныхъ дѣйствій Ласси. Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ.

и его портъ и тѣмъ кампанію кончить, расположа армію по зимнимъ квартирамъ вокругъ онаго города» [14].

Такимъ образомъ, не смотря на полученное категорическое приказаніе окончить кампанію, графъ Ласси продолжалъ наступленіе и преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля. Послѣдній почти въ каждомъ мѣстѣ остановки окапывался, строилъ батареи и вообще показывалъ видъ, что хочетъ, наконецъ, дать намъ сраженіе. Но достаточно было появиться русскимъ войскамъ, какъ стойкость противника исчезала и онъ по-прежнему продолжалъ бѣжать. Покинутыя непріятелемъ провинціи немедленно изъявляли покорность и присягали на вѣрность Россіи. Подвигаясь впередъ, наша армія 12-го іюля достигла урочища Киписъ, гдѣ и остановилась лагеремъ. Такъ какъ дальнѣйшее движеніе преграждалось рѣкой, то Ласси приказалъ приступить къ наведенію моста и въ тотъ-же день съ конницей, пѣшей гвардіей и всѣми пѣшими гренадерскими ротами перешелъ черезъ рѣку и дошелъ до урочища Питусъ, верстахъ въ 12-ти отъ Киписа. По прибытіи къ Питусу, увидѣли, что находившіеся здѣсь два моста повреждены: одинъ сожженъ, а другой растасканъ непріятелемъ, стоявшимъ въ урочищѣ Аберъ-Форсѣ. «Оставивъ у Питуса генералъ-лейтенанта Штофельна съ драгунскими, гусарскими полками и конными гренадерами, придавъ пѣхотныя гренадерскія роты и мушкатеръ 200 человѣкъ, да кромѣ полковыхъ пушекъ и полевой артиллеріи одну осьми, двѣ шести-фунтовыя пушки, предложилъ оному генералъ-лейтенанту, чрезъ рѣку при урочищѣ Питусъ сдѣлавъ мостъ и переправясь на ту сторону, слѣдовать до Аберъ-Форса» [15].

20-го числа шведы остановились около деревень Іоганисбергъ и Кіалы, гдѣ, занявъ сильную позицію, простояли 9 дней. Между передовыми частями обѣихъ армій происходили небольшія стычки, но серьезнаго ничего не предпринимала ни та, ни другая стороны. Но за то во время послѣдней остановки, число дезертировъ у непріятеля увеличилось до невозможныхъ цифръ: ежедневно изъ каждаго полка дезертировало отъ 30 до 40 человѣкъ, такъ что, напримѣръ, въ карельскомъ драгунскомъ полку осталось на лицо всего 73 человѣка [16].

Изъ журнала военныхъ дѣйствій видно, что русскія войска стояли лагеремъ у Киписа до 24-го іюля; кавалерія заняла оставленный шведами городъ Борго, куда 30-го числа прибыла вся армія.

5-го августа графъ Ласси направился къ Гельсингфорсу и, пройдя до урочища Сибо-Кирки, остановился, чтобы дождаться здѣсь флота. Вечеромъ 7-го же числа шпіоны дали знать, что шведская армія расположилась въ одной милѣ отъ Гельсингфорса. Фельдмаршалъ приказалъ войскамъ взять въ ранцы сухарей и, безъ всякаго обоза, послѣ полудня 8-го августа, поспѣшилъ къ Гельсингфорсу, чтобы, догнавъ здѣсь шведовъ, принудить ихъ дать сраженіе. Уже начало темнѣть, когда войска, послѣ 15-ти верстнаго перехода, переправились черезъ встрѣтившуюся рѣку и остановились лагеремъ въ лѣсу, въ $7^1/_2$ верстахъ отъ непріятеля. Въ тотъ же вечеръ въ лагерь явился одинъ финляндецъ и сообщилъ графу Ласси, что къ лѣвому флангу позиціи шведовъ можно пройти лѣсною дорогою, вслѣдствіе чего Ласси, взявъ съ собою часть конницы, отправился рекогносцировать расположеніе непріятеля. Черезъ двѣ версты указанная дорога начала съуживаться и почти обращалась въ тропинку, тѣмъ не менѣе, наши войска пробрались къ урочищу Гельсингъ-Кирки. Здѣсь стоялъ непріятельскій отрядъ въ 200 человѣкъ; будучи атакованъ гусарами и казаками, онъ отступилъ, при чемъ потеря съ нашей стороны заключалась въ трехъ

14) Дѣло № 193. Военно-Ученый Архивъ.
15) Журналъ военныхъ дѣйствій Ласси.
16) Шпилевскій, стр. 174.

убитыхъ и въ одномъ штабъ-офицерѣ и пяти нижнихъ чинахъ ранеными. На другой день войска занимались разработкой лѣсной дороги, причемъ приходилось устраивать черезъ болото гать. Къ вечеру подошелъ галерный флотъ, а 10-го августа съ него высадилось и присоединилось къ арміи 4.000 гренадеръ и мушкетеръ, (здѣсь же находилась и остальная часть Апшеронскаго полка), подъ командою генералъ-лейтенанта де-Бриньи и генералъ-маіора, Грузинскаго царевича Георгія. Чтобы соединиться съ арміей, дессантный отрядъ сдѣлалъ переходъ въ 27 верстъ, поэтому фельдмаршалъ далъ ему день отдыху; самъ онъ въ тотъ же день съ прочими войсками направился берегомъ къ непріятельскому лагерю, а кавалерію, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Штофельна, отправилъ по разработанной дорогѣ въ Гельсингъ-Кирки. Наступленіе русской арміи принудило шведовъ бросить свой лагерь и продолжать отступленіе къ Гельсингфорсу; ретировались шведы съ такой поспѣшностью, что даже не успѣли сжечь за собой мосты, чего они никогда не забывали дѣлать. Наступившая темнота помѣшала преслѣдовать непріятеля. Занявъ брошенный шведами лагерь, русскія войска остановились. Разъѣзды дали знать, что за версту отъ праваго фланга лагеря виднѣется сильное непріятельское укрѣпленіе, но предпринимать что либо противъ него, за темнотою ночи, нельзя было. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, для взятія редута, графъ Ласси отправилъ пѣшихъ гренадеръ, подъ начальствомъ генерала Кейта. Но шведы, ожидая съ нашей стороны атаки, ночью ушли и разрушили за собою мосты. Левенгауптъ занялъ позицію недалеко отъ берега, у деревни Стафанъ, а у деревни Дамарсъ устроилъ сильную батарею. Подкрѣпленный кавалеріей, генералъ Кейтъ приказалъ полевой артиллеріи слѣдовать къ Дамарсу, и въ томъ же направленіи сближаться пѣхотѣ и кавалеріи. «По прибытіи къ упомянутой деревнѣ, поставлены были наши пушки напротивъ непріятельскихъ и, призвавъ Бога въ помощь, начали по непріятелю и его пушкамъ производить стрѣльбу, и изъ гаубицъ бросаны были бомбы, и тако съ обѣихъ сторонъ продолжалась стрѣльба изъ пушекъ цѣлый часъ. Съ нашей же стороны не малый авантажъ былъ, что подлѣ берега случилась гора, и наши, подъ закрытіемъ оной, отъ ихъ пушекъ могли стоять безвредно, а непріятель, видя не малый отъ нашихъ пушекъ себѣ уронъ, свои пушки снялъ и началъ ретираду свою продолжать къ сторонѣ Гельсингъ-Форса. И какъ онъ ту свою ретираду продолжалъ, то путь ему, болѣе какъ версты на двѣ, былъ не очень отдаленъ отъ рѣки и мѣстами закрытъ былъ горами; однако, во многихъ мѣстахъ видѣнъ былъ ево маршъ, чего ради противу тѣхъ мѣстъ поставлены были отъ насъ близъ берегу пушки, изъ которыхъ не малый вредъ ему приключенъ былъ, что онъ съ такою конфузіею бѣжалъ, будто бы ево сквозь спицрутены гнали, и тако оная изъ пушекъ стрѣльба продолжалась близъ трехъ часовъ. А како гусаръ и казаковъ человѣкъ съ триста успѣли переправиться черезъ рѣку вплавь, то слѣдовали въ погоню за непріятелемъ версты съ три, приключая ему наичувствительной уронъ, причемъ съ непріятельской стороны въ полонъ взято: офицеръ одинъ, драгунъ и солдатъ двѣнадцать человѣкъ, между которыми одинъ солдатъ былъ пѣхотной гвардіи. А всего непріятеля побито подлинно болѣе 600 человѣкъ».

«И тако, помощью Всемогущаго Бога и превысочайшимъ Ея Императорскаго Величества щастіемъ, непріятель изъ немало авантажныхъ ему мѣстъ съ довольно приключеннымъ ему урономъ прогнанъ, а упомянутые плѣнные въ допросахъ показали, что ихъ армія состояла въ числѣ до 25 тысячъ человѣкъ, и для того при высокославной Ея Императорскаго Величества арміи за вышепоказанной дарованной отъ Всевышняго Бога праведному оружію надъ непріятелемъ знатной побѣдѣ, Ему Всевышнему Творцу, воздано вседолжное молебное благодареніе, съ пальбою изъ ружья всей арміи бѣглымъ огнемъ, и предпріято сего жъ

числа слѣдовать за непріятелемъ, приложа крайнѣйшее стараніе въ сдѣланіи чрезъ рѣку мостовъ къ Гельсингъ-Форсу»[17].

Вечеромъ того же числа (11-го августа), одинъ финскій крестьянинъ явился къ фельдмаршалу и объявилъ, что шведская армія, объята паническимъ страхомъ, не намѣрена сражаться съ нашими войсками даже и у Гельсингфорса, а, бросивъ эту крѣпость и городъ, отступитъ къ Або. Крестьянинъ клялся, что отступленіе шведамъ легко можно отрѣзать, если только фельдмаршалъ повѣритъ его словамъ и поведетъ за нимъ войска. Графъ Ласси, человѣкъ чрезвычайно осторожный, на этотъ разъ поддался убѣжденіямъ крестьянина и рѣшился слѣдовать за нимъ. Не малую роль въ такомъ рѣшеніи играло систематическое и торопливое отступленіе Левенгаупта, не допускавшее даже и мысли о возможности со стороны шведовъ рѣшительныхъ дѣйствій. Фельдмаршалъ обласкалъ крестьянина и одарилъ его золотомъ. Финнъ открылъ, что чрезъ лѣсъ идетъ дорога, сдѣланная по приказанію Петра Великаго во время войны со шведами, ее было легко исправить, вырубивъ только кустарникъ, которымъ она заросла; дорога эта выходила съ противуположной стороны лѣса на большую дорогу изъ Гельсингфорса къ Або, по коей шведы намѣрены были продолжать отступленіе. Графъ Ласси послалъ съ проводникомъ инженеровъ для осмотра пути. Возвратившись, они донесли, что дорога дѣйствительно существуетъ и что исправленіе ея не потребуетъ много времени. Тотчасъ отправлены, подъ командою генерала Левендаля, 64 роты гренадеръ и 4 баталіона пѣхоты для разработки дороги. Къ разсвѣту 17-го августа дорога была исправлена; Левендаль, пройдя ее, занялъ позицію по обѣимъ сторонамъ абовской дороги и сталъ укрѣпляться. Въ 4 часа утра остальная часть арміи выступила изъ лагеря и въ 6 часовъ соединилась съ передовымъ отрядомъ. Едва наши войска заняли указанныя имъ мѣста, какъ показался авангардъ отступавшей шведской арміи. Совершенно неожиданное появленіе русской арміи привело шведовъ въ страшное замѣшательство: Левенгаупту оставалось или пробиваться сквозь русскія войска, или же возвратиться къ Гельсингфорсу; но на первое у шведскаго главнокомандующаго не хватало рѣшимости, и онъ счелъ за лучшее вернуться назадъ. Такимъ образомъ, удачное движеніе русской арміи къ абовской дорогѣ отрѣзало непріятелю путь отступленія и принуждало его, противъ всякаго желанія, принять сраженіе, или же сдаться. Въ тоже время гребная флотилія, подойдя къ Гельсингфорсу съ моря, лишила шведовъ возможности спастись на судахъ. Левенгауптъ занялъ позицію у самого города и укрѣпилъ ее постройкой нѣсколькихъ небольшихъ батарей; съ одной стороны позиція защищалась бухтою Линвикъ, а съ другой стороны упиралась въ городъ. Пока море было свободно и шведы могли получать провіантъ, то и позиція ихъ имѣла еще кое-какія выгоды, но разъ море было заперто, то та же позиція теряла всякое значеніе, такъ какъ, находясь въ сторонѣ, могла быть легко обойдена[18].

Самый городъ Гельсингфорсъ имѣлъ всего только 1.300 человѣкъ жителей, большая часть которыхъ, передъ началомъ военныхъ дѣйствій, уѣхала въ Швецію.

Свеаборгъ въ то время еще не возвышалъ своихъ гранитныхъ стѣнъ со стороны моря. На Касабергетѣ, теперешнемъ Ульрикасборгѣ, не было еще, такъ называемыхъ, ульрикасборгскихъ валовъ. Гора Бробергетъ, находящаяся въ той части города, которая называется теперь Кронгагеномъ и гдѣ впослѣдствіи тоже построены были укрѣпленія, служила тогда лобнымъ мѣстомъ; близъ нея находился мостъ, сожженный шведами, по вступленіи ихъ 11-го августа 1742 года въ Гельсингфорсъ.

---

[17]) Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ. Журналъ военныхъ дѣйствій и «Примѣчанія къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» — реляція графа Ласси, стр. 314.

[18]) Дѣло № 193. Военно-Ученый Архивъ.

Центромъ города считалась площадь Старторгетъ; на ней стояла деревянная церковь, а нѣсколько поодаль возвышалась колокольня изъ булыжника. У южной гавани, близъ мыса Скатуддена, стояли два колоссальные прама, которые легко могли служить крѣпостью. Это были большія и грузныя судна, окруженныя снаружи пустыми ящиками, которые поддерживали ихъ на водѣ, такъ что прамы, какъ бы въ нихъ не стрѣляли, не могли потонуть. Корма и носъ прамовъ были такъ высоки, что походили на башенки; на нихъ стояло много небольшихъ орудій. Прамы были вездѣ обшиты мѣдью и желѣзомъ, такъ что бомбы не могли причинить имъ большого вреда; къ срединѣ они были значительно ниже и вооружены съ каждой стороны 10 — 12 чугунными пушками, а посреди же судна находилась большая 40-пудовая мортира. Прамы эти совершенно не годились для плаванія; но поставленные въ проливѣ, они могли нанести намъ много вреда и воспрепятствовать нашему флоту пройдти къ Гельсингфорсу. Шведы не успѣли воспользоваться выгодами, которыя могли извлечь изъ нихъ, и суда эти при капитуляціи сожжены безъ всякой пользы.

Едва непріятель успѣлъ занять позицію, какъ появились наши кавалерійскіе отряды, а вслѣдъ затѣмъ, со стороны Эсбо подошла и вся армія. Неоднократно происходили кавалерійскія дѣла. Въ одномъ изъ нихъ палъ извѣстный храбростью своей предводитель донскихъ казаковъ, бригадиръ Краснощоковъ. Не смотря на одинаковую численность обѣихъ армій, непріятель и не помышлялъ о сраженіи, и шведскій главнокомандующій въ капитуляціи видѣлъ единственное для себя спасеніе. Тѣмъ не менѣе, Левенгауптъ до 17-го августа ничего не предпринималъ; въ этотъ день графъ Ласси получилъ извѣстіе, что крѣпость Нейшлотъ, имѣвшая гарнизонъ въ 225 человѣкъ, при 23 пушкахъ, безъ всякаго сопротивленія сдалась. Въ тотъ же день онъ отправилъ въ шведскій лагерь адъютанта своего Бестужева, чтобы сообщить непріятелю о сдачѣ Нейшлота и предложить ему капитуляцію. Переговоры немедленно открылись и тянулись нѣсколько дней, хотя во время ихъ военныя дѣйствія и не прекращались. Наконецъ, 24-го августа, въ нашъ лагерь пріѣхали полковникъ баронъ Вреде, подполковникъ баронъ Спарре и маіоръ Горнъ, въ качествѣ коммисаровъ, для окончательныхъ переговоровъ о капитуляціи шведской арміи. Условія были слѣдующія:

1) «Чтобъ вся шведская армія, какъ инфантерія и кавалерія, такъ драгуны, артиллерійскіе служители, канониры, инженерный корпусъ штабъ арміи и прочіе повелѣвающіе какъ гражданскаго, такъ и военнаго чина служители, съ оружіемъ, аммуниціею, знаменами, штандартами, литавры, барабаны и протчимъ, тако и со всѣмъ ихъ багажемъ, какого званія оные не были, въ находящейся въ гельсингфорской гавани суда, галеры, прамы и прочія малыя и большія судна для отправленія въ Швецію свободно и безъ всякаго помѣшательства грузиться могли».

2) «Всѣмъ онымъ, которые въ помянутыя суда не погрузятся, дорога до Абова или кругъ Норда, ежели для облегченія прошеніе будетъ, позволено бъ было слѣдовать, или же позволено будетъ имъ здѣсь до того времени пробыть, пока на нихъ нѣкоторыя суда назадъ пришлются».

3) «Служителямъ провизіи и багажа швецкаго войска всякая безопасность обѣщается, такимъ образомъ, чтобы никакого затрудненія не имѣли».

4) «Чтобы какъ онымъ неслужащимъ людямъ, которые до сего времени за арміей швецкой слѣдовали, или въ городѣ Гельсингфорсѣ прибѣжище свое имѣли, такожъ и жителямъ сего города на волю отдается, путь свой далѣе произвесть или здѣсь остаться и которымъ оставшимъ всякая протекція дана будетъ».

5) «Чтобы всей арміи подлежащія пушки и всѣ принадлежащіе снаряды и аммуниція тако и вся здѣсь находящаяся артиллерія арміи Ея Императорскаго Величества было сдано».

*

6) «Чтобы всѣ въ городѣ находящіеся магазейны съ провіантомъ и фуражемъ, равномѣрно коммисарамъ россійской арміи сданы были».

7) «Вся въ гавани погруженная провизія, тако и все протчее, которое на судахъ имѣется, швецкой арміи къ достатку ея оставляется».

8) «Чтобъ финское войско, которое сами своею волею съ арміей швецкой слѣдовать не пожелаютъ, здѣсь остаться могли съ ружьями и знаменами, и отправятъ ихъ замедливая и не позже какъ завтрашняго числа къ россійской арміи, дабы оное можно было еще при благополучномъ времени съ лошадьми и багажемъ въ свое отечество отпустить и дозволить имъ, какъ то и нейшлотскому гарнизону дозволено было, пользоваться имѣніями, а ружья и знамена для положенія въ магазейны оставить у фельдмаршала графа фонъ-Ласси».

9) «Что сія капитуляція, со дня заключенія помянутыми коммисарами, обязательную силу получила, а хотя россійская армія на вышинѣ мѣста, гдѣ нынѣ батарея швецкой арміи имѣется, постъ свой и возьметъ, однакожъ швецкой арміи въ ихъ погруженіи никакого воспрепятствія чинено не будетъ».

10) «Чтобъ швецкой арміи, какъ всей, такъ и каждому судну порознь, дабы оныя прямо въ Швецію слѣдовать моглибъ, пашпорты даныбъ были, ибо ежели такія и въ нѣкоторыя провинціи россійскаго владѣнія загнаны будутъ, чтобъ онымъ всякое вспомоществованіе чинено было, дабы оныя въ Швецію пройтить могли».

«Укрѣплено въ лагерѣ передъ Гельсингфорсомъ августа 24-го числа 1742 году».

«Подлинной подписали: Фабіанъ Вреде, Фридрихъ Шпарре, Азъ Горнъ» [19].

На слѣдующій день фельдмаршалъ Ласси отправилъ Императрицѣ донесеніе о капитуляціи шведской арміи [20]. Изъ приложенной къ реляціи вѣдомости видно, что у непріятеля взято 90 пушекъ, изъ нихъ на батареяхъ около лагеря 56, на пристани у моря 21 и въ городѣ 13. Кромѣ имѣвшихся при этихъ пушкахъ пороху и артиллерійскихъ снарядовъ, найдено въ пороховомъ погребѣ и на пристани 650 пудовъ пороху и 300 бомбъ; кромѣ того взято 27 знаменъ и штандартовъ. По словамъ Манштейна, сдавшаяся на капитуляцію шведская армія имѣла 18.000 человѣкъ, и это число приблизительно вѣрно, такъ какъ въ вѣдомости, имѣющейся въ дѣлѣ № 189 Военно-Ученаго Архива, значится, что въ 10-ти финскихъ полкахъ состояло 7.019 человѣкъ, въ трехъ драгунскихъ полкахъ, отправленныхъ съ Киндерманомъ, 2.568 человѣкъ; да посажено на суда 16 шведскихъ полковъ, въ которыхъ можно считать не менѣе 8.000 человѣкъ.

Капитуляціей шведской арміи закончились военныя дѣйствія 1742 года. Правительство наше приступило къ внутреннему устройству завоеванныхъ провинцій. Генералъ Кейтъ отправленъ былъ съ отрядомъ для занятія главнаго города Финляндіи Або и назначенъ главнымъ начальникомъ завоеванной страны.

1742 годъ не богатъ блестящими дѣлами: съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, русскія войска систематически подвигались впередъ, прочно базируясь въ занимаемыхъ пунктахъ; между тѣмъ, шведская армія все время бѣжала и ничто не могло заставить непріятельскаго главнокомандующаго дать намъ сраженіе. Будучи, наконецъ, отрѣзанъ отъ своего пути бѣгства, непріятель, численность котораго была почти равна числу нашихъ войскъ, предпочелъ лучше сдаться, чѣмъ вступить въ сраженіе.

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь письмо одного изъ шведовъ, участника войны,

---

19) Дѣло № 189. Военно-Ученый Архивъ.

20) Оно напечатано въ примѣчаніяхъ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» за 1742 г., часть 83—84, стр. 331.

писанное изъ Борга, отъ 12-го іюля 1742 года, представляющее прекрасную иллюстрацію этой злосчастной для шведовъ войны.

«Я бы почелъ долгомъ поспѣшить обрадовать васъ, милостивый государь, извѣстіемъ о нашихъ успѣхахъ, еслибы не былъ вполнѣ увѣренъ, что слухъ о нашихъ славныхъ побѣдахъ не только уже долетѣлъ до Швеціи, но даже успѣлъ распространиться по всему міру. Кто теперь не узнаетъ въ насъ достойныхъ потомковъ Свевовъ и Готфовъ? Подумайте, мы въ нѣсколько часовъ сожгли въ виду непріятеля Фридрихсгамъ, не потерявъ при этомъ важномъ подвигѣ ни единаго человѣка!»

«Воображаю, какъ русскіе были изумлены, когда увидѣли, что мы смѣли у нихъ передъ носомъ сжечь нѣсколько тысячъ центнеровъ пороху, прекрасный цейхгаузъ, наполненный провіантомъ магазинъ и т. д. Вамъ, милостивый государь, невозможно себѣ представить, какая удивительная была иллюминація, когда въ цейхгаузѣ лопались 1.000 бомбъ и гранатъ и множество 24-хъ фунтовыхъ пушекъ разрывало между шведскою и русскою арміями. Окончивъ исправно эту иллюминацію, мы въ довольно хорошемъ порядкѣ пробѣжали до рѣки Кюмени, гдѣ начались новыя иллюминаціи селами, пильными и мукомольными мельницами; замѣтьте, все это съ особенною аккуратностію. Когда русскіе съ большимъ трудомъ опять догнали насъ, то у Кюмени сдѣлана была третья иллюминація мостами и всѣмъ что попадалось, такъ что даже не уцѣлѣло ни одной собачьей будки, потому что самъ генералъ-лейтенантъ (Левенгауптъ) прилагалъ въ этотъ день всѣ старанія, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе вреда. Затѣмъ мы ретировались черезъ другую рѣку къ деревнѣ Стуллѣ. Бѣднымъ русскимъ опять пришлось потрудиться, догоняя насъ, потому что мы, какъ истинные неутомимые герои, снова перебѣжали черезъ двѣ рѣки, а на слѣдующій день и третью. Мосты мы вездѣ жгли, такъ что русскимъ то и дѣло приходилось строить новые. Нельзя достаточно нахвалиться осторожностью нашихъ генераловъ, которые умѣли все это выполнить безъ малѣйшаго кровопролитія, не смотря на то, что солдаты были взбѣшены, осыпали проклятіями трусость своихъ начальниковъ и готовы были плакать съ отчаянія, что имъ не позволяютъ драться. Если мы будемъ такъ продолжать, то я надѣюсь скоро увидѣться съ моими друзьями въ Стокгольмѣ, да такъ скоро, что они даже врядъ-ли успѣютъ окончить тріумфальныя ворота къ нашему прибытію»[21].

Оставивъ для охраненія береговъ Финляндіи шестнадцать галеръ и два прама въ Гельсингфорсѣ и 5 галеръ въ Фридрихсгамѣ, фельдмаршалъ Ласси распустилъ войска на винтеръ-квартиры. Апшеронскій полкъ посаженъ былъ на галеры и отвезенъ къ Выборгу, въ окрестностяхъ котораго расположенъ на зимнія квартиры.

Систематическія неудачи, испытываемыя шведской арміей въ продолженіи двухъ-лѣтней войны съ Россіей, отрезвили шведовъ и умѣрили ихъ задоръ. Понятно, что пресловутыя условія мира, выработанная «коммиссіей до начала войны», были совсѣмъ забыты и шведское правительство заботилось только о томъ, чтобы возможно меньше потерять. Въ концѣ 1742 года оно обратилось къ Императрицѣ Елисаветѣ съ просьбою о заключеніи мира. Императрица дала свое согласіе, и въ мартѣ мѣсяцѣ въ городѣ Або съѣхались уполномоченные: со стороны Россіи—генералъ Румянцевъ и баронъ фонъ-Люберасъ, а со стороны Швеціи—баронъ Седеркрейцъ и фонъ-Нолькенъ. Императрица Елисавета Петровна поставила непремѣннымъ условіемъ мира—уступку Россіи части Финляндіи; для того, чтобъ заставить шведовъ принять это условіе, Императрица рѣшила поддержать свое требованіе силою оружія и приказала, съ наступленіемъ весны, открыть военныя дѣйствія. Но въ этомъ году

---

[21]) Шпилевскій. Описаніе войны Россіи со Швеціею.

дѣятельность сухопутныхъ войскъ была незначительная; для обороны сѣверныхъ границъ Финляндіи отправленъ, съ небольшимъ отрядомъ, генералъ-маіоръ Штофельнъ и всѣ дѣйствія ограничились нѣсколькими маловажными стычками. За то первенствующую роль отвели флоту—галерной эскадрѣ и корабельному флоту; на первый было посажено 9 пѣхотныхъ полковъ (въ томъ числѣ и Апшеронскій), 8 ротъ гренадеръ и 200 человѣкъ донскихъ казаковъ [22].

4-го мая эскадра прибыла въ Кронштадтъ. Корабельный флотъ, которымъ командовалъ адмиралъ графъ Головкинъ, находился уже на рейдѣ; 9-го числа корабельный флотъ вышелъ въ море, а 11-го мая прибылъ къ острову Юнгерслунду. Здѣсь получено было извѣстіе, что непріятельскій флотъ находится по близости, поэтому графъ Головкинъ, отдалъ приказаніе готовиться къ сраженію; но, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, непріятель неизмѣнно держался одной и той же системы: не вдаваясь въ сраженіе, отступать. Галерный флотъ, подъ главнымъ начальствомъ фельдмаршала Ласси, вышелъ изъ Кронштадта 8-го мая. Сильный противный вѣтеръ замедлялъ плаваніе и сидѣвшія на судахъ войска страдали отъ морской болѣзни и отъ холода, такъ какъ во многихъ мѣстахъ у береговъ лежалъ еще ледъ. Наконецъ, 16-го мая, эскадра прибыла въ Фридрихсгамъ, откуда графъ Ласси вышелъ черезъ четыре дня и направился къ Гельсингфорсу; не останавливаясь прошелъ онъ этотъ городъ и соединился 24-го мая съ эскадрою генерала графа Головкина. Швеція, совершенно истощенная двухлѣтней войной, терпя всюду неудачи, не въ силахъ была продолжать борьбу и, опасаясь совершенно потерять Финляндію, рѣшила избрать наслѣдникомъ престола шведскаго—герцога Голштинскаго Адольфа Фридриха, родственника Императрицы Елисаветы Петровны, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать наше правительство болѣе уступчивымъ въ своихъ требованіяхъ.

Дѣйствительно, это обстоятельство ускорило заключеніе мира и, по всей вѣроятности, побудило Императрицу сдѣлать нѣкоторыя уступки. 7-го августа въ Або подписанъ былъ миръ, ратификованный Императрицей Елисаветой 19-го числа того же мѣсяца.

Условія мира были слѣдующія:

1) «Имѣть отнынѣ непрестанно пребываемый, вѣчный, истинный и ненарушимый миръ, на землѣ и водѣ, такожде истинное согласіе и ненарушимое вѣчное обязательство дружбы между Россіей и Швеціей».

2) «Быть съ обѣихъ сторонъ генеральной амнистіи и вѣчному забвенію всего того, что во время войны съ одной или другой стороны непріятельскаго или противнаго произведено и учинено было, такъ чтобы никогда о томъ болѣе упомянуто не было, наименьшее же, чтобы кто когда либо за то зломъ мстилъ, и имѣютъ особливо, всѣ и каждые, высокаго и низкаго чина, подданные или чужестранные, какого народа бы ни было, которые во время войны у одной которой партіи службу приняли, присягу учинили, или противъ другой непріятельской поступали (кромѣ тѣхъ россійскихъ казаковъ и дѣтей ихъ, которые свейскимъ оружіемъ слѣдовали), въ сію генеральную амнистію включены быть».

3) «Всѣ непріязненныя дѣйствія вѣчно пресѣчены и оставлены быть и пребывать имѣютъ».

4) «Его Королевское Величество Свейское наиторжественнѣйше симъ вновь за себя и наслѣдниковъ своихъ и послѣдователей Свейскаго престола и королевства Свейскаго подтверждаетъ Ея Императорскому Величеству Елисаветѣ Первой, Императ-

[22]) Апшеронскій, Азовскій, Казанскій, Низовскій, Кексгольмскій, Пермскій, Ростовскій, Тобольскій и Черниговскій пѣхотные полки. Дѣло № 28. Военно-Ученый Архивъ. 57. Томъ 2-й.

рицѣ и Самодержицѣ Всероссійской и Ея наслѣдникамъ и послѣдователямъ Россійскаго Императорскаго престола въ совершенное неприкосновенное владѣніе и собственность, учиненное отъ Свейской короны, въ прошломъ 1721 году, въ 30 день августа, Всероссійской Имперіи, по четвертому артикулу Нейшлотскаго мира, вѣчное уступленіе провинцій, а именно: Эстляндію, Лифляндію, Ингерманландію и ту часть Кореліи съ дистриктомъ выборгскаго лена, которые въ осьмомъ артикулѣ Нейстатскаго трактата описаны, съ городами и крѣпостями: Ригою, Дюнаминдомъ, Перновою, Ревелемъ, Дерптомъ, Нарвою, Выборгомъ, Кексгольмомъ и всѣми прочими къ помянутымъ провинціямъ принадлежащими городами, крѣпостями, гаванями, мостами, дистриктами, берегами, съ островами Эзель, Даго, Меномъ и всѣми другими, отъ курляндской границы по эстляндскимъ, лифляндскимъ и ингерманландскимъ берегамъ, и на сторонѣ востока отъ Ревеля въ фарватерѣ къ Выборгу, на сторонѣ юга и востока лежащими островами, со всѣми какъ на сихъ островахъ, такъ и выше помянутыхъ провинціяхъ, городахъ и мѣстахъ обрѣтающимися жителями и поселеніями и т. д.»

5) «Его Королевское Величество Свейское тако-же симъ и силою сего, за себя, наслѣдниковъ своихъ и т. д. уступаетъ Ея Императорскому Величеству и наслѣдникамъ Ея и т. д. въ совершенное, непрекословное вѣчное владѣніе и собственность въ сей войнѣ чрезъ Ея Императорскаго Величества оружіе завоеванную изъ Великаго Княжества Финляндскаго, провинцію Кюменсгардъ, съ находящимися въ ней городами и крѣпостями Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, и сверхъ того, ту часть кирхшпиля Пюттиса, по ту сторону, и къ востоку послѣдняго рукава рѣки Кюменя или Клетиса обстоящую, который рукавъ между большимъ и малымъ Аббарфорсомъ течетъ, а изъ Саволакской провинціи городъ и крѣпость Нейшлотъ съ дистриктомъ, каковъ въ послѣдующемъ артикулѣ разграниченія описанъ будетъ, и всѣми принадлежащими гаванями, островами, мѣстами и т. д., при чемъ всѣ жители тѣхъ мѣстъ отъ присяги и должности ихъ, которыми они Его Королевскаго Величества Свейскому государству обязаны были, по силѣ сего увольнены и разрѣшены, и ко Всероссійской Имперіи вѣчно присоединены быть и пребывать имѣютъ».

Остальные пункты мирнаго трактата не имѣютъ существенной важности. Такимъ образомъ, по Абосскому миру, наши границы со Швеціею продвинулись до р. Кюмени.

За шведскую кампанію Императрица Елисавета Петровна наградила каждаго офицера полка одною третью жалованья, но потомъ, вслѣдствіе ходатайства генерала Кейта, назначила еще по годовому окладу [23].

Хотя миръ со Швеціею и былъ заключенъ, но по его поводу вооружалась Данія. Датское правительство, недовольное избраніемъ на шведскій престолъ принца Голштинскаго Адольфа-Фридриха, между тѣмъ какъ наслѣдный датскій принцъ избранъ былъ народомъ, рѣшило поддержать избраніе послѣдняго силою оружія. Тогда шведскій король обратился къ Елисаветѣ Петровнѣ за помощью и Императрица послала въ Швецію 11.000 пѣхоты, (въ томъ числѣ и Апшеронскій полкъ), подъ начальствомъ генерала Кейта [24].

Согласно донесенію фельдмаршала графа Ласси, вспомогательный корпусъ сѣлъ на 30 галеръ и 24-го августа вышелъ въ море [25].

---

23) Дѣло № 28. Военно-Ученый Архивъ.

24) Полки: Апшеронскій, 1-й Гренадерскій, Ростовскій, Черниговскій, Низовскій, Азовскій, Кексгольмскій, Тобольскій, Пермскій и Казанскій.

25) Донесеніе Ласси Императрицѣ Елисаветѣ, отъ 31-го августа 1743 г. Березовые острова. Дѣло № 28. Военно-Ученый Архивъ.

19-го сентября эскадра выступила изъ Гельсингфорса; но противные вѣтры мѣшали скорому плаванію и только 5-го октября она прибыла къ Корпо, причемъ одинъ изъ прамовъ, сильно поврежденный бурею, возвратился въ Гельсингфорсъ[26].

Наша галерная флотилія, приплывъ къ берегамъ Швеціи, расположилась на зимовку въ четырехъ пунктахъ; въ Норкспингѣ, Пюкспингѣ, Седернспингѣ и Вестервикѣ. Прибытіе русскихъ войскъ заставило Данію прекратить военныя приготовленія и отбросить мысль о войнѣ; русскій корпусъ въ маѣ мѣсяцѣ 1744 года возвратился въ Россію.

Въ Швеціи русскія войска произвели самое пріятное впечатлѣніе. «Старый король выражалъ большое удовольствіе и всѣ удивлялись бодрому и военно-храброму виду солдатъ, которые, не смотря на продолжительное и трудное пребываніе на галерахъ, шли бодро и въ хорошемъ порядкѣ. Король говорилъ: «Я очень доволенъ, что прежде смерти имѣю счастіе видѣть передъ собою и подъ своею командою войска столь могущественной и славной Императрицы, и въ случаѣ нужды — я никому не уступлю чести командовать ими»[27].

По возвращеніи изъ Швеціи, Апшеронскій полкъ направленъ былъ въ Курляндію и расположился въ городѣ Митавѣ[28].

Здѣсь онъ оставался до 1746 года. 3-го марта этого года полкъ, по-баталіонно, выступилъ изъ Митавы въ Лифляндію и сталъ по кирхшпилямъ, вблизи города Риги: въ Смитейскомъ, Палцмарскомъ и Ройкгурскомъ[29].

Но и въ Лифляндіи пребываніе Апшеронскаго полка было недолговременнымъ. Несправедливо начатая королемъ прусскимъ Фридрихомъ Великимъ война съ Австріею (2-я Силезская) и просьбы королевы Маріи Терезіи о помощи вынудили Императрицу Елисавету Петровну въ январѣ 1748 года, отправить въ Австрію вспомогательный корпусъ, подъ начальствомъ Репнина. Въ составъ корпуса вошелъ и Апшеронскій полкъ, подъ командою того-же полковника Ивана Лескина. Репнину предписано было дѣйствовать на Рейнѣ, Мозелѣ или въ Нидерландахъ и вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ явится необходимость. Хотя на этотъ разъ русскія войска и не приняли участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе, присутствіе ихъ въ Богеміи, гдѣ они были расположены по деревнямъ, заставило прусскаго короля поспѣшить заключеніемъ Ахенскаго мира, закончившаго собою эпоху войнъ за Австрійское наслѣдство. Въ концѣ того же года, русскій корпусъ возвратился въ Россію и Апшеронскій полкъ сталъ въ прежнихъ мѣстахъ своего расположенія, т. е. около города Риги.

---

26) Донесеніе Кейта, отъ 5-го октября. Дѣло № 28.
27) Соловьевъ. Исторія Россіи. Томъ XXI, стр. 270.
28) Дѣло № 30. Военно-Ученый Архивъ.
29) Рапортъ Военной Коллегіи Императрицѣ, отъ 17-го апрѣля, за № 363.

Глава Пятая.

Семилѣтняя война. — Опасенія Императрицы Елизаветы. — Заключеніе между Россіею и Австріею союза. — Рѣшеніе Императрицы двинуть армію въ Пруссію. — Назначеніе главнокомандующаго. — Планъ кампаніи. — Образованіе въ Петербургѣ военной конференціи. — Численный составъ Апшеронскаго полка. — Отдѣленіе 3-й гренадерской роты. — Вооруженіе солдатъ. — Заведеніе рогатокъ. — Командиры полка съ 1752 по 1756 годъ. — Формированіе арміи, составъ и численность ея. — Предписаніе генерала Румянцева командиру Апшеронскаго полка. — Положеніе русской арміи въ апрѣлѣ 1757 года. — Выступленіе къ городу Ковно. — Смотръ арміи. — Неудовлетворительное состояніе нѣкоторыхъ частей ея. — Средство пруссаковъ для защиты Восточной Пруссіи. — Выборъ операціонной линіи. — Переходъ черезъ рѣку Нѣманъ. — Взятіе крѣпости Мемеля. — Вступленіе русскихъ въ Восточную Пруссію. — Планъ фельдмаршала Апраксина. — Сдача Тильзита. — Позиція пруссаковъ у Келенена. — Апшеронскій полкъ въ авангардѣ. — Переправа арміи черезъ рѣку Прегель. — Сраженіе при Гроссъ-Егерсдорфѣ. — Дѣйствія Апшеронскаго полка. — Пораженіе пруссаковъ. — Потери и трофеи. — Реляція Апраксина. — Отступленіе арміи за рѣку Нѣманъ. — Расположеніе полка на зимнія квартиры. — Указъ Императрицы графу Апраксину. — Новый главнокомандующій генералъ Ферморъ.

Съ тревогой взирала Императрица Елизавета на возраставшее могущество Пруссіи и сознавала, что спокойствіе Европы можетъ быть твердо установлено только тогда, когда у прусскаго короля отнимутся всѣ средства возмущать его.

Желаніе сдержать властолюбивые замыслы Фридриха Великаго, ненасытнаго въ своихъ стремленіяхъ поживиться на счетъ слабыхъ сосѣдей, выразилось въ формѣ заключенія различныхъ оборонительныхъ союзовъ и трактатовъ. Сначала Россія заключила субсидный трактатъ съ Англіею, опасавшеюся за Гановеръ, а затѣмъ оборонительный и наступательный союзъ съ Австріею, въ силу котораго Русская Императрица обязывалась выставить 80.000 вспомогательнаго войска. Къ союзу примкнула и Франція.

Такимъ образомъ, въ концѣ 1756 года, прусскій король имѣлъ противъ себя грозную коалицію изъ трехъ сильныхъ державъ, и Елизавета Петровна рѣшила немедленно открыть военныя дѣйствія.

Главнокомандующимъ арміею назначенъ фельдмаршалъ Апраксинъ. Планъ кампаніи, составленный генералами Сибильскимъ, Буковымъ и другими, заключался въ слѣдующемъ: русская армія должна направиться въ Восточную Пруссію, отдѣливъ въ то же время самостоятельный корпусъ для дѣйствій на нижней Вислѣ, базируясь на крѣпость Модлинъ. Образованная въ Петербургѣ, на время войны, военная конференція въ общемъ одобрила этотъ планъ, но поставила въ непремѣнную задачу ближайшихъ операцій—занятіе Кенигсберга (Крулевацъ), а также предложила отдѣлить отъ арміи особый корпусъ и отправить его въ Силезію, для присоединенія къ австрійской арміи. Но противъ послѣдняго возсталъ Апраксинъ, доказывая, что раздѣленіе русской арміи можетъ пагубно отозваться на общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій.

Въ 1756 году Апшеронскій мушкетерскій полкъ состоялъ изъ трехъ баталіоновъ, причемъ каждый изъ нихъ имѣлъ четыре мушкетерскихъ и одну гренадерскую роту; въ мушкетерской ротѣ полагалось 157, а въ гренадерской 219 рядовыхъ, въ каждой ротѣ

5 оберъ-офицеровъ. Всего въ полку считалось 2.859 человѣкъ. Но приведенныя выше цифры изображали только лишь штатный составъ, на лицо было много меньше; по крайней мѣрѣ, въ 1756 году въ Апшеронскомъ полку недоставало 280 человѣкъ; кромѣ того, численность его уменьшилась вслѣдствіе отдѣленія 3-й гренадерской роты, взятой для образованія особыхъ гренадерскихъ полковъ.

Вооруженіе солдата состояло изъ ружья со штыкомъ; калибръ ружья былъ 0,78 дюйма, вѣсъ — 14 фунтовъ, а вѣсъ пули 8 золотниковъ. Каждый солдатъ имѣлъ при себѣ 20 пуль, а по 30-ти на человѣка возилось въ патронныхъ ящикахъ. Снаряженіе заключалось въ ранцахъ съ ремнями, патронныхъ сумахъ, водоносныхъ флягахъ и шанцевомъ инструментѣ. При полкахъ имѣлись и рогатки; изъ вѣдомости, представленной генераломъ Румянцевымъ, въ декабрѣ 1756 года, видно, что въ Апшеронскомъ полку сдѣлано 56 рогатокъ [1]. Впрочемъ, рогатки въ семилѣтнюю войну не имѣли никакого примѣненія, а осенью 1757 года, при отступленіи русской арміи изъ Восточной Пруссіи, онѣ были сожжены.

Полковой обозъ состоялъ изъ 102 повозокъ и 219 лошадей, кромѣ офицерскаго обоза; продовольствіе возилось на 21 день.

Полковникъ Иванъ Лескинъ командовалъ Апшеронскимъ полкомъ до 1752 года; послѣ него назначенъ былъ полковникъ Андрей Житовъ-Бороздинъ, — онъ пробылъ до 1755 года; затѣмъ годъ прокомандовалъ полковникъ Антонъ Гинзеръ, а въ 1756 году онъ сдалъ полкъ полковнику Бернгарду фонъ-Гиршейду.

Въ составъ арміи, предназначенной для военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, вошло: 4 гренадерскихъ и 32 мушкетерскихъ полка, имѣвшихъ по спискамъ 82.976 человѣкъ (въ томъ числѣ и больные); но собственно для дѣйствій въ полѣ насчитывалось 71.947 нижнихъ чиновъ, 2.511 офицеровъ и 144 полковыхъ орудія. Конница состояла изъ гусаръ, донскихъ казаковъ, слободскихъ казачьихъ полковъ и «разнородныхъ командъ» (калмыки, казанскіе татары, башкиры и проч.) [2].

25-го ноября 1756 года, командиръ Апшеронскаго полка полковникъ фонъ-Гиршейдъ получилъ отъ генерала Румянцева предписаніе быть каждую минуту въ готовности выступить въ походъ: «...*ваше высокоблагородіе благоволите съ полкомъ къ тому выступленію быть въ ежечасной готовности и всѣ полковыя тягости на санки поставить и когда о выступленіи повелѣніе послѣдуетъ, то ни мало медля того-же часа выступить*» [3].

Въ декабрѣ всѣ войска сосредоточены были въ Лифляндіи, Эстляндіи и частью на границѣ съ Польшею, параллельно рѣкѣ Днѣпру; они образовали 5 корпусовъ и Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 4-го корпуса генерала Броуна. Фельдмаршалъ Апраксинъ, еще въ ноябрѣ 1756 года, получилъ предписаніе отъ военной конференціи открыть кампанію; но имѣя сосредоточенными только 26.000 человѣкъ, въ то время, какъ прусскій король держалъ въ Восточной Пруссіи и Помераніи корпусъ въ 40 тысячъ человѣкъ, фельдмаршалъ не рискнулъ начать военныя дѣйствія.

Въ концѣ января 1757 года, онъ предписалъ генералу Ливену со всей конницей вступить въ предѣлы Литвы и расположиться на линіи Вильно-Слуцкъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ авангардъ арміи, подъ начальствомъ генерала Броуна (6 полковъ пѣхоты, 5 эскадроновъ и одинъ нерегулярный полкъ, всего около 15 тысячъ), стоялъ въ Митавѣ и ближайшихъ окрестностяхъ ея; главныя силы, подъ начальствомъ Лопухина, расположены были въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) 12 пѣхотныхъ полковъ, одинъ полкъ кирасирскій и полевая артиллерія

[1] Дѣло № 222. Военно-Ученый Архивъ.
[2] Масловскій. Русская армія въ семилѣтнюю войну. Томъ I, стр. 43.
[3] Предписаніе Румянцева отъ 25-го ноября, № 1.175. Дѣло № 222. Военно-Ученый Архивъ.

стояли около города Риги[4]; 2) кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Румянцева, начавшій въ концѣ апрѣля переправу у Динабурга, находился уже на пути изъ Динабурга къ Вилькомиру. Остальныя части арміи двигались къ городу Ригѣ. Дессантный отрядъ въ 10 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Салтыкова, стоялъ въ Ревелѣ.

Уступая настойчивымъ требованіямъ конференціи поспѣшить открытіемъ военныхъ дѣйствій, графъ Апраксинъ, не дождавшись сбора всей арміи, рѣшилъ продвинуть войска впередъ и занять городъ Ковно, чтобы прикрыть наши продовольственные магазины, въ случаѣ наступленія непріятеля. Съ этой цѣлью, 7-го мая, войска Лопухина выступили изъ мѣстъ своего расположенія, причемъ каждый полкъ съ обозомъ слѣдовалъ отдѣльно. Неудобные пути сообщенія и громадные обозы чрезвычайно затрудняли движеніе частей, такъ что войска, слѣдуя двумя колоннами, прибыли въ Ковно только лишь въ началѣ іюня[5].

Одновременно съ наступленіемъ главныхъ силъ въ Ковно, къ прусской крѣпости Мемелю направился корпусъ генерала Фермора.

Когда вся армія собралась въ Ковно, то фельдмаршалъ произвелъ ей смотръ, результаты коего были далеко не блестящи: конница, имѣя плохихъ лошадей, совершенно не соотвѣтствовала своему назначенію; артиллерія, кромѣ полковой, значилась только на бумагѣ, (новоизобрѣтенныя шуваловскія гаубицы прибыли въ армію лишь 20-го іюля); обозъ не годился для узкихъ проселочныхъ дорогъ, по которымъ ему приходилось двигаться. Продовольственные магазины только лишь устраивались, что являлось крайне неудобнымъ, ибо денегъ для покупки продовольствія не было, а на реквизицію, до вступленія въ прусскіе предѣлы, Апраксинъ не рѣшался.

Для защиты Восточной Пруссіи король Фридрихъ оставилъ генерала Левальда съ арміею, численностью около 40.000 человѣкъ; она занимала пространство между Тильзитомъ, Инстербургомъ и Норстенбургомъ, причемъ главныя силы имѣли центральное положеніе, по отношенію вѣроятнаго пути наступленія русской арміи. Левальдъ совершенно отказался отъ обороны линіи рѣки Нѣмана, считая лучшимъ отступать внутрь страны, чтобы прикрыть Кенигсбергъ и принять бой только при самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ[6].

Зная отлично положеніе непріятельской арміи, русскій главнокомандующій, не ожидая результатовъ дѣйствія корпуса Фермора подъ Мемелемъ, рѣшилъ перейти рѣку Нѣманъ и вступить въ Восточную Пруссію; переправа должна была произойти у Попемонь, подъ Ковно, послѣ чего главная часть войскъ шла по лѣвому берегу Нѣмана на Бальвержишки, Людвиново и Вержболово. Румянцевъ, съ доброконною кавалеріею, направленъ въ Олиту; соединившись здѣсь съ кавалерійскимъ отрядомъ генерала Ливена, онъ, сообща съ послѣднимъ, долженъ былъ устроить переправу у названнаго пункта. Выбранная Апраксинымъ операціонная линія Бальвержишки - Вержболово - Инстербургъ способствовала соединенію частей арміи на Нѣманѣ и въ то-же время угрожала сообщеніямъ непріятельской арміи съ Вислою и Кенигсбергомъ. Дѣйствительно, обратившись противъ нашихъ главныхъ силъ, Левальдъ рисковалъ лишиться сообщеній съ Кенигсбергомъ, ибо корпусъ Фермора могъ двинуться къ этой крѣпости и взять ее; въ случаѣ, если бы Левальдъ направился противъ Фермора, то Апраксинъ съ главной арміею получалъ возможность, занявъ въ тылу прусской арміи важнѣйшіе пункты, отрѣзать ей сообщеніе съ Вислою.

Сосредоточенныя въ Ковно войска фельдмаршалъ раздѣлилъ на двѣ дивизіи; слѣдуя

---

4) Въ числѣ пѣхотныхъ полковъ этого отряда находился и Апшеронскій полкъ.

5) Колонна Апраксина 4-го, а колонна Лопухина 7-го іюня.

6) Масловскій. Т. I, стр. 192.

по-эшелонно, они 25-го іюня пришли въ Бальвержишки. На этотъ разъ, для облегченія марша, всѣ обозы слѣдовали въ хвостѣ дивизій, а не за колоннами, какъ то было раньше. Въ Бальвержишкахъ главныя силы оставались до 6-го іюля.

Между тѣмъ, генералъ Ферморъ, подойдя 19-го іюня къ Мемелю, началъ правильную осаду этой крѣпости. Послѣ 5-ти дней бомбардированія, комендантъ выставилъ бѣлый флагъ и сдался на капитуляцію: гарнизонъ, состоявшій изъ 800 человѣкъ регулярнаго войска, былъ выпущенъ съ оружіемъ въ рукахъ; въ крѣпости взято 8 орудій разнаго калибра.

Получивъ 30-го іюня извѣстіе о сдачѣ Мемеля, фельдмаршалъ приказалъ Фермору оставить въ крѣпости одинъ полкъ, а съ остальными войсками идти къ Тильзиту и, не переходя черезъ рѣку Нѣманъ, расчитать маршъ такимъ образомъ, чтобы корпусъ его и главная армія могли сблизиться у Тильзита.

Стратегическіе расчеты Апраксина совершенно оправдались. Какъ только генералъ Левальдъ получилъ извѣстіе о сосредоточеніи главныхъ силъ русской арміи по среднему теченію Нѣмана и о движеніи осаднаго корпуса къ Мемелю, то онъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Кенигсберга, поторопился отступить. На эту рѣшимость сильно повліяла сдача Мемеля, и 7-го іюля пруссаки отступили къ Велау.

2-го іюля Апраксинъ собралъ въ Бальвержишкахъ военный совѣтъ, на которомъ приходилось рѣшить вопросъ: «слѣдовать ли на Людвиново, Вержболово и Гумбиненъ, гдѣ, согласно обстоятельствамъ, въ зависимости отъ движеній непріятеля, должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры?» Рѣшеніе было въ утвердительномъ смыслѣ и сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія. Генералу Ливену съ конницею предписано идти впереди арміи, направляясь къ Гумбинену. Небольшому кавалерійскому отряду, подъ начальствомъ генерала Сибильскаго, приказано зайдти въ тылъ прусскимъ войскамъ и, такимъ образомъ, принудить ихъ къ бою.

7-го іюля, въ 9 часовъ вечера, графъ Апраксинъ съ первою дивизіею прибылъ въ мѣстечко Людвиново, а на другой день сюда пришла и вторая дивизія. Послѣ довольно продолжительнаго отдыха, армія двинулась дальше и 14-го іюля была въ Вержболовѣ, т. е. въ крайнемъ пограничномъ пунктѣ съ прусскими владѣніями.

Въ то время, какъ главныя силы готовились перешагнуть въ Пруссію, корпусъ Фермора и отрядъ Сибильскаго еще и не думали приступать къ выполненію возложенныхъ на нихъ задачъ: Ферморъ занимался приведеніемъ Мемеля въ оборонительное состояніе и двинулся къ Тильзиту только 10-го числа, а Сибильскій выступилъ изъ Гродно 17-го іюля. Войска Фермора, слѣдуя по-бригадно, 18-го іюля заняли мѣстечко Лауксенъ и въ тотъ-же день Ферморъ отправилъ въ Тильзитъ офицера, съ требованіемъ сдать городъ. Городскія власти не замедлили исполнить это требованіе и 20-го іюля въ Тильзитъ вошли передовыя части русскихъ войскъ. Пограничныя прусскія села, по приближеніи арміи нашей, высылали депутаціи, которыя отъ имени народа выражали желаніе принять русское подданство. Не смотря на это, а также и на получаемыя отовсюду извѣстія о томъ, что прусская армія продолжаетъ оставаться у Велау, фельдмаршалъ Апраксинъ рѣшилъ войти въ предѣлы Пруссіи со всѣми мѣрами предосторожности. Онъ раздѣлилъ армію на три дивизіи: 1-я дивизія, подъ начальствомъ генерала Лопухина, 2-я — генерала Броуна и 3-я — генерала Ливена; каждая изъ нихъ слѣдовала отдѣльной колонной, имѣя свой авангардъ и аріергардъ, но направленія дивизіямъ даны различныя: первая шла на Столупены, вторая — на Катенау и третья — на Милюшены; для охраненія фронта и обезпеченія фланговъ назначены были казачьи разъѣзды. 21-го іюля, авангардъ передовыхъ войскъ вступилъ въ Пруссію и въ тотъ-же день летучій конный отрядъ второй колонны имѣлъ у Катенау стычку съ прусской конницей.

Зарвавшійся далеко впередъ нашъ незначительный отрядъ неожиданно наткнулся на превосходныя силы прусской конницы, которая отбросила его къ Катенау. 25-го числа русская армія заняла Гумбиненъ. Здѣсь Апраксинъ опять созвалъ военный совѣтъ, на коемъ рѣшено продолжать движеніе на Инстербургъ и, соединившись съ Ферморомъ, «не взирая на авантажное непріятельское положеніе и окоповъ, гдѣ бы непріятель ни былъ — атаковать» 7).

Когда русская армія вошла въ Пруссію и генералъ Левальдъ убѣдился, что она раздѣлена на двѣ части, то онъ рѣшился перейти въ наступленіе и атаковать сначала главныя силы, а потомъ обратиться противъ Фермора. Получивъ извѣстіе, что пруссаки вышли, наконецъ, изъ бездѣйствія и направили часть своихъ силъ къ Инстербургу, графъ Апраксинъ приказалъ конницѣ поспѣшить предупредить непріятеля и занять городъ раньше, чѣмъ въ него войдутъ значительныя силы противника. До того въ Инстербургѣ находился только незначительный прусскій отрядъ; по приближеніи русскихъ, онъ очистилъ городъ. 7-го августа Ферморъ со своимъ корпусомъ присоединился къ арміи.

Чрезвычайная медленность движеній отряда Сибильскаго вынудила Апраксина отказаться отъ операцій въ тылу прусской арміи и онъ предписалъ Сибильскому присоединиться къ главнымъ силамъ. Сближеніе нашей и непріятельской армій повело къ частымъ стычкамъ передовыхъ русскихъ отрядовъ съ прусской конницей, главныя же силы Левальда занимали позицію при Калененѣ. Произведенная полковникомъ Демолинымъ рекогносцировка этой позиціи показала, что пруссаки расположились на довольно пространномъ мѣстѣ, весьма выгодномъ для обороны; позиція командовала надъ всей окружавшей мѣстностью, вслѣдствіе чего непріятель имѣлъ возможность издалека открыть артиллерійскій огонь. Лѣвое крыло прикрывалось Илишкинскимъ лѣсомъ, обойти который не представлялось никакой возможности, ибо кругомъ его находилось чрезвычайно топкое болото. Единственный подступъ къ позиціи представляла долина между рѣками Ауервисенъ (въ рукописи «Форингеръ») и Кекоршикенъ («Кикершики»), но и она была покрыта труднопроходимыми болотами.

8-го августа, когда уже всѣ части арміи соединились, составлено новое подраздѣленіе ея, сохранившееся и во время Гроссъ-Егерсдорфскаго сраженія. Авангардъ, подъ командою генерала Сибильскаго, генералъ-лейтенанта Вилима Ливена, генералъ-маіора Іоганна Шилинга, бригадировъ Демику и Магнуса Берха, состоялъ изъ трехъ конно-гренадерскихъ и пяти пѣхотныхъ полковъ, въ числѣ послѣднихъ и Апшеронскій полкъ 8); въ 1-й дивизіи, подъ начальствомъ генерала Фермора: 4 конныхъ, 3 гусарскихъ, чугуевскій казачій и девять пѣхотныхъ полковъ, кромѣ того, донскіе казаки бригадира Краснощекова; во второй дивизіи — генерала Лопухина: два кирасирскихъ, два конныхъ, одинъ гусарскій, девять пѣхотныхъ полковъ и донскіе казаки полковника Машлыгина; въ 3-й дивизіи генералъ-аншефа Броуна: одинъ кирасирскій, два драгунскихъ, одинъ гусарскій и восемь пѣхотныхъ полковъ.

Недоступность позиціи у Калененъ, а также рядъ другихъ, уже подготовленныхъ непріятелемъ для боя, позицій между рѣками Нехне и Деймою, заставили фельдмаршала Апраксина отказаться отъ открытой атаки ихъ и онъ счелъ за лучшее измѣнить операціонную линію и выбралъ таковою Алленбургъ-Кенигсбергъ, вмѣсто прежней Велау-Тапіава.

12-го августа состоялся военный совѣтъ при Амтѣ-Саллау и бывшіе на совѣтѣ генералы пришли къ слѣдующему рѣшенію: «по полученнымъ отъ партій, посланныхъ 7-го августа по обѣ стороны рѣки Прегеля, извѣстіямъ, стало извѣстно, что по сю сторону помянутой рѣки, куда съ арміей слѣдовать постановлено было, за опасными болотами, гористыми буе-

7) Масловскій. Т. I, стр. 243.

8) «Конно-гренадерскіе: каргопольскій, нарвскій и рязанскій. Пѣхотные: Апшеронскій, псковскій, архангелогородскій, бутырскій и бѣлозерскій». Дѣло № 224. Военно-Ученый Архивъ.

раками и рвами, наполненными мѣстами, чрезъ которые проходы на планахъ, ибо инако весьма труднѣе, тѣснѣе и такъ сказать не проходимы, ни коимъ образомъ маршировать нельзя, паче же потому, что непріятель всѣ сіи дефилеи, до самаго главнаго его лагеря дѣйствительно пѣхотою занялъ и пушками заставилъ, чему не токмо бывшіе при тѣхъ партіяхъ нарочно для того отправленные инженеръ-полковникъ Демолинъ и маэоры Муравьевъ и Гербель самовидцы, но и прибывшій сегодня гренадерскаго баталіона маіора фонъ-Лонсона простой дезертиръ все сходственно подтвердилъ; такъ что хотя-бы и всякое исскуство употреблено было непріятеля изъ тѣхъ постовъ выживать, оное не инако, но съ зело великимъ урономъ воспослѣдовать могло-бъ, особливо же потому, что всякій шагъ земли много людей стоилъ-бы и такимъ образомъ войско великому урону подвержено было-бы, а въ пользу настоящаго дѣла никакого успѣха не получили-бы........».

«По симъ важнымъ обстоятельствамъ, генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ заблагоразсудилъ весь при ввѣренной ему арміи обрѣтающійся генералитетъ того дня по полудни въ 5 часовъ въ главную квартиру для держанія совѣта созвать, который постановилъ: трактъ прямо на Велау съ общаго согласія отмѣнить, а слѣдующее постановить и утвердить необходимо заблагоразсудилъ, а именно: завтрашнего числа, для прикрытія сего вновь принятаго намѣренія, маршировать изъ здѣшняго лагеря по рѣкѣ Прегель впредь на нѣкоторое разстояніе, ближе къ непріятелю, и стать лагеремъ возлѣ рѣки, гдѣ тотъ часъ потребное число мостовъ чрезъ оную сдѣлавъ, обозы подъ довольнымъ прикрытіемъ переправить и съ арміею за онымъ на ту сторону немедленно перебираться, а оттуда прямо въ Алленбургъ слѣдовать, не взирая на то, что сей новоизбранный трактъ тремя милями далѣе къ Кенигсбергу, чѣмъ прежній чрезъ Велау былъ, понеже доставляемая онымъ польза несравненно больше, потому что та сторона фуражемъ достаточнѣе, а непріятель, увидя войско при Алленбургѣ, самъ изъ своего крѣпкаго мѣста выйти на ровной, безъ укрѣпленія ситуаціи расположиться принужденъ найдется; а буде не отважится изъ своего лагеря выступить, то войско Ея Императорскаго Величества рѣкою Дейма завладѣетъ и такимъ образомъ непріятелю всѣ коммуникаціи съ Кенигсбергомъ пресѣчь, а свои съ Мемелемъ возстановить можетъ. Когда же обстоятельство и мѣстоположеніе то дозволятъ, то онаго съ тылу съ лучшею пользою атаковать крайнѣйшее стараніе приложить имѣется» [9].

13-го августа авангардъ Сибильскаго перешелъ на лѣвый берегъ рѣки Прегеля, занялъ позицію у деревни Норкитенъ и прикрывалъ переправу остальныхъ войскъ. 15-го августа переправилась дивизія Лопухина. Какъ только прусскій главнокомандующій узналъ о движеніи русскихъ къ своему лѣвому флангу, то онъ бросилъ позицію у Калененъ и началъ сосредоточивать армію у Вилькенсдорфа; 15-го августа Левальдъ выслалъ для рекогносцировки нашего расположенія конницу, но послѣдняя далеко проникнуть не могла, будучи оттѣснена казаками и гусарами. 17-го августа переправились черезъ Прегель дивизіи Фермора и Броуна и только въ этотъ день Левальдъ удостовѣрился, что русская армія предпринимаетъ обходъ. Послѣ полудня фельдмаршалъ получилъ извѣстіе о переправѣ непріятеля на лѣвый берегъ Прегеля. Очевидно было, что прусскій генералъ рѣшилъ дать сраженіе, что также подтверждалось произведенной имъ 18-го числа усиленной рекогносцировкой. Вся прусская кавалерія, подъ начальствомъ полковника Шерлемора, направилась къ деревнѣ Гроссъ-Егерсдорфъ, сбила передовые посты, но, удовольствовавшись только самымъ поверхностнымъ осмотромъ расположенія нашей арміи, отступила. Хотя изъ дѣйствій непріятеля и слѣдовало заключить о его намѣреніи остановить движеніе русскихъ, однако Апраксинъ рѣшилъ продолжать маршъ къ Алленбургу, предполагая, что пруссаки не рѣшатся выйти изъ лѣса.

9) Дѣло № 224, ч. II, ст. 578. Шифрованное донесеніе Апраксина Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Вечеромъ 18-го августа отданы слѣдующія приказанія:

1) «Большей части нерегулярнаго войска походъ начать, а подъ прикрытіемъ оныхъ генералъ-квартирмейстеръ Штофельнъ слѣдовать имѣетъ».

2) «Тотъ часъ за нимъ авангардъ (Сибильскаго) безъ обозу, только съ одними палатками, съ трехдневнымъ запасомъ хлѣба; обозу же ихъ подъ прикрытіемъ архангелогородскаго драгунскаго полка, который, за неимѣніемъ лошадей, пѣшкомъ за авангардомъ маршировать долженъ, а за симъ четыре полка гусаръ и чугуевскій казацкой полкъ».

3) «Первая дивизія по правой, а вторая по лѣвой сторонѣ по рядамъ, однакожъ такимъ образомъ, чтобы каждый баталіонъ или полкъ, какъ ширина дороги дозволитъ, стороны прикрывалъ, въ которой непріятель находится. По лѣвой сторонѣ обѣихъ сихъ дивизій слѣдовать обозамъ».

4) «Дивизіямъ имѣть сильный аріергардъ изъ трехъ или четырехъ полковъ, при которомъ отъ каждой бригады имѣть по двѣ порожнія телѣги, на случай излома фуръ или иныхъ телѣгъ и т. д.».

. . . .

7) «Авангардъ, по пробитіи генеральнаго марша, также первая и вторая дивизія, къ походу изготовиться, а по пробитіи сбора, непремѣнно выступить имѣетъ».

Въ тотъ же день къ фельдмаршалу явился изъ прусскаго лагеря нашъ дезертиръ, бѣжавшій въ 1756 году изъ третьяго кирасирскаго полка; онъ сообщилъ о намѣреніи пруссаковъ атаковать 19-го числа русскую армію. Однако, это извѣстіе не повліяло на рѣшеніе Апраксина двигаться къ Алленбургу.

19-го августа, въ 4 часа пополуночи, вмѣсто зори пробитъ былъ генеральный маршъ; авангардъ, а за нимъ обозы первой и второй дивизій начали уже становиться въ походный порядокъ, когда получено было извѣстіе о томъ, что вся непріятельская армія, построившись въ три колонны, вышла изъ лѣсу и идетъ на встрѣчу русскимъ войскамъ. Сильный туманъ не позволилъ заблаговременно увидѣть движеніе пруссаковъ. Положеніе русскихъ было крайне опасное. Благодаря вполнѣ соотвѣтственнымъ мѣрамъ охраненія (занятіе выходовъ изъ лѣса), налетъ прусской конницы не могъ имѣть серьезныхъ послѣдствій; но зато пѣхота русской арміи, не будучи еще построена въ боевой порядокъ и имѣя возможность выйти изъ лѣса только по двумъ дорогамъ, на Гроссъ-Егерсдорфъ и Зитерфильде, при малѣйшей задержкѣ, легко могла подвергнуться дружному удару всей 1-й линіи пруссаковъ. Задержка же при движеніи войскъ несомнѣнно встрѣтилась, ибо шедшіе при войскахъ обозы загромоздили оба дефиле, а именно: по дорогѣ изъ Норкитена въ Гроссъ-Егерсдорфъ шли обозы дивизіи Фермора, а дорога изъ Норкитена и Зитерфильде была занята войсками авангарда Сибильскаго, 2-й дивизіи Лопухина и остальными обозами арміи.

Въ своемъ донесеніи Императрицѣ, фельдмаршалъ Апраксинъ такъ описываетъ свое состояніе: «Что-жь до меня принадлежитъ, то я, какъ предъ самымъ Богомъ, Вашему Величеству признаюсь, что я въ такой грусти сперва находился, когда съ такою фуріею и порядкомъ непріятель насъ въ маршѣ атаковалъ, что я за обозами вдругъ не съ тою пользою вездѣ дѣйствовать могъ» [10].

Однако, «въ какой бы грусти сперва Апраксинъ ни находился», но если не онъ, то кто-то бывшій при немъ, понялъ, что за тѣснотою мѣста формальнаго ордера баталіи построить нельзя, а по направленію атаки непріятеля, главная опасность угрожала лѣвому флангу. «По учиненіи тревоги», были сдѣланы слѣдующія распоряженія: «чтобы авангардъ

[10]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XXIV, стр. 132.

противъ непріятельскаго фланга фрунтомъ построился, а второй дивизіи, которая такожде какъ и авангардъ въ движеніи находилась, съ авангардомъ сомкнуться, первой дивизіи, коя въ маршѣ находилась, простирая лѣвое свое крыло къ правому второй дивизіи, такожде промежъ прилѣску и обоза впередъ подвинуться» [11]).

Но прежде чѣмъ русскія войска успѣли построиться, пруссаки атаковали ихъ.

Около 5-ти часовъ утра, конница принца Голштинскаго безъ труда сбила гусарскія и казачьи части и, двигаясь на Удербаленъ, къ южному выходу изъ лѣса, атаковала стоявшій здѣсь московскій полкъ [12]). Атака была отбита огнемъ этого и выборгскаго полковъ.

Авангардъ генерала Сибильскаго долженъ былъ занять высоту Зитерфильде. Первыми достигли ея Апшеронскій и бутырскій полки, причемъ Апшеронскій полкъ, пристроившись къ казакамъ Серебрякова, принялъ дѣятельное участіе въ отбитіи прусской конницы, обстрѣливая ее съ фланга и съ тылу.

Во время атаки лѣваго фланга, полки 2-й дивизіи по одиночкѣ выходили изъ лѣсу и пристраивались къ атакованнымъ непріятельской кавалеріей частямъ; они сразу попали подъ весьма сильный огонь прусской артиллеріи, понесли большую потерю, вслѣдствіе чего пришли въ разстройство. Замѣтивъ это, Левальдъ направилъ противъ нихъ 12 баталіоновъ пѣхоты. Пруссаки открыли сначала сильный ружейный огонь, а вслѣдъ за тѣмъ произвели общую атаку съ фронта, съ охватомъ праваго фланга нашей боевой линіи. Полки 2-й дивизіи, разстроенные уже пушечнымъ огнемъ непріятеля и будучи растянуты въ узкую длинную линію, послѣ отчаяннаго сопротивленія, пришли въ безпорядокъ и отступили въ лѣсъ. Казалось, побѣда была уже въ рукахъ пруссаковъ, но, къ счастью, во время подоспѣли изъ резерва четыре полка пѣхоты — и картина боя сразу измѣнилась. Эти, совершенно свѣжія силы, ударили на пруссаковъ и заставили ихъ отступить. Такимъ образомъ, исходъ сраженія сдѣлался пока нерѣшеннымъ. Однако, атака пруссаковъ на лѣвый флангъ стоила русскимъ очень дорого: убиты были начальникъ 2-й дивизіи генералъ Лопухинъ, генералъ Зыбинъ, много офицеровъ, а находившіяся въ дѣлѣ части потеряли убитыми и ранеными почти 50%.

Одновременно веденная пруссаками атака на правый флангъ отбита бригадою Салтыкова. Авангардъ Сибильскаго въ продолженіе боя оставался безучастнымъ зрителемъ. Причина такого бездѣйствія заключалась въ присутствіи сильной конницы принца Голштинскаго: если бы Сибильскій рѣшился ударить во флангъ отступавшимъ пруссакамъ, то въ свою очередь рисковалъ быть атакованъ съ фланга же конницею праваго крыла прусской арміи. Но вскорѣ и авангарду пришлось принять непосредственное участіе въ сраженіи. Донскіе казаки Серебрякова, послѣ весьма долгаго ожиданія какихъ либо дѣйствій со стороны принца Голштинскаго, рѣшились навести его на пѣхоту авангарда. Съ этою цѣлью казаки обогнули болото, находившееся впереди Зитерфильде, и съ гиканьемъ понеслись на прусскую конницу; подскакавъ къ фронту непріятеля, они внезапно повернули коней и обратились назадъ. Принявъ отступленіе казаковъ за трусость, прусская кавалерія бросилась преслѣдовать ихъ; она гнала казаковъ къ фронту авангарда, котораго, увлеченные преслѣдованіемъ, пруссаки не замѣчали. Пѣхота раздѣлилась, пропустила казаковъ, а затѣмъ встрѣтила непріятеля убійственнымъ огнемъ изъ полковыхъ пушекъ и «мелкаго ружья». Въ особенности жестоко пострадали пруссаки, нарвавшіеся на лѣвый флангъ авангарда, гдѣ стоялъ Апшеронскій полкъ: послѣдній перемѣнилъ фронтъ на лѣво, и такимъ образомъ стрѣлялъ по непріятелю *). Часть прусской конницы, преслѣдуя казаковъ, успѣла прорваться сквозь фронтъ

[11]) Дѣло № 224. Военно-Ученый Архивъ

[12]) Нынѣ 65 пѣхотный Московскій полкъ.

*) См. планъ сраженія при Гроссъ-Егерсдорфѣ (№ 3).

правофланговыхъ полковъ авангарда, но она погибла до единаго человѣка отъ шашекъ тѣхъ же донцовъ, которые такъ искусно вовлекли непріятеля въ ловушку.

Дѣло кавалеріи принца Голштинскаго съ авангардомъ явилось финаломъ сраженія 19-го августа; непріятель въ безпорядкѣ отступалъ на всѣхъ пунктахъ и авангардъ, соединясь со второю дивизіею, нѣкоторое время преслѣдовалъ пруссаковъ. «Я паки признаться долженъ», пишетъ въ своей реляціи фельдмаршалъ Апраксинъ, «что сколько ни показали отмѣнную храбрость и мужество весь генералитетъ, офицеры и солдаты, побѣда однако-жъ такъ была сумнительна, что толь благополучное, сей съ лишнимъ четыре часа продолжавшейся баталіи, окончаніе надо единственно приписать благословенію Всевышняго и теплымъ къ Нему молитвамъ Вашего Императорскаго Величества, ибо будучи, какъ выше упомянуто, на полномъ почти походѣ, и имѣя всѣ свои обозы съ собою, никакъ не можно было такимъ образомъ построиться, какъ-бы желалось. Болѣе же всего, я признаюсь, что никогда не ожидалъ, чтобъ прусская армія здѣсь въ такомъ великомъ числѣ и изъ такихъ отборныхъ людей состояла. Я имѣю причину плѣнникамъ вѣрить, что оная до сорока тысячъ человѣкъ простирается и долженъ отдать справедливость ея изрядству и храбрости, съ какою дѣйствовала. Въ добычу войскамъ Вашего Императорскаго Величества получено двадцать девять пушекъ, въ томъ числѣ двадцатичетырехъ-фунтовыхъ три, двѣнадцати-фунтовыхъ пять и три гаубицы съ ихъ ящиками и палубами; нѣсколько лошадей и аммуниція, въ томъ числѣ 29 барабановъ. Знаменъ получить невозможно было, ибо сколь торопенъ ни былъ побѣгъ пруссаковъ, они однако-жъ стараніе приложили знамена въ одно мѣсто собрать и въ безопасность привести, къ чему въ близости назади ихъ лѣсъ много способствовалъ» [13].

Уронъ русскихъ заключался: въ 2-хъ генералахъ, 36-ти штабъ- и оберъ-офицерахъ и 1.411 нижнихъ чинахъ убитыми; ранено: 8 генераловъ, 236 штабъ- и оберъ-офицеровъ, одинъ полковой священникъ и 4.252 нижнихъ чина. Въ Апшеронскомъ полку раненъ полковой священникъ Егоръ Федоровъ (число убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ неизвѣстно). Непріятель потерялъ: 1.818 убитыхъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ и 2.337 раненыхъ; въ плѣнъ взято 600 человѣкъ.

«Главная наша потеря», пишетъ Апраксинъ, «въ томъ состоитъ, что командовавшій нашимъ лѣвымъ крыломъ храброй генералъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ убитъ, но своею неустрашимою храбростію много способствовалъ одержанію побѣды, толь славно жизнь свою скончалъ, что почтеніе къ своимъ добродѣтелямъ тѣмъ еще выще умножилъ. Бывъ вдругъ тремя пулями весьма тяжко раненъ, однакожъ сохраняя остатки жизни, спрашивалъ только: гонятъ ли непріятеля и здоровъ ли фельдмаршалъ, и какъ ему то и другое увѣрено, то послѣднія его были слова: «*теперь умираю спокоенъ, отдавъ мой долгъ Всемилостивѣйшей Государынѣ*» [14].

Послѣ пораженія при Гроссъ-Егерсдорфѣ, Левальдъ отступилъ такъ поспѣшно, что уже на слѣдующій день, т. е. 20-го августа, связь между обѣими арміями была прервана. Собравъ свои разбитыя части у мѣстечка Пушдорфа и приведя ихъ въ нѣкоторый порядокъ, прусскій главнокомандующій переправился на правый берегъ Прегеля и занялъ сильную позицію у Вилькенсдорфа, бросивъ защиту пути на Кенигсбергъ; но 21-го числа онъ опять возвратился къ Велау. Нѣсколько рекогносцировокъ, произведенныхъ нашими конными отрядами, выяснили, что Велау занятъ, поэтому Апраксинъ рѣшилъ форсировать переправу выше Велау и затѣмъ обойти непріятеля справа.

25-го августа русскія войска расположились въ окрестности города Алленбурга, который

13) Реляція фельдмаршала Апраксина. Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1757 годъ.

14) Тамъ-же.

въ кампанію этого года былъ конечнымъ пунктомъ наступленія нашей арміи. Главная причина прекращенія наступательныхъ дѣйствій заключалась въ отсутствіи провіанта и фуража.

«Сколько мы до сего времени имѣли труда въ полученіи провіанта, а въ фуражѣ претерпѣли и совершенный недостатокъ, того ни какъ сравнить не можно, что въ семъ мѣстѣ оказалось, ибо посыланными вокругъ больше какъ за двадцать верстъ партіями не найдено ни слѣда къ полученію фуража, такъ что 27-го числа былъ держанъ генеральный совѣтъ и къ крайнему сожалѣнію усмотрѣно, что не осталось инаго, какъ приблизиться къ своимъ магазейнамъ на время».

«На сіе хотя и неохотно, однакожъ, для многихъ и важныхъ причинъ поступить принуждено было, ибо, сверхъ оказавшагося во всемъ недостатка увѣдомленось, что непріятель, не ожидавъ здѣшней атаки, паки далѣе за рѣку Денъ къ Кенигсбергу ретировался, такъ что посыланной для развѣдыванья полковникъ Краснощековъ съ командою, возвратясь, рапортовалъ, что, доѣхавъ за восемь верстъ до Кенигсберга, ничего не видалъ, кромѣ слѣдовъ наигоршаго раззоренія и опустошенія, кои непріятель сдѣлалъ въ своей землѣ и съ своими подданными, дабы тѣмъ затруднить нашъ походъ» [15].

Поэтому военный совѣтъ пришелъ къ рѣшенію: «отъ здѣшняго мѣста поворотить въ сторону и пробираться лучшими мѣстами до Тильзита, а прибывъ туда и по снабженіи арміи нужнѣйшимъ провіантомъ и вмѣщеніи больныхъ раненыхъ и всего того, что арміи въ тягость бываетъ, паки впередъ маршировать и всякое возможное надъ непріятелемъ предпріятіе искать, дабы все, конечно буде возможно, еще нынѣшнимъ осеннимъ временемъ мѣстомъ Лабіо и рѣкою Деймою завладѣть и, такимъ образомъ, къ доставленію себѣ довольнаго провіанта путь очистить» [16]. Въ числѣ подписавшихъ это мнѣніе военнаго совѣта находился и командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Бернгардъ фонъ-Гиршейдъ.

Отступленіе къ Тильзиту Апраксинъ началъ 28-го августа и оно происходило при самыхъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ. Армія русская «должна была совершать стратегическій обходъ по кругу, въ центрѣ котораго находился строгій непріятель, искавшій случай смыть пятно неудачи Гроссъ-Егерсдорфскаго боя» [17].

Кромѣ того, наступившее осеннее время, грязь и слякоть, отсутствіе провіанта и фуража, крайне вредно отразились на порядкѣ и скорости марша. 2-го сентября армія пришла въ мѣстечко Енишкенъ; во время перехода она двигалась одною колонною, причемъ аріергардъ, состоявшій изъ 6-ти полковъ пѣхоты, артиллеріи и казаковъ, находился въ полной готовности принять бой въ каждую данную минуту; обозы шли съ правой стороны. 4-го сентября армія сосредоточилась въ Инстербургѣ и отсюда, по правому берегу рѣки Инстера, направилась въ Тильзитъ. До деревни Сеслакенъ дорога была гористая, имѣла много крутыхъ подъемовъ и спусковъ; поэтому, для удобства движенія, всѣ войска раздѣлены на двѣ колонны и направлены по обѣимъ сторонамъ Инстера. Во время отступленія, непріятель не тревожилъ наши войска и только 9-го сентября, когда они выступали изъ деревни Сеслакена, появился конный прусскій отрядъ, подъ начальствомъ принца Голштинскаго.

13-го сентября Апраксинъ выступилъ въ Тильзитъ. Трудное отступленіе отъ Алленбурга весьма разстроило матеріальную часть арміи, а тяжелые переходы отозвались на здоровьи солдатъ, и число больныхъ въ войскахъ значительно увеличилось. Кромѣ некомплекта частей, нижеслѣдующія цифры вполнѣ ясно рисуютъ дѣйствительное состояніе нашей арміи: въ пѣхотѣ считалось убитыми 1.053 человѣка, умершими отъ болѣзней 8.662, бѣжавшихъ

---

15) Дѣло № 224. Военно-Ученый Архивъ.
16) Тамъ-же, стр. 615.
17) Масловскій. Т. I, стр. 313.

621, безъ вѣсти пропало 44, а всего 10.380 человѣкъ; въ конницѣ 1.488. Значитъ, общая убыль равнялась 12.168, не считая здѣсь раненыхъ и больныхъ, находившихся въ госпиталяхъ; послѣднихъ къ 20 сентября насчитывалось 8.996 человѣкъ; огромное число больныхъ явилось какъ непосредственный результатъ плохой пищи, при весьма трудныхъ маршахъ, въ дурную погоду.

При такомъ плачевномъ состоянiи армiи и при отсутствiи провiанта, нечего было и думать объ удержанiи Тильзита. «Стратегическое и тактическое положенiе нашей армiи у Тильзита было безусловно невыгодное. Оставаться и упорно оборонять Тильзитъ было невозможно, такъ какъ коммуникацiонныя линiи не были обезпечены, переходъ въ наступленiе на Лабiаву не имѣлъ никакого основанiя, потому что доставка запасовъ по Куришъ-гафу была невозможна; армiя, занявъ Кенигсбергъ, все равно не имѣла бы провiанта» [18].

Дѣйствительно, Апраксину предстояло рѣшить весьма важный вопросъ: дать ли сраженiе пруссакамъ, или уклониться отъ него и отступить за рѣку Нѣманъ. Первое рѣшенiе могло повлечь за собою пораженiе русской армiи, тѣмъ болѣе гибельное, что мы не имѣли въ тылу обезпеченныхъ переправъ. Въ день прихода армiи въ Тильзитъ состоялся военный совѣтъ и положено отступить за рѣку Нѣманъ. Того же числа, по имѣвшемуся въ городѣ мосту, переправилась конница, а на слѣдующiй день начала переправу пѣхота. Къ 15-му сентября успѣли окончить постройку еще двухъ мостовъ, что дало возможность переправиться остальной части армiи и обозамъ. Въ Тильзитѣ остался только арiергардъ, онъ отступилъ 17-го сентября, причемъ городъ Ригнитъ *), жители коего стрѣляли по проходившимъ войскамъ, былъ сожженъ до тла. Арiергардъ уничтожилъ за собою всѣ мосты на Нѣманѣ. Русская армiя отступила въ Курляндiю и въ началѣ ноября войска размѣстились на зимнихъ квартирахъ, причемъ Апшеронскiй полкъ расположился въ окрестностяхъ мѣстечка Россiенъ.

И такъ, не смотря на блистательную побѣду, одержанную надъ пруссаками при Гроссъ-Егерсдорфѣ, результаты кампанiи 1757 года были для насъ неудачны: Апраксинъ отступилъ изъ Восточной Пруссiи, сохранивъ изъ всѣхъ завоеванiй только Мемель.

Въ то время, когда наши войска перешли уже за Нѣманъ, главнокомандующiй получилъ указъ Императрицы Елизаветы съ требованiемъ перейти въ наступленiе; но Апраксинъ отвѣтилъ, что при неудовлетворительномъ состоянiи армiи, наступленiе можетъ повести только къ полнѣйшему разстройству ея. 6-го октября, почти всѣ войска стянулись къ Мемелю и здѣсь фельдмаршалъ получилъ новый указъ Императрицы, въ которомъ ему предлагалось:

1) «Сохранить Мемель».
2) «Что не токмо, буде Левальдъ положительно хочетъ Нѣманъ перейти и баталiю отважить, то ему въ томъ не отказывать, но не сопротивляя его переходу, не только подать ему къ баталiи поводъ, но и сыскавъ его, атаковать».
3) «Высадить дессантъ въ Лабiау и по меньшей мѣрѣ видъ показать къ намѣренiю на Кенигсбергъ» [19].

Отвѣтивъ въ утвердительномъ смыслѣ на первые два пункта, Апраксинъ отклонилъ высадку въ Лабiавѣ за неимѣнiемъ годныхъ для поднятiя войскъ судовъ.

Въ заключенiе, русскiе генералы, съ такой стойкостью и пониманiемъ дѣла отстаивавшiе армiю отъ конечной гибели, представили Императрицѣ (внѣ всякаго сомнѣнiя находившейся подъ влiянiемъ членовъ конференцiи) глубокую и тяжкую ихъ скорбь отъ недовѣрiя къ

---

[18]) Масловскiй. Стр 321—322.
[19]) Дѣло 224. Военно-Ученый Архивъ. Книга С.
*) Вѣроятно Рагнитъ.

нимъ главы арміи — монархини. «Для достовѣрности же», писали они, «что армія все конечно въ такомъ изнеможенномъ состояніи, симъ всеподданнѣйше весь генералитетъ проситъ, дабы повелѣно было къ освидѣтельству прислать какихъ повѣренныхъ персонъ, но не замедля, чтобы могли они все увидѣть прежде, нежели черезъ отдохновеніе поправиться можетъ»[20].

Желая оправдать себя предъ союзными державами за отступленіе арміи изъ Восточной Пруссіи, военная конференція свалила всю вину на Апраксина, который вслѣдъ затѣмъ преданъ былъ суду. 17-го октября фельдмаршалъ отрѣшенъ отъ командованія арміей и вызванъ въ Петербургъ. Состоя подъ судомъ, онъ умеръ отъ удара, наканунѣ объявленія ему полнаго оправданія. Главнокомандующимъ арміей назначенъ генералъ Ферморъ.

---

[20]) Противники Фридриха — Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ. Очерки Русско-Прусской войны 1756—1762 г., стр. 51.

Глава Шестая.

Назначеніе Апшеронскому полку новой винтеръ-квартиры. — Просьбы Фермора. — Численность русской арміи. — Предположенія главнокомандующаго. — Обзоръ положенія прусскаго короля. — Его успѣхи. — Предписаніе конференціи объ открытіи зимнихъ военныхъ дѣйствій. — Занятіе Лабіавы, Кенигсберга и Пилау. — Два разнорѣчивыхъ предписанія генералу Броуну. — Требованіе австрійцевъ. — Движеніе корпуса Броуна къ Гумбинену. — Апшеронскій полкъ въ городѣ Торнѣ. — Донесеніе князя Голицына. — Предположеніе Фермора о занятіи Данцига. — Планъ кампаніи. — Порядокъ наступленія русской арміи. — Новый планъ кампаніи, составленный конференціею. — Военный совѣтъ 19-го іюля. — Измѣненіе операціонной линіи. — Новое распредѣленіе войскъ арміи. — Осада Кюстрина. — Занятіе дивизіею Румянцева города Шведта. — Переправа прусскаго короля через Одеръ у Гюстенбюзе. — Расположеніе русской арміи 13-го августа. — Цорндорфское сраженіе. — Потери русскихъ. — Донесеніе Фермора Императрицѣ Елизаветѣ. — Распоряженіе его объ обыскѣ солдатъ. — Отступленіе арміи къ Большому Камину и затѣмъ къ Лансбергу. — Занятіе Пасъ-Круга. — Экспедиція противъ Кольбера и неудачный исходъ ея. — Размѣщеніе арміи на зимнія квартиры.

Въ концѣ ноября составлена была новая дислокація войскъ арміи; Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 1-й дивизіи генерала-аншефа Броуна, бригады генералъ-маіора Баумана, и квартирой его назначенъ городъ Лавковъ.

Выступивъ въ командованіе арміею, генералъ Ферморъ немедленно обратился въ военную конференцію съ такого рода просьбами:

1) положить прочное основаніе для организаціи высшихъ тактическихъ единицъ — дивизій и бригадъ;
2) пополнить полки до штата, полагая примѣрно въ каждой ротѣ по 36 запасныхъ рядовыхъ;
3) ограничить, елико возможно, откомандированіе строевыхъ офицеровъ изъ полковъ,
4) реорганизовать обозную часть;
5) снабдить армію ручными жерновами, по два на роту;
6) уменьшить солдатскую ношу, и
7) измѣнить форму обмундированія [1].

Послѣ окончательнаго размѣщенія частей войскъ на зимнихъ квартирахъ, численный составъ арміи вполнѣ выяснился и оказалось слѣдующее:

пѣхоты значилось	58.338	человѣкъ
регулярной конницы	5.730	»
донскихъ казаковъ	4.175	»
гусаръ	3.500	»
артиллеріи	313	»
итого . . .	72.056	человѣкъ.

1) Масловскій. Т. II, стр. 78.

Недоставало до комплекта:

пѣхоты	19.553	человѣкъ
конницы	2.362	»
итого	21.915	человѣкъ.

Больныхъ въ госпиталяхъ, въ дальнихъ командировкахъ и т. п.:

пѣхоты	16.446	человѣкъ
конницы	4.092	»
итого	20.538	человѣкъ.

Изъ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ видно, что въ арміи недоставало до штатнаго состава болѣе 42.000 человѣкъ. Обмундированіе войскъ оставляло желать много лучшаго, а больше всего они чувствовали потребность въ обуви.

Занявъ оборонительную линію по правому берегу рѣки Нѣмана, Ферморъ принялся за укрѣпленіе Мемеля, въ которомъ стоялъ особый отрядъ изъ 5-ти пѣхотныхъ полковъ.

Еще въ концѣ октября въ нашей главной квартирѣ получено было донесеніе о томъ, что прусская армія оставила Восточную Пруссію. Въ виду этого, Ферморъ рѣшилъ, съ наступленіемъ зимы, занять Амтъ-Руссъ и городъ Тильзитъ. Для развѣдыванія о непріятелѣ посылались конныя партіи и одна изъ нихъ, дошедшая до Тильзита, донесла, что послѣдній занятъ еще непріятельской конницей.

Считаемъ не лишнимъ предпослать краткій обзоръ положенія дѣлъ у нашего противника-короля Фридриха II.

Не смотря на отступленіе русской арміи изъ Восточной Пруссіи, положеніе пруссаковъ осенью 1757 года было крайне опасное: на западномъ театрѣ войны прусскій король имѣлъ противъ себя 70-ти тысячную французскую армію, занимавшую Гановеръ; отъ Дрездена къ Берлину оперировала 60-ти тысячная союзная армія имперцевъ и французовъ; главныя силы австрійцевъ сосредоточены были въ Богеміи и, наконецъ, съ сѣвера угрожала пруссакамъ шведская армія, численностью до 17.000 человѣкъ; въ началѣ ноября мѣсяца, она перешла изъ Стральзунда и двигалась къ Штетину. Для дѣйствій противъ союзниковъ Фридрихъ II имѣлъ только 140.000 человѣкъ. Но благодаря подкупу, предводитель французской арміи, герцогъ Ришелье съ 70.000, оставался въ полномъ бездѣйствіи, что и дало возможность королю-полководцу обратить все вниманіе на остальныя непріятельскія арміи. Для охраненія Берлина отъ покушеній со стороны шведскаго корпуса, онъ направилъ изъ Восточной Пруссіи армію Левальда.

5-го ноября Фридрихъ разбилъ союзную армію при Росбахѣ и въ то-же время Левальдъ заставилъ шведовъ отступить на островъ Рюгенъ. Ровно черезъ мѣсяцъ, т. е. 5-го декабря, прусскій король, послѣ весьма удачнаго маневра, разбиваетъ на голову и австрійцевъ при Лейтенѣ.

Двѣ побѣды, одержанныя почти одна вслѣдъ за другой, и изгнаніе слабаго шведскаго корпуса сразу измѣнили положеніе дѣлъ: Фридрихъ выпутался изъ весьма затруднительныхъ обстоятельствъ и удержалъ за собою Силезію.

Но вслѣдъ за тѣмъ онъ сдѣлалъ крупную ошибку: убѣжденный въ полномъ разстройствѣ русской арміи и въ невозможности съ ея стороны наступательныхъ дѣйствій, Фридрихъ Великій вывелъ корпусъ Левальда изъ Восточной Пруссіи. А между тѣмъ, какъ только фактъ удаленія Левальда вполнѣ установился, то конференція предложила Фермору, сначала въ условной формѣ[2]), произвести движеніе за рѣку Нѣманъ въ непріятельскіе предѣлы.

[2]) «Съ крайней пріятностью нас сюрпризовали бы».

Однако Ферморъ уклонился отъ перехода въ наступленіе, причемъ мотивами отказа выставилъ невозможность обезпечить армію продовольствіемъ для предстоящаго похода и частыя оттепели, отчего могли прерваться коммуникаціонныя линіи.

Но въ началѣ декабря главнокомандующій получилъ уже категорическое приказаніе: «по первому зимнему пути двинуться съ 1-ю дивизіею въ Восточную Пруссію и занять Кенигсбергъ». Тогда Ферморъ приступилъ къ составленію плана зимней кампаніи. По этому плану вся 2-я дивизія, части 1-й и 3-й, выборные эскадроны и часть полевой артиллеріи направлялись въ Восточную Пруссію двумя колоннами: правая изъ Мемеля, а лѣвая изъ Тильзита; обѣ колонны соединялись въ Амтѣ-Руссѣ и затѣмъ занимали Лабіаву, откуда главнокомандующій требовалъ сдачи Кенигсберга. Взявъ послѣдній, надлежало овладѣть Пилау и захватить переправы на Нижней Вислѣ, чтобы отнять у непріятеля возможность прислать въ Восточную Пруссію помощь.

Такъ какъ Апшеронскому полку не пришлось участвовать въ зимнемъ походѣ, то упомянемъ о немъ вкратцѣ.

Къ концу декабря, подъ начальствомъ генерала Ивана Салтыкова, сформированъ корпусъ, численностью въ 34.000 человѣкъ; онъ вступилъ въ непріятельскіе предѣлы пятью колоннами: 26-го числа передовыя части выступили изъ Мемеля, а 5-го января изъ Тильзита двинулся графъ Румянцевъ и 10-го числа того-же мѣсяца занялъ Лабіаву.

Наступательныя дѣйствія русскихъ въ зимнее время явились для пруссаковъ совершенной неожиданностью и страна, имѣя лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ слабые гарнизоны, не оказывала никакого сопротивленія. Кенигсбергъ сдался.

Въ 4 часа по полудни, 11-го января, русскія войска вступили въ Кенигсбергъ, а на другой день небольшой отрядъ занялъ городъ Пилау. Вслѣдъ за тѣмъ генералъ Ферморъ извѣстилъ жителей о томъ, что всѣ доходы съ занятыхъ имъ провинцій поступаютъ въ русскую казну. Такимъ образомъ, въ продолженіе полумѣсяца, безъ пролитія крови, мы овладѣли всею Восточною Пруссіею и теченіемъ нижней Вислы, гдѣ и утвердились весьма прочно.

Въ то время, когда часть арміи оперировала въ Восточной Пруссіи, корпусъ Броуна (гдѣ находился и Апшеронскій полкъ) стоялъ около Тельши, въ полной готовности, по первому приказанію, двинуться въ непріятельскіе предѣлы.

11-го января Ферморъ предписалъ Броуну направиться къ Тильзиту. Почти въ одно и то-же время генералъ Броунъ получилъ приказаніе военной конференціи идти къ Новому Двору (около Модлина), а отсюда слѣдовать на соединеніе съ австрійской арміей. Такое распоряженіе конференціи явилось для генерала Фермора неожиданнымъ и совсѣмъ непріятнымъ сюрпризомъ: направившись къ Новому Двору, корпусъ Броуна, составлявшій почти половину всей дѣйствовавшей арміи, отдалялся на 300 верстъ; поэтому Ферморъ приказалъ Броуну не двигаться дальше Шипинбейля. Впрочемъ, австрійцы и не особенно настаивали на присоединеніе къ нимъ вспомогательнаго корпуса, а успѣхи нашего оружія даже обезпокоили вѣнскій дворъ; по крайней мѣрѣ, посолъ австрійскій Эстергази «получилъ приказаніе требовать, чтобы дальнѣйшее занятіе прусскихъ земель дѣлалось именемъ императрицы-королевы, дабы не подать поводъ другимъ дворамъ къ размышленію, а при томъ чтобы можно было различить воюющую сторону отъ помошной[3].

Какъ ни странно и смѣшно было подобнаго рода «требованіе», тѣмъ не менѣе, оно представляетъ несомнѣнный фактъ. Впрочемъ, здѣсь, какъ и всегда, австрійцы остались только вѣрны себѣ. Преслѣдуемые повсюду неудачами, они съ завистью смотрѣли на успѣхи нашего

3) Масловскій. Т. II, стр. 80.

оружія и за оказываемую имъ со стороны русскихъ помощь платили черною неблагодарностью и недоброжелательствомъ, проявляя ихъ во всей неприглядной наготѣ.

Представивъ въ конференцію всю несообразность раскидыванія арміи по частямъ, отдаляя ихъ на весьма большія другъ отъ друга дистанціи, главнокомандующій вторично предписалъ генералу Броуну ограничить свой маршъ Шипинбейлемъ. Слѣдуя по-бригадно, корпусъ этотъ 26-го января вступилъ въ Пруссію и 31-го числа подошелъ къ Гумбинену. Отсюда большая часть войскъ направилась черезъ Дренфуртъ, Авейденъ, Вилленбергъ, Неймаркъ и Грауденцъ, на соединеніе съ арміею, а остальныя пошли на Доркеменъ, Норденбургъ къ Торну (въ послѣдней части находился и Апшеронскій полкъ).

Конецъ 1757 и начало 1758 годовъ армія оставалась въ занимаемыхъ ею пунктахъ; отъ времени до времени посылались для освѣщенія мѣстности кавалерійскіе отряды. Въ началѣ февраля, когда уже корпусъ Броуна почти сблизился съ главною арміею, Ферморъ составилъ новое росписаніе войскъ по дивизіямъ. Апшеронскій полкъ по прежнему вошелъ въ составъ 1-й дивизіи Броуна; всего въ этой дивизіи находилось 10 пѣхотныхъ, 5 кирасирскихъ, 5 конно-гренадерскихъ, 3 гусарскихъ полковъ и три гусарскихъ эскадрона [4].

Въ первой половинѣ того-же мѣсяца, Броунъ продвинулся впередъ, а 19-го числа занялъ городъ Эльбингъ, которому главнокомандующій придавалъ важное стратегическое значеніе.

Порядокъ марша корпуса Броуна былъ таковъ:

Согласно полученнаго отъ Фермора предписанія, 18-го января войска выступили изъ Тельши, а 28-го февраля прибыли въ Грауденцъ, сдѣлавъ въ теченіи этого времени только лишь 412 верстъ; князь Голицынъ двигался съ пѣхотою на Галлубъ и 2-го марта подошелъ къ Торну. Вотъ что доносилъ онъ Фермору по поводу занятія этого города:

«Даннымъ мнѣ отъ вашего высокопревосходительства ордеромъ, велѣно взять отъ здѣшняго господина генерала-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера Броуна три пѣхотныхъ полка и со оными городъ Торунь занять, вслѣдствіе того мною слѣдующее учинено:

«Я со взятыми изъ здѣшней (вѣроятно арміи) рѣченнаго господина генерала-аншефа и кавалера Броуна Апшеронскимъ и Вологодскимъ полками сего мѣсяца 2-го числа приблизился къ Торуню и, не доходя онаго за милю, въ Мызѣ-Жидовѣ самъ, а въ окружности оной въ деревняхъ и полки расположились.

«Посланный сего мѣсяца 1-го числа отъ меня въ Торунь для обнародованія печатныхъ манифестовъ, истребованія мнѣ квартиры и для объявленія магистрату, чтобъ оные въ мою квартиру прибыли, Апшеронскаго пѣхотнаго полку капитанъ Бандрей возвратился и объявилъ мнѣ, что тарунской магистратъ въ дачѣ мнѣ квартиры и впущеніи въ городъ всероссійскаго войска ни мало не отрекались.

«Того-жъ 2-го числа въ мою квартиру отъ города Торуня господа ратманы Милцарскій и Церменъ и секретарь Ялофъ прибыли и отъ всего города о счастливомъ моемъ прибытіи чинили мнѣ поздравленіе и при томъ охотно городъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества протекціи препоручили» [5].

3-го марта, въ 5 часовъ пополуночи, въ Торнъ вошелъ полковникъ фонъ-Эрстенъ съ 400 гренадеръ, а вслѣдъ за нимъ съ Апшеронскимъ полкомъ князь Голицынъ. Такъ какъ мостъ у города черезъ Вислу не былъ прикрытъ окопами, то Голицынъ приказалъ построить тетъ-де-понъ и батарею на островѣ для защиты моста, а въ небольшомъ укрѣпленіи расположилось Апшеронскаго полка 120 человѣкъ. Полки стали въ городѣ по квартирамъ.

---

4) Дѣло № 232. Военно-Ученый Архивъ. Отношеніе Фермора графу Румянцеву отъ 2-го февраля за № 428.
5) Дѣло № 228 (А). Копія донесенія князя Голицына при реляція Фермора отъ 4-го марта за № 68.

Въ концѣ февраля, русская армія, за исключеніемъ Шуваловскаго обсерваціоннаго корпуса, сосредоточилась по Нижней Вислѣ; здѣсь опять произведена была перетасовка частей войскъ и Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 3-й дивизіи князя Голицына. Расположеніе арміи было таково: 1-я дивизія генерала Броуна заняла раіонъ между Грауденцомъ и Кульмомъ; 2-я дивизія генерала Салтыкова 2-го — окрестности Эльбинга, и 3-я дивизія князя Голицына — окрестности Торна; Апшеронскій полкъ квартировалъ въ самомъ городѣ.

Ближайшая задача Фермора состояла въ овладѣніи крѣпостью Данцигомъ (Гданскъ), что давало возможность производить подвозъ провіанта моремъ въ раіоны расквартированія войскъ.

Данцигъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Вислы, недалеко отъ впаденія ея въ море. Вокругъ города имѣлась стѣна, въ видѣ восьмиугольника; командующія высоты Бишофсбергъ и Гавельсбергъ окружены были непрерывными линіями окоповъ. Гавань обстрѣливалась изъ отдѣльнаго укрѣпленія.

Главнокомандующій обратился къ военной конференціи съ просьбой позволить ему приступить къ осадѣ Данцига, но изъ Петербурга на это разрѣшенія не послѣдовало.

Дѣло въ томъ, что конференція еще въ концѣ прошлаго года сфабриковала планъ кампаніи, директивы котораго оставались неизвѣстны генералу Фермору; по этому плану корпусъ Броуна направлялся въ Силезію на помощь австрійцамъ. Но когда послѣдніе, какъ уже говорилось раньше, отказались отъ помощи, то конференція, не имѣя подъ рукою другаго плана, поставлена была въ весьма затруднительное положеніе; что же касается Фермора, то онъ, преслѣдуя только ближайшую цѣль — занятіе Нижней Вислы, даже и не подумалъ о составленіи какого бы то ни было плана кампаніи.

Между тѣмъ, прусскій король отлично зналъ, что, по утвержденіи русскихъ на Нижней Вислѣ, они не преминутъ взять и Данцигъ, бывшій въ то время еще польской крѣпостью; чтобы помѣшать имъ въ этомъ, онъ написалъ польскому королю письмо, убѣждая его не позволять русскимъ войскамъ овладѣть Данцигомъ, въ противномъ же случаѣ грозилъ раззорить всю Польшу. Угрозы подѣйствовали, и наше правительство, подъ вліяніемъ усиленныхъ просьбъ польскаго короля, не дало согласія генералу Фермору предпринять что либо противъ Данцига.

Впрочемъ, занятіе русскими Нижней Вислы можно было считать важнымъ результатомъ зимней кампаніи, такъ какъ Нижняя Висла представляла прекрасную оборонительную линію, преграждавшую пруссакамъ доступъ въ Восточную Пруссію, хотя при условіи занятія Данцига та же рѣка явилась бы и прочной базой въ предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Не получая изъ Петербурга никакихъ повелѣній относительно начатія дѣйствій, главнокомандующій созвалъ 20-го марта военный совѣтъ, для составленія плана кампаніи. На совѣтѣ положено: наступать къ рѣкѣ Вартѣ и овладѣть крѣпостью Кюстриномъ [6].

Планъ этотъ конференція утвердила, хотя съ нѣкоторымъ дополненіемъ. Она предписала генералу Фермору: направиться къ рѣкѣ Вартѣ, дождаться здѣсь обсерваціоннаго корпуса, послѣ чего идти къ Кюстрину, а по овладѣніи имъ, постараться войти въ связь съ шведской арміей. Военныя дѣйствія открылись только въ концѣ мая мѣсяца. Доставляемыя шпіонами свѣдѣнія показывали, что пруссаковъ въ странѣ за Вислою не было, по крайней мѣрѣ они отсутствовали на пути къ рѣкѣ Вартѣ, т. е. на линіи будущихъ наступательныхъ дѣйствій нашей арміи.

[6]) Дѣло № 228 — А. Военно-Ученый Архивъ.

Главныя силы непріятеля, подъ начальствомъ графа Дона, сосредоточились у Стральзунда, а остальныя находились около Кольберга.

Наступленіе рѣшено было начать 26-го мая. Армія выступила изъ мѣстъ своего расположенія и двинулась въ такомъ порядкѣ: правая колонна генералъ-маіора Панина шла отъ Диршау на Старгардъ къ Понитцу, лѣвая — генерала Салтыкова 2-го — отъ Мюнстервальде къ Тухелю; дивизія князя Голицына, гдѣ, какъ извѣстно, находились и Апшеронцы, продвигалась къ Бромбергу и здѣсь ждала дальнѣйшихъ приказаній; конница генералъ-лейтенанта графа Румянцева слѣдовала отъ Нейнбурга въ Тухель.

Взявъ съ собою провіанту на одинъ мѣсяцъ, войска выступили въ походъ и вскорѣ вошли въ Померанію. Но въ началѣ іюня Ферморъ измѣнилъ маршъ: онъ оставилъ прежнее направленіе, вслѣдствіе того, что берега рѣки Нетца чрезвычайно болотисты и гористы и направилъ армію на Познань. 1-я и 2-я дивизіи слѣдовали вмѣстѣ, а 3-я, князя Голицына, шла отдѣльно и прибыла въ Познань 22-го іюня. Отсюда конница посылалась для развѣдокъ во всѣ стороны; 4-го іюля, у Фридберга, она имѣла дѣло съ непріятельской кавалеріей, причемъ послѣдняя была разбита и принуждена очистить этотъ городъ.

Когда русская армія вступила въ Померанію, то прусскій генералъ графъ Дона немедленно началъ стягивать свои войска; 27-го іюня онъ подошелъ къ Шведту, а въ концѣ того же мѣсяца пошелъ со всею своею арміею къ Франкфурту-на-Одерѣ. Почти цѣлый мѣсяцъ Ферморъ бездѣйствовалъ, что главнымъ образомъ происходило отъ ожиданія обсерваціоннаго корпуса, гдѣ находились вновь изобрѣтенныя шуваловскія гаубицы. Корпусъ этотъ двигался буквально черепашьимъ шагомъ; такъ напримѣръ, полки съ артиллеріей и обозомъ 850 верстъ прошли въ 5 мѣсяцевъ, что соотвѣтствуетъ суточному переходу около 6-ти верстъ.

Между тѣмъ, конференція успѣла-таки сфабриковать другой планъ кампаніи: директивы его заключались въ томъ, что обсерваціонный корпусъ, присоединивъ къ себѣ 8-ми тысячный отрядъ изъ главной арміи, долженъ былъ слѣдовать въ Глогау для совмѣстныхъ дѣйствій съ австрійцами, а въ то же время главная армія оперировала по направленію къ Франкфурту-на-Одерѣ.

Впрочемъ, по взаимному соглашенію главнокомандующаго и командира обсерваціоннаго корпуса генерала Броуна, планъ конференціи былъ существенно измѣненъ: они рѣшили наступать всею арміею (съ присоединеніемъ обсерваціоннаго корпуса) по лѣвому берегу рѣки Варты.

19-го іюля состоялся военный совѣтъ, на которомъ положено: «въ зависимости отъ всѣхъ бывшихъ обстоятельствъ [7]), временно уклониться отъ боя и перемѣнить операціонную линію: занять посты противъ Кюстрина, искать связи со шведами, базируясь на Нижнюю Вислу и на Среднюю Варту и, въ особенности, расчитывая на то, что въ Кольбергѣ возможно будетъ устроить временную базу» [8]).

Такимъ образомъ, наступательное движеніе русской арміи перешло во флангово-отступательный маршъ.

Движеніе Фермора къ Франкфурту-на-Одерѣ побудило прусскаго короля усилить корпусъ графа Дона 9-ю баталіонами пѣхоты и 10-ю эскадронами; самъ онъ въ началѣ августа оставался еще при главной арміи у Лансгута, но въ непродолжительномъ времени предполагалъ съ 14-ю баталіонами пѣхоты и 34-мя эскадронами идти въ Восточную Пруссію и, соединившись съ находившимися уже здѣсь войсками, атаковать нашу армію.

---

7) Главнымъ образомъ вслѣдствіе страшно разстроеннаго состоянія обсерваціоннаго корпуса.

8) Дѣло № 228. Военно-Ученый Архивъ.

Измѣнивъ операціонную линію, графъ Ферморъ имѣлъ въ виду: 1) овладѣть крѣпостью Кюстриномъ; 2) упрочить положеніе арміи въ Помераніи, для чего необходимо было занять Кольбергъ, и 3) стараться войти въ связь со шведами. Исполненіе перваго предпріятія взялъ на себя генералъ Ферморъ съ главной арміей, а для достиженія послѣднихъ двухъ сформированъ особый отрядъ, подъ начальствомъ графа Румянцева, которому содѣйствовали: отъ Нижней Вислы отрядъ генерала Рязанова, а изъ Кронштадта — эскадра адмирала Мишукова. Находясь въ непосредственномъ вѣдѣніи Фермора, Рязановъ и Мишуковъ получали одновременно приказанія и отъ конференціи, причемъ часто совершенно противорѣчащія таковымъ же отъ главнокомандующаго; поэтому экспедиція къ Кольбергу не имѣла успѣха. 10-го августа отрядъ Рязанова выступилъ изъ занимаемыхъ имъ постовъ по Нижней Вислѣ; 25-го числа онъ подошелъ уже къ мѣстечку Столпе, когда получилъ отъ конференціи приказаніе остановиться. То же самое продѣлали съ эскадрой Мишукова. Въ концѣ іюля главнокомандующій составилъ новое росписаніе войскъ по дивизіямъ; Апшеронскій полкъ остался въ составѣ 3-й дивизіи, но начальникомъ ея, вмѣсто князя Голицына, назначенъ графъ Румянцевъ [9].

1-го августа главная армія заняла Большой-Каминъ, а на другой день подошла къ крѣпости Кюстрину. Изъ произведенной главнокомандующимъ рекогносцировки и показаній лазутчиковъ выяснилось, что въ крѣпости находилось 2.000 гарнизону, но въ скоромъ времени ожидали прусскаго короля «съ знатнымъ сикурсомъ».

По мнѣнію Фермора, вѣроятный путь наступленія прусской арміи лежалъ на городъ Шведтъ, гдѣ имѣлся мостъ, вслѣдствіе чего онъ предписалъ графу Румянцеву отправить въ Кенигсбергъ и къ сторонѣ Шведта баталіонъ пѣхоты и сотню казаковъ для наблюденія, чтобы «при Шведтѣ на мосту или около тамошнихъ мѣстъ на нашу сторону переходу не было».

Согласно постановленія военнаго совѣта 3-го августа, начальнику 3-й дивизіи графу Румянцеву надлежало: «по отдохновеніи въ Старгардѣ и по сношеніи съ генералъ-лейтенантомъ Рязановымъ, отправить при бригадирѣ Бергѣ два полка съ артиллеріею къ Кольбергу, съ такимъ расчетомъ, чтобы подойти вмѣстѣ съ Рязановымъ къ крѣпости для осады и бомбардированія ея» [10].

Обсерваціонный корпусъ расположился между Ландсбергомъ и Кюстриномъ. «Операцію противъ Кюстрина рѣшено было начать 4-го августа, для чего 1-я и 2-я дивизіи съ послѣдняго перехода отъ Большаго-Камина, подойдя къ крѣпости, сочиняли изъ полковъ контровалацію, а за часъ до выступленія арміи изъ здѣшняго лагеря отправить напередъ, подъ командою Штофельна, 20 гренадерскихъ ротъ при бригадирѣ Уваровѣ для занятія предмѣстія и пресѣченія коммуникаціи съ крѣпостью» [11].

Городъ Кюстринъ лежитъ на островѣ при впаденіи рѣки Варты въ Одеръ. Съ трехъ сторонъ островъ омывается рѣками Вартою и Одеромъ, а съ четвертой широкимъ рукавомъ Варты, протекающимъ между предмѣстьемъ и Кюстриномъ. Въ 50 саженяхъ отъ сѣверо-восточной части города, на краю незначительной возвышенности праваго берега Варты, расположено упомянутое городское предмѣстье, называемое Короткимъ форштадтомъ, куда шла единственная дорога изъ Ландсберга; два другихъ предмѣстья были на лѣвомъ берегу Одера.

---

9) 1-я дивизія Салтыкова 2-го — 12 пѣхотныхъ, 3 кирасирскихъ и одинъ драгунскій полкъ. 2-я дивизія князя Голицына — 8 пѣхотныхъ, 1 кирасирскій, 1 конно-гренадерскій, гусары и часть казаковъ. 3-я дивизія графа Румянцева — 8 пѣхотныхъ (Апшеронскій, 2-й Московскій, Вятскій, Низовскій, Вологодскій, Кіевскій и Псковскій), 1 кирасирскій, 1 драгунскій и 1 венгерскій полкъ. Дѣло № 231. Военно-Ученый Архивъ.

10) Предписаніе графу Румянцеву № 506 отъ 3-го августа. Дѣло № 231. Военно-Ученый Архивъ.

11) Постановленіе военнаго совѣта. Дѣло № 231. Военно-Ученый Архивъ.

Крѣпостная ограда окружала городъ со всѣхъ сторонъ. Фронты крѣпости имѣли бастіонное очертаніе, съ очень длинными куртинами, малыми бастіонами и равелинами съ самымъ незначительнымъ выступомъ. Доступъ къ крѣпости со стороны «Короткаго предмѣстья» преграждался трудно проходимою болотистою мѣстностью и рукавомъ Варты, а съ прочихъ сторонъ эта послѣдняя рѣка и Одеръ дѣлали Кюстринъ совершенно недоступнымъ для атаки открытою силою.

Гарнизонъ опредѣлялся въ 2 тысячи человѣкъ; кромѣ того, на усиленіе его графъ Дона выслалъ 4 баталіона пѣхоты и 16 эскадроновъ, подъ начальствомъ Шарлемора.

Въ 3 часа утра, 3-го августа, 20 гренадерскихъ ротъ атаковали предмѣстья и взяли ихъ, послѣ чего началось бомбардированіе города. Оно велось на столько удачно, что на другой же день въ городѣ произошелъ пожаръ и пламя охватило всѣ городскія зданія.

Въ то время, какъ главная армія осаждала Кюстринъ, графъ Румянцевъ, направивъ одинъ полкъ къ Старгарду, а сильный разъѣздъ къ Шведту, съ остальными войсками двинулся изъ Ландсберга на Солдинъ. Развѣдки показали, что мостъ у Шведта не разрушенъ, а охраняется незначительнымъ непріятельскимъ карауломъ, вслѣдствіе чего Румянцевъ немедленно направилъ туда три баталіона пѣхоты и казаковъ, приказавъ начальнику сего отряда маіору Штрику занять мостъ и тѣмъ самымъ отнять у непріятеля всякую возможность переправиться на правый берегъ р. Одера. 7-го августа Штрикъ подошелъ къ Шведту и увидѣлъ, что тетъ-де-понъ, впереди каменнаго моста у города, занятъ прусскою пѣхотою, при которой находились и орудія. Казаки очистили фронтъ предмостнаго укрѣпленія отъ мелкихъ гусарскихъ разъѣздовъ, а затѣмъ пѣхота продвинулась впередъ на столько, чтобы открытый съ мѣста остановки огонь изъ единорога сдѣлался дѣйствительнымъ.

Выстрѣлы изъ орудій принудили пруссаковъ оставить мостъ и отступить за Одеръ, но все-таки они успѣли сбросить часть мостовой настилки.

Не переходя мостъ, Штрикъ открылъ бомбардировку города, вслѣдствіе чего прусскій отрядъ очистилъ Шведтъ и въ него вошли наши войска. Потеря Штрика при занятіи моста заключалась въ 1-мъ убитомъ офицерѣ и 7-ми раненыхъ нижнихъ чинахъ. Когда Ферморъ получилъ донесеніе объ успѣшномъ выполненіи предпріятія къ Шведту, то опасаясь, чтобы графъ Дона опять не завладѣлъ мостомъ, приказалъ графу Румянцеву двинуться со всѣми силами на подкрѣпленіе Штрика. 8-го Августа 3-я дивизія уже двигалась къ Шведту.

Генералъ Ферморъ былъ увѣренъ, что король Фридрихъ непремѣнно поспѣшитъ на помощь осажденному Кюстрину, но считалъ русскую армію въ совершенной безопасности отъ нечаяннаго появленія непріятеля, а переходъ его на правый берегъ Одера, на протяженіи между Кюстриномъ и Шведтомъ, невозможнымъ; въ такомъ смыслѣ онъ и доносилъ военной конференціи.

10-го августа прусскій король лично прибылъ въ Кюстринъ и, осмотрѣвъ отсюда расположеніе русскихъ войскъ, рѣшилъ переправиться между Шведтомъ и Кюстриномъ, у мѣстечка Гюстенбюзе.

Въ тотъ же день передовые посты дали знать, что значительныя силы пруссаковъ двигаются внизъ по рѣкѣ Одеру; но главнокомандующій, твердо убѣжденный, что Фридрихъ II будетъ пытаться переправиться у Шведта или у Кюстрина, на движеніе прусской арміи внизъ по Одеру, по направленію къ Врицену, смотрѣлъ какъ на демонстрацію, съ цѣлью отвлечь наши силы отъ обоихъ вышеназванныхъ пунктовъ. Какъ увидимъ ниже, Ферморъ ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Въ ночь на 12-е августа авангардъ непріятельской арміи подошелъ къ Гюстенбюзе и немедленно началъ наводить понтонный мостъ черезъ Одеръ;

наводка была окончена на слѣдующій день, а 14-го августа вся прусская армія переправилась на правый берегъ. Хотя казаки своевременно замѣтили и донесли въ главную квартиру о подготовительныхъ дѣйствіяхъ непріятеля къ переправѣ, но это нисколько не измѣнило взгляда главнокомандующаго; не повліяло на него и вторичное донесеніе съ передовыхъ постовъ о переправѣ пруссаковъ у Гюстенбюзе: вслѣдъ за полученіемъ послѣдняго донесенія, Ферморъ приказалъ только разоружить батареи у Кюстрина и приготовиться къ походу, но форпостовъ не усилилъ.

Между тѣмъ, прусская конница сбила наши передовые посты и совершенно разобщила оба фланга передовой линіи. Тогда графъ Ферморъ выслалъ для рекогносцировки гусарскій полкъ, подъ начальствомъ Текелли; послѣдній, возвратившись въ лагерь, донесъ, что прусская армія переправилась уже черезъ Одеръ и, по добытымъ свѣдѣніямъ, состоитъ не менѣе какъ изъ 55 тысячъ человѣкъ.

Извѣстіе о переправѣ пруссаковъ дошло и къ графу Румянцеву; но такъ какъ онъ получилъ отъ Фермора категорическое предписаніе оставаться у Шведта и, кромѣ того, противъ него демонстрировалъ особый прусскій отрядъ, то Румянцевъ поставленъ былъ въ невозможность двинуться на помощь главной арміи. Тѣмъ не менѣе, онъ разрушилъ мостъ у Шведта и ожидалъ приказанія слѣдовать на соединеніе съ арміей. Приказаніе это получилось только въ ночь съ 14-го на 15-е августа.

Наконецъ, и Ферморъ убѣдился, что прусскій король не демонстрировалъ, а дѣйствительно переправился у Гюстенбюзе. Генеральное сраженіе являлось неизбѣжнымъ; но такъ какъ окрестности Кюстрина не имѣли хорошей позиціи для боя, то главнокомандующій отвелъ армію къ деревнѣ Цорндорфу.

Апшеронскій полкъ находился въ дивизіи Румянцева, но особая команда отъ полка (численность ея неизвѣстна), при секундъ-маіорѣ Апшеронскаго полка Карлѣ Раденгѣ, была въ главной арміи.

13-го августа армія расположена была у Кюстрина; стояла она угломъ, причемъ правое крыло ея простиралось до деревни Цихерта и состояло изъ прибывшихъ того же числа полковъ шуваловскаго обсерваціоннаго корпуса, а лѣвое доходило до деревни Цорндорфа. Такое положеніе имѣло цѣлью, «дабы переправившемуся при Целлинѣ непріятелю въ обоихъ случаяхъ фронтъ дѣлать, а именно: когда-бъ онъ съ стороны Нейдама приближаться сталъ, или когда-бъ ближе съ стороны Неймилена атаку свою повесть хотѣлъ» [12].

Прусскій король, остановившись у Нейдама, показывалъ видъ, что имѣетъ намѣреніе атаковать наше правое крыло. Но на разсвѣтѣ 14-го августа, прусская армія снялась съ лагеря и взяла такое направленіе, чтобы зайти русскимъ въ тылъ и въ то же время охватить лѣвое крыло ихъ. Вслѣдствіе этого, главнокомандующій немедленно перемѣнилъ положеніе войскъ: лѣвое крыло, отступя нѣсколько назадъ, примкнуло къ деревнѣ Квартчеку, отчего боевыя линіи выпрямились. Отъ происшедшаго передвиженія, правое крыло стало лѣвымъ, а лѣвое правымъ. При новомъ положеніи арміи, деревня Цорндорфъ была брошена: Ферморъ приказалъ зажечь ее, съ цѣлью лишить непріятеля возможности скрывать за нею свои передвиженія. Но пожаръ Цорндорфа послужилъ въ пользу пруссакамъ: вѣтромъ дымъ не разносило и, подъ покровомъ его, не смотря на сильный съ нашей стороны артиллерійскій огонь, непріятель атаковалъ правое крыло русской арміи. «Учиненный ему отпоръ, особливо отъ нашей артиллеріи», пишетъ Ферморъ въ своей реляціи, «былъ сильнѣе прусскаго ожиданія, такъ что непріятель тотчасъ въ бѣгъ обратился, но какъ по причинѣ весьма происхо-

[12]) Реляція Фермора. Примѣчанія къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1758 годъ.

дящей своей силы имѣлъ онъ цѣлую третью линію изъ одной кавалеріи составленную, то она мѣсто бѣгущихъ заступила и время непріятельской пѣхотѣ дала за кавалеріею паки построиться и атаку возобновить».

Хотя на правомъ крылѣ русской арміи и находилась кавалерія, но значительно уступая въ численности прусской, она не могла оказать дѣйствительной помощи пѣхотѣ. На лѣвомъ флангѣ дѣла наши были лучше: прусскую пѣхоту, атаковавшую это крыло, наши войска опрокинули и преслѣдовали; но атака непріятельской конницы остановила преслѣдованіе и спасла бѣгущихъ.

Между тѣмъ, прусскія войска, находившіяся противъ праваго крыла, успѣли оправиться и вновь вступили въ дѣло.

Чтобы скорѣе рѣшить сраженіе, Фридрихъ II ввелъ въ дѣло свѣжій запасный корпусъ; онъ успѣлъ прорвать центръ русской арміи, вслѣдствіе чего наше правое крыло отступило къ позади-лежавшему лѣсу; русскіе оставили на мѣстѣ много пушекъ. Къ вечеру отступившія части присоединились къ лѣвому крылу, все время не оставлявшему мѣста боя. Непріятель расположился за деревнею Цихертъ. Ночь обѣ арміи провели въ ожиданіи боя; то же повторилось на слѣдующій и на третій день. Только 16-го августа Ферморъ отступилъ къ деревнѣ Большой-Каминъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія 83 пушки, по большей части полковыхъ, безъ лошадей и лафетовъ.

У непріятеля взято 26 пушекъ. «Штандартовъ», пишетъ въ своей реляціи графъ Ферморъ, «не потеряли мы ни одного, а знаменъ одиннадцать; напротиву того привезены сюда два непріятельскіе штандарта и восемь знаменъ».

Принимая во вниманіе несовершенство оружія того времени, потери наши въ Цорндорфскомъ бою были чрезвычайно велики: убито и безъ вѣсти пропало 10.886 человѣкъ; ранено 12.788 человѣкъ, а общая потеря достигала до 23.000 человѣкъ. Но въ числѣ раненыхъ показано много и такихъ, которые черезъ нѣсколько дней возвратились въ строй; возвратилось также много и «безъ вѣсти пропавшихъ», такъ что дѣйствительная потеря не превосходила 16.000 человѣкъ. Потери пруссаковъ, по нѣмецкимъ источникамъ, равнялись 11.385 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ, или, какъ сказано въ приложеніи къ реляціи, «побитыхъ», находился *Апшеронскаго полка секундъ-маіоръ Карлъ Раденъ*, а какъ велика потеря его команды — неизвѣстно[13].

Донося Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о Цорндорфской битвѣ, графъ Ферморъ пишетъ, что если армія Фридриха II и не была окончательно разбита, то это случилось потому, что многіе нижніе чины нарушили дисциплину и ослушались своихъ командировъ. «Я не въ состояніи Вашему Императорскому Величеству о поступкахъ генералитета, штабъ- и оберъ-офицеровъ и солдатъ довольно описать. И аще бы солдаты во все время своимъ офицерамъ послушны были и вина потаенно сверхъ одной чарки, которую для ободренія выдать велѣно, не пили, то-бъ можно такую совершенную побѣду надъ непріятелемъ получить, какая желается»[14].

Тѣхъ же солдатъ графъ Ферморъ обвинялъ въ расхищеніи казны и отдалъ приказъ произвести повальный обыскъ нижнихъ чиновъ. Эта весьма грубая и дурно вліяющая на духъ арміи мѣра коснулась даже и полковъ графа Румянцева (въ томъ числѣ и Апшерон-

---

[13]) Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ убитыхъ и раненыхъ: графъ Ферморъ контуженъ; ранены генералы: Броунъ, князь Долгоруковъ, Любомирскій, Панинъ, Олицъ, Леонтьевъ, Бороздинъ, Яковлевъ, Гольмеръ и бригадиръ Уваровъ; захвачены въ плѣнъ генералы: Иванъ Салтыковъ 2-й, Чернышевъ, Мантейфель, Тизенгаузенъ и Сиверсъ. Штабъ- и оберъ-офицеровъ убито 152, ранено 298; нижнихъ чиновъ убито 4.278, ранено 11.867 человѣкъ; въ плѣнъ взято 3 полковыхъ командира, 3 штабъ-офицера и 49 оберъ-офицеровъ. Денегъ захвачено непріятелемъ 52.970 рублей.

[14]) Донесеніе Фермора отъ 15-го августа, № 194. Дѣло № 228 — В. Военно-Ученый Архивъ.

скаго), совсѣмъ не бывшихъ въ Цорндорфскомъ бою; неизвѣстно только, привелъ ли Румянцевъ въ исполненіе это, по меньшей мѣрѣ, оригинальное распоряженіе.

Между тѣмъ, Императрица, получивъ донесеніе главнокомандующаго и усмотрѣвъ изъ него крупное нарушеніе нижними чинами дисциплины, послала указъ войскамъ, въ которомъ, коснувшись вскользь боевыхъ заслугъ арміи, выразила свой гнѣвъ на ослушаніе нижнихъ чиновъ *).

Указъ Императрицы, а вслѣдъ затѣмъ и распоряженіе Фермора объ обыскѣ не могли способствовать ему пріобрѣсти любовь арміи: какъ природнаго нѣмца, его и раньше не любили, а теперь эта нелюбовь еще болѣе увеличилась.

Цорндорфскій бой представляется однимъ изъ крупнѣйшихъ боевыхъ фактовъ за все время участія русскихъ въ семилѣтней войнѣ. «Научное значеніе этого боя», пишетъ въ своемъ сочиненіи Масловскій, «обусловливается, во-первыхъ, тѣмъ, что, на основаніи уродливости построенія русскихъ въ этомъ бою, даже наши писатели заключали о чудовищной отсталости современнаго тому русскаго военнаго искусства; во-вторыхъ, тѣмъ, что въ распоряженіяхъ русскихъ генераловъ, непосредственно предшествующихъ кровавому дѣлу 14-го августа и въ день боя, историки не встрѣчаютъ никакой здравой мысли» [15].

Отступивъ отъ Цорндорфа къ Большому-Камину, графъ Ферморъ приказалъ сюда же двигаться и дивизіи Румянцева. Вскорѣ сдѣлано было новое распредѣленіе частей по дивизіямъ: въ составъ 1-й дивизіи, подъ начальствомъ князя Голицына, вошло 16 полковъ пѣхоты и 10 эскадроновъ конницы; 2-я дивизія графа Румянцева состояла изъ 3-хъ бригадъ пѣхоты (Апшеронскій полкъ поступилъ въ составъ 2-й бригады генералъ-маіора Племянникова) и 12 эскадроновъ кавалеріи.

Всѣ дальнѣйшія дѣйствія наши ограничивались незначительными набѣгами казаковъ и перестрѣлками на передовыхъ форпостахъ.

Не дождавшись дивизіи Румянцева, главнокомандующій бросилъ 20-го августа Большой-Каминъ и направился къ Ландсбергу. Вечеромъ войска тихо снялись съ позиціи и шли всю ночь; чтобы непріятель не замѣтилъ отступленія, Ферморъ оставилъ при Большомъ-Каминѣ небольшой аріергардъ и по четыре барабанщика отъ каждаго полка для пробитія вечерней зари. Но прусскій король и не думалъ преслѣдовать русскую армію, и только когда послѣдняя пришла уже въ Ландсбергъ, Фридрихъ перешелъ со своею арміею въ Блумбергъ, но вслѣдъ за тѣмъ выступилъ съ частью силъ въ Саксонію, а для наблюденія за русскими оставилъ 21 баталіонъ пѣхоты и 35 эскадроновъ, подъ начальствомъ графа Дона.

Хотя численностью сосредоточенныя у Ландсберга русскія войска значительно превосходили непріятельскій корпусъ, однако Ферморъ ничего не предпринималъ и только укрѣплялъ свою позицію, ожидая наступленія графа Дона.

Такъ продолжалось до 5-го сентября. Въ этотъ день главнокомандующій созвалъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было двинуться къ Старгарду, съ цѣлью прикрыть Померанію и Восточную Пруссію и безпрепятственно собирать въ означенныхъ провинціяхъ контрибуцію.

Предварительно былъ высланъ черезъ Солдинъ къ Старгарду сильный отрядъ генерала Пальменбаха; другой отрядъ Горюшкина, отступивъ отъ Циленгина къ Ландсбергу, долженъ былъ подкрѣплять конницу, занимавшую форпостами лѣвый берегъ рѣки Варты; въ городѣ Дризенѣ стояло три полка пѣхоты. Впрочемъ, эти распоряженія были нѣсколько измѣнены: когда Ферморъ получилъ донесеніе, что Солдинъ пруссаками очищенъ, то, опасаясь со сто-

*) Указъ этотъ мы цѣликомъ помѣщаемъ въ приложеніи.
15) Масловскій. Т. I, стр. 272.

роны ихъ обхода, направилъ авангардъ Пальменбаха къ Карцигу и туда же выступилъ самъ съ главными силами.

9-го числа главная армія выступила изъ Ландсберга и направилась къ Карцигу, который въ тотъ же день былъ занятъ, а 11-го сентября двинулась къ городу Пиритцу. На пути главнокомандующій получилъ предписаніе военной конференціи, въ которомъ ему предлагалось: 1) занять зимнія квартиры въ Бранденбургіи, преимущественно по рѣкѣ Одеру; 2) взять Кольбергъ, съ цѣлью возстановить сообщеніе съ Россіею, и 3) разбить прусскій корпусъ графа Дона.

15-го сентября русскія войска заняли Пасъ-Кругъ, послѣ чего Ферморъ началъ приводить въ исполненіе предписаніе конференціи. Для взятія Кольберга сформированъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Пальменбаха и направленъ къ этой крѣпости; на позиціи у Пасъ-Круга остался Румянцевъ со всей конницей и небольшою частью пѣхоты; всѣ остальныя войска арміи продолжали движеніе къ Старгарду, куда и прибыли 19-го сентября.

Графъ Дона только 14-го сентября узналъ о движеніи русскихъ къ Старгарду и немедленно послалъ сильный отрядъ кавалеріи къ Ландсбергу, а самъ съ главными силами пошелъ къ Пасъ-Кругу, гдѣ и произошло 22-го сентября весьма неудачное для пруссаковъ сраженіе, послѣдствіемъ котораго явилось отступленіе ихъ къ Пиритцу.

23-го сентября Пальменбахъ подошелъ къ Кольбергу и предложилъ коменданту сдать крѣпость, но получивъ отказъ, предпринялъ правильную осаду. Въ первые же дни осады русскій генералъ убѣдился, что осадный корпусъ слишкомъ малочисленъ для взятія крѣпости: хотя гарнизонъ ея состоялъ всего только изъ 700 человѣкъ регулярнаго войска, но за то она была вооружена 130-ю пушками, при которыхъ находилось 130 человѣкъ прислуги. Графъ Ферморъ отправилъ на подкрѣпленіе осадныхъ войскъ еще два полка пѣхоты. Но генералъ Пальменбахъ, не дождавшись прибытія помощи, отступилъ къ мѣстечку Большой-Гестенъ; здѣсь онъ соединился съ бригадою генералъ-маіора Яковлева (присланною съ подкрѣпленіемъ), и тогда вновь направился къ Кольбергу.

Къ счастью, комендантъ крѣпости принялъ отступленіе русскихъ за хитрость, съ цѣлью вызвать въ поле гарнизонъ, и не уничтожилъ нашихъ земляныхъ сооруженій. Осадныя работы подвигались чрезвычайно медленно, и только къ 16-му октября войска успѣли построить батарею, для обезпеченія перехода черезъ ровъ, и приступили къ работамъ по устройству спуска въ него. Пальменбахъ, опасаясь, что графъ Дона можетъ придти на помощь гарнизону, вторично снялъ осаду и въ ночь на 18-е октября отступилъ къ деревнѣ Стойково. Послѣднее предположеніе имѣло нѣкоторое основаніе. До 4-го октября главная русская армія оставалась въ Старгардѣ и, такимъ образомъ, прикрывала осаду Кольберга со стороны Пиритца, гдѣ сосредоточились главныя силы непріятеля.

Простоявъ 17 дней у Старгарда, въ ожиданіи, что графъ Дона двинется на выручку Кольберга, главнокомандующій нашелъ, что дальнѣйшее пребываніе здѣсь арміи не можетъ продолжаться: совершенный недостатокъ фуража и дровъ, а также трудный подвозъ провіанта, вслѣдствіе наступившей дурной погоды, вынудили графа Фермора отступить съ арміею къ рѣкѣ Трегѣ, гдѣ находилось въ изобиліи дровъ и фуража.

6-го октября армія, сдѣлавъ въ два перехода 31 версту, стала лагеремъ у селенія Швонебека.

Съ удаленіемъ Фермора, увеличились опасенія генерала Пальменбаха. Конные разъѣзды доносили о появленіи непріятеля, а 17-го числа получены вѣрныя свѣдѣнія о движеніи къ Кольбергу двухъ отрядовъ пруссаковъ: одного въ 4.000 человѣкъ, а другаго въ 6.000 че-

ловѣкъ. Не рискуя вступать въ дѣло, имѣя всего только 7.000, генералъ Пальменбахъ отступилъ къ Стойкову. 23-го октября главнокомандующій получилъ предписаніе конференціи занять зимнія квартиры по Вислѣ, протянувъ кордонъ отъ Эльбинга къ Торну. Въ силу послѣдняго предписанія, графъ Ферморъ сдѣлалъ новое распредѣленіе полковъ по дивизіямъ и размѣстилъ ихъ на зимнія квартиры слѣдующимъ образомъ: 1-я дивизія, подъ начальствомъ генералъ-поручика Фролова-Багрѣева, занимала эльбингскую провинцію; 2-я дивизія — генералъ-лейтенанта Рязанова стала въ Грауденцѣ и Кенигсбергѣ (въ этой дивизіи былъ и Апшеронскій полкъ) и 3-я дивизія графа Румянцева — въ окрестностяхъ города Кульма. 27-го октября, Апшеронскій полкъ, получивъ маршрутъ на Гофлисинъ, Дейчъ-Кронъ, Шнейдемюле, Высоко, Радишъ, Мраче и Корново, выступилъ на зимнія квартиры; 10-го ноября онъ подошелъ къ Кульму, переправился черезъ Вислу и размѣстился около Грауденца (въ Восточной Пруссіи)[16].

---

[16]) Дѣло № 128 — В. Военно-Ученый Архивъ.

Глава Седьмая.

Численный составъ Апшеронскаго полка въ началѣ 1759 года. — Устройство по Нижней Вислѣ сигнальныхъ маяковъ. — Распоряженія къ пополненію убыли въ арміи. — Перевооруженіе полка. — Состояніе обмундированія и снаряженія. — Планъ кампаніи, составленный конференціею. — Новое раздѣленіе войскъ по дивизіямъ. — Апшеронскій полкъ въ авангардѣ. — Наступательныя дѣйствія. — Смѣна Фермора и назначеніе главнокомандующимъ графа Салтыкова. — Переходъ русскихъ войскъ черезъ рѣку Варту. — Сраженіе при Пальцихѣ. — Занятіе Франкфурта-на-Одерѣ. — Присоединеніе къ арміи австрійскаго корпуса. — Приготовленія къ Кунерсдорфскому сраженію. — Бой 1-го августа. — Первоначальные успѣхи пруссаковъ. — Атака Апшеронскаго полка. — Реляція Салтыкова о дѣйствіяхъ полка. — Разстройство и пораженіе прусской арміи. — Реляція Салтыкова. — Наши трофеи и потери. — Потери Апшеронскаго полка. — Дальнѣйшія дѣйствія русской арміи. — Размѣщеніе арміи на винтеръ-квартиры. — Причина прекращенія военныхъ дѣйствій. — Назначеніе новаго командира полка. — Награды за 1759-й годъ. — Распредѣленіе военныхъ силъ прусскаго короля. — Задачи русской арміи въ кампанію 1760 года. — Неудачная осада австрійцами Бреславля. — Движеніе русскихъ къ этой крѣпости. — Дѣло 27-го іюля. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе Салтыкова отступить. — Экспедиція къ Берлину. — Приготовленія къ ней. — Взятіе Берлина. — Отступленіе экспедиціоннаго корпуса и соединеніе съ главною арміею. — Награда полку за взятіе Берлина. — Неудачная осада Кольберга. — Размѣщеніе войскъ на зимнія квартиры. — Дѣйствія въ 1761 году. — Осада Кольберга и взятіе его. — Положеніе Пруссіи къ началу 1762 года. — Смерть Императрицы Елисаветы и вступленіе на престолъ Петра III. — Пристрастіе его къ нѣмцамъ. — Заключеніе мира съ Пруссіею и приготовленія къ войнѣ съ Даніею. — Низложеніе Петра III и провозглашеніе Императрицею Екатерины II. — Возвращеніе русской арміи изъ Пруссіи.

Наступившій 1759 годъ застаетъ полкъ въ томъ же мѣстѣ расположенія, т. е. около Грауденца. Въ началѣ года онъ имѣлъ слѣдующій численный составъ: унтеръ-офицеровъ и капраловъ 98 (въ отлучкахъ 5), гренадеръ и мушкетеръ 1.286 (въ отлучкахъ 30), писарей, цирульниковъ, барабанщиковъ и флейтщиковъ 48, «разныхъ» 17, погонщиковъ 13; до комплекта не доставало: гренадеръ и мушкетеръ 306, флейтщиковъ, писарей и т. п. 4, «разныхъ» 2 и погонщиковъ 47, т. е. всего 359 человѣкъ; на пополненіе недостающихъ людей должны были прибыть изъ Лифляндіи уже вполнѣ обученные солдаты, находившіеся въ третьихъ баталіонахъ [1]).

Размѣстивъ войска на винтеръ-квартиры, Ферморъ назначилъ, въ случаѣ наступленія непріятеля, для каждой дивизіи свой сборный пунктъ (2-й дивизіи Маріенвердеръ). Вся дѣятельность нашей арміи въ зимній періодъ заключалась въ разсылкѣ легкихъ партій для разъѣздовъ вдоль фронта квартирнаго расположенія войскъ.

По рѣкѣ Вислѣ устроены были маяки, съ цѣлью подавать сигналы для сбора войскъ. «При маякахъ по обѣимъ сторонамъ Вислы имѣть караулы въ крѣпкой осторожности, которые опредѣлить старшими, а офицерамъ, коихъ дистанціи, по часту свидѣтельствовать и каждый день баталіоннымъ командирамъ рапортовать, а баталіонные дивизіоннымъ, дивизіонные же главнокомандующему» [2]).

Рѣшивъ продолжать войну и въ наступившемъ 1759 году, Императрица Елисавета повелѣла конференціи распорядиться пополненіемъ убыли въ арміи; но такъ какъ пополненіе

[1]) Дѣло № 228 — В. Военно-Ученый Архивъ.
[2]) Дѣло № 227. Военно-Ученый Архивъ.

рекрутами являлось крайне недѣйствительнымъ средствомъ, то рѣшено было двинуть третьи баталіоны полковъ, имѣвшіе составъ въ 600 человѣкъ. Баталіоны эти пришли въ армію въ іюнѣ, но они не присоединялись къ полкамъ, а только пополняли изъ своего состава убыль ихъ: «дабы полкъ состоялъ и съ новыми паки изъ двухъ, и которые изъ третьихъ баталіоновъ соединятся съ полками, тѣ именовать двумя баталіонами, дабы, что за всѣмъ тѣмъ останется, именовать третьими баталіонами» 3). Остатки, или, вѣрнѣе, кадры третьихъ баталіоновъ, подчинялись кенигсбергскому губернатору и въ нихъ поступали приходившіе изъ Россіи рекрута. Однимъ словомъ, эти баталіоны образовали собою родъ нынѣшнихъ запасныхъ баталіоновъ. Кромѣ того, для укомплектованія полковъ, конференція предписала Фермору прибѣгнуть къ вербовкѣ въ занятыхъ прусскихъ провинціяхъ, но послѣдняя шла весьма неуспѣшно.

Изъ болѣе существенныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ Апшеронскомъ полку, отмѣтимъ вооруженіе его, вмѣсто прежнихъ пушекъ, малыми единорогами, по два на каждый баталіонъ; пополненъ также недостатокъ въ ружьяхъ, а многія изъ нихъ, пришедшія въ негодность, замѣнены новыми. Обмундированіе полка, равно какъ и другихъ частей, находилось въ самомъ жалкомъ состояніи, недостатокъ чувствовался во всемъ: не было кафтановъ, штановъ, шляпъ и проч.; такой же недостатокъ ощущался и въ снаряженіи. Хотя военная конференція принимала надлежащія мѣры къ скорѣйшему отправленію въ армію необходимыхъ предметовъ обмундированія и снаряженія, но транспорты съ комиссаріатскимъ довольствіемъ двигались очень медленно и, кромѣ того, невозможно было сразу прислать все недостающее. Все это, конечно, отражалось на ходѣ военныхъ операцій, и въ то время, когда уже наступилъ благопріятный моментъ для открытія кампаніи, конференція предписала графу Фермору остановить наступленіе арміи, впредь до снабженія ея предметами обмундированія. «Какъ бы планъ простъ и ко исполненію удобенъ не былъ и подверженъ, однако, великимъ трудностямъ, ежели не сдѣланы заблаговременно всѣ потребныя къ тому приготовленія. Напротивъ того, и сіи приготовленія, како бы велики и достаточны не были, не могутъ много облегчить исполненіе плана, ежели они неточно по сему плану сдѣланы» 4).

Послѣ неоднократныхъ попытокъ составить планъ кампаніи, причемъ въ совѣщаніяхъ по этому поводу принималъ весьма дѣятельное участіе австрійскій генералъ Тилліе, конференція, въ мартѣ, остановилась на слѣдующемъ планѣ: «Въ концѣ іюня русская и австрійская арміи должны сблизиться къ рѣкѣ Одеру, между Глогау и Бреславлемъ, дабы обнадежить между собою сообщеніе и тотчасъ по обоимъ берегамъ рѣки имъ вверхъ или внизъ дѣйствовать, смотря того, куда нужнѣе и полезнѣе найдено будетъ» 5).

Этотъ незатѣйливый планъ кампаніи, составленный, внѣ всякаго сомнѣнія, подъ давленіемъ австрійскаго кабинета, лишалъ русскую армію должной самостоятельности и ставилъ ее въ роль «*помощной*». Къ счастью, желаніе австрійцевъ не осуществилось: въ виду того, что предполагаемое соединеніе нашей арміи съ австрійской было слишкомъ трудно, русскій главнокомандующій дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно.

Въ мартѣ мѣсяцѣ графъ Ферморъ произвелъ смотръ полкамъ арміи, причемъ инспектировалъ лично какъ экзерциціи, такъ и пальбу. Вслѣдъ за тѣмъ главнокомандующій осмотрѣлъ всѣ госпитали: въ Бишофсверденскомъ госпиталѣ находились раненые чины Апшеронскаго, а именно: капралы Иванъ Игумновъ и Семенъ Половинкинъ; рядовые: Иванъ Плехановъ, Иванъ Недошиловъ, Тимофей Дорофеевъ, Гаврила Дубининъ, Андрей Блеклой,

3) Масловскій, стр. 357.
4) Предписаніе Фермору отъ 20-го декабря 1758 г., № 178.
5) Масловскій, стр. 412.

Никифоръ Киселевъ, Семенъ Сорокинъ, Федоръ Ананьинъ, Климъ Котовъ, Фока Лысиковъ. Миронъ Поталовъ, Димитрій Полагоринъ, Тимофей Мартыгинъ и Василій Балагуринъ [6]; Нужно полагать, что поименованные нижніе чины находились въ командѣ секундъ-маіора Карла Раденга и были ранены во время цорндорфскаго сраженія. 10-го апрѣля составлено новое росписаніе войскъ; Апшеронскій полкъ назначенъ въ авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Мордвинова [7].

Согласно отданной диспозиціи, авангардъ слѣдовалъ на Познань и Гнѣзно къ Шриму, 1-я дивизія двумя колоннами на Шнейдемюле, откуда къ Обориику; 2-я дивизія и обсерваціонный корпусъ въ Познань. Предпринимая такого рода наступленіе, графъ Ферморъ имѣлъ въ виду обратить главное вниманіе непріятеля на движеніе русской арміи къ Кольбергу и тѣмъ самымъ облегчить операціи шведскаго корпуса [8].

4-го мая, находившійся впереди конный отрядъ обнаружилъ присутствіе непріятеля на лѣвомъ берегу рѣки Варты, вслѣдствіе чего генералъ Мордвиновъ приказалъ полкамъ оставить весь тяжелый обозъ и немедленно двигаться въ Познань, куда они пришли 15-го мая. Вскорѣ сюда прибылъ обсерваціонный корпусъ князя Голицына, подъ его начальство вступилъ и авангардъ. Въ половинѣ мая всѣ войска дѣйствующей арміи сосредоточились въ слѣдующихъ пунктахъ: 1-я дивизія въ мѣстечкѣ Усцы, 2-я дивизія въ мѣстечкѣ Накелѣ и авангардъ съ обсерваціоннымъ корпусомъ — въ Познани. Общая численность арміи простиралась до 60.000 человѣкъ, вмѣсто предполагаемыхъ 90.000; изъ этого числа оставлено на Вислѣ, подъ начальствомъ графа Румянцева, 20.000 человѣкъ, такъ что собственно на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій имѣлось всего только 40.000.

Иниціатива дальнѣйшихъ военныхъ операцій уже не принадлежала графу Фермору: рескриптомъ 8-го мая онъ былъ смѣненъ и главнокомандующимъ назначенъ графъ Петръ Салтыковъ.

Смѣну генерала Фермора встрѣтили въ арміи съ живѣйшею радостью, что и вполнѣ понятно, такъ какъ онъ былъ нѣмецъ.

«Вполнѣ выясненною причиною неудовольствія конференціи на Фермора можно считать его особую заботливость о мѣстномъ нѣмецкомъ населеніи въ ущербъ русской арміи и русскаго и безъ того истощеннаго казначейства. Затѣмъ нерасположеніе къ Фермору всѣхъ старшихъ начальниковъ русскихъ фамилій, сдерживаемое дисциплиною, также не подлежитъ сомнѣнію. Замѣчательно угодливое отношеніе Фермора къ конференціи, его ни съ чѣмъ несообразныя распоряженія послѣ Цорндорфскаго боя по обыску солдатъ, исходъ его служебнаго столкновенія съ Броуномъ, постоянныя недоразумѣнія съ графомъ Румянцевымъ и, наконецъ, оставленіе въ тылу этого талантливаго молодаго генерала — всѣ эти и имъ подобные факты прежде всего не даютъ права сравнивать принципы Фермора съ принципами, напримѣръ, Степана Апраксина. Корень всѣмъ этимъ недостаткамъ есть одинъ — природная отчужденность Фермора отъ русской арміи: онъ былъ для нея чужой человѣкъ» [9].

Графъ Ферморъ остался все-таки при арміи и принялъ 1-ю дивизію. Въ 6 часовъ пополудни, 18-го іюня, въ Познань прибылъ генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ и принялъ отъ Фермора начальствованіе надъ арміею.

---

6) Дѣло № 237. Военно-Ученый Архивъ. Главнаго Штаба. Ордеръ графа Фермора къ графу Румянцеву отъ 17-го мая 1759 года.

7) Пѣхотные полки: Апшеронскій, Черниговскій, Невскій, Казанскій. Конно-гренадерскіе: С.-Петербургскій, Рижскій, Рязанскій, Нарвскій и Каргопольскій. Приложеніе къ журналу военныхъ дѣйствій. Дѣло № 234 — А. Военно-Ученый Архивъ.

8) Изъ журнала военныхъ дѣйствій. Дѣло № 234 — А. Военно-Ученый Архивъ.

9) Масловскій. Т. II, стр. 432 — 433.

Ежедневно являвшіеся въ нашъ лагерь дезертиры, а также дѣлаемыя рекогносцировки выяснили, что прусскій корпусъ, численностію въ 30.000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала графа Дона, вступилъ въ Польшу и дошелъ до мѣстечекъ Оборника и Рогожна, лежавшихъ въ 4-хъ миляхъ отъ русскаго лагеря, вверхъ по рѣкѣ Вартѣ. Это вполнѣ подтвержденное извѣстіе говорило о намѣреніи графа Дона зайти въ тылъ русской арміи, въ то время какъ съ фронта будутъ наступать на нее главныя силы пруссаковъ.

21-го іюня состоялся военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: оставить за рѣкою Вартою бригаду принца Любомирскаго съ достаточнымъ количествомъ кавалеріи и артиллеріи, а съ главными силами переправиться обратно черезъ Варту къ сторонѣ Торна. Для рекогносцировки непріятельскихъ силъ отправленъ того же числа въ Рогожно конный отрядъ, а вслѣдъ за нимъ налегкѣ выступилъ авангардъ Мордвинова.

Но 23-го іюня прусскій корпусъ перешелъ у Оборника обратно черезъ рѣку Варту и пошелъ къ Одеру, взявъ направленіе на Цюлихау.

Отступленіе Дона измѣняло планъ главнокомандующаго. Оставивъ часть войскъ въ Познани, въ томъ числѣ авангардъ генерала Мордвинова, которому «до дальнѣйшаго ордера тамо быть велѣно» [10], графъ Салтыковъ съ остальными войсками арміи 30-го числа переправился черезъ Варту и двинулся вслѣдъ за непріятелемъ. Одновременно съ наступленіемъ главныхъ силъ, передовые разъѣзды продвинулись къ деревнѣ Цюлихау и взяли отъ жителей контрибуцію. Русская армія шла по пятамъ за прусской и останавливалась на ночлегъ на мѣстѣ оставленнаго непріятелемъ лагеря. 9-го іюля Салтыковъ пришелъ къ деревнѣ Гольценъ, гдѣ сдѣлалъ дневку, чтобы дождаться авангарда Мордвинова. Когда послѣдній находился уже недалеко, то главныя силы выступили дальше, а 12-го числа, у деревни Пальцихъ, недалеко отъ Цюлихау, настигли непріятеля. Произошло первое сраженіе со времени открытія кампаніи этого года. Оно было чрезвычайно упорно, но, не смотря на свои отчаянныя атаки, пруссаки потерпѣли полное пораженіе, потерявъ одними убитыми 4.220 человѣкъ; въ плѣнъ взято 1.200. Русскимъ досталось: 14 пушекъ, 4 знамени, 3 штандарта, «да на мѣстѣ баталіи найдено 45 барабановъ, а ружьемъ и прочею аммуниціею и артиллерійскими снарядами все поле покрыто было» [11].

Нашъ уронъ заключался въ одномъ убитомъ генералѣ (генералъ-поручикъ Демику), 2-хъ штабъ-офицерахъ, 13-ти оберъ-офицерахъ и 878 нижнихъ чинахъ; ранено 14 штабъ-офицеровъ, 142 оберъ-офицера и 3.744 нижнихъ чина.

Потерпѣвъ полное пораженіе и будучи отброшена отъ своего прямаго пути слѣдованія, прусская армія въ страшномъ безпорядкѣ кинулась на югъ къ Гроссъ-Глогау, гдѣ части ея успѣли переправиться на лѣвый берегъ Одера, побросавъ въ окрестныхъ лѣсахъ весь свой обозъ и тяжести.

Вслѣдъ затѣмъ занятъ былъ нами городъ Кроссенъ, гдѣ найдено 46.080 порцій готоваго хлѣба и 800 тюфелей муки.

Въ Кроссенѣ Салтыковъ простоялъ до 21-го іюля, произведя за это время нѣсколько рекогносцировокъ къ сторонѣ непріятеля. Узнавъ, что прусскій король съ 40.000 арміею спѣшитъ на соединеніе съ графомъ Дона, Салтыковъ направилъ особый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Вильбоа, для занятія Франкфурта и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ австрійскому генералу Лаудону спѣшить съ его корпусомъ на соединеніе съ русской арміею.

---

[10]) Изъ журнала военныхъ дѣйствій. Дѣло № 234 — А. Военно-Ученый Архивъ. Реляція Салтыкова. — Приложеніе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1759 годъ.

[11]) Изъ реляціи графа Салтыкова. Приложеніе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1759 г.

Выступивъ 21-го іюля изъ Кроссена, графъ Салтыковъ направился къ Франкфурту-на-Одерѣ. 23-го іюля армія расположилась лагеремъ около этого города [12].

На другой день къ Франкфурту прибылъ австрійскій корпусъ.

Когда Фридрихъ II узналъ объ этомъ, то немедленно направился къ Фрауэнбургу, чтобы закрыть путь къ Берлину. Но опасаясь, чтобы и главная австрійская армія графа Дауна не присоединилась къ русскимъ, прусскій король рѣшился выйти изъ положенія оборонительнаго, имѣя въ виду атаковать и разбить армію Салтыкова. Съ этой цѣлью Фридрихъ II, съ 30-го на 31-е іюля, сдѣлалъ весьма быстрый переходъ къ Лебусу и переправился на правый берегъ Одера; прусская конница перешла рѣку въ бродъ, а пѣхота — по пяти мостамъ, наведеннымъ въ полумилѣ выше Кюстрина. Извѣстіе о переходѣ непріятелемъ Одера застало нашу армію расположенной слѣдующимъ образомъ: главныя силы ея занимали небольшія высоты у Франкфурта; правое крыло доходило до Одера, а лѣвое простиралось до деревни Кунерсдорфа и даже немного далѣе, до вершины, гдѣ оканчивался лѣсъ. Такое положеніе, съ перваго взгляда, казалось невыгоднымъ, ибо армія стояла тыломъ къ непріятелю; но направленіе, принятое пруссаками по переходѣ черезъ Одеръ, отъ Вудена къ Горицу, не оставляло никакого сомнѣнія, что они имѣютъ намѣреніе обойти русскую армію, что дѣйствительно и случилось. Наше правое крыло состояло изъ авангарднаго корпуса (здѣсь и Апшеронскій полкъ) и первой дивизіи графа Фермора; вторая дивизія графа Румянцева составила центръ арміи, а на лѣвомъ крылѣ стоялъ новосформированный (обсерваціонный) корпусъ генерала князя Голицына. Австрійскія войска поставлены были позади праваго крыла. За исключеніемъ небольшаго кавалерійскаго отряда генерала Тотлебена, вся конница, которой по характеру мѣстности не предстояло особенныхъ дѣйствій, укрыта была въ различныхъ ложбинахъ, для предохраненія ея отъ непріятельскаго артиллерійскаго огня.

Въ 6 часовъ утра, 31-го іюля, прусская кавалерія, а вслѣдъ за нею и пѣхота показались впереди отряда Тотлебена, стоявшаго у деревни Фраундорфа. Около полудня силы непріятеля настолько увеличились, что Тотлебенъ принужденъ былъ отступить и стать передъ правымъ крыломъ арміи, съ цѣлью угрожать лѣвому крылу пруссаковъ, еслибы они устремились на одно только наше лѣвое крыло. Ночь прошла спокойно. Въ 3 часа пополуночи, 1-го августа, непріятель открылъ наступленіе, подаваясь къ правому крылу и показывая видъ, что имѣетъ намѣреніе атаковать русскую армію со всѣхъ сторонъ. Въ дѣйствительности же, прусскій король высматривалъ болѣе слабый пунктъ нашей позиціи, чтобы на него и повести атаку. Въ 9 часовъ утра пруссаки устроили на возвышеніи противъ лѣваго фланга двѣ большія батареи, подъ прикрытіемъ огня которыхъ Фридрихъ II перевелъ часть пѣхоты и кавалеріи въ лощину. Черезъ часъ непріятель усилилъ свое лѣвое крыло и по дѣлаемымъ имъ приготовленіямъ можно было заключить, что атака поведется одновременно на оба крыла. Тогда графъ Салтыковъ, желая заставить пруссаковъ вести атаку только противъ лѣваго фланга, приказалъ генералу Тотлебену разрушить мостъ черезъ большое болото, находившееся впереди расположенія войскъ праваго крыла, что и парализовало дѣйствія непріятеля съ этой стороны. Оставивъ противъ праваго фланга кавалерію, Фридрихъ поворотилъ всѣ свои силы противъ лѣваго крыла и, въ 11 ½ часовъ дня, подъ прикрытіемъ пушечной пальбы, повелъ атаку во флангъ его. Находившаяся въ лощинѣ пѣхота и конница открыла сраженіе ружейной перестрѣлкой, а затѣмъ пруссаки двинулись на флангъ, гдѣ расположенъ былъ гренадерскій полкъ сформированнаго корпуса. Послѣ нѣкотораго сопро-

---

[12]) Авангардъ Мордвинова присоединился къ главной арміи на другой день послѣ Пальцихскаго сраженія.

тивленія, полкъ этотъ сталъ отступать, открылъ флангъ, чѣмъ подвергалъ обѣ линіи чрезвычайной опасности *).

Чтобы поправить дѣло, князь Голицынъ двинулъ впередъ изъ первой и второй линіи два полка пѣхоты; но пруссаки успѣли уже занять вершину, оставленную гренадерскимъ полкомъ и настолько усилились, что выдвинутые Голицынымъ полки удержаться не могли; непріятель завладѣлъ двумя нашими батареями и вся армія Фридриха выстроилась въ одну колонну: фронтъ ея равнялся ширинѣ обѣихъ нашихъ линій, «а толстотѣ ея и густотѣ— конца видѣть нельзя было, но то примѣчать можно было, что непріятель, равнымъ нашему новому фронтомъ и безмѣрною густотою, не смотря на свой уронъ, предпріялъ такимъ образомъ до самаго нашего праваго крыла и до рѣки Одера пробиваться, чего ради и великую часть своей артиллеріи туда же привезъ» [13].

Дѣло принимало совсѣмъ дурной для насъ оборотъ. Тогда графъ Салтыковъ приказалъ генералъ-поручику Панину подкрѣпить нѣсколькими новыми полками опрокинутыя линіи и тѣмъ остановить стремительное движеніе пруссаковъ. Такъ какъ мѣстность не позволяла выдвинуть въ боевую линію болѣе двухъ полковъ, то Панинъ направилъ сначала одинъ полкъ 2-й дивизіи и гренадерскія роты австрійскихъ полковъ, за ними шли во второй линіи еще два полка, а въ третьей линіи два русскихъ полка и два полка австрійскихъ. Означенныя войска успѣли остановить непріятеля и сраженіе сдѣлалось съ обѣихъ сторонъ равнымъ. Вслѣдъ затѣмъ, прусскій король произвелъ сильную атаку пѣхотой и кавалеріей, но послѣдняя была прогнана нашей и австрійской конницею, предводимою графомъ Румянцевымъ и барономъ Лаудономъ. Тѣмъ не менѣе, русская пѣхота, сильно атакуемая непріятелемъ, находилась въ опасномъ положеніи.

До того времени Апшеронскій полкъ стоялъ на правомъ крылѣ и все время находился подъ сильнѣйшимъ огнемъ прусскихъ батарей. Въ детальныхъ планахъ кунерсдорфскаго сраженія показанъ даже моментъ, когда полкъ въ особенности сильно страдалъ (лист. VII прим. 34) *). Въ объяснительной къ планамъ запискѣ сказано: «Во оное время непріятель установилъ батарею и пушечную пальбу со оной началъ, стоящіе-жъ въ первой нашей линіи за ретраншементами полки, коимъ за деревнею Кунерсдорфомъ прусская кавалерія видна была и прикрывали оной ретраншементъ, и сколь Апшеронской и Ростовской полки уронъ во оное время имѣли» [14].

Когда всѣ усилія полковъ, направленныхъ съ генераломъ Панинымъ, не могли заставить непріятеля отступать, то главнокомандующій послалъ въ поддержку имъ три полка праваго крыла (въ числѣ ихъ и Апшеронскій), подъ начальствомъ князя Любомирскаго [15]. Подъ жесточайшимъ пушечнымъ огнемъ полки эти построились въ боевыя колонны. Апшеронцы, имѣя во главѣ своего командира полка, полковника фонъ-Гиршейда, стали на правомъ флангѣ боевой линіи; они первые двинулись въ атаку и смяли передовые прусскія колонны. Съ этого момента сраженіе сдѣлалось самымъ упорнымъ и ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ дошло до невѣроятныхъ размѣровъ. Доблестный командиръ полка, фонъ-Гиршейдъ, подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ, былъ тяжело раненъ. По словамъ реляціи Салтыкова, введенные въ бой полки «привели пѣхоту непріятельскую нѣсколько въ смятеніе» [16].

---

*) См. планъ Кунерсдорфскаго сраженія (№ 4).

13) Изъ реляціи Фермора. Приложеніе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1759 годъ.

*) См. планъ № 5.

14) Описаніе къ планамъ Кунерсдорфскаго сраженія. № 16.653. Военно-Ученый Архивъ.

15) Апшеронскій, Псковскій и Вологодскій полки.

16) Реляція графа Салтыкова. Приложеніе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1759 г., стр. 6.

Видя разстройство своей пѣхоты прусскій король отдѣлилъ особую колонну и направилъ ее въ тылъ сражающимся нашимъ полкамъ, но эта колонна была отбита орудійнымъ огнемъ.

Теперь не оставалось уже никакого сомнѣнія за благополучный для насъ исходъ сраженія и, не смотря на всѣ усилія непріятеля, онъ сначала принужденъ былъ отступать, а затѣмъ обратился въ полнѣйшее бѣгство. Въ преслѣдованіе за бѣгущими пруссаками отправленъ баронъ Лаудонъ съ русскою и австрійской конницей. Пораженіе прусской арміи было полное, самъ король Фридрихъ едва не попался въ плѣнъ; видя бѣгство своихъ полковъ, онъ пришелъ въ такое отчаяніе, что хотѣлъ застрѣлиться.

Немедленно по окончаніи сраженія графъ Салтыковъ отслужилъ на мѣстѣ боя благодарственное молебствіе за дарованную побѣду.

Въ реляціи о Кунерсдорфскомъ сраженіи графъ Салтыковъ пишетъ: «Могу Вашему Императорскому Величеству засвидѣтельствовать, что если найдется гдѣ побѣда славнѣе и совершеннѣе, то однакожъ ревность и искусство генераловъ и офицеровъ, а мужество, храбрость, послушаніе и единодушіе солдатства должны навсегда примѣромъ остаться» [17].

Въ донесеніи Императрицѣ отъ 2-го августа за № 29, онъ же пишетъ: «за должность признаваю на послѣди весь генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и все воинство за оказанную при такой сильной баталіи и весьма отчаянномъ непріятельскомъ подъ наижесточайшимъ изъ пушекъ огнемъ, гдѣ ядра и картечи на подобіе града летали устремленіи, столь отличную храбрость Высочайшему Вашего Величества благоволенію всеподданнѣйше препоручить» [18].

Преслѣдованіе непріятеля велось крайне энергично и много пруссаковъ погибло подъ копьями и шашками нашей кавалеріи, и еще больше было взято въ плѣнъ.

Изъ описанія сраженія можно замѣтить, что Апшеронскій полкъ игралъ въ ходѣ его далеко не маловажную роль. Простоявъ нѣсколько часовъ подъ убійственнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, въ критическій моментъ боя, когда уже долженъ былъ безповоротно рѣшиться исходъ его, онъ двинутъ въ атаку и стремительнымъ ударомъ, конечно при поддержкѣ остальныхъ частей, заставилъ прусскія колонны отступать. Поэтому, безъ всякаго преувеличенія можемъ утверждать, что побѣда надъ арміей прусскаго короля при Кунерсдорфѣ одержана благодаря блистательному дѣйствію полковъ: Апшеронскаго, Псковскаго, Вологодскаго, перваго гренадерскаго и Азовскаго.

Трофеи побѣды заключались: въ 26-ти знаменахъ, 2-хъ штандартахъ, 172-хъ пушкахъ и гаубицахъ и въ 110-ти палубахъ и зарядныхъ ящикахъ; взято также громадное количество оружія и боевыхъ припасовъ (австрійскія войска взяли 5 знаменъ и 6 пушекъ).

Сраженіе продолжалось $7^1/_2$ часовъ и повлекло за собою съ обѣихъ сторонъ большія потери. У насъ убиты: 1 полковникъ, 10 капитановъ, 17 поручиковъ, 27 подпоручиковъ и 12 прапорщиковъ; безъ вѣсти пропало: 2 капитана, 4 поручика, 4 подпоручика, 2 прапорщика и 1 лекарь; убито нижнихъ чиновъ 2.614; ранены генералъ-поручики: князь Голицынъ, Князь Любомирскій и Олицъ; бригадиры: Вилимъ Эссенъ, Вилимъ Лебель и Бахманъ; 9 полковниковъ, 18 подполковниковъ, 20 маіоровъ, 86 капитановъ, 113 поручиковъ, 156 подпоручиковъ, 14 адъютантовъ, 58 прапорщиковъ и 10.863 нижнихъ чина.

Собственно въ Апшеронскомъ полку убиты: капитаны: *Лаврентій Сейманъ, Иванъ Хвощинскій, Іоганъ Рихтеръ;* поручики: *Лаврентій Ефимовъ, Михаилъ Соколовъ* и *Алексѣй Рубиновъ;* подпоручикъ *Самойло Михинъ.* Тяжело ранены: командиръ полка полковникъ *Бернгардъ фонъ-Гиршейдъ,* подполковникъ *Тимофей Масловъ,* преміеръ-маіоръ *Яганъ фонъ-Буксгевденъ* и секундъ-

[17]) Реляція графа Салтыкова. Дѣло № 234—А. Военно-Ученый Архивъ. Приложеніе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, стр. 8.
[18]) Дѣло № 234. С. Военно-Ученый Архивъ.

маіоръ *Иванъ Молчановъ;* капитаны: *Гаврило Каржавинъ* и *Степанъ Аплечеевъ*; поручикъ *Владиміръ Лазаревъ;* подпоручики: князь *Алексьй Костровъ*, *Козьма Внуковъ*, *Серьй Ванюковъ*, *Матвьй Екимовъ*, *Андрей Полакъ* и прапорщикъ *Вилимъ Вальтонъ*. Легко ранены: капитанъ *Афанасій Голицынъ;* подпоручики: *Иванъ Ливинъ*, *Тимофей Щоголевъ* и *Степанъ Ильинъ;* прапорщикъ *Иванъ Милаховъ* [19].

Число убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, но судя по убыли офицеровъ, оно должно быть также велико.

Потери австрійскаго корпуса, въ сравненіи съ потерями русскихъ, весьма невелики: у нихъ убито 893 человѣка и ранено 1.398.

У пруссаковъ убитыми осталось на мѣстѣ сраженія 7.628 человѣкъ, въ плѣнъ взято, исключительно русскими войсками, 44 штабъ- и оберъ-офицера и 6.718 нижнихъ чиновъ; число раненыхъ неизвѣстно [20].

До 3-го августа русская армія оставалась на мѣстѣ боя, причемъ въ первые два дня занималась погребеніемъ убитыхъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ; 5-го же числа всѣ войска перешли на лѣвый берегъ Одера по двумъ мостамъ, наведеннымъ у Франкфурта, и расположились лагеремъ у деревни Лессау. Кавалерія все время преслѣдовала разбитую прусскую армію, которая спѣшила къ Берлину. Ежедневно въ нашъ лагерь являлись цѣлыми десятками прусскіе дезертиры, сообщавшіе о весьма плачевномъ состояніи непріятельской арміи.

Изъ Лессау, Салтыковъ двинулся въ глубь страны и 19-го августа армія пришла въ мѣстечко Либерозе, гдѣ и оставалась до начала октября. За это время сильные конные разъѣзды и отряды имѣли нѣсколько стычекъ съ прусской кавалеріею, принуждая послѣднюю каждый разъ отступать.

Недостатокъ фуража заставилъ главнокомандующаго бросить лагерь у Либерозе и направиться къ Губену, а отсюда 7-го сентября вся армія выступила къ Шварцебелю, и, слѣдуя по лѣвому берегу Одера, 16-го числа пришла въ мѣстечко Клеме, противъ города Калората. Въ тотъ же день графъ Салтыковъ ѣздилъ вверхъ по Одеру съ цѣлью выбора мѣстъ для мостовъ, и, избравъ три такихъ пункта, приказалъ наводить мосты. 18-го октября мосты были готовы; первымъ переправился авангардный корпусъ и расположился лагеремъ при Калоратѣ; ночью переправлены обозы и артиллерія, а на другой день вечеромъ перешли всѣ остальныя войска арміи, причемъ по верхнему мосту шла первая дивизія, по среднему вторая, по нижнему формированный корпусъ, а за нимъ пѣхотные полки австрійскаго корпуса.

14-го октября русская армія и австрійскій корпусъ расположились на кантониръ-квартирахъ; Апшеронскій полкъ, поступивъ въ составъ 2-й дивизіи графа Румянцева, сталъ около Ново-Мѣста, въ деревняхъ: Шяпхова, Мишкова, Чялица, Пустоволица, Омекъ и Ченчова *).

Причиною прекращенія военныхъ дѣйствій явилась дурная погода и позднее время года. По крайней мѣрѣ, графъ Салтыковъ, въ донесеніи своемъ Императрицѣ, пишетъ слѣдующее: «по рабской моей должности наиудобовозможнѣйшее попеченіе имѣть буду о сохраненіи благозаслуженныхъ воиновъ во ожиданіи всемилостивѣйшаго указа касательно винтеръ-квартиръ, ибо погода уже такъ строга становится, что въ палаткахъ стоятъ почти съ трудомъ, а ежели до такой уже крайности дойдетъ, что ни фуража, ни провіанта достать буде не можно, то опасаясь подвергнуть армію Вашего Императорскаго Величества непріятнымъ

---

19) Изъ списка, приложеннаго къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1759 г., стр. 12—23.

20) Въ Апшеронскомъ полку и до сего времени сохранилось преданіе, что ему за Кунерсдорфское сраженіе пожалованы «красные чулки», въ ознаменованіи того, что полкъ во время этого сраженія находился по колѣно въ крови. Нужно полагать, что въ этомъ преданіи, свято чтимомъ Апшеронцами и переходящимъ у нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, есть своя доля правды. Но, къ сожалѣнію, не смотря на всѣ старанія, намъ не удалось отыскать документовъ, подтверждавшихъ дѣйствительность такой награды.

*) Планъ квартирнаго расположенія № 353.

слѣдствіямъ, осмѣлюсь и прежде полученія рѣшительнаго отъ Вашего Императорскаго Величества всевысочайшаго указа къ Вислѣ рѣкѣ со всею арміею поворотъ сдѣлать».[21]

Въ концѣ ноября войска окончательно размѣстились по квартирамъ и Апшеронскій полкъ, согласно съ росписаніемъ отъ 30-го декабря, стоялъ въ Пруссіи, надъ рѣкою Вислою, около Маріенвердера[22].

Раненый при Кунерсдорфѣ полковникъ фонъ-Гиршейдъ въ полкъ болѣе не возратился и новымъ командиромъ полка назначенъ полковникъ князь Петръ Долгорукій.

Въ Апшеронскомъ полку, за военныя отличія въ 1759 году, произведены въ слѣдующіе чины: изъ поручиковъ въ капитаны: Василій Солковъ, Яганъ Рыттеръ, Андрей Семыникъ; въ преміеръ-маіоры: Иванъ Молчановъ; въ секундъ-маіоры: Гаврила Коржавинъ и Афанасій Голицынъ[23].

Въ память Кунерсдорфскаго сраженія Императрица Елисавета повелѣла отчеканить серебряныя медали, съ надписью: «побѣдителямъ надъ пруссаками». Медали эти розданы были всѣмъ участникамъ сраженія.

Казалось бы, что въ наступившемъ 1760 году долголѣтней и крайне обременительной для всѣхъ воюющихъ державъ войнѣ будетъ положенъ конецъ. Союзныя арміи окружили маленькое прусское королевство желѣзнымъ кольцомъ и трудно было расчитывать, чтобы Фридрихъ съумѣлъ вывернуться изъ весьма затруднительныхъ обстоятельствъ. Однако прусскій король не унывалъ. Противъ русской арміи, которая должна была оперировать со стороны Восточной Пруссіи, Помераніи и отъ Данцига, стоялъ съ корпусомъ братъ короля принцъ Генрихъ; противъ австрійскаго корпуса Лаудона въ Силезіи — корпусъ Фукета; противъ главной австрійской арміи Дауна и союзныхъ имперскихъ войскъ находился самъ король; въ Помераніи расположенъ былъ корпусъ Вернера, а противъ французовъ дѣйствовалъ принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій.

По плану кампаніи 1760 года, русская армія должна была содѣйствовать австрійцамъ въ овладѣніи крѣпостью Бреславлемъ и взять крѣпость Кольбергъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ всѣ подготовительныя операціи были закончены и войска начали сосредоточиваться для движенія къ рѣкѣ Одеру. Апшеронскій полкъ находился въ составѣ 3-й дивизіи графа Румянцева, но впослѣдствіи, когда къ арміи возвратился главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, 3-я дивизія переименована въ 1-ю и начальникомъ ея сдѣланъ графъ Ферморъ. Армія стягивалась и подвигалась чрезвычайно медленно, такъ что только въ іюлѣ мѣсяцѣ она подошла къ рѣкѣ Одеру. Въ то время, какъ русскія войска направлялись въ Силезію, Лаудонъ двинулся противъ прусскаго корпуса Фукета и разбилъ его на-голову. Но честолюбивый австрійскій генералъ не ограничился этимъ успѣхомъ: вмѣсто того, чтобы дождаться соединенія съ нашей арміей и затѣмъ уже осадить Бреславль, онъ вздумалъ дѣйствовать самостоятельно и только съ одними австрійскими войсками овладѣть крѣпостью. Попытка Лаудона окончилась полной неудачей, а затѣмъ извѣстіе о движеніи прусскаго короля на выручку гарнизона заставило Лаудона поспѣшно отступить. Участникъ кампаніи русскій офицеръ Болотовъ, въ своихъ запискахъ о семилѣтней войнѣ, разсказывая объ осадѣ Бреславля, пишетъ слѣдующее: «А какъ въ самое то же время дошелъ до Лаудона слухъ, что и самъ король съ арміею своею туда же шелъ и уже приближался, то, какъ ни старался онъ принудить городъ къ сдачѣ, и какъ ни угрожалъ бомбардированіемъ и устрашеніями коменданта, что, буде не сдастъ города, то

[21]) Донесеніе отъ 18-го октября за № 100. Дѣло № 234—С. Военно-Ученый Архивъ.
[22]) Тамъ же.
[23]) Дѣло № 237. Военно-Ученый Архивъ.

не пощадится ни одинъ ребенокъ въ брюхѣ, но сей, давъ славный отвѣтъ, что ни онъ не брюхатъ, ни солдаты его, не склонился никакъ на сдачу города и принудилъ тѣмъ Лаудона, не дождавшись нашей арміи, приближающейся уже къ городу, оставить осаду и ретироваться въ горы»[24]. Между тѣмъ, русскіе уже приближались къ Одеру. 14-го іюля, находясь въ Познани, фельдмаршалъ Салтыковъ составилъ маршрутъ дальнѣйшаго движенія въ Силезіи, къ крѣпости Бреславлю, причемъ 1-я дивизія двигалась на деревни Демачево, Збенхи и Щедрахово[25].

26-го іюля наши войска заняли деревню Гроссъ-Влигерсдорфъ. На другой день, около полудня, значительныя силы прусской пѣхоты и кавалеріи появились на правой сторонѣ Одера; непріятель направился по бреславльской дорогѣ къ мѣстечку Гунерсдорфу, съ цѣлью занять этотъ пунктъ и близлежащую деревню Ровно. Пруссаки устроили на дорогѣ сильную батарею и открыли изъ нея по передовымъ войскамъ и по лагерю огонь. Вышеназванныя деревни, находясь вблизи крѣпости Бреславля, имѣли весьма важное значеніе; но такъ какъ переходъ пруссаковъ на правый берегъ Одера не предвидѣлся, то оба пункта занимались только однимъ полкомъ (Кексгольмскимъ). Когда же непріятель обнаружилъ намѣреніе захватить Гунерсдорфъ и Ровно и безпокоить лагерь, то графъ Салтыковъ рѣшилъ не допустить этого. Немедленно приказалъ онъ командировать въ Гунерсдорфъ три полка (Апшеронскій, фузилерный и Углицкій). Построивъ батарею, изъ полковыхъ пушекъ открыли по непріятелю огонь; дѣйствіе его оказалось настолько удачнымъ, что вскорѣ прусскія орудія были сбиты, а деревня, служившая закрытіемъ для непріятельской пѣхоты и конницы, сожжена.

«И хотя при томъ у непріятеля неминуемо не малому урону въ людяхъ быти надобно, только того знать нельзя. Однакоже и съ нашей стороны побито артиллерійскихъ служителей два (оба Апшеронскаго полка), да Углицкаго пѣхотнаго полку дважъ человѣка; а напротивъ того ранено Углицкаго полка оберъ-офицеръ одинъ, фузилернаго рядовыхъ два и Апшеронскаго полку два»[26]. Непріятель отступилъ за Одеръ. Къ вечеру того же числа фельдмаршалъ приказалъ усилить занятые нами передовые пункты, перевести орудія ближе къ Гунерсдорфу и устроить здѣсь батарею; около деревни перекопаны были всѣ улицы и входы и вообще она приведена въ сильное оборонительное положеніе. Апшеронскій полкъ остался на передовой позиціи. Какъ уже говорилось раньше, австрійскій корпусъ Лаудона осадилъ Бреславль; но приближеніе къ этой крѣпости корпуса прусскихъ войскъ принца Генриха, а затѣмъ извѣстіе о движеніи изъ Саксоніи съ главной арміей короля Фридриха принудили Лаудона, не дождавшись соединенія съ русской арміей, снять осаду и отступить. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ настойчиво ходившими слухами о томъ, что прусскій король имѣетъ намѣреніе направить главный ударъ на нашу армію, ставило ее въ критическое положеніе, ибо численностью она значительно уступала соединеннымъ прусскимъ силамъ. Поэтому, 30-го іюля, графъ Салтыковъ созвалъ военный совѣтъ (на совѣтѣ, кромѣ русскихъ генераловъ, принимали участіе французскій бригадиръ маркизъ Монтоламберъ и австрійскій генералъ-поручикъ баронъ Плонкетъ). На совѣтѣ рѣшили, что русская армія останется у Кунцендорфа въ ожиданіи выясненія дальнѣйшихъ движеній и намѣреній непріятеля. Ежедневно между нашими и прусскими передовыми войсками происходили болѣе или менѣе значительныя стычки.

4-го августа бригадиръ Краснощековъ далъ знать, «яко бы не малой въ конницѣ и

---

24) Записки Болотова, томъ II, стр. 9.

25) Дѣло № 244 — С. Военно-Ученый Архивъ. Маршрутъ и маршрутная карта, при донесеніи Салтыкова, за № 108.

26) Донесеніе графа Салтыкова Императрицѣ отъ 28-го іюля за № 115. Дѣло № 244 — С. Военно-Ученый Архивъ.

пѣхотѣ состоящій непріятельскій деташементъ у Пархвица показался, которой онъ непріятельскою авангардіею быть почитаетъ»[27]. Это извѣстіе вызвало со стороны главнокомандующаго опасеніе за отдѣльно стоящій у самого Одера корпусъ графа Чернышева, поэтому онъ приказалъ ему приблизиться къ арміи и расположиться на правомъ флангѣ ея.

6-го августа разъѣзды сообщили, что прусскій король со всею арміею перешелъ отъ Пархвица къ Неймарку. Тогда главнокомандующій счелъ за лучшее отступить. 7-го августа русская армія, «имѣя въ разсужденіи положенія мѣста не весьма удобную позицію», выступила утромъ изъ своего лагеря и заняла позицію у мѣстечка Кайнова, въ 18-ти верстахъ отъ Кунцендорфа.

Для того, чтобы объяснить дѣйствія графа Салтыкова, возвратимся назадъ и посмотримъ, что дѣлалось у нашихъ союзниковъ, австрійцевъ.

Въ то время, какъ австрійскій корпусъ Лаудона осадилъ Бреславль, прусскій король находился въ Саксоніи, имѣя противъ себя главную австрійскую армію графа Дауна. Оба полководца преслѣдовали одну и ту же цѣль — поспѣшить къ Бреславлю: первый изъ нихъ для освобожденія этой крѣпости, а второй — для соединенія съ Лаудономъ. Желая отвлечь Дауна, Фридрихъ II быстро направился къ столицѣ Саксоніи — Дрездену и осадилъ его. Не смотря на то, что пруссаки бомбардированіемъ почти раззорили Дрезденъ, все таки имъ не удалось взять города, а приближеніе австрійской арміи вынудило непріятеля снять осаду и отступить. Тѣмъ не менѣе, прусскій король достигъ своей цѣли: онъ успѣлъ помѣшать соединенію двухъ австрійскихъ армій. Послѣ неудачной осады Дрездена, непріятельская армія направилась въ Силезію. Графъ Даунъ двинулся вслѣдъ за прусскою арміею и, догнавъ ее, все время шелъ рядомъ, не имѣя, повидимому, никакого желанія дать ей сраженія.

«Между тѣмъ, нашему графу Салтыкову приходило съ арміею ѣсть нечего, а какъ услышалъ онъ, что идетъ на него самъ король прусскій, и что Даунъ, хотя идетъ съ нимъ рядомъ, но ничего не дѣлаетъ и къ баталіи его не принуждаетъ, былъ тѣмъ крайне недоволенъ и говорилъ, что когда не воспрепятствовали цесарцы ему перейтить черезъ рѣки Эльбу, Шпре и Боберъ, то не помѣшаютъ ему перейтить и Одеръ, соединиться съ принцемъ Генрихомъ и напасть на него всею соединенною силою. Королю, говорилъ онъ далѣе, стоитъ только сдѣлать марша два форсированныхъ и употребить обыкновенныя свои хитрости, какъ онъ и явится передъ нами. *Но я прямо говорю, что какъ скоро король перейдетъ черезъ Одеръ, то въ тотъ же часъ пойду я назадъ въ Польшу*»[28].

Рѣшительный тонъ русскаго фельдмаршала подѣйствовалъ на Дауна и онъ, соединясь съ Лаудономъ, предпринялъ атаковать прусскую армію. Но плохо расчитанный планъ австрійскаго полководца имѣлъ весьма печальныя послѣдствія. 4-го августа корпусъ Лаудона совершенно неожиданно наткнулся на главныя силы прусскаго короля и былъ разбитъ наголову въ то время, какъ Даунъ даже и не подозрѣвалъ о такой катастрофѣ. Узнавъ же о постигшей Лаудона участи, Даунъ не рискнулъ дать Фридриху сраженіе, а отступилъ въ Богемію. Такимъ образомъ, русская армія осталась безъ поддержки и ей приходилось одной считаться со всѣми силами непріятеля.

Не рискуя вступать въ сраженіе съ прусскою арміею, имѣвшею значительный численный перевѣсъ, фельдмаршалъ Салтыковъ рѣшилъ отступить. Вотъ объясненіе движенія нашихъ войскъ отъ Бреславля. Но и король Фридрихъ, при всемъ желаніи его атаковать русскихъ, сдѣлать этого не могъ, такъ какъ армія его, не имѣя провіанта, не могла

---

27) Журналъ военныхъ дѣйствій. Приложеніе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1760 г.

28) Записки Болотова. Томъ II, стр. 2.

двигаться впередъ, что и явилось несомнѣнною причиною совершенно спокойнаго отступленія нашей арміи отъ Одера.

Когда уже русскія войска отступили отъ Бреславля, то графъ Салтыковъ получилъ отъ австрійскаго главнокомандующаго письмо, въ которомъ тотъ убѣдительно просилъ его переправиться черезъ Одеръ и соединиться съ австрійскою арміею, чтобы потомъ общими силами разбить пруссаковъ. Но Салтыковъ отказался исполнить просьбу Дауна по слѣдующимъ причинамъ:

1) переходъ черезъ Одеръ могъ пресѣчь нашу коммуникаціонную линію, прервать сообщеніе съ магазинами и, кромѣ того, армія могла лишиться пути отступленія;
2) армія австрійская была настолько сильна, что Даунъ могъ самостоятельно атаковать прусскаго короля, и
3) прусскій король могъ, по обыкновенію, обмануть Дауна и, соединившись съ корпусомъ принца Генриха, атаковать превосходными силами русскую армію [29].

Русскіе совершенно безпрепятственно дошли до мѣстечка Оберъ-Ваколинъ, гдѣ и остановились. Въ Оберъ-Ваколинѣ графъ Салтыковъ получилъ отъ австрійцевъ предложеніе осадить крѣпость Глогау, причемъ союзники обѣщали прислать тяжелую артиллерію, которой у насъ совсѣмъ не имѣлось.

Постоянные дожди не позволяли арміи двинуться къ Глогау и только въ началѣ сентября она выступила изъ Оберъ-Ваколина. 4-го сентября у Калората былъ наведенъ мостъ черезъ Одеръ и войска начали переправляться. Но въ это время графъ Салтыковъ получилъ извѣстіе о томъ, что австрійцы не могутъ подвезти артиллерію и вообще отказываются совсѣмъ отъ осады Глогау, взамѣнъ чего просятъ главнокомандующаго идти въ Бранденбургъ, и, пользуясь отсутствіемъ въ этой провинціи прусскихъ войскъ, взять Берлинъ. Графъ Салтыковъ 11-го сентября созвалъ военный совѣтъ, на обсужденіе котораго и отдалъ новое предложеніе австрійцевъ. Бывшіе на совѣтѣ генералы рѣшили произвести экспедицію къ Берлину и выработали планъ дѣйствій. Вслѣдъ затѣмъ графъ Салтыковъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) арміи выступить изъ Калората и направиться въ Бранденбургъ, слѣдуя по обѣимъ сторонамъ Одера на Кроссенъ, къ устью рѣки Бобера;
2) артиллерійскому парку и тяжелому обозу слѣдовать по одной сторонѣ, подъ прикрытіемъ дивизіи графа Румянцева;
3) всѣ прочія войска, вмѣстѣ съ корпусомъ графа Чернышева и съ легкими войсками графа Тотлебена, переправляются на лѣвый берегъ Одера, по сдѣланному мосту, и
4) въ походъ двинуться сейчасъ же по прибытіи въ армію транспорта съ продовольствіемъ.

Но экспедиція началась раньше, потому что часть провіанта была доставлена изъ ближайшихъ польскихъ мѣстечекъ. Для предпріятія противъ Берлина назначены слѣдующія войска: корпусъ легкихъ войскъ, подъ начальствомъ графа Тотлебена и корпусъ графа Чернышева, куда отдѣленъ былъ отъ 1-й дивизіи Апшеронскій полкъ.

Первымъ выступилъ графъ Тотлебенъ и шелъ черезъ Бескау на Берлинъ; непосредственно за нимъ, но по другому пути, слѣдовалъ корпусъ Чернышева. Чтобы не дать непріятелю замѣтить удаленіе корпусовъ Тотлебена и Чернышева, главнокомандующій приказалъ 3-й дивизіи перейти ночью у Беутена черезъ Одеръ и расположиться въ оставленномъ ушедшими войсками лагерѣ. 15-го сентября, наканунѣ выступленія, Тотлебенъ получилъ обстоятельную инструкцію, въ которой, между прочимъ, говорилось:

---

29) Донесеніе графа Салтыкова Императрицѣ № 120. Дѣло № 244 — С. Военно-Ученый Архивъ.

«По вступленіи вашемъ въ Берлинъ, наиглавнѣйшимъ рекомендуется безъ упущенія исполнить, а именно: отъ города требовать знатную денежную контрибуцію, а что заплатить не въ состояніи, то взять вамъ городомъ подписанную облигацію, съ постановленіемъ сроку, на которой они заплатить должны, также изъ ратуши двухъ особъ и отъ знатнаго купечества нѣсколько человѣкъ взять въ аманаты. Тамошніе арсеналы, пушечной литейной домъ, всѣ магазины оружейные и суконныя фабрики въ конецъ раззорить и паче для снабженія арміи потребнымъ крайне воспользоваться, къ чему кажется довольно однако объявленія, что буде все требуемое скоро и безъ отговорокъ дастся, то ни городу, ни жителямъ никакого вреда учинено не будетъ, а въ случаѣ отказу употребится справедливое возмездіе за всѣ королемъ прусскимъ въ Саксоніи, особливо же въ Лейпцигѣ употребленныя суровости, что въ противномъ случаѣ и дѣйствительно исполнить.

«Весь добрый сикцесъ сему вашему предпріятію зависитъ въ скоромъ прибытіи и непродолжительномъ исправленіи порученнаго вамъ дѣла, а потомъ въ порядочномъ отступленіи къ корпусу, подъ командою генералъ-поручика графа Чернышева.

«Чтобы непріятель отъ Магдебурга или Торгау отправленнымъ сикурсомъ васъ въ Берлинѣ застать или на обратномъ пути достигнуть не могъ, того ради все оное такъ распорядитесь, какъ отъ извѣстнаго вашего искусства ожидается, дабы вы себѣ тѣмъ паче, какъ цесарскій генералъ Гадикъ достойную похвалу и славу пріобрѣсти могли» [30].

Въ основѣ успѣха экспедиціи лежала скорость движенія къ Берлину, вслѣдствіе чего войска дѣлали большіе и быстрые переходы. Пѣхотный корпусъ Чернышева, по выданному ему маршруту, долженъ былъ подойти къ Берлину въ пять переходовъ, сдѣлавъ при этомъ 105 верстъ по весьма плохимъ дорогамъ и въ дождливое время года.

20-го сентября Тотлебенъ прошелъ до Систергаузена, а вечеромъ 21-го числа надѣялся подойти къ Берлину. Корпусъ Чернышева 21-го числа находился въ Фирштенвальде (въ двухъ переходахъ отъ Берлина). Въ Бескау найдено было 376 бочекъ сала, а находившійся въ городѣ королевскій литейный заводъ раззоренъ и взято оттуда множество снарядовъ.

Опасаясь встрѣтить у Берлина превосходныя силы пруссаковъ, графъ Тотлебенъ обратился къ графу Фермору (оставшемуся командующимъ арміею, вмѣсто графа Салтыкова) съ просьбой о присылкѣ бригады пѣхоты. Но Ферморъ нашелъ не удобнымъ нарушать составъ корпуса Чернышева и предписалъ только послѣднему сблизиться съ корпусомъ Тотлебена. Въ тоже время остальная армія продвинулась къ мѣстечку Боберсбергу [31].

22-го сентября графъ Тотлебенъ подошелъ къ Берлину, имѣвшему 4.000 гарнизона. Построивъ батареи, Тотлебенъ открылъ по городу стрѣльбу, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ попытку штурмовать его, но она окончилась неудачей. Разстрѣлявъ всѣ пушечные заряды и потерявъ нѣсколько десятковъ людей, Тотлебенъ отошелъ отъ города и послалъ къ Чернышеву нарочнаго съ просьбой о присылкѣ подкрѣпленія. Графъ Чернышевъ немедленно отправилъ два полка пѣхоты (Апшеронскій и Муромскій) съ ихъ артиллеріею и добавилъ еще два полукартуальныхъ единорога, а вскорѣ двинулся и самъ.

Отступивъ отъ Берлина къ Кепенену, Тотлебенъ все-таки оставилъ посты у Котбусскихъ, Кепенскихъ и Бранденбургскихъ воротъ.

Въ тотъ же день, т. е. 22-го сентября, къ осажденнымъ прибылъ на помощь принцъ Виртембергскій съ 6-ю тысячами человѣкъ.

23-го сентября въ Кепененѣ къ Тотлебену присоединился корпусъ графа Чернышева. Осмотрѣвъ позицію около Берлина, Чернышевъ рѣшилъ на другой день придвинуться къ

[30]) Приложеніе къ № 4 донесенія графа Фермора къ Императрицѣ. Дѣло № 244 — С.

[31]) Донесеніе Фермора отъ 22-го сентября за № 5.

городу. Между тѣмъ, главнокомандующій, для усиленія войскъ у Берлина, послалъ, въ полночь 25-го числа, въ Фирштенвальде всю 1-ю дивизію, подъ командою генерала Панина, вмѣстѣ съ нимъ отправлено было большое количество артиллерійскихъ припасовъ. Самъ Ферморъ съ арміею расположился на половинѣ дороги между Лассау и Берлиномъ. Австрійскій корпусъ графа Лессія также двигался къ Берлину, но гдѣ онъ находился, было неизвѣстно.

Послѣ рекогносцировки позиціи принца Виртембергскаго, графъ Чернышевъ рѣшилъ атаковать его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ усилиться ожидаемыми подкрѣпленіями.

Вечеромъ 27-го сентября графъ Чернышевъ отдалъ диспозицію для предстоящаго сраженія, изъ коей выдержки мы здѣсь и приводимъ.

«Разсуждая по обстоятельствамъ и по всѣмъ извѣстіямъ, что непріятель, стоящій противъ насъ, сегодня въ меньшихъ силахъ находится, нежели мы, и что пропустя хоть малое время, онъ можетъ усилиться, а мы слѣдовательно принужденными найдемся, не приведя въ дѣйство предпріятаго дѣла, къ безславію нашему, отступить, и такъ, съ помощью Всевышняго, принялъ я намѣреніе завтра непріятеля атаковать и для того слѣдующую учинить диспозицію.

1) «Атаку произвесть четырьмя колоннами, изъ которыхъ первую предводить имѣетъ господинъ генералъ-маіоръ Пальменбахъ, имѣя подъ своею командою первой гренадерской полкъ и Бутырской; оные выступаютъ съ праваго флангу и идутъ полудивизіонами прямо на лѣвый флангъ непріятельской, что возлѣ мельницъ, и тутъ строиться зачинаютъ подъ ружейною стрѣльбою и, выходя одинъ полудивизіонъ изъ-за другова, дѣлать первую линію на горахъ, гдѣ теперь стоятъ непріятельскія пушки. Полковникъ же Рененкампфъ, съ шестью гренадерскими ротами идучи упомянутой колоннѣ вправе, стараться долженъ всячески непріятелю во флангъ войтить.

2) «Полкъ Ростовской, слѣдуя за сею колонною, подъ командою господина генералъ-маіора Берха, такимъ-же слово въ слово порядкомъ маршируетъ, подкрѣпляя колонну господина генералъ-маіора Пальменбаха и строится на горѣ, дѣлая вторую линію.

3) Апшеронской и Муромской полки, подъ командою господина бригадира Лебеля, идутъ фронтомъ на туже гору прямо, а за ними во второй линіи Кексгольмскій полкъ, которой свою дистанцію второй линіи сохраняетъ. Апшеронскому же и Муромскому полкамъ до того не стрѣлять, пока въ дистанцію не прійдутъ и всеконечно укрѣплятся на горѣ, оставляя непріятельскія батареи за собою.

. . . .

10) «Артиллеріи полковой итить въ своихъ мѣстахъ при полкахъ и наступаючи, когда въ дистанцію прійдутъ, скорострѣльную пальбу производить, а чтобъ въ зарядахъ недостатку не было, учрежденіе сдѣлать полковнику артиллеріи Баннеру и маіору Лаврову.

. . . .

19) «Знакъ къ атакѣ и всѣмъ колоннамъ къ движенію будетъ: послѣ утренней зари пущено въ 7 часовъ 3 брантъ-кугеля вверхъ изъ батарей, что на лѣвомъ флангѣ во второй линіи корпуса господина генералъ-поручика Панина».

. . . .

Но непріятель, вѣроятно, узналъ о предполагаемой атакѣ: въ ночь на 28-е сентября онъ бросилъ свою позицію и направился къ Шпандау. Оставалось только преслѣдовать пруссаковъ кавалеріею, къ чему немедленно и сдѣлано было распоряженіе.

Отступленіе принца Виртембергскаго рѣшило участь Берлина и городъ въ тотъ же день сдался на капитуляцію [32].

Условія капитуляціи берлинскаго гарнизона были такого содержанія:

«Господинъ комендантъ, всѣ генералы, штабъ-и другіе офицеры, тако-жъ всѣ солдаты гарнизонные или другіе дѣйствительно служащіе, или просто въ Берлинѣ находящіеся больные и отставные, кои еще служить могутъ, однимъ словомъ, всѣ, кои въ Берлинѣ и на здѣшней сторонѣ обрѣтаются, имѣютъ отдаться военноплѣнными, и выступя изъ воротъ положатъ ружья, а городскія ворота мною заняты будутъ; хромые же и безногіе останутся здѣсь, которымъ имѣетъ быть подана роспись, господа офицеры удержатъ свои экипажы.

---

[32]) Рапортъ графа Чернышева отъ 28-го сентября. Дѣло № 241. Военно-Ученый Архивъ.

Надобно роспись подать всѣмъ плѣннымъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, находящимся здѣсь;. и надлежитъ имъ завтра по утру въ 7 часовъ быть у Котбусскихъ воротъ.

«Вся артиллерія и военная аммуниція, безъ всякой утайки, по росписи мнѣ отдана быть имѣетъ.

«Всѣ домы останутся невредимы и свобождены будутъ отъ грабленія, что наипаче дозволится королевскимъ дворцамъ.

«Всѣ военноплѣнные саксонцы, шведы, французы, австрійцы и имперцы и, однимъ словомъ, всѣ союзнымъ арміямъ принадлежащіе, здѣсь находящіеся плѣнные, долженствуются тотчасъ мнѣ выданы быть, и отнюдь ничего не утаить, какъ изъ гарнизона, такъ военныхъ припасовъ, а еще паче плѣнныхъ.

«Какую Берлинъ контрибуцію заплатить долженъ, о томъ особливую сдѣлать капитуляцію уполномоченъ отъ меня господинъ бригадиръ Бахманъ. Въ лагерѣ при Берлинѣ 9-го октября 1760 года. Графъ Тотлебенъ. Роховъ».

Въ числѣ войскъ, вошедшихъ въ Берлинъ, былъ и Апшеронскій полкъ. Всѣ части размѣстились по квартирамъ, причемъ отданъ строжайшій приказъ не производить въ городѣ грабежей и обращаться съ жителями какъ можно мягче. Графъ Чернышевъ потребовалъ отъ городскаго магистрата уплаты контрибуціи, разрушилъ нѣсколько суконныхъ и ружейныхъ фабрикъ, часть найденныхъ въ нихъ запасовъ была взята нами, а остальное все потоплено.

Взято въ Берлинѣ пушекъ и гаубицъ 57, ружей и карабиновъ 9.290 (изъ нихъ потоплено 4.000), пистолетовъ 180, бомбъ 7.000, гранатъ 3.500, ядеръ 9.765, пороху 850 пудовъ; всѣ снаряды и порохъ были потоплены. Въ коммисаріатскихъ магазинахъ захвачено: мундировъ солдатскихъ 4.000, шляпъ 3.000, сапогъ 1.000 паръ, чулокъ шерстяныхъ 7.000 паръ. Все это явилось чрезвычайно кстати, ибо солдаты совершенно обносились и одежда была тотчасъ имъ роздана [33]. Такъ какъ городской совѣтъ не могъ собрать и внести въ три дня потребованную отъ Берлина контрибуцію, а между тѣмъ, получено было извѣстіе, что прусскій король со всею арміею спѣшитъ на выручку города, то графъ Чернышевъ, истребовавъ отъ богатыхъ купцовъ росписки на назначенную сумму денегъ, 2-го октября выступилъ изъ Берлина и на другой день присоединился къ арміи, стоявшей въ Дроссенѣ [34].

Донося графу Фермору объ окончаніи экспедиціи, графъ Чернышевъ пишетъ: «Не могу оставить въ молчаніи, чтобъ вашему сіятельству не изобразить достойную похвалу, которую всѣ бывшіе въ командѣ моей, какъ генералитетъ, такъ и прочіе штабъ и оберъ-офицеры и рядовые во всей сей экспедиціи, не взирая на всѣ трудные и поспѣшные марши, которые дѣлали, заслуживаютъ, но и рекомендовать ихъ вашему сіятельству должность почитаю» [35].

За набѣгъ къ Берлину и за взятіе его Апшеронскій полкъ, въ числѣ немногихъ другихъ, получилъ первую награду со дня сформированія его: *обоимъ баталіонамъ Императрица Елисавета пожаловала серебряныя трубы съ надписью: «поспѣшностью и храбростью взятіе города Берлина. Сентября 28 дня 1760 года».*

Кампанія 1760 года закончилась неудачной для насъ осадой крѣпости Кольберга, и вскорѣ послѣ того войска были отправлены на зимнія квартиры. Первая дивизія, въ составѣ коей находился и Апшеронскій полкъ (въ 1-й бригадѣ генералъ-маіора князя Хованскаго), расположилась между Маріенбургомъ и Пресбургомъ; штабъ Апшеронскаго полка сталъ въ мѣстечкѣ Лихтенфельдъ, а баталіоны въ ближайшихъ деревняхъ. Въ концѣ того же года графъ Салтыковъ былъ смѣненъ и главнокомандующимъ назначенъ Бутурлинъ.

---

33) Приложеніе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ за 1760 годъ.
34) Отъ Берлина взято контрибуціи 1.700.000 талеровъ.
35) Рапортъ Чернышева отъ 3-го октября 1760 года.

Война съ Пруссіею, продолжавшаяся уже четыре года, сильно истощила государственную казну, такъ что не хватило даже денегъ для уплаты жалованья войскамъ за 1760 годъ. Обмундированіе и снаряженіе арміи находилось въ крайне печальномъ состояніи и, наконецъ, не смотря на блистательные успѣхи нашего оружія, трудно было расчитывать на какое нибудь территоріальное пріобрѣтеніе. Вотъ почему въ Россіи сильно желали мира; это желаніе высказывалось въ различной формѣ и Императрицѣ Елисаветѣ. Тѣмъ не менѣе, о мирныхъ переговорахъ не было и рѣчи, а воюющія союзныя державы употребляли послѣднія усилія, чтобы сломить въ конецъ Пруссію. Императрица объявила, «что будетъ упорно продолжать войну, если бы даже принуждена была продать половину своего платья и брилліантовъ».

Въ январѣ мѣсяцѣ Бутурлинъ получилъ секретное предписаніе укомплектовать полки деньщиками, а послѣднихъ замѣнить молодыми нѣмцами.

Кампанія наступившаго года имѣетъ мало поучительнаго и еще менѣе интереснаго. Въ ней выдѣляются только два болѣе важныя событія: взятіе крѣпостей Швейдница и Кольберга. Первая крѣпость осаждалась русскими и австрійскими войсками, (въ числѣ первыхъ находился и Апшеронскій полкъ, бывшій въ составѣ корпуса графа Чернышева). Но взятіемъ Швейдница дѣла союзниковъ не улучшились, чему много способствовали нерѣшительность австрійскихъ полководцевъ и совершенная неспособность Бутурлина. Болотовъ въ своихъ запискахъ пишетъ о немъ: «характеръ сего престарѣлаго большаго боярина былъ всему государству слишкомъ извѣстенъ и всѣ знали, что неспособенъ онъ былъ къ командованію не только арміею, но и двумя или тремя полками. Единая привычка его часто подгуливать и даже пить иногда въ кружку съ самыми подлыми людьми наводила на всѣхъ и огорченіе и негодованіе превеликое. А какъ, сверхъ того, онъ былъ неучъ и совершенный во всемъ невѣжда, то всѣ отчаявались и не ожидали въ будущую кампанію ни малѣйшаго успѣха, въ чѣмъ дѣйствительно и не обманулись»[36].

Теперь перейдемъ къ осадѣ Кольберга.

Для осады Кольберга назначены, подъ начальствомъ графа Румянцева, одинъ гренадерскій, три мушкетерскихъ полка (въ числѣ ихъ и Апшеронскій), 15-ть резервныхъ баталіоновъ пѣхоты, два полка драгунъ, два полка гусаръ, 1.000 казаковъ и дессантныя войска, состоявшія изъ 10-ти баталіоновъ пѣхоты[37]. Кромѣ того, соединенный Россійско-Шведскій флотъ, доставившій дессантъ и артиллерію, долженъ былъ оказывать всевозможное содѣйствіе при осадѣ.

Фридрихъ Великій, зная всю важность для него Кольберга, снабдилъ его гарнизономъ, простиравшимся до 3.000 человѣкъ, и, независимо того, назначилъ для защиты крѣпости особый корпусъ изъ 16-ти баталіоновъ пѣхоты и 20-ти эскадроновъ кавалеріи (численностью до 12.000 человѣкъ), подъ начальствомъ принца Виртембергскаго. 23-го мая принцъ Виртембергскій прибылъ къ Кольбергу и сталъ около него лагеремъ; лѣвый флангъ его корпуса упирался въ ферму Болленвинкель, за которою простирались непроходимыя болота, а правый примыкалъ къ рѣкѣ Персантъ; впереди фронта, прикрытаго глубокимъ оврагомъ, находилось селеніе Некинъ.

Не взирая на неприступность выбранной принцемъ Виртембергскимъ позиціи, онъ еще соорудилъ 42 редута, включая въ это число построенные на Претменскихъ высотахъ и на пространствѣ между лѣвымъ флангомъ и моремъ.

[36]) Записки Болотова, т. II. Приложеніе къ Русской Старинѣ за 1875 годъ.

[37]) Войска Румянцева: гренадерскій полкъ (какой—неизвѣстно); мушкетерскіе: Апшеронскій, Выборгскій и С.-Петербургскій; драгунскіе: Тобольскій и Архангелогородскій; гусарскіе: Грузинскій и Слободской; 1.000 казаковъ Краснощекова и 15 резервныхъ баталіоновъ. Дессантъ: Копорскій пѣхотный полкъ, по баталіону Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ и еще 4 баталіона неизвѣстно какихъ полковъ.

Ожидая прибытія флота, графъ Румянцевъ подвигался весьма медленно; по присоединеніи же дессантныхъ войскъ, онъ подошелъ къ Кольбергу и 13-го августа сталъ лагеремъ у селенія Стеко. Хотя силы русскихъ въ то время простирались до 24.000 человѣкъ, однако, принявъ во вниманіе крѣпкую мѣстность непріятельскаго лагеря, Румянцевъ не рѣшился сейчасъ же атаковать пруссаковъ, а счелъ за лучшее вести правильную осаду и направилъ ее противъ двухъ главныхъ пунктовъ: Болленвинкеля и Зеленаго редута.

23-го августа Румянцевъ раздѣлилъ свой корпусъ на три части: главныя силы расположились у Цернина, правая колонна у Баденгагена, а лѣвая противъ Россетина. Каждая изъ этихъ частей прикрыла фронтъ свой окопами и укрѣпленіями[38].

27-го августа соединенный флотъ сталъ передъ Кольбергомъ и открылъ бомбардированіе, продолжавшееся почти безпрерывно во все время осады. По окончаніи подступа къ Зеленому редуту, предположено было его атаковать 7-го сентября, въ 5-мъ часу утра, однимъ гренадерскимъ баталіономъ, а чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, приказано правой колоннѣ напасть на одинъ изъ непріятельскихъ редутовъ, противъ нея находившихся.

Второстепенная атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: войска правой колонны, овладѣвъ непріятельскимъ редутомъ, взяли тамъ 7 орудій и до 200 человѣкъ плѣнныхъ и до разсвѣта успѣли утвердиться въ редутѣ; за то главная атака, вслѣдствіе медленности и нераспорядительности начальника колонны, совсѣмъ не была предпринята и отложена до слѣдующаго дня.

8-го сентября, опять-таки въ 5 часовъ утра, назначенный къ штурму гренадерскій баталіонъ бросился на Зеленый редутъ и овладѣлъ имъ почти безъ урона, но, атакованный 5-ю непріятельскими баталіонами, прежде чѣмъ успѣлъ окопаться, принужденъ былъ отступить. Прибывшіе на помощь два полка (Бѣлозерскій и Воронежскій) хотя и овладѣли вновь редутомъ, но также не успѣли окопаться и, поражаемые сильнымъ огнемъ непріятеля, принуждены были отступить. Въ этотъ день мы потеряли 21 убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ оберъ-офицеровъ и 869 нижнихъ чиновъ; тяжело ранены: 2 штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ, 685 нижнихъ чиновъ; легко ранены: 1 штабъ-офицеръ, 17 оберъ-офицеровъ и 543 нижнихъ чина[39].

Не имѣя возможности обложить крѣпость со всѣхъ сторонъ, графъ Румянцевъ ограничился однѣми осадными работами противъ укрѣпленнаго прусскаго лагеря.

Въ это время осажденные получили подкрѣпленіе: къ нимъ присоединился отрядъ Платена и расположился у деревни Претмона. Такимъ образомъ, силы принца Виртембергскаго увеличились до 16.000 человѣкъ. Послѣднее обстоятельство, а также медленность осады заставили фельдмаршала графа Бутурлина отправить къ Кольбергу 3-ю дивизію, подъ начальствомъ князя Долгорукова; она пришла къ Кольбергу 23-го сентября. Съ прибытіемъ подкрѣпленія, дѣла наши приняли лучшій оборотъ и 10-го октября взято укрѣпленіе при селеніи Спи, прикрывавшее правый флангъ прусскихъ войскъ. Того же числа принцъ Виртембергскій получилъ еще одно непріятное извѣстіе: отряды Платена и Клейста, подъ прикрытіемъ которыхъ изъ Штетина въ Кольбергъ шелъ транспортъ съ провіантомъ, были разбиты генералами Ферморомъ и Бергомъ и отброшены отъ Кольберга. Вскорѣ затѣмъ прусскій генералъ Кноблахъ, находившійся въ Трептовѣ съ 2.000 человѣкъ, для поддержанія связи съ осажденнымъ корпусомъ, былъ окруженъ и сдался военноплѣннымъ.

Съ занятіемъ нашими войсками Трептова, прекратилось сообщеніе между войсками Платена и Кольбергомъ.

---

38) Апшеронскій полкъ находился въ правой колоннѣ. Планъ расположенія корпуса. Дѣло № 255. Военно-Ученый Архивъ. См. планъ осады Кольберга (№ 6).

39) Изъ вѣдомости графа Румянцева. Дѣло № 255. Военно-Ученый Архивъ.

Болотозъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «Всѣ сіи неудачи произвели то, что какъ въ крѣпости Кольбергской, такъ и въ лагерѣ прусскомъ недостатокъ провіанта сдѣлался ощутительнѣе, а особливо, какъ возвратились опять назадъ нѣкоторые изъ нашихъ фрегатовъ и заперли опять море, которымъ было они начали пользоваться, по отбытіи нашихъ флотовъ. Въ особливости терпѣли великую нужду лошади, получавшія уже не болѣе, какъ по полуфунту соломы въ сутки. Сверхъ того, какъ уже шелъ ноябрь мѣсяцъ и было очень холодно, то изъ всѣхъ недостающихъ потребностей всего ужаснѣе былъ для нихъ недостатокъ въ дровахъ» [40].

Прусскій корпусъ сталъ ощущать недостатокъ въ продовольственныхъ припасахъ, что и вынудило принца Виртембергскаго отказаться отъ дальнѣйшей защиты крѣпости и отступить.

Вечеромъ 3-го ноября, пруссаки, оставивъ передовые пикеты на прежнихъ мѣстахъ, отступили отъ Кольберга по дорогѣ къ Кольбергъ-Деепу, а оттуда черезъ Трептовъ къ Грейфенбергу, гдѣ соединились съ отрядомъ Платена.

По удаленіи прусскихъ войскъ, графъ Румянцевъ расположился въ непріятельскомъ укрѣпленномъ лагерѣ и повелъ дѣятельную осаду противъ самой крѣпости. Во второй половинѣ ноября, получивъ повелѣніе доставить, во что бы то ни стало, припасы въ Кольбергъ, принцъ Виртембергскій двинулся въ Трептовъ, куда и вступилъ 27-го ноября. Освѣдомясь объ этомъ, графъ Румянцевъ распредѣлилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: 10 резервныхъ баталіоновъ, 10 пѣхотныхъ полковъ и одинъ казачій, подъ начальствомъ генерала Яковлева, поставлены на дорогѣ отъ Кольберга къ Кольбергъ-Деепу; 5 гренадерскихъ баталіоновъ стали у деревни Зельновъ, одинъ гренадерскій баталіонъ занялъ укрѣпленіе у Спи, легкая кавалерія и казаки поставлены на дорогѣ въ Трептовъ, у Новаго моста и селенія Дрейнова, а главныя силы заняли позицію между Претминомъ и Греминомъ [41].

30-го ноября принцъ Виртембергскій двинулся двумя колоннами: одною на Новый мостъ, а другою на селеніе Дрейновъ, откуда наша легкая кавалерія отступила на Неймаркскія высоты. По занятіи Дрейнова, принцъ цѣлый день угрожалъ нападеніемъ на Кольбергъ-Деепъ. Не смотря на это, графъ Румянцевъ не перемѣнилъ занятой имъ позиціи, зная хорошо, что непріятель имѣлъ возможность прорваться къ крѣпости только лишь черезъ дефиле у Спи, что вскорѣ и подтвердилось. 1-го декабря пруссаки атаковали укрѣпленіе, лежавшее впереди этого селенія, и хотя овладѣли имъ, съ потерею 700 человѣкъ убитыми и ранеными, но, обойденные съ праваго фланга отрядомъ генерала Яковлева, и имѣя передъ собою двѣ линіи нашей пѣхоты, выгодно расположенной, не могли надѣяться на дальнѣйшій успѣхъ и отступили. Для преслѣдованія непріятеля графъ Румянцевъ послалъ всю легкую кавалерію, которая взяла около 2.000 въ плѣнъ. Уронъ съ нашей стороны простирался до 400 человѣкъ.

Между тѣмъ, осадныя работы не останавливались, и такъ какъ проломъ въ стѣнѣ былъ уже сдѣланъ, а продовольствіе въ крѣпости совершенно истощилось, то комендантъ 5-го декабря сдалъ Кольбергъ. Весь гарнизонъ простиравшійся до 3.000 человѣкъ взятъ военноплѣннымъ; 173 орудія, 20 знаменъ и большое количество военныхъ запасовъ достались побѣдителямъ.

Вслѣдъ затѣмъ войска были размѣщены на зимнія квартиры. Апшеронскій полкъ сталъ по деревнямъ въ Помераніи.

Взятіемъ Кольберга закончились военныя дѣйствія 1761 г. Хотя послѣдняя кампанія и не дала намъ какихъ либо положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе прусское королевство продолжительной войной было доведено до полнаго истощенія и король Фридрихъ

---

40) Записки Болотоза. Томъ II, стр. 119.

41) Рукопись Батюшкова. Военно-Ученый Архивъ.

находился въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно средствъ для продолженія борьбы. Его наслѣдственныя земли были заняты русскими войсками, большая часть крѣпостей взята, казна пуста, а армія, вслѣдствіе постоянныхъ потерь, значительно уменьшилась. Пруссіи, игравшей до того нѣкоторую роль въ политической судьбѣ Европы, грозила серьезная опасность обратиться въ совершенно ничтожное владѣніе, безъ права голоса въ европейскомъ концертѣ.

Кончина Императрицы Елисаветы Петровны, послѣдовавшая 25-го декабря 1761 года, спасла Пруссію отъ окончательной гибели. На престолъ вступилъ Императоръ Петръ III и политика наша круто измѣнилась. Еще будучи наслѣдникомъ, Петръ III неоднократно высказывалъ свои симпатіи Пруссіи и ея полководцу; онъ постоянно проводилъ время среди голштинскихъ офицеровъ, извѣстія о войнѣ черпалъ изъ нѣмецкихъ газетъ, которыя только и читалъ, и когда ему говорили о побѣдахъ русскихъ войскъ, то онъ смѣялся и возражалъ: «это все неправда, мои извѣстія говорятъ иное»[42].

Весьма естественно, что, съ восшествіемъ на престолъ, Петръ III не замедлилъ свои симпатіи доказать на дѣлѣ: онъ повелѣлъ окончить военныя дѣйствія и заключить съ Пруссіею миръ. 24-го апрѣля 1762 года подписанъ мирный договоръ, по которому Пруссіи возвращались всѣ принадлежавшія ей земли, занятыя русскими войсками.

Петръ III пошелъ еще дальше: онъ предоставилъ въ распоряженіе прусскаго короля 15.000 русскаго войска (въ числѣ ихъ и Апшеронскій полкъ), подъ начальствомъ генерала Чернышева, для военныхъ дѣйствій противъ Австріи. Заключивъ миръ съ Пруссіею, Императоръ имѣлъ намѣреніе объявить войну Даніи, вслѣдствіе непріязненныхъ ея отношеній къ Голштиніи.

Трудно сказать, какъ далеко зашелъ бы Петръ III въ своемъ пристрастіи къ нѣмцамъ; но политика его, шедшая въ разрѣзъ съ интересами Русскаго государства, приготовленія къ датской войнѣ, не обѣщавшей намъ ровно никакой пользы и начинаемой только по личнымъ симпатіямъ Императора,— все это породило неудовольствіе среди истинно-русскихъ людей и во главѣ недовольныхъ стала Императрица Екатерина. 28-го іюня 1762 года въ Петербургѣ вспыхнуло возстаніе,— Екатерина Алексѣевна превозглашена была Императрицею, а Петръ III отрекся отъ престола и 6-го іюля умеръ.

Однако Императрица Екатерина не пожелала продолжать войны съ Пруссіею, она подтвердила мирный договоръ и повелѣла находившимся въ Пруссіи войскамъ возвратиться въ Россію.

По возвращеніи изъ Пруссіи, Апшеронскій полкъ поступилъ въ составъ 3-й Смоленской дивизіи генералъ-поручика Захарія Чернышева и расположился въ городѣ Дорогобужѣ.

Въ боевой жизни полка семилѣтняя война представляется весьма крупнымъ событіемъ. Противникомъ русскихъ былъ одинъ изъ выдающихся полководцевъ XVIII столѣтія — Фридрихъ Великій, имѣвшій образцовую по тому времени пѣхоту, и, не смотря на то, русская армія одерживала побѣды, брала крѣпости и города, а къ концу войны заняла почти всю Пруссію. Постоянная боевая жизнь, въ связи со всевозможными лишеніями и матеріальными невзгодами, явилась прекрасною школою для Апшеронцевъ, изъ которой они вышли съ первымъ призомъ — серебряными трубами за храбрость, наградою весьма почетною и рѣдкою въ то время.

Достойны удивленія и подражанія блестящія дѣла предковъ — Апшеронцевъ, которые кровью своею добывали славу полку; имена ихъ никогда не изгладятся изъ памяти и съ особеннымъ уваженіемъ будутъ чтимы потомствомъ.

---

42) Соловьевъ. Исторія Россіи, томъ XXV, стр. 29.

Глава Восьмая.

Новый командиръ полка. — Штатъ полка, знамена, обмундированіе и вооруженіе. — Движеніе въ Польшу. — Смуты въ Польшѣ. — Избраніе королемъ Станислава Понятовскаго. — Образованіе конфедерацій. — Интриги въ Константинополѣ. — Возстаніе гайдамаковъ. — Разгромъ Галты. — Свиданіе русскаго посла съ верховнымъ визиремъ. — Турція объявляетъ Россіи войну. — Образованіе трехъ армій. — Планъ кампаніи. — Апшеронскій полкъ въ 1-й арміи. — Численность полка передъ войною. — Образованіе егерской команды. — Назначеніе новаго командира полка. — Выступленіе въ походъ. — Кампанія 1769 года – Переправа арміи черезъ Днѣстръ.— Движеніе къ Хотину. — Сраженіе 19-го апрѣля. — Отступленіе русскихъ за Днѣстръ. — Стоянка у Меджибожа. — Вторичное наступленіе къ Хотину. — Сраженіе 2-го іюля. — Дѣйствія Апшеронскаго полка. – Реляція князя Голйцына. — Осада Хотина. — Вылазки гарнизона. — Сраженіе 22-го іюля. — Вторичное отступленіе арміи за Днѣстръ. — Наступательныя дѣйствія турокъ. — Ночныя дѣла 19-го и 22-го августа. — Сраженіе 29-го августа. — Удачныя дѣйствія гренадерской роты Апшеронскаго полка. — Потери Апшеронцевъ. — Донесеніе графа Салтыкова. — Ночной бой 7-го сентября. — Истребленіе турецкаго корпуса. — Занятіе Хотина. — Расположеніе полка на зимнія квартиры. — Назначеніе новаго главнокомандующаго. — Награды.

30-го апрѣля 1762 года, командиръ Апшеронскаго полка полковникъ князь Петръ Долгорукій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а вмѣсто него назначенъ полковникъ князь Алексѣй Голицынъ.

Большой поклонникъ всего прусскаго, Императоръ Петръ III, въ кратковременное царствованіе свое, внесъ въ русскую армію рядъ существенныхъ преобразованій относительно организаціи частей войскъ, вооруженія, обмундированія и снаряженія, устраивая все по прусскому образцу.

Согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ 30-го марта 1756 года, Апшеронскій полкъ состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ, причемъ 1-й и 2-й баталіоны имѣли по четыре фузилерныхъ и одной гренадерской ротѣ, а 3-й баталіонъ — только четыре фузилерныхъ. Петръ III измѣнилъ этотъ штатъ и приказомъ отъ 13-го марта 1762 года полку повелѣно состоять изъ 2-хъ баталіоновъ, а баталіону — изъ пяти мушкетерскихъ и одной гренадерской роты; общая численность полка уменьшилась на 696 человѣкъ.

Полковыя знамена также подверглись измѣненію. По Высочайше утвержденному рисунку 19-го февраля 1762 года, они имѣли въ длину 2 аршина, а въ ширину 1 аршинъ 14 вершковъ, съ двумя золотыми съ примѣсью чернаго шелка шнурами и кистями. На срединѣ знамени, въ вѣнкѣ, сплетенномъ изъ двухъ золотыхъ лавровыхъ вѣтвей, верхними концами подходящихъ подъ императорскую корону, изображенъ былъ черный Россійскій орелъ съ распущенными крыльями, сидящій на утесѣ и держащій въ правомъ клювѣ бѣлую хартію со словами: «Никого не устрашусь». У подножія утеса, на зеленой землѣ, раскинута различная арматура, а за утесомъ виднѣлось море, съ плывущимъ на парусахъ кораблемъ. На каждомъ углу знамени и на копьѣ вензель Императора Петра III. Цвѣтъ полотна и наугольниковъ на знаменахъ, кромѣ полковаго, былъ зеленый и вообще зависѣлъ отъ выбора

командира полка, полковое же знамя было бѣлое. По положенію 1-го апрѣля 1762 года, каждая мушкетерская рота имѣла по одному знамени [1]).

Петръ III учредилъ должность шефовъ полковъ. Высочайшимъ приказомъ 25-го апрѣля 1762 года, Апшеронскій полкъ названъ по шефу: «пѣхотнымъ генералъ-маіора Ивана Брахвельта полкомъ», но названіе такое носилъ около трехъ мѣсяцевъ, — по вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, она отмѣнила это распоряженіе и полкъ по прежнему названъ Апшеронскимъ пѣхотнымъ.

Обмундированіе полка въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины II заключалось въ слѣдующемъ: мушкетеры носили зеленый суконный кафтанъ съ отложнымъ воротникомъ, лацканами и обшлагами изъ краснаго сукна; камзолъ и штаны красные суконные, съ мѣдными пуговицами. Каждому солдату полагалось два галстуха — красный и черный, щиблеты черные съ бѣлыми накладками на колѣна, башмаки и сапоги круглоносые, шляпа трехъугольная съ бѣлою обшивкою и епанча изъ васильковаго сукна. Волоса офицеры и солдаты пудрили и убирали въ косу, причемъ у нижнихъ чиновъ она была сплетена чернымъ опойковымъ ремнемъ, бантъ котораго лежалъ на самомъ воротникѣ кафтана. Всѣ чины полка носили на лѣвомъ плечѣ погонъ или эполетъ, котораго форма напоминала нѣсколько нынѣшній штабъ-офицерскій эполетъ. Цвѣтъ эполета въ Апшеронскомъ полку былъ желтый съ краснымъ [2]).

Каждый мушкетеръ вооруженъ былъ шпагою, ружьемъ со штыкомъ, а гренадеры, кромѣ того, носили въ особыхъ сумахъ по двѣ гранаты. Въ полку имѣлось 3.500 рогаточныхъ копій, которыя всегда возились въ походъ и изъ нихъ, посредствомъ петель и смычковъ, составлялись рогатки. Хотя фельдмаршалъ Румянцевъ и отмѣнилъ рогатки въ первую же турецкую войну, тѣмъ не менѣе онѣ возились за полкомъ и только во вторую турецкую войну окончательно были брошены.

Преимущественный строй полка былъ карре, на что въ особенности обращалось вниманіе на ученьяхъ, въ короткіе перерывы между войнами; обыкновенно пѣхота строилась въ четыре шеренги и при пальбѣ первыя двѣ становились на колѣна. Въ колоннахъ полкъ ходилъ только во время походныхъ движеній.

Не долго пришлось Апшеронскому полку отдыхать; политическія обстоятельства вновь вызвали его на боевое поприще и въ 1764 году онъ двинутъ въ Польшу.

5-го октября 1763 года въ Польшѣ умеръ король Августъ III, а такъ какъ въ этой странѣ постоянныхъ смутъ и раздоровъ корона была не наслѣдственная, а избирательная, то и поднялось волненіе. Первымъ претендентомъ на престолъ явился сынъ умершаго короля курфирстъ Саксонскій. Однако избраніе его совсѣмъ не входило въ расчеты русскаго правительства, ибо тогда польская корона могла сдѣлаться наслѣдственной; поэтому Императрица Екатерина выдвинула въ кандидаты Станислава Понятовскаго. Но партія послѣдняго въ Польшѣ была слишкомъ слаба, вслѣдствіе чего Понятовскій и сторонники его обратились къ русской Императрицѣ за содѣйствіемъ. Въ началѣ 1764 года Екатерина II послала въ Польшу отрядъ изъ ближайшей Смоленской инспекціи (въ числѣ войскъ этого отряда находился и Апшеронскій полкъ); съ помощью русскихъ войскъ, а также и денегъ, Понятовскій на сеймѣ 7-го сентября того же года былъ избранъ королемъ. Тѣмъ не менѣе, волненія въ Польшѣ не только не прекратились, но, напротивъ, годъ отъ году увеличивались и русскій отрядъ не выходилъ изъ польскихъ предѣловъ. Поднялся вопросъ о диссидентахъ. Положеніе православныхъ и протестантовъ въ Польшѣ было крайне печальное и на него

[1]) Соч. Висковатаго: Обмундированіе и снаряженіе. Томъ III, стр. 189 и 190.
[2]) Тамъ же. Томъ IV, стр. 80 — 102.

обратилъ вниманіе еще Петръ Великій; православнымъ запрещалось строить храмы и совершать богослуженіе; ихъ насильственнымъ образомъ заставляли принимать уніатство, а въ случаѣ отказа подвергали такимъ мученіямъ, которыя могли соперничать только съ пытками испанской инквизиціи. Императоръ Петръ I успѣлъ добиться отъ польскаго короля Августа изданія въ 1720 году грамоты, въ силу коей православная вѣра допускалась въ Подольскихъ областяхъ. Но грамота эта не имѣла ровно никакихъ послѣдствій и православные по прежнему терпѣли гоненія. Во второй половинѣ XVIII вѣка, диссиденты обратились къ Россіи и просили ея заступничества. Императрица Екатерина рѣшила поддерживать диссидентовъ и чрезъ посла своего при польскомъ дворѣ князя Репнина стала хлопотать объ уравненіи правъ православныхъ со всѣми католиками. Но всѣ представленія нашего посла не имѣли успѣха,— поляки самымъ рѣшительнымъ образомъ противились возстановленію правъ диссидентовъ. Тогда послѣдніе, 9-го марта 1767 года, составили въ городѣ Слуцкѣ конфедерацію. Для того, чтобы заставить поляковъ быть сговорчивѣе и согласиться на требованія русскаго правительства, князь Репнинъ въ началѣ сентября придвинулъ къ Варшавѣ русскія войска; часть ихъ вошла въ самый городъ, а небольшіе отряды расположились въ окрестностяхъ его: одинъ противъ Закрочима, другой — между Равою и Варшавою, третій — на Вислѣ, у мѣстечка Гуры, четвертый — противъ Гуръ, на другомъ берегу рѣки, и пятый — при соединеніи Буга съ Наревомъ. Одинъ изъ самыхъ ярыхъ враговъ диссидентовъ — Солтыкъ, кричалъ, что противъ нашихъ войскъ у него скоро сформируется 60.000 поляковъ. «Но это войско, писалъ Репнинъ, находится только въ его пустой головѣ. Сумасбродство его описать нельзя; оно доходитъ до того, что въ своихъ безмозглыхъ разсужденіяхъ онъ толковалъ примасу о сицилійской вечернѣ противъ русскихъ» [3]. Наконецъ, благодаря нашему оружію, на сеймѣ, въ октябрѣ того же года, за диссидентами признаны были всѣ права.

Недовольные въ Польшѣ образовали нѣсколько конфедерацій, изъ коихъ самая сильная была Барская. Для подавленія безпорядка, приходилось употреблять войска. Терпя повсюду неудачи, конфедераты въ 1768 году обратились за помощью къ Франціи и Турціи. Первая изъ нихъ обѣщала денежныя субсидіи и дала слово употребить свое вліяніе въ Константинополѣ, чтобы убѣдить турецкаго султана объявить намъ войну. Но во главѣ турецкаго министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ умный Рейсъ-Эфенди, который долго противился всѣмъ интригамъ и уговорамъ французскаго посла. Тогда принялись дѣйствовать непосредственно на султана Мустафу III и дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ. Конфедераты предложили султану, въ случаѣ успѣшныхъ дѣйствій, Подолію и Волынь, обѣщались присоединить къ турецкой арміи 100.000 своего войска и т. п.

Предложенія были настолько соблазнительны, что Мустафа III самъ лично рѣшилъ въ принципѣ вопросъ о войнѣ и только ждалъ удобнаго случая для объявленія ея.

Поводъ къ войнѣ не замедлилъ явиться. Въ 1768 году на Днѣпрѣ вспыхнуло возстаніе казаковъ, подвластныхъ Польшѣ, извѣстное подъ названіемъ «Бунта Гайдамаковъ». Возстаніемъ руководили Желѣзнякъ и Гонта. Волненіе разросталось съ неимовѣрной быстротой; шайки гайдамаковъ всюду бродили, жгли польскія мѣстечка, рѣзали поляковъ и евреевъ. Одна изъ такихъ шаекъ, подъ предводительствомъ сотника Шилы, преслѣдуя конфедератовъ, подошла къ мѣстечку Балтѣ, расположенному на рѣкѣ Кодымѣ, а на противуположномъ берегу находилось татарское селеніе Галта. Избивъ въ Балтѣ евреевъ, Шила удалился оттуда, но на дорогѣ узналъ, что начальникъ Галты, Якубъ-Ага, ворвался съ татарами въ Балту и перебилъ множество христіанъ. Тогда гайдамаки возвратились, выгнали изъ Балты

[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Томъ XXVII, стр. 251.

турокъ и татаръ, а вслѣдъ затѣмъ раззорили и Галту. Этотъ, въ сущности, весьма пустой случай, который въ другое время уладился бы путемъ мирныхъ переговоровъ, теперь, при желанiи султана объявить Россiи войну, послужилъ для него весьма удобнымъ мотивомъ, хотя наше правительство было тутъ ровно не причемъ. Императрица Екатерина II, не желая давать Портѣ какой бы то ни было поводъ къ войнѣ, приказала разслѣдовать дѣло и строго наказала виновныхъ. Турецкiй визирь Муссинъ-Заде остался вполнѣ доволенъ даннымъ Турцiи удовлетворенiемъ и просилъ султана не торопиться разрывомъ. Но сторонники войны успѣли уже настолько повлiять на главу правовѣрныхъ, что онъ лишилъ Муссина-Заде должности и назначилъ на его мѣсто Селиктара-Страмзей-пашу, называемаго иначе Гамза-паша. Новый визирь, врагъ Россiи, не замедлилъ поднять вопросъ объ инцидентѣ въ Балтѣ и потребовалъ къ себѣ посла нашего Обрескова.

«Утромъ 6-го октября 1768 года, Обресковъ съ большою церемонiею былъ приведенъ къ визирю. Четыре янычара визирской гвардiи вели четыре богатоубранныхъ коня и открывали шествiе. Обресковъ и его свита шли сзади. Прiйдя къ дому, занимаемому визиремъ, Обресковъ, прождавъ около получаса, былъ введенъ, наконецъ, въ большiе прiемные покои, гдѣ собралось уже множество посѣтителей и всѣ министры Порты. Развалившись на софѣ и не вставъ при входѣ Обрескова, визирь не далъ ему времени договорить обыкновенное привѣтствiе и перебилъ его словами: «я призвалъ васъ для того, чтобы покончить дѣло, которое тянется уже слишкомъ долго. Теперь дѣло не идетъ о совѣщанiяхъ,—вы уже ихъ довольно имѣли съ Рейсъ-Эфенди и изъ нихъ ясно видно, что вы только старались протянуть время обманчивыми обѣщанiями, которыя никогда не исполняли». Вынувъ потомъ изъ кармана нѣсколько бумагъ, составленныхъ нашимъ резидентомъ съ турецкимъ министромъ въ 1764 году, визирь продолжалъ: «не обязались ли вы передъ Нишганши-пашею исполнить то-то и то-то (тутъ онъ вступилъ въ подробности) и въ особенности вы обязались, что не оставите въ Польшѣ, и то на очень короткое время, болѣе 7.000 человѣкъ безъ артиллерiи? Однако теперь вы тамъ имѣете болѣе 30.000». — «Правда, отвѣчалъ Обресковъ, что обстоятельства заставили ввести болѣе въ Польшу войска». — «Сколько ихъ тамъ въ настоящее время?» — «Около 25.000». — «Хорошо же, измѣнникъ, закричалъ визирь, хорошо, клятвопреступникъ! Не сдѣлали ли вы сами признанiя въ своей невѣрности? И вы не краснѣете передъ Богомъ и людьми за вашу неумѣренность и обманы, когда, къ стыду человѣчества, ваши войска овладѣли страною, которая вамъ не принадлежитъ. И развѣ мы не видѣли вашихъ пушекъ на нашихъ границахъ, разрушившихъ одинъ изъ дворцовъ крымскаго хана»? Обресковъ началъ защищать политику Россiи. «Оставимъ это, снова перебилъ его визирь, когда ваши войска очистятъ Польшу?» — «Когда кончатся смятенiя». — «Намъ не того нужно. Можете ли обязаться ipso facto, что по полученiи отъ васъ письма, войска ваши очистятъ Польшу, и можете ли вы, въ гарантiю вашихъ словъ, поручиться союзными вамъ министрами?» — «Я напишу», отвѣчалъ Обресковъ, «въ самыхъ сильныхъ выраженiяхъ. Министръ Пруссiи, какъ я надѣюсь, можетъ васъ въ этомъ удостовѣрить». — «Вы не хотите меня понять; намъ не нужно ваше писанiе и мы не хотимъ ждать отвѣта; я хочу теперь же формальнаго обязательства и гарантiи вашихъ союзниковъ; я ихъ знаю и министръ Пруссiи есть только одинъ изъ нихъ». — «Все, что я могу сдѣлать, возразилъ Обресковъ, это пригласить господъ министровъ, сдѣлать поручительство, что войска наши выйдутъ изъ Польши, когда дѣло тамъ будетъ окончено. Болѣе я ничего не въ правѣ обѣщать». — «А, хорошо! И такъ, я вамъ объявляю, что высочайшiй, могущественнѣйшiй, страшнѣйшiй и непобѣдимый императоръ мой, котораго Богъ да продлитъ на вѣки славу и могущество, объявляетъ вамъ войну». — «Россiя не желаетъ войны, сказалъ Обресковъ, но всѣми силами

будетъ поддерживать ту, которую ей объявили». Когда Обресковъ удалился, многіе министры Порты подходили къ нему и уговаривали согласиться на условія, требуемыя визиремъ, на что Обресковъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ на столько полномочій, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Этотъ окончательный отвѣтъ былъ переданъ визирю. Тогда составленъ былъ актъ о состоявшейся аудіенціи и отправленъ къ султану, а посолъ нашъ со всею свитою отправленъ въ Едикуль (семибашенный замокъ) [4].

Приготовленія турокъ къ войнѣ были чрезвычайно обширны, а планъ будущей кампаніи блисталъ такими задачами, въ исполненіе которыхъ могли вѣрить только турки, да ихъ пресловутые союзники,— конфедераты, съ Потоцкимъ во главѣ. Вотъ въ общихъ чертахъ этотъ планъ.

Порта формируетъ три арміи: главная, подъ начальствомъ верховнаго визиря, направляется черезъ Днѣпръ, занимаетъ польскую крѣпость Каменецъ-Подольскъ и, соединясь съ арміей конфедератовъ въ 80.000 человѣкъ, двигается въ Варшаву, чтобы свергнуть Станислава Понятовскаго и возвести на престолъ новаго короля. Затѣмъ армія идетъ къ Днѣпру и завладѣваетъ Кіевомъ и Смоленскомъ. Вторая армія — крымскаго хана — должна была вторгнуться въ южные предѣлы Россіи и, наконецъ, третья, высадившись у Азова, должна взять городъ Таганрогъ, послѣ чего направиться къ Астрахани. Насколько удачно были выполняемы эти широкія предпріятія, увидимъ впослѣдствіи, но, разсматривая планъ правовѣрныхъ, нельзя не отдать имъ должной справедливости въ богатствѣ фантазіи и предпріимчивости.

Когда разрывъ съ Турціей сдѣлался неизбѣжнымъ, то Императрица повелѣла приготовляться къ войнѣ и выработать планъ кампаніи. Вопросъ о наступательной войнѣ рѣшенъ былъ единогласно и образовано три арміи.

Первая армія князя Александра Михайловича Голицына къ апрѣлю мѣсяцу 1769 года сосредоточивалась въ Кіевѣ. Задачи ея заключались въ слѣдующемъ:

1) «если турки всѣми своими силами, вмѣстѣ съ польскими конфедератами, двинутся въ Польшу, то роль первой арміи должна быть чисто оборонительная, причемъ она прикрываетъ Литву и часть Волыни;
2) «если бы турки не успѣли войти въ Польшу, то учредивъ продовольственные магазины около Каменецъ-Подольска, постараться овладѣть крѣпостью Хотиномъ;
3) «въ случаѣ, если бы непріятельская армія, ко времени начатія военныхъ дѣйствій, не успѣла еще перейти свои границы, прежде сосредоточія всѣхъ силъ первой арміи, то отвлекать турокъ отъ перехода границы, а затѣмъ, по соединеніи всѣхъ частей арміи, дать непріятелю генеральное сраженіе, и
4) «если турецкая армія расположится около своихъ границъ, а въ Польшу отправитъ особый корпусъ, то князь Голицынъ долженъ отрядить отъ первой арміи часть войскъ для подкрѣпленія расположенныхъ уже въ Польшѣ» [5].

Второй арміи, подъ начальствомъ графа Румянцева, предназначено дѣйствовать на сѣверѣ Крымскаго полуострова. Ближайшая задача ея заключалась въ прикрытіи Азова.

Третья армія графа Тотлебена двигалась на Кавказъ, чтобы поднять противъ Турціи кавказскихъ ея подданныхъ.

Кромѣ того, для дѣйствій въ Средиземномъ морѣ и поддержанія возстанія въ Греціи и Черногоріи, снаряженъ флотъ, подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова.

Численность первой арміи, въ составъ коей вошелъ и Апшеронскій полкъ, опредѣлялась въ 80.000 человѣкъ; раздѣлена она была на двѣ боевыхъ линіи и резервный корпусъ.

4) Петровъ. Война Россіи съ Турціей. Томъ I, стр. 70—72.
5) Дѣло № 374. Военно-Ученый Архивъ.

Въ составъ ея вошло: 30 пѣхотныхъ и 19 кавалерійскихъ полковъ, полевой артиллеріи 100 орудій, малыхъ единороговъ 10, понтоновъ 100, казаковъ донскихъ 6.000 и малороссійскихъ 3.000 [6].

По Высочайше утвержденному 14-го января 1763 года штату военнаго времени, Апшеронскій полкъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ, каждый баталіонъ имѣлъ одну гренадерскую и пять мушкетерскихъ ротъ, въ ротѣ полагалось 4 оберъ-офицера и 149 нижнихъ чиновъ, а всего въ полку: 4 штабъ-офицера, 52 оберъ-офицера, 1829 нижнихъ чиновъ, 126 нестроевыхъ и 81 деньщикъ. (Въ мирное время этотъ составъ уменьшался на 12 оберъ-офицеровъ и 200 рядовыхъ). Но штатный составъ много разнился отъ наличнаго: въ Апшеронскомъ полку, какъ и въ каждомъ изъ другихъ, — насчитывалось не болѣе 1.500 человѣкъ [7]. Апшеронскій полкъ назначенъ былъ на правый флангъ, въ 1-ю линію пѣхоты, въ 3-ю бригаду генералъ-маіора князя Горчакова.

Въ моментъ объявленія войны съ Турціею, полкъ находился въ польскомъ мѣстечкѣ Корницѣ. За это время въ немъ произошли слѣдующія перемѣны:

Согласно Высочайшему повелѣнію 13-го октября 1765 года, образована егерская команда, въ числѣ 60 рядовыхъ, 2-хъ капраловъ, 1 оберъ-офицера и 1 барабанщика. Обмундированіе и вооруженіе егерей нѣсколько разнилось отъ полковыхъ, а именно: штаны и камзолъ были зеленаго сукна, вмѣсто епанчи — шинель, а вмѣсто шляпы — зеленый картузъ, сапоги короткіе, гастухъ черный, манжеты бѣлые. Мушкетъ егерскій былъ короче мушкетерскаго и вмѣсто трехграннаго штыка имѣлъ плоскій ножъ, съ остріемъ на одной сторонѣ и съ обухомъ на другой. Егеря, въ отношеніи мушкетеровъ и гренадеръ, представляли почти тоже самое, что гусары въ отношеніи кирасиръ, карабинеровъ и драгунъ, т. е. они составляли родъ легкой пѣхоты.

Другая существенная перемѣна — это назначеніе новаго командира полка. 22-го сентября 1768 года полковникъ князь Алексѣй Голицынъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и вмѣсто него командиромъ полка назначенъ произведенный изъ подполковниковъ 4-го гренадерскаго полка полковникъ Сергѣй Колюбакинъ.

Въ концѣ 1768 года приступлено къ организаціи перевозочныхъ средствъ для первой арміи, къ образованію магазиновъ, госпиталей и проч. Провіантское довольствіе войскъ должно было производиться главнымъ образомъ посредствомъ покупки провіанта въ Польшѣ; въ случаѣ же, еслибы помѣщики польскіе или вообще жители не продавали хлѣба, то разрѣшалось посылать команды розыскивать хлѣбъ и, найдя таковый, брать, но не иначе, какъ платя за него деньги.

До половины марта 1769 года Апшеронскій полкъ оставался въ Корницѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ назначенъ сборъ частей арміи и командиръ полка, 29-го марта, получилъ предписаніе двинуться изъ Корницы въ мѣстечко Слобковцы, по слѣдующему маршруту:

Отъ Корницы до Тофильполя	4	мили	въ 1	переходъ.
» Тофильполя до Базаліи	3½	»	» 1	»
» Базаліи до Фельстена	6	»	» 2	»
» Фельстена до Слобковицъ	3½	»	» 1	»

[6] Дѣло № 377. Военно-Ученый Архивъ.

[7] Вотъ перечень полковъ, назначенныхъ въ дѣйствующую армію: пѣхотные: Апшеронскій, 1-й, 3-й и 4-й гренадерскіе, С.-Петербургскій, Ингерманландскій, Сибирскій, Бутырскій, Выборгскій, Кіевскій, Невскій, Астраханскій, Бѣлозерскій, Муромскій, Троицкій, Навагинскій, Тенгинскій, 2-й Московскій, Новгородскій, Ширванскій, Кабардинскій, Пермскій, Ярославскій, Низовскій, Архангелогородскій, 1-й Московскій, Копорскій, Ростовскій, Азовскій и Куринскій.

Кавалерія: Кіевскій и Новотроицкій—кирасирскіе; Ямбургскій, Псковскій, Пермскій, Ростовскій, Нижегородскій, Яхновскій, Рижскій, Рязанскій, Тверской, Тобольскій, Вятскій, Каргопольскій—карабинерные; Сербскій, Венгерскій, Ахтырскій, Харьковскій и Острогорскій—гусарскіе полки.

Въ предписаніи было сказано:

1) «полкъ долженъ немедленно выступить изъ Корницы, собравъ всѣхъ отлучныхъ и взявъ съ собою провіанта и фуража на 18 дней и на людяхъ на 4 дня, также всю полковую упряжь, рогатки и роспуски, построенные для жернововъ;

2) «жерновыхъ камней съ собою не брать, а на роспуски положить сколько можно провіанта;

3) «передъ выступленіемъ откомандировать одну гренадерскую роту со всею ротною упряжью, которая должна слѣдовать въ назначенный пунктъ, для образованія съ другими резервнаго корпуса;

4) «всѣхъ больныхъ отправить на обывательскихъ подводахъ въ Междибожъ;

5) «вещи, которыя имѣются въ полку, кромѣ находящихся на людяхъ, годны для рекрутъ и ихъ надлежитъ взять съ собою» [8].

Военныя дѣйствія открылись еще въ февралѣ мѣсяцѣ. Передовыя войска наши, состоявшія изъ кавалеріи, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго, произвели 13-го февраля поискъ за Днѣпръ и разбили отрядъ польскихъ конфедератовъ, а 26-го числа того же мѣсяца отрядъ генералъ-маіора Измайлова взялъ мѣстечко Жванецъ, находившееся передъ самою крѣпостью Хотиномъ. Но главныя дѣйствія начались только въ апрѣлѣ, по сосредоточеніи всей арміи. Устроивъ главный складъ продовольственныхъ и артиллерійскихъ запасовъ въ мѣстечкѣ Полонномъ (въ Подоліи), князь Голицынъ придвинулъ сюда же и армію, расположивъ ее между Константиновымъ и Полоннымъ. Войска простояли здѣсь до конца марта и только 28-го числа началось движеніе къ турецкимъ границамъ. Апшеронскій полкъ шелъ въ первой боевой линіи; къ 1-му апрѣля она была уже на турецкой границѣ и расположилась между Днѣстромъ и Бугомъ, причемъ 3-я бригада, гдѣ находились Апшеронцы, заняла мѣстечка Савинцы и Славновецъ.

15-го апрѣля, при мѣстечкѣ Калюсъ, русская армія переправилась черезъ Днѣстръ, а на слѣдующій день двинулась къ Комонкевцу. Какъ только турки узнали о переходѣ русскихъ черезъ Днѣстръ, то немедленно начали стягивать свои силы къ Хотину, а 17-го числа произошло первое дѣло между отрядомъ генерала Прозоровскаго и передовыми силами турецкой арміи, подъ начальствомъ Keраманъ-паши. Сраженіе окончилось разбитіемъ турокъ, причемъ они потеряли около 400 человѣкъ убитыми, 4 знамени, два бубна и нѣсколько лошадей. Нашъ уронъ заключался въ 1 штабъ-офицерѣ и 30 казакахъ.

Вечеромъ 18-го апрѣля Голицынъ подошелъ къ Хотину. Наступившая темнота не позволила тотчасъ атаковать укрѣпленный лагерь, устроенный непріятелемъ около крѣпости. Русскія войска расположились лагеремъ у Днѣстра, верстахъ въ пяти отъ крѣпости. Изъ произведенной на слѣдующій день рекогносцировки и показаній плѣнныхъ выяснилось, что сосредоточенная у Хотина турецкая армія имѣла до 30.000 человѣкъ, не считая гарнизона.

На другой день князь Голицынъ подвинулъ армію впередъ, занялъ удобную позицію и, устроивъ на ней батареи, рѣшилъ въ три часа пополудни атаковать непріятеля, для чего назначилъ: 3 гренадерскихъ, 9 мушкетерскихъ полковъ (въ томъ числѣ и Апшеронскій), всѣхъ егерей, 8 гренадерскихъ баталіоновъ, 1 кирасирскій, 9 карабинерныхъ, 5 гусарскихъ полковъ и казаковъ [9]. Прочія войска стояли во 2-й линіи.

8) Дѣло № 377. Военно-Ученый Архивъ,

9) Мушкетерскіе: Апшеронскій, Муромскій, Невскій, Ширванскій, Ингерманландскій, Ярославскій, Выборгскій, Куринскій и С.-Петербургскій; гренадерскіе: 1-й, 3-й и 4-й полки и 8 гренадерскихъ баталіоновъ; конница: Кіевскій кирасирскій; карабинерные: Тобольскій, Вятскій, Московскій, Тверской, Рижскій, Рязанскій, Нижегородскій, Каргопольскій и Ингерманландскій; всѣ егеря; гусарскіе полки: Сербскій, Ахтырскій, Венгерскій, Острогорскій, Харьковскій, 3 эскадрона черныхъ и желтыхъ гусаръ и нѣкоторое число донскихъ казаковъ.

*

По совершеніи молебствія, по случаю Св. Пасхи, батареи открыли огонь и войска двинулись къ окопамъ.

Руководившіе атакой генералы: Олицъ, Эссенъ, графъ Брюсъ, графъ Салтыковъ и другіе повели ее такъ искусно, что непріятель, не смотря на все свое упорство, принужденъ былъ отступить. Когда же турецкая артиллерія удачнымъ дѣйствіемъ нашихъ батарей была почти уничтожена, то отступленіе турокъ перешло въ безпорядочное бѣгство. Непріятель бѣжалъ въ Хотинъ, захвативъ съ собою, сколько успѣлъ, пушекъ и часть лагеря. Вслѣдъ за бѣгущими посланы были гренадерскіе баталіоны и 5 полковъ пѣхоты. Преслѣдованіе продолжалось до самыхъ палисадовъ крѣпости, причемъ наши войска успѣли занять предмѣстье, но остаться здѣсь не могли: турки успѣли зажечь строенія и затѣмъ открыли сильнѣйшій ружейный огонь со стѣнъ крѣпости, вслѣдствіе чего атакующія части принуждены были отступить во взятый ими турецкій укрѣпленный лагерь. Часть непріятельской арміи, не успѣвшая попасть въ Хотинъ, бѣжала въ Молдавію и къ Бендерамъ. Во время сраженія взято русскими войсками три знамени и семь пушекъ, въ томъ числѣ три мѣдныхъ; побѣдителямъ достался весь турецкій лагерь, состоявшій изъ множества палатокъ, нѣсколько сотъ лошадей и прочее. «Въ плѣнъ взято при семъ случаѣ», доноситъ князь Голицынъ, «только 14, волоховъ 8, поляковъ 2 и одинъ армянинъ, а напротивъ того побито непріятелей весьма немалое число, коихъ однакожъ они по своему обыкновенію съ собою въ Хотинъ увезли, какъ о томъ плѣнные объявляютъ. Я Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести честь имѣю, съ присовокупленіемъ справедливаго свидѣтельства, что всѣ и каждый изъ употребленнаго въ сей атакѣ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, при неустрашимости всего войска Вашего Императорскаго Величества, подали при семъ случаѣ хотя отмѣнные, но такіе знаки храбрости, что я ни одному предъ другимъ никакого преимущества дать не могу» [10].

Наша потеря въ сраженіи 19-го апрѣля, судя по представленной вѣдомости, была совсѣмъ ничтожна: убито 5, ранено 36 и безъ вѣсти пропалъ 1, а всего 42 человѣка.

Не взирая, однако, на первый успѣхъ, главнокомандующій не призналъ возможнымъ предпринять атаку Хотина; по крайней мѣрѣ, въ концѣ того же донесенія онъ пишетъ: «Впрочемъ всенижайше донести долженствую, что крѣпостью Хотиномъ овладѣть способа не предвидится: съ одной стороны, взятые съ собою на орудія заряды большею частью уже издержаны, а съ другой — и запаснаго провіанта не имѣемъ, здѣсь же не токмо хлѣба, но и самаго сѣна уже ничего нѣтъ, то и нахожу я себя, къ крайнему сожалѣнію, принужденнымъ предпринять на первый случай обратное отсюда движеніе, къ оставленному на той сторонѣ Днѣстра у Калюса тяжелому обозу, дабы оттуда пропитаніе имѣть».

21-го апрѣля армія двинулась къ Днѣстру. Не успѣли войска отойти отъ Хотина и 10-ти верстъ, какъ получено извѣстіе, что значительный турецкій отрядъ, состоявшій преимущественно изъ конницы, показался со стороны рѣки Прута, а вслѣдъ затѣмъ онъ напалъ на шедшій впереди обозъ, подъ прикрытіемъ одного полка пѣхоты (Кексгольмскаго). Нападеніе произведено было настолько стремительно, что турки успѣли ворваться въ середину обоза, захватили нѣсколько повозокъ, взяли въ плѣнъ и перерубили много солдатъ; только приближеніе высланныхъ въ подкрѣпленіе двухъ пѣхотныхъ полковъ принудило непріятеля отступить. Нападеніе на обозъ стоило намъ 21 убитыхъ, 8 раненыхъ, 42 безъ вѣсти пропавшихъ и 3-хъ взятыхъ въ плѣнъ. По словамъ лазутчиковъ, корпусъ, произведшій нападеніе, состоялъ изъ 5-ти тысячъ отборной левантинской конницы, подъ предводительствомъ трехбунчужнаго Абазы-паши. Въ тотъ же день главнокомандующій узналъ, что верховный визирь спѣшитъ со всею арміею къ Хотину и уже переправился черезъ Дунай.

[10]) Донесеніе князя Голицына отъ 20-го апрѣля, за № 34.

На слѣдующій день всѣ войска пришли къ Калюсу. Но и здѣсь князь Голицынъ не могъ долго оставаться. Хотя при тяжеломъ обозѣ и находился провіантъ, но не въ такомъ количествѣ, чтобы довольствовать имъ армію продолжительное время, а главное — совершенно отсутствовалъ фуражъ. Вотъ причины, заставившія главнокомандующаго, давъ арміи трехдневный отдыхъ, придвинуться ближе къ своимъ магазинамъ.

25-го числа войска снялись съ лагеря, а 27-го пришли къ деревнѣ Жениховки, гдѣ и остановились. Вскорѣ затѣмъ армія расположилась такимъ образомъ: 1) всѣ пѣхотные полки стали въ мѣстечкѣ Дерожнѣ, въ 2-хъ миляхъ отъ Меджибожа; 2) 6 полковъ кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Салтыкова, занимали кантониръ-квартиры въ мѣстечкѣ Хмельникѣ и окружныхъ деревняхъ; 3) 6 полковъ кавалеріи — въ Литинѣ и окрестностяхъ, и 4) полевая артиллерія — въ Меджибожѣ.

Для наблюденія за дѣйствіями непріятеля, въ мѣстечкѣ Баръ оставленъ особый корпусъ легкихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Прозоровскаго, на обязанности котораго лежала разсылка разъѣздовъ вверхъ и внизъ по Днѣстру [11].

Отступленіе русской арміи отъ Хотина вызвало неудовольствіе со стороны Императрицы Екатерины и она, указомъ отъ 8-го мая, предписала князю Голицыну немедленно двинуться къ Хотину и овладѣть имъ.

По полученіи указа, главнокомандующій собралъ военный совѣтъ, рѣшеніе котораго всетаки было не согласно съ желаніемъ Императрицы, — армія идти къ Хотину не могла, по слѣдующимъ причинамъ: при войскахъ не имѣлось осадной артиллеріи, не изготовлено было въ достаточномъ количествѣ провіанта, численность арміи значительно уменьшилась, вслѣдствіе развившейся болѣзненности въ войскахъ. Наконецъ, успѣхъ перваго движенія нашихъ войскъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ находился въ непосредственной зависимости отъ медленности сборовъ турокъ: въ то время вся непріятельская армія стояла еще на правой сторонѣ Дуная, а у Хотина могло сосредоточиться не болѣе 30.000 человѣкъ (гарнизоны: хотинскій, бендерскій и аккерманскій). Теперь же обстоятельства существенно измѣнились. Верховный турецкій визирь Магометъ-паша, въ началѣ мая, сосредоточилъ всю свою армію у Исакчи; 22-го числа онъ переправился черезъ Дунай и пошелъ къ Пруту и у Рябой могилы (верстахъ въ 100 отъ Бендеръ) расположился лагеремъ.

Войска наши, оставаясь у Меджибожа, кромѣ лишеній отъ недостатка продовольствія, много терпѣли отъ холода и сырости; солдаты спали въ палаткахъ безъ соломы, прямо на голой землѣ и пили дурнаго качества воду, что и явилось причиною развитія болѣзней.

Наконецъ, настойчивыя предписанія, Императрицы, въ связи съ полученнымъ 5-го іюня отъ генерала Прозоровскаго донесеніемъ о намѣреніи турецкаго визиря вступить въ Польшу, заставили князя Голицына выйти изъ бездѣйствія: онъ рѣшилъ двинуться къ Каменецъ-Подольску и расположиться въ окрестностяхъ его. 7-го іюня выступилъ изъ лагеря резервный корпусъ (8 гренадерскихъ баталіоновъ и 6 кавалерійскихъ полковъ), а на слѣдующій день остальныя войска (въ числѣ пѣхоты и Апшеронскій полкъ).

Главнокомандующій остался еще на одинъ день при Дерожнѣ для окончательнаго устройства госпиталей и отдачи послѣднихъ распоряженій по поводу довольствія войскъ и охраненія тыла арміи.

Значительный непріятельскій отрядъ стоялъ у Браге, а самъ визирь съ арміею, отдѣливъ въ Хотинъ 10.000 человѣкъ, шелъ къ Пруту. Такимъ образомъ, турки, повидимому, приступили къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

---

[11]) Донесеніе князя Голицына отъ 3-го мая, № 38. Дѣло № 405. Военно-Ученый Архивъ.

Постоянные дожди и грязь чрезвычайно затрудняли маршъ русской арміи, такъ что только вечеромъ 19-го іюня она пришла къ мѣстечку Жердни (въ 8 верстахъ отъ Каменца и въ 14 верстахъ отъ Днѣстра). Передовые непріятельскіе отряды, преимущественно татарская конница, приблизились уже къ Днѣстру, а нѣкоторые изъ нихъ успѣли прорваться въ Польшу, съ намѣреніемъ производить тамъ грабежи, жечь села и уводить жителей въ плѣнъ. Но наблюденіе передоваго отряда было настолько бдительное, что рѣдкая партія достигала своей цѣли, а прибытіе арміи въ Жердни принудило непріятеля отказаться отъ своихъ попытокъ и отступить.

Согласно Высочайшему повелѣнію, князь Голицынъ, подойдя къ Днѣстру, долженъ былъ направить для овладѣнія Хотиномъ особый корпусъ. Но въ виду получаемыхъ отовсюду извѣстій объ увеличеніи турецкихъ силъ у крѣпости, выдѣленіе незначительнаго корпуса являлось дѣломъ рискованнымъ: корпусъ этотъ, по малочисленности своей, не принеся существенной пользы, могъ подвергнуться серьезной опасности. Вотъ почему главнокомандующій предпочелъ лучше двинуться къ Хотину со всею арміею, а у Днѣстра оставить нѣсколько полковъ для охраненія тыла, комуникаціонныхъ линій и тяжелыхъ обозовъ. На созванномъ военномъ совѣтѣ, съ цѣлью выбора направленія движенія и вообще для плана дѣйствій, пришли къ убѣжденію форсировать переправу черезъ Днѣстръ выше Хотина, у деревни Самокишъ, а на рѣкѣ оставить корпусъ изъ 4-хъ пѣхотныхъ, двухъ карабинерныхъ и одного казачьяго полковъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Рененкампфа и генералъ-маіора Каменскаго. Войска эти, занявъ позицію въ 7-ми верстахъ отъ Хотина, при деревнѣ Янчинцахъ, должны были маскировать дѣйствительное мѣсто переправы арміи [12].

Продолжавшаяся дурная погода позволила двинуться къ мѣстечку Самокишу не раньше 22-го іюня; вечеромъ 24-го и въ ночь на 25-е число войска переправились черезъ Днѣстръ, послѣ чего, пройдя еще 5 верстъ, остановились на ночлегъ. Подвигаясь небольшими переходами, армія находилась уже недалеко отъ Хотина, когда встрѣтилась съ большими толпами турокъ. Постепенно усиливаясь, они производили первоначально нападенія только на корпусъ легкихъ войскъ Прозоровскаго, а 30-го іюня сдѣлали попытку атаковать всю армію но были отбиты артиллерійскимъ огнемъ: нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и три брошенныя въ толпы турокъ и татаръ бомбы заставили ихъ разсѣяться и не возобновлять больше своихъ попытокъ. Это дѣло стоило намъ 50 человѣкъ убитыми и 120 ранеными.

1-го іюля русская армія прибыла въ Башкивцы, гдѣ и остановилась на ночлегъ. На другой день, оставивъ въ лагерѣ, подъ надежнымъ прикрытіемъ, полковой и прочій обозы, князь Голицынъ выступилъ по направленію къ Хотину, чтобы атаковать расположенный впереди крѣпости укрѣпленный турецкій лагерь.

По показаніямъ плѣнныхъ и нашихъ лазутчиковъ, силы непріятеля должны были состоять не меньше какъ изъ 85.000 человѣкъ, поэтому главнокомандующій расчитывалъ имѣть серьезное дѣло. Утромъ 2-го іюля, послѣ пробитія зари, войска приготовились къ дальнѣйшему движенію. Впереди расположенія лагеря и на пути движенія арміи находились довольно значительныя высоты. Чтобы обезпечить себѣ безпрепятственное слѣдованіе, Голицынъ послалъ впередъ резервный корпусъ генерала Штофельна для занятія означенныхъ высотъ. Когда Штофельнъ, пройдя впереди лежащее дефиле, сталъ взбираться на высоты, то подвергся нападенію непріятеля. Отчаянная атака турокъ привела сначала гренадеръ въ нѣкоторое замѣшательство, но вслѣдъ затѣмъ они оправились, отбили непріятеля артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, и вскорѣ послѣ того генералъ Штофельнъ занялъ высоты.

---

[12]) Донесеніе князя Голицына Императрицѣ отъ 20-го іюля № 58. Дѣло № 405.

По соединеніи главной арміи съ авангардомъ, князь Голицынъ двинулся дальше, но для предосторожности войска шли въ баталіонныхъ карре, а кавалерія направлена вправо отъ деревни Башкивцы, для прикрытія праваго фланга арміи.

Не успѣли войска пройти и одной версты, какъ вновь подверглись нападенію всѣхъ турецкихъ силъ, предводимыхъ Магометъ пашею — Румелійскимъ сераскиромъ.

Безпорядочныя атаки турокъ велись чрезвычайно стремительно, ожесточеніе доходило до того, что турецкіе наѣздники, не смотря на сильный пушечный и ружейный огонь, подскакивали къ самымъ карре и рубили рогатки. Сраженіе продолжалось уже нѣсколько часовъ и армія наша медленно подвигалась впередъ.

Когда турки увидѣли, что атаки ихъ на пѣхоту совершенно безплодны и кончаются большими для нихъ потерями, то обрушились на кавалерію, ударили ей во флангъ и обскакали съ тылу. Окруженная со всѣхъ сторонъ, наша конница принуждена была подаваться назадъ. Тогда на выручку ея главнокомандующій выслалъ Апшеронскій полкъ съ его артиллеріей и два баталіона гренадеръ. Начальникъ этой колонны, командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Колюбакинъ быстро двинулся впередъ, занялъ ближайшую къ непріятелю высоту и открылъ во флангъ турецкихъ полчищъ мѣткій артиллерійскій и ружейный огонь. Поражаемый имъ, непріятель въ скоромъ времени былъ разсѣянъ и прекратилъ свои атаки на кавалерію нашу, что дало возможность послѣдней придти въ порядокъ. Вскорѣ отступленіе турокъ перешло въ настоящее бѣгство.

«А напротивъ того», пишетъ въ донесеніи своемъ князь Голицынъ, «побѣдоносная армія Вашего Императорскаго Величества слѣдовала за нимъ въ томъ же ополченіи и, какъ торжествующая, съ распущенными знамями, музыкою и барабаннымъ боемъ» [13].

Уронъ непріятеля, судя по брошеннымъ имъ на мѣстѣ 300 тѣламъ, былъ весьма великъ; у турокъ отбито 7 знаменъ, одна серебряная булава и одна литавра. Въ плѣнъ взято 22 человѣка.

Потеря русскихъ войскъ заключалась въ 2-хъ оберъ-офицерахъ и 53-хъ нижнихъ чинахъ убитыми, 6 оберъ-офицерахъ и 122 нижнихъ чинахъ ранеными, въ числѣ послѣднихъ 7 апшеронцевъ. Лошадей убито и ранено 187.

Отозвавшись съ большой похвалой о всѣхъ начальствующихъ лицахъ и офицерахъ арміи, князь Голицынъ въ реляціи своей Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ пишетъ слѣдующее:

«Рядовые и вообще всѣ войска Вашего Императорскаго Величества подали при семъ случаѣ новые опыты своего мужества, храбрости и неустрашимости, пылая ревностнымъ желаніемъ съ нападавшимъ непріятелемъ, не смотря на его превосходную силу, генеральное дѣло имѣть и конечно побѣдить, а многіе изъ нихъ просились, чтобы выпустить ихъ за рогатки, дабы ближе быть по непріятелю стрѣлять» [14].

Первоначально главнокомандующій хотѣлъ, пользуясь обуявшимъ турокъ паническимъ страхомъ, быстро двинуться къ Хотину и, не давая непріятелю опомниться, атаковать его въ ретраншементахъ подъ самою крѣпостью. Но наступавшая ночь и сильное утомленіе людей, находившихся въ бою и въ маршѣ нѣсколько часовъ, не позволили привести этотъ планъ въ исполненіе и армія остановилась лагеремъ при деревнѣ Башкивцы, верстахъ въ 3-хъ отъ Хотина.

Имѣя намѣреніе атаковать турокъ на другой день, Голицынъ послалъ приказаніе генералу Рененкампфу открыть орудійный огонь по турецкому лагерю у Хотина и по самой

[13]) Донесеніе № 65 отъ 5-го іюля. Дѣло № 405. Военно-Ученый Архивъ.

[14]) Тамъ-же.

крѣпости. Но турки не дождались нашей атаки: пѣхота непріятельская благоразумно ушла подъ защиту стѣнъ Хотина, а вся конница удалилась за рѣку Прутъ. 3-го іюля армія придвинулась къ крѣпости и заняла брошенные непріятелемъ окопы.

Немедленно приступили къ постройкѣ батарей, чтобы бомбардировать крѣпость съ двухъ сторонъ: изъ лагеря главной арміи и отъ деревни Браге; для сообщенія съ корпусомъ Ренненкампфа устроенъ при деревнѣ Станишинѣ мостъ черезъ рѣку Днѣстръ.

Расположеніе нашихъ войскъ было таково: лѣвый флангъ упирался въ рѣку Днѣстръ, а правый оканчивался въ брошенныхъ турками окопахъ; здѣсь устроены были батареи и поставлено 6 полковъ пѣхоты (въ числѣ ихъ и Апшеронскій), подъ командою генераловъ Эссена и Хераскова.

Того же числа открыта по крѣпости сильная пальба бомбами и ядрами; непріятель отвѣчалъ намъ изъ крѣпости, но ни турки ни наши войска урона не терпѣли. Къ вечеру пальба совершенно прекратилась, а на слѣдующій день созванный Голицынымъ военный совѣтъ рѣшилъ бомбардировку Хотина замѣнить блокадою, вслѣдствіе того «что небольшой калиберъ нашихъ полевыхъ орудій знатнаго поврежденія крѣпости причинить не можетъ, а напротиву того, непріятель, имѣя на стѣнахъ крѣпости, по объявленію плѣнныхъ, съ четыреста большихъ и такъ сказать, самыхъ ломовыхъ пушекъ, между которыми множество тридцати-шести-фунтовыхъ находится, производитъ по нашимъ батареямъ ядрами, бомбами и картечами безпрерывную ужасную стрѣльбу; но во уваженіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ и дабы болѣе безполезнымъ образомъ урона въ людяхъ не терпѣть, а сверхъ того-жъ напрасно и не разстрѣляться..... за лучшее придумали, изобрѣли и постановили содержать непріятельскую крѣпость въ блокадѣ» [15].

Результатомъ такого рѣшенія явился вывозъ нашихъ батарей изъ окоповъ, гдѣ оставлены только пѣхотныя части. Блокада произвела желаемое дѣйствіе: гарнизонъ сталъ терпѣть различнаго рода лишенія и бѣглецы цѣлыми партіями являлись въ нашъ лагерь. 12-го іюля турки произвели первую вылазку, которая хотя и была отбита, но все же съ нѣкоторой потерей и въ рядахъ нашихъ передовыхъ войскъ: убито было 16 и ранено 53 человѣка. Послѣдующія вылазки гарнизона также не имѣли никакого успѣха: турокъ всегда отбивали.

20-го іюля князь Голицынъ получилъ извѣстіе, что на помощь осажденнымъ двигается крымскій ханъ; такъ какъ вѣроятность этого извѣстія подтверждалась показаніями нѣсколькихъ человѣкъ, то главнокомандующій рѣшилъ предупредить хана и разбить его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ приблизиться къ Хотину. Для этого онъ направилъ впередъ корпусъ, изъ нѣсколькихъ пѣхотныхъ полковъ (какіе именно — неизвѣстно), подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Брюса. Послѣдній, пройдя верстъ двадцать, встрѣтился съ передовыми частями шедшаго къ Хотину подкрѣпленія. Но непріятель въ дѣло съ русскими войсками не вступилъ и только издали слѣдилъ за движеніемъ ихъ. Опасаясь, чтобы графъ Брюсъ, отойдя слишкомъ далеко, не наткнулся на превосходныя силы непріятеля, князь Голицынъ предписалъ ему возвратиться къ Хотину; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ присоединилъ къ себѣ отрядъ легкихъ войскъ генерала Прозоровскаго и рѣшилъ держать по прежнему крѣпость въ блокадѣ.

Послѣднія извѣстія, принесенныя лазутчиками, заключались въ томъ, что крымскій ханъ находится у Липчинъ и силы его заключались въ 25.000 татаръ и въ незначительномъ числѣ турецкой пѣхоты, при девятнадцати пушкахъ. 22-го іюля передовые разъѣзды дали знать о приближеніи татаръ, а около полудня они находились уже въ виду всей арміи и завели

[15] Дѣло № 405. Военно-Ученый Архивъ.

перестрѣлку съ передовыми войсками. Непріятель весьма энергично началъ дѣло и повелъ атаку не только на главный корпусъ легкихъ войскъ, но также и на правый флангъ арміи и даже на редуты. Но стремительныя атаки татаръ отбивались огнемъ артиллеріи.

Во время сраженія, хотинскій гарнизонъ произвелъ вылазку, съ цѣлью соединиться съ съ прибывшею помощью, но его попытка не увѣнчалась успѣхомъ: турокъ вогнали въ крѣпость находившіеся въ окопахъ полки: Апшеронскій, Астраханскій и др. Въ этомъ сраженіи, продолжавшемся до самаго вечера, Апшеронскій полкъ потерялъ 7 человѣкъ убитыми и 11 ранеными [16].

Отбитые на всѣхъ пунктахъ, татары отступили и расположились лагеремъ невдалекѣ отъ Хотина. Численность полчищъ крымскаго хана доходила до 27.000 человѣкъ. Впрочемъ, эта цифра была приблизительная: не имѣя перебѣжщиковъ изъ непріятельскаго лагеря, трудно было опредѣлить дѣйствительную численность татаръ [17].

30-го іюля крымскій ханъ перевелъ свой лагерь ближе къ Хотину и расположился у Днѣстра, не производя, однако, никакихъ покушеній на нашу армію. Судя по настойчивости непріятеля, не желавшаго уходить отъ крѣпости, можно было заключить, что онъ ждетъ сильнаго подкрѣпленія. Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ отрядъ турокъ, подъ начальствомъ сераскира Молдаванчи-паши. Хотя численность русскихъ превосходила соединенныя силы татаръ и турокъ, однако князь Голицынъ не рѣшился ихъ атаковать, потому что всѣ лошади конницы и артиллеріи, а равно и подъемныя были страшно изнурены. Это же самое обстоятельство явилось причиною снятія блокады Хотина и отступленія арміи.

Въ донесеніи своемъ отъ 31-го іюля, князь Голицынъ пишетъ: «при всемъ изобиліи провіанта, за совершеннымъ отъ насъ и отъ непріятельскихъ войскъ вытравленіемъ здѣшнихъ полей и луговъ, фуражируемъ мы уже давно на другой сторонѣ Днѣстра, въ Польшѣ, чрезъ что лошади приходятъ въ сильное изнуреніе».

Вечеромъ 1-го августа армія снялась съ лагеря и, пользуясь свѣтлой лунной ночью, направились къ Днѣстру, къ разсвѣту перешла его и стала лагеремъ на лѣвомъ берегу. Во все время ночнаго марша непріятель не тревожилъ войска, и только въ 6 часовъ утра нѣсколько тысячъ татарской конницы произвели нападеніе на аріергардъ, но безуспѣшно.

Первый лагерь русскихъ на лѣвомъ берегу Днѣстра находился верстахъ въ 10-ти отъ Хотина, а затѣмъ войска придвинулись къ крѣпости еще на 6 верстъ.

По удаленіи нашей арміи отъ Хотина, непріятельскій корпусъ соединился съ гарнизономъ, а затѣмъ отдѣльные отряды турокъ стали приближаться къ Днѣстру, желая, подъ прикрытіемъ огня изъ крѣпостныхъ орудій, переправиться черезъ него. 7-го августа одна изъ такихъ партій, въ нѣсколько тысячъ конныхъ татаръ, успѣла переправиться, но тотчасъ была опрокинута и отступила на правый берегъ. На другой день въ Хотинѣ происходила сильная пушечная пальба, означавшая, повидимому, какое то радостное событіе. Прибывшій въ лагерь молдаванъ-лазутчикъ сообщилъ, что турецкій султанъ, крайне недовольный медленными и нерѣшительными дѣйствіями визиря Магометъ-паши, отозвалъ его въ Константинополь, а вмѣсто него назначилъ находившагося уже подъ Хотиномъ сераскира Молдаванчи-пашу. Новый турецкій главнокомандующій, опираясь на многочисленность своей арміи, простиравшейся до 120.000 человѣкъ, рѣшилъ перейти Днѣстръ и открыть наступательныя дѣйствія. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ проникнуть въ Подолію, Молдаванчи-паша 17-го августа принялся устраивать мостъ у Хотина [18].

[16]) Дѣло № 378. Военно-Ученый Архивъ.

[17]) Донесеніе князя Голицына Императрицѣ отъ 29-го іюля, за № 77. Дѣло № 405. Военно-Ученый Архивъ.

[18]) Донесеніе отъ 18-го августа за № 89. Дѣло № 405. Военно-Ученый Архивъ.

Къ 19-му августа мостъ былъ почти оконченъ; къ вечеру турки прекратили работу, оставя на лѣвомъ берегу Днѣстра для прикрытія моста 200 человѣкъ. Передъ вечеромъ князь Голицынъ послалъ начальнику передовыхъ постовъ генералъ-маіору Каменскому приказаніе напасть въ полночь на непріятельское прикрытіе, истребить его и уничтожить мостъ. Посланные съ этой цѣлью три гренадерскихъ роты уже подходили къ мосту, когда турки замѣтили ихъ и открыли сильный ружейный огонь, а затѣмъ бросились на нихъ въ атаку. Гренадеры встрѣтили непріятеля штыками, многихъ изъ турокъ перекололи, а остальные спаслись бѣгствомъ. Порубивъ прикрѣпленные на правомъ берегу канаты и другія принадлежности моста, гренадеры возвратились. На другой день турки вновь принялись за устройство моста и къ вечеру совсѣмъ его окончили; 22-го августа они начали переправляться по мосту и частью въ бродъ, такъ что вечеромъ того же числа на правомъ берегу сосредоточилось до 4.000 человѣкъ; непріятель устроилъ вблизи моста тетъ-де-понъ и расположился въ немъ. Присутствіе непріятельскаго отряда на лѣвомъ берегу Днѣстра, или, какъ пишетъ въ своемъ донесеніи князь Голицынъ, «подобная непріятельская наглость въ укрѣпленіи себя на здѣшней сторонѣ и вблизи арміи Вашего Императорскаго Величества терпима быть не могла» [19], поэтому главнокомандующій рѣшилъ взять редутъ и сжечь мостъ. Для этого предпріятія были назначены гренадерскія роты пѣхотныхъ полковъ (Апшеронскаго полка рота, подъ командою капитана Ребиндера), въ числѣ 4.000 человѣкъ, подъ начальствомъ полковниковъ: Вейсмана, Сухотина, Кречетникова и барона Игельштрома; каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 1.000 человѣкъ. Сущность даннаго имъ приказанія заключалась въ слѣдующемъ: подойдя ночью, съ соблюденіемъ всевозможной тишины, къ непріятельскому укрѣпленію, ровно въ часъ пополуночи атаковать его одновременно при сигналѣ «Екатерина», причемъ безъ крайней нужды изъ ружей не стрѣлять, а дѣйствовать штыками и тесаками.

Въ 11 часовъ ночи всѣ четыре колонны одновременно выступили изъ лагеря; солдаты шли налегкѣ; пушекъ не взяли, такъ какъ по характеру предпріятія въ нихъ не имѣлось и нужды. Въ совершенной тишинѣ подошли гренадеры къ редуту и съ восклицаніемъ «виватъ Екатерина»! бросились во внутренность его. Нападеніе произведено было такъ быстро и такъ для турокъ неожиданно, что они не успѣли и за ружья взяться, какъ многіе изъ нихъ пали подъ штыками. Вслѣдъ затѣмъ гренадеры кинулись къ мосту, гдѣ также находилось немалое число непріятеля. Послѣдніе открыли весьма сильный огонь изъ ружей и нѣкоторое время защищались, но вскорѣ, потерявъ множество убитыми, стали бросаться въ воду, гдѣ большая часть ихъ и потонула.

На мѣстѣ битвы осталось 500 тѣлъ; у непріятеля отбито 17 знаменъ. Наша потеря заключалась въ одномъ оберъ-офицерѣ и 17 рядовыхъ убитыми; ранены: штабъ-офицеръ одинъ, оберъ-офицеровъ 7 и нижнихъ чиновъ 194; безъ вѣсти пропало 12 человѣкъ [20]. Апшеронская рота потеряла одного сержанта и 19 гренадеръ убитыми и ранеными [21]. Въ вѣдомости, представленной полкомъ, показано 8.360 выпущенныхъ ружейныхъ зарядовъ.

Истребленіе турецкаго лагеря въ ночь 23-го августа сдѣлало ихъ болѣе благоразумными и хотя на другой же день мостъ былъ исправленъ, но непріятель не рѣшался уже переходить на правый берегъ.

Отсутствіе фуража, заставившее нашу армію отступить отъ Хотина, еще въ большей степени ощущалось у непріятеля, имѣвшаго многочисленную конницу, и небольшія партіи турокъ и татаръ то и дѣло переходили фуражировать на нашу сторону Днѣстра. Чтобы

---

19) Донесеніе отъ 23-го августа за № 94.
20) Донесеніе № 94.
21) Дѣло № 378. Военно-Ученый Архивъ.

воспрепятствовать непріятелю фуражировать, князь Голицынъ отправилъ въ находившійся по близости Рачевскій лѣсъ три полка пѣхоты, (причемъ къ одному изъ нихъ, именно къ С.-Петербургскому, была «прикомандирована» пушка Апшеронскаго полка), подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Брюсса и генералъ-маіора князя Голицына [22]. Не смотря на присутствіе нашихъ войскъ, непріятель продолжалъ фуражировки; поэтому главнокомандующій отправилъ въ Рачевскій лѣсъ еще 20 гренадерскихъ ротъ (Апшеронская гренадерская рота, подъ командою капитана Ребиндера), одинъ кирасирскій и 4 карабинерныхъ полка, подъ начальствомъ генералъ-поручика графа Салтыкова [23]. Прибывшій раньше въ лѣсъ отрядъ устроилъ рядъ засѣкъ (всего три) для обороны его; изъ войскъ графа Салтыкова кавалерія стала за лѣсомъ, близъ Бабшина, 16 ротъ гренадеръ заняли опушку лѣса, а 4 роты (въ томъ числѣ и Апшеронская), подъ начальствомъ полковника Ржевскаго, поставлены были въ уголъ лѣса, обращенный къ Хотину.

На разсвѣтѣ 29-го августа, турки начали переходить черезъ Днѣстръ и строились въ колонны на правомъ берегу, противъ лѣса и праваго фланга арміи. Въ 7-мъ часу утра, открывъ со всѣхъ крѣпостныхъ орудій сильный огонь, непріятель повелъ главную атаку на войска, находившіяся въ лѣсу. Турецкая конница бросилась на правый флангъ, но дѣйствіемъ артиллеріи и огня передовыхъ полковъ была отбита и бѣжала съ такой поспѣшностью, что смяла свои пѣхотныя части. Тогда Молдаванчи-паша направилъ большую часть своихъ силъ въ лѣсъ, противъ войскъ графа Брюсса. Послѣдній построилъ отрядъ въ двѣ шеренги по всей длинѣ первой засѣки: Куринскій полкъ стоялъ на правомъ флангѣ, впереди его полковая пушка, подъ прикрытіемъ 100 человѣкъ; въ центрѣ — С.-Петербургскій полкъ, двѣ пушки его расположены были впереди засѣки въ оврагѣ, для продольнаго обстрѣливанія его, и на лѣвомъ флангѣ находился 4-й гренадерскій полкъ. Отбитые войсками праваго фланга арміи, турки, около 8-ми часовъ утра, всей массой обрушились на вышепоименованные полки. 10.000 турокъ, не замѣчая гренадеръ Салтыкова, прошли въ лѣсъ и здѣсь раздѣлились: колонна въ 4.000 человѣкъ пошла на засѣки съ фронта, а 6.000 направились по оврагу; послѣдніе стремительно ударили на прикрытіе двухъ пушекъ и взяли послѣднія; первая же колонна атаковала правый флангъ и сразу овладѣла стоявшей впереди засѣки пушкой. Турки дрались съ чрезвычайною храбростью, но вѣроятно атака ихъ была бы отбита, еслибы только не подоспѣла шедшая по оврагу 2-я колонна. Она вошла въ промежутокъ между С.-Петербургскимъ и 4-мъ гренадерскимъ полками и окружила ихъ, причемъ гренадерскій полкъ оказался отрѣзаннымъ отъ прочихъ. Графъ Брюссъ, видя, что ему не удержаться, приказалъ Куринскому и Петербургскому полкамъ отступать. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда на выручку подоспѣли гренадеры Салтыкова. Когда послѣдній замѣтилъ движеніе большихъ силъ турокъ на отрядъ Брюсса, то онъ раздѣлилъ свои войска на три части: 8 гренадерскихъ ротъ, подъ начальствомъ генерала Каменскаго, направилъ по опушкѣ лѣса, къ лѣвому флангу атакованной непріятелемъ засѣки; роты полковника Ржевскаго, усиленныя баталіономъ егерей, послалъ къ правому флангу, а самъ онъ, съ остальными 8-ю ротами, поспѣшилъ на помощь атакованному центру засѣки. Для очищенія отъ турокъ мѣстности передъ серединою засѣки, выслана одна рота; но пройдя небольшое разстояніе, она встрѣтила большія массы непріятеля и не могла двигаться дальше; тогда Салтыковъ, подкрѣпивъ ее еще двумя ротами, вмѣстѣ съ ними ударилъ на турокъ, сильно тѣснившихъ 4-й гренадерскій полкъ и заставилъ ихъ отступать. Между тѣмъ, колонну полковника Ржевскаго почти съ мѣста движенія окружили большія массы непріятеля;

[22]) Полки: четвертый гренадерскій, С.-Петербургскій и Куринскій.

[23]) Кіевскій кирасирскій и карабинерные: Астраханскій, Рязанскій, Сибирскій и Тобольскій.

слѣдуя по опушкѣ лѣса, вдоль оврага, онъ принужденъ былъ пробиваться сквозь толпы янычаръ, вслѣдствіе чего онъ не могъ подойти къ правому флангу засѣки. Войдя въ лѣсъ, Ржевскій черезъ нѣсколько времени приблизился, вмѣсто праваго, къ лѣвому ея флангу, гдѣ, послѣ весьма упорнаго боя, окончательно разсѣялъ полчища турокъ; апшеронскіе гренадеры, работая исключительно штыками, потеряли здѣсь не мало изъ своихъ рядовъ. Вслѣдъ затѣмъ всѣ три колонны гренадеръ соединились, и тогда графъ Салтыковъ, оставивъ для прикрытія лѣваго фланга три роты, со всѣми остальными двинулся къ правому флангу. Тамъ кипѣлъ ожесточенный бой и положеніе полковъ Брюсса, отступившихъ уже въ третью засѣку, было весьма критическое, ибо солдаты разстрѣляли всѣ патроны. Помощь подоспѣла во время, и дѣло сразу приняло благопріятный для насъ оборотъ. Непріятель былъ отбитъ отъ 3-й засѣки, принужденъ очистить вторую и отступилъ въ передовой лѣсъ. Для выбитія его оттуда, Салтыковъ послалъ Апшеронскаго полка капитана Ребиндера съ его ротой и еще съ тремя ротами другихъ полковъ, причемъ Ребиндеру приказано слѣдовать по средней засѣкѣ, а потомъ вдоль рва для атаки янычаръ во флангъ. Всѣ остальныя роты наступали съ фронта. Атака гренадеръ Ребиндера имѣла полный успѣхъ и заставила турокъ совершенно очистить лѣсъ. Такъ окончился бой въ лѣсу, который, по ожесточенію съ обѣихъ сторонъ, былъ единственнымъ съ самаго начала кампаніи; турки дрались храбро, отступали только въ крайнемъ случаѣ и, по всей вѣроятности, остались бы побѣдителями, еслибы своевременное прибытіе гренадеръ графа Салтыкова не вырвало у нихъ этой побѣды изъ рукъ.

Въ то время, какъ происходило вышеописанное сраженіе, многочисленная непріятельская конница атаковала стоявшую у Бабшинъ кавалерію. До 20.000 турокъ и татаръ съ криками бросились въ атаку, но, будучи отбиты, отхлынули назадъ. Подкрѣпленный высланнымъ Молдаванчи-пашею отрядомъ конницы, непріятель вновь произвелъ нападеніе. Тогда наша кавалерія, не видя болѣе возможности держаться противъ многочисленнаго непріятеля, отступила къ лѣвому флангу арміи, гдѣ увлекшіеся преслѣдованіемъ турки попали подъ губительный огонь русскихъ батарей. Понеся огромную потерю убитыми и ранеными, турецкая конница обратилась въ бѣгство. Этимъ закончилось сраженіе 29-го августа, продолжавшееся болѣе двѣнадцати часовъ. Уронъ непріятеля, по словамъ плѣнныхъ, былъ весьма великъ: на мѣстѣ оставлено турками до 600 тѣлъ, кромѣ раненыхъ; отбито у непріятеля 9 знаменъ.

Наша потеря заключалась въ 2-хъ штабъ-офицерахъ, 2-хъ оберъ-офицерахъ и 174 нижнихъ чинахъ убитыми, ранено оберъ-офицеровъ 17 и нижнихъ чиновъ 337. Лошадей убито и ранено 138 [24].

Большая часть потери пала на полки графа Брюсса, но пострадали и гренадеры Салтыкова; въ ротѣ Апшеронскаго полка убито 3 и ранено 23 гренадера [25].

Кромѣ того, во время боя въ лѣсу, турки успѣли отбить и увезти 4 орудія, въ числѣ которыхъ находился и «прикомандированный» къ С.-Петербургскому полку Апшеронскаго полка восьмифунтовый единорогъ.

Въ числѣ отличившихся графъ Салтыковъ съ особенной похвалой отзывается о капитанѣ Ребиндерѣ, *«который прошелъ съ тремя ротами между обѣихъ засѣкъ, съ мужествомъ оныя отъ непріятеля очистилъ, послѣ чего и прежнюю засѣку занялъ»* [26].

Неудачнымъ для турокъ сраженіемъ 29-го августа закончились всѣ ихъ наступательныя дѣйствія и Молдаванчи-паша ограничивался только стрѣльбою изъ Хотина по нашему лагерю, да отправленіемъ незначительныхъ партій на лѣвый берегъ Днѣстра.

---

[24]) Донесеніе Голицына отъ 31-го августа, за № 101. Военно-Ученый Архивъ.

[25]) Дѣло № 378. Вѣдомость объ убитыхъ и раненыхъ. Военно-Ученый Архивъ.

[26]) Изъ рапорта графа Салтыкова отъ 30-го августа. Дѣло № 405. Военно-Ученый Архивъ.

5-го сентября, съ цѣлью фуражированія, выступило изъ Хотина 5.000 человѣкъ; но посланные въ обходъ туркамъ 3 пѣхотныхъ полка принудили ихъ отступить. На другой день Молдаванчи-паша отправилъ для занятія предмостнаго укрѣпленія отрядъ въ 12.000 человѣкъ (5.000 пѣхоты и 7.000 кавалеріи), подъ начальствомъ Орай-Углу. Вслѣдствіе шедшаго уже нѣсколько дней дождя, уровень воды въ Днѣстрѣ сильно поднялся и быстрымъ теченіемъ вырвало середину построеннаго турками моста, вслѣдствіе чего находившійся на нашемъ берегу непріятельскій отрядъ оказался совершенно разобщеннымъ отъ своей арміи и не имѣлъ возможности получить помощь. Конечно, князь Голицынъ не замедлилъ воспользоваться такимъ неблагопріятныхъ положеніемъ противника и рѣшилъ атаковать его въ ночь на 7-е сентября. «Предположа сію сюрпризу», пишетъ главнокомандующій, онъ для выполненія таковой назначилъ тѣхъ же четырехъ полковниковъ, которые участвовали въ дѣлѣ 23-го августа, и прибавилъ къ нимъ еще полковника Кашкина. Изъ нихъ: Вейсманъ, Кашкинъ, баронъ Игельштромъ и Сухотинъ получили каждый въ свое распоряженіе по 2 гренадерскихъ баталіона и по 3 гренадерскихъ роты (по одной отъ каждаго полка), но безъ пушекъ, а полковникъ Кречетниковъ для подкрѣпленія ихъ слѣдовалъ непосредственно за гренадерами съ 3-мя пѣхотными полками и пушками. Экспедицію предписано начать въ 9 часовъ вечера [27]. Орай-Углу, очутясь со своимъ корпусомъ въ такомъ критическомъ положеніи, не сомнѣвался въ томъ, что русскіе не преминутъ воспользоваться и атакуютъ его, и принялъ всевозможныя предосторожности. Не смотря на соблюдаемую тишину при походѣ, когда войска наши подошли къ укрѣпленію, то нашли турокъ въ совершенной готовности къ бою: непріятель встрѣтилъ нашихъ солдатъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Дожди произвели большую грязь во рву, укрѣпленія и валы его размокли, такъ что взбираться было чрезвычайно трудно. Тѣмъ не менѣе, гренадеры, безъ выстрѣла, съ крикомъ «виватъ Екатерина»! ворвались въ тетъ-де-понъ. Непріятель защищался съ крайнимъ ожесточеніемъ и не просилъ пощады, предпочитая умереть подъ штыками. Когда турокъ выбили изъ укрѣпленія, то они устроились внѣ его и вновь открыли по нашимъ войскамъ ружейный огонь; въ то же время всѣ крѣпостныя хотинскія пушки начали пальбу. Но, благодаря ночной темнотѣ, стрѣльба непріятеля была для нашихъ войскъ безвредна, а затѣмъ ударъ въ штыки совершенно разсѣялъ турокъ: одни изъ нихъ бросились бѣжать въ лѣсъ, другіе кидались въ воду и тонули въ ней, не успѣвъ доплыть до противуположнаго берега, большинство погибло подъ штыками. Потеря непріятеля состояла въ нѣсколькихъ тысячахъ человѣкъ, взято 150 малыхъ и 1 большое знамя и 3 булавы. Двѣ находившіяся въ укрѣпленіи большія пушки заклепаны, а всѣ палатки втоптаны въ грязь [28]. Эта ночная экспедиція стоила намъ 1 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицеровъ и 89 нижнихъ чиновъ убитыми, 2 штабъ-офицеровъ, 23 оберъ-офицеровъ и 486 нижнихъ чиновъ ранеными [29].

Въ послѣдующіе дни разсѣянныя партіи непріятеля были или уничтожены или взяты въ плѣнъ. Истребленіе турецкаго корпуса произвело удручающее впечатлѣніе на всю непріятельскую армію, стоявшую у Хотина, что и сказалось въ поспѣшномъ отступленіи ея.

8-го сентября наши передовые пикеты донесли, что непріятель ушелъ изъ-подъ Хотина, поэтому главнокомандующій переправилъ на другой день черезъ Днѣстръ два полка пѣхоты, подъ начальствомъ генералъ-поручика Эльмпта. Подойдя къ Хотину, Эльмптъ нашелъ ворота запертыми, но самая крѣпость была никѣмъ не защищаема: турки бросили ее. Разломавъ ворота, войска вошли въ Хотинъ, гдѣ найдено: 6 знаменъ, 13 мѣдныхъ мортиръ, 162

---

27) Донесеніе князя Голицына № 107.

28) Донесеніе князя Голицына № 109.

29) Въ вѣдомости объ убитыхъ и раненыхъ показано общее число, а не по частямъ.

мѣдныхъ пушки, 5 чугунныхъ, множество различныхъ снарядовъ и не малое количество запасовъ продовольствія. Непріятель, имѣя у себя такіе запасы и совершенно неповрежденные верки крѣпости, вооруженной почти 200 орудіями, могъ долго еще обороняться; но постоянныя неудачи и, въ особенности, побоище въ ночь на 7-е сентября, настолько деморализировали турокъ, что они стали отрицать всякую мысль о сопротивленіи. Занятіе Хотина было отпраздновано торжественнымъ образомъ: 10-го сентября служилось молебствіе, по окончаніи котораго стрѣляли изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ и войска кричали «виватъ Екатерина»! [30]).

Князь Голицынъ не хотѣлъ ограничиться взятіемъ Хотина и имѣлъ въ виду закончить кампанію занятіемъ Молдавіи и главнаго города ея — Яссъ. Съ этою цѣлью главнокомандующій сформировалъ отрядъ изъ гренадерскихъ ротъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ (Апшеронскаго полка 2-я гренадерская рота), 3-хъ карабинерныхъ полковъ и всѣхъ легкихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Эльмпта; ему было предписано отправиться вслѣдъ за отступавшей турецкой арміей, выяснить какое она приняла направленіе и гдѣ остановится; затѣмъ вступить въ Молдавію, занять Яссы и привести всѣхъ жителей къ присягѣ.

Наступавшее холодное время и постоянные дожди, въ связи съ трудностію подвоза провіанта, не позволяли долго оставаться у Хотина. Оставивъ здѣсь гарнизонъ подъ начальствомъ бригадира Вейсмана, Голицынъ, 3-го сентября, отошелъ къ Каменецъ-Подольску.

15-го сентября къ арміи прибылъ новый главнокомандующій графъ, Петръ Александровичъ Румянцевъ.

Между тѣмъ, генералъ Эльмптъ не могъ двинуться въ Молдавію: сильное разлитіе Днѣстра не позволяло устроить переправу, а также не имѣлось въ надлежащемъ количествѣ перевозочныхъ средствъ. Только къ 17-му числу войска переправились черезъ рѣку, частью у Хотина, а частью при мѣстечкѣ Жванцѣ и вступили въ Молдавію; въ тотъ же день пѣхота перешла рѣку Прутъ и направилась въ Яссы; конница, подъ командою генералъ-маіора князя Прозоровскаго, шла отдѣльною колонною, прикрывая пѣхоту со стороны Бендеръ и Рябой-Могилы. 22-го сентября занято мѣстечко Батушаны, а вскорѣ и городъ Яссы, причемъ незначительный гарнизонъ города, состоявшій изъ турокъ и польскихъ конфедератовъ, истребленъ. Армія визиря отступила за Дунай. Занятіемъ Яссъ и Молдавіи закончилась кампанія 1769 года и въ первыхъ числахъ ноября всѣ войска расположились на зимнія квартиры; Апшеронскій полкъ, находясь въ центрѣ 1-й боевой линіи, сталъ въ мѣстечкахъ Жиженцахъ и Черноводахъ.

Въ началѣ ноября мѣсяца наши войска заняли Валахію и городъ Бухарестъ и протянули посты свои по Дунаю.

За боевые подвиги въ кампанію минувшаго года въ Апшеронскомъ полку произведены въ слѣдующіе чины: въ преміеръ-маіоры — Сергѣй Мельгуновъ; въ капитаны — поручикъ Лаврентій Калантаевъ; въ поручики: Лука Квасовъ и Николай Карповъ; въ подпоручики: Никифоръ Аристовъ, Матвѣй Потуловъ, Иванъ Асоргинъ, Димитрій Сеченовъ и Яковъ Загоринъ (всѣ пятеро съ переводомъ въ другіе полки); въ прапорщики: Федоръ Брунау, Кириллъ Меркуловъ, Гаврила Пятнинъ и Николай Раменко-Гурко.

---

[30]) Донесеніе князя Голицына отъ 9-го сентября, за № 110.

Глава Девятая.

Расположеніе русской арміи въ началѣ 1770 года. — Распоряженія Румянцева. — Силы турокъ. — Сборъ русской арміи съ зимнихъ квартиръ. — Движеніе къ Хотину. — Появленіе моровой язвы. — Первоначальныя дѣйствія. — Дѣло 16-го іюля. — Сраженіе при Ларгѣ. — Наступленіе арміи къ рѣкѣ Кагулу. — Отдѣленіе частей войскъ для прикрытія транспорта. — Диспозиція къ сраженію 21-го іюля. — Кагульскій бой. — Дѣйствія охотничьихъ командъ Апшеронскаго полка. — Атака янычаръ на карре Племянникова. — Пораженіе турокъ. — Наши трофеи и потери. — Донесеніе графа Румянцева о побѣдѣ при Кагулѣ. — Значеніе этого сраженія. — Дальнѣйшіе успѣхи русскихъ войскъ. — Сраженіе у Бухареста. — Дѣло у Комана. — Подвигъ Апшеронскихъ егерей. — Расположеніе полка на зимнія квартиры. — Награды.

По окончательномъ размѣщеніи войскъ на зимнихъ квартирахъ, русская армія заняла такое положеніе: между Днѣстромъ и Бугомъ, въ пяти линіяхъ, расположились главныя силы; въ Молдавіи находился корпусъ генералъ-поручика Штофельна (бывшій Эльмпта) и особый отрядъ подполковника Каразина занималъ Бухарестъ. Расположеніе молдавскаго корпуса зимою прошлаго и въ началѣ наступившаго годовъ представляется крайне невыгоднымъ: имѣя въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное количество войскъ, Штофельнъ долженъ былъ прикрывать ими Молдавію и Валахію; вслѣдствіе этого войска раздѣлились на небольшіе отряды и, въ случаѣ наступленія турокъ, имъ могла грозить весьма серьезная опасность.

Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, графъ Румянцевъ составилъ планъ кампаніи. Сущность его заключалась въ томъ, что 1-я армія должна была занять и удержать за собою пространство между рѣками Прутомъ и Серетомъ, отъ верховья до впаденія ихъ въ Дунай, у извѣстныхъ уже переправъ Исакчи и Браилова. Подготовительныя операціи для приведенія въ исполненіе этой части плана состояли въ томъ, что еще зимой укрѣплялись болѣе важные пункты Молдавіи и устроивалась прочная коммуникаціонная линія. Не послѣднее мѣсто въ разсужденіяхъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ отведено было заботамъ о тылѣ арміи, коему могли угрожать польскіе конфедераты; для охраненія его сформированы небольшіе отряды изъ пѣхоты и кавалеріи, а по польской границѣ разставлены малороссійскіе казаки. Дѣйствія второй арміи имѣли цѣлью овладѣніе крѣпостью Бендерами и охраненіе южныхъ границъ со стороны Крыма и Очакова.

Изнурительные походы прошлаго года привели русскую армію въ крайне печальное состояніе; въ особенности большой недостатокъ ощущался въ обуви, что происходило отъ несвоевременнаго и недостаточнаго подвоза коммисаріатскихъ транспортовъ. Словомъ, наши солдаты ходили въ совершенно изорванной одеждѣ и чуть не босикомъ. Трудные походы, неблагопріятная погода, плохая пища и вода — чувствительно отозвались на здоровьи нижнихъ чиновъ; всѣ госпитали больными переполнились. Новый главнокомандующій, графъ Румянцевъ, принялъ самыя энергичныя мѣры, чтобы одѣть армію и уменьшить заболѣвае-

мость. Во время пребыванія войскъ на зимнихъ квартирахъ имъ улучшили пищу, привели въ нѣкоторый порядокъ обмундированіе и снаряженіе; недостающее число людей пополнялось присылкой рекрутъ. Кромѣ того, Румянцевъ предписалъ выдѣлить всѣхъ изнуренныхъ и слабыхъ людей, взамѣнъ которыхъ вытребовалъ уже вполнѣ обученныхъ изъ частей, расположенныхъ внутри Россіи. Постоянный недостатокъ продовольствія и фуража, такъ часто служившій серьезной помѣхой въ исполненіи предпріятій князя Голицына, доказывалъ, что это дѣло поставлено было чрезвычайно плохо; поэтому новый главнокомандующій озаботился устройствомъ магазиновъ съ достаточнымъ количествомъ продовольствія, подвозъ котораго начался въ декабрѣ мѣсяцѣ. Всѣ складочные пункты располагались въ три линіи: первая, и самая большая — въ Львовѣ, Бродахъ, Самборѣ, Полонномъ, Браиловѣ; 2-я линія, ближайшая къ Днѣстру и Пруту — въ Хотинѣ и Станиславовѣ, и 3-я — на самомъ театрѣ дѣйствій, въ Яссахъ и Романѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, капитальной реставраціи и пополненію подверглись обозы, какъ провіантскіе, такъ и полковые. Госпитали были устроены въ Хотинѣ, Меджибожѣ и Бердичевѣ. Однимъ словомъ, подготовительныя операціи къ военнымъ дѣйствіямъ 1770 года были гораздо совершеннѣе, нежели въ прошломъ году и во всякомъ случаѣ избавляли армію отъ различнаго рода случайностей, въ зависимости отъ недостатка того или другого рода довольствія.

Систематическія неудачи турокъ въ прошломъ году видимо охладили ихъ мечтанія, что ясно сказалось въ скромности составленнаго ими плана кампаніи. Теперь уже не было и рѣчи о вторженіи въ Польшу, а наипаче въ наши предѣлы, и вся задача турецкаго главнокомандующаго сводилась къ тому, чтобы постараться вытѣснить русскихъ изъ придунайскихъ княжествъ — Молдавіи и Валахіи.

Не смотря на значительныя потери и сильное дезертирство, силы турокъ все таки были весьма велики и много превосходили наши.

Убыль прошлаго года пополнилась прибывшими изъ Анатоліи и другихъ мѣстъ подкрѣпленіями, такъ что кромѣ отдѣльнаго корпуса, находившагося въ Черногоріи, для подавленія возстанія, непріятель могъ сосредоточить весною 200.000 армію и крымскій ханъ выставлялъ отъ 80.000 до 100.000 татаръ. Значитъ, соединенная турецко-татарская армія (не считая конфедератовъ) простиралась до 300.000 человѣкъ. Но какова бы ни была сила нашего противника, въ ней недоставало самаго главнаго, что необходимо для одержанія побѣдъ — это увѣренности въ свою мощь, которая была совершенно парализована успѣхами нашего оружія въ прошломъ году. Вотъ та причина, которою только и можно объяснить знаменитую въ исторіи лѣтописей всѣхъ человѣческихъ войнъ побѣду при Кагулѣ 17.000 русскихъ надъ 180.000 турокъ.

Зимою непріятель нѣсколько разъ пытался вытѣснить наши войска изъ занимаемыхъ ими пунктовъ, но неудачно.

Въ концѣ апрѣля войска начали оставлять зимнія квартиры и по-бригадно двигались къ Хотину; Апшеронскій полкъ, находясь въ 5-й колоннѣ (3-й дивизіи генералъ-аншефа Олица), направлялся отъ Груденъ на Вишневецъ, Стефанешки и Должокъ.

Продолжавшіеся почти два мѣсяца непрерывные дожди совершенно испортили дороги и превратили низкія мѣста въ непроходимыя топи; въ особенности трудно было везти обозы, такъ какъ дорогъ не существовало. Трудность похода вынудила графа Румянцева дать нѣсколько лишнихъ дневокъ войскамъ, такъ что армія подошла къ Днѣстру только 12-го мая. Но для дальнѣйшаго движенія явилось новое и совершенно неожиданное препятствіе. Еще 28-го апрѣля главнокомандующій получилъ отъ генерала Штофельна донесеніе о томъ, что въ Яссахъ появилось моровое повѣтріе, которое, по заключенію врачей, найдено чрезвычайно

заразительнымъ. Вслѣдъ затѣмъ генералъ князь Репнинъ, находившійся съ отрядомъ въ Фокшанахъ, прислалъ рапортъ такого же содержанія. Наконецъ, 2-го мая, хотинскій комендантъ генералъ-маіоръ Вейсманъ донесъ, что моровая язва показалась и въ крѣпости. Послѣднее извѣстіе крайне обезпокоило главнокомандующаго: въ Хотинѣ находился главный продовольственный магазинъ и складъ различныхъ боевыхъ запасовъ, а быстрое развитіе эпидеміи могло измѣнить ходъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій. Тѣмъ не менѣе, Румянцевъ рѣшилъ двигаться дальше и въ донесеніи своемъ Императрицѣ писалъ: «но что бы уже Богъ ни послалъ, я до самой крайности не удалюсь, поступать буду, сходствуя обоимъ правиламъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 21-го января отъ Вашего Императорскаго Величества мнѣ предписаннымъ, то-есть удерживать за собою завоеванныя княжества и сохранить войска отъ прикосновенія вышеписанной пагубы, доколѣ только можно будетъ сіи два предмета соединить въ равновѣсіи» [1].

Впрочемъ, главнокомандующій принялъ мѣры предосторожности: онъ учредилъ на обоихъ берегахъ Днѣстра заставы, съ цѣлью не пропускать никого изъ Молдавіи, а чтобы оградить армію отъ заразы — рѣшилъ двигаться внизъ по лѣвому берегу Прута.

Избранное Румянцевымъ направленіе сближало его со 2-й арміей, но временно отдаляло Молдавскій корпусъ. Поэтому, онъ предписалъ генералъ-поручику Штофельну собрать корпусъ и вывести его изъ Бухареста и вообще изъ Валахіи и ограничиться исключительно обороною пространства между рѣками Прутомъ и Серетомъ.

15-го мая армія оставила свой лагерь и по двумъ мостамъ, постоянному и понтонному, переправилась черезъ Днѣстръ, но къ самому Хотину не подошла, а остановилась въ двухъ верстахъ отъ него. Усилившійся со дня переправы дождь и полноводье Днѣстра затрудняли переправу обозовъ; пришлось навести еще 22 понтона, но по топкимъ берегамъ рѣки повозки двигаться не могли и солдаты переносили ихъ на рукахъ.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятельская армія сосредоточилась у Бабадага и силы ея простирались до 200.000 человѣкъ. Турки первые открыли военныя дѣйствія и партіи татаръ стали переходить Прутъ.

20-го мая одна изъ такихъ партій, въ 5.000 человѣкъ, сдѣлала попытку переправиться у Рябой-Могилы, но была съ урономъ отбита. Имѣя положительныя извѣстія о силахъ противника, Румянцевъ предписалъ Штофельну не увлекаться преслѣдованіемъ партій и не переходить Прутъ, а удерживаться на этой рѣкѣ, пока не подойдетъ онъ самъ съ главными силами.

Продолжавшіеся дожди удерживали армію въ лагерѣ и только 25-го мая она выступила въ походъ. Подъ Хотиномъ оставлено 4 пѣхотныхъ полка для охраненія тяжелыхъ обозовъ и конвоированія транспортовъ.

Открывъ кампанію, графъ Румянцевъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи армію, боевая численность которой простиралась до 31.500 человѣкъ, считая здѣсь пѣхоту, кавалерію и артиллерію [2]. Всѣ войска раздѣлены были на 3 дивизіи. Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 3-й дивизіи, 2-й бригады генералъ-маіора Римскаго-Корсакова.

Войска двигались довольно медленно, и только 9-го іюня подошли къ Пруту и стали лагеремъ у мѣстечка Цоцоры. Между тѣмъ, непріятель (соединенныя силы крымскихъ татаръ и турокъ), усиливаясь съ каждымъ днемъ, также приблизился къ Пруту и расположился при Подолянахъ; по показанію плѣнныхъ, у крымскаго хана насчитывалось около

[1]) Донесеніе № 30. Дѣло № 424. Военно-Ученый Архивъ.

[2]) Пѣхоты 24.169 (въ томъ числѣ и артиллерія), кавалеріи 7.323 человѣкъ, нестроевыхъ 5.203 человѣка, больныхъ 2.122 человѣка, орудій 216, понтоновъ 160. Приложеніе къ рапорту № 36.

80.000 человѣкъ. Для опредѣленія положенія противника, главнокомандующій выслалъ впередъ авангардный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-квартирмейстера Бауера. Произведенная послѣднимъ рекогносцировка выяснила, что непріятель занялъ крѣпкую позицію у ручья Калмацуй. 14-го іюня у Рябой-Могилы къ главнымъ силамъ присоединились передовые корпуса генераловъ Бауера и Репнина и тогда Румянцевъ рѣшилъ немедленно атаковать непріятеля [3].

Когда крымскій ханъ узналъ о приближеніи русской арміи, то онъ выдвинулъ впередъ посты для наблюденія за нашими дѣйствіями. Вечеромъ 16-го числа графъ Румянцевъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ предстоящему бою. Въ 2 часа пополуночи войска выступили изъ лагеря; на разсвѣтѣ они заняли высоты Бужуръ, а вслѣдъ затѣмъ корпуса Бауера, князя Репнина и Потемкина направились въ атаку. Сраженіе было непродолжительно и вскорѣ непріятель, бросивъ свою позицію и лагерь, обратился въ бѣгство. Вся наша потеря заключалась въ 46 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими. Непріятель оставилъ на мѣстѣ сраженія 400 тѣлъ, въ числѣ ихъ находился и сынъ крымскаго хана Дели-султанъ-Керимъ. Въ плѣнъ взято 4 человѣка; они показали, что силы непріятеля простирались до 74.000 человѣкъ, и именно: 52.000 татаръ и 22.000 турокъ, подъ начальствомъ Абазы-паши [4].

Давъ отдыхъ войскамъ, графъ Румянцевъ 22-го числа выступилъ къ Пруту и, подойдя къ самой рѣкѣ, остановился на ночлегъ. На другой день армія направилась къ рѣкѣ Серету. Во время марша, съ праваго берега Прута поднялось огромное густое облако и, пронесясь надъ нашими войсками, совершенно окутало ихъ мракомъ. Многіе видѣли въ этомъ дурное предзнаменованіе, но вскорѣ событія блистательно опровергли всѣ предположенія суевѣрныхъ людей.

Бездѣйствіе непріятеля дало главнокомандующему возможность еще разъ произвести трехдневную остановку, съ цѣлью напечь больше хлѣба. 29-го іюня передовой корпусъ Репнина открылъ непріятеля, расположеннаго на высотахъ за рѣкою Ларгою. Не зная навѣрное силъ противника, графъ Румянцевъ 1-го іюля произвелъ рекогносцировку позиціи его, но она ничего не выяснила и только на слѣдующій день плѣнные показали, что у Ларги стоитъ крымскій ханъ и корпусъ Абазы-паши [5]. Это извѣстіе дало возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. 4-го іюля армія, перейдя рѣчку Цыганку, заняла лагерь на высотахъ, въ виду непріятеля. На другой день графъ Румянцевъ созвалъ военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ и бригадировъ.

Главнокомандующій первый предложилъ безотлагательно атаковать непріятеля и въ донесеніи своемъ Императрицѣ Екатеринѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «Мнѣніе мое предложилъ я собранію на основаніи правилъ, которыми Ваше Императорское Величество Высочайше предопредѣлили руководствоваться въ нынѣшнюю кампанію своему оружію, что слава и достоинство онаго не терпитъ, дабы сносить непріятеля въ виду своемъ, не наступая на онаго» [6]. Конечно, мнѣніе остальныхъ генераловъ было совершенно сходно съ мнѣніемъ вождя.

Занятая крымскимъ ханомъ позиція имѣла много выгодъ. Рѣка Ларга течетъ въ долинѣ, образуемой высотами по обоимъ берегамъ ея; эти высоты спускаются въ долину Ларги весьма крутыми скатами; при впаденіи ея въ Прутъ, скаты въ особенности отличаются крутизною и затѣмъ понижаются къ верховьямъ рѣки. Параллельно долинѣ Ларги идетъ до-

---

3) Корпусъ Молдавскій, бывшій генералъ-поручика Штофельна, по смерти послѣдняго отъ моровой язвы, 30-го мая, принялъ Репнинъ и присоединился къ арміи 10-го іюня.

4) Донесеніе графа Румянцева отъ 20-го іюня за № 44. Дѣло № 424.

5) Наканунѣ сраженія къ означеннымъ войскамъ непріятеля присоединился еще корпусъ Абды-паши.

6) Донесеніе № 46.

лина Бабикула и между ними образуется довольно высокое плато, выбранное непріятелемъ для своего лагеря. Позиція же его находилась при впаденіи Ларги въ Прутъ. Правый флангъ ея прикрывался большимъ ретраншементомъ, три такіе же были устроены на отдѣльныхъ высотахъ позиціи; фронтъ защищался рѣкою Ларгою, а лѣвый флангъ прикрывался рѣкою Прутомъ, окружными болотами и нижнимъ теченіемъ рѣки Балаше. Силы крымскаго хана, по соединеніи съ корпусомъ Абды-паши, простирались до 80.000 человѣкъ.

Въ 3 часа пополудни того же числа, турки произвели нападеніе на корпусъ Репнина, а вслѣдъ за тѣмъ и на корпусъ Бауера, но атака была отбита на всѣхъ пунктахъ, причемъ съ нашей стороны не обошлось безъ потерь.

Слѣдующій день прошелъ спокойно. Желая дать отдыхъ изнуреннымъ войскамъ, главнокомандующій не предпринималъ ничего и назначилъ атаку непріятеля на 7-е іюля. Составленная для боя диспозиція была такого содержанія: по пробитія вечерней зари, генералъ Бауеръ переходитъ со своимъ корпусомъ съ праваго фланга на лѣвый и, подойдя къ Ларгѣ, долженъ ночью устроить четыре моста для переправы войскъ; переправу начинали корпуса Репнина, Потемкина и Бауера, которые и предназначались для атаки непріятельской позиціи, остальныя же войска, въ томъ числѣ и Апшеронскій полкъ, составивъ одно большое карре, служили резервомъ. Кромѣ того, особый отрядъ генерала Племянникова долженъ былъ совершить обходъ и атаковать лѣвый флангъ позиціи.

Какъ только стемнѣло, передовые корпуса, снявшись съ лагеря, двинулись къ наведеннымъ мостамъ и, перейдя ихъ, заняли ближайшія къ рѣкѣ высоты; въ 12 часовъ ночи Румянцевъ выступилъ изъ лагеря съ главной арміей, а для того, чтобы заставить непріятеля предполагать, что мы ничего не предпринимаемъ, въ лагерѣ поддерживались огни и палатки не снимались. Когда уже всѣ части выстроились за Ларгой и заняли указанныя имъ мѣста, то армія двинулась впередъ. Передовые татарскіе пикеты, замѣтивъ приближеніе русскихъ войскъ, бросились въ лагерь и скоро въ немъ поднялся невообразимый переполохъ: непріятель открылъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ сильный огонь, зажигалъ сигнальные маяки и въ лагерѣ татарскомъ поднялся страшный крикъ.

Желая воспользоваться замѣшательствомъ противника, Румянцевъ приказалъ немедленно атаковать ретраншементъ праваго фланга. Карре Бауера атаковало его слѣва, Репнина—справа и Потемкина—центръ; въ тоже время двигалось впередъ и главное карре, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать передовыя части. Между тѣмъ, совершенно разсвѣло. Когда наши войска приблизились къ правому флангу, то стоявшая впереди его татарская конница сдѣлала попытку атаковать карре, но пушечными выстрѣлами была разсѣяна; тогда непріятель открылъ сильный огонь изъ ретраншемента. Всѣ три карре продолжали наступленіе и, подойдя къ окопамъ на 200 шаговъ, открыли по нимъ огонь изъ полковыхъ орудій. Для поддержанія атакующихъ, графъ Румянцевъ выслалъ изъ главнаго карре батарею генералъ-маіора Мелиссино. Сосредоточенный и весьма удачный огонь нашихъ орудій вскорѣ оказалъ свое дѣйствіе, и непріятельскій огонь утихъ. Тогда крымскій ханъ, опасаясь за участь праваго фланга своей позиціи, послалъ всю конницу долиною Бабикула, съ цѣлью, атаковавъ лѣвый флангъ главнаго карре и стоявшія около него легкія войска, заставить графа Румянцева остановиться. Предпринятый ханомъ маневръ былъ весьма серьезенъ и, имѣй непріятель въ немъ удачу, передовымъ войскамъ, разобщеннымъ отъ главнаго карре, могла угрожать большая опасность. Какъ только главнокомандующій получилъ донесеніе о движеніи татарской конницы долиною Бабикула, то онъ немедленно отрядилъ туда, для встрѣчи непріятеля и уничтоженія его замысловъ, 1-ю бригаду 3-й дивизіи графа Брюсса—полки Апшеронскій и С.-Петербургскій, приказавъ командовавшему бригадою генералъ-маіору Римскому-Кор-

сакову во что бы то ни стало остановить татарскую конницу. Высланные полки блистательно исполнили возложенное на нихъ порученіе. Спустившись въ долину Бабикула, они открыли сильный продольный ружейный огонь по толпамъ татаръ и, не смотря на всѣ попытки непріятеля прорваться, не позволили ему и шагу двинуться впередъ. Потерявъ много убитыми и ранеными, татары выбрались изъ долины на близъ лежащія высоты, откуда были также прогнаны пушечными выстрѣлами *).

Съ началомъ дѣйствій передовыхъ карре, корпусъ Племянникова направился въ долину Ларги; всѣ войска его были расположены въ двухъ карре, въ интервалѣ между ними стояла конница. Приблизившись къ непріятельской позиціи, Племянниковъ открылъ сильный артиллерійскій огонь, на который татары отвѣчали изъ орудій, поставленныхъ въ укрѣпленіяхъ. Когда войска Репнина, Бауера и Потемкина овладѣли правымъ ретраншементомъ, то Племянниковъ двинулъ свои войска въ атаку третьяго и четвертаго ретраншементовъ. Одно изъ карре, подъ начальствомъ генерала Замятина, безъ всякихъ усилій, овладѣло третьей линіей непріятельскихъ окоповъ, такъ какъ удачныя дѣйствія Бауера, Репнина и Потемкина облегчили атаку; въ тоже время другое карре, предводимое самимъ Племянниковымъ, спустилось въ долину Ларги и направилось къ незанятому еще ретраншементу. Непріятель встрѣтилъ его ружейнымъ огнемъ, а затѣмъ атаковалъ со всѣхъ сторонъ, но былъ отбитъ. Послѣдняя линія татарскихъ окоповъ была расположена на такихъ крутыхъ высотахъ, что солдатамъ нашимъ стоило большихъ трудовъ взбираться на нихъ. Но татары не могли долго держаться. Репнинъ и Потемкинъ, овладѣвъ первыми двумя ретраншементами, двигались къ четвертому съ лѣваго фланга, а Бауеръ угрожалъ ему съ тыла. Боясь быть отрѣзаннымъ, непріятель бросилъ послѣднюю свою позицію и сталъ поспѣшно отступать внизъ по рѣкѣ Пруту. Вся армія, не останавливаясь во взятомъ лагерѣ, преслѣдовала татаръ, но они отступали такъ быстро, что пѣхота ихъ догнать не могла.

Пораженіе крымскаго хана было совершенное: онъ бросилъ весь свой лагерь, а въ ретраншементахъ взято 30 орудій, 3 мортиры и 8 знаменъ; послѣднихъ было значительно больше, но арнауты и казаки разорвали ихъ на платки. Татары не успѣли даже снять роскошныхъ ставокъ хана Капланъ-Гирея, Абазы и Абды пашей и онѣ также достались побѣдителямъ. На полѣ сраженія найдено болѣе 1.000 непріятельскихъ тѣлъ, между тѣмъ какъ наша потеря убитыми и ранеными не превышала 90 человѣкъ [7].

По окончаніи преслѣдованія, графъ Румянцевъ возвратился въ непріятельскій лагерь, гдѣ отслужено было молебствіе; главнокомандующій объѣзжалъ армію и благодарилъ каждую часть отдѣльно. Въ награду за прекрасную дисциплину во время боя, на каждый корпусъ выдано было по 1.000 руб. сер. для раздачи солдатамъ; имъ же отданъ и весь непріятельскій лагерь.

Разбитыя у Ларги полчища крымскаго хана бѣжали къ Дунаю. Вслѣдъ за ними направлены были корпуса Бауера и Репнина, съ приказаніемъ атаковать и разбить непріятеля, если только онъ остановится и изберетъ позицію.

Давъ необходимый войскамъ отдыхъ, Румянцевъ 12-го іюля перешелъ къ рѣкѣ Сальчѣ; передовые корпуса Репнина и Бауера остановились недалеко отъ рѣки Кагулъ, а на самой рѣкѣ расположился крымскій ханъ.

Имѣя въ виду вторично атаковать непріятеля, главнокомандующій оставилъ всѣ обозы въ вагенбургѣ и налегкѣ пошелъ къ Кагулу; по дорогѣ онъ получилъ отъ Бауера донесеніе, что Капланъ-Гирей отступилъ еще верстъ на двадцать отъ Кагула; одновременно съ первымъ извѣстіемъ полученъ рапортъ Репнина: послѣдній доносилъ, что непріятель съ боль-

*) См. планъ сраженія при Ларгѣ (№ 7).

7) Донесеніе Румянцева, № 46. Дѣло № 424. Военно-Ученый Архивъ.

шими силами наступаетъ на него. Графъ Румянцевъ поспѣшилъ на помощь князю Репнину, но, повидимому, турки производили только лишь рекогносцировку и въ серьезное дѣло не вступили. Чрезвычайно сильный дождь, съ вихремъ и грозой, и большое ослабленіе и утомленіе людей, неѣвшихъ ничего въ этотъ день, не позволяли Румянцеву отступить къ своему вагенбургу, и потому онъ расположился лагеремъ при рѣкѣ Сальчѣ, верстахъ въ 10-ти отъ корпусовъ Бауера и князя Репнина. 14-го іюля непріятель, въ громадныхъ силахъ, находился въ двухъ пунктахъ: турецкая армія—при озерѣ Кагулѣ, а крымскій ханъ со своими татарами—у озера Салпухъ. Въ тотъ же день партіи татаръ потянулись къ рѣкѣ Сальчѣ, съ намѣреніемъ отрѣзать намъ продовольственный транспортъ, шедшій изъ Фальчи. Тѣмъ не менѣе, Румянцевъ нетронулся съ занятой имъ позиціи, рѣшивъ дождаться транспорта съ продовольствіемъ и тогда уже идти и атаковать непріятеля.

Въ полдень 16-го числа въ турецкомъ лагерѣ слышны были частые выстрѣлы, что означало какое-то радостное событіе. И дѣйствительно, въ этотъ день турецкій визирь, перешедшій Дунай у Исакчи, присоединился со всею арміею къ корпусамъ пашей, разбитыхъ у Ларги

Такъ какъ усиленіе непріятеля угрожало стоявшимъ впереди войскамъ князя Репнина и Бауера, то графъ Румянцевъ перенесъ свой лагерь верстъ на 8 вправо и соединился съ ними. Едва только русскіе снялись съ лагеря, какъ татары начали переправляться черезъ Сальчу, имѣя намѣреніе напасть на подходившій къ арміи транспортъ. Но это предпріятіе не удалось и 7.000 татаръ были совершенно разбиты и разсѣяны нашей кавалеріей. Впрочемъ, урокъ, данный татарамъ, не сдѣлалъ ихъ благоразумнѣе и они, собравшись еще въ большихъ силахъ, направились отъ Салпухскаго озера черезъ Сальчу, стараясь во что бы то ни стало лишить армію продовольствія. Для того, чтобы совершенно обезопасить транспортъ Румянцевъ послалъ въ подкрѣпленіе прикрытія 5 полковъ тяжелой кавалеріи, 3 гусарскихъ полка, 4 баталіона гренадеръ и 2.000 сборныхъ людей. Въ общемъ армія, имѣвшая послѣ сраженія при Ларгѣ до 23.000 человѣкъ, съ выдѣленіемъ означенныхъ частей, уменьшилась до 17.000. Слѣдующіе два дня (18-го и 19-го іюля) турки рекогносцировали нашу позицію, а передъ вечеромъ 20-го числа выступили изъ своего лагеря и двинулись къ ней. Графъ Румянцевъ выѣхалъ на ближайшее возвышеніе для наблюденія за непріятелемъ. Казалось, что визирь направляется на русскую армію, но вслѣдъ затѣмъ онъ остановился и, видимо, приготовлялся разбить лагерь. Тогда главнокомандующій, все время слѣдившій въ подзорную трубу за движеніями турокъ, обратился къ окружавшимъ его генераламъ и прочимъ чинамъ и сказалъ: «Если турки осмѣлятся и одну въ семъ мѣстѣ разбить свою палатку, то я ихъ въ сію же ночь пойду атаковать» [8]. Дѣйствительно, непріятель, занявъ позицію на лѣвомъ берегу рѣки Кагула, почти у устья его и верстахъ въ 7-ми отъ расположенія нашей арміи, началъ ставить палатки.

Графъ Румянцевъ предполагалъ, что визирь атакуетъ насъ съ фронта и одновременно крымскій ханъ ударитъ въ тылъ. Не смотря на всю самоувѣренность главнокомандующаго, положеніе малочисленной русской арміи было чрезвычайно опасное. Вслѣдствіе несвоевременнаго прибытія транспорта, войска чувствовали большой недостатокъ въ продовольствіи: въ послѣдніе дни солдаты получали половинныя порціи, а то и меньше; впереди стоялъ визирь съ 180.000 человѣкъ, а въ тылу 100.000 татаръ.

Но Румянцевъ хорошо зналъ нравственный духъ тѣхъ солдатъ, которыми начальствовалъ: не смотря на то, что у него было подъ ружьемъ всего около 17.000 человѣкъ, онъ рѣшилъ первый атаковать непріятельскую армію и не сомнѣвался въ побѣдѣ.

---

[8]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Дѣло № 424. Военно-Ученый Архивъ.

Занятая непріятелемъ позиція не представляла для него ровно никакихъ выгодъ: она находилась на лѣвомъ берегу Кагула, при устьѣ рѣки, недалеко отъ деревни Вулканешти. На одной изъ продольныхъ возвышенностей лѣваго берега Кагула, вправо отъ Вулканешти, визирь разбилъ лагерь своей многочисленной арміи; въ тылу его находился рядъ возвышенностей. Остановившись лагеремъ, турецкій визирь и не помышлялъ о томъ, чтобы малочисленный корпусъ нашихъ войскъ осмѣлился его атаковать, поэтому и не позаботился выбрать болѣе удобную позицію. Видя малочисленность русскихъ, визирь былъ вполнѣ убѣжденъ, что истребитъ ихъ.

Вечеромъ 20-го іюля графъ Румянцевъ отдалъ слѣдующую диспозицію для боя: каждая изъ трехъ дивизій, по выступленіи изъ лагеря, строится въ двѣ походныя колонны, артиллерія становится въ интервалахъ между колоннами. По занятіи заранѣе назначенныхъ мѣстъ, каждая дивизія строитъ особое карре и въ такомъ порядкѣ они направляются впередъ. Дивизія Олица должна была идти по среднему гребню горъ, къ центру непріятельской позиціи; лѣвѣе ея шла 3-я дивизія графа Брюса, (въ составъ коей вошелъ и Апшеронскій полкъ), а правѣе—дивизія генерала Племянникова. Корпусъ генералъ-квартирмейстера Бауера и кавалерія его составляли авангардъ праваго крыла и слѣдовали внизъ по рѣкѣ Кагулу для атаки непріятельскихъ ретраншементовъ съ тыла и съ лѣваго фланга. Корпусъ генералъ-поручика князя Репнина,—авангардъ лѣваго крыла—направленъ для дѣйствій въ тылу турецкой арміи. Дивизія Брюса назначалась для атаки въ тылъ праваго крыла турокъ; дивизія Племянникова, перейдя Трояновъ валъ, должна была спуститься въ долину и, принимая влѣво, атаковать лѣвый флангъ и фронтъ. Кавалерія распредѣлена равномѣрно между означенными пятью колоннами. Обозы остались въ вагенбургѣ. Въ часъ пополуночи всѣ войска выступили изъ лагеря и направились къ Троянову валу. Въ это время въ турецкомъ лагерѣ произошла тревога, послышались выстрѣлы и нѣсколько осѣдланныхъ лошадей прибѣжали къ намъ; но скоро все успокоилось и на разсвѣтѣ 21-го іюля армія перешла Трояновъ валъ. Какъ только визирь замѣтилъ наступленіе русской арміи, то онъ выслалъ на встрѣчу ей всю свою конницу. Въ 4 часа утра она атаковала карре Олица, но, отбитая огнемъ главной батареи генералъ-маіора Мелиссино, прошла глубокой лощиной и всей массой обрушилась на карре Брюса и Репнина, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Полки Брюса и артиллерія встрѣтили непріятеля сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ; вскорѣ дымъ совершенно окуталъ поле сраженія. Не смотря на страшныя потери, турки продолжали свои атаки и не позволяли нашимъ войскамъ двигаться впередъ. Тогда графъ Румянцевъ приказалъ выслать изъ карре охотниковъ, которые должны были дѣйствовать по массировавшемуся непріятелю, какъ ружейнымъ огнемъ, такъ и штыками. Графъ Брюсъ выслалъ изъ своего карре двѣ команды отъ Апшеронскаго полка: одну, подъ начальствомъ поручика Ивана Уварова, а другую—подпоручика Кирилла Мельгунова*). Охотники, оттѣснивъ переднія толпы турокъ, подошли къ Троянову валу и начали обстрѣливать его продольнымъ огнемъ; часть ихъ, съ подпоручикомъ Мельгуновымъ, штыками разогнала непріятеля, собравшагося въ тылу карре генерала Олица [9]. Въ тоже время Олицъ, принявъ влѣво, закрылъ выходъ изъ долины, гдѣ сосредоточивался непріятель.

Не смотря на отчаянныя попытки турокъ уничтожить нашихъ охотниковъ, они терпѣли полную неудачу.

«Сей маневръ», доносилъ Румянцевъ Императрицѣ, «настолько устрашилъ непріятеля, что оной, подъ конецъ боясь быть отрѣзанъ отъ своего лагеря, обратился во всю лоша-

*) См. планъ сраженія при Кагулѣ (№ 8).
9) Дѣло № 418. Военно-Ученый Архивъ.

диную прыть съ крикомъ къ оному, препровождаемъ будучи отъ насъ наижесточайшею пушечною стрѣльбою, которая порывала въ густыхъ толпахъ его великое число всадниковъ»[10].

Графъ Брюсъ, въ рапортѣ Румянцеву, съ особенной похвалой отозвался о начальникахъ охотничьихъ командъ Апшеронскаго полка, поручикѣ Уваровѣ и подпоручикѣ Мельгуновѣ. Онъ писалъ: «оба эти офицера со своими командами показали истинные примѣры мужества и вели себя, какъ надлежитъ честнымъ и храбрымъ офицерамъ»[11].

Атака турецкой конницы на прочія карре была также безуспѣшна. Осыпаемые съ фронта градомъ картечи, турки стали собираться на правомъ фассѣ, въ тылу карре Баура. Тогда послѣдній, видя предъ собою совершенно свободный путь, ускорилъ маршъ и, не смотря на вторичную атаку непріятеля, въ 9 часовъ утра овладѣлъ ретраншементомъ и находившеюся здѣсь батареей, причемъ взято 93 пушки.

Приблизительно около 8 часовъ утра, когда турецкая конница, отбитая охотниками и орудійнымъ огнемъ, обратилась въ бѣгство, войска дивизіонныхъ карре стали подвигаться къ центральному ретраншементу. Оказалось, что турки, не смотря на весьма короткій промежутокъ времени, успѣли сильно окопаться и ретраншементъ ихъ представлялъ весьма внушительное временное укрѣпленіе, имѣя въ своемъ центрѣ три оборонительныхъ линіи. По приближеніи нашихъ войскъ, турки открыли огонь, направляя его преимущественно на карре Олица и Племянникова. Тѣмъ не менѣе, войска подвигались впередъ и уже карре Племянникова находилось въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ретраншемента, когда подверглось жестокому нападенію 10.000 янычаръ. Они спустились въ лощину между центромъ и лѣвымъ флангомъ ретраншемента и были здѣсь совершенно незамѣтны; когда же Племянниковъ поравнялся съ мѣстомъ засады, то янычары съ воплями атаковали уголъ праваго фасса и фронтъ карре. Стоявшіе здѣсь Астраханскій и 1-й Московскій полки не успѣли сдѣлать и одного залпа, какъ были совершенно смяты: янычары ворвались внутрь карре, часть ихъ ударила на полки задняго фасса, а другая часть пошла вдоль праваго. Карре Племянникова совершенно разстроилось; нѣкоторые солдаты отчаянно дрались, а другіе побѣжали къ карре Олица, которое, принимая бѣгущихъ, также нѣсколько разстроилось. Торжествующіе янычары, захвативъ уже два нашихъ знамени, устремились на карре Олица. Но картина быстро измѣнилась.

Румянцевъ находился въ карре Олица и совершенно спокойно наблюдалъ за ходомъ боя. Когда онъ увидѣлъ полнѣйшее разстройство частей Племянникова, то, опасаясь за войска Олица, сказалъ принцу Брауншвейгскому, ѣздившему вмѣстѣ съ нимъ: «теперь настало наше дѣло», и съ этими словами, не обращая вниманія на опасность, которой самъ подвергался, бросился къ бѣгущимъ и однимъ словомъ: «ребята, стой»! остановилъ и воодушевилъ ихъ настолько, что солдаты опять бросились на янычаръ[12]. Въ тоже время батарея Мелиссино открыла по густымъ толпамъ янычаръ огонь, а тяжелая кавалерія дивизій Брюса и Олица ударила на нихъ съ двухъ сторонъ. Дружными усиліями пѣхоты и кавалеріи янычары были окончательно приведены въ замѣшательство и вскорѣ обращены въ бѣгство. Пѣхота, слѣдуя по пятамъ за бѣгущимъ непріятелемъ, заняла центральный ретраншементъ, причемъ карре Брюса и Бауера ворвались во внутренность его съ лѣваго и праваго фланговъ. Когда турки увидѣли пораженіе отборнѣйшей части своихъ войскъ, то совершенно пали духомъ, а появленіе въ тылу корпуса Репнина убило у нихъ всякую энергію: они обратились въ бѣгство, думая только о своемъ спасеніи. Къ 9 часамъ утра одержана была полная побѣда и непріятель бѣжалъ по всѣмъ направленіямъ, бросивъ лагерь, орудія и обозы.

---

[10]) Донесеніе Императрицѣ отъ 31-го іюля, № 52. Дѣло № 424. Военно-Ученый Архивъ.

[11]) Дѣло № 418. Военно-Ученый Архивъ.

[12]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Дѣло № 424. Военно-Ученый Архивъ.

Верховный визирь Халилъ-паша старался остановить бѣгущихъ, прося ихъ именемъ пророка и султана; но слова его пропадали даромъ и, объятые паническимъ ужасомъ, турки бѣжали безъ оглядки, крича: «нѣтъ силъ сбить русскихъ, которые поражаютъ насъ огнемъ, какъ молніей» [13].

Въ преслѣдованіе за непріятелемъ направлены карре Брюса, Бауера, Племянникова и Репнина, а Олицъ занялъ брошенный турками лагерь. Преслѣдованіе продолжалось только на разстояніи 4-хъ верстъ: безсонная ночь и затѣмъ 5-ти-часовой бой совершенно утомили солдатъ.

Разбитый непріятель встрѣтилъ на своемъ пути не поспѣвшій къ сраженію отрядъ анатолійцевъ, которые дѣятельно принялись грабить бѣгущихъ турокъ.

Въ кагульскую битву турки потеряли до 20.000 убитыми и ранеными. Трофеи побѣды нашей заключались въ 140 пушкахъ со всѣми принадлежностями и 50 знаменахъ; русскимъ достались: весь турецкій лагерь, обозы, багажъ и денежная казна визиря, которую, впрочемъ, расхитили казаки и арнауты. Наша потеря была сравнительно не велика: убито 353 человѣка, ранено 550 и безъ вѣсти пропало 11. У Апшеронцевъ убиты: капралъ 1, рядовыхъ 6; ранены: унтеръ-офицеръ 1, капралъ 1 и рядовыхъ 17.

Донося Императрицѣ Екатеринѣ о кагульской битвѣ съ мѣста сраженія, графъ Румянцевъ въ заключеніе пишетъ: «Да позволено мнѣ будетъ, Всемилостивѣйшая Государыня, настоящее дѣйствіе уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ (въ томъ, въ чемъ Ваше Императорское Величество мнѣ ихъ примѣру подражать велѣли). Не такъ ли и армія Вашего Императорскаго Величества теперь поступаетъ, что не спрашиваетъ, какъ великъ непріятель, но ищетъ только, гдѣ онъ» [14].

Въ самомъ дѣлѣ, сраженіе при Кагулѣ имѣетъ много общаго съ битвами древнихъ грековъ съ персами. Какъ тогда, такъ и теперь происходила борьба европейскаго народа съ азіатскимъ, причемъ европейское качество соперничало съ азіатскимъ количествомъ.

Въ другой реляціи, отъ 31-го іюля, Румянцевъ съ большою похвалою отзывается о ввѣренныхъ ему войскахъ: «Прочіе же всѣ чины арміи Вашего Императорскаго Величества не требуютъ моей похвалы: дѣла ихъ, когда они величайшія силы непріятеля сокрушили толь малымъ своимъ числомъ, наилучшимъ суть доводомъ, какъ они храбры и коль усердны къ повелѣніямъ своей Монархини и сколько симъ подвигомъ учиняютъ себя достойными Высочайшими Вашего Императорскаго Величества и матерняго къ нимъ покровительства. Къ ихъ славѣ я присоединяю ту токмо истину, что я прошелъ все пространство степей до береговъ дунайскихъ предъ непріятелемъ, не дѣлая нигдѣ полевыхъ укрѣпленій, а поставляя одно мужество и добрую волю ихъ во всякомъ мѣстѣ за непреоборимую стѣну» [15].

Кагульская битва, также какъ и сраженіе при Ларгѣ, замѣчательны въ томъ отношеніи, что во время ихъ графъ Румянцевъ отказался отъ употребленія традиціонныхъ рогатокъ, замѣнивъ ихъ усиленнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, и обѣ побѣды явились блестящими послѣдствіями нововведенія. — «Не рогатки, а штыки ваша защита», говорилъ Румянцевъ солдатамъ.

Впрочемъ, Ларга и Кагулъ замѣчательны еще и въ другомъ отношеніи: въ обоихъ сраженіяхъ Румянцевъ впервые вывелъ войска не въ одномъ общемъ карре, какъ то бывало прежде, а въ нѣсколькихъ.

При Ларгѣ армія русская, численностью въ 30.000 человѣкъ, построена была въ одно большое и пять малыхъ карре. Результатомъ такого построенія Румянцевъ достигъ большей

13) Тамъ же.
14) Дѣло № 424. Донесеніе отъ 21-го іюля.
15) Дѣло № 424. Донесеніе № 52, отъ 31-го іюля.

подвижности арміи и при атакѣ часть силъ могла обойти непріятельскую позицію. Такое построеніе явилось для татаръ совершенно неожиданнымъ: поражаемые съ нѣсколькихъ пунктовъ, они не выдержали нападенія и бѣжали.

При Кагулѣ употребленъ такой же боевой порядокъ (пять карре) и 17.000 русскихъ на-голову разбили 180.000 турокъ.

Сейчасъ же послѣ Кагульской битвы Румянцевъ отправилъ въ преслѣдованіе за бѣгущимъ непріятелемъ корпусъ генерала Бауера. Прочія войска остались на позиціи у Кагула. 22-го іюля армія выстроилась въ баталіонныхъ колоннахъ; было отслужено благодарственное молебствіе, при 101 пушечномъ выстрѣлѣ, послѣ чего главнокомандующій объѣзжалъ каждый полкъ и благодарилъ его.

23-го іюля Бауеръ догналъ разбитую непріятельскую армію въ то время, когда она, придя къ мѣстечку Картула, переправлялась черезъ Дунай. Уже почти всѣ турецкія войска были перевезены на правый берегъ, а на лѣвомъ оставался только обозъ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ тысячъ пѣхоты, при 26 орудіяхъ. Построивъ свои войска въ два карре, Бауеръ атаковалъ турокъ и совершенно разбилъ ихъ: 1.000 человѣкъ положили оружіе, остальные или погибли подъ штыками или утонули въ Дунаѣ. Всѣ обозы, 127 пушекъ и 17 мортиръ достались побѣдителямъ [16]. Въ день сраженія при Картулѣ, корпусъ Репнина направился къ крѣпости Измаилу и 26-го занялъ его безъ малѣйшей потери: непріятель отступилъ къ Киліи.

Дальнѣйшія дѣйствія наши заключались въ слѣдующемъ. 21-го августа, послѣ одиннадцати-дневной осады, князь Репнинъ занялъ крѣпость Килію; 16-го сентября отрядъ бригадира Игельстрома взялъ крѣпость Аккерманъ и того же числа графъ Панинъ овладѣлъ крѣпостью Бендерами. 26-го сентября отрядъ генералъ-маіора Глѣбова подступилъ къ одной изъ сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей Браилову и началъ осаду ея. Здѣсь наши войска, первый разъ за все время кампаніи, встрѣтили весьма энергичное сопротивленіе. Гарнизонъ упорно держался и почти ежедневно производилъ вылазки. 24-го октября Глѣбовъ штурмовалъ крѣпость, но потерпѣлъ неудачу, потерявъ при этомъ убитыми и ранеными 1.826 человѣкъ [17]. Получивъ донесеніе о неудачномъ штурмѣ, графъ Румянцевъ отправилъ на подкрѣпленіе осаднаго корпуса 4 полка пѣхоты (въ томъ числѣ и Апшеронскій) и баталіонъ гренадеръ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Хераскова [18]; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предписалъ Глѣбову ни въ какомъ случаѣ не снимать осады. Но приказаніе главнокомандующаго застало Глѣбова уже на пути отступленія къ деревнѣ Максимени, гдѣ присоединились къ нему полки Хераскова. Неудача подъ Браиловомъ не поколебала рѣшимости Румянцева овладѣть въ томъ же году крѣпостью и вытѣснить турокъ изъ Валахіи. Онъ предписалъ Глѣбову выслать конные отряды для наблюденія за Браиловомъ, а по снабженіи его войскъ артиллерійскими припасами, вновь двинуться къ крѣпости и овладѣть ею. Для занятія Бухареста генералъ Глѣбовъ выдѣлилъ особый отрядъ, подъ начальствомъ бригадира Гудовича; въ составъ его вошли: Апшеронскій полкъ, 2 баталіона гренадеръ, вербованный казачій полкъ, небольшія команды гусаръ и донскихъ казаковъ и 6 орудій; къ отряду Гудовича должна была присоединиться колонна полковника Каковинскаго. Выступивъ изъ Максименей 11-го ноября, Гудовичъ, въ 11-ти верстахъ отъ рѣки Яломицы, соединился съ отрядомъ Каковинскаго и, подойдя къ рѣкѣ, приступилъ къ наводкѣ моста. По переправѣ черезъ Яломицу, Гудовичъ выслалъ впередъ разъѣзды; но они непріятеля нигдѣ не

[16]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Дѣло № 424.
[17]) Донесеніе графа Румянцева № 97 и Военный журналъ.
[18]) Полки: Апшеронскій, Капорскій, Нижегородскій и Ростовскій и гренадерскій баталіонъ Бегичева.

отыскали, и только 13-го числа, уже вблизи Бухареста, появилась партія турокъ въ 200 человѣкъ, принудившія наши разъѣзды отступить. Вслѣдъ затѣмъ, непріятель началъ портить дорогу въ дефиле, черезъ которое предстояло проходить войскамъ; но наступленіе 200 гренадеръ заставило турокъ очистить дефиле, и его заняли легкія войска.

14-го ноября, за два часа до разсвѣта, Гудовичъ двинулся къ Бухаресту. Передовые пикеты завязали съ турками перестрѣлку. Вскорѣ показались значительныя силы непріятеля, подъ начальствомъ Кегая-паши: повидимому, онъ хотѣлъ воспрепятствовать форсированію отряда черезъ лѣсъ, тянувшійся на десять верстъ; въ четырехъ верстахъ отъ города лѣсъ этотъ оканчивался и у опушки его стоялъ монастырь Колентинъ, гдѣ, по полученнымъ извѣстіямъ, непріятель устроилъ сильныя батареи. Для движенія черезъ лѣсъ, Гудовичъ раздѣлилъ свой отрядъ на три колонны, поставивъ одну за другою, на разстояніи 300 шаговъ. Передняя колонна состояла изъ гренадерскаго баталіона, за нимъ шли Апшеронскій полкъ и баталіонъ Муромскаго полка, подъ командою полковника Колюбакина, а третью колонну образовали Тенгинскій и сборный полки.

Сверхъ всякаго ожиданія, движеніе нашихъ войскъ по лѣсу произведено было почти безъ сопротивленія со стороны турокъ; раза два они собирались большими массами, но ихъ разгоняли пушечными выстрѣлами. Выведя войска изъ лѣса, начальникъ отряда сдѣлалъ распоряженія для атаки непріятеля, причемъ Апшеронскій полкъ долженъ былъ слѣдовать вдоль опушки, и, перейдя плотину на рѣчкѣ, атаковать правый флангъ турецкой позиціи. Гренадерскій баталіонъ пошелъ прямо на мостъ. Но Кегай-паша не рѣшился принять сраженія и бѣжалъ по дорогѣ въ Журжу. Для занятія двухъ монастырей въ Бухарестѣ, Гудовичъ послалъ два баталіона: Апшеронскій, подъ начальствомъ командира полка полковника Колюбакина и гренадерскій — Толстаго. Одинъ изъ монастырей, лежавшій въ центрѣ города, оказался брошеннымъ турками и въ него вступилъ баталіонъ Толстаго. Колюбакинъ направился къ монастырю Вокарештъ, находившемуся внѣ города. Здѣсь турки устроили себѣ сѣнной магазинъ и для охраны его находился довольно значительный отрядъ, подъ предводительствомъ Махмеда-паши-Румели-Валаси. Не смотря на превосходство своихъ силъ и на укрѣпленную позицію, Махмедъ-паша, увидя приближеніе баталіона Колюбакина, приказалъ зажечь сѣно и отступилъ къ Журжѣ.

Такимъ образомъ, Гудовичъ почти безъ всякихъ потерь овладѣлъ Бухарестомъ.

Палъ, наконецъ, и Браиловъ: гарнизонъ его, видя постоянное усиленіе войскъ нашихъ у Максименей и опасаясь вторичной осады, 9-го ноября очистилъ крѣпость, а на слѣдующій день она была уже занята нашими войсками.

Занятіемъ Бухареста и Браилова достигнуто было совершенное очищеніе отъ непріятеля лѣваго берега Дуная.

Наступленіе ненастной погоды не позволяло предпринимать что либо серьезное въ этомъ году, и графъ Румянцевъ приказалъ расположить войска на зимнихъ квартирахъ. Апшеронскій полкъ сталъ въ городѣ Бухарестѣ[19]. Однако боевая дѣятельность полка въ 1770 году не совсѣмъ окончилась и частямъ его пришлось участвовать въ различныхъ экспедиціяхъ. Изъ числа ихъ опишемъ дѣло 20-го декабря, при Аржисѣ. Для наблюденія за расположеннымъ въ крѣпости Журжѣ и близъ лежащемъ мѣстечкѣ Краіовѣ турецкимъ корпусомъ учрежденъ былъ постъ у мѣстечка Комана[20].

[19]) Всего въ Бухарестѣ расположилось: 6 пѣхотныхъ полковъ: Апшеронскій, Нижегородскій (бригада Гудовича), Муромскій, Капорскій, Тенгинскій и Бѣлозерскій; 4-й гренадерскій и 1-й егерскій баталіоны; Рижскій карабинерный и Ахтырскій гусарскій полки. Всѣ эти войска находились подъ начальствомъ генерала Олица.

[20]) На этомъ посту находилось также 60 человѣкъ егерей Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Ребиндера.

Гарнизонъ Журжи былъ незначительный и состоялъ всего только изъ 1.200 человѣкъ но турки могли усилить его, присылкой подкрѣпленія изъ Рущука. Въ Краіовѣ непріятеля не было. Видя легкость занятія обоихъ этихъ пунктовъ, Румянцевъ предписалъ Олицу двинуться къ Журжѣ и овладѣть ею. Къ сожалѣнію, отсутствіе осадной артиллеріи не позволило тотчасъ же исполнить желаніе главнокомандующаго; но чтобы имѣть надежный опорный пунктъ, генералъ Олицъ послалъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кречетникова, для овладѣнія Краіовомъ. Съ цѣлью лучшаго наблюденія за Журжей, онъ усилилъ постъ у Комана баталіономъ егерей подполковника Фабриціана; верстахъ въ 12-ти отъ Комана, въ мѣстечкѣ Калугарянахъ, также находился нашъ постъ.

Турки, узнавъ о движеніи войскъ Кречетникова, немедленно подкрѣпили гарнизонъ Журжи и вслѣдъ затѣмъ стали отправлять партіи и къ Краіову. Въ 5 часовъ пополудни 15-го декабря, изъ Калугарянскаго поста замѣчено было движеніе непріятеля изъ Журжи, а въ ночь на 16-е число получено извѣстіе, что 800 человѣкъ турокъ вышли изъ крѣпости и направились къ мосту черезъ рѣку Аржисъ, находившемуся по дорогѣ изъ Бухареста въ Краіово, у деревни Міалешти.

Подполковникъ Фабриціанъ немедленно выступилъ къ переправѣ; сюда же направился и отрядъ Кречетникова.

На разсвѣтѣ 16-го декабря, турки подошли къ мосту и атаковали расположенный здѣсь постъ. Хотя нападеніе непріятеля и было отбито, но опасаясь за участь защитниковъ поста и шедшаго къ нему на помощь баталіона Фабриціана, генералъ Олицъ подкрѣпилъ послѣдняго баталіономъ гренадеръ и 2-мя эскадронами.

Вторичное нападеніе турокъ, произведенное 17-го числа, также не увѣнчалось успѣхомъ; подоспѣвшая во время колонна Фабриціана разбила и разсѣяла ихъ, послѣ чего возвратилась въ Команъ. Изъ распросовъ плѣнныхъ выяснилось, что поискъ непріятеля дѣлался съ цѣлью узнать, не предпринимаемъ ли мы чего либо противъ Журжи; по словамъ тѣхъ же плѣнныхъ, гарнизонъ крѣпости усиленъ уже былъ до 10.000 человѣкъ, при 70 орудіяхъ, и командовавшій имъ паша имѣлъ намѣреніе сдѣлать нападеніе на Бухарестъ.

20-го декабря непріятель въ большихъ силахъ направился къ Коману, и 2.000 турокъ, подъ начальствомъ Метреджи-паши, атаковали войска подполковника Фабриціана. Не смотря на сильный ружейный и пушечный огонь, наносившій большой вредъ непріятелю, послѣдній съ необыкновеннымъ упорствомъ продолжалъ свои атаки, и часть турокъ стала заходить въ тылъ нашему отряду. Тогда Фабриціанъ приказалъ маіору Ребиндеру, съ 50 егерями Апшеронскаго полка пробиться сквозь толпы зашедшихъ уже намъ въ тылъ турокъ и занять находившуюся по близости церковь, чтобы пальбою оттуда разсѣять ихъ. Не смотря на всю трудность такого порученія, Ребиндеръ выполнилъ его блистательно: Апшеронцы штыками проложили себѣ дорогу къ церкви и, войдя въ нее, открыли изъ воротъ и оконъ такой сильный огонь, что непріятель принужденъ былъ прекратить нападенія съ тылу, а вслѣдъ затѣмъ отступилъ совсѣмъ, потерявъ около 100 человѣкъ убитыми и ранеными, между тѣмъ какъ уронъ русскихъ войскъ заключался въ 4-хъ убитыхъ и 18-ти раненыхъ рядовыхъ, въ числѣ послѣднихъ 6 человѣкъ Апшеронскаго полка. Дѣло продолжалось два съ половиною часа и окончилось для насъ благополучно, благодаря удачно выполненному маневру Ребиндера.

Какъ оказалось впослѣдствіи, поискъ турокъ къ Коману произведенъ по инициативѣ новаго визиря Селиктара-Махмедъ-паши, желавшаго ознаменовать свое назначеніе какимъ либо удачнымъ предпріятіемъ.

Черезъ 8 дней генералъ-маіоръ Кречетниковъ взялъ Краіово, причемъ у турокъ отбито: три пушки, 2 знамени и бубенъ.

*

Занятіемъ Краіова закончились военныя дѣйствія 1770 года, и Апшеронскій полкъ отдыхалъ въ Бухарестѣ почти полтора мѣсяца, пока новыя военныя предпріятія не вызвали его и на новые подвиги.

За отличія въ сраженіяхъ 1770 года въ Апшеронскомъ полку получены слѣдующія награды:

Произведены въ секундъ-маіоры: Карлъ и Отто Ребиндеры и Яковъ Переводчиковъ; изъ поручиковъ въ капитаны: Иванъ Уваровъ, Яковъ Аплечеевъ, Федоръ Козевъ, Михаилъ Небольсинъ; въ поручики: Кириллъ Мельгуновъ, Терентій Заворуевъ, Яганъ Плозъ; въ подпоручики: Димитрій Бѣлой, адъютантъ Николай Карповъ, Федоръ Гречининъ, Степанъ Рарогъ, Федоръ Энгельгардъ и Семенъ Кирьяновъ; изъ сержантовъ въ прапорщики: Станиславъ Демьянскій, Иванъ Морозовъ и Алексѣй Карповъ [21].

Кромѣ того, всѣмъ чинамъ полка, за сраженіе при Кагулѣ, выданы круглыя серебряныя медали на андреевской лентѣ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ груднаго портрета Императрицы, окруженнаго надписью: «Б. М. (Божіею Милостію) Екатерина II Импер. и Самод. Всеросс.», а на оборотѣ медали надпись: «Кагулъ. Іюля 21-го дня 1770 года».

---

[21]) Дѣло № 418. Военно-Ученый Архивъ.

Глава Десятая.

Задачи кампаніи 1771 года. — Расположеніе арміи. — Наступленіе отряда генерала Олица къ Журжѣ. — Осада этой крѣпости. — Штурмъ. — Атака Апшеронцевъ и взятіе Журжи. — Потери полка. — Донесеніе Олица о похвальномъ мужествѣ и порядкѣ Апшеронскаго полка. — Взятіе журжинскаго замка. — Возвращеніе въ Бухарестъ. — Движеніе къ крѣпости Турно. — Сдача туркамъ крѣпости Журжи. — Пораженіе турокъ у Бухареста. — Вторичное движеніе къ Журжѣ. — Неудачный штурмъ крѣпости. — Дѣйствія Апшеронцевъ. — Подвигъ маіора Ребиндера и смерть его. — Атака маіора Фишера. — Потери Апшеронскаго полка. — Отступленіе русскаго корпуса. — Сраженіе у Бухареста 20-го октября. — Пораженіе турокъ. — Занятіе Журжи. — Награды чинамъ полка.

Главная цѣль кампаніи 1771 года заключалась въ завоеваніи Крыма; исполненіе этого предпріятія возложено было на 2-ю армію, предводимую генералъ-аншефомъ княземъ Долгоруковымъ. Задача же 1-й арміи въ наступившемъ году состояла въ охраненіи завоеванныхъ областей по лѣвому берегу Дуная. Независимо того, графъ Румянцевъ получилъ повелѣніе безпокоить турокъ нападеніями и поисками на правомъ берегу Дуная, съ цѣлью отвлечь ихъ отъ поданія помощи крымскому хану.

Блестящія дѣйствія румянцевской арміи въ 1770 году имѣли въ результатѣ почти совершенное очищеніе отъ непріятеля лѣваго берега Дуная; въ рукахъ турокъ остались только крѣпости Журжа и Турно; отсюда они имѣли возможность производить набѣги въ Валахію. Сообразуясь съ положеніемъ дѣлъ, графъ Румянцевъ раздѣлилъ армію на три корпуса: 1-й корпусъ, составляя правое крыло арміи, расположенъ былъ въ Валахіи. Начальство надъ нимъ ввѣрено генералъ-аншефу Олицу; главнокомандующій поручилъ ему охраненіе пространства между рѣками Серетомъ и Прутомъ и теченіе средняго Дуная; ближайшая задача войскъ Олица заключалась въ овладѣніи крѣпостью Журжею. 2-й корпусъ расположился около Максименей, и 3-й, составлявшій лѣвое крыло арміи, около озера Ялпуха, чтобы охранять нижнее теченіе Дуная до Чернаго моря.

Имѣя въ виду, что, со взятіемъ Журжи, непріятель лишится послѣдняго опорнаго пункта на лѣвомъ берегу Дуная, Румянцевъ, еще въ началѣ декабря прошлаго года, предписалъ генералу Олицу овладѣть крѣпостью; но неимѣніе осадной артиллеріи, а вслѣдъ затѣмъ болѣзнь Олица помѣшали исполнить это предпріятіе, что дало туркамъ возможность усилить гарнизонъ Журжи, достигшій въ концѣ декабря до 10.000 человѣкъ. Наконецъ, уступая настойчивымъ требованіямъ главнокомандующаго, генералъ Олицъ, въ началѣ февраля, сталъ готовиться къ экспедиціи и 15-го числа того же мѣсяца выступилъ изъ Бухареста къ Журжѣ. Въ составъ отряда вошло: 6 полковъ пѣхоты (въ томъ числѣ и Апшеронскій полкъ), два гренадерскихъ и одинъ егерскій баталіоны и три полка кавалеріи [1].

---

[1] Пѣхота: Апшеронскій, 4-й гренадерскій, 1-й и 2-й Московскіе, Муромскій и Капорскій полки, гренадерскіе баталіоны Колюпанова и Толстаго и егерскій баталіонъ; кавалерія: Рижскій карабинерный, Ахтырскій гусарскій и казачій Янова полки.

18-го числа Олицъ подошелъ къ крѣпости; въ 6-ти верстахъ отъ нея онъ построилъ отрядъ въ боевой порядокъ, раздѣливъ его на три колонны: правую, лѣвую и среднюю; Апшеронскій полкъ находился въ средней колоннѣ. Въ такомъ порядкѣ войска двинулись къ крѣпости. Завидя приближеніе ихъ, турки выслали массу конницы, но она была опрокинута и бѣжала обратно въ Журжу.

Занявъ въ тотъ же день предмѣстья и брошенный гарнизономъ передовой ретраншементъ, генералъ Олицъ приказалъ заложить въ послѣднемъ батарею и сдѣлалъ распоряженіе о штурмѣ, назначивъ его въ ночь съ 20-го на 21-е февраля. Слѣдующіе два дня употреблены были на заготовку фашинъ для забрасыванія рва. Вечеромъ 20-го февраля отдана была диспозиція къ штурму. Всѣ войска раздѣлены на четыре колонны: первая подъ начальствомъ генералъ-маіора Демолино, 2-я — генералъ-маіора Гротенгельма, 3-я (въ составѣ ея и Апшеронскій полкъ) — генералъ-маіора Гудовича и 4-я, лѣвая колонна, — маіора Аршеневскаго.

Въ 11 часовъ ночи, всѣ четыре колонны заняли указанныя имъ мѣста и затѣмъ, соблюдая всевозможную тишину, двинулись къ главному ретраншементу. Непріятель замѣтилъ наши войска только въ тотъ моментъ, когда они подошли ко рву; турки открыли сильный ружейный и пушечный огонь, но онъ не остановилъ солдатъ. Третья колонна должна была атаковать центръ и лѣвый флангъ ретраншемента. Бывшіе впереди Апшеронцы, имѣя во главѣ командира полка полковника Колюбакина, секундъ-маіора Карла Ребиндера и капитана Якова Аплечеева, спустились въ ровъ и стали заваливать его фашинами, но когда послѣднихъ оказалось недостаточно, то солдаты начали подсаживать другъ друга и, взобравшись на валъ, бросились на турокъ въ штыки. Непріятель, не смотря на свою многочисленность, не выдержалъ удара и обратился въ бѣгство, по направленію къ городу. Вслѣдъ за бѣгущими, направились и атакующія войска. Преслѣдованіе турокъ колонною Гудовича велось настолько энергично, что они не въ состояніи были оправиться и въ городѣ, уступили его почти безъ сопротивленія и заперлись въ замкѣ. Потери непріятеля были чрезвычайно велики: изъ 10.000 гарнизона Журжи, въ замокъ успѣло войти не болѣе 2.000 человѣкъ; убито 4.000, а остальные погибли въ волнахъ Дуная. Въ русскомъ отрядѣ убито 6 офицеровъ и 173 нижнихъ чина; ранены два генерала (генералъ-маіоры Демолино и Гротенгельмъ), 24 штабъ- и оберъ-офицера и 794 нижнихъ чина. Апшеронскому полку штурмъ Журжи стоилъ убитыхъ: *капитана Петра Кутузова, адъютанта Петра Ушакова и 29 нижнихъ чиновъ;* ранены: *подполковникъ Иванъ Дурново; поручики: Иванъ Мошкинъ и Петръ Перепечинъ; подпоручики: полковой квартирмейстеръ Василій Орда и Дементій Милославскій; нижнихъ чиновъ 96* [2].

Въ донесеніи графу Румянцеву о взятіи Журжи, генералъ-аншефъ Олицъ пишетъ: «*Апшеронскаго полка полковникъ Колюбакинъ первый полку его съ секундъ-маіоромъ Ребиндеромъ и капитаномъ Аплечеевымъ вскочили въ ровъ и перешли ретраншементъ, подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ; также свидѣтельствую, что и полкъ его въ такомъ отмѣнномъ послушаніи находился, что въ самое короткое время, посреди боя построился*» [3].

На другой день, т. е. 21-го февраля, турки открыли изъ замка сильный орудійный огонь, приносившій, впрочемъ, мало вреда намъ. Открытый штурмъ замка, безъ достаточной подготовки огнемъ артиллеріи, могъ повлечь за собою большія потери, поэтому Олицъ счелъ за лучшее подвергнуть сначала замокъ сосредоточенному огню изъ орудій, съ каковою цѣлью и возведены двѣ сильныя батареи. Утромъ 22-го числа, батареи наши открыли

[2] Дѣло № 378 и 418. Военно-Ученый Архивъ.
[3] Донесеніе отъ 26-го февраля. Дѣло № 461.

по замку убійственный огонь, производившій въ немъ (замкѣ) опустошеніе. Желая избѣжать штурма, Олицъ послалъ коменданту письмо, съ требованіемъ капитуляціи; комендантъ просилъ дать ему сутки для размышленія, на что Олицъ и согласился. Но когда, по прошествіи назначеннаго срока, комендантъ вновь попросилъ отсрочки еще на 5 дней, то начальникъ отряда, видя въ дѣйствіяхъ только лишь желаніе выиграть время, отказалъ и, устроивъ, въ ночь на 24-е февраля, на правомъ флангѣ своемъ батарею, открылъ утромъ огонь со всѣхъ трехъ батарей. Въ скоромъ времени разрушены были старыя стѣны замка и войска уже готовились къ штурму, когда изъ замка вышло нѣсколько турокъ, показывавшихъ что-то знаками. Для объясненія съ ними отправленъ былъ Апшеронскаго полка маіоръ Ребиндеръ. Турки объявили ему, что намѣрены сдаться и просили прислать уполномоченныхъ. Это обстоятельство явилось весьма кстати, ибо въ отрядѣ оставалось уже очень мало продовольствія. Генералъ Олицъ согласился на свободный пропускъ гарнизона, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы все имущество, находившееся въ замкѣ, передано было русскимъ. Въ замкѣ взято 20 знаменъ, 84 пушки, 460 четвертей муки, 381 четв. проса, 534 четв. ячменя, 246 четв. пшеницы и 1.902 пуда сухарей[4]).

Оставивъ въ Журжѣ 600 человѣкъ гарнизона, генералъ Олицъ 1-го марта выступилъ въ Бухарестъ.

Со взятіемъ Журжи, въ рукахъ турокъ, на лѣвомъ берегу Дуная, осталась только крѣпость Турно. Чтобы вытѣснить ихъ и оттуда, главнокомандующій предписалъ генералъ-маіору Потемкину произвести поискъ къ Турно и овладѣть имъ. Но непріятель разгадалъ наше намѣреніе и началъ поспѣшно усиливать турнскій гарнизонъ; въ то же время получено было извѣстіе, что турки, узнавъ о движеніи Потемкина къ Турно, предполагаютъ напасть на Краіово.

Малочисленность отряда Потемкина и опасеніе потерять Краіово, заставили отложить на время поискъ къ Турно. Отрядъ Потемкина расположился за рѣкою Ольтою.

До мая мѣсяца Апшеронскій полкъ простоялъ въ Бухарестѣ. За этотъ промежутокъ времени стоявшій у Турно турецкій корпусъ настолько усилился, что положеніе Потемкина за рѣкою Ольтой становилось крайне опаснымъ, вслѣдствіе чего временно-командовавшій войсками въ Валахіи, генералъ Гудовичъ, рѣшилъ сблизиться съ отрядомъ Потемкина. Оставивъ въ Бухарестѣ незначительную команду, онъ выступилъ съ остальными войсками (въ числѣ ихъ весь Апшеронскій полкъ) внизъ по рѣкѣ Аржису и 3-го мая прибылъ къ устью Дембовицы, гдѣ расположился лагеремъ. Простоявъ здѣсь цѣлую недѣлю, Гудовичъ 11-го мая двинулся на соединеніе съ Потемкинымъ, чтобы затѣмъ, если окажется возможнымъ, взять Турно.

Между тѣмъ, Потемкину приходилось плохо: съ каждымъ днемъ непріятель усиливался и положеніе русскаго отряда, удаленнаго отъ прочихъ войскъ, дѣлалось крайне опаснымъ; въ виду этого, Потемкинъ рѣшилъ отступить за рѣку Ольту. Едва только наши войска начали приготовляться къ выступленію, какъ турки начали производить нападенія. 17-го мая Потемкинъ былъ атакованъ 4.000 конницы; но нападеніе было отбито съ большимъ для непріятеля урономъ. 23-го числа Потемкинъ подошелъ къ рѣкѣ Ольтѣ и, переправившись черезъ нее на судахъ, соединился у мѣстечка Баяны съ отрядомъ Гудовича.

На другой день Гудовичъ, принявшій общее начальство надъ войсками, предпринялъ атаку Турно и выслалъ впередъ легкія войска.

Вышедшая изъ крѣпости непріятельская конница была опрокинута и затѣмъ соединенные отряды заняли на самомъ берегу Дуная мѣстечко Мигуряны. Впрочемъ, дѣйствія

---

4) Дѣло № 461. Секретный журналъ военныхъ дѣйствій. Донесеніе Олица отъ 26-го февраля.

наши на томъ и покончились: прибывшій къ Турно командиръ валахскаго корпуса князь Репнинъ нашелъ невозможнымъ штурмовать крѣпость. Крѣпость Турно лежитъ на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Никополя. Она была окружена высокимъ валомъ, съ четырьмя бастіонами по угламъ; глубокій ровъ и гласисъ еще болѣе усиливали оборону. Послѣ рекогносцировки крѣпости, Репнинъ пришелъ къ убѣжденію, что штурмъ ее, въ виду малой численности отряда, былъ сопряженъ съ рискомъ; поэтому онъ рѣшилъ отступить къ Бухаресту. 26-го мая получено извѣстіе, что турки въ большихъ силахъ перешли у Журжи на лѣвый берегъ Дуная и угрожаютъ этой крѣпости. Опасаясь за Журжу, имѣвшую небольшой гарнизонъ, Репнинъ усиленными маршами пошелъ къ этой крѣпости, а у Турно, для наблюденія за непріятелемъ и съ цѣлью не позволить ему выслать подкрѣпленія къ войскамъ, осаждавшимъ Журжу, оставилъ на два дня отрядъ Потемкина.

На другой же день, турки, узнавъ объ уходѣ Репнина, собрались въ большихъ силахъ и атаковали Потемкина, но потерпѣли полное пораженіе. Въ ночь на 28-е мая отрядъ нашъ отступилъ вверхъ по рѣкѣ Ольтѣ.

Теперь обратимся къ описанію весьма печальнаго эпизода, единственнаго, впрочемъ, за всѣ войны наши съ Турціею, — мы говоримъ о сдачѣ крѣпости Журжи.

Генералъ Олицъ оставилъ въ крѣпости гарнизонъ въ 600 человѣкъ, подъ командою маіора Гензеля. Довольно сильные верки крѣпости и грозное вооруженіе ея дѣлали гарнизонъ этотъ вполнѣ достаточнымъ, но впослѣдствіи онъ увеличился присылкой подкрѣпленія. Въ 4 часа пополудни, 25-го мая, непріятель переправился изъ Рущука на островъ Дуная, противъ Журжи, и остановился при мѣстечкѣ Слободзеѣ, а на другой день, подойдя къ крѣпости на ружейный выстрѣлъ, открылъ огонь изъ привезенныхъ съ собою пушекъ. Въ тотъ же день изъ Рущука подошло еще 3.000 конницы. Командующій турецкимъ отрядомъ прислалъ къ Гензелю предложеніе сдаться, но получилъ отказъ. Тогда турки заложили нѣсколько батарей и открыли изъ нихъ стрѣльбу. Послѣ нѣсколькихъ часовъ бомбардировки, непріятель вторично прислалъ парламентера, съ требованіемъ капитуляціи, но и на этотъ разъ получилъ отказъ. Въ ночь на 29-е мая турки заложили новую батарею, противъ замка и, разбивъ на разсвѣтѣ цѣпь подъемнаго моста, бросились къ самому мосту; но дѣйствіемъ пушки, поставленной у воротъ замка, нападеніе непріятеля было отбито.

Не рѣшаясь штурмовать замокъ, командовавшій турецкими войсками Серденгешти-Агаси, въ 8 часовъ утра, опять прислалъ парламентера, требуя сдачи крѣпости, предоставляя гарнизону право выбора какихъ угодно условій.

Уступая требованіямъ офицеровъ, завѣдывавшихъ инженерною и артиллерійскою частью, маіоръ Гензель согласился на капитуляцію, съ условіемъ свободнаго выхода со знаменами и имуществомъ и безпрепятственнаго прохода въ Бухарестъ. А между тѣмъ, князь Репнинъ, дѣлая слишкомъ по 40 верстъ въ сутки, былъ уже близко; но, къ сожалѣнію, онъ подошелъ къ Журжѣ, спустя нѣсколько часовъ послѣ сдачи ея. Не рискнувъ атаковать непріятеля, численность котораго простиралась до 14.000 человѣкъ, Репнинъ отступилъ къ рѣкѣ Аржису, куда приказалъ слѣдовать и отряду Потемкина.

Какъ и нужно было ожидать, совершенно случайный успѣхъ турокъ у Журжи сдѣлалъ ихъ чрезвычайно самонадѣянными, и съ этого времени дѣйствія ихъ приняли рѣшительный характеръ наступленія. Сначала они обратились противъ постовъ, расположенныхъ на берегу Дуная; но первыя же двѣ попытки сбить посты у Яломицы и Мачина окончились полнѣйшею неудачею.

Въ виду наступленія превосходныхъ силъ турокъ, положеніе нашихъ разбросанныхъ постовъ являлось крайне опаснымъ и князь Репнинъ, соединясь 7-го іюня у Копучанскаго

Непріятель принялъ это движеніе за отступленіе и стремительно атаковалъ войска, открывъ по нимъ сильный ружейный огонь и бросаясь въ шашки; но атаки эти были отбиты штыками Апшеронцевъ, Житомірцевъ и Люблинцевъ. Наша потеря заключалась въ 7-ми раненыхъ нижнихъ чинахъ. 7-го числа генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, съ частью кавалеріи и 2-мя баталіонами пѣхоты (6 ротъ Апшеронцевъ), при двухъ горныхъ единорогахъ, открылъ прямое сообщеніе Дагестанскаго отряда, расположившагося на Мичикалѣ, съ авангардомъ и доставилъ послѣднему двухдневный провіантъ.

Еще съ вечера 6-го іюня, начался проливной дождь, сопровождаемый сильнымъ, холоднымъ вѣтромъ, а въ ночь съ 8-го на 9-е число выпалъ глубокій снѣгъ, поднялась мятель и густой туманъ окуталъ всю вершину Занокъ-Бакъ; отсутствіе лѣса лишало отрядъ всякой возможности согрѣться; запасъ спирта истощился, а достать его изъ вагенбурга не представлялось возможнымъ по затруднительности сообщенія.

Положеніе авангарда, не имѣвшаго горячей пищи и спирту, при страшномъ холодѣ, дѣлалось часъ отъ часу тяжелѣе.

9-го іюня Бебутовъ успѣлъ прислать войскамъ Пассека немного дровъ и спирту, такъ что большая часть баталіоновъ, могла сварить два раза кашу, и всѣ солдаты получили по двѣ чарки водки.

Въ тотъ же день морозъ увеличился и дошелъ до 10°; вслѣдствіе холода и отсутствія подножнаго корма, лошади стали падать въ большомъ количествѣ, а число больныхъ возрастало съ каждымъ днемъ, особенно много ихъ было въ грузинской дружинѣ и въ тагаурской конницѣ.

Это заставило генерала Пассека отправить въ лагерь Дагестанскаго отряда съ баталіономъ, доставившимъ въ авангардъ спиртъ и дрова, всю кавалерію, пѣшую дружину, всѣхъ артиллерійскихъ, подъемныхъ и офицерскихъ лошадей, и не только больныхъ, но даже и людей слабаго здоровья.

Всю ночь на 10-е число шелъ сильный снѣгъ и продолжалась мятель; тѣмъ не менѣе Пассекъ рѣшилъ не покидать позиціи, ибо она прикрывала дорогу изъ Мичикала въ Андію и обезпечивала свободное движеніе Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ при дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ черезъ Буцуракъ-Кала въ Андію. Спуститься въ Гумбетъ, чтобы стать въ болѣе удобномъ мѣстѣ, равносильно было разобщить авангардъ съ главными силами и противорѣчило приказанію главнокомандующаго.

Наконецъ, 11-го іюня, въ 1-мъ часу пополудни, погода прояснилась, и снѣгъ стаялъ [2].

Пользуясь побѣдой одержанной надъ горцами на горѣ Анчимэерѣ, главнокомандующій приказалъ генералъ-маіору Лабинцеву двинуться съ Дагестанскимъ отрядомъ съ Буртунаевскихъ высотъ на перевалъ Кыркъ. 6-го іюня туда же направился Чеченскій отрядъ и расположился на позиціи позади перевала. Подъемы на гору Отюзтау и потомъ на хребетъ Соукъ-Булахъ съ восточной стороны представляли довольно пологіе скаты, покрытые тучной травой, и войска, безъ особаго труда, къ 4-мъ часамъ пополудни, взошли по нимъ на вершину. За то спускъ съ перевала Кыркъ представлялъ неимовѣрныя трудности.

Хотя дорогу, разработанную еще въ 1839 году отрядомъ генерала Граббе и исправили, но она все-таки имѣла видъ узкой и крутой тропинки, по которой вьюки могли проходить по одиночкѣ, легкія орудія спускались на рукахъ; каждый зарядный ящикъ везли на одной лошади, съ помощью солдатъ, удерживавшихъ его веревками.

Весь день и всю ночь шелъ проливной дождь, спустился густой туманъ, и дулъ холодный, насквозь пронизывавшій вѣтеръ.

[2]) Дѣло 19. 2-е отдѣленіе генеральнаго Штаба. Военный журналъ Пассека. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Дагестанскій отрядъ, начавшій спускаться утромъ 6-го числа, къ вечеру не успѣлъ еще свезти свой обозъ; а Чеченскій отрядъ началъ спускаться съ перевала только въ 6 часовъ утра, 7-го іюня.

По выступленіи Дагестанскихъ войскъ черезъ Арубетское ущелье къ Мичикалу, Чеченскій отрядъ занялъ ихъ позицію и остановился на ночлегъ у перевала Кыркъ.

9-го числа пошелъ снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ, онъ продолжался цѣлый день и покрылъ землю почти на четверть аршина.

Когда изъ вагенбурга, находившагося у Ибрагимъ-Дада, подвезли часть тяжестей и провіанта, то получилась возможность двигаться дальше; поэтому Чеченскій отрядъ выступилъ утромъ 10-го іюня изъ лагеря и перешелъ на позицію за Мичикаломъ, гдѣ и соединился съ Дагестанскимъ отрядомъ. Это движеніе сопряжено было съ чрезвычайными затрудненіями. Снѣгъ еще лежалъ на горахъ, день былъ дождливый и холодный; по скалистымъ тропинкамъ съ крутыми спусками и подъемами лежала грязь, мѣстами по колѣно лошади; хотя переходъ былъ не болѣе 10-ти верстъ, но аріергардныя части пришли въ лагерь только въ 9 часовъ вечера.

На другой день Чеченскій отрядъ выступилъ вверхъ по ручью Аргуанъ-Дериль-Таль, а войска Дагестанскаго отряда остались при урочищѣ Кыркъ.

Дальнѣйшее движеніе уже не имѣло такихъ затрудненій: дорога была на столько широка, что войска, большей частью, могли слѣдовать густыми колоннами. На пути имѣлось два крутыхъ подъема: одинъ — при переходѣ оврага Аргуанъ-Дериль, а другой — при перевалѣ черезъ хребетъ Чагыръ-Иркенъ.

Для облегченія движенія, войска были раздѣлены на два эшелона: первый — генералъ-лейтенанта Клугенау, изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, всей кавалеріи и 4 горныхъ орудій, а второй — изъ остальныхъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣлявскаго. Войска Клугенау перешли черезъ перевалъ хребта Чагыръ-Иркенъ и остановились близъ горы Орольтау (вѣтряная гора). Здѣсь первый эшелонъ соединился съ отрядомъ генералъ-маіора Лабинцева (бывшій авангардъ Пассека), спустившимся съ позиціи у вершины Занокъ-Бакъ. Съ присоединеніемъ войскъ Лабинцева, Чеченскій отрядъ увеличился 6-ю баталіонами (изъ нихъ 3 баталіона Дагестанскаго отряда, въ числѣ которыхъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка).

Цѣлый день, 11-го іюня, шелъ сильный дождь, и только къ вечеру небо стало проясняться. Съ 11 часовъ ночи горцы открыли съ высотъ орудійный и ружейный огонь по лагерю Дагестанскаго отряда; но генералъ Лабинцевъ не отвѣчалъ имъ. Какъ уже говорилось раньше, Дагестанскій отрядъ, за исключеніемъ 3-хъ баталіоновъ, остался у перевала Кыркъ, гдѣ графъ Воронцовъ приказалъ устроить промежуточный опорный пунктъ, для снабженія дѣйствующихъ отрядовъ изъ Евгеніевскаго укрѣпленія различными запасами. Для связи этого отряда съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, на горѣ у перевала построенъ былъ редутъ на 200 человѣкъ пѣхоты и на два орудія.

Зная, какъ трудно слѣдованіе въ горахъ полевой артиллеріи, графъ Воронцовъ приказалъ отправить 8 орудій обратно на Кавказскую линію. — 12-го іюня главный дѣйствующій отрядъ продолжалъ движеніе ко входу въ Андію черезъ перевалъ Буцуръ, къ такъ называемымъ Андійскимъ воротамъ; баталіоны Дагестанскаго отряда составляли второй эшелонъ и аріергардъ отряда.

Послѣ труднаго и утомительнаго спуска въ долину, войска остановились въ 5-ти верстахъ отъ перевала близъ селенія Тилитля и провели ночь подъ проливнымъ дождемъ при сильной бурѣ, препятствовавшей разводить огни. — На слѣдующее утро назначалось взятіе непріятельскихъ заваловъ и овладѣніе Андійскими воротами.

Лазутчики дали знать, что Шамиль укрѣпился въ этомъ пунктѣ, и намѣренъ упорно сопротивляться дальнѣйшему движенію русскихъ войскъ.

Въ 7 часовъ утра солдаты пообѣдали и приготовились къ выступленію. До начала его, графъ Воронцовъ произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи, и совершенно неожиданно открылъ, что горцы оставили позицію, а андійскія селенія зажгли. — Главный входъ въ Андію преграждался каменною стѣною, около сажени толщиною, а вправо отъ нея устроены были на большомъ протяженіи высокіе завалы. Оставленіе горцами такой сильной позиціи объяснялось отчасти тѣмъ, что непріятель опасался обхода Андійскихъ воротъ справа по горѣ.

И такъ, Шамиль уклонился отъ боя, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ желали наши войска.

Уже впослѣдствіи, отъ плѣнныхъ и лазутчиковъ получились свѣдѣнія о томъ, что происходило въ горахъ.

За нѣсколько дней до прибытія войскъ, Шамиль, собравъ жителей Андіи, объявилъ имъ, что намѣренъ упорно защищать ихъ землю и что для этого необходимо занять сильнымъ скопищемъ перевалъ Буцуръ.

Осмотрѣвъ лично мѣстность и укрѣпивъ ее, какъ описано раньше, онъ расположилъ тамъ значительное скопище.

Между тѣмъ, нѣсколько дней продолжалась ненастная погода, и Шамиль, подъ предлогомъ сбереженія людей, отозвалъ мюридовъ изъ Андійскихъ воротъ, — объяснивъ, андійцамъ, что имъ самимъ лучше защищаться въ селеніяхъ, вывезя предварительно семейства и имущество.

Едва только жители привели въ исполненіе это приказаніе, какъ къ удивленію своему, увидали селенія свои въ огнѣ, что было сдѣлано мюридами по тайному распоряженію Шамиля; такая мѣра — принуждала жителей волей неволей переселяться въ глубь горъ.

Послѣ продолжительной стужи, 13 іюня потеплѣло и показалось солнце. Входъ въ Андію находился въ нашихъ рукахъ; графъ Воронцовъ приказалъ сдѣлать дневку, чтобы дать войскамъ возможность отдохнуть и просушиться, въ чемъ они крайне нуждались.

Прежде чѣмъ двинуться дальше, сдѣланы были слѣдующія распоряженія: 1) для прочнаго утвержденія въ Буцуръ-Калѣ, пунктѣ весьма важномъ, а также для того чтобы имѣть достаточно сильный постъ при сообщеніи главнаго отряда съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, главнокомандующій приказалъ въ самомъ ущельи, возлѣ дороги, возвести укрѣпленіе изъ камня на одну роту пѣхоты и одно орудіе, остальныя войска помѣстить въ земляномъ редутѣ, на сѣверо-восточной покатости хребта; въ послѣднемъ оставлены 2 баталіона, рота саперъ и 3 орудія изъ Дагестанскаго отряда; и 2) такъ какъ непріятельскія партіи, собравшись въ оставленномъ нами Мичикальскомъ ущельи, могли тревожить транспорты съ продовольствіемъ, направляемые изъ Евгеніевскаго укрѣпленія черезъ Кыркинскій перевалъ, то для охраненія этого ущелья посланъ командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Ковалевскій съ 2 баталіонами (въ томъ числѣ 1-й Апшеронскій), сотней казаковъ и двумя горными орудіями; этотъ отрядъ обезпечивалъ слѣдованіе запасовъ продовольствія и огнестрѣльныхъ припасовъ. Густой туманъ спустился на всѣ окрестныя горы и долины, когда въ 6 часовъ утра 14-го іюня войска направились къ Андійскимъ воротамъ. Едва голова колонны вошла въ страну, гдѣ никогда еще не видали нашихъ войскъ, какъ туманъ разсѣялся, и солнце озарило разстилавшуюся у ногъ отряда долину Андійскаго Койсу.

Андійское общество занимаетъ пространство, огражденное со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ. Общій характеръ мѣстности былъ слѣдующій: глубокая, обширная долина

переѣзывалась крутымъ и широкимъ оврагомъ и шедшими отъ него отрогами, въ которыхъ протекало много рѣчекъ, ручьевъ и родниковъ; у подошвы оврага раскинулись главныя селенія общества: Анди, Гогатль и др., отъ нихъ поднимались террасами поля, а по уступамъ горъ находились обильныя пастбища.

Когда отрядъ вступилъ въ Андію, то всѣ поля были покрыты несобраннымъ еще хлѣбомъ.

Въ долинѣ дымились развалины селеній, а у Гогатля собралось скопище горцевъ, около 6.000 человѣкъ. Здѣсь произошло первое упорное сраженіе. Горцы дрались съ мужествомъ, и селеніе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки; но, наконецъ, непріятель былъ отброшенъ и скопище разсѣялось.

Къ вечеру отрядъ предпринялъ обратное слѣдованіе, не будучи почти совсѣмъ преслѣдуемъ.

Въ тотъ же день занято нами селеніе Анди, въ которомъ найдено около 300 ядеръ.

Безостановочное снабженіе войскъ продовольственными запасами и наблюденіе за безопасностью расположенныхъ на сообщеніи эшелоновъ возложено было на генералъ-лейтенанта князя Бебутова.

Войска, составлявшія Дагестанскій отрядъ, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) для прикрытія транспортовъ, которые должны были слѣдовать изъ Евгеніевска въ отрядъ и обратно, остались у перевала Кыркъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Кудашева, 4 баталіона (2-й Апшеронскій), полвзвода саперъ, двѣ сотни казаковъ, при 10-ти орудіяхъ; 2) съ тою же цѣлью расположены въ урочищѣ Мичикалѣ, съ командиромъ Апшеронскаго полка, полковникомъ Ковалевскимъ, 2 баталіона (1-й Апшеронскій), сотня линейныхъ казаковъ и 2 орудія.

3-й баталіонъ Апшеронцевъ поступилъ въ главный дѣйствующій отрядъ. Всего изъ Дагестанскаго отряда присоединилось къ Чеченскому 3 баталіона пѣхоты, 2 роты саперъ, 2 роты Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 1 ½ сотни казаковъ и 7 орудій.

19-го іюня прибылъ транспортъ съ провіантомъ. На другой день главнокомандующій, съ 7-ю баталіонами пѣхоты, 2-я дружинами, 10-ю сотнями кавалеріи и 8-ю горными единорогами произвелъ усиленную рекогносцировку къ сторонѣ селеній Чарбили и Ансальты.

Войска налегкѣ, взявъ съ собою на три дня провіанта, выступили въ 8-мь часовъ утра верхъ по ручью Анди.

Непріятель занималъ партіей, около 1.000 человѣкъ конницы, Речельскій перевалъ и небольшими отрядами высоты, отдѣляющія Анди отъ Чербили. На перевалъ вели три дороги, изъ которыхъ правая — обходная представлялась болѣе легкой и пологой. По ней направленъ былъ авангардъ, между тѣмъ, какъ главныя силы подымались по средней дорогѣ.

Взойдя на перевалъ, кавалерія на самое короткое время пріостановилась. Непріятель, находившійся на высотѣ Тунсадъ-Дагъ, открылъ по войскамъ нашимъ огонь.

Направленныя противъ горцевъ—съ одной стороны кавалерія, а съ другой пѣхотная колонна, заставили ихъ отступать вдоль по хребту къ сторонѣ Ансальты; вскорѣ скопище было сбито со всѣхъ высотъ и спустилось въ долину. Съ горы Тунсадъ-Дагъ открылись богатыя, тонувшія въ садахъ, селенія Тинды и Ботлихъ а также вся долина Андійскаго Койсу.

Войска ночевали на брошенной непріятелемъ позиціи, а 21-го возвратились въ лагерь. Когда всѣ части, предназначенныя для экспедиціи въ Дарго, собрались, то отрядъ получилъ названіе главнаго дѣйствующаго.

Онъ состоялъ изъ 12-ти баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ, въ составѣ 646 человѣкъ, подъ командою подполковника Познанскаго), сапернаго баталіона, 3-хъ ротъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона — всего 8.220 человѣкъ; пѣшей

грузинской милиціи — 800 человѣкъ; 11 сотенъ кавалеріи — 1.176 всадниковъ; 4-е легкихъ и 15-ть горныхъ орудій и 2 мортирки. Перевозочныя средства заключались въ 584 вьюкахъ [3].

Войска приступили къ возведенію временнаго укрѣпленія для вагенбурга на самомъ мѣстѣ лагеря. По окончаніи работы, дальнѣйшее движеніе въ глубь горъ, къ резиденціи Шамиля, могло продолжаться безостановочно.

Непріятель все время не переставалъ наблюдать за отрядомъ. Мелкія партіи мюридовъ бродили ночью вокругъ лагеря, съ цѣлью неожиданно въ темнотѣ убить кого-нибудь, или захватить въ плѣнъ неосторожно отдалившагося отъ лагерной стоянки; но попытки эти, при соблюдаемой осторожности, оставались безъ успѣха.

Такъ напр., 24-го іюня секретъ Апшеронцевъ, на который наткнулись горцы, убилъ одного изъ нихъ, а двухъ взялъ въ плѣнъ [4]. Отъ расположенія нашего лагеря до убѣжища Шамиля считалось всего 18-ть верстъ, и вели туда три дороги, изъ коихъ двѣ были удобны для движенія.

Къ 6-му іюля укрѣпленіе для вагенбурга было окончено, необходимое количество продовольствія подвезено, — слѣдовательно, ничто не препятствовало двинуться въ Дарго.

Изъ селенія Гогатля въ Дарго вели двѣ дороги: одна, ближайшая къ Чарбелійскимъ высотамъ, представляла сначала широкій и весьма удобный путь, но потомъ обращалась въ тропинку и спускалась въ узкое и чрезвычайно глубокое лѣсистое ущелье рѣки Аксая—въ верховьяхъ ея. Другая дорога шла по высотамъ праваго берега Аксая; проходя большей частью по лѣсистымъ гребнямъ, она была довольно удобна для слѣдованія. Послѣднюю дорогу графъ Воронцовъ избралъ для наступленія.

6-го іюля, въ 4-е часа утра, отрядъ выступилъ изъ лагеря, оставя въ укрѣпленіи у Гогатля 5 ротъ при одномъ горномъ единорогѣ.

Войска слѣдовали въ такомъ порядкѣ: въ авангардѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бѣлявскаго, шли 2 баталіона, рота саперъ, сотня казаковъ и 4-е горныхъ орудія; правая обходная колонна, подъ начальствомъ полковника Меллеръ-Закомельскаго, состояла изъ 6-ти ротъ, взвода стрѣлковъ и 2-хъ дружинъ; лѣвая обходная колонна, полковника Козловскаго, — изъ 2-хъ баталіоновъ, грузинской дружины и взвода стрѣлковъ; главныя силы, — 3 баталіона, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Клугенау и, наконецъ, генералъ-маіоръ Лабинцевъ, съ аріергардомъ, изъ 2-хъ баталіоновъ (3-й баталіонъ Апшеронцевъ), 4-хъ горныхъ орудій и всей кавалеріи отряда.

Генералъ-маіоръ Фокъ со всѣми туземными милиціями (осетинская, кабардинская, дигорская и эрпелинская), двигался лѣвѣе отряда, съ цѣлью, если позволитъ мѣстность, быстро преслѣдовать непріятеля.

Въ описываемое время аулъ Дарго игралъ такую же роль, какъ нѣкогда Ашальты, Карата и Чиркей; онъ былъ главнымъ мѣстопребываніемъ Шамиля; сюда стекались всѣ его приверженцы и мюриды. Аулъ находился въ долинѣ Аксая, на правомъ берегу этой рѣки, въ 20-ти верстахъ отъ Гогатля.

Дорога изъ Андіи въ Ичкерію направлялась черезъ хребетъ Речелъ и Черныя Горы затѣмъ; пройдя перевалъ Гумха, она спускалась въ верховья притока Аксая, Мулла-Санжабіатхли-Тлинъ, и подымалась на хребетъ, составляющій правую сторону ущелья въ верховьяхъ Аксая. Этотъ хребетъ, сначала совершенно открытый, на 14-й верстѣ отъ Гогатля, прерывался глубокимъ оврагомъ; дорога здѣсь извивалась по хребту и дну оврага, входила въ дремучій Ичкеринскій лѣсъ, по которому шла на разстояніи

---

3) Дѣло № 19. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

4) Дѣло № 19. 2-е отдѣленіе Генеральнаго Штаба.

3-хъ верстъ, пересѣкаясь значительно возвышенной поляной, передъ крутымъ спускомъ въ Дарго.

Спускъ лѣсистой покатости въ 45° продолжался на протяженіи одной версты и затѣмъ, по обрыву праваго берега Аксая, подходилъ къ самому аулу.

Возвышенную площадку въ лѣсу занимало главное скопище Шамиля; все же пространство лѣса, отъ площадки до опушки къ сторонѣ Гогатля, было укрѣплено завалами изъ срубленныхъ деревьевъ, въ два и три обхвата толщиною, а при входѣ въ лѣсъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ дороги, горцы устроили каменные завалы.

Пройдя 14-ть верстъ, отрядъ остановился надъ спускомъ въ оврагъ, отдѣлявшій даргинскій лѣсъ отъ Черныхъ Горъ.

Войскамъ данъ былъ двухчасовый отдыхъ, во время котораго колонны стягивались къ оврагу; партіи непріятеля все время входили въ лѣсъ и приготовлялись къ оборонѣ заваловъ.

Для занятія опушки лѣса направлена лѣвая обходная колонна. Атаковавъ горцевъ, она дала возможность авангарду, безъ большихъ потерь, приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ находился первый завалъ, а двѣ удачно брошенныя гранаты привели мюридовъ въ замѣшательство, такъ что двинутый противъ нихъ баталіонъ безъ особаго труда очистилъ завалъ.

По ближайшемъ осмотрѣ, оказалось, что дорога до площадки проходила по дремучему лѣсу и состояла изъ узкаго перешейка, тянувшагося по вершинѣ хребта, прерываясь изрѣдка спусками и подъемами.

До 20-ти заваловъ, расположенныхъ одинъ за другимъ, преграждали путь, кромѣ того горцы взобрались на деревья, откуда открыли стрѣльбу по баталіону, занимавшему первый завалъ.

Оставаться въ занятомъ завалѣ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, не было возможности, поэтому авангардъ пошелъ впередъ, занимая одинъ завалъ за другимъ.

Командовавшій всѣмъ отрядомъ, генералъ-отъ-инфантеріи Лидерсъ, опасаясь за увлекшіяся преслѣдованіемъ войска, нѣсколько разъ посылалъ имъ приказанія остановиться.

Но солдаты неудержимо рвались впередъ, и приказанія дошли до нихъ только по занятіи ими пятаго завала; однако и здѣсь они не могли остаться, ибо непріятель производилъ мѣткую стрѣльбу изъ впереди лежавшаго завала. Занявъ и этотъ завалъ, генералъ Бѣлявскій остановилъ свои войска.

Между тѣмъ, къ авангарду подошло подкрѣпленіе изъ одного баталіона и дружины. Тогда Бѣлявскій вновь двинулся впередъ и направился къ возвышенной площадкѣ, гдѣ находился непріятельскій лагерь. Мюриды подожгли лагерь и начали отступать къ Дарго.

Прибывшій къ авангарду генералъ-лейтенантъ Гурко, приказалъ направить одну роту саперъ для разработки спуска.

Тѣмъ временемъ, главныя силы, подъ прикрытіемъ боковыхъ цѣпей, подвигались впередъ и подошли уже къ узкому перешейку въ лѣсу, о которомъ говорилось выше. Боковыя цѣпи, не имѣя возможности слѣдовать лѣсомъ, вышли на дорогу.

У перешейка собралось значительное скопище горцевъ; для разсѣянія его былъ открытъ огонь изъ двухъ горныхъ орудій, но менѣе чѣмъ въ четверть часа, батарейная прислуга была перебита, а генералъ-маіоръ Фокъ, бросившійся наводить орудіе, получилъ смертельную рану.

Дерзость непріятеля дошла до того, что онъ бросился на орудія, но былъ отбитъ.

Наконецъ, казаки и милиціонеры, спустившіеся въ оврагъ, успѣли выбить засѣвшихъ тамъ горцевъ и очистили дорогу.

Прибывъ къ авангарду, графъ Воронцовъ приказалъ занять пылавшее Дарго, что и было исполнено, подъ выстрѣлами съ противоположнаго берега Аксая.

Въ этотъ день потеря отряда заключалась: въ 1 генералѣ, 1 штабъ-офицерѣ, 2 оберъ-офицерахъ, 28 нижнихъ чиновъ и 4 милиціонерахъ убитыми; ранены: 9 штабъ и оберъ-офицеровъ (въ томъ числѣ адъютантъ главнокомандующаго, князь Дондуковъ-Корсаковъ), 98 нижнихъ чиновъ и 50 милиціонеровъ; контужено 32 человѣка и перебито много лошадей. Потеря горцевъ не извѣстна.

Шамиль, перешелъ Аксай и расположился лагеремъ по дорогѣ къ Маюртупу [5].

Всю ночь и утромъ 7-го іюля горцы производили по нашему лагерю пальбу ядрами, вслѣдствіе чего положеніе войскъ сдѣлалось крайне тяжелымъ.

Чтобы избавить отрядъ отъ безполезныхъ потерь, а также очистить отъ непріятеля высоты лѣваго берега Аксая, куда графъ Воронцовъ предполагалъ перенести лагерь, рѣшено было атаковать непріятеля.

Лѣвый берегъ рѣки Аксая возвышается надъ правымъ; на самомъ высокомъ мѣстѣ его, противъ Дарго, расположено селеніе Белгатой и разбросано нѣсколько хуторовъ; какъ въ селеніи, такъ и въ хуторахъ находились большія партіи горцевъ.

Для взятія Белгатоя составленъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лабинцева, изъ 5 1/2 баталіоновъ (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ), роты саперъ, 2-хъ ротъ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, 6 сотенъ казаковъ, всей милиціи и 6-ти горныхъ орудій.

Около полудня, 7-го іюля, Лабинцевъ двинулся по направленію къ Маюртупу, имѣя въ первой линіи 3-й баталіонъ Апшеронцевъ и два баталіона Навагинскаго полка съ 4-мя горными орудіями. Не смотря на чрезвычайно трудный подъемъ, баталіоны выгнали непріятеля, засѣвшаго въ лѣсу; горцы отступили къ Белгатою, гдѣ заняли сакли и огороды, намѣреваясь упорно защищаться. Безостановочно слѣдовавшая за непріятелемъ пѣхота 1-й линіи выбила непріятеля изъ селенія и преслѣдовала бѣгущихъ нѣсколько верстъ.

Отъ Белгатоя мѣстность становилась уже болѣе удобной для дѣйствія.

Генералъ Лабинцевъ послалъ Апшеронцевъ съ двумя горными орудіями вправо; баталіонъ Навагинцевъ съ 2-мя орудіями расположился на кладбищѣ, у селенія Цонтери, а вся кавалерія, съ генералъ-маіоромъ Безобразовымъ, выдвинулась впередъ и стала правѣе Апшеронцевъ.

Обезпечивъ, такимъ образомъ, путь отступленія, Лабинцевъ продолжалъ преслѣдованіе еще на разстояніи двухъ-трехъ верстъ.

Находя, что дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля, отдаляя небольшой отрядъ нашъ отъ главныхъ силъ, можетъ подвергнуть его значительнымъ потерямъ при отступленіи, начальникъ отряда предпринялъ обратное движеніе въ лагерь; горцы начали вновь скопляться въ разныхъ мѣстахъ и открыли сильный огонь изъ овраговъ и лѣсу.

Пѣхота отступала медленно, отбивая штыками всѣ отчаянныя атаки горцевъ; десять разъ бросались мюриды въ шашки, но дружные удары въ штыки охлаждали порывы ихъ.

Для обезпеченія переправы черезъ Аксай, Лабинцевъ приказалъ одному баталіону (Навагинскому) и ротѣ саперъ при двухъ орудіяхъ перейти на правый берегъ рѣки и укрѣпиться тамъ.

Вскорѣ бой завязался на всѣхъ пунктахъ. Непріятель сосредоточивалъ свои силы противъ селенія Белгатоя, гдѣ, совершенно неожиданно для него, войска уже находились въ боевомъ порядкѣ, имѣя въ первой линіи на правомъ флангѣ, у кладбища, Апшеронцевъ.

Кладбище играло для насъ весьма важную роль: оно обезпечивало правый флангъ и

5) Дѣло № 19. Донесеніе генерала Лидерса № 99. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

прикрывало движеніе колоннъ по весьма узкой и лѣсистой дорогѣ, пролегавшей по крутому спуску къ ущелью Аксая; вотъ почему сосредоточенныя силы непріятеля главнымъ образомъ устремились на этотъ пунктъ.

«Кладбище нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки; но храбрые Апшеронцы съ примѣрнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ удерживали за собою и кладбище, и правую оконечность разбросаннаго селенія Белгатоя, мужественно опрокидывали атакою въ штыки отчаянно налегающія толпы горцевъ».

«Командиръ 3-го бататаліона Апшеронскаго полка, извѣстный храбростью и хладнокровной распорядительностью въ битвахъ, подполковникъ Познанскій, былъ убитъ, но Апшеронцы продолжали бой съ тѣмъ же мужествомъ»[6].

На лѣвомъ флангѣ также кипѣлъ бой. Баталіонъ Люблинскаго полка штыками отбивалъ натиски горцевъ, выходившихъ изъ лѣсу. Въ то же время толпы непріятеля, пробравшіяся подъ защитою лѣса въ Аксаевское ущелье, зашли въ тылъ отряду и пытались отрѣзать ему путь отступленія; но направленныя сюда 3 роты при 4-хъ крѣпостныхъ ружьяхъ и одномъ горномъ орудіи оттѣснили горцевъ и удержали за собою переправу черезъ Аксай.

Дорога къ спуску становилась весьма узкою; отбросивъ снова непріятеля на всѣхъ пунктахъ, генералъ Лабинцевъ приказалъ баталіонамъ Люблинскаго и Замосцкаго полковъ спуститься къ переправѣ, а самъ съ Апшеронцами и Навагинцами остался въ аріергардѣ, «причемъ Апшеронцы изъявили новое доказательство примѣрной неустрашимости, принимая непріятеля безъ выстрѣла въ штыки»[7].

Не смотря на необыкновенно трудную для движенія войскъ мѣстность, не смотря на сильный артиллерійскій и ружейный огонь горцевъ, аріергардъ отступалъ въ стройномъ порядкѣ, не оставляя въ рукахъ непріятеля ни одного убитаго, ни одного раненаго.

Артиллерійскій огонь непріятеля не причинилъ отступавшимъ войскамъ никакого вреда; но отъ ружейнаго уронъ былъ весьма чувствителенъ и заключался въ 1-мъ убитомъ штабъ-офицерѣ *(подполковникъ Познанскій)*, одномъ оберъ-офицерѣ и 28-ми нижнихъ чинахъ; ранено большей частью легко: 9 штабъ и оберъ-офицеровъ *(Апшеронскаго полка поручикъ Пургасовъ и подпоручикъ Кайданъ)* и 178 нижнихъ чиновъ.

Уронъ горцевъ былъ вѣроятно великъ: они едва успѣвали убирать тѣла съ поля битвы.

«Результатами произведеннаго движенія явилось истребленіе и преданіе пламени нѣсколькихъ хуторовъ Шамиля», пишетъ графъ Воронцовъ въ своемъ донесеніи Императору Николаю I.

Нельзя не сознаться, что мы весьма дорого заплатили за эти хутора, или проще сказать, саманники, а Апшеронцы въ особенности, потерявъ здѣсь своего храбраго командира баталіона и около 70-ти нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Непріятель, по прежнему занялъ правый берегъ Аксая откуда тревожилъ отрядъ ружейнымъ огнемъ и выстрѣлами изъ орудій. Съ наступленіемъ сумерекъ, колонна Лабинцева возвратилась въ лагерь. 8-го и 9-го іюля непріятель не особенно тревожилъ отрядъ, и войска отдыхали, въ ожиданіи транспорта съ разнаго рода запасами.

Утромъ 10-го числа транспортъ этотъ показался на высотахъ, отдѣляемыхъ отъ Дарго большимъ лѣсистымъ оврагомъ, въ которомъ происходило дѣло 6-го іюля. Чтобы не подвергать транспортъ затрудненіямъ при переходѣ черезъ оврагъ, графъ Воронцовъ рѣшилъ выслать на встрѣчу ему особый отрядъ, который, пройдя оврагъ, долженъ былъ принять доставленные запасы и порціонный скотъ и возвратиться съ ними въ лагерь, отрядъ же,

---

[6] Тамъ-же. Донесеніе генерала Лабинцева, № 91.

[7] Тамъ-же.

къ овладѣнію крѣпостью Журжей; но попытки турокъ не имѣли успѣха. Въ половинѣ апрѣля, комендантъ Журжи, полковникъ Бекельманъ, получилъ извѣстіе, что турки, собравшись въ большихъ силахъ, подъ начальствомъ Дервишъ-паши, имѣютъ намѣреніе произвести нападеніе на Журжу и, пользуясь малочисленностью гарнизона, овладѣть ею. Дервишъ-паша предполагалъ, произведя фальшивую атаку крѣпости со стороны острова, направить главный ударъ на Слободзейскій редутъ. Графъ Салтыковъ усилилъ журжинскій гарнизонъ 600 человѣкъ Апшеронцевъ, изъ лучшихъ людей полка, при двухъ полковыхъ пушкахъ, поручивъ начальство надъ ними подполковнику Ивану Дурново. Это подкрѣпленіе прибыло въ Журжу ночью 19-го апрѣля, а въ 4 часа пополуночи 20-го числа непріятель, не подозрѣвая объ усиленіи гарнизона, произвелъ нападеніе. 49 судовъ съ турецкою пѣхотою направились вверхъ по Дунаю для атаки Слободзейскаго редута, а 14 большихъ галеръ и около 100 судовъ разной величины производили высадку на острова, противъ крѣпости. Какъ только турки стали выходить на острова, то Бекельманъ стянулъ къ Журжѣ всѣ отдѣльные посты; въ садахъ онъ расположилъ пѣхоту; небольшая команда Апшеронцевъ, подъ начальствомъ подпоручика Степана Поскочина, осталась у крѣпости, а остальные, съ подполковникомъ Дурново, направлены въ помощь гарнизону Слободзейскаго редута.

Принявъ отступленіе нашихъ постовъ за начало успѣха, турки открыли со всѣхъ своихъ орудій огонь по крѣпости и вслѣдъ затѣмъ стали приближаться къ Журжѣ. Желая ближе произвести высадку, непріятель сталъ вводить суда свои въ узкій проливъ, отдѣляющій крѣпость отъ острова. На всѣ приготовленія непріятеля, съ нашей стороны не отвѣчали ни единымъ выстрѣломъ: полковникъ Бекельманъ желалъ, чтобы непріятель, упоенный призрачнымъ успѣхомъ, подошелъ ближе и тогда уже атаковать его.

Турки дались въ обманъ и, предполагая, что бездѣйствіе нашихъ войскъ происходитъ отъ наведеннаго на нихъ страха, сдѣлались еще смѣлѣе и начали подходить къ крѣпости.

Когда они приблизились уже на хорошій картечный выстрѣлъ, то со всѣхъ орудій открытъ былъ по нимъ и по тѣснившимся въ проливѣ судамъ сильнѣйшій огонь.

Сосредоточенный огонь нашихъ батарей былъ для турокъ совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ, и они въ паническомъ страхѣ стали метаться на островѣ, отыскивая путь къ спасенію; тѣ же, которые имѣли неосторожность перейти съ острова къ крѣпости, бросились на суда, но многія изъ послѣднихъ были уже потоплены.

Въ это время подпоручикъ Поскочинъ, преслѣдуя непріятеля, вскочилъ со своею командою въ одно изъ взятыхъ у непріятеля судовъ и переплылъ на островъ; сюда же подоспѣли и казаки, бросившіеся вплавь. Не видя никакого спасенія и не желая просить пощады, турки дрались съ отчаяніемъ и всѣ погибли подъ штыками Апшеронцевъ и подъ саблями донцовъ [2]).

Во время сраженія на островѣ, прапорщикъ Алексѣй Никитинъ, находившійся въ командѣ Поскочина, съ частью нижнихъ чиновъ бросился къ толпѣ турокъ, среди которыхъ находилась пушка. Изъ-за нея началась ожесточенная схватка; турки не хотѣли уступить своего орудія и погибли до единаго человѣка, послѣ чего Апшеронцамъ досталась и пушка [3]).

Точно такая же участь постигла и непріятельскій отрядъ, высадившійся противъ Слободзейскаго редута. Получивъ приказаніе идти на помощь гарнизону редута, подполковникъ Дурново провелъ свой отрядъ лощинами и вышелъ въ тылъ непріятелю. Оставивъ на берегу Дуная двѣ роты, подъ начальствомъ секундъ-маіора Якова Теглева, Дурново приказалъ ему разсыпаться по берегу и не допускать турокъ садиться на суда; оба полковыя орудія и 50

---

[2]) Донесеніе Бекельмана отъ 22-го апрѣля. Дѣло № 529. Военно-Ученый Архивъ.
[3]) Дѣло № 107 (А). Реляція графа Румянцева.

человѣкъ Апшеронскаго полка, подъ командою поручика Льва Рарога, стали у самой рѣки, съ цѣлью не позволять судамъ приближаться къ берегу и спасать бѣгущихъ. Сдѣлавъ всѣ означенныя распоряженія, подполковникъ Дурново съ остальными людьми направился къ редуту и атаковалъ турокъ съ тылу. Когда непріятель увидѣлъ пришедшее подкрѣпленіе, то уже, не надѣясь на успѣхъ предпріятія, желалъ только пробиться къ судамъ и всей массой обрушился на колонну подполковника Дурново. Апшеронцы встрѣтили турокъ штыками и отбросили ихъ; въ то же время гарнизонъ Слободзейскаго редута сдѣлалъ вылазку, и, поставленные среди двухъ огней, турки, не видя никакого спасенія, съ отчаяніемъ бросались на солдатъ и погибали на штыкахъ; немногимъ удалось добѣжать къ рѣкѣ, но и тутъ ихъ ожидала смерть. Маіоръ Теглевъ и поручикъ Рарогъ не позволили ни одному судну приблизиться къ берегу, и турки, бросаясь въ воду, тонули въ волнахъ Дуная.

Въ 6 часовъ сраженіе было окончено; непріятель потерпѣлъ полное пораженіе, потерявъ при этомъ до 1.500 человѣкъ, одно орудіе и нѣсколько судовъ, а многія изъ послѣднихъ были потоплены выстрѣлами изъ орудій.

Вся честь дѣла 20-го апрѣля безспорно принадлежитъ Апшеронцамъ, изъ коихъ команда Поскочина дѣйствовала на островѣ, а подполковникъ Дурново съ остальной частью у Слободзейскаго редута. «Сами плѣнные признавались, что появленіе отряда Дурново въ тылу ихъ до такой степени поразило ихъ, что они, объятые паническимъ страхомъ и не смотря на то, что все-таки силы ихъ въ нѣсколько разъ превышали численность колонны Дурново, уже отказались отъ предпріятія и думали только о спасеніи»[4].

Наша потеря заключалась въ 34-хъ нижнихъ чинахъ убитыми и ранеными, преимущественно Апшеронскаго полка.

Не успѣло еще изгладиться впечатлѣніе послѣ славнаго дѣла у Журжи, какъ Апшеронскому полку вновь пришлось сразиться, но уже не съ такой удачей, впрочемъ, совсѣмъ не по винѣ полка, — мы говоримъ о дѣлѣ у Мавродина.

Для болѣе удачнаго исполненія военныхъ операцій на правомъ берегу, Румянцевъ образовалъ на Дунаѣ гребную флотилію, служившую для перевозки войскъ нашихъ во время ихъ поисковъ за Дунай. Чтобы парализовать дѣйствія флотиліи, турки устроили не среднемъ теченіи Дуная, въ 20-ти верстахъ ниже Рущука, у деревни Мавродинъ, укрѣпленный лагерь и построили батарею на 4 орудія; другой непріятельскій лагерь находился по близости, у деревни Тобанъ. Хотя оба лагеря и не отличались многочисленностью непріятеля, тѣмъ не менѣе, удачно выбранные пункты могли мѣшать свободному плаванію нашихъ судовъ, поэтому графъ Салтыковъ предписалъ полковнику князю Репнину сдѣлать поискъ на правый берегъ Дуная и «сорвать» оба турецкихъ лагеря; предпріятіе приказано совершить ночью, а съ разсвѣтомъ войска должны были уже возвратиться. Въ отрядъ Репнина назначены: весь Апшеронскій полкъ, подъ командою подполковника Дурново, 2 гренадерскія роты Низовскаго полка, 2 эскадрона карабинеръ, команда казаковъ, 4 полковыхъ и 2 полевыя пушки.

Утромъ 15-го мая, всѣ части, назначенныя въ экспедицію, собрались и передъ вечеромъ выступили къ мѣсту переправы. Но здѣсь князя Репнина ожидала первая неудача: необходимыя для переправы войскъ черезъ Дунай суда еще не прибыли, пришлось ждать нѣсколько часовъ и только уже съ разсвѣтомъ отрядъ сталъ переправляться.

Само собою разумѣется, это обстоятельство имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ предпріятія, весь успѣхъ котораго былъ расчитанъ на неожиданности и быстротѣ.

[4] Донесеніе полковника Бекельмана, отъ 22-го апрѣля. Дѣло № 529. Военно-Ученый Архивъ.

Турки отлично видѣли начавшуюся переправу и заранѣе приготовились къ принятію нашихъ войскъ.

На лѣвомъ берегу были оставлены 2 полевыя пушки и карабинеры для прикрытія переправы, въ случаѣ попытки непріятеля со стороны Рущука помѣшать ей. Планъ начальника отряда заключался въ томъ, чтобы, высадившись у Мавродинской батареи, овладѣть ею; потомъ, оставивъ тамъ двѣ роты Низовскаго полка, съ Апшеронскимъ полкомъ атаковать лагерь у Мавродина, овладѣть имъ и сжечь[5].

Въ авангардѣ переправлялись роты маіора Юргенса (Низовскія). Онъ направилъ свои лодки прямо на батарею. Турки встрѣтили авангардъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, вслѣдствіе чего всѣ лодки, кромѣ той, на которой находился самъ Юргенсъ, поплыли внизъ по Дунаю, къ деревнѣ Табанъ. Въ рапортѣ своемъ маіоръ Юргенсъ пишетъ: «я кричалъ, чтобы прочія лодки пристали ко мнѣ, но никто не послушался»[6].

Такимъ образомъ, первое предположеніе о взятіи непріятельской батареи кончилось полной неудачей. Авангардъ Юргенса высадился на берегъ вблизи Табана и выбилъ изъ послѣдняго турокъ.

Между тѣмъ, на правый берегъ прибылъ слѣдующій эшелонъ, состоявшій изъ 1-го баталіона Апшеронскаго полка, подъ командою премiеръ-маіора Брянчанинова; онъ сталъ лѣвѣе авангарда; вслѣдъ за нимъ причалилъ князь Репнинъ со 2-мъ баталіономъ и высадился правѣе авангарда.

Какъ только турки увидѣли, что уже весь отрядъ собрался на правомъ берегу, то большія массы ихъ направились къ судамъ.

Маіоръ Юргенсъ, именемъ князя Репнина, приказалъ Брянчанинову съ баталіономъ остаться у судовъ и отражать покушенія турокъ, а самъ двинулся на соединеніе съ остальными войсками, послѣ чего отрядъ берегомъ направился къ Мавродину. И такъ, вслѣдствіе неудачнаго покушенія на мавродинскую батарею, планъ Репнина существенно измѣнился и приводился въ исполненіе уже въ обратномъ порядкѣ. Когда карре Репнина и Юргенса двинулись къ Мавродину, то со стороны Рущука показалась непріятельская флотилія и въ тоже время около 6.000 пѣшихъ и конныхъ турокъ окружили наши войска. Опасаясь потерять путь отступленія и видя себя окруженнымъ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ, князь Репнинъ сталъ думать объ отступленіи, но противъ этого возсталъ подполковникъ Дурново, сказавъ: «стыдно думать о ретирадѣ; мы еще у непріятеля ничего не выиграли»[7]. Болѣе часу оставался отрядъ на правомъ берегу, но ничего не предпринималъ; наконецъ, въ 9 часовъ утра, Репнинъ рѣшилъ отступать, и войска двинулись къ своимъ судамъ. Тогда турки сдѣлались смѣлѣе; они окружили наши войска со всѣхъ сторонъ и производили частыя нападенія, съ цѣлью разстроить карре. Но мѣткая пальба и совершенный порядокъ при отступленіи уничтожали всѣ попытки непріятеля. Дойдя до судовъ, Репнинъ прежде всего поставилъ на нихъ пушки, а затѣмъ уже началась посадка солдатъ. Непріятель съ яростью атаковалъ войска, турки бросались въ воду и подплывали къ нашимъ судамъ. Отраженіе непріятеля сдѣлалось тѣмъ труднѣе, что пушки находились уже на судахъ и половина войскъ занималась посадкой. Первыми отплыли баталіонъ Брянчанинова и часть 2-го баталіона, а другая часть его и двѣ роты Низовскаго полка остались въ аріергардѣ. Съ уменьшеніемъ нашихъ войскъ, турки дѣлались все болѣе и болѣе дерзкими; они окружили аріергардъ со всѣхъ сторонъ и солдаты принуждены были штыками пробивать себѣ

5) Рапортъ маіора Брянчанинова.
6) Рапортъ маіора Юргенса генералъ-маіору Колюбакину отъ 18-го мая. Дѣло № 507. Военно-Ученый Архивъ.
7) Дѣло № 507. Военно-Ученый Архивъ.

дорогу къ судамъ. Неуспѣвшимъ добраться до лодокъ, князь Репнинъ приказалъ хвататься за борты, чтобы поскорѣе отплыть отъ берега; но плававшіе вокругъ турки препятствовали движенію лодокъ, а къ довершенію несчастья, суда, отъ чрезмѣрной тяжести, сѣли на мель. Лодку, на которой находился самъ Репнинъ, кое какъ удалось стащить съ мели, но, лишенная руля, она поплыла внизъ по теченію, а затѣмъ была окружена турецкими галерами, которыя стали бортъ о бортъ съ нашей лодкой. Надежда на спасеніе изчезла, оставалось только съ честью умереть.

Выстрѣливъ послѣдній разъ изъ пушки, солдаты приняли непріятеля въ штыки; неравная борьба продолжалась недолго, и скоро всѣ солдаты погибли подъ саблями многочисленныхъ спаговъ. Здѣсь же убиты были Апшеронскаго полка: *храбрый подполковникъ Дурново, капитаны: Алексѣй Балкорскій и Сергѣй Лучиновскій,* а двое братьевъ секундъ-маіоры Александръ и Николай Дивовы взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ полковникомъ княземъ Репнинымъ [8].

Неудачная мавродинская экспедиція стоила намъ 265 убитыхъ, 49 раненыхъ и многихъ взятыхъ въ плѣнъ. Въ Апшеронскомъ полку, кромѣ поименованныхъ выше офицеровъ, убито: сержантовъ 4, унтеръ-офицеровъ и капраловъ 8, музыкантовъ 7, гренадеръ 53 и мушкетеръ 81 [9].

Изъ описанія мавродинскаго поиска можно усмотрѣть, что неудачный исходъ его, главнымъ образомъ, произошелъ вслѣдствіе нераспорядительности и неэнергичности начальника отряда полковника князя Репнина и въ неумѣньи его выбрать должный моментъ для производства нападенія.

Графъ Салтыковъ, посылая Репнина въ экспедицію, указалъ ему на главное и непремѣнное условіе, отъ котораго зависилъ удачный исходъ ея: «нападеніе должно быть произведено неожиданно и обязательно ночью». А между тѣмъ, князь Репнинъ главное то условіе и упустилъ изъ виду, т. е. произвелъ нападеніе днемъ. Мѣсто переправы было выбрано неудачно и нашимъ судамъ пришлось, подъ выстрѣлами турокъ, спускаться отъ Мавродина къ Табану. Послѣ высадки произошло раздѣленіе и безъ того уже малочисленнаго отряда, и 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, по приказанію начальника отряда, принужденъ былъ бездѣйствовать. Проведя безъ всякой пользы 6 часовъ на правомъ берегу Дуная и давъ непріятелю возможность усилиться, Репнинъ предпринялъ обратное движеніе, причемъ порядокъ отступленія прямо указываетъ на отсутствіе въ начальникѣ отряда главнаго фактора, необходимаго каждому военному — находчивости. Посадивъ большую часть своихъ войскъ на суда, онъ, вмѣсто того, чтобы прикрыть сосредоточеннымъ изъ лодокъ огнемъ отступленіе аріергарда, отправилъ ихъ на лѣвый берегъ, лишилъ себя поддержки и, такимъ образомъ, явился причиною гибели аріергарда.

Конечно, само по себѣ дѣло у Мавродина, нося характеръ только лишь поиска, не могло особенно вредно отозваться на общемъ ходѣ военныхъ операцій; однако оно замѣтно подняло упавшій духъ непріятеля, который, усилившись на правомъ берегу Дуная, сталъ обнаруживать намѣреніе производить нападенія на наши посты. Все это, въ связи съ приближеніемъ времени для начатія военныхъ дѣйствій, заставило графа Румянцева перейти съ главными силами отъ Фокшанъ къ Браилову, гдѣ предполагалось устроить мостъ.

Въ тоже время фельдмаршалъ предписалъ графу Салтыкову сосредоточить ввѣренную ему дивизію въ среднемъ теченіи Дуная, въ надеждѣ, что турки, предположивъ отсутствіе войскъ въ странѣ, рискнутъ перенести театръ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ Дуная.

[8] По окончаніи войны, оба брата Дивовы вернулись изъ плѣна и были переведены въ гвардію.
[9] Донесеніе секундъ-маіора Брянчанинова. Дѣло № 529. Военно-Ученый Архивъ.

Приготовляясь перейти въ наступленіе, Румянцевъ остался вѣренъ принятой имъ системѣ поисковъ въ предѣлы непріятеля, и во время одного изъ такихъ поисковъ, произведеннаго 27-го мая генераломъ Вейсманомъ, турки были на-голову разбиты у Карасу.

Послѣдняя побѣда ускорила наступленіе главной арміи, и 9-го іюня она переправилась черезъ Дунай у мѣстечка Гуробалъ, верстахъ въ 30-ти отъ Силистріи, а вслѣдъ затѣмъ осадила эту крѣпость.

Въ началѣ іюня Салтыковъ сосредоточилъ свою дивизію въ среднемъ теченіи Дуная, имѣя противъ себя непріятеля, расположеннаго въ крѣпостяхъ по правому и лѣвому берегамъ. Для облегченія переправы главной арміи, графъ Румянцевъ предписалъ Салтыкову произвести движеніе къ Турно. Но переправа у Браилова не состоялась и произведена была у Гуробалъ, поэтому движеніе къ Турно теряло свое значеніе. Графъ Салтыковъ оставилъ у этой крѣпости отрядъ въ 2.000 человѣкъ, а съ остальными войсками 8-го іюня перешелъ къ Журжѣ, чтобы отсюда обложить крѣпость Рущукъ. Для облегченія этого предпріятія генералъ-маіоръ Суворовъ, стоявшій съ отрядомъ въ Негоештахъ, по усиленіи его баталіономъ пѣхоты, долженъ былъ произвести нападеніе на Туртукай, послѣ чего, слѣдуя правымъ берегомъ Дуная, подойти къ Рущуку и одновременно съ главными силами штурмовать его. Вскорѣ къ Суворову на подкрѣпленіе высланъ былъ второй баталіонъ и рота гренадеръ Апшеронскаго полка, при двухъ пушкахъ.

Имѣя въ виду серьезность предложенныхъ ему задачъ, Суворовъ находилъ свой отрядъ недостаточно сильнымъ и просилъ прислать еще другой баталіонъ Апшеронскаго полка. Но время шло, а подкрѣпленіе не являлось, и тогда Суворовъ рѣшилъ съ имѣвшимися у него войсками произвести нападеніе на Туртукай.

7-го іюня всѣ распоряженія къ бою были сдѣланы, войска получили диспозицію, которую Суворовъ, не смотря на мучившую его сильную лихорадку, самъ продиктовалъ. Тѣмъ не менѣе, атаки не послѣдовало.

Желая ознакомить частныхъ начальниковъ съ характеромъ мѣстности и переправой, полковникъ князь Мещерскій поѣхалъ съ ними къ берегу Дуная. Но тутъ случилось то, чего никакъ не ожидалъ Суворовъ: осмотрѣвъ противуположный берегъ, начальники частей пришли къ заключенію, что форсированіе переправы, въ виду значительныхъ силъ непріятеля у Туртукая, рискованно и выразили неувѣренность въ успѣхѣ.

Нерѣшительность полковыхъ и баталіонныхъ командировъ крайне огорчила Суворова, онъ разсердился и уѣхалъ въ Бухарестъ, откуда и донесъ о происшедшемъ графу Салтыкову. Въ концѣ донесенія Суворовъ пишетъ: «благоволите Ваше Сіятельство разсудить, могу ли я уже снова надъ такою подлою трусливостію команду принимать и не лучше-ли мнѣ гдѣ на крылѣ примаючить, нежели подвергать себя фельдфебельствомъ моимъ до стыда видѣть подъ собою нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы. Господинъ Б. (полковникъ Батуринъ) причиною всему, всѣ оробѣли и до Касперова: Я чуть имѣлъ движеніе. Какой позоръ! Всѣ оробѣли, лица нѣтъ. Богъ мой, когда подумаю, жилы рвутся» [10].

Суворовъ чрезвычайно мучился сознаніемъ неисполненнаго повелѣнія; не смотря на продолжавшуюся болѣзнь, онъ не оставлялъ мысли произвести поискъ къ Туртукаю и просилъ графа Салтыкова усилить отрядъ его еще однимъ баталіономъ Апшеронскаго полка. Черезъ недѣлю баталіонъ былъ присланъ; 14-го іюня онъ пришелъ къ мѣстечку Ольтеницы, гдѣ находился весь отрядъ. Черезъ два дня сюда-же пріѣхалъ и Суворовъ.

[10]) Дѣло № 507. Военно-Ученый Архивъ. Собственноручная переписка Суворова.

Вечеромъ 16-го числа составлена была диспозиція для предстоявшаго нападенія. Она настолько интересна, что мы приводимъ ее цѣликомъ.

1) «Всѣ пѣхотныя (войска) подлежатъ раздѣлены быть взводы въ 6 рядовъ; такъ переправляются на судахъ и пойдутъ быстро и мужественно на атаку взводною колонною, взводы, намыкая въ раздѣленіяхъ колонны, одинъ на другой и задніе напихивая на передніе весьма».

«Колонна будетъ одна.

2) «Раздѣленіе ея суть: 1) Ребоковъ баталіонъ; Астраханскаго пѣхотнаго 2 роты гренадеръ, 4 мушкетеръ, егеря; 2) Батурина баталіонъ, 4 роты мушкетеръ и въ срединѣ ихъ баталіонъ графа Мелина; 3) Астраханскій карабинерный баталіонъ; 4) Апшеронскій баталіонъ, гренадерская рота въ хвостѣ; 5) всѣ арнауты, что генерала Потемкина и Касперовыхъ отъ 100 до 150. Оные дѣйствуютъ въ лѣсахъ по ихъ искусству набѣгами и ни съ кѣмъ не мѣшаются. Командиръ надъ оными Касперовъ; 6) Ингерманландскій карабинерный полкъ на коняхъ и 160 Леонова казаковъ, на 4 раздѣленія съ нимъ и Сенюшкинымъ. Они и для пикетовъ на той сторонѣ. Между сими отдѣленіями колонны, интервалы шаговъ по 50-ти. Конница дѣйствуетъ сама собою, и для того у Апшеронскаго баталіона гренадерская рота въ хвостѣ, да сверхъ того г-ну Фишеру [11] выбрать 48 стрѣлковъ на 4 отдѣленія, въ каждомъ по два урядника или ефрейтора и у всѣхъ офицеръ. Оные дѣйствуютъ сзади по-егерски, а посему г. Фишеръ съ его баталіономъ въ аріергардѣ и резервѣ».

3) «Идти напрорывъ, выигрывая прежній хребетъ горы, ни мало не останавливаясь. Голова хвоста не ожидаетъ, оный всегда въ свое время поспѣетъ, какъ прежній благополучный опытъ доказалъ. Командиры частей колонны или раздѣленій ни о чемъ не докладываютъ, но дѣйствуютъ сами собою съ поспѣшностію и благоразуміемъ. Ежели всѣ турки засядутъ или будутъ набѣгать сильною толпою, то деташируютъ на ихъ зарѣзъ роту, двѣ роты. И хотя деташируется самъ частный командиръ со всѣмъ его отдѣленіемъ, но сіе безъ крайней нужды не чинить, а лучше ихъ съ крыльевъ колонны отстрѣливать, прорываясь на хребетъ горы. Буде же они ворвались бы (чего почти быть не можетъ) въ кой интервалъ марширующей колонны, то, натурально, слѣдующее отдѣленіе ихъ сейчасъ выжметъ. Не ошибаться на стрѣльбу и нападеніе нашихъ арнаутъ, а инымъ для того надлежитъ кричать безпрестанно сигналъ. Съ кавалеріею придутъ одинъ единорогъ и одна трехфунтовая пушка. Оные доставить въ карре Батурина. При нихъ надлежитъ быть артиллеристовъ для подмоги двойное число, хотя также при нихъ будутъ лошади. Зарядовъ, принадлежностей довольное число, только безъ ящиковъ. Прочія всѣ пушки закрываютъ передовую и разставлены по берегу благоразумно: когда дѣйствіе начнется, то можно изъ нихъ стрѣлять холостыми зарядами, коихъ нарочно посильнѣе и довольно приготовить».

4) «Построеніе на хребтѣ горы есть слѣдующее: фронтъ на рѣку, буде изъ верхняго лагеря турки не уйдутъ; съ праваго крыла баталіонъ Фишера, баталіонъ Астраханскій карабинерный, баталіонъ Батурина, баталіонъ Ребока. Баталіоны Фишера и Ребока — въ 6-ть шереногъ. Баталіоны Астраханскій карабинерный и Батурина — кареями. Кавалерія позади. То-жъ казаки и арнауты. Чего ради ударить сборъ и играть на трубахъ; построеніе, когда мѣсто съ интервалами, въ карре лучше поставить съ крыльевъ, по одной только ротѣ, но сильной».

[11] Командиръ 2-го баталіона Апшеронскаго полка.

«Переправа. Первая линія: 30 лодокъ, Ребоковъ баталіонъ, Батурина съ Мелинымъ баталіонами. Вторая линія: въ 13 мачтовыхъ судовъ, Астраханскій карабинерный баталіонъ, арнауты, ежели не будетъ довольно мѣста, то для Апшеронскаго баталіона придать чайки, которыя пойдутъ позади того баталіона, дабы линію не портить. Касперову съ арнаутами тотчасъ идти своею дорогою и вступать въ свое дѣло. Третья линія: четыре чайки, Ингерманландскій карабинерный полкъ, перемѣшиваясь съ 160 Леонова казаками и при нихъ Леоновъ и Сенюшкинъ. Судамъ возвращаться съ той стороны весьма поспѣшно. И поелику оныя возвращаться будутъ, то сажать на нихъ поспѣшно Ингерманландскій карабинерный съ казаками смѣся. При карабинерахъ отправить и два вышерѣченныя орудія. Вѣстовыя лодки пополамъ на сей и на той сторонѣ. Атака на верхній турецкій лагерь, буде изъ онаго турки не уйдутъ, надлежитъ быть того же часу по построеніи на хребтѣ горы».

«Первая линія: маіоръ Ребокъ, два эскадрона Ингерманландскаго, 40 казаковъ. Касперовъ дѣйствуетъ по обычаю, ни съ кѣмъ не смѣшиваясь. На хребтѣ горы останется карре Батурина, одинъ эскадронъ Ингерманландскаго, 50 арнаутъ, 80 казаковъ, изъ нихъ 40 для содержанія пикетовъ. Атаковать батареи мужественно, разбить, отнять суда и свесть къ переправѣ на нашъ берегъ. Артиллерію турецкую весьма всю въ цѣлости забрать съ лафетами. Ежели гдѣ кучка турокъ будетъ просить ихъ «Аманъ», то давать. Погоню за турками чинить можно кавалеріею, токмо осторожно и недалеко. Впрочемъ, возвращаться въ прежнее построеніе на хребетъ горы»[12].

Весь отрядъ Суворова, включая и два баталіона Апшеронскаго полка, имѣлъ около 3.200 человѣкъ, а именно: пѣхоты 1.700 человѣкъ, регулярной кавалеріи 870, казаковъ и арнаутовъ 700; при отрядѣ находилось: 9 полковыхъ и 9 полевыхъ пушекъ.

Для переправы черезъ Дунай заранѣе были собраны и спущены къ устью рѣки Аржиса суда. Оставивъ при устьѣ Аржиса вновь прибывшій баталіонъ Апшеронцевъ (1-й) и два полка казаковъ, для прикрытія двухъ редутовъ, вооруженныхъ крѣпостными пушками, обстрѣливавшими Дунай ниже Туртукая, Суворовъ всѣ остальныя войска раздѣлилъ для переправы черезъ рѣку на три части: авангардъ, подъ начальствомъ маіора Ребока, состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и 60 стрѣлковъ; главныя силы при полковникѣ Батуринѣ образовали два карре, которыя слѣдовали сейчасъ же за авангардомъ[13]. За ними переправлялись спѣшенные карабинеры князя Мещерскаго, которые должны были составить третье карре.

17-го іюня, за три часа до разсвѣта, войска собрались къ мѣсту переправы.

Туртукай былъ занятъ 4.000 турокъ; они стояли въ двухъ лагеряхъ: бóльшій находился на берегу Дуная, нѣсколько выше разрушеннаго города Туртукая, а второй, меньшій — стоялъ на горѣ, противъ города; оба лагеря турки обнесли высокимъ валомъ.

Непріятельскія войска находились подъ начальствомъ туртукайскаго двухбунчужнаго Физулла-Сари-паши и Дасланъ-паши.

Въ моментъ начала переправы съ нашихъ редутовъ былъ открытъ сильный орудійный огонь, подъ прикрытіемъ котораго авангардъ, а потомъ и главныя силы безпрепятственно совершили переправу. По высадкѣ на противуположный берегъ, войска атаковали передовые окопы и выбили изъ нихъ турокъ; они отступили въ верхній лагерь. Послѣ того весь отрядъ построился слѣдующимъ образомъ: впереди авангардъ Ребока, правѣе его — войска Батурина, возлѣ нихъ — карабинеры Мещерскаго, а аріергардъ составилъ баталіонъ Апшеронскаго полка.

---

[12]) Дѣло № 507 (стр. 282). Военно-Ученый Архивъ.
[13]) Въ составъ карре подъ начальствомъ полковника Батурина вошелъ баталіонъ Апшеронскаго полка.

Теперь предстояло атаковать нагорный ретраншементъ, огражденный глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Пользуясь темнотою ночи, Суворовъ рѣшилъ немедленно атаковать верхній лагерь, поручивъ исполненіе этого предпріятія преміеръ-маіору Ребоку, съ 5 ротами пѣхоты и 40 охотниками стрѣлками Апшеронскаго полка, подъ командою подпоручика Петра Адалимова.

Когда войска подошли ко рву ретраншемента, то непріятель произвелъ вылазку; но находившіеся впереди Апшеронскіе стрѣлки, поддержанные шедшими сзади ротами, отбили нападеніе и обратили турокъ въ бѣгство. Тогда турки открыли по наступавшимъ частямъ сильный пушечный и ружейный огонь. Не смотря на то, колонна Ребока, уступавшая въ численности противнику, спустилась въ ровъ и взобралась на высокій валъ, гдѣ была встрѣчена убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. «Но храбростью и мужествомъ стрѣлковъ, гренадеръ и мушкетеръ, были почти до трехсотъ турокъ перерѣзаны, причемъ отбито у непріятеля 4 мѣдныхъ пушки, одинъ ящикъ съ снарядами и ихъ лагерь» [14].

Но не долго намъ пришлось владѣть непріятельскимъ редутомъ: усилившись, турки атаковали колонну Ребока и заставили ее очистить ретраншементъ.

Для поддержанія маіора Ребока, Суворовъ направилъ карре Батурина и Мелина.

Не смотря на упорное сопротивленіе непріятеля, наши войска штыками вытѣснили его изъ ретраншемента.

Имѣя намѣреніе выбить турокъ и изъ нижняго лагеря, Суворовъ приказалъ переправить къ себѣ двѣ полковыя пушки, часть Ингерманландскаго карабинернаго полка и 160 казаковъ полковника Леонова полка.

«Но непріятель, примѣтивъ это, и обойдя низомъ берега къ переправѣ, занялъ пустую батарею и открылъ изъ нея по переправлявшимся войскамъ огонь изъ пушекъ и ружей». «*Я той же минутѣ послалъ Апшеронскаго баталіона прапорщика Чернявина съ командою оныя пушки прикрыть и онъ пробился храбро сквозь атакующихъ непріятельскихъ наѣздниковъ, взялъ пушки и пришелъ въ занятый непріятельскій ретраншементъ*» [15].

Атакованные вслѣдъ затѣмъ съ тылу и съ фронта, турки были опрокинуты; они отступили сначала въ нижній лагерь, а потомъ бросили послѣдній и въ безпорядкѣ бѣжали къ Рущуку. Въ нижнемъ лагерѣ взято 9 мѣдныхъ пушекъ, много продовольственныхъ запасовъ и 35 судовъ и лодокъ различной величины.

Туртукайскій поискъ стоилъ намъ 6 убитыхъ и 96 раненыхъ. Въ Апшеронскомъ баталіонѣ ранены: *подпоручикъ Петръ Адалимовъ, 6 гренадеръ и 9 мушкетеровъ.*

Непріятель потерялъ около 500 человѣкъ одними убитыми. Въ концѣ своего донесенія генералъ Суворовъ съ большею похвалою отзывался о прапорщикѣ Чернявинѣ, «*который такъ храбро поступалъ, что можно сказать рѣдкоподобно ему офицеръ въ семъ случаѣ сыскаться можетъ* [16].

Въ частномъ письмѣ Суворова къ графу Салтыкову о туртукайскомъ поискѣ мы, между прочимъ, читаемъ: «Милостивый государь графъ Иванъ Петровичъ! Подлинно мы были вчера veni vede, viace (sic!), а мнѣ такъ первоучинка. Вашему сіятельству и впередъ послужу; но человѣкъ безхитростный, мнѣ только, батюшка, давайте поскорѣе второй классъ» [17].

По разбитіи турокъ, Суворовъ возвратился на лѣвый берегъ; съ большею частью отряда онъ сталъ лагеремъ у рѣки Аржиса, а другая часть заняла кордонъ по Дунаю. Апшерон-

---

14) Рапортъ генерала Суворова къ графу Румянцеву отъ 20-го іюня 1773 года, за № 232. Дѣло № 507. Военно-Ученый Архивъ.
15) Донесеніе отъ 20-го іюня 1773 года, № 232. Дѣло № 507.
16) Донесеніе № 232.
17) Дѣло № 507. Собственноручная записка Суворова.

скій баталіонъ секундъ-маіора Фишера расположился южнѣе Аржиса. Для рекогносцированія дѣйствій непріятеля, Фишеръ посылалъ на правый берегъ Дуная небольшія команды, и 7-го іюля одна изъ нихъ, у Туртукайской горы, встрѣтилась съ большими силами турокъ. «Дѣлая непріятелю порядочный отпоръ, команда успѣла отступить, потерявъ три человѣка убитыми и двухъ ранеными» [18].

Въ концѣ апрѣля 1773 года полковникъ Колюбакинъ за военныя отличія произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ при 1-й арміи; въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ сдалъ полкъ старшему въ полку штабъ-офицеру, секундъ-маіору Брянчанинову и самъ распростился съ Апшеронцами.

Бездѣйствіе Салтыкова, находившаго всегда причины откладывать переходъ на правый берегъ Дуная для содѣйствія операціямъ главной арміи, а также усиленіе турокъ подъ крѣпостью Силистріею, вынудило графа Румянцева снять блокаду ея и переправиться опять на лѣвый берегъ. 20-го іюня началось отступленіе, а 25-го числа главная армія переправившись у Гуробалъ, расположилась на позицію при мѣстечкѣ Жигалѣ. Тогда непріятель перешелъ въ наступленіе и произвелъ рядъ поисковъ на лѣвый берегъ Дуная.

Въ продолженіе іюля и августа, Апшеронскій полкъ, находясь въ составѣ войскъ праваго крыла, занималъ посты по Дунаю. Задачи командовавшаго этимъ крыломъ, графа Салтыкова, заключались въ томъ, чтобы удержать непріятеля отъ наступленія, охранять теченіе Дуная между рѣками Ольтою и Аржисомъ и прикрыть Бухарестъ.

Въ концѣ августа Салтыковъ сосредоточилъ части своего корпуса у Журжи, которой угрожало нападеніе непріятеля со стороны Рущука. Но не смотря на превосходство своихъ силъ, турки не рѣшались предпринять что либо противъ крѣпости. Тогда Салтыковъ, уступая настойчивымъ требованіямъ фельдмаршала, рѣшилъ съ частію своего корпуса двинуться къ крѣпости Турно. Оставивъ, на всякій случай, у Журжи болѣе половины войскъ, онъ съ 6-ю пѣхотными и 7-ю кавалерійскими полками, при 29 орудіяхъ, 15-го сентября выступилъ въ походъ. Въ составѣ отряда былъ и Апшеронскій полкъ [19].

Переночевавъ на позиціи при рѣкѣ Калмацуй, Салтыковъ, на разсвѣтѣ 16-го числа, выслалъ впередъ къ Турно всю кавалерію, чтобы атаковать расположенный у крѣпости турецкій лагерь. Ворвавшись совершенно неожиданно въ непріятельскій лагерь, кавалерія произвела въ немъ невообразимый переполохъ; но когда турки увидѣли, что русскихъ мало, то оправились и перешли въ наступленіе. Русская кавалерія, сообразуясь съ полученною отъ Салтыкова инструкціею, отступила къ пѣхотѣ.

Между тѣмъ, графу Салтыкову дали знать, что значительный непріятельскій корпусъ двигается къ деревнѣ Бахонешти, гдѣ стоялъ особый отрядъ генерала Каменскаго; вслѣдствіе чего онъ, не дойдя до Турна, возвратился, съ цѣлью отрѣзать непріятеля отъ этой крѣпости и атаковать его съ тылу. Чрезвычайная жара и форсированный маршъ по совершенно безводной мѣстности сильно изнурили наши войска; многіе солдаты въ изнеможеніи падали на дорогѣ. Тѣмъ не менѣе, Салтыковъ успѣлъ догнать турецкій корпусъ, атаковалъ и разбилъ его. Непріятель оставилъ на мѣстѣ около 150 тѣлъ; русскій отрядъ потерялъ 20 убитыми и 145 ранеными. Въ Апшеронскомъ полку убито 6 нижнихъ чиновъ; ранены: *капитанъ Бердяевъ* и 36 нижнихъ чиновъ. У турокъ взято три знамени.

Въ донесеніи своемъ графу Румянцеву, Салтыковъ, въ числѣ отличившихся, называетъ

---

[18]) Рапортъ Суворова графу Салтыкову, № 339.

[19]) Пѣхота: Апшеронскій, Архангелогородскій, Муромскій, Тенгинскій и 4-й гренадерскій полки; кавалерія: Нижегородскій, Астраханскій и Тобольскій карабинерные; Сербскій гусарскій, 3 эскадрона Ахтырскаго, 3 эскадрона Днѣпровскаго драгунскихъ полковъ и 3 сотни казаковъ. Дѣло № 506. Военно-Ученый Архивъ.

офицеровъ Апшеронскаго полка: *капитана Василія Бердяева и прапорщиковъ Іогана Пилимберга и Алексѣя Мельгунова*[20].

Отсутствіе подножнаго корма и сильное утомленіе войскъ не позволили Салтыкову продолжать движеніе къ Турно; давъ отдыхъ отряду, 17-го сентября онъ выступилъ къ рѣкѣ Калмацуй, а на другой день расположился лагеремъ у рѣки Тилоурманъ. Здѣсь корпусъ оставался почти до конца октября. 23-го числа этого мѣсяца графъ Салтыковъ, переправившись на островъ противъ Журжи, устроилъ на немъ нѣсколько батарей и открылъ огонь по крѣпости Рущуку; но непріятель изъ крѣпости не выходилъ, а огонь нашихъ орудій былъ мало дѣйствителенъ. Поэтому Салтыковъ приказалъ батареи срыть и отступилъ въ свой прежній лагерь.

Чтобы содѣйствовать главной арміи въ предпріятіи ея противъ крѣпости Шумлы, Салтыковъ рѣшилъ переправиться черезъ Дунай. Мѣстомъ переправы избрана деревня Мавродинъ, гдѣ находился значительный непріятельскій отрядъ. 3-го ноября войска начали переправу и, не смотря на сопротивленіе турокъ, разбили ихъ, взяли деревню Мавродинъ и расположились въ ней лагеремъ. Отсюда Салтыковъ отправлялъ болѣе или менѣе значительные отряды, для развѣдыванія о непріятелѣ и разбитія партій его, бродившихъ въ окрестностяхъ. Когда наши разъѣзды дали знать, что Туртукай брошенъ турками, туда былъ посланъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Сатина.

Вслѣдъ затѣмъ, въ подкрѣпленіе ему отправленъ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, при двухъ пушкахъ, подъ командою секундъ-маіора Алымова. При деревнѣ Оперъ этотъ баталіонъ подвергся нападенію 5.000 турокъ. Всѣ отчаянныя атаки непріятеля были мужественно отбиты и, наконецъ, онъ опрокинутъ и разсѣянъ. Болѣе подробное описаніе этого дѣла найдено нами въ весьма оригинальномъ документѣ, подписанномъ всѣми офицерами баталіона, — это родъ аттестаціи офицеровъ своему начальнику. Приводимъ его дословно: «Мы, нижеподписавшіеся, свидѣтельствуемъ, что бывши по переправѣ за Дунай отряжены съ баталіономъ пѣхоты, сто человѣкъ гусаръ и восемьдесятъ казаковъ и арнаутовъ, ноября 12-го къ деревнѣ Оперъ, для поиску находящагося тамъ непріятеля, гдѣ и имѣли сраженіе съ онымъ, подъ командою господина подполковника Алымова, имѣвъ счастіе не только избавиться (отъ) многочисленнаго противъ насъ непріятеля, состоящаго въ 3.000 конницы и 2.000 пѣхоты, но побѣду надъ онымъ одержали. Жестокость его атаки на насъ столь стремительна была что два раза пробивая нашъ карей, разорвавъ нашъ фронтъ, привелъ храбрость нашихъ солдатъ въ замѣшательство, черезъ что гибель въ семъ неизбѣжная была, если бы не господинъ подполковникъ Алымовъ, командующій нами, своимъ храбрымъ примѣромъ вновь ихъ духъ ободря, въ порядокъ разсыпанныхъ уже соединя привелъ, что и случилось два раза, почему и побѣду чрезъ шесть съ половиною часовъ сражаясь одержали. Непріятель оставя мѣсто и не менѣе 300 своихъ убитыхъ, выключая раненыхъ и тѣхъ, коихъ съ собою взялъ, въ бѣгъ обратился. Сіе каждый изъ насъ по всей справедливости свидѣтельствуемъ. 1773 года ноября 12-го дня. Подлинный подписали: Апшеронскаго полку: прапорщикъ Матвѣй Орда; подпоручики: Матвѣй Каменскій, Иванъ Болотинъ, Иванъ Масловъ; поручики: Иванъ Борисовъ и Левъ Рарогъ; капитанъ Яковъ Логуновичъ; секундъ-маіоръ Яковъ Теглевъ. Сербскаго гусарскаго полку секундъ-маіоръ Арсеній Давыдовичъ»[21].

Въ сраженіи при Оперѣ особенною храбростію отличились поручикъ Иванъ Борисовъ и сержантъ Федоръ Морозовъ. Первый изъ нихъ, находясь съ ротою на одномъ изъ фасовъ карре, отбивалъ всѣ атаки турокъ; когда же у привезеннаго къ нему орудія были

---

[20]) Дѣло № 506. Военно-Ученый Архивъ.
[21]) Дѣло № 547. Военно-Ученый Архивъ.

перебиты всѣ служителя, то Борисовъ лично заряжалъ орудіе и съ успѣхомъ изъ него стрѣлялъ[22]. «Сержантъ Федоръ Морозовъ, испрося позволенія, самоизвольно*), вышелъ со стрѣлками передъ передовой фасъ, не только защищалъ сей фасъ, но бросившись въ штыки на турокъ, гнавшихъ нашу конницу, отбросилъ ихъ, причемъ раненъ пулею въ руку»[23].

Въ половинѣ ноября фельдмаршалъ графъ Румянцевъ сдѣлалъ распоряженіе о размѣщеніи войскъ на зимнія квартиры. Апшеронскому полку назначена была стоянкою деревня Обилешти. Но прежде чѣмъ отправиться на отдыхъ, полку пришлось еще разъ участвовать въ сраженіи, которымъ и закончилась кампанія 1773 года.

До роспуска на винтеръ-квартиры, полкъ находился въ отрядѣ полковника князя Кантемира, за болѣзнію котораго командовалъ вновь назначенный командиромъ Апшеронскаго полка полковникъ Уваровъ. Пользуясь малочисленностію и отдѣльнымъ положеніемъ корпуса графа Салтыкова, турки рѣшились атаковать и разбить его или же заставить очистить правый берегъ Дуная.

Первый ударъ непріятеля обрушился на войска полковника Уварова, который до того успѣлъ присоединить къ себѣ небольшія колонны подполковниковъ Мауринова и Пеутлинга. На этотъ разъ турки дѣйствовали по всѣмъ правиламъ военнаго искусства: они произвели нападеніе не всею массою, а раздѣлились на нѣсколько колоннъ, изъ коихъ каждая имѣла особую задачу.

Правое крыло непріятеля, предводимое Чатырджи-Углу, направилось въ обходъ нашего лѣваго фланга, который состоялъ изъ отряда Пеутлинга; турецкая кавалерія атаковала тотъ же флангъ съ фронта, а главныя силы непріятеля двинулись противъ центра позиціи полковника Уварова. Хотя удачный огонь нашей артиллеріи и удерживалъ натиски турокъ, однако же разстройство карре Пеутлинга дѣлалось весьма очевиднымъ, вслѣдствіе чего Уваровъ приказалъ ему присоединиться къ главному отряду, что и было исполнено, не смотря на всѣ усилія турокъ воспрепятствовать этому. Тогда непріятель обратился противъ войскъ Уварова. Засѣвъ въ лощинахъ, турки открыли ружейный огонь. Чтобы выманить непріятеля въ открытое мѣсто, Уваровъ предпринялъ отступленіе. Непріятель дался въ обманъ, оставилъ закрытыя мѣста и бросился преслѣдовать наши войска. Этого только и нужно было. Центральное карре, образованное изъ Апшеронскаго полка, перешло въ наступленіе, опрокинуло и разбило турокъ. Во время боя, пишетъ Уваровъ, «секундъ-маіоръ Фишеръ, испросившись самоизвольно, посланъ отъ меня съ резервами атаковать непріятельскую пѣхоту, имѣвшую пушку, что онъ съ довольною поспѣшностію и мужествомъ учинилъ, непріятеля противъ того мѣста въ бѣгъ обратилъ и пушку бросить принудилъ, послѣ чего, въ подкрѣпленіе кавалеріи, преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля, поражая онаго до самой ночной темноты».

Преслѣдованіе продолжалось пѣхотою на три, а кавалеріею на 6 верстъ, причемъ непріятель потерялъ одними убитыми около 400 человѣкъ и одну пушку. Наша потеря заключалась въ 30 убитыхъ и 150 раненыхъ.

Въ числѣ особенно отличившихся въ сраженіи при Черноводахъ, полковникъ Уваровъ называетъ: секундъ-маіора Магнуса, фонъ-Клугена, капитана Алексѣя Леонтьева и поручика Льва Рарога.

Пошелъ уже шестой годъ войны; тѣмъ не менѣе, обѣ воюющія стороны оставались непреклонны въ своихъ требованіяхъ и неуступчивости. Императрица Екатерина, не смотря

---

[22]) Дѣло № 102. Военно-Ученый Архивъ.

*) Т. е. по собственному желанію.

[23]) Тамъ же.

на опасное положенiе, въ которомъ находилось въ это время наше государство, не могла пойти на уступки: выгоды Россiи самымъ положительнымъ образомъ требовали прiобрѣтенiя свободы дѣйствiй со стороны Крыма и доступа къ морю для южныхъ областей. А между тѣмъ, война и чума совсѣмъ истощили государство и въ довершенiе всего вспыхнулъ бунтъ Пугачева.

Графъ Румянцевъ, желая исполнить настоянiя Екатерины II, рѣшилъ перенести театръ войны за Дунай и на правомъ берегу его искать того рѣшенiя, которое должно было доставить Россiи желанный миръ.

Для похода 1774 года онъ принялъ, въ главномъ основанiи, неудавшiйся въ прошломъ году планъ, а именно: осадить крѣпости Силистрiю и Рущукъ, въ тоже время особый отрядъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствiями великаго визиря въ Шумлѣ.

Правое крыло армiи, численностью въ 10.000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Салтыкова, назначалось для осады Рущука; въ составѣ войскъ этого крыла находился и Апшеронскiй полкъ. Самъ Румянцевъ, съ центромъ, силою въ 12.000 человѣкъ, имѣлъ намѣренiе перейти Дунай у Гуробалъ и обложить Силистрiю, а генералы Каменскiй и Суворовъ съ 14.000 человѣкъ должны были двинуться черезъ Базарджикъ къ Шумлѣ и удержать тамъ визиря.

Владѣя уже Молдавiею, Валахiею и Бессарабiею, наступательныя дѣйствiя противъ турокъ могли мы вести двоякимъ образомъ: или систематически, шагъ за шагомъ, подвигаться впередъ, тѣсня непрiятеля; или же, одержавъ нѣсколько рѣшительныхъ побѣдъ, явиться передъ Константинополемъ. Въ первомъ случаѣ, для прiобрѣтенiя прочной базы, необходимо было овладѣть крѣпостями на Дунаѣ. Изъ нихъ только Виддинъ, Рущукъ, Силистрiя, Браиловъ и Измаилъ могли оказать упорное сопротивленiе. Измаилъ и Браиловъ были уже въ нашихъ рукахъ; Виддинъ, лежа далеко въ сторонѣ отъ пути наступленiя русской армiи, не могъ имѣть большаго влiянiя на ходъ военныхъ дѣйствiй. Такимъ образомъ, оставалось только взять Рущукъ и Силистрiю. По овладѣнiи ими, можно было совершенно безопасно направиться къ Варнѣ и Шумлѣ — этимъ ключамъ входовъ въ Балканскiя горы, а по покоренiи ихъ, легко было открыть себѣ путь чрезъ горы, дабы затѣмъ продолжать рѣшительныя дѣйствiя противъ Адрiанополя и Константинополя. Во второмъ случаѣ, обладанiе Силистрiею было также чрезвычайно важно для безопаснаго наступленiя въ Болгарiю, чтобы, на всякiй случай, обезпечить себѣ отступленiе, которому непрiятель могъ угрожать изъ этой крѣпости.

Между тѣмъ, въ Турцiи произошла важная перемѣна. Султанъ Мустафа умеръ и на престолъ возведенъ былъ братъ его Абдулъ-Гамидъ.

Новое положенiе дѣлъ въ Константинополѣ и неизвѣстность намѣренiй султана Абдулъ-Гамида заставляли графа Румянцева держаться на сторожѣ и имѣть подъ рукою должное число войскъ для движенiя за Дунай. Въ тоже время всѣмъ частнымъ начальникамъ, отряды которыхъ расположены были по рѣкѣ Дунаю, предписано имѣть бдительный надзоръ за непрiятелемъ и соблюдать всевозможную осторожность. Все это являлось крайне необходимымъ.

Однако, вскорѣ обстоятельства совершенно измѣнились. Подъ влiянiемъ прусскаго посла въ Константинополѣ, Цегелина, Порта рѣшилась вновь приступить къ переговорамъ о мирѣ. Они открылись въ началѣ марта.

Тѣмъ не менѣе, графъ Румянцевъ дѣятельно приготовлялся къ кампанiи, предчувствуя, что всѣ переговоры о мирѣ не приведутъ къ благопрiятному исходу.

Предположенiя фельдмаршала не замедлили оправдаться: несогласiя возникли въ концѣ апрѣля мѣсяца. Порта никакъ не могла согласиться съ вопросомъ о самостоятельности Крыма,

не допускала свободнаго плаванія русскихъ военныхъ судовъ по Черному морю, не уступала требуемыхъ Россіею крѣпостей Керчи и Еникале.

9-го іюня переговоры прервались, и война вновь началась.

Передъ началомъ военныхъ дѣйствій Апшеронскій полкъ находился въ корпусѣ Салтыкова и расположенъ былъ въ Банатѣ; къ 16-му мая корпусъ придвинулся къ деревнѣ Магушешты, чтобы по первому приказанію переправиться черезъ рѣку Аржисъ и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ. Въ то время, какъ русскія войска постепенно стягивались къ Дунаю, турки бездѣйствовали. По близости расположенія нашихъ войскъ непріятеля совсѣмъ не было; по крайней мѣрѣ, высылаемые Салтыковымъ разъѣзды встрѣчали только одиночныхъ турокъ.

По плану кампаніи, наступленіе русской арміи начиналось отрядами Суворова и Каменскаго на нижнемъ Дунаѣ; они должны были направиться къ Шумлѣ и овладѣть этою крѣпостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Румянцевъ предложилъ графу Салтыкову произвести, если окажется возможнымъ, нападеніе на крѣпость Рущукъ или Турно.

Главной арміи назначена переправа черезъ Дунай у Гуробалъ, а корпусу Салтыкова — у Туртукая.

Дождливая погода и грязь замедляли маршъ валахскаго корпуса, такъ что только 15-го іюня онъ подошелъ къ Туртукаю.

Въ ночь на 6-е іюня, Салтыковъ спустилъ свою флотилію къ устью рѣки Аржиса и переправился черезъ Дунай противъ Туртукая, имѣя въ авангардѣ Апшеронскій полкъ съ полковникомъ Уваровымъ.

До 3.000 человѣкъ турокъ, стоявшихъ лагеремъ къ сторонѣ Рущука, подъ начальствомъ Мустафы-паши, сдѣлали нѣсколько неудачныхъ попытокъ препятствовать переправѣ войскъ; но когда авангардъ вступилъ на противуположный берегъ, то турки, бросивъ свой лагерь, бѣжали въ Рущукъ, преслѣдуемые легкими войсками.

Одновременно съ Салтыковымъ, Румянцевъ съ 1-ю и 2-ю дивизіями переправился у Гуробалъ и Ликорештъ. Переправившись черезъ Дунай, Салтыковъ пошелъ къ Рущуку. Въ предпріятіи противъ этой крѣпости ему долженъ былъ содѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ оставленный у Журжи отрядъ генералъ-маіора Гудовича.

Получивъ отъ бѣжавшихъ изъ Туртукая извѣстіе о переправѣ русскихъ войскъ и считая ихъ малочисленными, турецкій сераскиръ Ассанъ-Бей двинулся сухимъ путемъ и Дунаемъ, съ 15.000 человѣкъ пѣхоты и конницы, къ Туртукаю. 9-го іюня атаковалъ онъ корпусъ Салтыкова, но, послѣ упорнаго боя, былъ разбитъ на-голову. Ассанъ-Бей отступилъ къ Рущуку, преслѣдуемый на разстояніи 20 верстъ. Непріятель потерялъ въ этомъ сраженіи до 2.500 человѣкъ убитыми и ранеными. Отбито у турокъ три знамени и одна пушка.

Оставаясь у Туртукая, Салтыковъ выслалъ партію къ Рущуку и Силистріи, для наблюденія за непріятелемъ.

Потерпѣвъ пораженіе, Ассанъ-Бей не рѣшался оставлять Рущука, а ограничился отправленіемъ въ Мавродинъ передоваго отряда въ 4.000 человѣкъ. 13-го іюня графъ Салтыковъ выступилъ къ Мавродину, съ намѣреніемъ разбить этотъ отрядъ. Но турки, по приближеніи нашихъ войскъ, бросили свой лагерь, состоявшій изъ 300 палатокъ, и бѣжали въ Рущукъ. Преслѣдовавшая ихъ кавалерія доходила до самого рущукскаго ретраншемента. Оставаясь на позиціи у Мавродина, Салтыковъ предписалъ: войскамъ ольтеницкаго поста занять Туртукай и высылать разъѣзды къ Шумлѣ и Силистріи, а командовавшему оставленными въ Банатѣ войсками генералъ-маіору Энгельгардту — открыть рѣшительныя дѣйствія противъ Турно.

Въ тотъ самый день, когда войска Салтыкова разбили Ассанъ-Бея при Туртукаѣ, произошло при Козлуджи еще болѣе рѣшительное сраженіе, результатомъ котораго явилось полное пораженіе непріятеля.

Послѣ сраженія при Козлуджи, необходимо было воспользоваться послѣдствіями побѣды и продолжать наступленіе къ Шумлѣ, чтобы разбить визиря съ остатками его арміи; но чрезвычайно трудныя дороги затрудняли движеніе обозовъ; къ тому же, въ войскахъ, дѣйствовавшихъ за Дунаемъ, имѣлось провіанта всего по 1-е іюля.

Въ виду этого, генералъ Каменскій собралъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли наступать къ Шумлѣ. Совѣтъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ и постановилъ: остаться при Козлуджи шесть дней для отдыха войскамъ и въ ожиданіи подвоза провіанта, а потомъ занять позицію между Шумлою и Силистріею, чтобы отрѣзать послѣдней сообщеніе съ внутренностью страны и тѣмъ способствовать скорѣйшему ея покоренію.

Графъ Румянцевъ остался весьма недоволенъ такимъ рѣшеніемъ. Онъ выставлялъ Каменскому на видъ, что занятіе Шумлы должно быть цѣлью его стремленій, послѣ нанесеннаго непріятелю пораженія. Въ Шумлѣ при визирѣ оставалось едва 1.000 человѣкъ, всѣ остальныя войска были высланы къ Козлуджи и совершенно разбиты. Остатки ихъ разсѣялись и Шумла осталась почти безъ защитниковъ. Всякая медленность со стороны Каменскаго могла дать визирю возможность собрать разбитыя части войскъ своей арміи, запереться въ Шумлѣ и, такимъ образомъ, уничтожить послѣдствія одержанной побѣды. «Не дни да часы», писалъ графъ Румянцевъ, «а и моменты въ такомъ положеніи дороги» [24].

Самъ графъ Румянцевъ, съ главными силами, стоялъ уже противъ Силистріи, на правомъ берегу Дуная.

На разсвѣтѣ 16-го іюня, корпусъ Салтыкова подошелъ къ Рущуку и сталъ лагеремъ на мавродинской дорогѣ; правый флангъ расположенія войскъ упирался въ Дунай. Для занятія виноградниковъ, находившихся впереди лѣваго фланга, высланъ батальонъ подполковника Ласси; на шумлинской дорогѣ поставленъ полкъ Левашева, а на константинопольской — Апшеронскій полкъ. Цѣпь передовыхъ постовъ занимала все пространство со стороны поля, упираясь правымъ флангомъ въ Дунай, а лѣвымъ въ рѣку Ломъ.

Рущукъ состоялъ изъ многихъ каменныхъ зданій и мечетей, способствовавшихъ оборонѣ; со стороны поля, отъ рѣки Ломъ до Дуная, шелъ, не прерываясь, ретраншементъ съ валомъ до 4-хъ саженъ вышиною, обнесенный рвомъ въ 2 сажени ширины. Со стороны Дуная, на самомъ берегу находились три батареи, а при устьѣ Лома — крѣпкій замокъ.

Взять приступомъ такую крѣпость, въ которой къ тому же находилось до 10.000 гарнизону, являлось дѣломъ не легкимъ. Графъ Салтыковъ расчитывалъ болѣе на то, чтобы вызвать непріятеля въ поле. Поэтому, какъ только крѣпость была обложена, онъ приказалъ казакамъ подойти къ самому крѣпостному ретраншементу. Но турки не обращали на нихъ вниманія и даже съ разстоянія ружейнаго выстрѣла не открывали огня. 24-го іюня, съ наступленіемъ темноты, непріятель сдѣлалъ сильную вылазку противъ Апшеронскаго полка, который встрѣтилъ турокъ ружейнымъ огнемъ и штыками; потерявъ много убитыми и ранеными, они обратились въ бѣгство.

Узнавъ, что изъ Шумлы слѣдуетъ къ Рущуку значительное подкрѣпленіе, Салтыковъ подвелъ войска ближе къ крѣпости, а за рѣку Ломъ послалъ сильную партію казаковъ. чтобы прервать связь крѣпости съ Систовомъ.

Вскорѣ получено было извѣстіе, что непріятель вновь готовится произвести сильную вылазку противъ отряда полковника Талызина. 26-го іюня, 3.000 человѣкъ турецкой кон-

24) Петровъ. Война Россіи съ Турціею. Томъ V, стр. 45.

ницы вышли изъ крѣпости, сбили передовые посты и атаковали егерскій батальонъ, расположенный отдѣльно неподалеку отъ константинопольской дороги. Полковникъ Талызинъ выслалъ на подкрѣпленіе егерямъ двѣ роты пѣхоты, при помощи которыхъ непріятель былъ остановленъ. Въ тоже время турецкая конница, въ числѣ 2.000 человѣкъ, прибывшая изъ Рущука, обскакала егерей и соединившіяся съ ними роты и ударила на нихъ съ тылу. Талызинъ вторично подкрѣпилъ атакованныхъ, выславъ 3 эскадрона кавалеріи и казаковъ; конница наша тотчасъ же опрокинула непріятеля и преслѣдовала его до деревни Кулы, а затѣмъ, увидя, что непріятельская пѣхота, числомъ до 8.000 человѣкъ, готовилась напасть на отрядъ Талызина, кавалерія возвратилась къ отряду. Съ ятаганами въ рукахъ, не останавливаясь ни для пальбы, ни передъ нашею пальбою, турецкая пѣхота отчаянно ударила на войска Талызина. Не смотря на стремительность атаки и свою многочисленность, турки были отбиты. Тогда Ассанъ-Бей выслалъ изъ крѣпости новое значительное подкрѣпленіе изъ пѣхоты и конницы. Соединенные непріятельскіе отряды опять готовились къ нападенію; но въ это время прибылъ высланный изъ главнаго лагеря генералъ-маіоръ Нащокинъ, съ двумя эскадронами карабинеръ и двумя гренадерскими ротами. За нимъ слѣдовали 4 роты гренадеръ, 3 полевыя орудія и 1 полковой единорогъ, при оберъ-квартирмейстерѣ Перетѣ; послѣдній, подойдя на ружейный выстрѣлъ къ крѣпостному ретраншементу, открылъ канонаду. Отъ дѣйствія артиллерійскаго огня, въ городѣ начался пожаръ. Тогда турки отказались отъ дальнѣйшихъ атакъ и поспѣшно отступили въ крѣпость, оставивъ на мѣстѣ сраженія до 800 человѣкъ убитыми.

Не смотря на постоянныя неудачи, рущукскій сераскиръ Ассанъ-Бей готовился къ новому рѣшительному нападенію на блокирующія войска.

Главная атака назначалась на отдѣльный корпусъ, стоявшій по дорогѣ въ Константинополь, подъ командою подполковника Гинзеля[25]. До 6.000 человѣкъ пѣхоты и конницы, при Ассанъ-пашѣ и Асекъ-Ага-Чадырджи-Оглу, должны были слѣдовать вверхъ по теченію рѣки Ломъ, чтобы зайти въ тылъ войскамъ Гинзеля и отрѣзать имъ отступленіе. Самъ Ассанъ-Бей, съ 8.000 человѣкъ, при 4 пушкахъ, намѣревался атаковать Гинзеля съ фронта и не позволить ему соединиться съ главными силами, для дѣйствій противъ которыхъ назначался Орду-Ааса съ 5.000 конницы. Кромѣ того, всѣ суда, собранныя при Рущукѣ, должны были спуститься внизъ, произвести дессантъ на островѣ противъ Журжи, овладѣть имъ и не дозволить журжинскому гарнизону посылать подкрѣпленія войскамъ Салтыкова.

Не зная подробностей этого плана, но ожидая нападенія на корпусъ подполковника Гинзеля, графъ Салтыковъ приказалъ ему, въ случаѣ устремленія на него большихъ непріятельскихъ силъ, отступить на соединеніе съ главными силами. Но приказаніе это не было исполнено.

Рано утромъ 29-го іюня, Ассанъ-Бей, пользуясь сильнымъ туманомъ, подошелъ къ позиціи, занимаемой Гинзелемъ, поставилъ противъ него, на высотахъ, батарею изъ 5 орудій, окружилъ его конницею и началъ атаку. Неожиданность ея принудила Гинзеля отражать нападеніе, оставаясь въ карре на прежней позиціи. Не смотря на огромное превосходство силъ непріятеля, Гинзель, въ продолженіи шести часовъ, безостановочно отражалъ всѣ атаки противника и заставилъ его отступить въ ближайшіе къ крѣпости сады. Здѣсь, приведя въ порядокъ разстроенную конницу, Ассанъ-Бей усилилъ ее пѣхотою при трехъ пушкахъ и двинулъ для атаки Астраханскаго батальона. Съ своей стороны; графъ Салтыковъ выслалъ на подкрѣпленіе атакованныхъ егерскій батальонъ и часть кавалеріи, которые занимали постъ въ садахъ впереди лѣваго фланга главной позиціи графа Салтыкова. При помощи

25) Бывшій Талызина; въ числѣ войскъ этого корпуса находился и Апшеронскій полкъ.

этихъ подкрѣпленій, турки снова были отбиты и преслѣдуемы до самого крѣпостного рва. Но батарею, устроенную на константинопольской дорогѣ противъ отряда Гинзеля, непріятель не очищалъ. Поэтому, съ наступленіемъ ночи, графъ Салтыковъ поручилъ подполковнику князю Волконскому съ 8 ротами гренадеръ овладѣть этою батареею. Между тѣмъ, оказалось, что турки только ожидали ночи, чтобы удобнѣе свезти орудія съ батареи, которую они очистили прежде, чѣмъ князь Волконскій могъ ихъ къ тому принудить. Не болѣе удачны были попытки непріятеля и противъ нашей батареи, расположенной на островкѣ, противъ Журжи: турецкія суда принуждены были отплыть, потерпѣвъ не малый вредъ отъ огня этой батареи и журжинскихъ батарей. Вообще, потеря непріятеля въ этомъ дѣлѣ простиралась до 1.000 человѣкъ одними убитыми. Плѣнныхъ почти не было, потому что турки не сдавались и охотнѣе погибали подъ ударами штыковъ.

У насъ убито 26, ранено 227 человѣкъ.

Послѣ испытанныхъ неудачъ, непріятель не рѣшался болѣе оставлять Рущукъ. Съ своей стороны, графъ Салтыковъ опасался штурмовать Рущукъ и, не надѣясь на возможность вызвать гарнизонъ въ поле, ограничился болѣе тѣснымъ обложеніемъ этой крѣпости. Посланные въ Рущукъ шпіоны испортили до 30 колодцевъ и фонтановъ, снабжавшихъ городъ отличною водою, такъ что жители и гарнизонъ должны были пить дунайскую воду, которая, какъ извѣстно, нездорова и содержитъ въ себѣ сильную примѣсь ила. Лишеніе чистой, холодной воды, къ которой мѣстные жители привыкли съ дѣтства, было еще болѣе чувствительно въ жаркое время и явилось причиною, что многіе начали оставлять крѣпость, ослабляя ея защиту.

Не лучше шли дѣла турокъ и въ другихъ мѣстахъ. 16-го іюня корпусъ Каменскаго разбилъ турокъ у Ени-Базара и вслѣдъ затѣмъ приступилъ къ блокадѣ Шумлы.

Съ каждымъ днемъ положеніе непріятеля все болѣе и болѣе ухудшалось; въ довершеніе всего передовые наши отряды проникли за Балканы, и 29-го іюня, у деревни Чалываки, турки были разбиты, потерявъ при этомъ 400 человѣкъ одними убитыми.

При подобныхъ обстоятельствахъ, верховному визирю оставалось только просить мира, что онъ и не замедлилъ сдѣлать, обратившись съ письмомъ къ графу Румянцеву.

Но на этотъ разъ Румянцевъ самымъ рѣшительнымъ образомъ объявилъ, что онъ намѣренъ говорить только о мирѣ положительномъ, а не о перемиріи или конгрессѣ.

По этому поводу онъ писалъ визирю слѣдующее: «О конгрессѣ, а еще менѣе о перемиріи, я не могу и не хочу слышать. Ваше сіятельство знаете нашу послѣднюю волю. Если хотите мира, то пришлите полномоченныхъ, чтобы заключить, а не трактовать главнѣйшіе артикулы, о коихъ уже столь много толковано и было объяснено, и доколѣ сіи главнѣйшіе артикулы не утверждены будутъ, дѣйствія оружія никакъ не престанутъ». Графъ Румянцевъ указывалъ и на то, что многое, что можно совершить въ одно время, въ другое уже будетъ поздно и что, сверхъ того, самая умѣренность, какъ ни велика она была, можетъ истощиться.

Высказанная фельдмаршаломъ твердость и ходъ военныхъ событій вынудили визиря поскорѣе отправить изъ Шумлы въ главную квартиру русскихъ войскъ своихъ уполномоченныхъ: Ресми-Ахмедъ-Эфенди, въ званіи нишанджи, и при немъ Ибрагимъ-Міуниба, съ званіемъ рейсъ-эфенди.

Оба уполномоченные имѣли самые обширные предѣлы предоставленной имъ власти. 2-го іюля, визирь отправилъ ихъ изъ Шумлы къ графу Каменскому со свитою до ста человѣкъ и просилъ немедленно препроводить ихъ къ графу Румянцеву, что и было исполнено.

Получивъ увѣдомленіе о высылкѣ уполномоченныхъ, графъ Румянцевъ, съ двумя пѣхотными полками и пятью эскадронами кавалеріи, при двухъ орудіяхъ, перешелъ 3-го іюля къ

деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи, для того, чтобы показать турецкимъ уполномоченнымъ намѣреніе идти на соединеніе съ корпусомъ Каменскаго подъ Шумлою.

4-го іюля, оба турецкіе уполномоченные прибыли въ деревню Кучукъ-Кайнарджи и, узнавъ о движеніи графа Румянцева къ Шумлѣ, настаивали на немедленномъ свиданіи съ русскимъ главнокомандующимъ. Фельдмаршалъ принялъ ихъ 5-го іюля въ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи. Въ разговорѣ, послѣдовавшемъ по этому случаю, турецкіе уполномоченные просили, не медля ни минуты, приступить къ переговорамъ. Замѣтивъ такое нетерпѣніе, Румянцевъ съумѣлъ какъ нельзя лучше имъ воспользоваться. Онъ отвѣтилъ уполномоченнымъ, что не намѣренъ откладывать принятаго движенія противъ визиря и поэтому начинать переговоры находитъ несвоевременнымъ. «Впрочемъ, сказалъ Румянцевъ, я могу на нихъ согласиться съ условіемъ, чтобы все было кончено и мирный трактатъ подписанъ не позже, какъ черезъ пять дней» [26]. Уполномоченные согласились.

Тогда Румянцевъ назначилъ, съ своей стороны, для переговоровъ генералъ-поручика князя Репнина.

На другой день (6-го іюля) начались переговоры.

Вопросы: о вольности татаръ, объ уступкѣ Россіи Керчи и Еникале съ ихъ уѣздами, о свободѣ плаванія русскихъ коммерческихъ судовъ по морямъ принадлежащимъ Портѣ, объ уплатѣ Россіи 7½ милліоновъ піастровъ, или 4½ милліоновъ рублей, въ вознагражденіе за понесенные ею военные расходы — были рѣшены въ самомъ началѣ переговоровъ. Тогда графъ Румянцевъ увѣдомилъ визиря, что согласится тотчасъ же остановить военныя дѣйствія и отвести корпусъ графа Каменскаго отъ Шумлы, какъ только визирь утвердитъ своею подписью статьи, на которыя согласились его уполномоченные.

10-го іюля, 28 параграфовъ мирнаго трактата были подписаны обѣими сторонами. «Я, доносилъ графъ Румянцевъ Императрицѣ, бывъ тутъ во все время неотлученъ и смотря глазами на дѣла полномоченныхъ, вседневно преподавалъ имъ способы и пути ближніе къ окончанію».

Такимъ образомъ, рядъ удачныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ кампанію 1774 года и затѣмъ искусная политика фельдмаршала Румянцева дали Россіи возможность заключить выгодный для себя миръ, на который она вправѣ была расчитывать послѣ шестилѣтней удачной войны.

Императрица Екатерина щедро наградила всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ. Офицерамъ и нижнимъ чинамъ розданы были серебряныя четыреугольныя медали на андреевской лентѣ, въ память Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. На одной сторонѣ медали представленъ былъ портретъ Императрицы, безъ титула, на другой помѣщена надпись: «побѣдителю», окруженная лавровымъ вѣнкомъ. Ниже вѣнка, подъ чертою, слова: «заключенъ миръ съ Портою 10 іюля 1774 г.».

По окончаніи войны, Апшеронскому полку назначено было идти въ Смоленскую дивизію; онъ выступилъ изъ Бухареста 25-го сентября 1774 года. Дойдя до мѣстечка Калюсъ (отъ Бухареста 535 верстъ), полкъ остановился на нѣкоторое время; здѣсь къ нему присоединилась егерская команда. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Апшеронскій полкъ, войдя въ предѣлы Польши, остался зимовать въ мѣстечкѣ Денара, близъ Передержъ.

---

[26]) Всеподданнѣйшая реляція графа Румянцева отъ 17-го іюля 1774 года. Дѣло № 506. Военно-Ученый Архивъ.

Глава Двѣнадцатая.

Мирный періодъ и реформы. — Переходъ полка въ Курскую губернію. — Встрѣча Императрицы Екатерины II. — Вторая турецкая война. — Поводы къ несогласію. — Присоединеніе Крыма. — Политическій обзоръ. — Требованія Турціи. — Объявленіе войны. — Формированіе двухъ армій. — Апшеронскій полкъ въ Украинской арміи. — Планъ военныхъ дѣйствій. — Составъ Украинской арміи. — Отдѣленіе отъ полка гренадерскихъ ротъ. — Маршрутъ ихъ. — Выступленіе полка въ походъ. — Численность полка. — Обозъ. — Раздѣленіе Украинской арміи. — Открытіе турками военныхъ дѣйствій. — Сраженіе у Кинбурна. — Участіе Австріи въ войнѣ. — Осада русскими Очакова и австрійцами Хотина. — Дѣйствія генерала Эльмпта. — Занятіе Яссъ. — Штурмъ Очакова. — Расположеніе полка на винтеръ-квартиры. — Общія замѣчанія о кампаніи 1788 года. — Кампанія 1789 года. — Положеніе воюющихъ державъ. — Планъ дѣйствій. — Уменьшеніе численности Украинской арміи. — Составъ Апшеронскаго полка. — Планъ дѣйствій со стороны турокъ. — Дѣйствія дивизіи генерала Дерфельдена. — Сраженіе у Галаца. — Разбитіе турокъ. — Потери полка. — Отступленіе къ Бырладу. — Отличившіеся. — Бездѣйствіе австрійцевъ. — Появленіе на театрѣ войны генерала Суворова. — Апшеронскій полкъ въ дивизіи Суворова. — Усиленіе турокъ и наступленіе ихъ къ Фокшанамъ. — Планъ непріятеля.

Двѣнадцать лѣтъ мирнаго времени, наступившаго вслѣдъ за окончаніемъ первой турецкой войны, сопровождались различными реформами и преобразованіями во всей русской арміи; реформаторами явились князь Потемкинъ, возвысившійся послѣ войны, а потомъ Суворовъ.

Въ докладѣ своемъ Императрицѣ Екатеринѣ Потемкинъ пишетъ: «Когда въ Россіи вводилось регулярство, вошли офицеры съ педантствомъ тогдашняго времени, а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда (вооруженія), почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ: имъ казалось регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ пріемахъ и проч.»

«Занимая себя такою дрянью, и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: марширования, разныхъ построеніевъ и оборотовъ; что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочли добротѣ, а стрѣлять почти не умѣютъ; словомъ, одежда войскъ нашихъ и аммуниція таковы, что придумать еще нельзя лучше къ угнетенію солдата, тѣмъ паче, что онъ, взятъ будучи изъ крестьянъ, въ тридцать лѣтъ уже почти узнаетъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ».

«Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ; платье должно служить солдату одеждою, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ. На семъ основаніи, предложу по порядку о вещахъ, составляющихъ аммуницію».

«Шляпа — уборъ негодный. Она головы не прикрываетъ и, торча концами во всѣ стороны, озабочиваетъ навсегда солдата опасностью, чтобъ ее не измять, особливо мѣшаетъ положить голову и, будучи треугольникомъ, препятствуетъ ей поворачиваться, да и не закрываетъ также отъ мороза ушей».

«Кафтанъ и камзолъ съ рукавами. Какъ сихъ вещей вдругъ не носятъ, то которая нибудь есть лишняя. Покрой кафтана подаетъ много повода дѣлать его разнообразнымъ, слѣдовательно безъ украшеній быть не можетъ».

«Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что надѣвать трудно, а скидывать еще труднѣе, особливо когда намокнутъ; притомъ сколько подвязокъ, чтобъ они гладки были и сколько лакированія, чтобы лоснились».

«Для пѣхотнаго, шпага — лишняя тягость, оружіе не употребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ, какъ ловчѣе надѣть, чтобы маршировать свободнѣе, также и ворочаться. Многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки».

«Завиваться, пудриться, плесть косы — солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ — то и готовъ. Если бы можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ!»

«Простительно ли, чтобъ стражъ цѣлости отечества удрученъ былъ прихотьми, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ?»

«Употребленіе же солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами: уноситъ у нихъ понапрасно время и изнуряетъ ихъ, ибо когда бываетъ нарядъ на караулъ, то обыкновенно шесть, а когда эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то до двѣнадцати часовъ употребить имъ непремѣнно должно для убиранія себя взаимно волосъ и препроводить цѣлую ночь въ семъ безпокойствѣ безъ сна, отчего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжное упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ тѣмъ, что препроводили такимъ образомъ ночь въ изнуреніи, не имѣютъ они ни времени, ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, вычистить и накормить своихъ лошадей; или ежели въ семъ упущенія не сдѣлаютъ, то, не будучи подкрѣплены сномъ, бываютъ слабы, нерасторопны и мало способны къ такимъ дѣйствіямъ, гдѣ потребны, бодрость живость и сила» [1].

Императрица утвердила измѣненія въ формѣ солдатъ. По этому поводу одинъ изъ современниковъ Потемкина, генералъ Хрущовъ, говоритъ: «Когда угодно было прекратить уборку и остричь волосы, знатная причина эта отняла много отъ спинъ солдатъ палочныхъ ударовъ, широкое платье вовсе избавило отъ побоевъ нижнихъ чиновъ, какъ то: сержанта, капрала и ефрейтора и тѣмъ самымъ тиранство въ войскѣ совершенно и нечувствительно истребилось».

Само собою разумѣется, всѣ эти преобразованія приводились въ исполненіе не сразу, а постепенно.

Князь Потемкинъ не мало заботился о сохраненіи здоровья и улучшеніи пищи и быта арміи. «Евангеліе и долгъ военнаго человѣка, говорилъ Потемкинъ, побуждаютъ пещись о сохраненіи людей... Я худо сплю отъ сей заботы... Возьмите ихъ въ ваше призрѣніе, дабы они были въ удовольствіи, истребляя побои. Въ работу по адмиралтейству употребляйте, но съ платою, нѣсколько меньшею противъ вольныхъ. Сими деньгами доставлять имъ пищу хорошую и не допускать пропивать. Господамъ полковникамъ и баталіоннымъ командирамъ подтверждаю о доставленіи солдатамъ всѣхъ возможныхъ выгодъ для сохраненія ихъ отъ стужи, палатки ихъ обрыть. Командированнымъ въ траншеи позволяется употреблять сверхъ казеннаго мундира одежду, каковую попеченіе полковыхъ и баталіонныхъ начальниковъ имъ доставило или имѣютъ они собственную».

---

[1] Дубровинъ. Суворовъ среди преобразователей Екатерининской арміи, стр. 108 — 110.

При обученіи строю, Потемкинъ требовалъ простоты и свободы въ движеніяхъ.

«За нужное нахожу изъявить желаніе мое, чтобы всѣ полки маршировали ровно, непринужденно, но не вяло, чтобы маршъ былъ не притворный, а самый натуральный; людей пріучать смыкаться и знать дѣленія частями какъ взводовъ, дивизіоновъ и прочаго: ряды чтобъ были нѣсколько плотнѣе, заходили съ возможною скоростью, ружьемъ чтобъ дѣлали плавно и ровно, стоять подъ онымъ бодрѣе, только не окостенѣвши, какъ прежде было въ модѣ»[2].

Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «Изъ опытовъ извѣстно, что полковые командиры обучаютъ часто движеніямъ, рѣдко годнымъ къ употребленію на дѣлѣ, пренебрегая самыми нужными, и для того я предписываю обучать слѣдующему: маршъ долженъ быть шагомъ простымъ и свободнымъ, чтобы не утруждаяся больше впередъ подвигаться. Конверціи (повороты) взводами и большими частями производиться должны со всевозможною скоростью, не наблюдая ровности шага, а подобно коннымъ оборотамъ равняться по окончаніи оныхъ. Строить колонны и разводить ихъ во фронтъ съ такою же скоростью должно».

«Какъ въ войнѣ съ турками построеніе въ карре испытано выгоднѣйшимъ, то и слѣдуетъ обучать формировать оный изъ всякаго положенія».

«Особенное употребить стараніе обучать солдатъ скорому заряду и вѣрному прикладу».

«Касательно пріученія (стрѣлковъ) къ цѣльной стрѣльбѣ, то пока они привыкнутъ, можно ихъ учить стрѣлять глиняными пулями, всемѣрно стараясь, чтобы они доведены были до совершеннаго искусства и могли бы какъ съ пики, такъ и съ руки попадать въ цѣль безошибочно».

«Наблюдайте крайне, писалъ свѣтлѣйшій, чтобъ гг. штабъ- и оберъ-офицеры больше увѣщаніемъ и совѣтомъ, а отнюдь не побоями солдатъ всѣмъ экзерциціямъ пріучать старались»[3].

«Паче всего я требую, дабы обучать людей съ терпѣніемъ и ясно толковать способы къ лучшему исполненію. Господа полковые и баталіонные командиры долгъ имѣютъ испытать напередъ самихъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ, достаточны ли они сами въ знаніи. Унтеръ-офицерамъ и капраламъ отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать лѣнивыхъ палкою не болѣе шести ударовъ».

«Отличать прилежныхъ и добраго поведенія солдатъ, отчего родится похвальное честолюбіе, а съ симъ и храбрость. Читать въ свободное время изъ военнаго артикула, чѣмъ солдатъ обязанъ службѣ; не упускать въ воскресные дни приводить на молитву»[4].

Всѣ означенныя реформы распространились и на Апшеронскій полкъ; кромѣ того, въ немъ произошли двѣ перемѣны: 26-го мая 1777 года егерская команда отчислена отъ полка на сформированіе особыхъ егерскихъ баталіоновъ, а по штату 10-го апрѣля 1786 года — численность полка увеличена до 2.104 человѣкъ.

Въ 1776 году полковникъ Александръ Федоровичъ Уваровъ былъ переведенъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ вице-полковникомъ и сдалъ Апшеронскій полкъ полковнику Петру Исаевичу Аршеневскому; послѣдній командовалъ полкомъ до 1786 года; 22-го сентября этого года, уже будучи бригадиромъ, онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а вмѣсто него назначенъ полковникъ Петръ Телѣгинъ.

За двѣнадцатилѣтній періодъ мира, Апшеронскій полкъ не оставался на мѣстѣ, а пере-

---

[2]) Письмо князю Долгорукову 24-го марта 1787 года, № 614. Предписаніе генералъ-поручику Нащокину 10-го сентября 1788 года, № 772.

[3]) Секретный журналъ князя Потемкина. Предписаніе генералу Кречетникову отъ 30-го іюня 1790 года.

[4]) Предписаніе князю Ю. В. Долгорукову отъ 21-го января 1786 года, за № 12.

ходилъ изъ одной губерніи въ другую. Такъ, въ 1781 году, полкъ, состоя въ 11-й дивизіи, находился въ Новороссійской губерніи; въ 1785 году онъ поступилъ уже въ 5-ю дивизію генералъ-аншефа графа Салтыкова, въ бригаду генералъ-маіора Мельгунова и расположенъ былъ во Владимірской губерніи. Но и здѣсь полкъ оставался только два года: въ началѣ 1787 года его перевели въ городъ Курскъ, для встрѣчи Императрицы Екатерины, путешествовавшей въ Тавриду [5]. Въ «Дѣяніяхъ Екатерины II» мы нашли описаніе встрѣчи Апшеронцами своей Монархини.

«Іюня 14-го Императрицѣ благоугодно было начать путь въ 9 часовъ утра, чрезъ городъ Обоянъ, и, проѣхавъ 49 верстъ, имѣть обѣденный столъ въ слободѣ Медвянкѣ; потомъ продолжался путь 34 версты прибыть въ губернскій городъ Курскъ».

«Во время приближенія къ городу, началась пушечная пальба; выведенные въ строй пѣхотные полки: Апшеронской, Тульской и Ростовской, командуемые генералъ-аншефомъ Каменскимъ, отдавъ честь Монархинѣ съ преклоненіемъ знаменъ, барабаннымъ боемъ и музыкою, стрѣляли бѣглымъ огнемъ».

«Іюня 15-го, при выходѣ Монархини изъ внутреннихъ покоевъ въ большую залу курскаго Знаменскаго монастыря, архимандритъ Амвросій сказалъ рѣчь, поднеся икону и хлѣбъ; потомъ представлены были дамы чиновниковъ и дворянъ, въ Курскѣ находящихся, за ними подходили къ рукѣ воинскій генералитетъ съ штабъ- и оберъ-офицерами» [6].

Принужденная побѣдоноснымъ дѣйствіемъ нашего оружія согласиться на условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, Порта никогда не могла примириться съ печальнымъ для нея фактомъ отторженія Крыма, и какъ русскіе, такъ и турки, подписывая миръ, не вѣрили въ прочность его. Но доведенная войной до полнаго истощенія, раздираемая внутренними волненіями и не имѣя арміи, Турція не могла тотчасъ начать борьбу, а отложила ее до болѣе благопріятнаго момента.

Какъ мы видѣли раньше, Россія, по заключенному миру, получила много выгодъ и сдѣлала первый шагъ къ обладанію Крымомъ, создавъ ему, въ сущности, фиктивную самостоятельность и, такимъ образомъ, пріобрѣтя рѣшающее значеніе въ его дальнѣйшей, весьма непродолжительной, политической судьбѣ.

Собственно говоря, для Турціи Крымскій полуостровъ, какъ извѣстная часть владѣній ея, не составлялъ существенной важности и, слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, лишеніе Крыма не могло нанести ей особенно тяжелаго удара.

Но тутъ была затронута національная гордость и религіозныя вѣрованія мусульманскаго государства, лишившагося нѣсколькихъ сотъ тысячъ подданныхъ, связанныхъ съ нимъ религіею, обычаями и традиціонною ненавистью, общею всѣмъ мусульманамъ, къ «невѣрнымъ».

Уже по обмѣнѣ ратификацій, когда, по договору, турецкія войска должны были оставить Крымъ, оттоманское правительство медлило выполнить эту статью договора, и только послѣ нѣсколькихъ, весьма настойчивыхъ съ нашей стороны, требованій турецкія войска очистили полуостровъ.

По Кайнарджійскому миру, Россіи достались крѣпости Керчь, Еникале и Кинбурнъ; но наше правительство отлично сознавало, что онѣ могутъ обезпечить свободное плаваніе по Черному морю только тогда, когда мы будемъ обладать Крымомъ, и потому вопросъ о присоединеніи его, въ принципѣ, былъ рѣшенъ вскорѣ послѣ заключенія мира.

Подстрекаемые турками, татары не замедлили поднять въ своей странѣ возмущеніе,

---

[5] Дѣло № 176. Военно-Ученый Архивъ.

[6] Дѣянія Екатерины II. Часть 3-я, стр. 156 и 157.

свергли хана Сагибъ-Гирея и призвали къ себѣ непримиримаго врага Россіи, прежняго хана Девлетъ-Гирея.

По просьбѣ Сагибъ-Гирея и для возстановленія на престолъ брата его Шагана, Императрица Екатерина отправила въ 1776 году въ Крымъ отрядъ; войска наши изгнали Девлетъ-Гирея и возстановили на полуостровѣ спокойствіе, которое продолжалось до 1782 г. Въ концѣ этого года, опять-таки подъ вліяніемъ турецкихъ эмиссаровъ, вспыхнуло возстаніе, Шаганъ-Гирей былъ низложенъ и бѣжалъ въ Россію.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Императрица, манифестомъ 8-го апрѣля 1783 года, присоединила Крымъ къ русскимъ владѣніямъ[7].

Турція, будучи еще совершенно не готова къ войнѣ съ нами и видя сосредоточеніе русскихъ войскъ на своихъ границахъ, скрѣпя сердце, должна была признать фактъ присоединенія къ Россіи Крыма; но желаніе отомстить за пораженія прошлыхъ годовъ и возвратить обратно все завоеванное у нея еще болѣе усилилось.

Теперь опишемъ въ нѣсколькихъ словахъ отношенія Россіи къ ея европейскимъ сосѣдямъ.

Со смертію Фридриха Великаго, измѣнились и наши отношенія къ Пруссіи: на престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ; онъ питалъ враждебныя чувства къ Россіи, завидуя успѣхамъ ея на Востокѣ.

Это недоброжелательство не замедлило сказаться въ интригахъ въ Константинополѣ, гдѣ Пруссія прилагала всѣ старанія, чтобы склонить султана къ объявленію намъ войны.

Точно такая же система практиковалась и въ Стокгольмѣ, причемъ дѣйствовали на молодаго шведскаго короля Густава III. Послѣдній былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о своихъ военныхъ и государственныхъ способностяхъ и мечталъ возвратить уступленную Россіи юго-восточную часть Финляндіи. Но воинственные порывы юнаго короля сдерживались мудрою политикою Екатерины.

Зато въ Константинополѣ интриги Пруссіи имѣли полный успѣхъ.

15-го іюля 1787 года, посолъ русскій въ Константинополѣ Булгаковъ былъ призванъ къ Рейсъ-Эфенди и на состоявшемся въ тотъ же день совѣщаніи ему предъявлены были такого рода требованія:

1) Россія должна отказаться отъ принятой ею системы покровительства Грузіи и совершенно не вмѣшиваться въ дѣла этого государства;
2) Россія обязуется выдать молдавскаго господаря Маврокордато, нашедшаго себѣ убѣжище въ предѣлахъ имперіи;
3) правительство наше должно уменьшить пошлины съ привозимыхъ въ Россію товаровъ до трети ихъ стоимости.

Не успѣла Россія дать надлежащій отвѣтъ на предъявленныя ей первыя требованія, какъ явилось новое и уже совсѣмъ несообразное. 5-го августа Булгакова вновь позвали въ диванъ и объявили, что «Россія должна возвратить Турціи Крымъ и признать недѣйствительными всѣ заключенные съ Портою трактаты, не исключая и Кучукъ-Кайнарджійскаго».

На послѣднее требованіе Булгаковъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, за что немедленно заключенъ былъ въ семибашенный замокъ.

Торопясь объявленіемъ войны, Турція хотѣла предупредить союзъ Россіи съ Австріей, но цѣль ея не была достигнута, и едва въ Австрію дошла вѣсть объ арестованіи нашего посла, какъ императоръ австрійскій Іосифъ II отправилъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Получивъ извѣстіе, что одинъ изъ слугъ Вашихъ

---

7) Относительно этого событія мы не вдаемся въ подробности, боясь удалиться отъ спеціальной задачи, и даемъ только краткій очеркъ происходившаго.

въ Константинополѣ посаженъ въ семибашенный замокъ, я, другой слуга Вашъ, посылаю противъ мусульманъ всю мою армію»[8].

Хотя правительство наше и сознавало, что миръ съ Портой не проченъ и нужно ждать разрыва, однако оно было мало подготовлено къ войнѣ. Правда, на южныхъ границахъ строились крѣпости, армія преобразовывалась, возрождался флотъ на Черномъ морѣ, но все это дѣлалось не въ виду ожидаемой войны, а только лишь съ цѣлью обезпечить Крымъ.

Войска были разбросаны по южнымъ губерніямъ, а Апшеронскій полкъ находился въ Курскѣ.

7-го сентября 1787 года изданъ манифестъ о войнѣ съ Турціей и немедленно приступлено къ формированію двухъ армій: Украинской и Екатеринославской. Роль первой арміи, въ составъ коей вошелъ и Апшеронскій полкъ, была второстепенная; на обязанности ея лежало охраненіе безопасности нашихъ границъ и спокойствія въ Польшѣ; она должна была занять пространство между Кіевомъ и Хотиномъ, служа въ то же время связью между австрійской и Екатеринославской арміями. Задача второй арміи заключалась въ овладѣніи крѣпостью Очаковомъ, послѣ чего она переходила Днѣстръ, очищала весь раіонъ до Прута и, соединясь съ австрійской арміей, подходила къ Дунаю.

Украинской арміей командовалъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, а Екатеринославскою — фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій.

Разбросанность частей Украинской арміи явилась весьма серьезнымъ препятствіемъ къ быстрому ея сосредоточенію; въ составъ арміи вошло: 16 пѣхотныхъ полковъ, егерскій корпусъ, 17 полковъ конницы и 60 орудій[9].

Апшеронскій полкъ, находясь въ дивизіи генералъ-аншефа Каменскаго, расположенъ былъ въ Курскѣ. Въ моментъ объявленія войны имъ командовалъ полковникъ Телѣгинъ. Еще передъ выступленіемъ полка къ мѣсту сбора, отдѣлены были отъ него обѣ гренадерскія роты, которыя, вмѣстѣ съ двумя гренадерскими же ротами Ростовскаго полка, образовали 3-й сводный гренадерскій баталіонъ[10]. Насколько медленно стягивались части арміи, видно изъ того, что гренадерскія роты Апшеронскаго полка только 26-го іюля 1788 года вступили въ Кіевъ и расположились въ Глеваской волости (въ селахъ Глеваки, Бандаевка, Юровка и Крюковшина); здѣсь онѣ должны были получить укомплектованіе и затѣмъ уже двинуться къ турецкой границѣ[11].

Мушкетерскіе баталіоны выступили изъ Курской губерніи въ концѣ 1787 года; въ началѣ 1788 года они расположились на зимнихъ квартирахъ въ Новороссійской губерніи. 30-го марта полкъ вышелъ на кантониръ-квартиры, образовавъ вмѣстѣ съ другими частями правый деташементъ. Въ дѣлахъ сохранился выданный полку маршрутъ, изъ коего видно, что «Апшеронскій полкъ собирается въ Хощеватое, гдѣ переходитъ Бугъ и идетъ на Логавату, а дойдя до Юлицкой, располагается на кантониръ-квартирѣ»[12].

Фельдмаршалъ графъ Румянцевъ нѣсколько разъ измѣнялъ росписаніе войскъ своей арміи и уже по окончательному распредѣленію Апшеронскій полкъ и сводно-гренадерскій баталіонъ поступили въ составъ 4-й дивизіи генералъ-поручика Дерфельдена.

---

8) Петровъ. Вторая турецкая война. Томъ I, стр. 55.

9) Пѣхота: Апшеронскій, Архангелогородскій, Вологодскій, Витебскій, Днѣпровскій, Ингерманландскій, Малороссійскій, Московскій гренадерскій, Новгородскій, Ростовскій, Смоленскій, Сибирскій, С.-Петербургскій гренадерскій, Тульскій, Углицкій и Черниговскій. Бѣлорусскій егерскій корпусъ. Конница: Тверской, Нѣжинскій, Переяславскій, лейбъ-кирасирскій, Рязанскій, Сѣверскій, Кіевскій, Кубанскій, Скерійскій, Стародубовскій, Черниговскій, Глуховскій и Орденскій кирасирскій. Кромѣ того, 4 полка казаковъ. Дѣло № 904. Военно-Ученый Архивъ.

10) Дѣло № 893. Военно-Ученый Архивъ.

11) Рапортъ генералъ-маіора Ланга № 395. Дѣло № 903. Военно-Ученый Архивъ.

12) Тамъ же.

За выдѣленіемъ гренадерскихъ ротъ, численность полка не превышала 1.000 человѣкъ; считая по штату 136 человѣкъ въ каждой ротѣ, всего должно было быть въ 8-ми ротахъ нѣсколько больше; но въ полку имѣлось много больныхъ и большая часть рекрутъ лежала по госпиталямъ, такъ что по вѣдомости, представленной въ началѣ 1789 года, на лицо находилось только 671 человѣкъ [13].

Во время похода, полкъ возилъ съ собою мѣсячный запасъ продовольствія на полковыхъ подводахъ, а если ихъ не хватало, то на обывательскихъ. Стараясь сдѣлать армію возможно подвижнѣе, фельдмаршалъ графъ Румянцевъ уменьшилъ полковой обозъ: рота не могла имѣть больше одной четырехволовой повозки, на которой возился шестидневный запасъ провіанта; но и этотъ, въ сущности весьма ограниченный, обозъ уменьшался иногда до одной повозки на двѣ роты, или до двухъ на три роты.

Когда Украинская армія сосредоточилась, то фельдмаршалъ Румянцевъ раздѣлилъ ее на пять частей: главный корпусъ, авангардъ, аріергардъ и два запасныхъ корпуса. Впрочемъ, какъ авангардъ, такъ и аріергардъ не всегда выполняли своего спеціальнаго назначенія: смотря по обстоятельствамъ, они могли быть оба впереди или оба сзади, вправо или влѣво; во время сраженія авангардъ и аріергардъ всегда становились по флангамъ.

Въ то время, какъ наши главныя силы стягивались къ границамъ, турки открыли военныя дѣйствія. 1-го октября 1787 г., турецкій флотъ, подплывъ къ Кинбурну, произвелъ высадку. Незначительный гарнизонъ, подъ начальствомъ знаменитаго впослѣдствіи Суворова, мужественно отразилъ всѣ атаки непріятеля.

Кинбурнской побѣдой обезпечено было спокойствіе на всю зиму.

Въ началѣ 1788 года Австрія объявила Турціи войну и выставила на границѣ армію въ 125.000 человѣкъ. Это обстоятельство совершенно измѣнило политику враждебныхъ намъ державъ. Уже вскорѣ послѣ Кинбурнскаго сраженія, Франція стала заискивать расположенія Императрицы, и французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, Сегюръ, просилъ свое правительство немедленно отозвать всѣхъ французскихъ офицеровъ, находившихся въ турецкой арміи. Пруссія и Англія, предвидя, по началу войны, неудачный исходъ ея для Турціи, изыскивали всевозможныя мѣры къ прекращенію невыгодной для Порты борьбы. Но всѣ старанія примирителей не имѣли успѣха; событія шли своимъ чередомъ и воюющія державы дѣлали усиленныя приготовленія къ продолженію военныхъ дѣйствій.

Усиливъ гарнизонъ Очакова, турки рѣшили обратить главную массу своихъ войскъ противъ Австріи, надѣясь съ бо̀льшими шансами на успѣхъ справиться съ этимъ новымъ противникомъ, а затѣмъ обратить всѣ свои силы противъ русскихъ.

Директивы составленнаго турками плана кампаніи заключались въ слѣдующемъ: главная армія въ 180.000 человѣкъ, подъ начальствомъ верховнаго визиря, наступаетъ къ Софіи, Нишу и Виддину, противъ главныхъ силъ австрійской арміи, расположенныхъ у Бѣлграда; одновременно съ этимъ, визирь отдѣляетъ особый корпусъ въ Трансильванію.

До 60.000 турокъ и татаръ, подъ предводительствомъ бывшаго крымскаго хана Шаганъ-Гирея, должны были поддержать, въ случаѣ надобности, гарнизоны Очакова или Хотина, Такимъ образомъ, численность всей турецкой арміи, считая гарнизоны Очакова (8.000). Хотина (6.000) и Бендеръ (20.000), достигала весьма почтенной цифры 280.000 человѣкъ.

Нашъ планъ военныхъ дѣйствій остался безъ измѣненія: Украинская армія должна была дѣйствовать между Бугомъ и Днѣстромъ, съ цѣлью угрожать Бендерамъ и препятствовать непріятелю высылать подкрѣпленіе къ Очакову, а Екатеринославская предназначалась для осады и взятія послѣдняго.

---

[13]) Дѣло № 892. Военно-Ученый Архивъ.

Въ половинѣ мая полки Украинской арміи выступили изъ своихъ зимнихъ квартиръ и стали слѣдующимъ образомъ: 2-я дивизія, составляя правое крыло арміи, продвинулась до города Старо-Константинова, чтобы поддержать австрійцевъ въ ихъ предпріятіи къ Хотину; 1-я дивизія расположилась въ Печерѣ, 3-я — въ Тульчинѣ и 4-я (въ составѣ ея и Апшеронскій полкъ) — въ Ободовкѣ.

Для взятія Хотина предназначался особый австрійскій корпусъ, подъ начальствомъ принца Кобургскаго.

Въ началѣ мая Екатеринославская армія сосредоточилась у Ольвіополя.

Не успѣли еще русскія войска собраться въ указанныхъ выше пунктахъ, какъ австрійцы открыли военныя дѣйствія, и корпусъ принца Кобургскаго подошелъ къ Хотину; повидимому, союзники, двигаясь къ крѣпости и зная слабость гарнизона его, предполагали овладѣть крѣпостью безъ боя, чтобы не дѣлить славу этого успѣха съ русскими. Но расчеты принца Кобургскаго не оправдались: на предложеніе сдаться и различныя заманчивыя условія, турки отвѣтили категорическимъ отказомъ, вслѣдствіе чего принцъ рѣшилъ предпринять правильную осаду и обратился за помощью къ графу Румянцеву. Фельдмаршалъ послалъ на соединеніе съ австрійцами 2-ю дивизію графа Салтыкова, а остальныя дивизіи, въ концѣ іюня, перешли Днѣстръ; изъ нихъ 4-я расположилась въ мѣстечкѣ Шурѣ, на рѣкѣ Кобальтѣ. Общее командованіе надъ 3-ю и 4-ю дивизіями поручено было генералъ-аншефу Эльмпту [14].

Къ іюлю мѣсяцу вся Украинская армія, перейдя рѣку Днѣстръ, уже выполнила свою задачу: она вступила въ связь съ австрійской арміей, прикрыла осаду Очакова со стороны Бендеръ и имѣла возможность двинуться къ Очакову или къ Хотину; если бы послѣднее явилось необходимымъ, то для охраненія тыла арміи со стороны Польши оставался особый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Шамшева.

Между тѣмъ, Екатеринославская армія только въ іюнѣ выступила изъ Ольвіополя; 1-го іюля она подошла къ Очакову и приступила къ осадѣ его. Чтобы лучше прикрыть осадныя войска, Румянцевъ придвинулъ части своей арміи къ Пруту.

Пока происходили вышеописанныя движенія, принцъ Кобургскій продолжалъ безуспѣшно осаждать Хотинъ; не смотря на всѣ настойчивыя приглашенія графа Румянцева и на усиленіе австрійскаго корпуса русскими войсками, принцъ не рѣшался штурмовать крѣпость. Конечно, турки этимъ пользовались и дѣйствовали смѣлѣе; вскорѣ сильныя партіи татаръ и турокъ изъ корпуса Шаганъ-Гирея появились уже недалеко отъ расположенія 4-й дивизіи. Близость непріятеля чрезвычайно обезпокоила австрійцевъ, а когда они узнали, что турки заняли Яссы, то вмѣсто того, чтобы дѣйствовать наступательно, немедленно очистили всю Молдавію.

Фельдмаршалъ Румянцевъ предписалъ генералу Эльмпту произвести усиленную рекогносцировку, съ цѣлью опредѣлить дѣйствительныя силы непріятеля и затѣмъ, соединясь съ 4-ю дивизіею Каменскаго, атаковать и разбить Шаганъ-Гирея. Въ тоже время 1-я дивизія была придвинута къ деревнѣ Плоки. Въ первомъ же дѣлѣ татары потерпѣли пораженіе, понесли большой уронъ и отступили.

Генералъ Эльмптъ выступилъ дальше, соединился съ отрядомъ австрійцевъ и 22-го августа подошелъ къ Яссамъ, гдѣ были сосредоточены главныя силы татаръ. Повидимому, ханъ готовился дать намъ сраженіе, ибо всѣ распоряженія его клонились къ тому; но когда русскія войска двинулись 24-го августа къ непріятельской позиціи, то нашли ее брошен-

14) Дѣло № 890 Военно-Ученый Архивъ.

ною. Вслѣдъ затѣмъ австрійскій отрядъ безпрепятственно занялъ Яссы. Дальнѣйшія дѣйствія русскихъ войскъ Украинской арміи представляютъ мало интереснаго, они заключались въ передвиженіяхъ, имѣвшихъ главною цѣлью прикрытіе осады Очакова.

Между тѣмъ, дѣла австрійцевъ были изъ рукъ вонъ плохи. Принцъ Кобургскій, командовавшій лѣвымъ флангомъ австрійской арміи, просто боялся наступательныхъ дѣйствій, мотивируя это тѣмъ, что «послѣ долгаго мира въ австрійской арміи не было уже людей, которые умѣли бить турокъ»[15]. Предпринятая имъ осада Хотина шла черепашьимъ шагомъ и, провозившись съ этой крѣпостью до половины сентября, принцъ, наконецъ, принялъ капитуляцію гарнизона, но на такихъ условіяхъ, которыя были во всѣхъ отношеніяхъ выгодны для турокъ и постыдны для австрійцевъ. На другихъ театрахъ войны, дѣла нашихъ союзниковъ были еще хуже. Собравъ громадную армію, австрійцы, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать наступательно, ограничились занятіемъ незначительной крѣпостцы Шабацъ. Турки перешли въ наступленіе и разбили на-голову корпусъ Вартенслебена. Императоръ Іосифъ поспѣшилъ на выручку, но во время ночнаго перехода, войска австрійскія перепутались, открыли пальбу по несуществующему непріятелю, а затѣмъ бросились бѣжать. Обуявшая австрійцевъ паника была настолько велика, что вся свита императора разбѣжалась, оставивъ его одного. Не удивительно послѣ этого, что русскіе военачальники совершенно игнорировали австрійскую армію, какъ боевую силу, способную оказать дѣйствительную помощь, а надѣялись только на свои войска, которыя умѣли побѣждать и не считали передъ боемъ число враговъ своихъ. Дѣйствія Екатеринославской арміи подъ Очаковымъ также отличались крайней медленностью, ибо Потемкинъ задался цѣлью принудить гарнизонъ къ сдачѣ.

Въ полномъ бездѣйствіи прошелъ августъ, сентябрь и октябрь; наступила глубокая осень, а вмѣстѣ съ нею холодъ и снѣгъ. Жившіе въ землянкахъ солдаты коченѣли отъ мороза, доходившаго нерѣдко до 22 — 23°. Въ войскахъ развилась смертность. Наконецъ, въ арміи поднялся глухой ропотъ и тогда Потемкинъ рѣшился на штурмъ.

6-го декабря войска съ особенною радостью пошли въ бой, и въ часъ съ четвертью крѣпость была взята[16].

Взятіемъ Очакова закончилась кампанія 1788 года; войска обѣихъ армій расположились на зимовыя квартиры, причемъ Апшеронскій полкъ сталъ въ мѣстечкѣ Васлуѣ, на рѣкѣ Бырладѣ.

Разсматривая военныя дѣйствія истекшаго года, нельзя не придти къ заключенію, что на нихъ лежалъ отпечатокъ нерѣшительности и медленности.

Взятіе Хотина обезпечивало тылъ союзныхъ войскъ, очищало имъ широкое поле для дальнѣйшей дѣятельности, а сближеніе Украинской арміи съ австрійскою приглашало послѣднюю къ занятію Валахіи.

Оперировавшій противъ австрійцевъ турецкій полководецъ Юсуфъ-паша врядъ ли отважился бы ожидать наступленія союзныхъ армій, изъ коихъ русскою предводительствовалъ грозный для турокъ Румянцевъ.

Но полнѣйшее отсутствіе инициативы, недостатокъ рѣшительности, близко граничащій со страхомъ, не позволяли австрійцамъ воспользоваться ни одной изъ вышеупомянутыхъ выгодъ и они пребывали въ прежнемъ бездѣйствіи.

Къ сожалѣнію, задачи фельдмаршала Румянцева были таковы, что ему не представлялось возможнымъ выказать въ полномъ блескѣ свой военный талантъ и предпріимчивость:

---

[15]) Петрушевскій. Генералиссимусъ князь Суворовъ. Томъ I, стр. 333.
[16]) Дѣло № 890. Военно-Ученый Архивъ.

стѣсненный дѣйствіемъ Екатеринославской арміи съ одной стороны и осадой Хотина съ другой, Румянцевъ принужденъ былъ, къ великому своему прискорбію, бездѣйствовать.

Дѣйствія австрійцевъ, вслѣдъ за взятіемъ Хотина, становятся уже просто загадочными: вмѣсто того, чтобы идти къ своимъ границамъ и отбросить непріятеля, вносившаго разореніе и ужасъ въ ихъ собственныя владѣнія, они прячутся подъ защиту русскихъ войскъ предоставляя туркамъ полную свободу хозяйничать въ своей странѣ.

Взаимное положеніе воюющихъ сторонъ къ началу наступившаго года совершенно, сходно съ такимъ же положеніемъ въ 1770 году. Тѣ-же опорные пункты турокъ на Днѣстрѣ — Бендеры и Аккерманъ, давали имъ возможность дѣйствовать во флангъ Украинской арміи, а при углубленіи въ Валахію — отрѣзать сообщеніе ей съ войсками, находившимися на Бугѣ; тотъ же рядъ крѣпостей лежалъ на Дунаѣ и двойнымъ оплотомъ ограждалъ неприкосновенность Задунайскихъ турецкихъ областей. Но во время прошлой войны большая часть этихъ грозныхъ твердынь потеряла названіе неприступныхъ и крѣпости видѣли побѣдоносныя войска русскія на стѣнахъ своихъ.

По плану кампаніи на 1789 годъ, главный театръ войны долженъ былъ быть перенесенъ въ Бессарабію, гдѣ сосредоточивались главныя силы турецкой арміи, подъ начальствомъ визиря. Военныя дѣйствія начинались движеніемъ къ Бендерамъ или сближеніемъ къ Дунаю у крѣпости Измаила. По разбитіи же главной арміи турецкой, дунайскія крѣпости, поставленныя между двумя арміями — Екатеринославской и Украинской, не въ состояніи были бы держаться и должны пасть.

Планъ дѣйствій австрійцевъ заключался въ переходѣ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и занятіи Бѣлграда [17].

Въ концѣ прошлаго года Украинская армія размѣстилась въ Валахіи и Бессарабіи, между Серетомъ, Прутомъ и Днѣстромъ, имѣя главную квартиру въ Яссахъ; Екатеринославская армія расположилась въ Новороссійской и Екатеринославской губерніяхъ и по лѣвому берегу Днѣстра.

За одинъ годъ кампаніи Украинская армія значительно уменьшилась въ своемъ численномъ составѣ. Непривычный климатъ и побѣги ослабили части войскъ, а отдаленность отъ своихъ границъ и смятенія въ Польшѣ препятствовали успѣшному доставленію рекрутъ.

Изъ сохранившихся въ дѣлахъ вѣдомостей видно, что въ концѣ прошлаго года численность людей въ Апшеронскомъ полку выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 14, унтеръ-офицеровъ и капраловъ 66, музыкантовъ, барабанщиковъ и флейтщиковъ 29, мушкетеръ 895, артиллерійскихъ служителей 17, нестроевыхъ 106; итого 1.038. Лошадей 136 [18]. Но изъ этого числа нужно выключить больныхъ и бѣжавшихъ. По вѣдомости, составленной въ мартѣ мѣсяцѣ 1789 года, значится умершихъ, съ іюля прошлаго года по мартъ наступившаго, 27 человѣкъ, бѣжавшихъ 20, а исключая больныхъ, на лицо 671 человѣкъ [19]. Эти цифры краснорѣчиво говорятъ о сильной убыли въ полку; тоже самое происходило и въ остальныхъ частяхъ, такъ что общая численность Украинской арміи не превышала 35.000 человѣкъ.

Въ началѣ 1789 года командиръ полка бригадиръ Телѣгинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а вмѣсто него назначенъ флигель-адъютантъ бригадиръ Федоръ Ивановичъ Левашевъ.

---

17) Кромѣ того, на Кавказѣ дѣйствовалъ особый корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Салтыкова. Дѣло № 890. Военно-Ученый Архивъ.

18) Дѣло № 892. Военно-Ученый Архивъ.

19) Дѣла №№ 892 и 918. Военно-Ученый Архивъ.

Первыя серьезныя дѣйствія Румянцевскихъ войскъ начаты были 4-й дивизіей, начальство надъ которой принялъ генералъ-аншефъ Дерфельденъ.

Первоначальныя задачи непріятеля сводились къ тому, чтобы постоянно тревожить зимовавшія войска. Ранней весной между передовыми отрядами нашими и турецкой конницей начались мелкія стычки. Турки сосредоточивались преимущественно у Фокшанъ; въ концѣ февраля число ихъ возросло до 20.000. Въ тоже время турецкій корпусъ Якубъ-Аги усилился прибытіемъ отрядовъ изъ Браилова и Галаца. Чтобы остановить наступленіе непріятеля, графъ Румянцевъ предложилъ генералъ-аншефу Дерфельдену послать сильный отрядъ противъ Якубъ-Аги; тотъ же отрядъ долженъ былъ прикрывать флангъ австрійской арміи, при наступленіи ея къ Фокшанамъ. Съ занятіемъ послѣдняго, непріятель лишался возможности дѣйствовать между Прутомъ и Серетомъ и обезпечивалось спокойствіе войскъ на винтеръ-квартирахъ. Множество крѣпостей, лежавшихъ передъ Украинской арміей, равно какъ растянутость послѣдней отъ Днѣстра до Серета, препятствовали фельдмаршалу Румянцеву принять непосредственное участіе въ занятіи Фокшанъ; онъ нашелъ возможнымъ отдѣлить на театръ военныхъ дѣйствій только одну 4-ю дивизію; послѣдней предстояло вынести на себѣ удары значительно превосходящаго въ силахъ непріятеля и составить несокрушимую перегораду всѣмъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ его со стороны нижняго Дуная. Въ подкрѣпленіе дивизіи Дерфельдена, Румянцевъ выслалъ резервный корпусъ отъ 2-й и 3-й дивизій, два карабинерныхъ и одинъ казачій полкъ. Усиленіе непріятеля между Бырладомъ и Прутомъ угрожало нашимъ передовымъ постамъ, поэтому Дерфельденъ образовалъ изъ своихъ войскъ особый отрядъ, въ составѣ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, 100 егерей и одного казачьяго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Шаховскаго, приказалъ ему слѣдовать къ Пуценямъ и, соединясь съ передовыми войсками, остановить движеніе Якубъ-Аги. Желая предупредить дальнѣйшее скопленіе турокъ, графъ Румянцевъ предписалъ Дерфельдену сдѣлать соединенными силами рѣшительное движеніе на встрѣчу непріятеля и однимъ ударомъ разрѣшить всѣ недоумѣнія и тревоги относительно намѣреній противника.

Не доходя Пуцень, князь Шаховской неожиданно подвергся сильному нападенію турокъ, потерявъ въ происшедшемъ сраженіи много людей, онъ все таки отбилъ атаку. Тѣмъ не менѣе, присутствіе значительныхъ силъ турокъ ставило малочисленный русскій отрядъ въ весьма опасное положеніе, поэтому Шаховской счелъ лучшимъ остановиться и обратился къ генералу Дерфельдену съ просьбой прислать подкрѣпленіе. Дерфельденъ выслалъ къ нему два баталіона пѣхоты (въ томъ числѣ одинъ Апшеронскій секундъ-маіора Дертена) и три эскадрона карабинеръ.

Не сомнѣваясь больше въ намѣреніи турокъ распространиться къ Бырладу, генералъ-аншефъ Дерфельденъ выступилъ 14-го марта съ остальными войсками внизъ по Пруту, къ деревнѣ Цыганкѣ, чтобы, присоединивъ къ себѣ по дорогѣ два гренадерскихъ и одинъ егерскій баталіоны, слѣдовать къ Фальчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отправилъ приказаніе командовавшему резервнымъ корпусомъ полковнику Римскому-Корсакову перейти Прутъ и присоединиться къ 4-й дивизіи.

16-го числа войска Дерфельдена прибыли въ Фальчи, а отрядъ Шаховскаго отступилъ къ Пруту и остановился въ селѣ Рай.

Въ то время, какъ русскія войска подвигались на встрѣчу непріятелю, австрійцы начали отступать, оставивъ, такимъ образомъ, русскихъ одних раздѣлываться съ многочисленнымъ непріятелемъ. Командовавшій турецкимъ корпусомъ Ибрагимъ-паша неотступно преслѣдовалъ австрійцевъ и занялъ нѣсколько пунктовъ вблизи расположенія нашихъ войскъ.

31-го марта резервный корпусъ Корсакова прибылъ къ Бырладу и здѣсь былъ атакованъ превосходными силами турокъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго боя, непріятель былъ опрокинутъ и преслѣдуемъ на разстояніи 10-ти верстъ.

Отступленіе австрійскаго отряда генерала Сплени и малочисленность войскъ Дерфельдена заставили графа Румянцева усилить послѣдняго 6-ю баталіонами пѣхоты и 2-мя конными полками изъ 2-й дивизіи. Между тѣмъ, начальствовавшій турками Сераскиръ Карамахмедъ возобновилъ свои покушенія на корпусъ Корсакова: 7-го апрѣля онъ произвелъ сильное нападеніе, но вторично былъ отбитъ, съ потерей 2-хъ знаменъ и 200 убитыми [20]. Но отдѣльное положеніе войскъ Корсакова у Бырлада было весьма опасное, такъ какъ онъ могъ подвергнуться нападенію соединенныхъ силъ турокъ. Въ виду этого, Дерфельденъ 9-го апрѣля выступилъ изъ Фальчи, а на другой день соединился съ Корсаковымъ. Изъ Бырлада Дерфельденъ выступилъ 12-го апрѣля; цѣль движенія заключалась въ слѣдующемъ: не допустить усиленія непріятеля на рѣкѣ Серетѣ и, пользуясь разъединеніемъ турецкихъ силъ, разбить сначала Якубъ-Агу, а потомъ и Ибрагимъ-пашу.

13-го апрѣля наши войска прибыли въ Пуцень; толпы турокъ спѣшили изъ Браилова и Галаца къ Максименямъ, на подкрѣпленіе войскъ Якубъ-Аги. Отдохнувъ въ Пуцени, отрядъ на слѣдующій день выступилъ къ Максименямъ и вечеромъ 15-го числа подошелъ къ селенію Пеку. Такъ какъ весь успѣхъ предстоявшаго боя основанъ былъ на неожиданности нападенія, то Дерфельденъ, сдѣлавъ только привалъ, отправился дальше и до 12-ти часовъ ночи прошелъ еще 10 верстъ. Темнота и трудность дороги, проходившей по крутымъ горамъ, побудили начальника отряда остановиться. Близость непріятеля не позволяла разводить огней; полки стояли въ полной боевой готовности и соблюдали возможную тишину. Черезъ три часа отрядъ поднялся и пошелъ къ Максименямъ. Сильный туманъ и дождь скрывали движеніе русскихъ и только когда они подошли къ передовымъ постамъ непріятеля, то послѣдій забилъ тревогу. Замѣшательство турокъ было полное и безпорядокъ невообразимый. Уже не помышляя о сопротивленіи, непріятель, расположенный по обоимъ берегамъ рѣкъ Серета и Максимень, бѣжалъ на правый берегъ послѣдней. Немедленно открытъ былъ по непріятелю сильный артиллерійскій огонь и отправлено для преслѣдованія его два полка казаковъ, которые, врѣзавшись въ толпы турокъ, производили безпощадное избіеніе. При началѣ сраженія, Якубъ-Ага, съ 600 отборныхъ людей и однимъ орудіемъ, направился внизъ по Серету, къ деревнѣ Сербешти, но былъ настигнутъ казаками и посланными за нимъ въ погоню карабинерами. Произошло страшное побоище и ни одинъ турокъ не спасся: всѣ они легли подъ шашками казаковъ, а самъ Якубъ-Ага раненый былъ взятъ въ плѣнъ. Въ этомъ славномъ дѣлѣ Апшеронскій полкъ, какъ и вся остальная пѣхота, принялъ, такъ сказать, пассивное участіе, служа непосредственной поддержкой легкимъ войскамъ, и грознымъ маневрированіемъ своимъ заставляя непріятеля отбросить всякую мысль о сопротивленіи. Турки оставили на мѣстѣ болѣе 400 тѣлъ, взята одна пушка, 4 знамени и 107 плѣнныхъ [21].

Но Дерфельденъ не ограничился побѣдой у Максимень и немедленно двинулся къ Галацу, чтобы отнять у турокъ послѣднее убѣжище между Серетомъ и Прутомъ и отбросить ихъ за Дунай.

17-го апрѣля войска выступили изъ Максимени, а утромъ 20-го числа были уже у Галаца.

Выбранная непріятелемъ позиція была по природѣ крѣпка, да кромѣ того, еще укрѣплена тройнымъ рядомъ окоповъ; фронтъ ея прикрывался глубокимъ оврагомъ. На правомъ и лѣвомъ флангахъ, на отдѣльныхъ высотахъ, устроены были сильныя батареи, изъ коихъ

---

[20]) Дѣло № 890, стр. 390. Военно-Ученый Архивъ.
[21]) Донесеніе Дерфельдена отъ 18-го апрѣля, № 66. Дѣло № 918. Военно-Ученый Архивъ.

одна защищалась тройнымъ рядомъ окоповъ, представляя трехъярусную оборону. Силы турокъ превышали 20.000 человѣкъ. Рекогносцировка непріятельской позиціи убѣдила Дерфельдена, что атака ея съ фронта, равно какъ и нечаянность нападенія не могли здѣсь имѣть мѣста, поэтому онъ рѣшилъ атаковать правый флангъ позиціи, какъ болѣе доступный. Подойдя ближе, Дерфельденъ, чтобы увеличить свои силы и «симъ вперить непріятелю ужасъ страшнаго Ея Императорскаго Величества оружія» построилъ пѣхоту въ одну линію, а кавалерію въ другую, а легкая конница вступила въ перестрѣлку съ выѣхавшею изъ Галаца турецкою конницею. Повидимому, Ибрагимъ-паша предполагалъ, что наши войска атакуютъ его позицію съ фронта и тогда имѣлъ намѣреніе осыпать ихъ картечью съ обѣихъ сторонъ; но Дерфельденъ провелъ отрядъ лощиною и, взойдя на высоту съ праваго фланга, построилъ весь отрядъ свой въ 5 карре: съ лѣвой стороны третій егерскій баталіонъ составлялъ одно карре, второе — два гренадерскихъ, баталіона, третье — изъ Апшеронскаго, Ростовскаго и Тульскаго мушкетерскихъ полковъ, съ правой стороны первый егерскій баталіонъ составлялъ особое карре и пятое — два другихъ гренадерскихъ баталіона [22].

Первыми пошли въ атаку гренадеры; едва только они приблизились къ нижнимъ окопамъ, какъ подъ генераломъ Дерфельденомъ убита была лошадь, а самъ онъ, при паденіи, сильно разбилъ себѣ лицо. Предполагая, что Дерфельденъ убитъ, солдаты пришли въ нѣкоторое смущеніе, но генералъ быстро вскочилъ на ноги и со словами: «нѣтъ, ребята, я живъ, съ Богомъ, впередъ!» повелъ ихъ впередъ. Спустившись въ ровъ, гренадеры не могли подняться на валъ: вслѣдствіе лившихъ передъ тѣмъ дождей, грунтъ насыпи сильно размокъ и солдаты скользили по ней. Опасаясь, чтобы турки не произвели вылазки, генералъ Дерфельденъ приказалъ подвести ко рву мушкетерское карре. «Мушкетерское карре, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ князь Шаховской, пришедъ ко рву, подкрѣпило гренадеръ, причемъ командиръ Апшеронскаго полка, секундъ-маіоръ Тевешовъ, будучи на правомъ флангѣ онаго карре, мужественно выдержалъ весь сильный непріятельскій огонь» [23].

Къ счастью, по близости нашлось нѣсколько досчатыхъ шалашей; солдаты живо разобрали ихъ, доски перебросили черезъ ровъ и по нимъ взошли на валъ. Въ одно мгновеніе непріятель былъ выбитъ изъ нижняго ложемента, затѣмъ изъ средняго и, наконецъ, сосредоточился въ верхнемъ. Видя, что и здѣсь не будетъ спасенія отъ русскихъ штыковъ, турки начали кричать «аманъ», что подало поводъ къ весьма печальному недоразумѣнію. Солдаты, принявъ слово «аманъ» за «обманъ», закричали: «какой обманъ! нѣтъ, братъ, не обманывай!» и бросились на непріятеля въ штыки, причемъ погибло еще до 600 человѣкъ турокъ [24].

Непріятель держался еще на высотѣ лѣваго фланга. Здѣсь турки устроили сильный редутъ, но опасаясь подвергнуться участи своихъ товарищей, находившихся на правомъ флангѣ, нашли дальнѣйшую защиту безполезной и выслали парламентера, съ предложеніемъ сдаться, если имъ только позволено будетъ уйти къ Браилову.

Пользуясь на время прерванной перестрѣлкой, непріятель принялся поправлять поврежденія въ редутѣ, перемѣщалъ орудія и, повидимому, приготовлялся къ оборонѣ. Желая отнять у противника всякую надежду на сопротивленіе, Дерфельденъ отправилъ часть войскъ въ обходъ редута, чтобы окружить его со всѣхъ сторонъ, а парламентеровъ послалъ обратно, съ требованіемъ безусловной сдачи.

Видя себя окруженными, турки не осмѣлились вступить въ бой и сдались.

---

[22]) Апшеронскимъ полкомъ временно командовалъ секундъ-маіоръ Тевешовъ, такъ какъ назначенный командиромъ полка флигель-адъютантъ бригадиръ Левашевъ еще не прибылъ.

[23]) Донесеніе генерала Дерфельдена отъ 23-го апрѣля за № 188. Дѣло № 918. Военно-Ученый Архивъ.

[24]) Тамъ же, донесеніе № 188.

Взятіе обѣихъ командующихъ высотъ турецкой позиціи принудило главныя силы непріятеля очистить Галацъ; турки сѣли на суда и поплыли внизъ по Дунаю.

Въ сраженіи у Галаца мы потеряли всего только 160 человѣкъ убитыми и ранеными, между тѣмъ какъ у турокъ одними убитыми насчитывалось около 1.500 человѣкъ, ранено столько же и въ плѣнъ взято 1.492 человѣка; въ числѣ послѣднихъ находился и самъ Ибрагимъ-паша; 37 знаменъ, 13 пушекъ, громадный запасъ продовольствія и множество драгоцѣнностей достались войскамъ.

Апшеронцы лишились убитыми 11 нижнихъ чиновъ, ранеными: капитана *Дмитрія Пышницкаго* и 25 нижнихъ чиновъ[25].

Донося графу Румянцеву о пораженіи турокъ, генералъ Дерфельденъ съ особенною похвалою отзывается о командующемъ полкомъ секундъ-маіорѣ Тевешовѣ, маіорѣ Федорѣ Дертенѣ и о поручикѣ Головинѣ[26].

Бой у Галаца явился результатомъ послѣдняго распоряженія фельдмаршала Румянцева: вскорѣ онъ былъ отозванъ отъ Украинской арміи и вмѣсто него назначенъ генералъ-аншефъ Репнинъ, но уже съ прямымъ подчиненіемъ князю Потемкину. Впредь же до прибытія Репнина, армія была ввѣрена генералъ-аншефу графу Каменскому.

Неизвѣстность основныхъ директивъ плана военныхъ дѣйствій 1789 года и волненія въ Польшѣ не позволили графу Каменскому удержать Галацъ; вскорѣ онъ предписалъ генералу Дерфельдену, разрушивъ городъ, отступить вдоль Прута и расположиться между Фальчею и Бырладомъ. Передовые посты выдвинуты были къ Пуцени, чтобы наблюдать за Максименями и по первому знаку идти на помощь австрійцамъ или въ Польшу.

Не смотря на блистательныя дѣйствія 4-й дивизіи, принцъ Кобургскій не переставалъ изыскивать препятствія къ занятію Фокшанъ и упустилъ благопріятный моментъ поразить турокъ, упавшихъ духомъ отъ неудачъ.

Между тѣмъ, въ Константинополѣ совершился переворотъ и на престолъ вступилъ султанъ Селимъ. Смерть множества знатныхъ лицъ ознаменовала первые шаги правленія новаго владыки правовѣрныхъ. Верховный визирь, сосредоточивъ значительныя силы у Исакчи, бездѣйствовалъ, въ ожиданіи фирмана отъ своего новаго повелителя, и это бездѣйствіе дало намъ возможность спокойно снадбить Украинскую армію рекрутами, продовольствіемъ и обмундированіемъ, въ которыхъ такъ нуждались части войскъ.

Окончивъ описаніе военныхъ дѣйствій Украинской арміи въ весенній періодъ, бросимъ взглядъ на дѣйствія нашихъ союзниковъ и Екатеринославской арміи.

Небрежность и нерѣшительность принца Кобурга, по отношенію къ занятію Фокшанъ, явились несомнѣнною причиною тѣхъ тревогъ и многочисленныхъ передвиженій, которымъ подвергались русскія войска вообще и Апшеронскій полкъ, какъ часть 4-й дивизіи, въ особенности.

Лишивъ русскихъ отдыха, необходимаго въ виду предстоявшихъ главныхъ военныхъ дѣйствій, предусмотрительные австрійцы, съ каждымъ шагомъ впередъ, оглядывались на наши войска, а одно приближеніе турокъ заставляло ихъ поспѣшно принимать прежнее положеніе, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ противодѣйствію.

Въ то время, какъ 4-я дивизія одерживала блестящія побѣды и брала турецкіе города, Екатеринославская армія дремала на лаврахъ прошлогодняго похода и, повидимому, не скоро обѣщала выйти изъ такого состоянія забытья.

---

25) Вѣдомость убитыхъ и раненыхъ при рапортѣ за № 188.

26) Рапортъ Дерфельдена отъ 24-го апрѣля, № 59. Дѣло № 891. Военно-Ученый Архивъ.

Наконецъ, уже въ концѣ мая мѣсяца, къ соединенной южной арміи (такъ назывались слитыя арміи Украинская и Екатеринославская) прибылъ главнокомандующій князь Потемкинъ и немедленно составилъ новое росписаніе войскъ; они были раздѣлены на двѣ части: въ первой заключались 1-я, 2-я и 3-я дивизіи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ главнокомандующаго, а во второй, подъ начальствомъ князя Репнина, 4-я и 5-я дивизіи, а также Таврическій корпусъ. Согласно новому росписанію, бывшая 4-я дивизія переименована въ 3-ю и начальство надъ нею ввѣрено было, не задолго передъ тѣмъ прибывшему въ Украинскую армію, генералу Суворову.

Вслѣдствіе непріязни, которую питалъ къ нему могущественный въ то время Потемкинъ, Суворовъ не былъ назначенъ ни въ одну изъ армій. Это обстоятельство сильно уязвило его самолюбіе и онъ немедленно поскакалъ въ Петербургъ, подъ предлогомъ принесенія благодарности Государынѣ за награды, полученныя въ 1788 году. «Поклонившись, по обыкновенію, ей въ землю, Суворовъ съ жалобнымъ видомъ сказалъ: «Матушка, я прописной!» — «Какъ это?» спросила Екатерина. — «Меня нигдѣ не помѣстили съ прочими генералами и ни одного капральства не дали въ команду». Императрица, понимая хорошо, какое важное значеніе могъ имѣть Суворовъ въ ходѣ военныхъ операцій и не желая лишить армію такой боевой силы, назначила его для командованія одной изъ дивизій Украинской арміи[27].

Вотъ какимъ образомъ Суворовъ попалъ на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ подъ его начальствомъ Апшеронскій полкъ стяжалъ себѣ еще нѣсколько лишнихъ лавровыхъ вѣнковъ.

Подъ командою Суворова, въ 3-й дивизіи было 8 полковъ мушкетерскихъ, 4 карабинерныхъ, 4 донскихъ и 30 орудій полевой артиллеріи[28]. Главная квартира дивизіи находилась въ Камешти.

Мы оставили бывшую 4-ю дивизію у Бырлада, куда возвратился генералъ Дерфельденъ, а затѣмъ она перешла въ Камешти.

Встревоженный усиленіемъ арміи верховнаго визиря, князь Потемкинъ сдѣлалъ предварительныя распоряженія для наступательныхъ дѣйствій. Хотя одна изъ главныхъ задачъ настоящей кампаніи и заключалась въ томъ, чтобы не позволять непріятелю сосредоточиваться, однако турки, пользуясь бездѣйствіемъ союзныхъ войскъ, успѣли собрать изъ Браилова и Силистріи около 30.000 человѣкъ, которые, при сераскирѣ Мустафѣ и двухбунчужномъ Османъ-пашѣ, были направлены въ Фокшаны.

Планъ непріятеля заключался въ томъ, чтобы разбить порознь союзные корпуса, направивъ первый ударъ на австрійцевъ.

---

[27]) Петрушевскій. Генералиссимусъ князь Суворовъ. Томъ I, стр. 337.

[28]) Полки мушкетерскіе: Апшеронскій, Архангелогородскій, Ингерманландскій, Ростовскій и Смоленскій; карабинерные: Стародубовскій, Черниговскій, Кіевскій и Нѣжинскій. Дѣло № 890. Военно-Ученый Архивъ.

Глава Тринадцатая.

Движеніе Суворова къ Фокшанамъ. — Соединеніе съ австрійцами. — Рекогносцировка у Путны. — Боевой порядокъ русскихъ войскъ. — Сраженіе при Фокшанахъ. — Взятіе монастыря св. Самуила. — Окончательное разбитіе турокъ. — Потери непріятеля и союзниковъ. — Донесеніе Суворова объ отличившихся. — Возвращеніе къ Бырладу. — Результаты фокшанской побѣды. — Наступленіе верховнаго визиря къ Рымнику. — Просьба принца Кобурга о помощи. — Выступленіе Суворова изъ Бырлада къ Рымнику. — Походъ суворовскихъ войскъ. — Переправа черезъ рѣку Серетъ. — Встрѣча съ принцемъ Кобургскимъ. — Рекогносцировка непріятельской позиціи. — Описаніе ея. — Планъ Суворова. — Боевой порядокъ русскаго корпуса. — Ночь передъ сраженіемъ. — Атака турецкаго лагеря у Тыргокукули. — Нападеніе турецкой конницы на русскія карре. — Отбитіе атакъ непріятеля. — Второй періодъ сраженія. — Взятіе деревни Баксу. — Бой въ Крынгумейлорскомъ лѣсу. — Разбитіе турокъ и бѣгство ихъ. — Степень участія Апшеронцевъ въ Рымникскомъ сраженіи. — Потери турокъ и союзниковъ. — Отличившіеся въ Апшеронскомъ баталіонѣ. — Вѣнчаніе побѣдителей лавровыми вѣнками. — Возвращеніе въ Бырладъ. — Награды. — Послѣдствія побѣды у Рымника. — Новый командиръ полка.

Озабоченный появленіемъ сильныхъ непріятельскихъ партій, принцъ Кобургскій извѣстилъ генералъ-аншефа Суворова о приближеніи турокъ и просилъ помощи.

Суворовъ не заставилъ себя долго ждать. Въ тотъ же день, т. е. 16-го іюля, онъ собралъ части своего корпуса и, оставивъ въ Бырладѣ одинъ пѣхотный полкъ съ четырьмя полковыми пушками, по два эскадрона отъ каждаго карабинернаго полка, 100 казаковъ и половину арнаутовъ, съ остальными войсками (10 баталіоновъ пѣхоты, въ числѣ ихъ весь Апшеронскій полкъ, 9 эскадроновъ карабинѣръ, 3 донскихъ полка и 800 арнаутовъ)[1], выступилъ къ мѣстечку Аджуду, гдѣ назначено было соединеніе русскихъ и австрійскихъ войскъ.

Русскіе, освѣжаясь отъ времени до времени небольшими привалами, подвигались весьма быстро; они перешли черезъ рѣчки Шутову и Залетну. 17-го числа Суворовъ по австрійскимъ понтонамъ переправился черезъ Серетъ и въ тотъ же день, въ 10 часовъ утра, соединился съ австрійцами. Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіи понтоновъ для перехода черезъ рѣку Протушъ.

Въ 3 часа пополудни, 19-го іюля, союзники двинулись къ Фокшанамъ двумя колоннами: правую составляли австрійцы, а лѣвую русскіе. Полковникъ Карачай съ легкими австрійскими войсками образовалъ авангардъ русскихъ войскъ, съ цѣлью заставить турокъ предполагать, что они имѣютъ противъ себя только одныхъ австрійцевъ. Пройдя отъ Аджуда верстъ 25 и миновавъ селенія Карломонешти и Маринешти, союзники расположились у послѣдняго лагеремъ.

На слѣдующее утро произведена была рекогносцировка по направленію къ рѣчкѣ Путнѣ, протекавшей въ 12-ти верстахъ отъ лагеря. Турки, находившіеся въ передовыхъ окопахъ за Путной, вышли, подъ начальствомъ Османа-паши, на встрѣчу рекогносцировавшимъ войскамъ; но атака казачьяго полка полковника Грекова заставила непріятеля отступить. Уси-

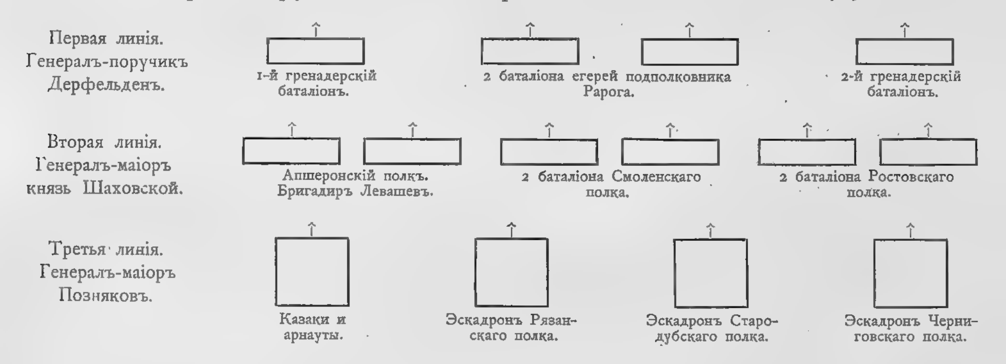
[1] Полки Апшеронскій и Ростовскій, 2 гренадерскихъ и 2 егерскихъ баталіона и эскадроны Стародубовскаго, Кіевскаго и Черниговскаго полковъ.

леніе турокъ вынудило союзниковъ выслать и отъ себя подкрѣпленіе изъ легкихъ войскъ. Завязалось жаркое дѣло. Въ разгарѣ его Османъ-паша, съ 3-мя тысячами отборныхъ спаговъ, атаковалъ оба крыла легкихъ войскъ, которыя, преслѣдуя отступавшаго непріятеля, пронеслись на 2½ версты впередъ. Опрокинутые казаки возвратились во весь опоръ къ лагерю; въ эту рѣшительную минуту вступили въ дѣло и австрійцы. Дивизіонъ драгунъ, поддержанный арнаутами, врубился въ толпы турокъ и заставилъ ихъ остановиться. Непріятель еще два раза бросался въ атаку, но былъ отбитъ и обратился въ бѣгство. Преслѣдуя бѣгущихъ, казаки на плечахъ ихъ ворвались въ турецкій лагерь, расположенный на правомъ берегу Путны, и зажгли его. Наступившая ночь прекратила сраженіе, и наши войска остановились на рѣчкѣ. Вскорѣ подоспѣли понтоны, но сильный дождь и появленіе новыхъ силъ непріятеля замедлили наводку моста. Турки отбросили легкія войска, стоявшія за Путной, но дальнѣйшіе успѣхи ихъ были остановлены баталіономъ, стоявшимъ у брода, а подоспѣвшіе егеря принудили непріятеля совсѣмъ очистить противуположный берегъ. Къ 10-ти часамъ ночи къ переправѣ стянулись всѣ части войскъ и стали въ боевомъ порядкѣ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Путны. Съ этого времени наводка моста производилась уже безпрепятственно, и въ 11 часовъ ночи на противуположный берегъ перешелъ весь Суворовскій отрядъ.

На разсвѣтѣ, 21-го іюля, началась переправа австрійскихъ войскъ, послѣ чего союзники построились въ боевой порядокъ и начали движеніе къ Фокшанамъ, до которыхъ оставалось еще 12 верстъ.

Русскія войска составляли лѣвое крыло; пѣхота была построена въ шахматномъ порядкѣ въ 6 карре: въ первой линіи три карре, состоявшія изъ гренадерскихъ баталіоновъ и егерскаго баталіона подполковника Льва Рарога; во второй линіи, въ трехъ карре — мушкетерскіе полки, причемъ Апшеронскій находился подъ командою бригадира Левашова; въ третьей линіи стала кавалерія.

Боевой порядокъ русскихъ войскъ при Фокшанахъ 21-го іюля 1789 года.



Въ такомъ же порядкѣ построились на правомъ крылѣ австрійцы.

Въ 6 часовъ утра, оба корпуса, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, двинулись къ Фокшанамъ. Едва войска тронулись, какъ передовая непріятельская конница начала атаки; но по малочисленности противника, всѣ нападенія отбивались безъ особеннаго труда. Вскорѣ по дорогѣ изъ Фокшанъ показались большія облака пыли, среди которой блистало оружіе. На этотъ разъ нужно было ожидать болѣе серьезнаго нападенія, и войска приготовились къ

отпору. Облака пыли быстро приближались, и, наконецъ, болѣе 15.000 отборной турецкой конницы съ яростью устремились на правый флангъ.

Сверхъ всякаго ожиданія, имперцы выдержали атаку довольно стойко. Тогда толпы непріятельской конницы окружили союзниковъ со всѣхъ сторонъ и искали мѣста, гдѣ бы имъ врубиться въ карре. Въ это время подоспѣлъ шедшій сзади съ артиллеріей генералъ Сплени; сосредоточеннымъ дѣйствіемъ орудій онъ заставилъ турокъ разсѣяться, хотя и не на долго. Собравшись опять, они произвели вторичное, еще болѣе отчаянное нападеніе; на этотъ разъ ударъ ихъ обрушился на русскія карре, которыя успѣли уже значительно продвинуться впередъ. Русскія войска совершенно хладнокровно допустили непріятеля приблизиться, а затѣмъ открыли по немъ ружейный огонь. Такая встрѣча не понравилась туркамъ, и они отхлынули было назадъ, но вслѣдъ затѣмъ съ криками и воплями возобновили свою атаку. «Они гарцовали около самыхъ карре; одни наскакивали, другіе мчались прочь; одни стрѣляли изъ пистолетовъ, другіе съ короткими кривыми саблями въ рукахъ старались врубиться въ карре; нѣкоторые скакали опустивъ поводья и нѣкоторымъ, самымъ отчаяннымъ, удавалось даже врываться въ карре, но они находили въ нихъ свою смерть. Такъ продолжался бой довольно долго. Непоколебимо стояли русскіе и непрерывнымъ сильнымъ огнемъ своимъ низвергали цѣлые ряды этихъ гордыхъ всадниковъ»[2]. Болѣе двухъ часовъ производилъ свои атаки непріятель, но безъ всякаго успѣха и, потерявъ много убитыми и ранеными, отступилъ къ Фокшанамъ. Турецкая конница отступала черезъ довольно густой лѣсъ, черезъ который союзникамъ нельзя было проходить, не рискуя въ то же время нарушить боевой порядокъ. Суворовъ рѣшилъ обойти лѣсъ; австрійскія карре обошли его справа, а русскія — слѣва, послѣ чего вновь соединились.

До Фокшанъ, гдѣ ждала союзниковъ турецкая пѣхота, оставалось пройти еще около семи верстъ; путь этотъ представлялъ массу затрудненій, такъ какъ все пространство до Фокшанъ было покрыто мелкимъ терновымъ кустарникомъ, коловшимъ людей и лошадей. Тѣмъ не менѣе войска, преодолѣвая всѣ препятствія, бодро подвигались впередъ, а подчасъ, когда артиллерійскія лошади выбивались изъ силъ, солдаты тащили орудія. Къ счастію, свойство мѣстности не позволяло непріятельской конницѣ производить нападенія, поэтому войска шли совершенно спокойно. Но только что они появились на открытой полянѣ, какъ турецкая кавалерія возобновила свои атаки; вскорѣ она быстро отступила, чтобы очистить мѣсто для дѣйствія орудій, поставленныхъ впереди фокшанскаго лагеря. Здѣсь ждали русскихъ 6.000 янычаръ; конница непріятельская расположилась по флангамъ. Турки открыли по приближавшимся войскамъ сосредоточенный огонь изъ орудій, причинявшій большую убыль въ въ рядахъ нашихъ. Тогда солдаты удвоили шагъ и съ возгласами «съ нами Богъ!» ворвались въ турецкіе окопы. Вслѣдъ за русскими, съ другой стороны, атаковали непріятеля австрійцы. Атака русскихъ войскъ, была настолько стремительна, что въ одинъ мигъ янычары были смяты и множество ихъ пало подъ штыками. Непріятель, побросавъ свои орудія, бѣжалъ и заперся въ расположенномъ по близости монастырѣ св. Самуила. Янычары забаррикадировали всѣ входы и рѣшились защищаться до послѣдняго человѣка.

Для взятія монастыря, Суворовъ направилъ Апшеронскій полкъ, подъ командою флигель-адъютанта бригадира Левашова, и гренадерскіе баталіоны; они должны были штурмовать монастырь съ лѣвой стороны; въ тоже время принцъ Кобургскій повелъ часть своихъ войскъ для атаки монастыря съ правой стороны*). Артиллеріи полковникъ Волковъ привезъ большія пушки и началъ разбивать изъ нихъ стѣны.

---

[2]) Смитъ. Суворовъ и паденіе Польши, стр. 252.

*) См. планъ сраженія при Фокшанахъ (№ 9).

На пушечный огонь, турки отвѣчали изъ бойницъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Черезъ часъ разбиты были баррикадированныя ворота, Апшеронскіе баталіоны ворвались въ монастырь, гдѣ и началась ожесточенная свалка; солдаты работали исключительно штыками, а янычары ятаганами. Почти всѣ турки погибли и только небольшая часть ихъ, переходя изъ одного строенія въ другое, укрылась въ церкви, гдѣ и продолжала обороняться; но скоро и эта горсть пала.

Въ моментъ самаго ожесточеннаго боя, произошелъ въ монастырѣ взрывъ пороховаго погреба. Онъ былъ настолько силенъ, что повредилъ стѣны и навелъ не малый ужасъ на защитниковъ; но отъ взрыва пострадали и штурмовавшія войска: многіе были убиты и ранены; въ числѣ послѣднихъ находились *командиръ полка бригадиръ Левашовъ и секундъ-маіоръ Дертенъ* [3].

Избіеніемъ янычаръ въ монастырѣ закончилось славное фокшанское сраженіе, продолжавшееся 9 часовъ. Турки потерпѣли полное пораженіе и понесли при этомъ огромныя потери: однихъ убитыхъ насчитывалось около 1.500 человѣкъ, въ плѣнъ попалось 100 человѣкъ. У непріятеля взято 10 пушекъ, 16 знаменъ, лагерь и военные запасы.

Общая потеря союзныхъ корпусовъ не превышала 350 человѣкъ, причемъ русскія войска лишились только 100 человѣкъ убитыми и ранеными [4].

Донося о сраженіи у Фокшанъ, Суворовъ, между прочимъ, пишетъ: «оказали себя храбрыми, мужественными подвигами командиръ Апшеронскаго полка бригадиръ Левашовъ, прикомандированный къ сему полку полковникъ Михаилъ Миклашевскій и преміеръ-маіоръ Христіанъ Беръ» [5].

Фокшанскій разгромъ турокъ имѣлъ самыя благопріятныя послѣдствія, для общаго хода войны, возстановивъ согласіе между союзниками, нарушенное неудачными дѣйствіями австрійцевъ въ кампанію прошлаго года.

27-го числа генералъ Суворовъ возвратился къ Бырладу и немедленно выставилъ рядъ наблюдательныхъ постовъ по рѣкѣ Пруту, съ цѣлью слѣдить за всѣми движеніями турокъ. Баталіонъ Апшеронскаго полка, съ частью казаковъ, подъ командою подполковника барона Сакена, расположился у Фальчи [6].

Фокшанская побѣда вызвала къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и князя Потемкина. Главная армія начала переправу черезъ рѣку Днѣстръ, а въ началѣ августа авангардъ ея прибылъ въ Дубоссары. Извѣстіе о намѣреніи турокъ вторгнуться въ Бессарабію побудило сосредоточить тамъ возможно большее число войскъ. Князь Репнинъ съ 2-мя дивизіями, по приказанію фельдмаршала Потемкина, перешелъ у Рябой-Могилы на лѣвый берегъ Прута; 30-го августа онъ притянулъ къ себѣ еще одну дивизію и приготовился защищать Бессарабію отъ непріятеля.

Съ каждымъ днемъ извѣстія о наступленіи турокъ пріобрѣтали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Гассанъ-паша, съ значительными силами, двигался противъ Репнина; другой непріятельскій корпусъ, переправившись черезъ Дунай, шелъ къ Бузео, чтобы атаковать отрядъ принца Кобургскаго.

Непріятель имѣлъ намѣреніе дѣйствовать наступательно по обоимъ берегамъ Прута, причемъ главный ударъ направлялся противъ австрійцевъ, а корпусъ Гассанъ-паши имѣлъ чисто демонстративную роль. 7-го сентября Репнинъ разбилъ авангардъ Гассанъ-паши;

---

[3]) Дѣло № 893. Военно-Ученый Архивъ.

[4]) Принимая во вниманіе упорную оборону турками Фокшанъ и монастыря св. Самуила, наша потеря должна быть значительно больше.

[5]) Дѣло № 893. Реляція Суворова.

[6]) Дѣло № 890. Военно-Ученый Архивъ.

послѣдній отступилъ къ Измаилу, куда вслѣдъ за непріятелемъ направился и Репнинъ; но не будучи подготовленъ къ осадѣ и не имѣя осадной артиллеріи, онъ 15-го сентября отступилъ къ рѣкѣ Ларгѣ.

Въ то время, какъ вышеизложенное происходило въ Бессарабіи, главныя силы турокъ, численностью около 100.000 человѣкъ, предводимые великимъ визиремъ, переправились у Браилова черезъ Дунай и двинулись къ Рымнику. Какъ только извѣстіе о движеніи непріятеля дошло до принца Кобургскаго, онъ отправилъ немедленно къ Суворову нѣсколько курьеровъ съ просьбами о помощи.

Въ тотъ же день принцъ получилъ отъ Суворова лаконическій отвѣтъ: «Иду».

Оставивъ въ Фальчѣ, для прикрытія тыла, баталіонъ Апшеронскаго полка (въ командѣ барона Сакена), а въ Бырладѣ — 2 баталіона, 6 эскадроновъ и 6 пушекъ и всѣ тяжести, генералъ Суворовъ съ остальными войсками двинулся внизъ по лѣвому берегу Бырлада на помощь австрійцамъ 7).

Небо было пасмурно, покрыто тучами и собиралась гроза, когда русскія войска, въ полночь на 7-е сентября, двинулись въ походъ. Не смотря на начавшійся вскорѣ дождь, испортившій дороги, около полудня, послѣ перехода 25-ти верстъ, они переправились черезъ Бырладъ и сдѣлали привалъ. Но скоро Суворовъ опять поднялъ отрядъ и продолжалъ движеніе къ Серету, находившемуся въ двухъ миляхъ далѣе. На этой рѣкѣ, сверхъ ожиданія, понтоны не были наведены: австрійцы, по какому то непонятному недоразумѣнію, навели ихъ двумя милями выше; приходилось безъ отдыха пройти и это разстояніе. Неудовольствіе нашихъ войскъ на австрійцевъ было не малое, тѣмъ болѣе, что дождь усиливался и дорога часъ отъ часу дѣлалась хуже. Послѣ нѣсколькихъ часовъ самаго утомительнаго перехода, во время котораго солдаты вязли по колѣно въ грязи, отрядъ, поздно ночью, прибылъ къ мѣсту переправы. Легкія войска перешли черезъ рѣку первыми; Суворовъ, ставъ въ головѣ карабинеровъ, уже подъѣзжалъ къ мосту, какъ послѣдній былъ разорванъ вздувшимся отъ дождя потокомъ, и, такимъ образомъ, явилась совершенно не кстати новая задержка. Вскорѣ подошла измученная пѣхота, но ей негдѣ было укрыться, а между тѣмъ погода стояла ужасная. Чтобы хотя сколько нибудь укрыть отъ вѣтра и дождя промокшихъ и утомленныхъ солдатъ, Суворовъ приказалъ всю пѣхоту отвести на близлежащую лѣсистую высоту, гдѣ она и отдыхала, какъ могла; самъ же Суворовъ не сомкнулъ глазъ, наблюдая за работами по возведенію моста и исправленію дорогъ. На работахъ находилось 1.500 солдатъ (въ двѣ смѣны) и нѣсколько сотъ окрестныхъ крестьянъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, удалось совладать съ расходившеюся рѣкою и мостъ былъ наведенъ. Утромъ 9-го сентября, войска, перейдя Серетъ, продолжали путь. Къ этому времени и погода улучшилась, выглянуло солнце, небо прояснилось, а вмѣстѣ съ ними оживился и духъ въ войскахъ; скоро веселая солдатская пѣсня огласила пустынные берега Серета.

Пройдя 21 версту, отрядъ перешелъ рѣку Путну и 10-го сентября соединился съ австрійскими легкими войсками. Въ 10 часовъ утра, генералъ Суворовъ расположился лагеремъ у рѣчки Мылковы и послалъ принцу Кобургскому записку слѣдующаго содержанія: «я пришелъ и чтобы показать это туркамъ, думаю атаковать ихъ черезъ нѣсколько часовъ».

Обрадованный принцъ поспѣшилъ въ лагерь своего друга, чтобы изъявить ему свою искреннюю благодарность за скоро оказанную помощь. Суворовъ, съ картою передъ собою, лежалъ въ это время въ палаткѣ на свѣжемъ сѣнѣ, обдумывая планъ своихъ дѣйствій.

---

7) Вступившія съ Суворовымъ войска были слѣдующія: баталіонъ Апшеронскаго полка, Смоленскій и Ростовскій мушкетерскіе полки, 4 баталіона гренадеръ, 2 баталіона егерей, 7 эскадроновъ карабинеръ (полковъ Черниговскаго, Стародубовскаго и Рязанскаго), казаки и арнауты.

Едва было произнесено имя принца, какъ онъ вскочилъ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, бросился въ его объятія и нѣсколько разъ радостно поцѣловалъ его. Принцъ хотѣлъ говорить, чтобы выразить ему свою радость, свою благодарность, но Суворовъ, не любившій всѣхъ подобныхъ вѣжливостей, какъ пустословія, только похищавшаго драгоцѣнное время, прервалъ его на первыхъ словахъ, посадилъ на сѣно, самъ сѣлъ возлѣ него и началъ излагать изумленному принцу составленный имъ планъ дѣйствій.

«Нужно, сказалъ онъ, не теряя времени, атаковать, потому что, если великій визирь остановился у Мартинешти, то по той только причинѣ, что ждетъ еще подкрѣпленія. Нужно предупредить, атаковать его, прежде нежели онъ получитъ подкрѣпленіе и внезапностью атаки вознаградить то, чего не достаетъ въ числѣ войскъ».—«Но, возразилъ принцъ, неравенство уже слишкомъ велико — почти четверо на одного».—«Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Суворовъ: чѣмъ больше людей, тѣмъ больше безпорядка между ними. Впрочемъ, прибавилъ онъ усмѣхаясь, все же ихъ не столько, чтобы заслонить намъ солнце». Принцъ не хотѣлъ еще уступить, привелъ новыя затрудненія: изнуреніе русскихъ войскъ послѣ такого труднаго движенія, опасность съ утомленными войсками двинуться противъ столь сильнаго непріятеля, затѣмъ заговорилъ о его сильно укрѣпленной позиціи, несоразмѣрномъ численномъ превосходствѣ. Суворовъ потерялъ всякое терпѣніе. «Численное превосходство непріятеля, его укрѣпленная позиція — поэтому именно мы и должны атаковать его, чтобы не дать ему времени укрѣпиться еще сильнѣе. Впрочемъ, прибавилъ онъ, чтобы прекратить всякій дальнѣйшій споръ, дѣлайте что хотите, а я одинъ съ моими русскими войсками намѣренъ атаковать турокъ и также одинъ надѣюсь разбить ихъ». Чувство чести принца было затронуто, и онъ не дѣлалъ болѣе затрудненій [8].

Расположивъ войска лагеремъ, Суворовъ тотчасъ произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи. Великій визирь сталъ съ арміею между рѣками Рымною и Рымникомъ, имѣя первую впереди фронта, а вторую въ тылу. Онъ занялъ высоты, изъ коихъ самая возвышенная примыкала къ лѣсу Крынгу-Мейлоръ, находящемуся на равномъ разстояніи отъ обѣихъ названныхъ рѣкъ. Отъ лѣса высоты спускались полого въ обѣ стороны къ Рымнѣ и Рымнику. Рымна, раздѣлявшая войска союзниковъ отъ турецкихъ, лѣтомъ почти совсѣмъ пересыхаетъ, но при первомъ сильномъ дождѣ, она сильно наводняется и своимъ быстрымъ теченіемъ срываетъ всѣ мосты и преграды своему стремленію. Лѣвый берегъ ея довольно ровный, зато правый весь пересѣченъ оврагами, утесистыми лощинами и множествомъ дефиле. При селѣ Тыргокукули виднѣлся передовой турецкій лагерь, расположенный на возвышенности, которая легкимъ скатомъ тянулась вдоль Рымны и была покрыта кустарникомъ и кукурузой. На половинѣ разстоянія отъ Мартинештъ до Тыргокукули протянулся главный непріятельскій лагерь; окопы его, какъ лентой опоясывали лѣсъ Крынгу-Мейлоръ, росшій на самой возвышенной точкѣ покатости; лѣвая сторона послѣдней была сплошь покрыта густымъ кустарникомъ и высокимъ бурьяномъ, который стлался до лѣса; правая сторона представлялась болѣе удобной для движенія войскъ. Подъ самымъ лѣсомъ пересѣкалось нѣсколько лощинъ, по которымъ можно было зайти непріятелю въ тылъ или обойти его съ фланговъ.

Планъ Суворова заключался въ слѣдующемъ: русскія войска, поднявшись вверхъ по Рымнѣ, должны были сбить турокъ съ позиціи ихъ у Тыргокукули и отбросить ихъ на Баксу, послѣ чего, соединясь съ австрійцами, направить общія усилія противъ главнаго непріятельскаго лагеря у Крынгу-Мейлоръ. Во время исполненія русскими ихъ первой задачи

[8]) Смитъ. Суворовъ и паденіе Польши, стр. 265.

австрійскій корпусъ прикрывалъ нашъ лѣвый флангъ. Суворовъ построилъ пѣхоту въ 6 карре и весь отрядъ расположилъ въ 3 линіи (порядокъ совершенно сходный съ фокшанскимъ).

Изъ схематическаго чертежа видно, что Апшеронскій баталіонъ составлялъ правофланговое карре 2-й линіи и находился подъ командою полковника Апраксина. Какимъ образомъ названный штабъ-офицеръ сталъ командиромъ баталіона Апшеронскаго полка — неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, ни до Рымникскаго сраженія, ни послѣ его, въ спискахъ полковыхъ штабъ-офицеровъ Апраксина нѣтъ; нужно полагать, что онъ находился при Суворовѣ и назначенъ былъ командовать Апшеронцами только на время боя.

Въ 7 часовъ вечера союзники тронулись двумя колоннами: правую составляли русскіе полки и присоединенные къ нимъ два дивизіона австрійскихъ гусаръ, лѣвую — австрійцы.

Перейдя рѣку Мильку, войска направились къ Рымнѣ; крутые берега ея противъ Тыргокукули принудили избрать переправу 7-ю верстами ниже турецкаго лагеря.

Корпуса переправлялись въ разныхъ мѣстахъ; австрійцы для переправы наводили понтоны. Въ продолженіи ночи войска отдыхали.

Звѣздное и безоблачное небо обѣщало хорошій день, а прекрасное состояніе войскъ, въ особенности русскихъ, предвѣщало побѣду. Передъ разсвѣтомъ, обѣ колонны въ совершенной тишинѣ потянулись за Рымну. Лѣвая, австрійская, переправлялась по мосту, а русскіе — въ бродъ. Совершивъ переправу, оба корпуса построились въ боевой порядокъ. Два дивизіона австрійской конницы помѣщены были на флангахъ русскихъ линій. Нашъ фронтъ направлялся на югъ, а австрійскій параллельно главному турецкому лагерю у Рымника. Построенныя такимъ образомъ союзныя войска образовали родъ прямаго исходящаго угла съ промежуткомъ. Направленіе австрійскихъ линій прикрывало лѣвое крыло русскихъ и давало возможность сохранять между корпусами постоянное сообщеніе.

Переправясь черезъ Рымну, Суворовъ быстро двинулся къ непріятельскому лагерю, имѣвшему отъ Тыргокукули до Гаитскаго лѣса до 3-хъ верстъ въ окружности. Около 15.000 турокъ, предводимые двухбунчужнымъ пашею Хаджи-Сайтаромъ, занимали окопы; на впереди лежавшемъ возвышеніи были устроены батареи. Высота кукурузныхъ стеблей и густые кусты нѣкоторое время скрывали движеніе русскихъ войскъ, но вскорѣ показались турецкіе наѣздники и завели съ казаками перестрѣлку. Главныя силы непріятеля не оставляли окоповъ и открыли пушечный огонь по наступавшимъ. Но солдаты шли безъ вы-

стрѣла, а дѣйствіе непріятельской артиллеріи заставило ихъ только ускорить шагъ. Турецкій лагерь былъ уже близко, когда, совершенно неожиданно, карре наши встрѣтили глубокій оврагъ. Мѣсто было чрезвычайно опасное: черезъ оврагъ проходила одна узенькая тропинка и по ней солдаты могли идти только поодиночкѣ, такъ что для устройства прежняго боеваго порядка потребовалось бы потерять не мало времени и въ тоже время нести значительныя потери. Оврагъ на нѣкоторое время остановилъ и смутилъ солдатъ, но Суворовъ не далъ имъ долго задумываться и сразу прекратилъ замѣшательство. Онъ приказалъ правофланговому карре 1-й линіи перейти черезъ оврагъ; гренадеры влѣзли на противуположный берегъ, бросились на непріятельскую батарею и взяли ее.

Такой быстрый и неожиданный успѣхъ объясняется неумѣньемъ непріятеля воспользоваться выгодами своего положенія и обаяніемъ прежнихъ успѣховъ русскихъ войскъ, съ которыми турки не находили возможности сражаться. Впрочемъ, была еще и другая причина. Хотя отрядъ Хаджи-Сайтара и состоялъ изъ 15.000 человѣкъ, но регулярныхъ войскъ въ немъ насчитывалось не болѣе 6.000—7.000, остальныя 8.000 были различный сбродъ, разбѣжавшійся при первомъ появленіи русскихъ.

Регулярныя же войска рѣшились защищать свою позицію. До 3.000 янычаръ бросились на передовыя карре. Гренадеры стойко выдержали этотъ и послѣдующій удары, а Суворовъ съ егерскимъ карре громилъ непріятеля во флангъ. Потерявъ массу людей, янычары начали отступать и въ свою очередь были атакованы успѣвшей уже перебраться черезъ оврагъ кавалеріей; непріятель не выдержалъ и обратился въ бѣгство.

Прогнавъ турокъ, русскіе перешли черезъ оврагъ и заняли противуположныя высоты[9].

Между тѣмъ, великій визирь, по первымъ же услышаннымъ имъ пушечнымъ выстрѣламъ, отправилъ изъ Крынгумейлора 18.000 конницы, подъ начальствомъ Османа-паши, приказавъ ему поддержать передовой корпусъ и атаковать лѣвое крыло русскихъ войскъ. Это подкрѣпленіе, съ неистовыми криками «алла-гу», неслось на союзниковъ: 6.000 устремились на лѣвый флангъ нашей боевой линіи, а остальныя атаковали австрійцевъ. Турки наскакали на лѣвофланговое карре 2-й линіи и заставили его отступать. Тогда Суворовъ приказалъ слѣдующему среднему карре принять вправо, и затѣмъ всѣмъ тремъ карре 2-й линіи открыть по непріятелю сильный ружейный огонь. Разсвирѣпѣвшіе спаги, не обращая вниманія на осыпавшій ихъ градъ пуль и картечи, съ бѣшенствомъ ломились въ карре, которыя, медленно наступая, принимали въ штыки болѣе изступленныхъ турокъ, удерживая остальныхъ орудійнымъ огнемъ. Сраженіе длилось не менѣе часа, при неумолкаемой съ обѣихъ сторонъ пальбѣ; наша кавалерія нѣсколько разъ врубалась въ толпы турокъ и заставляла ихъ отступать, но, въ виду многочисленности непріятеля, не рѣшилась его преслѣдовать и послѣ каждой атаки отходила къ пѣхотѣ, гдѣ и пристраивалась съ фланговъ.

Когда великій визирь увидѣлъ, что атаки Османа-паши не удачны, то онъ выслалъ свѣжій отрядъ, направивъ его противъ австрійцевъ. Но примѣрная храбрость русскихъ войскъ заразила и союзниковъ нашихъ: они стойко выдерживали всѣ натиски непріятеля, а подошедшая вскорѣ кавалерійская бригада генералъ-маіора Карачая, огнемъ орудій и ударомъ въ шашки, совершенно опрокинула турокъ. Разобщенныя толпы ихъ, соединясь съ остатками войскъ, разбитыхъ при Тыргокукули, показали еще разъ намѣреніе атаковать союзниковъ, но грозное наступленіе русской линіи принудило ихъ скрыться изъ виду[10].

Отраженіемъ и разсѣяніемъ непріятельской конницы закончился первый актъ знаменитаго Рымникскаго сраженія. Впереди предстояла другая, важнѣйшая задача, — разбить глав-

9) Дѣло № 890. Военно-Ученый Архивъ.

10) Тамъ же.

ныя силы турокъ, расположенныя у деревень Баксу и Крынгумейлора. Сильное утомленіе русскихъ войскъ и наступившая жара вынудили Суворова дать своему корпусу получасовой отдыхъ. Войска остановились у деревни Каяты, на берегу небольшаго ручья, въ четырехъ верстахъ отъ главнаго турецкаго лагеря. Впереди начинался почти незамѣтный подъемъ къ деревнѣ Баксу; налѣво простиралась обширная равнина, по которой двигались австрійскія войска, тоже остановившіяся для кратковременнаго отдыха; съ правой стороны возвышался довольно высокій холмъ, увѣнчанный руинами стараго замка Тыргокукули.

Въ то время, какъ солдаты подкрѣплялись пищей, а кавалерія поила лошадей, Суворовъ внимательно изучалъ впереди лежащую мѣстность и позицію турокъ, имѣвшую весьма грозный видъ. Она образовывала родъ исходящаго угла и состояла изъ двухъ отдѣльныхъ, сильно укрѣпленныхъ пунктовъ: деревни Баксу, защищаемой нѣсколькими сильными батареями, и правѣе ея — Крынгумейлорскаго лѣса, опоясаннаго не вполнѣ еще оконченною земляною насыпью; здѣсь у непріятеля были устроены батареи, за которыми расположилась турецкая пѣхота, состоявшая преимущественно изъ янычаръ. Вслѣдствіе взаимнаго положенія Баксу и Крынгумейлорскаго лѣса, фронтальная атака была невозможна, ибо войска могли попасть подъ перекрестный огонь; во избѣжаніе большихъ потерь, генералъ Суворовъ рѣшилъ обойти деревню Баксу съ правой стороны и атаковать ее съ тылу.

Незамѣтно прошелъ короткій срокъ, данный войскамъ для отдыха; за это время съ обѣихъ сторонъ не произведено было ни одного выстрѣла; царила полная тишина, предвѣстница близкой и ужасной грозы. Въ часъ пополудни союзники двинулись впередъ, чтобы выполнить вторую, труднѣйшую, задачу боя 11-го сентября. Ободренныя первой удачей, русскія карре весело шли въ бой: музыка играла, барабаны били и знамена развѣвались.

Собравъ всю конницу своей арміи, численность коей достигала 40.000 человѣкъ, верховный визирь атаковалъ союзниковъ, направляя удары преимущественно на австрійцевъ. Атаки производились одна за другой, съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ; но австрійцы отбивали непріятеля сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Толпы турокъ съ каждой минутой увеличивались и принцъ Кобургскій, опасаясь, что его войска не выдержатъ сосредоточенныхъ атакъ, сталъ посылать къ Суворову офицера за офицеромъ, съ просьбами приблизиться къ нему и помочь отбить непріятеля. Но Суворовъ отлично видѣлъ, что предпринятое имъ движеніе принесетъ болѣе пользы австрійцамъ, чѣмъ еслибы онъ пошелъ къ нимъ на помощь. Дѣйствительно, дѣла наши были въ блестящемъ положеніи. Гоня передъ собою толпы турокъ, русскія карре обошли уже Баксу, готовились атаковать деревню съ тылу и овладѣть находившеюся въ ней артиллеріею. Опасаясь за участь послѣдней, непріятель сталъ поспѣшно перевозить ее въ Крынгумейлорскій лѣсъ. Вслѣдъ затѣмъ Суворовъ овладѣлъ Баксу и привелъ здѣсь въ порядокъ нѣсколько разстроившіяся послѣ движенія карре.

Когда русскій корпусъ занялъ деревню, то онъ образовалъ съ австрійскими войсками входящій уголъ, съ промежуткомъ въ вершинѣ около 1 ½ версты; но промежутокъ этотъ съ каждымъ шагомъ союзниковъ впередъ все болѣе и болѣе уменьшался, и вскорѣ непріятель попалъ подъ убійственный перекрестный огонь, заставившій его отступить къ Крынгумейлорскому лѣсу, послѣднему своему убѣжищу.

Турки открыли по атакующимъ войскамъ огонь изо всѣхъ орудій, но торопливая стрѣльба не приносила союзникамъ никакого вреда: ядра перелетали черезъ головы солдатъ, и карре безостановочно шли къ окопамъ. Сдѣланная непріятелемъ вокругъ лѣса насыпь была не высока, рвы не глубоки, а позади лежавшій лѣсъ рѣдокъ; Суворовъ приказалъ кавалеріи занять интервалы между пѣхотными карре и послалъ къ принцу Кобургскому

полковника Золотухина, съ просьбою наступать къ лѣсу. Приблизившись къ нему, оба корпуса образовали полукругъ, правая часть котораго состояла изъ русскихъ войскъ *).

Видя грозное наступленіе союзниковъ, часть турокъ, составлявшая правый флангъ, стала уходить, но громадное большинство янычаръ осталось на позиціи, рѣшившись защищаться до послѣдней крайности. Тогда Суворовъ двинулъ на окопы кавалерію, непосредственно за нею шла пѣхота, причемъ всѣ шесть карре выстроились въ одну линію, Апшеронское было правофланговымъ. «Впередъ», крикнулъ Суворовъ: «груди этихъ басурмановъ ждутъ вашихъ штыковъ!» [11]).

Подобно вихрю, понеслась кавалерія къ окопамъ, ворвалась въ нихъ, и начался рукопашный бой. Однако янычары не уступали ни одного шагу, защищаясь съ замѣчательнымъ мужествомъ. Но вдругъ прокатилось громкое «ура», — то ринулась въ штыки пѣхота, — и бой сдѣлался еще ожесточеннѣе. Выбивъ турокъ изъ окоповъ, солдаты наши вслѣдъ за ними ворвались въ лѣсъ, гдѣ произошла настоящая бойня. Скоро трупами турокъ покрылось все поле сраженія, и непріятель, не будучи уже въ состояніи держаться, обратился въ бѣгство. Въ 4 часа пополудни Крынгумейлорскій лѣсъ былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля [12]).

Турки безостановочно бѣжали къ Мартинешти, гдѣ находился главный лагерь. Верховный визирь встрѣтилъ бѣгущія толпы почти при выходѣ изъ Крынгумейлора. Не смотря на свою болѣзнь, онъ вышелъ изъ экипажа и съ кораномъ въ рукахъ уговаривалъ турокъ остановиться; когда мольбы не помогли, то визирь приказалъ стрѣлять по бѣгущимъ, но и это не подѣйствовало. Къ вечеру русскія войска достигли рѣки Рымника. Тысячи турокъ, лошадей и буйволовъ въ страшномъ смятеніи тѣснились у рѣки и множество тонуло въ водахъ Рымника.

Побѣда была одержана полная, и стотысячная турецкая армія совершенно разбита и разсѣяна 7.000 русскихъ и 30.000 австрійцевъ. Но слава дня безспорно принадлежала храбрымъ русскимъ войскамъ — они начали бой, они и кончили его. Взятіе Тыргокукули, Баксу и Крынгумейлора всецѣло должно отнести къ рѣшительности Суворова и мужеству нашихъ солдатъ. Роль Апшеронскаго баталіона, составлявшаго правофланговое карре 2-й линіи, въ первый періодъ сраженія была невыдающаяся: онъ только принялъ участіе въ концѣ дѣла, при отбитіи нападенія непріятельской конницы; во второмъ періодѣ боя, Апшеронцы, наравнѣ съ прочими частями, приняли участіе во взятіи деревни Баксу, въ бою въ Крынгумейлорскомъ лѣсу и въ преслѣдованіи непріятеля къ Рымнику.

Турки оставили на мѣстѣ болѣе 5.000 убитыми; 2.000 погибло во время преслѣдованія и болѣе 3.000 утонуло въ Рымникѣ и Бузео. Отбито у непріятеля 100 знаменъ, 6 мортиръ осадныхъ, 7 полевыхъ и 67 трехфунтовыхъ пушекъ, съ ихъ ящиками и аммуничными фурами, нѣсколько тысячъ повозокъ съ припасами и вещами, множество лошадей, буйволовъ, верблюдовъ и проч.

Наша потеря, согласно донесенія Суворова, заключалась въ 45 убитыхъ 133 тяжело и легко раненыхъ [13]). Хотя въ общемъ потери союзниковъ въ Рымникскомъ сраженіи и были невелики, но, во всякомъ случаѣ, они значительно превосходили показанныя въ донесеніи (общая потеря 628 человѣкъ).

По этому поводу Смитъ приводитъ слѣдующій анекдотъ о Суворовѣ. На вопросъ своего адъютанта: «сколько убитыхъ турокъ прикажетъ онъ показать въ реляціи», Суворовъ отвѣчалъ: «пиши какъ можно больше, что ихъ жалѣть, вѣдь это басурманы» [14]).

---

*) См. планъ сраженія при Рымникѣ (№ 10).
[11]) Смитъ. Суворовъ и паденіе Польши, стр. 275.
[12]) Дѣло № 893. Военно-Ученый Архивъ. Реляція Суворова отъ 11-го сентября.
[13]) Реляція Суворова отъ 11-го сентября. Дѣло № 893. Военно-Ученый Архивъ.
[14]) Смитъ, стр. 279.

Сильное изнуреніе войскъ, неспавшихъ цѣлую ночь и затѣмъ находившихся весь день въ сраженіи, настоятельно требовало отдыха; поэтому Суворовъ ограничилъ преслѣдованіе рѣкою Рымникъ и расположилъ свой корпусъ лагеремъ недалеко отъ селенія Мартинешти; австрійцы стали въ полуверстѣ отъ русскихъ.

Донося о сраженіи у Рымника, Суворовъ, въ числѣ отличившихся, называетъ командовавшаго Апшеронскимъ баталіономъ полковника графа Апраксина и преміеръ-маіора Христіана Бера [15].

12-го сентября за рѣку Рымникъ отправлены были казаки, арнауты и австрійскіе гусары, которые овладѣли покинутымъ турками лагеремъ. Того же числа отслужено на полѣ сраженія благодарственное молебствіе. Всѣ войска построились въ одно большое карре и каждый солдатъ держалъ въ рукахъ лавровую вѣтвь. Когда окончился молебенъ, то Суворовъ обратился къ русскимъ войскамъ съ рѣчью, въ которой съ большою горячностью, понятнымъ солдатамъ языкомъ, говорилъ о славѣ, побѣдахъ, чести и лаврахъ; по произнесеніи послѣднихъ словъ (какъ то было условлено раньше), солдаты увѣнчали свои головы лавровыми вѣнками [16].

14-го сентября Суворовъ двинулся обратно къ Бырладу. Знаменитая Рымникская побѣда достойно была оцѣнена Императрицей Екатериной: Суворовъ получилъ графское достоинство, съ прибавленіемъ «Рымникскій», и орденъ св. Георгія 1-ой степени; всѣ офицеры награждены были слѣдующими чинами; кромѣ того, офицерамъ и нижнимъ чинамъ розданы серебряныя медали, съ надписью «Рымникъ».

Послѣдствіемъ побѣды надъ турками, 11-го сентября, явилась сдача крѣпостей: Бѣлграда, Аккермана и нѣсколько позже — Бендеръ.

Апшеронскій полкъ остался зимовать въ Бырладѣ. Въ концѣ 1789 года бригадиръ Левашевъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и сдалъ полкъ полковнику князю Лобанову-Ростовскому.

---

15) Реляція Суворова отъ 11-го сентября. Дѣло № 893. Военно-Ученый Архивъ.
16) Смитъ. Суворовъ и паденіе Польши, стр. 278.

Глава Четырнадцатая.

Интриги Англіи и Пруссіи. — Планъ прусскаго министра Герцберга. — Расположеніе русскихъ армій. — Планъ кампаніи въ 1790 году. — Мирные переговоры. — Неудачныя дѣйствія австрійцевъ и заключеніе ими мира съ Турціею. — Рѣшеніе взять крѣпость Измаилъ: — Дѣйствія генерала Гудовича. — Пріѣздъ къ Измаилу графа Суворова. — Прибытіе охотниковъ-Апшеронцевъ. — Отправленіе къ коменданту крѣпости письма Потемкина и записки Суворова. — Военный совѣтъ. — Описаніе крѣпости. — Бомбардировка. — Приказъ наканунѣ штурма. — Диспозиція къ штурму. — Апшеронцы во главѣ первой колонны. — Ночь передъ штурмомъ. — Штурмъ Измаила. — Дѣйствія охотниковъ-Апшеронцевъ и вообще первой колонны. — Оригинальное донесеніе Суворова объ Апшеронцахъ. — Подвиги офицеровъ команды. — Дѣйствія остальныхъ штурмовыхъ колоннъ. — Избіеніе янычаръ у хотинскихъ воротъ и взятіе крѣпости. — Потери турокъ и наши трофеи. — Потери Апшеронцевъ. — Отзывъ Суворова о командирѣ Апшеронскаго полка. — Расположеніе полка на зимнія квартиры. — Награды. — Военныя дѣйствія въ 1791 году. — Движеніе князя Репнина къ Мачину. — Описаніе сраженія у Мачина. — Дѣйствія Апшеронскаго полка. — Сожженіе непріятельскаго судна. — Пораженіе турокъ. — Потери. — Мирные переговоры. — Заключеніе Ясскаго мира. — Пожалованіе командиру полка ордена св. Георгія 3-й степени.

Побѣды, одержанныя нами въ прошломъ году, еще болѣе увеличили зависть недоброжелателей Россіи; Пруссія и Англія хлопотали объ образованіи коалиціи противъ Россіи и Австріи, мотивируя свой образъ дѣйствій, тѣмъ, что завоеванія наши въ Турціи нарушаютъ политическое равновѣсіе въ Европѣ. Больше всѣхъ интриговала Пруссія, а стоявшій во главѣ министерства ея Герцбергъ старался возбудить противъ насъ и Польшу. Вскорѣ Пруссія обнаружила воинственныя приготовленія: корпусъ въ 40.000 человѣкъ сталъ на русской границѣ, столько же собрано было въ Силезіи противъ Австріи и, кромѣ того, 100.000 человѣкъ должны были въ непродолжительномъ времени двинуться на русскую или австрійскую границу. Чтобы привлечь къ себѣ возможно больше союзниковъ, Герцбергъ не скупился на обѣщанія. Гарантируя Портѣ, въ силу трактата 19-го января 17 года, неприкосновенность ея владѣній и возвращеніе всего завоеваннаго Россіею, прусскій министръ въ тоже время склонялъ диванъ уступить Валахію — Австріи, а послѣдняя, въ замѣнъ того, должна была отдать Польшѣ Галицію, Пруссія же получала отъ Польши Данцигъ и Торнъ. Само собою разумѣется, что при такомъ полюбовномъ дѣлежѣ о Россіи совсѣмъ не упоминалось; она должна была лишиться всѣхъ пріобрѣтеній, которыя ей достались какъ плодъ долголѣтней войны и стоили массы людей и денегъ.

Не смотря на то, что пресловутый герцберговскій планъ построенъ былъ на весьма шаткихъ началахъ, онъ все таки нашелъ сторонниковъ, и къ союзу примкнули не только Польша, но даже Англія и Голландія.

Такимъ образомъ, надъ Россіей собиралась гроза, и новый годъ застаетъ ее далеко не въ завидномъ положеніи: она ведетъ уже войну съ Турціей и Швеціей и, кромѣ того, ей угрожаетъ война съ Пруссіею и Польшею.

Совершенно новыя политическія осложненія должны были опредѣлить новое направленіе силъ и иные способы къ борьбѣ съ врагами.

Конечно, война съ Портой оставалась ближайшею цѣлью дѣйствій; но вооруженія Пруссіи и Польши заставляли принять надлежащія мѣры. Поэтому, въ Лифляндіи поставленъ былъ особый корпусъ, а затѣмъ войска, дѣйствовавшія на югѣ, получили слѣдующее распредѣленіе: корпусъ, подъ начальствомъ князя Репнина (42 баталіона пѣхоты, 147 эскадроновъ кавалеріи и 108 орудій), расположился на границахъ Польши; армія, находившаяся въ Турціи, раздѣлена на два крыла: въ правомъ крылѣ генералъ-аншефа графа Суворова-Рымникскаго находилось 8 полковъ пѣхоты (въ томъ числѣ и Апшеронскій полкъ), 50 эскадроновъ кавалеріи и 24 полевыхъ орудія; главная квартира корпуса была въ Бырладѣ; лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-аншефа барона Меллера-Закомельскаго, состояло изъ 14 баталіоновъ пѣхоты, 49 эскадроновъ кавалеріи и 24 полевыхъ орудія. Средній корпусъ, служившій связью между правымъ и лѣвымъ крыломъ, состоялъ изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, 10 эскадроновъ кавалеріи, при 12 орудіяхъ. Кромѣ того, для обороны Очакова и Кинбурна отдѣлено 6 баталіоновъ пѣхоты и 15 сотенъ казаковъ; въ Крыму находился корпусъ, подъ начальствомъ генерала Каховского; на Кубани и на Кавказѣ дѣйствовали корпуса барона Розена и генерала Германа.

По плану кампаніи на 1790 годъ, составленному княземъ Потемкинымъ, надлежало дѣйствовать наступательно, открывъ военныя дѣйствія возможно раньше. Такъ какъ занятіе укрѣпленныхъ пунктовъ по Днѣстру отнимало у насъ слишкомъ много войскъ, то князь Потемкинъ приказалъ срыть укрѣпленія Бендеръ, Гаджибея и Аккермана, вслѣдствіе чего къ арміи присоединилось 20.000 человѣкъ, занимавшихъ гарнизоны въ означенныхъ пунктахъ.

Непріятель въ кампанію наступившаго года рѣшилъ вести войну оборонительную, усиливъ гарнизоны крѣпостей по правому берегу Дуная; въ то же время, онъ направлялъ всѣ усилія, чтобы овладѣть Крымомъ и вытѣснить войска наши съ Кавказа.

Турецкія крѣпости: Измаилъ, Браиловъ, Исакча, Килія и Тульча были заняты сильными гарнизонами; въ первой изъ нихъ находилось 30.000 человѣкъ, подъ начальствомъ трехбунчужнаго Айдосъ-паши.

Не смотря на всѣ приготовленія къ продолженію борьбы, весною наступившаго года открылись переговоры о мирѣ; но они ни къ чему не привели, и въ іюнѣ мѣсяцѣ начались военныя дѣйствія. Первый починъ былъ сдѣланъ австрійцами; они заняли небольшую крѣпостцу Орсову, а затѣмъ приступили къ осадѣ крѣпости Журжи.

Когда австрійцы устроили, въ 80-ти шагахъ отъ стѣнъ крѣпости, брешъ-батарею, то турки днемъ, 10-го іюня, произвели вылазку, истребили находившіеся въ траншеяхъ баталіоны, взяли 9 мортиръ, 8 осадныхъ и 7 полевыхъ орудій; австрійцы потеряли 800 человѣкъ убитыми и 200 ранеными.

Эта неудача заставила принца Кобургскаго снять осаду Журжи и отступить къ селенію Фрузинешти (въ 4-хъ верстахъ отъ крѣпости). Чтобы прикрыть Фокшаны со стороны Браилова и сблизиться съ войсками принца, князь Потемкинъ предписалъ Суворову перейти изъ Бырлада въ Максимени; но разстояніе отъ послѣдняго пункта до австрійскихъ войскъ было все таки значительно, поэтому Суворовъ двинулся къ Бухаресту. Получивъ извѣстіе о заключеніи перемирія между Австріею и Турціею, онъ остановился въ деревнѣ Демукарѣ, въ 8-ми верстахъ отъ города. Суворовъ пошелъ со своимъ корпусомъ назадъ и у Галаца расположился лагеремъ.

Вскорѣ послѣ того Австрія заключила съ Турціею миръ, и Россіи пришлось одной продолжать войну.

Послѣднее обстоятельство дало оттоманскому правительству надежду заключить и съ нами выгодный для себя миръ. Верховный визирь Шерифъ-паша возбудилъ по этому поводу съ Потемкинымъ переписку. Во время переговоровъ о перемиріи, Турція усиливала свои корпуса на нижнемъ теченіи Дуная и увеличивала флотъ на Черномъ морѣ, съ цѣлью овладѣть Крымомъ. Но 28-го августа, русскій флотъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Ушакова, разбилъ турецкій флотъ, вслѣдствіе чего опасенія князя Потемкина за Крымъ совершенно разсѣялись.

Когда Потемкинъ увидѣлъ, что переговоры о мирѣ ведутся турками только лишь съ цѣлью оттянуть время, то онъ прекратилъ ихъ и въ началѣ сентября приступилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Въ продолженіе сентября и октября пали турецкія крѣпости: Килія, Тульча и Исакча, и главнокомандующій рѣшилъ овладѣть крѣпостью Измаиломъ.

Отрядъ, подъ начальствомъ генерала Гудовича, послѣ взятія крѣпости Киліи, подступилъ къ Измаилу; сюда же направлены были отрядъ генералъ-лейтенанта Потемкина и флотилія генералъ-маіора Рибаса. Осада крѣпости, безъ всякаго результата, продолжалась почти мѣсяцъ. Наконецъ, 29-го ноября, составленъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отступить отъ Измаила. Тогда князь Потемкинъ назначилъ главнымъ начальникомъ осадныхъ войскъ графа Суворова, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій: смотря по обстоятельствамъ, продолжать осаду, или отступить.

Назначивъ изъ своихъ войскъ, для присоединенія къ осадному корпусу, 150 человѣкъ охотниковъ-Апшеронцевъ, подъ командою командира полка полковника князя Лобанова-Ростовскаго и Фанагорійскій гренадерскій полкъ, Суворовъ немедленно поѣхалъ къ Измаилу.

1-го декабря онъ прибылъ къ крѣпости; войска еще оставались въ прежнемъ положеніи, островъ Чаталъ былъ занятъ, батареи противъ города окончены и флотилія стояла вблизи крѣпости.

Утромъ того же числа начата была постройка батарей на обоихъ флангахъ осадной линіи и на берегу Дуная. Потребное число фашинъ и лѣстницъ частью привезли изъ Галаца, частью сдѣлали на мѣстѣ и работа эта была окончена 5-го декабря. 6-го числа прибыли охотники-Апшеронцы, Фанагорійскій гренадерскій полкъ, немного казаковъ и арнаутовъ. Погода все время стояла прекрасная, было ясно и тепло.

Прежде чѣмъ приступить къ штурму крѣпости, Суворовъ отправилъ къ измаильскому сераскиру Мехметъ-пашѣ письмо князя Потемкина слѣдующаго содержанія:

«Приближа войска къ Измаилу и окружа со всѣхъ сторонъ сей городъ, принялъ я уже рѣшительныя мѣры къ покоренію его».

«Огонь и мечь уже готовы къ истребленію въ немъ дышащей твари. Но прежде, нежели употреблять сіи пагубныя средства, я, слѣдуя милосердію Всемилостивѣйшей моей Монархини, гнушающейся пролитіемъ человѣческой крови, требую отъ васъ добровольной отдачи города. Въ такомъ случаѣ, всѣ жители и войска, измаильскіе турки, татары и прочіе, какіе есть закона магометанскаго, отпустятся за Дунай съ ихъ имѣніемъ; но если вы будете продолжать безполезное упорство, то съ городомъ послѣдуетъ судьба Очакова, и тогда кровь невинная женъ и младенцевъ останется на вашемъ отвѣтѣ».

«Къ исполненію сего назначенъ храбрый генералъ графъ Суворовъ-Рымникскій».

Вмѣстѣ съ письмомъ Потемкина, графъ Суворовъ послалъ и отъ себя записку, въ которой онъ убѣждалъ сераскира, во избѣжаніе кровопролитія, сдать крѣпость. «Дабы отвратить кровопролитіе и жестокость, при томъ бывающія, даю знать черезъ сіе вашему

превосходительству и почтеннымъ султанамъ и требую отдачи города безъ сопротивленія; тутъ будутъ показаны всевозможные способы къ выгодамъ вашимъ и всѣхъ жителей, о чемъ и ожидаю отъ сего черезъ двадцат четыре часа рѣшительнаго отъ васъ увѣдомленія къ воспріятію мною дѣйствія; въ противномъ же случаѣ поздно будетъ человѣчеству, когда не могутъ быть пощажены не только никто, но и самыя женщины и невинные младенцы отъ раздраженнаго воинства; и за то никто, какъ вы и всѣ чиновники, передъ Богомъ отвѣтъ дать должны. Декабря 7-го дня 1790 года».

Словесно же велѣлъ передать требованіе въ такихъ выраженіяхъ: «сераскирамъ, старшинамъ и всему обществу».

«Я съ войсками сюда прибылъ. 24 часа на размышленіе — воля; первый мой выстрѣлъ — уже неволя; штурмъ — смерть. Что оставляю вамъ на размышленіе» [1]).

Вечеромъ 8-го числа полученъ былъ отъ сераскира отвѣтъ, въ которомъ тотъ просилъ 10 дней на размышленіе.

На другой день Суворовъ собралъ военный совѣтъ; опредѣленіе его заключалось въ томъ, чтобы штурмовать Измаилъ.

«Приближаясь къ Измаилу, по диспозиціи приступить къ штурму неотлагательно, дабы не дать время непріятелю еще болѣе укрѣпиться, и посему уже нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости главнокомандующему. Сераскиру въ его требованіи отказать. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества войскамъ, по силѣ четвертой на десять главы воинскаго устава» [2]).

Крѣпость Измаилъ представляла высокую земляную ограду, съ глубокихъ рвомъ впереди, бастіоннаго и капонирнаго очертанія. Общій видъ ограды напоминалъ фигуру прямаго треугольника, вершина котораго лежала на сѣверѣ, западная сторона, почти подъ прямымъ угломъ, упиралась въ Дунай, а сѣверо-восточная соединяла вершину треугольника съ другою точкою на Дунаѣ, составлявшею южную сторону крѣпости. Со стороны рѣки вала не было и эта часть крѣпости защищалась 10-ю батареями, съ 85-ю пушками большаго калибра и 15-ю мортирами.

Внутри крѣпостной ограды, имѣвшей протяженіе до 10-ти верстъ, лежала самая крѣпость, раздѣленная глубокимъ оврагомъ на двѣ части: старую и новую крѣпость, изъ которыхъ послѣдняя пристроена была въ недавнее время, когда турки нашли необходимымъ обратить Измаилъ въ первоклассную крѣпость на Дунаѣ и придать ей видъ укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ могла бы помѣщаться цѣлая армія. Крѣпостной ровъ съ землянымъ эскарпомъ и контръ-эскарпомъ мѣстами былъ наполненъ водою, глубиною до плечъ, и имѣлъ глубину отъ 3 до 5 и болѣе саженъ.

Зданія въ крѣпости были всѣ каменныя, а множество прочныхъ домовъ давали возможность упорной обороны.

Мѣстность около Измаила представляетъ изъ себя плоскую возвышенность, прорѣзанную четырьмя оврагами, направляющимися къ Дунаю, не доходя до лѣваго берега котораго; скаты возвышенности круто ниспадаютъ къ рѣкѣ, и отдѣляются отъ нея болотистою низменностью.

Почва острова Сулина, на которомъ находились войска генералъ-маіора Арсеньева и наши батареи, а также мѣстность по обоимъ берегамъ рѣки Репидо, имѣетъ болотистый грунтъ, покрытый мелкимъ лѣсомъ.

---

1) Дѣло № 893. Военно-Ученый Архивъ.

2) Тамъ же.

10-го числа началась по крѣпости сильнѣйшая пальба изъ 40 орудій, поставленныхъ на батареяхъ, а также съ острова и изъ 567 орудій, бывшихъ на судахъ флотиліи.

Пальба эта продолжалась безпрерывно, съ восхода солнца, все 10-е число и ночь на 11-е, съ разсвѣтомъ котораго долженъ былъ начаться отчаянный штурмъ.

Въ крѣпости были произведены сильныя поврежденія. Непріятель сперва энергически отвѣчалъ на огонь нашихъ батарей, но потомъ пальба съ крѣпости стала постепенно слабѣть и, наконецъ, вовсе прекратилась. Наши орудія прекратили огонь только за $2^1/_2$ часа до штурма.

Во время бомбардировки 10-го декабря, непріятельская бомба взорвала нашу бригантину «Константинъ».

Вечеромъ, наканунѣ штурма, Суворовъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Храбрые воины! Приведите себѣ въ сей день на память всѣ наши побѣды и докажите, что ничто не можетъ противиться силѣ оружія россійскаго. Намъ предлежитъ не сраженіе, которое бы въ волѣ нашей состояло отложить, но непремѣнное взятіе мѣста знаменитаго, которое рѣшитъ судьбу кампаніи и которое почитаютъ гордые турки неприступнымъ. Два раза осаждала Измаилъ русская армія и два раза отступала; намъ остается, въ третій разъ, или побѣдить, или умереть со славою».

Приказъ этотъ произвелъ энтузіазмъ въ войскахъ.

Правое крыло, въ трехъ колоннахъ, поручено было генералъ-поручику Потемкину.

Въ первой изъ колоннъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Львова, были назначены: вмѣсто стрѣлковъ — сто пятьдесятъ мушкетеръ Апшеронскаго полка, подъ командою полковника князя Лобанова-Ростовскаго, первый баталіонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса и два баталіона Фанагорійскаго гренадерскаго полка. Остальные два баталіона Фанагорійскаго полка образовали резервъ первой колонны.

Вторая колонна, генералъ-маіора Ласcія, состояла изъ трехъ баталіоновъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса и 128 стрѣлковъ; четвертый баталіонъ этого корпуса и четвертый баталіонъ Бѣлорусскихъ егерей составляли резервъ колонны.

Третья колонна, генералъ-маіора Мекноба: три баталіона Лифляндскаго егерскаго корпуса, 128 стрѣлковъ, поставленныхъ въ головѣ и Троицкій полкъ въ резервѣ.

Сверхъ пѣхотныхъ резервовъ, приданныхъ каждой колоннѣ, къ нимъ назначались еще Сѣверскій карабинерный, Воронежскій гусарскій и Донской казачій полковника Сычева полки, въ видѣ кавалерійскихъ резервовъ.

Остальныя три колонны составляли лѣвое крыло боеваго порядка, находясь подъ командою генералъ-лейтенанта Самойлова. Ихъ составляли:

Четвертая колонна, бригадира Орлова: 1.500 донскихъ казаковъ и 500 тѣхъ же казаковъ въ резервѣ.

Пятая колонна, бригадира Платова: 5.000 казаковъ и два баталіона Полоцкаго пѣхотнаго полка, составлявшихъ резервъ колонны. Общее начальство надъ четвертою и пятою колоннами поручалось генералъ-маіору графу Безбородко.

Шестая колонна, генералъ-маіора Голенищева-Кутузова: три баталіона и 120 стрѣлковъ Бугскаго егерскаго корпуса; въ резервѣ она имѣла два баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка и 1.000 казаковъ.

Согласно объявленной войскамъ инструкціи, стрѣлки каждой колонны, слѣдуя впереди, должны были расположиться въ линію, вдоль эскарпа рва, по обѣ стороны тѣхъ пунктовъ, на которые направлялись штурмующія колонны. Бѣглымъ ружейнымъ огнемъ они должны поражать защитниковъ вала и не дозволять имъ сосредоточить огонь по колоннамъ, спускавшимся въ ровъ.

Резервъ каждой колонны строился въ карре и непосредственно слѣдовалъ за своею колонною.

Въ этомъ состояли распоряженія графа Суворова для атаки съ сухаго пути.

Для поддержки атаки со стороны Дуная, наканунѣ штурма были отправлены 2-й и 3-й баталіоны Бѣлорусскаго егерскаго корпуса и 2 баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, что съ имѣвшимися раньше у Рибаса войсками составило 11 баталіоновъ пѣхоты; у него же находились всѣ черноморскіе казаки.

Раздѣленныя на колонны, войска взяли лѣстницы и фашины и ожидали сигнала для выступленія съ мѣстъ своего лагернаго расположенія.

«Спустилась темная ночь; черезъ непроглядную тьму только вспыхивалъ огонь выстрѣловъ, да и тѣ мало-по-малу замолкли и наступила тишина, прерываемая по временамъ только глухими, неопредѣленными звуками, доносившимися изъ крѣпости. Мало кто спалъ въ эту ночь не спалъ и Суворовъ. Онъ ходилъ по бивуакамъ, заговаривалъ съ офицерами и солдатами, напоминалъ имъ прошлые славные дни, внушалъ увѣренность въ успѣхѣ. Вернувшись къ своему бивуаку, Суворовъ прилегъ къ огню, но не спалъ. Тутъ же находилась его многочисленная свита: чины полеваго штаба, ординарцы, адъютанты, гвардейскіе офицеры, даже придворные, вообще тѣ, которымъ въ позднѣйшее время, въ кавказской арміи, дано мѣткое прозвище «фазановъ» [3]).

Въ три часа пополуночи 11-го декабря, взвилась первая сигнальная ракета, по которой войска оставили лагерь и, перестроясь въ боевой порядокъ, заняли назначенныя имъ по диспозиціи мѣста.

Въ тоже время, дунайская флотилія снялась съ якоря и, подъ прикрытіемъ темноты, расположилась параллельно береговой части крѣпости, построясь въ двѣ боевыя линіи. Въ первой стояло 100 черноморскихъ казачьихъ лодокъ, съ регулярными войсками, назначенными для дессанта. Лансоны, плавучія батареи, двойныя шлюпки и бригантины находились во второй линіи. Въ срединѣ и на флангахъ первой линіи поставлено по 15 запорожскихъ лодокъ, назначенныхъ для дессанта запорожцевъ, въ помощь регулярнымъ войскамъ.

Въ половинѣ шестаго часа пущена была вторая ракета, означавшая движеніе колоннъ на приступъ, а въ $6^1/_2$ часовъ третья ракета извѣстила начало штурма.

Небо покрыто было облаками, а туманъ скрывалъ отъ непріятеля наше движеніе. Но вдругъ, съ приближеніемъ первой и второй колоннъ, турки открыли пушечную картечную пальбу, и ружейный огонь загорѣлся вокругъ всего вала. Но жестокій огонь не удержалъ стремленіе нашихъ войскъ и мгновенно вторая колонна, приблизившись ко рву, спустилась въ него. Генералъ-маіоръ Лассій послалъ секундъ-маіора Неклюдова впередъ со стрѣлками и далъ повелѣніе лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка прапорщику князю Гагарину приставить лѣстницы, по которымъ стрѣлки быстро взошли на валъ, опрокинули непріятеля и овладѣли бастіономъ.

«Въ ту-жъ самую минуту первая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Львова, приближась ко рву и палисаду, преграждающему путь отъ каменной казематной батареи къ Дунаю; усмотрѣвъ, что сильное только стремленіе можетъ отринуть защищавшаго то мѣсто непріятеля, Львовъ приказалъ бросить фашины и стремлясь кинулся и первый перескочилъ палисадъ. Таковой примѣръ храбрости ободрилъ подчиненныхъ и смѣшалъ непріятеля; перешедъ палисадъ, Львовъ усмотрѣлъ толпу, готовящуюся атаковать его на сабляхъ, предупредилъ ударомъ въ нихъ штыками».

---

3) Петрушевскій. Генералиссимусъ князь Суворовъ. Т. I, стр. 388.

«Апшеронскаго полку стрѣлки и Фанагорійскаго полку передовые — какъ львы дрались».

«Поразивъ первую стремительность непріятеля, они обошли каменную казематную батарею подъ картечами непріятеля. До трехъ сотъ человѣкъ въ сей батареѣ засѣвшіе бросили гранаты, но храбрость войскъ нашихъ ни мало не поколебали. Колонна, обойдя батарею и оставивъ ее позади, поражала всюду встрѣчавшагося непріятеля, овладѣла первыми батареями и стремительно шла къ бросскимъ воротамъ».

«Тутъ посреди успѣховъ получилъ генералъ Львовъ раны, а съ нимъ купно раненъ полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій и поручилъ команду надъ колонною полковнику Золотухину[4]*.*

«Начальникъ охотниковъ, капитанъ Аркадій Аршеневскій, подпоручики: Семенъ Каменскій, Филатъ Федцовъ, прапорщикъ Василій Лукьянченко и сержанты: Поліянъ Зоринъ, Иванъ Кузнецовъ, находясь все время впереди, не давали туркамъ опомниться: они гнали и кололи ихъ вездѣ, гдѣ только успѣвали они собираться, причемъ Аршеневскій раненъ въ правую ногу, Каменскій въ лѣвую руку навылетъ и въ лѣвую ногу контуженъ и Федцовъ — въ лѣвую ногу. Сержантъ Кузнецовъ раненъ въ правую ногу»[5]*.*

Продолжая движеніе къ бросскимъ воротамъ, полковникъ Золотухинъ занялъ и открылъ ихъ, опрокидывая штыками преграждашаго ему путь непріятеля, и затѣмъ дошелъ до хотинскихъ воротъ, которыми также овладѣлъ съ боя, приказавъ открыть заваленныя камнемъ ворота и исправить мостъ, что и было исполнено.

Одновременно съ атакою, произведенною первыми двумя колоннами, на противуположномъ концѣ крѣпости, четвертая колонна, генералъ-маіора Голенищева-Кутузова также произвела отчаянную атаку на одинъ изъ бастіоновъ. Пренебрегая страшнымъ огнемъ непріятеля, колонна спустилась въ ровъ, противъ исходящаго угла, назначеннаго для атаки бастіона. Приставивъ лѣстницы, войска Кутузова взошли на валъ и овладѣли бастіономъ. Но выбитый изъ него непріятель, получивъ значительныя подкрѣпленія, готовился взять свой бастіонъ обратно и не дозволялъ нашимъ войскамъ двинуться вдоль по куртинѣ къ сосѣднимъ бастіонамъ. Тогда Кутузовъ призвалъ, стоявшій въ резервѣ, Херсонскій полкъ, изъ котораго оставилъ 200 человѣкъ для обороны занятаго рва, а остальныхъ повелъ въ атаку и штыками опрокинулъ собравшагося передъ нимъ непріятеля, послѣ чего войска колонны двинулись по куртинѣ, для очищенія сосѣднихъ бастіоновъ.

Во время описанныхъ дѣйствій, дессантныя войска генералъ-маіора Рибаса, подъ сильнѣйшимъ огнемъ береговыхъ непріятельскихъ батарей, быстро подошли къ берегу и суда первой линіи высадили дессантъ. Въ это время вторая линія, раздѣлясь на двѣ части, стала полукружіемъ на флангахъ первой и огнемъ своимъ покровительствовала дессанту, которому не мало также способствовала сухопутная колонна генералъ-маіора Львова, атаковавшая дунайскія батареи во флангъ.

Вскорѣ оба фланга и береговая часть крѣпости были уже въ нашихъ рукахъ.

Между тѣмъ, третья колонна, генералъ-маіора Мекноба, преодолѣвая неимовѣрныя трудности, спустилась въ ровъ и взошла на самый высокій и крѣпкій бастіонъ ограды. Въ этомъ мѣстѣ глубина рва и высота вала были такъ велики, что лѣстницы въ $5\frac{1}{2}$ саженъ длиною, установленныя на днѣ, оказались короткими, такъ что для взлѣзанія на валъ пришлось соединять ихъ по двѣ вмѣстѣ.

Преодолѣвъ всѣ затрудненія, колонна заняла назначенный для нея бастіонъ, послѣ чего Мекнобъ выслалъ впередъ свой резервъ; затѣмъ онъ опрокинулъ собравшагося на куртинѣ

---

4) Донесеніе Суворова о штурмѣ Измаила. Дѣло № 926. Военно-Ученый Архивъ.

5) Изъ того же донесенія.

непріятеля и распространилъ свои дѣйствія въ обѣ стороны, очищая валъ, до слѣдующихъ бастіоновъ.

Въ пылу сраженія генералъ-маіоръ Мекнобъ былъ сильно раненъ въ ногу, и сдалъ команду полковнику Хвостову. Всѣ баталіонные командиры Лифляндскаго егерскаго корпуса, составлявшаго главную часть колонны, были ранены, такъ что для командованія однимъ изъ баталіоновъ назначенъ гусарскій подполковникъ Фризе.

Слѣдовавшая лѣвѣе четвертая колонна, бригадира Орлова, подошла ко рву бастіона бендерскихъ воротъ и часть ея уже вступила на бастіонъ, по приставленнымъ лѣстницамъ, тогда какъ остальная часть колонны, была еще по сю сторону рва.

Въ это время сильная непріятельская колонна выступила изъ бендерскихъ воротъ, вступила въ ровъ и ударила во флангъ приставлявшихъ лѣстницы штурмующихъ, грозя раздѣлить четвертую колонну на двѣ части, вслѣдствіе чего положеніе вступившихъ уже въ бастіонъ людей становилось отчаяннымъ.

Графъ Суворовъ понялъ опасность и принялъ мѣры для поправленія дѣла. Гусарскій полкъ, бывшій въ резервѣ за третьею колонной, немедленно направленъ въ помощь четвертой колоннѣ, равно какъ и два эскадрона Сѣверскаго карабинернаго полка и казачій полкъ подполковника Сычова. Кромѣ того, генералъ-лейтенантъ Самойловъ выслалъ къ четвертой колоннѣ всѣ конные резервы.

Прибытіе всѣхъ этихъ подкрѣпленій и содѣйствіе пятой колонны бригадира Платова, успѣвшаго уже вступить на валъ, дало бригадиру Орлову возможность отбить вылазку, ввести всю свою колонну на бастіонъ и вступить въ связь съ третьей колонною, для дальнѣйшаго наступленія внутрь крѣпости.

Наконецъ, 5-я колонна, бригадира Платова, при которой находился и генералъ-маіоръ Безбородко, направилась одновременно съ прочими по оврагу, отдѣлявшему старую крѣпость отъ новой, и подошла къ куртинѣ, проходящей во всю ширину оврага, образующей въ то же время плотину, съ помощію которой протекающій по оврагу ручей давалъ возможность наводнить часть оврага, прилегающаго къ куртинѣ.

Въ половинѣ 7-го часа, т. е. спустя 3/4 часа по открытіи штурма, вся крѣпостная ограда Измаила была уже занята нашими войсками, не мало пострадавшими и разстроившимися.

Для приведенія ихъ въ порядокъ, въ виду предстоявшаго занятія самой крѣпости, требовалось нѣкоторое время. Уже начинало разсвѣтать. Не смотря на понесенныя огромныя потери при защитѣ крѣпостнаго вала, турки собирались въ массы и готовились къ новой отчаянной оборонѣ. Каждый шагъ впереди предстояло брать штыками и только по трупамъ павшихъ героевъ пролагать дальнѣйшій путь къ побѣдѣ и славѣ. Турки дрались съ страшнымъ ожесточеніемъ, падая тысячами подъ ударами нашихъ штыковъ. Но, казалось, потери возбуждали ихъ мужество, или — скорѣе — отчаяніе, такъ какъ непріятель зналъ, что пощады не будетъ, а спасенія нѣтъ.

Съ 7 до 11 часовъ бой длился безпрерывно на всемъ пространствѣ внутри крѣпости, гдѣ непріятель пользовался каждымъ камнемъ для своей защиты. Несокрушимо идя впередъ и уничтожая всѣ преграды, побѣдители все больше и больше проникали внутрь крѣпости и, по мѣрѣ того, сближались между собою, затягивая желѣзнымъ кольцомъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ.

Ворота бендерскія, хотинскія и бросскія были открыты и черезъ нихъ введены всѣ резервы, какъ пѣхотные, такъ и кавалерійскіе.

Въ часъ пополудни, вся крѣпость, — тотъ неприступный Измаилъ, на который Порта

*

возлагала всѣ свои надежды, — пала предъ несокрушимымъ мужествомъ русскаго солдата и непобѣдимымъ геніемъ Суворова.

Комендантъ Измаила, храбрый Айдосъ-Мехмедъ-паша, съ 1.000 отборнаго войска, засѣлъ въ одномъ каменномъ строеніи, близъ хотинскихъ воротъ.

Полковникъ Золотухинъ, съ Апшеронскими стрѣлками и фанагорійскими гренадерами, окружилъ зданіе и требовалъ сдачи. Непріятель изъявилъ согласіе и уже половина турокъ положила оружіе. Но въ это время, одинъ янычаръ, выстрѣломъ изъ пистолета, убилъ русскаго офицера, принимавшаго сдачу.

Раздраженные такимъ вѣроломствомъ, солдаты, въ одно мгновеніе, ударили въ штыки и, буквально, истребили до послѣдняго человѣка всѣхъ находившихся въ зданіи. Общей участи не избѣжалъ и самъ Мехмедъ-паша.

Небольшая часть турокъ, засѣвшихъ въ мечети, просила пощады и взята въ плѣнъ.

Въ казематированномъ редутѣ Табія засѣло 250 человѣкъ, при трехбунчужномъ Мухафизъ-пашѣ, а до 4.000 человѣкъ собралось въ двухъ другихъ каменныхъ зданіяхъ; войска эти сдались генералъ-маіору Рибасу, причемъ намъ досталось 130 знаменъ.

Число защитниковъ Измаила, получавшихъ казенное довольствіе, простиралось до 42.000 человѣкъ, изъ которыхъ убито при штурмѣ и въ крѣпости 30.860 человѣкъ и взято въ плѣнъ болѣе 9.000 человѣкъ. Въ числѣ убитыхъ находилось 4 паши и 6 татарскихъ султановъ.

265 орудій, до 3.000 пудовъ пороху, 20.000 ядеръ и множество другихъ боевыхъ припасовъ, до 400 знаменъ, 8 лансоновъ, 12 паромовъ и 22 мелкихъ судна, не считая прочей богатой добычи, достались побѣдителямъ.

Объявивъ ранѣе, что непріятелю не будетъ дано никакой пощады, Суворовъ дозволилъ войскамъ, въ теченіи трехъ дней, собирать все, что только возможно. Дорогіе уборы, издѣлія изъ золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней — все досталось солдатамъ, на сумму до 10-ти милліоновъ піастровъ. Маркитантамъ, за добрую чарку вина, солдаты давали по ковшу жемчуга.

Наши потери, сравнительно съ потерями турокъ, были незначительны и состояли изъ 1.815 убитыхъ и 2.400 раненыхъ всѣхъ чиновъ отряда. Апшеронскіе стрѣлки потеряли 13 убитыми и 41 ранеными — потеря большая для 150 человѣкъ.

Что касается до отличившихся, то всѣ безъ исключенія, отъ генерала до солдата, проявили себя истинными героями, а потому, почти всѣ генералы и офицеры получили соотвѣтственныя награды.

Графъ Суворовъ въ реляціи своей упоминаетъ о всѣхъ чинахъ Апшеронскаго полка. Онъ пишетъ: «командиръ полка, полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій, которой по особой ревности къ службѣ и съ доброй воли просился къ Измаилу со ста пятидесятью мушкетерами ввѣреннаго ему полка, командовалъ оными и изъявлялъ особливую храбрость и мужество». «Подполковникъ Апшеронскаго полка Христіанъ Беръ, состоя при мнѣ, исполнялъ всевозможныя порученія во время штурма съ особливымъ усердіемъ и храбростью». Отзывъ знаменитаго полководца объ остальныхъ офицерахъ Апшеронскаго полка разсказанъ уже въ описаніи штурма.

Донося Императрицѣ Екатеринѣ II о штурмѣ Измаила, князь Потемкинъ выразился: «Мужество, твердость и храбрость всѣхъ войскъ, въ семъ дѣлѣ подвизавшихся, оказались въ полномъ совершенствѣ. Нигдѣ болѣе не могло ознамениться присутствіе духа начальниковъ, расторопность штабъ- и оберъ-офицеровъ. Послушаніе, устройство и храбрость солдатъ, когда при всемъ сильномъ укрѣпленіи Измаила, съ многочисленнымъ войскомъ, при жестокомъ

защищеніи, продолжавшемся 6 ½ часовъ, вездѣ непріятель пораженъ былъ и вездѣ сохраненъ совершенный порядокъ».

Паденіе Измаила лишило Турцію послѣдней опоры на Дунаѣ. Путь къ Балканамъ и далѣе былъ открытъ. Но позднее время года требовало расположенія войскъ на зимнія квартиры.

Черезъ недѣлю послѣ взятія Измаила, графъ Суворовъ выступилъ со своими войсками къ Галацу на зимнія квартиры, оставивъ комендантомъ Измаила генералъ-маіора Голенищева-Кутузова, съ 4-мя баталіонами егерей, 2-мя мушкетерскими полками и 2.000 донскихъ казаковъ, для занятія крѣпости и ухода за больными и ранеными.

Князь Потемкинъ сдѣлалъ росписаніе для зимовки войскъ, оставляя, какъ и въ прошломъ году, главную свою квартиру въ Яссахъ.

Апшеронскій полкъ расположился въ Бырладѣ.

За штурмъ Измаила командиръ Апшеронскаго полка полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Въ грамотѣ, отправленной ему, говорится: «Усердная ваша служба и отличная храбрость, оказанныя вами при взятіи приступомъ города и крѣпости Измаила, съ истребленіемъ тамъ турецкой арміи, гдѣ вы, по особой ревности и съ доброй воли, находилися со 150 мушкетерами ввѣреннаго вамъ Апшеронскаго полку и, командуя оными, такожъ первымъ баталіономъ колонны, были впереди, подавали примѣръ своимъ подчиненнымъ, изъявили особливое мужество при переходѣ черезъ палисадъ и овладѣли набережными укрѣпленіями, причемъ получили тяжелую рану (пулею въ правую вертлугу), учиняютъ васъ достойнымъ ордена нашего военнаго св. Великомученника и Побѣдоносца Георгія; на основаніи установленія его, Мы васъ кавалеромъ сего ордена 4-го класса всемилостивѣйше пожаловали».

Кромѣ того, капитанъ Аркадій Аршеневскій, подпоручики: Семенъ Каменскій и Филатъ Федцовъ и прапорщикъ Василій Лукьянченко получили слѣдующіе чины; сержанты Поліянъ Зоринъ и Иванъ Кузнецовъ — чины прапорщика.

Всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ розданы были медали, учрежденныя въ память взятія Измаила: офицерамъ золотыя, въ видѣ креста, съ закругленными краями, съ надписью на одной сторонѣ: «за отмѣнную храбрость» и на другой: «Измаилъ взятъ 11-го декабря 1790 года»; у нижнихъ чиновъ медали были серебряныя, овальныя, съ тѣми же надписями.

Не смотря на то, что взятіе Измаила нанесло Портѣ весьма тяжелый ударъ, она, подъ вліяніемъ Пруссіи и Англіи, все таки рѣшилась продолжать войну, въ надеждѣ, что активная помощь ея доброжелателей заставитъ Россію согласиться на легкія условія мира.

Въ 1791 году, дѣйствовавшая противъ турокъ русская армія значительно уменьшилась въ численномъ составѣ, вслѣдствіе отдѣленія части войскъ въ Польшу; во всей арміи осталось только 27 пѣхотныхъ полковъ (въ числѣ ихъ Апшеронскій) и 38 кавалерійскихъ, при 160 орудіяхъ, и небольшое число черноморскихъ казаковъ и арнаутовъ.

Означенныя войска находились подъ начальствомъ генералъ-аншефа князя Репнина.

По плану кампаніи на 1791 годъ, характеръ военныхъ дѣйствій съ нашей стороны былъ оборонительный: армія должна была удерживать за собою крѣпости Очаковъ, Галацъ и Измаилъ.

Изъ военныхъ дѣйствій наступившаго года опишемъ самое выдающееся, въ которомъ принялъ участіе и Апшеронскій полкъ — это сраженіе 28-го іюня у Мачина.

17-го іюня князь Репнинъ получилъ извѣстіе, что въ укрѣпленномъ турецкомъ лагерѣ при Мачинѣ сосредоточилось до 30.000 турецкихъ войскъ; кромѣ того, изъ Гирсова постоянно идутъ подкрѣпленія, высылаемыя визиремъ; самъ визирь также намѣревался слѣ-

довать къ Мачину со всею своею арміею, численность которой простиралась до 100.000 человѣкъ. Около 50 турецкихъ судовъ собрано было у Браилова, въ видахъ содѣйствія войскамъ, стоявшимъ у Мачина.

Очевидно, передвиженіе арміи визиря къ Мачину имѣло цѣлью рѣшительное наступленіе; поэтому, Репнинъ, желая предупредить турокъ и не дать имъ времени закончить всѣ нужныя приготовленія, рѣшился самъ атаковать стоявшую у Мачина непріятельскую армію.

Онъ сосредоточилъ у Галаца всѣ части своей арміи и предписалъ генералу Голенищеву-Кутузову, стоявшему съ корпусомъ въ Измаилѣ, взять бугскихъ егерей и спѣшить къ Галацу.

По сосредоточеніи всѣхъ частей арміи, князь Репнинъ, на судахъ флотиліи генералъ-маіора Рибаса, въ ночь на 23-е іюня, началъ переправу войска князя Голицына на полуостровъ Кунцефанъ [6].

Переправа производилась верстахъ въ четырехъ выше Галаца. Но сильный вѣтеръ и быстрое теченіе Дуная затрудняли переправу, такъ что одинъ только отрядъ Голицына переправлялся цѣлую ночь на 23-е число и весь слѣдующій день.

При подобныхъ обстоятельствахъ, переправа на судахъ всей арміи потребовала бы слишкомъ много времени, тогда какъ каждый часъ былъ дорогъ, въ виду постоянно прибывавшихъ къ Мачину новыхъ подкрѣпленій; поэтому, рѣшено было навести мостъ черезъ Дунай.

Для наводки его послужили паромы, шайки и частью армейскіе понтоны, искусно скрѣпленные между собою.

Переправившись на Кунцефанъ, отрядъ князя Голицына расположился противъ устья рѣки Серета, упираясь правымъ флангомъ въ правый берегъ Дуная.

Немедленно выслана была часть войскъ, съ цѣлью производства рекогносцировки непріятельской позиціи и изслѣдованія пути, для движенія по полуострову.

Изъ рекогносцировки выяснилось, что непріятель въ большихъ и густыхъ массахъ, численность которыхъ опредѣлить нельзя было, стоитъ въ крѣпкой позиціи впереди Мачина, примыкая лѣвымъ флангомъ къ укрѣпленіямъ, возведеннымъ впереди этого города. Фронтъ позиціи прикрывался крутыми скатами высотъ, а правый флангъ былъ открытъ со стороны поля, такъ какъ находился на плоской возвышенности. Дорогъ по Кунцефану никакихъ не имѣлось: полуостровъ сплошь покрытъ былъ камышемъ, такъ что рекогносцировавшій отрядъ долженъ былъ, шагъ за шагомъ, пролагать себѣ тропинки по камышамъ.

Тѣмъ не менѣе, князь Репнинъ рѣшился преодолѣть всѣ затрудненія и дать противнику генеральное сраженіе.

Постройка моста отъ Галаца на островъ была окончена въ двое сутокъ.

Къ тому же времени генералъ-лейтенантъ Толстой устроилъ второй мостъ, съ острова на полуостровъ Кунцефанъ.

На правый берегъ Дуная переведенъ корпусъ генералъ-лейтенанта князя Волконскаго; онъ выбралъ позицію и сталъ тыломъ къ мосту; сзади его расположился корпусъ генералъ-лейтенанта Голенищева-Кутузова.

Вечеромъ 25-го іюня, генералъ-квартирмейстеръ Писторъ, съ 4-мя баталіонами пѣхоты [7], 2-мя гусарскими и 5-ю Донскими полками, выступилъ изъ лагеря для проложенія дорогъ по полуострову и устройства переправъ черезъ болотистыя рѣчки.

Въ теченіи сутокъ, Писторъ успѣлъ продѣлать въ камышахъ дорогу; она шла параллельно теченію Дуная, до болотистой рѣчки Чичули и выходила къ фронту непріятельской позиціи.

---

[6]) Въ составѣ войскъ князя Голицына находился Апшеронскій полкъ.

[7]) Апшеронскихъ два баталіона и по баталіону Витебскаго и Углицкаго полковъ.

Турки, замѣтивъ производившіяся въ камышахъ работы, выслали сильный отрядъ для нападенія на рабочихъ, но послѣдній былъ разбитъ казаками.

Произведенная генераломъ Писторомъ рекогносцировка показала, что непріятельская позиція наиболѣе доступна съ праваго фланга; въ виду этого, князь Репнинъ рѣшилъ обойти съ частью войскъ правый флангъ турокъ и вести на него главную атаку; въ то же время, съ фронта непріятелю должны были угрожать остальныя войска.

Сообразно такому рѣшенію, генералъ Писторъ устроилъ переправу на рѣкѣ Чичули и проложилъ отсюда дорогу влѣво до рѣки Катечера, протекающей у подошвы крутыхъ высотъ, на которыя приходилось взбираться, чтобы слѣдовать потомъ по открытой возвышенности, въ обходъ праваго фланга противника. Наведя на рѣкѣ Катечеръ мостъ и обезпечивъ, такимъ образомъ, движеніе арміи, ибо за рѣкою Чичули мѣстность была хотя и болотистая, но открытая и болѣе проходимая, генералъ Писторъ возвратился назадъ.

Въ шесть часовъ пополудни, 27-го іюня, русская армія двинулась къ Мачину; шла она съ такимъ расчетомъ времени, чтобы весь переходъ, въ 30 верстъ, совершить ночью, а къ разсвѣту 28-го числа неожиданно явиться передъ непріятелемъ и аттаковать его.

Чтобы воспрепятствовать туркамъ выслать изъ Браилова войска для дѣйствія въ тылу нашей арміи, князь Репнинъ приказалъ всей дунайской флотиліи стать внѣ пушечнаго выстрѣла у Браилова, надѣясь появленіемъ ея удержать браиловскія войска въ крѣпости и озаботить ихъ собственною обороною [8].

Планъ атаки, составленный Репнинымъ, заключался въ слѣдующемъ: отвлечь вниманіе непріятеля ложной атакой съ фронта, противъ ретраншемента и лагеря при Мачинѣ, а въ тоже время обойти правый, наиболѣе открытый флангъ его и, дѣйствуя противъ непріятеля съ двухъ сторонъ перекрестнымъ огнемъ, сбить его съ позиціи.

Наканунѣ сраженія вся армія раздѣлена была на три части.

Правый флангъ — отрядъ князя Голицына, состоялъ изъ полковъ: Апшеронскаго, Черниговскаго, Новгородскаго, Смоленскаго мушкетерскихъ и Фанагорійскаго гренадерскаго, всего 12 баталіоновъ пѣхоты, при 24 полевыхъ орудіяхъ; кавалерія: Черниговскій, Стародубскій и Смоленскій карабинерные полки и донскіе полки полковниковъ — Янова, Серебрякова и Мѣшкова.

Сверхъ того, къ войскамъ Голицына былъ приданъ особый отрядъ изъ Углицкаго и Ингерманландскаго пѣхотныхъ полковъ, съ 8-ю орудіями и 200 казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шпета.

Отрядъ Шпета охранялъ тылъ и правый флангъ войскъ Голицына, въ случаѣ, еслибы турки выслали подкрѣпленіе изъ Браилова или произвели дессантъ со стороны острововъ, лежащихъ ниже Мачина.

Въ среднемъ корпусѣ князя Волконскаго находилось 10 баталіоновъ пѣхоты, при 16 орудіяхъ полевой артиллеріи; Сѣверскій карабинерный и Харьковскій конно-егерскій полки и 800 человѣкъ конныхъ черноморскихъ казаковъ атамана бригадира Чепеги.

Этотъ корпусъ назначался для связи между корпусами Голицына и Голенищева-Кутузова и поддерживалъ послѣдняго въ его отдѣльной атакѣ, направленной въ обходъ праваго фланга противника.

Корпусъ Кутузова состоялъ изъ 12 баталіоновъ, при 24 орудіяхъ полевой артиллеріи, одного гусарскаго, двухъ карабинерныхъ и шести донскихъ полковъ и всѣхъ арнаутовъ преміеръ-маіора Муравьева.

---

[8]) Петровъ. Вторая турецкая война. Томъ II, стр. 215.

Въ 6 часовъ вечера, 27-го іюня, армія выступила четырьмя колоннами. Корпусъ Кутузова съ казаками составилъ двѣ лѣвыя, а корпуса князя Волконскаго и князя Голицына — двѣ правыя глубокія колонны.

Въ полночь войска подошли къ рѣчкѣ Чичули и остановились для отдыха. Тѣмъ временемъ улучшался мостъ, устроенный наканунѣ черезъ эту рѣчку, и укладывались фашины для подхода къ мосту.

На разсвѣтѣ 28-го числа, первымъ перешелъ мостъ корпусъ Кутузова, ибо ему предстояло сдѣлать обходное движеніе влѣво. Но турецкія передовыя войска замѣтили войска Кутузова, прежде чѣмъ онъ успѣлъ подняться на высоты. Послѣднее обстоятельство заставило князя Репнина поспѣшить переправою корпуса Голицына, чтобы озаботить непріятеля мѣрами къ отраженію фронтальной атаки и отвлечь его вниманіе отъ Кутузова.

Перейдя рѣку Чичули и построясь въ пять карре — три въ 1-й, а два во 2-й линіи, имѣя конницу сзади, — князь Голицынъ, въ шестомъ часу утра, сталъ на позиціи и готовился атаковать крутые скаты высотъ, занятыхъ непріятелемъ.

Между тѣмъ, войска князя Волконскаго только начали переправляться черезъ рѣку Чичули, вслѣдствіе чего образовался значительный промежутокъ между корпусами.

Пользуясь этимъ, турки ударили массою конницы на корпусъ князя Голицына. Атака ведена была чрезвычайно стремительно; не смотря на убійственный огонь нашей пѣхоты и пальбу картечью, многіе турецкіе наѣздники подскакивали къ самому фронту нашихъ карре. Въ одно изъ карре непріятель успѣлъ даже врубиться, но всѣ вскочившіе во внутрь карре турки были переколоты, и вскорѣ атака непріятеля была отбита. Тогда князь Голицынъ перешелъ на слѣдующую позицію.

Въ это время прибыли къ мѣсту боя сначала конница Волконскаго и немедленно направилась для преслѣдованія отступавшаго непріятеля, а вслѣдъ затѣмъ подошла и пѣхота.

Корпусъ Кутузова двинулся впередъ и атаковалъ высоты на правомъ флангѣ непріятельской позиціи.

Занявъ крутые скаты высотъ, на которыя должны были взбираться русскія войска, турки заставляли ихъ брать съ боя каждый шагъ. Тогда генералъ Кутузовъ выслалъ впередъ два баталіона егерей, приказалъ имъ взойти на скаты и оттѣснить непріятеля, чтобы обезпечить вступленіе на гребень высотъ остальнымъ войскамъ корпуса.

Егеря живо сбили турокъ и, взойдя на высоты, образовали карре.

Вскорѣ къ нимъ присоединились остальныя части корпуса Кутузова и построились пятью карре: три впереди, два во второй линіи, кавалерія на лѣвомъ флангѣ второй линіи.

Не успѣлъ еще Кутузовъ построиться въ боевой порядокъ, какъ былъ атакованъ огромными массами турецкой конницы. Первая атака была отбита орудійнымъ огнемъ, но непріятель вскорѣ оправился и еще нѣсколько разъ возобновлялъ нападеніе. Наконецъ, подоспѣла кавалерія генерала Рибаса, составлявшая авангардъ корпуса князя Волконскаго, она ударила въ флангъ непріятельской конницѣ и заставила ее отступить.

Получа съ главной своей позиціи новыя подкрѣпленія, непріятель еще нѣсколько разъ пытался отрѣзать корпусъ Кутузова, отъ корпуса князя Волконскаго, но всѣ усилія его оставались тщетными.

Чтобы отвлечь войска князя Волконскаго и воспрепятствовать имъ поддерживать Кутузова, турки атаковали правое карре первой линіи, но карре это выдержало атаку и отбило ее.

Одновременно непріятель произвелъ сильный натискъ на войска Голицына. Атака была отбита ружейнымъ и картечнымъ огнемъ. Преслѣдуя отступавшихъ турокъ, кавалерія наша вогнала ихъ въ лагерь и, войдя въ него, многое тамъ истребила.

Въ то время, какъ происходили вышеописанныя дѣйствія, изъ Браилова переправился турецкій пѣхотный отрядъ на полуостровъ Кунцефанъ, для нападенія на наши войска съ тыла, а на 50-ти судахъ готовился дессантъ, для удара на правый флангъ и тылъ корпуса Голицына.

Предвидя возможность подобнаго покушенія, князь Репнинъ оставилъ отрядъ генералъ-маіора Шпета противъ острововъ ниже Мачина, у пролива Катрофети.

Репнинъ приказалъ отдѣлить отъ корпуса князя Голицына, на усиленіе войскъ Шпета, Апшеронскій и Смоленскій пѣхотные, Черниговскій и Стародубскій карабинерные полки, князь Волконскій выслалъ туда же Московскій гренадерскій полкъ.

Непріятельскія суда открыли пальбу по войскамъ генералъ-маіора Шпета, который отвѣчалъ имъ изъ двухъ батарей. Артиллерія наша дѣйствовала настолько успѣшно, что непріятельскія суда принуждены были возвратиться назадъ, причемъ многія изъ нихъ были повреждены, 2 взорваны и 3 потоплены.

Не успѣвъ высадиться противъ позиціи, занятой Шпетомъ, турецкія суда потянулись вверхъ по Дунаю, разсчитывая пристать къ берегу въ другомъ пунктѣ. Но въ это время подоспѣли подкрѣпленія. Удачнымъ дѣйствіемъ изъ полковыхъ орудій и ружейнымъ огнемъ Апшеронскій полкъ сжегъ одно судно, а остальныя принудилъ вернуться[9].

Вслѣдъ затѣмъ Апшеронскій и Смоленскій полки двинулись къ проливу Катрофети, чтобы встрѣтить шедшихъ въ атаку янычаръ.

Около 1.500 янычаръ переправились изъ Браилова на правый берегъ Дуная; отсюда они пробирались камышами къ отряду Шпета, войска котораго встрѣтили непріятеля сильнымъ огнемъ. Замѣтивъ приближеніе нашей пѣхоты, высланной на подкрѣпленіе Шпету, янычары возвратились въ камыши и спѣшили сѣсть на суда. Однако, карабинерные полки успѣли догнать заднія толпы янычаръ и совершенно разсѣяли ихъ.

Противъ главной непріятельской позиціи при Мачинѣ поведена была общая атака.

Русскія карре, построившись въ двѣ линіи, имѣя кавалерію на лѣвомъ флангѣ, атаковали высоты. Корпусъ князя Голицына направился на мачинскіе окопы, составлявшіе лѣвый флангъ непріятельской позиціи и овладѣлъ ими. Средній корпусъ князя Волконскаго вступилъ на высоты лѣвѣе и занялъ находившійся въ центрѣ турецкій лагерь. Огромныя массы турокъ собрались за лагеремъ, на ближайшихъ высотахъ.

Кавалерія корпуса Голенищева-Кутузова атаковала правый флангъ непріятеля.

Не долго держались турки и, разбитые на голову, въ страшномъ смятеніи, бросая по дорогѣ ружья, пушки и аммуницію, бросились ко второму лагерю, находившемуся позади Мачинскаго озера. Кавалерія преслѣдовала ихъ по пятамъ. Командовавшій турецкими войсками, румелійскій вали Мустафа-паша, употреблялъ и строгія мѣры и увѣщанія, чтобы остановить бѣгущихъ, но напрасно — все бѣжало въ Гирсово[10].

Трофеями одержанной побѣды были: 35 мѣдныхъ орудій, два лагеря и много разныхъ военныхъ припасовъ. Потеря непріятеля убитыми простиралась до 4.000 человѣкъ. Въ плѣнъ взято 340 человѣкъ, въ томъ числѣ двухбунчужный Арнаутъ-паша.

Наша потеря состояла изъ 141 человѣкъ убитыми и до 300 ранеными. Потеря Апшеронскаго полка выразилась въ 4-хъ убитыхъ и 11-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ.

Какъ оказалось впослѣдствіи, непріятель имѣлъ у Мачина болѣе 80.000 человѣкъ; кромѣ того, 20.000 слѣдовали изъ Гирсова, съ верховнымъ визиремъ.

Войска наши выказали чрезвычайную выносливость и храбрость: пройдя 30 верстъ, они вступили въ бой, продолжавшійся 6 часовъ, и одержали блистательную побѣду.

---

9) Рапортъ князя Репнина отъ 29-го іюня, № 60. Дѣло № 893. Военно-Ученый Архивъ.

10) Тамъ же.

Давъ у Мачина двухдневный отдыхъ войскамъ, князь Репнинъ 1-го іюля выступилъ обратно. 2-го числа армія переправилась черезъ Дунай по мостамъ, которые были потомъ сняты, и расположилась въ окрестностяхъ Галаца.

Пораженіе при Мачинѣ сломило, наконецъ, упорство турокъ; объ удачномъ исходѣ войны нечего было и думать, поэтому верховный визирь, на другой же день послѣ сраженія, прислалъ къ князю Репнину своихъ чиновниковъ для мирныхъ переговоровъ. Хотя турецкіе комиссары выказывали на этотъ разъ больше уступчивости, тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыми пунктами мирнаго договора они по прежнему не соглашались.

31-го іюля, въ Галацѣ были подписаны предварительныя условія мира, а 29-го декабря въ городѣ Яссахъ заключенъ окончательный миръ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

возстановленіе въ полной силѣ заключеннаго въ 1774 году Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и акта о присоединеніи Крыма и Тамани къ Россіи; признаніе рѣки Кубани границею русскихъ владѣній на Кавказѣ; границею Европейской Турціи и Россіи назначалась рѣка Днѣстръ. Россія возвращала Портѣ Молдавію и Валахію, съ крѣпостями.

Такъ закончилась пятилѣтняя война съ Турціею. Для Апшеронскаго полка она была богата блестящими военными эпизодами: Максимени, Фокшаны, Рымникъ, Измаилъ и Мачинъ — вотъ имена, увѣковѣчившія славное прошлое Апшеронцевъ.

Хотя миръ былъ подписанъ въ концѣ 1791 года, но Апшеронскій полкъ, расположенный въ Молдавіи, вышелъ изъ предѣловъ Турціи только въ концѣ мая 1792 года и направленъ былъ въ Польшу, гдѣ ему вскорѣ пришлось вновь принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ конфедератовъ.

За сраженіе при Мачинѣ, командиръ полка полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса.

2-го сентября 1793 года, по случаю заключенія мира съ Турціею, для всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, находившихся въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, установлена серебряная медаль на андреевской лентѣ. На лицевой сторонѣ ея изображенъ былъ вензель Императрицы Екатерины, а на оборотѣ надпись: «побѣдителямъ, при мирѣ декабря 29-го 1791 года».

Глава Пятнадцатая.

Военныя дѣйствія въ Польшѣ. — Нерасположеніе къ Россіи поляковъ. — Переворотъ 3-го мая 1791 года. — Состояніе польской арміи. — Образованіе для дѣйствій въ Польшѣ двухъ армій. — Апшеронскій полкъ въ арміи Каховскаго. — Расположеніе противника. — Планъ военныхъ дѣйствій. — Численность Украинской арміи. — 1-е отдѣленіе арміи генерала Кутузова. — Движеніе русскихъ войскъ въ Польшу. — Отступленіе поляковъ. — Сраженіе при Полонномъ. — Взятіе Апшеронцами 7 орудій. — Потери полка. — Сраженіе при Острогѣ и у Дорогуска. — Окончаніе военныхъ дѣйствій и расположеніе полка на винтеръ-квартиры. — Гродненскій сеймъ и второй раздѣлъ Польши. — Расположеніе полка въ 1793 и 1794 годахъ. — Отправленіе Апшеронскаго полка въ Дубенки. — Новыя волненія въ Польшѣ. — Рѣзня въ Варшавѣ и въ Вильнѣ. — Сраженіе при Хелмѣ. — Атака Апшеронцевъ и пораженіе поляковъ. — Реляція Дерфельдена. — Трофеи. — Потери полка. — Занятіе Модлина и Брестъ-Литовска. — Движеніе къ Слониму. — Неудача пруссаковъ подъ Варшавою. — Дѣйствія Суворова. — Сраженіе при Крупчицахъ и Брестъ-Литовскѣ. — Періодъ бездѣйствія. — Побѣда Ферзена при Мацеіовичахъ и плѣнъ Костюшки. — Предписаніе Суворова Дерфельдену. — Военный совѣтъ 6-го октября. — Наступленіе къ Варшавѣ. — Сраженіе у Кобылки. — Рекогносцировка Праги. — Описаніе укрѣпленій Праги. — Выдержка изъ записокъ участника похода. — Приказъ Суворова. — Диспозиція къ штурму Праги. — Апшеронцы въ головѣ второй колонны. — Дѣйствія 1-го и 2-го баталіоновъ. — Взятіе Праги. — Потери поляковъ и русскаго корпуса — Потери Апшеронскаго полка. — Отличившіеся Апшеронцы. — Реляціи Суворова. — Переговоры о капитуляціи Варшавы. — Вступленіе въ Варшаву. — Донесеніе Суворова объ окончаніи военныхъ дѣйствій. — Заключеніе. — Назначеніе винтеръ-квартиры для Апшеронскаго полка. — Награды.

Едва смолкли послѣдніе выстрѣлы на поляхъ Турціи и прекратилась долголѣтняя война, какъ Апшеронскій полкъ долженъ былъ направиться въ Польшу, чтобы принять участіе въ предстоявшихъ тамъ военныхъ дѣйствіяхъ. Повидимому, судьба назначила полку исключительно боевое поприще, и окончаніе 2-й турецкой войны явилось для Апшеронцевъ только лишь перемѣною театра войны.

Въ то время, когда наше государство озабочено было войнами съ Турціею и Швеціею, Польша рѣшилась воспользоваться удобнымъ для нея случаемъ, чтобы освободиться отъ вліянія Россіи на внутреннія дѣла ея, забывая, что только благодаря этому вліянію поддерживается спокойствіе и порядокъ въ разлагающейся уже Рѣчи Посполитой. Первые признаки нерасположенія къ намъ обнаружила Польша еще при началѣ 2-й турецкой войны, отказавъ въ пропускѣ чрезъ свои владѣнія партій рекрутъ, транспортовъ съ продовольствіемъ и т. п. Вслѣдъ затѣмъ, польское правительство приступило къ увеличенію численнаго состава своей арміи и заключило союзъ съ Пруссіею.

Съ каждымъ годомъ самоувѣренность поляковъ росла съ неимовѣрной быстротой; они, видимо, искали разрыва съ Россіею, и первымъ вызовомъ явилось уничтоженіе конституціи 1775 года, данной Польшѣ Императрицею Екатериною II. 3-го мая 1791 года, враждебная намъ партія успѣла произвести переворотъ и превозгласила новую конституцію, въ силу которой правленіе, вмѣсто избирательнаго, установлялось наслѣдственное и, по смерти бездѣтнаго короля Станислава Августа, престолъ переходилъ къ курфюрсту Саксонскому; всѣ дѣла на сеймахъ рѣшались большинствомъ голосовъ (слѣдовательно, уничтожалось прежнее «liberum veto»), городамъ было предоставлено право присылать на сеймъ своихъ депутатовъ и т. д.

Такой образъ дѣйствій оскорбилъ Екатерину II, но обстоятельства не позволяли ей немедленно вмѣшаться въ дѣла Польши: Императрица рѣшила дождаться заключенія съ Турціею мира, чтобы затѣмъ уже принять непосредственное участіе въ судьбѣ этой несчастной страны. Между тѣмъ, конституція 3-го мая встрѣтила сильную оппозицію со стороны приверженцевъ стараго порядка; въ 1792 году недовольные образовали въ Тарговицахъ конфедерацію и обратились къ Русской Императрицѣ за помощью. Въ это время желанный съ Турціею миръ былъ, наконецъ, подписанъ; онъ развязалъ руки русскому правительству, рѣшившему поддерживать тарговицкую конфедерацію.

Несмотря на дѣятельное вооруженіе, польская армія, ко времени, когда она должна была оправдать всѣ надежды страны, насчитывала въ рядахъ своихъ только 56.000 человѣкъ; изъ этого числа нужно было выключить 11.000 человѣкъ, занимавшихъ гарнизоны въ различныхъ крѣпостяхъ, такъ что для дѣйствій въ полѣ оставалось около 45.000, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ: 20.000 стояли въ Подоліи и Украйнѣ; 10.000, подъ начальствомъ князя Іосифа Понятовскаго, сосредоточены были у Дубно и 15.000 человѣкъ находились въ Литвѣ.

100.000 русскихъ войскъ, предназначенныхъ для дѣйствій въ Польшѣ, образовали двѣ арміи: первую — Украинскую генерала Каховскаго, а вторую — генерала Кречетникова; Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 1-й арміи.

Войска постепенно выходили изъ Бессарабіи и собирались въ слѣдующихъ пунктахъ: на Днѣстрѣ — у Дубоссаръ, у Сорокъ и у Василькова — къ югу отъ Кіева. Когда князь Понятовскій увидѣлъ, что русскіе угрожаютъ ему съ трехъ сторонъ, то онъ раздѣлилъ свои войска на три части, съ цѣлью противопоставить ихъ частямъ русской арміи. Віельгорскаго съ одною частью онъ выдвинулъ къ Чичельнику (близъ нынѣшняго Ольвіополя), гдѣ этотъ отрядъ, находясь въ равномъ разстояніи отъ Сорокъ и Дубоссаръ, долженъ былъ наблюдать за русскими войсками на Днѣстрѣ; генерала Костюшку съ другою частью отправилъ къ Фастову, противъ Василькова; самъ же Понятовскій, съ большею частью своего корпуса, расположился у Брацлава, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, подать помощь той или другой части. Четвертая, небольшая часть войскъ, подъ начальствомъ Гроховскаго, охраняла Могилевъ.

Отправляя въ Польшу такое огромное число войскъ, Императрица имѣла въ виду, что для скорѣйшаго покоренія страны надлежало вторгнуться въ нее одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ и тѣмъ самымъ лишить противника средствъ поднять общее возстаніе. Поэтому, всѣ дѣйствія арміи генерала Каховскаго сводились къ тому, чтобы не позволять польскимъ войскамъ держаться даже въ сильнѣйшихъ позиціяхъ и постепенно занимать край, исполняя это, по возможности, однимъ совокупнымъ дѣйствіемъ искусно расчитанныхъ маршей. Генералъ Каховскій раздѣлилъ свою армію на четыре отдѣленія, изъ коихъ каждое почти равнялось соединеннымъ силамъ поляковъ, слѣдовательно, не подвергалось опасности быть подавленнымъ превосходствомъ силъ. Въ то время, когда одно отдѣленіе дѣйствовало противъ непріятеля съ фронта, другія два охватывали его съ фланговъ, а четвертое угрожало его тылу и сообщеніямъ. Такимъ образомъ, непріятель не смѣлъ останавливаться, рискуя, въ случаѣ пораженія, лишиться пути отступленія и своихъ продовольственныхъ запасовъ.

Строго говоря, система охватывающихъ движеній могла, безъ особеннаго риска, практиковаться только лишь въ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, предводимыхъ крайне неопытными генералами; въ войнѣ съ искуснымъ полководцемъ стратегическіе и тактическіе охваты имѣютъ свою невыгодную сторону и должны употребляться только въ крайнихъ случаяхъ и съ большею осторожностію: противникъ легко можетъ прорвать центръ и затѣмъ разбить

всю армію. Такъ случилось при Абенсбергѣ, когда Наполеонъ I прорвалъ далеко охватывавшую его армію эрцгерцога Карла и разбилъ ее потомъ по частямъ; точно такимъ же образомъ онъ прорвалъ подъ Аустерлицемъ центръ русско-австрійской арміи, когда она слишкомъ растянулась, чтобы охватить его флангъ; потерпѣлъ пораженіе и Мармонъ при Аропилахъ, когда онъ вздумалъ охватывать армію Веллингтона.

Численность Украинской арміи простиралась до 64.000 человѣкъ; какъ сказано раньше, Каховскій раздѣлилъ ее на четыре части. Первое отдѣленіе, подъ начальствомъ генералъ-поручика Голенищева-Кутузова, имѣло 17.000 пѣхоты и 6.600 человѣкъ кавалеріи; составленное изъ отборнѣйшихъ частей арміи, это отдѣленіе было въ тоже время и сильнѣйшимъ, поэтому на него возложены главнѣйшія задачи всѣхъ дѣйствій, при немъ находился самъ главнокомандующій. Въ составъ войскъ перваго отдѣленія вошелъ и Апшеронскій полкъ, подъ командою полковника князя Лобанова-Ростовскаго[1]. Второе отдѣленіе — генералъ-поручика Дунина состояло изъ 17.400 человѣкъ, изъ нихъ пѣхоты 13.100 человѣкъ и кавалеріи 4.300. Третье отдѣленіе, подъ начальствомъ генералъ-поручика Дерфельдена; пѣхоты въ немъ было 6.600 и кавалеріи 4.600 человѣкъ; наконецъ, четвертое отдѣленіе, генералъ-поручика Леванидова, имѣло 8.300 человѣкъ пѣхоты и 3.500 человѣкъ кавалеріи.

Будучи еще въ Яссахъ, генералъ Каховскій, 27-го марта, получилъ предписаніе готовиться къ выступленію въ Польшу и немедленно приказалъ войскамъ своей арміи, находившимся, по окончаніи войны съ Турціею, въ Молдавіи и Бессарабіи, выходить отсюда къ границамъ Польши: Кутузову предписано было идти къ Могилеву, Дунину — къ Сорокамъ на Днѣстрѣ, Дерфельдену — собрать свое отдѣленіе у Дубоссаръ, а Леванидову — вести свои полки черезъ Кіевъ къ Василькову.

Въ описываемое время, южная граница Польши опредѣлялась такимъ образомъ: съ Молдавіею и Бессарабіею границу составляла рѣка Днѣстръ; съ Новороссійскимъ краемъ—двѣ рѣчки — Ягорлыкъ и Кодымъ, до самого Буга, а отсюда рѣчки Синюха и Высь до степи, по которой граница продолжалась до Днѣпра къ Крылову (выше Кременчуга), потомъ шла вдоль этой рѣки и оканчивалась близъ Кіева.

Первымъ двумъ отдѣленіямъ, составлявшимъ главныя силы Украинской арміи, надлежало вступить въ предѣлы Польши со стороны Днѣстра, охватить армію непріятеля съ фланговъ и угрожать сообщеніямъ ея съ внутренностію страны и съ Варшавой; войска Дерфельдена должны были направиться отъ Ольвіополя на Бугѣ во флангъ полякамъ и въ тоже время Леванидовъ отъ Василькова заходилъ имъ въ тылъ.

Сообразуясь съ основными директивами плана военныхъ дѣйствій, отдѣльные корпуса начали чрезвычайно мастерскую игру: постепенными маршами своими на флангахъ и въ тылу непріятеля они не давали ему опомниться и стать гдѣ либо твердою ногой, гнали поляковъ съ одной позиціи на другую до самой Варшавы. Какъ было условлено раньше, генералъ Дерфельденъ 7-го мая перешелъ у Ольвіополя черезъ границу, зашелъ непріятелю въ тылъ и направился на Умань.

Одновременно съ началомъ военныхъ дѣйствій, противники новой конституціи, польскіе магнаты Потоцкій, Браницкій и Ржевускій отправились въ пограничное мѣстечко Тарговицы и обнародовали здѣсь конфедерацію.

Весьма естественно, что непріятель обратилъ все свое вниманіе на происходившее въ Тарговицахъ и двинулъ сюда часть войскъ; пользуясь этимъ, генералы Кутузовъ и Дунинъ

[1]) Пѣхота: Апшеронскій, Смоленскій, Днѣпровскій и Углицкій мушкетерскіе полки; Екатеринославскій и Кіевскій егерскіе четырыхъ-баталіонные полки. Кавалерія: Воронежскій и Ольвіопольскій гусарскіе, Кіевскій и Глуховской карабинерные и Елисаветградскій конно-егерскій полки; одинъ полкъ малороссійскихъ регулярныхъ казаковъ и 5 донскихъ казачьихъ полковъ: Астахова, Денисова, Орлова, Серебрякова и Янова. Полевой артиллерій: первый канонирскій полкъ.

перешли 8-го мая у Косницы и Могилева через Днѣстръ и направились форсированными маршами: первый через Шаргородъ къ Винницѣ, у верховьевъ Буга, а второй через Томашполь и Шпиковъ къ Рогознѣ, расчитывая атаковать правое крыло польской арміи. Какъ только князь Понятовскій узналъ объ опасности, угрожавшей его правому флангу, то, не вдаваясь въ обманъ демонстраціями Дерфельдена, онъ началъ чрезвычайно быстро отступать изъ различныхъ позицій своихъ через Винницу и Яновъ на Пиковъ, гдѣ 31-го мая успѣлъ присоединить къ себѣ отряды Віельгорскаго, Костюшки и Гроховскаго, отступавшие передъ Леванидовымъ через Бердичевъ.

Польскія войска, утомленныя усиленными переходами и потерпѣвшія нѣсколько пораженій въ небольшихъ кавалерійскихъ стычкахъ, совершенно упали духомъ и отъ гордой самонадѣянности перешли къ полному унынію. Нравственный духъ поляковъ не оживился даже и по соединеніи всѣхъ частей ихъ арміи, они хорошо знали; что генералы Каховскій и Дунинъ слѣдуютъ за ними по пятамъ: оба эти отдѣленія русской арміи, соединясь въ Литинѣ, двигались къ Хмѣльнику, а Дерфельденъ шелъ на Погребище, угрожая лѣвому флангу непріятеля. Вытѣсненная изъ Подоліи, польская армія поспѣшно отступала къ Любарю на Волыни, гдѣ на обширной равнинѣ заняла позицію; лѣвымъ флангомъ она примыкала къ городу, правымъ — къ болотамъ, а передъ фронтомъ позиціи протекала рѣка Случь, на которой всѣ мосты были уничтожены. Здѣсь князь Понятовскій надѣялся держаться нѣсколько времени.

Между тѣмъ, русскія войска находились уже недалеко и обходили поляковъ со всѣхъ сторонъ; роль Кутузова перешла къ Леванидову: послѣдній, перейдя отъ Бердичева къ Чуднову, долженъ былъ идти на Мирополье, въ тылъ стоявшей у Любаря непріятельской арміи; генералъ Каховскій направлялся через Старую Синяву на Острополье, съ цѣлью, переправившись здѣсь через рѣку Случь, атаковать непріятеля. У Хмѣльника оставленъ авангардъ (4 баталіона пѣхоты и 12 эскадроновъ кавалеріи), подъ начальствомъ генералъ-маіора Маркова, который, демонстраціями своими противъ фронта непріятельской позиціи, маскировалъ обходный маршъ Каховскаго. Дерфельденъ получилъ приказаніе оставаться въ Погребищѣ, для прикрытія тыла и сообщеній главныхъ силъ, а также чтобы поддержать тарговицкихъ конфедератовъ.

Прошелъ уже мѣсяцъ, какъ русскіе вступили въ Польшу, но еще не произошло ни одного серьезнаго дѣла; наконецъ, занятіе непріятелемъ позиціи у Любаря заставляло предполагать, что Понятовскій намѣренъ принять сраженіе. 3-го іюня, послѣ переправы у Острополья, Каховскій двинулся на Вышнеполь, имѣя намѣреніе на слѣдующій день атаковать поляковъ; въ то же время войска Леванидова должны были заградить имъ путь въ Полонное. Оставайся поляки на позиціи у Любаря, они неминуемо потерпѣли бы пораженіе; но князь Понятовскій угадалъ грозившую ему опасность и по первому извѣстію о наступленіи Леванидова противъ своего лѣваго фланга, отрядилъ для прикрытія его къ Чарторыи генерала Костюшку. Когда же онъ узналъ о приближеніи съ другой стороны Каховскаго, то рано утромъ, 4-го іюня, снялся съ лагеря у Любаря и тремя колоннами двинулся через Чарторыю, Борушковичи и Деревичи къ Полонному; сюда же шелъ и Леванидовъ.

Теперь все зависѣло отъ того, кто прибудетъ первый къ Полонному: Леванидовъ ли, которому приходилось сдѣлать всего только одинъ небольшой переходъ, или Понятовскій, которому предстоялъ дальній путь. Но, къ сожалѣнію, недостатокъ въ Леванидовѣ рѣшительности совершенно испортилъ искусно составленный планъ. Уже мостъ через рѣку Случь былъ наведенъ и войска готовились къ выступленію, когда генералъ Леванидовъ

получилъ извѣстіе, что Костюшко имѣетъ намѣреніе переправиться у Чарторыи, съ цѣлью напасть на него съ тылу.

Хотя маневръ польскаго генерала являлся одною только демонстраціею, тѣмъ не менѣе онъ заставилъ Леванидова не двигаться дальше Мирополья, изъ опасенія быть атакованнымъ съ фронта Понятовскимъ, а съ тылу Костюшкой. Пользуясь этимъ, польскій главнокомандующій со всѣми войсками безпрепятственно шелъ прямымъ путемъ къ Полонному, прежде чѣмъ отдѣленія Кутузова и Дунина могли зайти ему въ тылъ. Такимъ образомъ, Понятовскаго съ главными силами, благодаря оплошности генерала Леванидова, пропустили.

За то двѣ другія его колонны, одна съ обозами, а другая Віельгорскаго, не ускользнули отъ русскихъ войскъ.

Ничего не зная объ отступленія польской арміи, генералъ Каховскій выступилъ изъ Вышнеполя и направился къ Любарю. Еще раньше того, къ Хмѣльнику, на подкрѣпленіе авангарда Маркова, высланы были 4 баталіона пѣхоты (Апшеронскій и Смоленскій полки) и два полка кавалеріи; Каховскій предписалъ генералу Маркову производить со своимъ отрядомъ маневрированіе, чтобы замаскировать движеніе главныхъ силъ къ Острополью.

3-го іюня, когда войска наши сблизились у Вышнеполя, впереди показалась непріятельская конница, вступившая въ перестрѣлку съ донскими казаками. Высланная въ подкрѣпленіе казакамъ колонна изъ пѣхоты и регулярной кавалеріи принудила поляковъ отступить, съ потерею 30 убитыхъ и 12 взятыхъ въ плѣнъ. Въ три часа пополуночи, 4-го іюня, главныя силы начали переправляться по четыремъ мостамъ, черезъ болотистый ручей, протекавшій передъ фронтомъ лагернаго расположенія; затѣмъ онѣ перестроились въ двѣ колонны и направились къ непріятельской позиціи. Въ 6-ти верстахъ отъ нея стало замѣтно, какъ войска праваго крыла поляковъ потянулись внизъ по берегу рѣки Случи къ мѣстечку Чарторыи, оставя влѣво отъ себя рѣчки Деревчицу и Молочную; для прикрытія отступленія и занятія переправъ, Понятовскій отправилъ къ деревнѣ Деревчицѣ, лежавшей по дорогѣ къ Полонному, около 4.000 пѣхоты, а десять эскадроновъ кавалеріи заняли Любарь, чтобы прикрыть находившіеся въ немъ магазины.

Какъ только Каховскій узналъ объ отступленіи польской арміи, то онъ усиленнымъ маршемъ двинулся къ деревнямъ Дижавщизнѣ и Динковцѣ; здѣсь наскоро были сдѣланы два моста черезъ рѣчку Бездонная Криница и поправлена испорченная непріятелемъ плотина. Въ преслѣдованіе за непріятелемъ Каховскій послалъ донскихъ казаковъ; они нагнали шедшій сзади непріятельской арміи обозъ и вступили въ дѣло съ прикрытіемъ его. Въ помощь казакамъ отправленъ былъ генералъ-маіоръ Тормасовъ съ нѣсколькими кавалерійскими полками. Атакованная съ двухъ сторонъ, польская конница отступила въ близлежащій лѣсъ, оставивъ на мѣстѣ до 200 человѣкъ убитыми.

Въ это время замѣчена была и непріятельская пѣхота, прикрывавшая другую часть своихъ продовольственныхъ магазиновъ; для атаки ея отряженъ генералъ-маіоръ Марковъ, съ егерскимъ корпусомъ. Марковъ приказалъ полковнику Салтыкову, съ двумя егерскими баталіонами слѣдовать влѣво, а самъ онъ, съ двумя другими баталіонами, пошелъ направо и прогнавъ аріергардъ польской колонны, разбилъ его. и захватилъ весь магазинъ.

Между тѣмъ, Салтыковъ, подойдя по узкой лѣсной дорогѣ къ переправѣ при деревнѣ Деревчицѣ, встрѣтился съ превосходными силами непріятеля (то была колонна Віельгорскаго) и вступилъ съ нимъ въ бой. Не смотря на все мужество егерей, положеніе ихъ, въ виду несоразмѣрности силъ, съ каждою минутою дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ; сраженіе продолжалось уже два часа и Салтыковъ хотѣлъ начать отступленіе, когда совершенно кстати подоспѣли на помощь Апшеронскій полкъ и баталіонъ Кіевскихъ гренадеръ,

подъ начальствомъ полковника князя Лобанова-Ростовскаго. Смѣнивъ усталыхъ егерей, Лобановъ-Ростовскій повелъ свой полкъ въ штыки. Дружнымъ ударомъ Апшеронцы смяли непріятеля и обратили его въ бѣгство; часть поляковъ пустилась въ бродъ черезъ прудъ и вязла въ болотѣ. Во время этой славной атаки особенно отличились поручикъ Грессеръ и прапорщикъ Каменевъ, которые отбили 7 мѣдныхъ пушекъ [2]. Побѣда одержана была полная; непріятель потерялъ до 600 человѣкъ убитыми, въ плѣнъ захвачены: 1 маіоръ, 6 оберъ-офицеровъ, 6 намѣстниковъ, 19 товарищей, 4 капрала и 345 рядовыхъ. Побѣдителямъ досталось: 7 мѣдныхъ пушекъ, множество оружія, весь подвижной съ хлѣбомъ магазинъ и военная казна. Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 26 и ранено 72, изъ числа коихъ Апшеронскаго полка убито 4 и ранено 11 рядовыхъ [3].

Въ числѣ отличившихся, кромѣ упомянутыхъ офицеровъ, генералъ Каховскій называетъ еще Апшеронскаго полка преміеръ-маіора Клугена, «дѣйствовавшаго съ отмѣнною храбростію».

Побѣда 4-го іюня имѣла большое значеніе, повліявъ морально на духъ польской арміи она лишила поляковъ энергіи и среди войскъ ихъ начались всевозможныя неурядицы.

Внѣ всякаго сомнѣнія, побѣда была бы еще полнѣе, еслибы генералъ Леванидовъ преградилъ Понятовскому путь въ Полонное. Въ послѣднемъ у непріятеля находились значительные магазины и производились поспѣшныя работы по укрѣпленію города и устройству укрѣпленнаго лагеря; здѣсь князь Понятовскій намѣренъ былъ нѣкоторое время держаться.

Въ ночь на 5-е іюня, совершенно изнеможенные отъ труднаго и большаго перехода, поляки достигли города и расположились въ немъ; остатки колонны Віельгорскаго пришли позже всѣхъ и ночевали въ окрестныхъ поляхъ.

Слѣдуя по пятамъ за бѣгущимъ непріятелемъ, генералъ Каховскій, 9-го іюня, прибылъ въ Заславль; здѣсь къ нему явился адъютантъ князя Понятовскаго, съ предложеніемъ перемирія на четыре недѣли. Не имѣя полномочій входить въ какіе бы то ни было переговоры, Каховскій отвѣтилъ, что «будетъ продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока въ Польшѣ останется хотя одна партія или какое либо скопище войскъ, противное генеральной конфедераціи и великодушнымъ намѣреніямъ Императрицы, искреннее желаніе которой состоитъ въ возвращеніи республикѣ вольности и законовъ ея, уничтоженныхъ конституціею 3-го мая». Продолжавшіеся нѣсколько дней переговоры, во время которыхъ военныя дѣйствія были пріостановлены, дали полякамъ возможность оправиться. Каховскій съ первымъ отдѣленіемъ выступилъ изъ Заславля 14-го іюня и пошелъ къ Острогу; корпусъ генерала Дунина онъ направилъ къ Черняхову, а Леванидова — къ Гощѣ.

Мѣстечко Острогъ перерѣзано рѣчкою на двѣ половины, изъ нихъ одна была сильно укрѣплена и снабжена достаточнымъ гарнизономъ; у самаго Острога, на малодоступныхъ крутизнахъ и холмахъ, расположился лагеремъ князь Понятовскій, передъ фронтомъ его позиціи находились болота и рѣчки.

Въ 6 часовъ вечера того же числа, къ Острогу приблизились наши легкія войска и завязали перестрѣлку съ польскими пикетами. Для занятія неукрѣпленной части мѣстечка, генералъ Каховскій выслалъ полковника Салтыкова съ 2-мя баталіонами егерей, при 3-хъ полевыхъ орудіяхъ, а передъ форштадтомъ стали два другіе баталіона и донской казачій полкъ, при 7-ми орудіяхъ. Удачный огонь русской артиллеріи принудилъ непріятельскія батареи умолкнуть, но наступившая ночь прекратила сраженіе; войска оставались въ боевомъ порядкѣ на своихъ мѣстахъ и ночевали безъ палатокъ.

---

[2]) Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ отъ 29-го іюня 1799 года. № 52.

[3]) Тамъ-же.

Утромъ, 15-го іюня, замѣчено было, что значительный непріятельскій отрядъ занялъ францисканскій монастырь Менжерицу, съ цѣлью помѣшать переправѣ нашихъ войскъ. Тогда генералъ-аншефъ Каховскій отрядилъ генералъ-маіора Маркова съ Апшеронскимъ и Смоленскимъ пѣхотными и тремя кавалерійскими полками, при 10-ти орудіяхъ, чтобы сбить поляковъ съ занятой ими позиціи. Подойдя къ Менжерицѣ, генералъ Марковъ построилъ изъ имѣвшихся у него орудій батарею и открылъ по непріятелю сильный огонь, принудившій польскія батареи замолчать. Вслѣдъ за тѣмъ батарея открыла огонь по самому мѣстечку Острогу и вскорѣ зажгла его. Узнавъ о переправѣ нашей кавалеріи при Черняховѣ и опасаясь нападенія съ тылу, поляки на разсвѣтѣ, 16-го іюня, отступили по двумъ дорогамъ къ Дубно, а отсюда ушли за рѣку Бугъ, намѣреваясь защищать линію этой рѣки и предавъ во власть русскихъ всю южно-русскую землю.

26-го іюня Каховскій прибылъ во Владиміръ; здѣсь онъ на нѣкоторое время остановился, чтобы дать отдыхъ войскамъ. 4-го іюля отрядъ выступилъ изъ Владиміра и 6-го числа подошелъ къ Бугу у мѣстечка Кладнева.

Отсюда Каховскій направилъ отрядъ Леванидова къ Любимлю, а генерала Тормасова послалъ къ Турчанамъ, съ цѣлью, перейдя въ разныхъ мѣстахъ рѣку Бугъ, охватить польскую армію со всѣхъ сторонъ. Въ составъ войскъ отряда генерала Тормасова вошелъ и Апшеронскій полкъ.

Непріятель расположился у Дубенки. Желая помѣшать русскимъ перейти Бугъ, поляки сожгли паромы и набросали въ воду острозубчатыхъ колесъ для порчи лошадиныхъ ногъ. Однако, русскіе нашли два парома неуспѣвшіе еще сгорѣть. На нихъ переправился черезъ рѣку авангардъ, который подъ выстрѣлами изъ непріятельскихъ орудій помогъ навести понтоны, и 7-го іюля главныя силы арміи перешли на лѣвый берегъ Буга.

Ближайшую къ русскимъ войскамъ позицію занималъ корпусъ польскаго генерала Костюшко; правымъ флангомъ она примыкала къ деревнѣ Волѣ, за которою уже начиналась австрійская граница, а лѣвымъ упиралась въ утесистый берегъ Буга. Впереди фронта позиціи непріятель построилъ батареи.

Переправившаяся на лѣвый берегъ наша армія, за выдѣленіемъ корпусовъ Тормасова и Леванидова, не превышала 19.000 человѣкъ, у поляковъ же насчитывалось 16.000. Генералъ Каховскій построилъ войска въ три колонны, изъ коихъ двѣ крайнія должны были охватить непріятеля съ фланговъ, а средняя атаковывала центръ. Послѣ довольно упорнаго сопротивленія, непріятель на всѣхъ пунктахъ былъ разбитъ и отступилъ въ австрійскіе предѣлы. Въ тотъ же день корпусъ генерала Тормасова разбилъ поляковъ у Дороуста.

Въ 3 часа по полуночи Тормасовъ выступилъ изъ лагеря при мѣстечкѣ Замлыньи и направился къ Дороусту [4]. Не доходя пяти верстъ до деревни Бересцы, онъ отправилъ впередъ полковника Владычина съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, приказавъ ему отвлечь главныя силы поляковъ отъ дѣйствительнаго мѣста переправы. Владычинъ, подойдя къ Бугу, завладѣлъ бродами и поставилъ у нихъ посты. Нѣсколько непріятельскихъ баталіоновъ показались на противуположной сторонѣ и завели оживленную перестрѣлку съ русскими. Тѣмъ временемъ генералъ Тормасовъ избралъ мѣсто для переправы, приготовилъ понтоны и фашины, а за тѣмъ, подъ прикрытіемъ лѣса и лощинъ, повелъ войска къ Дороусту. Дорогу открывала команда казаковъ, а всѣ остальныя войска шли двумя колоннами въ такомъ порядкѣ: въ правой колоннѣ — одинъ казачій и одинъ карабинерный полки; въ лѣвой — 200 человѣкъ охотниковъ, за ними 100 піонеровъ, 4 баталіона екатеринославскихъ

4) Вѣроятно Дорогускъ.

егерей, 12 орудій, пѣхотный полкъ (Днѣпровскій), 12 орудій и въ аріергардѣ Апшеронскій полкъ. Между тѣмъ непріятель спѣшилъ со всѣхъ окрестныхъ селъ къ мѣсту переправы; поляки выстроили батареи и открыли по приближавшимся войскамъ сильный огонь. Не доходя рѣки, генералъ Тормасовъ отдѣлилъ часть войскъ вправо, къ деревни Волченцамъ; остановясь противъ брода, войска эти выдвинули впередъ орудія и открыли изъ нихъ по массировавшемуся непріятелю огонь. Первый баталіонъ Апшеронскаго полка, прикрывая батарею, состоявшую изъ 8-ми орудій, защищалъ фланги боевыхъ линій; второй баталіонъ отправленъ былъ къ Волченцамъ на подкрѣпленіе конницѣ и въ то же время прикрывалъ устроенную здѣсь батарею изъ 4-хъ орудій. Сосредоточенный и весьма удачный огонь нашей артиллеріи принудилъ орудія противника умолкнуть; войскамъ приказано подвигаться впередъ и, прійдя къ рѣкѣ, начать наводку моста. Несмотря на всѣ усилія поляковъ помѣшать работамъ, онѣ произведены были безъ особыхъ потерь. Какъ только навели мостъ, тотчасъ черезъ него перешла кавалерія и баталіонъ Апшеронскаго полка для преслѣдованія уже отступавшаго непріятеля, но онъ такъ быстро разсѣялся, что успѣли захватить только 5 человѣкъ плѣнныхъ. Потеря поляковъ простиралась до 600 человѣкъ, а русскимъ войскамъ это дѣло стоило 27 убитыхъ и 52 раненыхъ, среди послѣднихъ одинъ оберъ-офицеръ [5]).

Разбитая въ двухъ пунктахъ, польская армія отходила къ Люблину, куда вслѣдъ за нею шелъ и Каховскій со всѣми войсками; 14-го іюля онъ вступилъ въ этотъ городъ, а корпусъ генерала Леванидова послалъ къ Бресту, на соединеніе съ арміею Кречетникова, дѣйствовавшаго въ Литвѣ.

Сраженіемъ 7-го іюля закончились военныя дѣйствія арміи генералъ-аншефа Каховскаго. Успѣхи наши въ Литвѣ были еще осязательнѣе: литовская армія потерпѣла нѣсколько пораженій и русскіе заняли города Вильну, Несвижъ, Новогродекъ и Слонимъ.

Устрашенный блистательными успѣхами русскаго оружія, польскій король Станиславъ-Августъ обратился къ Императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою о перемиріи. «Еще разъ повторяю, писалъ король, не отриньте, заклинаю васъ, моей усердной мольбы, дайте намъ перемиріе какъ можно скорѣе; смѣю повторить, все, что я вамъ предложилъ, будетъ принято и исполнено націею, лишь бы Вы снисходительно удостоили принять средства, нами представленныя» [6]).

Императрица согласилась на перемиріе, а вслѣдъ затѣмъ начались переговоры о мирѣ и въ то же время русское правительство вступило въ тайную переписку съ Пруссіею о второмъ раздѣлѣ Польши. Переговоры тянулись почти цѣлый годъ, и русскія войска оставались все это время въ Польшѣ; Апшеронскій полкъ расположенъ былъ въ Брестѣ.

Наконецъ, 22-го іюля, на сеймѣ собранномъ въ городѣ Гродно, польскіе депутаты подписали трактатъ объ уступкѣ Россіи: Волыни, Подоліи и Минской области. «Русскій посолъ въ Польшѣ, Сиверсъ, устроилъ великолѣпный обѣдъ, пригласилъ къ нему иностранныхъ министровъ, иныхъ знатныхъ особъ и польскую депутацію, покончившую съ нимъ дѣло. Пушечные выстрѣлы при заздравныхъ тостахъ возвѣстили радость Россіи о присоединеніи своего древняго достоянія и позоръ Рѣчи Посполитой, такъ постыдно уступившей его послѣ долгаго владѣнія» [7]).

По тому же трактату Пруссія получила Великопольскія воеводства съ городами Данцигомъ и Торномъ. Такимъ образомъ, второй раздѣлъ Польши уменьшилъ ея територію почти на половину.

---

5) Прибавленіе къ № 66 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1792 годъ.
6) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Стр. 503.
7) Тамъ же. Стр. 618.

Польскія войска были частью обезоружены, частью присоединены къ русскимъ войскамъ, занимавшимъ вновь присоединенныя области. Въ ноябрѣ 1792 года войска получили окончательное размѣщеніе на зимнія квартиры и Апшеронскій полкъ, войдя въ составъ 2-го корпуса генералъ-поручика Леванидова, расположился въ окрестностяхъ города Слуцка [8].

Приготовленія къ войнѣ, дѣлаемыя Турціею въ 1793 году, обратили на себя вниманіе нашего правительства. На случай войны съ этимъ государствомъ образована была армія, предназначенная для дѣйствій за Днѣстромъ. Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 1-й части этой арміи, которая должна была сосредоточиться при мѣстечкѣ Жванцѣ и отсюда направиться за Днѣстръ для овладѣнія Хотиномъ [9]. Однако, опасенія Россіи оказались напрасными: въ Турціи были слишкомъ еще памятны уроки, данные ей въ прошлую кампанію, а полное истощеніе государства не позволяло даже и мыслить о столь скоромъ начатіи новой войны. Въ этомъ году Апшеронскій полкъ переведенъ въ Изяславскую губернію и поступилъ въ корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена, а въ маѣ 1794 года поставленъ въ городѣ Владимірѣ.

Второй раздѣлъ Польши явился весьма тяжелымъ ударомъ для творцевъ конституціи 3-го мая и они начали изыскивать всевозможныя средства, чтобъ поднять возстаніе въ странѣ и возвратить Польшѣ утраченныя ею владѣнія. Во главѣ заговора сталъ генералъ Костюшко — человѣкъ энергичный, весьма даровитый и лично храбрый. Заправилы возстанія собирали деньги, необходимыя для военныхъ дѣйствій, разсылали агентовъ для вербовки войска, устраивали склады оружія и т. п. Въ началѣ 1794 года возстаніе въ Польшѣ уже вполнѣ назрѣло и не замедлило вспыхнуть.

Согласно постановленія Гродненскаго сейма, тѣ польскія войска, которыя не пожелали перейти на русскую службу, должны были быть распущены. Одинъ изъ польскихъ генераловъ, Мадалинскій, командовавшій конною бригадою, отказался исполнить требованіе о роспускѣ войскъ и выступилъ изъ Пултуска въ Краковъ. По дорогѣ онъ разбилъ встрѣтившійся ему русскій полкъ и эскадронъ прусскихъ драгунъ и безпрепятственно вступилъ въ Краковъ. Этотъ случай послужилъ сигналомъ возстанія, которое и началось въ разныхъ мѣстахъ Польши. Вскорѣ прибылъ изъ заграницы генералъ Костюшко и принялъ начальство надъ инсургентами.

Первые шаги повстанцевъ сопровождались успѣхами: такъ подъ мѣстечкомъ Рославицами Костюшко разбилъ соединенные отряды генераловъ Тормасова и Денисова и взялъ нѣсколько пушекъ и знаменъ.

Генералъ Игельстромъ еще за мѣсяцъ до того, какъ вспыхнуло возстаніе, зналъ о тревожномъ состояніи умовъ въ Польшѣ и предугадывалъ о готовящемся возстаніи.

Еще въ мартѣ 1794 года онъ писалъ объ этомъ генералу Дерфельдену, сообщалъ ему, что въ Польшѣ образовываются конфедератскіе отряды [10] и просилъ присылки подкрѣпленія, но такой не послѣдовало.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ просьбъ, генералъ Дерфельденъ отправилъ изъ Изяславской губерніи въ Дубенки, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника князя Лобанова-Ростовскаго, Апшеронскій полкъ, 2 баталіона Фанагорійскаго полка

---

[8]) Дѣло № 1216. Военно-Ученый Архивъ. Отъ города Минска до Риги, по границѣ Литвы стоялъ корпусъ главнокомандующаго войсками въ Польшѣ, генералъ-аншефа князя Репнина; на Волыни и въ Подоліи расположенъ былъ корпусъ графа Салтыкова, командовавшаго войсками въ новоприсоединенныхъ провинціяхъ и въ Малороссіи, въ числѣ этихъ войскъ находилось 15.000 крайне ненадежныхъ польскихъ войскъ, перешедшихъ въ русскую службу. Въ Варшавѣ и прилежащихъ провинціяхъ, подчиненныхъ еще польскому королю Станиславу-Августу, стоялъ корпусъ генерала Игельстрома, который поддерживалъ связь съ двумя прусскими корпусами.

[9]) Тамъ же. Секретный рескриптъ Императрицы Екатерины князю Долгорукову.

[10]) Отзывъ барона Игельстрома генералъ-поручику Дерфельдену отъ 19 марта за № 70. Дѣло № 1216. Военно-Ученый Архивъ.

*

и Херсонскій легкоконный полкъ, при 4-хъ орудіяхъ [11]). Впрочемъ, эти войска не успѣли сдѣлать и нѣсколькихъ переходовъ, какъ пришло извѣстіе о разразившейся въ Варшавѣ катастрофѣ, и князю Лобанову предписано было возвратиться.

Въ Варшавѣ съ Игельстромомъ находилось 8.000 человѣкъ. 17-го апрѣля, въ четвергъ на страстной недѣлѣ, русскія войска совершенно неожиданно подверглись нападенію стоявшихъ въ городѣ польскихъ войскъ (перешедшихъ на русскую службу) и черни.

«Въ Варшавѣ возрасталъ ужасный шумъ, набатный звонъ гудѣлъ во всѣхъ костелахъ, выстрѣлы, свистъ пуль, неистовый крикъ убивающихъ: «до брани, бей москаля! кто въ Бога вѣруетъ, бей москаля!» вопли умирающихъ, лай и вой испуганныхъ собакъ. Убивали не однихъ русскихъ. Довольно было указать въ толпѣ на кого угодно и закричать, что онъ москальнаго духа, что онъ продалъ себя русскимъ, — и толпа расправлялась съ нимъ, какъ и съ русскимъ».

«Калинскій (одинъ изъ вожаковъ возстанія) бросился на улицу Подвало, думая оттуда напасть на домъ русскаго посольства, выходившій главнымъ фасомъ на Медовую, но Игельстромъ былъ уже предувѣдомленъ. Генералъ-квартирмейстеръ Писторъ, помѣщающійся недалеко отъ желѣзной брамы Саксонскаго сада, узналъ о первомъ нападеніи конной гвардіи на русскій пикетъ и прискакалъ къ Игельстрому, прежде чѣмъ заговорщики успѣли начать свое дѣло. Игельстромъ, узнавъ о возстаніи, далъ знать генераламъ Апраксину и Зубову, чтобы собрать около себя стоявшее близко войско» [12]).

Разбросанныя по всему городу русскіе защищались съ замѣчательнымъ мужествомъ, но подавляемые численнымъ превосходствомъ разъяренныхъ фанатиковъ, погибали.

«Солдаты 3-го баталіона Кіевскаго полка въ этотъ день причащались, они собрались гдѣ то въ устроенной въ палацѣ церкви. Было ихъ человѣкъ пятьсотъ. По извѣстіямъ Пистора, всѣхъ находившихся въ церкви перерѣзали безоружныхъ. Другая часть баталіона, составлявшая не болѣе двухъ ротъ, лишившись своего маіора, была принята подъ начальство генерала Тищова, и окруженная разъяренною толпою и конною гвардіею не могла долго биться. Поляки кричали солдатамъ: «кладите оружіе и отступите отъ него», но офицеры говорили: «лучше умереть, чѣмъ сдаваться вамъ». Однако, выстрѣливши всѣ заряды до послѣдняго, солдаты, тѣснимые превозмогающей силой, стали класть оружіе. Поляки забрали его, солдатъ отвели въ цейхгаузъ, а офицеры, рѣшившіеся умереть съ оружіемъ, были избиты» [13]).

Въ революціи участвовала исключительно чернь, толпы ремесленниковъ, прислуга, дворники и чернорабочіе, евреи тоже принимали участіе. Современники событія опредѣляютъ число повстанцевъ приблизительно въ 20.000 человѣкъ.

Русскіе войска потеряли во время рѣзни 2.265 человѣкъ убитыми, 121 ранеными и 1.764 плѣнными (въ числѣ послѣднихъ 161 офицеръ), т. е. больше половины (всего въ Варшавѣ находилось 7.948 человѣкъ). Несчастіе произошло вслѣдствіе плохой распорядительности Игельстрома, который разставилъ войска въ разныхъ частяхъ города, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ поближе къ себѣ; не далъ надлежащихъ распоряженій какъ дѣйствовать въ случаѣ возстанія, не ввелъ болѣе войска въ городъ, не предупредилъ въ пору поляковъ строгими мѣрами, не забралъ у нихъ арсенала, и, наконецъ, не умѣлъ съ поляками обращаться, хотя нельзя отказать ему въ храбрости и неустрашимости: подъ нимъ убиты

---

[11]) Тамъ-же. Рапортъ Игельстрома графу Ивану Салтыкову отъ 2 апрѣля за № 59.

[12]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Стр. 727.

[13]) Тамъ-же, стр. 731 — 732.

были двѣ лошади, онъ самъ получилъ рану въ лицо, и мундиръ на немъ былъ пробитъ пулею, вѣроятно на излетѣ [14].

Собравъ остатки своего корпуса, генералъ Игельстромъ 18-го апрѣля отступилъ изъ Варшавы къ Бабинцамъ, гдѣ присоединилъ къ себѣ отрядъ пруссаковъ. Отсюда онъ пошелъ къ Зегрину.

Точно такая же исторія произошла и въ городѣ Вильно, гдѣ русскій гарнизонъ былъ частью перебитъ, частью забранъ въ плѣнъ, въ то время когда солдаты и офицеры безмятежно предавались сну.

Поляки имѣли намѣреніе произвести рѣзню и въ Гродно, но командовавшій войсками въ этомъ городѣ, генералъ-маіоръ князь Циціановъ, своевременно узналъ о грозившей ему опасности, вывелъ войска за городъ и объявилъ жителямъ, что въ случаѣ возстанія онъ разрушитъ городъ.

По соединеніи отрядовъ генералъ-поручиковъ Дерфельдена и Загряжскаго, они 27-го мая переправились у мѣстечка Дубенки черезъ рѣку Бугъ и стали лагеремъ. Противъ нашихъ войскъ дѣйствовалъ польскій генералъ Заіончекъ, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы прервать сообщенія отдѣльныхъ русскихъ отрядовъ и въ то же время прикрывать направлявшіеся къ Варшавѣ транспорты съ продовольствіемъ. Генералъ Деревфельденъ рѣшилъ двинуться на встрѣчу Заіончеку и разбить его. Выдѣливъ изъ состава войскъ авангардъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ полковъ кавалеріи, при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Зубова, Дерфельденъ остальныя части корпуса раздѣлилъ на двѣ равносильныя колонны: правою, въ которой находился и Апшеронскій полкъ, командовалъ генералъ-поручикъ Загряжскій, а лѣвою — генералъ-маіоръ Ласси.

Главная позиція непріятеля—у мѣстечка Холмъ, окружена была рядомъ сильныхъ постовъ; охранительная цѣпь, въ видѣ непрерывной линіи, тянулась отъ австрійской границы къ Бугу, или точнѣе, отъ деревни Ростоки до Дорогуска; у послѣдняго пункта поляки, повидимому совсѣмъ не ожидали нападенія, вслѣдствіе чего здѣсь посты были слабѣе и рѣже. Желая скрыть отъ непріятеля соединеніе отрядовъ и въ то же время произвести атаку возможно неожиданнѣе, генералъ Дерфельденъ направилъ колонну Загряжскаго къ Дорогуску, а съ авангардомъ и лѣвою колонною на разсвѣтѣ, 3-го іюня, пошелъ къ Холму. Избранный для движенія путь пролегалъ черезъ селенія: Ростоки, Кляштово и Волковяно. Пользуясь выгодами своей позиціи, непріятель особенно зорко слѣдилъ за дорогами изъ Дубенки и разставилъ по нимъ многочисленные конные пикеты.

Когда передовой русскій отрядъ приблизился къ деревнѣ Воля, то поляки открыли по немъ сильный ружейный огонь. Тѣмъ не менѣе авангардъ графа Зубова, отражая на каждомъ шагу нападенія противника, неуклонно шелъ черезъ лѣсъ къ Холму. Во время перестрѣлки въ лѣсу, стоившей намъ только двухъ раненыхъ казаковъ, поляки потеряли 80 человѣкъ убитыми и 25 взятыми въ плѣнъ.

Въ полдень авангардъ и войска лѣвой колонны вышли изъ лѣсу на поляну у корчмы Колногуза и отсюда открылась вся непріятельская позиція. Между тѣмъ, поляки, незная о соединеніи войскъ Дерфельдена и Загряжскаго, предполагали что передъ ними только авангардъ послѣдняго. Заіончекъ вывелъ всѣ свои банды изъ Холма и занялъ высокую гору впереди мѣстечка; по скату горы онъ построилъ войска въ три линіи, прикрывъ боевое расположеніе разставленными впереди толпами косоносцевъ и конницею [15].

---

[14]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Стр. 741.

[15]) Косоносцами назывался сбродъ, вооруженный чѣмъ попало: косами, топорами, вилами и даже кольями.

Избранная непріятелемъ позиція имѣла много выгодъ. Высокая гора, на которой лежитъ мѣстечко Холмъ, командуетъ окружающей мѣстностью, всѣ же ближайшія мѣста были покрыты болотами, рѣчками и кустами; черезъ нихъ проходила къ Холму только одна дорога, которая, не доходя мѣстечка, упиралась въ такъ называемую Снесенскую гору, гдѣ поляки устроили сильный редутъ и двѣ батареи.

Съ цѣлью разстроить нашъ лѣвый флангъ, генералъ Заіончекъ направилъ лѣсомъ 1.000 человѣкъ пѣхоты и столько же конницы, при четырехъ орудіяхъ. Эти войска совершенно неожиданно появились передъ авангардомъ графа Зубова и открыли по немъ сильный огонь. Поддерживаемая дѣйствіемъ артиллеріи съ главной позиціи, польская конница нѣсколько разъ бросалась въ атаку. Графъ Зубовъ, оставаясь на мѣстѣ, отбивалъ натиски противника до тѣхъ поръ, пока колонна генерала Ласси не приняла вправо и не построилась фронтомъ къ непріятелю; когда же этотъ маневръ былъ исполненъ, то войска авангарда перешли въ наступленіе и принудили поляковъ отступить. Произведенная вслѣдъ за тѣмъ удачная атака нашей кавалеріи привела непріятеля въ полное замѣшательство и онъ обратился въ безпорядочное бѣгство, но не къ Холму, а черезъ деревни Стритино и Покровку къ Красному Ставу. Отбивъ непріятеля, авангардъ своимъ правымъ флангомъ примкнулъ къ лѣвому флангу войскъ Ласси и въ такомъ порядкѣ обѣ колонны подвигались къ Снесенской горѣ; чтобы меньше подвергаться перекрестному огню польскихъ батарей, войска имѣли косой фронтъ. Впереди, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, двигались четыре орудія, которыя огнемъ своимъ должны были поддерживать атаку. Видя передъ собою незначительныя силы русскихъ, польскій генералъ отдалъ уже приказаніе перейти въ наступленіе, но въ это время изъ лѣсу стали выходить войска генерала Загряжскаго: несмотря на весьма большой обходъ и на сильно пересѣченную мѣстность, они успѣли своевременно подоспѣть къ сраженію. Выйдя изъ лѣсу, Загряжскій быстро и съ полнымъ порядкомъ развернулъ войска и отправилъ къ четыремъ орудіямъ, дѣйствовавшимъ уже противъ Снесенской горы, еще 4 орудія изъ своей колонны. Когда наша артиллерія достаточно обстрѣляла непріятельскую позицію, то въ атаку направленъ былъ Апшеронскій полкъ и баталіонъ Тульскаго полка, подъ общимъ начальствомъ полковника князя Лобанова-Ростовскаго. «Они неустрашимо взошли на гору, штыками прогнали многочисленнаго непріятеля и завладѣли редутомъ и батареею» [16].

Желая спасти хотя часть своей артиллеріи, Заіончекъ послалъ конницу атаковать русскіе баталіоны; но атака не имѣла успѣха: Апшеронскіе баталіоны отбили ее ружейнымъ огнемъ и неудержимо стремились впередъ. Поляки были совершенно разбиты и обратились въ безпорядочное бѣгство; для преслѣдованія ихъ генералъ Дерфельденъ послалъ три полка кавалеріи, которые гнали и рубили непріятеля на разстояніи шести верстъ. Сраженіе продолжалось болѣе девяти часовъ и окончилось полною побѣдою.

Въ донесеніи своемъ князю Репнину генералъ-поручикъ Дерфельденъ пишетъ: «я не могу найти довольно поразительныхъ словъ, чтобы изобразить рѣдкую храбрость и стремленіе вообще корпуса, и до сраженія уже утомленнаго отъ знатнаго черезъ безпрестанные и глубокіе пески перехода. Храбрость же войскъ генералъ-поручика Загряжскаго превышаетъ все, чтобы я могъ сказать» [17].

Исключая пяти тысячъ косоносцевъ, въ сраженіи при Холмѣ, подъ начальствомъ генераловъ Заіончека, Гоомана и Загурскаго находилось 8.000 регулярной пѣхоты, при 22-хъ орудіяхъ. Уронъ поляковъ превышалъ 1.000 человѣкъ одними убитыми, въ плѣнъ взято 420 человѣкъ регу-

[16] Донесеніе № 349. Дѣло № 1223. Военно-Ученый Архивъ.

[17] Тамъ же.

лярнаго войска и 830 косоносцевъ, послѣднихъ генералъ Дерфельденъ отпустилъ. Впрочемъ, потеря непріятеля была значительно больше, ибо впослѣдствіи нашли много тѣлъ, оставленныхъ въ лѣсу. Взято во время сраженія 8 пушекъ, нѣсколько хоругвей и множество мелкаго оружія. Всѣ означенные трофеи добыты преимущественно Апшеронскимъ полкомъ, которому принадлежала честь главной атаки и взятіе укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій.

У насъ убиты: одинъ оберъ-офицеръ и 25 нижнихъ чиновъ; ранены: 2 штабъ-офицера, 7 оберъ-офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ. Въ плѣнъ взятъ Херсонскаго легкоконнаго полка корнетъ Рандовъ. Изъ этого числа въ Апшеронскомъ полку ранены: *полковой адъютантъ подпоручикъ Степанъ Бояринцевъ; прапорщики: Густавъ Гильдебрандтъ и Василій Гололобовъ;* число убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ неизвѣстно.

Давъ утомленнымъ войскамъ необходимый отдыхъ, Дерфельденъ выступилъ изъ Холма и направился вслѣдъ за непріятелемъ, отступавшимъ къ Люблину. Занявъ послѣдній, русскія войска пошли дальше; 10-го іюня они остановились у мѣстечка Курово (верстахъ въ десяти отъ Пулаво). Здѣсь Дерфельденъ получилъ предписаніе прусскаго короля остаться у Вислы и угрожать нападеніемъ Варшавѣ. Простоявъ у Курова четыре дня, нашъ корпусъ двумя колоннами направился къ Брестъ-Литовску: правая колонна двигалась на Люрартово, а лѣвая (въ составѣ коей находился и Апшеронскій полкъ) — на Михово. Разгоняя по пути мятежническія шайки, наши войска 25-го іюня подошли къ Брестъ-Литовску и послѣ незначительнаго со стороны непріятеля сопротивленія, овладѣли имъ. Выдѣливъ изъ корпуса особый отрядъ, подъ начальствомъ бригадира Дивова, Дерфельденъ послалъ его къ Пинску, съ цѣлью разгонять тамъ мятежническія шайки, по мѣрѣ появленія ихъ, а самъ съ остальными войсками 1-го іюля выступилъ изъ Брестъ-Литовска къ Слониму; 9-го числа корпусъ остановился у мѣстечка Рожаны, въ одной милѣ отъ Слонима, и вступилъ въ связь съ отрядомъ князя Циціанова, стоявшаго у самого Слонима. Дальнѣйшія дѣйствія корпуса Дерфельдена, почти до штурма Праги, представляютъ мало интереснаго въ военномъ отношеніи, поэтому, для большей связи и ясности описанія польской войны, сдѣлаемъ краткій очеркъ дѣйствій пруссаковъ и остальныхъ русскихъ корпусовъ.

Въ то время, когда русскія войска дѣйствовали въ Восточной Польшѣ, съ западной стороны въ нее вступилъ съ войскомъ прусскій король. Въ концѣ іюня онъ подошелъ къ Торчину и вслѣдъ за тѣмъ предпринялъ осаду Варшавы. Но поляки имѣли искуснаго и энергичнаго защитника въ лицѣ генерала Костюшко, съ которымъ прусскому королю было не подъ силу справиться. Осада велась крайне безпорядочно, чрезвычайно медленно и скоро у пруссаковъ сталъ ощущаться недостатокъ въ продовольствіи и въ снарядахъ. Открылось сильное дезертирство, которое, въ связи съ развившимися болѣзнями, ослабило прусскую армію и вынудило короля отъ осады перейти къ блокадѣ. Видя, что открытой силою Варшавы не взять, прусскій король прибѣгнулъ къ угрозамъ и отправилъ польскому королю два письма, съ предложеніемъ сдать городъ. На второе письмо Станиславъ Понятовскій отвѣтилъ 2-го августа прусскому королю очень вѣжливымъ отказомъ и въ концѣ письма своего прибавилъ: «Польское войско, находясь подъ начальствомъ генералиссимуса Костюшко, отдѣляетъ Варшаву отъ стана Вашего Величества» [18]. Вскорѣ послѣ того пруссаки сняли блокаду Варшавы и отступили.

Неудачнымъ предпріятіемъ противъ столицы Польши закончился первый актъ польской войны 1794 года; въ августѣ мѣсяцѣ на сцену выступилъ нашъ знаменитый полководецъ

18) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Стр. 793.

Александръ Васильевичъ графъ Суворовъ Рымникскій и дѣла сразу приняли другой оборотъ. Принявъ начальство надъ особымъ корпусомъ, численностію около 13.000 человѣкъ, Суворовъ направился съ нимъ къ Бресту, гдѣ, по полученнымъ извѣстіямъ, сосредоточивались главныя силы непріятеля. Выступая въ походъ, графъ Суворовъ отправилъ князю Репнину записку, въ коей, между прочимъ, писалъ: «мнѣ погодить о себѣ публиковать, чтобы оставалось въ запасѣ нѣчто нечаянности до перваго побіенія, коли благословитъ Богъ. Время драгоцѣннѣе всего. Юлій Цезарь побѣждалъ поспѣшностію. Я терплю до двухъ сутокъ для провіанта, запасаясь имъ знатно на всякій случай. Поспѣшать мнѣ подлежитъ къ сторонѣ Бреста, ежели, между тѣмъ, мятежники уже не разбиты, но не для магазейнъ-вахтерства (какъ прежде кондукторства); есть младшіе... или оставить все. Тамъ мнѣ прибавить войска, идти къ Прагѣ, гдѣ отрѣзать субсистенцію изъ Литвы въ Варшаву»[19].

3-го сентября корпусъ Суворова при Кобринѣ совершенно истребилъ польскій авангардъ, а 5-го числа того же мѣсяца при Крупчицахъ разбилъ на голову польскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Сѣраковскаго; непріятель потерялъ до 3.000 убитыми, ранеными и плѣнными. 8-го сентября при Брестѣ произошло второе сраженіе и поляки опять потерпѣли пораженіе; корпусъ Сѣраковскаго былъ почти истребленъ, взято 28 орудій и два знамени. Занявъ Брестъ, Суворовъ больше мѣсяца принужденъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, такъ какъ его корпусъ, вслѣдствіе понесенныхъ въ сраженіяхъ потерь и отдѣленія конвоевъ для сопровожденія плѣнныхъ, раненыхъ, взятыхъ въ сраженіяхъ орудій и проч. уменьшился до 6.000 человѣкъ, а съ такими силами слишкомъ рисковано было предпринимать что либо серьезное. Однако бездѣйствіе было не по характеру графу Суворову и онъ одновременно обратился къ графу Румянцеву и князю Репнину съ просьбами объ усиленіи его войскъ; у Репнина онъ просилъ корпусъ Дерфельдена. Послѣдній получилъ приказаніе отъ Суворова атаковать у Гродно остатки корпуса Макрановскаго, численность котораго въ то время простиралась до 6.000 человѣкъ, и занять самый городъ. Генералъ Дерфельденъ въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе: авангардъ его корпуса занялъ Гродно, взялъ тамъ около сотни плѣнныхъ и множество различныхъ продовольственныхъ запасовъ. Изъ Гродно Дерфельденъ направился въ Бѣлостокъ, разгоняя по дорогѣ небольшія мятежническія шайки инсургентовъ. На просьбу Суворова объ усиленіи его, князь Репнинъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что Дерфельденъ занятъ очищеніемъ Литвы. Этотъ отвѣтъ поставилъ графа Суворова въ непріятное положеніе оставаться у Бреста.

Къ счастью обстоятельства совершенно неожиданно измѣнились къ лучшему. Раньше мы говорили, что прусскій король послѣ неудачной осады Варшавы, принужденъ былъ отступить въ свои предѣлы. Находившійся у него русскій корпусъ генерала барона Ферзена отдѣлился отъ прусскихъ войскъ и, желая соединиться съ Суворовымъ, пошелъ вверхъ по Вислѣ къ Пулавамъ, гдѣ и имѣлъ въ виду переправиться на правый берегъ. За русскими войсками слѣдилъ отрядъ польскихъ войскъ генерала Понинскаго, шедшій параллельно корпусу нашему по лѣвому берегу. Не смотря на бдительное наблюденіе, Ферзенъ успѣлъ обмануть непріятеля и у Козеницъ благополучно переправился черезъ Вислу. Когда узналъ объ этомъ Костюшко, то онъ, соединившись съ отрядомъ Понинскаго, рѣшилъ помѣшать Ферзену соединиться съ Суворовымъ. 28-го сентября генералъ Костюшко у Мацеіовицъ догналъ корпусъ генерала Ферзена, но былъ самъ атакованъ русскими, разбитъ на голову и раненый попался въ плѣнъ. Побѣда при Мацеіовицахъ имѣла важные результаты: помимо того, что польскія войска, лишились своего главнокомандующаго, един-

---

19) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, стр. 793.

ственно способнаго и энергичнаго генерала во всей польской арміи, побѣда эта дала возможность генералу Ферзену безпрепятственно соединиться съ Суворовымъ, вслѣдствіе чего послѣдній получилъ надежду закончить кампанію 1794 года взятіемъ Варшавы.

Получивъ извѣстіе о разбитіи поляковъ, графъ Суворовъ предписалъ генераламъ Дерфельдену и Ферзену двигаться къ Варшавѣ. Нужно замѣтить, что положеніе Дерфельдена было крайне щекотливое: оффиціально онъ состоялъ подъ командою князя Репнина, но, въ силу взаимности военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, получалъ предписанія и отъ Суворова и подчасъ совершенно противуположныя таковымъ же отъ Репнина. Графъ Суворовъ неоднократно обращался къ Репнину съ просьбою подчинить ему корпусъ Дерфельдена; но каждый разъ получалъ неопредѣленные отвѣты или отказы съ весьма сомнительными мотивами. Когда генералъ Ферзенъ разбилъ Костюшку, то Суворовъ послалъ Дерфельдену предписаніе немедленно идти на соединеніе съ нимъ. Не много раньше того послѣдній получилъ приказаніе отъ князя Репнина закончить военныя дѣйствія и расположить войска на зимнія квартиры. Само собою разумѣется, что такая двойственность положенія ставила Дерфельдена въ неловкое положеніе и отнимала у него рѣшительность въ дѣйствіяхъ. Тѣмъ только и можно объяснить фразу Суворова относительно этого стараго и опытнаго военнаго генерала.—«Генералъ-поручикъ Дерфельденъ своимъ томнымъ маршемъ къ Гроднѣ и несамовластнымъ рѣшеніемъ пораженія непріятеля, кромѣ стычекъ, допустилъ онаго уйти»[20]. Получивъ предписаніе графа Суворова, Дерфельденъ долго не зналъ, что ему дѣлать. Изъ этого затрудненія вывелъ его генералъ-маіоръ графъ Валеріанъ Зубовъ, посовѣтовавъ исполнить приказаніе Суворова, вслѣдствіе чего Дерфельденъ 8-го октября выступилъ изъ Заблудова къ Прагѣ[21]. По дорогѣ онъ имѣлъ нѣсколько стычекъ съ поляками: самая важная изъ нихъ произошла у Попкова, при переправѣ польскаго отряда генерала Макрановскаго черезъ рѣку Бугъ. Здѣсь непріятель потерялъ до 200 человѣкъ одними убитыми; наша потеря была совершенно ничтожна, но за то тяжело раненъ графъ Зубовъ.

Въ то время, когда корпусъ Дерфельдена двигался къ Прагѣ, изъ Бреста туда же направился и графъ Суворовъ. Наканунѣ выступленія, 6-го октября, онъ собралъ военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ, полковниковъ и баталіонныхъ командировъ, на коемъ рѣшено: «на основаніи воинскаго устава, главы 10-й, въ собраніи генералитета, полковыхъ и баталіонныхъ начальниковъ положено: пользуясь побѣдою при замкѣ Мушковскомъ (Маціовицахъ) выступить корпусу для покушенія на Варшаву. Оставить для закрытія Бржесца (Бреста) какъ при немъ вагенбурга и провіантскихъ магазиновъ при бригадирѣ Дивовѣ Сѣвской пѣхотный полкъ, три эскадрона Херсонскаго легкоконнаго полку и 250 казаковъ.— Очистить отъ непріятеля край къ сторонѣ Бѣльска.—Взять съ собою провіанта по 1-е ноября; поставить коммисію въ Бржесцѣ для доставленія онаго впредь къ войскамъ изъ собираемаго съ земли. Ежели непріятель, обрѣтающейся въ околичностяхъ Бѣльска, между тѣмъ, отъ генералъ-поручика Дерфельдена разбитъ будетъ и уйдетъ къ Варшавѣ, или безъ сего то учинить, идти корпусу прямо на Яновъ, Венгровъ, Станиславовъ. — Потомъ соединиться съ корпусомъ генералъ-поручика барона Ферзена въ Минскѣ, которому туда прибыть велѣно; такожъ тамъ-же съ корпусомъ генералъ-поручика Дерфельдена.— Просить австрійскаго генерала Гарнанкурта, чтобы онъ протянулъ цѣпь до Лунова для соединенія отсюда съ нашею а оттуда до Вислы, противъ рѣки Пилица къ прусскому тамъ за Вислою кордону.— Тожъ писать къ прусскому генералу Латорфу, находящемуся въ Опатовѣ, о содѣй-

[20]) Дѣло № 1220. Рапортъ графа Суворова-Рымникскаго графу Румянцеву-Задунайскому отъ 4-го октября за № 458. Военно-Ученый Архивъ.

[21]) Тамъ-же. Рапортъ Суворова, отъ 4-го октября за № 463.

ствіи вообще прусскихъ войскъ въ покушеніи на Варшаву. Первое стремленіе наше должно быть на Прагу, и по осиленіи онаго мѣста, стараться сжечь мостъ черезъ Вислу. Потомъ перейти противъ Вильянова или иного мѣста за Вислу, оставя при Прагѣ генералъ-поручика Дерфельдена съ отрядомъ до 6.000, или по обстоятельствамъ для дальнихъ покушеніевъ на Варшаву. Но ежели генералъ-поручикъ Дерфельденъ съ его корпусомъ для какихъ либо причинъ не прибудетъ, или паче прусскія войска въ довольномъ количествѣ содѣйствовать не будутъ, то расположиться войскамъ по правому берегу Вислы. А когда позади расположенія весь провіантъ и фуражъ выбранъ будетъ, то для лучшаго спокойствія войскъ, сблизиться для винтеръ-квартиръ пока къ Бржесцю, Радзину и околичностяхъ»[22]. Это постановленіе совѣта подписано было 21 человѣкомъ.

Поляки заблаговременно узнали о намѣреніи русскихъ и сосредочивали всѣ силы у своей столицы, въ предмѣстьи называемомъ Прага; численность польскихъ войскъ достигала 30.000 человѣкъ. 18-го октября, не доходя Варшавы, у мѣстечка Кобылка, произошло сраженіе съ польскими войсками: непріятель былъ разбитъ, потерялъ 9 орудій, одно знамя, и обозъ, множество убитыхъ и раненыхъ; въ плѣнъ взято 1.073 человѣка.

Теперь оставалось только взять Прагу и тогда Варшава должна была неминуемо пасть. 18-го октября Суворовъ произвелъ рекогносцировку пражскихъ укрѣпленій, для чего взялъ съ собою генераловъ, офицеровъ и часть кавалеріи. Поляки встрѣтили рекогносцировочный отрядъ сильнымъ орудійнымъ огнемъ, но на вылазку не рискнули.

Какъ разъ противъ Варшавы, на правомъ берегу Вислы, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ довольно большую ширину, находилось укрѣпленное предмѣстье Прага; оно соединялось съ городомъ мостомъ, имѣвшимъ тетъ-де-понъ. Вскорѣ послѣ открытія возстанія, поляки съ большою энергіею принялись за укрѣпленіе Праги и къ октябрю мѣсяцу возвели весьма грозныя сооруженія. Кругомъ предмѣстья тянулся довольно высокій валъ, а въ верстѣ отъ него находился ретраншементъ, представлявшій видъ прямаго исходящаго угла. Начинался ретраншементъ отъ Вислы, противъ острова, лежащаго ниже города, на разстояніи двухъ съ половиною верстъ направлялся къ востоку, до песчаныхъ холмовъ; отсюда поворачивалъ на югъ и доходилъ до болотъ Саской Кемпы, имѣя протяженіе четыре версты; небольшой промежутокъ до Вислы защищался тремя батареями. Въ исходящемъ углу, гдѣ сходились обѣ стороны ретраншемента, непріятель устроилъ два кавальера, изъ коихъ одинъ былъ кирпичный; впереди линіи окоповъ мѣстами воздвигнуты были отдѣльныя укрѣпленія и вся мѣстность изрыта волчьими ямами. На валахъ пражскихъ окоповъ находилось больше 100 орудій, и весь многочисленный гарнизонъ помѣщался между пражскимъ валомъ и ретраншементомъ. Позиція представлялась почти неприступной, вооруженіе ея было грозно, а гарнизонъ превышалъ русскія войска; не смотря на то графъ Суворовъ рѣшилъ штурмовать Прагу, не сомнѣваясь въ успѣхѣ. Такая увѣренность легко объясняется, если принять въ соображеніе высокія боевыя качества, которыми отличались наши войска, непоколебимую вѣру ихъ въ своего предводителя и предшествовавшія штурму блестящія побѣды. Большая часть собранныхъ у Праги войскъ состояла изъ старыхъ испытанныхъ въ бояхъ полковъ, имѣвшихъ за собою громкое прошлое и участвовавшихъ въ обѣихъ турецкихъ войнахъ. Въ Апшеронскомъ полку, находилось еще много участниковъ Кагула, Рымника, Фокшанъ и пр., командиръ полка и командиры баталіоновъ были люди извѣстные своею храбростію, вѣра солдатъ въ высокія боевыя качества своихъ начальниковъ была безгранична: офицеры и солдаты хорошо знали, что другъ друга не выдадутъ.

---

[22]) Дѣло № 1.220. Военно-Ученый Архивъ. Подлинное постановленіе совѣта.

Наши противники—Поляки хотя и одушевлены были идеей борьбы за родину, но одушевленіе это значительно поослабло, вслѣдствіе систематическихъ неудачъ, преслѣдовавшихъ поляковъ вслѣдъ за первыми, случайными успѣхами ихъ. Самоувѣренность уступила мѣсто разочарованію, дезертирство съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалось, что ясно доказывало полное охлажденіе народа къ общей руководящей идеѣ возстанія, которое подъ конецъ пришлось искусственно подогрѣвать.

При такихъ условіяхъ трудно было сомнѣваться въ успѣхѣ Русскихъ: не сомнѣвался въ немъ Суворовъ, не сомнѣвались и наши враги.

На другой день по прибытіи Суворова къ Кобылкѣ, къ нему присоединился корпусъ Дерфельдена и образовалъ правое крыло боевого расположенія. Собравшійся подъ Кобылкою русскій корпусъ имѣлъ около 25.000 человѣкъ, при 86-ти полевыхъ орудіяхъ. Не смотря на то, что численность пражскаго гарнизона превосходила наши силы, графъ Суворовъ все таки рѣшилъ штурмовать Прагу и къ такому рѣшенію заставили его прійти слѣдующія соображенія: 1) для правильной осады у насъ не имѣлось самаго главнаго — осадной артиллеріи; 2) позднее время года заставляло торопиться, чтобы не затягивать кампаніи до будущаго года; 3) продовольствіе въ русскихъ войскахъ запасено было только до 1-го ноября, и 4) съ паденіемъ Праги погибала и польская революція, а непріятель лишался послѣдняго оплота, ибо въ этомъ укрѣпленіи сосредоточились всѣ наличныя средства противника. 20-го и 21-го числа русскія войска дѣятельно занимались плетеніемъ туровъ и фашинъ и дѣланіемъ штурмовыхъ лѣстницъ, а утромъ 22-го октября Суворовъ двинулся къ Прагѣ. Одинъ изъ участниковъ польской войны въ своихъ воспоминаніяхъ о ней пишетъ.

«22-го октября, утромъ рано, армія наша двинулась изъ лагеря при мѣстечкѣ Кобылкѣ тремя колоннами. Съ распущенными знаменами, съ звукомъ трубъ и музыки и съ грохотомъ барабановъ подошла на видъ къ укрѣпленной Прагѣ, и часу въ одинадцатомъ предъ полуднемъ была расположена на показанныхъ мѣстахъ, на пушечный выстрѣлъ отъ укрѣпленія. Передовые непріятельскіе посты и свои сторожевые посты поставлены были».

«Тутъ мы увидали огромность непріятельскихъ укрѣпленій, за которыми буйство и непокорность законной власти укрылись. Смотря на этотъ ретраншементъ, ратники наши говорили: «видите-ль братцы? Поляки глядятъ на насъ, какъ молодые сычи изъ гнѣзда».

«Часа за три, предъ вечеромъ, Александръ Васильевичъ (Суворовъ) съ нѣкоторыми гг. генералами, полковыми начальниками и со свитскими офицерами осматривалъ непріятельское укрѣпленіе и тогда указалъ мѣста для заложенія батарей и точки въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ, на которыя должно идти штурмомъ. Господа республиканцы тѣшились стрѣльбою изъ пушекъ въ конвой Александра Васильевича».

«Цѣлый этотъ день и почти всю ночь артельныя солдатскія повозки и всѣ, какіе только находились, экипажи были употреблены на перевозку изъ лѣсу при Кобылкѣ сплетенныхъ туръ, фашинника, лѣстницъ и хвороста съ кольями для плетней».

«Съ 22-го на 23-е число, ночью устроены наши батареи и поставлены всѣ пушки[23]. Съ раннею зарею, къ удивленію и страху поляковъ, онѣ начали дѣйствовать шибко и безпрерывно по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, стрѣльба продолжалась до глубокой ночи. Сказывали послѣ, что поляки воображали укрѣпленіе свое неприступнымъ и полагали, что Александръ Васильевичъ будетъ вести правильную осаду. Бѣдняжки обманулись».

«Днемъ 23-го числа во всѣхъ полкахъ были сплетены плетни, каждый отъ двухъ съ половиною сажень длины и отъ двухъ съ половиною до трехъ аршинъ ширины. Предъ

[23]) Въ корпусѣ правофланговомъ — генералъ-поручика Дерфельдена построена батарея на 22 орудія, въ центральномъ, генералъ-поручика Потемкина—на 16 орудій и въ лѣвофланговомъ, генералъ-поручика барона Ферзена—на 48 орудій.

вечеромъ назначены и отдѣлены избранные охотники съ ихъ начальниками и рабочіе нести плетни, фашины и лѣстницы; людямъ особенно назначеннымъ для разрушенія непріятельскихъ преградъ, розданъ ротный шанцовый инструментъ. И такъ, предъ сумерки, наканунѣ страшнаго для поляковъ часа, все у насъ было готово къ штурму. Запылали костры дровъ и собрались воины каждой роты въ кругъ, какъ одно семейство, поговорить съ радостною шуткою о наступающемъ времени, часѣ, въ которомъ должно испить, кому Богъ приведетъ, чашу смертную. Въ семь часовъ вечера читанъ былъ намъ полковой приказъ. Вотъ, сколько могу припомнить, точныя слова въ немъ написанныя;

«Его Сіятельство графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ приказалъ:

1) Взять штурмомъ прагскій ретраншементъ. И для того

2) на мѣстѣ полку устроиться въ колонну по ротно. Охотники со своими начальниками станутъ впереди колонны; съ ними рабочіе. Они понесутъ плетни для закрытія волчьихъ ямъ предъ вражескимъ укрѣпленіемъ, фашинникъ для закидки рва и лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва чрезъ валъ. Людямъ съ шанцовымъ инструментомъ быть подъ началомъ особаго офицера и стать на правомъ флангѣ колонны. У рабочихъ ружья чрезъ плечо и на погонномъ ремнѣ.

3) Когда пойдемъ, воинамъ идти въ тишинѣ, ни говорить ни слова, не стрѣлять.

4) Подошедъ къ укрѣпленію, кинуться впередъ быстро, по приказу кричать: Ура!

5) Подошедши ко рву,—ни секунды не медля бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него и ставь къ валу лѣстницы; охотники стрѣляй врага по головамъ. Шибко, скоро, пара за парой лѣзь! Коротка лѣстница—штыкъ на валъ, лѣзь по немъ другой, третій. Товарищъ товарища обороняй, ставши на валъ опрокидывай штыкомъ непріятеля—и мгновенно стройся за валомъ.

6) Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить и гнать врага штыкомъ; работать быстро, скоро, храбро, по Русски! Держаться своихъ въ средину; отъ начальниковъ не отставать! — Вездѣ фронтъ.

7) Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить; безъоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать.

8) Кого изъ насъ убьютъ,—царство небесное, живымъ—слава! слава! слава!» [24].

Канонада, длившаяся цѣлый день, 23-го октября, укрѣпила поляковъ въ мысли, что Суворовъ не скоро еще рѣшится штурмовать ихъ почти неприступную позицію; а между тѣмъ, въ русскомъ лагерѣ уже состоялся военный совѣтъ и положено штурмовать Прагу передъ разсвѣтомъ слѣдующей ночи. Диспозиція къ штурму была такова. Корпусъ генералъ-поручика Дерфельдена образовывалъ двѣ колонны: первая—генералъ-маіора Лассія состояла изъ трехъ баталіоновъ егерей и 3-хъ баталіоновъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, имѣя въ резервѣ Тульскій пѣхотный полкъ и три эскадрона Кіевскаго конно-егерскаго полка. Вторая колонна, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка, полковника князя Лобанова-Ростовскаго, имѣла весь Апшеронскій полкъ, баталіонъ егерей Бѣлорусскаго корпуса, одинъ баталіонъ Низовскаго полка, а въ резервѣ находились другой баталіонъ Низовскаго полка и три эскадрона спѣшенныхъ Кинбурнскихъ драгунъ. По частной диспозиціи для войскъ князя Лобанова-Ростовскаго, первый баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою временно командовавшаго полкомъ, преміеръ-маіора и кавалера Евгенія Маркова, идя въ головѣ штурмующей колонны, атаковывалъ непріятельскіе окопы съ фронта, и 2-й баталіонъ, подъ командою секундъ-маіора Спиридона Дендрыгина, отря-

[24]) Старкова. Разсказы стараго воина про Суворова. Стр. 46—47. Точно такіе же приказы разосланы были во всѣ полки; получилъ его и Апшеронскій полкъ.

женъ былъ для взятія находившейся въ окопахъ польской батареи. Изъ средняго корпуса генерала-поручика Потемкина образовано также двѣ колонны: одна (3-я колонна), подъ начальствомъ генералъ-маіора Исленьева — второй баталіонъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, четыре баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, въ резервѣ одинъ баталіонъ Смоленскаго мушкетерскаго и пять эскадроновъ Смоленскаго драгунскаго полковъ, послѣдніе спѣшены, конницы три эскадрона Переяславскихъ конныхъ егерей.

Четвертая колонна, въ командѣ генералъ-маіора Буксгевдена, состояла изъ баталіона егерей Бѣлорусскаго корпуса, баталіона егерей Лифляндскаго корпуса, и двухъ баталіоновъ Азовскаго мушкетерскаго полка, въ резервѣ Ряжскій мушкетерскій полкъ и другіе пять эскадроновъ Смоленскихъ спѣшенныхъ драгунъ и конницы три эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ.

Изъ корпуса генералъ-поручика барона Ферзена составлено три колонны: пятая, подъ командою генералъ-маіора Тормасова — баталіонъ егерей Екатеринославскаго корпуса, два баталіона Курскаго полка и одинъ баталіонъ гренадеръ, сформированный изъ ротъ; въ резервѣ: баталіонъ гренадеръ, баталіонъ Новгородскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона Елисаветоградскихъ конныхъ егерей.

Шестая колонна — генералъ-маіора Рахманова: баталіонъ егерей Екатеринославскаго корпуса, три баталіона Сибирскихъ гренадеръ; въ резервѣ два баталіона Днѣпровскаго мушкетерскаго полка и три эскадрона Воронежскихъ гусаръ.

Седьмую колонну, въ командѣ генералъ-маіора Денисова, составляли: 200 человѣкъ черноморцевъ, два баталіона егерей Екатеринославскаго корпуса, два баталіона Козловскаго мушкетерскаго полка; въ резервѣ колонны: два баталіона Углицкаго мушкетерскаго полка и три эскадрона Елисаветоградскихъ конныхъ егерей. Вся прочая конница, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шевича, раздѣлена была для прикрытія артиллеріи.

Первымъ четыремъ колоннамъ приказано было атаковать ретраншементъ съ лѣваго фланга, взять окопы и на плечахъ мятежниковъ ворваться въ главное укрѣпленіе. Кромѣ того первой изъ колоннъ, по овладѣніи ретраншементомъ предписано идти вверхъ по берегу Вислы и отрѣзать непріятеля отъ мѣста. 5-й и 6-й колоннамъ приказано начать атаку только тогда, когда первыя четыре возьмутъ передовыя укрѣпленія.

Послѣдняя же 7-я колонна выступила на два часа раньше всѣхъ прочихъ, чтобы имѣть достаточно времени переправиться на островъ и, овладѣвъ тамъ батареями, двинуться внизъ по берегу Вислы, съ цѣлью способствовать первой колоннѣ овладѣть мостомъ.

Передъ разсвѣтомъ, въ 5 часовъ утра, взвилась сигнальная ракета и четыре правыя колонны двинулись на штурмъ [25]. Въ первыхъ двухъ колоннахъ, генерала Ласси и полковника князя Лобанова-Ростовскаго, огонь разгорѣлся по всей линіи и огненная полоса обозначила непріятельскіе окопы. «Но первыя двѣ колонны, выдержавъ перекрестные выстрѣлы какъ съ батарей, на которыя они шли, такъ и съ острова на Вислѣ и съ Варшавы, подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, съ несказанною твердостію и быстротой перешли ровъ, опрокинули противника, овладѣли валомъ, ударили на стоявшаго за онымъ, пѣхотою и конницею, непріятеля и, преодолѣвъ сильное его сопротивленіе, съ великимъ кровопролитіемъ истребили, покрывъ всѣ тѣ мѣста его тѣлами» [26].

Премьеръ-маіоръ Марковъ съ первымъ баталіономъ Апшеронскаго полка, имѣвшимъ лѣстницы, взобрался на валъ, поражалъ отсюда поляковъ ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ, а затѣмъ ворвался въ крѣпость и гналъ непріятеля до самого мѣста, при чемъ овладѣлъ батареею.

---

[25]) См. планъ штурма Праги (№ 12).
[26]) Дѣло № 1221. Военно-Ученый Архивъ. Реляція графа Суворова отъ 7 ноября 1794 года.

Второй баталіонъ Апшеронцевъ зашелъ въ тылъ батареѣ, которую ему надлежало взять и ни одна душа въ ней находившаяся не спаслась. Опрокинутый на валу, непріятель, соединясь съ остальными силами стоявшими внутри укрѣпленія, вновь бросился на Апшеронскій баталіонъ, въ надеждѣ возвратить побѣду. «Но раздраженное уже храброе войско наше, изрываясь другъ передъ другомъ, кинулось въ штыки, и вновь поражая непріятеля, гнало его до самой рѣки Вислы»[27].

Атака была ведена съ такою быстротою, что вскорѣ всѣ казаки очутились въ Прагѣ, гдѣ и началась ожесточенная бойня.

«По преодолѣніи всѣхъ трудностей и превозмогши упорную защиту непріятеля изъ трехъ укрѣпленій, ворвались наши войска въ Прагу. Страшное было кровопролитіе, каждый шагъ на улицахъ покрытъ былъ побитыми. Всѣ площади устланы тѣлами; послѣднее и самое страшное истребленіе происходило на берегу рѣки Вислы, въ виду Варшавскаго народа. Это ужасное для нихъ зрѣлище привело ихъ въ трепетъ, а подоспѣвшая къ берегу наша полевая артиллерія дѣйствовала съ такимъ успѣхомъ, что многіе дома въ городѣ разрушены были; одна бомба упала среди засѣданія, такъ называемой, вышней полосной рады, отъ чего присутствовавшіе на ней разбѣжались, но всетаки осколкомъ убитъ былъ секретарь рады. Отъ свиста ядеръ и отъ разрыва бомбъ поднялись по всѣмъ улицамъ города стоны и вопли. Въ набатъ ударили повсемѣстно. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ плачевнымъ рыданіемъ народа, производилъ подавляющее впечатлѣніе. Въ Прагѣ по улицамъ и площадямъ кровь текла ручьями».

«Всѣ сіи блистательные подвиги, пишетъ Суворовъ, и самая побѣда одержана столь храбро, столь быстро, что оная съ самаго начала, до совершенной побѣды продолжалась токмо три часа».

«Погода намъ вполнѣ благопріятствовала: день былъ тихъ и ясенъ; казалось какъ будто солнце, любуясь безмѣрнымъ мужествомъ войскъ Великой Екатерины, хотѣло освѣтить предъ глазами въ заблужденіи остервенѣвшихъ варшавскихъ мятежниковъ столь ужасное зрѣлище. Оно ихъ заставляло тѣмъ болѣе ожидать своего разрушенія»[28].

Изъ всей арміи польской осталось едва 800 человѣкъ; непріятель потерялъ убитыми 13.340 человѣкъ, въ плѣнъ взято 12.860 человѣкъ, изъ коихъ до 10.000 раненыхъ отпущены Суворовымъ по домамъ, утонуло въ Вислѣ болѣе 3.000.

Въ числѣ плѣнныхъ находились три генерала, 5 полковниковъ, 7 подполковниковъ, 17 маіоровъ и 413 оберъ-офицеровъ; пушекъ взято 104.

Русскимъ войскамъ штурмъ Праги стоилъ 349 убитыхъ, 929 тяжело и 673 легко раненыхъ; изъ этого числа штабъ-офицеровъ убито 3 и ранено 8; оберъ-офицеровъ убито 5 и ранено 44.

Въ Апшеронскомъ полку нижнихъ чиновъ убито 28; ранены: капитанъ Егоръ Кирякинъ, поручикъ Василій Карамзинъ; подпоручики: Николай Сухотинъ, Григорій Каширинов и адъютантъ Александръ Шлыковъ, нижнихъ чиновъ 114[29].

Въ числѣ отличившихся при штурмѣ, графъ Суворовъ называетъ: командира Апшеронскаго полка, полковника князя Лобанова-Ростовскаго, «который командуя второю колонною, съ отличнымъ мужествомъ и единовременно съ генераломъ Лассіемъ атаковалъ и овладѣлъ ретраншементомъ и батареею и простиралъ пораженіе въ Прагѣ до самаго моста. Извѣстная его прежняя храбрость новую пріобрѣла славу и достоинство; отличились тоже храбростію

[27]) Дѣло № 1220. Военно-Ученый Архивъ. Реляція графа Суворова отъ 24-го октября.
[28]) Реляція графа Суворова отъ 7-го ноября.
[29]) Дѣло № 1220. Военно-Ученый Архивъ. Донесеніе Суворова отъ 24-го октября.

и мужествомъ: премiеръ-маiоръ Евгенiй Марковъ, секундъ-маiоръ Спиридонъ Дендрыгинъ; капитаны: Егоръ Кирякинъ, Денисъ Головинъ, Левъ Ротаховичъ и Iосифъ Боттеръ; поручики: Козьма Михѣевъ, Василiй Карамзинъ, Семенъ Дудинскiй, Матвѣй Всеволожскiй и квартирмистръ Андрей Сологубовъ; подпоручики: Николай Сухотинъ, Степанъ Пироговъ, Карлъ Емиловскiй, Григорiй Кашириновъ, адъютанты Дмитрiй Федоровъ и Александръ Шлыковъ, аудиторъ Александръ Кашириновъ; прапорщики: Иванъ Штархъ, Никаноръ и Михаилъ Мимшины, Петръ Шубинъ; сержанты: Левъ Кириловъ, Михаилъ Бабкинъ, Алексѣй Карамзинъ, Никаноръ Кашириновъ и Иванъ Огулдъ-Аганъ».

«Словомъ, пишетъ Суворовъ, всѣ чины сего войска отъ высшаго до нижняго изъявили наижесточайшую ревность къ службѣ, наиудивительную храбрость въ подвигахъ, такъ что не токмо утвердили славу мужества Россiйскому войску свойственную, но и превозошли ожиданiе; и по истинѣ, колико требовалось мужества, чтобы непрiятеля, котораго, по объявленiю плѣнныхъ, было 30.000 человѣкъ за стѣнами твердыхъ тройныхъ окоповъ, огражденныхъ множествомъ пушекъ, считавшихъ сiи укрѣпленiи неодолимыми, все-таки разбить» [30].

Въ короткомъ донесенiи къ графу Румянцеву отъ 24 октября, графъ Суворовъ поздравляетъ его съ побѣдою: «Сiятельнѣйшiй графъ, ура, Прага наша [31]».

Въ реляцiи отъ 7-го ноября онъ же пишетъ: «недостаетъ изрѣченiя изъяснить довольно похвалу неустрашимости господъ частныхъ начальниковъ, мужество командующихъ колоннами, добраго рвенiя штабъ и оберъ-офицеровъ и храбрость солдатъ. Жаркая ревность всѣхъ чиновъ, въ семъ случаѣ оказанная, неизъяснима: храбрыя войска, коими я имѣю честь командовать, превосходятъ всякое одобрѣнiе. Рѣдко видѣлъ я столь блистательную побѣду, дѣло сiе подобно Измаильскому».

Первоначальныя донесенiя графа Суворова о потеряхъ поляковъ были преувеличены; черезъ нѣсколько дней послѣ штурма выяснились дѣйствительныя цифры потерь, о которыхъ мы узнаемъ изъ донесенiя Суворова фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому отъ 1-го ноября, приводимъ это короткое донесенiе цѣликомъ. «Спѣшу Вашему Сiятельству донести, что въ Прагѣ было войска слишкомъ 26.000, почти все регулярное; спаслось изъ этого только до 2.000, въ плѣну теперь съ лишнимъ 10.000, 3 генерала, 23 штабъ и до 250 оберъ-офицеровъ да пушекъ свезено 72, а остальныя еще свозятся. Непрiятеля на мѣстѣ и у берега Вислы въ Прагѣ положено до 12.000 да утонуло около двухъ въ числѣ убитыхъ генералы: Грабовскiй, Ясинскiй и еще два; въ Варшавѣ великое смятенiе. Войска Ея Императорскаго Величества дѣйствовали живо и храбро. Продолжалось не болѣе трехъ часовъ и покончено славно. Ваше Сiятельство счастiе имѣю поздравить съ сей побѣдою [32]:

Наконецъ третью реляцiю тому же графу Румянцеву Суворовъ заканчиваетъ такъ: «Сей преславный день, даровавшiй намъ такую важную и совершенную побѣду, въ которой разомъ поражены многотысячныя силы мятежниковъ и опрокинуты крѣпкiе ихъ оплоты и самой Варшавѣ угрожалъ я паденiемъ, вѣнчаетъ Великую Екатерину новыми неувядаемыми и вѣчными лаврами» [33].

Къ 9-ти часамъ утра Прага окончательно пала, защитниковъ ея не существовало и только повсемѣстный пожаръ и груды тѣлъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о разыгравшейся здѣсь драмѣ. Солдаты разбрелись по предмѣстiю и занялись грабежомъ, слѣдуя извѣстному имъ

[30]) Тамъ-же.
[31]) Тамъ-же. Донесенiе отъ 24-го октября за № 93.
[32]) Дѣло № 1220. Донесенiе графа Суворова отъ 1-го ноября № 94.
[33]) Тамъ-же. Реляцiя отъ 9-го ноября.

Суворовскому правилу: «возьмешь лагерь — все твое, возьмешь крѣпость — все твое». Впрочемъ поживиться было нечѣмъ, ибо жители по богаче заранѣе перебрались въ Варшаву и увезли свое имущество, остались только бѣдняки.

Послѣ взятія Праги, въ тотъ же день русская артиллерія громила Варшаву, заставляя жителей въ паническомъ страхѣ разбѣгаться и искать спасенія въ подвалахъ. Обуявшій варшавянъ страхъ былъ настолько великъ, что они съ криками и угрозами требовали немедленной капитуляціи города. Тогда верховный совѣтъ рѣшилъ отправить къ Суворову предложеніе сдать городъ. Въ ночь на 28-е октября изъ Варшавы прибыли въ Прагу депутаты съ письмами отъ городскихъ властей и отъ короля. Они были тотчасъ приняты Суворовымъ, который составилъ слѣдующія условія капитуляціи.

1) «Оружіе сложить за городомъ, гдѣ сами заблагоразсудятъ, о чемъ дружественно условиться.
2) «Всю артиллерію съ ея снарядами вывести къ тому же мѣсту.
3) «Наипоспѣшнѣйше исправить мостъ, войско россійское вступитъ въ городъ и приметъ оный и обывателей подъ свою защиту.
4) «Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ именемъ всѣмъ полевымъ войскамъ торжественное обѣщаніе, по сложеніи ими оружія, гдѣ съ общаго согласія благоразсуждено будетъ, увольненіе тотъ часъ въ ихъ домы, съ полною безпечностію, ни касаясь ни до чего каждому принадлежащаго.
5) «Его Величеству Королю всеподобающая честь.
6) «Ея Императорскаго Величества Всевысочайшимъ именемъ торжественное обѣщаніе: обыватели въ ихъ особахъ и имѣніяхъ ни чѣмъ повреждены и оскорблены не будутъ. Останутся въ полномъ обезпеченіи ихъ домовства и все забвенію предано будетъ.
7) «Ея Императорскаго Величества войска вступятъ въ городъ сего числа пополудни, или по сдѣланіи моста рано завтра» [34].

Графъ Суворовъ далъ полякамъ сутки на обсужденіе этихъ условій и замѣтилъ, что затягиванія срока не допускаетъ. Впрочемъ, такая умѣренность въ требованіяхъ со стороны побѣдителей чрезвычайно удивила и растрогала депутатовъ, они прослезились и выразили желаніе видѣть лично Суворова, чтобы благодарить его.

«Русскій главнокомандующій поджидалъ ихъ, сидя передъ своей калмыцкой кибиткой. Замѣтивъ, что депутаты подходятъ нерѣшительнымъ шагомъ, какъ-бы волнуемые разными опасеніями, онъ вскочилъ съ своего мѣста, кинулъ саблю на землю и бросился къ депутатамъ съ распростертыми руками, крича по-польски: «миръ, миръ!» Обнявъ депутатовъ, онъ ввелъ ихъ въ кибитку, усадилъ около себя, сталъ угощать виномъ и разными закусками. Депутаты снова прослезились» [35].

Утромъ, 25-го октября, депутаты отправились обратно въ Варшаву. На противуположномъ берегу ихъ ждали съ видимымъ нетерпѣніемъ и тревогой массы народа, которымъ послы подъѣзжая къ берегу начали кричать; «миръ, миръ». Эти слова были подхвачены тысячами голосовъ и радостные клики огласили весь берегъ.

Тѣмъ не менѣе, предложенныя Суворовымъ условія сдачи Варшавы вызвали въ польскомъ совѣтѣ споры и протесты.

На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, депутаты вторично прибыли въ Прагу и привезли отвѣтъ верховнаго совѣта; въ немъ выражалось согласіе на всѣ пункты, кромѣ

---

34) Дѣло 1230. Военно-Ученый Архивъ.
35) Петрушевскій. Генералисимусъ князь Суворовъ. Томъ 2-й, стр. 129.

обезоруженія войска, которое, по словамъ совѣта, не было подчинено ему; что же касается починки моста, то совѣтъ испрашивалъ на это восемь дней сроку. Замѣтивъ въ отвѣтныхъ статьяхъ желаніе продлить переговоры, Суворовъ немедленно отправилъ депутатовъ въ Варшаву и приказалъ имъ передать магистрату, что, въ случаѣ проволочки, будутъ добавлены еще другіе, болѣе строгіе пункты сдачи. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ приказалъ генералъ-маіору Буксгевдену, съ небольшою частью войскъ, приняться за исправленіе сожженнаго поляками моста черезъ Вислу, а генералъ-маіора Денисова съ его отрядомъ послалъ вверхъ по Вислѣ, для устройства переправы на судахъ, въ 4 миляхъ отъ Праги.

Въ три часа ночи, а потомъ въ 9 часовъ утра, 27-го октября, являлись посланные отъ короля, съ просьбою дать 8 дней сроку; но Суворовъ отказалъ обоимъ.

Рѣшительный тонъ графа Суворова подѣйствовалъ на городскихъ властей и, черезъ часъ, въ Прагу прибылъ графъ Мостовскій съ полномочіемъ заключить миръ. На это предложеніе Суворовъ далъ такой отвѣтъ: «Въ Польшѣ войны нѣтъ. Я не присланъ сюда министромъ, я военачальникъ и сокрушаю толпы мятежниковъ»[36]. Тѣмъ не менѣе, онъ согласился отсрочить вступленіе русскихъ войскъ въ Варшаву до 1-го ноября.

28-го октября отрядъ Денисова переправился черезъ Вислу: казаки вплавь, часть пѣхоты на тѣхъ же лошадяхъ,—а другая часть на судахъ. Непріятельскія войска пытались-было помѣшать переправѣ, но безуспѣшно.

Въ тотъ же день къ Суворову явились изъ Варшавы два депутата, съ просьбою занять городъ, въ виду разроставшагося волненія, угрожавшаго опасностью и королю. Графъ отправилъ къ Станиславу Понятовскому командира Апшеронскаго полка, полковника князя Лобанова-Ростовскаго съ объявленіемъ, что Русскіе вступятъ въ Варшаву на другой день.

Въ 9 часовъ утра, 29-го октября, войска съ барабаннымъ боемъ и музыкою вошли въ Варшаву, и, пройдя въ центръ города, расположились въ его цитадели. Первымъ вошелъ корпусъ генерала Потемкина, а за нимъ корпусъ генерала Дерфельдена, въ составѣ котораго находился и Апшеронскій полкъ.

Варшава, гдѣ 18 апрѣля составился вѣроломный заговоръ противъ русскихъ и гдѣ поляки устроили «Варшавскую вечерню» со всѣми ужасами и жестокостями, на которые только способны фанатики, теперь встрѣчала наши войска восклицаніями радости, вызванными исключительно силою оружія; жители казались кроткими, какъ агнцы.

На самомъ берегу, по переходѣ чрезъ мостъ, на встрѣчу войскамъ вышелъ городской магистратъ и всѣ мѣщане, поднесшіе хлѣбъ-соль и городскіе ключи. Берегъ, улицы и площади были усѣяны толпами народа, кричавшаго «виватъ Екатерина!»

Находившіеся въ плѣну русскіе генералы Арсеньевъ, Милошевичъ и Сухтеленъ, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины (всего 1376 человѣкъ) были освобождены. «Зрѣлище при свиданіи ихъ съ нами, пишетъ Суворовъ, было на столько слезное и чувствительное и имѣло въ себѣ нѣчто священное». Прусскихъ и австрійскихъ плѣнныхъ освобождено свыше 500 человѣкъ. Потребовавъ, чтобы всѣ польскія войска, которыя Суворовъ иначе не называлъ, какъ «бунтовщиками», положили оружіе и сдали всѣ свои пушки русскимъ войскамъ, графъ Александръ Васильевичъ отправилъ фельдмаршалу графу Румянцеву короткое донесеніе такого содержанія:

«Варшава. День Архангела Михаила. № 101. Виватъ Великая Екатерина! Все кончено, сіятельнѣйшій графъ! Польша обезоружена. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій»[37].

36) Дѣло № 1220. Военно-ученый архивъ.
37) Тамъ-же.

Въ 44 дня командованія своего войсками въ Польшѣ, Суворовъ блистательно выполнилъ возложенное на него порученіе: разбивъ нѣсколько разъ поляковъ, онъ закончилъ военныя дѣйствія громкимъ штурмомъ и взятіемъ Праги, результатомъ чего явилось паденіе Варшавы.

Деморализованные остатки польской арміи ушли сначала къ прусской границѣ, съ цѣлью пробраться во Францію, но по дорогѣ были перехвачены нашими войсками, и положили оружіе.

Кампанія 1794 года, по быстротѣ, замѣчательному успѣху военныхъ дѣйствій и по важности полученныхъ результатовъ, едва-ли имѣетъ себѣ подобную. Въ странѣ, гдѣ господствовало поголовное возстаніе, черезъ два мѣсяца воцарился миръ и порядокъ; польская армія была частью уничтожена, частью обезоружена и сама Польша обратилась въ провинцію Великой Россійской Имперіи. Такимъ образомъ, несчастная политическая полусамостоятельность Польши исчезла съ лица земли.

По окончаніи военныхъ дѣйствій, Апшеронскій полкъ расположился въ мѣстечкѣ Радзиминѣ, на р. Бугѣ, а съ 1796 года штабъ-квартирой полка назначенъ гор. Брестъ-Литовскъ.

За отличія въ сраженіяхъ противъ польскихъ войскъ, получили награды: командиръ полка, полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій чинъ бригадира и орденъ св. Владиміра 3 степени; ордена св. Георгія 4 ст.: преміеръ-маіоръ Евгеній Марковъ (за отличія въ 1792 году)[38] и секундъ-маіоръ Спиридонъ Дендригинъ — за штурмъ Праги, а всѣ остальные офицеры слѣдующіе чины.

1-го января 1795 года всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ Праги, пожалованы: офицерамъ крестообразные золотые знаки на георгіевской лентѣ, а нижнимъ чинамъ четыреугольныя серебряныя медали. Офицерскіе знаки имѣли надписи: на одной сторонѣ — «за труды и храбрость», а на другой — «Прага взята 24-го октября 1794 года»; на медаляхъ на одной сторонѣ изображенъ былъ Императорскій вензель, а на другой надпись: «за труды и храбрость при взятіи Праги 24 Октября 1794 года». Оба знака носились въ петлицѣ, на лѣвой сторонѣ кафтана.

Въ концѣ 1796 года князь Лобановъ-Ростовскій разстался съ Апшеронцами и сдалъ полкъ полковнику Макарову, прокомандовавъ только одинъ годъ, Макаровъ былъ уволенъ въ отставку и вмѣсто него назначенъ подполковникъ Карповъ.

---

[38]) Впослѣдствіи Марковъ получилъ ордена св. Георгія 3 степени, въ 1807 году,—за Остроленку и 2 степени въ 1811 году,—за штурмъ Рущука.

Глава Шестнадцатая.

Приготовленія къ войнѣ съ Франціей.— Смерть Императрицы Екатерины и вступленіе на престолъ Императора Павла.— Реформы въ арміи.— Назначеніе Апшеронскому полку шефа генералъ-маіора Милорадовича.— Просьба Австріи о помощи.— Неудовольствіе Императора на образъ дѣйствій Франціи.— Составленіе союза.— Образованіе въ 1799 году корпуса для движенія на помощь Австріи.— Составъ корпуса.— Смотръ войскъ генераломъ Аракчеевымъ.— Благодарность Императора Павла.— Италіанская кампанія.— Выступленіе въ Австрію. — Императоръ австрійскій дѣлаетъ смотръ русскимъ войскамъ.—Расположеніе на зимнія квартиры. — Назначеніе главнокомандующимъ графа Суворова-Рымникскаго.— Движеніе въ Сѣверную Италію. — Численность полка и командиры ротъ.— Пріѣздъ Суворова въ Верону. — Представленіе Суворову русскихъ генераловъ. — Положеніе дѣлъ въ Италіи. — Русскіе офицеры обучаютъ австрійцевъ тактикѣ Суворова.— Топографическій очеркъ Сѣверной Италіи. — Силы и расположеніе французовъ.— Движеніе къ Валеджіи.— Порядокъ марша къ р. Кіезѣ.— Взятіе гор. Брешіи. — Письмо Суворова австрійскому генералу Меласу.— Переправа черезъ р. Оліо.— Сраженіе у гор. Лекко.— Трехдневный бой у р. Адды и переходъ черезъ нее.— Занятіе гор. Милана.— Планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.— Австрійскій гофкригсратъ не одобряетъ плана Суворова.— Сраженіе у Бассиньяна.— Подвигъ Милорадовича съ Апшеронцами.— Потери отряда и Апшеронцевъ.— Приказъ Суворова.— Награды солдатамъ.— Переходъ черезъ р. По.— Сраженіе у Маренго.— Занятіе Турина.— Движеніе союзниковъ къ гор. Александріи.— Сраженіе при р. Треббіи.— Потери союзниковъ и французовъ.— Потери Апшеронцевъ.— Возвращеніе въ Александрію.— Сдача туринской и александрійской цитаделей.— Новый проектъ вѣнскаго кабинета.— Наступленіе французской арміи.— Сраженіе у Нови.— Потери Апшеронскаго полка.—Выступленіе русскихъ войскъ въ Швейцарію.— Переходъ черезъ С.-Готардъ. — Чортовъ мостъ.— Разбитіе французами корпуса генерала Римскаго-Корсакова. — Сраженіе при Мутенталѣ.— Выписка изъ воспоминаній участника похода.— Потери полка въ сраженіяхъ въ Швейцаріи.— Выступленіе изъ Швейцаріи.— Происки австрійскаго двора.— Разрывъ между русскимъ и австрійскимъ Императорами.— Возвращеніе въ Россію.— Награды за Италіанскій походъ.

Побѣдоносная война Франціи съ Австріею безпокоила Императрицу Екатерину, и она, уступивъ настойчивымъ просьбамъ австрійскаго двора, рѣшилась послать въ Австрію вспомогательный корпусъ.

Полкамъ, расположеннымъ въ Польшѣ, приказано было готовиться къ походу. Корпусъ, численностью въ 51,094 человѣка, въ составъ котораго вошелъ и Апшеронскій полкъ, ввѣрялся командованію фельдмаршала Суворова. Войска русскія должны были двигаться въ Австрію на Краковъ.

Но, въ ноябрѣ 1796 года, Императрица скончалась, на престолъ вступилъ Павелъ I—и всѣ предначертанія Екатерины Великой оставались безъ исполненія: Императоръ прежде всего отмѣнилъ отправку войскъ въ Австрію, подъ тѣмъ предлогомъ, что Россіи, послѣ долголѣтнихъ, почти непрерывныхъ войнъ, слѣдуетъ дать отдыхъ. Въ арміи начался рядъ преобразованій. Всѣ войска расписаны были на 12 дивизій, или инспекцій, и Апшеронскій полкъ попалъ въ Литовскую инспекцію; вслѣдъ затѣмъ отъ полка отдѣлены гренадерскія роты, которыя, вмѣстѣ съ двумя гренадерскими ротами Муромскаго полка, образовали сводно-гренадерскій баталіонъ, подъ командою Апшеронскаго полка подполковника Дендригина.

Императоръ Павелъ ввелъ шефовъ полкамъ. Первымъ шефомъ Апшеронскаго полка назначенъ былъ, 29-го ноября 1796 года, генералъ - лейтенантъ графъ Михаилъ Петро-

*

вичъ Румянцевъ; послѣ него генералъ-маіоръ Димитрій Корсаковъ, а его замѣнилъ генералъ-маіоръ Карлъ Ѳеодоровичъ фонъ-Толь, считавшійся въ полку до 27-го іюля 1798 года; 31-го октября того же года шефомъ полка назначенъ генералъ-маіоръ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Шефы имѣли непосредственное соотношеніе къ своимъ полкамъ; они обыкновенно жили въ мѣстахъ ихъ расположенія, имѣли отъ полка особаго адъютанта (шефскаго); старшій штабъ-офицеръ въ полку назывался командиромъ полка, управлялъ строевымъ и хозяйственнымъ его дѣлами, докладывая обо всемъ шефу.

Послѣдовали также измѣненія и въ формѣ полка и — весьма существенное — въ знаменахъ. До Павла I знамена въ полкахъ полагались въ числѣ аммуничныхъ и ружейныхъ вещей и считались срочными; новый же Императоръ повелѣлъ знаменамъ быть безсрочными и жаловалъ ихъ при особыхъ грамотахъ, за собственноручною подписью.

Согласно Высочайшаго повелѣнія 30-го іюля 1797 года, въ Апшеронскомъ полку было 10 знаменъ (по числу мушкетерскихъ ротъ), причемъ въ 1-й или шефской ротѣ крестъ на знамени полагался бѣлый, а въ прочихъ — черный. Кругъ внутри знамени во всѣхъ знаменахъ свѣтлооранжевый съ чернымъ двуглавымъ орломъ, по сторонамъ котораго изображались двѣ лавровыя вѣтки, связанныя голубою лентою.

Какъ сказано раньше, Павелъ I, вступивъ на престолъ, рѣшилъ покончить съ войнами и заняться внутреннимъ устройствомъ государства; но такая мирная политика продолжалась недолго, и не прошло двухъ лѣтъ по смерти Екатерины, какъ Россія уже готовилась къ войнѣ, по слѣдующему поводу.

Въ началѣ 1797 года между Франціей и Австріей открылись военныя дѣйствія; они продолжались хотя и менѣе мѣсяца, но и въ такой короткій промежутокъ времени австрійцы успѣли потерпѣть нѣсколько пораженій, и, 16-го апрѣля, заключили съ главнокомандующимъ французскою арміею, генераломъ Бонапартомъ, Леобенское перемиріе. Пока происходили переговоры о мирѣ, австрійскій кабинетъ обратился къ Императору Павлу съ просьбою «спасти Австрію отъ гибели» и, въ силу договоровъ 1792 и 1794 годовъ, прислать вспомогательный корпусъ.

Павелъ I внялъ мольбамъ Австріи и повелѣлъ частямъ войскъ, расположенныхъ у австрійской границы, готовиться къ походу, который, впрочемъ, не состоялся, ибо Австрія, 6-го октября, заключила съ Франціею Кампоформійскій миръ, уступивъ послѣдней: Нидерланды, Іоническіе острова и нѣкоторыя другія области.

Однако миръ былъ не проченъ, и оба государства втайнѣ приготовлялись къ войнѣ.

Вскорѣ и у Русскаго Императора явились три непосредственные повода недовольства французскимъ правительствомъ: во-первыхъ, арестованіе французами русскаго консула, при занятіи ими Іоническихъ острововъ, заключеніе его въ темницу и тщетность ходатайствъ русскаго посланника въ Парижѣ, о возвращеніи ему свободы. Во-вторыхъ, явное покровительство, оказываемое французскою директоріею польскимъ выходцамъ, которые на счетъ Франціи составляли легіоны, замышляя о возстановленіи Польши. Въ-третьихъ, что и ускорило разрывъ съ Франціею, — захватъ французами острова Мальты, принадлежавшаго древнему рыцарскому ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, рыцари котораго, въ 1797 году, отдались подъ покровительство Россіи и избрали Императора Павла своимъ великимъ магистромъ.

Понятно, что естественнымъ союзникомъ Россіи въ предстоявшей войнѣ являлась Австрія, униженная Франціею и стремившаяся получить обратно провинціи, уступленныя Франціи по Кампоформійскому миру.

Императоръ Павелъ желалъ привлечь къ союзу и Пруссію; но, къ сожалѣнію, всѣ убѣжденія нашего посла въ Берлинѣ склонить прусскаго короля къ союзу не имѣли успѣха: изъ боязни Франціи и по традиціонной ненависти къ Австріи король отказался примкнуть къ союзникамъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря стараніямъ русской дипломатіи, въ концѣ 1798 года противъ Франціи составился союзъ изъ Россіи, Австріи, Англіи, Турціи и Неаполитанскаго королевства.

Рѣшивъ оказать поддержку Австріи, Павелъ I, 13-го іюля 1798 года, повелѣлъ сформировать изъ войскъ, расположенныхъ въ Брестъ-Литовской и Смоленской инспекціяхъ, особый корпусъ, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Розенберга, которому было предписано собрать войска у Брестъ-Литовска и находиться въ готовности выступить въ Австрію, по первому приказанію. Въ составъ корпуса вошелъ и Апшеронскій полкъ, подъ командою подполковника Карпова и непосредственнымъ начальствомъ своего шефа, генералъ-маіора Михаила Андреевича Милорадовича [1]. Произвести инспекторскій смотръ предназначеннымъ въ походъ войскамъ, сосредоточеннымъ у Брестъ-Литовска, Императоръ повелѣлъ генералъ-маіору барону Аракчееву. Результаты смотра оказались настолько блестящи, что Павелъ I, вообще не щедрый на похвалы, послалъ генералу Розенбергу такой рескриптъ: «Узнавъ о состояніи корпуса, вамъ ввѣреннаго, повелѣваю всѣмъ шефамъ полковъ и сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ командирамъ, въ командѣ вашей состоящимъ, изъявить Мое благоволеніе и признательность; солдатамъ же объявить, что, увѣренъ уже будучи въ ихъ непоколебимой вѣрности, усердіи и храбрости, увѣренъ заранѣе и въ предъидущихъ новыхъ подвигахъ и побѣдахъ ихъ на истребленіе враговъ вѣры и благоденствія всемірнаго. Да будетъ честь Мнѣ, хвала отечеству и слава имъ».

Въ началѣ сентября корпусъ Розенберга былъ совершенно готовъ къ выступленію, но неожиданнымъ препятствіемъ явился вопросъ о довольствіи войскъ. Согласно заключенному между Россіею и Австріею договору, послѣдняя обязалась продовольствовать русскія войска на свой счетъ, но заготовила для каждаго солдата только по 2 фунта хлѣба въ день; узнавъ о томъ, генералъ Розенбергъ заявилъ австрійскому комиссару, что русскій солдатъ даже въ мирное время получаетъ въ день 3 фунта хлѣба и 1½ гарнца крупъ въ мѣсяцъ. Однако австрійцы отказались выполнить это требованіе, и Розенбергъ, въ свою очередь, отказался выступить въ Австрію, о чемъ и донесъ Императору Павлу. Завязалась дипломатическая переписка, тянувшаяся почти 1½ мѣсяца, и, въ результатѣ, австрійское правительство все-таки принуждено было исполнить вполнѣ законное требованіе русскаго генерала.

Въ Австрію корпусъ Розенберга выступилъ двумя колоннами, состоявшими каждая изъ двухъ отдѣленій; Апшеронскій полкъ, поступившій въ составъ первой колонны генералъ-лейтенанта Львова, шелъ во второмъ отдѣленіи генералъ-маіора Ферстера. Согласно выданному австрійскими властями маршруту, русскія войска должны были слѣдовать въ Австрію на Люблинъ, Краковъ, Брюнъ и Кремсъ [2],; 2-е отдѣленіе первой колонны выступило изъ Брестъ-Литовска 17-го октября. Осеннее время и, неразрывные съ нимъ, дожди, грязь и холодъ чрезвычайно затрудняли походъ; несмотря на то, войска двигались бодро, и больныхъ было чрезвычайно мало; за то обозъ, слѣдуя по узкимъ, плохимъ дорогамъ,

[1]) Составъ корпуса Розенберга. Мушкетерскіе полки: Апшеронскій (Милорадовича), Низовскій (Львова), Тульскій (Тыртова), Архангелогородскій (Дальгейма), Тамбовскій (Ферстера), Смоленскій (Швейковскаго), Бутырскій (Молодо-Баденскій), Московскій, гренадерскій (Розенберга), 7-й егерскій (кн. Багратіона), 8-й егерскій (Чубарова); сводно-гренадерскіе баталіоны: Дендригина, Ломоносова, Санаева и Калемина; донскіе казачьи полки: Грекова, Денисова, Молчанова, Поздѣева, Семерникова и Сычева. Артиллеріи 24 орудія (2 роты: Иванова и Кузьмина). Всего по списку 20,601 человѣкъ.

[2]) Маршрутная карта № 315. Военно-ученый архивъ.

пришелъ въ негодное состоянiе, такъ что генералъ Розенбергъ отправилъ австрiйскому императору Францу донесенiе, съ просьбою дать его войскамъ немного отдыху. Разрѣшенiе послѣдовало, и русскiй корпусъ, стянувшись, около 8-го декабря, къ Брюну, расположился по квартирамъ въ его окрестностяхъ. 16-го декабря въ Брюнъ прiѣхалъ австрiйскiй императоръ, и на другой день произвелъ смотръ войскамъ первой колонны. Въ 10 часовъ утра, въ сопровожденiи блестящей свиты, объѣхавъ всѣ полки и пропустивъ ихъ церемонiальнымъ маршемъ, императоръ Францъ остался чрезвычайно доволенъ ими: бодрый, молодцоватый видъ русскихъ солдатъ, прекрасная выправка, стройность движенiй превозошли ожиданiя австрiйцевъ. Послѣ смотра всѣ офицеры были представлены императору, приглашены на обѣдъ, и каждаго изъ нихъ онъ удостоилъ разговоромъ. За смотръ всѣ отдѣльные начальники получили подарки, каждому же солдату выдано по 15-ти гульденовъ.

Простоявъ въ Брюнѣ до 23-го декабря, Розенбергъ выступилъ въ Кремсъ, куда прибылъ 31-го декабря; здѣсь остался на дневку. 2-го января 1799 года первое отдѣленiе переправилось черезъ Дунай; остальныя же три отдѣленiя переправиться не могли, потому что неожиданно двинувшимся льдомъ сорвало мостъ на рѣкѣ. Вскорѣ генералъ Розенбергъ получилъ отъ вѣнскаго гофкригсрата предписанiе расположить корпусъ на квартиры у Кремса (2-е отдѣленiе 1-й колонны и всю 2-ю колонну) и у С.-Пельтена (1-е отдѣленiе 1-й колонны). Апшеронскiй полкъ расположился слѣдующимъ образомъ: полковой штабъ сталъ въ дер. Кусдорфѣ (на Дунаѣ, близъ Ваграма); въ деревняхъ Маутернѣ, Гундсгеймѣ и Баумгартенѣ находились полковая артиллерiя и госпиталь; а баталiоны поротно заняли деревни: Оберъ-Бергенъ, Унтеръ-Бергенъ, Фуртъ, Эгенъ, Бальтъ, Гетцерсдорфъ, Ваграмъ и Голенбургъ. Въ случаѣ разлитiя Дуная, полкъ отходилъ въ деревни: Унтеръ-Бергенъ, Баумгартенъ, Оберъ-Бергенъ, Эгенъ, Гетцерсдорфъ, Венусбергъ, Оберндорфъ, Адлербергъ, Арнбергъ, Вальвенерсдорфъ, Анценбергъ и Инцердорфъ. Гренадерскiй баталiонъ Дендригина сталъ въ д. Райдлингѣ [2]).

Кромѣ корпуса генерала Розенберга, по повелѣнiю Императора Павла, сформированы были еще два корпуса, изъ которыхъ одинъ предназначался въ помощь Неаполитанскому королю и на островъ Мальту, а другой—для дѣйствiй въ Германiи; по просьбѣ Австрiи, и эти два корпуса были предоставлены въ ея распоряженiе.

Французское правительство, узнавъ о вступленiи русскихъ войскъ въ австрiйскiе предѣлы, потребовало отъ Австрiи немедленнаго удаленiя ихъ, грозя въ противномъ случаѣ объявленiемъ войны. Это требованiе еще болѣе усилило дѣятельность австрiйскаго правительства,—и приготовленiя къ войнѣ велись съ необыкновенною энергiей.

До сего времени Розенбергъ еще не зналъ куда направятъ его корпусъ; и только 27-го января онъ получилъ распоряженiе слѣдовать въ Сѣверную Италiю, куда, впрочемъ, войска выступили въ началѣ марта, ибо въ зимнее время переходъ черезъ Альпы былъ невозможенъ. Туда же направленъ и другой корпусъ (генерала Германа, а впослѣдствiи генералъ-лейтенанта Ребиндера).

По просьбѣ Вѣнскаго двора, главнокомандующимъ надъ союзными войсками назначенъ былъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскiй.

Передъ выступленiемъ въ Италiю, генералъ Розенбергъ раздѣлилъ свои войска на двѣ колонны, а каждую изъ нихъ на четыре отдѣленiя; Апшеронскiй полкъ находился въ 4-й колоннѣ, въ 4-мъ отдѣленiи генералъ-маiора Милорадовича. Это отдѣленiе выступило изъ

---

[2]) Планъ квартирнаго росположенiя корпуса Розенберга въ австрiйскихъ владѣнiяхъ № 1322. Военно-Ученый архивъ.

Лангенрара 10-го марта и слѣдовало по маршруту черезъ Вѣну на Брукъ, Юденбургъ, Виллахъ и Верону.

Согласно рапорта графа Суворова изъ Виллаха отъ 29-го марта, въ Апшеронскомъ полку значилось: по списку—штабъ и оберъ офицеровъ 49, нижнихъ чиновъ 1507, а на лицо:—штабъ офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 46 и нижнихъ чиновъ 1470, итого 1516.

Роты въ полку назывались по имени своихъ командировъ или по имени шефа и командира полка.

Въ 1-мъ баталіонѣ: 1-я рота—генералъ-маіора Милорадовича, 2-я рота—маіора Листовскаго, 3-я рота—капитана Дудинскаго, 4-я рота—подполковника Карпова (командиръ полка).

Во 2-мъ баталіонѣ: 1-я рота—полковника Жукова (командиръ баталіона), 2-я рота—маіора Девобана, 3-я рота—капитана Желковскаго, 4-я рота—подполковника Инзова.

Несмотря на неблагопріятную погоду, разлитіе рѣкъ и трудности дорогъ, русскія войска все время шли форсированнымъ маршемъ и въ 19 дней сдѣлали 88 миль, т. е. болѣе 600 верстъ. 3-го апрѣля авангардъ пришелъ уже въ Верону, куда вечеромъ въ тотъ же день пріѣхалъ и графъ Суворовъ. Веронцы съ восторгомъ встрѣтили знаменитаго русскаго полководца: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города толпы народа окружили экипажъ фельдмаршала, вынесли какое-то знамя, поставили его на карету, и такъ провожали до самыхъ воротъ. Здѣсь восторгъ дошелъ до того, что народъ выпрягъ лошадей изъ экипажа и тащилъ его до самаго pallazzo Emilio, при восторженныхъ крикахъ: «Eviva nostro liberatore»! По вступленіи Суворова въ назначенные для жительства покои, ему представлялись австрійскіе и русскіе генералы, духовенство, мѣстные дворяне, представители городскаго управленія и депутаты различныхъ сословій. Когда, спустя нѣсколько времени, въ залѣ остались только русскіе генералы, графъ обратился къ генералу Розенбергу, съ просьбой познакомить ихъ съ нимъ. Во время представленія Суворовъ стоялъ съ закрытыми глазами, и когда ему Розенбергъ называлъ незнакомое имя, то Александръ Васильевичъ приговаривалъ: «Помилуй Богъ, не слыхалъ; познакомимся». Но вотъ дошла очередь до двухъ героевъ русской арміи—Милорадовича и князя Багратіона—и полководецъ осыпалъ ихъ особыми знаками своей милости и вниманія. По произнесеніи фамиліи Милорадовича, Суворовъ вскричалъ: «А, а! Это Миша! Михайло!»—«Я, ваше сіятельство»! отвѣчалъ Милорадовичъ.—«Я зналъ васъ вотъ такимъ... (сказалъ Суворовъ, показывая на аршинъ отъ пола),—и ѣдалъ у вашего батюшки, Андрея, пироги. О, да какіе сладкіе были!.. Какъ теперь помню васъ, Михайло Андреевичъ: вы хорошо тогда ѣздили на палочкѣ! О! да какже вы тогда рубили деревянною саблею! Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой! Ура!»—«Все мое усиліе употреблю для того, чтобы оправдать довѣренность вашего сіятельства»! сказалъ сквозь слезы Милорадовичъ.

4-го апрѣля изъ Вероны выступилъ передовой отрядъ и направился въ городъ Валеджію, назначенный главной квартирой арміи. Отсюда графъ Суворовъ разослалъ по Италіи воззванія, въ которыхъ приглашалъ жителей вооружиться и сообща съ нимъ дѣйствовать противъ французовъ.

Еще до прибытія русскаго корпуса въ Сѣверную Италію, здѣсь уже открылись военныя дѣйствія между французскими и австрійскими войсками и произошло два сраженія: на рѣкѣ Адижѣ и при Маньяно: въ обоихъ сраженіяхъ австрійцы, несмотря на свой численный перевѣсъ, не достигли никакихъ результатовъ. Послѣ сраженія при Маньяно, французскій главнокомандующій Шереръ отступилъ; австрійцы его не преслѣдовали, и французы спокойно отошли за р. Минчіо, усиливъ гарнизоны крѣпостей Мантуи и Пескьеры. Начальни-

комъ австрійской арміи назначенъ былъ генералъ Меласъ, человѣкъ лично храбрый, но, какъ полководецъ, крайне нерѣшительный и неспособный.—До прихода русскаго корпуса австрійцы оставались въ полномъ бездѣйствіи.

Въ Валеджіи Суворовъ осмотрѣлъ австрійскія войска; сначала они произвели на него благопріятное впечатлѣніе, но вскорѣ наступило и разочарованіе: русскій полководецъ открылъ въ союзникахъ порокъ, всегда имъ преслѣдуемый и выводимый въ русскихъ войскахъ,—«немогузнайство», которое, по отношенію къ австрійцамъ, графъ окрестилъ на нѣмецкій ладъ въ «нихтбештимтзагерство». Желая пріучить австрійскія войска къ своимъ требованіямъ, главнокомандующій разослалъ въ австрійскіе полки русскихъ офицеровъ, въ качествѣ инструкторовъ; хотя такое распоряженіе сильно не понравилось австрійцамъ, но они принуждены были ему подчиниться. Обученіе союзниковъ продолжалось всего только два дня, до выступленія арміи къ р. Кіезѣ.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію военныхъ дѣйствій въ С. Италію, считаемъ не лишнимъ предпослать краткое описаніе мѣстности, гдѣ пришлось дѣйствовать нашимъ войскамъ.

Окруженная съ сѣвера и запада крутыми скатами Альповъ, а съ юга Апеннинами, Сѣверная Италія представляла изъ себя равнину, орошенную безчисленными рѣками и каналами, съ чрезвычайно густымъ населеніемъ и множествомъ городовъ и крѣпостей. Многочисленныя дороги, идущія по всѣмъ направленіямъ, и близость къ границамъ Франціи, Швейцаріи и Австріи, дѣлало эту страну чрезвычайно важной въ стратегическомъ отношеніи, и полководцу въ ней представлялось обширное поле для различныхъ стратегическихъ соображеній. Но, съ другой стороны, пересѣченность мѣстности, изрѣзанной рѣчками, канавами, плотинами, изгородями и т. п. препятствіями, не допускала развитія тактическихъ дѣйствій: вездѣ движеніе войскъ стѣснялось дефилеями, частыми виноградниками, фруктовыми садами и часто болотами; большимъ массамъ войскъ негдѣ было развертываться, не имѣла простору и конница.

Французская армія, численностью около 33,000 человѣкъ, занимала нѣсколько оборонительныхъ линій: по р.р. Минчіо, Кіезѣ, Аддѣ, Оліо, Тичино и др. Оборонительная линія по р. Минчіо прикрывалась крѣпостями Пескіерой и Мантуею. Послѣ сраженія при Маньяно, французскій главнокомандующій, генералъ Шереръ, отступилъ, бросивъ оборонительную линію Минчіо и усиливъ семью тысячами гарнизоны крѣпостей; такимъ образомъ, для дѣйствій въ полѣ, у французовъ было не болѣе 25,000 ч.

Австрійцы имѣли въ сѣверной Ломбардіи армію въ 55,000 человѣкъ; главныя силы ея (29,000 человѣкъ) находились при Кавріано и Кастелларо; 5000 стояли при Маркаріи, въ низовьяхъ р. Оліо; 4500 чел. блокировали кр. Пескіеру; отрядъ въ 4800 человѣкъ наблюдалъ за кр. Мантуею съ лѣваго берега р. Минчіо; сюда же шло еще 5200 человѣкъ и, наконецъ, 7,000 занимали фортъ Рока-д'Анеро, у верховья Кіезы.

Въ Валеджіо графъ Суворовъ остался ожидать прибытія перваго отдѣленія русскаго корпуса. Въ это время генералъ-квартирмейстеръ союзной арміи, маркизъ Шателеръ, предложилъ фельдмаршалу произвести рекогносцировку, но встрѣтилъ полный отказъ со стороны Суворова. «Рекогносцировки!—не хочу, говорилъ Александръ Васильевичъ: «онѣ годны для трусовъ, чтобы предостеречь противника; а кто хочетъ, тотъ и безъ нихъ всегда отыщетъ непріятеля... Колонны, штыки, холодное оружіе, атаки, ударъ... вотъ мои рекогносцировки!» [4]).

4) Милютинъ: «Исторія войны 1799 года, между Россіей и Франціей». Том. I, стр. 265, и Петрушевскій: «Генералисимусъ князь Суворовъ» Томъ III, стр. 44.

Пока подходили русскія войска, Суворовъ знакомилъ австрійцевъ со своею тактикою: онъ ежедневно производилъ маневры, ученья, главная цѣль коихъ заключалась въ пріученіи австрійцевъ къ смѣлымъ и рѣшительнымъ атакамъ холоднымъ оружіемъ. «Быстрота и натискъ — душа настоящей войны. Штыкомъ можетъ одинъ человѣкъ заколоть троихъ, гдѣ и четверыхъ; а сотня пуль летитъ на воздухъ», писалъ Суворовъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ.

7-го апрѣля въ Валеджію собралось 1-е отдѣленіе русскаго корпуса — дивизія генералъ-лейтенанта Повало-Швейковскаго, въ составѣ которой находился и Апшеронскій полкъ [5].

На другой день назначено было выступленіе къ р. Кіезѣ и дальше къ кр. Брешіи. Характеръ и порядокъ наступленія арміи можно видѣть изъ собственноручной замѣтки Суворова, написанной имъ передъ движеніемъ къ Брешіи.

«Армія идетъ 8-го апрѣля съ разсвѣта 4 мили, но двѣ мили до обѣда; на половинѣ дороги часъ отдыху; на обѣдъ 4 часа,—а остальное послѣ обѣда, при чемъ на половинѣ дороги опять часъ отдыху. Армія идетъ тремя колоннами.

«Монте-Кіаре, Понте-С.-Марко: до нихъ пойдутъ рядами съ большими интервалами, для облегченія похода.

«На слѣдующій день (9-го апрѣля), также какъ и наканунѣ, съ разсвѣтомъ, опять рядами, по крайней мѣрѣ одну милю; тутъ часокъ отдыху, и такъ до Брешіи, если непріятель не воспрепятствуетъ. Если же, паче чаянія, будетъ онъ за Брешіей сильно держаться, то идти колоннами по-взводно; однако-жъ по возможности не прежде, какъ за полмили отъ него. Въ колоннахъ кавалерія идетъ впереди. За нею вьючныя лошади и котлы, дабы лишь только кавалерія прибудетъ на лагерное мѣсто, сейчасъ же сварить кашу до прихода войскъ.

«Затѣмъ идутъ лошади артиллерійскія, а $^1/_8$ мили за ними колонны; на солдатахъ ранцы и провіантъ.

«Полковыя орудія въ колоннахъ. Аріергардъ за каждой колонной состоитъ изъ 10 казаковъ. Скотъ на порцію. Затѣмъ слѣдуютъ обозы съ обыкновеннымъ своимъ прикрытіемъ. Естественно, чѣмъ ближе къ непріятелю, тѣмъ это прикрытіе должно быть сильнѣе.

«Кіари, $2^1/_2$ мили не доходя Брешіи. Если Брешія занята слабо, что весьма возможно, то немедленно же овладѣть ею. Иначе—если непріятель держится за Кіари. Если будетъ время варить кашу за Брешіей, тѣмъ лучше; не то прямо пойдемъ на непріятеля у Кіари. Оттѣснимъ его за Брешіу сколько нужно, чтобы держать его въ уздѣ, — а тамъ разобьемъ его.

«Въ походѣ безъ сигналовъ и пѣсенъ».

Правая и средняя колонны составлены были исключительно изъ австрійскихъ войскъ; первая двигалась на Понте-С.-Марко, а вторая на Кельчинато.

Третья — лѣвая колонна состояла изъ дивизіи Повало-Швейковскаго и австрійской дивизіи Кейма; она направлена къ Монтекіари. Въ авангардѣ шли войска кн. Багратіона и австрійская дивизія Отта, подъ общимъ начальствомъ генерала Края; авангардъ выдвинулся до Кастенедоло.

Придя въ Кіезу, Суворовъ остановился. Здѣсь онъ распредѣлилъ донскихъ казаковъ по всѣмъ колоннамъ, приказавъ имъ слѣдовать во главѣ ихъ.

Въ это время французская армія находилась въ полномъ отступленіи. Лѣвая колонна

[5]) Пѣхота: Апшеронскій (Милорадовича), Тамбовскій (Ферстера), Низовскій (Барановскаго) мушкетерскіе полки; Московскій гренадерскій (Розенберга), Егерскій полкъ кн. Багратіона, сводно-гренадерскіе баталіоны Дендрыгина и Ломоносова.

Кавалерія: казачьи полки — Грекова, Денисова, Молчанова и Поздѣева.

французскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Моро, переправилась у Понтевико черезъ Оліо и расположилась при м.м. Кальчіо, Палацолло и Санчино. Здѣсь Моро имѣлъ намѣреніе держаться; но когда онъ узналъ, что генералъ Шереръ съ другою частью арміи отступилъ уже къ Кремонѣ, то не нашелъ возможнымъ удержаться на занятой имъ позиціи и двинулся 10-го апрѣля къ р. Аддѣ.

Не встрѣтивъ непріятеля въ Кіезѣ, фельдмаршалъ направился къ Брешіи. Городъ и крѣпость Брешія — одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Ломбардіи, — расположенный на скатахъ горъ, между рѣками Мелла и Навиліо, обнесенъ былъ стѣною съ башнями и въ то время имѣлъ до 40,000 жителей. Въ цитадели, построенной на командующей высотѣ, находился французскій гарнизонъ изъ 1,100 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Бузе.

Подойдя къ Брешіи, графъ Суворовъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ штурму, для чего назначилъ авангардъ князя Багратіона и одну австрійскую дивизію (Цопфа). Атакѣ долженъ былъ содѣйствовать особый отрядъ со стороны горъ. Всѣ остальныя войска, въ двухъ колоннахъ, направлены къ переправамъ на р. Меллѣ; русскія войска образовали лѣвую колонну и пошли къ Форначе. Благодаря искусному маневру князя Багратіона, преградившаго непріятелю путь отступленія изъ города, французскій генералъ Бузе принужденъ былъ отступить въ цитадель, которую и сдалъ въ 4 часа пополудни. Взятіе Бреши явилось первымъ успѣхомъ графа Суворова въ Италіи и было принято какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вѣнѣ съ особенною радостью. Императоръ Павелъ приказалъ, по окончаніи благодарственнаго молебна въ Павловскѣ, провозгласить многолѣтіе «господину фельдмаршалу Россійскихъ войскъ, побѣдоносцу графу Суворову-Рымникскому», причемъ изъ орудій въ Маріенталѣ произведена была пушечная пальба.

Между тѣмъ, главныя силы, выступивъ къ переправамъ ночью, сбились съ пути. Корпусъ Розенберга столкнулся съ австрійскимъ, — и войска союзниковъ перепутались; когда корпуса пришли на ночлегъ, то русскія войска образовали уже правый флангъ, а австрійцы — лѣвый.

Вообще, характеръ походныхъ движеній, принятый Суворовымъ въ Италіи, былъ таковъ: войска снимались съ бивуака или лагернаго расположенія до разсвѣта; пройдя 7 верстъ, они дѣлали часовой привалъ, а пройдя еще 7 верстъ, отдыхали 4 часа, и въ это время варили обѣдъ; затѣмъ они выступали и проходили снова 14 верстъ. Не привыкшія къ подобнымъ переходамъ, австрійскія войска съ неудовольствіемъ подчинялись приказаніямъ фельдмаршала, и между ними нерѣдко слышались жалобы. Послѣ одного изъ переходовъ, когда австрійскія войска промокли отъ дождя, командовавшій ими генералъ Меласъ остановилъ колонну, чтобы дать солдатамъ обсушиться. Графъ Суворовъ, узнавъ объ этомъ, остался чрезвычайно недоволенъ такимъ распоряженіемъ и написалъ австрійскому генералу слѣдующее письмо: «До свѣдѣнія моего доходятъ жалобы на то, что пѣхота промочила ноги. Виною тому погода. Переходъ былъ сдѣланъ на службѣ могущественному Монарху. За хорошею погодою гонятся женщины, щеголи (les petits maitres) да лѣнивцы. Большой говорунъ, который жалуется на службу, будетъ, какъ эгоистъ, отрѣшенъ отъ должности. Въ военныхъ дѣйствіяхъ слѣдуетъ быстро сообразить—и немедленно же исполнить, чтобы непріятелю не дать времени опомниться. У кого здоровье плохо, тотъ пусть и остается назади. Италія должна быть освобождена отъ ига безбожниковъ и французовъ: всякій честный офицеръ долженъ жертвовать собою для этой цѣли. Ни въ какой арміи нельзя терпѣть такихъ, которые умничаютъ. — Глазомѣръ, быстрота, стремительность! — на сей разъ довольно» [6].

[6]) Милютинъ. «Исторія войны 1799 года». Томъ I, стр. 274.

После взятія Брешіи союзная армія направилась къ р. Аддѣ. Русскія войска, вмѣстѣ съ двумя австрійскими дивизіями, составили правую колонну и пошли черезъ Палоцолло на Бергамо; средняя колонна двинулась къ Тревилію, а лѣвая — черезъ Кальчіо къ Кремѣ.

11-го апрѣля армія подошла къ р. Оліо. Не зная еще объ отступленіи французовъ, Суворовъ предполагалъ, что они будутъ держаться на этой рѣкѣ. 12-го числа правая колонна, послѣ незначительной перестрѣлки съ непріятелемъ, заняла Палоцолло. Пока устраивались мосты черезъ Оліо, казачій полкъ Грекова, преслѣдуя непріятеля, ворвался въ гор. Бергамо и здѣсь захватилъ въ плѣнъ 130 французовъ. Переправившись черезъ Оліо, союзная армія 14-го апрѣля подошла къ р. Аддѣ и расположилась на правомъ ея берегу; русскій корпусъ сталъ у Каприно, а авангардъ кн. Багратіона—по дорогѣ въ Лекко. На противоположномъ берегу рѣки сосредоточилась непріятельская армія, численностью около 28,000 человѣкъ, раздѣленная на три дивизіи — генераловъ Серрюрье, Гренье и Виктора. Французскій главнокомандующій, остановившись на правомъ берегу р. Адды, намѣревался держаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока къ нему не присоединятся войска, оставленныя на флангахъ. Впереди расположенія непріятельскихъ войскъ протекала р. Адда, сама по себѣ представлявшая прекрасную оборонительную линію, благодаря своей ширинѣ и непроходимости въ бродъ. Правый берегъ ея былъ крутой и возвышался надъ лѣвымъ. Но французскій главнокомандующій сдѣлалъ большую ошибку: желая сохранить связь съ войсками, дѣйствовавшими на флангахъ, Шереръ растянулъ свою армію по всему теченію р. Адды, такъ что, на разстояніи около 100 верстъ, весь правый берегъ былъ усѣянъ незначительными постами безъ резервовъ. Когда Суворовъ узналъ о раздробленности непріятельской арміи, то рѣшилъ прорвать ее и разбить французовъ по частямъ. Съ этой цѣлью фельдмаршалъ приказалъ устроить, 15-го апрѣля, переправу у Сен-Джервозіо, чтобы, перейдя здѣсь черезъ Адду, двинуться къ Милану. Въ ночь на 15-е число, Суворовъ получилъ донесеніе отъ кн. Багратіона о томъ, что городъ Лекко занятъ значительнымъ отрядомъ. Предполагая, что въ этомъ городѣ находится дивизія генерала Серрюрье, графъ Суворовъ, отмѣнивъ переправу арміи, остановилъ у Каприно дивизію Повало-Швейковскаго и отрядъ австрійскихъ войскъ Вукасовича, съ цѣлью, въ случаѣ необходимости, поддержанія авангарда Багратіона, двинувшагося къ Лекко. Въ 8 часовъ утра, 15-го апрѣля, князь Багратіонъ, проходя по горному ущелью, верстахъ въ двухъ отъ Лекко, встрѣтилъ передовые французскіе аванпосты и, опрокинувъ ихъ, подступилъ къ городу. Лекко окруженъ былъ каменною стѣною; гарнизономъ его, состоявшимъ изъ 4 баталіоновъ и одного эскадрона, командовалъ генералъ Сойе. Для атаки князь Багратіонъ раздѣлилъ свои войска на три части: одна колонна двинулась въ обходъ, другая пошла съ мѣста въ атаку, а третья составляла резервъ. Кромѣ того, два единорога, подъ прикрытіемъ роты, занявъ позицію противъ разрушеннаго французами моста, обстрѣливали отсюда городъ.

Вскорѣ первыя двѣ колонны ворвались въ городъ, но встрѣтили здѣсь такое упорное сопротивленіе, что Багратіонъ принужденъ былъ потребовать подкрѣпленія. Графъ Суворовъ отправилъ къ Лекко Милорадовича съ гренадерскимъ баталіономъ Дендрыгина (въ коемъ, какъ извѣстно, находились и двѣ роты Апшеронскаго полка). Собравъ, откуда можно обывательскія подводы, Милорадовичъ посадилъ на нихъ солдатъ и, около 4 часовъ пополудни, прибылъ къ Лекко. Помощь поспѣла во-время. Когда французы увидѣли, что войскъ у Багратіона мало, то перешли въ наступленіе, вытѣснили русскихъ изъ города и затѣмъ стали обходить Багратіона съ фланга, отъ деревни Джерманедо. Приходъ баталіона Дендрыгина, а затѣмъ вскорѣ и еще двухъ баталіоновъ сразу измѣнилъ положеніе дѣлъ. Русскія войска опять перешли въ наступленіе и вторично заняли Лекко. Ночь остановила сра-

*

женіе, продолжавшееся 12 часовъ. Французы оставили на мѣстѣ не мало тѣлъ, и взято 100 человѣкъ въ плѣнъ; наши потери заключались въ 385 убитыхъ и раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ находился и князь Багратіонъ. Было уже слишкомъ поздно, чтобы приступить къ устройству переправы черезъ Адду. Получивъ донесеніе отъ австрійскаго генерала Вукасовича, что онъ началъ устраивать переправу недалеко отъ мѣстечка Бривіо, въ 13 верстахъ отъ Лекко, графъ Суворовъ приказалъ очистить послѣдній и расположиться на ночлегъ въ ущельи между Лекко и Бривіо.

Въ ночь съ 15-го на 16-е апрѣля, по приказанію Суворова, устроенъ былъ понтонный мостъ черезъ Адду у м. С.-Джервазіо, и войска переправились почти совершенно безпрепятственно, ибо на противоположномъ берегу, въ мѣстечкѣ Треццо, находился незначительный французскій отрядъ, замѣтившій переправу только утромъ, когда уже она была почти окончена.

Французскій главнокомандующій, генералъ Моро[7], узнавъ о переправѣ союзниковъ, немедленно распорядился о сосредоточеніи войскъ къ дер. Поццо и мѣст. Ваприо. Дивизія французскаго генерала Гренье, прибывъ первою въ Ваприо, на нѣкоторое время задержала наступленіе австрійцевъ; но, послѣ удачной атаки казаковъ, принуждена была отступить къ Поццо. Въ то же время генералъ Моро узналъ, что у Кассано часть войскъ генерала Виктора и бригада изъ дивизіи Гренье также потерпѣли пораженіе и самый гор. Кассано занятъ союзниками. Между тѣмъ, Вукасовичъ успѣлъ устроить переправу у Бривіо; здѣсь русскій корпусъ перешелъ черезъ Адду и, по приказанію Суворова, 17-го апрѣля, направился къ гор. Милану. У дер. Падерно авангардный казачій полкъ Поздѣева совершенно неожиданно наткнулся на цѣлый отрядъ французскихъ войскъ: — то была дивизія генерала Серрюрье. Вскорѣ подошла и пѣхота Вукасовича. Послѣдній предложилъ французскому генералу сдаться, но, получивъ отказъ, атаковалъ его. Впрочемъ сраженіе продолжалось недолго: увидѣвъ приближеніе русскаго корпуса, Серрюрье сдался на капитуляцію. Генералы и офицеры, получивъ шпаги, отпущены были во Францію, съ условіемъ въ теченіи всей кампаніи не служить противъ союзниковъ, а нижніе чины (около 2,700 чел.) оставлены были до размѣна плѣнныхъ. Орудій взято 9.

Итакъ боевая линія французовъ была прорвана, союзники перешли черезъ Адду и, въ трехдневномъ бою на берегахъ этой рѣки, нанесли французамъ полное пораженіе. Французская армія отступила частью на гор. Павію, частью, черезъ Миланъ, на гор. Буфалору.

Императоръ Павелъ I, получивъ донесеніе Суворова о побѣдѣ на р. Аддѣ, отправилъ фельдмаршалу рескриптъ такого содержанія: «Реляцію вашу получилъ: благодарилъ Бога; благодарю васъ и храброе Мое воинство, въ немъ же слава Моя и Россіи. Господинъ маіоръ Румянцевъ скажетъ вамъ о радости нашей и доставитъ знаки благоволенія Нашего удостоеннымъ вами: украсьте ихъ оными и руководствуйте ихъ мужествомъ въ дальнихъ подвигахъ вашихъ. Побѣждайте и возстановляйте Царей»[8].

Суворовъ пожалованъ былъ брилліантовымъ перстнемъ, съ портретомъ Императора, Милорадовичъ—орденомъ — св. Анны 1-й степени; всѣ нижніе чины получили по серебряному рублю.

Послѣ побѣдоноснаго перехода союзниковъ черезъ Адду, жителей Милана — столицы Цизальпійской республики, обуяло полное смятеніе: всѣ высшія власти и члены правленія республики торопились выбраться изъ города подъ охраною французскихъ войскъ. Для защиты миланской цитадели оставленъ генералъ Бешо съ 2,400 чел. Вечеромъ, 17-го апрѣля, въ городъ ворвались донскіе казаки и успѣли захватить въ плѣнъ около 30 французовъ, не

---

7) Назначенъ вмѣсто генерала Шеррера.

8) Милютинъ. «Исторія войны 1799 года между Франціей и Россіей». Томъ I, стр. 294.

успѣвшихъ войти въ цитадель. На другой день, бывшій первымъ днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, подошли къ Милану главныя силы союзниковъ (австрійскія войска) и во главѣ ихъ ѣхалъ фельдмаршалъ Суворовъ. Главнокомандующаго встрѣтилъ мѣстный архіепископъ со всѣмъ духовенствомъ, съ крестами и хоругвями. Суворовъ, поцѣловавъ распятіе и руку архіепископа, сказалъ ему: «Я присланъ возстановить древній престолъ Папскій и привести народъ въ послушаніе монарху его. Помогите мнѣ въ святомъ дѣлѣ».

День выдался теплый и ясный. У городскихъ воротъ толпилось множество народу. Окна, балконы и крыши домовъ были усѣяны жителями, оглашавшими воздухъ криками восторга.

Войска союзниковъ расположились внѣ города. Русскій корпусъ пришелъ къ Милану 19-го апрѣля и размѣстился близъ него. Все вниманіе миланцевъ сосредоточено было на русскихъ, которыхъ до того времени они не видѣли. Они удивлялись и большимъ бородамъ казаковъ, и благочестію русскихъ солдатъ, крестившихся передъ каждою церковью, и не понимали, почему это русскіе цѣлуются нетолько другъ съ другомъ, но и съ ними, что въ особенности поражало италіанцевъ.

Давъ войскамъ двухдневный отдыхъ, фельдмаршалъ уже составилъ планъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ.

Отдѣливъ для осады миланской цитадели 4,500 человѣкъ австрійскихъ войскъ, всѣ прочія войска графъ Суворовъ раздѣлилъ на двѣ части: осадную армію, численностью въ 25,000 чел., подъ начальствомъ австрійскаго генерала Края, и главную дѣйствующую— изъ 18,000 русскихъ и 18,000 австрійцевъ, подчинивъ тѣхъ и другихъ непосредственно себѣ.

Первая армія предназначалась для осады кр. Мантуи, занятія Вероны, Леньяго, Брешіи, а также долженствовала угрожать Феррарской и Моденской областямъ.

Главная армія, перейдя рѣки Тичино и По, идетъ сначала на встрѣчу непріятельской арміи, ожидаемой изъ Горной и Средней Италіи (армія генерала Макдональда) и, разбивъ ее, обращается къ Турину, противъ Пьемонтской арміи (генерала Моро). Со стороны Швейцаріи Сѣверную Италію охраняли особые отряды, отдѣленные отъ Тирольской арміи.

Въ томъ же планѣ находились указанія и для дѣйствій Рейнской и Тирольской армій. Планъ этотъ, отправленый въ Вѣну на разсмотрѣніе, какъ слишкомъ смѣлый, не былъ одобренъ австрійскимъ гофкригсрататомъ (военный совѣтъ), состоявшимъ изъ бездарныхъ и нерѣшительныхъ генераловъ, и императоръ Францъ написалъ фельдмаршалу письмо, въ которомъ указывалъ ему «ограничить всѣ дѣйствія лѣвымъ берегомъ р. По; особенное же вниманіе обратить на обезпеченіе себя въ завоеванныхъ областяхъ, покореніемъ находящихся въ нихъ крѣпостей, какова напримѣръ Мантуа». Это возраженіе было началомъ тѣхъ непріятностей, которыя вѣнскій дворъ не замедлилъ проявить къ нашему полководцу. Австрійцы не желали, чтобы Суворовъ вмѣшивался въ политическій строй завоеванныхъ имъ провинцій и дѣлалъ распоряженія, совсѣмъ не соотвѣтствовавшія ихъ видамъ. Австрія, по искони свойственной ей двуличной политикѣ, намѣревалась только пользоваться геніальностью русскаго военачальника и кровью русскихъ солдатъ для пріобрѣтенія себѣ дешевыхъ лавровъ, но отнюдь не имѣла охоты раздѣлять плоды успѣховъ съ русскими.

Выступивъ изъ Милана, главная армія двинулась къ городамъ Піаченцѣ и Парпанезѣ, у которыхъ находились переправы черезъ р. По. У м. Меленьяно армія раздѣлилась на двѣ части: одна — правая колонна, состоявшая изъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Розенберга, направилась на С.-Анджело; 21 апрѣля русскій корпусъ расположился у м. Піево-Моране, на берегу р. По, противъ Парпенезе. Другая часть, изъ австрійскихъ войскъ, при коихъ находился и Суворовъ, пошла на м. Лоди и, одновременно съ первою колонною,

размѣстилась у м. Казаль-Пустерленго. Въ тотъ же день авангардъ князя Багратіона на лодкахъ переправился на правый берегъ По, гдѣ непріятеля не оказалось.

22-го числа русскія войска заняли оставленный французами гор. Павію, и нашли тамъ большіе продовольственные и боевые запасы. Авангардъ кн. Багратіона выдвинулся къ Вогерѣ, для наблюденія за непріятелемъ. 25-го апрѣля устроена была у Піаченцы переправа для австрійскихъ войскъ, часть которыхъ двинулась къ м. Бобіо. Въ то же время корпусъ Розенберга, переправясь у Павіи черезъ р. Тичино, занялъ позицію у м. Дарно, а авангардъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Чубарова, предвинулся къ м. Лумело.

Непріятельская армія сосредоточилась между городами Валенціею и Александріею; Моро занялъ весьма сильную позицію при сліяніи По, Танаро и Бармиды, прикрывавшую юго-западный Пьемонтъ и дороги въ Ривьеру черезъ Апеннинскій хребетъ. Располагая свободою дѣйствій по обоимъ берегамъ р. По, Моро имѣлъ возможность не только поспѣть къ Турину раньше Суворова, но и, въ случаѣ обращенія союзниковъ противъ арміи Макдональда, перейти въ наступленіе и дѣйствовать намъ въ тылъ.

26-го апрѣля фельдмаршалъ прибылъ въ Вогеру къ авангарду князя Багратіона, а черезъ часъ сюда же пріѣхалъ Цесаревичъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, котораго Императоръ Павелъ прислалъ къ Суворову обучаться военному искусству.

На другой день, послѣ оффиціальнаго представленія, графъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ въ русскій лагерь, и здѣсь Великій Князь объявилъ войскамъ «благодарность и поклонъ» Государя Императора.

Между тѣмъ, фельдмаршалъ, не зная еще о мѣстѣ расположенія Моро, но получивъ два весьма важныя извѣстія — первое, что непріятель оставляетъ Валенцу и отступаетъ, а второе, что въ Тортону идутъ подкрѣпленія изъ Генуи, — приказалъ генералу Розенбергу съ русскимъ корпусомъ переправиться черезъ р. По и, прежде чѣмъ туда придутъ французы, занять Валенцу, а князю Багратіону предписалъ съ авангардомъ двинуться отъ Вогеры и, обойдя Тортону, отрѣзать сообщенія этой крѣпости съ Генуей и Александріей; Багратіона долженъ былъ поддержать отрядъ генерала Карачая. Австрійскія же войска двинулись къ Тортонѣ и, 28-го апрѣля, безъ труда ею овладѣли; причемъ лишь въ цитадели, вооруженной 70 пушками, заперлось 700 французовъ, открывшихъ по австрійцамъ сильный артиллерійскій огонь. Такимъ образомъ, первое извѣстіе о движеніи подкрѣпленія къ Тортонѣ не подтвердилось.

На основаніи приказанія Суворова, генералъ Розенбергъ выслалъ для занятія Валенцы авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Чубарова, который 28-го числа, осмотрѣвъ берега рѣки, выбралъ для переправы мѣсто у Борго-Франко, верстахъ въ 7 отъ Валенцы, потому что здѣсь на р. По былъ небольшой низменный островъ, подъ названіемъ Мухароне, отдѣленный отъ противоположнаго берега мелкимъ и узкимъ рукавомъ. Авангардъ приступилъ къ устройству парома, а тѣмъ временемъ 30 егерей переплыли широкій рукавъ рѣки и заняли островъ. Считая авангардъ Чубарова недостаточно сильнымъ, генералъ Розенбергъ въ подкрѣпленіе къ нему отправилъ 2-й баталіонъ Милорадовича (Апшеронскаго) и баталіонъ Розенберга полка, подъ начальствомъ командира 2-го баталіона Апшеронскаго полка полковника Жукова. Эта колонна 30 апрѣля прибыла къ мѣсту переправы, и генералъ Чубаровъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, послалъ ее по лѣвому берегу къ Валенцѣ. Того же числа, казачій полкъ Семерникова, переправясь черезъ По, занялъ лежавшую по близости дер. Бассиньяна; но, замѣтивъ приближеніе значительныхъ непріятельскихъ силъ, казаки, послѣ небольшой перестрѣлки, перешли на островъ. Въ

полдень къ авангарду прибыли Великій Князь Константинъ Павловичъ и генералъ Милорадовичъ.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что французы и не думали покидать Валенцы; слѣдовательно и второе извѣстіе, полученное Суворовымъ, оказалось ложно. Получивъ о томъ донесеніе отъ генерала Розенберга, фельдмаршалъ, сосредочивъ всю армію у Тортоны, послалъ Розенбергу приказаніе прекратить предпріятіе на Валенцу, переправиться съ корпусомъ у Камбію и присоединиться къ арміи.

Однако Розенбергъ не исполнилъ приказанія Суворова. Получилъ донесеніе, что авангардъ устроилъ у Борго-Франко большой паромъ, этотъ генералъ двинулся съ корпусомъ къ переправѣ и, 30 числа, расположился лагеремъ у с.с. Кастелларо, С.-Джорджіо и Фраскаролло. Недоумѣвая о причинѣ медленности Розенберга, фельдмаршалъ отправилъ къ нему еще два предписанія, почти одно за другимъ, — второе уже собственноручное. Въ послѣднемъ онъ писалъ: «Ваше высокопревосходительство Андрей Григорьевичъ! Жребій Валенцы предоставимъ будущему времени. Генерала Чубарова соедините къ себѣ, что полагаю, не видя тамъ нужды, вы и учинили. Довольно на его прежнемъ пунктѣ; пока сюда переправятся, оставить обвѣщательный казачій пикетъ. Вы же наивозможнѣйше спѣшите денно и ночно Россійскія дивизіи переправлять черезъ рѣку По, для соединенія въ сторонѣ Тортоны, собирая изъ всѣхъ прилежащихъ мѣстъ наиболѣе количество судовъ. А. Суворовъ-Рымникскій[9]». Какъ ни опредѣленно было послѣднее предписаніе Суворова, однако, получивъ и его, Розенбергъ все еще раздумывалъ. Наконецъ, узнавъ отъ жителей, что французскія войска направились къ Александріи, а у Валенцы осталось не болѣе 1,000 человѣкъ, онъ рѣшилъ переправиться у Бассиньяна и овладѣть Валенціей. Утромъ, 1 мая, авангардъ Чубарова перешелъ По и двинулся по дорогѣ къ Валенцѣ; будучи, атакованъ у сел. Печетто превосходными силами непріятеля, Чубаровъ хотя и отбилъ атаку и занялъ Печетто, однако, по своей малочисленности (его войска не превышали 2,500 человѣкъ), не могъ здѣсь долго держаться.

Узнавъ о переправѣ русскихъ у Бассиньяна, генералъ Моро немедленно двинулъ туда части дивизіи Виктóра и Гренье и самъ поѣхалъ на мѣсто сраженія. Съ прибытіемъ къ непріятелю свѣжихъ силъ, наши войска принуждены были очистить дер. Печетто и высоты С.-Антоніо, но, въ ожиданіи подкрѣпленія, мужественно держались на равнинѣ передъ Бассиньяна. Во второмъ часу пополудни, прискакавшій на мѣсто боя адъютантъ графа Суворова, чтобы узнать, переправляются-ли войска Розенберга, воротилъ назадъ русскіе баталіоны, уже находившіеся на правомъ берегу. Между тѣмъ положеніе авангарда Чубарова съ каждою минутой становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, а помощи не являлось. Тогда Великій Князь Константинъ Павловичъ самъ поскакалъ къ переправѣ и приказалъ генералу Милорадовичу съ однимъ баталіономъ своего полка идти на выручку Чубарова. Милорадовичъ бѣгомъ повелъ свой баталіонъ на поле сраженія и, придя сюда, пристроился къ правому флангу. Вслѣдъ затѣмъ подошли еще 2 ½ баталіона. Въ это время непріятель обходилъ нашъ отрядъ съ обоихъ фланговъ: кавалерія — справа, а пѣхота — слѣва. Войска наши, отступая, отбивали всѣ атаки французовъ. Но вотъ на ближайшихъ высотахъ показалась колонна генерала Виктóра, шедшаго изъ Александріи.

«Въ такое критическое мгновеніе генералъ Милорадовичъ, въ головѣ двухъ ротъ, съ праваго крыла бросается въ ту сторону, гдѣ угрожаетъ большая опасность[10]. Взявъ въ руки знамя, онъ самъ устремляется впередъ и еще разъ отбиваетъ атаку непріятель-

9) Милютинъ. «Исторія войны Россіи съ Франціей 1794 году», т. I. стр. 367.

10) Обѣ роты Апшеронскаго полка.

скую»[11]. Дойдя до Бассиньяна, Чубаровъ занялъ позицію и держался здѣсь до самой ночи, отбивая всѣ атаки. Къ сожалѣнію, паромъ, благодаря измѣнѣ жителей, которые подрѣзали веревки, былъ снесенъ теченіемъ, и войска не могли переправиться въ тотъ же день. Чубаровъ отступилъ на островъ, гдѣ и оставался всю ночь, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Утромъ, 1-го мая, когда паромъ былъ перенятъ и переправа снова устроена, войска перешли на лѣвый берегъ.

Потеря наша въ дѣлѣ 1-го мая была велика и заключалась: въ 1 штабъ, 6 оберъ-офицерахъ и 326 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены: одинъ генералъ, 8 штабъ и 50 оберъ-офицеровъ и 600 нижнихъ чинахъ; безъ вѣсти пропало 208 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, потеряно три орудія[12]. Апшеронскій баталіонъ потерялъ убитыми: *прапорщика Пушкарева* и 40 человѣкъ нижнихъ чиновъ (фельдфебель—1, унтеръ-офицеровъ—2, музыкантовъ—1, барабанщикъ—1, и рядовыхъ 35); ранены: *маіоръ Марченко, штабсъ-капитанъ Ѳедоровъ, поручикъ Акулинкинъ и подпоручикъ Корытко*, нижнихъ чиновъ 19; безъ *вѣсти пропало 16 рядовыхъ*[13].

Въ то время какъ происходило сраженіе у Бассиньяна, полковникъ Жуковъ, насколько представлялось возможнымъ, исполнилъ возложенную на него задачу: имѣя подъ рукою всего только одну лодку, онъ переправилъ на островъ, лежащій передъ Валенцею, нѣсколько человѣкъ солдатъ. Конечно, такая горсть не имѣла никакого значенія, тѣмъ не менѣе французы, для защиты города оставили здѣсь часть своихъ силъ.

Ночью фельдмаршалъ Суворовъ получилъ извѣстіе о дѣлѣ при Бассиньянѣ и приказалъ отправить Розенбергу такую записку: «Его сіятельство графъ Суворовъ-Рымникскій удивляется безпрочному вашему сраженію и что вы, имѣя повелѣніе присоединиться къ корпусу, бывшему при Тортонѣ, не взирая на сіе, переправились черезъ По. Теперь извольте, какъ можно скорѣе, идти къ Торре-ди-Гарафолло, что близъ Тортоны, и немедленно рапортовать». Внизу этой записки фельдмаршалъ сдѣлалъ такую приписку: «Не теряя ни минуты, немедленно сіе исполнить, или подъ военный судъ. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій».

Получивъ такое грозное посланіе, генералъ Розенбергъ тотчасъ же отправилъ къ переправѣ у Камбіо $5\,{}^{1}/_{2}$ баталіоновъ (въ числѣ ихъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка), приготовляясь и самъ туда слѣдовать, а у Фраскаролло, для наблюденія за непріятелемъ, занимавшимъ Валенцу, оставилъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго (Милорадовича), баталіонъ Тыртова полковъ и казачій полкъ Семерникова, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тыртова.

3-го мая Суворовъ о дѣлѣ у Бассиньяна и о неудачной рекогносцировкѣ австрійскихъ войскъ того же 1-го мая у Казале отдалъ слѣдующій приказъ по соединенной арміи: «Мѣстной въ его близости по обстоятельствамъ лучше судить нежели отдаленной; онъ проникаетъ въ ежечасныя перемѣны теченія ихъ и потому направляетъ свои поступки по воинскимъ правиламъ. По слуху Валенца опорожнена; наряженъ для занятія ея только несильный отрядъ. Тотъ слухъ явился ложный, сіе отмѣнено и вскорѣ повелѣно всѣмъ въ тамошней странѣ бывшимъ Россійскимъ войскамъ соединиться къ арміи для большихъ операціевъ. Повелѣніе сіе получено, когда уже нѣкоторая часть передовыхъ изъ Борго-Франко переправилась черезъ По на первый островъ; не токмо, чтобъ той части переправиться обратно, но въ ослушаніе повелѣнія, весь сей корпусъ продолжалъ переправу на противный берегъ на одномъ паромѣ съ лодками, и безъ малѣйшаго разсмотрѣнія, оставя все благоразуміе, первопереправившимися баталіонами пошелъ быстро сбивать непріятель-

[11]) Тамъ-же стр. 370.
[12]) Дѣло № 1296. Военно-Ученый Архивъ.
[13]) Московское отдѣленіе Архива Главнаго штаба. Строевые рапорты за май мѣсяцъ 1799 г.

скіе пикеты, не разсчисляя, что слѣдующихъ войскъ назади, чрезъ переправу, едва одинъ баталіонъ часа черезъ полтора переправиться могъ. Малое число баталіоновъ обрѣли себя вдругъ противъ непріятельскаго несравненно превосходнѣе ихъ корпуса, умножающагося непрестанно отъ Александріи, гдѣ его всѣ силы были. Россіяне едва пять баталіоновъ имѣли и 200 казаковъ, — какъ мужественный генералъ-маіоръ Милорадовичъ, отличившійся уже при Лекко, видя стремленіе опасности, взявши въ руки знамя, ударилъ на штыкахъ, поразилъ и покололь противостоящую непріятельскую пѣхоту и конницу, и, рубя самъ, сломалъ саблю; двѣ лошади подъ нимъ ранены. Ему многіе послѣдовали и, наконецъ, всѣ. Между тѣмъ разные баталіоны, переправясь сзади, соединились; сраженіе получило иной видъ; уже непріятель отступалъ, Россіяне его храбро гнали и поражали, побѣда блистала... какъ сзади себя слышатъ въ барабанъ отбой и сборы, якобы въ какой экзерциціи, что послѣднее и тамъ не нужно по исправности войскъ. Сіи герои отступаютъ, преслѣдуемые непріятелемъ гораздо превосходнѣе ихъ, и строятся у сигнала: начинается пальба, съ прибавленіемъ изъ-за рѣки войскъ, — на которой множество гибнетъ людей. Ночь раздѣлила сражающихся: непріятель, потерявшій вдвое, отступилъ къ Александріи. Россіяне переправились обратно чрезъ р. По.

«Императорско-Королевскій корпусъ, стоявшій противъ Казале, для демонстраціевъ переправилъ на противный берегъ, въ близости непріятеля, нѣсколько пѣхотныхъ ротъ, яко на жертву: по крайней неосторожности суда расплылись. Ту пѣхоту непріятель окружилъ большими силами и едва треть оной спаслись.

«Демонстраціи — игра юно-военныхъ; обыкновенно онѣ или пустыя, утруждающія войска, или наносящія имъ вредъ. Занятіе многихъ постовъ ихъ раздѣляетъ и даетъ способъ непріятелю имѣть надъ ними поверхность по подробности. Нужны разъѣзды и обвѣщательные посты отъ конницы; развѣ въ ущельяхъ горъ пѣхота употреблена быть можетъ и то съ великою осторожностью, чтобы отрѣзана не была.

«Иначе, военный судъ разбирать будетъ! Графъ Александръ Суворовъ Рымникскій» [14].

Императоръ Павелъ, получивъ донесеніе Суворова о сраженіи при Бассиньяна, пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ сраженіи съ Великимъ Княземъ, по два рубля. «Храбрость и усердіе ихъ, писалъ Императоръ фельдмаршалу, меня не удивляютъ; сбывается мною ожиданное; а мнѣ лишь остается пещись о ихъ благоденствіи...» [15].

Переправившись у Камбіи черезъ По, передовая колонна Розенберга, подъ начальствомъ генерала Ферстера, пройдя Вогеру, расположилась 3 мая лагеремъ при м. Салѣ. Остальныя войска русскаго корпуса, вслѣдствіе разлитія рѣки и отсутствія достаточнаго количества судовъ, на нѣкоторое время задержаны были у переправы.

Между тѣмъ, Суворовъ совершенно отказался отъ своего намѣренія сосредоточить войска у Тортоны; взамѣнъ того онъ рѣшилъ переправить всю армію на лѣвый берегъ р. По, съ цѣлью сблизиться съ отрядами, охранявшими его правый флангъ со стороны Альпъ. Занявъ дороги, по которымъ могли прійти къ непріятелю подкрѣпленія изъ Швейцаріи и Савои, фельдмаршалъ вмѣстѣ съ тѣмъ угрожалъ своимъ положеніемъ Генуѣ и могъ принудить генерала Моро дать союзникамъ рѣшительное сраженіе.

Уже сдѣланы были всѣ распоряженія къ передвиженію войскъ, но нападеніе самихъ французовъ разстроило всѣ планы Суворова.

Генералъ Моро, стоявшій у Александріи, 5 мая, рѣшилъ бросить свою позицію и пробиться въ Геную. Первою двинулась дивизія генерала Виктора; дойдя до с. Маренго, она

14) Тамъ-же, стр. 375.
15) Тамъ-же, стр. 379.

сбила передовые австрійскіе посты. Тогда отрядъ австрійскихъ войскъ генерала Лузиньяна, соединившись у С.-Джульяно съ авангардомъ князя Багратіона, атаковалъ французовъ и заставилъ ихъ отступить. Преслѣдованіе непріятеля велось очень слабо, такъ что французы отступили въ полномъ порядкѣ. Графъ Суворовъ, получивъ донесенія о наступленіи Моро, взялъ съ собою войска генерала Ферстера (гдѣ находился также и баталіонъ Апшеронскаго полка) и отправился къ Маренго; но когда онъ прибылъ, то сраженіе было уже окончено.

Послѣ неудачной попытки пробиться къ Генуѣ по ближайшимъ дорогамъ, французская армія отправилась къ этому городу кружными путями, черезъ горы. Войска Ферстера возвратились къ Салѣ.

9-го мая авангардъ генералъ-маіора Тыртова (баталіонъ Апшеронскаго полка) присоединился къ войскамъ Розенберга и вся армія начала переправу на лѣвый берегъ По. Теперь Суворовъ задумалъ овладѣть городомъ Туриномъ. Вся армія двигалась къ этому городу двумя колоннами: въ одной находились русскія войска, а въ другой — австрійцы. Благодаря содѣйствію городскихъ жителей, Туринъ 15 мая былъ занятъ, а гарнизонъ его, состоявшій изъ 3.400 чел., подъ начальствомъ генерала Фіореллы, заперся въ цитадели. На предложеніе сдаться, Фіорелла отвѣтилъ отказомъ и началъ бомбардировать городъ изъ имѣвшихся въ цитадели 70 орудій. Тогда Суворовъ отправилъ коменданту письмо, въ которомъ предлагалъ ему прекратить стрѣльбу по городу, въ противномъ случаѣ онъ грозилъ выставить на эспланаду всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ французовъ. Угроза подѣйствовала и стрѣльба по городу прекратилась, подъ условіемъ, что союзники не будутъ вести атаку противъ цитадели со стороны города.

Получивъ повелѣніе отъ Императора Павла возстановить на престолъ сардинскаго короля, фельдмаршалъ, по занятіи Турина, образовалъ въ городѣ верховный совѣтъ для управленія страной, впредь до возвращенія въ нее короля. Такія распоряженія пришлись совсѣмъ не по душѣ вѣнскому кабинету: Австрія и не думала о возстановленіи прежняго режима въ странѣ, а смотрѣла на нее, какъ на свое завоеваніе. Въ такомъ смыслѣ, графъ Суворовъ получилъ письмо отъ императора Франца, а вслѣдъ за тѣмъ для управленія страной присланы были изъ Вѣны особые коммисары. Кромѣ того фельдмаршалъ вновь получилъ напоминаніе держаться плана кампаніи, составленнаго въ Вѣнѣ, и заняться осадою кр. Мантуи. Въ особенности интриговалъ противъ Суворова австрійскій министръ Тугутъ, человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, лживый, дѣйствовавшій помощью интригъ, систематичнаго шпіонства и доносовъ. Тугуту было непріятно, что Суворовъ не обращаетъ вниманія на фабрикуемые имъ планы и дѣйствуетъ по своему; поэтому онъ при каждомъ удобномъ случаѣ старался идти въ-разрѣзъ видамъ и намѣреніямъ нашего полководца. Ко всему этому надо добавить, что австрійское провіантмейстерство совершенно не заботилось о сколько нибудь исправномъ прокормленіи русскихъ войскъ, и нерѣдко наши части по три дня оставались безъ хлѣба, а мяса не видѣли по цѣлымъ недѣлямъ. По этому поводу разсказываютъ такой случай. Во время одного изъ переходовъ, группа солдатъ расположилась на берегу рѣки. «Закусывали тѣмъ, что имѣли при себѣ, и смачивали горло водой, хлебая ее деревянными ложками прямо изъ рѣки. Наѣхалъ случайно Суворовъ. «Что, ребята, вы тутъ дѣлаете?» спросилъ онъ. «Итальянскій супъ хлебаемъ, ваше сіятельство», отвѣчали солдаты. Суворовъ слѣзъ съ лошади, подсѣлъ къ нимъ, взялъ ложку, похлебалъ воды, очень похвалилъ итальянскій супъ и потомъ сказалъ, что «теперь сытъ, совсѣмъ сытъ». Садясь на лошадь и прощаясь съ солдатами, онъ многозначительно имъ замѣтилъ, что французы не въ-далекѣ, у нихъ пропасть разнаго добра, и надо только до нихъ добраться, а тамъ уже не станетъ дѣло за приправкой къ

супу»[16]. Приведенный случай прекрасно рисуетъ, въ какомъ положенiи относительно довольствiя находился русскiй корпусъ, благодаря заботливости нашихъ союзниковъ-австрiйцевъ, кормившихъ въ то же время свои собственныя войска исправнѣйшимъ образомъ.

Размѣстивъ войска въ Туринѣ и его окрестностяхъ, фельдмаршалъ сдѣлалъ необходимыя распоряженiя для осады цитадели, а самъ намѣревался двинуться къ Ривьерѣ Генуэзской, чтобы совершенно вытѣснить французовъ изъ Сѣверной Италiи.

Въ половинѣ мая положенiе нашего противника было таково: генералъ Моро съ частью армiи отступилъ за Апеннины и расположился въ Ривьерѣ Генуэзской; численность войскъ его простиралась до 25,000 человѣкъ; кромѣ того, французскiе гарнизоны находились: въ кр. Мантуѣ и въ цитаделяхъ — Туринской, Тортонской и Александрiйской. Южная или Неаполитанская армiя, подъ начальствомъ генерала Макдональда, двигалась на помощь Моро и, 18-го мая, заняла городъ Лукку. Соединясь съ корпусами генераловъ Монтришара и Готье, Макдональдъ имѣлъ въ своемъ распоряженiи болѣе 35,000 человѣкъ.

Въ двадцатыхъ числахъ мая обѣ французскiя армiи вошли уже въ связь. Фельдмаршалъ Суворовъ не зналъ еще намѣренiй противника, и оставался на мѣстѣ, принявъ только необходимыя мѣры, чтобы отразить французовъ въ каждомъ пунктѣ, куда-бы они ни устремились.

Наконецъ, 29-го мая, въ главной квартирѣ получено было извѣстiе, что непрiятель намѣренъ наступать къ Александрiи: тогда фельдмаршалъ рѣшилъ немедленно сосредоточить всѣ свои силы у этого города. Оставивъ часть войскъ для осады Туринской цитадели, Суворовъ съ остальными двинулся 30-го мая къ Александрiи. Русскiй корпусъ, въ составѣ 13 баталiоновъ (въ томъ числѣ два Апшеронскихъ), одного казачьяго и одного драгунскаго полковъ, направился на Вилланова, и, отдохнувъ въ послѣднемъ, въ 11 часовъ вечера выступилъ къ Асти, куда и прибылъ въ 8 часовъ утра, сдѣлавъ переходъ въ 50 верстъ по крайне испорченнымъ дорогамъ. Соединясь въ Асти съ австрiйскою дивизiею Фрелиха, русскiй корпусъ въ тотъ же день выступилъ дальше; русскiе шли впереди и на случай боя назначались въ 1-ю линiю, австрiйцы — во вторую[17].

Находясь въ пути всю ночь, войска прибыли въ Александрiю 1-го iюня, въ 2 часа пополудни, за что получили отъ Суворова благодарность.

Благодаря форсированнымъ маршамъ, къ 1-му iюня около Александрiи сосредоточилось почти 34,000 человѣкъ, и еще около 16,000 находились въ движенiи. Однако такое поспѣшное движенiе союзниковъ къ Александрiи оказалось совершенно напраснымъ, ибо непрiятель попрежнему оставался у Генуи; вслѣдствiе чего фельдмаршалъ направилъ опять въ Асти генерала Розенберга съ русскимъ корпусомъ. Русскiя войска выступили изъ лагеря въ 6 часовъ вечера, 2-го iюня, и ночевали у м. Кадордiо. Здѣсь Розенбергъ получилъ отъ Суворова записку, въ которой фельдмаршалъ, сообщая, что французская армiя сосредоточивается къ Мантуѣ, просилъ его возможно скорѣе идти на соединенiе съ прочими войсками[18].

---

[16]) Петрушевскiй. Генералисимусъ князь Суворовъ. Томъ III, стр. 101.

[17]) Диспозицiя на 1-е iюня. «Выступивъ немедленно изъ Асти, и отошедъ 4 мили, войска отдыхаютъ часъ, отошедъ другiя 4 мили, отдыхаютъ 3 часа, — варятъ каши. За 7 миль до Александрiи отдыхаютъ близъ часа, а при переправѣ черезъ Танаро могутъ еще нѣсколько отдохнуть. По полученiи сего, Россiйскiя войска немедленно выступаютъ и идутъ впереди; австрiйскiя же слѣдуютъ за ними. Полевая артиллерiя идетъ за колонною войскъ, а за артиллерiею обозы. При войскѣ оставляются только кухни и легкiя повозки; прочiя же отправятся въ Валенцу. Первая линiя должна быть изъ русскихъ войскъ; вторую составитъ дивизiя Фрелиха... Армiя идетъ лѣвымъ флангомъ; авангардъ состоитъ изъ пѣхоты: полка кн. Багратiона и 4-хъ сводно-гренадерскихъ баталiоновъ; казаки идутъ впереди, а прочiе обыкновеннымъ порядкомъ. Суворовъ».

[18]) «Ваше высокопревосходительство Андрей Григорьевичъ! Новѣйшiя извѣстiя. Французы, какъ пчелы и почти изъ всѣхъ мѣстъ роятся къ Мантуѣ. Намъ надлежитъ на нихъ спѣшить. Гдѣ это васъ застанемъ, отдохнувши сколько надлежитъ—поспѣшайте къ намъ на соединенiе. Мы скоро подымемся. Они сильны; съ нами Богъ. Простите мнѣ, что вы были затруднены по обстоятельствамъ. Гр. А. Суворовъ-Рымникскiй».

*

Новыя извѣстія, полученныя нашимъ полководцемъ, заключались въ слѣдующемъ. Армія Макдональда, по соединеніи съ дивизіею Монтришара, двинулась чрезъ Апенинскія горы на города Модену и Реджіо. 1-го іюня передовыя части непріятельской арміи атаковали при Моденѣ отрядъ австрійскихъ войскъ графа Гогенцолерна и отбросили его къ Мантуѣ. Составленный французскими генералами планъ заключался въ слѣдующемъ: Макдональдъ съ своею арміею, перейдя Апенины, спускается къ Болоньѣ и Реджіо, угрожаетъ осадному корпусу союзниковъ у Мантуи и правымъ берегомъ р. По наступаетъ къ гор. Піаченцѣ и крѣпостямъ Вогерѣ и Тортонѣ. Одновременно съ движеніемъ Макдональда, генералъ Моро изъ Генуи также двигается на Тортону, гдѣ обѣ арміи должны были соединиться. Планъ составленъ былъ очень искусно и, въ случаѣ успѣха, силы противника превышали-бы численность арміи Суворова. Теперь вся задача фельдмаршала сводилась къ тому, чтобы помѣшать соединенію французскихъ армій, — поэтому онъ рѣшилъ немедленно двинуться на встрѣчу Макдональду и разбить его.

Между тѣмъ русскій корпусъ, переночевавъ у Кадордіо, утромъ, 3-го іюня, двинулся опять къ Александріи, куда и пришелъ вечеромъ того же числа. 3-го и 4-го числа устраивалась переправа черезъ р. Бармиду, и когда она была готова, то вся армія направилась къ м. Кастель - Ново ди - Скривія двумя колоннами: правая — изъ русскихъ войскъ — черезъ С.-Джульяно и Тортону, а лѣвая — изъ австрійскихъ войскъ, — черезъ м. Сале.

Передъ выступленіемъ войска получили приказъ Суворова такого содержанія: «Непріятеля поражать холоднымъ оружіемъ—штыками, саблями и пиками. Артиллерія стрѣляетъ по своему разсмотрѣнію, почему она по линіи не расписывается. Кавалеріи и казакамъ стараться непріятелю во флангъ ворваться.

«Въ атакѣ не удерживать; когда непріятель будетъ сколонъ, срубленъ, то тотчасъ его преслѣдовать и не давать ему времени ни сбираться, ни строиться. Если непріятель будетъ сдаваться, то его щадить, только приказывать бросить оружіе. При атакѣ кричать, чтобы непріятель сдавался, о чемъ всѣ войска извѣстить; ничего не щадить, не взирать на труды, преслѣдовать непріятеля денно и ночно, до тѣхъ поръ, пока истребленъ не будетъ.

«Чтобы котлы и прочіе легкіе обозы были не въ далекомъ разстояніи при сближеніи съ непріятелемъ, дабы, по разбитіи его, можно было кашу варить. А причемъ же, побѣдители должны быть довольны взятымъ въ ранцы хлѣбомъ и въ манеркахъ водою»[19].

Переночевавъ у С.-Джульяно русскія войска, во избѣжаніе траты времени отъ устройства переправы у Тортона, поворотили прямо на Скривію; утромъ, 5-го іюня, они присоединились къ лѣвой колоннѣ, и послѣ трехъ-часоваго отдыха двинулись къ Кастеджію. Между тѣмъ передовые австрійскіе отряды уже вступили въ сраженіе съ французами. Отрядъ генерала Отто, присоединивъ къ себѣ войска Гогенцолерна, 5-го іюля, у Піаченцы былъ атакованъ частью арміи Макдональда и принужденъ отступить за рѣку Тидоне. Когда графъ Суворовъ получилъ объ этомъ донесеніе, то онъ, въ ночь на 6-е число, отправилъ на помощь Отто генерала Меласа съ авангардомъ австрійскихъ войскъ, а всей арміи назначилъ выступить къ Страделлѣ въ два часа ночи. На бивакѣ при Кастеджіо фельдмаршалъ отдалъ приказъ, касающійся преимущественно кавалеріи; приказъ этотъ на столько оригиналенъ, что мы считаемъ умѣстнымъ привести его здѣсь.

«Непріятельскую армію взять въ полонъ.

«Вліять твердо въ армію, что ихъ 26,000, изъ коихъ только 7,000 французовъ, прочіе всякій сбродъ реквизиціонеровъ.

---

19) Дѣло № 1296. Журналъ военныхъ дѣйствій. Военно-Ученый Архивъ.

«Казаки колоть будутъ; но жестоко бы слушали, когда французы кричать будутъ «пардонъ», или бить «шамадъ». Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать «белезармъ», «пардонъ», «жетелезармъ», и, симъ пользуясь, кавалерію жестоко рубить и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить...

«...Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ, крѣпко бить въ барабанъ, музыкѣ играть гдѣ случится, но особливо въ погони, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, чтобы слышно было своимъ.

«Ихъ генераловъ, особливо казаки и прочіе, примѣчаютъ по кучкамъ около ихъ; кричатъ «пардонъ», а ежели не сдаются, — убивать» [20].

Въ то время, какъ главныя силы союзниковъ, дойдя до Страделлы, расположились здѣсь лагеремъ, непріятель утромъ 6-го іюня вторично атаковалъ отрядъ генерала Отто и заставилъ его въ полномъ разстройствѣ отступить. Подкрѣпленные авангардомъ Меласа, австрійцы вновь заняли позицію у деревни Сармато и здѣсь упорно держались противъ превосходныхъ силъ противника. Когда графъ Суворовъ получилъ донесеніе о положеніи дѣлъ впереди его арміи, то не давъ какъ слѣдуетъ отдохнуть войскамъ, въ 10 часовъ утра выступилъ изъ Страделлы на помощь австрійцамъ. Несмотря на сильную жару и на бывшій до того утомительный ночной переходъ, русскіе не шли, а бѣжали на выручку попавшимъ въ бѣду австрійцамъ. Многіе изъ солдатъ падали отъ изнеможенія, но вскорѣ вставали и опять шли. Суворовъ разъѣзжалъ между полками, и одно появленіе любимаго вождя заставляло солдатъ забывать усталость и сонъ.

Приходъ русскихъ войскъ былъ какъ нельзя болѣе кстати, ибо непріятель уже успѣлъ выбить австрійцевъ изъ Сармато и приготовился произвести общую атаку. Первые прибывшіе вмѣстѣ съ Суворовымъ четыре казачьихъ полка немедленно вступили въ дѣло: два изъ нихъ атаковали польскую пѣхоту и совершенно разсѣяли ее, а два другія удерживаютъ натискъ французовъ съ лѣваго фланга. Атака казаковъ на нѣкоторое время задержала успѣхи непріятеля. Вскорѣ затѣмъ прибылъ авангардъ князя Багратіона, послѣ чего всѣ войска союзниковъ перешли въ наступленіе и опрокинули французовъ. Апшеронскій полкъ, находясь въ главныхъ силахъ, пришелъ почти передъ концомъ боя. Преслѣдовать отступавшаго противника Суворовъ, при всемъ желаніи, не могъ, ибо войска были страшно изнурены, пройдя отъ Александріи до рѣки Тидоне въ 36 часовъ 80 верстъ; передовыя части арміи генерала Макдональда безпрепятственно отступили на 7 верстъ отъ Тидоне и расположились на позиціи у рѣки Требіи.

На слѣдующій день фельдмаршалъ рѣшилъ атаковать французовъ и составилъ диспозицію для боя.

Выступивъ отъ р. Тидоне въ 10 часовъ утра, армія должна слѣдовать къ непріятельской позиціи тремя колоннами. Первая или правая колонна состояла изъ дивизіи генералъ-лейтенанта Повало-Швейковскаго, авангарда князя Багратіона и австрійскаго драгунскаго полка съ кавалерійскою батареею; она должна была, направляясь на селенія Компремольдо и Казамеджіо къ Требіи, атаковать и сбить непріятеля съ позиціи и потомъ двинуться къ селенію С.-Джорджіо на рѣкѣ Нурѣ.

Вторая или центральная колонна, въ составѣ дивизіи Ферстера, одного казачьяго и одного австрійскаго драгунскаго полковъ, переправясь черезъ Тидоне, шла черезъ селеніе С.-Джіовано и Гриньяно къ Требіи, и, отбросивъ французовъ за рѣку, наступала къ р. Нурѣ. Въ составѣ этой колонны находился и Апшеронскій полкъ (Милорадовича).

---

[20]) Тамъ-же.

Третья или лѣвая колонна — изъ австрійской дивизіи генерала Отто — должна была двигаться по піаченской дорогѣ. Резервъ составляла австрійская дивизія генерала Фрелиха.

Разстояніе между колоннами было около 8 верстъ. Первыми двумя колоннами, состоявшими исключительно изъ русскихъ войскъ, командовалъ генералъ-отъ-инфантеріи Розенбергъ.

Вмѣстѣ съ диспозиціею, каждая войсковая часть получила также чертежъ боеваго порядка, въ который долженствовала строиться армія передъ боемъ, и самое наставленіе для боя. Согласно этого чертежа, имѣвшаго характеръ косвеннаго боеваго порядка, первенствующую роль въ предстоявшемъ сраженіи имѣли русскія войска (правая и средняя колонны), изъ коихъ правая колонна, выдвинутая уступомъ впередъ, первая вступала въ дѣло.

Наставленіе войскамъ, авторомъ котораго былъ самъ Суворовъ, гласило слѣдующее: «Остается до рѣки Требіи 1 ½ мили; оную хорошо пройдутъ; до непріятеля 1 ½ мили, всего 19 — 20 верстъ, — 6 часовъ. — За полмили отъ непріятеля или менѣе выстраиваются. Для построенія въ боевой порядокъ идутъ многими колоннами. Если паче чаянія непріятель насъ встрѣтитъ, тотчасъ строиться въ линію безъ замѣшательства, но и безъ педантизма и лишней точности. Если же непріятель ретируется, тотчасъ его преслѣдуютъ кавалерія и казаки, поддерживаемые пѣхотою, которая уже тогда линіею идти не можетъ, но колоннами, не теряя ни мало времени. — Стараться испортить мостъ на рѣкѣ Таро и въ случаѣ сраженія, и въ случаѣ ретирады. Кавалерія будетъ атаковывать въ двѣ линіи по — шахматному: интервалъ на эскадронъ, чтобы въ случаѣ, когда первая линія рубясь разсыплется, вторая линія могла бы сквозь интервалы проскакивать. — Не употреблять команды «стой»: это не на ученьи, а въ сраженіи: атака, руби, коли, ура, барабанъ, музыка. Суворовъ»[21].

Наступилъ прекрасный итальянскій день; армія, въ 10 часовъ утра переправясь черезъ Тидоне, двинулась къ рѣкѣ Требіи, по сильно пересѣченной мѣстности, изрѣзанной канавами, рѣчками, изгородями и виноградниками.

Первымъ приблизился къ французамъ авангардъ князя Багратіона, передъ которымъ, у селенія Казаледжіо, стояла дивизія генерала Домбровскаго. Давъ авангарду немного отдохнуть послѣ утомительнаго перехода, фельдмаршалъ, въ два часа пополудни, приказалъ атаковать непріятеля. Несмотря на все мужество польскихъ войскъ, они были опрокинуты, потерявъ два орудія, одно знамя и около 600 человѣкъ плѣнными. Тогда генералъ Макдональдъ отправилъ на подкрѣпленіе Домбровскаго дивизію генерала Виктора и часть дивизіи генерала Руско, благодаря чему непріятель, получивъ значительный численный перевѣсъ надъ войсками Багратіона, самъ атаковалъ его. Но на выручку подоспѣла дивизія Швейковскаго: нѣсколько баталіоновъ подкрѣпили лѣвый флангъ авангарда, а генералъ Розенбергъ съ остальными, въ свою очередь, атаковалъ французскую колонну, обходившую насъ справа, и разсѣялъ ее.

Непріятель принужденъ былъ отступить.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ средней колоннѣ. Согласно диспозиціи, генералъ Ферстеръ велъ свою дивизію на мѣстечко Гриньяно, оказавшееся занятымъ небольшимъ непріятельскимъ отрядомъ, который, будучи атакованъ двумя ротами, поспѣшно отступилъ.

Между тѣмъ на позицію у Требіи прибыли двѣ непріятельскія дивизіи — Монтришара и Оливье; первая расположилась какъ разъ противъ дивизіи Ферстера, а вторая на большой Піаченской дорогѣ. Увидѣвъ, что русскія войска выбили французовъ изъ Гриньяно, Монтришаръ послалъ имъ въ подкрѣпленіе часть своей дивизіи; тогда генералъ Ферстеръ

---

[21]) Милютинъ. «Исторія войны 1799 года». Томъ I, стр. 534.

ввелъ въ бой почти всю свою дивизію, оставя лишь одинъ баталіонъ въ резервѣ. Наши войска пошли въ штыки. Завязался весьма упорный бой; но мужество русскихъ побѣдило: они опрокинули непріятеля въ рѣку, положивъ на мѣстѣ 400 человѣкъ и взявъ 50 въ плѣнъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ атака французовъ также была отбита австрійскими войсками.

Было уже 7 часовъ вечера; французскія войска отступили за Требію и расположились на своей прежней позиціи; исходъ сраженія остался нерѣшеннымъ, и, между прочимъ, благодаря распоряженіямъ австрійскаго генерала Меласа. Суворовъ еще раньше предупреждалъ Меласа, что главная атака будетъ вестись съ праваго фланга и для поддержанія ея назначилъ австрійскую дивизію Фрелиха; но Меласъ, опасаясь за свои войска, перевелъ эту дивизію на лѣвый флангъ, гдѣ со стороны французовъ ничего серьезнаго нельзя было ожидать, и тѣмъ самымъ лишивъ своевременной поддержки не только правую, но даже и среднюю колонны.

Не успѣли союзники расположиться на отдыхъ, какъ загремѣла перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ и въ-мигъ по всей линіи распространилась тревога. Впослѣдствіи объяснилось, что три французскіе баталіона, безъ всякаго приказанія, перешли черезъ Требію и ихъ появленіе сильно смутило австрійцевъ, которые, поспѣшно бросились къ ружьямъ и произвели невообразимую суматоху: артиллерія австрійская и французская стрѣляла безъ разбора въ чужихъ и въ своихъ. Стрѣльбу едва удалось прекратить въ 11 часовъ ночи, и войска опять отошли на свои мѣста. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько русскихъ баталіоновъ, подъ начальствомъ генерала Розенберга, преслѣдуя французскую колонну, перешли Требію и попали въ тылъ непріятельской позиціи. Совершенно незнакомый съ мѣстностью, Розенбергъ не рискнулъ возвращаться ночью въ свой лагерь, и, потому, остался у деревни Тавернаско, построивъ баталіоны въ одно каре. Не замѣченные непріятелемъ, русскіе передъ разсвѣтомъ благополучно возвратились въ лагерь.

На другой день фельдмаршалъ Суворовъ рѣшился вновь атаковать противника, и, въ общихъ чертахъ, диспозиція боя осталась та же, какъ и на 7-е іюня; но на этотъ разъ генералу Меласу строжайше подтверждалось не брать дивизіи Фрелиха на лѣвый флангъ, а оставить ее въ резервѣ центральной колонны. Съ прибытіемъ наканунѣ дивизій Монтришара и Оливье, генералъ Макдональдъ, имѣя въ своемъ распоряженіи армію въ 32,000 человѣкъ, превосходившую численностью союзниковъ, равнымъ образомъ вознамѣрился дѣйствовать наступательно и атаковать Суворова. Такимъ образомъ, оба полководца рѣшили одновременно атаковать другъ друга.

Въ 10 часовъ утра сраженіе открылось обходнымъ движеніемъ дивизіи генерала Домбровскаго въ то время, какъ прочія французскія войска, построясь въ боевой порядокъ, начали переходить Требію. Противъ войскъ Домбровскаго Суворовъ отрядилъ колонну князя Багратіона, которая и ударила на поляковъ въ штыки, а два казачьихъ полка атаковали ихъ съ фланговъ. Бой продолжался недолго, и вскорѣ польская дивизія была опрокинута и разсѣялась по горамъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ одну пушку, знамя и до 400 плѣнныхъ.

Въ то же время двѣ французскія дивизіи (Виктóра и Рускá) атаковали 5 баталіоновъ генерала Швейковскаго. Несмотря на громадный численный перевѣсъ противника, русскія войска сражались съ такимъ мужествомъ, что вызвали одобреніе у самихъ французовъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе русскихъ, атакованныхъ превосходными силами, становилось чрезвычайно затруднительнымъ, и генералъ Розенбергъ уже думалъ отступать, но предварительно отправился съ докладомъ о состояніи дѣлъ къ фельдмаршалу, котораго нашелъ лежащимъ въ одной рубашкѣ у огромнаго камня. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень», сказалъ Суворовъ; «не можете?... ну, такъ и русскіе не могутъ отступать», и, вслѣдъ за-

тѣмъ, самъ съ авангардомъ Багратіона поспѣшилъ на помощь Швейковскому. Прибытіе подкрѣпленія дало сраженію совсѣмъ другой оборотъ: войска, при видѣ своего любимаго полководца, воодушевились, и, перейдя въ наступленіе, опрокинули французовъ, отступившихъ въ безпорядкѣ за Требію. Въ то время какъ происходилъ неровный бой на правомъ флангѣ, французская дивизія генерала Оливье двинулась-было въ атаку на войска Ферстера, но удачная атака конницы князя Лихтенштейна привела непріятеля въ безпорядокъ и также заставила его отступить. Попытка французовъ противъ лѣваго фланга также не увѣнчалась успѣхомъ. Такимъ образомъ, атака французовъ была отражена на всѣхъ пунктахъ, хотя, какъ и въ первый день сраженія, русскія войска исключительно на себѣ вынесли всю тяжесть боя. Былъ моментъ, когда генералъ Меласъ, командовавшій всѣми австрійскими войсками, пришелъ въ такое смущеніе, что послалъ уже къ Суворову адъютанта за полученіемъ приказанія «куда отступать?» — но получилъ на это лаконическій отвѣтъ: «въ Піаченцу», т. е. прямо на непріятеля.

Неимовѣрное утомленіе войскъ не позволило Суворову въ тотъ же день продолжать сраженіе и выбить противника съ занятой имъ позиціи; поэтому фельдмаршалъ рѣшилъ въ третій разъ атаковать Макдональда 9-го іюня. Но и французы были страшно обезсилены большими потерями и совершеннымъ разстройствомъ своихъ частей. Ночью, въ городѣ Піаченцѣ, генералъ Макдональдъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отступить отъ Требіи.

Такъ закончился двухдневный жестокій бой на берегахъ Требіи, стоившій обѣимъ сторонамъ очень дорого; союзники потеряли убитыми: 15 офицеровъ и 899 нижнихъ чиновъ; ранено — три генерала, 131 штабъ и оберъ-офицера и 3,857 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало 3 оберъ-офицера и 497 нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа въ русскомъ корпусѣ убито: 5 штабъ и оберъ-офицеровъ и 675 нижнихъ чиновъ; ранено — 3 генерала, 44 штабъ и оберъ-офицера и 2,041 нижній чинъ. У Апшеронцевъ убитъ *штабсъ-капитанъ Пегелау и 56 нижнихъ чиновъ; ранены — капитанъ Пироговъ, штабсъ-капитанъ Тихандскій и 26 нижнихъ чиновъ* [22].

Потеря французовъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ простиралась до 16,000 человѣкъ.

Побѣду при Требіи слѣдуетъ всецѣло отнести мужеству и стойкости русскихъ войскъ, сражавшихся два дня съ непріятелемъ, превосходившимся ихъ численностью въ полтора раза. Даже австрійцы, при всей присущей имъ завистливости, не могли не отдать должной дани непоколебимой храбрости русскихъ. По крайней мѣрѣ, генералъ Меласъ въ своемъ донесеніи императору Францу пишетъ: «Прежде всего долженъ я воздать особенную похвалу мужеству Россійской Императорской колонны генералъ-лейтенанта Ферстера, въ особенности присутствію духа, съ которымъ она постоянно оказывала помощь вездѣ, гдѣ только была въ томъ надобность, а также личной храбрости предводителя ея» [23].

За отличіе въ сраженіи при Требіи, Апшеронскій полкъ получилъ «гренадерскій маршъ» [24]; шефу полка пожалованы алмазные знаки св. Анны 1-й степени, а командиру полка подполковнику Карпову — орденъ св. Анны 2-й степени.

Какъ только графъ Суворовъ получилъ извѣстіе объ отступленіи французовъ, то немедленно самъ отправился преслѣдовать ихъ со всѣми русскими войсками. У С.-Джорджіо наши настигли непріятельскій аріергардъ; они атаковали французовъ, совершенно разсѣяли ихъ и взяли 3 знамени, 4 орудія, 1,029 плѣнныхъ и весь обозъ.

---

22) Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Мѣсячный рапортъ за іюнь 1799 года.
23) Милютинъ. «Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей». Томъ I, стр. 556.
24) Высочайшій приказъ отъ 16-го іюля 1799 г.

Преслѣдованіе продолжалось до рѣки Арды, гдѣ, у деревни Фіоренцоллы, армія остановилась для необходимаго отдыха.

Одержавъ побѣду надъ Макдональдомъ, фельдмаршалъ вознамѣрился возвратиться къ Александріи, къ чему побуждало его полученное отъ австрійскаго генерала Бельгарда донесеніе о наступленіи арміи генерала Моро со стороны Генуи.

Предпринимая движеніе къ Александріи, Моро имѣлъ цѣлью: задержать у этого города армію Суворова до тѣхъ поръ, пока Макдональдъ не появится въ тылу союзниковъ. Можно судить о досадѣ и разочарованіи французскаго генерала, когда онъ, перейдя Апенины, узналъ, что русскій полководецъ уже нѣсколько дней тому назадъ выступилъ на-встрѣчу Макдональду. Единственно, что оставалось Моро,— это идти вслѣдъ за Суворовымъ и постараться пробиться на соединеніе съ Неаполитанской арміей. Встрѣтивъ на своемъ пути, у деревни С.-Джульяно, корпусъ генерала Бельгарда, французскій генералъ 9-го іюня атаковалъ и разбилъ его; получивъ извѣстіе о пораженіи армія Макдональда, Моро немедленно возвратился къ Генуѣ.

12-го іюня союзная армія, имѣя впереди русскія войска, выступила отъ Фіоренцоллы и быстро двинулась къ С.-Джульяно; здѣсь Суворовъ узналъ объ отступленіи Моро и расположилъ армію лагеремъ при Александріи, на правомъ берегу рѣки Орбы; авангардъ князя Багратіона занялъ городъ Нови.

Въ то время, какъ происходилъ бой у Требіи, гарнизонъ Туринской цитадели сдался на капитуляцію (9-го іюня).

Апшеронскій полкъ весь іюнь простоялъ подъ Александріей, осада цитатели котораго еще продолжалась. Въ началѣ іюля въ Сѣверную Италію прибылъ русскій курпусъ генералъ-лейтенанта Ребиндера, состоявшій изъ трехъ мушкетерскихъ и одного егерскаго полковъ, трехъ сводно-гренадерскихъ баталіоновъ, одной піонерной роты и двухъ казачьихъ полковъ, при 52-хъ орудіяхъ. Начальство надъ прибывшимъ корпусомъ принялъ генералъ Розенбергъ, корпусъ котораго ввѣренъ былъ генералу-отъ-кавалеріи Дерфельдену.

Во время стоянки подъ Александріей, графъ Суворовъ производилъ русскимъ и австрійскимъ войскамъ маневры и примѣрные штурмы. Наконецъ, 11-го іюля сдалась и Александрійская цитадель; въ ней найдено 105 орудій, 7,000 ружей, 6 знаменъ и большое количество боевыхъ припасовъ. Въ числѣ орудій находились и двѣ русскія пушки, взятыя французами при Бассиньяна.

Между тѣмъ неудовольствія между Суворовымъ и австрійскимъ гофкригсратомъ увеличивались съ каждымъ днемъ. Новымъ поводомъ къ непріятностямъ явилось требованіе вѣнскаго двора не предпринимать ничего важнаго, безъ испрошенія предварительно разрѣшенія. Завистливые австрійцы всѣ побѣды Суворова приписывали исключительно слѣпому счастью, о чемъ не стѣснялся писать и австрійскій императоръ въ своихъ рескриптахъ фельдмаршалу.

Конечно, Суворовъ раздражался всѣми интригами вѣнскихъ недоброжелателей; онъ называлъ австрійскихъ генераловъ «проекторами», «бештимзагерами», «мерсенерами». Въ одномъ изъ писемъ своихъ графу Толстому онъ пишетъ: «Здѣсь при мнѣ и нѣмцы хорошо колютъ; индѣ и вовсе иначе. Я цѣлю, чтобы съ ними разстаться. Вездѣ гофкригсратъ, неискоренимая привычка бытымъ быть... унтеркунфтъ, бештимзагеръ»[25].

«Я не мерсенеръ и не наемникъ, который изъ хлѣба лишь послушенъ», писалъ Суворовъ графу Разумовскому, русскому послу въ Австріи[26].

Въ другомъ письмѣ тому-же Разумовскому, по поводу рескрипта императора Франца,

[25]) Милютинъ. «Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей». Томъ I, стр. 596.
[26]) Тамъ же, стр. 598.

фельдмаршалъ, между прочимъ, пишетъ: «Счастіе! говоритъ Римскій императоръ... Ослиная въ арміи голова тоже говорила мнѣ — слѣпое счастіе!...».

Желая причинить неудовольствіе нашему фельдмаршалу, гофкригсратъ, минуя Суворова, посылалъ предписанія австрійскимъ генераламъ, поставивъ, такимъ образомъ, ихъ лишь въ номинальную зависимость отъ главнаго полководца.

Кр. Мантуя сдалась 19 іюля, послѣ трехмѣсячной блокады. Паденіе ея освобождало 20,000 человѣкъ; поэтому Суворовъ предполагалъ вновь начать наступательныя дѣйствія, съ цѣлью вытѣснить французовъ изъ Генуи; однако новые виды вѣнскаго двора разстроили всѣ намѣренія фельдмаршала.

Англія уже давно съ тревогой слѣдила за успѣхами французской директоріи; занятіе же французами Голландіи и учрежденіе здѣсь Батавской республики породило въ англійскомъ кабинетѣ мысль уничтожить послѣднюю и возстановить въ странѣ прежній порядокъ. Сознавая себя слабою для такого важнаго предпріятія, Англія завязала по этому поводу дипломатическіе переговоры съ Россіею, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ, и Императоръ Павелъ согласился послать въ Голландію русскій корпусъ.

Между тѣмъ, Австрія своевременно узнала о союзѣ Россіи съ Англіей и задумала имъ воспользоваться исключительно для своихъ интересовъ, имѣя въ виду возвратить себѣ Нидерланды.

Въ Петербургѣ составленъ былъ новый планъ кампаніи, по которому всѣ русскія войска, находившіяся въ Италіи, сосредоточиваются въ Швейцаріи и, соединясь съ пришедшимъ уже сюда русскимъ корпусомъ генерала Римскаго-Корсакова, вторгаются во Францію. Австрія измѣнила этотъ планъ сообразно своимъ видамъ: склонивъ союзниковъ отложить вторженіе во Францію, она убѣдила ихъ дѣйствовать исключительно съ цѣлью уничтоженія Батавской республики, для чего австрійскій корпусъ эрцъ-герцога Карла долженъ былъ соединиться съ англо-русскимъ корпусомъ, причемъ русскимъ войскамъ надлежало безотлагательно выйдти изъ Италіи. Послѣднее настоятельное распоряженіе вызвало новое неудовольствіе нашего полководца, ясно сознававшаго, что австрійцы, воспользовавшись побѣдами русскихъ войскъ, желаютъ теперь остаться полными хозяевами въ странѣ; но Суворовъ не считалъ вполнѣ законченной свою задачу, ибо французы занимали еще Геную.

«Сія сова не съ ума-ли сошла, или того никогда не имѣла?» писалъ Суворовъ про Тугута, получивъ распоряженіе о спѣшномъ выступленіи русскаго корпуса изъ Италіи.

Однако, прежде чѣмъ покинуть Италію, русскія войска одержали еще одну побѣду надъ французами при г. Нови.

Сдача кр. Мантуи развязала руки Суворову, и онъ, еще не зная о новыхъ комбинаціяхъ союзныхъ кабинетовъ, рѣшилъ наступать къ Ривьерѣ Генуэзской, чтобы вытѣснить отсюда французовъ.

Согласно составленнаго Суворовымъ плана военныхъ дѣйствій, самъ онъ съ главными силами наступалъ къ гор. Ниццѣ, черезъ Тендскій проходъ; одинъ австрійскій корпусъ — генерала Края — шелъ изъ Александріи въ Геную, а другой — генерала Кленау — наступалъ къ этому городу вдоль морскаго берега. Не желая оставаться въ бездѣйствіи, пока будутъ подтягиваться австрійскія войска, фельдмаршалъ рѣшилъ овладѣть гор. Серравалле.

22 іюля главныя силы подошли къ Серравалле и осадили его цитадель, занятую французскими войсками. 25-го числа городъ былъ занятъ, а на другой день сдался на капитуляцію и гарнизонъ цитадели.

Послѣ того авангардъ кн. Багратіона расположился между городами Нови и Серра-

вале, а дивизія генерала Швейковскаго возвратилась въ лагерь при Ривальтѣ; главной квартирой сдѣланъ Нови, гдѣ находились Великій Князь Константинъ Павловичъ и графъ Суворовъ.

Прибытіе 30 іюля корпуса генерала Края въ Александрію дало возможность Суворову продолжать наступленіе, которое должно было начаться 4 августа; но переходъ французовъ въ наступленіе разстроилъ всѣ планы фельдмаршала. Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ французская армія, расположенная въ Ривьерѣ Генуэзской, усилилась прибытіемъ войскъ изъ Франціи и начальство надъ нею принялъ вновь назначенный директоріею молодой и храбрый генералъ Жуберъ; за оставленіемъ необходимыхъ въ тылу резервовъ и прикрытій съ фланговъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще 34,000 человѣкъ, съ которыми рѣшилъ атаковать союзниковъ.

Получивъ достовѣрныя извѣстія о наступленіи непріятеля, фельдмаршалъ перевелъ главную квартиру въ гор. Поцоло-Формигоро, а всѣ обозы отправилъ въ Александрію. Авангардъ, состоявшій во временномъ командованіи Великаго Князя и занимавшій высоты впереди Нови, 2 августа былъ усиленъ вытребованными изъ Ривальты Апшеронскимъ, Дальгейма и Молодо-Баденскимъ полками, подъ начальствомъ генерала Милорадовича[27]. Одновременно съ тѣмъ генералъ Край получилъ приказаніе подойти къ м. Фресонаро и, когда непріятельская армія выйдетъ изъ долины р. Орбы, атаковать ея лѣвое крыло[28]. Но 3-го августа прошло спокойно: генералъ Край донесъ, что его войска, вслѣдствіе сильнаго утомленія, въ этотъ день двинуться изъ Александріи не могутъ, потому и просилъ у Суворова еще одинъ день отдыху; что касается французовъ, то генералъ Жуберъ, приблизясь съ арміею къ гор. Нови, не рѣшился, съ надеждою на успѣхъ, атаковать союзниковъ, въ виду того, что имѣлъ армію меньшей численности. Хотя на военномъ совѣтѣ французскіе генералы и пришли къ рѣшенію отступить, но оно не было приведено въ исполненіе: ночью въ нашемъ лагерѣ услышали движеніе артиллеріи, и Жуберъ, вообразивъ, что Суворовъ отступаетъ, остался на позиціи до разсвѣта, въ намѣреніи утромъ атаковать союзниковъ.

Непріятельская армія располагалась на высотахъ между долинами р.р. Орбы и Скривіи; вся занятая ею позиція перерѣзывалась стѣнками, живыми изгородями, множествомъ виноградныхъ садовъ и отдѣльными домиками, а впереди находился г. Нови, также занятый французскими войсками.

Хотя Суворовъ не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о численности противника, но, въ виду бездѣйствія французовъ 3 августа, рѣшился атаковать ихъ. По диспозиціи, составленной вечеромъ того же числа, корпусъ генерала Края, при содѣйствіи авангарда Багратіона и войскъ Милорадовича, долженъ былъ атаковать лѣвый флангъ непріятельской арміи, что и исполнено на разсвѣтѣ 4-го августа.

Услышавъ перестрѣлку, Жуберъ поскакалъ къ мѣсту боя и тотчасъ былъ убитъ; начальство же надъ арміей принялъ опять генералъ Моро. Австрійцы повели атаку очень энергично и въ первые моменты боя успѣли сбить противника съ двухъ гребней; но вслѣдъ затѣмъ французы, подкрѣпленные бригадою генерала Колли, перешли въ наступленіе, сбили австрійцевъ съ высоты, и тѣ принуждены были отступить въ безпорядкѣ. Между тѣмъ, кн. Багратіонъ и Милорадовичъ продолжали оставаться у д. Поцоло-Фармигаро и, несмотря на просьбы генерала Края, не вступали въ бой, не получая на то приказанія фельдмаршала.

Когда генералъ Край сбитъ былъ съ занятыхъ имъ высотъ и извѣстіе о томъ дошло до Суворова, то онъ приказалъ: Краю возобновить атаку на лѣвый флангъ, а генераламъ

[27]) Дальгейма полкъ—Архангелогородскій и Молодо-Баденскій—Бутырскій.
[28]) У м. Фресонаро стоялъ отрядъ австрійскихъ войскъ генерала Бельгарда.

*

кн. Багратіону и Милорадовичу атаковать Нови. Князь Багратіонъ, двинувъ свои войска прямо къ городу, выбилъ французовъ изъ канавъ и виноградниковъ, окружавшихъ Нови, но не могъ овладѣть самымъ городомъ; тогда, осыпаемый съ городскихъ стѣнъ градомъ пуль и ядеръ, князь рѣшилъ обойти городъ и атаковать его съ западной стороны. Едва русскіе приблизились къ одной изъ высотъ, занятой бригадой генерала Кенеля, какъ ихъ встрѣтилъ убійственный огонь артиллеріи. Нѣсколько атакъ нашихъ войскъ было отбито, съ большою потерею. Въ самый разгаръ боя, изъ Нови вышла французская колонна, съ цѣлью обойти нашъ лѣвый флангъ; отдѣливъ противъ нея четыре баталіона, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Горчакова, Багратіонъ съ остальными войсками принужденъ былъ отступить.

Между тѣмъ, слѣва показалась новая французская колонна, — одна изъ бригадъ дивизіи генерала Ветреня. Двинувъ противъ этой колонны Апшеронскій и Бутырскій полки, подъ начальствомъ генерала Ферстера, Суворовъ одновременно послалъ приказаніе генералу Дерфельдену поспѣшить къ Нови съ остальными русскими полками, стоявшими у Ривальты. Ферстеръ прежде всего двинулся на помощь къ Горчакову; Апшеронцы и Бутырцы пошли въ штыки и оттѣснили французскую бригаду, и князь Багратіонъ вновь повелъ свои войска къ Нови.

Генералъ Ветрень, увидѣвъ отступленіе своей бригады, немедленно повелъ всѣ бывшія съ нимъ войска противъ двухъ полковъ Ферстера. Но Апшеронскій и Бутырскій полки мужественно держались, несмотря на подавляющее большинство непріятеля. Апшеронскій полкъ, предводимый своимъ храбрымъ генераломъ, Михаиломъ Андреевичемъ Милорадовичемъ, нѣсколько разъ ходилъ въ штыки, заставляя французовъ отступать. Во время одной изъ этихъ атакъ былъ тяжело раненъ командиръ полка подполковникъ Карповъ; его мѣсто заступилъ подполковникъ Инзовъ.

Однако положеніе русскихъ войскъ, сражавшихся противу вдвое многочисленнаго непріятеля, становилось съ каждой минутой болѣе и болѣе опаснымъ, и князь Багратіонъ, послѣ неудачной попытки овладѣть Нови, вторично отступилъ. Но въ это время явилась помощь: генералъ отъ кавалеріи Дерфельденъ привелъ изъ Ривальты свѣжія войска и, подкрѣпивъ ими утомленные двухъ-часовымъ боемъ полки генерала Ферстера и кн. Багратіона, вновь двинулся въ атаку. Русскіе сбили непріятеля со всѣхъ ближайшихъ высотъ, и только на послѣдней позиціи французы удержались, невзирая на геройскія усилія нашихъ войскъ.

«Солдаты, писалъ Суворовъ въ своемъ донесеніи императору Францу, какъ-бы ослѣпленные изступленною храбростью, подъ смертоноснымъ огнемъ орудій, казалось, не замѣчали преимущество позиціи непріятельской; они презирали неминуемую смерть, и не было возможности удержать ихъ».

Вторичная атака австрійскихъ войскъ на лѣвый флангъ окончилась неудачей. Былъ уже часъ дня; жара стояла невыносимая; отъ нея и отъ жажды солдаты изнемогали; противникъ также былъ утомленъ. Какъ бы по взаимному безмолвному соглашенію, бой на-время пріостановился, и только рѣдкая стрѣльба изъ пушекъ, да стоны раненыхъ на поляхъ нарушали общую тишину.

Чтобы дать сраженію рѣшительный исходъ, фельдмаршалъ Суворовъ рѣшилъ ввести въ бой резервъ, состоявшій изъ австрійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Меласа, приказавъ послѣднему повести атаку на правый флангъ непріятеля.

Въ 4 часа пополудни сраженіе опять возобновилось на всѣхъ пунктахъ. Союзники, имѣя теперь гораздо больше войскъ, двинулись въ атаку и сбили французовъ со всѣхъ

позицій. Русскіе ворвались въ Нови, гдѣ и закипѣлъ отчаянный бой; противникъ сталъ отступать, а затѣмъ, наконецъ, обратился въ безпорядочное бѣгство. Суворовъ немедленно направилъ войска въ преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля. Русскіе полки, подъ начальствомъ генерала Дерфельдена, двинулись къ дер. Патурано и, догнавъ здѣсь отступавшихъ французовъ, вновь атаковали ихъ; одна изъ французскихъ бригадъ, будучи окружена, положила оружіе, при чемъ взяты у непріятеля вся артиллерія, обозъ и парки.

Темнота ночи помѣшала продолжать преслѣдованіе, да и войска были слишкомъ утомлены.

Итакъ сраженіе у Нови окончилось полнымъ пораженіемъ французовъ, которые потеряли до 15,000 убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ.

Но и союзникамъ побѣда недешево досталась: они потеряли около 8,000 человѣкъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими.

Въ Русскомъ корпусѣ, согласно реляціи Суворова, убито 11 штабъ и оберъ-офицеровъ и 337 нижнихъ чиновъ; — ранено 3 генерала, 56 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,479 нижнихъ чиновъ.

Въ Апшеронскомъ полку убиты *прапорщикъ Мухановъ 1-й и 48 нижнихъ чиновъ;* ранены: *командиръ полка подполковникъ Карповъ, поручики Гоганъ и Русовъ, подпоручикъ Бояринцевъ, прапорщикъ Загурскій и 96 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало 10 нижнихъ чиновъ*[29].

У непріятеля взято 4 знамени и 39 орудій со всѣми зарядными ящиками; французскіе генералы Груши, Периньонъ, Колли и Партуно, 84 штабъ и оберъ-офицера и 4,500 нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ.

Донося Императору Павлу о побѣдѣ у Нови, Суворовъ пишетъ: «Все воинство Вашего Императорскаго Величества отъ генерада до послѣдняго солдата подвизалось въ семъ сраженіи единымъ духомъ храбрости, мужества, неутомимости и неустрашимости; всѣ они совокупно одушевлялись великими Монаршими милостями и щедротами, Вашимъ Величествомъ къ нимъ ниспосылаемыми, и охотно приносили въ жертву служенію престолу и животъ и кровь свою».

Императоръ, въ награду мужества офицеровъ, указомъ отъ 30 августа 1799 года, повелѣлъ: жалованье офицеровъ, убитыхъ на войнѣ, обращать въ пенсію ихъ женамъ по смерть, а дѣтямъ — до совершеннолѣтія.

Ночью въ гор. Нови послышались выстрѣлы и по всей линіи распространилась тревога, вызванная нѣсколькими стами французовъ, укрывшихся въ городскихъ домахъ и рѣшившихся ночью пробиться къ своей арміи. Французы напали на малочисленный караулъ, поставленный въ Нови и истребили его весь безъ остатка. На помощь прибылъ самъ Суворовъ съ русскимъ баталіономъ; солдаты ворвались въ городъ и перекололи всѣхъ французовъ.

5-го августа продолжалось преслѣдованіе разбитой непріятельской арміи, для чего направлены русскіе корпуса генераловъ Дерфельдена и Розенберга. Войска Дерфельдена, до крайности утомленныя предшествовавшимъ боемъ, выступили около полудня, а корпусъ Розенберга — рано утромъ. Настигнувъ у гор. Гави аріергардъ французской арміи, генералъ Розенбергъ его атаковалъ и разсѣялъ. Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ нѣсколько сотъ человѣкъ убитыми и ранеными и 130 взято въ плѣнъ.

Впрочемъ, дальнѣйшее наступленіе было прекращено въ виду того, что австрійскіе коммисары объявили графу Суворову о неимѣніи для войскъ продовольствія. Такимъ образомъ, сраженіемъ у Нови закончились всѣ наступательныя дѣйствія союзниковъ, и армія расположилась на прежнихъ мѣстахъ. Апшеронскій полкъ сталъ опять лагеремъ у Ривальты.

---

[29]) Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ за августъ мѣсяцъ 1799 г.

Въ то время какъ Суворовъ одерживалъ побѣды въ Италіи, въ Швейцаріи дѣла австрійцевъ были не особенно завидны: французскія войска въ концѣ іюля нанесли нѣсколько пораженій расположеннымъ въ Швейцаріи австрійскимъ корпусамъ и заняли горы Симплонъ и С.-Готардъ.

Узнавъ объ этомъ, фельдмаршалъ съ частью своей арміи перешелъ въ городъ Асти, а на подкрѣпленіе войскъ, защищавшихъ Сѣверную Италію отъ французовъ, послалъ десяти-тысячный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Края.

16-го августа Суворовъ получилъ первое повелѣніе о выводѣ изъ Италіи русскихъ войскъ въ Швейцарію. Въ августѣ въ этой странѣ находилась армія эрцъ-герцога Карла и пришедшій въ началѣ августа русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, численностью въ 27,000 человѣкъ. По взаимному соглашенію, армія эрцъ-герцога должна была оставить Швейцарію только тогда, когда прибудетъ сюда Суворовъ. Но, къ ужасу своему, фельдмаршалъ еще въ Италіи узнаетъ, что австрійцы уже уходятъ изъ Швейцаріи на рѣку Рейнъ, оставляя, такимъ образомъ, одинъ корпусъ Римскаго-Корсакова вѣдаться съ непріятелемъ, численность котораго превышала русскія войска больше чѣмъ вдвое. Такое распоряженіе союзнаго намъ вѣнскаго двора походило на измѣну, и русскій корпусъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, дѣйствительно сталъ жертвой коварной политики австрійцевъ.

Теперь нашему полководцу оставалось только какъ можно скорѣе прибыть въ Швейцарію, чтобы спасти отъ гибели Корсакова. 27-го августа Суворовъ отдалъ слѣдующій приказъ. «28-го сего мѣсяца россійскія войска выступаютъ двумя колоннами: первая, подъ начальствомъ генерала отъ-кавалеріи Дерфельдена изъ Асти, а вторая, подъ командою генерала отъ-инфантеріи Розенберга изъ Ривальты (въ послѣдней колоннѣ и Апшеронскій полкъ). Первая колонна выступаетъ 28-го изъ Асти въ Черезіо, 29-го — Верчелли, 30-го — въ Наваро, 31-го — въ Ферно, 1-го сентября въ Варезъ, 2-го — дневка, 3-го — въ Анво, 4-го — въ Белинцону, 5-го — въ Джіорнико и 6-го — въ Айроло.

«Вторая колонна идетъ черезъ Александрію, Валенцу, Мортаро и Новару, гдѣ соединяется съ первою, и тогда обѣ колонны вмѣстѣ свой маршъ продолжаютъ» [30].

Весь Пьемонтъ и въ особенности жители города Турина, узнавъ объ уходѣ русскихъ войскъ, пришли въ полное уныніе, мало надѣясь на безопасность свою подъ защитою австрійцевъ.

На другой день войска уже намѣревались выступить дальше по маршруту, какъ Суворовъ получилъ извѣстіе, что непріятель въ трехъ сильныхъ колоннахъ показался въ окрестностяхъ Нови, имѣя намѣреніе освободить крѣпость Тортону отъ блокады.

Тотчасъ обѣ колонны получили приказаніе двинуться на встрѣчу приближавшагося непріятеля. Колонна Розенберга, дойдя до Александріи, возвратилась въ Ривальту, а колонна Дерфельдена изъ Черезето двинулась ночью прямо къ Александріи.

Быстрота, съ какою русскія войска совершили обратный маршъ, просто невѣроятна: слѣдуя ночью, по чрезвычайно труднымъ дорогамъ, они къ разсвѣту 30-го августа были у желаемыхъ пунктовъ.

Французскій отрядъ сбилъ передовые австрійскіе посты и занялъ Нови, и уже подходилъ къ Поцоло-Формигаро; но, узнавъ о возвращеніи русскихъ, поспѣшно отступилъ.

31-го августа Суворовъ вторично двинулся въ Швейцарію; 1-го сентября, дойдя до города Валенцы, оба корпуса соединились и шли одною колонною, и въ тотъ же день достигли Мартаро. На другой день корпуса выступили къ Наваро и, перейдя здѣсь рѣку Тичино, къ вечеру прибыли въ Турбиго. Отсюда Суворовъ пошелъ на Варезе къ деревнѣ Таверно.

---

30) Дѣло № 1292. Военно-Ученый Архивъ.

Здѣсь остался корпусъ генерала Дерфельдена, а корпусъ Розенберга придвинулся къ городу Белинцонѣ.

Такимъ образомъ, недоброжелательство, интриги и зависть вѣнскаго двора къ успѣхамъ русскаго оружія сдѣлали свое дѣло, и Суворовъ, къ своему великому огорченію, вынужденнымъ нашелся, послѣ ряда блистательныхъ побѣдъ, оставить Италію, не покончивъ тамъ совершенно съ французскою арміею. Сѣверная Италія очищена была отъ французовъ, благодаря лишь генію русскаго полководца и мужеству русскихъ солдатъ. Побѣды при Аддѣ, Требіи и Нови всецѣло слѣдуетъ отнести русскимъ войскамъ. Австрійцы же только пользовались плодами одержанныхъ побѣдъ, смотря на русскій корпусъ съ ихъ предводителемъ, какъ на наемниковъ, которыхъ они даже и кормили-то плохо.

Утромъ, 10-го сентября, оба русскіе корпуса направились къ С.-Готарду; войска генерала Розенберга слѣдовали вверхъ по рѣкѣ Тичино на Біаско, а отсюда въ долину рѣки Бленьо; корпусъ Дерфельдена шелъ на Белинцону, затѣмъ по рѣкѣ Тичино, на деревню Джорнико.

Для облегченія атаки горы С.-Готардъ, занятой непріятелемъ, Розенбергъ долженъ былъ обойти позицію непріятеля справа. Дорога сначала проходила по узкой долинѣ Бленьо, затѣмъ поднималась на горы, спускалась къ рѣкѣ, переходя съ одного берега на другой. Войска двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ шли Апшеронскій полкъ, егерскій баталіонъ и 100 человѣкъ казаковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Милорадовича; въ главныхъ силахъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ребиндера,— мушкетерскіе полки Мансурова (Орловскій) и Ребиндера (Азовскій); въ аріергардѣ слѣдовалъ мушкетерскій полкъ Фертча (Новгородскій).

Съ самого выступленія изъ Белинцоны пошелъ проливной дождь, продолжавшійся нѣсколько дней; въ горахъ поднялся сильный, пронизывавшій до костей, вѣтеръ. Тѣмъ не менѣе, войска наши неутомимо подвигались впередъ; въ первый день они сдѣлали 24 версты, во второй—30 верстъ, и остановились на ночлегъ вблизи горы Лукманіеръ, у дер. Казакчіа, находившейся на высотѣ 8,000 футовъ. Вьюки находились еще далеко позади, такъ что солдаты обошлись безъ горячей пищи, да и, при всемъ желаніи ея нельзя было приготовить, ибо поблизости не имѣлось ни одного деревца, ни одного кустика; негдѣ было и обогрѣться. На другой день, съ разсвѣтомъ, войска, слѣдуя въ томъ же порядкѣ, поднялись на высокій снѣжный перевалъ, и спустились къ истоку средняго Рейна. Отсюда колонна шла по довольно широкой дорогѣ до м. Доссентиса, гдѣ стояла бригада австрійскихъ войскъ генерала Ауфенберга. Сдѣлавъ въ тотъ же день переходъ до дер. Тавеча, Розенбергъ уже поздно ночью расположилъ свои войска на ночлегъ. Близость непріятеля заставляла принимать всѣ мѣры осторожности: поэтому авангардъ Милорадовича размѣстился въ самой деревнѣ, а главныя силы стали, не доходя ея. Трудный горный походъ наши войска совершили молодецки: несмотря на непривычку къ такимъ маршамъ, отсталыхъ не было, и, въ продолженіи трехъ дней, корпусъ по совершенно неразработаннымъ горнымъ тропамъ, въ дурную погоду, сдѣлалъ 75 верстъ.

Съ разсвѣтомъ, 13-го сентября, генералъ Розенбергъ двинулся къ дер. Унзернъ, съ цѣлью атаковать непріятеля и дать возможность лѣвой колоннѣ безъ большихъ потерь перейти черезъ С.-Готардъ. Кромѣ Апшеронскаго полка, всѣ прочія части войскъ колонны генерала Розенберга принадлежали къ недавно прибывшему въ Италію корпусу генерала Ребиндера; они еще не учавствовали ни въ одномъ серьезномъ дѣлѣ и потому рвались въ бой.

Войска шли одною колонною вдоль подошвы горы Криспальтъ. Въ 6-ти верстахъ отъ Тевеча, казаки открыли передовые непріятельскіе посты и завязали съ ними перестрѣлку; позиція непріятельскаго отряда располагалась на снѣжной сѣдловинѣ, между двумя

высокими горами; здѣсь стояли два баталіона. Генералъ Милорадовичъ съ Апшеронскимъ полкомъ и казаками двинулся прямо; за нимъ шелъ съ Азовскимъ полкомъ и егерскимъ баталіономъ генералъ Ребиндеръ; Орловскій же полкъ направленъ по горѣ Криспальтѣ, въ обходъ лѣваго фланга позиціи. Въ резервѣ оставленъ Новгородскій полкъ.

Казаки сбили передовые французскіе посты, которые начали взбираться на гору; по пятамъ ихъ шелъ Милорадовичъ, имѣя впереди егерскій баталіонъ. Атакованный на горѣ авангардомъ, французскій отрядъ отступилъ къ озеру Оберъ-Альпу, гдѣ и занялъ новую позицію. Когда всѣ войска взошли на гору, то генералъ Розенбергъ произвелъ общую атаку: авангардъ Милорадовича двинулся къ югу отъ озера и атаковалъ правый флангъ непріятеля; Ребиндеръ съ главными силами направился по дорогѣ, огибавшей озеро съ сѣвера, а полкъ Мансурова атаковалъ лѣвый флангъ позиціи. Колонны Ребиндера и Мансурова подвигавшаяся съ большимъ трудомъ по топкому берегу озера, подойдя къ непріятельской позиціи, были встрѣчены сильнымъ и мѣткимъ огнемъ французскихъ стрѣлковъ, укрывшихся за большими камнями. Но въ это время Милорадовичъ уже сбросилъ съ высотъ правое крыло французовъ,—и тогда весь непріятельскій отрядъ началъ отступать; нѣсколько разъ французы останавливались и пытались держаться, но, угрожаемые каждый разъ движеніемъ колонны генерала Милорадовича, принуждены были бросать позиціи и, наконецъ, поспѣшно отступили къ Унзерну. У этой деревни на одной изъ возвышенностей русскія войска остановились, чтобы нѣсколько отдохнуть и устроиться. Соединясь въ Унзернѣ съ резервомъ, французскій отрядъ вновь занялъ позицію, намѣреваясь не пропустить русскія войска.

Между тѣмъ начало смеркаться и спустился густой туманъ, скрывшій непріятельскую позицію, что, однако, не остановило генерала Розенберга, рѣшившагося немедленно атаковать непріятеля. Передъ тѣмъ какъ спускаться съ высотъ, русскій корпусъ построился въ боевую линію, причемъ авангардъ Милорадовича образовалъ лѣвый флангъ. Въ полной тишинѣ войска начали спускаться съ горъ, которыя къ сторонѣ Унзерна отличались особенною крутизною. Разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ шла лѣвая колонна, гора была такъ крута, что солдаты остановились въ недоумѣніи, какъ спуститься по ней. Тогда генералъ Милорадовичъ, со словами: «посмотрите, какъ возьмутъ въ плѣнъ вашего генерала», покатился внизъ, — и за нимъ въ тотъ же мигъ бросился весь Апшеронскій полкъ[31]).

Спустившись въ равнину, всѣ войска построились въ боевой порядокъ и совершенно неожиданно атаковали непріятеля. Несмотря на все мужество и стойкость противника, онъ былъ разбитъ и принужденъ отступать, оставивъ въ нашихъ рукахъ 3 пушки и потерявъ около 180 убитыхъ. Во время преслѣдованія непріятеля, взяты въ плѣнъ одинъ штабъ-офицеръ и 40 солдатъ. Въ Унзернѣ захваченъ складъ провіанта и 370 т. патроновъ.

Въ то время, какъ происходили сраженія у Оберъ-Альпа и Унзерна, Суворовъ съ корпусомъ Дерфельдена атаковалъ непріятеля на С.-Готардѣ. Цѣлый день происходилъ весьма упорный бой. Позиція на С.-Готардѣ защищалась двумя бригадами дивизіи генерала Лекурба, подъ начальствомъ генерала Луазона. Невзирая на неприступность позиціи и на храбрую защиту ея, русскія войска, хотя и съ большими потерями, около 4-хъ часовъ пополудни овладѣли С.-Готардомъ и, послѣ небольшаго отдыха, начали спускаться къ д. Госпиталь. Сюда уже спѣшилъ генералъ Лекурбъ съ свѣжими войсками; но, получивъ извѣстіе, что въ тылъ ему идетъ другая русская колонна (Розенберга), онъ отступилъ послѣ небольшой перестрѣлки. Корпусъ Дерфельдена занялъ Госпиталь. Лекурбъ, перейдя въ одну

---

31) Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича. Стр. 24.

ночь черезъ хребетъ Бетцбергъ, имѣвшій до 8,000 ф. высоты, спустился къ дер. Гешененъ и занялъ позицію за Чортовымъ мостомъ, съ цѣлью преградить Суворову дальнѣйшій путь.

14-го сентября оба корпуса соединились въ Унзернѣ, откуда предстоялъ весьма трудный путь черезъ узкую тѣснину по правому берегу р. Рейссы. Первымъ двинулся корпусъ генерала Розенберга. Пройдя отъ д. Унзерна одну версту, войска встрѣтили по дорогѣ огромныя скалы, входившія въ Рейссу. Въ скалахъ находился искусственно пробитый узкій и низкій проходъ, именуемый «Урнернской дырой», длиною около 80 шаговъ, въ которомъ можно было проходить только по одиночкѣ. Проходъ защищался небольшимъ отрядомъ, при одномъ орудіи. Не успѣли передовыя войска втянуться въ дыру, какъ были встрѣчены пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. При такомъ положеніи дѣлъ дебушированіе черезъ подземелье повлекло-бы за собою большую потерю, во избѣжаніе которыхъ отряжены въ обходъ двѣ небольшія колонны: одной изъ нихъ приказано взобраться на скалы, высившіяся надъ Урнернскимъ проходомъ, чтобы сверху поражать непріятеля, засѣвшаго съ противоположной стороны прохода; другая колонна, перейдя въ-бродъ Рейссу, должна была занять высоты лѣваго берега рѣки. Появленіе первой колонны до такой степени изумило и обезпокоило два французскихъ баталіона, стоявшихъ впереди Чортова моста, что они немедленно отступили за него, бросивъ на произволъ судьбы отрядецъ, защищавшій дыру и начали портить на мосту спускъ къ лѣвому берегу. Между тѣмъ часть французскаго отряда, стоявшая у самой дыры, была отрѣзана; тогда нашъ передовой баталіонъ прорвался черезъ проходъ и, атаковавъ французовъ, совершенно истребилъ ихъ.

По выходѣ изъ «Урнернской дыры», дорога карнизомъ огибала гору и, напротяженіи 400 шаговъ, спускалась къ знаменитому «Чертову мосту, перекинутому чрезъ Рейссу, въ разстояніи 75 футовъ отъ ея поверхности. Въ этомъ мѣстѣ скалистые берега Рейссы сходятся весьма близко и она образуетъ потокъ или водопадъ, низвергающійся съ высоты 200 футовъ. Такова обстановка, при которой русскимъ предстояло совершить переходъ чрезъ Рейссу.

Отступивъ на лѣвый берегъ, непріятель, не будучи въ состояніи разрушить весь мостъ, поспѣшно разобралъ спускъ къ лѣвому берегу, гдѣ, такимъ образомъ, образовался довольно широкій и глубокій провалъ. Непріятельскіе стрѣлки, густою цѣпью усѣяли весь лѣвый берегъ и, укрывшись за камнями, осыпали подходившія къ мосту русскія войска цѣлымъ градомъ пуль. Завязалась сильная, но непродолжительная перестрѣлка; когда непріятель замѣтилъ, что съ высоты лѣваго берега Рейссы спускается русская колонна, то началъ отступать отъ моста, опасаясь обхода. Наши передовыя части немедленно бросились къ мосту; для переправы черезъ провалъ притащили нѣсколько бревенъ, перевязали ихъ офицерскими шарфами, и солдаты начали переходить на лѣвый берегъ. Переправа по бревнамъ совершалась очень медленно и въ то время, когда часть нашихъ войскъ преслѣдовала отступавшихъ французовъ, приступили къ задѣлыванію провала бревнами и хворостомъ. Въ 4 часа пополудни весь корпусъ Розенберга перешелъ черезъ Чортовъ мостъ и направился черезъ Гашененъ къ д. Вазену. Авангардъ генерала Милорадовича (въ прежнемъ составѣ) выдвинулся до дер. Вейзеръ, а главныя силы (корпуса Розенберга и Дерфельдена) расположились на ночлегъ у Вазена.

Раньше мы упоминали, что генералъ Лекурбъ, намѣреваясь преградить русскимъ войскамъ переходъ черезъ Чортовъ мостъ, утромъ, 14 сентября, спустился къ дер. Гашененъ. Узнавъ здѣсь, что къ дер. Амштегу идетъ отъ Диссентиса австрійскій отрядъ генерала Ауфенберга, передовыя части котораго уже появились въ Мадеранской долинѣ, Лекурбъ быстро двинулся къ Амштегу, атаковалъ подходившихъ сюда австрійцевъ и заставилъ ихъ отступить въ названную долину. Когда русскія войска прорвались черезъ

Чортовъ мостъ, то Лекурбъ, присоединивъ къ себѣ два отступавшіе баталіона, приказалъ зажечь мостъ черезъ р. Керстененъ, по дорогѣ отъ Вазена до Амштегу, и сталъ отходить къ дер. Альторфу. Съ разсвѣтомъ, 15 числа, авангардъ Милорадовича бросился къ Амштегу; перебѣжавъ по тлѣвшимъ перекладинамъ Керстенскаго моста, Апшеронскій полкъ и егерскій Кашкина баталіонъ ворвались въ Амштегъ, выбили не успѣвшій очистить деревню непріятельскій аріергардъ, и преслѣдовали его до Альторфа.

Лекурбъ, остановясь впереди Альторфа, за рѣчкою Шахеномъ, уничтожилъ на ней мосты, и занявъ позицію, рѣшился держаться. Особый непріятельскій отрядъ, перейдя на лѣвый берегъ Рейссы, занялъ дер. Рибгаузенъ, Офріо, Аттинггаузенъ и Зеедорфъ.

Для атаки французовъ, генералъ Розенбергъ послалъ Милорадовича съ Апшеронскимъ полкомъ и егерскимъ баталіономъ къ Аттинггаузену, а генералъ-маіоръ Ребиндеръ со своимъ полкомъ двинулся къ р. Шахену. Непріятель держался недолго и отступилъ къ дер. Флюэлену и Зеедорфу, уничтоживъ за собою мѣсто черезъ р. Рейссу.

До сего времени русскій корпусъ двигался по указанію австрійскихъ офицеровъ. Когда Суворовъ дошелъ до Альторфа, то здѣсь только убѣдился какую онъ сдѣлалъ ошибку, довѣрившись австрійскимъ проводникамъ, которые завели русскія войска въ такія трущобы, откуда, казалось, и выхода не было. Въ самомъ дѣлѣ: дорога, по которой русскіе съ такимъ трудомъ подвигались, оканчивалась у Люцернскаго озера, преграждаясь здѣсь высокими отвѣсными скалами; вправо отъ нея начиналась узкая Шахенская долина; выбраться изъ этой трущобы можно было по тремъ тропинкамъ: первая вела черезъ Клаузенскій проходъ къ верховьямъ р. Линты; вторыя двѣ, доступныя только туземцамъ, привыкшимъ съ дѣтства лазить по скаламъ, проходили черезъ высокій снѣжный хребетъ Росштокъ и, пересѣкая нѣсколько ледниковъ, спускались въ Муттенскую долину, изъ которой открывался свободный путь къ оз. Швицу.

Суворовъ оказался въ весьма затруднительномъ положеніи: имѣя впереди себя генерала Лекурба, занявшаго съ 6,000 человѣкъ позицію на лѣвомъ берегу Рейссы, переправиться черезъ которую, за отсутствіемъ мостовъ, не представлялось никакой возможности, ему оставалось или выбрать для движенія къ Швицу одну изъ вышепоименованныхъ тропинокъ, или отступить опять къ С.-Готарду. Но фельдмаршалъ недолго задумывался и повелъ войска по одной изъ самыхъ трудныхъ тропинокъ, которая вела черезъ Росштокъ въ Муттенталь.

Въ 5 часовъ утра, 16 сентября русскіе выступили изъ Альторфа; въ авангардѣ шли войска кн. Багратіона, за нимъ корпусъ генерала Дерфельдена съ австрійскою бригадою Ауфенберга, а корпусъ генерала Розенберга составлялъ аріергардъ. Переходъ черезъ хребетъ Росштокъ составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи русской арміи.

Узенькая тропа, по которой поднимались войска, съ каждымъ шагомъ впередъ дѣлалась круче и круче; въ иныхъ мѣстахъ она совсѣмъ обрывалась, и тогда солдаты по-одиночкѣ, словно козы, взбирались по крутымъ скаламъ. Потомъ начался рыхлый снѣгъ и въ немъ люди или увязали по поясъ, или проваливались. Солдаты и офицеры совершенно изодрали обувь и шли чуть-ли не босикомъ. Нерѣдко предстояло проходить по такимъ узенькимъ тропинкамъ, что надо было по нимъ ползти, чтобы не оборваться въ бездну съ высокихъ кручъ. Много солдатъ погибло, срываясь со скалъ. Преодолѣвъ всѣ ужасныя препятствія, воздвигнутыя самою природою, и пройдя въ 12 часовъ 16 верстъ, авангардъ, наконецъ, спустился въ Муттенскую долину около 5 часовъ вечера. Французскій постъ, находившійся въ деревнѣ Муттенъ, при неожиданномъ появленіи русскихъ войскъ, намѣревался спастись бѣгствомъ; но будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ и видя неминуемую гибель, положилъ оружіе, при чемъ убито 57 человѣкъ, и 87 офицеромъ взято въ плѣнъ. Переходъ рус-

скихъ войскъ изъ Альторфа къ Муттену; совершался въ продолженіи двухъ дней; во все это время войска генерала Розенберга оставались въ Альторфѣ и съ мужествомъ выдерживали неоднократныя нападенія корпуса Лекурба. Когда всѣ вьюки перевалились черезъ хребетъ, то и Розенбергъ выступилъ изъ Альторфа и 18-го, вечеромъ, прибылъ въ Муттенъ. Съ цѣлью открыть сообщеніе съ австрійскимъ корпусомъ генерала Линкена, оставленнымъ въ долинѣ Клёнталь, фельдмаршалъ еще 17 сентября отправилъ сотню казаковъ къ д. Гларису. Но казаки, пройдя Муттенскую и Клёнтальскую долины, австрійцевъ не нашли, а въ послѣдней—стояли французы.

Вслѣдъ за тѣмъ жители сообщили Суворову извѣстія, поразившія его какъ громъ: корпусъ Корсакова при гор. Цюрихѣ былъ разбитъ генераломъ Массеною; австрійскій корпусъ генерала Готце, потерпѣлъ пораженіе при р. Линтѣ и пропалъ безъ вѣсти; непріятель, сосредоточиваясь у Швица, имѣлъ намѣреніе преградить русской арміи выходъ изъ Муттенской долины. Разбивъ 15 сентября генерала Корсакова, и еще не зная о переходѣ Суворова черезъ Росштокъ, Мессена оставилъ часть своей арміи для наблюденія за войсками Корсакова и австрійцами, а одну дивизію (Мортье) отправилъ на подкрѣпленіе Лекурба.

Пріѣхавъ въ Альторфъ 18 числа, и узнавъ, что русскіе уже въ Муттенталѣ, Массена приказалъ дивизіи Мортье и бригадѣ Гумбера идти въ Швицъ, чтобы не выпустить Суворова изъ Муттенской долины, а двѣ другія дивизіи должны были преградить путь къ Гларису.

Окруживъ 18-ти-тысячный русскій отрядъ со всѣхъ сторонъ и имѣя втрое больше войскъ, французскій главнокомандующій былъ вполнѣ увѣренъ, что или истребитъ русскихъ или заставитъ ихъ положить оружіе.

Положеніе русской арміи было въ высшей степени критическое; не говоря уже о томъ, что приходилось имѣть дѣло съ превосходными силами французовъ, она, въ-добавокъ, совершенно не имѣла продовольствія: изъ запаса, сдѣланнаго Белинцонѣ, часть потеряна на пути, а другая израсходована, такъ что только у немногихъ солдатъ имѣлось еще по нѣсколько сухарей; кромѣ того артиллеріи и ружейныхъ патроновъ было мало. При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, фельдмаршалъ собралъ 18 сентября военный совѣтъ. Вотъ какъ описываетъ это совѣщаніе Старковъ — авторъ «Разсказы стараго воина о Суворовѣ», переданное ему княземъ Багратіономъ.

«Получивъ приглашеніе на военный совѣтъ, князь Багратіонъ пришелъ первый къ Суворову и засталъ его въ сильномъ волненіи: въ полномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ ходилъ онъ скорыми шагами по комнатѣ, и, не замѣчая даже прихода князя Багратіона, отрывисто говорилъ про себя: «парады... разводы... большое къ себѣ уваженіе,.... обернется — шляпы долой!... помилуй Господи!... Да и это нужно, — да во-время,.... а нужнѣе то — знать вести войну; знать мѣстность; умѣть расчесть, не дать себя въ обманъ, умѣть бить... А битому быть — немудрено!... погубить столько тысячъ!.. и какихъ!.... въ одинъ день... помилуй Господи!...» Незамѣченный Суворовымъ, Багратіонъ вышелъ изъ комнаты.

«Вскорѣ стали подходить приглашенные на совѣтъ начальники, пришелъ и Великій Князь. Всѣ они вошли къ фельдмаршалу. Суворовъ остановился, сдѣлалъ поклонъ, потомъ зажмурилъ глаза и, казалось, собиралъ свои мысли. Послѣ минутнаго молчанія, онъ вдругъ окинулъ всѣхъ своимъ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ и началъ говорить торжественно, сильно, съ одушевленіемъ: «Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ. Готце (австрійскій генералъ) пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ! Елачичъ и Линкенъ ушли! Весь

*

планъ нашъ — разстроенъ»!... Всѣ неудачи фельдмаршалъ приписалъ винѣ вѣнскаго кабинета, при чемъ исчислилъ въ краткихъ чертахъ всѣ тѣ непріятности и происки, которые терпѣлъ онъ отъ австрійцевъ чуть ли не съ первыхъ моментовъ прибытія въ Италію; въ доказательство коварной политики барона Тугута, приводилъ старанія его удалить русскихъ изъ Итали и преждевременное выступленіе эрцгерцога Карла изъ Швейцаріи, имѣвшее неизбѣжнымъ послѣдствіемъ пораженіе Римскаго-Корсакова. Наконецъ и бѣдственное положеніе собственной своей арміи Суворовъ приписывалъ винѣ австрійцевъ: «если бы, говорилъ онъ, не потеряны были пять дней въ Тавернѣ, то случившіяся несчастья были-бы предупреждены, и Массенѣ не удалось-бы одержать побѣдъ, подготовленныхъ коварною политикою союзнаго кабинета.

«Теперь идти намъ впередъ на Швицъ — не возможно. У Массены свыше 60 тысячъ; а у насъ нѣтъ полныхъ и двадцати. — Идти назадъ... стыдъ! — Это значило-бы отступать... а русскіе... и я... никогда не отступали. Мы окружены горами: мы въ горахъ! У насъ осталось мало сухарей на пищу, а менѣе того боевыхъ артиллерійскихъ зарядовъ и ружейныхъ патроновъ. Мы будемъ окружены врагомъ сильнымъ, возгордившимся побѣдою... побѣдою, устроенною коварною измѣною.

«Государю Императору Павлу Петровичу, нашему Великому Царю измѣнилъ кто-же? Вѣрный союзникъ Россіи — кабинетъ великой, могучей Австріи, или, что все равно, правитель дѣлъ ея, министръ Тугутъ, съ его гофкригсратомъ! Нѣтъ! Это уже не измѣна, а явное предательство, чистое, безъ глупости, разумное, расчитанное предательство насъ, столько крови пролившихъ за спасеніе Австріи. Одна надежда на Бога, другая на величайшую храбрость и высочайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ. Намъ предстоятъ труды величайшіе, небывалые въ мірѣ: мы на краю пропасти!... Но мы русскіе! съ нами Богъ!...

«Спасите, спасите честь и достояніе Россіи и ея Государя Императора! спасите сына Его, Великаго Князя Константина Павловича! вскричалъ Суворовъ взаключеніе и бросился къ ногамъ Великаго Князя» [32]. Сцена была до такой степени потрясающая, что всѣ бывшіе на совѣтѣ военачальники просто остолбенѣли. До того времени никто и никогда не видѣлъ Суворова въ такомъ состояніи. Всѣ бросились поднять фельдмаршала, но Константинъ Павловичъ самимъ поднялъ полководца, обнималъ и цѣловалъ его. Генералъ Дерфельденъ отъ лица всѣхъ генераловъ обратился къ фельдмаршалу съ рѣчью, въ которой завѣрилъ его въ неизмѣнной храбрости и безпрекословномъ повиновеніи всего войска. Послѣ того начались совѣщанія, результатомъ коихъ явилось рѣшеніе во что бы то ни стало пробиться къ Гларису. Согласно составленной на совѣтѣ диспозиціи, австрійская бригада Ауфенберга выступала 18 сентября и должна была сбить непріятеля съ горы Брагель; на другой день выступалъ князь Багратіонъ и, поддерживая австрійцевъ, наступаетъ къ Гларису; за нимъ слѣдуетъ дивизія генералъ-лейтенанта Швейковскаго. Корпусъ генерала Розенберга, усиленный дивизіею Ферстера, остается въ Муттенской долинѣ и удерживаетъ занимавшаго Швицъ непріятеля до тѣхъ поръ, пока главныя силы съ вьюками не перейдутъ Брагель.

Австрійцы, сбивъ передовые непріятельскіе посты на Брагелѣ, опустились къ озеру Клenталю и расположились около него ночлегомъ. Утромъ, 19 сентября 4 французскихъ баталіона атаковали бригаду Ауфенберга и заставили ее опять отступить къ Брагелю. Генералъ Молиторъ прислалъ къ Ауфенбергу парламентера съ предложеніемъ сдаться. Не надѣясь получить помощи, австрійскій генералъ уже открылъ переговоры, когда подо-

---

32) Старковъ. Разсказы стараго воина о Суворовѣ, стр. 210—212.

шелъ авангардъ кн. Багратіона. Пославъ Ауфенбергу приказаніе прекратить переговоры, Багратіонъ немедленно атаковалъ непріятеля, смялъ его и опрокинулъ въ озеро, причемъ болѣе 200 французовъ потонуло въ водахъ Клենталя.

Между тѣмъ, генералъ Молиторъ, получивъ подкрѣпленіе изъ Глариса, занялъ сильную позицію у восточной окраины озера. Она обоими флангами упиралась въ высокія горы, посреди коихъ находилось узкое дефиле. Князь Багратіонъ рѣшился вторично атаковать французовъ. Впереди шелъ австрійскій баталіонъ, за нимъ русскіе гренадеры. Встрѣченные у прохода залпомъ, австрійцы смѣшались и показали тылъ: тогда Багратіонъ выдвинулъ одинъ изъ гренадерскихъ баталіоновъ, который и бросился въ штыки; но атака не имѣла успѣха, ибо незначительная ширина прохода, ведущаго къ непріятельской позиціи, не позволяла пустить въ дѣло больше одного баталіона. Наступленіе темноты заставило князя Багратіона прекратить сраженіе и отложить атаку до слѣдующаго утра. Поздно ночью дивизія Швейковскаго и часть вьюковъ спустились въ Клентальскую долину.

Въ то время какъ авангардъ дрался у Клենталя, войска Розенберга имѣли еще болѣе серьезныя дѣла съ непріятелемъ, атаковавшимъ нашъ аріергардъ. Описаніе дѣйствій аріергарда мы заимствуемъ изъ воспоминаній участника славныхъ дѣлъ русскаго воинства въ Италіи и Швейцаріи.

«Начинаю разсказывать о дѣлахъ нашего корпуса, начавшихся послѣ отхода войскъ съ Александромъ Васильевичемъ.

«Всѣ войска нашего корпуса расположились предъ с. Муттенталь (Mutten-Thal). Въ первой линіи стали полки Ребиндера и Кашкина, за ними вторая линія. Впереди всѣхъ, къ лицу врага стали охотники, человѣкъ до трехсотъ, и рота егерей полка Кошкина; передовые были подъ начальствомъ маіора Ивана Васильевича Сабанѣева. Непріятельскіе посты были отъ насъ верстахъ въ двухъ.

«Наши вьюки съ патронами и съ насущнымъ запасомъ сухарей (крошечнымъ запасомъ!) всѣ почти прибыли вечеромъ, — и намъ роздали сухари и патроны; а вьюки, подъ нами бывшіе, приготовили для пособія легко раненымъ.

«Намъ объявлено было Сабанѣевымъ, что бить врага на-смерть было именно приказано Александромъ Васильевичемъ; что это его воля непремѣнная. И всѣ ратники душою поклялись исполнить приказаніе отца Александра Васильевича и показать врагу всю силу Святой Руси, всю непреоборимую храбрость человѣка русскаго. Передъ сумерками пріѣхалъ къ намъ Максимъ Васильевичъ Ребиндеръ, собравши всѣхъ насъ, говорилъ намъ: «Дѣти! Помните, что вы русскіе; охулки на руки не класть!... Бить врага, и бить храбро, дружно, живо. Стрѣлять мѣтко; налетовъ класть штыками. Помните, дѣти! у страха глаза велики!... труса изъ насъ колоть; выкинуть его какъ паршивую овцу изъ стада: трусъ въ сраженіи дѣло пагубное, заразительное, какъ чума. Слышите, дѣти? Это мое вамъ слово,—слово старика, пятьдесятъ лѣтъ служащаго Богу, Царю и Отечеству. Не посрамите имени русскаго!»

«Ваше превосходительство!... батюшка Максимъ Васильевичъ!» началъ говорить старикъ ратникъ Ярощенко: «помилуй же Господь Богъ, быть намъ трусами. Мы готовы бить врага на-смерть. Всѣ ляжемъ лоскомъ, а врагу верха не дадимъ. Будьте надежны въ томъ; мы здѣсь всѣ люди не рекруты, и всѣ мы русскіе бывалые». И, обернувшись къ намъ, сказалъ: «такъ-ли, братцы?»... И ратники отвѣчали: «рады постараться для вашего превосходительства! управимся съ врагомъ на-славу!»

«Не одни охотники, но весь корпусъ, всѣ отъ старика до молодого, отъ высшаго чина до послѣдняго ратника, — горѣли душою поколотить безбожниковъ; и эта самоувѣренность въ себя сдѣлала чудеса.

«Смерклось, и густой туманъ палъ на горы, на долы. Явились казаки конные; они заняли вразсыпную мѣста наши, а мы нѣсколько пооттянули назадъ, собраны были въ колонну, расчитаны, и цѣлую ночь провели безъ сна и безъ огней [33]. Когда уже наговорились и наслушались досыта о былыхъ сраженіяхъ въ Турціи, въ Польшѣ, здѣсь въ Италіи и въ Швейцаріи, и перебравъ характеръ и способности каждаго начальника, коснулись и до М. В. Ребиндера. Молодые ратники говорили, что онъ обидѣлъ ихъ своею рѣчью; что онъ говорилъ о трусости, и какъ будто онъ замѣтилъ и знаетъ, что есть между насъ трусы». «Да нѣшто мы не своею охотою вышли въ охотники погулять на раздольи? Нѣшто мы уже нехрести, а не русскіе? Если-бы явилась такая дрянь между нами, то мы сдѣлаемъ съ нимъ то же, что дѣлывали въ старыя времена: тутъ же штыками карачунъ». Старики-ратники вознегодовали на сумасбродныя, слишкомъ вольныя, слишкомъ глупыя слова, молодости и одинъ изъ нихъ, Милорадовича (Апшеронскаго) полка, рослой старикъ, съ усами длинными, густыми и сѣдыми какъ серебро, началъ говорить: «Стойте, ребята, молодость: чуръ, не рвать! мы здѣсь съ трехъ полковъ, и не диво, что старикъ М. В. не знаетъ всѣхъ насъ; а время-то приходитъ къ важному дѣлу. Ребиндеръ отецъ, а не начальникъ, храбрый изъ храбрыхъ! Я его знаю болѣе 25 лѣтъ; знаю, когда онъ служилъ въ Азовскомъ полку, а потомъ въ егеряхъ. Это такой богатырь въ сраженіяхъ, что врядъ-ли кто съ нимъ сравнится, и не чета Р. . . . у. Силачъ, левъ, чорта не струситъ! А что онъ намъ такъ сказалъ, это оттого, что всѣхъ насъ не знаетъ, и быть можетъ и не смогъ сказать лучше, а обидѣть тѣмъ насъ—не обидѣлъ. Вѣдь онъ не отецъ Александръ Васильевичъ, что всякое слово кладетъ намъ въ душу, словно малороссійскій въ маслѣ со сметаною вареникъ. Посмотрите-ка на него въ сраженіи, вотъ если Богъ приведетъ утромъ: такъ вы увидите, что онъ, 70-ти-лѣтній, станетъ бодрѣе, шибче и лучше тебя говоруна (тутъ онъ обратился къ молодому ратнику, поступившему изъ дѣтей священническихъ). Краснобай! берегись болтать много, а дѣлать мало! Чему тебя учили въ семинаріи? — Да, ѣлъ ты не своего пота хлѣбъ, такъ и думаешь, что ты янька золотыя петельки! умнѣе-то тебя и нѣтъ... читалъ, дескать, знаешь, дескать, и судить и рядить можешь! Дрянь эдакая!... Знаешь ли ты, что значитъ человѣкъ русскій?... Вѣдаешь-ли ты, что значитъ русскій солдатъ и на что и для чего ты живешь теперь? Дѣла-то не знаешь, а болтаешь, я слышалъ давишнія твои рѣчи, да годилъ, молчалъ; теперь ты опять городишь околесную, обидѣлъ дескать, онъ насъ. Лоботрясъ, молокососъ! научись молчать, да знай дѣлать свое дѣло по присягѣ; а старшихъ уважай и почитай; а начальниковъ слушай, да такъ слушай, хоть бы они тебѣ приказали умереть сейчасъ, такъ умри. Вотъ и будешь русскій солдатъ. А то пустился точить балясы: и то не такъ и тотъ-де дуракъ, а его и слушаетъ весь недоростокъ!» Тутъ хотѣли-было однополчане говоруна положить и частыми убѣжденіями, посредствомъ тесаковъ, риторически доказать ему, что онъ глупъ, да старикъ - Апшеронецъ сказалъ: «постойте-ка братцы, я выучу его получше!» и пошелъ къ Ив. В. Сабанѣеву. «Ваше Высокоблагородіе! позвольте мнѣ взять къ себѣ въ четверку молодца изъ егерей: мнѣ нужно его повыучить и посмотрѣть, такъ ли онъ будетъ боекъ на дѣлѣ, въ сраженіи, какъ на словахъ?»—и Сабанѣевъ позволилъ.

«Предъ свѣтомъ за часъ, казаки съѣхали сь ночныхъ постовъ, и мы взяли ихъ отдѣленіями человѣкъ по 12. Запасъ нашъ сталъ сзади; рота егерей осталась на прежнемъ мѣстѣ. Стало разсвѣтать; туманъ былъ сильный, Сабанѣевъ пустилъ впередъ дозоръ при офицерѣ съ 50 охотниками. Черезъ четверть часа обходъ нашъ встрѣтилъ сильный фран-

---

[33]) Огонекъ маленькій чуть-тлѣлся у г.г. офицеровъ, — да у насъ былъ лишь для закуриванія трубокъ

цузскій патруль — и понеслись выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ. Сшибка загорѣлась сильно, но ненадолго; французы бѣжали съ поля боя. Вотъ и разсвѣло, и врага не было видно: онъ укрывался за взлобками и холмами. Вслѣдъ за перепалкою, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ пріѣхалъ къ намъ съ однимъ казакомъ; объѣхавъ нашу линію, велѣлъ собраться намъ, — и всѣ слетѣлись къ нему, какъ дѣти къ любимому отцу. Онъ намъ говорилъ: «Смотрите же, братья! бить врага должно; вы для того только здѣсь, чтобы заманить врага къ намъ ближе. Стрѣляйте цѣльно, рѣдко, да мѣтко! Налетовъ класть штыками на упокой и помаленьку оттягивать назадъ, когда будетъ приказано; слушайте барабана, смотрите на начальника; за храбростію въ карманъ не лазить: ставь русскую богатырскую грудь на лицо, прямо!» Онъ тутъ ударилъ рукою по своей высокой груди и, простившись съ нами, пожелалъ намъ въ поборники св. Георгія, и уѣхалъ. «Вотъ богатырь—такъ богатырь!» говорили ратники: «хватъ, молодецъ, нашъ братъ русскій! Начальникъ драгоцѣнный!...»

«Насъ вновь разсчитали на 6 взводовъ. Ив. В. показалъ намъ, какъ строить трехъ-угольную колонну: «это для того, говорилъ онъ, что если бы намъ довелось не дать врагу ни шагу земли, а его было бы впятеро болѣе насъ, и мы взяты были-бы имъ съ боковъ, — тогда по перебою тревоги строиться живо въ колонну. Раза три мы сдѣлали примѣръ и поняли, какъ будто весь вѣкъ свой это знали.

«Вотъ уже время приходило къ полудню, а господа французы ни съ мѣста; у нихъ не видно было ни малѣйшаго движенія. Намъ уже и наскучило дожидаться друзей; мы уже и проголодались, и думали перекусить кусочкомъ сухарика; да старики - ратники сказали: «Нѣтъ, братцы, не хорошо вы дѣлаете; поѣвши, тяжелѣй станешь; да если иному достанется получить подарокъ въ животъ, такъ не скоро вылечатъ; попоститься, да помолиться Господу Богу будетъ для души лучше, а для сухарнаго мѣшка выгоднѣе». И никто не съѣлъ ни крошки сухарика.

«Часу въ первомъ или во второмъ пополудни мы увидѣли у французовъ движеніе. Стрѣлки ихъ шибко неслись къ намъ, а за ними слѣдовали густыя колонны. Мы стали во-фронтъ колонною, и Ив. В. Сабанѣевъ, подошедши къ намъ, началъ говорить: «Время настало, братцы, поработать по-русски, по-суворовски. Помолимся же Господу Богу милосердому о побѣдѣ надъ врагомъ и, благословясь, встрѣтимъ врага молодецки. На-колѣни!» И мы всѣ упали на колѣна, и молились Господу Богу Русскому. Когда мы окончили молитву, непріятель былъ уже отъ насъ выстрѣла на два. — «Съ Богомъ, ребята! Четыре взвода впередъ! ступай! ступай!» — и вмигъ всѣ мѣста были заняты въ разсыпныя двѣ линіи.

«Стрѣлковъ французскихъ было втрое болѣе противъ насъ, и пули ихъ стали носиться между нами, какъ вода въ лѣтнюю пору. Охотники выжидали, и, подпустивъ врага шаговъ на полтораста, удвоивъ цѣпь, пустили губительный свой огонь. Ни одна пуля ихъ не пошла на-вѣтеръ: цѣпь враговъ видимо обрѣдѣла; она пріостановилась. Но къ нимъ принеслась вторая ихъ линія съ резервами, и цѣпь ихъ сдѣлалась густою, почти неразрывною линіею. Шибко, бодро она двигалась на насъ, точно какъ пчела на медъ. Прицѣльный батальный огонь нашей линіи вырывалъ изъ густыхъ рядовъ враговъ ежесекундно десятками, и Иванъ Васильевичъ, замѣтивъ, что стрѣлки врага довольно далеко отдѣлились отъ своихъ колоннъ, двинулъ въ цѣпь остальные два взвода охотниковъ и, сблизивъ роту егерей, приказалъ ударить въ барабаны первое колѣно егерскаго похода. Съ первымъ звукомъ этого желаннаго боя, охотники кинулись на врага и закипѣла штыковая, молодецкая русская работа; минуты черезъ четыре французики опрометью неслись уже назадъ и цѣлые ряды ихъ лежали упокоенными. Отмаршъ послѣ переката барабановъ далъ знать на-

шимъ, что должно оттягивать назадъ. Наши неохотно стали пятиться; но повтореніе боя отмаршъ заставило ускорять шагъ. Мы оттягивали шибко, а французы шли твердыми шагами, съ боемъ въ барабаны и съ музыкою, двигая впередъ пушки, и начали подчивать насъ картечью. Такъ шли мы, отстрѣливаясь, къ линіи нашей и передъ нею приняли: рота егерей направо, а мы стали нѣсколько впереди оконечностей лѣваго фланга полка Ребиндера. Колонны французовъ сунулись на линіи, и ихъ обдали жаромъ пуль и картечи; они развили фронтъ,—и ружейный и пушечный непрерывный огонь залился, какъ мелкая дробь барабаннаго боя. Разъ шесть наша линія бросалась на враговъ въ штыки и опрокидывала его; но ихъ было слишкомъ много, слишкомъ вдвое болѣе, чѣмъ насъ. Насъ было въ дѣлѣ лишь два полка, вторая линія наша стояла сзади и не двигалась къ намъ на помощь. Драка длилась уже два часа и намъ приходилось не въ моготу. Употребивъ послѣднія усилія, по приказанію М. В. Ребиндера, линія наша еще разъ ударила въ штыки и, опрокинувъ врага, погнала; но вдругъ изъ-за большаго каменнаго строенія показалась сильная (тысячъ въ трехъ) колонна французовъ и, развившись на-бѣгу, пустилась фронтомъ, бросаясь какъ бѣшеные. Егерскій полкъ Кашкина и полкъ Ребиндера поколебались и стали уступать; Сабанѣевъ съ охотниками принужденъ былъ поддаться назадъ; непріятель осыпалъ насъ повсюду! Очистивъ штыками кругомъ себя въ самой скорости, охотники построились въ трехъ-угольную колонну и двинулись нѣсколько впередъ, начали лить бѣглый огонь въ фланги многочисленнаго врага, и онъ все двигался упорно впередъ, производя сильную пальбу, перебилъ Ребиндера полка всѣхъ артиллеристовъ и взялъ одно наше горное орудіе.

«Старецъ-богатырь Ребиндеръ съ линіею своихъ двухъ полковъ, тѣснимыхъ сильно, успѣлъ въ самой скорости, во время кроваваго боя, собрать колонну, и сказалъ: «Дѣти! у насъ отняли пушку, впередъ!» Съ этимъ словомъ все кинулось на врага со штыками; густой фронтъ его былъ пробитъ и опрокинутъ, отбитое орудіе взято назадъ и отнята у врага большая гаубица».

Тѣмъ не менѣе положеніе войскъ первой линіи было въ высшей степени опасное, ибо они дрались уже нѣсколько часовъ, были сильно утомлены и гораздо малочисленнѣе противника.

Но близка уже и помощь.

«Одновременно съ послѣдней атакой Ребиндера, — Милорадовичъ съ богатырскимъ полкомъ своего имени и съ двумя другими полками (именъ ихъ не упомню), вырвавшись изъ второй линіи, быстро, бѣгомъ бросились впередъ. Въ мгновеніе врагъ на всѣхъ пунктахъ былъ опрокинутъ, битъ пулями и штыками на смерть, и преслѣдованъ по пути къ Швицу болѣе пяти верстъ...

«Непріятель бѣжалъ быстро; преслѣдовать его долѣе Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ не приказалъ; стало вечерѣть.

«Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ во время боя, при послѣднемъ натискѣ на врага и при преслѣдованіи его, былъ впереди, вездѣ на виду у ратниковъ. Андрея Григорьевича Розенберга мы не имѣли счастья видѣть».

Оставивъ на мѣстѣ боя сторожевую казачью цѣпь, генералъ Милорадовичъ отвелъ всѣ войска назадъ; начальство надъ сборной охотничьей командою онъ поручилъ командиру 2-го Апшеронскаго баталіона полковнику Жукову.

На слѣдующій день предстояло выдержать еще одно сраженіе, чтобъ дать возможность всѣмъ вьюкамъ перевалиться черезъ горы и тогда уже отступить.

Ночь прошла спокойно; обѣ стороны были настолько утомлены, что искали только отдыха, и поэтому во всю ночь не раздалось ни одного выстрѣла. Съ разсвѣтомъ заше-

велились французы. Кое-гдѣ показались небольшія колонны, которыя постепенно приближались къ расположенію нашего аріергарда. Было уже около 11-ти часовъ утра, когда три большія непріятельскія колонны, имѣя впереди себя густую цѣпь стрѣлковъ, начали быстро наступать къ нашей позиціи. Французы шли въ атаку съ музыкою, барабаннымъ боемъ и крикомъ.

Полковникъ Жуковъ, охотничья команда котораго должна была выдержать первый ударъ непріятеля, удвоилъ передовую цѣпь и приказалъ, отстрѣливаясь, отступать понемногу назадъ.

Вскорѣ перестрѣлка загремѣла по всей передовой линіи, въ коей находились охотники и мушкетерскій полкъ Велецкаго (Бутырскій). Наши войска постепенно отступали къ главнымъ силамъ, закрывая ихъ расположеніе отъ взоровъ непріятеля. Когда непріятель, увлеченный наступленіемъ, уже достаточно близко подошелъ къ нашимъ резервамъ, то передовая линія раздвинулась и изумленнымъ французамъ предстали грозныя колонны русскихъ войскъ. Но, вслѣдъ за тѣмъ, непріятель съ музыкой продолжалъ наступленіе, а артиллерія его открыла по нашимъ войскамъ огонь картечью. Вдругъ вся линія русскихъ полковъ, послѣ залпа по французамъ, на самомъ близкомъ разстояніи, предводимая храбрымъ Милорадовичемъ, ринулась въ штыки.

Совсѣмъ не ожидая перехода въ наступленіе, непріятель пришелъ въ полное смятеніе: его первая линія дрогнула и обратилась въ бѣгство, а за нею и всѣ остальныя. Не давая опомниться французамъ, ихъ преслѣдовали на разстояніи 8 верстъ до самаго Швица. Самъ Массена чуть-было не попалъ въ плѣнъ: одинъ изъ охотниковъ сорвалъ съ него даже золотой эполетъ; но французскій главнокомандующій успѣлъ какъ-то вырваться и ускакалъ. Множество французовъ потонуло во время переправы черезъ р. Муоту. Непріятель потерялъ до 3.000 убитыми и ранеными, въ плѣнъ взяты: генералъ Лакуръ, 15 офицеровъ и около 1.200 человѣкъ.

Трофеями одержанной побѣды было 7 орудій, которыя, по неимѣнію перевозочныхъ средствъ, взять съ собою не представлялось никакой возможности, и потому ихъ заклепали и зарыли въ землю.

Потери русскихъ нигдѣ не показаны; но въ строевыхъ рапортахъ полка мы нашли, что за 19 и 20 сентября въ немъ *убиты: подпоручикъ Климовъ, прапорщики Брошеванъ и Мухановъ, нижнихъ чиновъ 47; ранены: капитанъ Колодежный, поручикъ Аристовъ; подпоручикъ Бояринцевъ и 58 нижнихъ чиновъ* [34].

Такимъ образомъ, корпусъ генерала Розенберга въ два дня одержалъ двѣ блистательныя побѣды надъ непріятелемъ, превосходившемъ его численностью болѣе чѣмъ въ два раза. Въ этомъ двухдневномъ сраженіи Апшеронскій полкъ, имѣя во главѣ своего храбрѣйшаго шефа, Михаила Андреевича Милорадовича, принималъ весьма видное участіе въ одержаніи побѣды, заплативъ за то и большою потерею. Уже тогда слава полка гремѣла, не даромъ авторъ «Записокъ стараго воина о Суворовѣ» называетъ его «богатырскимъ». И полкъ и шефъ его были достойны другъ друга, соперничая въ храбрости и самоотверженіи.

Тотъ же авторъ разсказываетъ такой случай, имѣвшій мѣсто въ сраженіи 20 сентября. Во время наступленія французовъ, непріятельская колонна гренадеръ, численностью 800 человѣкъ, пошла въ атаку на охотниковъ. Полковникъ Жуковъ немедленно собралъ всѣхъ охотниковъ и сдѣлалъ по непріятельской колоннѣ залпъ; но французы грозно, безъ выстрѣла, шли въ атаку. Плохо приходилось охотникамъ, если бы не явилась совершенно неожиданная помощь: Милорадовичъ съ 300 своихъ Апшеронцевъ ударилъ на непріятеля

---

34) Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ полка за сентябрь 1799 г.

съ фланга, тогда и Жуковъ повелъ въ атаку охотниковъ; французскіе гренадеры, не смотря на все свое мужество, были смяты и принуждены отступать.

Въ ночь на 20-е сентября князь Багратіонъ, занявъ нѣсколькими баталіонами утесы надъ крѣпкой непріятельской позиціею, безъ замедленія атаковалъ французовъ и выбилъ ихъ оттуда. На другой день, послѣ весьма упорнаго сопротивленія, Багратіонъ овладѣлъ дер. Нетсталь и продолжалъ тѣснить Молитора, который съ остатками своей дивизіи отступилъ къ дер. Нефельсу, гдѣ и занялъ позицію. Послѣ нѣсколькихъ атакъ, французы были выбиты изъ Нефельса. Вечеромъ, по полученіи приказанія отъ графа Суворова, Багратіонъ отступилъ къ Гларису.

Узнавъ, что всѣ тяжести перевалились черезъ гору Брагель, фельдмаршалъ послалъ генералу Розенбергу приказаніе отступить изъ Муттенской долины. Но отступленіе нашелъ малочисленнаго корпуса, въ виду превосходныхъ силъ противника, могло повлечь за собою большія потери; поэтому генералъ Розенбергъ пустился на хитрость: онъ приказалъ жителямъ Швица заготовить провіанта на 12.000 человѣкъ, которые будто-бы должны вступить 21-го числа въ эту деревню. Генералу Массенѣ дали о томъ знать, и онъ цѣлый день простоялъ на своей позиціи, въ ожиданіи русскихъ. Не видя ихъ, онъ, наконецъ, сдѣлалъ рекогносцировку въ Муттенскую долину и тутъ убѣдился, что его обманули и русскій корпусъ безпрепятственно ушелъ. Не имѣя возможности забрать съ собою раненыхъ—своихъ до 600 чел. и французовъ до 1.000 чел., генералъ Розенбергъ оставилъ ихъ всѣхъ въ дер. Муттенъ, поручивъ человѣколюбію французовъ.

Проведя двѣ ночи на снѣжныхъ высотахъ Брагеля, корпусъ Розенберга 23 сентября прибылъ въ Гларисъ.

Въ тотъ же день состоялся военный совѣтъ, на которомъ рѣшено двинуться вверхъ по Зернфтской долинѣ, черезъ д.д. Энги и Эльмъ, на снѣжную гору Рингенъ-копфъ (Паниксъ) и отсюда спуститься къ городу Иланцу. Всѣ тяжело раненые оставлены въ Гларисѣ и поручены покровительству французскихъ войскъ. Порядокъ движенія былъ таковъ: въ авангардѣ шелъ генералъ Милорадовичъ съ Апшеронскимъ полкомъ; за нимъ всѣ вьюки арміи; далѣе—корпусъ генерала Розенберга, дивизія генерала Дерфельдена, а въ аріергардѣ кн. Багратіонъ.

Въ ночь на 24-е сентября всѣ войска тихо снялись съ лагеря и двинулись въ путь. Непріятель, какъ только получилъ извѣстіе объ отступленіи Суворова, съ яростію устремился на нашъ аріергардъ, которому пришлось отбить нѣсколько атакъ. Къ вечеру 24-го числа главныя силы и аріергардъ остановились на ночлегъ у дер. Эльма, а Милорадовичъ, безъ остановки, пошелъ открывать путь черезъ Рингенъ-копфъ.

Въ пяти верстахъ отъ Эльма начинался подъемъ на горы; дорога была въ высшей степени трудная: она проходила по косогорамъ, спускалась въ овраги или вилась по узкимъ карнизамъ скалъ и снова поднималась на гору. Проливной дождь и большая грязь сдѣлали едва проходимымъ этотъ и безъ того уже трудный путь. Темная ночь и спустившійся густой туманъ, а затѣмъ снѣжная вьюга не позволяли различать дорогу; полуодѣтые и полубосые солдаты и офицеры одинаково терпѣли отъ холоду; взбирались уже на-обумъ и немало солдатъ срывалось въ кручи. 25 сентября Милорадовичъ со своимъ полкомъ спустился къ дер. Паниксъ. Главныя силы и аріергардъ претерпѣвали тѣ же невзгоды, и 26-го числа, спустившись съ горъ, вся армія прибыла въ гор. Иланцъ.

Наконецъ-то русскія войска вышли изъ горныхъ швейцарскихъ трущобъ, совершивъ такимъ образомъ великій подвигъ, записанный золотыми буквами въ скрижали исторіи Россіи. Это былъ безпримѣрный походъ, выказавшій въ самомъ блестящемъ видѣ всю неутомимую

выносливость русскаго солдата, его замѣчательную храбрость, стойкость и образцовую дисциплину.

До Италіанской кампаніи русскіе не встрѣчались еще на полѣ брани съ французами; въ Италіи и Швейцаріи они близко познакомились другъ съ другомъ, и, будучи врагами, все-таки прониклись обоюднымъ уваженіемъ. Французы отдавали намъ должное, и сознавали хорошо, что вести войну съ русскими не такъ легко, какъ съ австрійцами, въ борьбѣ съ которыми они не знали пораженій.

Швейцарскій походъ стоилъ русской арміи очень дорого: она потеряла около 5.000 человѣкъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти; при арміи не было артиллеріи обоза и продовольствія; войска до крайности изнурились трудностями переходовъ и постоянными боями, въ особенности корпусъ Розенберга и авангардъ князя Багратіона.

Но къ чести нашихъ солдатъ надо сказать, что никакія лишенія не заставляли ихъ падать духомъ; они послѣднимъ сухаремъ дѣлились съ своими офицерами, а появленіе любимаго вождя и его шутки вызывали въ нижнихъ чинахъ постоянно смѣхъ. Кого-же могъ не побѣдить Суворовъ, имѣя подъ начальствомъ такія дивныя войска! Подчасъ солдаты ворчали на своего фельдмаршала, но Суворовъ все обращалъ въ шутку. Такъ, напримѣръ, во время одного изъ переходовъ, русскія войска карабкались по крутымъ горамъ, и, не обращая вниманія на присутствіе самого Суворова, говорили: «Старикъ нашъ выжилъ изъ ума; Богъ вѣсть куда завелъ насъ!» Фельдмаршалъ услышалъ эти слова и, обратясь къ свитѣ, сказалъ: «Какъ они меня хвалятъ! Помилуй Богъ; такъ точно они меня хвалили въ Туретчинѣ и Польшѣ!»

Апшеронскому полку сраженія въ Италіи и походъ черезъ Швейцарію обошлись также очень дорого; изъ состава полка выбыло: 6 оберъ-офицеровъ и 165 нижнихъ чиновъ убитыми; 2 штабъ-офицера, 13 оберъ-офицеровъ и 199 нижнихъ чиновъ ранены и 40 безъ вѣсти пропало,—всего 425 человѣкъ.

Получивъ донесеніе фельдмаршала Суворова о переходѣ черезъ Швейцарскія горы, Императоръ Павелъ послалъ ему рескриптъ такого содержанія: «Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы — преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ: поразили еще злодѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистью противъ васъ вооруженныхъ».

Императоръ возвелъ Суворова въ званіе генералисимуса и повелѣлъ воздвигнуть ему въ Петербургѣ памятникъ; Великому Князю Константину Павловичу пожалованъ титулъ Цесаревича, а всѣ офицера получили награды.

Систематическое недоброжелательство нашихъ союзниковъ — австрійцевъ, а въ особенности удаленіе изъ Швейцаріи арміи эрцъ-герцога Карла, результатомъ чего явилось пораженіе корпуса Римскаго-Корсакова, вызвало со стороны Русскаго Императора весьма справедливое негодованіе на дѣйствія австрійцевъ и ускорило разрывъ между союзниками. Павелъ Петровичъ повелѣлъ Суворову возвратиться съ русскими войсками въ отечество. Такое рѣшеніе Императора еще болѣе утвердилось, когда онъ узналъ, что австрійцы, при посредствѣ испанскаго посланника, завязали тайныя сношенія съ Франціей, въ надеждѣ заключить выгодный сепаратный миръ.

Удаленіе русской арміи, поразило какъ громъ австрійцевъ и они употребляли всѣ усилія, чтобы измѣнить рѣшеніе Павла I, но ихъ старанія оказались безполезными. Да и самъ Суворовъ не хотѣлъ уже имѣть никакого дѣла съ союзниками, которымъ болѣе соотвѣтствовало названіе измѣнниковъ. Весьма характерно было рѣшеніе военнаго совѣта, созваннаго генералисимусомъ 7-го октября: всѣ генералы и начальствующія лица едино-

*

гласно постановили, что, *«кромѣ предательства, ни на какую помощь отъ Цесарцевъ нѣтъ надежды, чего ради наступательную операцію не производить*[35]).

По соединеніи всѣхъ корпусовъ, генералисимусъ двинулся въ Баварію и расположилъ войска по квартирамъ; Апшеронскій полкъ стоялъ въ гор. Кауфбейренѣ. Въ Баваріи русская армія простояла больше мѣсяца, и 15-го ноября первый эшелонъ ея выступилъ въ Россію. Апшеронскій полкъ шелъ въ правой колоннѣ Розенберга.

Когда армія была уже въ Богеміи, Суворовъ получилъ рескриптъ Императора съ повелѣніемъ остаться на зиму въ предѣлахъ Австріи, ибо въ это время опять затѣялась дипломатическая переписка о заключеніи новаго союза. Но двуличная политика вѣнскаго кабинета не позволила привести переговоры къ благопріятному результату, и русской арміи 27-го декабря окончательно повелѣно было идти въ свои предѣлы.

Армія выступила двумя колоннами, каждая изъ нихъ раздѣлена была на дивизіи, а дивизія на отдѣленія. Апшеронскій полкъ, находясь въ дивизіи генералъ-маіора Эссена 3-го, шелъ во 2-мъ отдѣленіи и, въ началѣ марта 1800 года, прибылъ въ гор. Ровну — свою новую штабъ-квартиру.

Такъ закончился знаменитый походъ въ Италію въ которомъ Апшеронскій полкъ блистательно доказалъ, что установившаяся о немъ репутація, какъ объ одномъ изъ славнѣйшихъ полковъ русской арміи, вполнѣ справедлива: сраженія въ Италіи и Швейцаріи, въ коихъ полкъ всегда игралъ выдающуюся роль, наконецъ потери его краснорѣчиво говорятъ о себѣ и не требуютъ никакихъ дальнѣйшихъ коментарій.

Въ началѣ 1800 года подполковникъ Карповъ уволенъ былъ въ отставку, и новымъ командиромъ полка назначенъ, командовавшій полкомъ съ 4-го августа прошлаго года, подполковникъ Инзовъ.

Изъ послѣднихъ распоряженій Императора Павла, касающихся также и Апшеронскаго полка, отмѣтимъ Высочайшій приказъ отъ 17-го апрѣля, коимъ повелѣно состоящихъ въ полку 20 унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ именовать подпрапорщиками.

За сраженія въ Италіи и Швейцаріи получены были слѣдующія награды:

За сраженіе при Требіи пожалованъ полку «Гренадерскій маршъ».

Произведены въ слѣдующіе чины: въ полковники — подполковникъ Дендрыгинъ, въ подполковники — маіоръ Листовскій; въ капитаны—Штерхъ и Федцовъ; въ штабсъ-капитаны—Шрамченко, Русовъ и Ярославскій; въ поручики—Есиповичъ, Карновичъ и Корытка; въ подпоручики— Загурскій и Берхманъ; изъ портупей-прапорщиковъ въ прапорщики—Бунду, Глѣбовъ, Аронскій и Ставраковъ.

Получили ордена: св. Анны 2-й ст.—маіоръ Марченко, капитанъ Штерхъ, штабсъ-капитанъ Тимофеевъ и Шрамченко; поручики Іоганъ, Грабовскій и Понаровскій (гренадерской роты); подпоручики Кардашевскій, Скальскій 1-й, Рольчевичъ и Эмме (послѣдніе двое гренад. роты) и прапорщикъ Берхманъ.

Св. Анны 3-й ст.: капитанъ Кучуркевичъ; штабсъ-капитаны: Тихановскій, Колодежный, Өедоровъ и Русовъ; поручики Кашириновъ и Протопоповъ подпоручики: Нищенковъ и Загурскій и прапорщикъ Мартынцевъ 2-й[36]).

---

[35]) Донесеніе Суворова Императору Павлу I отъ 9-го октября.
[36]) «Петербургскія Вѣдомости» за 1769 г., № 78.

Глава Семнадцатая.

Стоянка въ Ровнѣ.— Жизнь полка и шефа по воспоминаніямъ офицера-Апшеронца.— Командиръ полка Инзовъ.— Перемѣны въ полку въ первые годы царствованія Александра I.—Новый командиръ полка.—Захваты французовъ въ Европѣ.—Попытка Императора Александра I заключить съ Австріей союзъ.— Присоединеніе Наполеономъ Генуи.—Приготовленія къ войнѣ съ Франціей.— Сосредоточіе корпуса у Радзивилъ.—Составъ корпуса.—Численность полка передъ выступленіемъ въ походъ.—Первыя дѣйствія австрійцевъ.—Разгромъ генерала Макка подъ Ульмомъ.— Отступленіе Кутузова къ Кремсу.—Сраженіе у Амштетена.—Переходъ русскихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная.— Сраженіе при Кремсѣ.— Дѣйствія колонны Милорадовича, по описанію участника боя.— Подвиги поручика Шкляревича и рядоваго Музенъ-Каца.— Дѣйствія колонны генерала Дохтурова.— Потери Апшеронцевъ.—Занятіе французами Вѣны и вѣнскаго моста.— Отступленіе Кутузова къ Бринну.—Сраженіе при Шенграбенѣ. Смотръ войскъ Императоромъ Александромъ I, при Ольмюцѣ.— Положеніе русской арміи.— Военный совѣтъ.— Сраженіе при Аустерлицѣ.— Разныя фазы боя. — Геройскія атаки колонны Милорадовича.— Пораженіе Наполеономъ союзниковъ. — Потери арміи и Апшеронцевъ. — Причины неудачи нашей подъ Аустерлицемъ. — Возвращеніе полка въ Россію и расположеніе въ Ольвіополѣ.

Люблю тебя родное знамя
Среди живой стѣны полковъ,
Когда сквозь ядра, громъ и пламя,
Съ стальной оградою штыковъ
Отважно, гордо и упрямо
Ты наступаешь на враговъ!

Какъ сказано въ предыдущей главѣ, Апшеронскій полкъ, по возвращеніи изъ Италіи, расположился въ Ровнѣ; въ самомъ городѣ находился полковой штабъ и одинъ баталіонъ, а другой баталіонъ размѣщенъ былъ по ближайшимъ селамъ. Въ Ровно жилъ и шефъ полка, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ, совершенно сроднившійся съ Апшеронцами на поляхъ Италіи и въ горахъ Швейцаріи; онъ зналъ нетолько всѣхъ офицеровъ полка, но и многихъ солдатъ; строевыми ученьями занимался самъ, и у него ежедневно обѣдала чуть не половина офицеровъ полка. Ученья чередовались съ балами, задаваемыми Михаиломъ Андреевичемъ, до которыхъ онъ самъ былъ большой охотникъ.

Въ воспоминаніяхъ одного изъ офицеровъ полка, поручика Ѳедора Глинки, мы находимъ прекрасную иллюстрацію жизни полка и Милорадовича, въ бытность его шефомъ, въ началѣ текущаго столѣтія. Выпущенный съ пятью товарищами изъ перваго кадетскаго корпуса въ Апшеронскій полкъ, Глинка ѣхалъ въ гор. Ровно [1]).

«Въ Кіевѣ услышали мы въ первый разъ о будущемъ нашемъ шефѣ—Милорадовичѣ. Тамъ знали этого молодаго генерала, одного изъ русскихъ героевъ въ Италіи—обвѣшаннаго

[1]) 30-го іюня 1803 года изъ кадетъ 1-го кадетскаго (Петербургскаго) корпуса въ Апшеронскій полкъ произведены были: Ѳедоръ Глинка, Захаръ Клевецкій, Генрихъ Мейеръ 1-й, Семенъ Нефедовъ, Константинъ Погонатовъ и Николай Тихменевъ.

крестами (тогда это было рѣдко), пылкаго на войнѣ, любезнаго, даже плѣнительнаго въ обхожденіи съ прекраснымъ поломъ. Но еще болѣе подробностей узнали мы о немъ, проѣзжая Волынь. Тамъ гремѣли обѣ его славы—военная и разгульная. Намъ разсказывали, что, не смотря ни на какія дороги, рано весною и въ позднюю осень, онъ любилъ скакать покурьерски. Особенно удивлялись тому, что онъ никогда не дозволялъ тормозить своего экипажа, и съ каждой горы, какъ бы крута она ни была, мчался во весь конскій скокъ, приводя въ трепетъ самыхъ безтрепетныхъ фурмановъ (извощиковъ)—по большей части евреевъ...

«Намъ разсказывали также, что онъ любилъ музыку, охотно слушалъ русскія пѣсни и давалъ великолѣпные балы, на которыхъ до-упаду танцовалъ съ живыми, прекрасными польками.

«Наконецъ, мы пріѣхали въ Ровно, старинный польскій городокъ—теперь уѣздный. Издавна принадлежалъ онъ фамиліи князей Любомирскихъ. Мы прибыли въ полкъ лѣтомъ. Городъ, въ другое время грязный, былъ сухъ. Евреи сидѣли и занимались мелочною торговлею предъ своими корчмами. Поляки, многіе еще въ старой народной одеждѣ, и русскіе, въ красивыхъ мундирахъ съ желтыми воротниками, въ модныхъ жилетахъ, въ цвѣтныхъ панталонахъ, очень пестро одѣтые (тогда было разгульное время), весело прогуливались по улицамъ и деревяннымъ тротуарамъ—не было ни одного лица скучнаго. Вдругъ пронесся плавнымъ галопомъ черезъ всю площадь статный ѣздокъ въ генеральскомъ мундирѣ на гнѣдой англійской лошади. Чепракъ, залитый золотомъ, и множество крестовъ на груди сверкали на солнцѣ. Высокій султанъ волновался надъ шляпою. Это былъ Милорадовичъ. Онъ только-что отучилъ свой любимый гренадерскій баталіонъ и возвращался домой. За нимъ неслась его свита изъ адъютантовъ и ординарцевъ, пользовавшихся прекрасными лошадьми изъ его конюшни. Въ этой свитѣ отличался одинъ высокорослый стройный полякъ (панъ Чернецкій), въ какомъ-то полу-фантастическомъ мундирѣ, обшитомъ золотыми галунами. Тутъ же на маленькомъ клеперѣ ѣхалъ сухощавый человѣкъ съ совершенно англійскою миною. Это былъ дѣйствительно англичанинъ (родомъ изъ Ирландіи) Гоганъ, племянникъ генерала Ласси. Въ послѣднюю войну, въ Италіи, онъ служилъ капитаномъ [2]) въ шефской ротѣ, выказалъ не разъ отчаянную храбрость, и однажды способствовалъ къ спасенію жизни Милорадовича, который, когда Гоганъ за тяжкою раною, вышелъ въ отставку, держалъ его при себѣ на дружеской ногѣ. Всѣ эти особы ѣхали къ шефу полка обѣдать. За обѣдомъ—такъ намъ разсказывали—играли 24 музыканта изъ крѣпостныхъ людей генерала. Послѣ обѣда ѣздили опять верхами или катались съ пѣсенниками на лодкахъ по озеру, окружавшему съ одной стороны городъ. Вечеромъ отправлялись на гербату (на чай) въ замокъ, къ князю Юзефу Любомирскому. При чаѣ всегда было чтеніе; читали по-очереди вслухъ журналы, чаще какое нибудь новое произведеніе французской литературы. Тогда еще не убивали время за картами. Игрывали на билліардѣ и въ шахматы. Милорадовичъ считался опаснымъ бойцомъ съ кіемъ въ рукахъ и на шахматной доскѣ. Вездѣ онъ рисковалъ, вездѣ дѣлалъ смѣлыя выходки, изумлялъ противниковъ отвагою, а часто и успѣхомъ.

Вдругъ раздавался въ залѣ рѣзкій звукъ смычка,—и, черезъ минуту, все общество кружилось въ звонкомъ вихрѣ вальса или рисовалось въ мазуркѣ.

«Много было патріархальнаго въ тогдашней военной жизни. Офицеры любили Милорадовича, солдаты обожали его.

---

[2]) Былъ въ чинѣ поручика и, какъ извѣстно, раненъ въ сраженіи при р. Треббіи. *Замѣч. автора.*

«Насъ—новопріѣзжихъ—представили генералу послѣ его обѣда. Онъ лежалъ въ мундирѣ на-распашку на софѣ и курилъ трубку. Богатый янтарь дымился въ устахъ его. Тутъ имѣлъ я время разсмотрѣть своего шефа, какъ говорится, съ ногъ до головы, и вглядѣться въ лицо чрезвычайно значительное. Въ этомъ лицѣ тотчасъ можно было угадать родовыя черты серба. Но большой сербскій носъ не портилъ его лица продолговато-округлаго, тогда еще веселаго, открытаго. Русые волосы легко осѣняли чело, слегка отѣненное думою. Отличительными чертами его особы были глаза, грудь и улыбка. Онъ имѣлъ свѣтлые, голубые глаза, которыхъ очеркъ былъ продолговатый и взоръ ясный. Улыбка скрашивала губы узкія, даже нѣсколько поджатыя. Генералъ отличался своею грудью. У него была, какъ говорятъ, грудь колесомъ. Красиво обозначалась она подъ мундиромъ, при стройной, щегольски затянутой таліи. Онъ былъ только-что развѣ средняго роста, но плечистъ.

...«Окинувъ взоромъ насъ, молодыхъ офицеровъ, и видя, что всѣ мы были дробны ростомъ, Милорадовичъ улыбнулся шутливо, не сардонически (онъ могъ вспылить, разсердиться, но не умѣлъ язвить) и сказалъ: «Ну, Богъ мой! (любимая его поговорка) теперь только намъ нужна война! война! А воины есть!»...[3]

Таковъ былъ ближайшій начальникъ Апшеронскаго полка. Онъ чрезвычайно дружилъ съ бывшимъ въ то время командиромъ полка, полковникомъ Иваномъ Никитичемъ Инзовымъ, его боевымъ товарищемъ по Италіанской кампаніи. Инзовъ, въ чинѣ подполковника, переведенъ былъ въ Апшеронскій полкъ въ 1798 году. «Ни что, говаривалъ, впослѣдствіи Инзовъ, не поразило меня столько въ моей жизни, какъ противоположность, найденная мною между княземъ Репнинымъ и Милорадовичемъ, особенно между образомъ жизни ихъ. У одного—великолѣпіе и пышность боярина Екатерининскаго вѣка, торжественные выходы и пріемы, для всѣхъ занятій опредѣленные часы и минуты. У другого (Милорадовича)—все вверхъ дномъ: ночь обращенная въ день, день обращенный въ ночь!»[4].

Вскорѣ, однакожъ, Инзовъ привыкъ къ образу жизни своего шефа, а на кровавыхъ пирахъ смерти въ Италіи и Швейцаріи они заключили тѣсный союзъ дружбы.

Въ началѣ 1801 года умеръ Императоръ Павелъ и на престолъ вступилъ Александръ I. Мирно и тихо протекли первые годы царствованія новаго Императора; въ арміи начался рядъ реформъ, по организаціи и формамъ войскъ. Главнѣйшая реформа, коснувшаяся также и Апшеронскаго полка, заключалась въ новой организаціи мушкетерскихъ полковъ, а именно: Высочайшимъ приказомъ 30-го апрѣля 1802 года, всѣмъ имъ повелѣно состоять изъ трехъ четырехъ-ротныхъ баталіоновъ,—одного гренадерскаго и двухъ мушкетерскихъ[5]. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1804 года полковникъ Инзовъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ Кіевскаго гренадерскаго полка, а Апшеронскій полкъ принялъ полковникъ князь Александръ Васильевичъ Сибирскій 1-й.

Не смотря на полнѣйшее желаніе сохранять миръ со всѣми европейскими державами, Императоръ Александръ I, уже въ 1804 году, началъ приготовленія къ войнѣ, къ чему побудительными причинами для Русскаго Монарха послужили самовольные захваты и несправедливости, творившіеся Наполеономъ въ Европѣ. Такъ, въ 1803 году, онъ, подъ различными предлогами ввелъ французскія войска въ Италію и Голландію, и занялъ Ганноверъ, независимость котораго была обезпечена заключеннымъ между Россіею и Франціею трактатомъ. Такими произвольными дѣйствіями совершенно нарушены были спокойствіе и политическое равновѣсіе Европы. Французское правительство на каждомъ шагу игнорировало

---

[3]) Ѳедоръ Глинка. «Мои воспоминанія о графѣ М. А. Милорадовичѣ».
[4]) «Галерея Зимняго дворца». Біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Никитичѣ Инзовѣ. Томъ II, стр. 1 и 2.
[5]) Объ измѣненіяхъ въ формѣ обмундированія полка говорится въ III томѣ настоящаго труда.

международное право и стремилось подчинить своему вліянію всѣ слабыя европейскія государства.

Ни кроткія представленія, ни угрозы Русскаго Императора не могли остановить честолюбивыхъ замысловъ Бонапарта, стремившагося создать себѣ первенствующее положеніе въ Европѣ и предписывать законы всѣмъ остальнымъ державамъ.

Такое положеніе дѣлъ указало Императору Александру I на прямую задачу его въ политической судьбѣ порабощенной Европы: онъ сознаЛъ, что только силою оружія можно остановить завоевательныя предпріятія Наполеона и дать Западу желанное спокойствіе.

Въ началѣ 1804 года властелинъ Франціи совершилъ, возмутившее всю Европу и омрачившее его славу, преступленіе: онъ приказалъ насильственнымъ образомъ привезти въ Парижъ и здѣсь умертвить герцога Ангіенскаго. Послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ окончательному разрыву между Россіею и Франціею. Видя, что путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Австріею, нельзя добиться никакихъ результатовъ, Императоръ Александръ I вступилъ въ непосредственную переписку съ австрійскимъ императоромъ Францемъ, убѣждая его заключить съ нимъ союзъ противъ Франціи. Къ сожалѣнію, трусливый, вѣнскій дворъ, опасаясь вступить въ открытую борьбу съ могущественною Франціею, подъ различными предлогами отговаривался отъ союза, не взирая на солидную поддержку, предлагаемую Русскимъ Царемъ.

Когда Наполеонъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1805 года, присоединилъ къ Франціи Генуэзскую республику, то тогда только Австрія рѣшилась бросить свою сдержанную и трусливую политику, вняла убѣжденіямъ Александра I и заключила съ нимъ союзъ; послѣ этого обѣ державы стали дѣятельно готовиться къ войнѣ.

Согласно составленному плану кампаніи, одинъ русскій корпусъ, въ 50.000 человѣкъ, сосредоточившись у Радзивилъ, вступилъ въ Австрію, на соединеніе съ ея войсками; а другой — такой же численности — предпологалось двинуть черезъ Силезію въ Богемію; съ цѣлью заставить Пруссію дать свободный пропускъ русскимъ войскамъ, имѣлось въ виду выставить на прусской границѣ третій 40.000-й корпусъ, который впослѣдствіи долженъ былъ двинуться къ Стральзунду, на соединеніе съ русскимъ 16.000-нымъ дессантомъ. Главнокомандующимъ русскою арміею назначенъ генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ; онъ же непосредственно командовалъ и 1-мъ корпусомъ.

Въ составъ перваго корпуса, сосредоточеннаго, въ іюлѣ 1805 года, у Радзивилъ, вошелъ также и Апшеронскій полкъ [6]).

Численный составъ полка, по строевому рапорту генерала Кутузова, отъ 26-го августа, былъ слѣдующій: по списку — штабъ-офицеровъ 7, оберъ-офицеровъ — 59, унтеръ-офицеровъ — 123, музыкантовъ — 57, рядовыхъ — 1.879, нестроевыхъ — 141; подъемныхъ лошадей — 169; больныхъ: оберъ-офицеровъ — 1, унтеръ-офицеровъ — 5, рядовыхъ — 48, нестроевыхъ — 4; въ командировкѣ: оберъ-офицеровъ — 1 (поручикъ Юрасовъ), рядовыхъ — 50, нестроевыхъ — 7. На лицо: штабъ-офицеровъ — 7, оберъ-офицеровъ — 57, унтеръ-офицеровъ — 118, музыкантовъ — 57, рядовыхъ — 1.786, нестроевыхъ — 130; подъемныхъ лошадей — 139 [7]).

9-го августа генералъ Кутузовъ получилъ приказаніе отъ Вѣнскаго двора двинуться

[6]) Составъ корпуса: пѣхота—гренадерскіе полки Кіевскій и Малороссійскій, мушкетерскіе: Апшеронскій, Азовскій, Брянскій, Бутырскій, Владимірскій, Вятскій, Галицкій, Московскій, Нарвскій, Новгородскій, Новоингерманландскій, Подольскій и Смоленскій; 6-й и 8-й егерскіе баталіоны; кавалерія—Лейбъ-Кирасирскій Ея Величества, Маріупольскій и Павлоградскій, гусарскіе С.-Петербургскій, Тверской и Смоленскій драгунскіе полки и 4 полка казаковъ; 10 ротъ пѣшей и 2¼ роты конной артиллеріи; 2 піонерныхъ и одна понтонная роты. Общая численность корпуса, исключая нестроевыхъ, состояла изъ 46.405 человѣкъ.

[7]) Дѣло № 1549. Военно-Ученый Архивъ.

въ Баварію, на соединеніе съ австрійскими войсками. 13-го числа корпусъ, 6-ю колоннами, выступила изъ Радзивилъ и направился на Тешенъ, Брюннъ, Кремсъ и Браунау; Апшеронскій полкъ шелъ во 2-й колоннѣ, генералъ-лейтенанта Эссена 3-го.

Въ то время, когда русскія войска находились еще на маршѣ, одна изъ австрійскихъ армій, собранная у р. Трауна, уже вторглась въ Баварію и сосредоточилась у гор. Ульма; она находилась подъ номинальнымъ начальствомъ эрцъ-герцога Фердинанда, въ сущности-же ею командовалъ и распоряжался всѣми дѣйствіями генералъ Маккъ.

Между тѣмъ, Наполеонъ, получивъ извѣстіе объ открытіи союзниками непріязненныхъ дѣйствій, съ замѣчательною быстротою въ трехъ пунктахъ — у Вюрцбурга, Страсбурга и Мангейма — сосредоточилъ армію, численностью въ 180,000 человѣкъ. Планъ геніальнаго французскаго полководца (въ то время уже императора) заключался въ слѣдующемъ: лѣвымъ крыломъ своей главной арміи охватить выдвинувшуюся до р. Иллера армію генерала Макка и разбить ее, прежде чѣмъ она успѣетъ соединиться съ русскимъ корпусомъ генерала Кутузова. 14-го сентября Наполеонъ, у Страсбурга, переправился черезъ Рейнъ, а 3 октября разгромилъ Макка подъ Ульмомъ, гдѣ австрійскій генералъ сдался французамъ съ 23,000 человѣкъ.

Наши войска безостановочно подвигались впередъ и, въ концѣ сентября, всѣ колонны собрались въ Браунау. Кутузовъ до сихъ поръ не имѣлъ никакихъ извѣстій о происходящемъ впереди; носились только смутные слухи, что надъ австрійцами стряслась какая-то бѣда подъ Ульмомъ. Идти дальше русскій главнокомандующій не рѣшался, желая дать отдыхъ своимъ, совсѣмъ изнуреннымъ, войскамъ, которыя, отъ постоянныхъ форсированныхъ маршей по испортившимся отъ грязи дорогамъ, совершенно обносились, такъ что многіе солдаты шли даже босикомъ; кромѣ того, по пути оставлено около 6,000 больныхъ. Хотя въ Браунау русскіе, неожиданно для себя, и усилились остатками разбитыхъ Наполеономъ австрійскихъ корпусовъ Ностица и Кинмейера, тѣмъ не менѣе осторожный Кутузовъ, несмотря на всѣ настоянія австрійскихъ генераловъ, не рѣшался продолжать марша въ Баварію до полученія извѣстій о судьбѣ генерала Макка.

Печальнымъ вѣстникомъ о понесенномъ пораженіи явился самъ Маккъ, пріѣхавшій 11-го октября въ Браунау. Положеніе русскихъ войскъ сдѣлалось весьма опаснымъ: Кутузову предстояло удерживать побѣдоносное шествіе арміи Наполеона до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ русскіе корпуса Буксгевдена и Беннигсена.

Оставаться у Браунау и принять сраженіе не представлялось возможнымъ уже потому, что непріятельская армія была втрое многочисленнѣе русской. Поэтому генералъ Кутузовъ предпринимаетъ отступленіе къ Кремсу, прикрывая въ то же время столицу Австріи — Вѣну.

Когда на берегахъ р. Инна появились передовые французскіе отряды, то русскій главнокомандующій началъ отступленіе, причемъ наши войска направились къ Ламбаху; аріергардомъ командовалъ князь Багратіонъ, а Милорадовичъ, въ полупереходѣ — ближайшимъ его резервомъ, состоявшимъ изъ трехъ пѣхотныхъ и одного кавалерійскаго полковъ (въ числѣ ихъ и Апшеронскій)[8]. Мостъ на Иннѣ приказано было разрушить. 19-го октября русскій корпусъ прибылъ въ дер. Ламбахъ, гдѣ и оставался два дня, въ ожиданіи австрійскаго отряда — генерала Кинмейера; въ самомъ Ламбахѣ стояли аріергардъ и колонна Милорадовича, а главныя силы расположились у гор. Вельса. На другой день въ Вельсъ прибылъ императоръ Францъ и состоялся военный совѣтъ, пришедшій къ рѣшенію, что Кутузовъ долженъ воз-

[8]) Апшеронскій и Смоленскій мушкетерскіе, Малороссійскій гренадерскій и Маріупольскій гусарскій полки.

можно дольше удерживать переправы на р. Энсѣ, а затѣмъ, перейдя у гор. Кремса на лѣвый берегъ Дуная, разрушить за собою мостъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было оставить Вѣну. Въ тотъ же день произошло первое дѣло съ французами, въ коемъ участвовали австрійцы и часть войскъ князя Багратіона, причемъ нашъ уронъ заключался въ одномъ генералѣ и 152 рядовыхъ убитыми и ранеными; потеряно одно орудіе.

Истребивъ мосты на р. Траунѣ, Кутузовъ направился къ Энсу.

Въ описаніи дѣйствій русскихъ войскъ въ кампанію 1805 года, пользуемся воспоминаніями ея участника, офицера Апшеронскаго полка, поручика Ѳедора Глинки, начинающаго такъ свои записки объ этой войнѣ.

«Армія россійская пошла на Эбершъ-Бергъ, гдѣ, присоединивъ къ себѣ австрійскаго генерала Ностица, россійскихъ генераловъ Штрика и Лидерса и разоривъ мостъ на Дунаѣ въ Линцѣ, пошла на Энсъ, гдѣ и переправилась черезъ рѣку того же имени. Тамъ-то гусары австрійскіе, заключавшіе походъ войскъ, были сильно тѣснимы непріятелемъ, который везъ пушки, желая захватить мостъ на Энсѣ. Въ семъ мѣстѣ въ первый разъ былъ я свидѣтелемъ военнаго позорища. Колонна наша отошла уже четыре версты отъ рѣки. Князю Багратіону поручено было защищать переправу; однакожъ генералъ Милорадовичъ, будучи охотникъ до военныхъ зрѣлищъ, поѣхалъ къ рѣкѣ, взявъ и меня съ собою.

«Издали еще услышали мы глухой стонъ, казавшійся выходящимъ изъ подъ-земли; а на небѣ увидѣли багряное зарево. Но какъ описать то, что поразило меня, когда мы приближались къ мѣсту сраженія? Глубокая темнота ночи освѣщалась пожарами: артиллерія наша дѣйствовала ужасно! Вся земля потряслась, окрестныя горы трепетали, и встревоженное эхо, въ глубинѣ долинъ, повторяло стонъ природы. Зажигательныя вещества положены были на мостѣ. Какимъ-то нечаяннымъ случаемъ онъ загорѣлся прежде съ нашей стороны. Французы бросились на противный конецъ и хотѣли гасить; но генералъ Кутузовъ, пріѣхавшій также къ рѣкѣ, даетъ знакъ — и вдругъ нѣсколько отважныхъ егерей, подъ картечными выстрѣлами, бросаются черезъ огонь, прогоняютъ французовъ и зажигаютъ съ ихъ стороны мостъ: вотъ каковы русскіе!

«Загорѣвшійся мостъ увеличилъ пожаръ. Все небо побагровѣло, и бурныя волны рѣки Энса приняли видъ пламенной тверди. Разряжавшіяся каркасы и гранаты стремили потоки огненныхъ искръ. Если прибавить къ сему ужасный стукъ барабановъ, сильную ружейную стрѣльбу двухъ тысячъ кроатовъ, залегшихъ въ шанцахъ и дѣйствовавшихъ изъ двуствольныхъ своихъ ружей, и крикъ сражающихся,— то можно имѣть нѣкоторое понятіе о ночной сшибкѣ при Энсѣ.

«Съ нашей стороны сдѣланы были шанцевыя укрѣпленія; войска цесарскія, подъ начальствомъ генерала Меіерфельда, поставлены въ Штеерѣ; всѣ опасныя мѣста рѣки охраняемы, и мы надѣялись долго держаться въ семъ положеніи. Но вскорѣ непріятель вытѣснилъ австрійцевъ изъ ихъ мѣстъ, почему и мы должны были оставить Энсъ и идти на Амштетенъ. Близъ сего города, по двудневномъ походѣ, аріергардъ нашъ, подъ начальствомъ князя Багратіона, жестоко притѣсненъ сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ и принужденъ былъ отступить къ отдѣльной бригадѣ генерала Милорадовича.

«Октября, 24-го числа, главнокомандующій приказалъ отдѣльной бригадѣ, подъ начальствомъ генерала Милорадовича, состоящей изъ 3-хъ полковъ пѣхоты и одного коннаго, остановиться и принять непріятеля (авангардъ Мюрата), который сбивалъ съ поля князя Багратіона съ авангардомъ. Положеніе наше было слѣдующее: по обѣимъ сторонамъ равнина, не болѣе какъ на два вытянутые полка, вокругъ лѣсъ, а на лѣвой рукѣ — горы. Едва успѣли полки, составлявшіе авангардъ, пройти мимо насъ, какъ вдругъ изъ лѣсу по-

казалось нѣсколько непріятельскихъ колоннъ [9]), а съ правой стороны его конница. Мы стояли въ двѣ линіи; вторая наша линія и резервъ были у самаго лѣса въ лощинѣ, такъ что непріятель не могъ ихъ хорошо видѣть. Генералъ Милорадовичъ, помня наставленія великаго Суворова, что русскій солдатъ долженъ доставить побѣду концомъ своего штыка, отдалъ приказаніе, чтобъ гренадерскій баталіонъ его полка не заряжалъ ружей, а встрѣтилъ бы непріятеля прямо грудью и холоднымъ ружьемъ. Въ четыре часа пополудни дѣло началось; первая наша линія выслала стрѣлковъ противу непріятельскихъ, которые высыпали изъ лѣса. Въ сіе время открылъ непріятель сильную пушечную пальбу; но ядра летали все черезъ насъ и падали сзади, подлѣ дороги въ лѣсу, такъ что во все время не причинили намъ почти ни малѣйшаго вреда. Маріупольскаго гусарскаго полка полковникъ Ребиндеръ съ эскадрономъ своимъ врубился въ непріятельскую конницу и, пробившись сквозь оную, набѣжалъ на подкрѣплявшую пѣхоту, ударилъ на нее; но въ то же время картечный выстрѣлъ ранилъ его въ ногу и убилъ подъ нимъ лошадь. Онъ упалъ и былъ раздробленъ на части саблями французскихъ гусаръ. Сей храбрый полковникъ своею рукою изрубилъ до десяти человѣкъ непріятелей. Подоспѣвшая конная артиллерія [10]) дѣйствовала отмѣнно удачно, и привела колонны непріятельскія въ замѣшательство.

«Наконецъ, на правомъ крылѣ, Малороссійскій гренадерскій полкъ открылъ батальный огонь, а на лѣвомъ, гдѣ непріятель былъ сильнѣе, Апшеронскаго и Смоленскаго мушкетерскихъ полковъ баталіоны пошли на штыки, и непріятель опрокинутъ. Многія его колонны разстроились и бѣжали далеко. Вторая наша линія вступила въ бой уже при концѣ. Вообще дѣло сіе походило болѣе на маневры; здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я твердость русскихъ, когда мѣсто и обстоятельство способствуютъ имъ: ни одинъ не показалъ даже и виду обратиться назадъ. Потери у насъ очень малы: раненъ генералъ Бергъ пулею въ нижнюю часть рта. Убитыхъ и раненыхъ въ семъ сраженіи съ непріятельской стороны довольно, съ—нашей мало.—Чуть-было и я не попалъ въ число первыхъ или, по крайней мѣрѣ, послѣднихъ: смерть близехонько пролетѣла мимо меня. Вотъ какъ это было. Генералъ Милорадовичъ послалъ меня къ графу Витгенштейну сказать, чтобъ онъ принялъ начальство надъ лѣвымъ крыломъ, вмѣсто раненаго генерала Берга. Графъ, для сбереженія людей, стоялъ съ полкомъ своимъ въ глубокой лощинѣ, такъ что ядра летали черезъ. Лишь только я сказалъ приказаніе и, возвращаясь назадъ, сталъ взъѣжать на высоту, какъ вдругъ изъ рукъ моихъ ускользнула шпага, когда я ею ударилъ по лошади. Спѣша къ генералу, я хотѣлъ-было оставить шпагу; но какое-то предчуствіе побудило меня ее поднять. Лишь только я слѣзъ и, наклонившись, принялся за эфесъ, какъ вдругъ ядро завижжало надъ самою головою моей лошади, и она вся затряслась, какъ листъ. Мѣсто, на которомъ я остановился, было возвышено и ядра летали недалеко отъ его поверхности. Еслибъ не выпала изъ рукъ моихъ шпага и я не слѣзъ бы ея поднять, то Богъ знаетъ, что со мною было...

«По окончаніи дѣла, уже въ сумерки, генералъ (Милорадовичъ) послалъ донести главнокомандующему, что непріятель прогнанъ за лѣсъ и мы заняли гору. Я нашелъ его въ лагерѣ. Генералъ Кутузовъ отмѣнно былъ доволенъ вѣстью о побѣдѣ, разспрашивалъ меня подробно о цѣломъ сраженіи, и приказалъ, чтобъ черезъ часъ отступить, оставя сзади конные пикеты.

«Съ сего времени, до самаго Кремса, бригада наша оставалась въ аріергардѣ. Тутъ-то наиболѣе претерпѣли мы безпокойства. Всякій день въ перестрѣлкѣ съ непріятелемъ и часто дня по два и болѣе безъ хлѣба, питаясь однимъ картофелемъ.

9) Гренадеры генерала Удино.
10) Рота подполковника Ермолова.

«Наконецъ, октября 28-го, пришли въ Кремсъ; того же вечера сожгли большой мостъ на Дунаѣ, и теперь думаемъ быть спокойными».

Но прежде, чѣмъ достигнуть Кремса, Милорадовичъ имѣлъ еще одно жаркое дѣло съ французами у Мелька, гдѣ Мюратъ успѣлъ догнать нашъ аріергардъ. Русскіе полки держались съ замѣчательною стойкостью и отступили въ полномъ порядкѣ къ С.-Пельтену.

Главная непріятельская армія, подъ начальствомъ самого Наполеона, непосредственно слѣдовала за авангардомъ Мюрата. На пути, Наполеонъ, получивъ извѣстіе о томъ, что второй русскій корпусъ уже вошелъ въ Моравію и находится въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Кремса, предпринялъ помѣшать соединенію перваго и предполагаемаго 2-го корпусовъ, разбивъ предварительно, для этого, Кутузова [11].

Для приведенія въ исполненіе намѣченной цѣли, Наполеонъ приказалъ: корпусу Ланна, дивизіи Удино и конницѣ Мюрата атаковать правое крыло русскихъ; корпусамъ Даву и Бернадота — обойти лѣвое крыло ихъ, а корпусу Сульта и гвардіи атаковать центръ. Въ то же время маршалъ Мортье съ особымъ корпусомъ долженъ былъ двинуться по лѣвому берегу Дуная и ударить намъ въ тылъ.

Но Кутузовъ какъ-бы предугадалъ планъ непріятеля: дѣйствительно, останься онъ на правомъ берегу Дуная, для защиты предмостнаго укрѣпленія у Кремса, какъ того требовалъ вѣнскій дворъ, — русскую армію неминуемо постигла-бы участь Макка подъ Ульмомъ; поэтому нашъ главнокомандующій рѣшилъ перейти на лѣвый берегъ, уничтоживъ за собою мостъ у Кремса.

Такой неожиданный для Наполеона переходъ русской арміи за Дунай разстроилъ всѣ его планы и поставилъ въ весьма затруднительное положеніе находившійся уже на лѣвомъ берегу рѣки корпусъ маршала Мортье. Императоръ французовъ принужденъ былъ на время пріостановить общее наступательное движеніе своей арміи, предписавъ Сульту и Бернадоту возможно поспѣшнѣе идти къ Дирнштейну, гдѣ, переправясь за Дунай, подкрѣпить Мортье.

Перешедшій за Дунай непріятельскій корпусъ состоялъ изъ 3-хъ дивизій, изъ которыхъ: одна — генерала Газана — находилась у д. Дирнштейна; другая — Дюпона — стояла у м. Спица, въ 12-ти верстахъ отъ первой, а третья — еще дальше. Такая растянутость французскаго корпуса явилась послѣдствіемъ чрезвычайной пересѣченности гористаго лѣваго берега Дуная.

Нашъ главнокомандующій рѣшилъ атаковать и разбить дивизію Газана прежде присоединенія къ ней двухъ другихъ. Съ этой цѣлью, онъ отдалъ слѣдующія приказанія: генералу Милорадовичу, съ 7-ю баталіонами (въ томъ числѣ весь Апшеронскій полкъ) и двумя эскадронами, — стать впереди д. Штейна, чтобы удерживать движеніе непріятеля съ фронта [12]; генералъ Дохтуровъ, съ 16-ю баталіонами пѣхоты и двумя эскадронами, долженъ былъ слѣдовать горами, черезъ д.д. Эгельсе и Шейбенфермъ, и зайти въ тылъ французамъ [13]; генералъ Штримъ, съ 5-ю баталіонами, обязывался направиться къ Эгельсе и отсюда дѣйствовать во флангъ непріятелю [14]; наконецъ князь Багратіонъ, съ 10 баталіонами пѣхоты и тремя полками кавалеріи, становился у м. Цвели, для охра-

---

[11]) Доставленныя Наполеону свѣдѣнія были не вѣрны: то была 6-я колонна арміи Кутузова, оставленная временно въ Подольской губерніи.

[12]) Весь Апшеронскій полкъ и по одному баталіону отъ Малороссійскаго гренадерскаго, Смоленскаго мушкетерскаго и 8-го егерскаго полковъ и два эскадрона Маріупольскаго гусарскаго полка.

[13]) Московскій, Ярославскій и Вятскій мушкетерскіе полки, по два баталіона Брянскаго и Нарвскаго мушкетерскихъ полковъ и 6-й егерскій полкъ и два эскадрона Маріупольскаго гусарскаго полка.

[14]) Бутырскій мушкетерскій и 2 баталіона 8-го егерскаго полка.

нения тыла нашей арміи[15]); всѣ же остальныя войска, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эссена 2-го, составляли резервъ и располагались у Штейна.

Такимъ образомъ, изъ распредѣленія войскъ мы видимъ, что главная роль въ предстоявшемъ сраженіи доставалась войскамъ генераловъ Милорадовича и Дохтурова.

«Въ 10 часовъ утра, 29 октября, пишетъ Глинка, мы стоимъ за Дунаемъ, мостъ въ Кремсѣ сожженъ, въ Линцѣ — тоже, а Вѣна конечно будетъ обороняться.

«И такъ, мы можемъ весьма долго защищать Дунай, и, какъ слухъ носится, останемся здѣсь зимовать, въ ожиданіи главной арміи генерала Буксгевдена, идущей черезъ Моравію. Послѣ столь трудныхъ походовъ и кровавыхъ трудовъ, зимнія квартиры для насъ необходимы. Французовъ на нашей сторонѣ совсѣмъ нѣтъ, да и на другомъ берегу Дуная очень мало, потому что они еще съ С.-Пельтена повернули къ Вѣнѣ. И такъ мы надѣемся быть спокойны.

«Въ 5 часовъ пополудни сдѣлалась у насъ сильная тревога, которая однако-жъ скоро утихла. На нашей сторонѣ поймали нѣсколько французовъ, которые открыли, что двѣ дивизіи, подъ начальствомъ маршала Мортье, переправились въ Линцѣ, гдѣ онѣ починили разоренный нами мостъ, и идутъ къ Кремсу. Плѣнные объявили, что пѣхота непріятельская, составленная по большей части изъ стрѣлковъ, тянется по горамъ, покрытымъ виноградниками, а конница ихъ — драгуны слѣдуютъ по самому берегу Дуная.

«Неожидаемое извѣстіе! Слѣдовательно, мы должны имѣть еще сраженіе. Сегодня на здѣшнемъ театрѣ хотѣли играть какую-то героическую драму, но возставшая тревога слишкомъ напугала актеровъ. Скоро, я думаю, мы сами съ французами будемъ играть трагедію; зрителями будутъ всѣ жители окрестныхъ странъ, а дѣйствіе произойдетъ на берегахъ Дуная, которые вѣроятно обагрятся кровію. Дай Богъ, чтобъ правота русскихъ восторжествовала!

«Въ 9 часовъ вечера получили мы повелѣніе напасть на непріятеля, котораго двѣ дивизіи (около двадцати тысячъ) съ маршаломъ Мортье переправились въ Линцѣ, прошли Дирнштейнъ, и находятся за четыре часа отъ Кремса, близъ Вейсъ-Керхена. Итакъ завтрашній день съ разсвѣтомъ начнется кровополитіе.

«10 часовъ вечера. Сію минуту сошлись мы, четыре офицера изъ нашего полка, въ прекрасно убранномъ и освѣщенномъ кремсскомъ трактирѣ: завтрашній день будетъ сраженіе; никто не думаетъ о смерти. Видаясь съ ней каждую минуту, мы, такъ сказать, ознакомились съ нею и перестали страшиться, для всѣхъ ужаснаго, ея вида. Мы завели, однакожъ, между прочимъ, разговоръ о томъ, кому изъ насъ суждено въ послѣдній разъ ужинать въ кремсскомъ трактирѣ и кто долженъ завтра перейти въ царство мертвыхъ[16]).

«Кремсъ, Штейнъ и Маультернъ — суть три городка, соединенные почти вмѣстѣ. Между двумя первыми находится небольшая площадь, а Маультернъ окруженъ рѣкою Дунаемъ. Расположеніе главнокомандующаго было слѣдующее: отдѣльной бригадѣ нашей, вышедъ изъ города Штейна и взявъ съ полверсты направо, подъ прикрытіемъ разныхъ строеній вдоль по берегу рѣки Дуная, дожидаться до тѣхъ поръ, пока генералы Дохтуровъ и Уланіусъ съ правой стороны, по высотамъ, обойдутъ непріятеля съ тылу; князь Багратіонъ съ колонною своею отряженъ былъ на дорогу къ Будъ-Вейсу, для наблюденія. И

15) Кіевскій гренадерскій, Подольскій и Азовскій мушкетерскіе полки, по баталіону Нарвскаго и Новгородскаго мушкетерскихъ полковъ, лейбъ-кирасирскій Ея Величества, Павлоградскій гусарскій и Черниговскій драгунскій полки.

16) На завтрашній день въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ нашихъ товарищей, поручикъ Дмитріевъ, достался въ жертву смерти, но онъ умеръ славно!...

такъ вотъ наше положеніе: узкій берегъ, съ лѣвой стороны Дуная, съ правой—превысокія утесистыя горы, на которыхъ разсѣяны наши егеря; спереди—мы; сзади Уланіусъ и Дохтуровъ; а непріятель въ серединѣ, въ двухъ небольшихъ мѣстечкахъ. Не правда-ли, что по сему мудрому распоряженію намъ оставалось только забрать его безъ драки! Но впослѣдствіи вышло совсѣмъ другое. Лишь только пришли мы на назначенное мѣсто, какъ вдругъ изъ-за скалы показалось нѣсколько французовъ, которые, чаятельно, посланы были для развѣдыванія. Промчался слухъ, будто за городомъ стоитъ сильная артиллерія; полкъ, бывшій впереди, встревожился. Генералъ Милорадовичъ, желая доказать, что опасности не было, выслалъ въ охотники весь гренадерскій батальонъ своего полка. Лишь только подвинулись мы нѣсколько впередъ, какъ увидѣли не болѣе двадцати французовъ, которые тотчасъ и побѣжали отъ насъ; мы же раздѣлились на три части, изъ которыхь одна пошла самымъ берегомъ налѣво, другая прямо къ деревнѣ, а третья взлѣзла на горы. Мнѣ досталось быть въ третьей и карабкаться на высоты. Такимъ образомъ, подвигаясь впередъ, безпрестанно видѣли мы французовъ, выскакивавшихъ по-одиночкѣ изъ ущелинъ горъ и бѣжавшихъ къ мѣстечку. Подходя-же къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они гнѣздились, находили раскладенные огни и множество разнаго рода съѣстныхъ припасовъ, а въ ущельяхъ горъ много перинъ и подушекъ, на которыхъ французы покоились. Непріятель ночевалъ въ сихъ горахъ, и, увидѣвъ насъ, все сіе бросилъ. Чѣмъ далѣе подвигались мы впередъ, тѣмъ явственнѣе открывались великія силы непріятеля. Длинныя гряды скалъ и гребни высокихъ горъ унизаны были его пѣхотою и спѣшившеюся конницею. Лучи восходящаго солнца играли на свѣтломъ оружіи, гордо на высотахъ стоявшихъ, строевъ. Но неизвѣстно было еще, которое изъ воинствъ озарится лучами славы съ окончаніемъ дня и боя!..

«Между тѣмъ, перестрѣлка стала сильнѣе. Тѣ, которые шли лѣвою стороною по берегу, достигли деревни, изъ которой непріятель учинилъ на нихъ жестокое нападеніе. Къ намъ подоспѣли новые стрѣлки, а непріятель выдвинулъ новыя колонны, скрывшіяся за деревнею, и дѣло началось самое жаркое и кровопролитное, продолжавшееся цѣлый день.

«Французы засыпали насъ картечью изъ множества своихъ батарей. Мы нѣсколько разъ принуждены были отступать до самаго города, и всякій разъ генералъ Милорадовичъ, начальствовавшій въ семъ дѣлѣ, мужественно отражалъ непріятеля и по трупамъ его водилъ разстроенные полки свои впередъ. Всѣ запасные баталіоны, находившіеся въ городѣ Штейнѣ, подъ начальствомъ генерала Эссена 2-го, вступили въ дѣло. На долинѣ и въ горахъ бой продолжался съ равнымъ жаромъ. Тѣснота мѣста усугубляла жестокость сраженія. Пули сновали туда и сюда, какъ рои пчелъ. Ядра и картечи, шумя по горамъ, ссѣкали деревья и дробили камни. Людей било сучьями и тернами. Одна отбитая терновая вѣтвь, зацѣпила меня на полетѣ и уколола вправое ухо, и больно зашибла голову, такъ что надо было перевязать. Полкъ нашъ сражался отчаянно,—очевидно исчезалъ. Много офицеровъ было ранено, и многіе, перевязавъ раны, возвращались въ бой. Наконецъ уже къ вечеру Уланіусъ съ егерями, а генералъ Дохтуровъ съ своею колонною ударили на непріятеля съ тылу, и онъ весь частью потопленъ, частью забранъ былъ въ плѣнъ. Съ нашей стороны много убитыхъ и раненыхъ, только въ одной бригадѣ Милорадовича, бывшей въ самомъ пылу сраженія. Сія побѣда не стоила бы намъ такъ дорого, еслибъ генералъ Дохтуровъ могъ зайти ранѣе съ тылу; но дороги по горамъ совсѣмъ неудобопроходимы. У французовъ взяли мы знамена, пушки и генерала Грендоржа. Нѣсколько французовъ, между коими находился и сей генералъ, хотѣли спасти себя на лодкѣ, которую быстрымъ теченіемъ воды занесло къ устоямъ (на коихъ стоялъ мостъ), гдѣ она такъ завязла, что не могла съ мѣста никакъ двинуться. *Поручикъ Шкляревичъ*, Апшеронскаго мушкетерскаго полка, съ нѣсколь-

кими гренадерами, поѣхалъ на лодкѣ къ непріятельскому судну и привезъ генерала и двухъ полковниковъ на берегъ. Въ семъ сраженіи, между прочимъ, изъ нашего полка палъ князь Сибирскій, молодой любезный человѣкъ, имѣвшій чинъ подполковника: онъ стоилъ многихъ слезъ своему достойному брату [17]. Еще убитъ недавно выпущенный изъ гвардіи поручикъ Дмитріевъ. Получивъ двѣ раны, онъ не переставалъ сражаться, и въ третій разъ сраженъ пулею. Отличились въ Апшеронскомъ полу офицеры: Морозовъ, Албинскій, Воронецъ, Скальскій и Шушеринъ. Справедливость требуетъ, чтобы не умолчать здѣсь объ отличномъ подвигѣ рядоваго Музенъ-Каца, Апшеронскаго мушкетерскаго полка, гренадерскаго батальона, роты капитана Морозова. Гренадеръ Музенъ-Кацъ, находясь въ стрѣлкахъ, въ виноградномъ саду, отрѣзанъ былъ отъ своихъ товарищей. Французскій офицеръ съ четырьмя рядовыми нападаютъ на него. «Сдайся» (пардонъ)!—кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Но храбрый гренадеръ не хочетъ понимать ихъ требованія, надѣясь управиться со всѣми пятью. Первымъ выстрѣломъ убиваетъ онъ офицера. Четыре солдата съ бѣшенствомъ на него бросаются. Начинается рукопашный бой. Музенъ-Кацъ колетъ штыкомъ и бьетъ прикладомъ. Всѣ четыре сопротивника его, одинъ за другимъ валятся бездыханно къ его ногамъ. «Ура»! воскликнулъ Музенъ-Кацъ: «Съ нами Богъ! злодѣевъ нѣтъ!»—и, покрытый шестью ранами, возвратился къ своей ротѣ.

«Государь Императоръ произвелъ Музенъ-Каца въ унтеръ-офицеры и приказалъ выдать ему единовременно сто рублей. Сей анекдотъ можно назвать: «Храбрый Апшеронскій гренадеръ, или одинъ на пятерыхъ» [18].

Мы прерываемъ на время воспоминанія Глинки, чтобы сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ колонны Дохтурова. Эта колонна отряжена была по настоянію австрійскаго генералъ-квартирмейстера Шмита, заявившаго Кутузову, что всѣ австрійскіе офицеры прекрасно знаютъ мѣстность; самъ Шмитъ вызвался вести колонну черезъ горы. Но на дѣлѣ вышло, что австрійцы были знакомы съ мѣстностью ничуть не лучше, если даже не хуже, русскихъ; они завели колонну въ какія-то непроходимыя дебри, гдѣ войска наши проплутали цѣлый день и, вмѣсто семи часовъ утра, какъ предсказывалъ генералъ Шмитъ, вышли къ Дирнштейну только въ 5 часовъ вечера. Овладѣвъ этой деревней, гдѣ стоялъ небольшой французскій отрядъ, колонна расположилась въ ней и начала готовиться къ бою съ подходившей дивизіей Дюпона.

Маршалъ Мортье, узнавъ, что въ тылу его появились русскіе, началъ отступать къ Дирнштейну, атакуемый каждую минуту храбрыми войсками Милорадовича. И такъ войска Дохтурова очутились между двухъ огней: съ одной стороны ихъ атаковала дивизія Дюпона, а съ другой Мортье съ остатками дивизіи Газана. Наступившая ночь не разъединила сражавшихся, и бой сдѣлался еще ожесточеннѣе. Наконецъ, маршалу Мортье, хотя и съ огромными потерями, все-таки удалось пробиться на соединеніе съ Дюпономъ, послѣ чего разбитый французскій корпусъ отступилъ къ деревнѣ Вертье.

Потеря наша въ кровопролитномъ сраженіи при Кремсѣ достовѣрно неизвѣстна; въ Апшеронскомъ же полку убиты: *подполковникъ князь Сибирскій 2-й, поручики Дмитріевъ и Докудовскій, прапорщикъ Емцовъ и 120 нижнихъ чиновъ; ранены штабсъ-капитаны Манько, Скальскій 1-й и Мадалинскій; поручики Глѣбовъ 1-й, Бѣлецкій, Хрущовъ и Корчевскій; подпоручики Албинскій и Ковалевскій, нижнихъ чиновъ — 309; безъ вѣсти пропали подпоручикъ Лаптевъ, прапорщикъ Ярошевскій и 23 нижнихъ чина* [19].

---

17) Который послѣ подъ Аустерлицемъ, сражаясь весьма храбро съ полкомъ своимъ, былъ покрытъ ранами и взятъ въ плѣнъ.

18) Ѳ. Глинка. «Письма русскаго офицера съ описаніемъ похода 1805 и 1806 года», стр. 71—84.

19) Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ полка за октябрь мѣсяцъ 1805 г.

Потеря непріятеля въ точности не извѣстна, но она была очень велика; въ плѣнъ взяты: генералъ Грендоржъ, нѣсколько полковниковъ, много офицеровъ и 1,500 нижнихъ чиновъ. Трофеями одержанной побѣды: одно знамя, штандартъ, нѣсколько знаменъ безъ древокъ и 5 пушекъ [20].

Получивъ донесеніе Кутузова о сраженіи при Кремсѣ, Императоръ Александръ остался чрезвычайно доволенъ, что и выразилъ въ рескриптѣ своемъ генералу Кутузову. «Сраженіе при Кремсѣ», писалъ Императоръ, «есть новый вѣнецъ славы для россійскаго воинства, и для того, кто онымъ предводительствовалъ. Моихъ словъ не достаетъ выразить вамъ и всему корпусу, подъ вашимъ начальствомъ состоящему, то удовольствіе и ту признательность, которыя Я ощущаю съ полученія сего пріятнаго извѣстія. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ рапортовъ объ отличившихся какъ въ семъ дѣлѣ, такъ и въ предъидущихъ. На васъ возлагаю объявить также всему корпусу чувства, изъясненныя въ рескриптѣ Моемъ» [21].

Великъ былъ гнѣвъ Наполеона по полученіи извѣстія о разгромѣ корпуса Мортье за Дунаемъ; его досада увеличилась еще болѣе, когда слыша громъ орудій на лѣвомъ берегу, онъ, сознавалъ гибельное положеніе своего отрѣзаннаго корпуса и не имѣлъ возможности ему помочь.

Отсутствіе переправы вблизи Кремса заставило Наполеона прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, чтобы, такъ или иначе, настичь нашъ корпусъ и на лѣвомъ берегу отплатить Кутузову за Кремсъ. Ближайшимъ къ тому способомъ являлось занятіе Вѣны, гдѣ находился мостъ. Съ этой цѣлью онъ приказалъ корпусамъ Сульта, Ланна и дивизіи Удино, подъ общимъ начальствомъ принца Мюрата, поспѣшить къ австрійской столицѣ и, во что бы то ни стало овладѣвъ мостомъ, — затѣмъ атаковать Кутузова.

Вѣнскій мостъ охранялся отрядомъ австрійскихъ войскъ князя Ауерсберга; въ самой же Вѣнѣ войскъ не было. Ауерсбергъ имѣлъ приказаніе, въ случаѣ занятія непріятелемъ Вѣны, немедленно взорвать мостъ и отступить на соединеніе съ Кутузовымъ. Когда французскія войска вошли въ городъ, то принцъ Мюратъ, въ сопровожденіи маршала Ланна и свиты, поскакалъ къ мосту и увѣрилъ князя Ауерсберга, что между австрійскимъ и французскимъ императорами заключено перемиріе. Ауерсбергъ повѣрилъ Мюрату и пропустилъ французовъ черезъ мостъ, а самъ отступилъ.

По-истинѣ замѣчательное явленіе: когда бы мы ни дѣйствовали сообща съ австрійцами, они всегда подготовляли для насъ сюрпризы самаго неожиданнаго и непріятнаго свойства, какъ результаты или своекорыстной и коварной политики Вѣнскаго кабинета, или глупости и бездарности австрійскихъ генераловъ. Въ 1799 году былъ Тугутъ и явная измѣна, а въ 1805 году — генералы Маккъ, Шмитъ, Ауерсбергъ и всѣ прочіе, — имя же имъ легіонъ, отличавшіеся громадною самоувѣренностью и колоссальною бездарностью.

Съ переходомъ французовъ на лѣвый берегъ Дуная, положеніе корпуса генерала Кутузова, удаленнаго отъ другихъ корпусовъ, стало весьма критическимъ: непріятель могъ отрѣзать ему путь отступленія и задавить своею численностью.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, нашъ мудрый полководецъ предпринимаетъ свой знаменитый фланговый маршъ изъ Кремса къ Брюнну, на соединеніе съ корпусомъ графа Буксгевдена.

1-го ноября Кутузовъ получилъ извѣстіе о занятіи непріятелемъ Вѣны и переходѣ

---

[20]) Дѣло № 1.549. Всеподданнѣйшій рапортъ Кутузова Императору Александру I отъ 2 ноября 1805 г. Военно-ученый архивъ.

[21]) Михайловскій-Данилевскій. «Описаніе первой войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1805 г.» Т. I, стр. 111.

французовъ на лѣвый берегъ Дуная, а въ ночь на 2-е число выступилъ изъ Кремса, оставивъ въ немъ своихъ раненыхъ.

Всѣ обозы были отправлены впередъ; въ авангардѣ шелъ князь Багратіонъ, а въ аріергардѣ — Милорадовичъ. Пройдя по испорченнымъ дождями дорогамъ всю ночь, утромъ 2-го ноября нашъ корпусъ прибылъ въ Эберсбрунъ. Отсюда генералъ Кутузовъ послалъ Императору Александру донесеніе, упомянутое нами выше, и въ концѣ его писалъ: «Я отъ себя не скрываю, что могу на семъ маршѣ потерять усталыхъ, можетъ быть, до тысячи человѣкъ; но спасти должно цѣлое, буде возможно будетъ. Многіе генералы и офицеры отличились 30 октября; но свидѣтель Богъ, что не имѣю свободной минуты войти въ подробное донесеніе» [22].

Чтобы безпрепятственно пройти черезъ дер. Оцельсдорфъ къ гор. Цнаиму, генералъ Кутузовъ отправилъ утромъ, 3-го ноября, въ Голлабрунъ князя Багратіона съ 14 баталіонами пѣхоты и 5-ю полками кавалеріи, при одной ротѣ артиллеріи, приказавъ ему держаться до тѣхъ поръ, пока весь корпусъ не пройдетъ позади него къ Цнаиму. Князь Багратіонъ, прибывъ въ Голлабрунъ и не найдя здѣсь подходящей позиціи для боя, выбралъ таковую у дер. Шенграбена. Вскорѣ показались передовыя французскія войска; командовавшій ими принцъ Мюратъ хотѣлъ и здѣсь употребить ту же хитрость, которая съ такимъ успѣхомъ предоставила французамъ мостъ у Вѣны.

Желая остановить движеніе Кутузова, принцъ послалъ къ Багратіону парламентера съ предложеніемъ перемирія, въ виду заключенія съ Австріей мира. Но Мюратъ ошибся въ расчетахъ: онъ теперь имѣлъ дѣло не съ австрійцами, а съ русскимъ генераломъ, провести котораго не такъ-то легко было. Кутузовъ разгадалъ хитрый планъ принца Мюрата и рѣшилъ его побить тѣмъ же оружіемъ. Извѣщенный Багратіономъ, онъ согласился вступить въ переговоры, и перемиріе было подписано на условіи: русскому корпусу возвратиться изъ предѣловъ Австріи въ Россію, а войскамъ Мюрата не подвигаться впередъ. Пока письменный актъ этого перемирія посылался въ Вѣну на резолюцію Наполеона, Кутузовъ, совсѣмъ не имѣвшій въ виду соглашаться ни на какое перемиріе, продолжалъ отступленіе къ Брюнну, а чтобы обмануть французовъ, — рѣшился пожертвовать войсками князя Багратіона, оставивъ ихъ у Шенграбена.

Получивъ подписанное обѣими сторонами перемиріе, императоръ французовъ пришелъ въ страшный гнѣвъ и послалъ Мюрату грозное предписаніе: немедленно, прервавъ перемиріе, атаковать Багратіона. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ поскакалъ къ Голлабруну. Но было уже поздно: нашъ корпусъ успѣлъ отойти на два перехода и находился въ м. Погорлицѣ. Такимъ образомъ, Наполеону оставался отрядъ князя Багратіона, на которомъ онъ и рѣшилъ выместить неудачу своихъ маршаловъ.

Въ 4 часа пополудни, 4 ноября, завязался у Шенграбена отчаянный бой; атакованныя превосходными силами наши войска дрались съ замѣчательнымъ мужествомъ; потерявъ болѣе 2,000 человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, князь Багратіонъ, подъ покровомъ темной ноябрьской ночи, успѣлъ отступить къ Гунтерсдорфу, а отсюда пошелъ въ Погорлицу.

Дальнѣйшее отступленіе русскаго корпуса совершалось уже безпрепятственно; не останавливаясь въ Брюннѣ, Кутузовъ двинулся дальше, у м. Вишау соединился съ передовою колонною арміи графа Буксгевдена, и, придя 10-го числа въ гор. Ольмюцъ, расположился лагеремъ. Въ тотъ же день Императоръ Александръ I произвелъ смотръ войскамъ Кутузова, о чемъ Ѳ. Глинка пишетъ такъ:

[22]) Дѣло № 1549. Военно-Ученый Архивъ.

«Сего числа (10-го ноября), по полудни въ три часа, всѣ наши войска были выстроены въ боевой порядокъ. Государь Императоръ осматривалъ ихъ. Съ одной стороны стояли войска, пришедшія съ генераломъ Буксгевденомъ, и гвардія, всѣ въ новомъ чистомъ одѣяніи, которое на нихъ сіяло и свѣтилось; напротивъ того, наши полки составляли великую противуположность съ ними. Пройдя до 700 верстъ отъ Браунау до Ольмюца и претерпя всевозможныя нужды, намъ, конечно, нельзя было равняться въ опрятности съ новоприбывшими...

«Государь Императоръ подъѣхалъ къ намъ и весьма милостиво благодарилъ за вѣрную службу побѣдителей подъ Амштетеномъ, Кремсомъ и Шенграбеномъ...»

Вскорѣ подъ Ольмюцемъ русскихъ войскъ сосредоточилось: 84 баталіона, 105 эскадроновъ и 8 казачьихъ полковъ, всего около 69,000 человѣкъ; австрійскихъ войскъ — 20 незадолго предъ тѣмъ сформированныхъ баталіоновъ и 54 эскадрона, что равнялось 14,000. Всего же въ союзной арміи находилось около 83,000 человѣкъ.

Наполеонъ занималъ позицію у г. Брюнна, и численность его войскъ превосходила нашу армію:—у непріятеля было около 90,000 человѣкъ. Подъ Ольмюцемъ армія простояла четыре дня. Въ это время Наполеонъ сдѣлалъ попытку къ примиренію съ Императоромъ Александромъ, и прислалъ Государю письмо такого содержанія: «Посылаю моего адъютанта, генерала Савари, поздравить Ваше Величество съ прибытіемъ къ арміи, выразить все мое уваженіе къ особѣ Вашей и желаніе найти случай доказать Вамъ, сколь много дорожу я пріобрѣтеніемъ Вашей дружбы. Удостойте принять посланнаго съ свойственною Вамъ благосклонностью, и вѣрьте, что, болѣе нежели кто другой, желалъ-бы я сдѣлать Вамъ угодное. Молю Бога, да сохранитъ Васъ подъ Святымъ покровомъ Своимъ» [23]. Отвѣтъ Императора Александра I, весьма вѣжливый, но сдержанный и съ отсутствіемъ желанія вступить въ дальнѣйшіе переговоры, показалъ Наполеону, что о примиреніи не можетъ быть и рѣчи; слѣдовательно оставалось рѣшить споръ оружіемъ. За то австрійскій императоръ выразилъ полное согласіе вступить въ мирные переговоры съ Бонапарте. Впрочемъ, таковые уже начались много раньше, именно вскорѣ послѣ пораженія австрійцевъ подъ Ульмомъ, хотя австрійцы тщательно скрыли это отъ нашего Императора.

Между тѣмъ, Пруссія рѣшилась, наконецъ, примкнуть къ союзникамъ и вступить въ борьбу съ французами, для чего и сформировала 170,000-ую армію. Но раньше, чѣмъ къ намъ примкнули пруссаки, произошло Аустерлицкое сраженіе, мы были разбиты,—и обстоятельства совершенно измѣнились.

Сраженіе подъ Аустерлицемъ, помимо того, что въ немъ принималъ дѣятельное участіе Апшеронскій полкъ, имѣетъ еще большое историческое значеніе, почему и постараемся описать его подробнѣе, не выходя, однакожъ, изъ рамокъ предъпринятаго нами труда.

Положеніе русской арміи подъ Ольмюцемъ (говоримъ «русской» потому, что, во-первыхъ, наши войска первенствовали и по числу и по дѣятельности; а во-вторыхъ—австрійцы при Аустерлицѣ вносили только безпорядокъ и никакой помощи, какъ увидимъ ниже, не оказывали), благодаря мудрой предусмотрительности австрійцевъ, сдѣлалось весьма опаснымъ: ей угрожалъ голодъ. Въ войскахъ недоставало продовольствія и всѣ запасы были уже давно наисходѣ; мѣстное же населеніе, опасаясь ужасовъ войны, частью разбѣжалось, а оставшееся ничего намъ не давало. На собравшемся въ Ольмюцѣ военномъ совѣтѣ Кутузовъ подалъ мнѣніе временно отступить, съ цѣлію сблизиться съ своими магазинами; но встрѣтилъ сильную опозицію со стороны австрійскихъ генераловъ, настаивавшихъ на немедленное сраженіе съ французами.

---

[23]) Михайловскій-Данилевскій. Томъ I, стр. 133.

Къ сожалѣнію, и между русскими генералами нашлись двое, державшихъ сторону австрійцевъ: то были генералъ-адъютанты князь Долгоруковъ и Винценгероде. Пользуясь тѣмъ, что Императоръ Александръ I предоставилъ австрійскому генеральному штабу распоряжаться военными дѣйствіями, генералъ-квартирмейстеръ Вейротеръ, купно съ себѣ подобными, подготовилъ для русской арміи страшный Аустерлицкій погромъ — явленіе обычное для австрійцевъ, но еще небывалое для побѣдоносныхъ русскихъ войскъ.

Не давъ, какъ слѣдуетъ, отдохнуть войскамъ, сдѣлавшимъ передъ тѣмъ весьма тяжелые переходы, по грязнымъ и труднымъ дорогамъ, австрійскіе генералы повели армію къ Брюнну, которая послѣ трехдневнаго марша, въ 9 часовъ утра, 19-го ноября, стала лагеремъ между м. Мергофомъ и гор. Аустерлицемъ.

Отъ Ольмюца армія шла въ пяти колоннахъ несмотря на грязь, солдатъ заставляли идти въ ногу. Послѣ небольшаго привала, войска безостановочно находились въ движеніи до 12 часовъ ночи, благодаря чему, страшно изнурились, а между тѣмъ на слѣдующій день предстояло сраженіе съ непріятельскою арміею, предводимымъ геніальнѣйшимъ полководцемъ.

Что войска наши совсѣмъ почти не отдыхали передъ боемъ, это мы заключаемъ, по воспоминаніямъ того же Глинки, который пишетъ: «Ноября 19, въ 12 часовъ ночи. Сейчасъ только кончили мы весьма трудный переходъ и остановились на возвышенныхъ мѣстахъ. Не подалеку отъ насъ, въ долинѣ, видѣнъ городъ Аустерлицъ, а на противуположныхъ горахъ лагери всей французской арміи. Глубокая темнота ночи не освѣщается ни однимъ изъ свѣтилъ небесныхъ; какая-то ужасная тишина царствуетъ въ окрестностяхъ!

«Утомленные солдаты наши, со свойственнымъ только русскимъ спокойствіемъ духа, крѣпко спятъ вокругъ угасающихъ огней; одни стражи недремлющимъ окомъ проницаютъ темноту ночную, и, подавая другъ другу извѣщательный голосъ, бодрственно охраняютъ собратій своихъ отъ врага. Напротивъ того, непріятель, упившись виноградным виномъ, торжествуетъ: тысячи костровъ изъ сухихъ виноградныхъ кольевъ ярко пылаютъ, и багряное пламя ихъ разсѣевается въ сгущенныхъ мракахъ осенней ночи; у нихъ слышны музыка и пѣсни».

Въ виду того, что передовыя французскія войска, начиная отъ гор. Вишау все время отступали къ Брюнну, въ главной квартирѣ нашей арміи установилось мнѣніе, что Наполеонъ не приметъ сраженія и отступитъ, поэтому австрійскіе генералы съ лихорадочною поспѣшностью торопились упредить такое предполагаемое намѣреніе французскаго полководца и разбить его. Ночью, 19-го ноября составили диспозицію къ бою, при чемъ главную атаку надлежало вести на правое крыло непріятельской арміи. Всѣ войска были раздѣлены на пять колоннъ: 1-я — генералъ-маіора Дохтурова — состояла изъ 25 баталіоновъ пѣхоты, 2 ротъ батарейной артиллеріи, піонерной роты и 2 1/2 сотенъ казаковъ[24]; 2-я — графа Ланжерона, — 18 баталіоновъ, піонерная рота и 2 1/2 сотни казаковъ[25]; 3-я — генералъ-маіора Пржибышевскаго, — 17 баталіоновъ и піонерная рота[26]; 4-я — австрійскаго генерала — Колловрата (собственно ею командовалъ генералъ Милорадовичъ) 12 русскихъ (въ томъ числѣ три Апшеронскихъ) и 15 слабыхъ австрійскихъ баталіоновъ, рота батарейной артиллеріи и піонерная рота[27]; 5-я — австрійскаго генерала князя Лихтенштейна — 4 русскихъ полка кавалеріи и 32 австрійскихъ эскадрона[28], князь Багратіонъ командовалъ особымъ отрядомъ

24) 1-я колонна: Кіевскій гренадерскій, Новоингерманландскій, Ярославскій, Владимірскій, Вятскій и Московскій мушкетерскіе 5-й егерскій и баталіонъ 7-го Егерскаго полка.

25) 2-я колонна: Фанагорійскій гренадерскій, 8-й егерскій, Выборгскій, Курскій, Пермскій и Ряжскій мушкетерскіе полки.

26) 3-я колонна: Азовскій, Бутырскій, Галицкій, Нарвскій и Подольскій мушкетерскіе полки и 2 баталіона 7-го егерскаго полка

27) 4-я колонна: Малороссійскій гренадерскій, Апшеронскій, Новгородскій и Смоленскій мушкетерскіе полки.

28) 5-я колонна: Уланскій Его Высочества, Елисаветградскій гусарскій, Харьковскій и Черниговскій драгунскіе полки.

*

изъ четырехъ пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ полковъ, 8 сотенъ казаковъ и 2 конныхъ и одной пѣшей ротъ артиллеріи [29]. Въ резервѣ, подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича, находилась вся гвардейская пѣхота и кавалерія.

Между тѣмъ Наполеонъ и не думалъ отступать; напротивъ: занимая чрезвычайно сильную позицію, онъ самъ намѣревался атаковать насъ. Избранная непріятелемъ позиція, у гор. Брюнна, примыкала лѣвымъ флангомъ къ горамъ, а съ фронта прикрывалась болотами, озерами, небольшими рѣчками и селеніями. Самымъ слабымъ пунктомъ для атаки дѣйствительно было правое крыло французской арміи, по сравнительной недостаточности войскъ. Но Бонапартъ предвидѣлъ, куда будетъ направлена наша главная атака, и въ ночь на 20-е число усилилъ свое правое крыло двумя корпусами (Бернадота и Сульта), расположивъ ихъ впереди мѣстечекъ: Горшковицъ, Пунтовицъ и Кобельницъ. Передвиженіе частей французской арміи, совершенное въ полной тишинѣ, осталось неизвѣстнымъ для австрійскихъ генераловъ, предполагавшихъ, по своей наивности, что непріятель занимаетъ то же положеніе, какъ и 19-го ноября.

Согласно диспозиціи боя, надлежало: генералу Дохтурову овладѣть селеніемъ Тельницемъ и затѣмъ атаковать правое крыло непріятеля; колоннѣ графа Ланжерона — пробиться между Тельницемъ и Сокольницемъ; генералу Пржибышевскому—спустившись съ Праценскихъ высотъ, овладѣть Сокольницемъ; колоннѣ Милорадовича — у Кобельницъ пробиться сквозь непріятельскую линію, и, войдя въ связь съ третьей колонной, отбросить правое крыло французской арміи къ м. Лайтену; пятая же колонна предназначалась поддерживать сообщеніе между первыми четырьмя колоннами и отрядомъ князя Багратіона; роль послѣдняго заключалась въ томъ, чтобы, расположившись впереди м. Позоржицъ, не допускать обойти насъ съ лѣваго фланга и дѣйствовать наступательно, въ случаѣ успѣшной атаки передовыхъ колоннъ.

Наступило холодное, ноябрьское утро. На разсвѣтѣ въ нашемъ лагерѣ все зашевелилось и войска начали строиться къ бою. Спустившійся туманъ окуталъ всю мѣстность и скрылъ отъ русскихъ непріятельскую позицію. Въ 8 часовъ утра войска двинулись въ бой. Первымъ вступилъ въ дѣло австрійскій отрядъ генерала Кинмейера, шедшій впереди 1-й колонны. Онъ атаковалъ и успѣлъ даже взять м. Тельницъ, но не могъ здѣсь удержаться. На помощь австрійцамъ двинулось нѣсколько русскихъ полковъ изъ колонны Дохтурова, которые и овладѣли этимъ пунктомъ. Но недолго продолжалось наше торжество.

Подъ покровомъ спустившагося тумана, маршалъ Даву незамѣтно подвелъ еще одну дивизію и, вмѣстѣ съ войсками, раньше защищавшими Тельницъ, атаковалъ союзниковъ, занимавшихъ мѣстечко, и заставилъ ихъ въ безпорядкѣ отступить. Тогда графъ Буксгевденъ, командовавшій первыми тремя колоннами, вновь повелъ свою первую колонну въ атаку и вытѣснилъ французовъ изъ Тельница.

Въ это время войска графа Ланжерона, подойдя къ Гольбаху, вступили съ непріятелемъ въ перестрѣлку; а Пржибышевскій атаковалъ французовъ у Сокольницъ и успѣлъ уже овладѣть находившимся въ селеніи укрѣпленнымъ замкомъ. Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ 4-й колоннѣ, составленной на-половину изъ русскихъ и на-половину изъ австрійцевъ. Ей предстояла одна изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ боя 20-го ноября; а между тѣмъ вся ея сила заключалась въ однихъ лишь русскихъ войскахъ, не превышавшихъ численностью 5,000 человѣкъ, потому что австрійскіе баталіоны предоставляли изъ себя сплошь необученныхъ рекрутъ. При четвертой колоннѣ находился и Кутузовъ.

---

[29] 6-й егерскій, Архангелогородскій, Псковскій и Староингерманландскій мушкетерскіе, Лейбъ-Кирасирскій Ея Величества, Маріупольскій и Павлоградскій гусарскіе, С.-Петербургскій и Тверской драгунскіе полки.

Не смотря на то, что, по диспозиціи къ сраженію, колоннѣ надлежало двинуться въ атаку около 8 часовъ утра, Кутузовъ не трогался. Наконецъ, пріѣхали на поле битвы, въ сопровожденіи блестящей свиты, Императоры Александръ I и Францъ. Увидя, что четвертая колонна не пущена въ дѣло, Государь приказалъ главнокомандующему двинуть войска въ атаку. Въ авангардѣ колонны, съ генераломъ Милорадовичемъ, шли два баталіона Новгородскаго полка, а за ними гренадерскій баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою капитана Морозова. Когда Апшеронцы проходили мимо Государя, то Милорадовичъ напомнилъ имъ про подвиги въ Италіи и сказалъ: «Вамъ не первую деревню брать!»

Какъ разъ въ это самое время и Наполеонъ съ главными силами двинулся въ атаку. Милорадовичъ, выйдя съ авангардомъ изъ селенія Праценъ, встрѣтилъ грозныя колонны шедшихъ въ атаку французовъ. «Два баталіона Новгородскаго полка, встрѣченные жестокимъ огнемъ, не держась ни мало, обратились назадъ, смѣшали бывшій назади ихъ баталіонъ Апшеронскій, бѣжали мимо Императора Александра, къ лѣвому флангу колонны, и не внимали словамъ Монарха, не узнавъ Его [30].» Опрокинувъ авангардъ, непріятель быстро двинулся на Праценскія высоты и атаковалъ четвертую колонну съ фронта и съ фланговъ. Тогда Милорадовичъ повелъ въ бой Апшеронскій, Малороссійскій, Смоленскій полки и гренадерскій баталіонъ Новгородскаго полка, которые безъ выстрѣла, неоднократно ходили въ штыки, но каждый разъ, не смотря на все свое мужество, были подавляемы численностью противника и отступали по необходимости, хотя отступленіе совершалось весьма медленно, съ цѣлью дать возможность австрійцамъ, еще не принявшимъ участія въ сраженіе, приготовиться къ бою. Затѣмъ Милорадовичъ отвелъ русскіе полки за австрійцевъ, а этихъ послѣднихъ послалъ въ бой. Но австрійскіе баталіоны вскорѣ были опрокинуты и безпорядочными толпами обратились въ бѣгство, увлекая за собою и стоявшихъ позади ихъ русскихъ. Видя общее разстройство 4-й колонны, Императоръ приказалъ Милорадовичу отвести ее къ Аустерлицу и тамъ привести въ должный порядокъ.

Общая сумятица, во время разразившейся на четвертой колоннѣ катастрофы достигла такой силы, что вся свита нашего Государя куда-то исчезла и при немъ все время находились только лейбъ-медикъ Вилліе, берейторъ Эне, конюшій и два казака.

Раненый пулею въ щеку еще въ первые моменты боя, генералъ Кутузовъ поскакалъ къ лѣвому флангу колонны и здѣсь нашелъ бригаду изъ войскъ графа Ланжерона, состоявшую подъ начальствомъ графа Каменскаго 1-го. Идя въ резервѣ 2-й колонны, и замѣтивъ, что французы ломятся на Праценскія высоты, Каменскій атаковалъ непріятеля съ фланга, съ цѣлью подать помощь четвертой колоннѣ. Фанагорійскій гренадерскій и Ряжскій мушкетерскій полки бросились въ штыки, но были опрокинуты, и хотя атаки повторялись трижды, но каждый разъ безъ успѣха. Тогда Кутузовъ приказалъ бригадѣ отступать къ мѣстечку Гостіерадеку и съ таковымъ же приказаніемъ отправилъ ординарцевъ къ начальникамъ остальныхъ трехъ передовыхъ колоннъ.

Между тѣмъ, графъ Ланжеронъ, стоявшій съ колонною у Гольдбаха, получивъ донесеніе Каменскаго объ атакѣ непріятелемъ Працена, сначала не повѣрилъ этому; но, услышавъ сильную перестрѣлку въ той сторонѣ, повелъ на помощь своей бригадѣ Курскій полкъ. Когда онъ прибылъ къ мѣсту боя, то не нашелъ уже здѣсь Каменскаго, и самъ, атакованный превосходными силами французовъ, лишился Курскаго полка, который положительно былъ весь истребленъ.

Пятая колонна—князя Лихтенштейна, долженствовавшая расположиться въ проме-

---

[30]) Михайловскій-Данилевскій. Томъ I, стр. 156.

жуткѣ между Праценомъ и отрядомъ князя Багратіона, опоздала; Наполеонъ, замѣтивъ не занятый нами участокъ, весьма важный по своему значенію, немедленно послалъ туда часть пѣхоты и кавалеріи. Эти войска встрѣтились съ гвардіею, которую велъ изъ Аустерлица Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Никакъ не ожидая встрѣтить французовъ тамъ, гдѣ должна была находиться кавалерія Лихтенштейна, Его Высочество пришелъ въ изумленіе при видѣ непріятеля и направилъ свои войска къ центру. Но пройдя немного, наткнулся на нѣсколько французскихъ колоннъ. Хотя при этомъ гвардейскіе пѣхотные полки и пошли въ атаку, но, встрѣченные губительнымъ огнемъ артиллеріи, приведены были въ замѣшательство и начали отступать, потерявъ одно орудіе. Вслѣдъ за тѣмъ французская кавалерія пошла въ атаку. Чтобы спасти пѣхоту, Цесаревичъ послалъ противъ непріятеля лейбъ-гвардіи Конный полкъ, временно задержавшій успѣхъ французовъ. Противникъ вторично атаковалъ пѣхоту, привелъ ее въ полное разстройство и она въ безпорядкѣ начала отступать за ручей. Во время одной изъ кавалерійскихъ атакъ Кавалергардскій полкъ потерялъ болѣе половины людей, а одинъ эскадронъ совершенно уничтоженъ. Разбитіемъ 4-й колонны и гвардіи закончились дѣйствія Наполеона противъ нашего центра; теперь онъ рѣшилъ обрушиться на наши фланги.

Маршалъ Даву, державшійся до разгрома центра оборонительнаго положенія противъ трехъ нашихъ колоннъ, прежде всего атаковалъ войска генерала Пржибышевскаго и совершенно разбилъ ихъ; полки потеряли болѣе 5,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными; впрочемъ послѣднихъ было мало, ибо солдаты наши не сдавались. Пока происходило побоище въ 3-й колоннѣ, войска графа Ланжерона и Дохтурова,—начали отступать отъ Тельницъ, причемъ Пермскій полкъ, окруженный со всѣхъ сторонъ французами, былъ поголовно истребленъ. Разбитыя части бросились-было черезъ мостъ на озерѣ Литовѣ, между мм. Аугестомъ и Сичаномъ; къ несчастію, мостъ, не выдержалъ тяжести орудій и столпившихся на немъ людей, и провалился. Тогда солдаты и орудія направились по замерзшему озеру; но ледъ, по своей тонкости сталъ проваливаться и множество людей потонуло въ озерѣ, а непріятельская артиллерія съ окрестныхъ высотъ уничтожала наши войска ядрами и картечью. Отступленіе отъ Тельница и переходъ черезъ озеро къ Аугесту стоилъ колоннамъ болѣе половины людей. Поздно вечеромъ, генералъ Дохтуровъ привелъ остатки своей колонны въ сел. Нейдорфъ.

Чтобы закончить съ описаніемъ сраженія при Аустерлицѣ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ отряда князя Багратіона, противъ котораго сосредоточенъ былъ корпусъ маршала Ланна. По разбитіи Наполеономъ нашего центра, Ланнъ атаковалъ Багратіона; поддержанный войсками, дѣйствовавшими противъ русской гвардіи, маршалъ устремился на лѣвый флангъ нашего боеваго расположенія и принудилъ отступить полкъ, занимавшій мм. Кругъ и Голубицъ. Багратіонъ послалъ въ поддержку Архангелогородскій полкъ, но и этотъ, не болѣе какъ въ часъ времени, потерялъ 1,600 человѣкъ.

Не имѣя возможности долѣе держаться на своей позиціи, князь Багратіонъ началъ отступать къ д. Раузницу, нѣсколько разъ останавливаясь для отпора преслѣдовавшаго его противника.

Уже совершенно смерклось, когда окончилось сраженіе.

Наши войска отступали въ безпорядкѣ по всѣмъ направленіямъ; не прерывался бой лишь въ отрядѣ князя Багратіона и въ 4-й колоннѣ Милорадовича, стоявшей впереди Аустерлица и прикрывавшей общее отступленіе. Апшеронскій, Смоленскій и Малороссійскій полки, цѣлый день находились въ бою, и въ концѣ сраженія явились единственными оставшимися на полѣ битвы русскими войсковыми частями. Государь Императоръ все время находился при 4-й колоннѣ.

Императоръ Александръ I оставилъ Милорадовича впереди Аустерлица, до тѣхъ поръ пока его не смѣнитъ отрядъ князя Багратіона, а всѣмъ остальнымъ войскамъ повелѣлъ идти къ д. Годьежицу. Поздно ночью къ позиціи Милорадовича подошелъ съ отрядомъ князь Багратіонъ. Сраженіе подъ Аустерлицемъ стоило русскимъ войскамъ около 20,000 убитыми, ранеными и плѣнными. Въ Апшеронскомъ полку убиты: *поручикъ Коблецкій и 195 нижнихъ чиновъ; ранены: командиръ полка, полковникъ князь Сибирскій 1-й (взятъ въ плѣнъ), маіоры Кирьяковъ и Шрамченко, капитаны Морозовъ и Бабкинъ, штабсъ-капитанъ Ниценко*[31]*, поручики: — Трушъ, Курута, Скальскій 2-й, Дубровскій, Екимовъ, подпоручикъ Воронецъ, нижнихъ чиновъ 194; безъ вѣсти пропало 80 нижнихъ чиновъ*[32].

У насъ взято 133 орудія.

Причину нашей неудачи подъ Аустерлицемъ всецѣло слѣдуетъ отнести неумѣлымъ распоряженіямъ австрійскаго генеральнаго штаба, которому предоставлена была инціатива боя. Растянувъ армію на 14 верстъ и лишивъ, такимъ образомъ, колонны связи другъ съ другомъ, австрійскіе генералы предприняли дать сраженіе, исходъ котораго, при всемъ геройствѣ нашихъ войскъ, могъ быть только печальный для насъ: Наполеонъ билъ нашу армію по частямъ, подавляя вездѣ численностью. Австрійскіе генералы остались вѣрны себѣ: выказавъ и на этотъ разъ грубое незнаніе мѣстности, они, сверхъ того, въ своихъ распоряженіяхъ обнаружили отсутствіе всякой связи и послѣдовательности; послѣ-же разбитія центра, всѣ австрійскіе тактики и стратеги куда-то исчезли и каждый изъ отдѣльныхъ начальниковъ въ дѣйствіяхъ своихъ руководился уже собственнымъ усмотрѣніемъ. У насъ не было ни одного лазутчика, который могъ-бы своевременно сообщать о передвиженіяхъ на непріятельской позиціи; предъ сраженіемъ, утромъ, 20 ноября, французскую позицію совсѣмъ не обрекогносцировали, съ цѣлью опредѣлить, занимаетъ-ли противникъ прежнее положеніе, потому что австрійскій генералъ Вейротеръ — главный виновникъ Аустерлица, почему-то находился въ твердомъ убѣжденіи, что всѣ войска Наполеона остались на своихъ старыхъ мѣстахъ. Наконецъ, войска были направлены въ бой послѣ нѣсколькихъ дней тяжелаго перехода, съ отдыхомъ до сраженія не болѣе пяти часовъ. И все-таки русскіе дрались съ такимъ мужествомъ, что вызывали удивленіе самого императора французовъ.

Спустя 15 лѣтъ, именно 20 ноября 1820 года, Императоръ Александръ I, встрѣтя во дворцѣ генерала Милорадовича, сказалъ ему: «Помнишь, Михаилъ Андреевичъ, сегодня, за пятнадцать лѣтъ, несчастный день для нашей арміи?»—«Позвольте мнѣ не согласиться съ Вашимъ Величествомъ», отвѣчалъ Милорадовичъ. «Не могу назвать несчастнымъ для арміи день, гдѣ офицеры и солдаты дрались, какъ львы». Императоръ улыбнулся и пожалъ руки храбрѣйшаго изъ храбрыхъ[33].

Русская армія изъ подъ Аустерлица отступала въ Венгрію и, переправясь 22 ноября черезъ р. Марху, расположилась у гор. Голича. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало перемиріе, и Наполеонъ открылъ съ Австріей переговоры о мирѣ, который вскорѣ и былъ подписанъ въ Пресбургѣ. Тогда Императоръ Александръ повелѣлъ своимъ войскамъ двинуться въ Россію. Апшеронскій полкъ, по возвращеніи въ предѣлы отечества, расположился недалеко отъ турецкой границы, въ гор. Ольвіополѣ.

Такъ закончилась непродолжительная кампанія 1805 года; въ ряду войнъ, въ коихъ принималъ участіе и Апшеронскій полкъ, она представляется одною изъ блестящихъ:

---

[31]) Штабсъ-капитанъ Ниценко ошибочно показанъ былъ убитымъ, — онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

[32]) Московское отдѣленіе архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ за ноябрь 1805 г.

[33]) Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича. Стр. 55.

сраженія при Амштетенѣ, Кремсѣ и даже при Аустерлицѣ, гдѣ полкъ оказалъ столько храбрости, могутъ всегда съ гордостью вспоминаться Апшеронцами.

За кампанію 1805 года получили награды: шефъ полка генералъ-маіоръ Милорадовичъ — орденъ св. Георгія 3-й степ. и чинъ генералъ-лейтенанта; получили чины: маіора — капитанъ Протопоповъ, капитана — штабсъ-капитанъ Николаевъ; штабсъ-капитана — поручикъ Скальскій 1-й; поручика — подпоручики: графъ Девіеръ, Глинка, Албинскій, Воронецъ, Скальскій 2-й, Карчевскій и Шкляревичъ; подпоручика — прапорщики: Гофманъ, Янченковъ и Глѣбовъ 2-й, произведены изъ портупей-прапорщиковъ въ прапорщики: Гуляковъ, Евреиновъ 1-й, Тулаевъ, Протопоповъ, Суринъ и Пирожинскій.

Глава Восемнадцатая.

Отношенія между Россіей и Турціей послѣ Ясскаго мира.— Интриги французскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ.— Сформированіе Южной арміи и расположеніе ея по Днѣстру.— Численность арміи.— Укомплектованіе Апшеронскаго полка.— Назначеніе новаго командира полка.— Требованія Императора Александра I, предъявленныя Турціи.— Численность турецкихъ войскъ по Дунаю.— Переходъ арміи черезъ Днѣстръ.— Взятіе Хотина и занятіе Яссъ.— Наступленіе корпуса Милорадовича къ Бухаресту.— Дѣло авангарда съ турками у Гладени и Урзичени.— Отзывъ генерала Уланіуса объ Апшеронцахъ.— Пораженіе турокъ при Бухарестѣ и взятіе этого города.— Кампанія 1807 г.— Разбитіе 8-ми-тысячнаго турецкаго корпуса около Журжи.— Наступленіе непріятеля къ Бухаресту.— Пораженіе турокъ при Обилешти.— Приказъ по арміи 14-го іюня.— Слободзейское перемиріе. — Переговоры о мирѣ.— Жизнь полка въ Турціи.— Открытіе военныхъ дѣйствій въ 1809 г.— Штурмъ Журжи.— Дѣйствія Апшеронцевъ и потери ихъ.— Донесеніе Милорадовича главнокомандующему. — Приказъ по арміи.— Наступленіе арміи. — Переходъ черезъ Дунай.— Сраженіе на о. Кербовѣ.— Потери Апшеронцевъ.— Сраженіе при Расеватѣ.— Выдержка изъ донесенія князя Багратіона Императору Александру.— Осада Силистріи.— Расположеніе полка на зимнія квартиры.— Осада Рущука.—Кампанія 1810 года.— Неудачный штурмъ Рущука.— Огромныя потери Апшеронскаго полка.— Расположеніе полка на зиму.— Военныя дѣйствія въ 1811 и 1812 году.— Возвращеніе Апшеронскаго полка въ Россію.— Полкъ входитъ въ составъ Южной, или Дунайской арміи.

Недолго пришлось отдыхать Апшеронцамъ послѣ кампаніи 1805 года, и немедленно, по прибытіи полка въ отечество, онъ былъ двинутъ къ южной границѣ, въ гор. Ольвіополь, потому что ожидалось открытіе военныхъ дѣйствій съ Турціей.

Съ 1791 года, послѣ заключенія Ясскаго мира, мирныя отношенія къ Портѣ поддерживались до конца царствованія Императрицы Екатерины, а при Павлѣ I Турція явилась даже союзницей Россіи въ войнѣ противъ Франціи въ 1799 году. По восшествіи на престолъ, Императоръ Александръ I держался по отношеніи къ Турціи политики своего отца, и, повидимому, добрымъ отношеніямъ Россіи съ Портой ничто не угрожало. Но дружба двухъ сосѣднихъ державъ не соотвѣтствовала честолюбивымъ планамъ Наполеона, который, опасаясь Россіи, стоявшей какъ бы на стражѣ всеобщаго спокойствія, страстно желалъ отвлечь ее отъ того войною съ Турціею, съ цѣлью самому полновластно хозяйничать въ Европѣ. Вначалѣ турецкій Диванъ оставался глухъ ко всѣмъ проискамъ французской дипломатіи; но послѣдніе успѣхи Наполеона, закончившаго кампанію 1805 года разгромомъ союзниковъ подъ Аустерлицемъ, на столько повліяли на султана турецкаго Селима III, что онъ сдѣлался уступчивѣе ко всѣмъ требованіямъ французовъ. Въ Турціи появились французскіе офицеры, принявшіеся за исправленіе крѣпостей и обученіе арміи.

Русское правительство хорошо знало о всемъ происходившемъ въ Турціи и, находя необходимымъ быть, на всякій случай, готовымъ къ войнѣ, еще въ концѣ 1805 года сформировало армію, образованную большею частью изъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ французовъ, и расположило ее на южной границѣ, по р. Днѣстру. Ввѣряя начальство надъ войсками генералу-отъ-кавалеріи Тормасову, Императоръ Александръ повелѣлъ ему не подавать ни малѣйшаго повода къ разрыву съ Турціей.

Въ началѣ 1807 года, вмѣсто генерала Тормасова, назначенъ генералъ-отъ-кавалеріи Михельсонъ, а 6-го февраля составлено было росписаніе арміи; Апшеронскій полкъ, бывшій въ составѣ 10-й дивизіи, генералъ-лейтенанта Милорадовича, находился въ корпусѣ генерала-отъ-кавалеріи барона Мейндорфа и расположился въ Ольвіополѣ.

Армія, состоявшая изъ 90 баталіоновъ пѣхоты, 100 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 8 казачьихъ полковъ и 286 орудій, въ общей численности не превышала, однако, 60,000 человѣкъ. Для пополненія значительнаго некомплекта войсковыхъ частей, происшедшаго отъ убыли въ сраженіяхъ прошлаго года и отъ развившихся болѣзней, въ армію отправлено было значительное число рекрутъ; напр., 10-я дивизія ихъ получила 7,171 человѣкъ, а въ Апшеронскій полкъ, потерявшій въ кампаніи 1805 года 921 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, прибыло 1,000 человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ полковымъ командиромъ назначенъ былъ подполковникъ Аврамъ Аврамовичъ Рейхель.

Между тѣмъ, интриги французскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ сдѣлали свое дѣло, и отношенія къ намъ Порты круто измѣнились. Занятая, впрочемъ, внутренними смутами, Турція не торопилась объявленіемъ войны. Паши янинскій, виддинскій, измаильскій, рущукскій и силистрійскій не признавали надъ собою власти султана и творили всякія своевольства и насилія въ подвластныхъ Турціи христіанскихъ провинціяхъ. Права господарей Валахіи и Молдавіи были совершенно попраны, а сами они изгнаны изъ своихъ княжествъ. Эти обстоятельства, въ связи съ изданнымъ въ 1806 году запрещеніемъ проходить русскимъ военнымъ и торговымъ кораблямъ черезъ Босфоръ и Дарданелы, вынудили Русскаго Императора черезъ своего посла въ Константинополѣ, обратиться къ Портѣ съ категорическимъ требованіемъ: возстановить господарей обоихъ Придунайскихъ княжествъ, прекратить своеволіе пашей и отмѣнить распоряженіе, касавшееся нашихъ судовъ. Турецкій Диванъ, на всѣ представленія русскаго посланника отвѣчалъ лишь весьма напыщенными нотами и увѣреніями въ прежней дружбѣ, которыя, впрочемъ, не могли ослѣпить Русскій кабинетъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, занятія Молдавіи и Валахіи являлась мѣрой крайне настоятельной и удобоисполнимой: малое число турецкихъ войскъ по Дунаю, междоусобія пашей и вспыхнувшее возстаніе въ Сербіи какъ бы приглашали русскихъ перейти Днѣстръ и вступить въ княжества.

Турецкая армія, численностью до 50,000 размѣщалась по обоимъ берегамъ Дуная, начиная отъ кр. Измаила до кр. Виддина. Но это было не регулярное войско, а сборище разбойниковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ такихъ же разбойниковъ-пашей. Главный непріятельскій корпусъ, въ 15,000 чел., располагался въ кр. Журжѣ; прочія турецкія силы размѣщались въ окрестностяхъ Измаила, Тульчи, Виддина, Исакчи, Гирсова, Мачина, Силистріи, Рущука и Орсовы.

Почти всѣ эти крѣпости находились въ самомъ жалкомъ состояніи обороны, а нѣкоторыя изъ нихъ не имѣли даже и пушекъ на лафетахъ. Главная турецкая армія, подъ предводительствомъ верховнаго визиря, состояла не болѣе, какъ изъ 120 тысячъ человѣкъ; но прошлыя войны наглядно доказали, насколько медленно передвигаются большія турецкія арміи; поэтому генералу Михельсону рекомендовалось, до ея прибытія, истребить или принудить отступить за Дунай турецкіе отряды, занимавшіе лѣвый берегъ рѣки.

Для переправы черезъ р. Днѣстръ Михельсонъ раздѣлилъ свою армію на три части: правое крыло переправлялось у м. Жванца, близъ Хотина; центръ или главныя силы—у городовъ Могилева и Ямполя, а лѣвое крыло — у Дубосаръ. Войска, входившія въ составъ главныхъ силъ, также были подраздѣлены на двѣ части, изъ которыхъ первою командовалъ генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ, а второю — генералъ-лейтенантъ графъ Каменскій 1-й,

Впереди ихъ, въ видѣ авангарда, шелъ отрядъ генералъ-маіора князя Долгорукова. Каждая изъ частей состояла изъ двухъ отдѣленій; въ части генерала Милорадовича, во 2-мъ отдѣленіи генералъ-маіора Бахметева шелъ Апшеронскій полкъ, въ составѣ 1,900 человѣкъ.

Первымъ, 12-го ноября, вступилъ въ предѣлы Турціи корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, составлявшій правое крыло арміи, и обложилъ кр. Хотинъ, сераскиръ которой, Мехметъ-паша, 14-го числа сдался уже на капитуляцію. Въ Хотинѣ русскіе нашли 162 орудія и къ нимъ 70,000 ядеръ и 40,000 бомбъ, 4,000 пудовъ пороху и 8,000 четвертей пшеницы.

Въ то же время авангардъ арміи и корпусъ Милорадовича, переправясь 11-го ноября у Могилева, черезъ Днѣстръ, двинулись къ Яссамъ. Авангардъ князя Долгорукаго двигался на м.м. Кетросъ, Бѣльцы, и, перейдя 15-го ноября у м. Скулянъ р. Прутъ, на другой день занялъ столицу Молдавіи гор. Яссы; корпусъ Милорадовича вступилъ сюда 18-го числа. Жители Молдавіи чрезвычайно обрадовались прибытію русскихъ войскъ, спасавшихъ ихъ отъ насилій со стороны турокъ. Изъ Яссъ генералъ Михельсонъ отправилъ виддинскому и рущукскому пашамъ письма съ извѣщаніемъ, что русская армія явилась въ Молдавію не съ завоевательными намѣреніями, а лишь съ цѣлью «исправить ошибки Порты». Еще раньше того, Михельсонъ разослалъ по всей Валахіи и Молдавіи объявленія, и въ нихъ, между прочимъ, ручался именемъ Императора, что войска наши не совершатъ ни одного насилія и возвратятся въ предѣлы Россіи тотчасъ, какъ его величество султанъ уволитъ тѣхъ изъ своихъ министровъ, которые, въ угоду Франціи, побудили его нарушить свои обязательства относительно Россіи, и дозволитъ, согласно трактата 1791 года, свободный пропускъ русскихъ торговыхъ и военныхъ судовъ чрезъ Константинопольскій проливъ въ Дарданеллы и обратно.

Мустафа-паша рущукскій, въ отвѣтномъ письмѣ, убѣждалъ Михельсона немедленно очистить княжество, грозя въ противномъ случаѣ дѣйствовать оружіемъ.

Не желая терять даромъ времени въ перепискахъ съ пашами, генералъ Михельсонъ немедленно сдѣлалъ распоряженія относительно занятія Валахіи, возложивъ исполненіе этого предпріятія на генералъ-лейтенанта Милорадовича. «Избираю къ сему ваше превосходительство, писалъ Михельсонъ Михаилу Андреевичу, яко опытность, храбрость и усердіе ваше неоднократно отличались». Изъ войскъ Милорадовича образованъ былъ особый авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Уланіуса; въ составъ его вошли: гренадерскій баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Штерха, 6-й Егерскій полкъ, 4 эскадрона Бѣлорусскаго гусарскаго полка, 300 казаковъ Донскаго Мелентьева полка, піонерная рота и по два орудія батарейнаго 8-го полка и донской конной артиллеріи. Остальные два баталіона Апшеронцевъ находились въ главныхъ силахъ.

23-го ноября авангардъ Уланіуса и остальныя войска Милорадовича выступили изъ Яссъ и двинулися на гор. Васлуй, Бырладъ и Фокшаны къ Бухаресту. Одновременно съ Уланіусомъ изъ Яссъ вышелъ отрядъ князя Долгорукова, которому предписывалось слѣдовать съ авангардомъ до Бырлада, а отсюда направиться къ гор. Галацу и овладѣть имъ, а равно сложенными здѣсь непріятелемъ большими запасами продовольствія.

2-го декабря генералъ Уланіусъ занялъ Фокшаны и остановился здѣсь подождать прибытія генерала Милорадовича съ главными силами. 8-го числа авангардъ выступилъ къ Рымнику и пройдя его, въ м. Бузео остановился на два дня. 10-го декабря прибылъ сюда съ главными силами Милорадовича, а Уланіусъ того же числа двинулся къ с. Маргинешти.

Узнавъ о приближеніи русскихъ, рущукскій Аянъ-паша выслалъ имъ на встрѣчу изъ Бухареста отрядъ около 5,000 человѣкъ, расположившійся на полдорогѣ между Бузео и Бухарестомъ, въ м.м. Гладени, Катапка-Маре и Урзичени.

*

11-го декабря, въ 4-мъ часу пополудни, авангардъ выступилъ изъ д. Маргинешти. Получивъ извѣстіе, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него находится непріятель, генералъ Уланіусъ приказалъ командиру Бѣлорусскаго гусарскаго полка, полковнику Ставровичу, съ кавалеріею авангарда, атаковать со всѣхъ сторонъ д. Гладени, и, въ то же время, для поддержки конницы самъ поспѣшилъ туда съ пѣхотой.

Стоявшіе въ двухъ верстахъ отъ деревни, турецкіе пикеты тотчасъ открыли ружейный огонь и подняли, такимъ образомъ, тревогу, вслѣдствіе которой находившіеся въ Гладени 2,000 турокъ успѣли выйти оттуда, и, построившись въ боевой порядокъ, двинулись на встрѣчу кавалеріи. Полковникъ Ставровичъ, раздѣливъ конницу на три части, атаковалъ непріятеля и привелъ его въ нѣкоторое замѣшательство. Между тѣмъ приблизилась пѣхота авангарда; увидя ее, часть турокъ обратилась въ бѣгство, а другая отступила въ деревню и засѣла въ домахъ и въ церкви, принявъ, повидимому, твердое намѣреніе драться во чтобы-то ни стало.

Для выбитія турокъ изъ Гладени, генералъ Уланіусъ послалъ въ атаку Апшеронскихъ гренадеръ и егерей, которые, ворвавшись въ деревню, завязали отчаянный бой. Турки дрались мужественно и умирали съ оружіемъ въ рукахъ. «Апшеронскіе гренадеры и егеря, пишетъ въ своемъ донесеніи Уланіусъ, всѣхъ разстрѣляли и перекололи, со свойственною имъ храбростью» [1].

По окончаніи сраженія, продолжавшагося два часа войска авангарда преслѣдовали разбитый передовой непріятельскій отрядъ, который, соединясь съ своими резервами у Катапка-Маре и Урзичени, вновь атаковалъ русскихъ. Въ виду значительнаго численнаго превосходства турокъ генералъ-маіоръ Уланіусъ приказалъ пѣхотѣ построиться въ два карре, изъ которыхъ одно — правое — составилось гренадерскимъ баталіономъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Штерха, а другое — лѣвое — изъ егерей; впереди шла кавалерія, для ея подкрѣпленія выѣхали впередъ орудія донской батареи и открыли огонь по толпамъ турокъ. Въ такомъ порядкѣ авангардъ двинулся на встрѣчу непріятелю. Грозное наступленіе двухъ пѣхотныхъ карре смутило турокъ и онѣ вскорѣ обратились въ бѣгство: большинство устремилось по бухарестской дорогѣ, а всѣ остальные переколоты штыками въ Катапка-Маре и Урзичени.

Непріятель потерялъ болѣе 400 одними убитыми, въ плѣнъ же захвачено 10 человѣкъ и отбито 2 знамени; нашъ авангардъ пострадалъ весьма незначительно: въ немъ убиты одинъ оберъ-офицеръ и 3 нижнихъ чина и ранена 2 оберъ-офицера и 56 нижнихъ чиновъ — въ числѣ послѣднихъ 5-ть Апшеронскихъ гренадеръ.

Донося генералу Милорадовичу о сраженіи 11 декабря, генералъ-маіоръ Уланіусъ пишетъ: «Всѣ вообще господа штабъ и оберъ-офицеры, бывшіе при семъ дѣлѣ, оказали храбрость и усердіе къ службѣ Его Императорскаго Величества, нижніе-же чины слѣдовали примѣру начальниковъ своихъ; во второй половинѣ сраженія отличное усердіе и храбрость оказали Апшеронскіе гренадеры, егеря и артиллерія» [2].

Пройдя еще нѣсколько верстъ, авангардъ расположился около Урзичени, на лѣвомъ берегу р. Яломицы. Получивъ рапортъ Уланіуса о пораженіи турокъ, генералъ Милорадовичъ приказалъ начальнику авангарда въ тотъ же день продолжать наступленіе къ Бухаресту, чего исполнить, однакоже, не представлялось возможнымъ, потому что турки, при отступленіи, уничтожили мостъ черезъ Яломицу. Тѣмъ не менѣе, Уланіусъ приступилъ къ

[1]) Копія съ рапорта г.-м. Уланіуса командующему корпусомъ въ Валахіи, генералъ-лейтенанту Милорадовичу, отъ 11-го декабря 1806 г. Дѣло № 1348 Воен. Учен. Арх.

[2]) Тамъ-же.

устройству парома; къ 7-ми часамъ утра онъ былъ готовъ и на немъ переправилась пѣхота и артиллерія, а кавалерія перешла рѣку вплавь. Въ тотъ же день авангардъ прибылъ въ деревню Синешти, гдѣ и расположился на ночлегъ. Взятые кавалеріею нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ турокъ сообщили, во-первыхъ, что Бухарестъ занятъ непріятелемъ, укрѣпившимся въ монастыряхъ и замкахъ, находящихся въ самомъ городѣ и внѣ его, и, во-вторыхъ, что командовавшій передовымъ турецкимъ отрядомъ, Мустафа Байрактаръ, не надѣясь удержаться въ Бухарестѣ, положилъ вырѣзать все тамошнее христіанское населеніе, а имущество его отдать на разграбленіе. Послѣднее извѣстіе весьма встревожило начальство авангарда; но Уланіусъ не могъ помочь жителямъ, не имѣя для того достаточно войскъ, поэтому онъ отправилъ къ генералу Милорадовичу нарочнаго съ извѣстіемъ о положеніи дѣлъ въ Бухарестѣ, къ которому и поспѣшилъ самъ съ одною только конницею.

Подойдя къ Колентинскому мосту, генералъ-маіоръ Уланіусъ тремя пушечными выстрѣлами извѣстилъ жителей о своемъ прибытіи. Утромъ, 13-го декабря, къ мосту подошла пѣхота авангарда и генералъ Милорадовичъ съ частью своего отряда.

Послѣ самаго непродолжительнаго отдыха, войска, переправясь по мосту чрезъ ручей Колентинъ, двинулись къ Бухаресту. Для атаки непріятеля Милорадовичъ построилъ всю пѣхоту въ три карре, изъ которыхъ войска Уланіуса, составивъ карре лѣвофланговое, направились по разстилавшейся передъ городомъ равнинѣ, въ обходъ его съ лѣвой стороны. Атаковавшая это карре непріятельская конница была опрокинута Бѣлорусскими гусарами и донскими казаками. Недалеко отъ дер. Фундени, въ монастырѣ Маркуцъ засѣло около 600 турокъ, производившихъ по нашимъ войскамъ безпрерывный огонь. Для очищенія монастыря отъ непріятеля Уланіусъ послалъ роту пѣхоты и часть кавалеріи, которыя, быстро выбивъ турокъ изъ обители, большую часть ихъ затѣмъ истребили.

Желая обезпечить себѣ безопасное движеніе къ Бухаресту, генералъ-маіоръ Уланіусъ послалъ въ городъ гренадерскую роту Апшеронскаго полка, подъ командою капитана Морозова, и роту 6-го Егерскаго полка — капитана Глѣбова, приказавъ имъ выбить турокъ изъ домовъ и монастырей, расположенныхъ въ лѣвой сторонѣ города. Не смотря на открытый турками сильный ружейный огонь, Апшеронцы и егеря ворвались въ Бухарестъ, гдѣ и закипѣлъ отчаянный бой. Дрались на улицахъ, въ домахъ, въ церквахъ... Не взирая на отчаянную оборону, защитники были выбиты со всѣхъ пунктовъ и погибли подъ штыками нашихъ солдатъ. «Очищеніе лѣвой стороны города, пишетъ генералъ Уланіусъ въ рапортѣ Милорадовичу, относится къ чести сихъ двухъ начальствующихъ обоими деташементами лицъ (капитановъ Морозова и Глѣбова)»[3]. Одновременно съ атакой карре Уланіуса, остальныя два выбили непріятеля изъ другихъ частей города. Соединивъ у монастыря Вокарешти всѣ части своего карре, генералъ-маіоръ Уланіусъ направился къ назначенному для всѣхъ войскъ, по диспозиціи, сборному пункту, находившемуся по рущукской дорогѣ, между редутомъ и Вокарешти.

Выбитый изъ города, непріятель напрасно старался въ немъ удержаться; сначала совершенно разсѣянный удачнымъ огнемъ артиллеріи, онъ подвергся потомъ безостановочному преслѣдованію со стороны русской кавалеріи, которая, переправясь чрезъ рр. Дымбовицу и Аржисъ, гнала турокъ до Туртукая и Рущука.

Общая потеря нашихъ войскъ при овладѣніи Бухарестомъ не извѣстна; но въ карре генерала Уланіуса, согласно его рапорта, убитъ 1 казакъ и ранены 41 нижній чинъ, изъ нихъ пять человѣкъ Апшеронцевъ.

---

3) Тамъ-же. Рапортъ Уланіуса отъ 13 декабря.

Такимъ образомъ, побѣда Милорадовича надъ турками и взятіе Бухареста спасли жителей отъ поголовнаго истребленія.

14, 15 и 16 декабря войска отдыхали. Усиливъ затѣмъ авангардъ еще однимъ баталіономъ Апшеронскаго полка, генералъ Милорадовичъ приказалъ Уланіусу двинуться къ селенію Копочени, съ цѣлью исправить мостъ на Аржисѣ, по дорогѣ къ г. Калугарени[4]. Авангардъ выступилъ въ Копочени 17 декабря, Уланіусъ, по исправленіи моста, самъ остался здѣсь, а передовые посты выдвинулъ до Калугарени.

До марта 1807 года корпусъ Милорадовича дальше не подвигался; а остальныя части арміи расположились слѣдующимъ образомъ: корпусъ генералъ-лейтенанта графа Каменскаго 1-го—при м. Слободзеѣ; корпусъ генерала отъ-кавалеріи-Мейндорфа — въ окрестностяхъ г. Фальчи и внизъ по лѣвому берегу р. Прута, и отрядъ генералъ-маіора Колюбакина въ гор. Галацѣ. Результатомъ военныхъ дѣйствій конца 1806 года, когда война формальнымъ образомъ не была еще объявлена ни Россіей, ни Турціей, явилось овладѣніе нами пространства между рр. Днѣстромъ и Дунаемъ, съ городами Яссами и Бухарестомъ и крѣпостями: Хотиномъ, Бендерами и Киліей.

Императоръ Александръ полагалъ, что такіе важные и блестящіе успѣхи нашего оружія побудятъ Турцію исполнить его требованія. Но турецкій султанъ Селимъ III, побуждаемый французскимъ посланникомъ Себастіани, рѣшился объявить Россіи войну, которая и была обнародована фирманомъ 18-го декабря 1806 года,— и затѣмъ турецкое правительство начало дѣятельно готовиться къ открытію военныхъ дѣйствій. Планъ непріятеля заключался въ томъ, чтобы, наступая отъ крѣпостей Журжи и Силистріи къ Бухаресту, поднять противъ насъ живущихъ около кр. Измаила Буджакскихъ татаръ, послѣ чего, при посредствѣ особыхъ отрядовъ изъ Измаила и Браилова, угрожать отрѣзать намъ сообщеніе съ тыломъ черезъ Фокшаны.

Въ первые мѣсяцы наступившаго года дѣйствія со стороны турокъ открылись рядомъ нападеній на наши передовые посты. Подобнаго рода поиски, даже въ случаѣ успѣха, могли дать въ результатѣ лишь отступленіе слабыхъ постовъ къ резервамъ, хотя, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ непріятель и здѣсь терпѣлъ неудачи.

Въ январѣ и февралѣ у насъ шли дѣятельныя подготовленія къ кампаніи, причемъ главное вниманіе было обращено на снабженіе арміи достаточнымъ запасомъ продовольствія; увеличенія же въ численномъ составѣ арміи не послѣдовало. Овладѣніе кр. Измаиломъ, главнокомандующій, генералъ Михельсонъ, считалъ одной изъ первѣйшихъ задачъ наступившаго года, и къ выполненію ея рѣшилъ приступить въ мартѣ мѣсяцѣ, назначивъ для того корпусъ генерала Мейндорфа. Съ цѣлью отвлечь часть непріятеля отъ Измаила и тѣмъ облегчить Мейндорфу овладѣніе имъ, корпусъ графа Каменскаго наступалъ къ Браилову, а генералъ Милорадовичъ со своими войсками двигался изъ Бухареста къ Журжѣ; главнокомандующій же находился при послѣднемъ корпусѣ.

3-го марта 1807 года, наканунѣ выступленія къ Журжѣ, войска получили приказаніе такого содержанія: «Завтра, 4-го числа, въ 3 часа пополудни, весь корпусъ выступаетъ изъ позиціи своей при Калугарянахъ и дер. Дадиловѣ двумя колоннами въ слѣдующемъ порядкѣ:

«Первая колонна, при коей будетъ находиться главнокомандующій, раздѣляется на четыре отдѣленія, которыя всѣ вообще идутъ одно за другимъ по большой журжевской дорогѣ до дер. Даи. 1-е отдѣленіе наступаетъ правымъ флангомъ и состоитъ изъ 2-хъ

---

4) 2 баталіона Апшеронскаго полка, 6-й Егерскій полкъ, два эскадрона Чугуевскаго драгунскаго полка, 400 казаковъ донскаго Мелентьева полка, 4 орудія полевыхъ и 2 орудія донской батареи, піонерная рота и 200 человѣкъ сербовъ и арнаутовъ.

сотенъ казаковъ Мелентьева, части пѣшихъ стрѣлковъ (Апшеронскаго полка); за нимъ въ 300 шагахъ идетъ другая часть пѣшихъ стрѣлковъ (Апшеронскаго полка), рота піонеръ, 2 орудія, гренадерскій баталіонъ Апшеронскаго полка, три батарейныхъ орудія, мушкетерскій баталіонъ Апшеронскаго полка, два орудія, за коими слѣдуетъ часть пѣшихъ стрѣлковъ и сотня казаковъ;

«2-е отдѣленіе идетъ правымъ флангомъ и состоитъ изъ 10 эскадроновъ драгунъ и части пѣшихъ стрѣлковъ Апшеронскаго полка. Обоими отдѣленіями командуетъ генералъ-лейтенантъ Милорадовичъ.

«3-е отдѣленіе идетъ также правымъ флангомъ и состоитъ изъ 4-хъ эскадроновъ 1-ой сотни и 2-хъ баталіоновъ егерей.

«4-е отдѣленіе—7 эскадроновъ, одна сотня, 3 баталіона пѣхоты, пѣшіе стрѣлки и 16 орудій.

«Вторая колонна—генералъ-маіора Исаева—направляется изъ дер. Дадилова къ дер. Фресина; сосредоточившись у послѣдней, весь корпусъ располагается на привалъ, выставя тотчасъ передовые посты и соблюдая всевозможную тишину; огней отнюдь не раскладывать, дабы не открыть тѣмъ приближеніе къ непріятелю»[5].

Изъ распредѣленія Апшеронскаго полка по отдѣленіямъ мы встрѣчаемъ только гренадерскій и одинъ мушкетерскій баталіоны (2-ой); 1-ый же баталіонъ, подъ командою подполковника Кондратьева, временно оставался въ гор. Яссахъ, а въ концѣ февраля выступилъ въ Бухарестъ, на соединеніе съ полкомъ.

8,000-ный непріятельскій отрядъ изъ кавалеріи и части пѣхоты, расположенъ былъ около Журжи въ с.с. Турбатѣ, Чатырджи-оглу (Чатыржоглу) и Назырѣ, укрѣпленныхъ непріятелемъ различными окопами.

Едва стемнѣло, какъ пошелъ сильный дождь, продолжавшійся всю ночь; тѣмъ не менѣе, русскія войска, не взирая на сильный холодъ, не раскладывали огней, чтобы не дать тѣмъ знать непріятелю о своемъ приближеніи.

Во время короткаго привала, генералъ Михельсонъ объявилъ диспозицію къ бою, согласно которой надлежало: первому отдѣленію 1-ой колонны, пройдя д. Даи и мостъ за нею, выстроить каре и слѣдовать до д. Турбата, гдѣ и атаковать непріятеля; второму отдѣленію, пройдя вышеупомянутый мостъ, наступать къ Турбату, держась лѣвѣе перваго карре и имѣя кавалерію на правомъ флангѣ.

Третьему отдѣленію, пройдя мостъ, выстроить карре, имѣя съ обоихъ фланговъ кавалерію, и двигаться къ с. Чатырджи-оглу.

Четвертое отдѣленіе, пройдя мостъ, выстраиваетъ карре и составляетъ общій резервъ первой колонны. Одновременно съ атакой первыхъ трехъ отдѣленій, генералъ-маіоръ Исаевъ, со 2-ой колонною, долженъ подоспѣть къ Чатырджи-оглу и атаковать правый флангъ непріятельской позиціи;—выступленіе колонны изъ Фресина назначено часомъ раньше[6].

Согласно диспозиціи боя всѣ войска, въ полдень, 5-го марта, выступили изъ д.д. Даи и Фресина. Генералъ-маіоръ Уланіусъ, съ 3-мъ отдѣленіемъ, спустившись съ горъ у Даи и пройдя мостъ, построилъ свои войска въ карре. Генералъ Милорадовичъ съ первыми двумя отдѣленіями пошелъ прямо къ Турбату.

Приблизясь къ Чатырджи, генералъ Исаевъ открылъ по вышедшимъ къ нему навстрѣчу толпамъ турокъ артиллерійскій и ружейный огонь, послѣ чего стрѣлки, при поддержкѣ слѣдовавшей за ними пѣхоты, выбили непріятеля изъ передовыхъ окоповъ, а карре

5) Дѣло № 1348. Военно-Ученый архивъ.
6) Тамъ же.

Уланіуса отрѣзало ему путь отступленія къ Журжѣ. На предложеніе сдаться турки отвѣтили отказомъ и, отступя въ задніе окопы, рѣшились драться до послѣдней крайности. Наступившая темнота ночи помѣшала немедленному штурму окоповъ и атака отложена была до разсвѣта. Ночью турки произвели вылазку, съ цѣлью прорваться сквозь линію окружившихъ ихъ русскихъ войскъ. Первая вылазка не увѣнчалась успѣхомъ и непріятель былъ вогнанъ въ окопы; тогда турки кинулись къ той сторонѣ, гдѣ стояла наша кавалерія и, хотя съ большою потерею, все-таки успѣли прорвать окружавшее ихъ кольцо русскихъ войскъ и бѣжали къ Журжѣ.

Въ то время, какъ происходилъ бой у Чатырджи-оглу, Милорадовичъ подошелъ къ Турбату, гдѣ и былъ встрѣченъ большими силами турокъ. Казаки, завязавшіе перестрѣлку съ непріятелемъ, а когда приблизилось карре, приняли вправо, къ горамъ. Генералъ Милорадовичъ, продолжая наступленіе, открылъ орудійный огонь, принудившій противника отступить въ Турбатъ, гдѣ турецкая пѣхота укрѣпилась въ домахъ, землянкахъ, за плетнями, а кавалерія потянулась влѣво, угрожая обходомъ нашему правому флангу. Въ подкрѣпленіе казакамъ Милорадовичъ отправилъ два эскадрона кавалеріи, а стрѣлковъ Апшеронскаго и Орловскаго полка, подъ командою маіора Шрамченко (командиръ 2-го мушкетерскаго баталіона), послалъ выбить турокъ изъ Турбата.

Съ каждой минутой сраженіе разгоралось; непріятель постоянно получалъ подкрѣпленія, отрядъ его конницы показался со стороны Журжи и направился въ тылъ нашимъ войскамъ. Тогда генералъ Михельсонъ отправилъ въ подкрѣпленіе Милорадовича всю кавалерію, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ребиндера, который, атаковавъ и опрокинувъ турецкую конницу, гналъ ее три версты по журжевской дорогѣ.

Между тѣмъ стрѣлки ворвались въ Турбатъ, гдѣ и завязался упорный, рукопашный бой. Уцѣлѣвшая часть турокъ отступила въ окруженный глубокимъ рвомъ замокъ байрактара. Когда на предложеніе выйти изъ замка и сдаться непріятель отвѣтилъ выстрѣлами, то главнокомандующій приказалъ подвезти батарейныя орудія, начавшія ядрами громить замковыя стѣны. Вскорѣ почти весь замокъ пришелъ въ разрушеніе и стрѣлки двинулись на штурмъ. Не болѣе какъ въ четверть часа замокъ былъ взятъ, и всѣ защитники его погибли подъ штыками солдатъ.

Такъ закончилось сраженіе 5-го марта, ознаменовавшее наши войска еще одною побѣдою. На ночь русскій корпусъ расположился такимъ образомъ: войска Исаева и Уланіуса — у Чатырджи-оглу; Милорадовичъ со своими отдѣленіями — при Турбатѣ, а 4-е отдѣленіе стало у сел. Каратъ и выставило наблюдательные посты по журжевской дорогѣ. Ночь прошла спокойно. Въ полдень, 6-го марта, со стороны Журжи показались семь непріятельскихъ колоннъ, состоявшихъ изъ пѣхоты и кавалеріи, которыя, сбивъ наши передовые посты, постепенно подвигались къ расположенію русскихъ войскъ. Тогда генералъ Михельсонъ приказалъ всѣмъ карре идти на встрѣчу противнику. Правый флангъ боевой нашей линіи, подъ начальствомъ самого Милорадовича, составили: карре изъ двухъ баталіоновъ Апшеронскаго полка, вся кавалерія и 6 орудій; центръ — карре генералъ-маіора Бахметева (4-е отдѣленіе), а лѣвый флангъ — карре генераловъ Уланіуса и Исаева; въ резервѣ, у Турбата, оставлено 2 баталіона пѣхоты и одна батарея.

Непріятель вначалѣ сильно потѣснилъ шедшихъ впереди казаковъ; но, высланная въ поддержку имъ, вся корпусная кавалерія принудила турокъ отступить. Когда приблизилась русская пѣхота, то непріятель зажегъ ближайшія къ Журжѣ селенія и форштаты, а самъ удалился въ крѣпость. Не имѣя намѣренія штурмовать Журжи, генералъ Михельсонъ возвратился съ войсками въ Турбатъ, а отсюда, спустя три недѣли, направился къ Бухаресту.

Въ двухдневномъ сраженіи съ турками русскій корпусъ лишился 4 оберъ-офицеровъ и 344 нижнихъ чиновъ убитыми, и 10 оберъ-офицеровъ и 170 нижнихъ чиновъ ранеными. Непріятель потерялъ около 1,500 человѣкъ убитыми и ранеными, и, сверхъ того, взято нами пять знаменъ.

Потери Апшеронскаго полка отдѣльно не показаны.

Между тѣмъ въ Турціи не прекращались безпорядки; 28-го мая произошелъ въ Константинополѣ бунтъ янычаръ, которые свергли Селима III и провозгласили султаномъ сына бывшаго султана Абдулъ-Гамида — Мустафу, подъ именемъ Мустафы IV. Новый султанъ рѣшилъ продолжать войну съ Россіею. Еще при свергнутомъ султанѣ Селимѣ 80-ти-тысячная армія, подъ начальствомъ верховнаго визиря Ибрагимъ-паши, сосредоточилась, въ началѣ 1807 г., у кр. Шумлы. Отсюда Ибрагима-паша, раздѣливъ армію на два корпуса, 30 марта двинулся къ Силистріи и Журжѣ. Главный ударъ направлялся на корпусъ Милорадовича: въ то время, когда одна часть арміи наступала отъ Журжи къ Бухаресту, другая—быстро двигалась изъ Силистріи, съ цѣлью отрѣзать Валашскому корпусу сообщенія съ тыломъ и затѣмъ уничтожить его.

Новое положеніе дѣлъ въ столицѣ принудило Ибрагима-пашу временно пріостановиться исполненіемъ задуманнаго плана и ожидать повелѣній султана Мустафы IV. Но пока верховный визирь бездѣйствовалъ, рущукскій паша Мустафа Байрактаръ переправился, у Журжи, на лѣвый берегъ Дуная и сталъ лагеремъ около м. Слободзеи.

Узнавъ о движеніи главной турецкой арміи отъ Шумлы и о переходѣ войскъ Мустафы Байрактара въ Слободзею, генералъ Милорадовичъ понялъ опасное положеніе своего корпуса. Главная опасность угрожала со стороны Силистріи, откуда непріятель, черезъ гор. Обилешти, могъ направиться къ Бухаресту — и тогда нашъ малочисленный корпусъ, атакованный съ двухъ сторонъ превосходными силами противника, долженъ былъ неминуемо потерпѣть пораженіе. Но какъ до конца мая непріятель не двигался впередъ, то тѣмъ временемъ Милорадовичъ отправилъ всѣ продовольственные припасы и войсковыя тяжести въ Урзичени, а больныхъ, на подводахъ, отослалъ въ Фокшаны. Паника, обуявшая жителей, при извѣстіи о наступленіи турокъ, была настолько велика, что вскорѣ городъ и окрестныя села совершенно опустѣли, а безконечные обозы съ разнымъ имуществомъ потянулись изъ Бухареста къ Яссамъ и дальше, къ границамъ Австріи. Ни увѣренія Милорадовича, ни полное спокойствіе русскихъ войскъ, остававшихся въ городѣ и ближайшихъ деревняхъ, не могли подѣйствовать на валаховъ, твердо убѣжденныхъ, что русскихъ постигнетъ неминуемое пораженіе и поголовная гибель. Въ Бухарестѣ царили полный безпорядокъ и смятеніе.

Наконецъ, 29-го мая, пришли первыя вѣсти о дальнѣйшемъ наступленіи непріятеля: 30,000 корпусъ, на лодкахъ, переправился черезъ Дунай у гор. Калараша и двинулся къ Обилешти; передовой непріятельскій конный отрядъ появился уже и у Обилешти и сбилъ находившійся здѣсь казачій постъ. Для прикрытія Бухареста съ этой стороны, генералъ-маіоръ Уланіусъ, стоявшій съ отрядомъ у с. Синешти, выслалъ къ Обилешти батальонъ съ двумя орудіями и сотней казаковъ. Одновременно съ наступленіемъ турокъ къ Обилешти, другой непріятельскій корпусъ въ 24,000 ч. переправился черезъ Дунай у Слободзеи.

Невзирая на движеніе такихъ грозныхъ силъ, генералъ Милорадовичъ не только не унывалъ, но и надѣялся еще разбить турокъ. Въ случаѣ, если бы корпусу, подавляемому численностью противника, пришлось отступать, то «храбрость моихъ войскъ, писалъ Михаилъ Андреевичъ генералу Михельсону, соединитъ меня съ корпусомъ графа Каменскаго».

Зная, что мосты на р.р. Аржисѣ и Саборѣ, вслѣдствіе ихъ разлива, снесены, такъ что сосредоточенный у Слободзеи непріятельскій корпусъ не можетъ въ скоромъ времени двинуться къ Бухаресту, Милорадовичъ оставилъ только у Калугарени незначительный наблюдательный отрядъ, а самъ съ главными силами своего корпуса рѣшился направиться къ Обилешти и атаковать сосредоточивающіяся здѣсь части турецкой арміи. Въ случаѣ удачи, Милорадовичъ достигалъ весьма важныхъ результатовъ: корпусъ могъ своевременно возвратиться въ Бухарестъ, и тогда Мустафа Байрактаръ не рѣшился бы самостоятельно, безъ поддержки отъ Обилешти, наступать къ Бухаресту.

За исключеніемъ небольшаго отряда генералъ-маіора Исаева, стоявшаго въ Верхней Валахіи, и генералъ-маіора Мичурина, который, съ однимъ баталіономъ и небольшимъ числомъ кавалеріи, отправленъ былъ къ Слободзеѣ, всѣ остальныя войска Валашскаго корпуса, численностью не свыше 7,000 человѣкъ, собрались 31-го мая въ Бухарестъ. Генералъ Милорадовичъ раздѣлилъ ихъ на двѣ колонны: первую, подъ начальствомъ генералъ-маіора Уланіуса, составляли два баталіона Апшеронскаго полка, 6-й егерскій полкъ, по два эскадрона Бѣлорусскаго гусарскаго и Житомірскаго драгунскаго полковъ, одинъ эскадронъ Чугуевскаго драгунскаго полка, Черносербскіе гусары, Донскіе казачьи полки Мелентьева и Чернушкина и 5 орудій. Вторая колонна — генералъ-маіора Бахметева — состояла изъ Сибирскаго гренадерскаго полка и одного баталіона Олонецкаго мушкетерскаго полка, 3 эскадроновъ Бѣлорусскаго гусарскаго и трехъ эскадроновъ Чугуевскаго казачьяго полковъ и 3 сотенъ донскихъ казаковъ, при 11 орудіяхъ.

Принявъ всѣ мѣры осторожности, чтобы непріятель заблаговременно не узналъ о движеніи отряда къ Обилешти, генералъ Милорадовичъ, въ ночь на 1-е іюня, выступилъ изъ Бухареста по дорогѣ на с. с. Писари и Солиманъ, а часть кавалеріи послалъ къ с. Пирань, для обезпеченія своего праваго фланга. Отъ Бухареста до Обилешти около 50 верстъ; дойдя до Писари, войска расположились здѣсь на ночлегъ. Было еще темно, когда Милорадовичъ снялся съ бивака, и съ разсвѣтомъ 2-го іюня, былъ уже въ виду Обилешти. Извѣщенный пикетами о приближеніи русскихъ, командующій турецкими войсками, Али-паша, въ намѣреніи принять сраженіе, построилъ часть своего корпуса впереди лагеря. Численность передовыхъ турецкихъ силъ не превышала 18,000; остальныя, хотя уже и переправились черезъ Дунай, но еще не успѣли подойти къ мѣсту боя. Генералъ Милорадовичъ рѣшилъ немедленно атаковать противника, для чего и построилъ войска въ пять карре, параллельно непріятельскому фронту: два Апшеронскіе баталіона образовали центральное карре, подъ начальствомъ своего полковаго командира, подполковника Рейхеля; артиллерія стала между карре; во второй линіи и въ общемъ резервѣ находились стрѣлки, собранные со всѣхъ полковъ, и кавалерія, расположившаяся по флангамъ крайнихъ карре. Когда русскія перестроились въ боевой порядокъ и двинулись къ непріятельской позиціи, Али-паша съ чрезвычайною стремительностью атаковалъ всею конницею своего корпуса нашъ лѣвый флангъ; несмотря на открытый нами сильный артиллерійскій и ружейный огонь, турки, одновременно обрушились на лѣвофланговое карре и окружили стоявшіе на лѣвомъ флангѣ три эскадрона Бѣлорусскаго гусарскаго полка, которымъ, однако, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Палена, удалось пробиться сквозь окружившія ихъ массы конницы, а атака на пѣхотное карре была отбита ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Съ цѣлью поставить непріятеля подъ перекрестный огонь, въ случаѣ повторенія нападенія, Милорадовичъ приказалъ двумъ правофланговымъ и Апшеронскому карре выдвинуться впередъ. Турки поняли этотъ маневръ и, сосредоточивъ сильный артиллерійскій огонь по Апшеронскимъ баталіонамъ, атаковали оба правофланговыя карре. Какъ разъ передъ первымъ карре, непріятельская конница неожиданно встрѣтила

глубокій оврагъ, въ которомъ и столпилась, не имѣя возможности выбраться на противоположную сторону. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась наша артиллерія, начавшая громить турокъ картечью, а правофланговое карре разстрѣливало непріятеля во флангъ. Понеся огромныя потери, непріятельская конница кое-какъ выбралась изъ оврага и въ полномъ безпорядкѣ бѣжала, преслѣдуемая нашей кавалеріей. Тогда Али-паша выбралъ новую позицію для боя у д. Обилешти-ноу, гдѣ и намѣревался обороняться; но Милорадовичъ повелъ всѣ карре на штурмъ: наши войска штыками сбивъ противника съ позиціи, принудили его къ отступленію на всѣхъ пунктахъ. Въ 2 часа пополудни сраженіе повсюду завершилось, и непріятель, потерпѣвъ полное пораженіе, бѣжалъ къ Силистріи, преслѣдуемый на разстояніи 10 верстъ всею русскою кавалеріею. При Обилешти турки потеряли до 3,000 убитыми и ранеными, сверхъ того, отбито у нихъ 3 знамени, одна пушка, два тулумбаса и множество разнаго рода имущества. Съ нашей стороны убито: 2 оберъ-офицера и 13 нижнихъ чиновъ; ранено: 3 оберъ-офицера и 273 нижнихъ чина. *Въ Апшеронскомъ полку убито 2 ниж. чин. и ранены подпоручикъ Куринъ и 31 нижній чинъ*[7].

Послѣ кратковременнаго отдыха, Милорадовичъ въ тотъ же день выступилъ и вечеромъ 3-го іюня прибылъ къ Бухаресту. Быстрое возвращеніе русскихъ войскъ спасло городъ отъ разграбленія, ибо Мустафа Байрактаръ, сбивъ наши передовые посты, уже подступалъ къ столицѣ Валахіи, и находясь всего только въ полу-переходѣ отъ Бухареста, отступилъ, узнавъ о пораженіи Али-паши, и возвращеніи Милорадовича. Велика была радость жителей при вѣсти о побѣдѣ нашей надъ турками: все гордское населеніе, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣтило русскихъ у городскихъ воротъ и восторженными криками привѣтствовало побѣдителей. Всѣ дома были разукрашены разноцвѣтными флагами и коврами; по пути слѣдованія войскъ бросали вѣнки, а красивыя валахскія боярыни, одѣтыя во все бѣлое, осыпали солдатъ цвѣтами; кромѣ того, горожане дали рядъ блестящихъ баловъ, въ честь русскихъ офицеровъ.

Пораженіе турокъ у Обилешти, независимо спасенія Бухареста, имѣло и другое весьма важное послѣдствіе: оно остановило дальнѣйшее наступательное дѣйствіе турецкой арміи, и верховный визирь отступилъ на правый берегъ Дуная.

Послѣдующія военныя дѣйствія 1807 года закончились осадой кр. Измаила, которой намъ не удалось взять.

Согласно одного изъ параграфовъ Тильзитскаго мира, заключеннаго 27 іюня 1807 г., между Императорами Александромъ I и Наполеономъ, послѣдній принялъ на себя посредничество къ примиренію Россіи съ Турціи; поэтому, 2 августа, состоялось Слободзейское перемиріе на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Прекратить военныя дѣйствія на морѣ и на сушѣ.
2) Въ случаѣ незаключенія мира, военнымъ дѣйствіямъ начаться не прежде 3-го апрѣля 1808 года.
3) Россійскія войска обязаны очистить всѣ занятыя ими земли и крѣпости, принадлежащія Портѣ, въ теченіи 35 дней, считая со дня подписанія перемирія. Вся артиллерія и военные снаряды, находившіеся въ занятыхъ областяхъ и крѣпостяхъ, до вступленія россійскихъ войскъ, будутъ оставлены туркамъ, которые равномѣрно выступятъ изъ Молдавіи и Валахіи, оставя достаточные гарнизоны въ крѣпостяхъ Измаилѣ и Браиловѣ. Договаривающимся сторонамъ не вмѣшиваться въ управленіе княжествъ, до прибытія чиновниковъ, назначенныхъ къ мирнымъ переговорамъ

7) Московское отдѣленіе архива Главнаго штаба. Строевой рапортъ полка за іюнь мѣсяцъ 1807 года.

(т. е. къ переговорамъ о самомъ мирѣ). Туркамъ не занимать крѣпостей, очищенныхъ русскими войсками, и т. д.[8]

Условія перемирія подписаны были уполномоченными: со стороны русскихъ — Лошкаревымъ, турецкимъ — Гулибъ-Эфенди и французскимъ полковникомъ Гильемино.

Апшеронскій полкъ въ продолженіи второй половины 1807 года оставался въ Бухарестѣ. Еще до заключенія перемирія въ Молдавію и Валахію наѣхали изъ Россіи офицерскія жены, и нѣкоторыя изъ нихъ жили въ лагеряхъ, въ палаткахъ, вмѣстѣ со своими мужьями. Это обстоятельство вносило не малый безпорядокъ въ строй военной жизни русской арміи и вынудило главнокомандующаго, генерала Михельсона, отдать слѣдующій приказъ: «Рекомендуется всѣмъ господамъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, имѣющимъ при себѣ своихъ супругъ, что такъ какъ Высочайшаго соизволенія не имѣется быть онымъ въ войскахъ, дѣйствующихъ противъ непріятеля, то должны онѣ возвратиться въ Россію, или, по крайней мѣрѣ, въ Яссы»[9].

На зиму полкъ расположился: 1-й баталіонъ въ мѣстечкѣ Слатинѣ, а гренадерскій и 2-й мушкетерскій въ Бухарестѣ[10].

19 августа 1807 года генералъ-отъ-инфантеріи Михельсонъ умеръ и, вмѣсто него, главнокомандующимъ назначенъ фельдмаршалъ князь Прозоровскій.

По прибытіи къ арміи, князь Прозоровскій, осмотрѣвъ всѣ части войскъ, послѣ чего отдалъ приказъ требовавшій кроткаго обращенія съ жителями и воздержаться отъ всякихъ противъ нихъ насилій. «Званіе солдата», говорилось въ приказѣ, есть званіе честное, какъ сказано Петромъ Великимъ въ воинскихъ указаніяхъ. Дисциплина есть душа службы, безъ которой никакихъ военныхъ успѣховъ ожидать не можно.

«Бессарабія сдѣлалась степью отъ своевольства и распутства фурщиковъ и деньщиковъ; а между тѣмъ армія можетъ быть расположена въ ней по квартирамъ и во всемъ нуждаться.

«Обидъ и притѣсненій обывателямъ не дѣлать. Такъ называемыхъ мародеровъ, съ недавнихъ временъ въ арміи извѣстныхъ, въ войскахъ, ни подъ какимъ видомъ, не терпѣть»[11].

Главнокомандующій учредилъ постоянные госпиталя въ Яссахъ, Бендерахъ и Хотинѣ, и частные лазареты въ раіонахъ квартированія дѣйствующей арміи; уменьшилъ обозы въ частяхъ войскъ и въ каждомъ полку приказалъ имѣть: патронныхъ ящиковъ 12; палаточныхъ — 12, повозокъ для больныхъ, по одной на баталіонъ, — 3; провіантскихъ фуръ — 10; одну повозку для различныхъ инструментовъ; солдатскихъ артельныхъ повозокъ, считая по одной на роту, — 12.

Князь Прозоровскій подтвердилъ приказъ генерала Михельсона отъ 14 іюня, и приказомъ, отъ 12 марта 1808 года, запретилъ офицерскимъ женамъ находиться при войскахъ, допустивъ въ каждомъ полку имѣть «только по шести бабъ, въ качествѣ прачекъ», которымъ полагались особыя повозки и онѣ слѣдовали при тяжеломъ обозѣ.

Въ виду развившейся въ концѣ 1807 и въ началѣ 1808 года болѣзненности въ войскахъ, князь Прозоровскій обратилъ особенное вниманіе на доброкачественность пищи въ войсковыхъ частяхъ и обязалъ корпусныхъ командировъ и другихъ начальниковъ инспектировать провіантскіе магазины, смотрители которыхъ производили большія злоупотребленія. Недоброкачественность продуктовъ, въ связи съ непривычными климатическими усло-

[8]) Петровъ. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 г. Томъ I, стр. 275.
[9]) Приказъ по арміи 14 іюня 1807 года. Дѣло № 1360 (А). Военно-Ученый Архивъ.
[10]) Планъ квартирнаго расположенія арміи.
[11]) Дѣло № 1343. Военно-Ученый Архивъ

віями, создали въ войскахъ огромное количество больныхъ, большею частью тифозною горячкой. Въ отчетахъ Апшеронскаго полка за второе полугодіе 1808 года намъ пришлось встрѣтить поразительныя цифры больныхъ: офицеровъ — 16 и нижнихъ чиновъ 209; повидимому, въ это время болѣзнь приняла эпидемическій характеръ, и число жертвъ ея не уменьшалось [12].

Главнокомандующій требовалъ, чтобы всѣ начальники твердо обучили свои части быстро переходить изъ одного построенія въ другое при перемѣнѣ фронта; каждое движеніе должно было производиться колоннами и для встрѣчи непріятеля перестраиваться въ баталіонныя карре. Рекомендованныя княземъ Прозоровскимъ построенія изъ развернутаго фронта колонны и наоборотъ дѣлались точно такимъ же образомъ, какъ дѣлается это и теперь; такъ, напримѣръ, въ первомъ случаѣ головной взводъ шелъ прямо, обыкновеннымъ шагомъ, а остальные вытягивались въ колонну учащеннымъ шагомъ или бѣгомъ, слѣдуя по діагонали впередъ. Во время боя пѣхота всегда строилась въ баталіонныя карре, въ разстояніи не менѣе 300 шаговъ, словомъ — съ такимъ разсчетомъ, чтобы пули изъ одного карре не залетали въ другое. Такой разсчетъ, между прочимъ, даетъ намъ нѣкоторую характеристику вооруженія тогдашняго времени и цѣлесообразности ружейнаго огня, который уже на 300 шаговъ становился недѣйствительнымъ. И все-таки главнокомандующій, вопреки мнѣнію нашего знаменитѣйшаго полководца Суворова, отдавалъ предпочтеніе ружейному огню, несмотря на все несовершенство послѣдняго. «Въ штыки отнюдь не метаться», писалъ князь Прозоровскій въ одномъ изъ предписаній своихъ генералъ-лейтенанту Эссену: «отъ того можете быть совершенно разбиты; а огнемъ и въ строевомъ порядкѣ себя держа, можете втрое сильнѣйшаго отъ себя непріятеля вѣрно разбить».

Такимъ образомъ, жизнь Апшеронскаго полка въ Турціи, въ продолженіи полутора года, пока велись переговоры о мирѣ, мало чѣмъ отличалась отъ мирнаго времени: ученья, смотры, караулы, обученіе стрѣльбѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ полкъ вышелъ въ дивизіонный лагерь и расположился у рѣки Сабора, а въ Бухарестѣ для занятія караула остался 1-й баталіонъ.

На зиму Апшеронскіе баталіоны размѣстились около Бухареста, въ селеніяхъ: Витинѣ, Мирнуцѣ, Добрешти, Пинтолиманѣ, Моричерни, Пилакоцелѣ, Дудушти и Тингану [13].

Изъ перемѣнъ въ полку отмѣтимъ отдѣленіе отъ него 1-го баталіона, отправленнаго на образованіе особаго резервнаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Эссена; этотъ баталіонъ, состоя въ отрядѣ генералъ-маіора Исаева 1-го, размѣстился въ м. Слатинѣ.

Между тѣмъ переговоры о мирѣ не привели къ желаемымъ результатамъ и, въ началѣ 1809 года, предполагалось открыть военныя дѣйствія. Русская армія имѣла слѣдующее расположеніе: отрядъ генерала Исаева — по р. Дунаю, между Краіовомъ и Слатиномъ; корпусъ генерала Милорадовича придвинулся къ Дунаю и стоялъ въ м.м. Копочени, Мавродино, Негоешти, Будешти и др.; авангардъ главной арміи — у Бузео; а главныя силы, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Голенищева-Кутузова, — въ Фокшанахъ и его окрестностяхъ; корпусъ же генералъ-лейтенанта графа Ланжерона — между озерами Ялпухомъ и Сесикомъ.

Согласно составленнаго княземъ Прозоровскимъ плана кампаніи, весною 1809 года надлежало овладѣть турецкими крѣпостями Журжею, Измаиломъ и Браиловымъ и перенести театръ военныхъ дѣйствій на правый берегъ Дуная.

Для овладѣнія Журжею назначался корпусъ Милорадовича, въ которомъ какъ извѣстно, находился и Апшеронскій полкъ.

[12]) Московское отдѣленіе Архива лавнаго штаба. Строевые рапорты за сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы.

[13]) Дѣло № 1351 Военно-Ученый архивъ.

22-го марта 1809 года перемиріе окончилось, и генералъ Милорадовичъ, имѣя предписаніе князя Прозоровскаго овладѣть Журжею, рѣшился немедленно штурмовать ее. Уже къ 20-му марта часть войскъ Валашскаго корпуса сосредоточилась въ Бухарестѣ, откуда предполагалось открыть наступленіе и, того же числа прибылъ сюда инженеръ генералъ-маіоръ Гартингъ, подъ руководствомъ котораго приступлено къ изготовленію лѣстницъ, фашинъ, туровъ и прочихъ принадлежностей для штурма.

22-го марта весь корпусъ передвинулся въ м. Фалаштокъ, на р. Аржисѣ, въ 45-ти верстахъ отъ Бухареста, гдѣ находился мостъ. На другой день генераломъ Милорадовичемъ дана диспозиція къ штурму. Весь корпусъ раздѣленъ былъ на 6 колоннъ; въ первой, подъ начальствомъ генералъ-маіора Палицына, находился Апшеронскій полкъ (собственно 2 баталіона)[14]. Въ д. Даѣ всѣ части войскъ получили фашины и по 6 штурмовыхъ лѣстницъ, которыя и несли съ собой.

Каждая колонна шла, имѣя впереди, въ видѣ авангарда, 20 казаковъ, за ними 20 піонеровъ съ плотниками, собранными съ баталіоновъ, 60 человѣкъ для носки лѣстницъ, за которыми слѣдовало 60 охотниковъ, по 20 отъ каждаго баталіона, потомъ 2 баталіона, а въ резервѣ баталіонъ, эскадронъ и сотня казаковъ. Всѣмъ войскамъ приказано было двигаться въ полномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ возможно большей тишины. «Прибытіе колоннъ къ крѣпости, писалъ Милорадовичъ въ диспозиціи, должно произойти по-утру, въ 4 часа; я буду находиться на правомъ флангѣ, между первою и второю колоннами, и сигналомъ къ штурму послужитъ ракета.

«Резерву колоннъ находиться отъ послѣднихъ не далѣе 200 шаговъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, своевременно подкрѣпить и принять на себя отступающія войска.

«Людямъ имѣть на себѣ трехдневный провіантъ; весь обозъ остается въ Фалаштокѣ, у переправы черезъ р. Кильништъ, подъ прикрытіемъ одного баталіона.

«Я знаю солдатъ, коими командую; въ успѣхѣ не сомнѣваюсь, а въ наблюденіи порядка увѣренъ. Господа генералы, командующіе частями, всѣ извѣстны своими подвигами; дѣло солдатъ—слѣдовать ихъ примѣру и повиноваться; малѣйшій безпорядокъ можетъ быть пагубенъ, и кто тому причиною будетъ — вреденъ чести и славѣ полковъ; я люблю добрыхъ солдатъ и истреблю виновниковъ.

«Когда ретрашементъ форштата будетъ занятъ, тутъ наиболѣе соблюдать устройство: ни одинъ не долженъ оставлять своего мѣста; въ улицахъ удвоить стараніе соблюсти порядокъ и поспѣшно достигнуть до крѣпости: — тогда побѣда, трубы, награды, успѣхъ, честь и слава»[15]!

Колоннами командовали генералъ-маіоры: Палицынъ (2-ою), Ставицкій (3-ею), Ушаковъ (4-ою); полковники: Толбухинъ (5-ою), Бриммеръ (2-ою) и Лопухинъ (6-ою). Послѣдняя колонна еще въ д. Даѣ отдѣлена отъ корпуса и направлена для овладѣнія Слободзеей, съ цѣлью не допустить въ Журжу непріятельскихъ подкрѣпленій изъ г. Рущука. Всего въ 6-ти колоннахъ находилось 16 баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ и 6 сотенъ казаковъ, при 24 орудіяхъ.

Апшеронскіе баталіоны, подъ непосредственнымъ начальствомъ своего полковаго коман-

[14]) Первая колонна —гренадерскій и 2-й мушкетерскій баталіоны Апшеронскаго, баталіонъ Сибирскаго гренадерскаго полковъ, эскадронъ гусаръ, сотня казаковъ и 4 орудія и 20 человѣкъ піонеръ. Вторая — 2 баталіона Малороссійскаго гренадерскаго и баталіонъ Олонецкаго мушкетерскаго полковъ. Третья — 2 баталіона Новоингерманландскаго и баталіонъ Олонецкаго мушкетерскаго полковъ. Четвертая — 2 баталіона Одесскаго мушкетерскаго и баталіонъ 6-го егерскаго полковъ. Пятая — 2 баталіона Орловскаго мушкетерскаго и баталіонъ 6-го егерскаго полковъ. Шестая —баталіонъ Сибирскаго гренадерскаго полка.

Кромѣ пѣхоты, въ каждой колоннѣ находилось по эскадрону кавалеріи, сотнѣ казаковъ и по 4 орудія.

[15]) Дѣло № 1352. Военно-Ученый Архивъ.

дира, полковника Рейхеля, шли во главѣ штурмующей колонны и первыми должны были броситься въ атаку. Ротами баталіона командовали въ гренадерскомъ баталіонѣ: 1-й маіоръ Штерхъ (онъ же командиръ баталіонъ), 2-й — маіоръ Морозовъ 1-й, 3-й — капитанъ Краснокутскій, 4-й — маіоръ Морозовъ 2-й; во второмъ мушкетерскомъ баталіонѣ: 1-й — маіоръ Марченко (онъ же командиръ баталіона), 2-й — капитанъ Николевъ, 3-й — капитанъ Скальскій 1-й и 4-й — маіоръ Тулаевъ.

24-го марта, около 4 часовъ утра, наши войска подошли къ Журжѣ, твердыни которой уже не первый разъ приходилось видѣть Апшеронцамъ: въ 1771 году два раза брали они ее штурмомъ и не мало пролили своей крови на ея стѣнахъ. И теперь, спустя 38 лѣтъ, Апшеронцамъ, по роковой случайности, снова пришлось очутиться передъ знакомой уже имъ турецкой крѣпостью.

Въ 1809 году журжинскія укрѣпленія повидимому имѣли тотъ же характеръ, какъ и въ 1771 году; только со стороны поля защита крѣпости усилена была особымъ ретраншементомъ, подходившимъ къ р. Дунаю. Положивъ вести атаку на правый и лѣвый фланги крѣпостной стѣны и ретраншемента, Милорадовичъ предварительно послалъ казачій полкъ Грекова къ д. Чатырджи-оглу, чтобы, занявъ ее, обезпечить лѣвый флангъ штурмующихъ войскъ, а затѣмъ двинулъ въ атаку 1, 2, 4 и 5 колонны. Наши войска быстро направились къ предмѣстью, и первою къ нему приблизилась колонна генерала Палицына, при которой находились Милорадовичъ и генералъ Гартингъ.

«Не взирая на сильную пальбу со стѣнъ крѣпости, Апшеронскіе баталіоны овладѣли окопами турокъ и всѣми орудіями, которыя стояли на валу»[16].

Перейдя ровъ, всѣ четыре колонны продолжали движеніе вдоль берега Дуная къ Журжевскому замку (крѣпость). Турки, защищавшіе передовыя укрѣпленія, большею частью легли подъ штыками нашихъ солдатъ, и только немногіе успѣли спастись подъ защиту стѣнъ замка, высокій валъ котораго не остановилъ стремленія русскихъ войскъ; но, къ сожалѣнію, здѣсь явилась непреодолимая преграда дальнѣйшимъ успѣхамъ. Какъ оказалось, журжинскія укрѣпленія сильно разнились отъ укрѣпленій, показанныхъ на имѣвшемся у насъ планѣ: глубокій двойной ровъ, о которомъ у насъ ничего не знали, затруднялъ приступъ, а лѣстницы оказались короткими. «Но храбрые солдаты, презирая опасность, втыкали штыки въ контръ-эскарпъ и взбирались по нимъ на валъ»[17].

Однако, ошеломленные вначалѣ отвагою русскихъ, турки вскорѣ опомнились: ободренный прибывшимъ изъ Рущука, на 17 судахъ, подкрѣпленіемъ, гарнизонъ Журжи удвоилъ усилія, чтобы сбросить взобравшихся на стѣны смѣльчаковъ и открылъ по нихъ орудійный огонь картечью. Несмотря на то, что штурмующія колонны уже успѣли взобраться на стѣны, онѣ, тѣмъ не менѣе, терпѣли страшный урокъ; 3-я колонна, посланная вести ложную фронтальную атаку, также успѣла взойти на стѣны, но понесла при этомъ большія потери и не могла исправить дѣло.

Между тѣмъ въ Журжу каждую минуту прибывали свѣжія толпы непріятеля. При такихъ обстоятельствахъ, не взирая на видимые успѣхи нашихъ войскъ, генералъ Милорадовичъ не счелъ возможнымъ продолжать приступъ, который могъ повлечь за собою только совершенно безполезную потерю людей, и приказалъ отступить колоннамъ; но разъяренные солдаты просили вторично вести ихъ на штурмъ. Только сильный пожаръ въ предмѣстьи крѣпости побудилъ русскихъ къ отступленію, которое и совершилось съ поразительнымъ порядкомъ и спокойствіемъ. Едва колонны стали отходить отъ стѣнъ,

---

[16]) Дѣло № 1352. Военно-Ученый Архивъ. Донесеніе генерала Милорадовича кн. Прозоровскому.
[17]) Тамъ-же.

какъ турки произвели вылазку, но моментально были опрокинуты и понесли большую потерю.

Въ то время, когда на стѣнахъ крѣпости кипѣлъ ожесточенный бой, 6-я колонна овладѣла Слободзейскимъ замкомъ и взяла тамъ 27 орудій, 22 знамени, громадные запасы пороху и провіанта; казачій Грекова полкъ, слѣдуя берегомъ Дуная, захватилъ одинъ изъ журжевскихъ бастіоновъ и въ немъ 4 орудія и 10 знаменъ.

Штурмующимъ колоннамъ, при взятіи съ бою окоповъ, досталось 32 знамени и 13 орудій, изъ которыхъ 7 очень тяжелыхъ были заклепаны.

Вообще же наши трофеи въ сраженіи 24-го марта заключались въ 44 орудіяхъ и 64 знаменахъ.

Потеря русскихъ войскъ, согласно донесенія генерала Милорадовича главнокомандующему, заключалась въ 700 чел. убитыми, и ранеными[18]. Апшеронскимъ баталіонамъ штурмъ Журжи стоилъ убитыми: *подпрапорщика Николая Тишкевича и 24 нижнихъ чиновъ;* ранены: *маіоръ Штерхъ, штабсъ-капитаны Бѣлецкій и Ермаковъ, подпоручикъ Пирожинскій, прапорщикъ Вержбицкій и 110 нижнихъ чиновъ*[19]. Непріятель, по показаніямъ плѣнныхъ, потерялъ до 2,000 человѣкъ.

Не смотря на блестящій штурмъ и обиліе трофеевъ, все-таки взять Журжи намъ не удалось.

Причину неудачи слѣдуетъ отнести къ неточности плана крѣпости и полному невѣдѣнію нашему о характерѣ ея, вслѣдствіе чего войскамъ на каждомъ шагу приходилось встрѣчать совершенно неожиданныя препятствія, а лѣстницы оказались даже недостаточной ширины.

Но баярдъ русской арміи, незабвенный Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ всю вину неудачнаго штурма принялъ на себя.

Въ своемъ донесеніи главнокомандующему отъ 25-го марта, онъ писалъ: «Я зналъ, что успѣхъ покроетъ славою корпусъ, а неудача падетъ на меня. Будь я эгоистъ, то не рѣшился бы на предпріятіе невѣрное; но на войнѣ удаются иногда предпріятія невѣрныя: надобно на нихъ отважиться»[20].

Государь Императоръ Александръ I не только не прогнѣвался на Милорадовича за отбитый штурмъ, но, напротивъ того, адъютанту его, привезшему донесеніе о сраженіи 24-го марта, пожаловалъ бриліантовый перстень, а генералу Милорадовичу повелѣлъ сообщить, что «неудача отнюдь не перемѣняетъ выгодныхъ о немъ мыслей Его Величества, объ усердіи его и знаніи военнаго искусства»[21].

Въ 5 часовъ пополудни, 24-го марта, русскія войска, отступивъ къ Даѣ, расположились около нея на высотахъ въ виду Журжи, а на другой день корпусъ, черезъ мѣстечки Петри и Фалаштокъ, возвратился въ Бухарестъ.

Главнокомандующій о штурмѣ Журжи отдалъ такой приказъ по арміи:

«Съ удовольствіемъ отличнымъ и съ утѣшеніемъ сердечнымъ вижу я изъ всѣхъ доходящихъ до меня донесеній, что въ поискѣ, предпринятомъ генералъ-лейтенантомъ Милорадовичемъ со ввѣреннымъ ему корпусомъ на кр. Журжу и замокъ Слободзею, увѣнчанномъ видимыми успѣхами, не только всѣ господа начальствующіе, но и подчиненные и нижніе чины, начиная со старшаго до младшаго, обнаружили отличную храбрость, неустрашимость и мужество, доказали то примѣрное рвеніе и ту неограниченную любовь къ своему Мо-

[18]) Дѣло № 1352. Военно-Ученый Архивъ.
[19]) Московское отдѣленіе архива главнаго штаба Строевой рапортъ полка за мартъ мѣсяцъ 1809 г.
[20]) Донесеніе г.-л. Милорадовича главнокомандующему отъ 25 марта 1809 г. Дѣло № 1352. Военно-Ученый Архивъ.
[21]) Дѣло № 1342. Военно-Ученый Архивъ.

нарху, коими сердца ихъ преисполнены, соблюли во всей точности предписанія начальства, сохранили со всею строгостью предначертанныя мною правила дисциплины и субординаціи и, побѣжденіемъ непріятеля пріобрѣтя себѣ новые лавры, воздержались отъ всякаго варварства и грабительства. Сими дѣяніями содѣлываютъ они себѣ отличную честь и утверждаютъ болѣе и болѣе славу имени знаменитаго Россійскаго Императорскаго воинства.

«Воздавая по обязанности званія моего, яко главнокомандующій арміею Его Императорскаго Величества, корпусу сему за таковые подвиги его надлежащую справедливость и совершенную похвалу, я не менѣе того имѣлъ уже счастіе всеподданнѣйше донести о всемъ томъ Государю Императору.

«Сей приказъ объявить всѣмъ чинамъ помянутаго корпуса»[22].

Не прошло и мѣсяца послѣ неудачи, какъ главныя силы русской арміи, подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Прозоровскаго, 19-го апрѣля, штурмовали крѣпость Браиловъ, но штурмъ окончился полной неудачей, и войска наши понесли огромныя потери.

Новая неудача нашего оружія вызвала со стороны Императора Александра I по поводу веденія войны въ Турціи вообще, и въ частности относительно штурмовъ, рядъ соображеній, высказанныхъ въ рескриптѣ Государя князю Прозоровскому. Императоръ совѣтовалъ, въ случаѣ штурма крѣпости, вводить для этой цѣли сразу возможно большее количество войскъ, а не посылать ихъ частями, и рекомендовалъ держаться системы приступа, «когда, посредствомъ пролома, густая колонна фронтомъ цѣлаго дивизіона можетъ войти въ крѣпость»[23].

Вообще же Государь совѣтовалъ, миновавъ крѣпости, переправиться на правый берегъ Дуная, перенестись за Балканы и у воротъ Константинополя предписывать условія мира. «Съ тѣхъ поръ, какъ переходятъ Альпы и Пиренеи, Балканскія горы для русскихъ войскъ не могутъ быть преградою!» писалъ Императоръ главнокомандующему[24].

Во исполненіе Высочайшей воли, князь Прозоровскій, въ половинѣ іюля, приступилъ къ необходимымъ приготовленіямъ для перехода черезъ Дунай и составилъ новое росписаніе арміи, согласно которому войска и сосредоточились въ слѣдующихъ пунктахъ.

Резервный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Ланжерона, расположился въ Валахіи, для охраны княжества отъ набѣговъ со стороны турокъ въ то время, когда главная армія будетъ оперировать за Дунаемъ.

Корпусъ генералъ-лейтенанта Милорадовича,— въ составѣ 12 баталіоновъ (по два баталіона отъ Апшеронскаго, Одесскаго и Орловскаго мушкетерскихъ, Сибирскаго и Малороссійскаго гренадерскихъ и 6-го егерскаго полковъ), 2 полковъ кавалеріи (Бѣлорусскаго гусарскаго и Кинбурнскаго драгунскаго), роты конной и 1/2 роты батарейной артиллеріи,— сосредоточился у Обилешти, съ цѣлью поддержки войскъ Ланжерона и стоявшаго у Слободзеи отряда генералъ-маіора Жилинскаго, на случай вторженія турокъ въ Валахію[25].

Корпусъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го — въ Бузео.

Авангардъ главной арміи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Платова, на правомъ берегу р. Серета, у дер. Привалъ.

Корпусъ генералъ-лейтенанта Засса — у гор. Галаца, въ 10 верстахъ отъ котораго устраивался мостъ черезъ Дунай.

Корпусъ генерала Засса переправился черезъ Дунай 27-го іюня, 31-го подошелъ къ крѣпости Исакчи и занялъ ее, а 1-го августа такъ же поступлено и съ кр. Тульчею.

[22]) Приказъ № 30 за 1809 г. Дѣло № 1343. Военно-Ученый Архивъ.
[23]) Дѣло № 1368. Военно-Ученый Архивъ.
[24]) Тамъ же.
[25]) Дѣло № 1343. Военно-Ученый Архивъ.

Въ день занятія Тульчи авангардъ Платова перешелъ черезъ Дунай, и 2-го августа вступилъ въ гор. Бабадагъ. 17-го числа отряду генерала Маркова, послѣ четырехдневной осады, сдалась кр. Мачинъ, имѣвшая весьма важное значеніе, какъ обезпечивавшая тылъ русской арміи при дальнѣйшемъ развитіи ея операцій на правомъ берегу Дуная.

Корпусъ Милорадовича до 10-го августа оставался на своей позиціи у Обилешти, а затѣмъ выступилъ черезъ Бухарестъ къ Галацу, на соединеніе съ главными силами. Войска Валашскаго корпуса предназначались въ помощь авангарду Платова, для овладѣнія кр. Гирсово.

По приказанію новаго главнокомандующаго, князя Багратіона, заступившаго мѣсто умершаго 9-го августа фельдмаршала князя Прозоровскаго, Милорадовичъ, для ускоренія марша, переправился 21 августа черезъ Дунай у Мачина и 26 числа прибылъ къ незадолго передъ тѣмъ сдавшейся крѣпости Гирсово. Съ приходомъ корпуса Милорадовича, на правомъ берегу Дуная сосредоточилась армія, численностью въ 25,000 чел., и князь Багратіонъ рѣшилъ предпринять наступательныя дѣйствія къ Силистріи, для овладѣнія этою крѣпостью.

Въ то время какъ главныя наши силы переправились уже черезъ Дунай и занимали одну крѣпость за другою, 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, находясь въ составѣ отряда генералъ-маіора Исаева, также принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ турками. Отрядъ Исаева расположенъ былъ въ Верхней Валахіи, для помощи сербамъ, которые, подъ предводительствомъ Кара Георгія, боролись за свою независимость. Въ августѣ мѣсяцѣ турецкая армія, дѣйствовавшая противъ сербовъ, сосредоточилась у м. Патко на Моравѣ и приготовлялась перейти черезъ эту рѣку.

Для связи съ сербскими войсками, генералъ Исаевъ отдѣлилъ отъ своего отряда два баталіона (баталіонъ 16-го егерскаго полка и по двѣ роты Апшеронскаго и Олонецкаго полковъ), при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Рыбникова, приказавъ ему занять и удержать островъ Кербовъ на Дунаѣ. Въ половинѣ августа Рыбниковъ перебрался на островъ. Въ ночь на 23-е августа значительныя силы турокъ переправились на островъ. Подполковникъ Рыбниковъ, увѣренный въ бездѣйствіи непріятеля, не принималъ никакихъ мѣръ осторожности и считалъ совершенно безполезнымъ усиливать островъ какими-либо фортификаціонными сооруженіями. Онъ двинулся противъ турокъ съ тремя ротами; но, подавляемый громаднымъ большинствомъ, принужденъ былъ отступить, потерявъ орудіе, для спасенія котораго, во что бы то ни стало, Рыбниковъ повелъ въ атаку роту Апшеронскаго полка. Солдаты наши дрались съ замѣчательнымъ мужествомъ и успѣли вырвать у непріятеля пушку, охвативъ которую руками, храбрый Рыбниковъ палъ, пораженный кинжалами янычаръ. Начальство надъ отрядомъ принялъ егерскаго полка маіоръ Глѣбовъ. Ожесточенное сраженіе продолжалось уже цѣлый день; непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ полудостроенное укрѣпленіе наше и осыпалъ его градомъ артиллерійскихъ снарядовъ, изъ батарей, устроенныхъ на берегу Дуная, изъ пушекъ своей флотиліи.

Развѣдавъ намѣреніе турокъ отрѣзать гарнизону путь отступленія къ переправѣ, Глѣбовъ, для обезпеченія себя въ этомъ отношеніи, послалъ къ самому мѣсту переправы команду егерей пробиться къ ней. Съ цѣлью отступить на лѣвый берегъ Дуная, онъ въ 7 часовъ пополудни, двинулъ изъ укрѣпленія двѣ роты — Апшеронскаго и егерскаго полковъ, при одномъ орудіи, приказавъ имъ обойти непріятеля съ лѣвой стороны. «Высланная колонна сбила противника со всѣхъ занятыхъ имъ пунктовъ и гнала его до самой переправы на правый берегъ, причиняя немалый уронъ» [26]; только часть турокъ засѣла въ брошенныхъ

[26]) Дѣло № 1384. Донесеніе князя Багратіона отъ 6-го сентября за № 960. Военно-Ученый Архивъ.

нами редутѣ и батареѣ; ночью непріятель съ такою поспѣшностью переправился на свою сторону, что не успѣлъ даже подобрать убитыхъ и оставилъ въ нашихъ рукахъ весь свой шанцевый инструментъ. Въ числѣ особенно отличившихся въ сраженіи, маіоръ Глѣбовъ называетъ Апшеронскаго полка поручика Янченко, который, съ двинутою изъ укрѣпленія ротою, мужественно выдерживалъ сильныя непріятельскія атаки и огонь.

Тѣмъ не менѣе, отрядъ въ ту же ночь переправился на лѣвый берегъ, потерявъ около 200 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ Апшеронскихъ ротахъ убито 61 и ранено 39 нижнихъ чиновъ[27].

Вскорѣ затѣмъ генералъ Исаевъ подкрѣпилъ бывшій отрядъ Рыбникова, который вторично и занялъ Кербовъ.

Овладѣвъ цѣлою линіею крѣпостей по правому берегу Дуная, князь Багратіонъ, по сосредоточеніи арміи у Гирсова, рѣшилъ двинуться противъ Силистріи, а для обезпеченія своего тыла, овладѣть предварительно линіею Троянова вала, между крѣпостью Кюстенджи и мѣстечкомъ Черноводами. Согласно составленнаго въ Гирсовѣ распредѣленія арміи, корпусъ Милорадовича образовалъ лѣвое крыло[28].

Наступленіе открылось, 26-го августа, корпусами генераловъ Маркова и Платова; Милорадовичъ двинулся 27-го числа, а 29-го занялъ мѣстечко Черноводы, въ одномъ переходѣ отъ котораго, у селенія Расевата, стоялъ 15-ти-тысячный турецкій корпусъ Гозревъ-паши. Тѣмъ временемъ два первыхъ корпуса повели осаду крѣпости Кюстенджи, и, 30-го августа, она сдалась намъ.

Такимъ образомъ, русская армія въ 4 дня заняла линію Троянова вала и теперь могла спокойно продолжать движеніе впередъ.

Непріятель еще въ первыхъ числахъ августа началъ сосредоточиваться у мѣстечка Расевата; вначалѣ силы турокъ не превышали 3,000 человѣкъ; но вскорѣ отрядъ этотъ сталъ усиливаться прибывавшими ежедневно подкрѣпленіями, такъ что къ 1-му сентября у Расевата собрался 12-ти-тысячный корпусъ, изъ отборнѣйшихъ турецкихъ войскъ и имъ командовалъ Гозревъ-Мехметъ-паша. 2-го сентября князь Багратіонъ прибылъ съ корпусомъ генерала Платова къ Черноводамъ.

Хотя все пространство отъ Чернովода до Расевата представляетъ одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Турціи: — оно гористо, покрыто въ перемежку лѣсомъ и лугами съ роскошною растительностью, — но множество озеръ, соединенныхъ быстрыми и глубокими ручьями, и многочисленныя дефиле — затрудняли дѣйствія кавалеріи и артиллеріи.

Въ 2 часа пополудни, 3-го сентября, русскія войска (корпуса Милорадовича и Платова) выступили изъ Черноводъ, съ цѣлью атаковать непріятеля, укрѣпившагося въ самомъ Расеватѣ и въ лагерѣ около него. Корпусъ генералъ-лейтенанта Милорадовича прошелъ Трояновъ валъ и егеря заняли высоты у залива Узунъ-Амата, чрезъ который устроенъ былъ мостъ и по немъ переправилась артиллерія.

При наступленіи ночи, Милорадовичъ, пройдя еще 4 версты, остановилъ корпусъ и расположился на ночлегъ; правый флангъ нашихъ войскъ упирался въ Дунай, а лѣвый примыкалъ къ небольшому озеру и рѣчкѣ.

Въ то же время корпусъ генерала Платова, пройдя всѣ горныя дефиле, остановился у деревни Кокерлени и выдвинулъ впередъ сильные разъѣзды для наблюденія за непріятелемъ. Передвиженія корпусовъ производились съ такою осторожностью, тишиною и порядкомъ, что турки даже и не предполагали о близости русскихъ.

[27]) Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ полка за августъ мѣсяцъ 1809 года.

[28]) Правое крыло — корпусъ генералъ-лейтенанта Маркова, а центръ — корпусъ Платова.

Въ 3 часа пополуночи, 4-го сентября, войска двинулись къ Расеватѣ. Впереди каждаго корпуса, въ видѣ авангарда, шли казачьи полки; корпусъ Милорадовича слѣдовалъ въ двухъ линiяхъ: въ первой — подъ начальствомъ генералъ-маiора графа Цукато — находились 6-й егерскій, Сибирскій и Малороссійскій гренадерскіе и Бѣлорусскій гусарскій полки, 6 орудій батарейной роты маiора Веселитскаго и 8 конныхъ орудій; во 2-й линiи — полковника Уманца — шли Апшеронскій и Одесскій мушкетерскіе и Кинбурнскій драгунскій полки, при 4-хъ батарейныхъ орудiяхъ. Корпусъ генерала Платова двигался въ три линiи. Хотя на каждомъ шагу войска встрѣчали весьма сильныя препятствiя, въ видѣ крутыхъ подъемовъ или весьма узкихъ, загроможденныхъ обрывами скалъ и дефиле, тѣмъ не менѣе солдаты шли бодро и быстро подвигались къ позицiи непрiятеля, съ которымъ стремились поскорѣе сразиться. Подойдя къ Расеватѣ, казаки замѣтили турецкую конницу и часть пѣхоты, вышедшихъ изъ лагеря, и вступили съ ними въ перестрѣлку. Около 6-ти часовъ утра Платовъ достигъ ближайшихъ къ непрiятелю возвышенностей и построилъ свой корпусъ въ боевой порядокъ. Одновременно съ открытiемъ огня авангардомъ, генералъ Милорадовичъ остановилъ свой корпусъ, первая линiя котораго немедленно заняла позицiю на одномъ изъ возвышеній, а самъ Михаидъ Андреевичъ поѣхалъ къ Дунаю, чтобы произвести болѣе подробную рекогносцировку позицiи противника. На берегу, около довольно обширной долины, лѣвѣе расположенiя корпуса, онъ наткнулся на турецкіе пикеты, которые тотчасъ же отступили. Для огражденiя себя отъ удара во флангъ, генералъ Милорадовичъ поставилъ на высотѣ у Дуная полкъ пѣхоты, а въ долину послалъ гусарскій полкъ, затѣмъ приказалъ Апшеронскому и Малороссійскому полкамъ двигаться къ непрiятельской позицiи; въ резервѣ ихъ шли Одесскій мушкетерскій и Кинбурнскій драгунскій полки. Достигнувъ высотъ, примыкающихъ къ Расеватѣ, русскіе выдвинули впередъ артиллерiю и открыли огонь.

«Апшеронскій мушкетерскій полкъ, быстро подоспѣвъ и расположась лѣвѣе остальныхъ войскъ, орудiя свои подвинулъ къ лѣвой сторонѣ мѣстечка. Артиллерiя вообще дѣйствовала удачно и подъѣзжала къ непрiятельской позицiи на самую близкую дистанцiю, одно же орудiе Апшеронскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Бѣлича, заставило замолчать непрiятельское орудiе, которое турки поспѣшно увезли»[29].

Когда всѣ войска Милорадовича заняли назначенныя имъ мѣста, то и генералъ Платовъ приказалъ своему корпусу двинуться впередъ, подъ прикрытiемъ артиллерiйскаго огня. Сосредоточенный огонь изъ нашихъ орудій и грозное наступленiе пѣхотныхъ колоннъ привели турокъ въ совершенное замѣшательство: бросивъ свой лагерь и укрѣпленiя со всѣми находившимися тамъ орудiями, они начали уходить по силистрiйской дорогѣ. Для преслѣдованiя отступавшаго непрiятеля, князь Багратiонъ послалъ кавалерiю обоихъ корпусовъ, совершенно разсѣявшую его скопища. Стрѣлки Апшеронскаго полка, находившiеся въ прикрытiи къ орудiямъ, кинулись къ Расевату и вступили здѣсь въ бой съ остававшимися еще въ домахъ турками. Не развлекаясь брошенной непрiятелемъ богатой добычей, пѣхота непосредственно слѣдовала за кавалерiей и, остановилась, пройдя 8 верстъ отъ Росеваты. Кавалерiя преслѣдовала турокъ на разстоянiи 20 верстъ. Сраженiе продолжалось отъ 6 до 9 часовъ утра, а преслѣдованiе разбитаго противника до 5 часовъ вечера. Непрiятель потерялъ до 4,000 убитыми и 1,000 плѣнными. Наша потеря была незначительна и заключалась въ убитыхъ 7 оберъ-офицерахъ и 26 нижнихъ чинахъ; ранены 1 штабъ-офицеръ, 1 оберъ-офицеръ и 126 нижнихъ чиновъ; лошадей убито 179 и ранено 110.

У турокъ отбито 30 знаменъ, 14 орудій и весь лагерь.

[29]) Донесенiе князя Багратiона Императору Александру отъ 7-го сентября, за № 966. Дѣло № 1384. Военно-Ученый Архивъ.

Въ донесеніи своемъ Императору Александру I, князь Багратіонъ пишетъ: «Слабаго пера моего никогда не достанетъ въ полной мѣрѣ изобразить то рвеніе, то мужество и ту храбрость, которыя въ настоящемъ дѣлѣ обнаружены вообще всѣми войсками Вашего Императорскаго Величества. Всякъ тщился, всякъ рвался быть первымъ и всякъ старался превосходить товарищей въ обнаруженіи усердія къ Вашему Императорскому Величеству, неустрашимости и дѣятельности, въ исполненіи обязанности своей предъ Монархомъ и Отечествомъ» 30).

На ночлегъ русскіе расположились у Росевата: генералъ Милорадовичъ съ своимъ корпусомъ сталъ впереди, а за нимъ корпусъ Платова.

Спустя нѣсколько дней послѣ сраженія, главнокомандующій узналъ, что верховный визирь на подкрѣпленіе Гизревъ-Мехмедъ-паши, выслалъ изъ Рущука корпусъ, который однако, узнавъ объ исходѣ сраженія 4-го сентября, поспѣшно возвратился назадъ.

Давъ войскамъ трехдневный отдыхъ, князь Багратіонъ 8-го сентября двинулся къ крѣпости Силистріи, а 11-го числа обложилъ ее.

Крѣпость Измаилъ еще съ 23-го августа осаждалась войсками корпуса генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, и 14-го сентября, комендантъ ея, Челиби-паша, видя невозможность держаться долѣе, сдался на капитуляцію; въ Измаилѣ взято нами 21 знамя и 220 орудій.

У Силистріи русская армія расположилась въ такомъ порядкѣ: корпусъ генерала Милорадовича обложилъ крѣпость съ восточной стороны, по дорогамъ изъ Гирсова и Базарджика, а Платовъ сталъ съ западной стороны. Желая обезпечить войска отъ вылазокъ изъ крѣпости, главнокомандующій приказалъ на двухъ вышеназванныхъ дорогахъ устроить редуты, постройку которыхъ началась съ 11-го числа. Въ ночь на 12-е сентября непріятель произвелъ вылазку на войска, строившія редуты, но былъ отбитъ съ урономъ, на другой день возведеніе редутовъ безпрепятственно закончилось.

19-го сентября генералъ Милорадовичъ, изъ за разногласій съ княземъ Багратіономъ, постояннымъ своимъ соперникомъ во всѣхъ войнахъ, покинулъ корпусъ, а слѣдовательно и Апшеронцевъ: онъ уѣхалъ въ Валахію, гдѣ и принялъ начальство надъ резервнымъ корпусомъ, командиръ котораго графъ Ланжеронъ прибылъ къ Силистрію и заступилъ мѣсто Михаила Андреевича.

Осада кр. Силистріи затянулась до половины октября; всѣ попытки князя Багратіона путемъ переговоровъ склонить коменданта Силистріи Илека-пашу сдать крѣпость — не увѣнчались успѣхомъ, на штурмъ же онъ не рѣшался за не достаточностью для того войскъ. Даже побѣда, одержанная 10-го сентября Платовымъ надъ непріятельскимъ корпусомъ у Татарицы, нисколько не повліяла на успѣшный ходъ осады. Въ довершеніе всего войска сильно нуждались въ провіантѣ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ военному министру, графу Аракчееву, главнокомандующій, между прочимъ, пишетъ:

«Если-бы я имѣлъ 50,000 подъ ружьемъ, тогда бы штыкъ мой былъ самымъ искуснымъ дипломатомъ. Я бы въ шесть недѣль былъ въ Андріанополѣ и визиря бы заставилъ подписать миръ не на барабанѣ, а на спинѣ его (визиря). Я вамъ описывать не могу, какую нужду мы терпимъ. Даже и я, изъ чего не имѣю и ѣсть себѣ приготовить» 31).

14-го октября, князь Багратіонъ снялъ осаду Силистріи и, придя въ Черноводы, остановился, въ ожиданіи Высочайшаго разрѣшенія перейти на лѣвый берегъ Дуная. Тѣмъ временемъ предпринятая осада Браилова имѣла благопріятный исходъ и крѣпость сдалась

30) Тамъ же.
31) Дѣло № 1384. Военно-Ученый архивъ.

21-го ноября; причемъ намъ досталось: 205 орудій, 87 знаменъ, 1,300 бочекъ пороху, 40,000 бомбъ, 200,000 пуль и 1,700 патронныхъ ящиковъ.

Въ ноябрѣ русская армія перешла на лѣвый берегъ Дуная; корпусъ генералъ-лейтенанта графа Ланжерона (бывшій Милорадовича), поступившій подъ начальство генералъ-лейтенанта Засса, согласно росписанія отъ 28-го декабря, расположился въ Бухарестѣ и окрестныхъ деревняхъ; два Апшеронскіе баталіона размѣстились въ самой столицѣ Валахіи, а 1-й баталіонъ, попрежнему бывшій въ составѣ отряда генералъ-маіора Исаева, находился въ гор. Краіовѣ.

Неудачная осада Силистріи и возвращеніе русской арміи на лѣвый берегъ Дуная вызвали неудовольствіе Императора Александра на князя Багратіона, который, вслѣдствіе этого просилъ объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго; просьба Багратіона была принята и, вмѣсто него назначенъ, 4-го февраля 1810 года, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Каменскій 2-й, незадолго предъ тѣмъ ознаменовавшій себя блистательными успѣхами въ войнѣ Россіи со Швеціей.

Прибывъ на театръ войны 10-го марта, Каменскій засталъ армію при такомъ расположеніи: въ Большой Валахіи — корпусъ генерала Засса; въ Малой Валахіи — отрядъ генералъ-маіора Исаева; около кр. Журжи — отрядъ генералъ-маіора Ермолова, служившій для связи войскъ Исаева (въ составъ которыхъ входилъ 1-й Апшеронскій баталіонъ); въ Бузео — корпусъ генералъ-лейтенанта Маркова; въ Бырладѣ — генералъ-лейтенанта Эссена 3-го; въ Яссахъ — генералъ-лейтенанта графа Ланжерона; въ Гирсовѣ, Мачинѣ, Бабадагѣ и др. — корпусъ генералъ-лейтенанта графа Каменскаго I. Общая боевая сила арміи, считая и резервный корпусъ, равнялась 78,776 человѣкъ (въ этомъ числѣ пѣхота, кавалерія, артиллерія и піонеры).

Планъ кампаніи 1810 года, составленный графомъ Каменскимъ 2-мъ, въ общихъ чертахъ заключался въ слѣдующемъ:

1) корпуса генераловъ Засса и Ланжерона, перейдя Дунай у Туртукая, осаждаютъ: первый — кр. Рущукъ, а второй — Силистрію;
2) корпусъ графа Каменскаго 1-го наступаетъ отъ Гирсова къ Базарджику;
3) главнокомандующій съ 4-мя корпусами (генераловъ Маркова, Эссена 3-го, Раевскаго и Левиза) двигается изъ Гирсова на Расевату къ Шумлѣ, для овладѣнія послѣдней, прикрывая въ то же время осаду Силистріи.

Продолжительная и суровая зима помѣшала открыть кампанію ранней весной, вслѣдствіе чего, передвиженія войскъ къ сборнымъ пунктамъ начались только въ концѣ апрѣля. Въ описаніи военныхъ операцій 1810 года, мы остановимся только на дѣйствіяхъ корпуса генералъ-лейтенанта Засса, въ коемъ, какъ извѣстно, находился и Апшеронскій полкъ.

Къ 18-му мая войска генерала Засса уже сосредоточились въ Ольтеницѣ и Кирнарджи, гдѣ и стали лагеремъ; того же числа Зассъ получилъ свѣдѣніе, что визирь, узнавъ о предположенной русскими переправѣ черезъ Дунай у Туртукая, и желая помѣшать ей, выслалъ изъ кр. Шумлы къ этому пункту значительное подкрѣпленіе.

На этомъ основаніи командиръ корпуса рѣшилъ на другой же день приступить къ переправѣ, съ каковою цѣлью и приказалъ корпусному авангарду, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Вяземскаго, двинуться къ устью р. Аржиса и начать переправу на паромахъ, подъ прикрытіемъ огня изъ двухъ батарей, построенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная, противъ самого Туртукая.

Въ ночь на 19-е мая князь Вяземскій, несмотря на всѣ усилія непріятеля, вышедшаго изъ Туртукая, перебрался черезъ Дунай и къ 7-ми часамъ утра прочно укрѣпился на

его правомъ берегу. Вслѣдъ затѣмъ, по наводкѣ моста, начали переправу всѣ остальныя войска корпуса, по окончаніи которой, авангардъ Вяземскаго и особый отрядъ графа Сиверса подступили къ Туртукаю и открыли по нему орудійный огонь. Турецкій гарнизонъ не могъ долго держаться и ночью, бросивъ крѣпость, бѣжалъ по рущукской дорогѣ, преслѣдуемый казаками. Занявъ Туртукай, генералъ Зассъ оставался здѣсь болѣе трехъ недѣль, въ ожиданіи шедшихъ къ нему подкрѣпленій, чтобы затѣмъ осадить Рущукъ. За это время другія части русской арміи овладѣли кр. Силистріей, Разградомъ и осаждали крѣпости Шумлу и Варну, подъ стѣнами которыхъ произошло нѣсколько, хотя и кровопролитныхъ, но безрезультатныхъ сраженій.

Гарнизонъ Рущука состоялъ изъ 20,000 подъ начальствомъ храбраго Боснякъ-Аги, рѣшившаго защищать крѣпость до послѣдней крайности. По прибытіи въ Туртукай отряда генералъ-маіора Сандерса, отправленнаго изъ Разграда, генералъ Зассъ рѣшилъ произвести рекогносцировку Рущука, для чего выступилъ изъ лагеря 12-го іюня, и, подойдя въ тотъ же день къ д. Маратину, расположился здѣсь на ночлегъ. На другой день, въ 4 часа утра, корпусъ двинулся дальше и, недойдя до крѣпости 5 верстъ, остановился. Вышедшая изъ Рущука непріятельская конница и пѣхота опасались вступить въ дѣло съ нашими войсками и отступила въ крѣпость, что дало возможность подойти ближе къ послѣдней и ознакомиться съ ея укрѣпленіями и съ окрестною мѣстностью. Не возвращаясь уже назадъ, генералъ-лейтенантъ Зассъ раздѣлилъ свой корпусъ на три части и 14-го іюня обложилъ крѣпость съ трехъ сторонъ.

Апшеронскій полкъ вошелъ въ отрядъ генералъ-маіора князя Вяземскаго, войска котораго, образовавъ лѣвый флангъ, расположились на высотахъ, лѣвѣе дороги, ведущей къ Разграду и дальше, до деревни Кула; центръ занималъ отрядъ генералъ-маіора Хитрово, а остальныя войска составляли правый флангъ, подъ начальствомъ корпуснаго командира.

Для связи лѣваго фланга съ центромъ на разградскую дорогу высланъ былъ баталіонъ пѣхоты и въ то же время рабочіе приступили къ исправленію дорогъ между обоими отрядами. Утромъ, 15-го числа, турки, увидѣли изъ крѣпости наши работы, сдѣлали на нихъ вылазку: 3,000 пѣхоты и 500 человѣкъ конницы атаковали одновременно центръ осадныхъ войскъ, правый флангъ и баталіонъ, стоявшій на разградской дорогѣ; но, послѣ 8-ми часоваго упорнаго боя, непріятель былъ отбитъ, лишившись 400 одними убитыми; у насъ убито 12 и ранено 53 человѣка.

Между тѣмъ, главнокомандующій отказался отъ осады кр. Шумлы и, взявъ изъ числа блокировавшихъ эту крѣпость войскъ 10,000 человѣкъ, направился къ Рущуку, для усиленія корпуса генерала Засса, который успѣлъ уже устроить на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости пять редутовъ, изъ нихъ три (№№ 3-й, 4-й и 5-й) возведены отрядомъ князя Вяземскаго на высотахъ, а два — въ отрядѣ Хитрово. Хотя турки и производили почти ежедневно вылазки, съ цѣлью помѣхи нашимъ работамъ, тѣмъ не менѣе къ 1-му іюля всѣ пять редутовъ были вполнѣ окончены; изъ нихъ № 3-й находился всего на картечный выстрѣлъ отъ стѣнъ Рущука и весьма безпокоилъ непріятеля. 2-го іюля гарнизонъ сдѣлалъ сильную вылазку, направленную исключительно противъ означеннаго редута и лѣваго фланга. На подкрѣпленіе занимавшаго редутъ № 3 баталіона изъ центра двинуты два баталіона, а князь Вяземскій выслалъ 2-й мушкетерскій баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Марченко. Апшеронцы атаковали турокъ съ праваго фланга, а баталіоны центра — съ лѣваго. Дружный ударъ съ двухъ сторонъ привелъ непріятеля въ полное замѣшательство, и онъ бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ до 400

тѣлъ. Черезъ нѣсколько времени турки вторично атаковали передовыя цѣпи праваго и лѣваго фланговъ, но и на этотъ разъ отбиты съ большимъ урономъ.

Кровопролитное дѣло 2-го іюля стоило намъ 181 нижнихъ чиновъ, изъ нихъ 64 убиты и 117 ранено; оберъ-офицеровъ же ранено трое.

Турки бросили до 800 человѣкъ одними убитыми [33].

Въ Апшеронскомъ баталіонѣ убитъ барабанщикъ и 10 рядовыхъ, ранено 19 нижнихъ чиновъ [33].

Изъ редута № 1-й, находившагося на правомъ флангѣ, прорыта была траншея, направлявшаяся вдоль крѣпостной стѣны и подходившая къ третьему бастіону восточной части Рущука; отъ дѣйствія артиллерійскаго огня на этомъ же фасѣ болѣе всего пострадалъ второй бастіонъ, почему турки его и оставили. Желая до прибытія графа Каменскаго 2-го получить какіе либо осязательные результаты осады, генералъ Зассъ рѣшилъ 6-го іюля овладѣть вторымъ бастіономъ и вечеромъ, 5-го іюля, сдѣлалъ къ тому слѣдующія распоряженія.

Редутъ № 1-й занимается баталіономъ пѣхоты, а 4 баталіона, 2 піонерныя роты и 200 человѣкъ рабочихъ располагаются въ траншеѣ съ цѣлью, на разсвѣтѣ, 6-го числа, атаковать 2-й бастіонъ, для чего означенныя войска, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гартинга, собираются къ 11-ти часамъ ночи въ редутъ № 2-й, взявъ съ собою лѣстницы и фашины, а въ полночь переходятъ, со всею осторожностью и соблюдая полную тишину, въ траншею. Для поддержанія атаки, гренадерскій баталіонъ Апшеронскаго полка занимаетъ передовой редутъ № 6-й, а два баталіона изъ отряда генерала Хитрово — редутъ № 3-й. Кромѣ того, 150 охотниковъ, при одномъ орудіи, демонстрировали противъ атакуемаго бастіона со стороны садовъ, расположенныхъ у Дуная, а отряды князя Вяземскаго и Хитрово, спустившись съ высотъ, долженствовали поддержать атаку артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Но Боснякъ-Ага уже заранѣе провѣдалъ о предполагаемой атакѣ, а потому въ бастіонъ № 2-й вновь отправилъ достаточный гарнизонъ, усиленный артиллеріей. Съ разсвѣтомъ, когда штурмующія войска спустились въ ровъ, то турки встрѣтили ихъ губительнымъ огнемъ изъ бастіона.

Потерявъ 110 человѣкъ убитыми и ранеными, генералъ Гартингъ принужденъ былъ отступить. Тогда турки произвели сильную вылазку на охотниковъ, успѣвшихъ занять садъ; но посланный имъ въ подкрѣпленіе Гартингомъ Апшеронскій баталіонъ штыками заставилъ непріятеля возвратиться въ крѣпость. Наша атака была отбита на всѣхъ пунктахъ, съ потерей 105 человѣкъ убитыми и 559 ранеными. Апшеронскій баталіонъ лишился 8-ми нижнихъ чиновъ убитыми, 27 ранеными и одного безъ вѣсти пропавшаго [34].

9-го іюля къ Рущуку прибылъ съ отрядомъ главнокомандующій; осмотрѣвъ наши позиціи передъ крѣпостью, онъ составилъ новое распредѣленіе осадныхъ войскъ, согласно котораго отрядъ князя Вяземскаго 2-го, вмѣстѣ съ отрядами генералъ-маіоровъ Сназина и Кульнева, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, образовалъ центръ осаднаго расположенія.

Съ 12-го числа приступлено къ усиленной бомбардировкѣ, продолжавшейся 10 дней; наши ядра производили страшныя опустошенія въ крѣпости; но Боснякъ-Ага продолжалъ упорно держаться и совсѣмъ не думалъ о сдачѣ, вслѣдствіе чего графъ Каменскій 2-й

---

[32] Дѣло № 1395, Военно-Ученый архивъ.

[33] Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ полка за іюль мѣсяцъ 1810 года.

[34] Апшеронскій, Охотскій и 13-й егерскій полки.

рѣшилъ взять Рущукъ штурмомъ и назначилъ таковой на 18-е іюля. Въ каждый отрядъ было приготовлено по 30 лѣстницъ, въ $3^1/_2$ сажени длиною, и по 100 фашинъ для забрасыванія рва. Но штурмъ не состоялся, ибо произведенный, въ ночь на 18-е число, осмотръ рва показалъ, что непріятель углубилъ его и лѣстницы были коротки. Проливной дождь, шедшій въ продолженіи слѣдующихъ трехъ дней, помѣшалъ атакѣ крѣпости, которая назначена была только на 22-е іюля.

17-го іюля собрался военный совѣтъ. Многіе изъ участниковъ его высказывались противъ штурма и убѣждали графа Каменскаго отказаться отъ него, говоря, что крѣпость, помимо сильныхъ верковъ и глубокихъ рвовъ, защищается еще весьма рѣшительнымъ гарнизономъ, превосходящимъ своею численностью атакующія войска, и что вооруженіе турокъ несравненно лучше нашего; каждый изъ турецкихъ солдатъ имѣлъ при себѣ ружье, два пистолета, кинжалъ и шашку, причемъ послѣдними непріятель владѣетъ въ совершенствѣ. Къ сожалѣнію, благоразумные совѣты не были приняты, и подававшихъ ихъ графъ Каменскій выслалъ вонъ, а самъ всецѣло сталъ на сторону генералъ-маіора Гартинга, который, какъ мы знаемъ, уже успѣлъ показать лишь отрицательныя стороны своихъ военныхъ и инженерныхъ познаній при штурмѣ Журжи и Браилова въ 1809 году; Гартингъ утверждалъ, что штурмъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ —и его мнѣніе восторжествовало.

Въ своихъ запискахъ генералъ-лейтенантъ Красовскій говоритъ:

«Въ тогдашнее время Гартингъ считался искуснымъ инженеромъ и управлялъ всѣми осадами; но въ арміи онъ не только не пользовался довѣріемъ, а напротивъ, между солдатами былъ названъ даже ..... (неудобнымъ для печати словомъ)» [35].

Согласно диспозиціи къ штурму, всѣ войска раздѣлялись на 6 колоннъ, изъ нихъ 3, 4 и 5 дѣлились, кромѣ того, на двѣ части; 5-я и 6-я — назначались для фальшивой атаки.

Апшеронскіе баталіоны поступили въ составъ 4-й колонны генералъ-лейтенанта Эссена 3-го и находились въ 1-й части генералъ-маіора князя Вяземскаго 2-го.

Колонны должны были собраться къ вечеру 17-го числа къ заранѣе назначеннымъ сборнымъ пунктамъ; войскамъ князя Вяземскаго надлежало атаковать крѣпость изъ садовъ. Главнокомандующій приказалъ солдатамъ одѣться возможно легче, — въ лѣтнихъ шароварахъ и безъ тесаковъ; подходя къ крѣпости, не разговаривать и не дѣлать шороху, придя на мѣсто лечь и оружіе положить около себя, соблюдая полное безмолвіе. Каждый баталіонъ получитъ по двѣ лѣстницы и по 40 фашинъ; оставшіяся фашины складывались въ траншеяхъ и ближайшихъ батареяхъ.

Въ распоряженіи относительно штурма значилось: «Колоннамъ, идущимъ въ атаку, а именно: генералъ-маіоровъ Сандерса, Ушакова, графа Сиверса, князя Вяземскаго 2-го и князя Щербатова, идти въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: впереди стрѣлки, собранные со всѣхъ баталіоновъ, составлявшихъ колонну, съ каждаго баталіона по 15 человѣкъ; за ними рабочіе съ фашинами и лѣстницами, по 200 человѣкъ съ топорами и лопатами, при ружьяхъ; къ этимъ рабочимъ опредѣлить особенно надежныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ; за рабочими слѣдуетъ колонна, выстроясь въ 8 рядовъ или въ полвзводы. Стрѣлкамъ надлежитъ стараться отворить ворота, дабы прочія войска могли взойти; имъ же должно осмотрѣть, нѣтъ ли подъ баталіономъ пороховыхъ погребовъ, и если токовые найдутся, то учредить при нихъ караулы.

«По овладѣніи всѣмъ крѣпостнымъ валомъ и по окончаніи дѣла, занимать площади и постойныя мѣста первоначально баталіонами изъ дѣйствующихъ колоннъ, а затѣмъ замѣнить ихъ войсками изъ резерва» [36].

[35]) Петровъ. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 г. Томъ III, стр. 110.
[36]) Дѣло № 1369. Журналъ военныхъ дѣйствій арміи графа Каменскаго 2-го, Военно-Ученый Архивъ.

Полная тишина царила въ русскомъ лагерѣ въ ночь на 22-е іюля. Въ три часа пополуночи всѣ войска находились уже на сборныхъ пунктахъ, и въ половинѣ четвертаго двинулись на штурмъ, спустились въ ровъ, а стрѣлки взобрались на валъ. Когда значительное количество русскихъ войскъ столпилось во рву, то массы янычаръ прошли черезъ ходъ подъ валомъ и отчаянно ударили въ ятаганы, а другая часть гарнизона атаковала на валу стрѣлковъ и сбросила ихъ въ ровъ. Въ дѣлѣ участвовала пока только 3-я колонна графа Сиверса. Не будучи въ состояніи держаться во рву, осыпаемый сверху градомъ картечи и пуль, графъ Сиверсъ послалъ доложить главнокомандующему, что овладѣть валомъ положительно невозможно и дальше держаться не въ силахъ. Но графъ Каменскій приказалъ употребить въ дѣло резервы и, во что бы то ни стало, овладѣть валомъ. Тогда двинулись на штурмъ Апшеронскій, Охотскій и 13-й егерскій полки. Графъ Сиверсъ съ этими полками устремился на валъ и былъ немедленно убитъ. Тѣмъ не менѣе, геройскія усилія полковъ увѣнчались успѣхомъ: хотя и съ огромными потерями, они все-таки успѣли овладѣть центральною частью вала, но удержаться здѣсь не могли: Боснякъ-Ага, отбивъ наши атаки на всѣхъ остальныхъ пунктахъ, направилъ значительную часть гарнизона противъ войскъ князя Вяземскаго. Завязался упорный бой; не имѣя за собою никакой поддержки и атакованные по крайней мѣрѣ въ пять разъ превосходящимъ ихъ численностью противникомъ, Апшеронцы, Охотцы и егеря принуждены были очистить валъ.

Несмотря на всѣ увѣренія офицеровъ, докладывавшихъ о ходѣ сраженія, главнокомандующій полагалъ, что солдаты наши залегли на валу и не хотятъ драться. «Я увѣренъ, говорилъ онъ маіору Красовскому, посланному генераломъ Зассомъ, что во главѣ лежащихъ на валу большая часть здоровыхъ и не раненыхъ. Они испугались и не хотятъ броситься въ крѣпость!»

— «Я самъ былъ на валу и отвѣчаю, что тамъ нѣтъ ни одного живаго», отвѣчалъ Красовскій.

Упорство главнокомандующаго продолжать штурмъ и его, по-истинѣ, странная для русскаго генерала, недовѣрчивость къ своему же русскому солдату стоили намъ нѣсколькихъ сотъ лишнихъ жертвъ. Наконецъ, въ 8 часовъ утра, поданъ былъ сигналъ къ отступленію, которое произошло хотя и въ порядкѣ, но съ огромнымъ урономъ для войскъ.

Неудачный штурмъ Рущука стоилъ русской арміи одного генерала, 78 офицеровъ и болѣе 3,000 нижнихъ чиновъ убитыми; 3 генераловъ, 261 офицера и 4,000 нижнихъ чиновъ тяжело — ранеными; 24 офицеровъ и 1,077 нижнихъ чиновъ легко ранеными; всего около 8,500 человѣкъ.

Въ Апшеронскихъ баталіонахъ убиты: *поручикъ Якименко, подпоручикъ Тулаевъ 2-й, прапорщики Строеновскій и Войцеховскій, подпрапорщикъ Дараганъ и 154 нижнихъ чина.*

Ранены: *командиръ полка полковникъ Рейхель, маіоръ Тулаевъ (умеръ отъ раны); капитаны — Скальскій 1-й (умеръ отъ раны) и Скальскій 2-й; штабсъ-капитаны — Лантингъ, Ермаковъ, Карчевскій и Воронецъ; поручики — Албинскій, Шушеринъ, Гутковъ и Слюзъ; подпоручики — Гуляковъ, баталіонные адъютанты Ярошевскій и Шрамченко; прапорщики — Подгородецкій, Ступинъ (умеръ отъ раны), Скарыковъ, Вержбицкій, Гефаровъ, Климентовичъ, Хмелевскій, Жеребцовъ, Гноевой и Потуловъ 1-й, нижнихъ чиновъ 267*[37].

Словомъ, Апшеронцы потеряли 30 офицеровъ и 431 нижняго чина.

Послѣ неудачнаго штурма Журжи, генералъ Милорадовичъ, восхваляя войска за ихъ доблесть и мужество, всю вину принялъ на себя.

Совершенно обратное сдѣлалъ графъ Каменскій 2-й. Этотъ баловень слѣпого счастья,

[37]) Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ за іюль 1810 года.

въ 33 года достигшій чина полнаго генерала и званія главнокомандующаго, впервые потерпѣлъ крупную неудачу и свалилъ всю вину ея на солдатъ, обвинивъ ихъ, передъ Императоромъ Александромъ I, въ трусости. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Государю отъ 25-го іюля, графъ Каменскій пишетъ: «Уже всѣ колонны были на верху контръ-эскарпа. Но тутъ напало на нихъ какъ, нѣкое ослѣпленіе: головы колоннъ облегли верхъ разбитой контръ-эскарпы, и, перестрѣливаясь, ни подъ какимъ видомъ дальше двигаться нехотѣли» [38].

Приказъ, отданный главнокомандующимъ, по поводу штурма Рущука, содержалъ въ себѣ незаслуженныя обвиненія и упреки, которыми истинный виновникъ неудачнаго штурма осыпалъ храбрыя русскія войска, имѣя единственною цѣлью выгородить себя.

«Воины рущукскаго корпуса! Вы сами виноваты въ сей неудачѣ и большой потерѣ товарищей вашихъ. Нѣкоторые изъ васъ (sic) поступили храбро, большую же часть обуялъ какой-то страхъ. Вы не сдержали даннаго мнѣ слова, не слушались наставленій, которыя я вамъ давалъ, и за то наказаны значительною потерею. Начальники ваши, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры показывали вамъ собою примѣръ, идя впереди васъ. Все, что есть опаснаго въ штурмѣ, вы превозмогли, взошли до самаго верха, но далѣй идти не смѣли. Чему долженъ я приписать такой поступокъ, не свойственный вовсе россійскому войску, и какую надежду могу на васъ имѣть не только я, но Государь и всѣ соотчичи ваши? Сей поступокъ должны вы загладить новыми заслугами и новыми опытами храбрости, неустрашимости и усердія къ службѣ Государя и Отечества. Я хочу льстить себя надеждой, что вы будете искать случая показать, что вы русскіе солдаты» [39].

Можно себѣ представить, какъ тяжело было слушать несчастнымъ, оставшимся въ живыхъ участникамъ штурма, офицерамъ и солдатамъ, этотъ приказъ, содержащій столько недостойныхъ и несправедливыхъ обвиненій!

А между тѣмъ одинъ изъ участниковъ рущукскаго штурма, маіоръ Красовскій, въ своихъ запискахъ говоритъ: «Я учавствовалъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ и на многихъ штурмахъ, но нигдѣ не былъ свидѣтелемъ такого ревностнаго и благороднаго самоотверженія, съ какимъ гибли храбрые русскіе солдаты на несчастномъ и кровопролитномъ штурмѣ Рущука. Не могу постигнуть, какими чувствованіями руководился графъ Каменскій, обвиняя войска передъ Государемъ» [40].

Большая убыль въ частяхъ войскъ принудила главнокомандующаго потребовать резервовъ для пополненія рядовъ.

Послѣ неудачнаго штурма Рущука, сильно ободрившаго защитниковъ, главнокомандующій рѣшилъ держать крѣпость въ тѣсной блокадѣ, ограничиваясь однимъ бомбардированіемъ, въ надеждѣ, что гарнизонъ, нуждаясь въ продовольствіи, принужденъ будетъ сдаться.

Съ цѣлью преградить доступъ къ Рущуку транспортовъ съ продовольствіемъ, графъ Каменскій приказалъ навести мостъ черезъ Дунай выше крѣпости, противъ лѣваго фланга осаднаго корпуса, вслѣдствіе чего осадныя войска входили въ непосредственную связь съ отрядомъ, стоявшимъ у Журжи. Между тѣмъ начали носиться слухи о наступленіи верховнаго визиря съ арміей къ Рущуку со стороны рѣки Янтры, что вскорѣ и оправдалось: 15-го августа соединенные корпуса Гушамцли-паши и Мухтара-паши остановились при укрѣпленномъ мѣстечкѣ Батинѣ. Поручивъ продолженіе осады графу Ланжерону, главнокомандующій 16-го числа произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи, а 25-го августа атаковалъ и разбилъ на-голову турокъ.

---

38) Дѣло № 1395, Военно-Ученый Архивъ.
39) Приказъ по арміи отъ 28-го іюля, за № 208.
40) Петровъ. Война Россіи съ Турціей 1806—1812 г. Томъ III, стр. 109.

29-го августа отряды графа С.-При и Сысоева 3-го обложили крѣпость Систово, сдавшуюся на капитуляцію на слѣдующій день.

Осада же Рущука хотя все еще продолжалась, но гарнизонъ крѣпости уже началъ сильно страдать отъ недостатка продовольствія, такъ что Боснякъ-Ага рѣшилъ сдать крѣпость, убѣдившись что армія верховнаго визиря не въ состояніи выручить его; сдача произошла 15-го сентября, въ день коронаціи Императора Александра I, а вмѣстѣ съ Рущукомъ сдались на капитулицію Журжа и Александра; ихъ гарнизоны получили право свободнаго выхода, сдавъ оружіе, военные припасы и знамена русскимъ войскамъ.

Паденіе Рущука и Журжи, освободивъ значительное число нашихъ войскъ, дало главнокомандующему возможность расширить поле военныхъ дѣйствій на правомъ берегу Дуная.

Желая закончить кампанію 1810 года занятіемъ гор. Никополя, графъ Каменскій 2-й рѣшилъ предварительно овладѣть кр. Турно, для чего и назначилъ отрядъ князя Вяземскаго, состоявшій изъ Апшеронскаго, Охотскаго мушкетерскихъ и 13-го егерскаго полковъ. 28-го сентября отрядъ выступилъ изъ лагеря при Рущукѣ, а вечеромъ, 4-го октября, подошелъ къ Турну. Получивъ извѣстіе, что гарнизонъ долженъ получить изъ Никополя подкрѣпленіе и продовольственные припасы, князь Вяземскій 5-го октября, отрядилъ 13-й егерскій полкъ для занятія турецкаго редута и флеши, находившихся на берегу Дуная, между Турно и кр. Никополемъ. Несмотря на сильный пушечный огонь изъ крѣпости и съ судовъ турецкой флотиліи, егеря, подкрѣпленные стрѣлками отъ мушкетерскихъ полковъ, овладѣли редутомъ, и атаковали и опрокинули высадившійся съ судовъ дессантъ. Послѣ четырехдневной осады, кр. Турно, 10-го октября, сдалась на капитуляцію.

Между тѣмъ главнокомандующій, оставивъ въ Рущукѣ и Журжѣ сильные гарнизоны, выступилъ 9-го октября къ Никополю.

Съ паденіемъ Турна, Никополь уже не могъ держаться, и потому, когда отрядъ князя Вяземскаго подступилъ къ этой крѣпости, она 15-го числа сдалась; въ тотъ же день главныя силы соединились съ отрядомъ Вяземскаго.

Военныя дѣйствія описываемаго года закончились взятіемъ укрѣпленныхъ городовъ Ловчи и Сильвы. Наступившая осень, дожди и холода вынудили графа Каменскаго 2-го прекратить военныя дѣйствія и расположить войска на зимнія квартиры, отведя большую часть ихъ на лѣвую сторону Дуная. Согласно расписанію арміи, Апшеронскій полкъ поступилъ изъ 9-й въ 11-ю дивизію, въ корпусъ генералъ-лейтенанта графа Ланжерона, и, 6-го ноября, размѣстился въ гор. Браиловѣ.

Въ 1810 году въ полку случилось немало перемѣнъ. Во-первыхъ, онъ временно лишился своего любимаго шефа Михаила Андреевича Милорадовича, который, послѣ сраженія при Расеватѣ, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи, въ апрѣлѣ 1810 года назначенъ былъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Михаилъ Андреевичъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и, вмѣсто него, шефомъ полка назначенъ полковникъ Семенъ Ильичъ Раковъ. Но Милорадовичъ пробылъ въ отставкѣ всего только около двухъ мѣсяцевъ: 20-го ноября принятъ вновь на службу, вторично опредѣленъ кіевскимъ губернаторомъ и опять назначенъ шефомъ Апшеронскаго полка.

Въ томъ же году, именно 12-го октября, 2-й баталіонъ, выдѣливъ укомплектованіе для 1-го и 3-го баталіоновъ, получилъ названіе запаснаго и выступилъ изъ Турціи въ Кіевъ, гдѣ и встрѣтился со своимъ шефомъ. Весьма интересный эпизодъ, касающійся Милорадовича и Апшеронцевъ, нашли мы въ запискахъ «дѣвицы-кавалериста» Александры Дуровой, бывшей въ 1810 году ординарцемъ у генерала Милорадовича. Вотъ что она пишетъ: «Милорадовичъ давалъ балъ въ день именинъ вдовствующей Государыни; блестя-

щій, великолѣпный балъ. Зала наполнена была гостьми; большой старинный садъ былъ прекрасно иллюминованъ, но гулять въ немъ нельзя было и подумать: Милорадовичу вздумалось угощать тамъ свой Апшеронскій полкъ, что и было причиною смѣшнаго происшествія. Вечеромъ, безчисленное множество горящихъ лампъ, гремящая музыка и толпы прекрасныхъ дамъ привлекли любопытныхъ, находившихся въ саду нашихъ храбрыхъ сподвижниковъ; они подошли, какъ можно ближе, къ стеклянымъ дверямъ залы, которыя были отворены и охраняемы двумя часовыми. Маасъ (кіевскій комендантъ), видя что толпа солдатъ сгущается отъ часу болѣе и болѣе и напираетъ въ двери, такъ что часовые съ трудомъ могутъ ее удерживать, чтобы не вломилась въ залу, подозвалъ меня — я была въ этотъ день на дежурствѣ: — «скажи, Александровъ, часовымъ, чтобы затворили двери». Я пошла было исполнять приказаніе, но Милорадовичъ, слышавшій, что говорилъ Маасъ, остановилъ меня, спрашивая: «куда вы»?.. Я отвѣчала, что иду сказать часовымъ. «Знаю, прервалъ меня Милорадовичъ нетерпѣливо,—не надобно затворять! пусть войдутъ! юнкера могутъ танцовать! Останьтесь на своемъ мѣстѣ!..» Говоря это, онъ поправилъ раза два свой галстухъ, что было признакомъ досады, и пошелъ къ часовымъ сказать, чтобы не мѣшали идти въ залу, кому вздумается изъ солдатъ. Слѣдствіемъ этого распоряженія было то, что, менѣе нежели въ пять минутъ, зала наполнилась солдатами, высыпавшими, какъ рой, изъ садовой двери; въ мигъ смѣшались они съ гостями.

«Маасъ пожималъ плечами; Ермоловъ усмѣхался; дамы съ изумленіемъ отступали назадъ, видя подлѣ себя эти дебелыя и грубыя существа. Я вмѣстѣ съ другими ординарцами смѣялся отъ души странному этому зрѣлищу. Дамы собрались всѣ въ одну горницу; мужчины ожидали, улыбаясь, чѣмъ эта сцена кончится.

«Милорадовичъ, совсѣмъ не ожидавшій такого шумнаго и многочисленнаго посѣщенія своихъ сослуживцевъ, сказалъ, что онъ совѣтуетъ имъ идти обратно въ садъ, гдѣ имъ свободнѣе будетъ веселиться, прибавя, что «чистый воздухъ есть стихія русскаго воина». Изъ этого изреченія русскіе воины ничего не поняли, кромѣ того, что имъ надобно идти обратно въ садъ, куда они немедленно ушли.

Теперь уже самъ Милорадовичъ совсѣмъ затворилъ двери: порядокъ возстановился, музыка заиграла — и балъ опять продолжался»[41].

Высочайшимъ приказомъ 12-го октября 1810 года, всѣ мушкетерскіе полки были преобразованы: имъ повелѣно состоять изъ трехъ мушкетерскихъ баталіоновъ, каждый изъ одной гренадерской и трехъ мушкетерскихъ ротъ; 2-й баталіонъ, именуясь запаснымъ, отдѣлялъ отъ себя гренадерскую роту, которая выступала въ походъ съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ 1811 и 1812 гг. полкъ участія не принималъ; въ іюнѣ 1811 года онъ перешелъ изъ Браилова въ гор. Яссы, а въ концѣ того же года придвинулся еще ближе къ предѣламъ Россіи и расположился на зиму въ Хотинскомъ цинтатѣ. Въ началѣ 1812 года Апшеронцы совсѣмъ покинули Турцію и, возвратясь въ отечество, полкъ вошелъ въ составъ 3-й резервной обсерваціонной арміи, подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Тормасова, сформированной по случаю близкой войны съ Наполеономъ.

За отличія въ Турецкую войну офицеры Апшеронскаго полка получили награды: капитаны Скальскій и Морозовъ—Высочайшее благоволеніе; произведены: въ маіоры—капитанъ Скальскій 2-й, въ капитаны—Карчевскій, Воронецъ, Тихменевъ и Клевецкій; въ штабсъ-капитаны—Шушеринъ, Шкляревскій, Издебскій и Гутковъ; въ поручики—Ришардъ, Ушинскій и Щукинъ; въ подпоручики—Скориковъ, Нудьга, Марциновскій, Чернеловскій 2-й, Вержбицкій и Велиновъ; въ прапорщики подпрапорщики: Кракотинъ и Годлевскій.

---

[41]) Записки дѣвицы-кавалериста Александры Дуровой, стр. 248.

Глава Девятнадцатая.

Причины войны съ Францiей въ 1812 году.— Вторженiе Наполеона въ Россiю.— Бородинское сраженiе и занятiе непрiятелемъ Москвы.— Дѣйствiя армiи генерала Тармасова.— Расположенiе ея.— Стоянка Апшеронскаго полка.— Выдѣленiе 2-й гренадерской роты.— Наступленiе армiи къ Брестъ-Литовску.— Пораженiе саксонскаго корпуса у Кобрина.— Сраженiе у Городечно. — Отступленiе армiи къ Луцку.— Прибытiе Дунайской армiи.— Наступленiе обѣихъ армiй къ Бресту.— Апшеронскiй полкъ въ авангардѣ корпуса Воинова.— Занятiе Брестъ-Литовска.— Предложенiе Наполеономъ перемирiя.— Выступленiе армiи Чичагова къ Березинѣ.— Занятiе Борисовскаго тетъ-де-пона.— Положенiе французской армiи.— Разбитiе авангарда графа Палена корпусомъ Удино.— Поспѣшное отступленiе армiи Чичагова на правый берегъ Березины.— Прибытiе къ Березинѣ Наполеона.— Выборъ пункта переправы.— Сраженiе у Березины 16-го ноября.— Потери армiи и Апшеронцевъ.— Выходъ французской армiи изъ предѣловъ Россiи.— Кампанiя 1813 года.— Осада кр. Торна.— Сраженiя при Бауценѣ, Кацбахѣ и Лейпцигѣ.— Потери Апшеронцевъ.— Расположенiе полка на зиму.— Кампанiя 1814 года.— Сраженiе при Ларотьерѣ и Шампоберѣ. — Потери полка.— Составъ его послѣ сраженiя при Шампоберѣ. — Краонъ.— Движенiе къ Парижу.— Взятiе Монмартрскихъ высотъ.— Оставленiе полка во Францiи.— Возвращенiе его въ Россiю и вторичное движенiе во Францiю.— Расположенiе полка на квартирахъ во Францiи.— Высочайшiй смотръ войскъ въ Вертю.— Возвращенiе Апшеронцевъ въ Россiю. — Стоянка въ Москвѣ. — Награды.

Въ 1812 году отечество наше постигло великое бѣдствiе: полчища Наполеона вторглись въ Россiю и постепенно подвигались къ Москвѣ. Послѣ Тильзитскаго мира, наилучшiя отношенiя, возникшiя между Императоромъ Александромъ I и Наполеономъ, вскорѣ измѣнились, къ чему подалъ поводъ императоръ французовъ, своимъ стремленiемъ къ постояннымъ захватамъ въ Европѣ и желанiемъ самовластно распоряжаться судьбами европейскихъ государствъ. Такъ напр., декретомъ 13-го декабря 1810 года, къ Францiи присоединены герцогство Лауэнбургское, береговая полоса Нѣмецкаго моря между нижними теченiями рѣкъ Эмса и Эльбы и вольные города бывшаго ганзеатическаго союза. Побужденiя къ такому самовольному захвату были весьма не хитры и выражались въ фразѣ, что «того требуютъ обстоятельства».

Между прочими владѣнiями, присоединенными 13-го декабря къ Францiи, находилось и герцогство Ольденбургское, владѣтель котораго приходился дядей Императору Александру I. Понятно, что такiе насильственные поступки Наполеона, попиравшаго международныя права, вызвали протестъ со стороны Русскаго Государя и явились первою причиною разрыва между Россiею и Францiей. Вторая причина—это континентальная система, навязанная Европѣ Наполеономъ, съ цѣлью подорвать торговлю Англiи и въ особенности, такъ-называемый, Трiанонскiй тарифъ, явно направленный въ ущербъ интересамъ Россiи, и отъ котораго Александръ I отказался самымъ рѣшительнымъ образомъ. Самостоятельность дѣйствiй Русскаго правительства пришлась не по душѣ Наполеону, привыкшему, чтобы всѣ европейскiе государи преклонялись передъ его волей, и онъ, ставъ въ явственно враждебныя къ намъ отношенiя, началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ. Пришлось и Россiи думать о своей безопасности. Въ приготовленiяхъ съ обѣихъ сторонъ прошелъ цѣлый годъ; всѣ усилiя иностранныхъ дворовъ, клонившiяся къ примиренiю двухъ императоровъ, ни привели къ же-

лаемому результату. Шестисоттысячная Наполеонова армія, составленная изъ всѣхъ народностей Европы, въ началѣ 1812 года стала приближаться къ русской границѣ. Численность нашихъ трехъ армій много уступала непріятельской, вслѣдствіе чего многіе генералы полагали за лучшее, начавъ оборонительную войну, завлечь непріятеля въ глубь страны и, ведя малую войну, его истощать постепенно.

Таковъ былъ планъ бывшаго въ то время военнымъ министромъ генерала-отъ-инфантеріи Барклай-де-Толли, начальствовавшаго Первою Западною арміею; но знаменитый полководецъ опасался высказать его, ибо общее настроеніе умовъ было за дѣйствія наступательныя, и открыто высказаться за отступленіе никто не рѣшался: —такого человѣка сочли-бы въ то время измѣнникомъ. Остановились пока на томъ, что: 1-я Западная армія приметъ на себя ударъ непріятеля съ фронта, а 2-я Западная,— подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона будетъ дѣйствовать во флангъ наступавшему противнику; 3-я-же резервная обсерваціонная армія, оставаясь на Волыни, станетъ охранять южную часть Россіи отъ покушенія со стороны австрійцевъ.

Вечеромъ, 11-го іюня, часть арміи Наполеона переправилась, у м. Понемуня, черезъ р. Нѣманъ и вступила въ предѣлы Россіи. Такимъ образомъ жребій былъ брошенъ и геніальнѣйшій французскій полководецъ, увлекаемый непомѣрнымъ често- и властолюбіемъ, со своими полчищами вторгся въ наше отечество, чтобы помѣриться съ нами силами и заставить Русскаго Императора подчиниться своей воли.

Огромная несоразмѣрность численности двухъ первыхъ русскихъ армій, имѣвшихъ всего только около 160,000, въ сравненіи съ силами Наполеона, принудили насъ къ отступленію, и мы не могли предпринять наступательныхъ дѣйствій даже и тогда, когда обѣ арміи соединились подъ Смоленскомъ, и, потому, принуждены были безостановочно отступать. Такимъ образомъ, русскіе неминуемо пришли къ заключенію что для успѣха въ борьбѣ со врагомъ надлежитъ принять планъ Барклая-де-Толли. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ аріергардныхъ сраженій, соединенныя наши арміи, поступившія подъ главное начальство генерала-отъ-инфантеріи князя Голенищева-Кутузова, остановились у с. Бородино, близъ Москвы, и здѣсь главнокомандующій рѣшилъ принять отъ Наполеона генеральное сраженіе. За оставленіемъ войскъ въ тылу, французскій императоръ располагалъ почти сто тридцати тысячной арміей, у Кутузова же было всего около 100,000 человѣкъ.

26-го августа произошелъ знаменитый Бородинскій бой; обѣ стороны дрались съ замѣчательнымъ мужествомъ, понесли огромныя потери, но успѣхъ сраженія остался нерѣшеннымъ: каждая сторона приписывала его себѣ.

Однако, уменьшенная потерями почти въ-половину, русская армія не могла оставаться на мѣстѣ и принять второе срежeніе отъ Наполена, который, хотя и потерялъ до 30,000 чел., но все же располагалъ 100-тысячной арміей, между тѣмъ у насъ насчитывалось только 52,000; поэтому князь Кутузовъ первоначально рѣшилъ-было отступить къ Москвѣ и защищать первопрестольную столицу; но, на военномъ совѣтѣ въ д. Филяхъ, такое рѣшеніе было измѣнено и положено: пожертвовать Москвой и отдать ее Наполеону, а для спасенія арміи, составлявшей единственную надежду Россіи, отступить къ Тарутину.

Въ эту тяжкую для Россіи годину сказался высокій патріотизмъ ея сыновъ и противъ непріятеля открылась народная война. Тѣмъ не менѣе, наша древняя столица — Москва — досталась Наполеону, но въ какомъ видѣ? — брошенная жителями и подожженная ими со всѣхъ сторонъ.

Когда торжествующій императоръ французовъ, окруженный блестящей свитой въѣзжалъ въ Москву, никто его не встрѣтилъ, — городъ былъ пустъ, а пламя горящихъ зданій,

высоко вздымаясь къ небу, свидѣтельствовало о высокомъ патріотическомъ подвигѣ москвичей, который Наполеонъ наименовалъ варварствомъ.

Таково было положеніе Россіи въ началѣ сентября мѣсяца.

Теперь обратимся къ дѣятельности 3-й резервной обсерваціонной арміи, въ составѣ коей находился также и Апшеронскій полкъ. Въ то время, какъ главныя силы Наполеоновской арміи устремились въ сердце Россіи, на югѣ, для дѣйствій противъ арміи генерала Тормасова, Наполеонъ оставилъ саксонскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Ренье, и и австрійскій — генерала Шварценберга; первому изъ нихъ поручалась охрана Варшавскаго герцогства и вторженіе въ Волынскую губернію; кромѣ того, оба непріятельскіе корпуса обязывались не дозволять Тормасову соединиться съ прочими русскими арміями, занявъ для того дороги: 1) изъ гор. Житоміра на Мозырь къ Могилеву; 2) изъ гор. Луцка на Пинскъ къ Минску и 3) изъ Луцка на Брестъ-Литовскъ къ Слониму.

Въ половинѣ іюня 46-ти тысячная армія генерала-отъ-кавалеріи Тормасова, располагалась на Волыни, между Любомлемъ и Старымъ Константиновымъ, съ главною квартирою въ гор. Луцкѣ.

Апшеронскій полкъ, находясь въ 9-й дивизіи генералъ-маіора Удома, размѣщался въ мѣстечкѣ Жидочинѣ (Жидовчинѣ); запасный же его баталіонъ попрежнему оставался въ Кіевѣ; а 2-я гренадерская рота своего прежняго капитана Воронца — выдѣлена была во-2-ю сводно-гренадерскую бригаду.

Пользуясь удаленіемъ главныхъ силъ непріятеля въ глубь Россіи, генералъ Тормасовъ, въ началѣ іюля, рѣшилъ открыть наступательныя дѣйствія противъ корпуса, охранявшаго Варшавское герцогство.

3-го іюля генералъ-лейтенантъ графъ Ламбертъ, съ авангардомъ арміи, переправился черезъ р. Бугъ и, у м. Грубишова, разсѣялъ польскую милицію, взявъ 100 человѣкъ въ плѣнъ.

Но дальнѣйшія предпріятія генерала Тормасова въ этомъ направленіи остановились, въ виду полученія Высочайшаго повелѣнія двинуться въ тылъ непріятелю, дѣйствовавшему противъ арміи князя Багратіона. Оставивъ для охраненія Волынской и Подольской губерній генералъ-лейтенанта Сакена съ частью войскъ, генералъ Тормасовъ, 10-го іюля, выступилъ изъ Ковеля къ Брестъ-Литовску. Впереди двигались отряды: графа Ламберта — отъ г. Владиміра Волынскаго по обоимъ берегамъ р. Буга, къ Брестъ-Литовску; генералъ-маіора князя Щербатова — отъ Ковеля на с.с. Ратно и Макраны — къ Брестъ-Литовску и генералъ-маіора Чаплица — черезъ Ратно и Двинъ къ Кобрину. Апшеронскій полкъ (командиръ — полковникъ Рейхель) находился при главныхъ силахъ, подъ начальствомъ самого Тормасова.

16-го іюля, соединенные отряды графа Ламберта и генерала Чаплица атаковали саксонскій отрядъ, занимавшій Кобринъ, и принудили его къ сдачѣ, причемъ въ плѣнъ взято 2 генерала, 76 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2,382 нижнихъ чина; трофеями же одержанной побѣды были 8 орудій и 4 знамени. Наша потеря заключалась въ 260 чел. убитыми и ранеными. Недостатокъ продовольствія въ арміи не позволилъ генералу Тормасову немедленно послѣ побѣды у Кобрина, направиться противъ остальныхъ войскъ саксонскаго корпуса, стоявшихъ у м. Антополя, что дало возможность генералу Ренье отступить къ Слониму, на соединеніе съ австрійскимъ корпусомъ Шварценберга. Передвинувшись, 20-го іюля, съ главными силами къ Антополю, главнокомандующій оставался у этого мѣстечка до 28-го числа.

Между тѣмъ, Ренье успѣлъ соединиться съ Шварценбергомъ и оба корпуса дви-

нулись противъ Тормасова. Прежде всѣхъ былъ атакованъ авангардъ графа Ламберта, который, послѣ весьма жаркаго дѣла у м. Козьяго-Брода, успѣлъ отступить къ м. Городечно, куда 30-го іюля подошли и главныя силы Тормасова; отдѣльные же отряды Чаплица, князя Хованскаго и Мелиссино, будучи направлены къ Пинску и Хомску, не успѣли присоединиться къ арміи. Апшеронскій полкъ, еще въ Антополѣ, временно выдѣлился изъ состава главныхъ силъ, и поступилъ въ отрядъ генералъ-маіора Чаплица.

31-го іюля непріятель атаковалъ наши войска на позиціи у Городечно. Сраженіе продолжалось цѣлый день, и хотя, не взирая на численный перевѣсъ противника, мы удержали все-таки за собою позицію, тѣмъ не менѣе, въ ночь на 1-е августа, генералъ Тормасовъ рѣшилъ отступить за рѣку Стырь, что и совершалось подъ прикрытіемъ войскъ графа Ламберта, который вскорѣ замѣнѳнъ былъ отрядомъ генерала Чаплица. Союзные корпуса настойчиво преслѣдовали отступавшую армію: такъ у м. Выжва войска генерала Чаплица 18 часовъ, удерживали непріятеля пока главныя силы арміи не переправились черезъ Стырь.

Дойдя до гор. Луцка, Тормасовъ остановился; въ самомъ городѣ и окрестностяхъ его расположились главныя силы арміи; отрядъ графа Ламберта растянулся по р. Стыри изъ Луцка до австрійской границы, а генералъ-маіоръ Чаплицъ сталъ между Луцкомъ и м. Колка. Такимъ образомъ, предположенное соединеніе 3-й арміи съ главными силами — не удалось. Положеніе арміи Тормасова за Стырью было вполнѣ обезпечено, по неимѣнію на рѣкѣ бродовъ, и за уничтоженіемъ на ней всѣхъ мостовъ. Дальнѣйшія дѣйствія арміи, до соединенія ея съ Дунайскою арміей адмирала Чичагова, ограничились малой войной, которая велась съ успѣхомъ, благодаря удобной для насъ мѣстности. Правый возвышенный берегъ Стыри покрытъ былъ довольно густымъ лѣсомъ, скрывавшимъ отъ непріятеля всѣ передвиженія нашихъ войскъ.

Заключеніе Бухарестскаго мира, закончившаго собою шестилѣтнюю войну съ Турціей, освобождало Дунайскую армію для дѣйствій противъ Наполеоновыхъ войскъ. Поэтому, едва миръ былъ ратификованъ турецкимъ султаномъ, какъ главнокомандующій русскими войсками въ Турціи, адмиралъ Чичаговъ, сдѣлалъ распоряженія о немедленномъ выступленіи ихъ въ предѣлы въ Россіи.

9-го сентября произошло соединеніе обѣихъ армій на р. Стырѣ. На общемъ совѣщаніи, главнокомандующіе рѣшили атаковать корпуса Шварценберга и Ренье и отрѣзать ихъ отъ герцогства Варшавскаго. 10-го сентября черезъ Стырь переправилась армія Чичагова, а на другой день — Тормасова. Хотя непріятель занималъ довольно выгодную позицію у м. Любомля, но, атакованный войсками Чичагова, въ ночь на 18-е сентября, снялся съ нея, отступилъ къ Бугу и у м. Влада́вы переправился черезъ рѣку.

23-го сентября передовой отрядъ графа Орурка выбилъ непріятеля изъ Кобрина и захватилъ здѣсь провіантскій магазинъ.

Еще 17-го числа генералъ Тормасовъ получилъ повелѣніе отправиться въ главную квартиру и принять начальство надъ 2-ю Западною арміею, вмѣсто убитаго при Бородинѣ князя Багратіона. Начальствованіе надъ 3-й резервной и Дунайской арміями ввѣрено было адмиралу Чичагову, такъ что обѣ арміи, по своемъ соединеніи, образовали одну — 3-ю Западную армію.

Чичаговъ составилъ новое росписаніе арміи, согласно котораго она была раздѣлена на 6 корпусовъ и два отѣльные отряда. Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 1-го корпуса генералъ-маіора графа Ламберта [1].

---

[1]) 1-й корпусъ — генералъ-маіора графа Ламберта, 2-й — генералъ-лейтенанта Маркова, а потомъ генералъ-маіора князя Щербатова; 3-й — генерала отъ инфантеріи графа Ланжерона, 4-й — генералъ-лейтенанта Эссена 3-го; 5-й — генералъ-лейтенанта Воинова; 6-й — генералъ-маіора Булатова; отдѣльный отрядъ генералъ-маіора Энгельгардта; резервъ — генералъ-лейтенанта Сабанѣева.

Когда первые четыре корпуса арміи сосредоточились у Кобрина, то адмиралъ Чичаговъ рѣшилъ двинуться къ Брестъ-Литовску и атаковать занимавшаго здѣсь позицію непріятеля, Согласно диспозиціи къ бою, 1-й и 2-й корпуса 3-й Западной арміи, 29 сентября, выступили къ Бресту; но генералы Ренье и Шварценбергъ, опасаясь быть опрокинутыми къ Бугу, бросили ночью свою позицію, и, отступивъ за рѣчку Лѣсну, уничтожили за собою переправы. Непріятель безостановочно отступалъ до м. Драгочина, гдѣ и переправился на лѣвый берегъ Буга. Такимъ образомъ, Брестъ-Литовскъ достался намъ безъ боя и былъ занятъ арміей Чичагова. Выславъ изъ Бреста два летучихъ отряда (флигель-адъютанта полковника Чернышева и генералъ-маіора Чаплица), для набѣговъ въ Варшавское герцогство, адмиралъ Чичаговъ съ главными силами оставался въ бездѣйствіи около двухъ недѣль.

Въ половинѣ октября непріятельскіе корпуса Ренье и Шварценберга располагались у м. Драгочина; адмиралъ же Чичаговъ, не имѣя продовольствія для своей арміи, поневолѣ долженъ былъ оставаться въ Брестѣ; наконецъ, когда достаточный запасъ былъ собранъ, то главнокомандующій рѣшилъ вновь открыть наступательныя дѣйствія.

Между тѣмъ на главномъ театрѣ войны дѣла нашихъ противниковъ были далеко не блестящи. Занявъ Москву, Наполеонъ разсчитывалъ, что Императоръ Александръ I, опасаясь дальнѣйшихъ успѣховъ французской арміи, постарается заключить миръ. Но на всѣ предложенія Наполеона о начатіи мирныхъ переговоровъ Русскій Императоръ отвѣчалъ полнымъ молчаніемъ. Наконецъ, 3 октября Наполеонъ отправилъ въ русскій лагерь къ князю Голенищеву-Кутузову своего генерала Лористона съ предложеніемъ перемирія.

Хотя Кутузовъ и принялъ Лористона и имѣлъ съ нимъ разговоръ, тѣмъ не менѣе въ перемиріи отказалъ, обѣщавъ только довести до Высочайшаго свѣдѣнія о мирныхъ желаніяхъ Наполеона. Александръ I, узнавъ о переговорахъ князя Голенищева-Кутузова съ Лористономъ, остался очень не доволенъ, что и выразилъ въ письмѣ къ главнокомандующему.

Въ концѣ своего письма, Императоръ писалъ: «Всѣ свѣдѣнія отъ Меня къ вамъ исходящія, и всѣ предначертанія Мои, въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой Моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ Меня прервать брань, и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленіе отечества»[2].

Убѣдившись, что переговоры ни къ чему не поведутъ, Наполеонъ рѣшилъ оставить Москву и выступить изъ Россіи. Очищеніе Москвы французскими войсками продолжалось съ 8-го по 11-е октября.

Съ этого времени наша арміи начала энергично преслѣдовать непріятеля, а наступившая зима и сильные морозы, а равно отсутствіе теплой одежды и провіанта увеличивали бѣдствія непріятельской арміи.

Адмиралъ Чичаговъ, еще не зная объ отступленіи главной арміи Наполеона, раздѣлилъ свои войска на двѣ части: одну, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Сакена, оставилъ вблизи герцогства Варшавскаго, для наблюденія за Ренье и Шварценбергомъ[3]; а самъ, съ авангардомъ графа Ламберта, корпусомъ генералъ-лейтенанта Воинова (въ числѣ войскъ котораго былъ и Апшеронскій полкъ) и резервомъ генералъ-лейтенанта Сабанѣева, выступилъ 18-го октября къ Березинѣ. 23-го числа корпуса 3-й Западной арміи, двигаясь въ двухъ колоннахъ, прибыли въ г. Слонимъ и расположились въ его окрестностяхъ.

Въ Слонимѣ адмиралъ Чичаговъ, узнавъ объ очищеніи Москвы и отступленіи Напо-

---

[2]) Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Томъ II, стр. 394.

[3]) Корпуса Булатова и Ливена.

леона, рѣшилъ немедля продолжать движеніе къ Березинѣ. Для обезпеченія марша арміи съ лѣваго фланга, главнокомандующій отдѣлилъ корпусъ генерала Воинова черезъ мм. Новогрудекъ и Миръ къ Новосверженю; въ авангардѣ шелъ отрядъ генералъ-маіора графа Орурка, въ составѣ коего находился и Апшеронскій полкъ. Желая предохранить солдатъ отъ заболѣваній, вслѣдствіе наступившей сырой и холодной погоды, отдѣльные начальники располагали войска на ночлегъ въ жилыхъ строеніяхъ и сараяхъ. 5-го ноября авангардъ прибылъ въ м. Раково (недалеко отъ Минска), а остальныя части арміи — въ Минскъ.

Узнавъ, что армія Наполеона двигается къ Борисову, гдѣ намѣревается переправиться черезъ Березину, главнокомандующій 3-й арміи предписалъ генералу Воинову поспѣшить съ корпусомъ къ Борисову, куда и самъ направился изъ Минска, имѣя въ виду соединиться съ корпусомъ графа Витгенштейна.

Поспѣшное отступленіе непріятеля и наши удачи при преслѣдованіи противника давали надежду захватить въ плѣнъ и самого Наполеона, что, между прочимъ, и выразилось въ предписаніи адмирала Чичагова графу Ланжерону, отъ 9-го ноября: «Наполеонова армія», писалъ главнокомандующій — «въ бѣгствѣ. Виновникъ бѣдствій Европы съ нею. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ Свой, предавъ его намъ, — почему желаю, чтобы примѣты сего человѣка всѣмъ были извѣстны: онъ росту малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей же надежности, ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника: извѣстныя щедроты Монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ» [4].

Еще до выступленія арміи изъ Минска, адмиралъ Чичаговъ отправилъ генералъ-маіора Чаплица съ сильнымъ отрядомъ на Зембинъ, для наблюденія за дорогою, проходившею около этого мѣстечка, и для уничтоженія переправъ; небольшой отрядъ отдѣленъ былъ также для слѣдованія къ Борисову через м. Игуменъ.

3-го ноября, авангардъ графа Ламберта разбилъ на-голову часть польскаго корпуса генерала Домбровскаго; 9-го же числа, подойдя къ тетъ-де-пону у Борисова, Ламбертъ встрѣтилъ главныя силы этого корпуса, подъ начальствомъ самого Домбровскаго, и немедленно атаковалъ ихъ. Не смотря на все упорство противника, русскій авангардъ сбилъ его съ Борисовскаго тетъ-де-пона, и, такимъ образомъ, овладѣлъ единственной надежной переправой для войскъ арміи Наполеона. Потеря непріятеля простиралась до 4.000 убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ; отрядъ Ламберта лишился около 2.000 человѣкъ.

10-го ноября къ Борисову прибыли корпуса Ланжерона и Воинова, и, пройдя городъ, стали въ м. Бобрѣ.

По разбитіи Домбровскаго и занятіи Борисова, армія Чичагова имѣла подъ своимъ надзоромъ теченіе р. Березины отъ Зембина до м. Березины, мосты и переправы между которыми были уничтожены. Части арміи вошли уже въ связь съ русскими корпусами, преслѣдовавшими Наполеона съ сѣвера, и, такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ суживалось желѣзное кольцо, долженствовавшее поглотить французскаго полководца съ остатками его «Великой арміи». Положеніе непріятеля, застигнутаго въ предѣлахъ Россіи суровой зимой, было самое отчаянное.

«Войска могли добывать кое-какіе запасы; но какъ нельзя было думать о правильной раздачѣ, то многіе изъ людей, и въ особенности тѣ, которые оставили знамена свои, поневолѣ довольствовались кониною; обычною же пищью солдатъ, оставшихся подъ ружьемъ,

---

[4]) Дѣло № 1886. Военно-Ученый Архивъ. Предписаніе адмирала Чичагова отъ 7-го ноября, за № 1140

*

была похлебка изъ ржаной муки съ кониною. Безпрестанные переходы, почти безъ отдыха, ослабляли войска на каждомъ шагу; полки исчезали съ чрезвычайною быстротой; въ оборванныхъ, покрытыхъ лохмотьями, на половину безоружныхъ людяхъ трудно было узнать воиновъ; ко всѣмъ бѣдствіямъ, постигшимъ Наполеонову армію, присоединилось неминуемое послѣдствіе — упадокъ духа и иногда безуміе. Многіе изъ страдальцевъ, обративъ потухшій взоръ къ сторонѣ своего отечества, ускоряли шагъ и, истощивъ послѣднія силы, падали, въ безсознательномъ ожиданіи конца претерпѣваемыхъ мученій; либо, вымоливъ у своихъ товарищей позволеніе отогрѣть у огня замороженные члены, разрушались за-живо и гибли лютою смертью. Среди тысячъ людей не слышно было никакого говора, кромѣ стоновъ, исторгаемыхъ страданіемъ: движеніе бывшей «Великой арміи» подобилось погребальному шествію» [5].

Готовясь идти на-встрѣчу корпуса графа Витгенштейна и не имѣя никакихъ положительныхъ извѣстій о французахъ, адмиралъ Чичаговъ перевелъ большую часть своей арміи на лѣвый берегъ Березины и выслалъ, 11-го ноября, особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Палена, для открытія непріятеля. Въ 3-хъ верстахъ отъ д. Логиницы войска графа Палена были атакованы авангардомъ корпуса маршала Удино и частью дивизіи генерала Домбровскаго, и отброшены къ Борисову. Извѣстіе о движеніи главныхъ силъ Наполеона къ этому городу произвело немалый переполохъ въ нашей арміи, и адмиралъ Чичаговъ приказалъ отступать на правый берегъ Березины, что, къ сожалѣнію, совершалось безъ всякаго порядка, такъ что въ Борисовѣ многіе изъ полковъ потеряли свои обозы, пропала канцелярія Чичагова и проч. Переправя черезъ Березину, главнокомандующій сосредоточилъ главныя силы у тетъ-де-пона, а отрядъ генерала Чаплица послалъ къ д.д. Бризи и Зембину.

Тѣснимый съ тылу корпусами Витгенштейна и генерала Милорадовича, Наполеонъ рѣшилъ прорваться чрезъ наши арміи къ г. Вильнѣ для чего и переправиться черезъ Березину у Борисова. Занявъ послѣдній, онъ остановилъ свои утомленныя войска, численность коихъ простиралась до 70,000. Не имѣя возможности переправиться у самого Борисова, гдѣ переправа защищалась цѣлой арміей Чичагова, французскій полководецъ остановился на трехъ пунктахъ, возможныхъ для переправы, хотя и съ весьма сомнительными шансами на успѣхъ, а именно на д. Стаховой, въ 6-ти верстахъ отъ Борисова; д. Студянкѣ — въ 16-ти верстахъ отъ города — и д. Веселовѣ. Самою удобною представлялась переправа у Студянки, гдѣ, во-первыхъ, глубина рѣки не превышала полусажени, во-вторыхъ — по отдаленности Студянки отъ расположенія арміи Чичагова, и въ третьихъ — мѣстность благопріятствовала для обстрѣливанія противоположнаго берега. Небольшое селеніе Студянка расположено на лѣвомъ берегу Березины, въ полутораста отъ нея шагахъ къ нему изъ Борисова проходила дорога, прикрытая горами. Вообще весь лѣвый берегъ рѣки представляется возвышеннымъ, а правый низменъ и противъ Студянки покрытъ топями и болотами; не далеко отъ нихъ пролегала довольно исправная проселочная дорога, ведущая къ Бобруйску. Задумавъ переправиться съ арміей у названнаго селенія, Наполеонъ принялъ всѣ мѣры для отвлеченія вниманія Чичагова отъ этого пункта, въ виду чего приготовляя и свозя часть матеріала для постройки моста къ Стахову, онъ въ то же время распускалъ слухи, что намѣревается переправиться на нижней Березинѣ.

Между тѣмъ, генералъ-маіоръ Чаплицъ, стоя съ отрядомъ у Бризей и не имѣя никакихъ извѣстій о непріятелѣ, проѣхалъ кустарниками къ лѣвому берегу рѣки, у Студянки,

---

[5]) Богдановичъ. Исторія отечественной войны. Томъ III, стр. 248.

и здѣсь увидѣлъ нѣсколько французскихъ офицеровъ, производившихъ какъ и онъ рекогносцировку. Это важное обстоятельство принудило нашего генерала остаться 13-го ноября на своей позиціи, несмотря на то, что наканунѣ получено было приказаніе главнокомандующаго двинуться къ Борисовскому тетъ-де-пону; съ разсвѣтомъ же, 14-го числа, Чаплицъ, оставивъ у Брилей часть своего отряда, отошелъ къ д. Стахово.

Опасаясь, чтобы Наполеонъ не переправился ниже Борисова, адмиралъ Чичаговъ съ частью арміи выступилъ 13-го ноября къ м. Шабашевичамъ, между тѣмъ какъ, въ тотъ же день, корпусъ маршала Удино изъ Борисова направился къ Студянкѣ, и, такимъ образомъ, благодаря принятымъ прекраснымъ мѣрамъ осторожности со стороны французовъ, русскій главнокомандующій былъ введенъ въ полное заблужденіе и отвлеченъ въ совершенно противоположную сторону. Тѣмъ временемъ, къ Студянкѣ подвезены были уже всѣ матеріалы для наводки моста; съ разсвѣтомъ 14-го числа туда поѣхалъ и Наполеонъ. Пользуясь отсутствіемъ нашихъ войскъ, непріятель построилъ на лѣвомъ берегу сильную батарею и приступилъ къ наводкѣ двухъ мостовъ, по одному изъ которыхъ перешла часть корпуса Удино. Оставленный Чаплицомъ у Бризей незначительный русскій отрядъ пытался-было воспрепятствовать переправѣ, но безуспѣшно. Узнавъ о переправѣ французской арміи у Студянки, генералъ-маіоръ Чаплицъ немедленно возвратился къ прежней своей позиціи у Брилей, но не рѣшился атаковать Удино, вслѣдствіе чего послѣдній прочно утвердился на правомъ берегу Березины и прикрывалъ переправу прочихъ войскъ Наполеона. Для нашего главнокомандующаго происшествія у Студянки явились весьма непріятнымъ и неожиданнымъ сюрпризомъ: онъ теперь ясно созналъ, что Наполеонъ ввелъ его въ обманъ, и поэтому, торопясь исправить дѣло, послалъ донесеніе князю Кутузову о переправѣ Наполеона, а самъ быстро двинулся изъ Шабашевичей къ Студянкѣ. Придя къ Борисову, Чичаговъ приказалъ навести черезъ Березину понтонный мостъ для открытія непосредственной связи съ корпусомъ Витгенштейна, которому и предложилъ атаковать непріятеля съ лѣвой стороны рѣки, въ то время какъ самъ предполагать двинуться противъ него съ праваго.

Цѣлый день, 15-го ноября, отрядъ Чаплица находился въ бою съ переправившимися корпусами Наполеона; наконецъ къ вечеру подошелъ съ главными силами Чичаговъ и назначилъ главную атаку непріятеля на 16-е число.

На разсвѣтѣ сраженіе началось наступленіемъ соединенныхъ отрядовъ генералъ-маіоровъ Чаплица и графа Орурка, атаковавшихъ корпусъ маршала Удино. Ожесточенный бой происходилъ въ лѣсу около Брилей, гдѣ французы дрались съ неимовѣрнымъ мужествомъ, сознавая свое критическое положеніе. Поражаемыя градомъ артиллерійскихъ снарядовъ, войска Чаплица несли большой уронъ. Въ самомъ началѣ боя Удино былъ раненъ и начальство надъ войсками принялъ маршалъ Ней. Чтобы сломить упорство противника, адмиралъ Чичаговъ послалъ въ бой 9-ю и 18-ю дивизіи; въ первой изъ нихъ находился и Апшеронскій полкъ. Генералъ-маіоръ Сабанѣевъ, которому поручены были обѣ дивизіи, разсыпалъ въ цѣпь всѣ егерскіе полки; огромная стрѣлковая линія, наступая къ лѣсу и не зная о находящихся впереди нея войскахъ Чаплица, открыли въ тылъ имъ страшный ружейный огонь. Между тѣмъ, маршалъ Ней, видя, что русскіе находятся въ самомъ удобномъ строю для кавалерійской атаки, послалъ противъ нихъ своихъ кирасиръ, которые, прорвавъ егерскія цѣпи, успѣли захватить въ плѣнъ до 600 русскихъ. Однако, дальнѣйшіе успѣхи противника были пріостановлены генераломъ Чаплицемъ, бросившимся съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка на кирасиръ и заставившимъ ихъ отступить. Егерей смѣнили мушкетерскіе полки и въ томъ числѣ Апшеронскій, — которые разсыпались

въ цѣпь, продолжали сильнѣйшую перестрѣлку съ непріятелемъ, и, отъ времени до времени, ходили въ штыки. Сраженіе на правомъ берегу Березины окончилось поздно ночью, не давъ никакихъ положительныхъ результатовъ, кромѣ довольно большой потери съ обѣихъ сторонъ: у насъ убито, ранено и взято въ плѣнъ около 2.000 человѣкъ, а у непріятеля до 5.000 человѣкъ. *Апшеронскій полкъ въ сраженіи при Березинѣ лишился убитыми поручика Дюнана и 28 нижнихъ чиновъ; ранеными — поручика Крюковскаго и 70 нижнихъ чиновъ*[6].

Того же 16-го числа произошло сраженіе и на лѣвомъ берегу рѣки, у Студянки, гдѣ графъ Витгенштейнъ атаковалъ генерала Виктора. И здѣсь, хотя бой, съ замѣчательнымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ, длился до самой ночи, мы достигли лишь незначительныхъ успѣховъ, — русскіе заставили непріятеля уступить часть своей позиціи.

На разсвѣтѣ, 17-го ноября, мѣсто переправы представляло удивительное зрѣлище. Генералъ Викторъ, отступивъ со своимъ корпусомъ на правый берегъ, приказалъ зажечь мосты, между тѣмъ какъ на берегу столпились массы отсталыхъ безоружныхъ воиновъ арміи Наполеона, фуры съ тяжело-ранеными, женщины и дѣти; лишенные возможности слѣдовать за арміей Наполеона, всѣми этими несчастными овладѣвало столь страшное отчаяніе, что многіе кидались прямо въ воду и тонули.

17-го ноября армія Чичагова и корпуса графа Платова, Милорадовича и Витгенштейна двинулись преслѣдовать непріятеля. По дорогѣ наши войска массами забирали въ плѣнъ полуобмороженныхъ и голодныхъ французовъ, сдававшихся безъ всякаго сопротивленія. 21-го ноября главныя силы Чичагова подошли къ м. Плещеницы, гдѣ имъ и данъ былъ отдыхъ, а 23-го числа у Молодечны, нагнали аріергардъ французской арміи и нанесли ему пораженіе. 29-го ноября адмиралъ Чичаговъ прибылъ съ арміей въ Вильну, и дойдя до р. Нѣмана, остановился. Арміи Наполеона въ Россіи уже не было. Войска наши страшно утомились отъ постоянныхъ большихъ и тяжелыхъ переходовъ и требовали отдыха. Апшеронскій полкъ сталъ на зимнія квартиры въ мѣстечкѣ Гура около Варшавы.

Изгнавъ французовъ изъ Россіи, Императоръ Александръ рѣшилъ перенести театръ войны за р. Нѣманъ и освободить Европу отъ ига Наполеона. Наступленіе русскихъ началось въ концѣ декабря, причемъ армія адмирала Чичагова двигалась на Гумбиненъ и Бартенштейнъ къ Кенигсбергу; сюда направились также войска графовъ Витгенштейна и Платова.

По выходѣ изъ Россіи, главныя силы русской арміи сосредоточились въ г. Калишѣ, куда, 12-го февраля, пріѣхалъ и Императоръ Александръ. Передовой корпусъ, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, двинулся къ Одеру. 17-го февраля Прусскій король подписалъ союзъ съ Россіею, главными основами котораго были: освобожденіе Прусскаго королевства отъ французовъ возстановленіе его въ прежнихъ границахъ, а также и освобожденіе всей Европы. Вскорѣ къ союзу примкнули Англія и Швеція; но первая, какъ занятая войной въ Испаніи, не могла прислать своего вспомогательнаго корпуса, и, потому, помогала союзникамъ деньгами.

Только одна Австрія еще трепетала передъ геніемъ Наполеона; хотя войска ея и прекратили военныя — слѣдуетъ добавить, крайне неудачныя — дѣйствія противъ Россіи, тѣмъ не менѣе, Вѣнскій кабинетъ не осмѣливался присоединиться къ коалиціи, и, взамѣнъ того, предложилъ свое посредничество для заключенія мира между воюющими сторонами. Само собою разумѣется, австрійское правительство явилось примирителемъ исклю-

---

[6]) Московское отдѣленіе архива главнаго штаба. Строевой рапортъ полка за ноябрь 1812 г.

чительно изъ своекорыстныхъ видовъ, въ надеждѣ съ лихвою для себя поживиться на счетъ германскихъ владѣній[7].

Но Императоръ Александръ I, уже хорошо знакомый съ коварной и лживой политикой Австріи, отклонилъ всякое ея посредничество и рѣшилъ продолжать войну.

Въ февралѣ мѣсяцѣ адмиралъ Чичаговъ былъ уволенъ отъ службы и начальство надъ его арміей ввѣрено генералу-отъ-инфантеріи Барклаю-де-Толли. Численность русскихъ войскъ за границей простиралась до 140,000, и, въ концѣ февраля они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: главныя силы—въ Калишѣ; блокадный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Левиза,—у кр. Данцига; другой корпусъ—у кр. Замостье; третій—у Ченстохова и четвертый—у кр. Модлина.

Ближайшая задача 3-й арміи—генерала Барклая-де-Толли—заключалась въ овладѣніи кр. Торномъ, куда въ началѣ марта онъ и направился съ корпусомъ генерала-отъ-инфантеріи графа Ланжерона[8].

Получивъ отъ Императора повелѣніе взять Торнъ правильной осадой, генералъ Барклай, по прибытіи къ крѣпости, распорядился доставкой изъ кр. Грауденца прусской осадной артиллеріи; но, вслѣдствіе трудности перевозки орудій вверхъ по теченію Вислы, они были доставлены только къ 20-му марта. Тѣмъ временемъ, войска наши, держа Торнъ въ блокадѣ, занимались приготовленіемъ туровъ и фашинъ, лѣстницъ и проч. Самый осадный корпусъ располагался такъ, что главныя силы, предназначенныя исключительно для осады, находились на правомъ берегу Вислы, а на лѣвомъ — стоялъ особый наблюдательный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Чаплица.

Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 3.500 человѣкъ баварскихъ войскъ. На предложеніе о сдачѣ, комендантъ Торна отвѣтилъ отказомъ, вслѣдствіе чего главнокомандующій спустя нѣсколько дней блокады, рѣшилъ приступить къ осадѣ. 25-го марта къ Торну прибылъ Апшеронскій полкъ, подъ командою полковника Рейхеля[9].

Составъ офицеровъ полка поротно былъ слѣдующій:

1-я гренадерская рота — штабсъ-капитанъ Осипъ Коноваловъ (командиръ роты), подпоручикъ Андрей Соколовскій, прапорщики Иванъ Крахотинъ и Иванъ Милорадовичъ, кромѣ того въ ротѣ состояли: адъютантъ генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича подпоручикъ Иванъ Морозовъ 1-й и шефскій адъютантъ поручикъ — Θедоръ Глинка, бригадный адъютантъ — подпоручикъ Θедоръ Скориковъ, полковой адъютантъ — прапорщикъ Алексѣй Тризна, полковой казначей прапорщикъ — Іосифъ Хмелевскій и полковой квартирмистръ — подпоручикъ Семенъ Морозовъ 2-й.

1-я мушкетерская рота: штабсъ-капитанъ Василій Албинскій (командиръ роты), поручикъ Яковъ Жеребцовъ, прапорщики Георгій Крюковскій и Хрисанфъ Красницкій.

2-я мушкетерская рота: капитанъ Захарій Клевецкій (командиръ роты), поручикъ Θедоръ Гуляковъ, подпоручикъ Антонъ Петренко и прапорщикъ Петръ Валяевъ.

3-я мушкетерская рота: маіоръ Николевъ (онъ же Николаевъ)—командиръ роты, поручикъ Николай Нелюбовъ, прапорщики Гавріилъ Максимовъ и Гавріилъ Штыковъ.

3-я гренадерская рота: капитанъ Николай Тихменевъ (командиръ роты), штабсъ-

---

7) При описаніи участія Апшеронскаго полка въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, намъ, къ сожалѣнію, приходится ограничиться описаніемъ общаго хода сраженій, ибо въ архивныхъ документахъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить отдѣльное о полкѣ упоминаніе и слѣдовательно не представляется возможнымъ рельефнѣе обрисовать степень участія Апшеронцевъ въ томъ или другомъ дѣлѣ. Поэтому, по необходимости, излагаемъ дѣйствія лишь тѣхъ корпусовъ или дивизіи, въ коихъ полкъ состоялъ.

8) Съ графомъ Ланжерономъ пришла часть полковъ 9-й дивизіи, 15-я и 18-я дивизіи, 4 роты артиллеріи, 3 роты саперъ и піонеровъ и 4 полка казаковъ.

9) Дѣло № 2146. Рапортъ графа Ланжерона Барклаю-де-Толли отъ 25 марта № 424, Военно-Ученый Архивъ.

капитанъ Петръ Гутковъ, подпоручикъ Иванъ Жуковъ, прапорщики Павелъ Оболенскій и баталіонный адъютантъ Яковъ Флоринъ.

7-я мушкетерская рота: маіоръ Иванъ Юрасовъ (командиръ роты), штабсъ-капитанъ Алексѣй Шушеринъ, поручикъ Лука Евреиновъ, подпоручикъ Ефимъ Лавровъ и прапорщикъ Василій Черносвитовъ.

8-я мушкетерская рота: поручикъ Иванъ Слюзъ, подпоручикъ Иванъ Маринъ и прапорщикъ Сергѣй Ельчинъ.

9-я мушкетерская рота: маіоръ Василій Свѣчинъ 3-й, штабсъ-капитанъ Козьма Издебскій (командиръ роты), поручикъ Иванъ Гофманъ и прапорщикъ Иванъ Гноевой [10]).

27-го марта, генералъ Барклай приказалъ открыть траншейныя работы. Въ ночь на 28-е число для работъ вышло 2,000 человѣкъ и въ томъ числѣ 120 отъ Апшеронскаго полка. Непріятель, узнавъ о началѣ земляныхъ работъ, произвелъ вылазку на рабочихъ и на ихъ прикрытія. Расположенный впереди, Апшеронскій полкъ встрѣтилъ французовъ сначала ружейнымъ огнемъ, а потомъ пошелъ въ штыки. Поддержанные другими частями, Апшеронцы отбили вылазку и принудили непріятеля уйти въ крѣпость. Въ ночномъ бою *Апшеронскій полкъ лишился штабсъ-капитана Петра Гуткова и 17 нижнихъ чиновъ убитыми; капитана Захарія Клевецкаго и 68 нижнихъ чиновъ ранеными* [11]).

По отбитіи вылазки работа продолжалась и къ разсвѣту близъ крѣпостныхъ стѣнъ проведена первая параллель и устроено пять батарей, вооруженныхъ мортирами. Осада продолжалась еще семь дней. Комендантъ крѣпости, увидѣвъ, что дальнѣйшее сопротивленіе ни къ чему не поведетъ и она будетъ взята штурмомъ, вступилъ въ переговоры, а 4-го апрѣля Торнъ сдался на капитуляцію, при чемъ намъ досталось 57 орудій и годовой запасъ провіанта; гарнизонъ, въ составѣ 2 генераловъ, 135 офицеровъ и 1,973 рядовыхъ, отпущены на свободу, съ условіемъ въ теченіи одного года не сражаться противъ союзниковъ. Въ госпиталѣ оставлено французами больныхъ и раненыхъ 35 офицеровъ и 1,532 нижнихъ чина [12]).

Въ числѣ войскъ, оставленныхъ гарнизономъ въ Торнѣ, находился также и баталіонъ Апшеронскаго полка [13]).

По овладѣніи этой крѣпостью Барклай-де-Толли двинулся въ Саксонію и, въ началѣ мая, соединился съ главной арміей близъ г. Бауцена, куда изъ Дрездена двигалась также и армія Наполеона.

Войска союзниковъ заняли позицію подъ Бауценомъ и расположились въ двѣ боевыя линіи; находясь во 2-й линіи, составлявшей собственно позицію, армія Барклая-де-Толли образовала правый флангъ и занимала Кренвицкія высоты, примыкая правымъ крыломъ къ озерамъ у мм. Плисковича и Мальшвица.

Получивъ 6-го мая донесеніе, что отъ Шпремберга къ г. Кенигсварту двигается сильная непріятельская колонна, Императоръ Александръ I повелѣлъ генералу Барклаю съ корпусомъ изъ русскихъ и прусскихъ войскъ произвести рекогносцировку къ этому городу, для опредѣленія численности наступавшаго непріятеля.

Въ ночь на 7-е мая Барклай, взявъ корпусъ графа Ланжерона, въ составѣ коего находился и Апшеронскій баталіонъ (въ 9-й дивизіи генералъ-маіора Инзова), и прусскій корпусъ генерала Іорка, выступилъ съ своей позиціи къ Кенигсварту, причемъ русскія войска

---

[10]) Московское отдѣленіе архива Главнаго штаба.

[11]) Тамъ-же. Строевой рапортъ полка за мартъ 1813 года.

[12]) Дѣло № 2146. Военно-Ученый Архивъ.

[13]) Дѣло № 2077. Военно-Ученый Архивъ. Черезъ два мѣсяца баталіонъ присоединился къ полку.

составляли первую колонну, а пруссаки — вторую. Впереди съ авангардомъ двигался генералъ Чаплицъ, который, подойдя около полудня къ городу и увидѣвъ, что онъ занятъ противникомъ, тотчасъ далъ знать о томъ генералу Барклаю. Едва подошли главныя силы, какъ онѣ немедленно же направлены были въ атаку. Прежде всѣхъ ворвались въ городъ войска князя Щербатова, а за ними 9-я дивизія генерала Инзова. Кенигсвартъ занимала италіанская дивизія, подъ начальствомъ генерала Пире; совершенно не ожидая появленія русскихъ, италіанцы не выставили никакихъ наблюдательныхъ постовъ, и, вообще, расположились въ городѣ по-домашнему; но такая неосторожность дорого обошлась нашему противнику. Атакованная превосходными силами, италіанская дивизія хотя и весьма мужественно защищалась, тѣмъ не менѣе была совершенно разбита, причемъ взяты въ плѣнъ 4 генерала, 14 штабъ и оберъ-офицеровъ и 740 нижнихъ чиновъ[14]. Трофеями нашихъ войскъ были 10 орудій. Успѣвшіе уйти отъ преслѣдованія, остатки дивизіи спаслись въ Каменецкомъ лѣсу.

Между тѣмъ, прусскій генералъ Іоркъ, взявъ направленіе на м. Вейссигъ, встрѣтилъ у послѣдняго французскій корпусъ генерала Лористона и часть корпуса маршала Нея, которыми пруссаки и были атакованы. На выручку союзниковъ изъ бѣды, Барклай послалъ генерала Инзова съ частью 9-й пѣхотной дивизіи и съ нѣсколькими гренадерскими баталіонами изъ корпуса генералъ-лейтенанта Раевскаго. Прибытіе этихъ подкрѣпленій къ пруссакамъ заставило непріятеля отступить. На разсвѣтѣ, 8-го мая, рекогносцировочный корпусъ возвратился къ Бауцену и войска стали на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Сраженіе у Кенигсварта стоило намъ около 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными; пруссаки же потеряли до 2,000 человѣкъ.

Помимо пораженія италіанской дивизіи, рекогносцировка 7-го мая дала намъ и другіе весьма важные результаты: она показала, что главная опасность въ предстоявшемъ подъ Бауценомъ сраженіи угрожаетъ правому флангу союзниковъ; поэтому Барклаю-де-Толли предписано принять съ арміей вправо и стать между м.м. Мальшвицемъ и Глейною, примыкая лѣвымъ крыломъ къ р. Шпре, а правымъ—къ рѣчкамъ Блезауеру и Лебауеру. Опасаясь за свой правый флангъ и произведя передвиженіе корпусовъ, союзники растянули свою позицію на 12 верстъ, и тѣмъ самымъ немало помогли Наполеону въ ущербъ себѣ.

Подойдя къ Бауцену и осмотрѣвъ расположеніе союзниковъ, императоръ французовъ рѣшилъ: произведя ложную атаку на лѣвое крыло союзной арміи, съ главными силами ударить на правый флангъ и тылъ, овладѣть дорогою въ Рейхенбахъ и отбросить союзную армію къ Богеміи. И дѣйствительно, чтобы обмануть союзниковъ, Наполеонъ, прибывъ около полудня, 8-го мая, къ Бауцену, произвелъ атаку на ихъ лѣвое крыло и вскорѣ оттѣснилъ его. Въ этотъ день однако сраженіе не разыгралось на всѣхъ пунктахъ.

Въ 6 часовъ утра, 9-го мая, непріятель вторично повелъ атаку противъ лѣваго фланга союзниковъ и, въ то же время, противъ войскъ Барклая-де-Толли.

Противъ дивизіи генералъ-маіора Инзова (по баталіону отъ полковъ: Апшеронскаго, Ряжскаго, Нашебургскаго, Якутскаго, 10-го и 38-го егерскихъ), занимавшей сел. Прейтицъ, Наполеонъ послалъ корпусъ маршала Нея. Долго держались наши храбрыя войска противъ многочисленнаго непріятеля и только въ 11-ть часовъ дня, послѣ пятичасоваго боя, Инзовъ принужденъ былъ уступить селеніе французамъ; поддержанные прусскою гвардіей и отрядомъ Клейста, русскіе полки вновь ворвались въ Прейтицъ и выбили отсюда французскую дивизію. Оставивъ пруссаковъ для защиты селенія, генералъ Инзовъ присоединился со

[14]) Изъ біографіи фельдмаршала князя Барклая-де-Толли. Военная галерея Зимняго дворца. Томъ IV, стр. 77.

своею дивизiею къ войскамъ генерала Барклая. Тѣмъ не менѣе правый флангъ принужденъ былъ отступить за р. Лебау и расположился на позицiю на высотахъ передъ м. Барутомъ. Присоединивъ къ себѣ авангардъ и 18-ю дивизiю генералъ-лейтенанта Засса, Барклай занялъ стрѣлками впереди лежащiй лѣсъ и отбивалъ всѣ атаки французскаго корпуса генерала Лористона. Въ три часа дня началось общее отступленiе союзниковъ. Полки Инзова, составлявшiе арiергардъ корпусовъ генерала Барклая, съ замѣчательнымъ мужествомъ противустояли атакамъ противника. Отступленiе совершалось въ полномъ порядкѣ и у насъ не было потеряно не только ни одного орудiя, но даже ничтожной повозки. Потеря русской армiи въ Бауценскомъ сраженiи заключалась въ 3,656 человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ; въ Апшеронскомъ баталiонѣ убито: *нижнихъ чиновъ 17;* ранены: *маiоръ Свѣчинъ 3-й, подпоручикъ Маринъ, прапорщикъ Ельчинъ и 56 нижнихъ чиновъ*[15].

Отъ Бауцена союзники отступили въ Прусскую Силезiю и расположились у г. Швейдница. Главнокомандующимъ всѣми армiями назначенъ былъ генералъ Барклай-де-Толли, а начальство надъ его армiей (3-й) принялъ графъ Ланжеронъ. Во концѣ мая, благодаря усилiямъ австрiйской дипломатiи, между воюющими сторонами состоялось перемирiе, продолжавшееся до начала августа. Въ этотъ промежутокъ времени наша армiя пополнялась прибывавшими изъ Россiи резервами, вооруженiе приводилось въ лучшее состоянiе, полки снабжались новымъ обмундированiемъ и обувью, и учреждено нѣсколько продовольственныхъ складовъ.

Въ концѣ iюля Императоръ Александръ произвелъ смотръ всѣмъ частямъ армiи и нашелъ ихъ въ блестящемъ состоянiи.

Продолжавшiеся болѣе двухъ мѣсяцевъ переговоры ни къ чему не привели, такъ какъ въ основу мира союзные государи клали: возстановленiе прежнихъ границъ Австрiи и Пруссiи, уничтоженiе Рейнскаго союза и Варшавскаго герцогства и возвращенiя Францiей областей, захваченныхъ насильственнымъ образомъ у Германiи.

Отказъ Наполена согласиться на предложенныя условiя мира заставилъ и Австрiю присоединиться къ союзу.

Согласно новаго распредѣленiя войскъ, Апшеронскiй полкъ вошелъ въ составъ 3-й армiи графа Ланжерона, образовавшей вмѣстѣ съ прусскими войсками Силезскую армiю, подъ главнымъ начальствомъ генерала Блюхера[16].

При открытiи военныхъ дѣйствiй, армiя Блюхера, не вдаваясь въ сраженiя съ Наполеономъ, должна была оказать помощь Богемской армiи (Австрiйской) или Сѣверной (Русско-шведской); въ случаѣ же, если бы непрiятель обратилъ свои главныя силы противъ Силезской армiи, Блюхеру надлежало отступить за р. Нейссе.

3-го августа Силезская армiя выступила къ Бобру, съ цѣлью атаковать корпуса Нея, Макдональда, Мармона и Лористона, стоявшiе между рѣками Бобромъ и Кацбахомъ. Въ то же время Главная армiя союзниковъ направилась къ Дрездену, куда пошелъ и Наполеонъ съ нѣсколькими корпусами, сначала двинувшiйся противъ Блюхера. 14-го и 15-го августа, у Дрездена происходили кровопролитныя сраженiя. Наполеонъ удержалъ городъ, благодаря цѣлому ряду ошибокъ австрiйскаго главнокомандующаго Шварценберга, руководившаго ходомъ боя. Союзники отступили къ гор. Кульму, гдѣ 18-го августа французскiй корпусъ генерала Вандама потерпѣлъ пораженiе. Въ то время, какъ главныя силы сражались

---

15) Московское отдѣленiе Архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ полка за май мѣсяцъ.

16) Въ Селевской армiи находились слѣдующiя русскiя войска: корпусъ Сакена — 10-я, 27-я и бригада 16-й дивизiи; корпусъ графа Ланжерона — 7, 8, 9, 11, бригада 13-й, 15, 17, 18 и 22 пѣхотныя дивизiи, кромѣ того два кавалерiйскихъ корпуса генераловъ князя Васильчикова и барона Корфа.

у Дрездена и подъ Кульмомъ, Силезская армія одержала побѣду надъ корпусомъ Макдональда, при р. Кацбахѣ.

Наполеонъ, уходя къ Дрездену, для дѣйствій противъ Блюхера, оставилъ корпуса Сугама, Себастіана, Лористона и Макдональда, подъ общимъ начальствомъ послѣдняго. Блюхеръ получивъ извѣстіе объ отъѣздѣ Наполеона и уменьшеніи стоявшихъ противъ него непріятельскихъ войскъ, рѣшилъ перейти въ наступленіе такимъ образомъ: правая колонна,—корпусъ генерала Сакена—двинулась изъ г. Яуера на Трибельвицъ; средняя—корпусъ Іорка — на Брехтельсгофъ и лѣвая — корпусъ графа Ланжерона — на д. Геннерсдорфъ и Гольдбергъ. 14-го августа колонны выступили по указаннымъ имъ направленіямъ; въ тотъ же день и Макдональдъ двинулся изъ Гольдберга для атаки Блюхера. Вблизи Кацбаха, главныя силы непріятеля встрѣтились съ корпусами Сакена и Іорка и были разбиты, причемъ вся честь побѣды принадлежала русскимъ. Войска графа Ланжерона на пути къ Гольдбергу, встрѣтили у Геннерсдорфа корпусъ Лористона, который сдѣлалъ уже всѣ распоряженія для атаки русскихъ войскъ, но, узнавъ о пораженіи Макдональда, поспѣшно отступилъ и, преслѣдуемый русскими до Гольдберга, потерялъ 22 орудія, доставшіяся въ наши руки. Затѣмъ Ланжеронъ двинулся къ Левенбергу, гдѣ, атаковавъ французскую дивизію генерала Пюто, разбилъ ее на-голову, причемъ самъ Пюто съ 3,500 человѣкъ взятъ въ плѣнъ и, сверхъ того, у непріятеля отбито еще 16 орудій и 2 знамени.

Для спасенія остатковъ корпусовъ Макдональда отъ преслѣдовавшей его арміи Блюхера, Наполеонъ рѣшилъ обратиться противъ послѣдней. Но Блюхеръ, слѣдуя даннымъ ему раньше указаніямъ и считая рискованнымъ вдаваться въ сраженіе съ главными непріятельскими силами, отступилъ отъ Кацбаха и, перейдя 25-го августа за р. Квейсъ, остановился. Наполеонъ опять двинулся къ Дрездену.

Прошло три недѣли въ различныхъ передвиженіяхъ союзничьихъ и непріятельскихъ армій. Обѣ стороны готовились къ рѣшительному сраженію и дѣлали необходимыя для того распоряженія. Въ концѣ сентября арміи союзниковъ и французская стали стягиваться къ гор. Лейпцигу, куда двинулась и Силезская армія; 3-го октября, наканунѣ перваго дня боя подъ Лейпцигомъ, она находилась въ м. Шкейдицѣ, въ 10 верстахъ отъ города. Того-же числа австрійскій генеральный штабъ составилъ диспозицію боя, основанную на различныхъ маневрированіяхъ и по сущности которой большая половина арміи долженствовала стать между р.р. Плейсою и Эльстеромъ.

«Прочитавъ диспозицію, Императоръ Александръ пригласилъ къ себѣ австрійскихъ генераловъ, составлявшихъ ее, и говорилъ имъ о невыгодахъ ставить половину арміи между двумя рѣками, лишавшими возможности развертывать наши силы. «При Конневицѣ, сказалъ Государь, только одна переправа; нельзя переходить по ней иначе, какъ подъ непріятельскимъ огнемъ и такимъ малымъ фронтомъ, что для перехода корпусовъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, потребуются сутки и болѣе, въ теченіи которыхъ Наполеонъ будетъ имѣть средства обрушиться на наше правое крыло, между тѣмъ когда большая часть войскъ нашихъ, заключенныхъ между Плейсою и Эльстеромъ, не въ состояніи будутъ подать помощь этому австрійскому крылу». На возраженія австрійскихъ генераловъ Императоръ сказалъ имъ: «Если вы намѣрены стать между Плейсою и Эльстеромъ, то вольны располагать только войсками вашего монарха. Но Я требую, чтобы русскіе и прусскіе корпуса переведены были на правую сторону Плейсы и посланы въ подкрѣпленіе графу Витгенштейну, на Рету и Магдеборнъ»[17].

---

17) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1813 года, ч. 2-я; стр. 115.

Утромъ, 4-го октября, порядокъ расположенія союзниковъ былъ слѣдующій: въ 1-й линіи, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, лѣвое крыло у м. Греберна составляли прусскія войска; центръ, у м. Гассы, образовали русскіе и пруссаки вмѣстѣ, правое крыло — изъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ войскъ — расположилось у м. Гроссъ-Песны.

Во второй линіи находились резервы, состоявшіе исключительно изъ русскихъ войскъ. Армія Блюхера, съ резервомъ, выступала изъ Шнейдица. Сраженіе началось наступленіемъ нашего лѣваго крыла и центра на мм. Клебергъ, Вахау и Либервольковицъ. Но наши атаки были безуспѣшны; Наполеонъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отбросить Главную армію, прежде чѣмъ подоспѣетъ къ бою армія Силезская. Уже болѣе трехъ часовъ продолжалась упорнѣйшая битва, нашъ центръ былъ разобщенъ, почти всѣ орудія подбиты; казалось, союзники проиграютъ сраженіе: такъ думали многіе генералы; одинъ только Императоръ Александръ еще не отчаявался. Онъ приказалъ пустить въ атаку тяжелую кавалерію и привести на поле битвы резервную артиллерію. И, дѣйствительно, эта атака нашей конницы и сосредоточенный огонь изъ 112 орудій резервной артиллеріи совершенно исправили дѣло, и непріятель былъ отбитъ.

Теперь посмотримъ, что̀ дѣлалось въ арміи Блюхера. Изъ Шнейдица Силезская армія направилась двумя колоннами: графъ Ланжеронъ со своимъ корпусомъ пошелъ на м. Раденфельдъ, а Іоркъ съ прусскими войсками — на м. Лютченъ, корпусъ Сакена составлялъ резервъ. Удерживать Силезскую армію Наполеонъ поручилъ маршалу Мармону съ двумя пѣхотными корпусами. Правый флангъ занятой непріятелемъ позиціи доходилъ до дороги, шедшей изъ д. Реденфельда, а лѣвый флангъ упирался въ д. Мекернъ.

Прусскія войска двинулись къ лѣвому флангу непріятеля и атаковали стоявшихъ здѣсь французовъ: направляя всѣ свои усилія для овладѣнія Мекерномъ, пруссаки два раза врывались въ эту деревню, но были выбиваемы и, наконецъ, только въ третій разъ успѣли въ ней утвердиться.

Между тѣмъ корпусъ Ланжерона атаковалъ селеніе Ведеричъ, состоявшее изъ двухъ частей — Гроссъ-Ведерича и Клейнъ-Ведерича. Первымъ пошелъ въ атаку корпусъ генералъ-лейтенанта Капцевича; его полки встрѣтили страшное сопротивленіе, и хотя два раза успѣвали занять Ведеричи, но все-таки были оттуда вытѣснены. Тогда генералъ-маіоръ Олсуфьевъ (командиръ 9-го корпуса) послалъ съ лѣваго фланга въ помощь генералъ-маіора Удома (начальника 9-й дивизіи) со стрѣлками Апшеронскаго, Якутскаго и Нашебургскаго полковъ.

Удомъ получилъ приказаніе занять березовую рощу близъ Зегаузена. Не успѣли стрѣлки вступить туда, какъ ихъ атаковали превосходныя силы французовъ, и они принуждены были отступить. Въ подкрѣпленіе генералу Удому Олсуфьевъ послалъ Ряжскій и Колыванскій полки. Тогда стрѣлки вновь пошли въ атаку, овладѣли всей рощей, а затѣмъ заняли дорогу въ Дюбенъ,— и французы должны были спасаться за р. Парту [18]. Наконецъ и усилія войскъ, атаковавшихъ оба Ведерича, увѣнчались успѣхомъ: непріятель, бросивъ свою позицію, началъ отступать на всѣхъ пунктахъ за Парту. Дѣло окончилось поздно вечеромъ. Маршалъ былъ разбитъ и потерялъ 59 орудій, въ плѣнъ взято около 3,000 человѣкъ. Потери русскихъ войскъ въ реляціяхъ не показаны; изъ строевого же рапорта Апшеронскаго полка за октябрь мѣсяцъ видно, что въ сраженіи 4-го октября убиты: *подпоручикъ Андрей Соколовскій и Иванъ Жуковъ, прапорщики Иванъ Гноевой и Георгій Крюковскій и 23 нижнихъ чина; ранены—маіоръ Иванъ Юрасовъ, штабсъ-капитанъ Василій Албинскій и 110 нижнихъ чиновъ* [19].

---

[18]) Біографія генерала Удома. Военнаа галлерея Зимняго Дворца. Томъ 3, стр. 3.
[19]) Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба.

Первый день сраженія при Лейпцигѣ не далъ союзникамъ никакихъ результатовъ; одна Силезская армія могла сказать, что для нея 4-ое октября было весьма удачно, Главная же армія, будучи сама атакована, только успѣла удержать свои позиціи.

Слѣдующій день обѣ стороны провели спокойно, какъ бы собираясь съ силами, чтобы вновь броситься другъ на друга. Въ сраженіи 6-го октября Апшеронцы прямаго участія не принимали, ибо 9-я дивизія стояла вдоль берега рѣки Парты, для поддержанія связи между корпусами Ланжерона и Сакена.

Упорное—сраженіе или «битва народовъ»—продолжалось цѣлый день; союзники успѣли на всѣхъ пунктахъ оттѣснить французовъ и подошли къ самому Лейпцигу; хотя ночь и раздѣлила сражающихся, но войска расположились на занятыхъ имъ съ боя позиціяхъ. Видя, что удержать Лейпцига нѣтъ возможности, Наполеонъ, въ ночь на 7-е число, сдѣлалъ всѣ распоряженія для отступленія къ Люцену.

Часть французскихъ корпусовъ уже покинула Лейпцигъ, когда, на разсвѣтѣ 7-го числа, Императоръ Александръ I получилъ извѣстіе объ отступленіи Наполеона. Немедленно въ войска разосланы были приказанія атаковать городъ.

Силезская армія двинулась къ сѣверной части города, а корпусъ графа Ланжерона наступалъ по дорогѣ, ведущей изъ Торгау къ Лейпцигу.

Около 8 часовъ утра, корпуса генерала Блюхера подошли къ предмѣстьямъ города, гдѣ и завязался весьма упорный бой. Войска графа Ланжерона приблизились къ Гальскимъ воротамъ, обстрѣлявъ которыя и расположенный около нихъ редутъ артиллерійскимъ огнемъ, Ланжеронъ послалъ въ атаку пять полковъ, штыками выбившихъ непріятеля изъ редута и овладѣвшихъ 5-ю орудіями, не смотря на то, что французы дрались съ замѣчательнымъ мужествомъ и каждый шагъ впередъ обходился намъ дорого.

Наконецъ, русскіе корпуса Ланжерона, Сакена, Воронцова, Беннигсена и прусскій—Бюлова овладѣли предмѣстьями и ворвались въ самый городъ. Лишенный единства и двигаясь по узкимъ улицамъ Лейпцига, непріятель уже не въ силахъ былъ задержать наступленія русскихъ колоннъ и въ полномъ безпорядкѣ отступалъ къ мосту на р. Плейсѣ. Маршалы Макдональдъ и Понятовскій, командовавшіе французскимъ аріергардомъ, употребляли всевозможныя усилія, чтобы удержать напоръ русскихъ войскъ и доставить своимъ тяжестямъ и обозу средства къ переправѣ черезъ рѣку; но ихъ старанія разбились о непредвидѣнную и страшную случайность. Уѣзжая изъ Лейпцига, Наполеонъ приказалъ, по выходѣ изъ города аріергарда своей арміи, взорвать мостъ, для чего и назначилъ одного инженернаго офицера. Въ происшедшей при отступленіи сумятицѣ, офицеръ этотъ куда-то исчезъ, а стоявшій у мины унтеръ-офицеръ, объятый паническимъ страхомъ, сообщилъ ей огонь въ то мгновеніе, когда французскія войска и повозки съ тяжестями скопились на мосту, который взлетѣлъ съ ними на воздухъ, отрѣзавъ аріергардъ отъ остальной Наполеоновской арміи. Войска Макдональда и Понятовскаго частью сдались, частью же потонули въ Плейсѣ, пытаясь ее переплыть. Въ числѣ убитыхъ находился также и одинъ изъ преданнѣйшихъ Наполеону генераловъ — маршалъ Понятовскій.

Такъ окончился трехдневный бой у Лейпцига. Обѣ сражавшіяся стороны понесли огромный уронъ: потери союзниковъ состояли изъ 21 генерала, 1,800 офицеровъ и 45,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными; изъ этого числа на долю однихъ русскихъ приходилось 22,000 человѣкъ. Наполеонъ лишился болѣе половины своей арміи: убиты—одинъ маршалъ, 8 генераловъ и 20,000 нижнихъ чиновъ; въ плѣнъ взяты—король Саксонскій, 22 генерала (въ числѣ ихъ Ренье и Лористонъ) и 40,000 нижнихъ чиновъ. Трофеями одержанной побѣды были—325 орудій, 130,000 ружей и множество обоза.

На другой день по взятіи Лейпцига, союзники двинулись преслѣдовать непріятеля; армія Блюхера, раздѣленная на двѣ части, направилась изъ двухъ мѣстъ: корпуса графа Ланжерона—изъ м. Шкейдица на г. Люценъ, а корпусъ Іорка—на г. Мерзебургъ.

9-го октября полки Ланжерона переправились черезъ р. Салу и пошли къ г. Фрейбургу. Настойчивое преслѣдованіе непріятеля продолжалось до г. Эрфурта, гдѣ остановился Наполеонъ. Къ 12-му октября противъ него сосредоточились: Барклай де-Толли—съ Главной арміей, Блюхеръ—съ Силезской и наслѣдный Шведскій принцъ—съ Сѣверной. Но императоръ французовъ не рѣшился дать союзникамъ сраженія и, въ ночь на 13-е число, оставилъ Эрфуртъ; французская армія отступила на Готту, отсюда на Франкфуртъ-на-Майнѣ и затѣмъ переправилась черезъ Рейнъ. Русскій корпусъ графа Ланжерона—а съ нимъ вмѣстѣ и Апшеронскій полкъ — преслѣдовалъ непріятеля по пятамъ до самаго Рейна, отсюда возвратился къ Франкфурту и въ его окрестностяхъ расположился на зимнихъ квартирахъ. Апшеронскій полкъ сталъ въ д. Этерзгеймѣ.

Отъ частыхъ сраженій, происходившихъ въ 1813 году, во многихъ полкахъ убыль людей была настолько велика, что въ баталіонахъ оставалось немногимъ болѣе 200 человѣкъ, такъ что 2 такіе баталіона сводились въ одинъ; подобнымъ же образомъ и Апшеронскій полкъ образовалъ одинъ баталіонъ съ численнымъ составомъ въ 468 человѣкъ.

Въ концѣ 1813 года полковникъ Рейхель, сдавъ временно полкъ подполковнику Фишеру, уѣхалъ, для излеченія ранъ, въ Россію, а въ январѣ 1814 года новымъ полковымъ командиромъ назначенъ былъ полковникъ Ираклій Полиньякъ.

Плодами кампаніи 1813 года явилось полное освобожденіе Германіи отъ Наполеона; въ Голландіи точно также не осталось французскихъ войскъ. Союзникамъ, остановившимся на границахъ Франціи, предстояло рѣшить вопросъ: ограничиться-ли пріобрѣтенными успѣхами и заключить на выгодныхъ условіяхъ съ Наполеономъ миръ, или же продолжать войну, театромъ которой избрать самую Францію. Преобладало мнѣніе за миръ, и потому вскорѣ по этому предмету переговоры.

Но Наполеонъ, несмотря на самыя печальныя для него обстоятельства и на всю выгоду предложенныхъ мирныхъ условій, отвергнулъ ихъ,—и снова началась борьба.

Въ половинѣ декабря, Силезская армія придвинулась къ Рейну и расположилась между городами Кобленцемъ и Дармштадтомъ. Апшеронскій полкъ, оставаясь въ 9-й дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Удома, находился въ 9-мъ корпусѣ генералъ-маіора Олсуфьева.

Согласно общаго плана наступательныхъ дѣйствій, надлежало: арміи генерала Блюхера переправиться черезъ Рейнъ, частью войскъ обложить кр. Майнцъ, а съ остальными силами войти во Францію и безостановочно двигаться на соединеніе съ Главною арміею, долженствовавшею уже находиться у городовъ Арсиса, Труа и Витри.

Для переправы на лѣвый берегъ Рейна, Блюхеръ раздѣлилъ армію на три части: корпусамъ Ланжерона и Іорка назначено переправляться у м. Каубе, корпусу Сакена — у г. Мангейма, а графу Сенъ-При — у Кобленца. Переправа начата была въ ночь на 20-е декабря.

Въ полночь на лодкахъ переправились стрѣлки и, послѣ небольшой перестрѣлки, заняли д.д. Бахаракъ и Обервезенъ. Въ 9-ть-же часовъ утра, 20-го декабря, приступили къ наводкѣ двухъ понтонныхъ мостовъ, изъ которыхъ одинъ снесло быстрымъ теченіемъ Рейна, что и замедлило переправу; 21-го декабря снесенный мостъ снова навели и по нему перешли на лѣвый берегъ войска графа Ланжерона.

Одновременно переправились войска графа Сенъ-При и заняли г. Кобленцъ. Здѣсь

нельзя не упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ: на городской площади стояла колонна, воздвигнутая французами по случаю занятія Москвы, съ надписью: «A Napoleon le Grand. An 1812, remarquable par la campagne contre les Russes» [20]. Русскія войска не разрушили колонны, но назначенный комендантомъ Кобленца полковникъ Магденко приказалъ лишь внизу надписи прибавить такую фразу: «Vu et approuvé par nous, commandant russe à Coblence en 1814» [21].

Утвердившись на лѣвомъ берегу Рейна, армія главнокомандующаго раздѣлена была на двѣ части: одна (корпуса генераловъ Капцевича и графа Сенъ-При), подъ начальствомъ графа Ланжерона, оставлена для осады крѣпостей Майнца и Касселя, а съ другою (корпуса Олсуфьева, Сакена и Іорка) Блюхеръ двинулся къ р. Сарѣ, гдѣ находился французскій корпусъ маршала Мармона. Но послѣдній отступилъ къ Мецу, и главнокомандующій, отдѣливъ корпусъ Іорка для наблюденія за крѣпостями Мецомъ, Тіонвилемъ и Люксембургомъ, самъ съ корпусами Олсуфьева и Сакена направился къ г. Нанси, который и занялъ 5-го января 1814 года. Такимъ образомъ, Апшеронскому полку одному изъ первыхъ пришлось вступить въ старѣйшій изъ городовъ Франціи. Давъ войскамъ отдыхъ въ Нанси, Блюхеръ черезъ г.г. Туль и Жуанвиль пошелъ къ Бріенну, куда и прибылъ 14-го января.

Между тѣмъ, черезъ Рейнъ переправились и другія арміи союзниковъ, и, въ половинѣ января, пройдя горы Вогезскія и Юру, заняли г. Лангръ, куда вскорѣ прибыли Русскій Императоръ и Прусскій король.

Уступая настояніямъ Австріи и сторонниковъ мира, Императоръ Александръ I, не прекращая военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ, согласился снова вступить въ мирные переговоры, которые и были начаты въ г. Шатильонѣ на Сенѣ, при чемъ главнѣйшею основою мира служили — возстановленіе старыхъ границъ Франціи до 1792 г. и полная независимость Германіи, Италіи, Швейцаріи, Голландіи и пр.

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ, несмотря на открытіе мирныхъ переговоровъ, самъ двинулся съ главною арміею на встрѣчу союзникамъ, а часть своихъ корпусовъ оставилъ, для занятія переправъ, на р.р. Сенѣ и Іоннѣ.

14-го января, корпусъ генерала Олсуфьева, выйдя изъ Бріенна, расположился въ м. Думванъ, а на другой день занялъ м. Тремильи; остальныя же войска Блюхера (кромѣ оставленныхъ у Майнца) расположились: корпусъ генералъ-маіора князя Щербатова у м. Пужи (на р. Объ), генералъ-лейтенанта Ливена — въ м. Леможѣ и отрядъ генералъ-маіора Ланскаго у м. Сенъ-Дизье. Утромъ, 15-го января, Наполеонъ атаковалъ отрядъ Ланскаго и принудилъ его отступить къ г. Васси.

Извѣстіе о сраженіи у Сенъ-Дизье, одновременно полученное и Блюхеромъ въ Бріеннѣ, и командующимъ Главною арміею княземъ Шварценбергомъ, послужило поводомъ къ двумъ совершенно противоположныхъ распоряженіямъ: Блюхеръ, не измѣнившій своего намѣренія наступать за р. Объ, приказалъ лишь сблизиться корпусамъ своей арміи; Шварценбергъ же, невзирая на численный перевѣсъ своихъ войскъ надъ Наполеоновыми, опасался обхода непріятелемъ праваго фланга своей арміи и, потому, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать Блюхеру, оттянулъ корпуса графа Витгенштейна и Вреде къ Жуанвилю, приказавъ, въ то же время, двумъ корпусамъ сосредоточиться между Шомономъ и Баръ-сюръ-Объ.

17-го января генералъ Блюхеръ, извѣстясь о движеніи противъ него главныхъ силъ Наполеона, сдѣлалъ распоряженія къ бою и стянулъ всѣ корпуса къ Бріенну, поручивъ защиту самаго города генералу Олсуфьеву съ 9-мъ корпусомъ.

[20]) Великому Наполеону, во славу похода 1812 года.
[21]) Видѣлъ и одобрилъ, русскій комендантъ въ Кобленцѣ въ 1814 г.

Непріятель прежде всего устремился на Бріеннъ и атаковалъ полки Олсуфьева; но когда попытки вытѣснить отсюда русскихъ остались безъ успѣха,— Наполеонъ повелъ общую атаку, отбитую огнемъ нашей артиллеріи. Наступившая ночь прекратила сраженіе, и Олсуфьевъ, не смотря на малочисленность своего корпуса, удержалъ Бріеннъ за собою. Блюхеръ, увѣренный, что французы не возобновятъ нападенія, отправился ночевать въ Бріеннскій замокъ; но ночью непріятель, воспользовавшись оплошностью нашихъ карауловъ, атаковалъ городъ, овладѣлъ замкомъ, и самъ Блюхеръ едва не попался въ плѣнъ. Главнокомандующій приказалъ выгнать французовъ изъ замка генералу Олсуфьеву, который хотя два раза водилъ на штурмъ свои полки, но оба приступа, не взирая на геройство русскихъ, не увѣнчались успѣхомъ. Въ полночь сраженіе окончилось: Бріеннъ остался за нами, но въ замкѣ утвердились французы.

Кровопролитное сраженіе при Бріеннѣ стоило намъ около 1,500 человѣкъ убитыми и ранеными; *въ Апшеронскомъ полку убиты 21 нижній чинъ; ранены: штабсъ-капитанъ Алексѣй Шушеринъ и Кузьма Издебскій; поручики: Иванъ Слюзъ, Өедоръ Гуляковъ и Жеребцовъ; подпоручикъ Ефимъ Лавровъ и прапорщикъ Павелъ Оболенскій, нижнихъ чиновъ 46; въ плѣнъ взято послѣднихъ 25* [22].

Въ ту же ночь генералъ Блюхеръ, рѣшившій отойти къ м. Траннъ, приказалъ 9-му корпусу двигаться по дорогѣ къ Баръ-сюръ-Объ и, пройдя Арсонваль, расположиться бивакомъ; корпусу Сакена надлежало направиться по той же дорогѣ и, достигнувъ Боссаннура, остановиться. Къ 20-му января подошла къ позиціи Блюхера Главная армія и, въ тотъ же день, соединенныя силы атаковали Наполеона, занимавшаго позицію у Ларотьера. Въ началѣ сраженія корпусъ Олсуфьева составлялъ резервъ войскъ князя Щербатова и генерала Ливена, а въ 7 часовъ пополудня, вмѣстѣ съ корпусомъ генерала Сакена, овладѣлъ селеніемъ Ларотьеръ. Къ глубокому вечеру и правое крыло непріятельской арміи было опрокинуто: тогда Наполеонъ, съ цѣлью обезпечить себѣ путь отступленія къ Бріенну, послалъ маршала Удино съ гвардейской дивизіей снова занять Ларотьеръ. Хотя непріятель вначалѣ имѣлъ успѣхъ и опрокинулъ передовую русскую колонну, но принужденъ былъ отступить, атакованный гренадерской дивизіей и войсками генерала Олсуфьева.

Проигравъ сраженіе, Наполеонъ съ такою стремительностью ушелъ отъ Ларотьера, что въ главной квартирѣ союзниковъ не знали даже, куда направился непріятель, въ виду чего было рѣшено: Главной арміи продолжать наступленіе по долинѣ р. Сены, черезъ гор. Труа, къ Парижу, а войскамъ Блюхера, присоединивъ къ себѣ корпуса Ланжерона, Іорка и Клейста, наступать къ столицѣ Франціи по лѣвому берегу р. Марны.

На другой день послѣ сраженія у Ларотьера, Блюхеръ съ корпусами Олсуфьева и Сакена, двинувшійся черезъ м. Сентъ-Уанъ къ г. Шалону, разсчитывалъ у гор. Вертю соединиться съ остальными корпусами своей арміи. По дорогѣ главнокомандующій получилъ донесеніе объ атакѣ Іоркомъ Шалона и вытѣсненіи изъ этого города корпуса маршала Макдональда, прикрывавшаго большой артиллерійскій паркъ. Съ цѣлью отрѣзать маршалу отступленіе или, по крайней мѣрѣ, отбить у него часть парка, генералъ Блюхеръ приказалъ Іорку идти къ Лаферте-су-Жуаръ; корпусу генерала Сакена направиться туда-же черезъ Шампоберъ и Монмираль; за Сакеномъ, въ суточномъ переходѣ двигаться корпусу Олсуфьева, которому надлежало, дойдя до Шампобера, остановиться и ожидать здѣсь главнокомандующаго съ остальными войсками. Такое распоряженіе, разобщивъ части Силезской арміи, растянуло ее на 70 верстъ, чѣмъ, конечно, и не замедлилъ воспользоваться

[22]) Московское отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ полка за январь 1814 г.

Наполеонъ. 27-го января Олсуфьевъ, придя въ Шампоберъ расположилъ здѣсь бивакомъ свой корпусъ, численность котораго не превышала 3,600 человѣкъ, при 24 орудіяхъ и 12 конныхъ вѣстовыхъ, которые составляли и всю кавалерію корпуса.

Между тѣмъ, Наполеонъ, положившій ударить на центръ Силезской арміи, по едва проходимымъ дорогамъ пришелъ въ г. Сезанъ гдѣ и остановился въ нерѣшительности, на который изъ русскихъ корпусовъ обрушиться: генерала ли Сакена находившагося въ Монмиралѣ, или же направиться къ Шампоберу, на корпусъ Олсуфьева; выборъ палъ на послѣдній. Утромъ, 29-го января, разъѣздъ нашъ далъ знать о наступленіи значительныхъ непріятельскихъ силъ, вслѣдствіе чего генералу Олсуфьеву немедленно отправилъ въ д. Байе генералъ-маіора Удома съ 4-мя егерскими полками, при 6 орудіяхъ. Вскорѣ французы атаковали войска Удома и безпрестанно усиливались прибывшими подкрѣпленіями, что вынудило Олсуфьева придвинуться съ остальными войсками къ авангарду; онъ занялъ позицію между деревнями Байе и Банне. Отбивая атаки непріятеля, нашъ корпусъ держался до полудня, когда корпусному командиру дали знать, что противникъ намѣревается обойти с. Шампоберъ съ обоихъ фланговъ. Въ такомъ опасномъ положеніи онъ созвалъ военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Хотя общее мнѣніе было за отступленіе черезъ Этожъ къ Вертю, но генералъ Олсуфьевъ, имѣя точное приказаніе не оставлять Шампобера до прибытія Блюхера, рѣшился держаться до послѣдней крайности. Между тѣмъ, непріятель, постепенно усиливаясь, овладѣлъ дд. Байе и Банне, тогда войска наши начали отступать къ Шампоберу, куда и отправлено заранѣе 12 орудій.

Какъ только Наполеонъ замѣтилъ отступленіе корпуса, то поспѣшилъ двинуть часть своихъ войскъ черезъ лѣсъ на дорогу къ Этожу. Оставивъ въ Шампоберѣ Апшеронскій и Нашебургскій полкъ, при 9 орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Полторацкаго, генералъ Олсуфьевъ приказалъ ему удерживать селеніе, а самъ съ остальными частями началъ отступать. Непріятель немедленно атаковалъ Апшеронцевъ и Нашебургцевъ, но они отбили нѣсколько кавалерійскихъ атакъ и, израсходовавъ всѣ патроны, приняли въ штыки шедшую на нихъ дивизію генерала Рикара. Отрѣзанный отъ всѣхъ прочихъ войскъ, Полторацкій построилъ полки въ карре и началъ отступать къ лѣсу, расположенному за Шампоберомъ. Наполеонъ, видѣвшій малочисленность русскихъ, отступавшихъ съ такимъ безстрашьемъ, двукратно присылалъ къ нимъ парламентера съ требованіемъ сдаться, но оба раза въ отвѣтъ получалъ отказъ, тогда онъ приказалъ выдвинуть впередъ нѣсколько орудій и началъ разстрѣливать героевъ; въ то же время французскіе стрѣлки упредили намѣреніе Полторацкаго и успѣли занять лѣсъ. Непріятель вторично пошелъ въ атаку на два полка, въ которыхъ оставалось всего-на-всего не болѣе 600 человѣкъ. Завязался кровопролитный жестокій бой; тѣмъ не менѣе часть Апшеронцевъ и Нашебургцевъ, штыками проложивъ себѣ дорогу, все-таки успѣли присоединиться къ корпусу, но генералъ Полторацкій при отступленіи отъ Шампобера попался въ плѣнъ.

Не имѣя ни одного патрона, русскіе при Шампоберѣ штыками пролагали себѣ дорогу и отбивали атаки французовъ. Во время сраженія взятъ былъ въ плѣнъ генералъ Олсуфьевъ и его мѣсто заступилъ генералъ-маіоръ Корниловъ, которой вмѣстѣ съ генераломъ Удомомъ рѣшилъ лучше защищаться до послѣдней капли крови, чѣмъ сдаться врагу. Собравъ остатки корпуса, тысячъ до двухъ нижнихъ чиновъ съ штабъ и оберъ-офицерами и 15-ю орудіями, они сохранили всѣ знамена, пробились сквозь непріятеля и прошли лѣсами къ Портъ-а-Бинсонъ, на дорогу изъ Эперне къ Шато-Тьери.

По словамъ нѣмецкаго историка Спорщиля, «русскія войска при Шампоберѣ не только

сохранили честь, но покрыли себя безсмертною славою, сражаясь безъ кавалеріи противъ четверныхъ силъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ, съ утра и до вечера»[23].

Потеря корпуса въ дѣлѣ при Шампоберѣ простиралась до 2,000 человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ; кромѣ того, французамъ досталось 9 орудій съ зарядными ящиками.

У Апшеронцевъ убиты—*портупей-прапорщикъ Антонъ Мѣсяцъ и 41 нижній чинъ*; ранены—*капитанъ Николай Тихменьевъ, штабсъ-капитанъ Осипъ Коноваловъ, поручики Алексѣй Тризна, Николай Нелюбовъ, Иванъ Гофманъ* (оба взяты въ плѣнъ); *подпоручики — Ѳедоръ Скориковъ, Антонъ Петренко, Гавріилъ Максимовъ, прапорщики — Яковъ Флоринъ и Василій Черносвитовъ, нижнихъ чиновъ — 97;* въ плѣнъ взято 53 нижнихъ чина, большею частью раненыхъ[24].

Однимъ словомъ, отъ всего полка, начиная съ кампаніи 1813 года, несмотря на прибывавшія пополненія, осталась едва только одна слабая рота. Въ вѣдомости, представленной начальникомъ 9-й дивизіи генералъ-маіоромъ Удомомъ отъ 5 февраля, въ Апшеронскомъ полку на лицо считалось: *штабъ-офицеръ — 1, оберъ-офицеровъ — 3, унтеръ-офицеровъ — 18, музыкантовъ — 27 и рядовыхъ — 149.* Во всей же дивизіи, т. е. въ полкахъ Апшеронскомъ, Нашебургскомъ, Ряжскомъ, Якутскомъ, 10 и 38-го Егерскихъ — состояло на лицо, 1 генералъ, 5 штабъ и 27 оберъ-офицеровъ, 85 унтеръ-офицеровъ, 115 музыкантовъ и 850 рядовыхъ[25].

Остатки 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Корнилова, примкнули къ 10-му корпусу генерала Капцевича и все время, до взятія Парижа, дѣйствовали вмѣстѣ съ нимъ.

Русскіе при Шампоберѣ дрались такъ мужественно, что вызвали похвалу и удивленіе самаго противника — Наполеона. Приведемъ здѣсь разговоръ его съ генераломъ Полторацкимъ, вечеромъ послѣ окончанія сраженія. Наполеонъ пригласилъ къ себѣ ужинать генерала Олсуфьева, но какъ послѣдній съ большимъ лишь трудомъ объяснялся по-французски, то императоръ послалъ за Полторацкимъ и, въ присутствіи маршаловъ Бертье, Нея, Мармона и министра иностранныхъ дѣлъ Марé, спросилъ у него:

«— Сколько васъ сегодня было въ дѣлѣ?

«— 3,690 человѣкъ съ 24 орудіями, отвѣчалъ Полторацкій.

«— Вздоръ! Не можетъ быть! Въ вашемъ корпусѣ было по крайней мѣрѣ 18,000 человѣкъ.

«— Русскій офицеръ не станетъ говорить вздора: слова мои настоящая истина. Впрочемъ, вы можете спросить о томъ другихъ плѣнныхъ.

«— Если это правда, то, по чести, одни русскіе умѣютъ такъ жестоко драться: я прозакладывалъ-бы голову, что васъ было, по меньшей мѣрѣ, 18,000 человѣкъ»[26].

Блюхеръ, узнавъ о судьбѣ корпуса генерала Олсуфьева, ночью же, 29-го января, перевелъ въ Берже корпуса Капцевича и Клейста, а на случай, если бы Наполеонъ съ главными силами вздумалъ атаковать его, рѣшилъ не вдаваясь въ сраженіе, отступать къ Эперне.

Но императоръ французовъ, считая безполезнымъ гоняться за Блюхеромъ, вмѣсто того двинулся противъ корпуса Сакена и, у Монмираля, въ 10 часовъ утра, 30-го января, атаковалъ его. Произошла упорная битва; русскія войска должны были пробиваться къ Шато-Тьери, что и успѣли совершить, хотя и съ большой потерей. У этого города къ Сакену присоединился корпусъ Іорка. Утромъ, 31-го числа, союзные корпуса вновь были атакованы непріятелемъ и съ значительнымъ урономъ принуждены отступить за р. Марну.

---

23) Богдановичъ. Исторія войны 1814 года. Стр. 182.
24) Московское Отдѣленіе Архива Главнаго Штаба. Строевой рапортъ полка за январь 1814 г.
25) Дѣло № 2300. Военно-Ученый Архивъ.
26) Богдановичъ. Исторія войны 1814 года. Стр. 183.

Въ то время, какъ происходили сраженія у Монмираля и Шато-Тьери, Блюхеръ съ остальными войсками своей арміи находился у Вертю и только 1-го февраля выступилъ къ Этожу, гдѣ былъ оставленъ Наполеономъ корпусъ Мармона, начавшій, впрочемъ, отступать. Остатки 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Корнилова, находившіеся у Этожа, 2-го числа перешли къ Шампоберу. Въ тотъ же день Блюхеръ атаковалъ Мармона, но къ послѣднему прибылъ на помощь Наполеонъ, и тогда союзныя войска принуждены были отступать, что происходило въ большомъ порядкѣ, хотя при этомъ войска Силезской арміи понесли огромныя потери; у Шампобера къ отступающимъ присоединился Корниловъ съ своимъ корпусомъ. Преслѣдованіе продолжалось до м. Бержеръ, откуда утромъ, 3-го февраля, Блюхеръ отступилъ къ Шалону. Сраженіе 2-го февраля стоило союзникамъ 6,000 убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ и 15 орудій.

Такимъ образомъ, благодаря раздробленія Блюхеромъ своей арміи онъ, въ теченіи всего только пяти дней, потерпѣлъ пораженія при Шампоберѣ, Монмиралѣ, Шато-Тьерѣ и Вашанѣ.

Въ Шалонѣ къ арміи присоединились корпуса Сакена и Клейста.

Въ то время какъ Силезскую армію постигъ рядъ ударовъ, Главная армія, дойдя до г. Труа, остановилась на контониръ-квартирѣ. Извѣстія объ успѣхахъ Наполеона явились непріятною неожиданностью для Императора Александра, и онъ предписалъ Блюхеру какъ можно поспѣшнѣе идти на соединеніе съ Главною арміею.

Отбросивъ Силезскую армію, Наполеонъ двинулся противъ Главной арміи и усиленными переходами пошелъ къ м. Гинъ, гдѣ занимали позицію корпуса Удино, Виктóра и Макдональда. На правомъ же берегу р. Сены, у г. Нанжиса стоялъ корпусъ графа Витгенштейна, авангардъ котораго, подъ начальствомъ графа Палена, выдвинутый до Моршана, 5-го февраля былъ атакованъ непріятелемъ и почти весь истребленъ, причемъ отбито у насъ 9 орудій. Прочіе корпуса союзниковъ, стоявшіе на правомъ берегу Сены, перешли на лѣвый, а 7-го февраля всѣ части Главной арміи сосредоточились у Труа, куда черезъ два дня прибыла и Силезская армія.

Всѣ ожидали, что снова начнется наступленіе, но, 11-го февраля, главнокомандующій арміями, князь Шварценбергъ, опасавшійся вступить съ Наполеономъ въ сраженіе, имѣя позади себя рѣку и множество дефиле, отдалъ приказъ отступить за г. Труа. Вслѣдъ затѣмъ открыты были переговоры о перемиріи, хотя, не смотря на это, арміи союзниковъ все-таки продолжали отступленіе.

Дойдя до Бріенна, арміи двинулись: Силезская къ Марнѣ, а Главная — къ Лангру, и отсюда къ Шомону. Перемиріе не привело къ желаемымъ результатамъ: побѣды опять подняли упавшій духъ Наполеона и онъ мечталъ, изгнавъ союзниковъ изъ Франціи, заключить миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Мы послѣдуемъ за Силезскою арміей, въ составѣ коей находились Апшеронцы.

12-го февраля фельдмаршалъ Блюхеръ выступилъ изъ м. Мери къ Бодемону и, переправясь здѣсь черезъ р. Объ, двинулся противъ маршала Мармона, который съ отрядомъ около 7,000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи расположился у г. Сезанна. Армія шла двумя колоннами: правая, состоявшая изъ прусскихъ войскъ, направилась къ м. Шишей, а лѣвая — изъ русскихъ — подъ начальствомъ генерала Капцевича, — на м. Барбоннъ; во второй колоннѣ находился корпусъ Корнилова.

Мармонъ, узнавъ о силахъ Блюхера, отступилъ въ Лаферте-су-Жуеръ, гдѣ соединился съ корпусомъ маршала Мортье и, перейдя черезъ рѣку Марну, отошелъ къ г. Мо, чтобы не потерять сообщенія съ Парижемъ. Между тѣмъ союзники неотступно преслѣдовали францу-

*

зовъ. Изъ городка Лаферте-Готе къ Трильпару, на-перерѣзъ непріятеля, отправился генералъ Капцевичъ съ 9-мъ и 10-мъ корпусами, а остальныя русскія войска двигались къ Мо. По наводкѣ мостовъ у Трильпара, Силезская армія перешла черезъ Марну. Французскіе маршалы, заняли позицію на правомъ берегу р. Уркъ, рѣшили остановить дальнѣйшее движеніе арміи Блюхера. 16-го февраля союзники атаковали непріятеля, но имъ не удалось овладѣть его позиціей.

Когда же Блюхеръ получилъ извѣстіе о наступленіи противъ него Наполеона съ главными силами, то рѣшилъ, прекративъ дѣйствія противъ Мармона и Мортье, отступить за р. Энъ и соединиться съ корпусами генераловъ Винценгероде и Бюлова, осаждавшими крѣпость Суассонъ. 18-го числа Суассонъ сдался, и здѣсь Силезская армія, по каменному мосту, получила возможность перейти на правый берегъ Эна. Гарнизономъ въ сдавшейся крѣпости оставлены 9-й и 10-й корпуса и два полка 8-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Рудзевича, а остальныя части Силезской арміи, по соединеніи съ корпусами, осаждавшими Суассонъ, отошли къ м. Вальи и остановились на позиціи между Фонтоне, Луари и Вальи. Сдача послѣдней крѣпости и переходъ арміи за Энъ явились полною неожиданностью для Наполеона, который находился въ полной увѣренности что догонитъ Блюхера у Суассонъ; теперь же обстоятельства совершенно измѣнились: во-первыхъ, союзная армія была чуть-ли не вдвое многочисленнѣе французской, а во-вторыхъ, послѣдняя лишилась возможности продолжать движеніе, ибо мостъ черезъ Энъ у сдавшейся крѣпости состоялъ подъ защитою русскихъ.

При такой обстановкѣ императоръ французовъ отправилъ къ Суассону корпуса Мармона и Мортье, съ приказаніемъ овладѣть имъ. Для защиты крѣпости, генералъ Рудзевичъ расположилъ свои войска такимъ образомъ: 9 баталіоновъ стояли у Парижской заставы, два полка — у Реймсской; весь 10-й корпусъ и бригада 8-го корпуса заняли валы Суассона, а полки 9-го корпуса (въ томъ числѣ и Апшеронскій) оставлены въ городѣ, въ видѣ резерва и для удержанія жителей въ повиновеніи.

Въ 8 часовъ утра, 21-го февраля, непріятель началъ атаку; у Реймсской заставы французы были отбиты, за то они успѣли уже овладѣть предмѣстьемъ у Парижской заставы и бросились къ валамъ, но, отраженные 10-мъ корпусомъ, отступили съ урономъ. Такимъ образомъ, покушеніе французскихъ маршаловъ окончилось неудачей, они отошли къ Бери-о-баку, на соединеніе съ Наполеономъ, который, между тѣмъ, успѣлъ здѣсь переправиться черезъ Энъ. Узнавъ о этомъ, Блюхеръ предписалъ графу Ланжерону съ 9-мъ корпусомъ идти къ Бери-о-баку изъ Суассона, а въ послѣднемъ оставленъ генералъ Рудзевичъ съ 10-мъ корпусомъ.

Ближе всего къ непріятелю, у г. Краона, стоялъ корпусъ генералъ-лейтенанта Воронцова; ближайшій его резервъ — корпусъ Сакена — расположенъ былъ у м. Бре. 23-го февраля Наполеонъ атаковалъ войска Воронцова; произошла одна изъ самымъ упорнѣйшихъ битвъ въ кампанію 1814 года; несмотря на всю несоразмѣрность, по численности, русскаго корпуса съ силами противника, наши войска держались на своей позиціи до самого вечера, разбивая своею несокрушимою стойкостью всѣ покушенія непріятеля, и, наконецъ, отступили въ полномъ порядкѣ. Блюхеръ, по соединеніи съ корпусомъ Воронцова, отошелъ къ г. Лану (Лаонъ), гдѣ и занялъ позицію. Давъ отдыхъ своимъ утомленнымъ войскамъ, Наполеонъ также двинулся къ Лану, съ цѣлью атаковать Блюхера. 25-го февраля, со стороны Реймса, подошелъ къ позиціи союзниковъ маршалъ Мармонъ въ то время, какъ главныя сила непріятеля двигались по Суассонской дорогѣ. Блюхеръ, въ ночь на 26-е число атаковалъ и совершенно разбилъ войска Мармона. На другой день произошло сраженіе

съ главными силами Наполеона, результатомъ котораго явилось отступленіе непріятельской арміи по Суассонской дорогѣ.

1-го марта противникъ овладѣлъ городомъ Реймсомъ, защищаемымъ корпусомъ графа Сенъ-При, а черезъ три дня устремился противъ Главной арміи.

8-го и 9-го марта происходило сраженіе у г. Арси, Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, и тогда союзные Монархи рѣшили безотлагательно идти къ Парижу.

Въ первыхъ числахъ марта Силезская армія располагалась такимъ образомъ: корпусъ графа Ланжерона — на правой сторонѣ р. Уазы; Сакенъ — между Ланомъ и Суассономъ; прусскіе корпуса въ окрестностяхъ Краона.

Противъ Блюхера при Бери-о-бакъ и у Суассона стояли корпуса Мармона и Мортье. Когда Силезская армія двинулась къ р. Эну, то маршалы, не будучи въ состояніи удержать союзниковъ, численность коихъ превосходила ихъ корпуса почти въ пять разъ, начали отступать къ Шато-Тьери; кромѣ того, отступленіе это вызвано было пораженіемъ главной непріятельской арміи у Арси и предписаніемъ Наполеона спѣшить къ нему на соединеніе.

Вечеромъ, 13-го марта, послѣ блестящаго сраженія при Феръ-Шампенуазѣ, гдѣ отличилась русская кавалерія и въ особенности л.-гвардіи Уланскій полкъ, изрубившій два пѣхотныхъ каре, соединенныя арміи союзниковъ расположились между Монмиралемъ и Вертю; корпусъ генерала Корнилова стоялъ въ Этожѣ.

Для отвлеченія Наполеона былъ направленъ особый корпусъ генерала Винценгероде, а прочія союзныя войска продолжали движеніе къ Парижу; силезская армія пошла къ столицѣ съ сѣвера по Суассонской дорогѣ, а Главная — съ востока по дорогѣ изъ Мо.

На разсвѣтѣ 18-го марта обѣ арміи подошли къ столицѣ Франціи, защищавшейся отступившими сюда корпусами Мармона и Мартье и національной гвардіей.

Монмартрскія высоты, атака коихъ возложена была на армію Блюхера, состоятъ изъ группы высокихъ холмовъ между селеніями Ла-Шапель и Батиньоль; съ правой стороны возвышалась высота, подъ названіемъ Пяти-Мельницъ, а въ центрѣ находилась гора Монмартръ и селеніе того же имени. Защита высотъ поручена была маршалу Мортье.

Согласно диспозиціи боя, Главной арміи надлежало атаковать Роменвильское плато́, а Силезской — Монмартръ.

По частной дисцозиціи для арміи Блюхера, русскіе корпуса графа Ланжерона долженствовали направиться въ обходъ лѣваго фланга непріятельской позиціи.

Выступивъ изъ Лавилета, Ланжеронъ пошелъ къ Монмартру черезъ Обервиль, и въ пяти верстахъ отъ высотъ, у предмѣстья Парижа, С.-Дени, онъ оставилъ корпусъ генерала Капцевича (10-й и 9-й), а самъ съ корпусомъ Рудзевича, направился дальше. Но считая свои войска недостаточно сильными, чтобы овладѣть сильной непріятельской позиціей, Ланжеронъ оставилъ у Сенъ-Дени только небольшой отрядъ, а Капцевича, съ большею частью его войскъ (въ томъ числѣ и Апшеронскій полкъ) притянулъ къ себѣ. Приблизясь къ Монмартру со стороны предмѣстья Клиши, оба корпуса построились въ боевой порядокъ: впереди корпусъ генерала Рудзевича, а за нимъ, въ резервѣ, Капцевичъ. Въ половинѣ четвертаго пополудни, полки Рудзевича пошли въ атаку. Французы осыпали штурмующія войска градомъ ядеръ и гранатъ; что однако не остановило грознаго движенія колоннъ: онѣ быстро взобрались на высоту и овладѣли первою батареею. Непріятель открылъ сильный ружейный огонь изъ различныхъ укрѣпленій и баррикадированныхъ домовъ; но сопротивленіе защитниковъ было непродолжительно и они бѣжали.

Между тѣмъ полки Капцевича недолго оставались въ бездѣйствіи: желая принять непосредственное участіе въ бою, этотъ генералъ, безъ всякаго приказанія, повелъ свои

войска на лѣвую сторону Монмартра, между высотою и дела-Шапелемъ, атаковалъ находившагося здѣсь непріятеля, и отбилъ 9 орудій.

Взятіе Монмартрскихъ высотъ было финаломъ сраженія при Парижѣ. Атакованные съ большимъ успѣхомъ съ сѣверной стороны Парижа, французскіе генералы сочли безполезнымъ продолжать дальнѣйшую защиту и рѣшили сдать городъ. Сраженіе подъ Парижемъ стоило союзникамъ около 9,100 человѣкъ, въ числѣ коихъ на долю русскихъ пришлось 7,100. Согласно 1-го пункта капитуляціи корпусамъ французскихъ маршаловъ, защищавшихъ Парижъ, обезпечивался свободный выходъ изъ города по какой угодно дорогѣ.

19-го марта, въ 10 часовъ утра, состоялось торжественное вступленіе союзныхъ Монарховъ въ Парижъ. Жители съ восторгомъ привѣтствовали Русскаго Императора и исключительно къ нему обращали свои радостные возгласы. «Да здравствуетъ Императоръ Александръ!» кричали парижане. «Да здравствуетъ миръ!» отвѣчалъ Государь. — «Я вступаю не врагомъ, а возвращаю вамъ спокойствіе и свободу торговли».

Войска 9-го корпуса, а слѣдовательно и остатки Апшеронскаго полка, расположились на квартирахъ въ селеніяхъ на лѣвомъ берегу р. Сены.

Когда союзники брали Парижъ, Наполеонъ съ своей арміей находился въ г. Труа, гдѣ къ нему присоединились корпуса, вышедшіе изъ Парижа. Узнавъ о занятіи Парижа, онъ послалъ къ Императору герцога Коленкура съ предложеніемъ о мирѣ. Но участь Наполеона, такъ долго властвовавшаго надъ всею Европою, уже была рѣшена: Александръ I отвѣтилъ посланному, что желаетъ дать Франціи спокойствіе и предоставить почетнѣйшимъ представителямъ выборъ монарха. Словомъ, нашъ Императоръ отказался вести переговоры съ Наполеономъ.

Впредь до назначенія главы государства, въ Парижѣ учредилось временное правительство; 21-го же марта французскій сенатъ объявилъ Наполеона и всѣхъ членовъ его семейства лишенными престола. Когда до него дошли вести о его низложеніи, онъ рѣшилъ немедленно направиться съ арміей къ Парижу; но дойдя до Фонтенебло, остановился.

Въ главной квартирѣ союзниковъ уже знали какъ о наступленіи Наполеона, такъ и томъ, что численность его арміи не превышала 36,000 человѣкъ, поэтому особенно и не безпокоились, хотя все-таки сдѣланы были всѣ распоряженія для встрѣчи противника. Но вскорѣ армія Наполеона уменьшилась, вслѣдствіе отдѣленія корпуса Мармона, перешедшаго на сторону временнаго правительства.

Наконецъ, бывшій властелинъ, убѣжденный своими маршалами и видя безвыходность своего положенія, рѣшился отрѣчься отъ престола за себя и за своихъ наслѣдниковъ, что и выразилось актомъ его отъ 25-го марта. Французскимъ королемъ превозглашенъ былъ потомокъ Бурбоновъ графъ д'Артуа, подъ именемъ Людовика XVIII. Для постояннаго пребыванія, Наполеону назначили островъ Эльбу, куда онъ и долженствовалъ былъ немедленно отправиться.

Подписавъ Парижскій миръ и даровавъ спокойствіе Европѣ, Императоръ Александръ далъ повелѣніе о выходѣ русской арміи изъ предѣловъ Франціи.

Въ іюнѣ Апшеронскій полкъ, черезъ Баварское королевство, направился въ Россію и, придя въ герцогство Варшавское, расположился въ м. Прошовицѣ; въ августѣ къ нему присоединился запасный (2-й) баталіонъ.

Но полкъ отдыхалъ недолго. Наполеонъ снова возвратился во Францію, и, собравъ армію, угрожалъ спокойствію Европы. Находясь въ 9-й дивизіи, Апшеронцы, выступивъ за границу въ апрѣлѣ 1815 года, въ маѣ прибылъ въ Баварію, а въ половинѣ іюня переправился черезъ Рейнъ у Мангейма и, войдя въ предѣлы Франціи, расположился у гор.

Нанси. Въ военныхъ дѣйствіяхъ 1815 г. Апшеронцы, да и вообще всѣ русскія войска участія не принимали.

Изъ Нанси русская армія направилась въ Парижъ и въ началѣ августа стала въ его окрестностяхъ. Какъ извѣстно, «Имперія 100 дней» окончилась пораженіемъ арміи Наполеона при Ватерло, послѣ чего бывшаго императора сослали на островъ св. Елены, гдѣ онъ и окончилъ свою жизнь.

Передъ выходомъ изъ Франціи, Императоръ Александръ сдѣлалъ въ гор. Вертю смотръ всей русской арміи. На смотру участвовало 11 пѣхотныхъ и 7 кавалерійскихъ дивизій, всего около 150,600 человѣкъ, при 540 орудіяхъ, и всѣ эти войска представлялись такимъ образомъ: впереди въ трехъ линіяхъ построились корпуса генераловъ Дохтурова, Сакена и Раевскаго; за ними кавалерійская дивизія, а потомъ резервы: 7-й пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта Сабанѣева (въ томъ числѣ и Апшеронскій полкъ), подъ командою полковника графа Полиньяка. гренадерскій корпусъ—генералъ-лейтенанта Ермолова и кавалерійскій—генералъ-лейтенанта графа Палена.

Въ 6 часовъ утра, 26-го августа, Императоръ поѣхалъ на гору Монтема. Во время церемоніальнаго марша войска проходили такимъ образомъ: оба баталіона каждаго пѣхотнаго полка, построенные въ густую взводную колонну, шли одинъ возлѣ другаго на взводномъ разстояніи. Смотръ былъ чрезвычайно эфектный, войска представились Государю въ блестящемъ видѣ и заслужили похвалу Монарха, что и выразилось въ слѣдующемъ по арміи приказѣ, приводимымъ нами дословно:

«Измѣна и коварные замыслы врага всеобщаго покоя привели васъ, храбрые воины, опять на тѣ поля, гдѣ съ не большимъ годъ одержали вы побѣду надъ непріятелемъ, и по пятамъ его проложили себѣ путь къ Парижу. Благодареніе Всевышнему, храбрость ваша, всему свѣту извѣстная, не имѣла новаго испытанія; ибо мѣры, предпринятыя Союзными Державами вообще, противопоставили оплотъ дерзости Наполеона Бонапарте прежде, нежели вознадобилась помощь ваша на полѣ битвы, и самъ онъ, наконецъ, достался въ плѣнъ. Но, тѣмъ не менѣе, быстрымъ переходомъ отъ Днѣпра и Двины къ Сенѣ, вы показали, что спокойствіе Европы не есть чуждое для Россіи дѣло, и что, не взирая ни на какое разстояніе, вы, по гласу Отечества и Царя,—вездѣ, гдѣ должно поборать правдѣ. Отпуская теперь васъ въ любезное отечество, пріятно Мнѣ изъявить вамъ, сослуживцамъ Моимъ, благодарность за усердіе ваше и за ту исправность, какую нашелъ Я при осмотрѣ рядовъ вашихъ на поляхъ Шампаньи. Смотръ сей, гдѣ, въ глазахъ союзныхъ государей и полководцевъ ихъ, оспоривали другъ друга, полки и артиллерія въ устройствѣ, движеніяхъ, и исправности одежды и аммуниціи, останется навсегда памятникомъ вашимъ. Благодарю также васъ за сохраненіе строгой дисциплины и за доброе поведеніе въ иностранныхъ земляхъ, которому отдаютъ справедливость сами обыватели. Главнокомандующему арміею, генералъ-фельдмаршалу князю Барклаю-де-Толли, за таковое устройство предводительствуемыхъ имъ войскъ, объявляю особенное благоволеніе Мое, равно корпуснымъ командирамъ Дохтурову, Сакену, Раевскому, Винцингероде, Сабанѣеву, Ермолову и графу Палену, начальнику Главнаго Штаба арміи Дибичу, начальнику артиллеріи князю Яшвилю, всѣмъ г.г. генераламъ, дивизіоннымъ, бригаднымъ и состоящимъ при дивизіонныхъ начальникахъ, полковымъ и ротнымъ командирамъ, всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Да сопутствуетъ вамъ благословленіе Превѣчнаго на возвратномъ шествіи вашемъ. Мощная десница Его, сохранивъ васъ отъ золъ, войною наносимыхъ, указуетъ вамъ нынѣ путь въ нѣдра семейственныя. Возчувствуйте благость Его къ себѣ, помня безпрестанно святый законъ

Его, и что милосердіе Божіе вездѣ намъ было помощію, ибо всегда возлагали все упованіе наше на Него».

Апшеронскій полкъ, войдя въ составъ корпуса графа Воронцова, временно оставленъ былъ во Франціи, на зиму онъ сталъ въ г. Авенѣ и окрестныхъ деревняхъ: Марбѣ, Картиньи, Марузли, Домпіерѣ, Пришѣ и Авенелѣ; комендантомъ Авена назначенъ маіоръ Апшеронскаго полка Воронецъ. Дивизіонный лагерь расположенъ былъ въ г. Мобежѣ, откуда въ іюлѣ Апшеронцы возвратились въ Авенъ. Наконецъ, уже въ концѣ 1816 года, полкъ вышелъ изъ Франціи и направился въ свое отечество. Придя въ Россію, Апшеронскій полкъ до половины 1817 года стоялъ въ Ровнѣ, а затѣмъ двинулся въ Москву, гдѣ оставался до 1819 года, т. е. до ухода на Кавказъ. 17-го августа 1817 года, вмѣсто графа Полиньяка, командиромъ полка назначенъ былъ подполковникъ Бальзаръ, который 7-го января 1818 года сдалъ полкъ полковнику Павлу Васильевичу Гартонгу.

За кампаніи 1812, 1813 и 1814 года, получили награды:

Св. Георгія 4-й ст.: маіоры Николаевъ (онъ же Николевъ) и Краснокутскій; св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ—маіоръ Юрасовъ, капитаны Тихменьевъ и Альбинскій; поручики: Глинка, Жеребцовъ, Тризна и Гуляковъ; подпоручикъ Скориковъ и прапорщикъ Милорадовичъ; св. Анны 2-й ст. съ алмазами—подполковникъ Морозовъ; св. Анны 2-й ст.—капитанъ Карчевскій; св. Анны 3-й ст.—штабсъ-капитанъ Коноваловъ, поручикъ Гофманъ, подпоручикъ Петренко и прапорщики Шмитъ, Крахотинъ, Черносвитовъ и Максимовъ. Слѣдующіе чины: подполковника — маіоръ Морозовъ, маіора — капитаны Николаевъ, Юрасовъ и Карчевскій; штабсъ-капитана—поручики Тризна, Слюзъ, Нелюбовъ, Евреиновъ и Гуляковъ; поручика—подпоручикъ Скориковъ и подпоручики — прапорщики Флоринъ, Крахотинъ. Объявлено Высочайшее благоволеніе: маіорамъ Карчевскому и Воронцу, штабсъ-капитану Евреинову и поручику Гофману. Произведены въ прапорщики: портупей-прапорщики—Горяиновъ, Экинъ и Ларіоновъ.

Знаки отличія Военнаго ордена портупей-прапорщикъ Михаилъ Кузибовъ; фельдфебеля—Григорій Носоновъ, Осипъ Апостоловъ, Николай Захаровъ, Григорій Макаровъ, Алексѣй Карнѣевъ, Илья Чачковъ, Григорій Горниковъ. Унтеръ-офицеры: Димитрій Савельевъ, Фейзула Кариковъ, Родіонъ Петровъ, Семенъ Левченко, Павелъ Дротянка, Николай Силантьевъ, Емельянъ Ивановъ, Игнатъ Ильяшенко, Алексѣй Зинченко, Зиновій Өедоровъ, Иванъ Артамоновъ, Иванъ Лукомскій, Филиппъ Өедоровъ, Михаилъ Ткачевъ, Иванъ Черкашинъ, Михаилъ Тизенгаузенъ, Павелъ Шматовъ. Рядовые: Марко Сверидюкъ, Герасимъ Стативна, Осипъ Мартыновъ, Василій Рябушкинъ, Игнатій Осиповъ, Иванъ Морозовъ, Сидоръ Недѣлька, Максимъ Димловой, Өедоръ Ведениктовъ, Филиппъ Корнеенко, Лазарь Зима, Димитрій Милошнинъ, Карпъ Хороняко, Өедоръ Мельниковъ, Василій Шеповаловъ, Павелъ Покровка, Никифоръ Алексѣевъ, Алексѣй Ситниковъ, Гордѣй Яковчукъ, Константинъ Самсоновъ, Григорій Баращенко, Финогей Павлыгинъ, Яковъ Черповалинъ, Алексѣй Подшиваловъ, Василій Новосельцевъ, Иванъ Овчаренко, Михаилъ Ткачевъ, Гаврило Кочановъ, Гордѣй Мусинъ, Митрофанъ Плотниковъ, Өедоръ Крячко, Варфоломей Усачевъ, Иванъ Карнеенко, Семенъ Ведениктовъ, Өедоръ Антоновъ, Иванъ Евдокимовъ, Иванъ Бутенко, Петръ Шевчукъ, Иванъ Кожуховъ, Корней Попружукъ, Никита Науменко, Маркелъ Васильевъ, Өедоръ Задира, Андрей Кривошей, Иванъ Бовтракъ, Михаилъ Леоновъ Семенъ Псарь, Осипъ Мартыновъ, Филиппъ Яковлевъ, Аөанасій Алексѣевъ, Алексѣй Ивановъ, Павелъ Гаврішовъ. Барабанщики: Өедоръ Кукуленко, Матвѣй Андреевъ.

Кромѣ того, всѣмъ чинамъ полка, участвовавшимъ въ Отечественной войнѣ розданы серебряныя медали на Андреевской лентѣ, а участникамъ взятія Парижа—серебряныя на Георг. съ Андр. лентѣ, съ надписью «За взятіе Парижа».

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА.

Глава Двадцатая.

Положеніе дѣлъ на Кавказѣ въ 1816 г.— Назначеніе главнокомандующимъ генерала Ермолова.— Обзоръ покорныхъ Россіи кавказскихъ провинцій.— Численность корпуса.— Просьбы Ермолова о присылкѣ войскъ.— Переписка Ермолова съ Императоромъ Александромъ I.— Способъ комплектованія Кавказскаго корпуса.— Отправленіе на Кавказъ Апшеронскаго полка.— Прибытіе полка въ Чечню.— Положеніе дѣлъ въ Чечнѣ.— Постройка кр. Внезапной.— Разбитіе горцевъ у сел. Боутугая.— Уничтоженіе Даданъюрта.— Бой у сел. Исти-су.— 3-й баталіонъ Апшеронцевъ беретъ селеніе штыками.— Подвигъ рядоваго Ивана Корнеенко.— Потери Апшеронцевъ.— Смуты въ Дагестанѣ.— Дѣйствія отряда князя Мадатова.— Экспедиція Ермолова въ Акушу.— Составъ отряда.— Прибытіе въ Тарки.— Двухнедѣльное бездѣйствіе.— Разработка дороги.— Соединенія отряда Мадатова съ Ермоловымъ въ Урмѣ.— Рекогносцировка непріятельской позиціи.— Сраженіе 19 декабря.— Пораженіе горцевъ.— Занятіе сел. Акуши.— Изъявленіе акушинцами покорности.— Оставленіе 1-го Апшеронскаго баталіона въ Мехтулинскомъ ханствѣ.— 3-й баталіонъ соединяется въ Кубѣ съ баталіономъ Троицкаго полка.— Нападеніе скопища казикумухцевъ на Чирахскій постъ.— Неудачные штурмы горцевъ.— Геройская защита мечети и смерть прапорщика Щербины.— Эпизодъ изъ осады поста.— Освобожденіе гарнизона.— Потери защитниковъ Чирахскаго поста.— Важные результаты удержанія поста.— Награды штабсъ-капитану Овечкину.— Приказъ Ермолова.— Ермоловъ даритъ Апшеронцамъ за храбрость 100 червонцевъ.— Награды.

Войны съ Франціей, отвлекшія массу войскъ въ Европу, и война съ Турціей дали возможность горцамъ на Кавказской линіи и въ Дагестанѣ поднять знамя возмущенія. Поджигаемые персидскими и турецкими эмиссарами, они стали учащать нападенія и грабежи на Кавказской линіи. Осетія, Кабарда, Чечня, Дагестанъ и Закубанскіе горцы — все это поднялось противъ русскихъ; ханства—Мехтулинское, Аварское и Казикумухское не признавали власти Россіи.

При такомъ незавидномъ положеніи дѣлъ, еще болѣе ухудшившемся вслѣдствіе слабаго управленія бывшаго въ то время главнокомандующимъ на Кавказѣ, генералъ-лейтенанта Ртищева, настояло отбросить всякія полумѣры въ отношеніи кавказскихъ горцевъ и, для обузданія ихъ, предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія. Въ это-то смутное время, именно въ 1816 году, командующимъ войсками въ Грузіи и инспекторомъ Кавказской линіи назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Участвуя въ походѣ Зубова, противъ Персіи, еще въ 1797 году, Ермоловъ явился на Кавказъ уже нѣсколько знакомый, какъ съ характеромъ жителей, такъ равно и со способомъ веденія съ ними войны.

Желая ближе ознакомиться съ правителями разныхъ владѣній и ханствъ, находившихся въ подданствѣ Россіи, Алексѣй Петровичъ, прибывъ въ Тифлисъ, 10-го октября 1816 года, отправился обозрѣвать край.

Въ это время на Кавказѣ намъ принадлежали слѣдующія владѣнія: Грузія, съ Елисаветопольскимъ округомъ (бывшее ханство Ганжинское); Имеретія, въ которой было учреждено временное правленіе; ханства Карабахское и Ширванское, находившіяся подъ управленіемъ — первое генералъ-маіора Мехти-Хана, а второе генералъ-лейтенанта Мустафы-Хана; Шекинское ханство, Кубинская провинція и Талышинское ханство. Послѣднее владѣніе, расположенное на границѣ съ Персіей, всегда подвергалось нападенію и разоренію во время войнъ между Россіею и Персіею, потому жители его отличались бѣдностью. Большая часть Дагестанскихъ владѣній состояла лишь въ номинальной зависимости отъ Россіи, чему много способствовали, во-первыхъ, — почти неприступная мѣстность, и, во-вторыхъ, — наши постоянныя войны съ Персіей и Турціей, мѣшавшія намъ обратить соотвѣтствующее вниманіе на этотъ край, тѣмъ болѣе, что русское правительство, желая имѣть во владѣтеляхъ Дагестана, если не прямыхъ подданныхъ, то хотя бы не враговъ, снисходительно смотрѣло на всѣ ихъ продѣлки, платило имъ жалованье и давало чины.

Изъ числа такихъ правителей укажемъ на Ахметъ-Хана-Аварскаго, Сурхай-Хана Казикумухскаго, Адиль-Хана-уцмія Каракайтахскаго и Асланъ-Хана-Кюринскаго — единственнаго изъ нихъ дѣйствительно приверженнаго намъ; всѣ же остальные владѣтели, при каждомъ удобномъ случаѣ, принимали участіе во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ.

Восточный или приморскій Дагестанъ составляли владѣнія Мехти-Шамхала Тарковскаго, отличавшагося преданностью Русскому правительству, что имѣло особенно важное значеніе, такъ какъ онъ вліялъ на нѣкоторыя общества Дагестана.

Противъ Кавказской линіи жили: кабардинцы, народъ давно уже принявшій подданство Россіи, а по Тереку — чеченцы. Считая себя хорошо защищенными въ дремучихъ лѣсахъ, чеченцы ни за что не хотѣли добровольно покориться Россіи, и войскамъ нашимъ стоило много труда и крови, чтобы заставить ихъ признать надъ собою власть Русскаго Императора.

Ознакомясь съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ, генералъ Ермоловъ увидѣлъ, что, съ наличнымъ количествомъ войскъ, въ краѣ, — весьма трудно удерживать въ повиновеніи безпокойное населеніе; а войскъ этихъ имѣлось дѣйствительно очень мало; они состояли изъ 19-й и 20-й пѣхотныхъ дивизій, двухъ гренадерскихъ полковъ, нѣсколькихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, одного драгунскаго полка и 12 тысячъ казаковъ линейныхъ, донскихъ и астраханскихъ; — всего же въ Грузинскомъ корпусѣ насчитывалось 56 тысячъ человѣкъ и 132 орудія.

Впрочемъ, такое число войскъ только значилось на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ ихъ было много меньше, ибо вредныя климатическія условія, порождая чрезвычайную болѣзненность, уменьшали ихъ наличность, кромѣ того, необходимо надлежало исключить гарнизонные баталіоны, дѣятельность которыхъ имѣла чисто мѣстный характеръ. Хотя для обороны Кавказской линіи строились крѣпости, но, во-первыхъ, въ весьма ограниченномъ числѣ, а во-вторыхъ, нося одно лишь громкое названіе, онѣ отличались самою примитивною постройкой: по большей части то были небольшія деревянныя укрѣпленія, нерѣдко расположенныя на мѣстахъ, не имѣвшихъ ровно никакого стратегическаго значенія.

Вотъ почему Ермоловъ, по осмотрѣ этихъ пресловутыхъ крѣпостей, нѣкоторыя совершенно упразднилъ, а другія велѣлъ перестроить.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй Петровичъ обратился къ Императору Александру I съ просьбою о присылкѣ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ ротъ артиллеріи и объ оставленіи на Кавказѣ 8-го егерскаго полка, находившагося тогда временно въ составѣ корпуса. Кромѣ того, для обороны крѣпостей онъ считалъ необходимымъ имѣть еще 14 тысячъ воинскихъ чиновъ, а именно:

для крѣпости	Кумъ	3,000	чел.
» »	Гумри	3,000	»
» »	Карабага	2,400	»
» »	Баку	1,000	»
» »	Дербента	1,600	»
» »	Старой Шемахи	2,000	»
» »	Гарцисцкали	1,000	»
	Итого	14,000	чел.

Все же испрашиваемое количество войскъ для Грузинскаго корпуса, полагая пѣхотный полкъ въ 3,000 человѣкъ, равнялось 26,000 человѣкъ [1].

Но тревожное состоянiе Европы не позволяло Александру I немедленно исполнить просьбу Ермолова, большая часть нашихъ войскъ, въ ожиданiи войны, располагалась по европейскимъ границамъ.

Между тѣмъ, постройка крѣпости Грозной, въ 1818 году, возымѣла свое дѣйствiе: чеченцы уже не могли безнаказанно дѣлать набѣги на линiю, ибо на пути ихъ находилась русская крѣпость и отрядъ, всегда имѣвшiй возможность пресѣчь хищникамъ путь отступленiя. Кромѣ того, въ концѣ 1818 года и въ началѣ 1819, сдѣлана просѣка въ Ханкальскомъ ущельи, открывшая тѣмъ самымъ скрывавшiяся за нимъ чеченскiя селенiя.

Для связи кр. Грозной съ линiей, у станицы Старый Юртъ возведено небольшое укрѣпленiе на одну роту. Чеченцы, жившiе на плоскости и владѣвшiе здѣсь прекрасными пахотными и пастбищными мѣстами, не имѣя, конечно, никакого желанiя съ ними разставаться, по необходимости должны были не только отказаться отъ всякихъ набѣговъ, но, кромѣ того, для охраненiя линiи, учредить у себя въ горахъ караулы.

Зато Дагестанъ не отличался спокойствiемъ. Акушинцы не только начали волноваться, но и возбуждать сосѣднiя имъ дагестанскiя общества; первыми на ихъ призывъ откликнулись жители Мехтулы, затѣмъ каракайтахцы, въ особенности жители огромнаго селенiя Башлы, снова возвратившiеся, послѣ погрома въ 1818 году, въ свой родной аулъ. Повсюду начались грабежи и нападенiя на небольшiя русскiя команды. Немало способствовали такому положенiю дѣлъ Сурхай-Ханъ Казикумухскiй и Мустафа-Ханъ Ширванскiй; первый никогда не отличался вѣрностью Русскому правительству, и не проходило ни одного возмущенiя въ Дагестанѣ, въ которомъ бы онъ не принималъ участiя, если не личнаго, то, во всякомъ случаѣ, помогая возставшимъ деньгами, оружiемъ, совѣтами и проч. Второй же, Мустафа-Ханъ Ширванскiй—генералъ-лейтенантъ русской службы, олицетворялъ собой типъ вѣроломнаго, лживаго и въ то же время раболѣпствующаго персiянина. Сохраняя всегда видъ величайшей преданности и невинности, онъ неоднократно измѣнялъ русскимъ, то укрывая у себя бѣглаго грузинскаго царевича Александра, то давая пристанище изгнанному Шихъ-Али Хану Дербентскому, то участвуя въ тайныхъ сношенiяхъ съ Персiей и возмущая дагестанскiе народы противъ русскихъ. Хотя всѣ тайныя интриги Сурхай-Хана Казикумухскаго и Мустафы-Хана Ширванскаго были извѣстны нашимъ правителямъ на Кавказѣ, тѣмъ не менѣе положенiе наше въ краѣ было таково, что до-поры, до-времени мы не имѣли возможности наказать ихъ.

Для сохраненiя спокойствiя въ Дагестанѣ, населенномъ безпокойными и воинственными горцами, и для могущихъ представиться тамъ военныхъ дѣйствiй, находилось самое огра-

[1]) Дѣло № 221. 1 отд. Дежур. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

*

ниченное число войскъ,— именно: Троицкій и Севастопольскій полки, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было считать совершенно-достаточною грозною силою. Правда, въ сосѣдней съ Дагестаномъ, Шекинской провинціи располагался отрядъ генералъ-маіора Мадатова; но кругъ его дѣятельности былъ строго очерченъ и онъ не могъ подать помощи въ потребное время.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры противъ Мустафы Хана и Сурхая не представлялось возможности.

Въ началѣ 1819 года, генералъ Ермоловъ повторилъ просьбу о присылкѣ изъ Россіи на Кавказъ войскъ. Въ письмѣ къ Государю Императору отъ 12-го февраля 1819 года, читаемъ: «Я просилъ дополненія Грузинскаго отдѣльнаго корпуса тремя пѣхотными полками... и смѣю утверждать, что сколько безъ оныхъ обойтись не возможно, столько большее число было-бы излишнимъ». Императоръ Александръ I, читая прежнія просьбы Ермолова и послѣднее письмо, гдѣ онъ просилъ присылки только трехъ полковъ, большее же число считаетъ совершенно безполезнымъ, находился въ недоумѣніи: «Не умѣя согласить сего увѣренія съ прежними вашими требованіями, писалъ Императоръ Ермолову, — единственно заключаю, что дошли до васъ побочнымъ и неудовлетворительнымъ образомъ нѣкоторыя извѣстія о назначенныхъ войскахъ въ Грузію и, какъ вѣроятно, тотъ, кто писалъ, не зналъ самъ настоящихъ предположеній, посему не могъ и васъ надлежащимъ образомъ извѣстить» [2].

Сообразивъ всѣ требованія генерала Ермолова, Александръ I не нашелъ возможнымъ добавлять полковъ къ Грузинскому корпусу, ибо такимъ образомъ нарушился бы составъ россійскихъ корпусовъ. Для достиженія же основной цѣли, т. е. увеличенія войскъ на Кавказѣ, Высочайше повелѣно: временно назначить подъ начальство генерала Ермолова десять полковъ пѣхоты на укомплектованіе отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, вмѣсто присылки рекрутъ, потеря которыхъ, вслѣдствіе далекаго и затруднительнаго пути и непривычки къ климату, доходила бы до весьма значительныхъ размѣровъ.

Укомплектованіе должно было производиться на слѣдующихъ основаніяхъ: число полковъ, составлявшихъ Грузинскій корпусъ, оставалось прежнее, т. е. 8 пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 2 гренадерскихъ и 1 карабинерный, итого 15 полковъ; каждый изъ нихъ приводился въ составъ 3,900 человѣкъ, — 3,600 рядовыхъ и 300 унтеръ-офицеровъ. Такимъ образомъ, боевая численность войскъ въ корпусѣ доходила до 50,000 человѣкъ. Для обороны крѣпостей, вмѣсто образованія отдѣльныхъ гарнизонныхъ полковъ и баталіоновъ, назначались вторые баталіоны всѣхъ полковъ, кромѣ гренадерской бригады. Въ распоряженіи Ермолова, исключительно для военныхъ дѣйствій, оставалось въ двухъ дивизіяхъ и 9 баталіонахъ гренадерской бригады болѣе 40,000 человѣкъ. «Я предполагаю», пишетъ Императоръ Ермолову, «сіе знатное число войскъ отправить вамъ въ корпусъ образованными полками, со всѣмъ нужнымъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, нежели составными временно командами. Прибывшіе полки въ вашъ корпусъ принесутъ съ собою ружья новаго образца, чѣмъ исполнится равномѣрно желаніе ваше о перемѣнѣ старыхъ ружей, находящихся въ полкахъ Грузіи» [3].

На Кавказъ назначены слѣдующіе полки: пять полковъ изъ числа расположенныхъ на границѣ Войска Донскаго — Апшеронскій, Тенгинскій, Навагинскій, 41 и 42 егерскіе; пять изъ Крыму — Ширванскій, Куринскій, Мингрельскій, 43 и 45 егерскіе.

---

[2]) Дѣло № 221. 1-е отд. Дежурства. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
[3]) Тамъ же.

Распоряженіе о времени выступленія полковъ на Кавказъ, и самые маршруты имъ должны были уже исходить отъ генерала Ермолова[4].

По укомплектованіи пришедшихъ изъ Россіи полковъ, туда возвращались кадры полковъ: Севастопольскаго, Казанскаго, Троицкаго, Бѣлевскаго, 8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го егерскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь предоставилъ командиру Кавказскаго корпуса перевести къ себѣ въ корпусъ «всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ возвращающихся въ Россію полковъ, служба и опытность которыхъ будетъ признана полезной въ Грузіи».

Алексѣй Петровичъ широко воспользовался этимъ правомъ и почти совсѣмъ измѣнилъ составъ офицеровъ Апшеронскаго полка, переведя въ него много офицеровъ изъ Троицкаго полка, а въ послѣдній переведены, за малымъ исключеніемъ, всѣ Апшеронскіе офицеры.

Кадры полковъ, бывшихъ на Кавказѣ, придя въ Россію, немедленно приводились въ надлежащій составъ и поступали въ тѣ корпуса, дивизіи и бригады, откуда полки были выдѣлены.

Полки, предназначавшіеся къ отправленію на Кавказъ: входили въ составъ: Апшеронскій, Ширванскій, Куринскій, Тифлисскій, 41-й и 42-й егерскіе — въ 20-ю дивизію, а Кабардинскій, Тенгинскій, Навагинскій, Мингрельскій, 43-й и 45-й егерскіе — въ 19-ю дивизію. При строевомъ дѣленіи полковъ на бригады, въ дивизіяхъ соблюдалось старшинство сформированія полковъ. Но порядокъ слѣдованія полковъ, а также и обстоятельства края помѣшали дать имъ надлежащее дѣленіе и расположеніе. Передвиженіе войскъ много зависѣло отъ путеваго довольствія, вопросъ о которомъ являлся далеко нелегкимъ: требовалось везти съ собой большой запасъ провіанта, которымъ не всѣ мѣстности изобиловали. Вотъ почему нѣкоторые изъ полковъ соединились по удобствамъ мѣстнаго расположенія, и тѣмъ нарушилось ихъ строевое дѣленіе. Такъ, 20-ю дивизію составили Апшеронскій, Куринскій (1-я бригада), Ширванскій и Тифлисскій полки (2-я бригада). Вся дивизія назначалась въ Дагестанъ и Кубинскую провинцію, гдѣ настоятельно требовалось увеличеніе войскъ.

27-го апрѣля выступилъ изъ Москвы на Кавказъ, Апшеронскій полкъ, съ командиромъ своимъ подполковникомъ Гартонгомъ[5]. 19-го іюня Апшеронцы пришли въ гор. Славянскъ, а отсюда, согласно распоряженія Ермолова, слѣдовали побаталіонно черезъ Георгіевскъ въ Дагестанъ, на соединеніе съ Троицкимъ пѣхотнымъ полкомъ, расположеннымъ въ гор. Кубѣ.

Полкъ состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ, въ каждомъ по 4 роты: одна гренадерская и 3 мушкетерскихъ; кромѣ того, въ полку имѣлась инвалидная и женатая роты.

Слѣдуя поэшелонно, Апшеронцы уже въ концѣ лѣта прибыли на Кавказъ и, черезъ Чечню, направились въ Дагестанъ, который они покинули 85 лѣтъ тому назадъ. По приходѣ въ Чечню, первымъ вступилъ въ дѣло съ горцами 3-й баталіонъ, принявъ участіе въ сраженіи при аулѣ Горячевскомъ (Исти-су). Прежде чѣмъ описывать бой у Горячевскаго, считаемъ нелишнимъ предпослать краткій очеркъ положенія дѣлъ того времени въ Чечнѣ.

Увеличеніе войскъ Кавказскаго корпуса дало Ермолову возможность дѣйствовать болѣе рѣшительно.

Въ послѣдніе два года чеченцы усилили грабежи и набѣги на линію. Самыми дѣйствительными мѣрами для обузданія горцевъ служили: 1) въ свою очередь набѣги русскихъ, уничтоженіе чеченскихъ поселеній, угонъ скота, чѣмъ достигалось удаленіе непокорныхъ

---

4) Тамъ же. Высочайшее повелѣніе 19-го апр. 1819 г.
5) Полкъ состоялъ въ 12-й пѣхотной дивизіи.

чеченцевъ въ глубь горъ и лѣсовъ, дальше отъ Кавказской линіи; 2) устройство просѣкъ въ лѣсахъ, отчего доступъ къ непріятельскимъ селеніямъ становился болѣе легкимъ, и 3) заложеніе и устройство небольшихъ укрѣпленій около границъ Чечни. Обыкновенно эти укрѣпленія, или, вѣрнѣе, редуты, строились на одну, много на двѣ роты и вооружались однимъ или двумя орудіями.

Таковы были укрѣпленія: Амиръ-Аджи-юртовское, Кази-юртовское и Внезапное, при сел. Андреевскомъ, — возникшее въ половинѣ 1819 года у аула Андреевскаго. Для его устройства сформированъ былъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вельяминова, состоявшій изъ 6 баталіоновъ 16 орудій и 300 человѣкъ казаковъ.

Получивъ въ концѣ 1818 года Высочайшее разрѣшеніе на постройку укрѣпленія при Андреевскомъ, Алексѣй Петровичъ сдѣлалъ всѣ предварительныя распоряженія о заготовленіи лѣса и проч. строительнаго матеріала, необходимаго для постройки.

Возникновеніе укрѣпленія въ такомъ мѣстѣ, какъ сел. Андреевское, имѣло весьма важное значеніе: находясь вблизи переправы черезъ р. Сулакъ, на границѣ Чечни, Салатавіи и Дагестана, оно могло служить грозой для ихъ жителей.

Вотъ почему, въ виду особаго стратегическаго положенія, укрѣпленію даны большіе размѣры, чѣмъ обыкновеннымъ редутамъ, и оно названо крѣпостью. Къ постройкѣ приступлено было только въ половинѣ іюля; работа велась весьма энергично и новое большое укрѣпленіе выросло быстро. Между тѣмъ, стали носиться слухи, что Ахметъ-ханъ-Аварскій, братъ его Гасанъ-ханъ, Адиль-ханъ-Каракайтахскій и родственникъ Шамхала-Умалатъ-Гока имѣютъ намѣреніе, сообща съ чеченцами, напасть на укрѣпленіе Кази-юртъ, уничтоживъ его, двинуться затѣмъ противъ войскъ, занятыхъ постройкою крѣпости Внезапной. Слухи эти оказались совершенно вѣрными. Въ началѣ августа Ахметъ-ханъ съ дагестанцами пришелъ въ аулъ Боутугай, находящійся верстахъ въ 15 отъ Андреевскаго.

Занявъ и сильно укрѣпивъ селеніе, Ахметъ-Ханъ построилъ вокругъ него завалы.

Но 30-го августа скопище Ахметъ-Хана разбито Ермоловымъ, и спаслось за окопы и завалы, устроенные между р. Сулакомъ и утесистыми горами. Аулъ Боутугай, какъ равно и высоты, лежащія въ верстѣ отъ окоповъ, заняты были русскими войсками, которыя и расположились лагеремъ въ обширной долинѣ, примыкавшей къ Боутугаю. Непріятель, стѣсненный близостью русскаго отряда, не смѣлъ никуда выходить, такъ что сообщеніе его съ прочими аулами на плоскости окончательно прервалось, и не откуда было получать продовольствіе. Хотя такое плачевное положеніе горцевъ не могло долго продолжаться, тѣмъ не менѣе непріятель до 3-го сентября занималъ завалы, много терпя отъ нашего артиллерійскаго огня.

Въ ночь на 3-е сентября Ахметъ-Ханъ Аварскій и братъ его Гасанъ-Ханъ бѣжали первые, а за ними послѣдовали и всѣ остальные, съ такой поспѣшностью, что оставили даже хлѣбъ, въ которомъ очень нуждались, и много оружія и одежды.

Генералъ Ермоловъ бросился ихъ преслѣдовать въ горы, проходя по такимъ мѣстамъ, гдѣ едва можно было тащить два легкихъ орудія. На пути истреблено нѣсколько ауловъ, а созрѣвшій хлѣбъ на поляхъ уничтоженъ; непріятель нигдѣ уже не показывался.

5-го сентября отрядъ возвратился въ крѣпость Внезапную. Потеря наша состояла изъ убитыхъ: 30 рядовыхъ, 2-хъ казаковъ и 5 рядовыхъ умерло отъ ранъ; раненыхъ: 2 оберъ-офицеровъ, 69 рядовыхъ, 5 казаковъ; контуженныхъ: 1 штабъ-офицеръ и 11 рядовыхъ. Такимъ образомъ, попытка Ахметъ-Хана окончилась полной неудачей [6].

---

[6]) Донесеніе генер. Ермолова отъ 10-го сентября 1819 г. Дѣло № 39—1 отд. Дежур. Архивъ Кавк. Окр. Штаба.

Однако чеченцы не успокоились; ихъ партіи постоянно производили набѣги и грабежи, въ чемъ особенности отличались качкалыковцы, жившіе въ землѣ аксаевцевъ[7]. Единственнымъ средствомъ къ устраненію горцевъ наносить намъ вредъ оставалось выгнать ихъ изъ селеній, уничтоживъ послѣдніе. Поэтому Ермоловъ предписалъ генералъ-маіору Сысоеву 3-му двинуться съ 6-ю ротами, при 3-хъ орудіяхъ и нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ къ качкалыковскому сел. Даданъ-Юрту, лежавшему на р. Терекѣ.

12-го сентября отрядъ выступилъ изъ станицы Червленой и на другой день подошелъ къ Даданъ-Юрту. На предложеніе генерала Сысоева жителямъ оставить селеніе и выселиться изъ земли аксаевцевъ, даданъ-юртовцы отвѣчали отказомъ и рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Даданъ-юртъ состоялъ изъ окруженныхъ высокими заборами, отдѣльныхъ дворовъ, такъ что каждый изъ нихъ приходилось брать съ боя. Войска двинулись въ атаку; ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ дошло до невѣроятныхъ размѣровъ. Чеченцы убивали своихъ женъ и дѣтей, чтобы тѣ не достались русскимъ; женщины бросались съ оружіемъ на солдатъ, которые, видя такое остервенѣніе непріятеля, никого не щадили. Рѣзня продолжалась цѣлый день; за весьма немногими исключеніями всѣ даданъ-юртовцы погибли; осталось лишь нѣсколько женщинъ и дѣтей, просившихъ пощады.

Однако побоище у Даданъ-Юрта и намъ стоило дорого: отрядъ потерялъ 3-хъ оберъ-офицеровъ, 126 рядовыхъ ранеными и 69 убитыми. Потеря непріятеля простиралась свыше 400 человѣкъ убитыми.

14-го сентября, генералъ Сысоевъ, разрушивъ до основанія Даданъ-Юртъ, возвратился въ Червленую. Отрядъ 30-го числа сдѣлалъ поискъ за Ханкальское ущелье и истребилъ громадное количество, собраннаго жителями[8], хлѣба и сѣна. Успѣху послѣдняго предпріятія много способствовала колонна полковника Базилевича, высланная для отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ отряда Сысоева. Колонна эта, состоявшая изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты и 9-ти орудій, выступила въ ночь на 30-е сентября изъ кр. Внезапной и расположилась въ виду качкалыковскихъ селеній, жители которыхъ, ожидая сами нападенія со стороны русскихъ войскъ, не могли и думать о поданіи помощи обществамъ Ханкальскаго ущелья.

Въ концѣ сентября въ Внезапную прибылъ Апшеронскій полкъ, а 1-го октября генералъ Ермоловъ выступилъ изъ крѣпости съ 3-мя баталіонами (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ) и 4-мя орудіями и того же числа, соединясь съ отрядомъ полковника Базилевича, атаковалъ главнѣйшее качкалыковское сел. Исти-су (Горячевское).

Исти-су уже издавна служило гнѣздомъ всевозможныхъ разбойниковъ, и наказаніе его откладывалось только до-поры-до-времени. Повидимому, участь Даданъ-Юрта подѣйствовала и на жителей Исти-су, которые своихъ женъ, дѣтей и имущество вывезли отсюда заранѣе; а для защиты селенія остались всѣ способные носить оружіе. Въ окопахъ около Исти-су непріятель почти не держался и отступилъ въ селеніе, гдѣ и засѣлъ по саклямъ и въ мечети[9]. «Но 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою подполковника Карчевскаго, нигдѣ не останавливаясь, взялъ аулъ штыками»[10]. Особенный подвигъ оказалъ Апшеронецъ, рядовой 7-й мушкетерской роты Иванъ Корнеенко. Служа въ этомъ дѣлѣ для всѣхъ примѣромъ неустрашимой храбрости и будучи уже раненъ въ ногу запершимися въ мечети чеченцами, Корнеенко бросился въ нее съ товарищами, взошелъ первый,

---

7) Качкалыки — одна изъ вѣтвей чеченскаго племени.

8) Дѣло № 4. 1 отд. Дежур. Архивъ Окр. Шт.

9) Саклями на Кавказѣ называются дома жителей, построенные изъ глины или саманнаго кирпича, и имѣющіе плоскую крышу.

10) Дѣло № 39. 1 отд. дежурства. Отношеніе генерала Ермолова къ генералъ-маіору Вельяминову за № 28. Архивъ Кавказскаго окружнаго штаба.

заколол двухъ горцевъ, но былъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, вторично раненъ пулею въ руку. За этотъ подвигъ Иванъ Корнеенко получилъ вторую треть прибавочной пенсіи по знаку отличія Военнаго ордена (нынѣшняя 3-я степень) и, сверхъ того, денежную награду.

Другія части селенія, раскинутаго по крутымъ оврагамъ, заняты были двумя ротами Кабардинскаго пѣхотнаго и одною ротою 42-го егерскаго полковъ.

Войска ночевали въ Исти-су, а на другой день его разрушили до основанія.

Дѣло у Горячевской стоило намъ 2-хъ оберъ-офицеровъ и 14 рядовыхъ убитыми, и 4-хъ оберъ-офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ ранеными. Апшеронцы потеряли 9 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены: капитанъ Морозовъ, подпоручикъ Кмелевичъ и 27 нижнихъ чиновъ [11].

Таковы были первые подвиги Апшеронцевъ, по возвращеніи на Кавказъ.

3-го октября отрядъ двинулся къ селеніямъ Ноимберды и Аліяру; въ послѣднемъ жителей не найдено; обитатели же Ноимберды пытались было сопротивляться, но послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ бѣжали.

Оба аула разрушены, и 4-го октября отрядъ возвратился въ крѣпость Внезапную. 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго полка временно оставлены въ крѣпости, а 3-й баталіонъ направился въ гор. Кубу.

Еще въ началѣ года, Гасанъ-Ханъ Мехтулинскій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ахметъ-Ханомъ, собравъ партію горцевъ, намѣревался напасть, на резиденцію шамхала Мехти, сел. Тарки, съ цѣлью убить шамхала за приверженность его русскимъ, и самое селеніе разграбить. Узнавъ о томъ, Мехти бѣжалъ на Сулакскую ватагу, которую и укрѣпилъ. Отсюда онъ написалъ письмо Ермолову, съ изложеніемъ своего положенія и съ просьбою о помощи [12]. Впрочемъ, Гасанъ-Ханъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе: собранная имъ партія оказалась весьма незначительной для такого важнаго предпріятія.

Тѣмъ не менѣе, по полученіи письма отъ шамхала и донесенія коменданта Кази-юртовскаго укрѣпленія, штабсъ-капитана Марковкина, командиръ корпуса распорядился, при первой необходимости, направить одинъ баталіонъ, черезъ Кази-юртъ, въ шамхальскія владѣнія.

Вскорѣ послѣ того поднялось волненіе среди акушинцевъ и башлинцевъ, въ виду чего Ермоловъ предписалъ генералъ-маіору, князю Мадатову, сформировать отрядъ въ 1,500 человѣкъ пѣхоты, 8 орудій и 300 казаковъ, и двинуться съ нимъ въ Табасарань, для наказанія возмутившихся и, въ томъ числѣ, табасаранцевъ.

Къ отряду князя Мадатова присоединялась конница, набранная въ ханствахъ Шекинскомъ, Карабахскомъ и Ширванскомъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ отрядъ Мадатова двинулся въ Табасарань. Одинъ изъ предводителей горцевъ, Абдула-Бекъ-Эрсинскій, съ громаднымъ скопищемъ горцевъ укрѣпился въ горахъ, но Мадатовъ, при посредствѣ проводниковъ, проникъ въ самыя неприступныя мѣста горъ и нанесъ пораженіе скопищу. Отсюда онъ быстро пошелъ къ Башламъ. Подкрѣпляемые уцміемъ Адидь-Гиреемъ, приславшимъ на помощь каракайтахцевъ и кободерговъ, башлинцы рѣшились упорно защищаться. Число горцевъ, собравшихся у Башловъ, достигало до 3-хъ тысячъ человѣкъ. 4-го октября князь Мадатовъ направился къ Башламъ, и послѣ двухъ переходовъ, на разсвѣтѣ, 5-го числа, стремительно атаковалъ непріятеля въ его укрѣпленныхъ позиціяхъ; послѣ довольно ожесточенной битвы, наша пѣхота опрокинула и прогнала съ высотъ толпы горцевъ.

---

[11]) Тамъ же.

[12]) Дѣло № 19. 1-е отд. дежурства. Донесеніе штабсъ-капитана 16-го егерскаго полка Марковкина за № 56, съ представленіемъ письма шамхала. Арх. Кавк. окр. штаба.

Преслѣдованіе продолжалось до лѣсистыхъ горъ, верстахъ въ 5-ти отъ Башловъ. Огромный аулъ Башлы преданъ былъ огню и разоренъ до основанія.

Въ этомъ дѣлѣ наша потеря состояла изъ одного убитаго унтеръ-офицера и раненыхъ: 3 рядовыхъ, 2 казаковъ и 7 человѣкъ изъ татарской конницы. У непріятеля потеря одними убитыми простиралась до 100 человѣкъ[13].

Хотя подданные уцмія и находились въ Башлахъ, но самъ онъ отрицалъ всякое личное участіе въ возмущеніи Табасарани Башловѣ; когда же, послѣ башлинскаго разгрома, прибылъ къ нему его сынъ, бывшій аманатомъ въ Дербентѣ, то уцмій сбросилъ съ себя маску и началъ явныя дѣйствія противъ русскихъ.

Не имѣя самъ достаточно силъ къ борьбѣ съ нами, Адиль-Ханъ началъ искать помощи у акушинцевъ, которые и съ большою готовностью откликнулись на его призывъ.

Вслѣдъ за разбитіемъ горцевъ у Башловъ, князь Мадатовъ получилъ извѣстіе, что уцмій, собравъ изъ различныхъ обществъ скопище до 4 тысячъ, расположился съ нимъ вблизи селенія Меджалиса, на весьма укрѣпленной позиціи, носящей названіе Самси. Съ цѣлью заставить уцмія бросить ее, князь Мадатовъ, 21-го октября, выступилъ съ отрядомъ къ сел. Енгикенту, въ которомъ находился домъ и много имущества Адиль-Хана. Умцій, желая сберечь то и другое, бросилъ свою позицію, а со всѣмъ скопищемъ двинулся для защиты угрожаемаго селенія.

22-го октября отрядъ подошелъ къ Енгикенту и атаковалъ засѣвшихъ въ немъ горцевъ; противъ же непріятеля, занявшаго близъ лежащія высоты, направленъ былъ одинъ баталіонъ, который быстро взошелъ на горы и выбилъ отсюда штыками непріятеля, а затѣмъ артиллерійскій огонь произвелъ между горцами такой безпорядокъ, что они обратились въ бѣгство. Побѣда была полная. Въ тотъ же день все селеніе, вмѣстѣ съ большимъ домомъ уцмія, разрушено до основанія. Послѣ того, отрядъ, пройдя верстъ 15, остановился на ночлегъ у селенія Уллу-Терекеме, а на другой день возвратился къ своей лагерной стоянкѣ у р. Дарбахъ.

Наша потеря заключалась въ 4 убитыхъ и 5 раненыхъ нижнихъ чинахъ, и 2 раненыхъ изъ туземной конницы[14].

Пораженіе Адиль-Хана имѣло самыя для него плачевныя послѣдствія: въ виду новой очевидности измѣны уцмія, Ермоловъ лишилъ его владѣній и самое уцмійство навсегда уничтожилъ. Пока князь Мадатовъ расправлялся съ уцміемъ, Сурхай-Ханъ Казикумухскій, воспользовавшись малочисленностью войскъ въ Кубинской провинціи, собралъ большую партію и произвелъ нападеніе на Чирахскій постъ. Казикумухцы, подъ предводительствомъ внука Сурхая, Магометъ-Хана-Бека, подойдя на разсвѣтѣ, 18-го октября, къ посту, атаковали его, но были отбиты. Сраженіе продолжалось отъ 6 часовъ утра до самаго вечера. Непріятель нѣсколько разъ врывался въ казармы, выстроенныя около редута, желая во что-бы-то ни стало завладѣть провіантскимъ магазиномъ, но каждый разъ былъ отражаемъ выходившими на вылазку ротами. Потерявъ много убитыми и ранеными, горцы вечеромъ отступили.

Командующій войсками въ Дагестанѣ и Кубинской провинціи, генералъ-маіоръ баронъ Вреде I-й, сомнѣваясь еще въ измѣнѣ Сурхай-Хана, произвелъ разслѣдованіе происшедшаго случая, по которому оказалось, что нападеніе на Чирахское укрѣпленіе произведено карбулинцами, жившими въ земляхъ, смежныхъ съ ханствомъ Казикумухскимъ.

Донесеніе барона Вреде о нападеніи на Чирахъ поставило Ермолова въ необходимость

---

13) Донесеніе генер. Мадатова отъ 6-го октября за № 374. Дѣло № 39. 1 отд. Дежур. Арх. Кавк. окр. Штаба.
14) Донесеніе генерала Мадатова № 393. Дѣло № 43. Дежур. Арх. Кавк. окр. штаба.

двинуть въ Кубинскую провинцію отрядъ князя Мадатова, тѣмъ болѣе что, по полученнымъ извѣстіямъ, Мустафа-Ханъ Ширванскій также обнаруживалъ признаки измѣны.

Чтобы смирить Дагестанъ и заставить его хотя на-время успокоиться, генералъ Ермоловъ задумалъ наказать акушинцевъ, какъ самый безпокойный народъ.

Считая себя совершенно свободными и живя въ неприступныхъ горахъ, акушинцы отличались большой воинственностью и храбростью, пользовались всеобщимъ уваженіемъ среди горскихъ народовъ и имѣли на нихъ большое вліяніе. Слѣдовательно, произведя разгромъ Акуши, Ермоловъ тѣмъ самымъ пошатнулъ-бы увѣренность прочихъ дагестанцевъ въ непобѣдимости акушинцевъ и ослабилъ ихъ вліяніе на сосѣднія общества. Рѣшивъ предпринять экспедицію, корпусный командиръ началъ дѣятельно къ ней приготовляться. Въ половинѣ ноября, когда постройка кр. Внезапной оканчивалась, а часть прибывшихъ изъ Россіи полковъ уже расположилась на линіи, и генералу Ермолову, такимъ образомъ, уже ничто ни мѣшало приступить къ исполненію задуманнаго предпріятія, онъ, 11-го ноября, съ 9-ю баталіонами пѣхоты (въ томъ числѣ 1 и 2 баталіоны Апшеронцевъ), 16-ю орудіями и 500-ми казаковъ выступилъ изъ кр. Внезапной въ Тарки, куда и прибылъ 14-го числа[15]. Между тѣмъ, генералъ-маіору князю Мадатову Ермоловъ предписалъ двинуться изъ Кубинской провинціи въ селеніе Карабудахкентъ, расположенное въ одномъ переходѣ отъ гор. Тарки[16]. Оба отряда, соединясь, должны были пойти на встрѣчу собравшимся въ большихъ силахъ акушинцамъ[17]. Но наступившая дурная погода и выпавшій чрезвычайно глубокій снѣгъ прервали всѣ сообщенія и удержали генерала Ермолова въ Таркахъ болѣе двухъ недѣль, вслѣдствіе чего запасенный провіантъ истощился безъ всякой пользы. Узнавъ, что въ горахъ, въ одномъ переходѣ отъ Таркъ, не было снѣгу, корпусный командиръ рѣшился двинуться въ Акушу черезъ горы, и, для расчистки дороги, приказалъ собрать изъ окрестныхъ селеній 3,000 жителей.

Пока производилась расчистка, генералъ Мадатовъ занялъ сел. Губдень.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоялъ съ войсками Ермоловъ въ 1818 году, жители оставались совершенно спокойны, что давало возможность расположить отрядъ по квартирамъ, въ ожиданіи транспорта съ провіантомъ. 12-го декабря авангардъ князя Мадатова прибылъ въ аулъ Урму, лежащій за хребтомъ высокихъ горъ, ограждающихъ владѣнія акушинцевъ, и находившееся здѣсь скопище, послѣ небольшой перестрѣлки, отступило.

Употребивъ трое сутокъ для поднятія на горный хребетъ артиллеріи и всѣхъ необходимыхъ тяжестей, главный отрядъ 16-го числа соединился въ Урмѣ съ войсками Мадатова.

На другой день Ермоловъ, съ тремя баталіонами (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ), 400 казаками и Кюринской конницей произвелъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія. На одномъ изъ изгибовъ р. Урмо-азень находился рядъ довольно крутыхъ возвышенностей, которыя горцы изрыли окопами; лѣвый флангъ позиціи оканчивался укрѣпленнымъ холмомъ, а правый—прилегалъ къ глубокому и крутому оврагу, съ протекавшей по дну его рѣчкой. На другой сторонѣ оврага виднѣлись толпы горцевъ, не настолько, однако, многочисленныя, чтобы помѣшать отряду занять впереди лежащія высоты, на которыхъ предполагалось устроить батарею и, затѣмъ оттуда произвести охватъ праваго фланга непріятельской позиціи. Квартирмейстеръ отряда, полковникъ Верховскій,

---

[15]) Составъ отряда: 2 баталіона Апшеронскаго, по 2 баталіона: Куринскаго, 42-го егерскаго, Ширванскаго и баталіонъ Троицкаго пѣхотныхъ полковъ.

[16]) Въ то время отрядъ Мадатова находился уже въ Каракайтахской области.

[17]) Дѣло № 77. 1 отд. Дежур. Арх. Кавк. Окр. Шт.

осмотрѣлъ дорогу, оказавшуюся вначалѣ довольно крутою и постепенно отлогою по мѣрѣ приближенія къ непріятельской позиціи.

При возвращеніи русскихъ съ рекогносцировки, непріятель довольно слабо преслѣдовалъ и все дѣло ограничилось перестрѣлкою горцевъ съ татарскою милиціею.

Вечеромъ, 18-го декабря, Ермоловъ, отпустивъ изъ лагеря акушинскихъ старшинъ, приходившихъ съ различными, не заслуживающими серьезнаго вниманія, предложеніями, выступилъ изъ Урмы и, на разсвѣтѣ, остановился на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ передоваго непріятельскаго укрѣпленія.

Расположивъ войска въ боевомъ порядкѣ, Алексѣй Петровичъ приказалъ князю Мадатову, съ 5-ю баталіонами пѣхоты (въ томъ числѣ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка), занять противоположный берегъ оврага и рѣчки.

Эта колонна безпрепятственно спустилась къ рѣчкѣ и, когда начала подыматься на противоположный берегъ, то встрѣчена была выстрѣлами нѣсколькихъ непріятельскихъ пикетовъ. Повидимому горцы совсѣмъ не ожидали движенія русскихъ съ этой стороны и здѣсь не имѣли никакихъ резервовъ. Увидѣвъ-же дѣйствительное направленіе нашей атаки, горскіе предводители начали поспѣшно переводить за рѣчку свои главныя силы; но было уже поздно: 2-й баталіонъ Апшеронцевъ и баталіонъ 42-го егерскаго полка, оттѣснивъ большія толпы непріятеля, бросавшихся нѣсколько разъ въ шашки, заняли положеніе, затруднявшее его переходъ черезъ оврагъ, къ которому прилегало правое крыло позиціи горцевъ. Въ этомъ мѣстѣ, ружейный огонь весьма усилился, и непріятель напрягалъ всѣ старанія, чтобы сбить вышедшіе изъ оврага баталіоны.

Замѣтивъ, что противъ передовой колонны сосредоточились превосходныя силы горцевъ, генералъ Ермоловъ подкрѣпилъ ее еще двумя баталіонами пѣхоты, артиллеріей и всѣми донскими и линейными казаками, приказавъ одновременно съ этимъ генералъ-лейтенанту Шамхалу-Мехти занять высоты на правомъ флангѣ и тѣмъ туда отвлечь нѣкоторую часть непріятеля. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи заставило горцевъ очистить передовое укрѣпленіе, въ которое тотчасъ-же вскочила татарская конница, а за нею пришелъ баталіонъ Ширванскаго полка, затѣмъ въ немъ поставили батарейныя орудія и открыли огонь по бѣжавшимъ толпамъ. Изъ укрѣпленія видно было все ущелье, по которому непріятель передвигалъ свои силы противъ колонны генералъ-маіора князя Мадатова.

Между тѣмъ, 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, дѣйствовавшій на правомъ флангѣ, сбивъ непріятеля съ послѣдней возвышенности, сошелъ съ нея, послѣ чего артиллерія получила возможность дѣйствовать по линіи укрѣпленій. Стрѣлки Троицкаго, Куринскаго и 42-го егерскаго полковъ, овладѣвъ утесами, нависшими надъ самою дорогою, вдоль которой тѣснился бѣгущій непріятель, производили страшное опустошеніе въ его нестройныхъ толпахъ.

Отъ перваго выстрѣла и до конца сраженія прошло не болѣе двухъ часовъ; тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что, вообще, неожиданное, на разсвѣтѣ, появленіе нашихъ войскъ, пробудивъ безпечнаго непріятеля, навело на него столь паническій ужасъ, что уже съ самаго начала боя среди горцевъ обнаруживалось большое смятеніе.

По словамъ плѣнныхъ, силы непріятеля простирались до 15 тысячъ, и предводителями ихъ были: Шихъ-Али-Ханъ Дербентскій, Адиль-Ханъ-уцмій Каракайтахскій, сынъ Сурхай-Хана Казикумухскаго и другіе менѣе важные владѣльцы. Кромѣ акушинцевъ, въ скопищѣ находилось много горцевъ изъ другихъ обществъ Дагестана. Слѣдуя съ отрядомъ отъ мѣста боя до Акуши, генералъ Ермоловъ приказалъ на пути разорять многія прекрасныя

*

и богатыя селенія, и 21-го декабря занялъ и самое большое, оставленное жителями селеніе Акушу. Блестящіе успѣхи русскаго оружія произвели столь огромное впечатлѣніе на горцевъ, что отовсюду стали прибывать въ нашъ лагерь почетные мирзы, съ изъявленіемъ покорности и съ просьбою о пощадѣ; Ермоловъ принималъ отъ нихъ присягу на вѣрность Государю Императору, смѣнилъ главнаго кадія, управлявшаго народомъ, какъ виновника всѣхъ возмущеній, и на его мѣсто назначилъ другаго, извѣстнаго своею благонамѣренностью; взялъ 25 человѣкъ аманатовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій[18], большую контрибуцію продовольствіемъ, и прежнею дорогою вышелъ 29-го декабря, изъ предѣловъ покоренной области.

Передъ выступленіемъ отряда изъ Акуши, мѣстные старшины поднесли Ермолову саблю, въ ознаменованіе того, что онъ первый съ войсками проникъ до главнаго селенія народа, первенствующаго въ Дагестанѣ.

Покончивъ съ Акушой и передъ отъѣздомъ изъ Дагестана, Ермоловъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка и одинъ баталіонъ Куринскаго оставилъ на зимовку въ Мехтулинскомъ ханствѣ, вмѣстѣ съ 2-мя орудіями № 3 легкой роты 20-й артиллерійской бригады, остальныя-же войска распустилъ.

Отъ Буйнака на Кавказскую линію командира корпуса сопровождали гренадерскія роты Апшеронскаго полка и полурота легкой артиллеріи.

Въ день разбитія акушинцевъ при р. Урма-Озень, Сурха-Ханъ Казикумухскій, со скопищемъ около 6 тысячъ человѣкъ, напалъ на Чирахское укрѣпленіе.

Какъ уже знаемъ, 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка направленъ былъ прямо въ Кубу, гдѣ соединился съ баталіономъ Троицкаго полка, и, подъ командою маіора Егулова, расположился въ укр. Курахѣ. Двѣ роты Апшеронскаго баталіона, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Овечкина, занимали Чирахскій постъ.

Провѣдавъ о малочисленности защитниковъ поста, Сурхай-Ханъ рѣшился напасть на него и, овладѣвъ укрѣпленіемъ, истребить гарнизонъ. Скорой помощи подать посту не представлялось возможности по отдаленности расположенія отъ него ближайшихъ резервовъ, и, кромѣ того, почти всѣ войска, находившіяся въ южномъ Дагестанѣ и Кубинской провинціи, отправились въ экспедицію противъ Акуши,—поэтому Ханъ, въ основѣ своихъ намѣреній, имѣлъ достаточно основаній на успѣшный исходъ предпріятія.

Комендантъ Чирахскаго поста упомянутый штабсъ-капитанъ Овечкинъ былъ человѣкъ испытанной храбрости; прослышавъ о готовящемся нападеніи, онъ рѣшился сопротивляться, до послѣдней возможности, а въ крайнемъ случаѣ положилъ взорвать на воздухъ укрѣпленіе и гарнизонъ

19-го декабря, громадное скопище облегло со всѣхъ сторонъ Чирахскій постъ и Сурхай-Ханъ потребовалъ сдачи гарнизона. Получивъ въ отвѣтъ залпъ изъ ружей и орудій, горцы съ яростью устремились на штурмъ укрѣпленія, но были съ урономъ отбиты; попытки на штурмы повторились нѣсколько разъ, и всегда безуспѣшно.

Не смотря на понесенную большую потерю, Сурхай-Ханъ упорствовалъ въ намѣреніи взять укрѣпленіе и приступилъ къ заготовленію лѣстницъ, фашинъ, туровъ и т. п. Внѣ укрѣпленія, хотя и въ близкомъ отъ него разстояніи, находилась мечеть, обращенная въ провіантскій магазинъ и ее защищалъ молодой прапорщикъ Щербина, съ 40 человѣками охотниковъ изъ обѣихъ ротъ. Для непріятеля эта мечеть имѣла весьма важное значеніе: взявъ ее, горцы могли безъ труда и большихъ потерь приблизиться къ самому укрѣпленію, и, поэтому, они употребляли всевозможныя усилія къ овладѣнію зданіемъ.

---

[18]) Аманатами, или заложниками назывались горцы, изъ различныхъ обществъ или ауловъ, удерживаемыя нашимъ правительствомъ въ обезпеченіе спокойствія среди ихъ сородичей.

Когда храбрый Щербина, державшійся въ мечети уже около двухъ сутокъ, увидѣлъ, что дальнѣйшая защита ни къ чему не поведетъ, то отпустилъ свою команду въ укрѣпленіе, ради увеличенія численности гарнизона, а самъ съ 4-мя лучшими стрѣлками, запасшись достаточнымъ количествомъ патроновъ, засѣлъ на минаретѣ мечети. Частою стрѣльбою съ этого возвышенія, онъ наносилъ сильный вредъ противнику и тѣмъ самымъ не допускалъ его приблизиться къ Чирахскому посту.

Всѣ попытки горцевъ овладѣть мечетью открытою силою — остались тщетны; тогда Сурхай-Ханъ приказалъ подкопать основаніе минарета, который и опрокинулся на землю, но такъ удачно, что Щербина и четверо охотниковъ остались не вредимы.

Сурхай-Ханъ и его скопище, удивленные безпримѣрной храбростію Щербины и его товарищей-солдатъ, рѣшились пощадить ихъ, и предложили имъ сдаться, но въ отвѣтъ получили пять выстрѣловъ, вырвавшихъ у нихъ еще четыре жертвы. Такое неслыханное упорство привело въ ярость горцевъ, — и герой Щербина съ сотоварищами - стрѣлками погибъ подъ ударами вражескихъ шашекъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ уже впослѣдствіи, непріятель, при осадѣ и взятіи мечети, потерялъ одними убитыми болѣе 50 человѣкъ. Самыя тѣла героевъ-защитниковъ мечети, въ виду укрѣпленія были изрублены на мелкія части.

Прошло три дня съ начала осады; храбрые защитники сильно терпѣли отъ жажды, за израсходованіемъ всего запаса воды. Солдаты ночью спускались съ бруствера,—съ цѣлью прокрасться къ рѣкѣ, находившейся шагахъ въ 200 отъ укрѣпленія. Нѣкоторымъ изъ этихъ смѣльчаковъ удавалось набирать воды въ манеры, но большая часть платилась за это головой.

Храбрый комендантъ укрѣпленія былъ уже раненъ, тѣмъ не менѣе, не оставлялъ бруствера и все время ободрялъ солдатъ. Однажды Овечкинъ, замѣтивъ колебаніе между солдатами, началъ обходить ряды защитниковъ и говорилъ имъ: «Товарищи! я дѣлилъ съ вами труды и славу, заслужилъ съ вами всѣ раны; не одинъ разъ водилъ васъ впередъ, и никогда не видалъ въ побѣгѣ. Не дайте же, при концѣ жизни моей, увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну. Ужь если вы рѣшились опозорить имя русское, то прежде пристрѣлите меня—и тогда дѣлайте, что хотите, если не можете дѣлать то, что должно: убейте начальника, когда не хотите бить врага» [19].

Эти простыя, но внушительныя слова подѣйствовали на солдатъ самымъ воодушевляющимъ образомъ: они бросились на валъ и засыпали дождемъ свинца засѣвшихъ во рву горцевъ.

Спустя нѣсколько времени, штабсъ-капитанъ Овечкинъ, отъ сильной потери крови, сталъ терять сознаніе. Примѣтя это, одинъ изъ фельдфебелей предложилъ-было гарнизону сдаться... но мгновенно очнулся Овечкинъ, приказалъ связать малодушнаго и пригрозилъ, что застрѣлитъ перваго, кто упомянетъ о сдачѣ. Затѣмъ онъ приказалъ поднести себя къ орудію, взялъ фитиль и выстрѣлилъ, но въ то же мгновеніе скатился съ платформы, вторично раненый въ бокъ и ухо.

По всей вѣроятности, усилія казикумухцевъ могли увѣнчаться успѣхомъ, и Чирахскій постъ, не смотря на все геройство гарнизона, погибъ-бы. Защитники сознавали хорошо угрожавшую имъ опасность, и рѣшили, уже взорвать укрѣпленіе на воздухъ.

Но, совершенно неожиданно для гарнизона, вечеромъ, 21-го декабря, въ становищѣ горцевъ все зашевелилось, и затѣмъ они снялись съ лагеря и поспѣшно удалились. Пово-

---

19) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Томъ IV, стр. 380.

домъ къ такому постыдному отступленію было то, что, Сурхай-Ханъ узналъ о приближеніи отряда, спѣшившаго на выручку защитниковъ Чирахскаго поста, и о разгромѣ Ермоловымъ Акуши. Мятежный предводитель торопливо бѣжалъ въ свои предѣлы въ Казикумухъ.

При защитѣ Чирахскаго поста Апшеронцы потеряли убитыми: *поручика Денисова, прапорщика Щербину и 42 нижнихъ чиновъ;* ранеными: *штабсъ-капитана Овечкина и 19 нижнихъ чиновъ* [20]. Удержаніе Чирахскаго поста имѣло громадное значеніе; удайся Сурхай-Хану овладѣть этимъ укрѣпленіемъ, — вѣроятнымъ послѣдствіемъ такого печальнаго событія явилось бы соединеніе скопища казикумухцевъ съ табасаранцами и другими вольными обществами и затѣмъ поголовное возстаніе въ Дагестанѣ. Поднявъ возмущеніе, дагестанцы, въ свою очередь, притянули-бы къ себѣ и жителей Кубинской провинціи, гдѣ тогда имѣлось весьма ограниченное количество войскъ.

Государь Императоръ, по представленію генерала Ермолова, наградилъ штабсъ-капитана Овечкина орденомъ св. Владиміра 4-й ст. и чиномъ капитана. Въ приказѣ по корпусу, Ермоловъ писалъ: «Государь Императоръ, милостиво взирая на отличные подвиги людей военныхъ, и, въ оборонѣ неустрашимой и твердой противъ многочисленныхъ силъ, находя примѣръ полезный, штабсъ-капитану Овечкину жалуетъ, сверхъ того, чинъ капитана.

«Въ семъ примѣрѣ особенной награды, каждый изъ служащихъ долженъ видѣть сильнѣйшее одобреніе, и что Императоръ въ случаяхъ, отличнаго вниманія достойныхъ, не ограничиваетъ милостей Своихъ ходатайствомъ начальниковъ объ ихъ подчиненныхъ» [21].

Генералъ Ермоловъ, стремясь, съ своей стороны, поощрить храбрость защитниковъ Чирахскаго поста, пожаловалъ имъ изъ собственнаго жалованья 100 червонцевъ, что видно изъ предписанія его къ генералъ-маіору Вреде отъ 28-го января за № 98. Вотъ копія съ этого предписанія: «Въ вознагражденіе храбрости и убытковъ, понесенныхъ ротами Апшеронскаго пѣхотнаго полка, на Чирахскомъ посту находившихся, препровождаю при семъ изъ жалованья моего 100 червонцевъ, которые поручаю вашему превосходительству отправить по принадлежности и приказать раздать нижнимъ чинамъ на улучшеніе артели, и объявить притомъ, что я, во всякомъ случаѣ, уважаю храбрость и отличную службу».

Не прошло и полугода какъ Апшеронцы возвратились на Кавказъ, но за это короткое время они уже успѣли побывать въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ чеченцами и дагестанскими горцами и стяжать себѣ извѣстность.

Первые шаги на военномъ поприщѣ полка, на Кавказѣ, какъ мы видѣли, были весьма удачны; они ясно показывали, что въ лицѣ прибывшихъ горцы встрѣтили не новичковъ, приходящихъ въ смятеніе отъ неистовыхъ воплей и ударовъ въ шашки и кинжалы; напротивъ: къ нимъ явились уже обстрѣлянные, бывалые солдаты, опытные и храбрые офицеры, умѣвшие всегда и ко всему примѣняться. Таково было мнѣніе объ Апшеронцахъ и незабвеннаго генерала Ермолова.

За 1819 годъ Апшеронцы получили слѣдующія награды:

Капитанъ Морозовъ и поручикъ Гартонгъ — ордена св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; поручики Синельниковъ и Артютинъ — св. Анны 3-й ст.; штабсъ-капитанъ Овечкинъ — св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и

[20] Донесеніе командира полка полковника Левинцева отъ 31-го декабря 1819 года.
[21] Приказъ отъ 12-го мая 1820 г.

чинъ капитана; подпоручики Штокфишъ — слѣдующій чинъ; Кмелевичъ, Григоровскій Круковскій и прапорщики: Сачевановъ, Корышкинъ и Рославлевъ всѣ шестеро—св. Анны 4-й ст. съ надписью: «за храбрость». Произведены изъ подпрапорщиковъ въ прапорщики: Овсянниковъ и Азоровъ-Араповъ.

Получили прибавочныя пенсіи по знакамъ отличія Военнаго ордена, за дѣло у сел. Исти-су: 3-й гренадерской роты — унтеръ-офицеръ Емельянъ Коротенко, рядовые Егоръ Харитоновъ, Емельянъ Степановъ и Семенъ Козбонъ; 7-й мушкетерской — фельдфебель Егоръ Удомъ, унтеръ-офицеръ Павелъ Лосевъ, рядовые Захаръ Ваула, Иванъ Корпеенко (вторую треть) и Гавріилъ Бубновъ; 8-й мушкетерской—фельдфебель Андрей Думановъ, унтеръ-офицеры Леонтій Горловъ, Иванъ Семитрюкъ и рядовой Евграфъ Корщуновъ; 9-й мушкетерской—унтеръ-офицеры: Афанасій Степановъ, Василій Филипповъ и рядовые Алексѣй Ивановъ и Трофимъ Шкряба.

Получили знаки отличія Военнаго ордена: фельдфебель Максимъ Короткій, унтеръ-офицеры: Иванъ Троцкій, Алексѣй Кучинъ, Өедоръ Ларчукъ, Егоръ Шацный, Василій Шевчукъ, Митрофанъ Ивановъ, Матвѣй Маркитаненко и Петръ Козадаевъ; рядовые: Парфенъ Ляпинъ, Иванъ Аполитовъ, Гавріилъ Таранъ, Василій Винековъ, Михаилъ Загадинъ, Петръ Кушнеръ, Петръ Коробкинъ и Карпъ Гайворовскій.

За дѣла въ Акушинскомъ обществѣ, по представленію генерала Ермолова, въ 1-й и 2-й баталіоны назначено для раздачи нижнимъ чинамъ 49 знаковъ отличія Военнаго ордена; — ихъ получили: подпрапорщикъ Иванъ Педяшъ; фельдфебеля: Алексѣй Семеновъ, Павелъ Давыдовъ, Петръ Рѣзановъ, Матвѣй Журавлевъ и Самойло Ральченко; унтеръ-офицеры: Илья Мальцевъ, Василій Берниковъ, Михаилъ Силяевъ, Иванъ Бѣликовъ, Максимъ Крютченко, Яковъ Ревенко, Филиппъ Плинимниковъ, Парфенъ Ефимовъ, Евсѣй Савченко, Осипъ Афанасьевъ, Өедосѣй Ковальчукъ, Антонъ Анисимовъ, Василій Бережной, Власъ Дмитріевъ и Өедоръ Смирницій; рядовые: Сидоръ Калининъ, Иванъ Диденко, Семенъ Учаевъ, Тимоөей Степановъ, Харитонъ Лысенко, Кузьма Сергѣевъ, Матвѣй Захаровъ, Петръ Головинъ, Өедоръ Өоменко, Өедоръ Верещага, Егоръ Дмитріевъ, Митрофанъ Заикинъ, Терентій Семеновъ, Юда Назаровъ, Степанъ Герасимовъ, Павелъ Новиковъ, Тимоөей Маленинъ, Тихонъ Сергѣевъ, Іевлей Желѣзный, Моисей Бубликовъ, Никифоръ Кирилловъ, Иванъ Повертайло, Григорій Шебунинъ, Данила Ефимовъ, Василій Ивановъ, Ларіонъ Сорокинъ, Иванъ Озеровъ и барабанщикъ Семенъ Филипповъ.

Глава Двадцать Первая.

Топографическій очеркъ Дагестана. — Его жители. — Новый командиръ полка. — Экспедиція въ Казикумухъ. — Сборъ отряда въ Кубѣ. — Движеніе къ с. Хозреку. — Сраженіе у Хозрека. — Взятіе Апшеронцами передовыхъ окоповъ. — Штурмъ селенія и пораженіе казикумухцевъ.— Потери отряда и непріятеля. — Наступленіе къ с. Казикумуху. — Сдача Казикумуха. — Провозглашеніе новаго хана.— Приказъ Ермолова.— Расположеніе полка въ концѣ 1820 года.— Предположенія на 1821 г.— Экспедиція въ Чечнѣ.— Составъ отряда.— Рубка просѣкъ.— Дѣло 3-го марта.— Окончаніе экспедиціи и возвращеніе баталіона въ Дагестанъ.— Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ. — Расположеніе полка на зиму. — Экспедиція противъ чеченцевъ въ 1822 году. — Сраженіе у Шалинскаго лѣса.— Взятіе селенія Шали.— Дальнѣйшія дѣйствія. — Возвращеніе въ Грозную. — Потери отряда. — Перенесеніе штабъ-квартиры полка въ Новую Кубу.— Постройка кр. Бурной.— Состояніе Дагестана весною 1823 года.— Сформированіе отряда. — Смерть полковника Верховскаго. — Движеніе къ Каранаю. — Дѣло у этого селенія. — Выдержки изъ донесенія генерала Краббе. — Сраженіе у Эрпели. — Дѣйствія Апшеронцевъ. — Сраженіе у Кафыръ-Кумыка. — Пораженіе горцевъ. — Донесеніе подполковника Евреинова объ Апшеронцахъ.— Потери Апшеронцевъ.— Изъявленіе покорности возмутившимися жителями.— Расположеніе полка въ 1824 г.— Новый командиръ полка.— Награды за военныя дѣйствія 1820—1824 г.

Прежде чѣмъ описывать дальнѣйшія событія, считаемъ нелишнимъ сдѣлать топографическій и этнографическій очеркъ страны, для покоренія которой Апшеронскому полку пришлось немало потрудиться и пролить крови.

Между Главнымъ и Андійскимъ хребтами и Каспійскимъ моремъ лежитъ весьма гористая страна, извѣстная подъ именемъ Дагестана. За исключеніемъ прибрежной полосы она представляетъ рядъ громадныхъ возвышенностей, образующихъ боковыя вѣтви и уступы Главнаго и Андійскаго хребтовъ, идущихъ въ различныхъ направленіяхъ и постепенно понижающихся съ приближеніемъ къ Каспійскому морю. Нѣкоторыя изъ боковыхъ вѣтвей образуютъ отдѣльные хребты, другія имѣютъ видъ обширныхъ возвышенныхъ плато. Иногда внутри Дагестана попадаются горы, въ видѣ отдѣльно стоящихъ значительныхъ возвышенностей, круто поднимающихся надъ всею окружающею мѣстностью; таковы, напримѣръ, горы Гунибъ-Дагъ и Тилитлинская. Горы прибрежной полосы гораздо ниже и спускаются къ морю пологими скатами, подходя къ самому морю только у города Дербента, а въ остальныхъ мѣстахъ кавказскій берегъ Каспійскаго моря представляетъ равнину большей или меньшей ширины.

Юго-западную границу Дагестана составляетъ главный Кавказскій хребетъ, круто спускающійся къ югу, къ сѣверу и сѣверо-востоку понижается уступами, отдѣляя въ этихъ направленіяхъ весьма длинныя боковыя вѣтви. Вотъ эти-то уступы и вѣтви и образуютъ возвышенное и гористое пространство внутренняго Дагестана.

Андійскій хребетъ, составляющій сѣверо-западную границу Дагестана, идя постоянно въ одномъ направленіи — къ сѣверо-востоку, параллельно теченію Андійскаго Койсу, къ сторонѣ Дагестана спускается каменистыми и возвышенными террасами и надъ рѣкой обрывается отвѣсными скалами. Собственно говоря, Андійскій хребетъ у горцевъ имѣетъ

нѣсколько названій, такъ напримѣръ: въ Андіи онъ называется Речельскимъ, въ Гумбетѣ — Джальдимееръ и въ Салатавіи — Салатау.

Къ востоку отъ Андійскаго хребта, въ параллельномъ къ нему направленіи, отдѣляется отъ Главнаго, — покрытый дремучими лѣсами, — хребетъ Мичитль, наполняющій пространство между верховьями р.р. Аварскаго и Андійскаго Койсу. Къ сѣверо-востоку отъ Мичитля, въ центрѣ внутренняго Дагестана, высятся каменистыя громады Аваріи, образующія возвышенное безлѣсное плато, прорѣзанное горными кряжами.

Дальше, къ сѣверу, въ обществѣ Койсубу, горы идутъ въ видѣ хребта, извѣстнаго подъ именемъ Бетлетскаго, а параллельно ему, по правой сторонѣ рѣки Аварскаго Койсу, идетъ Койсубулинскій хребетъ, отвѣсно подымающійся надъ Койсу и полого спускающійся къ сѣверо-востоку. Съ вершины этого хребта, называемаго также Тавлинскимъ, поднявшись по Каранаевскому подъему къ аулу Гимры, можно видѣть большую часть внутренняго Дагестана.

Дагестанъ прорѣзывается четырьмя горными рѣками, текущими въ скалистыхъ берегахъ; онѣ извѣстны подъ общимъ названіемъ Койсу, но носятъ и отдѣльныя наименованія: Аварское, Андійское, Казикумухское и Кара-Койсу. Всѣ эти рѣки берутъ начало въ главномъ хребтѣ, имѣютъ направленіе съ юга на сѣверъ, а у подошвы Андійскаго хребта постепенно сливаются въ одну рѣку, подъ именемъ Сулака, впадающую въ Каспійское море. Прибрежная часть орошается рѣкою Самуромъ, вытекающимъ изъ горъ Южнаго Дагестана. Общій видъ внутренняго Дагестана крайне угрюмый и суровый, природа въ немъ скудная. Аулы едва замѣтны среди громадныхъ горъ, скалъ и утесовъ [1]. Лѣтомъ, когда почти весь снѣгъ стаиваетъ, внутренній Дагестанъ все-таки поражаетъ путешественника своимъ пустыннымъ величіемъ: всюду скалы и утесы, кое-гдѣ аулы и пастбища, ревущія въ глубокихъ ущельяхъ рѣки, шумъ водопадовъ, — вотъ что представляется наблюденію. Зимой, когда всѣ горы покрываются глубокимъ снѣгомъ и сообщеніе совершенно прекращается даже для горцевъ, — Дагестанъ становится почти недоступнымъ. Растительность попадается только по долинамъ рѣкъ; изрѣдка встрѣчаются сады и лѣсъ. Для собственнаго пропитанія, горцу приходится прилагать очень много трудовъ: не имѣя даже и клочка плодородной земли для обработки, онъ принужденъ создавать искусственныя поля и для орошенія ихъ проводить цѣлыя системы канавъ.

Сообщеній съ внутреннимъ Дагестаномъ, въ описываемое время, имѣлось весьма мало. Со стороны Кавказской линіи дорога проходила черезъ Ичкерію къ р. Хулхулау, а отсюда — черезъ Андійскій хребетъ — въ Андію и Гумбетъ; другая дорога шла отъ кр. Внезапной въ Салатавію; затѣмъ черезъ перевалъ Кыркъ — въ Гумбетъ. Изъ Шамхальской плоскости (сѣверная часть прибрежнаго Дагестана) черезъ Каранайскій спускъ можно было проникнуть къ большому и богатому аулу Гимрамъ, черезъ Бурундукъ-Кальскій перевалъ — въ с. Ирганай и черезъ Аймакинское ущелье въ с. Гергебиль. Во внутрь страны отъ Ирганая дорога направлялась черезъ с. Зыряны и Балаканское ущелье, а отъ Гергебиля — сначала берегомъ р. Кара-Койсу къ Салтинскому мосту, а потомъ къ Карадахскому мосту (на Аварскомъ-Койсу).

Наконецъ существовали еще двѣ дороги: отъ укр. Ходжалъ-Махи и отъ аула Цудахара, — направлявшіяся къ Салтинскому и Карадахскому мостамъ.

Главную часть населенія Дагестана составляютъ лезгины, подраздѣлявшіяся на многія вольныя общества съ демократическимъ устройствомъ и управлявшіяся кадіями, или старшинами. Вотъ перечень болѣе значительныхъ владѣній и вольныхъ обществъ Дагестана:

[1] Аулъ — то же что селеніе. Преимущественно въ Дагестанѣ употребительно слово аулъ, а въ Чечнѣ — селеніе. Я не придерживаюсь строго такому подраздѣленію и употребляю безразлично какъ одно, такъ и другое слово. *Авторъ.*

1) Салатавія, или Нахбекъ; это общество лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу внутренняго Дагестана; къ нему примыкали Ауховское общество, Кумыкская плоскость и Шамхальскія владѣнія.
2) Гумбетъ—къ западу отъ Салатавія, на южномъ скатѣ Андійскаго хребта, по лѣвому берегу Андійскаго Койсу.
3) Андія — также по лѣвому берегу Андійскаго Койсу.
4) Койсубу — при сліяніи рѣкъ Андійскаго и Аварскаго Койсу, между Гумбетомъ и Аваріей.
5) Ханство Аварія занимало возвышенныя террасы между Андійскимъ и Аварскимъ Койсу.
6) Андалялъ и Кумухъ — въ верховьяхъ рѣкъ Казикумухскаго и Кара-Койсу.
7) Анкратль — по сѣверному скату Главнаго хребта у верховьевъ р. Аварскаго Койсу.

Прибрежный Дагестанъ заключалъ въ себѣ: Шамхальское владѣніе, Мехтулинское и Кюринское ханства и вольныя общества: Табасарань, Кайтахъ, Дарго и Сюргу; къ югу отъ нихъ лежала Кубинская провинція.

Горцы живутъ преимущественно въ большихъ аулахъ, для постройки которыхъ выбирались мѣста, наиболѣе удобныя для обороны, поэтому многіе изъ ауловъ окружены отвѣсными скалами и доступъ къ нимъ весьма затруднителенъ.

Свои аулы и избираемыя для боя позиціи дагестанцы защищали съ замѣчательнымъ упорствомъ и храбростью: вотъ почему каждое движеніе нашихъ войскъ въ нѣдра Дагестана предпринималось болѣе или менѣе значительными отрядами.

Принявъ въ составъ свой людей и часть офицеровъ Троицкаго полка, Апшеронскій полкъ расположился въ городѣ Кубѣ; полковымъ командиромъ, вмѣсто подполковника Гартонга, назначенъ былъ полковникъ Левинцевъ, бывшій командиръ Троицкаго полка.

Нападеніе Сурхай-хана Казикумухскаго на Чирахскій постъ въ концѣ прошлаго года, неоднократныя измѣны нашему правительству и помощь, поданная имъ акушинцамъ въ 1819 году, вынудили генерала Ермолова покончить съ измѣнникомъ и отобрать отъ него ханство. Сейчасъ же послѣ усмиренія Акуши, Алексѣй Петровичъ составилъ планъ движенія въ Казикумухъ, но экспедиція была отложена до весны 1820 года. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ провинціи Ширвани начали сосредоточиваться войска, назначенныя въ походъ и состоявшіе изъ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты, сотни казаковъ и 14 орудій; къ отряду присоединилось еще 500 всадниковъ изъ Карабага, 300 — изъ Шемахинской провинціи и 400 — изъ Ширвани. Начальство надъ отрядомъ ввѣрено было генералъ-маіору князю Мадатову, избирая котораго командующимъ войсками, генералъ Ермоловъ, кромѣ испытанной храбрости и боевой опытности князя, имѣлъ въ виду знаніе имъ страны, обычаевъ и языка горцевъ, что въ большой степени могло содѣйствовать успѣшному ходу предпринимаемой экспедиціи.

Осмотрѣвъ конницу, князь Мадатовъ отправилъ ее въ Южный Дагестанъ, куда и самъ послѣдовалъ съ пѣхотой по кратчайшей, но чрезвычайно трудной дорогѣ, прямо черезъ Кавказскій хребетъ. Дорога изъ Ширвана въ Южный Дагестанъ шла по крутымъ тропинкамъ, которыя мѣстами загромождены были огромными обломками скалъ, а горные склоны покрыты дремучими лѣсами. На самомъ перевалѣ черезъ хребетъ, отряду встрѣтилась пропасть, около шести саженъ ширины и болѣе двухсотъ саженъ глубины; вмѣсто моста черезъ нее, были перекинуты три дуба съ вѣтвями, представлявшіе переправу не болѣе трехъ футовъ шириною. Генералъ Мадатовъ первый переѣхалъ по этимъ ненадежнымъ мосткамъ на другую сторону, а за нимъ перешелъ и весь отрядъ. Спускъ съ горъ занялъ болѣе двухъ часовъ. Миновавъ горы, войска спустились въ Дагестанъ, а къ вечеру слѣдующаго дня, т. е. 3-го іюня, вошли въ городъ Кубу, нѣкогда бывшій столицею ханства

того же имени и, по присоединенiи къ Россiи, сдѣлавшiйся административнымъ центромъ управленiя Дагестана. Окруженный полуразрушенной стѣной, городъ имѣлъ настолько узкiя улицы, что движенiе по нимъ экипажей было почти невозможно. Въ Кубѣ къ отряду присоединилось 6 ротъ Апшеронцевъ и 800 человѣкъ кюринцевъ, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ, Кюринскихъ владѣтелей Асланъ-хана и Гасанъ-Аги [2]. 5-го iюня пришло извѣстiе о скоромъ прибытiи обоза, и князь Мадатовъ отдалъ приказъ о выступленiи отряда къ селенiю Чираху, лежавшему по дорогѣ въ Казикумухъ. Лазутчики дали знать, что Сурхай-ханъ, узнавъ о приближенiи русскихъ войскъ, собралъ поголовное ополченiе, увеличенное множествомъ лезгинъ, и расположился съ 20.000 человѣкъ на сильной позицiи у селенiя Хозрека. Мадатовъ не могъ составить опредѣленнаго плана военныхъ дѣйствiй, потому что никакихъ картъ не существовало и никто изъ туземцевъ, находившихся въ русскомъ отрядѣ, не бывалъ въ Хозрекѣ, — поэтому всѣ свѣдѣнiя о немъ ограничивались довольно сбивчивыми показанiями мѣстныхъ жителей.

10-го iюня войска прибыли въ Чирахъ. По заранѣе составленному плану экспедицiи, этотъ пунктъ долженствовалъ служить операцiонной базой; сюда постепенно подвозилось продовольствiе для войскъ и артиллерiйскiе запасы. Въ слѣдующую ночь наши передовые посты находились уже на непрiятельской землѣ, въ трехъ верстахъ за Чирахомъ; отсюда до Хозрека оставалось всего 25 верстъ, и дорога, пролегала между двумя обрывистыми отрогами Кавказскаго хребта; изъ нихъ лѣвый постепенно понижался, а правый тянулся до самаго Хозрека, отъ коего въ 6 часовъ утра, 12-го iюня, отрядъ нашъ находился лишь въ 7-ми верстахъ. Когда разсѣялся спустившiйся съ горъ туманъ, то на высотахъ, вправо отъ дороги, открылись большiя толпы непрiятельской конницы съ разноцвѣтными значками. Съ цѣлью обезпечить движенiе отряда вдоль подошвы высотъ и отвлечь отъ Хозрека значительную часть непрiятельскихъ силъ, князь Мадатовъ приказалъ Гасанъ-Агѣ Кюринскому съ конницей врѣзаться въ лѣвое крыло собравшихся горцевъ. Казикумухцы, стоявшiе на высотахъ въ превосходномъ числѣ, встрѣтили кюринцевъ громкими криками и ружейными залпами, и принудили нашу конницу два раза отступать; но, наконецъ, послѣ третьей атаки, Гасанъ-Ага ворвался въ непрiятельскую линiю. Противникъ защищалъ съ отчаянною храбростью каждую пядь земли; но вскорѣ Гасанъ-Ага былъ убитъ, и его смерть парализировала храбрость кюринцевъ въ самый важный моментъ боя, и благодаря этому, непрiятель со всѣхъ сторонъ окружилъ нашу конницу. Видя затруднительное положенiе кюринцевъ, князь Мадатовъ лично поскакалъ къ мѣсту боя, и своимъ присутствiемъ ободрилъ упавшую духомъ татарскую конницу; въ то же время три роты Апшеронцевъ, подъ командою маiора Мартыненко, пошли въ атаку на первый завалъ, примыкавшiй къ лѣвому крылу непрiятельской позицiи, и, несмотря на огромный численный перевѣсъ горцевъ, штыками выбили ихъ изъ перваго завала и оттѣснили ко второму. Между тѣмъ подоспѣли и остальные всадники, находившiеся въ арiергардѣ. Мадатовъ, поручивъ командованiе всей конницей Асланъ-хану Кюринскому, приказалъ ему направиться въ обходъ праваго фланга непрiятельской позицiи, чтобы отрѣзать скопищу дорогу въ Казикумухъ. Въ виду того, что сраженiе, безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ, продолжалось уже нѣсколько часовъ, начальникъ отряда, желая нанести рѣшительный ударъ противнику, рѣшилъ двинуть въ атаку пѣхоту. Для этой цѣли вся пѣхота, раздѣленная на три колонны, (1-я колонна изъ 3-хъ ротъ Апшеронскаго полка, подъ командою подполковника Сагинова; 2-я—маiора Жиленкова — изъ 3-хъ ротъ 41-го егерскаго полка и 3-я — маiора Хоботова — изъ 3-хъ

---

[2]) Собранный въ Кубѣ отрядъ состоялъ изъ 6-ти ротъ Апшеронскаго полка (2-й баталiонъ и 2 роты 1-го баталiона), 2 баталiона Куринскаго и 2 баталiона 41-го егерскаго полка.

*

ротъ Куринскаго полка) подошла къ укрѣпленіямъ Хозрека на ружейный выстрѣлъ. Артиллерія удачной канонадой, продолжавшейся около часа, успѣла сдѣлать нѣсколько брешей въ валахъ, прикрывавшихъ аулъ, и тогда колонны съ крикомъ «ура» бросились на штурмъ. Храбрый командиръ 2-го Апшеронскаго баталіона, подполковникъ Сагиновъ, первый съ своимъ баталіономъ вскочилъ на валъ и тутъ же былъ раненъ. «Апшеронцы ворвались въ бреши, выбили непріятеля изъ укрѣпленій, гнали его до мечети, и, преодолѣвъ всякое сопротивленіе, водрузили на минаретѣ знамя Апшеронскаго полка» [3]. Непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ и отрѣзанный отъ дороги въ Казикумухъ, принужденъ былъ, подъ выстрѣлами артиллеріи, искать спасенія въ узкомъ ущельи, ведущемъ въ лагерь Сурхай-хана; но послѣдній обратился въ бѣгство со своею конницей, опрокидывая все, что задерживало его на пути. На разстояніи шести верстъ мѣстность усѣялась тѣлами убитыхъ, которыхъ насчитывалось около 1,500 человѣкъ, но около 600 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ.

Наша потеря заключалась: въ 17 нижнихъ чинахъ и 44 человѣкъ изъ татарской конницы убитыми и ранено — 2 штабъ-офицера, 81 нижній чинъ и 66 человѣкъ изъ татарской конницы.

У Апшеронцевъ убито: *14 нижнихъ чиновъ*, раненъ *маіоръ Сагиновъ и 62 нижнихъ чина*.

Трофеями побѣды были: весь лагерь и богатая ставка Сурхай-хана, 11 знаменъ и значковъ и до 2,000 ружей.

«Никогда Дагестанъ не испыталъ подобнаго пораженія; войска русскія въ первый разъ появились въ мѣстахъ сихъ», говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ. Къ концу дня князь Мадатовъ прекратилъ преслѣдованіе непріятеля, и приказалъ войскамъ выступить изъ Хозрека и расположиться лагеремъ подъ его стѣнами. Всѣхъ плѣнныхъ отпустилъ на свободу. Бѣжавъ съ поля битвы, Сурхай-ханъ прискакалъ ночью къ воротамъ своей резиденціи, въ надеждѣ найти тамъ убѣжище. Но въ Казикумухѣ уже знали о его пораженіи и не впустили, ибо, по желанію народа, онъ былъ лишенъ власти и въ городѣ учреждено временное правленіе старшинъ. Тогда Сурхай-ханъ бѣжалъ изъ ханства. Вслѣдъ затѣмъ старшины отправили къ князю Мадатову депутацію съ изъявленіемъ покорности. Мадатовъ принялъ пословъ, обласкалъ ихъ и вмѣстѣ съ ними отправился въ Казикумухъ, оставивъ въ Хозрекѣ гарнизономъ двѣ роты. У городскихъ воротъ войска наши поджидала другая депутація со знаменами и шестами, украшенными зеленью; она поднесла Мадатову ключи отъ города. Въ Казикумухѣ найдено: 7 пушекъ мѣдныхъ, 2 чугунныхъ и 3 мортиры, оставленныя тутъ Шахомъ-Надиромъ, когда временно онъ завладѣлъ ханствомъ. Войдя въ Казикумухъ, Мадатовъ сказалъ жителямъ рѣчь и объявилъ имъ о назначеніи вмѣсто Сурхай-хана правителемъ Казикумуха Асланъ-хана Кюринскаго, на что жители съ радостью изъявили свое полное согласіе. 17-го іюня была назначена церемонія принесенія присягѣ на вѣрность Государю Императору. Съ этой цѣлью собрались старшины всѣхъ магаловъ (округовъ), въ мечети города, и тутъ на барабанѣ, подъ распущеннымъ знаменемъ 2-го баталіона Апшеронскаго полка, лежалъ коранъ, на которомъ старшины и присягали. Для большей торжественности церемоніи, у дверей мечети были оставлены рота и взводъ Апшеронскаго баталіона, всѣ же остальныя войска стояли за городомъ. По окончаніи церемоніи, новый ханъ явился на стѣнѣ города въ красной одеждѣ. 24 выстрѣла изъ орудій привѣтствовали новаго владѣтеля. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Назначивъ Асланъ-хану пребываніемъ Казикумухъ, князь Мадатовъ приказалъ хану всѣми средствами преслѣдовать и поймать измѣнника Сурхай-хана; вмѣстѣ съ тѣмъ издана прокламація, гдѣ

3) Жизнь генералъ-лейтенанта князя Мадатова. Стр. 74.

объявлялось, что Сурхай-ханъ лишался ханства, и со всемъ своимъ родомъ считался внѣ закона. Спустя нѣкоторое время, Сурхай-ханъ съ помощью зятя своего, генералъ-лейтенанта Мустафы-Ширванскаго, бѣжалъ въ Персію».

Общество Кубачи, извѣстное искусной выдѣлкой оружія, приняло также присягу на вѣрность Россіи и обложено податью. Покончивъ такъ блистательно предпринятую экспедицію, князь Мадатовъ оставилъ въ Казикумухѣ двѣ роты (въ томъ числѣ одну Апшеронскую), а съ остальными войсками возвратился въ Кубу и распустилъ части по штабъ-квартирамъ.

Получивъ донесеніе о покореніи Казикумухскаго ханства, генералъ Ермоловъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Еще наказуя противныхъ, надлежало, храбрые воины, вознести знамена наши на вершины Кавказа и войти съ побѣдою въ ханство Казикумухское. Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ сіе приказаніе, и вы, непріятеля, въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали. Бѣжитъ коварный Сурхай-ханъ и владѣнія его вступили въ подданство Великому нашему Государю. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ!»

«О дѣлахъ вашихъ, храбрые воины, донесу Императору» [4].

Находясь на границѣ съ провинціей Ширванъ, Апшеронцы должны были охранять спокойствіе въ ней; поэтому въ августѣ мѣсяцѣ туда направлены двѣ роты: 1-я гренадерская, подъ командою штабсъ-капитана Вязовскаго, и 3-я мушкетерская — капитана Гурова, послѣдняя расположилась въ сел. Сальяны.

Въ Кубѣ остались 1-й и 3-й баталіоны, а 2-й баталіонъ, подъ командою маіора Мурзакова, 3-го сентября командированъ въ Чечню, гдѣ и поступилъ въ отрядъ генералъ-маіора Сталя и участвовалъ въ постройкѣ укрѣпленія у Герзель-аула, а затѣмъ въ рубкѣ просѣки, для открытія сообщенія между укр. Неотступнымъ станомъ и кр. Грозной. Закончивъ эту работу, баталіонъ расположился на линіи по станицамъ: одна рота стала въ ст. Червленой, а остальныя въ Калиновской, въ Мекенской и въ Савельевыхъ хуторахъ.

Послѣ наказанія Акуши и Казикумуха, въ Дагестанѣ водворилось спокойствіе, что дало возможность Алексѣю Петровичу Ермолову обратить должное вниманіе на Чечню, окончить тамъ постройку укрѣпленій и продѣлать нѣсколько просѣкъ.

Согласно предположеніямъ на 1821 годъ, надлежало:

1) вырубить лѣсъ на горѣ, при спускѣ къ Констанжиловскому укрѣпленію;
2) въ теченіи лѣта достроить кр. Неотступный Станъ;
3) лѣсъ, вырубленный для лучшаго сообщенія Неотступнаго Стана и кр. Грозной, — выжечь и
4) прорубить нѣсколько просѣкъ по р. Сунжѣ.

Для выполненія всѣхъ этихъ задачъ, — въ апрѣлѣ мѣсяцѣ у Амиръ-Аджи-юртовскаго укрѣпленія долженъ быть собраться отрядъ: въ составѣ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Мурзакова), піонерной роты, 14 орудій и 200 линейныхъ казаковъ, порученный начальнику корпуснаго штаба генералъ-маіору Вельяминову.

Но еще раньше того, волненія, возникшія въ началѣ наступившаго года среди качкалыковцевъ, заставили предпринять экспедицію въ ихъ земли, лежавшія по р. Мичику, и прорубить нѣсколько просѣкъ. Въ концѣ февраля отрядъ изъ 3-хъ баталіоновъ (2-й бабаліонъ Апшеронцевъ [5]) и 539 казаковъ, подъ начальствомъ полковника Грекова, двинулся

[4]) Приказъ Ермолова отъ 22-го іюня, № 3-й.
[5]) 2-й баталіонъ Апшеронскаго, баталіонъ Ширванскаго, двѣ роты Кабардинскаго и одна рота 43-го егерскаго полковъ.

къ селенію Аксаю. Придя въ Амиръ-Аджи-юртъ, Грековъ вызвалъ къ себѣ почетнѣйшихъ качкалыковскихъ жителей и въ то же время, приказалъ старшинамъ с.с. Аксая, Андреева и Костека, а также приставу Кумыкскаго народа собрать возможно большее число людей съ топорами. Вскорѣ въ лагерь нашъ пріѣхало 11 качкалыковцевъ, которые были задержаны подъ разными предлогами. Чтобы совершенно разсѣять опасенія качкалыковцевъ относительно сбора войскъ, полковникъ Грековъ отпустилъ домой двухъ старшинъ и послалъ андреевскаго князя Урызи-хана къ тавлинцамъ, жившихъ выше Ауха, съ требованіемъ покорности. Хитрость вполнѣ удалась: качкалыковцы совершенно успокоились и ничего съ своей стороны не предпринимали. 1-го марта прибыли кумыки, а въ ночь на 2-е марта отрядъ выступилъ изъ Амиръ-Аджи-юрта и къ разсвѣту подошелъ къ сел. Койсунгуру. Рѣчка Мичикъ отъ Аксая къ Гудермесу, протекаетъ по ущелью, покрытому толстымъ лѣсомъ, на всемъ протяженіи котораго не было вначалѣ ни одной поляны. Но, когда качкалыковцы, тѣснимые нами, принуждены были оставлять свои селенія, то они сами начали истреблять лѣсъ по Мичику, выжигали его и создавали, такимъ образомъ, поляны для посѣвовъ, имѣвшія не болѣе полуверсты длины; поселясь на нихъ, качкалыковцы построили себѣ землянки, въ которыхъ и жили какъ звѣри, пребывая въ нищетѣ и умирая отъ голода. Отъ Койсунгура до Мичика около трехъ верстъ, и на этомъ протяженіи росъ хотя и не сплошной, но за то весьма толстый лѣсъ: рѣдкое дерево имѣло одинъ обхватъ, большинство-же два и болѣе. Немедленно, по приходѣ сюда отряда, приступлено было къ рубкѣ просѣки, и къ вечеру войска спустились къ Мичику. Хотя просѣка еще не имѣла достаточной ширины, тѣмъ не менѣе многіе качкалыковскіе поселки сдѣлались доступными. Когда качкалыковцы увидѣли, что русскіе идутъ къ нимъ, то они поспѣшно принялись увозить свои семейства въ лѣса, съ цѣлью развязать себѣ руки и помѣшать дальнѣйшему движенію нашихъ войскъ. На другой день работа продолжалась на самомъ Мичикѣ, и мало-по-малу отрядъ подвигался внизъ по рѣчкѣ, для открытія двухъ селеній, закрываемыхъ лѣсомъ. Отведя семейства въ безопасныя мѣста, качкалыковцы начали собираться къ мѣсту рубки просѣки; къ нимъ на помощь пришли жители с. Маюртупа, ближайшихъ мичиковскихъ селеній и разные бѣглые чеченцы изъ мирныхъ ауловъ. Завязалась перестрѣлка, сдѣлавшаяся въ особенности сильной къ 11 часамъ утра, 3-го марта, причемъ непріятель съ большой дерзостью кидался на передовую цѣпь, охранявшую рабочихъ. Въ цѣпи стояли: 6-я мушкетерская рота Апшеронцевъ, подъ командою штабсъ-капитана Педяша, рота Ширванскаго полка, 150 егерей и 300 казаковъ, остальные войска составляли резервъ. Въ моментъ самаго сильнаго ружейнаго огня, непріятель большою толпою бросился на Апшеронцевъ въ шашки, но былъ опрокинутъ штыками, послѣ чего Педяшъ гналъ горцевъ до р. Мичика[6]. Перестрѣлка безъ перерыва продолжалась до часу дня и, затѣмъ, отрядъ, окончивъ предположенную въ этотъ день работу, отошелъ назадъ. Дѣло 3-го марта стоило намъ 2-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ, ранены же 3 оберъ-офицера и 21 нижній чинъ. *Апшеронцы имѣли одного убитаго и 9 раненыхъ нижнихъ чиновъ.*

На другой день, къ 3-мъ часамъ пополудни, по совершенномъ окончаніи просѣки и разрушеніи до основанія сел. Койсунгуръ, отрядъ направился къ укр. Неотступному Стану. 5-го марта расчищался лѣсъ около сел: Исти-су, которое истреблено, съ цѣлью отнять у непріятеля возможность вредить гарнизону укрѣпленія Горячевскаго при рубкѣ дровъ. Разрушеніемъ Исти-су закончилась экспедиція и отрядъ былъ распущенъ.

Продѣланныя 3-го и 4-го марта просѣки отрыли доступъ къ пяти качкалыковскимъ

---

[6]) Донесеніе полковника Грекова. Дѣло № 448. 1-е отдѣленіе дежурства. Архивъ Кавказскаго окружнаго штаба.

селеніямъ и самую большую поляну, надъ расчисткой которой жители трудились 3 года, вслѣдствіе чего качкалыковцы должны были или убраться дальше въ глубь лѣсовъ, или же изъявить безусловную покорность.

По окончаніи экспедиціи, 2-й баталіонъ Апшеронцевъ отправился въ Дагестанъ и расположился въ Таркахъ, гдѣ и оставался до конца ноября.

Теперь посмотримъ, что̀ дѣлалось въ Дагестанѣ.

Еще въ прошломъ 1820 году, Ермоловъ рѣшилъ у сел. Тарки построить сильное укрѣпленіе. Закладка его происходила въ апрѣлѣ 1821 года, матеріалы же для постройки долженъ былъ доставлять шамхалъ Тарковскій, а обязанности рабочихъ несли солдаты и жители шамхальства. Вначалѣ работы шли очень успѣшно, но въ концѣ лѣта шамхальцы, подъ вліяніемъ Ахметъ-хана Аварскаго, отказались выходить на работы и давать свои арбы для возки матеріаловъ[7].

Въ концѣ октября прибылъ изъ Аваріи Ахметъ-ханъ съ тысячью человѣкъ и остановился сначала въ мехтулинскомъ сел. Дургели, а затѣмъ перешелъ къ сел. Аймаки, которое и началъ дѣятельно укрѣплять. Какъ только извѣстіе о появленіи скопища достигло до завѣдующаго постройкою укрѣпленія, генералъ-маіора Вельяминова 3-го, то онъ немедленно сформировалъ отрядъ, въ составѣ 4-хъ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка) и 200 линейныхъ казаковъ, при 14 орудіяхъ, съ которымъ, 10-го ноября, и двинулся въ Мехтулинское ханство[8].

Подойдя съ авангардомъ къ Аймакамъ, Вельяминовъ приказалъ открыть по нему огонь изъ двухъ орудій и послалъ двѣ роты Апшеронцевъ на штурмъ главнаго непріятельскаго укрѣпленія, расположеннаго впереди селенія. Несмотря на открытый горцами сильный ружейный огонь, Апшеронцы безъ выстрѣла пошли въ атаку и, ворвавшись въ укрѣпленіе, штыками выбили изъ него горцевъ. Когда приспѣли остальныя войска, то начальникъ отряда двинулъ ихъ на непріятельскіе завалы; но горцы не держались въ нихъ и отступили въ Аймаки. Выдвинутыя впередъ всѣ орудія начали обстрѣливать селеніе, а тѣмъ временемъ полурота Апшеронцевъ полѣзла на горы, въ обходъ Аймаковъ; но непріятель не дождался новой атаки и бѣжалъ къ Гергебилю.

Уничтоживъ до основанія сел. Аймаки, генералъ-маіоръ Вельяминовъ возвратился въ Тарки[9].

22-го ноября 2-й баталіонъ опять выступилъ на Кавказскую линію. Остальные баталіоны находились въ штабъ-квартирѣ полка въ гор. Кубѣ, кромѣ 3-й гренадерской роты, содержавшей караулъ въ укрѣпленіи Курахъ.

Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ іюлѣ мѣсяцѣ, вмѣсто полковника Левинцева, командиромъ полка былъ назначенъ подполковникъ Карчевскій 1-й, который въ томъ же году и вступилъ въ командованіе полкомъ.

Частые набѣги чеченцевъ принудили генерала Ермолова принять болѣе строгія противъ того мѣры: онъ рѣшилъ выгнать чеченцевъ изъ ближайшихъ къ нашей линіи непокорныхъ селеній Малой Атаги и Шали, а вмѣстѣ съ тѣмъ наказать и галашеевцевъ, что составило предметъ весенней экспедиціи 1822 года.

Въ началѣ года, 2-й баталіонъ Апшеронцевъ (за исключеніемъ 4-й мушкетерской роты подъ командою поручика Синельникова, отправленной для занятія караула въ Амиръ-

---

7) Арбою на Кавказѣ называется туземная двухколесная повозка, въ которую впрягаются буйволы или быки.

8) Составъ отряда: 2-й баталіонъ Апшеронскаго, баталіонъ Куринскаго и два баталіона Ширванскаго пѣхотныхъ полковъ, по 6-ти орудій ротъ №№ 1-й и 2-й 22-й артиллерійской бригады и 2 конно-казачьихъ.

9) Потери отряда не показаны.

Аджи-юртъ), вошелъ въ составъ отряда полковника Грекова, предназначеннаго для дѣйствій въ Большую Чечню. Кромѣ трехъ ротъ 2-го баталіона Апшеронскаго, отрядъ состоялъ изъ трехъ баталіоновъ Ширванскаго, 2-хъ ротъ 43-го егерскаго полковъ и казачьихъ командъ Моздокскаго, Гребенскаго и Семейнаго казачьихъ полковъ. 30-го января всѣ части отряда собрались въ Грозной и, въ то же время, сдѣланъ былъ нарядъ мирнымъ чеченцамъ, жившимъ по рр. Тереку и Сунжѣ, предназначеннымъ для работъ. Съ цѣлью разъединить силы чеченцевъ и качкалыковцевъ и тѣмъ лишить ихъ возможности помогать другъ другу, полковникъ Грековъ раздѣлилъ свои войска на двѣ колонны, состоявшія: первая, подъ его личнымъ начальствомъ, изъ 3-хъ ротъ 2-го баталіона Апшеронскаго, 2-хъ баталіоновъ Ширванскаго, одной роты 43-го егерскаго полковъ и 9-ти орудій, и вторая — подполковника Тыртова — изъ 5-ти ротъ, 4-хъ орудій и 2,000 кумыковъ съ топорами. Второй колоннѣ надлежало 2-го февраля сосредоточиться при укр. Неотступномъ Станѣ и въ слѣдующіе два дня двинуться сперва къ Койсунгуру, а потомъ на брагунскую дорогу и въ обоихъ пунктахъ расчистить мѣстность отъ лѣса и колючки. Между тѣмъ, назрановцы, по приказанію генералъ-маіора Сталя 2-го, должны были, 2-го февраля собраться около укр. Преграднаго Стана для совмѣстныхъ дѣйствій противъ чеченцевъ со стороны р. Ассы. Едва слухъ о движеніи отряда распространился въ Чечнѣ отъ Аксая до Ассы, какъ все тамъ пришло въ движеніе. Чеченцы, побросавъ дома, начали убираться въ лѣса, а качкалыковцы, жившія уже въ лѣсахъ, считая себя не въ безопасности и за Мичикомъ, оставили свои жилища и стали переселяться еще дальше. Полковникъ Грековъ, положилъ направиться къ сел. Гихамъ, ибо, во-первыхъ, по сообщенію лазутчиковъ чеченцы намѣревались воспротивиться общими силами движенію отряда, и, во-вторыхъ, начальникъ его находился въ полной увѣренности, что назрановцы, не будучи въ состояніи долго оставаться у Преграднаго стана, разойдутся, и тогда чеченцы получатъ возможность дѣйствовать со стороны Ассы. Приказавъ построить мостъ у аула Большой Чеченъ, Грековъ — выступилъ 1-го февраля изъ Грозной и, переночевавъ въ Ханъ-Калѣ, съ разсвѣтомъ 2-го числа своротилъ съ отрядомъ на гехинскія поля, прошелъ ихъ и расположился близъ сел. Гойты. Встрѣчавшійся на пути лѣсъ расчищался, а частью выжигался. За два дня, въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ войска имѣли только одного раненаго. Расширивъ просѣку, продѣланную еще въ экспедицію прошлаго года и вырубивъ вновь выросшій лѣсъ, отрядъ 3-го февраля подошелъ къ сел. Урусъ-Мартану, и, разрушивъ по р. Мартану приготовленные чеченцами завалы, 4-го числа переправился черезъ рѣку Рошни. Гихинцы, узнавъ о приближеніи къ нимъ русскихъ, вышли съ изъявленіемъ покорности. По отобраніи у нихъ аманатовъ, полковникъ Грековъ двинулся 6-го февраля отъ Рошни обратно въ Ханъ-Кале и отсюда послалъ колонну въ Грозную за провіантомъ, а самъ съ остальнымъ отрядомъ приступилъ къ расчисткѣ дорогъ. На другой день провіантъ былъ доставленъ, и 8-го предположено двинуться за р. Аргунъ.

Съ разсвѣтомъ, 8-го февраля, отрядъ выступилъ изъ Ханъ-Кале и прошелъ черезъ Большой Чеченъ, жители котораго оставались покойны. Перейдя выше селенія Аргунъ и остановясь на правомъ берегу, войска къ вечеру вырубили лѣсъ какъ здѣсь, такъ и по лѣвую сторону рѣки. Пѣхота проходила по мосту, а обозъ и артиллерія — въ бродъ. Грековъ вполнѣ обстоятельно зная о всемъ происходившемъ за Аргуномъ, и дѣйствуя сообразно получаемымъ свѣдѣніямъ, сначала двинулся противъ гехинцевъ, чтобы отдѣлить это общество отъ остальныхъ зааргунскихъ чеченцевъ и тѣмъ ослабить послѣднихъ. Затѣмъ, съ цѣлью отвлеченія качкалыковцевъ, начальникъ отряда приказалъ подполковнику Тыртову 9-го февраля направиться къ р. Гудермесу, показывая видъ, будто отрядъ намѣренъ очищать дорогу къ сел. Маюртупу; такая диверсія могла заставить качкалыковцевъ подумать

о собственной безопасности. Тыртову надлежало простоять у Гудермеса до 11-го числа и затѣмъ выйти на брагунскую дорогу, для окончательной вырубки лѣса. Дѣйствительно, качкалыки, жившіе по р. Мичику, опасаясь прибытія къ нимъ русскихъ, остались на своихъ мѣстахъ; но маюртупскіе и гельдигенскіе присоединились у Шалинскаго лѣса къ чеченцамъ, собравшимся сюда поголовно съ мѣста своего жительства на правомъ берегу р. Аргуна, причемъ одинъ изъ предводителей ихъ, Бей-Булатъ, привелъ нѣсколько сотъ горцевъ. Жители Малой Атаги, Шали, Герменчука, Автура и многихъ другихъ селеній собрались у входа въ Шалинскій лѣсъ, съ твердымъ намѣреніемъ не только не пропускать отряда Грекова, но и постараться разбить его; приэтомъ герменчуковскій кадій Абдулъ-Кадыръ, извѣстный своимъ богатствомъ и вліяніемъ на народъ и ненавистью къ русскимъ, читалъ ему нѣкоторые тексты изъ алкорана и убѣждалъ горцевъ драться до послѣдней капли крови. Предсказывая гибель нашихъ войскъ, кадій клялся, что не болѣе какъ черезъ 4 мѣсяца придутъ на помощь турки, и тогда по Сунжѣ не останется и слѣда русскихъ. Дѣйствуя на народъ убѣжденіями и давая ему разныя несбыточныя обѣщанія, предводители чеченцевъ надѣялись сформировать сильное ополченіе и остановить наступленіе отряда.

Проходъ черезъ Шалинскій лѣсъ имѣлъ въ длину не болѣе одной версты и, на противоположной сторонѣ, пересѣкался двумя глубокими оврагами, образовавшимися отъ ежегодныхъ наводненій протекавшей здѣсь рѣчки; чеченцы натаскали къ проходу множество срубленныхъ деревьевъ, подѣлали завалы и засѣли по обѣимъ сторонамъ прохода и лѣсной опушки, на противоположной же сторонѣ лѣса сосредоточилась вся непріятельская конница. Для необходимыхъ распоряженій къ овладѣнію Шалинскимъ лѣсомъ, полковникъ Грековъ остановилъ отрядъ въ разстояніи отъ него на ружейный выстрѣлъ. Два орудія, подъ прикрытіемъ пѣхотной роты поставлены были противъ лѣвой оконечности лѣса, для обстрѣливанія лѣваго фланга непріятеля; всѣ конныя казаки и терскіе чеченцы съ топорами должны были занять эту же самую оконечность и уничтожить завалы. Противъ правой лѣсной опушки размѣстились двѣ роты съ двумя орудіями, а 2-му баталіону Апшеронскаго полка, подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, приказано быстро прорваться сквозь проходъ по другую сторону лѣса, или немедленно построить два окопа для орудій, которыя, открывъ стрѣльбу по задней оконечности лѣса, поставили бы, такимъ образомъ, чеченцевъ подъ перекрестный огонь.

Съ появленіемъ нашихъ войскъ, непріятель открылъ изъ лѣсу безпрерывную ружейную пальбу, не приносившую, впрочемъ, никакого вреда отряду, стоявшему внѣ выстрѣловъ; чеченцы кричали, чтобы русскіе не приближались къ нимъ, ибо «они поклялись убивать не только казака и солдата, но и каждаго чеченца, служившаго невѣрнымъ». Отрядъ придвинулся ближе къ лѣсу, а артиллерія заняла указанныя ей позиціи; кромѣ того, полковникъ Грековъ приказалъ поставить 4 орудія противъ прохода для обстрѣливанія толпы конныхъ чеченцевъ, виднѣвшихся на противоположной сторонѣ. По данному сигналу 8 орудій открыли сильный огонь по проходу и обѣимъ оконечностямъ лѣса; въ то же время казаки и терскіе чеченцы, сдѣлавъ залпъ, направились къ лѣвой оконечности лѣса и заняли ее. Тогда баталіонъ Апшеронцевъ бросился въ проходъ и, разрушая въ немъ всѣ преграды, опрокинулъ толпы непріятеля и вышелъ на другую сторону лѣса, гдѣ и занялъ назначенное ему мѣсто. Занятіе всего лѣснаго прохода поставило горцевъ подъ перекрестный артиллерійскій огонь и они удерживались только на правомъ флангѣ, да по канавамъ, выходящимъ изъ лѣсу, всѣ-же остальныя мѣста, равно какъ и лѣсныя опушки ими были очищены. Не теряя времени, Грековъ приказалъ расчистить проходъ, разрушить

завалы и сдѣлать съѣзды для орудій черезъ канавы. Сбитые съ позиціи и очутившись подъ перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, чеченцы, не смотря на просьбы и угрозы своихъ предводителей, обратились въ бѣгство и смятеніе между ними достигло высшей степени въ особенности тогда, когда ядромъ былъ убитъ Абдулъ-Кадыръ. Видя полное пораженіе чеченцевъ, бездну убитыхъ и раненыхъ, Бей-Булатъ собралъ свою партію и также бѣжалъ. Пройдя лѣсъ, отрядъ, въ полуверстѣ отъ него, расположился лагеремъ. Перестрѣлка продолжалась еще часа два, но рабочіе (мирные чеченцы) безостановочно расчищали и жгли лѣсъ до самаго вечера. Селеніе Шали находилось всего лишь на разстояніи 3-хъ верстъ.

Едва отрядъ сталъ бивуакомъ, какъ чеченцы принялись жечь свое сѣно, солому и хлѣбъ, находившійся въ селеніи, чтобы ничего не оставить русскимъ, и мысль о такомъ уничтоженіи подалъ жителямъ горячевскій абрекъ Эджегъ - Аджи: онъ увѣрялъ народъ, что русскіе, не имѣя фуража и довольствія, принуждены будутъ уйти назадъ. Къ полудню 10-го февраля, войска окончили расчистку лѣса и прорубили въ немъ широкую просѣку. Желая убѣдить чеченцевъ, что отрядъ появился не для разоренія жителей, а для наказанія разбойниковъ и водворенія спокойствія въ краѣ, полковникъ Грековъ отправилъ къ герменчуковцамъ и шалинцамъ нѣсколько человѣкъ мирныхъ чеченцевъ, наказавъ имъ объяснить горцамъ всю безполезность ихъ сопротивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ требовать выдачи новыхъ аманатовъ. На такое предложеніе чеченцы отвѣтили очень уклончиво, а шалинцы заявили, что ни о чемъ совѣщаться не будутъ, пока не уйдутъ русскіе. Ожидая движенія къ себѣ отряда, они укрѣплялись, строили всюду завалы и, повидимому, надѣялись еще отстоять свое селеніе. Чечня тогда только могла успокоиться, когда было-бы уничтожено сел. Шали, гнѣздо виновниковъ всѣхъ возмущеній.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, въ 8 часовъ утра, 11-го февраля, полковникъ Грековъ придвинулся съ отрядомъ къ селенію и въ полуверстѣ отъ него расположился лагеремъ. Рѣшительное движеніе русскихъ убѣждало чеченцевъ, что Шали будетъ штурмоваться, и они дали торжественную клятву защищаться до послѣдней капли крови. Но чеченцы ошибались, предполагая, что русскіе немедленно пойдутъ на штурмъ. Начальникъ отряда отлично понималъ, что открытая атака съ фронта большаго и сильно укрѣпленнаго селенія, окруженнаго садами и различными искусственными преградами, можетъ повлечь за собою большую потерю; поэтому онъ рѣшилъ обойти Шали съ тылу и тѣмъ поставить защитниковъ его въ невозможность держаться. Съ этой цѣлью весь отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны: первая, при которой находился обозъ, оставалась на мѣстѣ и, при началѣ дѣйствій, еще ближе подходила къ селенію; вторая, подъ начальствомъ маіора Мурзакова (2-й баталіонъ Апшеронцевъ и три роты Ширванскаго полка), направлена въ обходъ для атаки шалинцевъ съ тылу; и третья съ Грековымъ во главѣ, пошла въ обходъ съ лѣвой стороны между Шали и Герменчукомъ. Послѣдняя колонна приняла такое направленіе, что герменчуковцы предположили о движеніи ея въ ихъ селеніе, почему и начали толпами собираться къ дорогѣ изъ Шали въ Герменчукъ и открыли по наступавшимъ войскамъ сильный ружейный огонь. Повернувъ къ Шали, колонна на пути встрѣтила 4 глубокихъ канавы, черезъ которыя живо устроила мосты, и уничтожила находившіяся здѣсь мельницы. Устройство переправы замедлило движеніе 3-й колонны. Чеченцы, замѣтивъ остановку войскъ, вышли изъ Шали и, пользуясь пересѣченной оврагами и лѣсомъ мѣстностью, съ воплями и неистовыми криками бросились съ трехъ сторонъ на русскихъ. Но полковникъ Грековъ ожидалъ нападенія и приготовился къ отпору: сильный артиллерійскій и ружейный огонь заставилъ нестройныя толпы непріятеля обратиться въ бѣгство. Между тѣмъ маіоръ Мурзаковъ, обойдя селеніе

съ правой стороны и переправясь черезъ рѣчку, наткнулся на бѣгущія толпы, которыя и приняты были Апшеронцами и Ширванцами въ штыки и опрокинуты. Чеченцы бросились въ разсыпную, не думая уже о защитѣ Шали. Послѣ того, часть солдатъ и всѣ находившіеся при отрядѣ мирные чеченцы и казаки посланы были съ топорами вырубать сады и жечь дома, такъ что къ вечеру не осталось въ селеніи ни одного фруктоваго дерева, ни одной сакли — все было уничтожено. Покончивъ съ Шали, отрядъ отошелъ назадъ и въ верстѣ отъ селенія остановился на ночлегъ. Ночью чеченцы производили стрѣльбу по лагерю; но какъ они благоразумно держались на весьма почтительной дистанціи, то и стрѣльба ихъ оказалась совершенно недѣйствительной. Утромъ на слѣдующій день, т. е. 12-го февраля, отрядъ двинулся къ Малой-Атагѣ. Чеченцы, всегда преслѣдовавшіе русскія войска при обратномъ ихъ слѣдованіи, на этотъ разъ оставили отрядъ въ покоѣ. Приблизясь къ Атагѣ, Грековъ потребовалъ у жителей покорности и выдачи аманатовъ, давъ имъ на размышленіе два часа сроку; но тѣ, вмѣсто отвѣта, открыли стрѣльбу, а потому войска взяли селеніе съ бою и разрушили до основанія. 13-го числа отрядъ перешелъ рѣку Аргунъ выше селенія Большой Induced Ченъ и ночевалъ въ Ханъ-Кале, а вечеромъ, 14-го числа, пройдя черезъ Топлинское поле и расчистивъ вновь проходъ, возвратился въ Грозную, послѣ 14-ти дневнаго похода.

«Примѣры болѣе строгаго наказанія такихъ людей, какъ чеченцы»,— писалъ полковникъ Грековъ въ своемъ донесеніи генералу Ермолову,— «необходимѣе, чѣмъ въ отношеніи всякихъ другихъ горцевъ; наказаніе за измѣну наводитъ на нихъ страхъ, а этимъ удерживаются другіе народы въ повиновеніи; какъ ни вѣроломны чеченцы и какъ ни мало можно полагаться на нихъ, но я увѣренъ, что истребленіе двухъ самыхъ непокорныхъ ауловъ и смерть многихъ защитниковъ послужитъ для нихъ хорошимъ урокомъ»[10].

Во время экспедиціи къ Шали открыто много дорогъ къ полямъ неизвѣстныхъ до того селеній; это обстоятельство, заставляя чеченцевъ находиться въ постоянномъ страхѣ за собственную безопасность, вынуждало ихъ или искать благополучнаго исхода въ принесеніи покорности, или же бросатѣ свои дома и спасаться бѣгствомъ. Экспедиція могла кончиться гораздо скорѣе, если бы чеченцамъ не благопріятствовала погода: было очень тепло, не смотря на февраль мѣсяцъ; между тѣмъ, выпади снѣгъ хотя бы на пять дней, непріятель поставленъ былъ въ отчаянное положеніе, изъ котораго могъ выйдти только просьбою о пощадѣ безъ всякихъ условій. Сдѣлавъ въ Грозной дневку и запасшись провіантомъ, полковникъ Грековъ вечеромъ, 15-го февраля, двинулся лѣвымъ берегомъ рѣки Сунжи къ переправѣ, гдѣ предполагалось построить редутъ и провести дорогу на Гудермесъ. Въ 7 часовъ утра отрядъ пришелъ къ переправѣ; въ то же время подполковникъ Тыртовъ со своей колонной и кумыками переправился черезъ Гудермесъ и въ верстѣ отъ него расположился лагеремъ. Въ 8 часовъ утра устроенъ былъ паромъ, на которомъ изъ отряда Грекова переправились рабочіе и прикрытіе. Съ ранняго утра чеченцы затѣяли перестрѣлку, но, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, скрылись въ лѣсъ. Къ 18-му числу всѣ работы закончены и 19-го февраля отрядъ ушелъ за Терекъ, гдѣ и распущенъ на стоянки въ станицахъ. Апшеронцы расположились въ станицы Микенской.

Вся экспедиція стоила отряду двухъ убитыхъ, 16-ти раненыхъ и 13-ти контуженныхъ (въ баталіонѣ Апшеронскаго полка ранены: баталіонный лекарь и 3 нижнихъ чина)[11].

Штабъ-квартира Апшеронцевъ—гор. Куба—отличалась чрезвычайно дурнымъ климатомъ,

---

[10]) *Дѣло № 51. 1-го отдѣленія дежурства. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.*

[11]) *Тамъ же.*

и полковые командиры неоднократно доносили генералу Ермолову о развивавшейся въ полку болѣзненности. Но тревожное положеніе края не позволяло Алексѣю Петровичу немедленно заняться этимъ вопросомъ. Наконецъ, уже въ концѣ 1822 года, онъ самъ пріѣхалъ въ Кубу и, осмотрѣвъ окрестныя мѣста, остановился на урочь Кусары (называлось также Новая Куба), находящемся въ 7-ми верстахъ отъ города, куда и приказалъ въ январѣ наступившаго года перенести штабъ-квартиру полка.

Относительное спокойствіе Дагестана въ началѣ 1823 года дало возможность обратить большую часть находившихся въ Сѣверномъ Дагестанѣ войскъ на постройку крѣпости Бурной, и работа пошла весьма успѣшно; для той же цѣли прибылъ съ линіи и 2-й баталіонъ Апшеронцевъ. Но спокойствіе было не продолжительно: уже въ концѣ мая начали носиться тревожныя вѣсти о волненіи въ Табасарани, а въ іюнѣ возстаніе этой провинціи стало несомнѣннымъ фактомъ. Волненіе быстро сообщалось сосѣднимъ провинціямъ и грозило сдѣлаться всеобщимъ. Получивъ донесеніе о положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ предписалъ, для подавленія возстанія, сформировать особый отрядъ, начальство надъ которымъ ввѣрилъ генералъ-маіору Краббе. Въ составъ этого отряда также вошли 2-й и сводный баталіоны Апшеронцевъ [12]. Вскорѣ волненіе началось въ Мехтулинскомъ ханствѣ и въ нѣкоторыхъ шамхальскихъ селеніяхъ.

Для наблюденія за поведеніемъ мехтулинцевъ, командовавшій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, полковникъ Верховскій отправилъ въ началѣ іюля въ сел. Параулъ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, 4 орудія и 20 линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Евреинова, предписавъ ему соблюдать осторожность и дѣйствовать на жителей по возможности кроткими мѣрами.

Сводный Апшеронскій баталіонъ, придя въ Дербентъ, образовалъ вмѣстѣ съ баталіономъ Куринскаго полка другой отрядъ, съ которымъ полковникъ Верховскій двинулся въ Параулъ, на соединеніе съ Евреиновымъ.

Утромъ, 11-го іюля, Евреиновъ выступилъ изъ кр. Бурной и вечеромъ прибылъ въ сел. Кулецму, жители котораго, а также и селеній Оглы и Гапши изъявили покорность и дали обѣщаніе отправиться на работы въ Бурную.

Убѣдившись, что въ Мехтулинскомъ ханствѣ нѣтъ собственно большого возстанія, а только частныя возмущенія, вызванныя нетактичнымъ поведеніемъ управлявшаго ханствомъ, пристава Батырева, Евреиновъ отправилъ Апшеронскій баталіонъ въ Бурную, а самъ поѣхалъ на свиданіе съ полковникомъ Верховскимъ, находившимся въ то время съ отрядомъ въ сел. Карабудахкентѣ.

Узнавъ отъ Евреинова о настоящемъ положеніи дѣлъ, Верховскій нашелъ движеніе отряда къ Параулу совершенно напраснымъ и рѣшилъ возвратиться въ Кусары.

11-го іюля отрядъ выступилъ изъ Карабудахкента; впереди ѣхалъ полковникъ Верховскій, штабъ-лекарь Апшеронскаго полка Амарантовъ и переводчикъ, а шагахъ въ пяти сынъ буйнакскаго владѣльца Амалатъ-бекъ съ двумя нукерами. Амалатъ-бекъ слылъ любимцевъ полковника Верховскаго и самъ показывалъ ему видимые знаки расположенія. Но, подстрекаемый въ послѣднее время Ахметъ-ханомъ Аварскимъ, онъ задумалъ измѣнить намъ. Между с.с. Губденью и Атемишемъ, когда Верховскій слишкомъ отдѣлился отъ отряда, Амалатъ-бекъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ его и самъ бѣжалъ къ Ахметъ-хану.

Подполковникъ Мищенко, заступившій мѣсто Верховскаго, остановился въ Каякентѣ, куда вскорѣ прибылъ и командующій войсками въ Дагестанѣ генералъ-маіоръ Краббе, при-

[12]) Сводный баталіонъ, подъ начальствомъ маіора Еремѣева, былъ вытребованъ изъ лагеря при уроч. Кусарахъ.

нявшій начальство надъ отрядомъ и вызвавшій къ себѣ изъ Бурной отрядъ Евреинова, явившійся сюда 28-го іюля.

Не смотря на видимые признаки возмущенія жителей покорныхъ намъ дагестанскихъ мѣстностей, генералъ Краббе все еще надѣялся уладить дѣло мирнымъ путемъ. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, онъ отправилъ къ мехтулинцамъ и шамхальцамъ воззванія, приглашая ихъ къ спокойствію. На эти воззванія откликнулось лишь 50 семействъ ушедшихъ было въ горы мехтулинцевъ, которые и возвратились въ свои селенія; но шамхальцы дали весьма уклончивые отвѣты. Тогда Краббе направился съ отрядомъ въ аулъ Темиръ-Ханъ Шуру, а отсюда, утромъ, 29-го іюля, выступилъ къ Каранаю, чтобы, взявъ его, двинуться затѣмъ въ сел. Эрпели. Предполагая, что русскіе пойдутъ прямо въ Эрпели, горцы устроили по дорогѣ нѣсколько сильныхъ заваловъ; но генералъ свернулъ влѣво отъ эрпелинской дороги и пошелъ по направленію къ высотѣ Коянлы-Калъ, не доходя которой отрядъ встрѣтилъ значительное скопище мятежниковъ, открывшихъ съ близкой дистанціи ружейный огонь. «Выславъ застрѣльщиковъ отъ шедшей въ авангардѣ 2-й гренадерской роты Апшеронскаго полка, писалъ генералъ Краббе въ своемъ донесеніи Ермолову, мгновенно храбростью ихъ и отличнымъ порядкомъ въ дѣйствіи, непріятель съ урономъ былъ опрокинутъ и преслѣдуемъ черезъ весь лѣсъ» [13]. Отрядъ безостановочно подвигался за стрѣлками и, выйдя изъ лѣсу, остановился. Разсѣянное скопище вновь собралось и укрѣпилось на высотахъ у Караная. Послѣ двухъ часоваго отдыха, въ 10 часовъ утра, отрядъ тронулся дальше. У Караная непріятель съ занятыхъ имъ позицій открылъ по наступавшимъ войскамъ ружейный огонь; но, послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ, 2-я гренадерская рота Апшеронцевъ пошла въ штыки — и мятежники принуждены были бѣжать въ Эрпелинское ущелье. Сильное утомленіе войскъ не позволило преслѣдовать непріятеля по чрезвычайно пересѣченной мѣстности; занявъ частью войскъ Каранай, генералъ Краббе остальныя расположилъ на ночлегъ вблизи селенія. Въ тотъ же день Каранай былъ разрушенъ до основанія. Вся потеря наша заключалась въ 2-хъ убитыхъ Апшеронцахъ, двухъ раненыхъ оберъ-офицерахъ и одномъ казакѣ.

На другой день, въ 5 часовъ утра, отрядъ направился къ Эрпели. Хотя дорога проходила лѣсомъ, но, сверхъ всякаго ожиданія, непріятель не тревожилъ войска, такъ что въ 10 часовъ утра они подошли къ Эрпели, и часть отряда заняла высоты со стороны Шуры, а 2 роты и 2 орудія, подъ начальствомъ подполковника Мищенки, расположились со стороны Караная. По отлогостямъ Койсубулинскаго хребта чернѣлись толпы горцевъ, относительно которыхъ находившійся при отрядѣ Мехти шамхалъ Тарковскій увѣрялъ, что это раскаявшіеся жители, и просилъ не разорять Эрпели. Въ продолженіи 2-хъ часовъ Краббе ждалъ принесенія покорности; убѣдившись-же, что всѣ увѣщанія шамхала, обращенныя къ возставшимъ жителямъ, ни къ чему не поведутъ, и они стараются только выиграть время, въ ожиданіи помощи отъ койсубулинцевъ, генералъ послалъ эрпелинцамъ приказаніе въ теченіи часа положить оружіе и изъявить покорность, въ противномъ случаѣ грозилъ сжечь селеніе. Эрпелинцы отвѣтили, что покорность принесутъ шамхалу и то лишь при условіи, если русскія войска оставятъ ихъ предѣлы. Подобнаго рода отвѣтъ не оставлялъ уже никакого сомнѣнія во враждебномъ отношеніи къ намъ жителей, почему начальникъ отряда приказалъ зажечь Эрпели и распорядился, чтобы при вагенбургѣ находились 3-я гренадерская рота Апшеронцевъ и рота Куринцевъ, подъ начальствомъ маіора Еремѣева; одну изъ высотъ къ сторонѣ Караная заняли 3 роты съ 3-мя орудіями, подъ командою подполков-

---

[13]) Донесеніе генерала Краббе отъ 1-го августа, № 22.

ника Евреинова; а три роты 2-го баталіона Апшеронскаго полка (2-я гренадерская, 4-я и 5-я мушкетерскія) отправились въ колонну подполковника Мищенки, которому приказывалось выслать команду для зажиганія сакель и прикрытія.

3 роты Апшеронцевъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Краббе, составляли резервъ. Лишь только солдаты стали входить въ Эрпели, какъ находившіеся около него горцы открыли сильный ружейный огонь, на который отвѣчала часть войскъ, разсыпанная въ прикрытіе.

Непріятель употреблялъ всевозможныя усилія для спасенія своихъ сакель и производилъ сильныя и частныя нападенія на рабочихъ и прикрывавшихъ ихъ стрѣлковъ, но каждый разъ былъ отражаемъ сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ.

Когда пламя охватило большую часть селенія, то Мищенко въ сумеркахъ началъ отступленіе. Толпы жителей, усиленныя прибывшимъ скопищемъ горцевъ, съ трехъ сторонъ атаковали отрядъ: часть непріятеля бросилась сквозь лѣсъ на колонну генерала Краббе, а другая часть напала на колонну подполковника Мищенки и, наконецъ, третья—значительная,—пройдя лѣсомъ, набросилась на вагенбургъ. Маіоръ Еремѣевъ встрѣтилъ горцевъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, открытымъ заложенною въ лѣсу стрѣлковою цѣпью и тѣмъ самымъ остановилъ первое покушеніе.

Сраженіе, разыгравшееся въ трехъ пунктахъ, вскорѣ сдѣлалось общимъ; ни одинъ человѣкъ отряда не оставался празднымъ,—«только Шамхалъ съ своею многочисленною конницею не принималъ никакого участія въ сраженіи, а присутствовалъ въ видѣ хладнокровнаго зрителя, находясь въ безопасной дистанціи».

Непріятеля, пробравшагося лѣсомъ къ высотѣ, занимаемой 2-мъ баталіономъ, встрѣтила разсыпанная въ цѣпь 6-я мушкетерская рота, подъ командою храбраго и распорядительнаго капитана Педяша. Послѣ весьма кровопролитной схватки, горцы были опрокинуты. Между тѣмъ подполковникъ Мищенко отступалъ въ совершенномъ порядкѣ, отбивая отчаянно-наступавшаго врага; бывшіе съ нимъ Апшеронцы, подъ начальствомъ маіора Мурзакова и капитана Овечкина присоединились къ колоннѣ подполковника Евреинова.

Когда колонны Евреинова и Мищенки подошли къ резерву, то генералъ Краббе послалъ капитана Гурова, съ 1-ю гренадерскою ротою Апшеронцевъ, на усиленіе цѣпи капитана Педяша, а роту Куринскаго и 4-ю и 5-ю мушкетерскія роты Апшеронскаго полка направилъ по дорогѣ, пролегавшей чрезъ незажженную часть селенія, оставленную для прохода артиллеріи и патронныхъ ящиковъ; эти три роты обязаны были не позволять непріятелю занимать ближайшія къ дорогѣ сакли. Желая за свѣтло соединить всѣ части отряда и устроиться въ порядкѣ на мѣстѣ нахожденія вагенбургъ, генералъ Краббе, подъ прикрытіемъ стрѣлковаго и артиллерійскаго огня началъ общее отступленіе.

Не смотря на отчаянныя атаки горцевъ, въ войскахъ соблюдался полный порядокъ и всѣ нападенія отбивались штыками.

Съ захожденіемъ солнца, всѣ части отряда собрались къ вагенбургу и сраженіе, продолжавшееся безпрерывно восемь часовъ, окончилось.

Занявъ высоты, обращенныя къ Эрпели, 3-ю гренадерскою (штабсъ-капитана Мисерева) и 6-ю мушкетерскою ротами Апшеронскаго полка, начальникъ отряда расположился на ночлегъ. Разбитыя толпы дагестанцевъ, пользуясь наступившей темнотой, по оставленію высотъ бѣжали. На другой день рѣшено было отойти къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и тамъ остановиться. При дальнѣйшемъ движеніи, въ авангардѣ шла рота Апшеронцевъ и одно орудіе подъ командою капитана Овечкина, которому генералъ Краббе приказалъ занять дорогу къ Шурѣ, съ цѣлью обезпечить отрядъ отъ нечаяннаго нападенія; но горцы уже не по-

мышляли о нападеніяхъ, и наши войска, выступивъ въ 3 часа утра, 31-го іюля, черезъ нѣсколько часовъ безпрепятственно достигли Темиръ-Ханъ-Шуры и стали лагеремъ на лѣвомъ берегу рѣчки Эрпели-чая. Вслѣдъ затѣмъ всѣ раненые были отправлены въ Тарки.

Въ дѣлѣ 30-го іюля нижнихъ чиновъ: убитъ — одинъ нижній чинъ; ранены капитанъ Гуровъ и 38 нижнихъ чиновъ; контужены капитанъ Педяшъ, штабсъ-капитанъ Мисеревъ и прапорщикъ Старцевъ и 8 нижнихъ чиновъ; безъ вѣсти пропало три нижнихъ чина.

Со стороны горцевъ въ этомъ сраженіи участвовали жители селеній: Унцукуля, Гимръ, Чиркея, Эрпели, Караная и Ишкарты; уронъ непріятеля, по собраннымъ свѣдѣніямъ, былъ очень великъ: одними убитыми и заколотыми штыками оставлено горцами на мѣстѣ болѣе 70 человѣкъ.

Съ цѣлію сдерживанія въ страхѣ и повиновеніи подвластнаго Шамхалу народа и охраненія отъ набѣговъ пограничныхъ койсубулинцамъ селеній, генералъ Краббе призналъ необходимымъ отрядъ оставить на нѣкоторое время у Темиръ-Ханъ-Шуры и, въ донесеніи къ корпусному командиру, писалъ о крайней необходимости учредить въ ней постоянный постъ съ достаточнымъ гарнизономъ [14].

4-го августа Краббе выѣхалъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, поручивъ подполковнику Мищенкѣ командованіе отрядомъ, равно какъ и наблюдать за поведеніемъ шамхальцевъ и, по мѣрѣ надобности, производить движенія въ ту или другую сторону, не отдаляясь, впрочемъ, слишкомъ отъ Шуры.

Движеніе нашихъ войскъ къ Каранаю и Эрпели и разбитіе горцевъ у послѣдняго не потушили возстанія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, напротивъ, разроставшагося. Въ виду того, что центромъ всѣхъ недовольныхъ служило селеніе Дженгутай, куда стекались толпы мятежниковъ, и къ которому примкнули жители селеній Параула, Дургели, Кака-Шуры и др., — подполковникъ Евреиновъ, оставшійся командующимъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, рѣшилъ двинуться къ Дженгутаю, разбить мятежниковъ и наказать обитателей селеніе за измѣну.

По случаю оскудѣнія въ отрядѣ провіанта, Евреиновъ предварительно послалъ роту Апшеронцевъ, съ однимъ орудіемъ, подъ командою капитана Овечкина на половину дороги къ Таркамъ, для принятія провіантскаго транспорта, который, однакожъ, не былъ высланъ, такъ что распорядительный Овечкинъ прошелъ до крѣпости Бурной, взялъ тамъ провіанта и двинулся обратно въ Шуру. 13-го августа, около 2-хъ часовъ дня, когда колонна подошла къ Кафыръ-Кумыку, ее атаковало скопище горцевъ до 3.000 человѣкъ. Многочисленность непріятеля не смутила храбраго Овечкина: построивъ роту въ карре, онъ въ продолженіи трехъ часовъ отбивалъ всѣ атаки нападающихъ. Между тѣмъ подполковникъ Евреиновъ, обезпокоенный долгимъ неприбытіемъ транспорта, вышелъ изъ лагеря къ нему на встрѣчу; внезапное появленіе нашихъ войскъ заставило горцевъ разсѣяться. Капитанъ Овечкинъ потерялъ всего одного раненаго нижняго чина, а непріятель оставилъ на мѣстѣ 6 тѣлъ.

Евреиновъ расположился съ отрядомъ у Кафыръ-Кумыка. Разсѣянныя толпы горцевъ, усиленныя прибывшими партіями, заняли всѣ окрестныя высоты, и всѣхъ этихъ мятежниковъ, предводительствуемыхъ Ахметъ-ханомъ Аварскимъ, Чанка-Бубаемъ, Умалатъ-бекомъ и др., простиралась уже до 15.000 человѣкъ. При такой обстановкѣ отступать къ Таркамъ ночью съ большимъ обозомъ было и невозможно и не выгодно. Остатокъ дня прошелъ въ перестрѣлкѣ съ громаднымъ скопищемъ горцевъ; на ночь же нашими секретами заняты были

---

14) Донесеніе № 22.

два возвышенія, находившіяся передъ фронтомъ расположенія войскъ, и одно противъ Кафыръ-Кумыка: на каждомъ возвышеніи стояло по ротѣ Апшеронскаго полка; всѣ онѣ соединялись между собою цѣпью; лѣвый флангъ расположенія отряда, примыкавшій къ Тарковской дорогѣ, обстрѣливался двумя орудіями; съ тылу позиціи тянулся обрывистый берегъ Озень-чая, а правый флангъ укрѣпленъ былъ рядомъ арбъ.

Съ наступленіемъ темноты, подполковникъ Евреиновъ выслалъ двѣ роты съ однимъ орудіемъ по дорогѣ къ Таркамъ, для встрѣчи ожидаемаго изъ Дербента артиллерійскаго транспорта.

Впереди лежащія горы еще съ вечера покрылись толпами аварцевъ, шамхальцевъ и мехтулинцевъ, подъ предводительствомъ Ахметъ-Хана и Чанка-Будая. Кафыръ-Кумыкъ также былъ занятъ непріятелемъ. Возвышенности противоположнаго берега Озень-чая и Халимбекъ-аулъ занимало скопище Умалатъ-Бека, состоявшее изъ койсубулинцевъ и шамхальскихъ мятежниковъ.

Въ два часа ночи, 14-го августа, толпы Ахметъ-Хана, спустившись въ тишинѣ съ горъ, подошли къ двумъ нашимъ возвышеніямъ съ фронта, а остальная партія двинулась къ правому секрету, и, по предварительному знаку, поданному голосомъ муллы, непріятель, произвелъ стремительное нападеніе, ободряемый крикомъ оставшихся съ обѣихъ сторонъ на горахъ горцевъ.

Подкрѣпленные же тотчасъ высланными изъ карре резервами и тремя орудіями, Апшеронцы не только отстояли свои мѣста, но даже нѣсколько разъ преслѣдовали отбиваемыхъ ими горцевъ и затѣмъ возвращались на свои мѣста, а картечный огонь изъ двухъ орудій производилъ страшное опустошеніе среди мятежниковъ. Въ то же время правое орудіе очищало гранатами дорогу отъ выходившихъ изъ Кафыръ-Кумыка партій.

На разсвѣтѣ въ карре оставалась только одна рота и два орудія, всѣ же остальныя войска находились въ жаркомъ бою.

До восьми часовъ утра сраженіе продолжалось съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ. У непріятеля въ бою приняли участіе всѣ старики; многимъ изъ горцевъ не доставало огнестрѣльнаго оружія и они дрались короткими дротиками; тѣмъ не менѣе, выбитый изъ всѣхъ нижнихъ заваловъ, врагъ бѣжалъ, преслѣдуемый нами до самаго Куфыръ-Кумыка. «Храбрые господа офицеры Апшеронскаго полка сражались сами штыками. Убитый потомъ подпоручикъ Таракановъ и поручикъ Синельниковъ 1-й собственноручно перекололи по нѣскольку человѣкъ. Солдатъ невозможно было возвратить по сбору болѣе часа. Храбрость увлекла ихъ въ самыя улицы аула. Сраженіе окончилось совершеннымъ очищеніемъ долины, окружающей карре и непріятель взобрался опять на гору въ завалы, часть его заняла аулы Кафыръ-Кумыкъ и Халимбекъ-аулъ» [15].

На возвышенностяхъ оставлено было по одной ротѣ съ однимъ при обѣихъ орудіемъ, а другое орудіе возвратилось въ карре.

Остальная часть дня прошла въ перестрѣлкѣ передовыхъ ротъ съ непріятелемъ, спускавшимся по перемѣнно въ малыхъ частяхъ съ горъ, для уборки своихъ убитыхъ. Хотя изъ Кафыръ-Кумыка показывались большія толпы горцевъ, но огонь орудія, оставленнаго впереди праваго фланга, заставлялъ ихъ скрываться.

Во время боя подполковникъ Евреиновъ послалъ расторопнаго нукера къ капитану Лимареву [16] съ запиской, въ которой предписывалъ, по принятіи транспорта, взять съ собою высланную изъ Бурной для его охраны роту Куринскаго полка съ орудіемъ, и спѣ-

[15]) Донесеніе подполковника Евреинова № 130.
[16]) Этотъ офицеръ отправленъ былъ наканунѣ изъ отряда на встрѣчу артиллерійскаго транспорта.

шить къ отряду; подходя же къ Кафыръ-Кумыку, по возможности, растянуть колонну «дабы она имѣла видъ большаго отряда, вступать съ барабаннымъ боемъ и звуками рожковъ въ лагерь».

Съ приближеніемъ транспорта, перестрѣлка начала утихать, а горы замѣтно освобождались отъ непріятеля. Къ разсвѣту обѣ стороны горъ и аулы, Кафыръ-Кумыкъ и Халимбекъ-аулъ были совершенно очищены. Пользуясь темнотою ночи, горцы бѣжали въ свои селенія; Ахметъ-ханъ, разграбивъ по дорогѣ Дженгутай, и отогнавъ у жителей сколько успѣлъ скота, скрылся въ горы; то же самое сдѣлало скопище Умалата съ селеніемъ Эрпели.

Трудно было въ точности опредѣлить число горцевъ, находившихся въ дѣлѣ 15-го августа; значительная ихъ часть, не помѣщаясь на ближайшихъ горахъ, оставалась въ Халимбекъ-аулѣ. По извѣстіямъ отъ плѣнныхъ, въ числѣ прибывшихъ изъ горъ съ Умалатомъ находились: унцукульцы, чиркеевцы и всѣ шамхальцы, исключая селеній: Тарковъ, Кохлей-Тарки, Алиберю-кента, Амиръ-Ханъ-кента, Агачъ-аула, Атлыбуюна, Янги-юрта, Кумтеркале, Капчугая, Кодора, Гилли, Карабудахкента, Губденя и Буйнака. Взятыхъ въ плѣнъ горцевъ подполковникъ Евреиновъ тотчасъ же приказалъ повѣсить. Съ Ахметъ-Ханомъ были аварцы и всѣ вообще мехтулинцы. Непріятель понесъ весьма значительный уронъ: однихъ убитыхъ оставлено на мѣстѣ до 300 человѣкъ. Не было ни одного изъ мятежныхъ шамхальскихъ и мехтулинскихъ селеній, гдѣ бы не имѣлось раненыхъ.

Наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ оберъ-офицерѣ (Апшеронскаго полка *подпоручикъ Таракановъ)* и 13 нижнихъ чинахъ; ранены: 1 оберъ-офицеръ и 32 нижнихъ чина; контужены: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера *(капитанъ Педяшъ и подпоручикъ Посниковъ)* и 13 нижнихъ чиновъ.

Давъ непродолжительный отдыхъ войскамъ, утомленнымъ ночнымъ боемъ, подполковникъ Евреиновъ, въ 10 часовъ утра, 15-го августа, выступилъ къ Параулу, жители котораго вышли далеко впередъ и просили простить ихъ заблужденія; сюда же явились съ мольбой о пощадѣ и обитатели Темиръ-Ханъ-Шуры и другихъ ауловъ.

Ограничившись взятіемъ аманатовъ, Евреиновъ приказалъ изъявившимъ покорность возвратиться въ свои дома.

Населенія Карабудахкента, Буйнака, Гилли и Губденя не участвовали въ дѣлѣ, что объяснялось простою осторожностью, а никоимъ образомъ не расположеніемъ къ русскимъ. Вооружившись, и не послушавъ приказанія Шамхала не впускать въ предѣлы шамхальства горцевъ, они, получивъ отъ Умалата приказаніе, собрались всѣ въ Гилли и ждали здѣсь исхода дѣла у Кафыръ-Кумыка, чтобы затѣмъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ и пристать къ побѣдившей сторонѣ. Послѣ же 14-го августа, Умалатъ, распустивъ слухъ, что отрядъ нашъ окруженъ, послалъ приказаніе спѣшить на соединеніе съ нимъ: тогда мятежники, разграбивъ четыре дома въ Карабудахкентѣ и совершенно разрушивъ одинъ, принадлежавшіе преданнымъ намъ жителямъ, двинулись — было уже къ Кафыръ-Кумыку, какъ вдругъ получили достовѣрное извѣстіе объ исходѣ сраженія.

По выступленіи отряда изъ Кафыръ-Кумыка, жители выше поименованныхъ селеній явились въ Казанищѣ къ шамхалу для охраненія его особы и сопровождали его до Параула. Вслѣдъ за тѣмъ изъявили покорность жители Большаго и Малаго Дженгутая.

Нашъ отрядъ безпрепятственно достигъ Параула, гдѣ и расположился. Подполковникъ Евреиновъ ограничился наблюденіемъ за дѣйствіями непріятеля, а въ наказаніе за измѣну наложилъ штрафъ на шамхальцевъ [17].

---

[17]) Съ каждой сакли по одной штукѣ рогатаго скота, по одному рублю серебромъ и по одному мѣшку пшеницы.

Не смотря на наши блестящіе успѣхи въ Сѣверномъ Дагестанѣ, Ермоловъ все-таки опасался за участь небольшаго отряда и рѣшился лично отправиться въ Дагестанъ. Сформировавъ во Владикавказѣ небольшой отрядъ (2 баталіона пѣхоты, 8 орудій и одна сотня казаковъ), онъ двинулся сюда и, 3-го октября, прибылъ въ кр. Бурную, откуда направился въ сел. Казанище, гдѣ и сталъ лагеремъ. Какъ и надлежало ожидать, появленіе въ Дагестанѣ Ермолова — грозы горцевъ — навело на нихъ такой паническій страхъ, что и броженіе среди возставшихъ жителей окончательно улеглось[18].

По совершенномъ водвореніи спокойствія въ Сѣверномъ Дагестанѣ, сводный баталіонъ Апшеронцевъ возвратился въ гор. Кубу, 2-й баталіонъ направился въ кр. Бурную, а остальныя части отряда стали на зимнія квартиры по ауламъ.

Въ началѣ 1824 года 1-й и 3-й баталіоны располагались въ Старой Кубѣ, а 2-й баталіонъ въ Бурной; но въ маѣ мѣсяцѣ онъ выступилъ на Кавказскую линію и размѣстился по станицамъ.

Въ томъ же году штабъ квартира полка окончательно перенесена была изъ Старой Кубы въ уроч. Кусары (Новая Куба), близъ рѣчки Кусарки[19].

13-го сентября, вмѣсто Карчевскаго, командиромъ полка назначенъ подполковникъ Нагаткинъ.

Большой некомплектъ во войсковыхъ частяхъ, достигшій во всемъ корпусѣ въ 1823 г. до 16,000 человѣкъ, заставилъ генерала Ермолова ходатайствовать объ ихъ положеніи. Просьбу главнокомандующаго уважили, и военное министерство отправило на Кавказъ всѣ восьмыя роты полковъ 3-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, въ Апшеронскій полкъ, въ коемъ недоставало до комплекта 904 нижнихъ чиновъ, назначены были роты Бѣлевскаго и Тульскаго полковъ.

Однако принятая министерствомъ мѣра для пополненія Кавказскаго корпуса не вполнѣ достигла своей цѣли: во-первыхъ пришло всего только 9,000, вмѣсто просимыхъ 16,000, а во-вторыхъ изъ полковъ были отобраны самые худшіе люди, неспособные къ фронту, штрафованные и т. п., такъ что не успѣли эти роты явиться на Кавказъ, какъ въ нихъ начались многочисленные побѣги[20].

За 1820 годъ въ полку получены слѣдующія награды: подполковнику Сагинову — пожалованы алмазные знаки ордена св. Анны 2-й степени; маіору Мартыненко — св. Анны 2-й степени; капитану Гурову — св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; св. Анны 3-й степени — капитану Овечкину, поручикомъ — Середѣ, Кондратовичу, Мадатову и Штокфишу и св. Анны 4-й степени: прапорщикамъ — Штукину, Пышкину и Пастухову.

За 1821 годъ получены слѣдующія награды: маіоръ Мурзаковъ — Монаршее благоволеніе, штабсъ-капитанъ Педяшъ — св. Анны 3-й ст. Знаки отличія Военнаго ордена: унтеръ-офицеры: Петръ Мироновъ, Андрей Кравцовъ, Ѳедоръ Ключевъ и Захаръ Косовицкій, и рядовые: Иванъ Картунъ, Никита Неизвѣстный, Иванъ Сырцовъ, Дмитрій Лякинъ, Андрей Романовъ, Григорій Алексѣевъ и Матвѣй Штуренко.

За экспедицію противъ Шали: маіоръ Мурзаковъ и поручикъ Синельниковъ получили Высечайшее благоволеніе, поручикъ Нелидовъ и прапорщикъ Колѣнкинъ — св. Анны 4-й степени, и на баталіонъ выдано 10 крестовъ знака отличія Военнаго Ордена; кромѣ того, за взятіе Шали, получили знаки отличія Военнаго ордена: унтеръ-офицеры: Михаилъ Мельниковъ, Ѳедоръ Данковъ, Иванъ Васильевъ, и рядовые — Игнатъ Бабіюкъ, Михель Ванжевъ и Андрей Кирьяковъ[21].

---

[18]) Дагестанцы называли Ермолова «Емолай». Алексѣй Петровичъ былъ на столько страшенъ для горцевъ, что женщины пугали имъ дѣтей.

[19]) Донесеніе командира Апшеронскаго полка отъ 26-го мая № 483. Дѣло № 31. I отд. дежур. Архивъ Кав. Окр. Штаба.

[20]) Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Томъ VI, стр 506.

[21]) Дѣло № 394. 1-й отд. дежур.

Глава Двадцать Вторая.

Военныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи въ 1825 и въ началѣ 1826 годовъ.— Успѣхи Бейбулата въ Чечнѣ.— Уничтоженіе Амиръ-аджи-юртовскаго укрѣпленія.— Осада Герзель-аула.— Смерть генераловъ Лисаневича и Грекова.— Прибытіе Ермолова.— Экспедиція въ Чечню.— Подавленіе возстанія.— Новый командиръ полка.— Война съ Персіей.— Отношенія къ намъ дагестанцевъ.— Виды персіянъ.— Вторженіе непріятеля въ Талыши.— Осада Ленкорани.— Появленіе Мустафы-хана въ Ширвани.— Выступленіе генерала Краббе съ Апшеронцами въ старую Шемаху.— Дѣло у Койны.— Пораженіе скопища Мустафы-хана.— Возвращеніе отряда въ Кубу.— Дѣйствіе отряда маіора Марченки.— Отбитіе атаки персіянъ ротой поручика Костырки.— Нападеніе непріятеля на Кубу.— Бѣгство персіянъ.— Движеніе отряда полковника Мищенка въ ст. Шемаху.— Дѣло у Джеватской переправы.— Соединеніе отрядовъ Мищенки и князя Мадатова.— Расположеніе полка въ 1827 году.— Дѣло отряда полковника Кромина.— Дѣйствія въ 1828 году въ Дагестанѣ.— Движеніе своднаго Апшеронскаго баталіона въ Табасарань.— Очеркъ положенія дѣлъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ 1829 году.— Награды.

Результатомъ пораженій, понесенныхъ дагестанскими горцами въ 1823 году, явилось временное затишье въ Дагестанѣ, такъ что 1824 годъ прошелъ спокойно. За то въ Чечнѣ волненіе разросталось все больше и больше. Вспыхнувшее возстаніе въ Кабардѣ вынудило генерала Ермолова усилить отрядъ, дѣйствующій противъ кабардинцевъ частью войскъ лѣваго фланга Кавказской линіи. Послѣднее обстоятельство позволило чеченцамъ развить свою хищническую дѣятельность и они участили набѣги на линію.

Одинъ изъ чеченскихъ предводителей, Бейбулатъ Тамазовъ, съ цѣлью возбудить фанатизмъ чеченцевъ, создалъ имъ пророка въ лицѣ нѣкоего Авко — жителя селенія Герменчука. Поступая во всемъ сообразно наставленій и указаній Бейбулата, юродивый Авко много содѣйствовалъ распространенію мятежа. Впрочемъ, лже-пророкъ скоро сошелъ со сцены и вмѣсто него выступилъ умный и энергичный маюртупскій мулла Магометъ, объявившій себя имамомъ.

Бейбулатъ сформировалъ довольно значительныя партіи и производилъ съ ними набѣги на линію. Дерзость чеченцевъ съ каждымъ днемъ возрастала: въ началѣ іюля они осадили и сожгли Амиръ-аджи-юртовское укрѣпленіе и истребили гарнизонъ его, состоявшій изъ 155 человѣкъ[1]. Вслѣдъ затѣмъ непріятель осадилъ Герзель-аульское укрѣпленіе, которое, вѣроятно, также погибло бы, не подоспѣй на выручку генералъ-лейтенантъ Лисаневичъ и генералъ-маіоръ Грековъ, приведшіе съ собою небольшой отрядъ, сформированный изъ оставшихся на линіи войскъ. Оба эти генерала, на другой день послѣ освобожденія укрѣпленія, были измѣннически убиты[2].

Тревожное положеніе Чечни заставило Алексѣя Петровича предпринять рядъ экспедицій для подавленія возстанія и наказанія жителей за разбои и нападенія.

Предназначенный для военныхъ дѣйствій отрядъ сосредоточился въ крѣпости Грозной;

---

[1]) Въ составѣ гарнизона находились нижніе чины отъ Апшеронскаго, Куринскаго, 41-го и 43-го егерскихъ полковъ.

[2]) Лисаневичъ былъ начальникомъ лѣваго крыла Кавказской линіи, а Грековъ начальникомъ Чеченскаго отряда.

*

въ числѣ прочихъ войскъ, въ составъ его вошелъ и 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Шести. Отрядомъ командовалъ самъ Ермоловъ.

26-го января 1825 года войска выступили изъ Грозной; хотя чеченцы уже прослышали о предполагавшемся движеніи къ нимъ русскихъ, но никакъ не думали, чтобы это случилось зимою, когда въ горахъ лежалъ глубокій снѣгъ: поэтому, важное по своему положенію, Ханкальское ущелье охранялось лишь незначительнымъ карауломъ. Но непріятель ошибся въ своихъ расчетахъ. Несмотря на стоявшіе еще сильные холода, отрядъ нашъ выступилъ въ походъ; подойдя къ Ханкальскому ущелью, и полагая, что оно занято чеченцами, Ермоловъ принялъ всевозможныя мѣры предосторожности, оказавшіяся, впрочемъ, совершенно лишними. При появленіи нашихъ войскъ, караульные бѣжали и ущелье было занято безъ выстрѣла. Вслѣдъ за тѣмъ, Алексѣй Петровичъ отправилъ въ селеніе Большіе Атаги баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ 41-го егерскаго полковъ, при 4-хъ орудіяхъ и 500 линейныхъ казакахъ; эта колонна нашла селеніе пустымъ: жители, узнавъ черезъ лазутчиковъ о движеніи отряда, поспѣшно ушли въ лѣса и увезли съ собою свое имущество, и только небольшое число атагинцевъ, не успѣвшихъ бѣжать вовремя, погибла подъ штыками солдатъ. Ночью Ермоловъ съ остальными войсками прибылъ къ селенію. При своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Большихъ Атагъ, чеченцы бросили на произволъ судьбы много хлѣба и фуража. Остановившись на одинъ день въ Атагахъ для устройства обоза и подъема всего найденнаго въ селеніи фуража и зерна, Алексѣй Петровичъ, не желая терять даромъ времени, послалъ роту егерей и 300 казаковъ, при одномъ орудіи, для рекогносцировки переправы черезъ р. Аргунъ. На обратномъ пути колонна имѣла довольно сильную перестрѣлку съ чеченцами, во время которой съ нашей стороны ранены 1 офицеръ и 4 казака.

Между тѣмъ въ лѣсу, окружавшемъ Атаги, собралось непріятельское скопище, причемъ часть его, въ въ ночь на 28-е января, вошла въ селеніе и укрѣпилась въ сакляхъ. На слѣдующее утро Ермоловъ предпринялъ штурмъ Атагъ. Толпы чеченцевъ атаковали оба фланга отряда, но были отбиты съ большимъ урономъ; послѣ чего русскіе, въ свою очередь, пошли въ атаку и, несмотря на упорное сопротивленіе, овладѣли Атагами. Понеся большія потери, горцы отступило.

Въ дѣлѣ 28-го января *убитъ одинъ рядовой Апшеронскаго баталіона и ранены: поручикъ Ермоловъ*, 4 нижнихъ чина и 6 казаковъ, контужено 3 рядовыхъ.

29-го января, съ ранняго утра, началась перестрѣлка. Чеченцы засѣли въ ближайшихъ отъ лагеря кустахъ и открыли по войскамъ нашимъ непрерывную пальбу; но картечь принудила ихъ оставить кусты и отойти дальше. Въ ночь на 30-е января Ермоловъ послалъ колонну для истребленія селенія Чахкери. Исполнивъ возложенное порученіе, колонна эта, при возвращеніи, сильно преслѣдовалась чеченцами, не однократно бросавшимися въ шашки; однако, несмотря на свой громадный численный перевѣсъ, противникъ былъ отброшенъ. По показаніямъ лазутчиковъ, непріятель потерялъ около 200 человѣкъ; съ нашей стороны потеря заключалась въ 4-хъ убитыхъ; ранено 3 офицера и 33 нижнихъ чина; контужено 2 офицера и 6 нижнихъ чиновъ.

Пораженіе 30-го января заставило чеченцевъ держаться дальше отъ нашихъ войскъ; поэтому до самаго возвращенія въ Грозную, перестрѣлокъ не происходило.

Давъ отряду въ Грозной отдохнуть, генералъ Ермоловъ, 5-го февраля, выступилъ къ сел. Шали. При войскахъ находился весьма незначительный обозъ, въ виду возможности найти продовольствіе и фуражъ въ горахъ, гдѣ всякія излишнія тяжести, при предполагавшихся быстрыхъ переходахъ, могли только стѣснять отрядъ. Войска выступили въ совершенно темную ночь и подвигались медленно, изъ опасенія сбиться съ дороги. Вторичное по-

явленіе русскаго отряда за Ханкальскимъ ущельемъ явилось совершенною неожиданностью для чеченцевъ. Среди непріязненнаго намъ населенія распространилась паника и началось повсемѣстное бѣгство въ горы и лѣса, что дало отряду возможность безпрепятственно переправиться черезъ Аргунъ, занять безъ выстрѣла селеніе Белгатой и истребить другое — Ставноколь. Черезъ своихъ лазутчиковъ Ермоловъ получилъ свѣдѣніе, что селеніе Шали совершенно брошено жителями, ушедшими въ лѣса; это извѣстіе нѣсколько измѣнило первоначальный планъ, и отрядъ повернулъ на Герменчукъ. Узнавъ о приближеніи грознаго Ермолова, герменчуковцы немедленно явились къ нему съ просьбою о пощадѣ. Взявъ отъ жителей аманатовъ, корпусный командиръ, 8-го февраля, направился къ селенію Алды, одна часть жителей котораго была уже намъ покорна, а другая — вовлечена въ мятежъ. Войдя въ селеніе, генералъ Ермоловъ картечью разогналъ возмутившихся алдинцевъ и на-половину сжегъ всѣ постройки. Дальше отрядъ не пошелъ и простоялъ въ Алдахъ 8 дней, по случаю страшнаго холода и морозовъ, положительно препятствовавшихъ наступленію. Оставаясь въ лѣсу безъ крова, чеченцы страшно терпѣли отъ холода и, поэтому, каждый день являлись въ лагерь депутаціи съ аманатами и изъявленіемъ покорности. Въ 3 часа ночи, 16-го февраля, отрядъ выступилъ изъ Алды и съ разсвѣтомъ подошелъ къ Гойтинскому лѣсу, у опушки котораго стояла непріятельская партія.

Будучи въ незначительномъ числѣ, чеченцы очистили лѣсъ и только при выходѣ изъ него оказали весьма слабое сопротивленіе. Послѣ того они заняли сел. Белакой; расположенное на совершенно открытой полянѣ, но, не имѣя возможности здѣсь удержаться и опасаясь быть отрѣзанными, бѣжали. Подвигаясь дальше, войска прошли сел. Урусъ-Мартанъ, гдѣ собравшееся довольно значительное непріятельское скопище, отстаивало его съ большимъ упорствомъ, чему много способствалъ росшій вокругъ густой кустарникъ. Обстрѣлявъ Урусъ-Мартанъ изъ орудій, генералъ Ермоловъ двинулъ въ атаку пѣхоту, которая, штыками выбивъ чеченцевъ, заставила ихъ разсѣяться. Пройдя еще верстъ 20, отрядъ подошелъ къ сел. Рошни, гдѣ и остановился на ночлегъ.

За весь день наша потеря состояла изъ 3 убитыхъ и 6 раненыхъ нижнихъ чиновъ *(Апшеронцевъ 2 убито и 2 ранено)*.

На другой день войска направились къ сел. Гехи, отстоявшему отъ мѣста ночлега въ 5 верстахъ и предназначенному къ совершенному истребленію, какъ центральный пунктъ сбора всевозможныхъ бѣглецовъ, разбойниковъ и возмутителей. Расположенное на открытомъ мѣстѣ и окруженное множествомъ хорошихъ садовъ, Гехи считалось однимъ изъ лучшихъ чеченскихъ селеній. Занявъ Гехи безъ выстрѣла, войска сожгли его и истребили всѣ сады.

Медленность движенія отряда давала средства чеченцамъ собраться въ значительныхъ силахъ и оказать намъ серьезное сопротивленіе, что, впрочемъ, вполнѣ согласовалось съ желаніемъ Ермолова, потому что, въ этомъ случаѣ, нашимъ войскамъ представлялась возможность сразу нанести пораженіе большому скопищу и прекратить волненіе въ странѣ. Отряду предстояло проходить черезъ весьма густой Гехинскій лѣсъ, имѣвшій мало дорогъ и удобный для обороны. Здѣсь генералъ Ермоловъ ожидалъ встрѣтить чеченцевъ; но они, замѣтивъ наступленіе отряда, бѣжали, безъ всякой заботы о защитѣ лѣса: только аріергардъ имѣлъ небольшую перестрѣлку.

Не доходя сел. Даудъ-Мартана, отрядъ остановился на ночлегъ. Окончившійся день стоилъ намъ 2 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Подступивъ утромъ, 19-го февраля, къ этому селенію, часть его была занята казаками, тогда какъ другая часть, лежавшая въ лѣсу, находилась еще въ рукахъ непріятеля, для выбитія котораго, назначены двѣ роты Апшерон-

скаго баталіона. Облегчивъ атаку нѣсколькими орудійными выстрѣлами, Ермоловъ двинулъ Апшеронцевъ въ штыки: роты ворвались и сожгли селеніе, отбивая атаки непріятеля, старавшагося воспрепятствовать уничтоженію родного гнѣзда. При взятіи Даудъ-Мартана раненъ *поручикъ Яgловскій и одинъ рядовой.*

21-го февраля отрядъ возвратился въ Грозную.

Движеніе нашихъ войскъ въ Чечню принудило жителей покидать дома и укрываться въ лѣсахъ, что привело ихъ къ страшнымъ лишеніямъ; кромѣ того скоро между чеченцами возникли несогласія — и многія общества начали присылать депутатовъ съ просьбами о помилованіи. Алексѣй Петровичъ не удовольствовался двумя экспедиціями и рѣшилъ предпринять 3-ю, главная задача которой заключалась въ рубкѣ просѣкъ и проведеніи дорогъ. Въ виду наступленія оттепели, и вслѣдствіе того порчи дорогъ, только въ концѣ марта, когда погода нѣсколько улучшилась, можно было приступить къ выполненію предпріятія: войска стали собираться въ Грозную, и, 10-го апрѣля, отрядъ въ своемъ прежнемъ составѣ выступилъ изъ крѣпости.

Придя въ Алханъ-Юртъ, войска занялись устройствомъ черезъ Сунжу переправы, по окончаніи которой отрядъ перешелъ за рѣку и приступилъ къ рубкѣ лѣса, чтобы проложить себѣ дорогу къ дальнѣйшему движенію и тѣмъ самымъ заставить непокорившихся еще чеченцевъ просить пощады. Во все время работъ непріятель производилъ безвредную для войскъ стрѣльбу.

11-го апрѣля чеченцы, повидимому усилившись прибывшими партіями, обнаружили нѣкоторую смѣлость: они приблизились къ цѣпи и, открывъ сильную пальбу, старались мѣшать работѣ; но стрѣлковая цѣпь перешла въ наступленіе и отогнала отсюда горцевъ, а нѣсколько удачныхъ картечныхъ выстрѣловъ совершенно разсѣяли ихъ.

На другой день, въ 3 часа пополудни, рубка просѣки окончилась и отрядъ направился къ сел. Курчали (въ 2-хъ верстахъ отъ Алханъ-Юрта), гдѣ, по словамъ лазутчиковъ, собралось значительное скопище. Подойдя къ селенію, Ермоловъ для взятія его послалъ три роты; непріятель не защищалъ селенія и бѣжалъ, такъ что Курчали занято нами безъ выстрѣла; чеченцы, засѣвъ за срубленными деревьями у опушки лѣса, открыли довольно сильную перестрѣлку, но были выбиты и понесли чувствительный уронъ. Наша потеря заключалась въ 3 раненыхъ и 1 контуженномъ нижнихъ чинахъ.

Слѣдующіе три дня (13-го, 14-го и 15-го апрѣля) войска занимались рубкою лѣса и расчисткой пути для дальнѣйшаго слѣдованія. Съ разсвѣтомъ, 16-го числа, отрядъ выступилъ, черезъ разоренное еще прошлой зимой сел. Гехи, къ сел. Даутъ-Юрту, жители коего не хотѣли изъявить покорности. Во время слѣдованія русскихъ чеченцы производили стрѣльбу съ дальняго разстоянія, благодаря чему наша потеря оказалась ничтожная (2 ранено и 2 контужено). Когда отрядъ подходилъ уже къ Даутъ-Юрту, — жители его вышли съ изъявленіемъ покорности и просьбой о пощадѣ, при чемъ выдали и аманатовъ. Въ виду раскаянія даутъ-юртовцевъ, хотя весьма неискренняго, но вызваннаго лишь невозможностью сопротивляться, Ермоловъ простилъ ихъ. Остатокъ дня прошелъ въ рубкѣ лѣса около Гехи. По близости наступленія праздника Пасхи, генералъ Ермоловъ, 17-го апрѣля, съ отрядомъ возвратился въ Алханъ-Юртъ, причемъ непріятель, собравшійся въ значительномъ числѣ, до темной ночи не прекращалъ нападеній на аріергардъ. Въ этомъ дѣлѣ отрядъ потерялъ: ранеными 8 рядовыхъ, контуженными 1 оберъ-офицера и 3 нижнихъ чиновъ. 23-го апрѣля отрядъ выступилъ изъ Алханъ-Юрта за Сунжу и, въ тотъ же день, дойдя до рѣчки Ломни, остановился на ночлегъ. Непріятель не безпокоилъ войскъ, и только ночью нѣсколько разъ поднималъ тревогу.

28-го числа отрядъ двинулся къ Урусъ-Мартану—очень большому селенію, изобиловавшему фруктовыми садами. Посланныхъ впередъ казаковъ чеченцы встрѣтили выстрѣлами изъ устроенныхъ передъ нимъ заваловъ. Поэтому, по приближеніи пѣхоты, Ермоловъ положилъ взять Мартанъ штурмомъ, для чего войска расположились слѣдующимъ образомъ: казаки, подъ командою подполковника Петрова, посланы въ обходъ селенія, три роты Апшеронскаго, три роты 41-го егерскаго, одна Тифлисскаго и одна 43-го егерскаго полковъ, подъ начальствомъ полковника Саранчова, направлены въ атаку. Зайдя въ тылъ заваловъ, эта колонна съ крикомъ «ура», бросилась на чеченцевъ. Пораженный появленіимъ русскихъ съ совершенно противуположной стороны, непріятель пришелъ въ ужасъ и искалъ въ бѣгствѣ, свое единственное спасеніе. Но и бѣжать было поздно, такъ какъ штурмующія войска подошли уже слишкомъ близко. Цѣлую версту солдаты гнали и кололи штыками непріятеля, и, вѣроятно его постигло бы совершенное истребленіе, если бы не спасъ чеченцевъ весьма жаркій день, благодаря зною котораго всякое дальнѣйшее преслѣдованіе становилось совершенно невозможнымъ; Ермоловъ остановилъ бойню, не желая изнурять войскъ. Потеря непріятеля, судя только по брошеннымъ тѣламъ, оказалась весьма значительною; у насъ ранены 4 нижнихъ чина (2 Апшеронца) и одинъ татарскій князь. По окончаніи дѣла, Урусъ-Мартанъ преданъ огню, а сады окончательно вырублены. Во время истребленія селенія наша татарская конница имѣла перестрѣлку съ непріятелемъ и, поддержанная казаками, прогнала его. Послѣ боя до вечера войска занимались рубкою лѣса, и на другой день, 26-го апрѣля, передвинулись къ рѣчкѣ Ломни. Ночью чеченцы не безпокоили отряда.

Съ разсвѣтомъ, 27-го апрѣля генералъ Ермоловъ, взявъ съ собой 2-й баталіонъ Апшеронскаго и 2 баталіона Ширванскаго полковъ и 6 орудій, выступилъ для наказанія селеніе Рошни, и, въ то же время послалъ подполковника Петрова съ 3-мя сотнями казаковъ и однимъ коннымъ орудіемъ осмотрѣть разоренное сел. Урусъ-Мартанъ. При занятіи Рошни, непріятель нѣкоторое время защищался, но, скоро опрокинутый бѣжалъ; селеніе было разрушено и сожжено. Въ этотъ день для насъ дѣло обошлось безъ потерь. Подполковникъ Петровъ, исполнивъ данное порученіе, при возвращеніи, до самаго легеря, былъ преслѣдуемъ собравшимися въ большомъ числѣ чеченцами, которые нѣсколько разъ бросялись на казаковъ въ шашки, но каждый разъ терпѣли неудачу. Наконецъ казаки сами пошли въ атаку, привели непріятеля въ замѣшательство и обратили въ бѣгство. Во время перестрѣлки раненъ одинъ казакъ. Отрядъ ночевалъ около рѣчки Гехинки, а 28-го апрѣля возвратился въ Грозную.

Такимъ образомъ Ермоловъ блистательно выполнилъ свою задачу: съ начала дѣйствія въ Чечнѣ, т. е. съ 26-го января, всѣ возмутившіяся, подъ вліяніемъ Бейбулата и муллы-Магомета, селенія изъявили покорность, часть ихъ была совершенно разрушена, жители потеряли много убитыми и ранеными, и большинство осталось безъ крова и продовольствія. Волненіе погасло. Отрядъ, при движеніи, расчистилъ раньше сдѣланныя просѣки, подѣлалъ новыя и вообще освѣтилъ часть Большой Чечни. Во всѣ три экспедиціи у насъ убито: 7 нижнихъ чиновъ; ранено 4 оберъ-офицера и 74 нижнихъ чина; контужено 3 оберъ-офицера и 15 нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа на долю Апшеронцевъ пришлось: *3 убитыхъ нижнихъ чина; 1 оберъ-офицеръ и 9 нижнихъ чиновъ раненыхъ.*

Въ 1826 году, вмѣсто подполковника Нагаткина, командиромъ полка назначенъ полковникъ Петръ Григорьевичъ Мищенко.

Въ 1826 году Персія рѣшила начать войну съ Россіей. Не будемъ касаться здѣсь причинъ, вызвавшихъ эту войну, но скажемъ только, что русское правительство не подало къ ней ни малѣйшаго повда. Открывая, безъ формальнаго разрыва, военныя дѣйствія, пер-

сіяне сильно расчитывали на поддержку со стороны масульманскихъ провинцій Закавказья и народовъ Дагестана.

Дагестанъ въ политическомъ отношеніи дѣлился на подвластный или мирный и на вольный. Подъ именемъ «мирнаго» разумѣлись деревни, лежавшія на низменности въ владѣніяхъ шамхала въ Каракайтагѣ, Табасарани и Кюрагѣ, вся Куба и округи, простиравшіеся отъ нея на югъ и востокъ. «Подвластнымъ» Дагестаномъ назывались гористыя земли на западъ отъ мирныхъ, населенныя многочисленными независимыми племенами. «Вольный» Дагестанъ управлялся совѣтомъ, или старшинами, подвластный же — русскими комендантами, какъ напр. Куба и окрестности Дербента; шамхаломъ Абу-Муселиманъ Шамхальскія земли, Асланъ-ханомъ—Кюринское и Казикумухское ханства и беками—Табасарань и Каракайтахъ. Вліяніе на народъ владѣтелей не простиралось далеко, и дагестанцы, населяя преимущественно плодоноснѣйшія земли, въ самомъ лучшемъ климатѣ, являлись народомъ зажиточнымъ, до чрезвычайности воинственнымъ, привязаннымъ къ свободѣ, и мало покорнымъ властямъ, какъ и всѣ вообще горцы. Отсюда можно заключить о степени довѣренности русскихъ къ преданности такого народа. Впрочемъ, дагестанцы одинаково не любили ни персіянъ, ни русскихъ, ни турокъ, предпочитая имъ всѣмъ только свою свободу. Послѣ перваго покоренія Дагестана, ханы кубинскій, казикумухскій, ширванскій, карабаесхій и бакинскій, съ своими приверженцами, бѣжали въ Персію; впослѣдствіи и многіе другіе значительныя лица, недовольные русскимъ правительствомъ, обуздывавшимъ ихъ своеволье, также скрывались повременамъ за границу и, потерявъ надежду когда-либо возвратиться на родину, унесли съ собою вѣчную къ намъ ненависть. Этихъ-то людей персіяне и употребили для возмущенія въ 1826 г. Дагестана, и безъ того мало намъ преданнаго. Они справедливо полагали, что бѣглецы, возвратясь въ отечество, гдѣ у нихъ были родные и друзья, легко найдутъ себѣ единомышленниковъ, обольстятъ обѣщаніями мирныхъ, и весь край подымутъ на русскихъ. Послѣдствія доказали, что персіяне хоть на этотъ разъ не совсѣмъ ошиблись. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1826 года замѣтна была первая перемѣна въ расположеніи дагестанцевъ: беки и важнѣйшіе люди, подъ благовидными предлогами, часто собирались вмѣстѣ для совѣщаній.

Военно-окружный начальникъ Дагестана, генералъ-маіоръ фонъ-Краббе, приказалъ частнымъ начальникамъ наблюдать осторожность и подозрительныхъ людей забирать подъ стражу. Такія благоразумныя мѣры, хотя и не успокоили жителей, но удержали ихъ отъ явнаго возстанія, не смотря на разсѣянныхъ по Дагестану персидскихъ агентовъ, которые въ полномъ смыслѣ дѣйствовали по письмамъ своего правительства. Въ это время, именно: въ апрѣлѣ 1826 г., войска, находившіяся въ Дагестанѣ, расположены были слѣдующимъ образомъ: въ крѣпости Бурной стоялъ баталіонъ Куринскаго полка и 2 орудія 3-й легкой роты; въ Великентѣ—рота Куринскаго полка и орудіе 3-й легкой роты; въ Дербентѣ—6 ротъ Куринскаго полка и три орудія 3-й легкой роты; въ Новой Кубѣ — 7 ротъ Апшеронцевъ, 5 орудій 3-й легкой роты и 2 орудія 5-й резервной батарейной; въ Шемахѣ — рота Апшеронскаго полка, двѣ роты 42-го Егерскаго и 4 орудія 5-й Батарейной. Донской Семенченкова полкъ размѣщенъ былъ на постахъ по всему Дагестану; въ Дербентѣ и крѣпости Баку находились гарнизонные баталіоны; въ Лѣнкорани — Каспійскій морской баталіонъ и часть Донскаго Молчанова полка, а 2-й Апшеронскій баталіонъ оставался на линіи. Въ маѣ и іюнѣ колебаніе умовъ въ Дагестанѣ усилилось; почти всѣ беки были подозрѣваемы въ измѣнѣ; вольные дагестанцы приготовлялись къ нападенію на мирныхъ табасаранцевъ и имѣли съ ними перестрѣлки. Однако войска наши оставались на своихъ квартирахъ. Начальство не считало нужнымъ выводить ихъ противъ собиравшихся горцевъ.

потому что мѣсто сборища не было дѣйствительно извѣстно и, кромѣ того, мирные жители, подкрѣпленные Асланъ-Ханомъ Казикумухскимъ, сами могли обороняться. Абдулла-Бекъ-Эрсинскій тотчасъ присталъ къ бунтовщикамъ. Имѣя большой вѣсъ въ народѣ, онъ могъ бы надѣлать намъ много бѣдъ, но внезапная смерть положила предѣлъ всѣмъ его замысламъ. Дагестанцы, такъ много разсчитывавшіе на Абдулла-Бека, съ смертію его упали духомъ. На время спокойствіе въ Дагестанѣ водворилось, но зато въ Талышахъ возникли безпорядки. Миръ-Гасанъ-Ханъ-Талышинскій, конечно, знавшій о движеніи персидскихъ войскъ въ наши предѣлы, скрылся 4-го іюля изъ Ленкорани, сжегши баталіонную мельницу и ранивъ 2 рядовыхъ. Нетерпимый своими подданными за жестокости и не найдя себѣ достаточно послѣдователей, онъ ничего не могъ предпринять противъ ленкоранскаго гарнизона, и ограничился лишь разсылкою прибывшихъ партій наминцевъ, зуванцевъ и дрыхцевъ, для истребленія отдѣльныхъ командъ. Отъ Каспійскаго морскаго баталіона, охранявшаго Талыши и расположеннаго подлѣ Ленкорани,—штабъ котораго, казармы и дома обывателей находились внѣ укрѣпленія, были выставлены посты въ Астарѣ, въ деревняхъ Кизилъ-Агачѣ, Аркеванѣ и Гермѣ. Всѣ эти посты, учрежденные со времени Гюлистанскаго мира, оставались до 1826 года, не смотря на свои неудобства; такъ напримѣръ, Герминскій постъ отстоялъ отъ Ленкорани на 150 верстъ и слѣдовательно, въ случаѣ возстанія провинціи, подкрѣпить его было затруднительно.

16-го іюля непріятель осадилъ Ленкорань; послѣ двухъ недѣль упорной обороны, командиръ Каспійскаго морскаго баталіона, маіоръ Ильинскій, очистилъ крѣпость и отступилъ на островъ Сару.

Персіяне открыли военныя дѣйствія вторженіемъ въ наши предѣлы со стороны Эривани и Карабага; въ Ширванскую же провинцію двинулся съ частью войскъ бывшій ханъ ширванскій Мустафа.

Узнавъ о появленіи непріятеля въ Ширвани, корпусный командиръ предписалъ генералъ-маіору фонъ-Краббе сформировать отрядъ, возможно большей численности, и направиться съ нимъ въ Старую Шемаху; для охраненія спокойствія въ Дагестанѣ, въ кр. Бурной и г. Дербентѣ оставлено по одному баталіону съ женатыми ротами. 10-го іюля, генералъ Краббе — съ 3-й гренадерской, 7-й и 8-й мушкетерскими ротами Апшеронскаго полка и 300 чел. кубинской милиціи, при 3 орудіяхъ — выступилъ изъ Кубы; 23-го числа онъ прибылъ въ Шемаху, а 25-го перешелъ съ отрядомъ къ с. Керкенчу.

Въ это время вся Ширванская провинція находилась уже въ полномъ возстаніи, и настолько сильно было вліяніе Мустафа Хана Ширванскаго, что, когда генералъ Краббе нѣкоторымъ ширванскимъ бекомъ, явившимся съ предложеніемъ услугъ, приказалъ противодѣйствовать замысламъ бывшаго хана, то они уѣхали изъ лагеря и болѣе не показывались. По прибытіи въ Шемаху, для рекогносцировки расположенныхъ на р. Аксу, непріятельскихъ силъ, Краббе отрядилъ кубинскую конницу; но она, встрѣтивъ тамъ значительныя толпы возмутившихся жителей и персіянъ, возвратилась, не вступая въ дѣло. Тѣмъ временемъ получено было извѣстіе, что отъ Баку двигается другой значительный непріятельскій отрядъ и, жители Шемахи пришли въ страшное смятеніе, такъ что для успокоенія ихъ и заготовки запасовъ продовольствія, въ чемъ очень нуждались войска, Краббе возвратился изъ Киркенча въ этотъ городъ и, 28-го іюля, обезоружилъ здѣсь всѣхъ обывателей магометанскаго закона.

31-го числа, появившіяся верстахъ въ 7-ми отъ Шемахи, около р. Пирсагата, четыре конныхъ партіи кобристанцевъ, напали на команду 42-го егерскаго полка, оставленную на мельницѣ для перемалыванія зерна, и убили 4-хъ нижнихъ чиновъ. Это обстоятельство

послужило поводомъ отряду генерала Краббе къ началу военныхъ дѣйствій съ непріятелемъ.

1-го августа, когда въ Шемаху прибыли рота Куринскаго полка и сотня казаковъ, при одномъ орудіи начальникъ отряда рѣшилъ перейти въ направленія, съ тѣмъ, чтобы, двинувшись къ р. Аксу, атаковать скопище Мустафы-Хана и добыть продовольствія.

Въ ночь на 3-е августа, выступилъ изъ Шемахи, отрядъ, въ составѣ: 3-хъ ротъ Апшеронскаго и одной Куринскаго полковъ, 400 человѣкъ конницы изъ казаковъ и кубинцевъ, при 4-хъ орудіяхъ. На разсвѣтѣ, когда войска наши спустились съ горъ къ р. Аксу, около 200 человѣкъ непріятельской конницы вышли-было имъ на встрѣчу но, не завязывая перестрѣлки, отступили къ с. Шихъ-Мизиту. Отрядъ безостановочно продолжалъ наступленіе; села по рѣкѣ оказались покинутыми жителями, ушедшими съ Мустафой на высоты Кейны, верстахъ въ 4-хъ отъ Шихъ-Мизита, они угнали съ собою весь скотъ, такъ что наша конница успѣла отбить только 80 штукъ. Перейдя черезъ Аксу, отрядъ расположился лагеремъ у Шихъ-Мизита. Сильное утомленіе солдатъ, вслѣдствіе большой жары и труднаго перехода, не позволило генералу Краббе тотчасъ же атаковать противника, что и предположено было сдѣлать на другой день. Въ 3 часа пополудни съ Кейны спустилась конная партія до 500 человѣкъ и остановилась верстахъ въ 3-хъ отъ мѣста расположенія нашего отряда; на встрѣчу ей генералъ Краббе выслалъ при одномъ орудіи 8-ю роту Апшеронцевъ. Послѣ нѣсколько неудачныхъ атакъ, отражаемыхъ стрѣлками и картечью, непріятель отступилъ внизъ по Аксу и бросился на нашъ лагерь, но и отсюда былъ прогнанъ огнемъ орудій. Между тѣмъ съ высоты спустилась другая партія; пройдя скрытно садами, она бросилась-было съ фланга на 8-ю роту Апшеронцевъ; но, встрѣченная дружнымъ ружейнымъ огнемъ, скоро отступила. Ночью Мустафа-Ханъ нѣсколько разъ производилъ нападенія на лагерь, но отбиваемый, не имѣлъ никакого успѣха.

Въ 7 часовъ утра, 4-го августа, съ высоты спустилось нѣсколько партій, противъ которыхъ была двинута 3-я гренадерская рота Апшеронцевъ и рота Куринскаго полка, при 2-хъ орудіяхъ, подъ командою поручика Кишинскаго; однако, потерпѣвъ наканунѣ сильный уронъ, непріятель уже не рѣшался близко подходить къ войскамъ. Слѣдующіе два дня, 5-го и 6-го августа, Мустафа-ханъ ничего не предпринималъ противъ отряда, несмотря на прибывшія партіи кобристанцевъ, увеличившія его скопище уже до 7,000 человѣкъ. 6-го августа ханъ перевелъ свой лагерь за высоты, къ армянской деревнѣ Герджеванъ, а на Кейнахъ оставилъ 2,000 конницы.

По уходѣ нашихъ войскъ изъ Шемахи непріятель произвелъ нападеніе на городъ; атаковавъ 3-го числа нашу татарскую конницу, въ помощь которой комендантъ города, маіоръ фонъ-Ашенбергъ, выслалъ роту пѣхоты, противникъ успѣлъ разломать всѣ мельницы по р. Порсагату, вслѣдствіе чего войска лишились возможности продовольствовать себя. Получивъ донесеніе о происшедшемъ, генералъ Краббе хотя и приказалъ собрать и смолоть все зерно, брошенное въ деревняхъ по Аксу, однако запасъ провіанта оказался настолько не значителенъ, что его едва могло хватить на время отступленія отряда въ Кубинскую провинцію. Между тѣмъ такое отступленіе, въ виду получаемыхъ изъ Дагестана тревожныхъ извѣстій, являлось неизбѣжнымъ, потому что, оказывалось, возмутился Бармакскій магалъ, во владѣніяхъ Асланъ-хана появился изгнанный въ 1820 году Сурхай-ханъ, а въ Табасарани возникали безпорядки. Но прежде, чѣмъ оставить Ширванскую провинцію, генералъ Краббе рѣшилъ разбить скопище Мустафы, въ надеждѣ, что хотя часть жителей Ширвана изъявитъ тогда покорность. Послѣднее обстоятельство имѣло чрезвычайно важное значеніе: у отряда не было подводъ и онъ могъ только получить ихъ отъ жителей, между тѣмъ какъ въ Шемахѣ

находились 302 человѣка больныхъ и 1-я гренадерская рота Апшеронскаго полка, со всѣми тяжестями, которыя необходимо надлежало взять. 7-го августа въ Шемаху пришелъ послѣдній резервъ отряда, — 2 роты Куринскаго полка съ двумя орудіями. По прибытіи ихъ, Краббе предписалъ маіору фонъ-Ашенбергу выслать двѣ роты 42-го егерскаго полка, съ двумя орудіями и часть кубинской конницы къ дер. Герджевану, чтобы отъ ея тѣснить непріятеля; одновременно съ этимъ предполагалось атаковать высоты Кейны съ фронта.

На разсвѣтѣ, 8-го августа, начальникъ отряда, извѣстясь, что егерскія роты съ орудіями уже выступили къ Герджевану, рѣшилъ немедленно начать атаку Кейны, для чего назначилъ 3-ю гренадерскую роту Апшеронскаго и роту Куринскаго полковъ съ двумя орудіями и частью конницы. Выступивъ изъ лагеря въ 8 часовъ утра, пѣхота подошла къ находящемуся въ 7 верстахъ отъ лагеря сел. Баяту, со стороны котораго подъемъ на Кейны не представлялъ большихъ трудностей. Войска наши встрѣченныя въ Баятѣ спустившимися съ высотъ толпами непріятельской конницы, выбили отсюда противника и направились въ атаку высотъ. Нѣсколько разъ мятежники пытались остановить роты, бросаясь въ шашки, но всѣ ихъ усилія разбивались о мужество и стойкость Апшеронцевъ и Куринцевъ. Совершенно разбитый и потерявъ много убитыми и ранеными, непріятель бросился съ Кейны къ дер. Герджевану, у которой, между тѣмъ, подошедшія егерскія роты, встрѣченныя частью скопища Мустафы-хана, стойко держались до тѣхъ поръ, пока войска атаковавшія Кейны не овладѣли высотами. Увидя ихъ, Мустафа со всѣмъ сбродомъ бѣжалъ, бросивъ весь свой лагерь, который послѣ того заняла Апшеронская рота. Въ дѣлѣ 8-го августа наша потеря заключалась: въ 21 нижнемъ чинѣ убитыми, 3 оберъ-офицерахъ (въ томъ числѣ Апшеронскаго полка *прапорщикъ Перликъ)* и 31 нижнемъ чинѣ ранеными; контужены — 1 оберъ-офицеръ и 6 нижнихъ чиновъ. Уронъ противника былъ свыше 250 человѣкъ. Послѣ боя роты возвратились въ лагерь. 10-го числа получено свѣдѣніе, что непріятельскія толпы расположились близъ рѣчки Гардомака, протекавшей въ 12 верстахъ отъ Шихъ-Мизита. Генералъ Краббе выслалъ туда 3-ю гренадерскую и 7-ю мушкетерскія роты Апшеронскаго полка, при 2-хъ орудіяхъ и ста человѣкахъ конницы; но роты здѣсь никого не нашли и возвратились въ лагерь. Къ сожалѣнію, надежды генерала Краббе не сбылись: несмотря на полное пораженіе скопища Мустафы-хана, ни одинъ изъ жителей однако не изъявилъ покорности, — до такой степени сильно было вліяніе на народъ бывшаго хана, увѣрявшаго въ скоромъ прибытіи персидскихъ войскъ.

11-го числа отрядъ выступилъ изъ Шихъ-Мизита и на другой день прибылъ въ Шемаху; давъ войскамъ трехдневный отдыхъ, Краббе покинулъ городъ и направился въ Кубинскую провинцію.

При отступленіи отрядъ имѣлъ всего только 30 арбъ, привезенныхъ еще изъ Кубинской провинціи, и 50 вьючныхъ лошадей, собранныхъ съ большимъ трудомъ въ ближайшихъ деревняхъ. Для подъема больныхъ, генералъ Краббе вынужденъ былъ бросить тяжести нѣкоторыхъ ротъ (въ томъ числѣ 1-й гренадерской Апшеронскаго полка), напримѣръ, старые мундиры, шаровары и аммуницію; прочія же неважныя вещи сожжены. Переночевавъ на Персагатѣ, отрядъ, 16-го числа, пришелъ къ рѣкѣ Чаколь-чаю. Проходя отъ Персагата узкимъ ущельемъ, войска были встрѣчены непріятелемъ, появившимся на горахъ и вступившимъ въ перестрѣлку съ нашей конницей; вслѣдъ затѣмъ онъ спустился съ горъ съ правой стороны дороги и, пользуясь выгодами мѣстности, нѣсколько разъ бросался на стрѣлковыя цѣпи, прикрывавшія обозъ и больныхъ; но всѣ атаки были отбиты и непріятель понесъ уронъ. Въ этотъ день потеря наша состояла изъ двухъ раненыхъ: одного оберъ-офицера и одного нижняго чина.

*

17-го августа отрядъ достигъ до Алты-Агача, а 18-го числа перешелъ къ дер. Алязу, гдѣ и былъ встрѣченъ колонною маіора Марченки, — изъ роты Апшеронскаго полка и 300 человѣкъ Казикумухской конницы, при 2-хъ орудіяхъ, высланную изъ Кубы командиромъ Апшеронскаго полка полковникомъ Мищенко, по случаю возмущенія въ Бармакскомъ магалѣ. Такъ какъ отъ рѣчки Аляза до р. Атто-чая два большихъ моста были уничтожены непріятелемъ, то, для исправленія дороги, генералъ Краббе послалъ съ ротой маіора Марченко. Всѣ деревни, расположенныя по правую сторону Атто-чая, передались сыну бѣжавшаго въ Персію Шихъ-Али-Хана Кубинскаго; жители же лѣваго берега рѣки, хотя явно и не измѣнили намъ, однако втайнѣ снабжали продовольствіемъ толпы мятежниковъ и давали убѣжище измѣнникамъ. Деревни на правомъ берегу оказались покинуты обывателями, которые всѣ находились съ бунтовщиками близъ Хизы, въ укрѣпленномъ мѣстѣ, называемомъ Серкеръ, куда и свезли большіе запасы провіанта и фуража. Отрядъ истребилъ деревню Алязъ и лежащую около нея Муганлы; изъ нѣкоторой же части барманскихъ деревень, лежащихъ по лѣвую сторону Атто-чая, къ Краббе явились нѣсколько старшинъ съ увѣреніями въ преданности.

19-го числа войска перешли къ р. Атто-чаю, гдѣ генералъ Краббе оставилъ 7 ротъ Апшеронцевъ, 7 орудій и часть конницы, подъ командою маіора Апшеронскаго полка Марченки, а самъ съ обозомъ больныхъ, подъ прикрытіемъ двухъ Апшеронскихъ ротъ, двухъ орудій и остальной конницы направился въ городъ Кубу, куда и прибылъ 24-го августа [3].

Отрядъ Марченки 21-го августа прошелъ къ деревнѣ Хизы и, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, сталъ лагеремъ между нею и Карыбаномъ. На другой день изъ лѣсистаго ущелья, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Ангелякъ, къ Карыбану вышелъ на фуражировку сынъ Али-хана. Маіоръ Марченко выдвинулъ противъ него двѣ роты съ двумя орудіями, которыя тотчасъ же вступили въ дѣло съ усилившимся по опушкѣ лѣса непріятелемъ. Подкрѣпленный новыми силами Али-ханъ занялъ было Карыбанъ, но, не смотря на упорную защиту деревни, онъ былъ оттуда выбитъ и преслѣдуемъ до самаго ущелья, гдѣ и запертъ, хотя, слѣдуетъ замѣтить, атака малодоступнаго убѣжища бунтовщиковъ сопрягалась съ большимъ рискомъ. Нашъ лагерь при Хизѣ представлялъ много выгодъ: люди и лошади наши продовольствовались хлѣбомъ, брошеннымъ жителями въ ближайшихъ деревняхъ, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ являлось весьма важнымъ подспорьемъ, ибо въ провіантѣ начиналъ сказываться недостатокъ во всемъ Дагестанѣ, и солдаты по большей части получали половинную дачу хлѣба, а другую половину замѣняли иногда мясною порціею. Къ осени войска могли остаться совсѣмъ безъ продовольствія, если бы генералъ Краббе не вытребовалъ заблаговременно моремъ отъ Астраханскаго губернатора 25.000 четвертей муки, первый подвозъ которой послѣдовалъ въ концѣ сентября. Сверхъ выгодъ продовольствія, отрядъ стоялъ на такомъ пунктѣ, откуда дороги бакинская и идущая изъ Шемахи чрезъ Алты-Агачъ, находилась въ нашихъ рукахъ, и пикеты, выставленные на высотахъ, наблюдали ихъ на большое пространство. Отрядъ оставался на мѣстѣ до 6-го сентября, держа въ страхѣ обывателей и фуражируя по полямъ. Найдя въ оставленныхъ деревняхъ довольно большой запасъ провіанта, маіоръ Марченко отправилъ часть его въ Дивичинскій магазинъ, прикрытый двумя ротами и двумя орудіями. 6-го сентября, когда получено достовѣрное извѣстіе о движеніи персидскихъ войскъ изъ Шемахи по Алты-ачагской дорогѣ, отрядъ, того же числа, вечеромъ выступилъ изъ Хизы, а на другой день прибылъ къ рѣкѣ Гильгени; 8-го числа Марченко подошелъ къ Кизилъ-Агачу и нашелъ высоты деревни заня-

---

3) Дѣло № 22. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

тыми бунтовщиками, которые, послѣ незначительной перестрѣлки покинули свою позицію, и на ней лагеремъ расположился отрядъ. 9-го сентября въ Дивичахъ Марченкой поставлены рота и орудіе изъ отряда, вмѣсто двухъ ротъ и двухъ орудій, выступившихъ въ Старую Кубу, требовавшую бдительнаго надзора, вслѣдствіе бунта въ провинціи и Табасарани. Въ Казикумухѣ и Аваріи Сурхай-Ханъ набралъ большую партію и угрожалъ Асланъ-Хану. По своему уму и предпріимчивости Сурхай оказывался опаснымъ для спокойствія края; но въ первыхъ числахъ октября онъ умеръ, и Асланъ-Ханъ, разбивъ его единомышленниковъ, возстановилъ спокойствіе въ Кюрагѣ. Марченко выступилъ изъ лагеря и, пройдя вверхъ по рѣкѣ Гильгены, атаковалъ непріятеля, засѣвшаго въ деревнѣ Джанговъ; храбрая оборона не принесла никакой пользы и селеніе взято штыками. 12-го числа на Алты-агачской дорогѣ усмотрѣнъ былъ персидскій лагерь, а зоревые выстрѣлы разсѣяли всякія сомнѣнія въ дѣйствительномъ наступленіи сарвазовъ; теперь приходилось лишь спѣшить сосредоточеніемъ войскъ для защиты Кубы. Поэтому маіоръ Марченко, присоединивъ къ себѣ роту и орудіе съ Дивичей, двинулся въ Кубу.

Хотя до того времени Дагестанскій отрядъ былъ довольно растянутъ, но такое обстоятельство не только не вредило дѣлу, а напротивъ приносило своего рода выгоды: пребываніе повсюду русскихъ увеличивало въ глазахъ жителей дѣйствительную наличность войскъ, много способствовало къ лучшему продовольствію и придавало болѣе бодрости людямъ преданнымъ нашему правительству, у котораго они находили защиту своей собственности.

При отступленіи, въ аріергардѣ шла 1-я гренадерская рота, подъ командою поручика Костырки. Когда колонна, недалеко отъ Кубы, втянулась въ одно изъ ущелій, то персидскія войска атаковали аріергардъ, но поручикъ Костырко, отбивъ нападеніе ружейнымъ огнемъ, повелъ роту въ штыки, и Апшеронцы, съ этимъ офицеромъ и прапорщикомъ Кургановымъ во главѣ, бросились на непріятеля, смяли и обратили его въ бѣгство[4].

По прибытіи отряда Марченки въ Кубу, здѣсь собралось 10 ротъ и 9 орудій; въ Новой-Кубѣ находилось 5 ротъ и 4 орудія, а въ Кабирѣ — рота и орудіе, для поддержанія Асланъ-Хана. Того же числа разъѣзды открыли приближавшагося отъ Ханъ-Балинскаго поста непріятеля, авангардъ котораго быстро, но безуспѣшно атаковалъ пѣхотный постъ въ маломъ Ханскомъ саду. Подкрѣпивъ бѣгущихъ, непріятель вытянулся-было по хребту горы; но двѣ роты обошли его и штыками опрокинули назадъ. Тогда же узнали, что Шахъ-Заде, съ 4,000 сарвазовъ и 5 орудіями, остановился у деревни Пирвачи въ 12-ти верстахъ, а 600 чел. конницы, у Ханскаго сада — въ 6—7 верстахъ отъ города. По прибытіи сарвазовъ, вся Кубинская провинція взбунтовалась и прервалось сообщеніе съ Дербентомъ. Новая-Куба, или Кусары, по своему мѣстоположенію, представляетъ много удобствъ для частной жизни, что и послужило къ основанію тамъ штаба Апшеронскаго полка; но окружающія ее лѣсистыя горы стѣсняли движеніе войскъ. Поэтому, прибывъ въ Кусары, генералъ Краббе рѣшилъ временно оставить штабъ-квартиру, разсчитывая, что удержаніе Старой Кубы имѣетъ несравненно болѣе выгодъ, такъ какъ: во-первыхъ, послѣдняя представляла больше удобствъ въ военномъ отношеніи; во-вторыхъ, сохраненіе города долженствовало сильно подѣйствовать на умы обывателей края, полагавшихъ, что отряду придется неизбѣжно отступить за Самуръ, и въ-третьихъ, возвращеніе войскъ изъ Кусаръ являлось въ нѣкоторомъ родѣ наступленіемъ, много способствовавшимъ къ упадку духа у непріятеля. Однако переходъ изъ Новой-Кубы сопрягался съ большими затрудненіями: масса пол-

4) Дѣло № 151. 1-го отд. дежурства. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

ковыхъ тяжестей, 600 человѣкъ больныхъ, солдатскія жены, имущество и узкая лѣсистая дорога, по которой все это неминуемо должно было растянуться, могли повлечь за собою множество непріятныхъ случайностей, при нападеніи непріятеля. Впрочемъ, благодаря заранѣе принятымъ разумнымъ мѣрамъ, всѣ покушенія противника на транспортъ не имѣли успѣха, и 27 сентября онъ прибылъ въ Старую-Кубу въ ту минуту, какъ непріятель, атаковавшій городъ съ трехъ сторонъ, былъ отбитъ съ урономъ. Въ перестрѣлкахъ за все это время съ нашей стороны убито 11 и ранено 35-ть человѣкъ. Движеніе войскъ изъ Кусаръ и соединеніе ихъ въ Старой-Кубѣ показало врагу готовность нашу выступить противъ него, что и было бы исполнено; къ сожалѣнію, только благодаря безпрерывнымъ дождямъ и грязи, артиллерія не могла сдѣлать ни шагу. Когда толпы возмутившихся жителей и персіянъ узнали о намѣреніи гарнизона перейти въ наступленіе и о пораженіи персидской арміи подъ Елисаветполемъ, то въ ночь на 24-е сентября отступили по Бакинской дорогѣ и, притомъ такъ быстро, что 27 числа непріятель ночевалъ уже у Арбатскаго поста.

Ермоловъ, получивъ донесеніе объ оставленіи Ширванской провинціи, остался этимъ весьма недоволенъ и предписалъ генералу Краббе вновь двинуться противъ Мустафы-хана. Фонъ-Краббе отправилъ въ Ширванъ отрядъ изъ 6 ротъ Апшеронскаго, 2 ротъ Куринскаго полковъ, при 8 орудіяхъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка полковника Мищенки. Главную силу отряда составляла пѣхота, численность коей простиралась до 1,678 человѣкъ, потому что находившаяся сотня казаковъ имѣла весьма изнуренныхъ лошадей. Въ странѣ, черезъ которую шли войска, замѣчались слѣды полнаго разоренія, и жители разбѣжались по лѣсамъ и камышамъ; весь Бармакскій магалъ поднялся противъ русскихъ и большая часть бармакцевъ послѣдовала за бунтовщикомъ Султанъ-Ахметомъ. Постепенно возстановляя порядокъ и спокойствіе въ мѣстахъ слѣдованія отряда, полковникъ Мищенко въ то же время дѣятельно запасался фуражемъ. Удобнѣйшій и ближайшій путь въ Ширванскую провинцію шелъ по Ахты-Агачской дорогѣ; но проливные, продолжавшіеся нѣсколько дней дожди сдѣлали путь совершенно неудобнымъ, и, поэтому, полковникъ Мищенко вынужденъ былъ повернуть на большую бакинскую почтовую дорогу. 3-го октября отрядъ выйдя изъ Даризарата, слѣдовалъ черезъ Хидерзинде къ Арбатскому посту, куда ожидалось прибытіе Каспійскаго морскаго баталіона и продовольственныхъ запасовъ для войскъ. Въ дѣйствительности же, 5-го числа въ Арбатъ пришли только двѣ роты съ 200 четвертей сухарей и муки. Оставивъ въ Арбатѣ всѣ тяжести и съ ними роты Каспійскаго баталіона, при одномъ орудіи, подъ начальствомъ маіора Карцова, Мищенко предписалъ ему, по приходѣ остальныхъ ротъ, возможно поспѣшнѣе слѣдовать къ Шемахѣ.

Послѣ полудня, 5-го числа, отрядъ выступилъ по большой дорогѣ въ Ширванскую провинцію, имѣя передъ собою всю конницу; командовавшій ею поручикъ Коргановъ, пріѣхавъ въ Маразинскій постъ, узналъ, что Мустафа-ханъ намѣревается оставить Шемаху. Вслѣдъ затѣмъ въ отрядъ явилось нѣсколько шемахинскихъ жителей съ просьбой о скорѣйшемъ занятіи города нашими войсками.

6-го октября отрядъ ночевалъ на Маразинскомъ посту, гдѣ ежечасно жители окрестныхъ деревень обращались къ полковику Мищенкѣ съ просьбами о прощеніи, и съ предложеніемъ услугъ для изгнанія изъ провинціи Мустафы. Разославъ повсюду прокламаціи съ приглашеніемъ ширванцевъ возвратиться въ свои дома, отрядный начальникъ послалъ впередъ конницу для открытія дороги, по которой бѣжалъ ханъ, а самъ двинулся къ Шемахѣ, куда и прибылъ 7-го числа. Отъ границъ Бакинской губерніи до Старой Шемахи, войска наши встрѣтили только одно кочевье, ушедшее отъ Мустафы, всѣ же остальныя кочевья кабристанцевъ ушли съ главаремъ измѣны.

Ширванская провинція находилась въ то время еще въ полномъ возстаніи и жители ея разбѣжались. Полковникъ Мищенко по возможности водворялъ здѣсь спокойствіе и порядокъ, разсылая повсюду успокоительныя воззванія; но отсюда не могъ немедленно выступить, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о мѣстѣ пребыванія Мустафы-хана и персидскихъ войскъ, и о положеніи дѣлъ въ сосѣдней Шекинской провинціи, и потому простоялъ въ Шемахѣ до 11-го октября. Оставшіеся намъ вѣрными ширванскіе беки, получившіе порученіе производить разъѣзды по р. Курѣ, плохо исполняли свои обязанности и дальше Аксу не проникали; вслѣдствіе чего, въ помощь имъ, былъ посланъ Каспійскаго морскаго баталіона капитанъ Перкинъ, который, при всемъ своемъ желаніи не могъ заставить бековъ идти далѣе 15 верстъ отъ Аксу, а одинъ нечаянный выстрѣлъ, произшедшій между ними же, положительно обратилъ ихъ всѣхъ въ бѣгство. Получивъ достовѣрныя извѣстія, что Мустафа съ своими полчищами и сарвазами расположился на правомъ берегу р. Куры, у Джеватской переправы, а дѣти бывшаго Шекинскаго Селимъ-хана все еще пребываютъ въ Шекинской провинціи и вооружаютъ противъ насъ народъ, полковникъ Мищенко рѣшилъ открыть дѣйствія и выгнать изъ нашихъ предѣловъ предводителя мятежа и тѣмъ сблизить себя съ войсками генералъ-адъютанта Паскевича. Оставивъ въ Шемахѣ двѣ роты Каспійскаго морскаго баталіона съ двумя орудіями, подъ командою маіора Карцева, наказавъ ему соблюдать осторожность и заняться печеніемъ для войскъ хлѣба, самъ начальникъ отряда, вечеромъ, 11-го октября выступилъ съ войсками изъ города.

Прибывъ 12-го числа въ Аксу, Мищенко подтвердилъ бекамъ приказаніе о содержаніи карауловъ по р. Курѣ и на границахъ Ширванской и Шекинской провинцій, и на другой день двинулся къ Джеватской переправѣ. Въ $3^{1}/_{2}$ часа пополудни, 14-го октября, отрядъ находился отъ нея въ 5 верстахъ. Раздѣливъ войска для атаки на двѣ колонны, Мищенко быстро двинулся впередъ. Непріятель, совершенно неожидавшій появленія русскихъ, пришелъ въ большое замѣшательство и открылъ безпорядочную стрѣльбу изъ 4-хъ имѣвшихся у него орудій, сарвазы же встрѣтили ружейнымъ огнемъ нашу конницу, высланную для обозрѣнія береговъ и самой переправы. Шедшія въ головѣ 1-я и 3-я гренадерскія роты Апшеронцевъ, бросились впередъ, заняли берегъ Куры и предмостье, а между тѣмъ конница отбила у непріятеля порядочное число скота, еще не переправленнаго на другой берегъ. Но противникъ успѣлъ перерубить канаты и, полковникъ Мищенко не рѣшился предпринять переправу ротъ по такому ненадежному мосту, которая, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ противника, являлась дѣломъ весьма рискованнымъ, и могла повлечь за собой большую потерю. Когда гренадеры заняли предмостье и лѣвый берегъ рѣки, то отрядный начальникъ, подъ прикрытіемъ огня остальныхъ ротъ, устроилъ батарею изъ 4-хъ орудій и открылъ изъ нея огонь. Тѣмъ не менѣе люди Мустафы-хана, хотя и съ большою потерею, успѣли перерубить канаты и мостъ теченіемъ рѣки былъ отнесенъ къ лѣвому берегу Куры. Видя себя временно обезпеченнымъ отъ переправы русскихъ войскъ на правый берегъ р. Куры, Мустафа усилилъ цѣпь сарвазовъ и открылъ сильный огонь по нашимъ стрѣлкамъ; скоро съ нашей батареи были подбиты два непріятельскія орудія, а вслѣдъ затѣмъ замолчали и двѣ другихъ пушки. Подъ покровомъ наступившій ночи и спустившагося густого тумана, толпы Мустафы-хана и отрядъ персидскихъ войскъ бѣжали, бросивъ большое количество убитыхъ тѣлъ. Наша потеря состояла изъ одного оберъ-офицера и 3-хъ рядовыхъ Апшеронскаго полка. Весь лагерь, множество зярядовъ и снарядовъ и шанцевый инструментъ достались побѣдителямъ, перешедшимъ на другой день на правый берегъ Куры, который совершенно не истребилъ непріятеля вслѣдствіе полной невозможности предпринять переправу 14-го числа.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня наши разъѣзды открыли безпорядочное бѣгство Мустафы съ его войскомъ. Возвратившіеся отъ бунтовщика поселяне принесли извѣстіе, что потеря непріятеля была очень велика, между ранеными находился и Суррабъ-ханъ — начальникъ сарвазовъ. Непріятель бѣжалъ по двумъ направленіямъ: регулярное войско — по дорогѣ къ Ардавилю, а Мустафа съ толпами своихъ приверженцевъ вверхъ по Араксу къ Карадегу. Ближайшимъ послѣдствіемъ пораженія Мустафы-хана при Джеватѣ явилось совершенное очищеніе Ширванской провинціи отъ мятежниковъ и водвореніе въ ней спокойствія. Въ Шекинской провинціи все еще находились дѣти Селимъ-хана. Чтобы выгнать ихъ оттуда, полковникъ Мищенко двинулся черезъ селеніе Ляки въ Кюрпикситъ. Одновременно въ Шеку съ отрядомъ направился и генералъ Ермоловъ, а 21-го октября, находясь уже около сел. Амикли, Мищенко узналъ, что Алексѣй Петровичъ вступилъ въ Нуху, а дѣти Селимъ-хана бѣжали. Считая безполезнымъ идти дальше, полковникъ Мищенко съ отрядомъ возвратился къ Джеватской переправѣ, гдѣ и расположился лагеремъ. Еще передъ движеніемъ въ Шекинскую провинцію, у Джевата оставлены были двѣ роты Куринскаго полка, подъ командою маіора Цыклаурова, получившаго приказаніе затопить всѣ лодки, на которыхъ наводился мостъ. Жители стали понемногу возвращаться въ свои селенія. Для охраненія провинціи разставлены посты, начиная отъ Альвента до Сальянъ, но неспособность и крайняя малочисленность татарской конницы, не могли въ достаточной степени обезпечитъ полученіе вѣрныхъ и скорыхъ свѣдѣній о появленіи и движеніи непріятеля.

Между тѣмъ приближалась зима. Извѣстно, что шахсеванцы, уходящіе всегда лѣтомъ изъ нашихъ предѣловъ въ Персію, зимою возвращаются на кочевья въ Муганскую степь. Въ виду этого, а также принимая во вниманіе и то обстоятельство, что шахсеванцы съ самаго начала Персидской войны являлись ярыми приверженцами персіянъ и дѣйствовали противъ насъ, генералъ Ермоловъ предписалъ полковнику Мищенкѣ дѣлать возможно частыя набѣги на ихъ кочевья; для обезпеченія успѣха въ томъ главнокомандующій присоединилъ къ отряду два казачьихъ полка. Положеніе дѣлъ въ Ширванѣ въ началѣ ноября представлялось вполнѣ удовлетворительнымъ: каждый день прибывавшіе жители водворялись въ своихъ селеніяхъ и край началъ оживляться. За то положеніе отряда полковника Мищенки было не завидно. Продовольствія для войскъ имѣлось такъ мало, что люди получали не полную дачу хлѣба, а мяса давно уже совсѣмъ не видѣли, узнавъ о семъ, генералъ Ермоловъ предписалъ генералъ-маіору Краббе немедленно доставить изъ Кубинской провинціи въ Старую Шемаху провіантъ и фуражъ; при недостаткѣ же казенныхъ запасовъ, произвести понудительный сборъ съ жителей Бармакскаго и Шобронскаго магаловъ, въ наказаніе за возмущеніе, и весь собранный провіантъ и фуражъ немедля отправить въ дѣйствующій отрядъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Алексѣй Петровичъ вышелъ съ отрядомъ изъ Ширвани, оставивъ тамъ Донскіе казачьи полки: полковниковъ Побѣднова и Грекова, при 4-хъ орудіяхъ конно-казачьей артиллеріи, стоянка которымъ назначена въ Сальянахъ, а Черноморскаго войска полкамъ Зайнчевскаго и Зербицкаго — въ Альвентѣ и Тилякоскнѣ. Всѣ 4-ре полка поступали подъ начальство полковника Мищенки. Затрудненіе въ продовольствіи фуражемъ заставляло держать лошадей на подножномъ корму, и только въ прибавку давать въ день по одному гарнцу ячменя на голову. Съ усиленнымъ такимъ образомъ отрядомъ Мищенко долженъ былъ дѣйствовать противъ кочевниковъ; предполагаемыя дѣйствія надлежало открыть не раньше двадцатыхъ чиселъ декабря, т. е. когда кочевья приблизятся къ рѣчкѣ Балгорѣ, протекавшей по Муганской степи[5]. Въ виду того, что генералъ-лейтенантъ Мадатовъ находился

[5]) Предписаніе Ермолова полковнику Мищенкѣ отъ 27-го ноября № 514.

съ отрядомъ въ Шекинской провинціи, Ермоловъ предписалъ послѣднему двинуться въ Ширванъ и тамъ, совмѣстно съ полковникомъ Мищенкой, дѣйствовать противъ кочевьевъ. Въ началѣ декабря кочевья прибыли въ Муганскую степь и расположились такимъ образомъ: Ширванское съ Мустафой-ханомъ — въ Саракамышѣ, Шакюръ-Ага съ шахсеванцами — на Хоргозли и Ахдышлярѣ; Талышенское кочевье на Караянъ-чаѣ, Гомашаранъ-чаѣ и Чандыръ-чаѣ. Регулярныя войска — 400 сарвазовъ и два орудія — находились въ Ардавилѣ [6].

28-го декабря, отрядъ полковника Мищенки направился въ Карабахъ, гдѣ соединился съ княземъ Мадатовымъ, и по 17-е января дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Ширванской провинціи и за Араксомъ, послѣ чего возвратился въ Старую Шемаху.

Въ началѣ 1827 года полкъ расположенъ былъ слѣдующимъ образомъ: 2-й баталіонъ, подъ командою маіора Шести—на Кавказской линіи, 2 роты 1-го баталіона и женатая рота въ Кубѣ; 3-й баталіонъ и другія двѣ роты 1-го баталіона — въ Ширванской провинціи.

Въ февралѣ, по приказанію генерала Ермолова, 3-я гренадерская и 9-я мушкетерскія роты выступили изъ Шемахи въ сел. Зардобъ, а 3-я мушкетерская—въ сел. Ахсу. Въ мартѣ 1-я гренадерская и 9-я мушкетерскія роты, подъ командою маіора Рябинина, двинулись въ гор. Кубу; такимъ образомъ для военныхъ дѣйствій оставлены въ Ширванской провинціи 3-я гренадерская, 3-я, 7-я и 9-я мушкетерскія роты; изъ нихъ 3-я и 7-я мушкетерскія роты расположены были въ Стар. Шемахѣ, а 3-я гренадерская и 9-я мушкетерская — въ сел. Пиразахъ—Шекинской провинціи, для прикрытія транспортовъ съ провіантомъ, направляемыхъ изъ Ширвани и другихъ мѣстъ.

Въ маѣ военныя обстоятельства потребовали усиленія гарнизоновъ Нухи, куда и двинуты 3-я гренадерская и 9-я мушкетерская роты. 2-й баталіонъ полка стоялъ въ селеніи Ташъ-Кичу; въ іюнѣ мѣсяцѣ, согласно предписанія начальника Кавказской линіи генералъ-маіора Энгельгардта 3-го, маіоръ Шестя съ 5-й и 6-й мушкетерскими ротами выступилъ въ крѣпость Бурную.

Война съ Персіей продолжалась; но въ первое полугодіе 1827 года непріятель не появлялся въ провинціяхъ Бакинской, Ширванской и Шекинской, и только въ концѣ іюня стали носиться слухи, что персіяне намѣреваются въ большомъ числѣ переправиться черезъ р. Куру и наброситься на Ширванскую провинцію и мѣстечко Сальяны. Извѣстія эти имѣли настолько вѣроятія, что потребовали усиленія войска въ Ширвани. Въ числѣ пришедшихъ сюда частей находились 2 гренадерскія и 4 мушкетерскія роты Апшеронскаго полка, которыя въ началѣ іюля отправлены на усиленіе гарнизона въ Сальянахъ. Другія двѣ роты 2-го баталіона прибыли въ Старую Кубу.

20-го іюля отрядъ, въ составъ котораго входила одна рота Апшеронскаго полка, двинулся, подъ командою полковника Кромина, изъ сел. Сальянъ въ Муганскую степь, гдѣ появились значительныя силы персіянъ. Цѣль движенія заключалась въ томъ, чтобы изгнать непріятеля и тѣмъ самымъ обезопасить сплавъ транспортовъ съ провіантомъ по Курѣ изъ сел. Сальянъ въ Зардобъ. Движеніе отряда увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, причемъ отбито много скота и жители до 20 селеній возвратились на мѣста своей осѣдлости. 24-го іюля, направляясь назадъ, въ Сальяны, отрядъ встрѣтилъ близъ урочища Тахта-чай непріятеля, одна толпа котораго завела перестрѣлку съ цѣпью, между тѣмъ какъ другая бросилась-было отбивать скотъ; но, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, противникъ уже не рисковалъ близко подходить къ отряду.

Въ сентябрѣ 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская роты стояли въ Сѣверовосточномъ

---

[6] Донесеніе полковника Мищенки отъ 30-го ноября № 436.

Банкѣ; 3-я гренадерская и 9-я мушкетерская — въ Нухѣ; 1-я гренадерская, 2-я и 8-я мушкетерскія — въ Старой Кубѣ, и остальныя мушкетерскія: — 7-я — въ Шемахѣ, 3-я — въ Сальянахъ; 5-я и 6-я — въ кр. Бурной и 1-я рота — въ Кибирѣ.

Въ ноябрѣ мѣсторасположеніе частей полка измѣнилось и роты размѣстились такимъ образомъ: 3-я мушкетерская — въ с. Мюсюрахъ (въ 8 вер. отъ Стар. Шемахи), 7-я — въ Данаслахъ (въ 3-хъ вер. отъ Шемахи), 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская — на Сѣверо-восточномъ Банкѣ, 3-я гренадерская и 9-я мушкетерская — въ Нухѣ; 1-я гренадерская, 2-я и 8-я мушкетерскія — въ Старой Кубѣ; 5-я и 6-я мушкетерскія — въ кр. Бурной и 1-я мушкетерская — въ сел. Кибирѣ [7]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1828 года весь полкъ, за исключеніемъ 2-хъ ротъ, возвращенъ въ Дагестанъ; 3 роты расположились въ Старой Кубѣ, а 7 ротъ — въ своей штабъ-квартирѣ. Въ крѣп. Нухѣ оставлены подъ командою капитана Кондратовича — 2-я гренадерская рота, и поручика Эника — 6-я мушкетерская; 4-я и 5-я мушкетерскія роты, подъ начальствомъ капитана Сачеванова, отправлены въ іюлѣ въ кр. Баку, откуда вернулись въ штабъ-квартиру въ январѣ 1829 года.

Между тѣмъ въ Дагестанѣ происходили слѣдующія событія:

Кирхларъ-Кули-бекъ, бывшій масеюмъ Табасаранскій, по возвращеніи изъ Астрахани, водворился на прежнемъ мѣстѣ своего жительства въ с. Хорцикѣ, лежавшемъ на границѣ съ вольной Табасаранью. Послѣ ссылки въ Астрахань, за измѣну, нѣкоторыя изъ деревень Кули-бека отданы были въ управленіе прапорщика Ибрагимъ-бека-Карчагскаго. Прибывъ въ Хорцикъ, Кирхларъ, при помощи небольшаго числа преданныхъ ему жителей, склонилъ жителей бывшихъ своихъ деревень къ неповиновенію новому владѣльцу и, въ то же время, вступивъ въ сношеніе съ вольными табасаранцами, подговаривалъ ихъ къ вооруженному возстанію, имѣя цѣлью силою возвратить себѣ прежнее званіе масеюма.

Дербентскій комендантъ, полковникъ Розенфельдъ, узнавъ о преступныхъ дѣйствіяхъ Кули-бека, двинулъ противъ него двѣ роты съ двумя орудіями; но возмутитель бѣжалъ въ вольную Табасарань и увлекъ за собой жителей селеній, принявшихъ его сторону. Распространяя здѣсь ложные слухи объ успѣхахъ турокъ и персіянъ надъ русскими, а также дѣйствуя на религіозный фанатизмъ, Кули-бекъ успѣлъ возмутить вольныхъ табасаранцевъ противъ насъ.

Все эти обстоятельства заставили командующаго войсками въ Дагестанѣ генералъ-маіора Краббе 1-го обратить серьезное вниманіе на Табасарань и потушить возстаніе въ самомъ зародышѣ; хотя Краббе и надѣялся окончить дѣло мирнымъ путемъ, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду весьма ограниченное число войскъ въ Дагестанѣ, онъ предписалъ двумъ ротамъ Апшеронскаго полка, находившимся въ Баку, возвратиться въ свою штабъ-квартиру, а отсюда направилъ въ Табасарань сводный баталіонъ полка и 4 орудія 3-й легкой роты 21-й артиллерійской бригады, подъ командою маіора Шести, который, выступивъ изъ Кубы 14-го января, 19-го числа расположился въ с. Зизикѣ, на границѣ вольной Табасарани [8]).

Прибытіе войскъ въ Табасарань хотя и заставило вольныхъ табасаранцевъ подумать о собственной безопасности и они отвергли всѣ предложенія Кули-бека, однако, находясь еще подъ враждебнымъ намъ вліяніемъ, все-таки не рѣшались изъявить покорности. Но разосланныя генераломъ Краббе воззванія къ жителямъ съ извѣщеніемъ что войска прибыли не для разореній деревень, а исключительно съ цѣлью изгнанія Кули-бека, главнымъ

---

7) Дѣло № 4. 2 отд. Дежур. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

8) Баталіонъ состоялъ изъ 1-й гренадерской, 1-й, 8-й и 9-й мушкетерскихъ ротъ.

же образомъ, появленіе нашихъ войскъ у границъ вольной Табасарани, возымѣли свое дѣйствіе: 21-го числа къ начальнику края явился масеюмъ Кули-бекъ съ изъявленіемъ полной покорности, а съ нимъ пришли и табасаранскіе старшины съ извиненіями за возстаніе. Принявъ отъ послѣднинъ присягу въ вѣрности, Краббе отправилъ Кули-бека съ сыномъ и семействомъ въ Дербентъ, подъ строгій полицейскій надзоръ. 23-го января баталіонъ направился обратно въ штабъ-квартиру полка, куда и прибылъ 26-го числа.

1-го февраля изъ Ст. Кубы высланы въ Шемаху 4-я и 5-я мушкетерскія роты Апшеронцевъ на смѣну двумъ ротамъ Тенгинскаго полка.

Печальное событіе съ нашей миссіей въ Тегеранѣ, гдѣ, какъ извѣстно, погибъ Грибоѣдовъ, заставило предполагать продолженіе военныхъ дѣйствій съ Персіей, въ виду чего главнокомандующій графъ Паскевичъ и предписалъ отправить въ Талышинское ханство еще 6 ротъ Апшеронскаго полка [9]. Роты эти (1-я и 3-я гренадерскія, 1-я, 3-я, 8-я и 9-я мушкетерскія) выступили изъ Старой Кубы въ началѣ марта, подъ командою капитана Синельникова 2-го, а 13-го числа прибыли въ Старую Шемаху, гдѣ соединились съ двумя ротами, пришедшими изъ Нухи. Въ общемъ составѣ ротъ находились: 17 оберъ-офицеровъ, 52 унтеръ-офицера, 30 музыкантовъ, 719 рядовыхъ, 26 нестроевыхъ и 14 деньщиковъ; лошадей подъемныхъ 52, офицерскихъ 30 и артельныхъ 40. Вмѣстѣ съ Апшеронцами въ Шемаху прибыли 2 орудія 3-й легкой роты 21-й артиллерійской бригады. 18-го марта всѣ 8 ротъ выступили изъ Старой Шемахи и расположились въ селеніяхъ Мейсарахъ и Ханислахъ [10].

Всѣ войска, бывшія въ Талышинскомъ ханствѣ, провинціяхъ Шекинской, Ширванской, Карабагской, и въ Нахичеванскомъ округѣ, ввѣрены были начальнику 21-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту князю Эристову. На случай, открытія персіянами противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій, князю надлежало вывести войска изъ Ленкорани и, соединивъ ихъ съ отрядомъ, собраннымъ у Старой Шемахи, потребовать туда же — если бы оказалось необходимымъ — одинъ баталіонъ изъ Кубы. Такимъ образомъ, собравшимся въ Ст. Шемахѣ войсковымъ частямъ предназначалось быть главными оборонительными силами нашего лѣваго фланга.

Въ августѣ, на усиленіе Апшеронскихъ ротъ въ Ст. Шемаху отправлены изъ штабъ-квартиры полка 2 оберъ-офицера, 20 унтеръ-офицеровъ, 2 музыканта, 116 старослужащихъ и 366 рекрутовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ 6-я мушкетерская рота, подъ командою капитана Кондратовича, возвратилась изъ селенія Пиразы въ Нуху [11].

Въ такомъ расположеніи полкъ оставался до конца года, и только въ декабрѣ всѣ части его собрались въ штабъ-квартирѣ.

Еще въ началѣ 1828 года въ Дагестанѣ, между подвластными шамхала возникали различныя безпорядки, клонившіеся къ неповиновенію установленнымъ властямъ и не исполненію требованій кавказскаго начальства. Въ 1829 году своеволіе горцевъ настолько усилилось, что могло повлечь за собою общее возстаніе Дагестана. Получая отъ шамхала постоянныя увѣдомленія о неповиновеніи ему подвластнаго населенія ими, генералъ-маіоръ Краббе обратилъ особенное вниманіе на подробнѣйшее разсмотрѣніе положенія края, тѣмъ болѣе что и отъ воинскихъ начальниковъ крѣпости Бурной часто поступали денесенія о неповиновеніи жителей шамхалу, и о совершенномъ неисполненіи ими всякихъ повинностей. Изъ собранныхъ по этому предмету свѣдѣній, оказалось, что главнѣйшею причиною всѣхъ прежде бывшихъ и существующихъ безпорядковъ въ шамхальскихъ владѣніяхъ былъ самъ

---

9) Дѣло № 28. Предписаніе графа Паскевича № 169. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.
10) Донесеніе маіора Апшеронскаго полка Середы отъ 18-го марта за № 70.
11) Дѣло № 33. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

*

шамхалъ, навлекшій неудовольствіе своего народа слабымъ, безъ мѣры своекорыстнымъ, несправедливымъ и утѣснительнымъ управленіемъ. И прежде того, не будучи въ состояніи переносить угнетеній своего владѣтеля, народъ оказывалъ неповиновеніе, которое шамхалъ обыкновенно изображалъ бунтомъ противъ нашего правительства; для усмиренія мнимаго мятежа, въ такихъ случаяхъ каждый разъ употреблялись войска: — жители покорялись, но доводимые несправедливостями своего правителя, до крайности, спустя нѣкоторое время предавались буйству. Теперь къ этой же причинѣ присоединились еще двѣ, а именно: вражда шамхала съ ханомъ Мехтулинскимъ, изъ-за несогласія послѣдняго жениться на его дочери, и интриги собственнаго шамхальскаго сына, Абдулъ-Муселима, управлявшаго отложившимися селеніями и потворствующаго ихъ неповиновенію, съ цѣлью, въ случаѣ смерти отца, имѣть на своей сторонѣ сколь возможно большую партію, для пріобрѣтенія значенія и вліянія, въ ущербъ старшаго брата и наслѣдника шамхала Сулейманъ-паши. Кромѣ того, независимое Койсубулинское общество обѣщало, въ случаѣ надобности, свою помощь шамхальскимъ бунтовщикамъ, старавшимся привлечь на свою сторону и мехтулинскія владѣнія. Духъ своеволія и буйства до такой степени распространился, что къ совершенному неповиновенію присоединилась дерзость въ обращеніи съ проѣзжавшими русскими офицерами, чиновниками и воинскими командами даже среди жителей, селеній расположенныхъ на равнинахъ.

Награды за 1826—1829 годъ получили:

Св. Анны 2-й ст. съ алмазами — командиръ полка, полковникъ Мищенко; золотую саблю — маіоръ Марченко; св. Владиміра 4-й ст.—маіоры Авраменко и Лещенко—и поручикъ Ягловскій; св. Анны 3 ст.—капитанъ Кондратьевъ, поручики — Корниловъ и Войцеховскій 1-й; св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость» — прапорщикъ Кургановъ.

Знаки отличія Военнаго ордена фельдфебеля: Адольфъ Цедербергъ, Григорій Марковъ, Петръ Воронинъ, Алексѣй Григорьевъ, Василій Бучкинъ и Степанъ Ерофеевъ; унтеръ-офицеры: Арсеній Васильевъ, Никифоръ Филипповъ, Ѳедоръ Ивановъ, Тихонъ Тищенко, Илья Безсмертный, Наумъ Павловъ, Сергѣй Дмитріевъ, Яковъ Рогачевъ, Кондратій Карамышевъ, Яковъ Андреевъ, Ѳедоръ Ельчинъ, Евлампій Нестеровъ и Ефимъ Захаровъ, рядовые — Алексѣй Семеновъ, Ефремъ Андреевъ, Григорій Голдинъ, Трофимъ Николаевъ, Семенъ Петровъ, Кузьма Чернобровченко, Сергѣй Даниловъ, Петръ Естуменко, Акимъ Бондаревъ, Иванъ Бабешкинъ, Лаврентій Кархапинъ, Иванъ Апращинъ, Степанъ Юрасовъ, Филиппъ Воронинъ, Касьянъ Столаревъ, Парфенъ Дмитріевъ, Абрамъ Черкесенко, Илья Хахалинъ, Осипъ Ивановъ, Самуилъ Наживинъ, Григорій Бредихинъ, Ареѳій Сазоновъ, Зиновій Семеновъ, Иванъ Агафоновъ, Даніилъ Евтушенко, Петръ Ѳедоровъ, Константинъ Скубенко, Николай Терниченко, Иванъ Романовъ, Гавріилъ Литенко, Иванъ Швецовъ, Николай Сапуновъ, Спиридонъ Зайцевъ, Ефремъ Милосердовъ, Григорій Тимоновъ, Акимъ Степановъ, Самуилъ Гальченко, Исай Винниченко, Алексѣй Вяткинъ, Василій Шеретовъ, Филиппъ Шпаковъ, Константинъ Воротилинъ и Назаръ Уксусовъ [12]). Кромѣ того, всѣ участники Персидской войны получили серебряныя медали на Георгіевской съ Владимірской лентѣ.

---

[12]) Дѣло № 151. 1 отд. Дежур. Арх. Кавк. Окр. Шт.

Глава Двадцать Третья.

Мюридизмъ и его основатель.— Догматы мюридизма.— Газаватъ.— Распространеніе мюридизма.— Попытки уничтожить секту.— Кази-Мулла.— Мюридизмъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ.— Вторженіе Кази-Муллы въ Аварію въ 1830 году.— Экспедиція барона Розена 4-го въ Гимры.— Замыслы имама въ началѣ 1831 года.— Движеніе частей Апшеронскаго полка въ Талыши.— Дѣйствія отряда генерала Жуковскаго.— Движеніе колонны маіора Авраменки изъ Кубы въ Бурную.— Дѣло у Буйнака.— Осада горцами крѣпости Внезапной.— Выступленіе отряда изъ Бурной къ Кафыръ-Кумыку.— Рекогносцировка къ Эрпели.— Осада Кази-Муллой Дербента.— Письмо имама дербентскому коменданту.— Штурмъ и взятіе Апшеронцами Казанищъ.— Движеніе отряда Коханова къ Дербенту.— Отступленіе Кази-Муллы.— Экспедиція въ Табасарань.— Взятіе Апшеронцами с. Хемеди.— Экспедиція въ Эрпели и Чиркей.— Взятіе Эрпели.— Движеніе къ Чиркею.— Принесеніе чиркеевцами покорности.— Разграбленіе г. Кизляра.— Сраженіе у Чумкескента.— Взятіе штурмомъ непріятельскаго укрѣпленія.— Наши потери.— Прокламація генерала Панкратьева дагестанцамъ.— Результаты пораженія Кази-Муллы у Чумкескента.— Дѣйствія имама въ началѣ 1832 года.— Сформированіе въ Шурѣ отряда.— Дѣло у Іоль-Оусъ-тава.— Дѣйствія Апшеронскихъ ротъ.— Экспедиція корпуснаго командира барона Розена къ Гимрамъ.— Прибытіе отряда въ Дагестанъ.— Разработка дорогъ.— Мѣстоположеніе Гимръ.— Штурмъ заваловъ.— Неудачная атака.— Вторичный штурмъ.— Дѣйствія колонны подполковника Клугенау.— Взятіе Гимръ и смерть Кази-Муллы.— Потери отряда и Апшеронцевъ.— Условія покорности гимринцевъ.— Воззваніе барона Розена.— Награды.

Наступившій 1830-й годъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи Кавказской войны: въ началѣ его выступаетъ на сцену заглохшее-было ученіе «мюридизмъ» и распространителемъ его является извѣстный имамъ Кази-Мулла. Прежде чѣмъ приступить къ описанію событій этого года, считаемъ нелишнимъ дать болѣе подробныя свѣдѣнія о появившемся ученіи, ибо оно играло весьма важную роль во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, вплоть до окончанія Кавказской войны.

Въ 1823 году жилъ въ Кюринскомъ ханствѣ, въ селеніи Ярагѣ, нѣкто Мулла-Магометъ, человѣкъ очень умный, прекрасно знавшій коранъ, и, потому, имѣвшій вліяніе на народъ, чему также много способствовало и его званіе, какъ главнаго кадія. Мулла-Магометъ съ чрезвычайнымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на распространеніе владычества русскихъ въ Дагестанѣ, опасаясь, чтобы отъ частыхъ сношеній съ «гяурами», народъ не утратилъ своихъ вѣрованій и, вслѣдствіе этого духовенство не лишилось на него вліянія. Въ виду подобныхъ опасеній, Мулла-Магометъ искалъ случая къ возбужденію фанатизма средѣ дагестанцевъ и присущей ему ненависти къ «невѣрнымъ».

Въ то же время въ Кюрдамирѣ проживалъ нѣкій ученый и весьма почитаемый въ мусульманскомъ мірѣ Эфенди-Хаджи-Измаилъ. Мулла-Магометъ, собравъ кюринскихъ и другихъ дагестанскихъ муллъ, отправился съ ними къ Хаджи-Измаилу для совѣщаній и принятія мѣръ къ поднятію въ народѣ религіозности. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшено было заняться духовно-нравственнымъ обновленіемъ мусульманъ, образовавъ для того особую секту исправителей, или мюридовъ; по единогласному соглашенію Мулла-Магометъ избранъ старшимъ мюршидомъ.

Основанное на тарикатѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ наставленія Магомета, касающееся до возвышенія и облагороженія чувствъ, новое ученіе названо было «*мюридизмомъ*». Собственно говоря, отдѣлъ корана, извѣстный подъ названіемъ тариката, представляетъ собою чрезвычайно обширное поле для всевозможныхъ толкованій въ силу своей неточности и неясности, чѣмъ, конечно, муллы и пользовались для разжиганія страстей въ народѣ съ извѣстными имъ цѣлями: тарикатъ въ рукахъ муллы имѣлъ всегда своеобразное значеніе.

По возвращеніи въ Ярагъ, Мулла-Магометъ принялся всѣми силами распространять новое ученіе, для того употребляя самое дѣйствительное средство — деньги. Онъ собиралъ кюринцевъ, кормилъ, поилъ ихъ, читалъ имъ проповѣди, имѣвшія въ своей основѣ слѣдующіе тезисы:

1) «Мусульмане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ; мусульманинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ и никому не долженъ платить податей, хотя бы даже своему единовѣрцу.
2) Каждый мусульманинъ есть свободный человѣкъ и между мусульманами должно быть равенство.
3) Для всякаго, считающаго себя мусульманиномъ, первое дѣло составляетъ «*газаватъ*», т. е. священная война противъ невѣрныхъ, а потомъ исполненіе шаріата. Для мусульманина исполненіе шаріата безъ газавата, — не есть спасеніе. Кто исполняетъ шаріатъ, тотъ долженъ вооружиться, бросить семейство, домъ и не щадить самой жизни. Кто послѣдуетъ этому совѣту, того Богъ въ будущей жизни вознаградитъ съ избыткомъ. Будучи-же подъ властью невѣрныхъ или чьей бы то ни было, всѣ намазы, посты, странствованія въ Мекку, жертва бѣднымъ, чтеніе корана — ничего не значатъ, а узы брака, связующія мусульманъ, дѣлаются незаконными».

Кюринцы разошлись по своимъ селеніямъ и каждый изъ нихъ повторялъ, въ кругу своего семейства, все сказанное ихъ главнымъ кадіемъ Муллой-Магометомъ. Разсчетъ Магомета увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Его слова произвели магическое дѣйствіе на умы легковѣрныхъ слушателей-невѣждъ, чрезвычайно привязанныхъ къ своей религіи. Фанатизмъ вполнѣ овладѣлъ ими, и съ того времени двери мечетей рѣдко затворялись: не только взрослые, но и дѣти даже толпились въ храмахъ пророка, молились со слезами и клялись оставить свои прегрѣшенія.

Слухъ о Муллѣ-Магометѣ распространился по всему Дагестану, и горцы толпами начали стекаться со всѣхъ сторонъ въ Ярагъ, чтобы видѣть и слышать новаго проповѣдника. Съ увлеченіемъ принимая отъ него благословенія и давая обѣтъ слѣдовать его наставленіямъ, они признавали его мюршидомъ, а себя мюридами, или послѣдователями мюридизма.

Такимъ образомъ, новое ученіе начало болѣе и болѣе распространяться въ Дагестанѣ. Приходившіе изъ разныхъ обществъ въ Ярагъ муллы жили тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ и, наблюдая за поведеніемъ мюршида, всегда находили его погруженнымъ въ чтеніе корана, или молящимся Богу. Они признали его святымъ и, возвратившись домой, старались подражать ему въ образѣ жизни.

Въ 1824 году признаки мюридизма начали ясно обнаруживаться. Мюриды ярагскіе ходили по улицамъ съ деревянными шашками и, ударяя ими по встрѣчавшимся предметамъ, поворачивались всегда лицомъ на сѣверъ и кричали: «Мусульмане, Газаватъ!» «Мусульмане, Газаватъ!» По цѣлымъ днямъ они скитались въ окрестностяхъ своего селенія, повторяя одни и тѣ же восклицанія. Вскорѣ мюриды другихъ селеній начали подражать ярагскимъ, и слова «Мусульмане, Газаватъ» не только пронеслись по всѣмъ кюринскимъ владѣніямъ, но перешли въ сосѣднія общества, и проникли въ Сѣверный Дагестанъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1824 года, генералъ Ермоловъ, окончивъ дѣла во владѣніяхъ шамхала Шарковскаго, прибылъ въ гор. Кубу, гдѣ и получилъ свѣдѣнія о кюринскихъ событіяхъ. Немедленно призвавъ къ себѣ Асланъ-Хана казикумухскаго, онъ велѣлъ ему прекратить возникшія безпокойства. Послѣдній тотчасъ-же отправился въ кюринское селеніе Касумъ-Кентъ, и вытребовалъ туда муллу Магомета, и прочихъ кюринскихъ муллъ. На вопросъ хана: «зачѣмъ выдумывать новое ученіе и, соблазняя народъ — подвергать себя справедливому наказанію русскихъ», мулла Магометъ отвѣчалъ, что «Богъ сильнѣе всѣхъ государей; что дагестанцы были грѣшными людьми, и теперь настало время загладить ихъ прежніе поступки, и что онъ самъ, оставивъ суету здѣшняго міра, предался только молитвѣ и ни кому не дѣлаетъ вреда». На замѣчаніе же Асланъ-Хана: «зачѣмъ мюриды ходятъ съ деревянными шашками по ауламъ и, ударяя ими, призываютъ народъ къ газавату», мулла Магометъ произнесъ слѣдующій, какъ видно, заблаговременно приготовленный отвѣтъ: «Мои мюриды настолько постигли высокую истину о всемогуществѣ и величіи Бога, что, возносясь къ Нему мыслями и чувствами, приходятъ въ изступленіе. Они еще сами не понимаютъ, что дѣлаютъ; они не виновны въ своихъ поступкахъ, которые, впрочемъ, ясно показываютъ, какъ должно вести себя магометанамъ. Я бы и тебѣ, ханъ, совѣтывалъ оставить мірскую суету и подумать, куда мы пойдемъ отъ послѣдняго раба до царей и пророковъ. Нѣтъ спасенія на томъ свѣтѣ, если не будемъ исполнять по шаріату истинной святой воли Творца, и не будемъ стараться постигнуть Его могущества. Ты хвалишься своими дѣйствіями, согласными съ повелѣніями корана, но это не справедливо: будучи подъ властью невѣрныхъ, твое исполненіе шаріата ничего не значитъ». Послѣднія слова муллы-Магомета оскорбили Асланъ-Хана, и, въ первомъ порывѣ гнѣва, онъ ударилъ его въ лицо, а прочихъ муллъ заставилъ прыгать въ продолженіи цѣлаго часа. Когда-же гнѣвъ прошелъ, Асланъ-Ханъ попросилъ у муллы Магомета извиненія, но все-таки запретилъ собирать мюридовъ и проповѣдывать новое ученіе въ его владѣніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ донесъ генералу Ермолову о совершенномъ водвореніи спокойствія. Въ послѣднемъ отношеніи Асланъ-Ханъ поступилъ недобросовѣстно, и даже слѣдуетъ думать, основываясь на его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, самъ прельстился ученіемъ муллы Магомета, такъ какъ, вмѣсто принятія рѣшительныхъ мѣръ, онъ ограничился только простымъ запрещеніемъ распространенія мюридизма, да и то собственно въ своихъ владѣніяхъ. По возвращеніи муллы Магомета въ Ярагъ, народъ вновь началъ стекаться къ нему толпами. Продолжая съ нимъ бесѣды въ прежнемъ духѣ, т. е. стараясь болѣе и болѣе разжигать въ немъ фанатизмъ, мулла Магометъ воспретилъ мюридамъ бѣгать съ шашками и обнаруживать непріязненныя дѣйствія, приказавъ ожидать того времени, когда самъ онъ призоветъ ихъ къ оружію.

Вскорѣ послѣ того прибыли въ Ярахъ изъ разныхъ обществъ Дагестана многіе ученые муллы и, въ томъ числѣ неизвѣстный до тѣхъ поръ гимринскій житель Магома. Почти въ то же время въ горахъ сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе нашего правительства, относительно затрудненія безпрерывнаго сообщенія съ провинціями Персіи и Турціи кавказскихъ магометанъ, отправлявшихся на поклоненіе въ Мекку. Мюридъ мулла Магометъ, имѣя въ рукахъ сильное средство для подкрѣпленія своего ученія и перетолковывая въ дурную сторону мѣру нашего правительства, старался еще болѣе разжигать фанатизмъ единовѣрцевъ. Не смѣя, однако, распространять мюридизма въ Кюринскомъ ханствѣ, Магометъ обратился ко вновь прибывшимъ къ нему мулламъ, преимущественно изъ вольныхъ обществъ со слѣдующими словами: «Именемъ пророка повелѣваю вамъ—ступайте на свою родину, соберите народъ, прочитатей ему мои наставленія, вооружитесь и идите на газаватъ. Истребите враговъ и освободите братій вашихъ, мусульманъ. Кто убьетъ врага, или самъ погибнетъ

въ битвѣ—тому рай награда; если же вы убѣжите съ поля сраженія, или черезъ деньги и ложныя обѣщанія васъ покорятъ, тогда ваши мечети будутъ превращены въ церкви, вы будете навсегда прокляты, для васъ нѣтъ спасенія, и вы должны бояться гнѣва Божьяго. Вы живете въ крѣпкихъ мѣстахъ, вы храбры: одинъ мусульманинъ долженъ идти противъ десяти невѣрныхъ, а не поворачиваться спиной къ непріятелю. Кто такъ будетъ поступать, тотъ будетъ святымъ и вкуситъ всѣ наслажденія рая. Вотъ ваши обязанности! На исполненіе ихъ благословляю васъ, а тебя Кази-Магома—назначаю газіемъ». Подобныя слова не могли не произвести своего дѣйствія на народъ, всегда склонный къ буйству, на народъ невѣжественный, привязанный къ своей религіи и повѣрившій мюриду, что мечети будутъ превращены въ христіанскія церкви. Дѣйствительно, съ того времени мюридизмъ началъ распространяться съ большимъ успѣхомъ: кюринцы, до того преданные нашему правительству, стали чуждаться русскихъ, фанатизмъ овладѣлъ умами дагестанцевъ, и они съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты, когда начнется великое спасительное дѣло для исламизма.

Въ 1825 году мѣстное начальство вторично довело до свѣдѣнія генерала Ермолова о дѣйствіяхъ муллы Магомета и объ успѣхахъ его ученія. Главнокомандующій строжайше предписалъ Асланъ-хану схватить мюршида и доставить его въ Тифлисъ. Но Асланъ-ханъ поручилъ это дѣло Гарунъ-беку, бывшему правителю Кюринскихъ владѣній, и хотя мулла Магометъ, безъ всякаго съ его стороны сопротивленія, былъ приведенъ въ главное кюринское селеніе Курагъ, однако тотчасъ же бѣжалъ оттуда, или, какъ нѣкоторые полагаютъ, добровольно былъ отпущенъ. Послѣ бѣгства изъ Курага, мюршидъ скрывался въ Вольной Табасарани, гдѣ съ успѣхомъ проповѣдывалъ мюридизмъ; семейство же его и родные проживали, между тѣмъ, спокойно въ Ярагѣ. Въ бездѣйствіи Асланъ-хана нельзя не видѣть новаго доказательства недобросовѣстнаго въ этомъ дѣлѣ отношенія къ намъ, объясняемаго тѣмъ, что онъ вполнѣ проникся внушеніями муллы Магомета; послѣдній все время увѣрялъ хана, что онъ только до тѣхъ поръ сохранитъ свои владѣнія, пока будутъ продолжаться волненія въ горахъ.

Въ 1826 году политическія обстоятельства совершенно отвлекли вниманіе нашего правительства отъ дѣлъ Дагестана. Занятая войною съ Персіею, а потомъ съ Турціею, Россія не могла принять дѣятельныхъ мѣръ къ уничтоженію зародившейся секты; а между тѣмъ она имѣла время созрѣть и развить фанатизмъ въ горахъ. Асланъ-ханъ не только не содѣйствовалъ къ уничтоженію мюридизма и его распространителей, но даже призвалъ изъ Табасарани муллу Магомета, и снова позволилъ ему жить въ Ярагѣ. Впрочемъ, Магометъ, по возвращеніи на родину, не принималъ личнаго участія въ происшествіяхъ Дагестана, а старался собственно наставленіями и совѣтами поддерживать начатое имъ дѣло. Для осуществленія своихъ замысловъ, онъ избралъ, какъ сказано выше, гимринскаго жителя Кази-Магому назначеннаго имъ газіемъ и извѣстнаго у насъ подъ именемъ Кази-Муллы.

Кази-Мулла, принявъ отъ мюршида благословеніе на газаватъ, возвратился въ Гимры и началъ мало-по-малу приготовлять его жителей къ принятію новаго ученія. Онъ старался доказать, что они живутъ безъ вѣры и не имѣютъ понятія о шаріатѣ, употребляя горячіе напитки, грабя другъ у друга имущество, и проливая кровь мусульманскую. Короче сказать: Кази-Мулла передалъ имъ въ своихъ толкованіяхъ наставленія муллы Магомета и со всею восторженностью, свойственною фанатику-честолюбцу, развилъ смыслъ и цѣль газавата.

Увлеченные словами Кази-Муллы, гимринцы клялись во всемъ слѣдовать его совѣтамъ и безпрекословно исполнять его волю.

Чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ склоненія гимринцевъ, на свою сторону, Кази-Мулла, вмѣстѣ

съ другими ревностными мюридами, отправился въ селеніе Чиркей, для убѣжденія жителей присоединиться къ исправительной сектѣ. Послѣднія, выслушавъ его, отвѣчали, что готовы сдѣлаться мюридами, но дѣйствовать непріязненно противъ русскихъ не станутъ, потому что выдали имъ аманатовъ,—ихъ стада пасутся на земляхъ, занятыхъ русскими, и вообще сопротивленіе столь сильному государству поведетъ ихъ къ собственной гибели. Видя твердую рѣшимость чиркеевцевъ остаться намъ вѣрными, Кази-Мулла уклонился отъ проповѣдуемыхъ имъ правилъ, сказавъ: «Нашъ шаріатъ дозволяетъ быть въ мирѣ съ русскими; а потому вы можете имъ повиноваться и давать аманатовъ, пока они сильнѣе насъ. Но настанетъ время, когда кто либо изъ могущественныхъ владѣтелей Востока «покоритъ русскихъ», во славу корана, и распространитъ надъ ними свою власть. Тогда вы должны возстать противъ нихъ и объявить газаватъ; до тѣхъ же поръ повинуйтесь». Чиркеевцы поклялись строго соблюдать шаріатъ и тотчасъ же уничтожили запасы хранившейся у нихъ джабы [1].

Послѣ своей проповѣди чиркеевцамъ, Кази-Мулла обратился съ толкованіемъ новаго ученія къ жителямъ другихъ сосѣднихъ ауловъ. Пріобрѣтаемый имъ вездѣ успѣхъ обратилъ на него вниманіе, въ началѣ 1829 года, престарѣлаго шамхала, генералъ-лейтенанта Мехти-хана, который, узнавъ собственно о духовной сторонѣ мюридизма и убѣдясь, что и его подвластные отступили отъ правилъ истиннаго корана, отправилъ къ Кази-Муллѣ приглашеніе явиться къ нему.

До сихъ поръ Кази-Мулла ограничивался распространеніемъ мюридизма только въ вольныхъ обществахъ, не смѣя показываться въ земляхъ владѣтелей; получивъ же приглашеніе отъ самаго шамхала Мехти-хана, весьма уважаемаго въ горахъ по его личнымъ достоинствамъ, проповѣдникъ понялъ, что обстоятельства начинаютъ ему благопріятствовать еще болѣе и для его дѣятельности открывается огромное поприще. Въ силу этого, Кази-Мулла не замедлилъ отправиться въ Параулъ, тогдашнее мѣстопребываніе шамхаловъ, гдѣ, послѣ тысячи лестныхъ привѣтствій въ восточномъ вкусѣ, объяснилъ Мехти-хану сущность проповѣдуемыхъ имъ правилъ, не упоминая, впрочемъ, о газаватѣ, и просилъ у шамхала позволенія научить его подданныхъ истинному шаріату, обѣщая рай въ награду за такое доброе дѣло. Хотя Мехти-ханъ былъ извѣстенъ своею преданностію къ Россіи, но, не предполагая, чтобы отъ даннаго имъ позволенія могли произойти какія либо дурныя послѣдствія, онъ согласился на просьбу Кази-Муллы, и приказалъ своимъ подвластнымъ слушаться его наставленій. Въ то же время онъ отправился въ С.-Петербургъ, а на возвратномъ пути изъ столицы умеръ.

Отъѣздъ шамхала развязалъ руки Кази-Муллѣ, начавшему распространять мюридизмъ съ большею свободою и въ шамхальствѣ Тарковскомъ. Селенія Большія и Малыя Казанищи — первыя приняли его ученіе. Не смотря на быстрые успѣхи мюридизма и возраставшую славу Кази-Муллы, въ Дагестанѣ нашлось весьма много благоразумныхъ людей, ясно понимавшихъ, какъ гибельны для народа его замыслы. Шамхальскіе аулы Эрпели и Каранай первые подняли голосъ противъ мюридизма.

Кази-Мулла, узнавъ объ этомъ, немедленно отправился съ своими приближенными въ означенные аулы, взялъ отъ жителей аманатовъ изъ самыхъ почетныхъ семействъ и отправилъ въ Гимры. Въ то же самое время возсталъ противъ возмутителя, бывшій его учитель, знаменитый аминъ Сеидъ-Эфенди—кадій аула Араканы. Обласканный и уважаемый генераломъ Ермоловымъ, онъ былъ извѣстенъ нашему правительству съ отличной стороны.

[1]) Напитокъ изъ винограда, выдѣлываемый горцами.

Изучивъ въ подробности коранъ и постигая всю важность заблужденія, въ которое впадали горцы отъ принятія ложныхъ правилъ мюридизма, Сеидъ-Эфенди началъ опровергать новое ученіе, и опровергалъ съ большимъ успѣхомъ. Понимая, что Сеидъ можетъ пошатнуть его вліяніе и разрушить честолюбивые замыслы, Кази-Мулла рѣшился дѣйствовать путемъ насилія: собравъ своихъ приближенныхъ онъ внезапно двинулся въ Араканы, съ цѣлью захватить и убить кадія. Но Сеидъ успѣлъ бѣжать къ Асланъ-хану казикумухскому, а Кази-Мулла, войдя въ Араканы, приказалъ сжечь его домъ и всѣ сочиненія, надъ которыми кадій трудился съ юныхъ лѣтъ.

Съ удаленіемъ Сеида-Эфенди, Кази-Мулла не имѣлъ болѣе соперника въ Сѣверномъ Дагестанѣ, и продолжалъ начатое имъ дѣло со всѣмъ жаромъ дерзкаго и предпріимчиваго фанатика.

Принудивъ араканцевъ принять новое ученіе и взявъ отъ нихъ аманатовъ, Кази-Мулла отправился въ Унцукуль и въ другіе койсубулинскіе аулы, еще не признававшіе его власти. Склонивъ на свою сторону койсубулинцевъ, онъ началъ переходить, съ своими мирюдами, отъ одного вольнаго общества къ другому, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія.

Присоединеніе къ исправительной сектѣ двухъ значительныхъ племенъ — Гумбета и Андіи, не удовлетворило уже честолюбія Кази-Муллы, — онъ хотѣлъ подчинить своему вліянію еще аварцевъ, что представляло слѣдующія значительныя выгоды: 1) аварцы въ то время считались самымъ сильнымъ народомъ въ горахъ, слѣдовательно съ принятіемъ ими новаго ученія — слава Кази-Муллы еще болѣе возросла-бы, и 2) утвердившись въ Аваріи, онъ занялъ бы средину горъ и получалъ возможность съ большимъ удобствомъ постепенно распространять свою духовно-политическую власть во всемъ Дагестанѣ. Пріобрѣтеніе же этихъ выгодъ, повидимому, не представляло большихъ затрудненій, потому-что аварцы въ то время управлялись юнымъ ханомъ Султаномъ-Абу-Нуцаломъ, руководимымъ своею престарѣлою матерью Паху-Бике. Въ концѣ 1829 года Кази-Мулла былъ уже весьма близокъ къ цѣли своихъ желаній: изъ всей Аваріи только одинъ Хунзахъ, мѣстопребываніе аварскихъ хановъ, оставался вѣрнымъ своему настоящему повелителю, прочіе же аулы перешли на сторону непріятеля.

Въ февралѣ 1830 года появились партіи мюридовъ около Хунзаха. Предводительствуя скопищемъ до 8,000 человѣкъ, Кази-Мулла требовалъ, чтобы аварцы прервали сношенія съ русскими и содѣйствовали уничтоженію Дербента, Внезапной и другихъ пунктовъ, въ случаѣ же отказа онъ грозилъ предать все истребленію. Хунзахъ состоялъ тогда изъ 700 дворовъ и могъ выставить до 2,000 вооруженныхъ защитииковъ. Зная о дѣйствіяхъ и и намѣреніяхъ Кази-Муллы, Абу-Нуцалъ-ханъ заблаговременно укрѣпился въ своей столицѣ и надѣялся на вѣрность своихъ подвластныхъ. Но скопище Кази-Муллы, превосходившее впятеро силы хунзахцевъ, устрашило послѣднихъ и они начали колебаться, не полагаясь на храбрость и опытность молодаго хана. Замѣтивъ это, ханша Паху-Бике просила Кази-Муллу не приходить въ Хунзахъ, и готова была дать ему въ аманаты одного изъ сыновей своихъ; но Кази-Мулла не обратилъ вниманіе на предложеніе ханши и подступилъ къ Хунзаху. Участь мѣстопребыванія аварскихъ хановъ была почти рѣшена: приближавшіяся къ нему со всѣхъ сторонъ, грозныя толпы мюридовъ навели паническій страхъ на жителей. Въ эту критическую минуту является среди народа, съ шашкою въ рукѣ, ханша Паху-Бике, «Хунзахцы!» сказала она, — «вы не должны носить шашекъ; отдайте ихъ женщинамъ, а сами покройтесь чадрами». Пристыженные хунзахцы ободрились и чувство гордости подавило страхъ: рѣшась умереть или отразить враговъ, они послѣдовали за Абу-Нуцалъ-ханомъ и заняли завалы и башни, окружавшіе

Хунзахъ. Между тѣмъ толпы горцевъ подошли къ селенію; молодой ханъ вышелъ изъ заваловъ, смѣло встрѣтивъ враговъ онъ ударилъ на нихъ въ шашки, опрокинулъ, смялъ и, прогнавъ разсѣявшихся мюридовъ за хребты горъ, замыкающіе Аварскую долину, возвратился съ торжествомъ въ Хунзахъ. Въ награду за это блистательное дѣло, Императоръ Николай I пожаловалъ аварцамъ Георгіевское знамя. Нападеніе на Хунзахъ напомнило о виновникѣ происходившихъ смутъ въ Дагестанѣ, и потому мѣстное начальство потребовало отъ Асланъ-хана, чтобы онъ немедленно представилъ Муллу Магомета въ Тифлисъ; но, предупрежденный преданными ему людьми, окружавшими Асланъ-хана, мюршидъ успѣлъ бѣжать въ койсубулинскій аулъ Балаканы. Послѣ пораженія подъ Хунзахомъ, Кази-Мулла возвратился въ Гимры, гдѣ собралъ койсубулинцевъ и старался возстановить упавшія ихъ нравственныя силы.

Несмотря на неудачу въ Аваріи, мюридизмъ быстро распространялся: новымъ ученіемъ заразились жители шамхальства, мехтулинцы, сюргинцы, гаміозенцы, кайтахцы и табасаранцы; всѣ они вошли въ тайное соглашеніе съ Кази-Муллой и только ждали появленія имама, чтобы затѣмъ возстать уже явно. Съ цѣлію не дать разростись волненію, въ концѣ апрѣля 1830 года сформированъ былъ отрядъ изъ 3,000 пѣхоты, 6-ти орудій и 200 казаковъ; въ составъ котораго вошли 6-ть ротъ Апшеронскаго полка: — 1-я и 3-я гренадерскія, 1-я, 2-я, 3-я и 8-я мушкетерскія. Начальникомъ отряда назначили командира Апшеронскаго полка полковника Мищенко, а мѣстомъ дѣйствія его — Сѣверный Дагестанъ.

Въ то же время окончаніе войны съ Турціей позволило намъ обратить серьезное вниманіе на дѣйствія Кази-Муллы въ Дагестанѣ. Съ цѣлью уничтоженія мюридовъ и ихъ главы, на линіи сформированъ былъ отрядъ изъ 5,300 пѣхоты, 600 конницы, 23 орудій и 6 кегорновыхъ мортирокъ; веденіе же самой экспедиціи поручено генералъ-лейтенанту барону Розену 4-му, который и двинулся съ отрядомъ въ Дагестанъ, присоединивъ къ себѣ, 21-го мая, у Эрпели, отрядъ полковника Мищенки.

По произведенной рекогносцировкѣ, оказалось, что къ Гимрамъ ведутъ три дороги: правая — черезъ Каранай, средняя — ближайшая, черезъ высоту Таугалъ и лѣвая — шла сначала къ койсубулинскому аулу Ирганаю, а затѣмъ, по спускѣ съ хребта, сворачивала въ ущелье къ Гимрамъ. Восхожденіе артиллеріи на хребетъ до самой его вершины по правой и средней дорогѣ было возможно, хотя и съ большими трудностями; по лѣвой же дорогѣ подъемъ на хребетъ еще болѣе затруднительный, дѣлался легкимъ при основательной разработкѣ пути; правая дорога, имѣвшая видъ узенькой тропинки, была доступна только для пѣхоты; по среднему и лѣвому спускамъ, послѣ основательной разработки, и помощи солдатъ, представлялась возможность спустить и орудія.

Немедленно приступили къ разработкамъ средняго и лѣваго спусковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ баронъ Розенъ отправилъ воззванія къ койсубулинцамъ, съ приглашеніемъ добровольной покорности. Разработка дорогъ производилась подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты и 200 линейныхъ казаковъ; гимринцы во все время работъ вели живую перестрѣлку съ нашими цѣпями; увидѣвъ же, что русскія войска имѣютъ рѣшительное намѣреніе спуститься къ аулу, они, несмотря на прибытіе къ нимъ 2-хъ-тысячнаго скопища, рѣшились изъявить покорность и выдали аманатовъ; ихъ примѣру послѣдовали и жители прочихъ койсубулинскихъ селеній.

Для принятія присяги отъ общества Койсубу отправлены были сынъ шамхала Абу-Муселимъ, есаулъ Филатовъ и кадій, которыхъ на половинѣ горы при спускѣ къ Гимрамъ, встрѣтили старшины и народъ, и тутъ же всѣ присягнули на вѣрность Государю Императору; въ лагерѣ привели къ присягѣ старшинъ селеній Эрпели, Караная и Ишкарты.

*

Такимъ образомъ, первое возстаніе горцевъ, подъ предводительствомъ Кази-Муллы окончилось для насъ довольно благополучно и стоило всего только четырехъ раненыхъ. Но Кази-Мулла, несмотря на приказаніе барона Розена, въ лагерь отряда не явился, тогда генералъ разослалъ воззванія, въ которыхъ объявлялось, что всякій аулъ, давшій убѣжище Кази-Муллѣ, будетъ считаться неблагонамѣреннымъ.

4-го іюня баронъ Розенъ, отправилъ отрядъ полковника Мищенки въ Параулъ, и приказалъ ему, занявъ выгодную позицію для лагеря, наблюдать за спокойствіемъ края, а въ особенности за поведеніемъ гимринцевъ; самъ Розенъ съ остальными войсками возвратился въ кр. Внезапную, а отсюда направился въ Грозную[2].

27-го октября 6 ротъ Апшеронцевъ, подъ начальствомъ маіора Берхмана 3-го, возвратились въ г. Кубу.

Однако прошлогодняя экспедиція генералъ-лейтенанта барона Розена 4-го къ Гимрамъ не принесла никакихъ положительныхъ результатовъ, и съ началомъ 1831 года Кази-Мулла еще съ большей энергіей принялся за распространеніе мюридизма. Жители шамхальскихъ селеній, добровольно или насильно приняли новое ученіе, чему русскія власти въ Дагестанѣ не могли препятствовать, за неимѣніемъ подъ рукою достаточныхъ средствъ. Постепенно увеличивая толпы своихъ послѣдователей, Кази-Мулла рѣшился перенести театръ военныхъ дѣйствій въ предѣлы шамхальства. Выбравъ вблизи аула Темиръ-Ханъ-Шуры трудно-доступную высоту, извѣстную подъ названіемъ Чумкескентъ, онъ построилъ на ней сильное укрѣпленіе и производилъ отсюда набѣги на остававшіяся еще покорными намъ плоскостныя селенія. По мѣрѣ увеличенія средствъ къ борьбѣ съ нами, имамъ не довольствовался уже мелкими предпріятіями, и замыслы его значительно расширялись. Видя малочисленность нашихъ войскъ и отлично зная, что помощи ждать имъ не откуда, Кази-Мулла задумалъ весьма смѣлое предпріятіе: совершенно изгнать русскихъ изъ Дагестана, взявъ предварительно кр. Бурную и затѣмъ Дербентъ. Съ цѣлью отвлеченія русскихъ войскъ, находившихся въ Кубинской провинціи и въ Ширвани и, чрезъ это, получить больше шансовъ на успѣхъ, имамъ завязалъ дѣятельные переговоры не только съ бывшимъ ханомъ Талыши — Миръ-Гасанъ-Ханомъ, но и съ Персіей, что увѣнчалось полнымъ для него успѣхомъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ Миръ-Гасанъ появился въ предѣлахъ бывшаго своего ханства и подговаривалъ жителей къ возстанію, увѣряя ихъ, что, вслѣдъ затѣмъ, и Персія откроетъ военныя дѣйствія. Волненія въ Талышинскомъ ханствѣ и опасенія новой войны съ Персіей побудили командира Кавказскаго корпуса, графа Паскевича-Эриванскаго, увеличить численность гарнизоновъ въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ владѣніями шаха. Такъ, между прочимъ, въ Сальянахъ были сосредоточены: 7 ротъ Апшеронцевъ, подъ начальствомъ полкового командира, полковника Остроухова, 2 роты 42-го егерскаго полка, Донской Басова полкъ и 7 орудій. Собранный отрядъ поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе генералъ-маіора Жуковскаго.

Миръ-Гасанъ-Ханъ, узнавъ о прибытіи отряда въ Талыши, началъ съ нами переговоры и соглашался изъявить покорность, что, впрочемъ, дѣлалъ съ исключительною цѣлью выиграть время, и, пользуясь удаленіемъ русскихъ войскъ изъ Дагестана, дать возможность Кази-Муллѣ поднять знамя возмущенія во всѣхъ дагестанскихъ провинціяхъ и истребить тамъ наши незначительные отряды. Генералъ Жуковскій скоро разгадалъ замыслы Миръ-Гасана и, прервавъ съ нимъ сношенія, рѣшилъ немедленно открыть военныя дѣйствія.

22-го апрѣля 1831 года отрядъ выступилъ къ с.с. Амборани и Міану, гдѣ собрались

[2] Дѣло № 37. 2 отд. Ген. Шт. Архивъ Кавк. окр. шт.

главныя силы мятежниковъ. Войска были раздѣлены на три колонны: первая направилась черезъ селенія Балабуръ и Хазавуа; вторая — черезъ с. Веревулъ, а третья, изъ с. Кизилъ-Агача, пошла черезъ Аркевань. На другой день всѣ три колонны соединились въ Амбо-рани. Въ Хазавуа и Варевулѣ толпы мятежниковъ, встрѣтивъ русскихъ залпами, намѣревались остановить дальнѣйшее ихъ наступленіе. Съ обѣихъ сторонъ завязалась сильная, хотя и непродолжительная перестрѣлка, во время которой у насъ убиты: одинъ оберъ-офицеръ и трое рядовыхъ Апшеронцевъ; толпы талышинцевъ вскорѣ разсѣялись и войска могли безпрепятственно продолжать свой путь. Въ тотъ же день генералъ-маіоръ Жуковскій разослалъ по всему Талышинскому ханству прокламаціи, съ приглашеніемъ жителей возвратиться въ свои дома и жить спокойно; въ случаѣ же сопротивленія грозилъ отнятіемъ имущества, разореніемъ домовъ и примѣрнымъ наказаніемъ ослушниковъ. Воззванія подѣйствовали и часть жителей изъявила покорность. Желая и всѣхъ остальныхъ привести къ тому же, генералъ Жуковскій счелъ необходимымъ воздѣйствовать на нихъ силою и, потому, двинулся съ отрядомъ въ Дрыхскій магалъ, куда отступилъ Миръ-Гасанъ съ своимъ скопищемъ, послѣ дѣла 23-го апрѣля. При появленіи въ магалѣ русскихъ, предводитель мятежа началъ углубляться въ горы, избѣгая встрѣчи съ нашими войсками. Впрочемъ, Гасанъ-Хану было не до насъ: въ его скопищѣ появилась холера, которая, распространяясь съ невѣроятною быстротой, ежедневно уносила цѣлыя сотни жертвъ. Страшная эпидемія не замедлила проникнуть и въ нашъ отрядъ, и, для спасенія отъ нея войскъ, Жуковскій отвелъ ихъ къ селенію Аліабадъ, расположенному на возвышенномъ мѣстѣ и обладающему хорошей водой. Холера вскорѣ уменьшилась. Видя безплодность своихъ замысловъ, Миръ-Гасанъ-Ханъ ушелъ въ Астару, вслѣдъ затѣмъ и спокойствіе начало быстро возстановляться въ Талышахъ. Это обстоятельство дало возможность возвратить Апшеронцевъ въ Дагестанъ, гдѣ чувствовалась настоятельная потребность въ войскахъ. 24-го мая генералъ Жуковскій отправилъ въ Кубу роты Апшеронскаго и баталіонъ 42-го егерскаго полковъ, Донской Басова полкъ, 6 орудій и 2 горныхъ единорога.

Между тѣмъ, Кази-Мулла, успѣвъ собрать въ маѣ мѣсяцѣ многочисленное скопище горцевъ, напалъ на кр. Бурную, но потерпѣлъ здѣсь 28-го и 29-го мая сильное пораженіе и принужденъ былъ отступить. Тѣмъ не менѣе, командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генералъ-маіоръ Кохановъ, просилъ подкрѣпленій у графа Паскевича; вслѣдствіе чего 9-го іюня высланы были изъ Кубы въ кр. Бурную 6 ротъ Апшеронцевъ, 4 орудія 5-й роты 22-й артиллерійской бригады и 200 человѣкъ Кубинской конницы, подъ командой Апшеронскаго полка маіора Авраменко. 17-го іюня этотъ отрядъ подошелъ къ селенію Буйнакъ. Имѣя съ собой большой артиллерійскій паркъ и много провіанту, и намѣреваясь перемѣнить своихъ изнуренныхъ лошадей и быковъ, маіоръ Авраменко потребовалъ къ себѣ буйнакскаго бека и приказалъ ему собрать должное количество арбъ и животныхъ, на что послѣдній и изъявилъ полное согласіе. Но въ продолженіи ночи жители вывезли изъ селенія свои семейства и имущество, и, давъ знать карабудахкентцамъ о прибытіи русскихъ, начали укрѣплять завалами всѣ входы въ Буйнакъ. Кромѣ того, они подговорили нѣкоторыхъ изъ нашихъ аробщиковъ, находившихся съ артиллерійскимъ паркомъ, уйти и угнать съ собою быковъ. Утромъ, 18-го іюня, Авраменко опять потребовалъ бека, но тотъ отказался явиться, отвѣтивъ посланному, что если русскіе подождутъ, то арбы имъ будутъ доставлены. Убѣдившись изъ такого отвѣта, что буйнакцы намѣреваются задержать отрядъ до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не подоспѣетъ помощь изъ ближайшихъ селеній, маіоръ Авраменко рѣшился двинуться впередъ. Едва наши роты вытянулись по дорогѣ, какъ собравшіеся жители Буйнака, Карабудахкента и многихъ другихъ селеній встрѣтили ихъ

сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Дерзкія нападенія горцевъ вынудили начальника отряда нѣсколько разъ останавливать войска и охлаждать порывы непріятеля огнемъ артиллеріи и штыками, причемъ молодецки дѣйствовали наши стрѣлки, на которыхъ по большей части обрушивались мятежники. Тѣмъ не менѣе, собравшееся скопище слѣдовало за отрядомъ до р. Манаса, гдѣ войска остановились на ночлегъ. Независимо отъ обороны, войскамъ приходилось еще на пути исправлять мосты, заранѣе испорченные туземцами. Восемь часовъ безпрерывнаго боя стоили намъ 1 убитаго казака, 1 раненаго и 2-хъ контуженныхъ нижнихъ чиновъ Апшеронцевъ [3]. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, Авраменко двинулся къ Бурной. Располагавшееся на ночлегѣ невдалекѣ отъ Манаса скопище теперь провожало отрядъ, идя въ сторонѣ у подошвы горъ и не вступая въ перестрѣлку. На половинѣ дороги къ Бурной, войска были встрѣчены залпомъ засѣвшихъ въ засадѣ горцевъ, для выбитія которыхъ изъ балокъ и лѣсу посланы въ атаку Апшеронскіе стрѣлки и вышедшіе изъ Бурной на встрѣчу русскимъ казаки Донскаго Басова полка. Вскорѣ непріятель былъ выбитъ, причемъ болѣе 150 горцевъ погибло подъ штыками стрѣлковъ и шашками донцовъ; кромѣ того, 7 человѣкъ взято въ плѣнъ. 19-го іюня маіоръ Авраменко прибылъ къ Бурной и расположился лагеремъ у сел. Тарки.

Потерпѣвъ неудачу у Бурной, Казилъ-Мулла рѣшилъ попытать счастья въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, и, въ половинѣ іюня, съ большимъ скопищемъ обложилъ кр. Внезапную, гарнизонъ которой очутился, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ безвыходномъ положеніи, ибо горцы отвели отъ нея воду. Чтобы добыть воды, въ ночь съ 19-го на 20-е іюня, частью гарнизона произведена была вылазка, окончившаяся неудачно. Для помощи осажденнымъ и отвлеченія отъ Внезапной части скопища, генералъ-маіоръ Кохановъ выслалъ по направленію къ ней, 25-го іюня, баталіонъ Апшеронцевъ, 4 сотни донскаго Басова полка и дивизіонъ 5-й резервной артиллерійской роты. Пройдя 25 верстъ, колонна эта на пути заняла покинутое жителями селеніе Кумтеръ-кале. Ночью сильный русскій разъѣздъ, отправленный къ селенію Чиркей, замѣтилъ въ немъ большое скопище горцевъ, и возвратился къ ночлегу. На другой день колонна возвратилась въ Тарки.

Подъ вліяніемъ воззваній Кази-Муллы, пламя возмущенія охватило все шамхальство, и партіи горцевъ совершенно наводнили до того мирную страну. Генералъ Кохановъ выступилъ съ отрядомъ изъ Бурной и расположился лагеремъ при сел. Кафыръ-Кумыкѣ [4]. 15-го іюля разъѣзды дали знать, что большое скопище непріятеля находится въ сел. Эрпели. Желая узнать, въ какомъ именно числѣ собрались горцы, генералъ Кохановъ, съ разсвѣтомъ, 16-го іюля, съ 6-ю ротами Апшеронцевъ, 6-ю орудіями № 3-й легкой роты 21-й артиллерійской бригады, 3-мя сотнями Донскаго Басова полка и 3-мя сотнями мусульманской конницы, выступилъ къ сказанному селенію. Когда отрядъ вышелъ на равнину, въ 5-ти верстахъ отъ Эрпели, то на высотахъ и въ тѣснинѣ, черезъ которую пролегалъ путь, показались значительныя толпы горцевъ, поспѣшно угонявшихъ пасшійся въ окрестностяхъ скотъ. Въ виду того, что нами предпринята была только рекогносцировка, а между тѣмъ движеніе войскъ по узкому Эрпелинскому дефиле могло повлечь за собою большія и совершенно напрасныя потери,— начальникъ отряда свернулъ вправо, и направился по дорогѣ въ сел. Каранай; пройдя версту, войска спустились на лѣвую дорогу, ведущую къ Эрпели. У входа въ лѣсъ, окружавшій со всѣхъ сторонъ селеніе, открылись многочисленные завалы и шалаши горцевъ. Генералъ Кохановъ остановился, построилъ войска въ бое-

---

3) Рапортъ маіора Авраменко за № 131.

4) Отрядъ состоялъ изъ 6-ти ротъ Апшеронскаго и 4-хъ ротъ Куринскаго полковъ, Донскаго полковника Басова полка 7 орудій 21-й артиллерійской бригады и Кюринской конной милиціи.

вой порядокъ, въ надеждѣ, что непріятель, видя малочисленность русскихъ, оставитъ завалы и перейдетъ въ наступленіе. Но горцы, повидимому, не имѣли никакого желанія бросать свои надежныя укрѣпленія, почему начальникъ отряда приказалъ конницѣ прекратить безполезную перестрѣлку, и, считая основную цѣль рекогносцировки вполнѣ достигнутой, возвратился въ лагерь при Кафыръ-Кумыкѣ, безъ всякаго преслѣдованія со стороны горцевъ.

Нерѣшительныя дѣйствія нашихъ войскъ и, въ сущности, безцѣльныя движенія отряда Коханова развивали только въ непріятелѣ самоувѣренность и были на руку Кази-Муллѣ, который въ своихъ воззваніяхъ старался вселить въ единовѣрцахъ убѣжденіе о безсиліи русскихъ въ Дагестанѣ. Обаяніе имама было настолько велико, что отраженіе его скопищъ отъ кр. Внезапной не произвело уже рѣзкаго впечатлѣнія и не отшатнуло отъ него горцевъ. Во второй половинѣ іюня Кази-Мулла сосредоточилъ все вниманіе на Табасарани и задумалъ овладѣть Дербентомъ. Тревожные слухи о готовящемся въ Табасарани возстаніи заставили туда двинуть войска. Въ началѣ іюля въ Табасарань, уже всю охваченную мятежомъ, прибылъ съ 2-мя баталіонами 42-го егерскаго полка полковникъ Миклашевскій, разбилъ скопища мятежниковъ у селенія Сыртичъ и, повидимому, временно возстановилъ спокойствіе. Въ дѣйствительности же табасаранцы тайкомъ подготовлялись къ совокупнымъ дѣйствіямъ со скопищами съ часу-на-часъ ожидаемаго Кази-Муллы. Въ самомъ дѣлѣ, 12-го августа, имамъ съ 2-хъ тысячами горцевъ пришелъ въ сел. Башлы, и, на другой день, усиливъ себя башлинцами, двинулся къ Дербенту, на пути къ которому къ имаму присоединялись жители различныхъ селеній, встрѣчавшіе его съ восторгомъ. Первыми подверглись разгрому Кази-Муллы владѣнія Ибрагимъ-Бека Карчагскаго, оставшагося намъ вѣрнымъ и бѣжавшаго въ Дербентъ съ нѣсколькими нукерами. Для воспрепятствованія мятежникамъ проникнуть въ Кубинскую провинцію, командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Остроуховъ выслалъ въ сел. Зіахуръ 2 роты Апшеронцевъ, подъ командою маіора Лещенки[5].

Хотя въ Дербентѣ находилось всего только 2 баталіона, тѣмъ не менѣе гарнизонъ и жители дѣятельно приготовлялись къ упорной оборонѣ. 19-го августа мѣстный комендантъ, маоіръ Васильевъ получилъ отъ Кази-Муллы письмо слѣдующаго содержанія: «Отъ бѣднаго или ничтожнаго раба Божія, признающагося въ своемъ немогуществѣ, Кази-Мамеда (да подкрѣпитъ его всемогущій Богъ) начальнику войскъ, Дербентскому коменданту. Да будетъ миръ тому, кто послѣдуетъ волѣ Божіей. Аминь. Я приглашаю тебя и тѣхъ, которые съ тобою, къ мусульманской вѣрѣ. Будете мусульманами — останетесь невредимы, не отрекайтесь, — пойдете въ рай. Покайся ты съ твоими послѣдователями въ своихъ грѣхахъ и обратитесь къ долгу вамъ и намъ равному. Не поклоняйтесь никому, кромѣ единаго Бога, и не полагайте Ему товарища. Можно-ли сомнѣваться въ Богѣ, сотворшемъ небо и землю, или въ пророкѣ Его, для котораго Онъ создалъ ихъ? Еще знайте навѣрное, что вы получите наказаніе отъ Бога, если не послушаетесь и не обратитесь. Дожидайтесь, мы такъ же дожидаемся». Настоящее посланіе, съ предложеніемъ перейти въ «мусульманскую вѣру», имѣло довольно рѣшительный характеръ и ясно показывало полную увѣренность Кази-Муллы въ успѣхахъ предстоящаго нападенія на Дербентъ. 20-го числа непріятель сжегъ пригородные хутора и обложилъ городъ.

Генералъ Кохановъ, ровно ничего не знавшій о дѣйствіяхъ Кази-Муллы и о блокадѣ Дербента[6], 22-го августа выступилъ съ отрядомъ изъ лагеря у сел. Кафыръ-Кумыка,

---

[5]) Полковникъ Остроуховъ назначенъ былъ полковымъ командиромъ въ 1831 году, вмѣсто Мищенки, который смѣненъ, но оставленъ въ полку.

[6]) Маіоръ Васильевъ, еще до обложенія города, послалъ къ Коханову чапара и казака съ извѣстіемъ о происходившемъ, но первый былъ взятъ горцами въ плѣнъ, а второго они убили.

намѣреваясь направиться въ Табасарань. По дорогѣ онъ рѣшилъ уничтожить сел. Казанище, въ которомъ собрались мятежники со всѣхъ окрестныхъ селеній. Отправивъ обозъ прямой дорогой въ сел. Параулъ, подъ прикрытіемъ 4-хъ ротъ Куринскаго полка, 4-хъ орудій и куринской конницы, Кохановъ съ остальными войсками (6-ть ротъ Апшеронскаго полка, 3 орудія и Донской Басова полкъ) двинулся къ Казанищу. 23-го августа, какъ разъ въ день коронаціи Императора Николая I, отрядъ подошелъ къ селенію. На ближайшихъ высотахъ располагались большія толпы мятежниковъ, разсѣявшихся отъ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ, послѣ чего высоты были заняты нашей конницей. Затѣмъ Кохановъ направилъ 3 роты Апшеронцевъ съ однимъ орудіемъ, подъ командою маіора Авраменки, для занятія Казанищъ, гдѣ, казалось, совсѣмъ не было защитниковъ. Лишь только Апшеронцы вошли въ аулъ и втянулись въ узкую улицу, какъ изъ всѣхъ сакель посыпался на нашихъ градъ пуль. «Но трудно было поколебать храбрыхъ солдатъ, руководимыхъ опытными, отличными офицерами: каждая сакля была взята приступомъ, и непріятель погибалъ подъ штыками солдатъ. Орудіе, поставленное на площадкѣ около шамхальскаго дома, какъ разъ въ серединѣ аула, производило опустошеніе въ рядахъ защитниковъ его, рѣшившихся до послѣдней возможности защищать свои дома. Все Казанище было разорено и сожжено. Три роты Апшеронцевъ, баталіона Авраменки, ведомыя храбрыми командирами своими— капитаномъ Синельниковымъ 1-мъ, Синельниковымъ 2-мъ и поручикомъ Войцеховскимъ 2-мъ, оказали въ этомъ славномъ дѣлѣ геройскую храбрость, свойственную однимъ только русскимъ; отличились также находившіеся въ цѣпи стрѣлковъ прапорщики Случевскій и Тимошевскій [7])». Наша потеря состояла изъ одного убитаго, 5-ти раненыхъ рядовыхъ и 3-хъ казаковъ. Разгромивъ Казанище, генералъ Кохановъ свернулъ къ Параулу, куда и прибылъ того же числа къ вечеру. Непріятель завелъ по дорогѣ слабую перестрѣлку съ аріергардомъ; но два картечныхъ выстрѣла его совершенно разсѣяли. Изъ Параула отрядъ перешелъ въ сел. Губдень, чтобы, при первой надобности, быть готовымъ подать помощь кр. Бурной или Дербенту.

Уже въ Губдени Кохановъ, совершенно неожиданно, получилъ извѣстіе о блокадѣ Дербента и немедленно выступилъ на помощь осажденнымъ. Съ 20-го августа горцы, окруживъ со всѣхъ сторонъ и держа городъ въ тѣсной блокадѣ 7 дней, неоднократно пытались штурмовать Дербентъ, но каждый разъ были отражаемы съ большимъ урономъ. 26-го августа, узнавъ о движеніи въ Табасарань отряда Коханова, Кази-Мулла бросилъ весь лагерь, скотъ, заготовленныя для штурма лѣстницы и фашины и, въ 3 часа ночи, бѣжалъ, оставивъ въ виду города одни караулы.

На другой день, въ 6 часовъ пополудни, въ Дербентъ вступилъ съ войсками Кохановъ восторженно встрѣченный жителями и гарнизономъ. Потерпѣвъ неудачу у Дербента, имамъ все-таки не покидалъ Табасарани и сначала двинулся къ селенію Рукелю, а отсюда, 29-го августа, въ селеніе Илаби, гдѣ и основалъ свою резиденцію, а его скопища принялись за устройство себѣ лагеря въ ущельи, при селеніи Бильгады. Получивъ извѣстіе, что нѣкоторые изъ табасаранскихъ бековъ изъявляютъ покорность русскимъ, имамъ счелъ небезопаснымъ для себя оставаться дальше въ Табасарани и перешелъ сначала въ кайтахское селеніе Сюмси, а отсюда перебрался въ шамхальство.

Возраставшее въ горахъ вліяніе Кази-Муллы и общее возмущеніе почти всѣхъ дагестанскихъ провинцій заставили командира Кавказскаго корпуса обратить на положеніе Дагестана серьезное вниманіе. Въ началѣ октября онъ рѣшилъ предпринять экспедицію съ цѣлью

---

[7]) Донесеніе генералъ-маіора Коханова за № 499. Дѣло № 16, ч. 3-я 2-е отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавк. Окр. штаба.

водворенія спокойствія въ Дагестанѣ, для чего и сформированъ былъ отрядъ, въ составъ котораго вошли: 2 роты Апшеронскаго, по 2 баталіона Эриванскаго и 42-го егерскаго полковъ и 12 орудій; этому отряду предназначалось соединиться въ Дагестанѣ съ войсками генералъ-маіора Коханова (состоявшими изъ 6 ротъ Апшеронцевъ и 6 ротъ Куринцевъ, Донскаго Басова полка и № 3-й легкой роты 21-й артиллерійской бригады), послѣ чего оба поступали подъ начальство генералъ-адъютанта Панкратьева.

Соединеніе отрядовъ состоялось въ концѣ сентября въ Дербентѣ; 30-го сентября пріѣхалъ сюда назначенный ихъ общій начальникъ, а 2-го октября всѣ войска раздѣлены были на три колонны [8]).

Первая — полковника князя Дадіани — изъ 6 ротъ пѣхоты, 4 орудій и 3-го мусульманскаго полка,—направилась на селеніе Хушни; вторая—полковника Миклашевскаго, въ составѣ двухъ баталіоновъ 42-го егерскаго и баталіона Куринскаго полковъ, 4 орудій и 1-го и 2-го мусульманскихъ полковъ, двинулась въ селеніе Дювекъ, — одну изъ неприступнѣйшихъ мѣстностей Табасарани. Третья колонна—изъ 7 ротъ Апшеронскаго полка и Донскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ полковника Басова, долженствовала идти къ селенію Меджалису, съ цѣлью привлечь на себя вниманіе непріятеля и тѣмъ самымъ облегчить колоннѣ полковника Миклашевскаго занятіе Дювека.

Въ семи верстахъ отъ Меджалиса, при уроч. Сюмси, Басова встрѣтили конные и пѣшіе мятежники, численностью болѣе 1 ½ тысячи, которыхъ принудили къ отступленію стрѣлки, высланные отъ 1-й гренадерской, 1-й и 3-й мушкетерскихъ ротъ Апшеронскаго полка. Перестрѣлка продолжалась уже около двухъ часовъ, какъ полковникъ Басовъ, желая прекратить ее и очистить опушки лѣса у Меджалиса отъ непріятеля, приказалъ стрѣлкамъ, поддержаннымъ 2-й и 4-й мушкетерскими ротами, атаковать горцевъ и штыками выбить ихъ оттуда. Съ крикомъ «ура» пошли Апшеронцы въ штыки, опрокинули горцевъ и обратили ихъ въ бѣгство. Вслѣдъ затѣмъ наша конница заняла селеніе, жители коего не осмѣлились уже защищаться. Принявъ изъявленіе покорности отъ Меджалиса, Басовъ вывелъ конницу изъ селенія, и вся колонна возвратилась въ урочище Сюмси, гдѣ и расположилась на ночлегъ. Вся наша потеря состояла лишь изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ [9]). Такимъ образомъ, цѣль дѣйствій 3-й колонны была вполнѣ достигнута и значительная часть скопища отвлечена отъ селенія Дювека, взятаго приступомъ 3-го октября войсками колонны полковника Миклашевскаго, лишившейся при этомъ до 30 человѣкъ убитыми и ранеными, помимо потери въ мусульманскихъ полкахъ.

Одновременно съ описаннымъ, и полковникъ князь Дадіани успѣлъ выполнить возложенную на него задачу, взявъ съ боя селеніе Хушни, съ потерею одного убитаго и семи раненыхъ рядовыхъ.

Разбитыя толпы табасаранцевъ сосредоточились теперь у селенія Хемеди, гдѣ жилъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ послѣдователей Кази-Муллы — Абдулъ-Кадій. Чтобы окончательно покончить съ усмиреніемъ Табасарани, генералъ-адъютантъ Панкратьевъ предписалъ князю Дадіани и полковнику Басову атаковать Хемеди и разсѣять собравшихся тамъ горцевъ.

Приказавъ солдатамъ снять ранцы и оставивъ весь обозъ у Сюмси, полковникъ Басовъ, 6-го октября, выступилъ изъ лагеря и направился форсированнымъ маршемъ къ Хемеди. По дорогѣ непріятель неоднократно пытался остановить движеніе нашихъ войскъ, но каждый разъ терпѣлъ неудачу, такъ что около полудня, 7-го числа, 3-я колонна стояла уже въ

8) Въ отрядѣ находились два баталіона Апшеронцевъ: весь 1-й баталіонъ и сводный, изъ 2-й и 3-й гренадерскихъ, 4-й и 9-й мушкетерскихъ ротъ.

9) Донесеніе полковника Басова № 870. Дѣло № 78. 2 Отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

виду Хемеди. Князь Дадіани еще не приходилъ, да и не извѣстно было, гдѣ онъ находился. Между тѣмъ многочисленныя толпы горцевъ окружали селеніе, жители котораго, занявъ часть сакель, видимо приготовлялись къ упорной защитѣ. Не желая терять даромъ времени, Басовъ рѣшился немедленно штурмовать Хемеди, для чего и назначилъ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ. «Несмотря на упорное сопротивленіе жителей и окружавшихъ селеніе горцевъ, Апшеронцы ворвались въ него, истребили часть защитниковъ и, пройдя насквозь Хемеди, штыками выгнали непріятеля»[10]. Наша потеря заключалась въ шести раненыхъ Апшеронцахъ и шести всадникахъ мусульманской конницы. Все селеніе было сожжено. Непріятель въ теченіи часоваго боя понесъ большой уронъ убитыми и ранеными. На другой день въ Хемеди прибылъ князь Дадіани, и, того же числа, обѣ колонны двинулись въ Ханъ-Маметъ-Калу, гдѣ и расположились лагеремъ.

Преслѣдуемые повсюду неудачами и утомленные безполезной борьбой, табасаранцы начали присылать къ намъ старшинъ съ изъявленіемъ покорности. Въ числѣ первыхъ смирилось и выдало намъ заложниковъ Башлы, примѣру котораго вскорѣ послѣдовали и многія другія селенія.

Неудачный исходъ борьбы съ русскими въ Табасарани вынудилъ Кази-Муллу отказаться отъ своихъ надеждъ отторгнуть эту провинцію, и имамъ ограничился лишь упорнымъ отстаиваніемъ селеній Эрпели, Чиркея и Гимръ, укрѣпляемыхъ имъ съ большою поспѣшностью. Мятежники раздѣлились на болѣе или менѣе значительныя партіи, расположившіяся между Казанищами, Гимрами и Чиркеемъ. По словамъ лазутчиковъ, Кази-Мулла намѣревался уйти въ горы, куда предлагалъ переселиться и эрпелинцамъ, но тѣ отказались покинуть свои гнѣзда и говорили имаму: «Если ты могъ насъ возмутить противъ русскихъ, навлечь на насъ грозу, твоя же обязанность отстранить эту грозу и дать намъ способы и возможность защищаться противъ русскихъ».

Водворивъ спокойствіе въ Табасарани, генералъ Панкратьевъ рѣшилъ направиться къ Эрпели и Чиркею, около которыхъ, подъ личнымъ предводительствомъ Кази-Муллы, сосредоточились всѣ горскія скопища. Одновременно съ Панкратьевымъ, со стороны Грозной, выступилъ отрядъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, изъ 2.500 человѣкъ.

19-го октября Вельяминовъ взялъ штурмомъ селеніе Чиръ-Юртъ, нанеся непріятелю огромный уронъ. Передъ выступленіемъ изъ Табасарани, Дагестанскій отрядъ былъ раздѣленъ на 4 колонны: первая — полковника Миклашевскаго, состояло изъ двухъ баталіоновъ 42-го егерскаго полка, 1-го конно-мусульманскаго полка и двухъ орудій; вторая — подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Панкратьева, изъ семи ротъ Апшеронцевъ; въ третьей — полковника Басова, находилась кавалерія, и четвертая колонна — резервная, — изъ двухъ баталіоновъ Эриванскаго карабинернаго полка, 16 орудій; при ней слѣдовали всѣ обозы.

28-го октября всѣ четыре колонны сосредоточились у Кафыръ-Кумыка, откуда отрядъ перешелъ къ аулу Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Здѣсь Панкратьевъ получилъ извѣстіе, что Умалатъ-бей (родственникъ шамхала, передавшійся Кази-Муллѣ и получившій отъ него достоинство шамхала) укрѣпился въ Эрпели, гдѣ собралось около 10 тысячъ горцевъ и находилось имущество жителей со всѣхъ ближайшихъ селеній. Расположенное въ 7-ми верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, селеніе Эрпели окружено со всѣхъ сторонъ глубокими оврагами и лѣсомъ, въ которомъ непріятель заблаговременно устроилъ окопы, засѣки, завалы и т. п. препятствія. Овладѣніе Эрпелями и разсѣяніе мятежниковъ долженствовало оказать рѣшительное вліяніе на спокойствіе во всемъ шамхальствѣ; за то неудача могла имѣть гибельные

---

[10]) Тамъ же. Донесеніе полковника Басова. № 889.

послѣдствія — поголовное возстаніе въ Дагестанѣ. Принявъ въ соображенія эти два важныя обстоятельства, генералъ Панкратьевъ рѣшился двинуться къ Эрпели, и во что бы то ни стало, овладѣть имъ. 23-го октября войска выступили изъ Темиръ-Ханъ-Шуры: въ головѣ шелъ Донской Басова полкъ, кюринская и бакинская конница; за ними два баталіона 42-го егерскаго и 7 ротъ Эриванскаго полковъ, при 8 орудіяхъ, съ полковникомъ Миклашевскимъ во главѣ, которому приказано было направиться по каранаевской дорогѣ и выйти въ тылъ сел. Эрпели. Два баталіона Апшеронцевъ, баталіонъ Куринскаго полка, 3 орудія 21-й и 4 орудія 22-й артиллерійскихъ бригадъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Коханова, шли непосредственно за войсками Миклашевскаго. Въ общемъ резервѣ остались: 1-й, 2-й и 3-й конно-мусульманскіе полки, подъ командою генералъ-маіора Калбалай-Хана. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для прикрытія вагенбурга, оставались 3 роты, 6 орудій и 150 человѣкъ мусульманской конницы.

Хотя необыкновенно густой туманъ и не позволялъ различать предметовъ, даже на самомъ близкомъ разстояніи, тѣмъ не менѣе колонны не уклонялись отъ даннаго имъ направленія, чему много способствовалъ прапорщикъ корпуса топографовъ Колоколовъ, прекрасно изучившій эту мѣстность. Подведя войска на пушечный выстрѣлъ къ непріятельской позиціи, генералъ Панкратьевъ приказалъ полковнику Басову съ кавалеріей двинуться на рысяхъ налѣво, переправиться черезъ оврагъ и занять лѣсъ, лежавшій влѣво отъ Эрпели. Колонна генерала Коханова пошла прямо на завалы, расположенные вправо отъ большой дороги; высланная отъ 1-го баталіона Апшеронцевъ цѣпь открыла огонь по непріятельскимъ окопамъ, артиллерія же сначала стрѣляла по нимъ ядрами, а потомъ, по мѣрѣ приближенія къ противнику, картечью. Въ то же время полковникъ Миклашевскій атаковалъ и взялъ завалы по каранаевской дорогѣ. Услышавъ ружейные выстрѣлы со стороны Караная, что указывало на вступленіе въ дѣло колонны Миклашевскаго, генералъ Панкратьевъ немедленно приказалъ полковнику Гофману, съ своднымъ баталіономъ Апшеронцевъ (подъ командою маіора Лещенка) и баталіономъ Куринскаго полка атаковать завалы, расположенные въ центрѣ непріятельской позиціи. Въ видахъ отвлеченія же части скопища, по большой эрпелинской дорогѣ направленъ маіоръ Авраменко съ 1-мъ баталіономъ Апшеронцевъ, 3-мъ мусульманскимъ полкомъ и 2-мя орудіями для штурма и овладѣнія самымъ ауломъ.

Колонна полковника Гофмана, безъ выстрѣла, подошла къ заваламъ и, съ крикомъ «ура», брисилась въ штыки. Схватка продолжалась не болѣе 2-хъ минутъ, и горцы обратились въ бѣгство, оставивъ у заваловъ нѣсколько тѣлъ. Между тѣмъ, маіоръ Авраменко, отправленный по большой эрпелинской дорогѣ, долженъ былъ проходить крутыми оврагами, въ которыхъ его колонну, буквально, осыпали пулями. Приблизясь къ узкой плотинѣ, находившейся почти у самаго селенія, наши войска были встрѣчены главной массой непріятеля. собравшагося для защиты Эрпели. Авраменко, послѣ непродолжительной перестрѣлки, повелъ баталіонъ въ штыки. Несмотря на свой громадный численный перевѣсъ, горцы не выдержали смѣлой атаки Апшеронцевъ и отступили-было въ селеніе, въ которомъ также не могли удержаться и, потому, обратились въ бѣгство. Потеря колонны Авраменки заключалась въ 1-мъ раненомъ оберъ-офицерѣ, 2-хъ убитыхъ и 3-хъ раненыхъ рядовыхъ; въ мусульманскомъ полку убито 2 и ранено 6 человѣкъ. Въ награду побѣдителямъ досталось знамя Умалатъ-бея, собранное въ Эрпели разнообразное имущество жителей, до 10 тысячъ рогатаго скота и взято въ плѣнъ нѣсколько десятковъ горцевъ; на мѣстѣ боя осталось болѣе 100 человѣкъ. Общая потеря отряда состояла изъ 8 убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ — 2-хъ оберъ-офицеровъ и 31 нижняго чина.

*

24-го октября войска оставались на позиціи у Эрпели. Для облегченія движенія отряда въ Чиркей, по крайне трудной дорогѣ, весьма часто обращавшейся въ узенькую тропинку, всѣ излишнія полковыя тяжести, вьюки мусульманскихъ полковъ, больные, раненые и подвижной провіантскій транспортъ отправлены въ Кафыръ-Кумыкъ, гдѣ устроенъ былъ вагенбургъ, для прикрытія котораго остался одинъ баталіонъ, 5 орудій, 4 мортирки и 2 сотни мусульманскаго полка. Остальныя войска, въ 8 часовъ утра, 25-го числа, выступили къ Чиркею, съ цѣлью взять его и тѣмъ закончить экспедицію.

Въ 5 часовъ по полудни отрядъ подошелъ къ рѣкѣ Сулаку, на лѣвомъ берегу которой стоялъ аулъ Чиркей. Въ немъ виднѣлись горскія толпы. Впослѣдствіи оказалось, что для защиты его собрались чеченцы, салатавцы, койсубулинцы и другіе[11]. Чиркеевцы сломали всѣ мосты на Сулакѣ, чтобы отрѣзать войска отъ аула. На лѣвомъ берегу рѣки, какъ разъ противъ расположенія Чиркея, возвышался рядъ заваловъ, откуда горцы открыли сильный огонь, по приближеніи русскихъ. Выгодное положеніе непріятеля, въ связи съ отсутствіемъ переправъ, могло сильно затруднить успѣшное исполненіе предпріятія, въ виду чего генералъ Панкратьевъ рѣшилъ немедленно занять правый берегъ Сулаки, съ цѣлью уменьшенія дѣйствія непріятельскаго огня изъ заваловъ противуположнагоберега. Не смотря на губительный огонь горцевъ, стрѣлки 1-го баталіона Апшеронскаго и Куринскаго полковъ сбѣжали по крутому берегу къ рѣкѣ и, передъ разрушеннымъ мостомъ, заняли завалы, послужившіе теперь для нихъ закрытіемъ, и начали сильную и мѣткую стрѣльбу по непріятелю. Наступали сумерки. Противъ самаго Чиркея рѣка имѣетъ чрезвычайно быстрое теченіе и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень глубока, и потому нечего было и думать о переправѣ въ бродъ. Огонь съ обѣихъ сторонъ мало-по-малу уменьшался и, наконецъ, совсѣмъ прекратился. Переправу отложили до слѣдующаго дня, съ каковой цѣлью предположено возобновить разрушенный мостъ, для осмотра котораго посылались офицеры ночью. По обслѣдованіи оказалось, что мостъ, въ сжатомъ ущельи, сильно обстрѣливался изъ заваловъ лѣваго берега Сулака; къ нему вела узкая тропа, проходившая подъ скалой, надъ самымъ берегомъ, и также отлично обстрѣливавшаяся изъ заваловъ; кромѣ того, непріятель могъ засыпать войска камнями съ противуповожнаго берега. Всѣ эти данныя указанія заставляли отказаться отъ возобновленія моста и, потому, на случай переправы, по приказанію начальника отряда, отыскали по близости бродъ. Для удаленія горцевъ изъ заваловъ, устроили въ теченіи ночи противъ моста батарею на 2 легкихъ орудія, съ которой, съ наступленіемъ утра, и открыли по заваламъ сильный огонь, между тѣмъ какъ остальныя 10-ть орудій громили самый Чиркей. Подъ прикрытіемъ огня артиллеріи и стрѣлковъ 1-го баталіона Апшеронцевъ, началась переправа кавалеріи и 2-го баталіона 42-го егерскаго полка. Рѣшительныя дѣйствія нашихъ войскъ навели такой страхъ на горцевъ, что они, подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, выслали на берегъ своихъ выборныхъ, съ просьбою о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій и дарованіи пощады. Генералъ-адъютантъ Панкратьевъ согласился простить жителей только на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Чиркей, принеся безусловную покорность, обязывался исполнять безпрекословно всѣ приказанія, исходившія отъ начальника войскъ Кавказской линіи, въ вѣдѣніи котораго, по своему мѣстоположенію, находился аулъ.
2) Чиркеевцы должны дать клятвенное обѣщаніе никогда не принимать къ себѣ измѣнника Кази-Муллу, и
3) немедленно возвратить орудіе, взятое Кази-Муллой въ экспедицію, предпринятую противъ него въ этомъ же году генералъ-лейтенантомъ Эмануэлемъ.

[11]) Число горцевъ доходило до 4½ тысячъ.

На всѣ предложенныя условія жители изъявили полное согласіе и обѣщались доставить орудіе. Наша потеря при Чиркеѣ состояла изъ 10-ти убитыхъ и 73-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Непріятель же имѣлъ около 300 человѣкъ убитыми и ранеными [12].

Покореніе Чиркея, лишивъ Кази-Муллу еще одного надежнаго убѣжища, вмѣстѣ съ тѣмъ повліяло и на другія непокорныя общества Дагестана, старшины которыхъ явились въ лагерь съ изъявленіемъ покорности.

27-го октября отрядъ двинулся къ Кафыръ-Кумыку, гдѣ и расположился лагеремъ. 28-го числа отпущены были: Кюринская, Бакинская и Шемахинская милиціи, и ожидалось только прибытіе чиркеевскихъ старшинъ, чтобы, затѣмъ, распустить по штабъ-квартирамъ и остальныя войска. Наконецъ утромъ, 29-го октября, вдали показалась толпа горцевъ и съ ними наше орудіе. Солдаты повысыпали изъ лагеря на-встрѣчу, и отбитое Кази-Муллой орудіе съ тріумфомъ привезено было въ самый лагерь, гдѣ и поставлено около палатки начальника отряда.

Въ тотъ же день чиркеевскіе старшины приняли присягу на вѣрность Государю Императору и, съ ними, присягнули старшины нѣкоторыхъ другихъ возставшихъ Шамхальскихъ селеній.

Такимъ образомъ, возмущеніе въ Дагестанѣ, менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, было окончательно подавлено.

30-го октября начался роспускъ войскъ. 2 баталіона Апшеронцевъ, 6 ротъ Куринскаго полка, 7 орудій 21-й и 6—22-й артиллерійскихъ бригадъ и 4 горныхъ единорога, подъ начальствомъ командира Куринскаго полка, полковника Гофмана, оставленные въ лагерѣ при аулѣ Кафыръ-Кумыкѣ, 4-го ноября двинулись въ Карабудахкентъ.

Въ началѣ ноября стали носиться тревожныя вѣсти, вскорости подтвердившіяся офиціально, о разграбленіи Кизляра, 1-го и 2-го ноября, Кази-Муллою, напавшимъ на этотъ городъ съ 3.000 чеченцевъ и частью приверженныхъ ему дагестанцевъ.

Какъ уже говорилось раньше, отрядъ генерала Вельяминова долженъ былъ, дѣйствуя со стороны Чечни, облегчать задачу войскъ Дагестанскаго отряда, т. е. подавленіе возстанія въ Дагестанѣ.

19-го октября, послѣ занятія Чиръ-Юрта, чеченскій отрядъ простоялъ здѣсь два дня, для сбора войскамъ необходимаго количества хлѣба и фуража и подготовки аула къ полному истребленію, потому что сакли, сложенныя изъ дикаго камня, плохо загорались, за недостаточностью въ нихъ дерева. 22-го числа, по уничтоженіи Чиръ-Юрта, отрядъ двинулся обратно къ Тереку.

24-го октября, генералъ Вельяминовъ получилъ извѣстіе о появленіи Кази-Муллы въ Чечнѣ. Разжигая фанатизмъ ея жителей и возбуждая ихъ противъ русскихъ, имамъ успѣлъ собрать довольно значительное скопище, перейдя съ которымъ р. Сунжу и горы, отдѣляющія ее отъ Терека, онъ склонялъ къ возстанію и терекскихъ чеченцевъ. Послѣднее движеніе непріятеля подвергало опасности станицы Моздокскаго и Гребенскаго казачьяго войска, поэтому Вельяминовъ выступилъ 27-го числа изъ укрѣпленія Ташъ-Кичу къ сел. Брагуны съ тѣмъ, чтобы немедленно перейти черезъ Сунжу. Движеніе отряда замедлялось сильными дождями и большой грязью. Тѣмъ не менѣе, войска въ 8 часовъ вечера прибыли въ Брагуны, но встрѣтили здѣсь неожиданное препятствіе: отъ непрерывнаго ливня вода въ руслѣ рѣки сильно поднялась, переправа, совершенно возможная утромъ, оказалась къ вечеру немыслимой, и отрядъ могъ переправиться только по спадѣ воды, къ сумеркамъ слѣдующаго дня.

[12]) Дѣло № 78, ч. I. 2 Отд. Генеральн. Шт. Арх. Кавказ. Окружн. Шт.

Отправляясь въ Чечню и возбуждая жителей къ поголовному возстанію, Кази-Мулла обѣщалъ отдать имъ на разграбленіе Кизляръ. Чтобы замаскировать свое движеніе къ этому городу, онъ оставилъ часть пѣшихъ чеченцевъ въ сел. Ачехахъ и распустилъ слухъ о своемъ намѣреніи напасть на ст. Щедринскую. Присутствіе скопища въ Ачехахъ принудило генералъ-лейтенанта Вельяминова направиться съ отрядомъ къ этому селенію, а 160 казаковъ и 3 конныхъ орудія, подъ командою полковника Волжинскаго, онъ послалъ къ ст. Щедринской. Между тѣмъ, 1-го ноября, въ то время, какъ отрядъ Вельяминова, не дойдя Ачеховъ, послѣ небольшой перестрѣлки, разсѣялъ скопище горцевъ, Кази-Мулла успѣлъ разграбить Кизляръ.

Около полудня, 1-го ноября, кизлярскому коменданту подполковнику Широкову, дали знать, что неизвѣстные злоумышленники зажгли зданія на Лащуринскомъ форпостѣ. Для разслѣдованія происшедшаго, Широковъ командировалъ къ форпосту штабсъ-капитана Мещерякова съ казаками Терскаго войска. Переправляясь на паромѣ черезъ Терекъ, команда эта была встрѣчена съ противоположнаго берега ружейными выстрѣлами и, въ то же время, чеченцы, перерубили паромный канатъ. Казаки, по необходимости, должны были броситься съ парома въ рѣку, переплыли Терекъ, и, отойдя къ укрѣпленію, затѣяли съ непріятелемъ перестрѣлку, съ цѣлью воспрепятствовать ему перебраться въ городъ. Во время перестрѣлки, штабсъ-капитанъ Мещеряковъ былъ раненъ, и его малочисленная команда отступила. Выстрѣлы вызвали въ городѣ тревогу. Изъ орудій по непріятелю открыли огонь, принудившій его скрыться за строеніями. Въ то же время другая партія переправилась въ городъ, чрезъ Топлинскую рощу, около часовни св. Георгія, а третья — противъ Окочинской городской части. Одна изъ партій бросилась въ слободку, грабила дома и забирала жителей въ плѣнъ, а другія двѣ то же самое производили въ городѣ—въ Армянской и Татарской частяхъ, по правую сторону р. Тополки. У такъ называемаго Тезицкаго квартала хищники встрѣчены были ружейнымъ огнемъ со стороны жителей этой части города, которые, заранѣе барикадировавъ улицы арбами, отражали нападенія, нанося чувствительный вредъ непріятелю.

Изъ слободки чеченцы вскорѣ были вытѣснены нижними чинами 8-го линейнаго баталіона и грузинами. Въ 3 часа пополудни всѣ три партіи покинули городъ; забравъ множество добычи и плѣнныхъ, они переправились черезъ Терекъ и потянулись по дорогѣ къ Лащуринскому форпосту. Преслѣдовать непріятеля не представлялось никакой возможности, по недостатку войскъ. Пришедшій на другой день Донской Басова полкъ не могъ уже догнать хищниковъ. Подѣливъ добычу и плѣнныхъ, Кази-Мулла возвратился въ Дагестанъ [13].

5-го ноября, имамъ подошелъ было къ Чиркею, но жители не пустили къ себѣ мюридовъ; тогда Кази-Мулла направился въ шамхальскія владѣнія, предполагая, что эрпелинцы, каранайцы и ишкартинцы, при первомъ его появленіи, опять поднимутъ знамя возстанія. Но и тутъ имама ожидало полное разочарованіе. Хотя его партія въ 200 человѣкъ и успѣла въ ночь съ 7-го на 8-е ноября захватить Каранай, но 8-го числа эрпелинцы, подъ предводительствомъ своего князя Уллу-бея, напали на мюридовъ, выгнали ихъ изъ селенія и преслѣдовали до самыхъ Гимръ, при чемъ изъ партіи убыло одними убитыми до 40 человѣкъ и 7 взято въ плѣнъ.

Это событіе вполнѣ доказывало благотворность экспедиціи генералъ-адъютанта Панкратьева: отношенія къ Кази-Муллѣ его прежнихъ приверженцевъ, напримѣръ, эрпелинцевъ, совершенно измѣнились и недавнія симпатіи превратились въ полную и нескрываемую

---

13) Дѣло № 78, Арх. Окр. Шт.

ненависть. При первыхъ же вѣстяхъ о появленіи у Чиркея Кази-Муллы, генералъ Панкратьевъ приказалъ полковнику Гофману передвинуться въ Параулъ и поручилъ собранный здѣсь отрядъ генералъ-маіору Коханову. Такое распоряженіе послѣдовало съ цѣлью подачи помощи жителямъ Эрпели и Караная, въ случаѣ въ томъ необходимости.

Послѣ неудачнаго дѣла у Эрпели, Кази-Мулла удалился въ Гимры, откуда и продолжалъ разсылать по Дагестану и Чечнѣ воззванія, приглашая народъ къ поголовному возстанію, на защиту шаріата.

Для охраненія спокойствія въ Сѣверномъ Дагестанѣ, оставлены 2 баталіона Апшеронскаго, 6 ротъ Куринскаго и 2 баталіона 42-го егерскаго полковъ.

При извѣстіи о намѣреніи Кази-Муллы зимовать въ Гимрахъ, рѣшено было, для обезпеченія шамхальскихъ владѣній, занять войсками Эрпели и Каранай, чрезъ которыя проходила дорога изъ Гимръ въ шамхальство.

12-го ноября генералъ-маіоръ Кохановъ прибылъ съ отрядомъ въ аулъ Темиръ-Ханъ-Шуру[14]. На другой день 5 ротъ Куринскаго полка съ 4-я орудіями заняли Эрпели, а 1-й и сборный баталіоны Апшеронцевъ, при 6 орудіяхъ, подъ начальствомъ маіора Авраменки, стали въ Каранаѣ. Но какъ за спокойствіе въ Дагестанѣ невозможно было ручаться, пока Кази-Мулла находился въ Гимрахъ, то, чтобы заставить имама покинуть это убѣжище, генералъ Панкратьевъ, съ двумя баталіонами 42-го егерскаго полка, отправился въ Темиръ-Ханъ-Шуру, распуская слухъ о своемъ намѣреніи предпринять экспедицію въ Гимры. Въ подтвержденіе же слуха, командующій войсками послалъ къ гимринцамъ воззваніе, въ которомъ убѣждалъ изгнать Кази-Муллу, угрожая, въ противномъ случаѣ, истребленіемъ ихъ аула. Угроза подѣйствовала, и гимринскій старшина Давудъ-Магометъ далъ обѣщаніе, что Кази-Мулла не останется въ Гимрахъ. Дѣйствительно, 15-го ноября имамъ отправился въ Ирганай, гдѣ соединился съ партіей Гамзатъ-бека Аварскаго. Понуждаемый койсубулинцами, Кази-Мулла ушелъ изъ Ирганая и съ партіей около 600 человѣкъ мюридовъ спустился съ Койсубулинскихъ горъ въ урочище Чумкескентъ, распространяя молву, что идетъ наказать за измѣну эрпелинцевъ и каранайцевъ.

Какъ только генералъ Кохановъ получилъ извѣстіе о появленіи въ предѣлахъ шамхальства Кази-Муллы, то изъ Дженгутая онъ выступилъ съ 1-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка и двумя орудіями въ Муселимъ-аулъ, жители котораго сообщили, о занятіи и укрѣпленіи мюридами Чумкескента. Притянувъ къ себѣ баталіонъ Куринскаго полка, Кохановъ 23-го ноября двинулся къ названному урочищу. Было уже около 2-хъ часовъ пополудни, когда отрядъ подошелъ къ Чумкескенту; до наступленія темноты оставалось часа три; Кохановъ рѣшился воспользоваться этимъ временемъ для атаки непріятеля. Апшеронскій баталіонъ съ однимъ орудіемъ перешелъ опушку лѣса, для дѣйствія во флангъ противнику, укрѣпившемуся въ лѣсу на противоположной сторонѣ весьма крутаго оврага. Мѣткіе орудійные выстрѣлы и быстрый натискъ стрѣлковъ заставили горцевъ разсѣяться и, оставивъ свою позицію, обратиться въ бѣгство. Къ сожалѣнію, густой туманъ и вслѣдъ за тѣмъ сильный снѣгъ воспрепятствовали преслѣдованію бѣгущаго врага. Въ 5 часовъ вечера Кохановъ приказалъ отступать. Непріятель тотчасъ же кинулся преслѣдовать наши войска; нѣсколько разъ мюриды бросались въ шашки на аріергардъ; но каждый разъ натиски отбивались съ примѣрнымъ мужествомъ, хотя и стоили отряду 9 убитыхъ и 26 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ пяти верстахъ отъ Чумкескента отрядъ остановился бивуакомъ, а на другой день прибылъ въ Казанищи[15]. Дѣло 23-го ноября было для насъ неудачно, ибо предпріятіе не достигло своей цѣли: намъ нѣ-

14) 2 баталіона Апшеронскаго и 6 ротъ Куринскаго полковъ, 6 орудій 21-й и 4 орудія 22-й артиллерійскихъ бригадъ.

15) Дѣло № 78. Донесеніе Коханова за № 942. 2 Отд. Генер. Шт. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

удалось разрушить Чумкескента и изгнать оттуда Кази-Муллы. По объясненію генералъ-маіора Коханова, причины неудачи крылись въ незнаніи мѣстности, неимѣніи при отрядѣ хорошаго проводника и въ отсутствіи единодушія въ дѣйствіяхъ эрпелинцевъ, казанищенцевъ и каранайцевъ[16].

Чтобы наша неудача не произвела дурнаго впечатлѣнія на дагестанцевъ, генералъ Панкратьевъ предписалъ Коханову, а когда онъ заболѣлъ,— полковнику Миклашевскому, присоединивъ 6 ротъ 42-го егерскаго полка, вторично двинуться и взять Чумкескентъ. 30-го ноября отрядъ собрался въ Казанищахъ. Оставивъ здѣсь вагенбургъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, Миклашевскій, съ разсвѣтомъ, 1-го декабря, выступилъ къ Чумкескенту. Въ промежутокъ времени отъ 24-го ноября до 1-го декабря Кази-Мулла усилился прибывшими изъ горъ мюридами и его скопище простиралось уже до 800 человѣкъ. Подойдя къ урочищу, полковникъ Миклашевскій поставилъ одну роту Куринскаго полка на возвышенности, противъ лѣваго фланга укрѣпленія, для наблюденія за непріятелемъ, а остальныя войска повелъ впередъ[17]. Шамхальская милиція расположилась по дорогѣ отъ Казанищъ къ Чумкескенту, для наблюденія за движеніемъ горцевъ; а Уллу-бей эрпелинскій съ жителями Эрпели и Караная занялъ дорогу къ Гимрамъ. Произведенная рекогносцировка для обозрѣнія путей, ведущихъ къ непріятелю, показала, что перевезти орудія черезъ оврагъ не представлялось возможнымъ, дорога же, шедшая въ гору къ укрѣпленію, была завалена въ двухъ мѣстахъ бревнами и требовала расчистки. Не желая понапрасну терять времени, Миклашевскій сдѣлалъ распоряженіе къ штурму непріятельскаго укрѣпленія пѣхотой. Прикрываясь артиллерійскимъ огнемъ, 1-й баталіонъ Апшеронцевъ и 6 ротъ егерскаго полка, подъ командой полковника Михайлова, пошли на штурмъ.

Храбрые Апшеронцы и егеря, съ непоколебимымъ мужествомъ, почти на плечахъ горцевъ, ворвались въ первые завалы, въ которыхъ, равно какъ и около укрѣпленія завязался чрезвычайно упорный бой. Непріятель штыками былъ оттѣсненъ до главнаго укрѣпленія Агачъ-Кала[18], которое состояло изъ высокаго перойнаго сруба съ бойницами, было блиндировано, обнесено палисадомъ и съ южной стороны защищалось крутымъ оврагомъ въ 50 саженъ глубиною. Выбитые изъ заваловъ, горцы бросились въ свое послѣднее убѣжище, — при чемъ неуспѣвшіе вбѣжать въ укрѣпленіе, поголовно истреблены. Здѣсь пѣхота встрѣтила страшное сопротивленіе. Скрытые за непроницаемою оградою, мюриды изъ бойницъ открыли смертоносный огонь по наступавшимъ войскамъ, и били офицеровъ и солдатъ на-выборъ.

Тѣмъ не менѣе, колонна мужественно подвигалась впередъ; но когда градъ пуль вырвалъ цѣлые ряды храбрѣйшихъ, и уже не мало офицеровъ — убитыхъ и раненыхъ — выбыло изъ строя, штурмующіе остановились и открыли ружейный огонь. Началась въ высшей степени убійственная перестрѣлка, потому что разстояніе между крѣпостцою и разсѣянными купами деревьевъ, гдѣ стояли солдаты, не превышало 80 шаговъ. Небольшія кучки безстрашныхъ нижнихъ чиновъ, предводимыхъ своими достойными офицерами, кидались нѣсколько разъ къ стѣнамъ укрѣпленія, срывали окровавленныя знамена и пытались взлѣсть на-верхъ; нѣкоторымъ удавалось это, но кровля была непроницаема, — и герои падали, пронизываемые десятками пуль. Осажденные обнаружили отчаянное сопротивленіе: иные изъ нихъ, увлеченные бѣшеною храбростью, вылѣзали изъ укрѣпленія, съ обнаженными шашками бросались на солдатъ и гибли на штыкахъ. Мюриды стрѣляли мѣтко и непре-

---

16) Тамъ же.

17) 1-й баталіонъ Апшеронскаго, 6 ротъ 42-го егерскаго и 3 роты Куринскаго полковъ.

18) Такъ называлось укрѣпленіе, въ переводѣ — деревянная крѣпость.

рывно; упорство, ожесточеніе и желаніе отомстить за павшихъ товарищей возрастали съ обѣихъ сторонъ; подошва Агачъ-Калы покрылась трупами людей и коней.

Миклашевскій, нетерпѣливо ждавшій рѣшенія боя за оврагомъ, узнавъ о неудачномъ результатѣ штурма, бросился мгновенно на выручку; съ двумя ротами Куринцевъ онъ быстро перешелъ глубокій и крутой оврагъ и поднялся верхомъ на противоположный утесистый берегъ по такой крутизнѣ, по которой и пѣшему трудно взобраться. Съ прибытіемъ начальника отряда, Апшеронцы и Куринцы вторично пошли на штурмъ. Во главѣ штурмующихъ, полковникъ Миклашевскій подбѣжалъ къ бойницѣ съ намѣреніемъ заколоть сквозь нее горца, но вражеская пуля пронзила его грудь, пробила сердце и легкія [19]. Смерть храбраго начальника не могла остаться безъ отмщенія. Ожесточенные солдаты руками разносили срубъ, лѣзли на-верхъ, разбрасывали кровлю, и, наконецъ, успѣли вломиться въ укрѣпленіе, гдѣ и закипѣлъ отчаянный бой. Когда ударили отбой, въ Агачъ-Калѣ оставались лишь одни трупы мюридовъ: не оказалось ни плѣнныхъ, ни раненыхъ. Темнота спасла многихъ мятежниковъ отъ гибели. На мѣстѣ сраженія осталось болѣе 150 тѣлъ и 70 лошадей. Въ числѣ убитыхъ узнали лучшихъ наѣздниковъ и помощниковъ Кази-Муллы. Взяты три почетныхъ знамени, одно изъ нихъ принадлежало Гамзатъ-Беку; добыча состояла въ вещахъ и деньгахъ; солдатамъ достались богатѣйшіе конскіе уборы Кази-Муллы и Гамзата. Самъ имамъ бѣжалъ столь поспѣшно, что въ пещерѣ, гдѣ во время дѣла онъ молился, нашли его коранъ и другія духовныя книги. Коверъ, на которомъ онъ сидѣлъ, оказался залитымъ кровью, изъ чего заключили, что Кази-Мулла былъ раненъ.

Взятіе Агачъ-Калы обошлось русскимъ очень дорого: у насъ убиты 1 штабъ-офицеръ, 1 оберъ-офицеръ и 82 нижнихъ чина; ранено 2 штабъ-офицера, 4 оберъ-офицера и 312 нижнихъ чиновъ [20]. Апшеронцы лишились убитыми 24-хъ нижнихъ чиновъ: ранены — *капитанъ Синельниковъ* (черезъ день умеръ отъ раны) и *прапорщикъ Тимошевскій, нижнихъ чиновъ 135*.

По окончаніи дѣла, начальство надъ отрядомъ принялъ старшій штабъ-офицеръ, маіоръ Цыклауровъ; онъ отступилъ къ рѣчкѣ, гдѣ и остановился на ночлегъ. На другой день укрѣпленіе было сожжено, близлежащая деревня истреблена и часть лѣса вокругъ нея вырублена. Въ тотъ же день отрядъ возвратился въ Казанищи. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ возвратились въ Кубу изъ Зіахура 7-я и 8-я мушкетерскія роты, подъ командою маіора Синельникова; 5-я же рота находилась въ Старой Шемахѣ а 6-я — въ Царскихъ Колодцахъ.

20-го ноября 3-я гренадерская и 9-я мушкетерская роты, подъ начальствомъ маіора Лещенка, выступили изъ лагеря при Темиръ-Ханъ-Шурѣ въ кр. Кубу; 1-й баталіонъ сталъ на зимовку въ Джемикентѣ, а 2-я гренадерская и 4-я мушкетерская — въ Билиджи.

Вслѣдъ за дѣломъ у Чумкескента, генералъ Панкратьевъ издалъ прокламацію такого содержанія: «Послѣ водворенія совершеннаго спокойствія въ Дагестанѣ, богопротивный мошенникъ Кази-Мулла вознамѣрился опять тревожить мирныхъ жителей и распространять рабительства свои, для чего прибылъ въ Чумкескентъ съ шайкой разбойниковъ своихъ до тысячи человѣкъ и дѣлалъ нападенія на разныя сосѣднія селенія.

«Узнавъ объ этомъ, я приказалъ храброму полковнику Миклашевскому съ побѣдоноснымъ Россійскимъ войскомъ непремѣнно атаковать и разбить Кази-Муллу, что и было исполнено 1-го числа декабря. Извѣстный крѣпкимъ мѣстоположеніемъ своимъ Чумкескентъ, устроенное тамъ укрѣпленіе Агачъ-Кала, всѣ шанцы и завалы, защищаемые отчаянными

---

[19]) Послѣ смерти Миклашевскаго, начальство надъ штурмовавшей колонной приняли — маіоръ Авраменко и Нижегородскаго драгунскаго полка маіоръ князь Бебутовъ.

[20]) Донесенія маіора Цыклаурова за № 153 и 285. Дѣло № 78. 2 отд. Гл. Штаба.

наемниками Кази-Муллы, которые, называя себя мюридами, проливаютъ свою кровь за деньги и за дьявола, — все это не могло устоять противъ русскаго «ура». Одни говорятъ, что Кази-Мулла убитъ, а другіе, что онъ раненъ; но достовѣрно извѣстно, что шайки разбойниковъ болѣе не существуетъ: всѣ они или убиты, или разсѣяны, какъ прахъ земной отъ сильнаго вѣтра! Триста тѣлъ оставлено мошенниками на мѣстѣ сраженія; семьдесятъ лошадей убито и пятьдесятъ досталось побѣдителямъ, въ числѣ коихъ лошади Кази-Муллы и Гамзатъ бека; три почетныя знамени діавольскаго посланника взяты на стѣнахъ Агачъ-Калы; всѣ же книги, коими онъ обманывалъ народъ, брошены имъ въ той пещерѣ, гдѣ онъ скрывался отъ пуль и штыковъ русскихъ.

«Мирные жители Дагестана! принесите благодарность Богу, что дома и семейства ваши спасены отъ богопротивныхъ разбойниковъ. А вы, измѣнники присяги своей Богу и Государю, трепещите отъ неминуемой вамъ казни!» [21]).

Пораженіе Кази-Муллы при Чумкескентѣ имѣло весьма непріятныя для него послѣдствія: большинство приверженцевъ новаго ученія, собравшихся для защиты своего имама въ Агачъ-Калѣ, были перебиты; немногіе же, оставшіеся въ живыхъ, разсѣялись по койсубулинскимъ селеніямъ, разнося вѣсть о погромѣ у Чумкескента. Разсказы бѣглецовъ на столько повліяли на умы горцевъ, что, несмотря на всю преданность къ Кази-Муллѣ, они долго не рѣшались снова встать на защиту мюридизма. Къ своему счастью, имамъ имѣлъ вѣрнаго и надежнаго союзника въ лицѣ Гамзатъ-бека Аварскаго, безпредѣльно ненавидѣвшаго русскихъ. Послѣ сраженія у Чумкескента, Кази-Мулла удалился, было въ Гимры; но жители этого селенія заставили его уйти, и онъ отправился въ сел. Ирганай, гдѣ къ нему присоединился Гамзатъ-бекъ съ 400 мюридовъ. Такимъ образомъ, у Кази-Муллы вновь сформировалась довольно значительная партія, съ помощью которой онъ прежде всего задумалъ наказать жителей Караная и Эрпели за измѣну. Дѣйствительно, имамъ нѣсколько разъ нападалъ на Эрпели, но всѣ его попытки оказывались безуспѣшными, благодаря мужеству и расторопности Уллу-бея Эрпелинскаго.

Находя, по справедливости, дальнѣйшее усиленіе Кази-Муллы вреднымъ для русскихъ интересовъ, командиръ Кавказскаго корпуса, генералъ баронъ Розенъ 1-й предписалъ генералу Коханову сформировать, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отрядъ, который и расположить въ аулѣ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для наблюденія отсюда за дѣйствіями непріятеля и поданія помощи, въ случаѣ надобности, жителямъ покорныхъ намъ селеній. Въ составъ отряда вошли: 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Авраменки, 6 ротъ Куринскаго полка, 2 баталіона 42-го егерскаго полка и 7 орудій № 3 легкой роты 21-й артиллерійской бригады. Отрядъ, ввѣренный полковнику Апшеронскаго полка Мищенкѣ, расположился частью въ самомъ аулѣ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, частью же лагеремъ около него.

Между тѣмъ Кази-Мулла успѣлъ опять снискать довѣріе среди гимринцевъ и, прибывъ въ Гимры, откуда производилъ набѣги на Каранай и Эрпели. 28-го мая въ одинъ изъ такихъ набѣговъ мюриды угнали скотъ у каранайцевъ. Уллу-бей Эрпелинскій, давъ знать о томъ Мищенкѣ, просилъ у него помощи. Взявъ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, 6 ротъ 42-го егерскаго полка и 5 орудій, начальникъ отряда двинулся къ Эрпелямъ. Но Кази-Мулла уже успѣлъ уйти въ Гимры, и только съ остатками его партіи русскимъ пришлось вести небольшую перестрѣлку, послѣ чего они возвратились въ лагерь, гдѣ отрядъ и простоялъ еще полмѣсяца, не предпринимая никакихъ движеній. Въ іюнѣ въ Темиръ-Ханъ-Шуру прибылъ подполковникъ Клюги-фонъ-Клугенау, принявшій начальство надъ отря-

---

[21]) Дѣло № 73. 2 отд. Ген. Шт. Арх. Кавказ. Окр. Шт.

домъ вмѣсто полковника Мищенки. Въ концѣ мѣсяца стали настойчиво распространяться слухи, что Кази-Мулла, собравъ въ Гимрахъ большое скопище, намѣревается вторгнуться въ Шамхальскія владѣнія. Желая предупредить покушеніе непріятеля, Клугенау выслалъ въ Эрпели одинъ баталіонъ для поддержки жителей, въ случаѣ нападенія на нихъ мюридовъ.

Кромѣ того, по дорогамъ къ Гимрамъ разставлены были наблюдательные пикеты изъ мѣстныхъ обитателей. 19-го іюля пикеты дали знать, что имамъ, со скопищемъ болѣе тысячи человѣкъ, спустился съ горъ и расположился верстахъ въ пяти отъ Эрпели, въ урочищѣ Іоль-Оусъ-Тавѣ. Подполковникъ Клугенау рѣшилъ немедленно атаковать и разбить непріятеля, прежде чѣмъ онъ усилится ожидаемой партіей изъ Унцукуля.

Для этого въ Шурѣ, подъ начальствомъ подполковника Майбороды, сформировался отрядъ въ 900 человѣкъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, который и двинулся въ Эрпели. Отрядъ составляли: 1-я гренадерская и 1-я мушкетерскія роты Апшеронскаго, 2 роты Куринскаго и 2 роты 42-го егерскаго полковъ. Самъ же Клугенау, со 120 казаками, отправился впередъ, для рекогносцировки непріятельскаго расположенія. Горцы, оказалось, заняли крѣпкую позицію на лѣсистомъ мысу между двумя крутыми, окружавшими ее съ трехъ сторонъ, оврагами; только тылъ позиціи, со стороны селенія Гимръ, представлялся доступнымъ; отсюда-то Клугенау и задумалъ атаковать горцевъ. Въ 8 часовъ вечера, 19-го же іюля, въ Эрпели прибыла пѣхота подполковника Майбороды. Къ непріятельской позиціи вели двѣ дороги; одна изъ нихъ — лѣвая — прямо шла изъ Эрпели въ Гимры; правая же проходила мимо Караная. Хотя первая дорога была и короче и удобнѣе для провоза артиллеріи, но, проходя по лѣсу, вблизи расположенія горцевъ, она представляла всѣ удобства для непріятеля, который могъ безнаказанно обстрѣливать войска изъ лѣсу; поэтому Клугенау выбралъ правую дорогу, менѣе удобную для артиллеріи, за то вполнѣ удовлетворявшую главной цѣли, т. е. обходу непріятельской позиціи. Согласно составленной вечеромъ диспозиціи боя, колоннѣ изъ 1-й гренадерской и 2-й мушкетерской ротъ Апшеронцевъ, одного орудія и 22 казаковъ, подъ командой штабсъ-капитана Войцеховича, предназначалось двигаться изъ Эрпели къ непріятельской позиціи по лѣвой дорогѣ, сообразуясь съ движеніемъ остальныхъ войскъ. Подойдя къ Іоль-Оусъ-Таву, Апшеронцы должны были устроить завалы и открыть огонь во флангъ непріятельскаго расположенія. Дѣйствія первой колонны являлись лишь демонстраціей, съ цѣлью убѣдить горцевъ, что атака ведется по Эрпелинской дорогѣ. Съ разсвѣтомъ, 20-го іюля, Клугенау съ остальными войсками выступилъ къ Каранаю, гдѣ къ нему присоединились еще 2 роты 42-го егерскаго полка, и затѣмъ отрядъ двинулся къ непріятельской позиціи. Апшеронскія роты вышли изъ Эрпели въ то время, когда еще не совсѣмъ разсѣялся туманъ; по выходѣ же ротъ изъ селенія туманъ вновь сгустился до такой степени, что колонна подвигалась на-удачу. Наконецъ, послышались голоса мюридовъ, и вслѣдъ затѣмъ завязалась перестрѣлка; но вскорѣ раздалась пальба съ противоположной стороны: то подошелъ главный отрядъ, занявшій уже опушку лѣса и часть переднихъ заваловъ. Мюриды нѣсколько разъ, хотя безуспѣшно, бросались въ шашки, пытаясь возвратить отбитые у нихъ завалы. Атакованный съ двухъ сторонъ, непріятель отступилъ къ главному укрѣпленію. Ночью, помимо продолжавшейся перестрѣлки, слышенъ былъ еще стукъ топоровъ: повидимому, непріятель спѣшилъ возможно сильнѣе укрѣпиться. На другой день съ ранняго утра перестрѣлка какъ бы усилилась, но потомъ, мало-по-малу, утихла, въ виду спускавшагося густаго тумана.

Въ 11 часовъ дня, получивъ извѣстіе, что партія койсубулинцевъ, направляясь на помощь къ Кази-Муллѣ, вступила въ жаркое дѣло съ ротой, оставленной на вершинѣ хребта, для отраженія дорогъ, подполковникъ Клугенау сейчасъ же отправилъ на под-

*

крѣпленіе ея 1-ю гренадерскую роту Апшеронцевъ. По прибытіи подмоги, койсубулинцы еще нѣсколько разъ пытались прорваться но ихъ отбивали штыками. Между тѣмъ мюриды, догадываясь, по сильной стрѣльбѣ на вершинѣ хребта, объ идущей къ нимъ помощи, произвели вылазку, къ которой, впрочемъ, войска наши приготовились уже заранѣе. Клугенау придвинулъ къ цѣпи резервы и приказалъ зарядить орудія картечью. Лишь только горцы вышли изъ своего укрѣпленія, какъ ружейный и орудійный залпъ произвелъ въ рядахъ ихъ такое опустошеніе, что они, не успѣвъ ни разу выстрѣлить, обратились въ бѣгство. Видя полную невозможность пробиться открытой силой и потерявъ надежду на помощь, непріятель заперся въ укрѣпленіи, съ очевиднымъ намѣреніемъ уйдти подъ покровомъ ночи. Подполковникъ Клугенау, разгадавъ ихъ замыслы, подтвердилъ приказаніе эрпелинцамъ и каранаевцамъ—строго наблюдать за непріятелемъ со стороны овраговъ, а самъ съ нетерпѣніемъ ждалъ утра. На разсвѣтѣ, съ передовой цѣпи дали знать, что укрѣпленіе брошено и непріятель бѣжалъ. Какъ оказалось, бѣгство происходило самое безпорядочное: партія утекала чуть не вразсыпную по частямъ, и одна изъ нихъ наткнулась на 1-ю гренадерскую роту Апшеронцевъ; принятые дружной стрѣльбой и штыками, горцы бросались съ утесовъ и погибали.

Бѣгство непріятеля избавило отрядъ отъ неминуемой большой потери, въ случаѣ, если бы пришлось прибѣгнуть къ штурму укрѣпленія. Дѣйствительно, это укрѣпленіе, по типу и по системѣ постройки, являлось подобіемъ Агачъ-Калинскаго, отличаясь только нѣсколько меньшими размѣрами. Его главный редутъ, имѣвшій видъ четыреугольника, длиною въ 20 шаговъ, шириною въ 16 и высотою 1 1/2 сажени, и сложенный изъ толстыхъ бревенъ, сколоченныхъ деревянными кольями, въ стѣнахъ своихъ прорѣзанъ былъ бойницами въ два ряда—первый на поларшина отъ поверхности земли, а второй — на половинѣ высоты стѣнъ, съ деревянными банкетами для удобства стрѣльбы. Входъ въ укрѣпленіе запирался особымъ срубомъ, а внутри имѣлись навѣсы для защиты отъ ружейнаго огня и непогоды. Лѣвый флангъ редута соединялся съ оврагами высокимъ заваломъ и навѣсомъ. Кромѣ того, надъ оврагомъ, обращеннымъ къ Эрпели, тянулась цѣлая линія заваловъ. Приказавъ сжечь укрѣпленіе и завалы, Клугенау, 22-го іюля, двинулся обратно, и, послѣ небольшаго отдыха въ Эрпели, 23-го числа возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Наша потеря въ этомъ предпріятіи состояла иза 31 убитаго нижняго чина; раненыхъ 3 оберъ-офицеровъ, 98 нижнихъ чиновъ и 13 человѣкъ контуженныхъ. Собственно же 2 роты Апшеронцевъ имѣли 2-хъ убитыхъ и 14 раненыхъ нижнихъ чиновъ [22].

Въ дѣлѣ при Іоль-Оусъ-Тавѣ большую услугу отряду оказали 1-я гренадерская рота Апшеронскаго и рота 42-го егерскаго полковъ, занимавшія вершину Койсубулинскаго хребта и непустившія партію, шедшую изъ Гимръ и Ирганая, соединиться съ Кази-Муллой. Хотя партію эту составляли около 1.000 человѣкъ, но, несмотря на всю храбрость и упорство горцевъ, они потерпѣли полное пораженіе. Между тѣмъ, удайся ирганайцамъ соединиться съ мюридами Кази-Муллы, общая численность скопища достигла бы 3.000 человѣкъ, — и тогда успѣхъ предпріятія могъ быть сомнительнымъ.

Потерпѣвъ нѣсколько пораженій въ Дагестанѣ, Кази-Мулла сознал наконецъ, что въ этой странѣ онъ ровно никакого чувствительнаго вреда принести намъ не можетъ; нападенія на покорныя русскимъ селенія мало имѣли смысла, а болѣе значительныя предпріятія оканчивались полной неудачей. Наконецъ, послѣднее пораженіе у Іоль-Оусъ-Тава повергло горцевъ въ полное уныніе, и они снова начали недовѣрчиво относиться къ своему

[22]) Дѣло № 3. 2 отд. Генер. штаба. Архивъ Кавказ. Округ. штаба.

имаму. Тогда онъ рѣшился перенести свою дѣятельность въ Салатавію и Чечню. Салатавцы и въ особенности чеченцы никогда не были фанатиками, слѣдовательно на почвѣ чисто религіозной Кази-Мулла могъ потерпѣть полнѣйшій неуспѣхъ; но за то и тѣ и другіе являлись до чрезвычайности наклонными къ разбоямъ и воровству, и, потому, разжигая эти страсти, Кази-Мулла могъ сдѣлать ихъ покорными своей волѣ. Агитацію въ Чечнѣ онъ началъ отправленіемъ воззваній, а затѣмъ сталъ посылать туда довѣренныхъ мюридовъ съ мелкими партіями. Чеченцы не замедлили откликнуться на призывъ; возмущеніе, сообщилось салатавцамъ, ичкеринцамъ, галагаевцамъ и другимъ обществамъ. Чтобы положить конецъ возмущенію, командиръ корпуса, баронъ Розенъ 1-й рѣшился предпринять серьезную экспедицію сначала въ Чечню, а затѣмъ обратиться въ Дагестанъ, взять Гимры и постараться уничтожить Кази-Муллу. Въ первыхъ числахъ августа въ гор. Владикавказѣ сформировался отрядъ, который, по соединеніи съ отрядомъ генерала Вельяминова, состоялъ изъ 10 баталіоновъ и 3 ротъ пѣхоты, 16 сотенъ кавалеріи, 16 горныхъ единороговъ и 13 легкихъ орудій. Выступивъ изъ лагеря при р. Ассѣ, отрядъ 10-го августа находился уже въ Гихинскихъ лѣсахъ, истребивъ по дорогѣ непокорныя селенія: Ельмурзуюртъ, Алла-Ерзоюртъ, Ачхой, Дзюлгой-Юртъ, Голгай-Юртъ, Астемиръ-Юртъ, Котыръ-Юртъ и Нурки. Жители поименованныхъ и многихъ другихъ селеній поспѣшили изъявить намъ полную покорность и выдали аманатовъ. Съ 10 августа по 22-е отрядъ дѣйствовалъ по р. Аргуни, при чемъ подверглось уничтоженію множество населенныхъ мѣстностей. Съ началомъ военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, туда явился и Кази-Мулла; вся помощь чеченцамъ со стороны Дагестана заключалась въ нѣсколькихъ десяткахъ мюридовъ. Терпя повсюду неудачи, видя кругомъ дымящіяся развалины своихъ жилищъ, чеченцы скоро возненавидили виновника своихъ несчастій,—и имамъ принужденъ былъ убраться обратно въ Дагестанъ, очень недовольный чеченцами за изъявленіе ими покорности русскимъ. Прибивъ въ Гимры, Кази-Мулла дѣятельно занялся собираніемъ вооруженнаго скопища, намѣреваясь самъ убраться въ глубь горъ, къ андійцамъ. Но гимринцы, ирганайцы и жители нѣсколькихъ другихъ койсубулинскихъ селеній не пустили имама, справедливо выставляя ему на видъ, что если онъ могъ вооружить ихъ противъ русскихъ, сдѣлавшихся теперь ихъ врагами, то его прямая обязанность стать во главѣ движенія и руководить возмутившимися, при защитѣ селенія отъ угрожающей ему опасности со стороны русскихъ, двигавшихся къ Гимрамъ. Въ такомъ движеніи горцы были убѣждены, хотя и сомнѣвались, чтобы «гяуры» могли съ успѣхомъ проникнуть въ ихъ неприступное гнѣздо. Волей-не-волей Кази-Мулла принужденъ былъ остаться въ Гимрахъ и занялся усиленнымъ укрѣпленіемъ самаго аула и устройствомъ вокругъ него заваловъ.

Выступивъ 5-го октября изъ Зурмакента, русскій отрядъ спустился нѣсколько верстъ внизъ по Сулаку и сталъ лагеремъ противъ с. Чиръ-Юрта. Глубокій и чрезвычайно быстрый Сулакъ имѣетъ весьма мало бродовъ, и однимъ изъ удобнѣйшихъ считается бродъ при Чиръ-Юртѣ, который и былъ избранъ для переправы. Немедленно послѣдовало распоряженіе объ устройствѣ переправы и присоединеніи къ отряду вагенбурга, оставленнаго при Темиръ-Аулѣ. Для переправы черезъ Сулакъ ставились въ два ряда арбы, которыя, будучи связаны одна съ другой, образовали два моста; по нимъ, 6-го октября, переходила пѣхота, — а артиллерія, кавалерія и большинство обозовъ переправились между мостами въ бродъ; на другой день состоялась переправа остальной части обоза и провіантскаго транспорта. Пѣхота, привыкшая къ трудамъ, для ускоренія, помимо мостовъ, переходила рѣку и въ бродъ, несмотря на ея глубину и быстрину. 8-го октября отрядъ выступилъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, гдѣ присоединилъ къ себѣ войска подполковника Клюги-фонъ-

Клугенау. Узнавъ, что Кази-Мулла хотя и началъ переговоры съ этимъ штабъ-офицеромъ, но, въ то же время, сильно укрѣпляется въ Гимрахъ и Ирганаѣ, командиръ корпуса баронъ Розенъ, въ ночь съ 9-го на 10-е октября, отправилъ по каранаевской дорогѣ въ Гимры генералъ-лейтенанта Вельяминова, съ Московскимъ и Бутырскимъ пѣхотными полками, 3-мя легкими орудіями 20-й артиллерійской бригады, 4-мя горными единорогами, 4-мя кегорновыми мортирками и частію всадниковъ Грузинскаго коннаго полка. Цѣль движенія этихъ войскъ заключалась въ осмотрѣ длиннаго, скалистаго и крутаго спуска къ Гимрамъ; затѣмъ передовой отрядъ долженъ былъ проникнуть въ ущелье Сулака и приступить къ разработкѣ дороги, по трудности своей считавшейся самими горцами почти непроходимою для вьючныхъ тяжестей. По другой дорогѣ, шедшей къ Гимрамъ изъ Эрпели, отправился, 10-го октября, подполковникъ Клюги-фонъ-Клугенау съ 1-мъ баталіономъ Апшеронцевъ, однимъ горнымъ единорогомъ, двумя кегорновыми мортирками и съ командами казаковъ и конныхъ грузинъ, чтобы привлечь на себя вниманіе непріятеля съ той стороны. 11-го числа баронъ Розенъ приказалъ штабсъ-ротмистру Ахметъ-Хану Мехтулинскому и Абу-Муселиму Казанищенскому, собравъ въ Дженгутаѣ милицію изъ подвластныхъ имъ жителей, произвести движеніе къ Ирганаю, дабы не допустить его обитателей присоединиться къ гимринцамъ, для совокупнаго съ ними дѣйствія противъ генералъ-лейтенанта Вельяминова.

Согласно полученнаго приказанія, Клугенау выступилъ съ 1-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка изъ лагеря при Темиръ-Ханъ-Шурѣ и того же числа прибылъ въ Эрпели. Взявъ здѣсь проводниковъ, онъ отправился на вершину Эрпели-Тау, которой и достигъ за часъ до разсвѣта. Въ это время на горахъ появился такой сильный туманъ, что положительно не только нельзя было разсмотрѣть расположеніе непріятеля, находившагося внизу, но и не представлялось возможности что либо видѣть даже въ нѣсколькихъ шагахъ. Однако о близости горцевъ давали знать раздававшіеся голоса на непріятельскихъ аванпостахъ, предупреждавшихъ о приближеніи русскаго отряда. Баталіонъ простоялъ на вершинѣ горы до 12 часовъ дня; наконецъ поднявшаяся сильная снѣжная буря заставила Клугенау спуститься обратно въ Эрпели. 12-го числа погода нѣсколько прояснилась, и подполковникъ Клугенау вновь двинулся на вершину, гдѣ и остановился для наблюденій. Доступъ къ Гимрамъ даже для пѣхоты былъ чрезвычайно труденъ, а для артиллеріи, слѣдовательно, невозможенъ; поэтому передовой отрядъ генерала Вельяминова приступилъ къ разработкѣ дороги. Послѣ усиленныхъ трудовъ, дорогу удалось исправить настолько, что по ней могла двигаться пѣхота и конница, артиллерію же приходилось спускать на канатахъ, снимая для того орудія съ передковъ.

Гимры расположены на правой сторонѣ рѣки Аварскаго Койсу, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. Хотя аулъ находился на значительномъ возвышеніи, но оно казалось почти плоскостью, въ сравненіи съ утесистыми горами, окружающими и составляющими тѣснину, чрезъ которую надлежало проходить войскамъ: она въ трехъ мѣстахъ, преграждалась каменными стѣнами съ продѣланными въ нихъ бойницами. Горы, по правую сторону тѣснины, гдѣ шелъ спускъ отъ Караная, находились въ нашихъ рукахъ; вся же противоположная сторона, равно какъ и самые завалы занимались непріятелемъ, численность котораго доходила до 3.000 человѣкъ.

Отрядъ генерала Вельяминова 10-го октября прибылъ въ Каранай, а утромъ слѣдующаго дня поднялся на вершину высокаго Койсубулинскаго хребта, тянущагося съ сѣверо-запада на юго-востокъ и, проходя черезъ Акушу, постепенно понижаясь, доходящаго до Каспійскаго моря. Южная сторона хребта чрезвычайно скалиста и составляетъ правый

берегъ Аварскаго Койсу. Чтобы съ вершины хребта достигнуть до Гимръ, необходимо, на протяженіи 4-хъ верстъ, спускаться внизъ по очень узкой каменистой, часто прерываемой обрывами и пропастями тропинкѣ, настолько крутой и опасной, что даже самые горцы спускаются съ нея съ чрезвычайной осторожностью. Далѣе спускъ продолжался на протяженіи 4-хъ верстъ по узкимъ уступамъ, высѣченнымъ въ скалахъ тропинкамъ, внизу которыхъ на страшной глубинѣ шумитъ р. Койсу. Иногда скалы соединялись шаткими деревянными лѣстницами. Отъ описанной дороги отдѣлялась едва замѣтная тропинка, спускавшаяся къ Койсу между скалистыми обрывами, нѣсколько ниже Гимръ. Влѣво тянулась другая, узенькая тропинка, шедшая къ эрпелинскому спуску, который, по соединеніи съ нею, представлялся несравненно труднѣе каранайскаго, но за то далѣе онъ шелъ уже довольно отлого. Живя въ едва доступной мѣстности, гимринцы находились въ полной увѣренности, что русскіе къ нимъ придти не могутъ, и даже существовала поговорка, что «русскіе могутъ достичь до Гимръ, падая дождемъ». Въ неприступности Гимръ убѣждали жителей многія неудачныя рекогносцировки и попытки спускаться внизъ. Но на этотъ разъ вопросъ о взятіи Гимръ былъ рѣшенъ безповоротно: баронъ Розенъ хотѣлъ доказать горцамъ, что для русскихъ недоступныхъ мѣстъ не существуетъ. 11-го октября отрядъ генерала Вельяминова, подъ покровомъ густаго тумана, сошелъ съ хребта, и безъ всякихъ потерь миновалъ первый спускъ; непріятельскіе пикеты, послѣ незначительной перестрѣлки, отступили. Горная артиллерія и вьюки сносились на рукахъ. Расположивъ баталіонъ Бутырскаго полка и грузинъ-волонтеровъ на позиціи, откуда виднѣлись Гимры, Вельяминовъ поставилъ 2½ баталіона въ верстѣ отъ авангарда [23]); Московскій полкъ помѣстился на вершинѣ хребта, для прикрытія орудій и тяжестей. Вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено было къ разработкѣ дороги, съ цѣлью, въ случаѣ необходимости, спустить внизъ и легкія орудія. 12-го, 13-го и 14-го октября продолжалась расчистка дороги. Въ послѣдній день поднялся отъ Караная съ главными силами генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ [24]); легкія орудія совсѣмъ не брались, потому что, въ случаѣ неудачи или неблагопріятной погоды, снѣга и гололедицы, они могли явиться — большой задержкой къ успѣшному движенію отряда. Наконецъ, къ 17-му октября дорогу до самой подошвы Гимринской тѣснины разработали — и отрядъ сошелъ внизъ.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ Апшеронцевъ. Какъ уже сказано раньше, 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка, одинъ горный единорогъ и двѣ кегорновыхъ мортирки образовали самостоятельный отрядецъ, подъ начальствомъ подполковника Клюги-фонъ-Клугенау, направленный по эрпелинской дорогѣ на вершину хребта, для наблюденія за непріятелемъ, во время разработки дороги отрядомъ генерала Вельяминова. Одновременно съ атакой главныхъ силъ, Клугенау долженъ былъ спуститься внизъ и штурмовать завалы съ лѣваго фланга. Каранайскій и эрпелинскій спуски представляли одинаковую трудность для движенія, но о разработкѣ эрпелинскаго спуска не могло быть и рѣчи, за недостаткомъ къ тому рабочихъ. Къ 17-му октября колонна уже спустилась на половину дороги къ Гимрамъ, и Клугенау ожидалъ только приказанія броситься на штурмъ неприступной твердыни, какъ вдругъ получилъ приказаніе перейти на ирганайскую дорогу и, во что бы то ни стало, помѣшать соединенію Гамзатъ-бека съ Кази-Муллой, что Апшеронцами и выполнено съ успѣхомъ.

Между тѣмъ, съ разсвѣтомъ, 17-го числа, главный отрядъ приготовился къ бою. Для атаки стѣнъ, преграждавшихъ доступъ къ Гимрамъ, назначены были 4 баталіона, и самую атаку поручено вести генералъ-лейтенанту Вельяминову. Послѣдній послалъ 2 бата-

23) Баталіонъ Бутырскаго, баталіонъ 41-го егерскаго и 2 роты саперъ.

24) Эриванскій и Херсонскій полки, баталіонъ Тифлисскаго полка и 2 горныхъ орудія.

ліона Бутырскаго полка съ грузинами и всадниками закавказскихъ милицій сбить непріятеля съ утеса, находившагося по лѣвую сторону Гимринскаго ущелія; когда же посланная колонна подвинется впередъ настолько, что можетъ уже спуститься въ тылъ первой стѣны,— тогда баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго и Тифлисскаго полковъ съ двумя горными единорогами и саперами должны атаковать стѣну съ фронта. Несмотря на весьма точное приказаніе всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ частей — исполненіе вышло совершенно неудачное. Командиръ Бутырцевъ, полковникъ Пирятинскій, съ однимъ баталіономъ своего полка началъ подниматься на самую вершину горы, а другому баталіону, подъ командой маіора Лазаревича, и грузинамъ приказалъ слѣдовать по отлогости горы — нѣсколько ниже, чтобы обойти первую стѣну. Лазаревичъ, пройдя нѣкоторое разстояніе, спустился съ горы и прямо атаковалъ первую стѣну, но засѣвшими за ней горцами, среди которыхъ находился и самъ Кази-Мулла, былъ отбитъ съ урономъ. Въ это время слѣдовавшіе сзади баталіоны Херсонскаго и Тифлисскаго полковъ, видя атаку Лазаревича, поневолѣ должны были уклониться отъ своей задачи, чтобы поддержать Бутырцевъ; атака не имѣла успѣха, и баталіоны были отбиты съ большими потерями, причемъ въ числѣ раненыхъ находились командиры баталіоновъ Херсонскаго и Бутырскаго полковъ, маіоры Калачевскій и Лазаревичъ. Слѣдуя съ резервомъ за штурмующими баталіонами, генералъ Вельяминовъ при соединеніи Каранаевской, Ирганайской и Эрпелинской дорогъ, на нѣкоторое время былъ остановленъ; когда же онъ устранилъ это препятствіе и горцы были прогнаны, то, подойдя къ передовымъ баталіонамъ, нашелъ ихъ въ описанномъ выше плачевномъ положеніи. Немедленно собравъ и приведя баталіоны въ порядокъ, Вельяминовъ приказалъ имъ укрыться за большою скалой, во избѣжаніе потерь отъ сильнаго и мѣткаго огня мюридовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ по ближайшимъ заваламъ открылась пальба изъ единороговъ, чтобы заставить горцевъ уменьшить ружейный огонь. Узнавъ о положеніи дѣлъ, баронъ Розенъ послалъ въ подкрѣпленіе Вельяминову 2 баталіона Эриванскаго полка съ двумя горными единорогами. Тогда противъ первой стѣны предпринята была совокупная атака, увѣнчавшаяся успѣхомъ,— и непріятель бѣжалъ ко 2-й стѣнѣ. Между тѣмъ Апшеронцы вступили въ дѣло съ скопищемъ Гамзатъ-бека, спускавшимся съ Ирганая. Этотъ сподвижникъ Кази Муллы съ 1.000 мюридовъ спѣшилъ на помощь къ имаму; но почти у цѣли своего движенія встрѣтилъ препятствіе въ лицѣ 1-го баталіона Апшеронцевъ; нѣсколько его попытокъ пробиться къ Гимрамъ окончились полной неудачей, и Гамзатъ-бекъ отступилъ. Тогда Апшеронскій баталіонъ, выполнивъ возложенную на него задачу, спустился внизъ, и началъ выбивать непріятеля изъ заваловъ позади первой стѣны и по покатостямъ горы. Вторую и третью стѣны наши войска заняли безъ особеннаго сопротивленія; всѣ штурмующія войска остановились у послѣдней стѣны. Почти совсѣмъ стемнѣло; къ этому присоединился еще съ утра спустившійся туманъ, а шедшій небольшой снѣгъ обратился въ сильную вьюгу. Дѣло было окончено. Коегдѣ въ темнотѣ еще сверкали огоньки и раздавались выстрѣлы: то продолжали дѣло Апшеронцы, уже поздно вечеромъ присоединившіеся къ остальнымъ войскамъ. Въ этотъ день въ баталіонѣ *убиты 4 рядовыхъ и ранены — капитанъ Пархомовъ и 17 нижнихъ чиновъ.* Общая потеря отряда заключалась въ одномъ оберъ-офицерѣ и 40 нижнихъ чинахъ убитыми; ранено 2 штабъ-офицера, 16 оберъ-офицеровъ и 320 нижнихъ чиновъ; контужено 1 штабъ-офицеръ, 18 оберъ-офицеровъ и 53 нижнихъ чина. Главная потеря произошла во время неудачной атаки первой стѣны. Потеря горцевъ одними убитыми превышала 300 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился самъ Кази-Мулла, такъ долго волновавшій Дагестанъ; съ нимъ погибли почти всѣ собравшіеся въ Гимрахъ мюриды, давшіе клятву умереть вмѣстѣ съ своимъ имамомъ.

На другой день войска двинулись въ Гимры и заняли ихъ безъ всякаго сопротивленія[25].

Такъ закончилась серьезная по своей задачѣ и трудная по исполненію экспедиція; все, къ чему стремился баронъ Розенъ, увѣнчалось успѣхомъ, т. е. послѣднее вѣрное убѣжище Кази-Муллы и его мюридовъ взято и самъ имамъ убитъ. Но умерло ли вмѣстѣ съ нимъ новое ученіе?—вопросъ, отвѣтъ на который мы узнаемъ впослѣдствіи. По занятіи Гимръ, къ барону Розену явились старшины, съ просьбой о помилованіи; командиръ корпуса потребовалъ отъ нихъ выдачи аманатовъ, возвращенія плѣнныхъ, уплаты по 5 рублей съ каждаго дома, ежегодной подати по одному рублю, прекращенія всякихъ сношеній съ непріязненными правительству народами и полной зависимости отъ шамхала, которому гимринцы и раньше того обязаны были подчиняться. На всѣ означенныя условія старшины изъявили свое полное согласіе. 19-го октября прибыли старшины и отъ другихъ ауловъ Койсубулинскаго общества съ изъявленіемъ покорности. Но вновь прибывшимъ были предъявлены менѣе тягостныя условія, ограниченныя только выдачею аманатовъ и плѣнныхъ. Причина такой снисходительности къ враждебному намъ обществу заключалась въ невозможности продолжать военныя дѣйствія въ зимнее время. Конечно, старшины обѣщали исполнить всѣ требованія.

Чтобы окончательно повліять на умы койсубулинцевъ и рельефнѣе представить имъ картину гимринскаго погрома, главнокомандующій разослалъ во всѣ селенія общества прокламаціи такого содержанія:

«Дагестанскимъ и другимъ народамъ. Правосудіе Божіе постигло возмутителя общаго спокойствія изувѣра Кази-Муллу. Онъ, первые его послѣдователи и множество обманутыхъ имъ людей истреблены побѣдоноснымъ Россійскимъ воинствомъ въ извѣстномъ неприступностью своей Гимринскомъ ущелье. Гимринцы говорили, что «Русскіе могутъ къ нимъ сойти только дождемъ», но забыли, что и камни съ горъ ниспадаютъ, и громъ и молнія поражаютъ злодѣевъ. Да послужитъ сіе примѣромъ для всѣхъ враговъ спокойствія; да прибѣгнутъ они съ раскаяніемъ къ могущественному Россійскому правительству — и по милосердію Великаго Государя будутъ прощены; но если кто впередъ осмѣлится возбуждать злоумышленія, тотъ подвергнется неминуемому строгому наказанію. Не спасутъ его ни горы, ни лѣса, ни ущелья: вездѣ пройдутъ побѣдоносныя Русскія войска, вездѣ непокорные измѣнники будутъ наказаны. Это испытали галагаевцы, ичкеринцы, чеченцы, гимринцы и другіе. Имѣющіе уши — да слышатъ и разумѣютъ».

21-го октября гимринцы представили изъ лучшихъ своихъ семействъ аманатовъ, которые уже не были отданы, какъ прежде, подъ надзоръ шамхала, а отправлены подъ надзоръ Русскаго начальства. Такая мѣра вызвана тѣмъ, что шамхалъ не имѣлъ за ними строгаго присмотра, да и кромѣ того, въ случаяхъ возмущенія, аманаты обыкновенно не являлись отвѣтственными за своихъ односельцевъ, благодаря чему самое значеніе заложниковъ совершенно терялось и они становились вполнѣ безполезными.

По смерти Кази-Муллы въ Дагестанѣ остался ярый послѣдователь его ученія Гамзатъ-бекъ-Аварскій, котораго имамъ еще при жизни назначилъ своимъ преемникомъ. Поэтому баронъ Розенъ 1-й, предвидя, что новый имамъ надѣлаетъ намъ много хлопотъ, предписалъ Нуцалъ-Хану Аварскому, во что бы то ни стало поймать Гамзатъ-бека и представить его Русскому начальству.

27-го октября отрядъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда былъ распущенъ

---

25) Дѣло № 60. 2 от. Ген. Штаба. Архив. Кавказ. Окруж. Штаба.

по своимъ штабъ-квартирамъ; только Апшеронскій баталіонъ оставленъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, на случай новыхъ безпорядковъ, и расположился въ с. Каякентѣ, гдѣ и находился до конца года.

За военныя дѣйствія въ 1830, 1831 и 1832 годахъ получены слѣдующія награды:

Чины: подполковника — маіоръ Авраменко, маіора — капитанъ Пархомовъ, капитана — штабсъ-капитанъ Педяшъ; ордена: Св. Владиміра 4-й ст. — штабсъ-капитанъ Войцеховичъ; св. Анны 3-й ст. — поручики — Костырко и Педяшъ 2-й; подпоручики — Кузьминъ; св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость»: подпоручикъ Сапожниковъ; прапорщики — Колышко и Лункевичъ; произведенъ въ прапорщики: фельдфебель Цедербергъ, подпрапорщики Губскій-Высоцкій, Чичинадзе и унтеръ-офицеръ Мироновъ.

Государь Императоръ Николай I-й, въ награду особаго мужества и перенесенныхъ трудовъ отрядомъ при взятіи Гимръ, пожаловалъ каждому нижнему чину изъ числа штурмовавшихъ аулъ по одному серебряному рублю [26].

Знаки отличія Военнаго ордена получили: унтеръ-офицеры: Карпъ Гавриловъ, Яковъ Хоманъ, Семенъ Мылинъ, Өедосѣй Никодимскій; рядовые: Василій Бородовникъ, Андрей Меланиковъ, Иванъ Мотисо, Григорій Листопадъ, Маріанъ Дуркеевъ, Николай Тутлинъ [27].

---

[26]) Дѣло № 706. Особ. отд. Арх. Окруж. Штаба.
[27]) Дѣло № 706. Особ. отд. Арх. Окруж. Штаба.

Глава Двадцать Четвертая.

Расположеніе полка въ 1833 году.— Командиръ полка полковникъ Гофманъ 2-й.— Положеніе Дагестана. — Высочайшее повелѣніе въ 1834 году о переформированіи полковъ. — Новый составъ полка. — Отдѣленіе 2-го баталіона. — Перемѣна штабъ-квартиры. — Назначеніе командиромъ полка полковника Клюки-фонъ-Клугенау.— Мѣстоположеніе Темиръ-Ханъ-Шуры. — Развитіе болѣзней въ полку. — Имамъ Гамзатъ-бекъ. — Вторженіе мюридовъ въ Аварію и истребленіе хановъ. — Смерть Гамзатъ-бека. — Появленіе Шамиля. — Движеніе къ Гимрамъ. — Составъ отряда. — Блестящее дѣло 1-й гренадерской роты. — Взятіе Гимръ. — Возвращеніе въ Шуру. — Экспедиція въ Аварію. — Дорога въ Аварію. — Переговоры съ аварцами. — Отступленіе скопища Шамиля. — Взятіе селенія Джаллы. — Штурмъ Гоцатля. — Назначеніе аварскимъ ханомъ Асланъ-Хана Казикумухскаго. — Истребленіе мюридовъ близъ Гоцатля. — Дѣйствія Апшеронскихъ ротъ. — Потеря отряда. — Возвращеніе отряда въ Шуру. — Постройка казармъ въ штабъ-квартирѣ. — Передвиженіе частей полка въ 1835 году. — Новый командиръ полка. — Событія въ горахъ. — Успѣхи Шамиля въ 1836 году. — Движеніе 2-хъ Апшеронскихъ баталіоновъ на Кавказскую линію. — Экспедиція въ Чечню. — Положеніе штабъ-квартиры полка. — Смерть прапорщика Либерта. — Переговоры Шамиля съ генераломъ Клугенау. — Дѣятельность имама въ Койсубу. — Движеніе къ Гимрамъ. — Составъ отряда. — Изъявленіе жителями покорности. — Появленіе Шамиля въ Аваріи. — Движеніе отряда въ Аварію.— Назначеніе правителемъ Аваріи Ахметъ-Хана Мехтулинскаго.— Возвращеніе войскъ. — Расположеніе полка на зиму. — Награды.

Въ началѣ 1833 года расположеніе полка было слѣдующее: 6 ротъ находилось въ Новой Кубѣ; 5-я и 6-я мушкетерскія — стояли въ гор. Шемахѣ, а 1-й баталіонъ находился въ Дербентѣ и окрестныхъ селеніяхъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, на мѣсто полковника Остроухова, командиромъ полка назначенъ былъ полковникъ Гофманъ 2-й (командовавшій до того Куринскимъ полкомъ).

Несмотря на погромъ горцевъ въ 1832 году, уже въ началѣ наступившаго года стало обозначаться броженіе умовъ. Враждебное намъ настроеніе горцевъ явилось послѣдствіемъ подстрекательствъ и воззваній новаго имама Гамзатъ-бека. Первыми поднялись гимринцы, а за ними жители и остальныхъ койсубулинскихъ селеній. Для обезпеченія спокойствія и неприкосновенности преданныхъ намъ шамхальскихъ селеній, въ апрѣлѣ сформированъ былъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, подъ начальствомъ командира Куринскаго полка полковника Клюки-фонъ-Клугенау, отрядъ, въ составъ котораго вошелъ также и 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою полковника Авраменки. Но, повидимому, Гамзатъ-бекъ, помня неудачи своего предшественника, Кази-Муллы, опасался еще открыто выступать въ борьбу съ нами и ничего не предпринималъ въ Дагестанѣ, — поэтому войска наши оставались въ бездѣйствіи до половины октября. Въ началѣ же этого мѣсяца Гамзатъ-бекъ съ огромнымъ скопищемъ двинулся въ Салатавію, въ виду чего съ нашей стороны потребовалось усиленіе войскъ на Кавказской линіи, и 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, 14-го октября, отправленъ былъ въ крѣпость Внезапную. Но какъ скопище горцевъ ушло обратно въ Дагестанъ, а салатавцы выполнили всѣ требованія начальника войскъ Кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Вельяминова, то баталіонъ, 18-го октября, возвратился въ Шуру.

*

Въ началѣ 1834 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переформированіи полковъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а именно: каждый пѣхотный и егерскій полкъ преобразовался въ 5-ти-баталіонный составъ, вмѣсто прежняго 3-хъ-баталіоннаго, т. е. изъ 4-хъ дѣйствующихъ и 1-го резервнаго баталіоновъ, но послѣдній отъ полка не отдѣлялся. Кромѣ того, въ штаты полка включены нестроевая и инвалидная роты: послѣдняя формировалась изъ мастеровыхъ, необходимыхъ для полковыхъ построекъ, для которыхъ прежде людей обыкновенно брали изъ фронта. Число всѣхъ чиновъ, обоза и подъемныхъ лошадей опредѣлены особыми штатами. Полки получали военный составъ.

Исполненіе Высочайшаго повелѣнія началось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1834 года[1]. Для приведенія Апшеронскаго полка въ 5-ти баталіонный составъ, къ нему присоединялись 1-й и 2-й баталіоны 43-го егерскаго и 3-й баталіонъ Куринскаго полковъ; 2-й же баталіонъ Апшеронцевъ, въ полномъ составѣ, былъ отдѣленъ на сформированіе Мингрельскаго егерскаго полка.

Такимъ образомъ, изъ стараго состава въ полку остались только 1-й и 3-й баталіоны; 1-й баталіонъ сохранилъ свою старую нумерацію; баталіоны же егерскаго полка — 1-й названъ 2-мъ, а 2-й—3-мъ; 3-й баталіонъ Апшеронцевъ—4-мъ и 3-й баталіонъ Куринцевъ 5-мъ резервнымъ[2]. Нумерація на киверахъ и пуговицахъ также измѣнена — № 82-й замѣненъ 41-мъ.

Апшеронскій полкъ вошелъ въ составъ 1-й бригады 21-й дивизіи (2-й полкъ бригады Ширванскій) и командиромъ полка назначенъ полковникъ Клюки-фонъ-Клугенау[3].

Вмѣстѣ съ тѣмъ Апшеронцамъ назначена новая штабъ-квартира въ укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Въ Шурѣ къ полку присоединились баталіоны: 3-й — Куринскаго и 1-й и 2-й егерскаго. Въ маѣ мѣсяцѣ полковникъ Гофманъ 2-й сдалъ полкъ полковнику Клюки-фонъ-Клугенау. Въ томъ же мѣсяцѣ, согласно приказа по корпусу, 1-й и 2-й баталіоны выступили изъ Старой Кубы въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а двѣ роты 3-го баталіона оставались тамъ до прибытія на смѣну ихъ линейнаго баталіона. Одновременно изъ Дербента въ Шуру направлены двѣ роты Куринскаго полка, образовавшія, вмѣстѣ съ находившимися здѣсь другими двумя ротами, — 5-й резервный баталіонъ. Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, черезъ Кавказскую линію, отправился въ Закавказье, а вмѣсто него съ линіи пришли 1-й и 2-й баталіоны 43-го егерскаго полка. Къ концу августа полкъ окончательно былъ собранъ въ новомъ своемъ составѣ, за исключеніемъ 10-й, 11-й и 12-й мушкетерскихъ ротъ, остававшихся временно въ Старой Кубѣ.

Съ переходомъ полка въ Шуру, приступлено къ устройству штабъ-квартиры, т. е. къ постройкѣ казармъ, ротныхъ дворовъ, конюшенъ и т. д.

Мѣстность, на которой расположено укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шура, далеко не имѣла выгодъ прежней штабъ-квартиры. Во-первыхъ, она обладала безусловно нездоровымъ климатомъ, вслѣдствіе болотистой почвы, что сразу же сказалось въ увеличеніи заболѣвающихъ; такъ, напримѣръ, по вѣдомости за мартъ мѣсяцъ, оказывается, больныхъ состояло 156 чел., прибыло 97, осталось 140, умерло 5; въ маѣ прибыло 278, осталось къ 1-му іюня 225, умерло 17. Такимъ образомъ, число больныхъ, съ переходомъ въ Шуру, увеличилось на 85 чел., а умершихъ — на 12. Даже теперь, спустя около 60 лѣтъ, несмотря на

---

[1]) Приказъ по корпусу № 57.

[2]) 43-й егерскій полкъ сформированъ былъ въ 1700 году, подъ названіемъ Николая Балка — Новгородскаго полка. Впослѣдствіи Апшеронскій полкъ получилъ старшинство съ 1700 года.

[3]) Начальникомъ дивизіи былъ генералъ-лейтенантъ Фроловъ 1-й, а командиромъ бригады — генералъ-маіоръ Реуттъ.

осушеніе болотъ, въ Шурѣ все-таки господствуетъ лихорадка. Къ неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ въ то время присоединились еще изнурительныя работы, потому что, кромѣ казармъ и другихъ угодій, солдатамъ приходилось возводить укрѣпленія, рубить дрова, жечь кирпичъ и т. д., что, также, въ свою очередь, не осталось безъ вліянія на санитарное состояніе полка.

Съ прочнымъ занятіемъ Шуры, ставъ, такъ сказать, у порога Дагестана, въ сосѣдствѣ съ враждебными намъ народами, Апшеронцы каждую минуту долженствовали быть на-сторожѣ, всегда готовыми отражать враговъ. И, дѣйствительно, рѣдкая ночь проходила спокойно; ночью вокругъ укрѣпленія располагались посты и секреты или, какъ тогда они назывались, «залоги». Нерѣдко команды, отправлявшіяся за дровами и лѣсомъ въ Чумкескентъ (уроч. въ 7 верстахъ отъ Шуры), подвергались нападеніямъ: вотъ при какихъ условіяхъ жилъ полкъ съ 1834 года. И все-таки, благодаря замѣчательной выносливости солдатъ, неутомимой дѣятельности офицеровъ и командира полка полковника Клугенау, устройство штабъ-квартиры хотя и медленно, но твердо подвигалось впередъ. Нижніе чины неустанно работали, пересыпая трудную работу шутками, смѣхомъ, прибаутками и разговорами о предстоящемъ походѣ. А походъ дѣйствительно предстоялъ, и не въ далекомъ будущемъ!

Дѣло въ томъ, что Гамзатъ-бекъ, провозгласившій себя послѣ смерти Кази-Муллы «Имамъ-Газаномъ», не сидѣлъ спокойно; частыя нападенія его партій на наши небольшія команды, разграбленія приверженныхъ намъ ауловъ, угонъ скота и проч.—все это подтверждало неуклонное желаніе Гамзатъ-бека вредить русскимъ какимъ бы то ни было способомъ. Но пока дѣйствія его ограничивались только мелкими нападеніями,—кавказское начальство считало преждевременнымъ предпринимать экспедиціи въ горы, предписывая лишь необходимыя мѣры предосторожности и наблюденія за всѣми дѣйствіями непріятеля.

Однако такой образъ дѣйствій въ отношеніи Гамзатъ-бека, близко гранича, можно сказать, съ бездѣятельностью, далъ ему возможность окрѣпнуть и взволновать общества Сѣвернаго Дагестана.

Командиръ корпуса, баронъ Розенъ неоднократно письменно поручалъ аварскому хану задержать Гамзата, но тотъ давалъ лишь одни весьма уклончивые отвѣты. Аварскіе ханы обыкновенно писали, что «Гамзата взять нельзя, такъ какъ онъ живетъ въ своей деревнѣ». Конечно, это были только однѣ отговорки, хотя печальныя послѣдствія такихъ дѣйствій потомъ всей своею тяжестью легли на самихъ же хановъ.

Еще съ конца 1832 года отношеніе къ намъ послѣднихъ, подъ вліяніемъ вдовствующей ханши Паху-беки, совершенно измѣнилось и стало даже враждебнымъ, что произошло изъ опасенія хановъ за цѣлость своихъ владѣній, вслѣдствіе увеличивающагося въ горахъ вліянія русскихъ. Дошло до того, что аварскіе ханы заключили даже съ Гамзатъ-бекомъ союзъ, рушившійся тотчасъ послѣ того, какъ опасенія хановъ, навѣянныя отчасти разгромомъ горцевъ въ Гимрахъ, разсѣялись увѣреніями барона Розена относительно неприкосновенности Аварскаго ханства. Независимо того, по самому существу своему подобный союзъ не могъ долго держаться, потому что новое ученіе—мюридизмъ,—проповѣдующее полное равенство, никогда не могло имѣть ничего общаго съ аристократическими воззрѣніями аварскихъ хановъ. Тѣмъ не менѣе, первоначально они не рѣшались сразу отдѣлаться отъ своего союзника, и это колебаніе повлекло къ трагической развязкѣ, кончившейся избіеніемъ аварскихъ хановъ и хитрой Паху-беки.

Покинутый своими союзниками—аварскими ханами, Гамзатъ-бекъ поклялся отомстить имъ и съ этой цѣлью съ усиленною дѣятельностью принялся дѣйствовать на койсубулин-

цевъ, всегда легко откликавшихся на каждое военное предпріятіе. Впечатлѣнія разгрома 1832 года уже успѣли изгладиться, поэтому для имама почва оказалась совершенно готовою; за койсубулинцами послѣдовали андаляльцы и другія общества.

Все вышеописанное происходило въ концѣ 1833 года, а въ началѣ 1834-го Гамзатъ-бекъ располагалъ уже весьма значительнымъ скопищемъ для выполненія задуманнаго имъ предпріятія. И онъ не заставилъ себя долго ждать.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, Гамзатъ двинулся въ Аварію и, разоривъ окрестные аулы, подступилъ къ Хунзаху и 7 дней держалъ въ блокадѣ крѣпкую столицу хановъ, въ которой еще ранѣе того, собравъ около 2.000 своихъ подданныхъ, заперлись Нуцалъ-ханъ и прочіе аварскіе ханы, узнавшіе заблаговременно о намѣреніи Гамзатъ-бека напасть на Аварію. Спустя нѣсколько дней безплодной осады, Гамзатъ-бекъ вступилъ съ ханами въ переговоры; но когда Нуцалъ-ханъ и Ума-ханъ явились въ лагерь къ Гамзатъ-беку, то были измѣннически умерщвлены, послѣ чего Хунзахъ взятъ, разграбленъ, и тутъ же убиты престарѣлая Паху-беки и малолѣтній Сурхай-ханъ аварскій. Это событіе заставило корпуснаго командира барона Розена обратить серьезное вниманіе на дѣйствія Гамзатъ-бека, и въ Сѣверный Дагестанъ, для усиленія находившихся тамъ войскъ, направлены были изъ Грузіи еще 3 баталіона пѣхоты, донской казачій полкъ и 16 орудій 21-й артиллерійской бригады.

Весь собранный въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ отрядъ, въ составъ коего входилъ цѣликомъ Апшеронскій полкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ланскаго, предназначался для дѣйствій противъ Гамзатъ-бека. Между тѣмъ, имамъ, 11-го августа, двинулся со своими скопищами къ Цудахару, подъ которымъ, однако, потерпѣлъ полное пораженіе и возвратился въ Аварію, гдѣ и провозгласилъ себя ханомъ. Неудача у Цудахара не смутила Гамзатъ-бека, и онъ дѣятельно занялся приготовленіями къ новому походу; но 7-го сентября, во время молитвы въ мечети, имамъ былъ убитъ нѣсколькими почетными аварцами, мстившими ему за смерть своихъ хановъ.

Съ смертью Гамзатъ-бека волненія, однако, не утихли, потому что осталось еще много послѣдователей новаго ученія и во главѣ ихъ гимринскій житель Шамиль.

Въ отомщеніе за смерть имама, мюриды убили малолѣтняго Булачъ-хана — послѣднюю отрасль аварскихъ хановъ, и рѣшили, утвердясь въ Аваріи, отсюда распространять новое ученіе и возстановлять дагестанцевъ противъ русскихъ.

Жители Гимръ, такъ много потерпѣвшіе въ 1832 г., опять примкнули къ мятежникамъ, и въ Дагестанѣ начались серьезныя волненія. Дабы не дать разростись возстанію, главнокомандующій предписалъ немедленно приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, предъ началомъ которыхъ генералъ Ланскій вызвалъ въ Шуру — гдѣ уже находился экспедиціонный отрядъ — шамхала Тарковскаго и хана Мехтулинскаго, а остальнымъ владѣтелямъ разослалъ воззванія и указывая въ нихъ на важность предпринимаемой экспедиціи, приглашалъ всѣхъ къ участію въ ней. Шамхалъ и ханъ Мехтулинскій прибыли въ отрядъ съ конницей изъ подвластныхъ имъ жителей. Цудахаринцы же и акушинцы, которые прежде съ такимъ ожесточеніемъ сражались противъ Гамзатъ-бека, не только положительно отказались отъ участія въ предпринимаемой экспедиціи, но даже не желали пропустить наши войска черезъ свои владѣнія, и только угрозы генерала Ланскаго, двинуться съ отрядомъ къ Цудахару, заставили обитателей послѣдняго исполнить всѣ предъявленныя имъ требованія.

Обезпечивъ отрядъ продовольствіемъ и огнестрѣльными припасами и получивъ, въ то же время, свѣдѣніе о сборищѣ горцевъ въ Гимрахъ и Ирганаѣ, генералъ-маіоръ Ланскій рѣшился ускорить открытіемъ военныхъ дѣйствій, не ожидая баталіоновъ, шедшихъ съ

Кавказской линіи. Въ виду же того, что провіантскій транспортъ не былъ еще совершенно готовъ, начальникъ отряда предпринялъ сначала движеніе къ Гимрамъ, для наказанія жителей за измѣну и разгрома скопища собравшихся тамъ койсубулинцевъ, и затѣмъ уже направиться въ Аварію.

Въ составъ отряда вошли: 10 ротъ Апшеронскаго, 2-й баталіонъ Мингрельскаго (бывшій 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка) и 10 ротъ Ширванскаго (Графскаго) полковъ; 4 горные единорога, 4 мортиры, 80 линейныхъ и 200 донскихъ казаковъ, и до 500 пѣшихъ и конныхъ мусульманскихъ милиціонеровъ, подъ начальствомъ шамхала Тарковскаго, Ахметъ-хана Мехтулинскаго и Абу-Муселима Казанищенскаго. При каждомъ баталіонѣ везлись на вьюкахъ 10 патронныхъ ящиковъ, шанцевый инструментъ и провіантъ на семь дней.

Отрядъ выступилъ изъ Шуры въ 11 часовъ ночи, 13-го сентября, а въ 3 часа утра уже спускался къ Гимрамъ; въ авангардѣ шли 10 ротъ Апшеронцевъ; за ними 2-й баталіонъ Мингрельцевъ, баталіонъ Графцевъ, артиллерія и въ аріергардѣ 6 ротъ. Орудія неслись на рукахъ солдатами, потому что страшная крутизна спуска не позволяла ихъ везти на лошадяхъ. Не задолго до выступленія отряда изъ Шуры, всѣ тропинки, по направленію къ Гимрамъ, заняты были нашими пикетами, благодаря чему горцы, не зная о движеніи русскихъ войскъ, держали на Койсубулинскихъ горахъ, у подошвы спуска, свои стада, которыя, поэтому и были захвачены милиціонерами безъ всякаго сопротивленія. Въ 4 1/2 часа утра, 14-го сентября, авангардъ занялъ Ирганайскій перевалъ и затѣмъ весь отрядъ спустился на дно ущелья. Начало уже разсвѣтать, когда непріятельскій пикетъ, стоявшій при входѣ въ тѣснину, открылъ движеніе русскихъ. Генералъ Ланскій, оставивъ всю артиллерію, подъ прикрытіемъ баталіона Ширванскаго полка (Графцы), а самъ съ Апшеронцами и баталіономъ Мингрельцевъ быстро двинулся къ Гимрамъ.

Наступленіе авангарда черезъ тѣснину явилось такою неожиданностью, что непріятель успѣлъ собраться и встрѣтить его только лишь въ 1.000 шагахъ отъ селенія и, чтобы дать время своимъ семействамъ уйти, завязалъ чрезвычайно сильную перестрѣлку съ передовыми нашими частями (1-я гренадерская и 1-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка, 2 роты Мингрельскаго и охотники изъ милиціонеровъ). Постепенно усиливаясь прибывавшими изъ Гимръ партіями, горцы неоднократно бросались въ шашки, но прибытіе главнаго отряда заставило ихъ отступать. Въ обходъ аула съ обѣихъ сторонъ направлены были два баталіона пѣхоты, изъ нихъ 3-й Апшеронскій—съ лѣвой стороны. Оба баталіона вскорѣ ворвались въ Гимры и здѣсь, по тѣснымъ улицамъ, около часа шелъ ожесточенный бой; наконецъ горцы, опасаясь быть отрѣзанными отъ своего пути отступленія, обратились въ бѣгство, бросивъ и селеніе и имущество. Не желая утомлять войскъ, и безъ того изнуренныхъ тяжелыми переходами, генералъ Ланскій остановилъ преслѣдованіе; 4 баталіона расположились за ауломъ, на высотахъ праваго берега рѣки Андійскаго-Койсу, а 2-й баталіонъ Апшеронскаго полка пошелъ въ цѣпь. Въ 11 часовъ большое скопище горцевъ, перейдя рѣку, заняло позицію на высотахъ, по дорогамъ къ селеніямъ Чиркату и Ашальтамъ; для защиты же Гимринскаго моста осталось 100 человѣкъ отчаянныхъ мюридовъ, которые, засѣвъ въ башнѣ, построенной поперекъ моста, на лѣвомъ берегу Койсу, открыли сильный огонь по нашимъ стрѣлкамъ. Въ виду отсутствія, неприбывшей еще, нашей артиллеріи и усиленія непріятеля у предмостнаго укрѣпленія, генералъ-маіоръ Ланскій приказалъ ротѣ Апшеронцевъ и ротѣ Мингрельскаго полка штыками выбить оттуда горцевъ. Переходъ русскихъ черезъ мостъ былъ однимъ изъ самыхъ блистательныхъ мгновеній во всей экспедиціи. Открытое мѣстоположеніе подвергало солдатъ прицѣльнымъ выстрѣламъ со стороны горцевъ, засѣвшихъ

на возвышенности за завалами и каменной стѣной съ бойницами. Тѣмъ не менѣе, «1-я гренадерская рота Апшеронцевъ, подъ командой капитана Тарасевича, и рота 2-го баталіона Мингрельцевъ, выступивъ изъ садовъ на русло рѣки, въ стройномъ порядкѣ, подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ, прошли безъ выстрѣла ровнымъ шагомъ, какъ на ученьи, болѣе 50-ти саженей, приблизились къ мосту, сдѣлали по непріятелю залпъ и, перебѣжавъ на другую сторону, ворвались въ укрѣпленіе. Девять мюридовъ легло на мѣстѣ, остальные обратились въ бѣгство, преслѣдуемые по дорогѣ къ Чиркату. Единодушное «ура» всего отряда, свидѣтеля происшедшаго, наградило храбрыхъ Апшеронцевъ и Мингрельцевъ за блистательный подвигъ» [4].

Удачно выполненное предпріятіе произвело удручающее впечатлѣніе на горцевъ, такъ что они совершенно прекратили пальбу. Разрушивъ мостъ, роты присоединились къ отряду.

Остатокъ дня прошелъ въ истребленіи селенія и уничтоженіи виноградныхъ садовъ топорами, назначенныхъ для того, милиціонеровъ и солдатъ, что продолжалось и 15-го сентября. Разсѣянный по горамъ, непріятель оставался безучастнымъ зрителемъ разрушенія своего роднаго аула. Наконецъ, около 4-хъ часовъ пополудни, горцы завязали сильную перестрѣлку на Унцукульской дорогѣ со 2-й и 3-й мушкетерскими ротами Апшеронцевъ, стоявшими на аванпостахъ: засѣвъ за камнями противоположнаго берега и постепенно усиливаясь, они производили по стрѣлкамъ безостановочную пальбу. Тогда начальникъ отряда выслалъ изъ лагеря еще двѣ роты Апшеронскаго полка, два единорога и двѣ мортирки; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудія, направлены были въ атаку 2-я и 3-я мушкетерскія роты, которыя, перейдя черезъ оврагъ, штыками выбили горцевъ изъ-за камней и заставили ихъ бѣжать. Слѣдующая ночь прошла спокойно; къ утру, 16-го сентября, аулъ сгорѣлъ до основанія, а ближайшіе сады и посѣвы кукурузы вырублены или попорчены.

Достигнувъ, такимъ образомъ, главной цѣли предпріятія къ Гимрамъ, генералъ Ланской, въ 10 часовъ утра, того же числа, выступилъ съ отрядомъ обратно въ Шуру. На аванпостахъ пѣхоту смѣнили милиціонеры и казаки, которымъ приказано было держаться до тѣхъ поръ, пока войска не отойдутъ на опредѣленное разстояніе, послѣ чего они присоединялись къ отряду. Замѣтивъ его отступленіе, непріятель немедленно пустился-было въ преслѣдованіе; но милиціонеры и спѣшившіеся казаки удерживали натиски горцевъ. Для поддержанія кавалеріи, генералъ Ланской въ полуверстѣ отъ Гимръ расположилъ поротно 3-й баталіонъ Апшеронцевъ и 2 орудія; двумъ-же ротамъ, занимавшимъ высоты лѣваго берега Андійскаго Койсу, приказано спуститься и расположиться на одной линіи съ 3-мъ баталіономъ. Одной изъ этихъ ротъ пришлось имѣть горячее дѣло съ непріятелемъ. Еще во время обхода Гимръ, командиръ 3-й мушкетерской роты, поручикъ Лихутинъ, несмотря на упорное сопротивленіе горцевъ со стороны Унцукуля, занялъ ущелье съ лѣвой стороны этого селенія. Зайдя отсюда по крутымъ и почти непроходимымъ тропинкамъ въ тылъ одной изъ непріятельскихъ партій, рота бросилась въ штыки, сбила горцевъ съ крѣпкихъ и невыгодныхъ для насъ позицій и удержала послѣднія за собой. Поручикъ Лихутинъ оставался здѣсь до самаго отступленія отряда изъ Гимръ, удерживая натиски непріятеля. Когда отрядъ отступилъ съ версту отъ селенія, то Лихутинъ очутился съ ротой совершенно отрѣзаннымъ и окруженнымъ многочисленными горцами. Въ такомъ безъисходномъ положеніи оставалось одно: пробиться сквозь густыя толпы непріятеля. Обратясь къ солдатамъ, поручикъ представилъ имъ всю опасность, въ которой они находились, и указалъ на единственное средство спасенія,—проложить дорогу штыками. Единодушное «ура» было

[4] Рапортъ генералъ-маіора Ланскаго № 200. Дѣло № 109 2-го отд. Генер. штаба. Архивъ Кавк. Окр. Штаба.

отвѣтомъ молодцовъ солдатъ и, съ этимъ крикомъ, Апшеронцы бросились въ штыки на горцевъ и пробили себѣ дорогу къ отряду, потерявъ только двухъ нижнихъ чиновъ ранеными, которые все-таки были подобраны храбрецами[5].

Въ 11 часовъ утра, по сигналу, милиція и казаки, объѣхавъ Гимры, соединились съ прочими войсками, потерявъ, во время отступленія, поручика Гувальда, сдѣлавшагося жертвой своей неосторожности. Увлекаясь излишней храбростью, онъ, съ 60-ю казаками, несмотря на поданный къ отступленію сигналъ, продолжалъ упорно держаться на занимаемомъ имъ бугрѣ. Но, окруженный превосходными силами горцевъ, Гувальдъ бросился пробивать себѣ дорогу шашками и, во время схватки, былъ изрубленъ съ 3-мя казаками; 6 же человѣкъ попались въ плѣнъ. Непріятель прекратилъ преслѣдованіе только тогда, когда совершенно неожиданно наткнулся на 3-й баталіонъ Апшеронцевъ. Нѣсколько выстрѣловъ картечью и затѣмъ ударъ въ штыки охладили пылъ горцевъ, и они съ того мгновенія уже держались въ почтительномъ отдаленіи.

Къ вечеру отрядъ, подойдя къ роднику, у вершины хребта, расположился здѣсь на ночлегъ.

17-го числа войска спустились къ с. Эрпели, а 18-го прибыли въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Экспедиція къ Гимрамъ стоила Апшеронцамъ 4-хъ убитыми рядовыхъ и 11 ранеными. Общая же потеря отряда заключалась въ 1 оберъ-офицерѣ, 8-ми нижнихъ чинахъ и 4-хъ милиціонерахъ убитыми; ранено 2 оберъ-офицера, 23 нижнихъ чина и 6 милиціонеровъ.

Наказаніе Гимръ подѣйствовало на койсубулинцевъ: вскорѣ послѣ ухода отряда, наиболѣе почетные жители собрались на совѣщаніе, на которомъ почти половина общества выразила желаніе покориться; но возникшія затѣмъ на собраніи пререканія говоруновъ нарушили общее благопріятное настроеніе, такъ что только селенія Ирганай и Араканы письменно обратились къ шамхалу съ просьбою о принятіи ихъ подъ свое покровительство.

Казалось бы, съ смертью имама Гамзатъ-бека, возникшіе въ Дагестанѣ безпорядки долженствовали прекратиться; но, къ сожалѣнію, мюридизмъ успѣлъ уже пустить слишкомъ глубокіе корни, традиціонная ненависть къ русскимъ жила еще во всей силѣ, и съ появленіемъ на сцену племянника Кази-Муллы, гимринскаго муллы Шамиля, пресловутое «новое ученіе» начало распространяться съ наибольшей силой.

Вскорѣ послѣ смерти Гамзатъ-бека, Шамиль поѣхалъ въ с. Гоцатль и захватилъ тамъ малолѣтняго Булачъ-хана Аварскаго, желая овладѣть богатствами ханской фамиліи[6].

Сдѣлавшись главой мюридовъ, Шамиль дѣятельно началъ приготовляться къ борьбѣ съ русскими. Еще во времена Кази-Муллы, онъ выдвинулся изъ среды окружавшихъ имама приверженцевъ новаго ученія своимъ умомъ и необыкновенной храбростью, былъ, собственно говоря, причиной возвышенія Гамзата и, находясь постоянно около своего имама, считался неизмѣннымъ его совѣтникомъ. — Теперь же прежде всего Шамиль занялся формированіемъ скопища, съ цѣлью двинуться въ Аварію, отомстить жителямъ ея за смерть Гамзата и принудить ихъ къ принятію мюридизма.

Аварія, занимая центральное положеніе въ Дагестанѣ, имѣла значеніе среди другихъ дагестанскихъ народовъ: слѣдовательно, если бы Шамиль успѣлъ въ своемъ предпріятіи и достигъ соединенія аварцевъ съ койсубулинцами, то такое важное событіе могло произвести весьма невыгодное для насъ впечатлѣніе на покорныя намъ общества Дагестана и, весьма вѣроятно, заставило ихъ поднять знамя возстанія. Вотъ почему главная цѣль сбора отряда въ Сѣверномъ Дагестанѣ — изгнаніе изъ Аваріи Гамзатъ-бека, несмотря на смерть

[5]) Дѣло № 141 Особ. Отд. Архива Кавк. Окр. Штаба.

[6]) Булачъ-ханъ былъ вскорѣ послѣ того убитъ.

послѣдняго, оставалась въ полной силѣ; настояла существенная необходимость изолировать эту страну отъ вліянія и непріязненныхъ дѣйствій Шамиля. Малолѣтній Аварскій Булачъ-ханъ находился въ рукахъ Шамиля и койсубулинцевъ; между тѣмъ вся Аварія хотѣла имѣть его своимъ ханомъ. Въ виду того, что мирные переговоры, кромѣ напрасной траты времени, ни къ чему не привели, приходилось выручать Булачъ-хана силою оружія.

Для дѣйствія противъ койсубулинцевъ необходимо было сначала двинуться въ Аварію, а отсюда поворотить въ Койсубу, ибо главныя селенія общества—Унцукуль и Балаканы—представлялись недоступными со стороны Гимръ.

Немедленно по возвращеніи отряда въ Шуру, начались приготовленія къ новому походу; начальство надъ отрядомъ, вмѣсто умершаго генералъ-маіора Ланскаго, принялъ командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Клюки-фонъ-Клугенау. Присоединивъ къ себѣ прибывшіе съ линіи два баталіона, Клугенау намѣревался направиться въ Аварію или, по крайней мѣрѣ, дойдя до Гергебиля, занять этотъ аулъ, а изъ Казикумуха послать въ Аварію Асланъ-хана Казикумухскаго, чтобы ободрить жителей и убѣдить ихъ къ дѣйствію противъ скопищъ койсубулинцевъ.

2-го октября отрядъ выступилъ въ Аварію черезъ Параулъ, Урму, Лаваши и Ходжалъ-Махи.

Въ составъ отряда вошли: 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Апшеронскаго, три баталіона Ширванскаго, 1 ½ баталіона Тифлисскаго и два баталіона Мингрельскаго полковъ, Донской казачій полкъ, сборная команда линейныхъ казаковъ и 16-ть орудій. Войска взяли съ собою провіанту на одинъ мѣсяцъ, такъ какъ полковникъ Клугенау надѣялся въ этотъ срокъ окончить экспедицію; патроновъ взято по 120 на человѣка; рогатый скотъ и фуражъ заготовлены по распоряженію шамхала Тарковскаго и Ахметъ-хана Мехтулинскаго. Одновременно съ наступленіемъ отряда изъ Шуры, Асланъ-ханъ двигался изъ Казикумуха въ Аварію къ аулу Гоцатль, съ цѣлью взять его и выгнать оттуда мюридовъ.

Незадолго до выступленія въ Аварію, Клугенау, узнавъ о несогласіи между койсубулинцами, отправилъ къ нимъ письма съ напоминаніями о данной ими присягѣ на вѣрность Русскому правительству и указаніями на гибельныя послѣдствія каждаго ихъ возмущенія. Старшины нѣкоторыхъ селеній, откликнувшись на эти воззванія, подтвердили обѣщаніе жить спокойно и прекратить всякія сношенія съ Шамилемъ.

Для обезпеченія тыла, оставлены были въ Шурѣ 5-ть ротъ Апшеронскаго полка, а въ с. Каранай послано 2 роты; кромѣ того, шамхальская милиція заняла всѣ тропинки, ведущія изъ Гимръ. 5-го октября отрядъ прибылъ къ с. Лавашамъ. Здѣсь акушинскіе старшины явились къ начальнику отряда и заявили полную готовность содѣйствовать успѣху русскихъ войскъ. Жители окрестныхъ селеній, убѣдившись, что русскіе противъ нихъ ничего не предпринимаютъ, обходятся съ ними хорошо и за все купленное платятъ, начали понемногу собираться въ лагерь и вступать въ дружескіе переговоры съ солдатами; многіе изъ акушинцевъ при этомъ изъявили желаніе примкнуть къ отряду, въ качествѣ волонтеровъ. Для разработки каменистой дороги, въ Ходжалъ-Махи, проходившей по весьма узкому ущелью, полковникъ Клюгенау выслалъ изъ Лавашей 400 рабочихъ, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, двухъ орудій и 100 казаковъ.

Послѣ двудневныхъ усиленныхъ трудовъ, она была расчищена. Дорогу изъ Ходжалъ-Маховъ въ Гергебиль, совершенно одинаковую съ предъидущею, точно также пришлось расчищать: надъ нею работали тоже въ теченіи двухъ дней, даже ночью, при свѣтѣ луны, два, командированные для того баталіона. Наконецъ, 11-го октября, весь дѣйствующій отрядъ и транспорты прибыли въ Гергебиль, гдѣ Клугенау и остановился, впредь до окончательнаго выясненія положенія дѣлъ въ Аваріи.

Дѣло въ томъ, что, со смертью старшихъ представителей ханскаго рода, аварцы остались безъ правителя и раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ желала имѣть ханомъ малолѣтняго Булача, сына Нуцалъ-хана, но онъ находился въ плѣну у Шамиля и мало представлялось вѣроятій, чтобы тотъ выпустилъ его живымъ; другой же партіи хотѣлось, чтобы Аваріей управлялъ Асланъ-ханъ Казикумухскій,— весьма уважаемый всѣми народами въ Дагестанѣ. Полковникъ Клугенау, съ живѣйшимъ участіемъ, ставшій на сторону послѣднихъ, еще изъ Лавашей отправилъ капитана генеральнаго штаба Ковалевскаго къ Асланъ-хану, съ порученіемъ убѣдить его согласиться на предложенія аварцевъ. Послѣ долгихъ колебаній, Асланъ-ханъ изъявилъ, наконецъ, согласіе временно завѣдывать Аваріей и водворить въ ней спокойствіе и порядокъ; но рѣшительно отказался отъ постояннаго управленія страною, ссылаясь и безъ того на большіе труды, связанные съ добросовѣстнымъ веденіемъ дѣлъ въ двухъ своихъ ханствахъ — Куринскомъ и Казикумухскомъ.

Такимъ образомъ, хотя дальнѣйшія дѣйствія отряда находились въ зависимости отъ согласія всѣхъ аварцевъ выбрать своимъ правителемъ Асланъ-хана или кого нибудь другаго, соотвѣтствующаго видамъ кавказскаго начальства, тѣмъ не менѣе, предполагая даже, что всѣ аварцы согласятся на избраніе Асланъ-хана и изгонятъ отъ себя мюридовъ, полковникъ Клугенау все-таки намѣревался двинуться въ Аварію для разгромленія аула Гоцатля, гдѣ мюриды и мюридизмъ свили весьма прочное гнѣздо. Намѣреніе начальника отряда тѣмъ болѣе имѣло основаній, что переговоры съ аварцами, главнымъ образомъ вслѣдствіе вліянія на нихъ гоцатлинскихъ мюридовъ, замедлялись и не приводили къ желаемому результату, и Клугенау, своимъ вступленіемъ въ Аварію, надѣялся положить конецъ нарѣшимости аварцевъ относительно Асланъ-хана и ускорить его избраніе.

Гоцатлинцы, узнавъ о движеніи къ нимъ русскихъ, начали поспѣшно укрѣплять свое селеніе и обратились за помощью къ Шамилю, который, собравъ болѣе 1.000 приверженныхъ ему койсубулинцевъ, вошелъ въ Аварію и занялъ весьма крѣпкую позицію, не далеко отъ сел. Могоха, при сліяніи Аварскаго и Казикумухскаго-Койсу, въ верстахъ 15-ти отъ Гергебиля. Шамиль предполагалъ эту позицію сдѣлать своимъ опорнымъ пунктомъ, откуда могъ бы препятствовать русскому отряду предпринять что либо противъ Гоцатля, а также и удерживать наши войска отъ движенія въ Койсубу. Появленіе Шамиля въ Аваріи нѣсколько измѣнило планы начальника отряда, и онъ рѣшилъ предварительно разбить скопище мюридовъ, а потомъ уже слѣдовать къ Гоцатлю.

Оставивъ въ Гергебилѣ вагенбургъ, подъ прикрытіемъ части пѣхоты, 2-хъ легкихъ орудій и шамхальской милиціи, полковникъ Клугенау съ остальными войсками выступилъ, 15-го октября, черезъ аулъ Кикуны, прямо къ позиціи Шамиля.

Какъ оказалось, непріятель не терялъ даромъ времени и, въ нѣсколько дней, укрѣпилъ завалами лѣвый берегъ быстрой Аварской-Койсу — рѣки, протекавшей впереди позиціи и служившей надежной защитой горцамъ.

Для атаки непріятельской позиціи, Клугенау остановилъ отрядъ, приказалъ выдвинуть впередъ легкія орудія и немедленно открыть огонь по заваламъ; въ первую боевую линію, подъ командою маіора Лихарева, назначенъ 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, позади котораго расположились 300 конныхъ казаковъ имѣвшихъ каждый при себѣ по стрѣлку, изъ числа охотниковъ, набранныхъ со всѣхъ баталіоновъ отряда. Послѣ непродолжительной подготивки атаки артиллерійскимъ огнемъ, казаки, посадивъ на лошадей охотниковъ, должны были переправить ихъ на противоположный берегъ рѣки, чего быстрота теченія не допускала обыкновеннымъ путемъ. Шамиль, послѣ первыхъ орудійныхъ выстрѣловъ, началъ отступать, а посланные въ преслѣдованіе скопища казаки и милиція окончательно разсѣяли

*

его по ущелью и принудили къ безпорядочному бѣгству. Вслѣдъ затѣмъ явились старшины аула Могоха, съ изъявленіемъ безусловной покорности. Полковникъ Клугенау ограничился лишь взятіемъ отъ жителей скота на продовольствіе отряда, аула же не разорялъ, желая тѣмъ самымъ расположить народъ въ пользу русскихъ и будущаго правителя Аваріей Асланъ-хана.

На слѣдующій день войска направились въ Гоцатлю. Въ виду совершенно непроходимой мѣстности для артиллеріи, полковникъ Клугенау отправилъ всѣ легкія орудія обратно къ Гергебилю. Черезъ нѣсколько часовъ войска подошли къ сел. Джалды, жители котораго составляли одно общество съ гоцатлинцами. Джалды, расположенное на лѣвомъ берегу Аварскаго Койсу, занимаетъ весьма выгодное мѣстоположеніе. Переправивъ черезъ рѣку 2-й и 3-й баталіоны Апшеронцевъ и 2 орудія, начальникъ отряда приказалъ пѣхотѣ обойти селеніе съ правой стороны, а казакамъ и милиціи — съ лѣвой. При первыхъ же орудійныхъ выстрѣлахъ непріятель началъ покидать Джалды; неуспѣвшіе бѣжать загнаны обратно 2-мъ баталіономъ Апшеронцевъ и, принужденные защищаться, погибли; уцѣлѣвшіе же бросились въ горы. Считая дальнѣйшее преслѣдованіе горцевъ совершенно безполезнымъ, полковникъ Клугенау остановилъ Апшеронцевъ, и, переправясь со всѣмъ отрядомъ черезъ Аварское Койсу, сталъ лагеремъ между нимъ и Джалдами.

17-го октября войскамъ былъ данъ отдыхъ и произведена рекогносцировка по дорогѣ къ Гоцатлю. Оказалось, что гоцатлинцы, несмотря на неприступность своего селенія, заблаговременно вывезли семейства и все имущество, а сами, занявъ перевалъ по дорогѣ къ Джалдамъ, укрѣпили его завалами; тѣмъ не менѣе, въ тотъ же день, послѣ полудня, они прислали старшинъ для переговоровъ. Но Клугенау, отвѣтивъ посланцамъ, что ни въ какіе переговоры съ гоцатлинцами не вступитъ, приказалъ арестовать старшинъ, какъ родственниковъ убитаго Гамзатъ-бека и главныхъ распространителей мюридизма. 18-го октября отрядъ двинулся уже къ Гоцатлю. Едва только русскія войска подошли къ перевалу, какъ горцы бросили завалы, и отрядъ безпрепятственно приблизился къ Новому Гоцатлю. У входа въ него непріятель пытался, было сопротивляться: засѣвъ въ передовыхъ сакляхъ, горцы открыли по наступающей колоннѣ ружейный огонь, но были выбиты и принуждены отступить; часть жителей съ семействами и имуществомъ ушла къ Старому Гоцатлю, а другая часть скрылась въ ближайшихъ скалахъ. Желая дѣло довести до конца, полковникъ Клугенау двинулъ къ Старому Гоцатлю 3 баталіона, принудившіе непріятеля покинуть и это убѣжище, и разсѣяться по окружающимъ скаламъ, при чемъ въ добычу русскимъ досталось нѣсколько сотъ рогатаго скота и много имущества. Между тѣмъ наступила ночь; предавъ огню Старый Гоцатль, отрядъ возвратился на ночлегъ къ Новому Гоцатлю. Такимъ образомъ, первое препріятіе, т. е. уничтоженіе Гоцатля, выполнено вполнѣ успѣшно, — оставалось только добиться отъ аварцевъ принятія назначеннаго имъ управителя.

Пораженіе мюридовъ у Гоцатля произвело сильное впечатлѣніе на аварцевъ и прекратило ихъ колебанія. 19-го числа въ нашъ лагерь явились старшины большей части аварскихъ селеній съ согласіемъ принять своимъ управителемъ Асланъ-хана, впредь до совершеннолѣтія малолѣтняго сына Нуцалъ-хана. Находя такое желаніе совершенно согласнымъ съ видами и инструціями, данными командиромъ корпуса покойному генералу Ланскому, Клугенау объявилъ Асланъ-хана Казикумухскаго правителемъ Аваріи и далъ жителямъ обѣщаніе поддерживать ихъ, въ случай непріязненныхъ дѣйствій со стороны Шамиля и его мюридовъ.

Прежде удаленія изъ Аваріи, начальникъ отряда рѣшилъ истребить мюридовъ, разсѣянныхъ по скаламъ вокругъ Стараго и Новаго Гоцатлей. Съ этой цѣлью, 20-го октября,

двинулись 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго и 6 ротъ Тифлисскаго полковъ, 4 горные единорога и 4 мортирки, подъ командою генеральнаго штаба капитана Ковалевскаго, прекрасно знавшаго мѣстность и, слѣдовательно, имѣвшаго возможность дать надлежащее направленіе частямъ посланной колонны. По всѣмъ даннымъ, надлежало ожидать отчаяннаго сопротивленія, со стороны мюридовъ, которымъ приходилось защищать самое дорогое,—свои семейства и имущество. Горцы занимали узкое ущелье между двумя крутыми скалами, подходящими почти къ самой рѣкѣ, атака котораго сверху представлялась совершенно невозможной, а подошвы двухъ скалъ, образовывавшихъ нѣчто въ родѣ входа въ ущелье, были сильно укрѣплены завалами. Мюриды запрятали свои семейства и имущество въ устроенныхъ въ скалахъ углубленіяхъ, входы въ которыя закрывались брустверами изъ мѣшковъ и корзинъ, наполненныхъ землей. Фронтальная атака подобнаго рода позиціи не могла быть успѣшна и повлекла бы за собой большую потерю. Въ виду такой обстановки, приходилось избрать другой способъ къ овладѣнію непристуной твердыней, и капитанъ Ковалевскій составилъ слѣдующій планъ: для демонстраціи — двинуться самому съ баталіономъ Апшеронцевъ и 4-мя единорогами прямо на завалы, главную же атаку произвести съ противоположной стороны ущелья. Одинъ изъ находившихся при отрядѣ горцевъ указалъ весьма крутую и очень узенькую тропинку, которая, обходя позицію мюридовъ, оканчивалась у ея лѣваго фланга; по этой-то тропинкѣ направлено 6 ротъ и, въ числѣ ихъ, весь 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою маіора Лихарева. Собственно говоря, обходное движеніе имѣло мало шансовъ на успѣхъ, потому что, во-первыхъ, войскамъ предстояло взбираться по весьма крутому подъему, а во-вторыхъ колонна могла спуститься въ другомъ какомъ мѣстѣ, такъ какъ на указанія проводника полагаться было рискованно. Тѣмъ не менѣе, роты двинулись и «единственнымъ средствомъ для атаки должны были служить храбрость и рѣшительность», пишетъ полковникъ Клугенау въ донесеніи своемъ корпусному командиру [7].

Главный отрядъ, произведя атаку заваловъ съ фронта, имѣлъ въ виду лишь отвлечь вниманіе непріятеля отъ ротъ, шедшихъ въ обходъ. Остановясь на пушечный выстрѣлъ отъ заваловъ, капитанъ Ковалевскій выслалъ застрѣльщиковъ, открылъ артиллерійскій огонь и вообще показывалъ намѣреніе атаковать горцевъ. Непріятель дался въ обманъ и сосредоточилъ всѣ свои силы противъ демонстрирующаго отряда. Тѣмъ временемъ Апшеронцы, вскарабкавшись по страшно крутой тропинкѣ на вершину горы, раздѣлились поротно, потому что спускъ къ непріятсльскимъ заваламъ шелъ по нѣсколькимъ тропинкамъ. 2-я гренадерская рота, подъ командою капитана Педяша 1-го, совершенно неожиданно для горцевъ подобравшись къ верхнимъ заваламъ, безъ выстрѣла бросилась на нихъ въ штыки и, черезъ нѣсколько минутъ, тамъ не оставалось уже ни одного живаго мюрида; но, къ сожалѣнію, во время схватки, былъ тяжело раненъ командиръ роты *капитанъ Педяшъ 1-й*, первымъ вскочившій въ завалъ. Потеря любимаго начальника сильно озлобила солдатъ, которые, бросившись къ слѣдующему завалу, штыками перекололи всѣхъ поголовно мюридовъ.

Въ то же время 4-я мушкетерская рота Апшеронцевъ, подъ командою поручика Евдокимова, спускаясь внизъ, была остановлена почти отвѣсной скалой, у подножія которой собралась большая толпа горцевъ. Спускъ со скалъ всей роты потребовалъ бы значительнаго времени; поэтому поручикъ Евдокимовъ вызвалъ 30 охотниковъ и, съ ними на ружьяхъ, веревкахъ и поясныхъ ремняхъ, спустился со скалъ, потомъ, съ своимъ командиромъ во главѣ, охотники кинулись къ завалу. Мюриды, встрѣтивъ Апшеронцевъ ружейнымъ

7) Дѣло № 109, 2-го отд. Генер. Штаба. Архивъ Кавк. Окр. Штаба.

залпомъ, ударили затѣмъ въ шашки и кинжалы. Несмотря на свою малочисленность, наши солдаты выбили горцевъ изъ передовыхъ заваловъ и, слѣдомъ за отступающими, бросились къ слѣдующимъ. Однако, горсти Апшеронцевъ, уже сильно утомленныхъ боемъ и ослабленныхъ потерями, пришлось бы плохо, не подоспѣй на выручку остальная часть роты и 5-я мушкетерская рота, подъ командою поручика Декельта. Общими усиліями роты принялись брать завалы и углубленія, въ коихъ скрывались семейства мюридовъ. Бой разомъ закипѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; мюриды дрались съ отчаяніемъ и не просили пощады.

При взятіи одного изъ этихъ углубленій былъ тяжело раненъ *поручикъ Декельтъ*[8].

Капитанъ Ковалевскій, увидѣвъ успѣхъ обходной колонны, на штурмъ нижнихъ заваловъ направилъ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ и 2 роты Тифлисскаго полка. Дружная атака Апшеронцевъ и Тифлисцевъ принудила мюридовъ бросить завалы, и они бѣжали, оставивъ въ рукахъ нашихъ все свое имущество. Побѣдителямъ досталось множество дорогихъ брилліантовыхъ и золотыхъ вещей, золотыхъ часовъ и шубъ: повидимому, здѣсь были собраны самые богатые мюриды и родственники Гамзата.

Наша потеря заключалась въ 2-хъ убитыхъ и 5-ти раненыхъ оберъ-офицерахъ; нижнихъ чиновъ убито 17 и ранено 63[9].

Почти поголовное избіеніе гоцатлинскихъ мюридовъ навело паническій страхъ на аварцевъ и на жителей всѣхъ сосѣднихъ обществъ. На другой день всѣ аварскіе старшины, находившіеся въ лагерѣ отряда, присягнули въ вѣрности Государю Императору и новому правителю Аваріи — Асланъ-хану. Присяга сопровождалась большой церемоніей, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ.

Окончивъ блестящимъ образомъ экспедицію въ Аварію, полковникъ Клугенау рѣшилъ оставить эту страну. Войска выступили изъ горъ двумя колоннами: въ первой находились два баталіона пѣхоты и всѣ легкія орудія, а 25-го октября потянулись остальныя войска (въ томъ числѣ Апшеронскіе баталіоны), и 30-го числа прибыли въ Т.-Х.-Шуру. Печальная участь Гоцатля произвела сильное впечатлѣніе и на койсубулинцевъ, которые, вскорѣ послѣ окончанія экспедиціи, отправили къ шамхалу, въ Тарки, до 200 старшинъ, принявшихъ присягу на вѣрность Государю Императору и повиновеніе шамхалу[10].

Еще во время пребыванія въ Шурѣ Куринскаго полка, для находившихся въ укрѣпленіи 10-ти ротъ построены были временныя казармы, а изъ уцѣлѣвшихъ татарскихъ сакель, при помощи различныхъ приспособленій и пристроекъ, смастерили полковой лазаретъ. Всѣ эти, далеко ненадежныя сооруженія, несмотря на усиленную и весьма частую ремонтировку, пришли за послѣдніе два года въ такую ветхость, что объ исправленіи ихъ нечего было и думать. Между тѣмъ, съ увеличеніемъ полка въ 5-ти баталіонный составъ, приходилось позаботиться о размѣщеніи баталіоновъ. Поэтому, командиръ полка, генералъ-маіоръ Клюки-Фонъ-Клугенау задумалъ, съ началомъ весны, приступить къ работамъ и построить временныя казармы, цейхгаузы и помѣщенія для офицеровъ; но за отсутствіемъ подъ руками необходимыхъ средствъ работа шла медленно и могла затянуться надолго. Хотя въ Шурѣ и стояло 4 баталіона, но они имѣли весьма малый составъ; кромѣ того, съ весной требовался и посторонній расходъ людей, напр., отправленіе ротъ въ Чумкескентскій редутъ и укр. Озень, для прикрытія полковаго табуна и покоса. Съ выдѣленіемъ ротъ, въ полку оставалось такъ мало нижнихъ чиновъ, что капитальныя постройки становились дѣломъ весьма труднымъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, въ 1835 году, командиръ

---

[8]) Дѣло № 141. Особ. Отд. Арх. Кавк. Окр. Шт.

[9]) Собственно въ этихъ цыфрахъ выражается общая потеря за всю экспедицію въ Аварію.

[10]) Дѣло № 109. 2-е отд. Ген. Шт. Арх. Кавк. Окр. Шт.

полка вошелъ съ ходатайствомъ о возвращенiи въ штабъ-квартиру 4-го баталiона, расположеннаго по частямъ въ Дербентѣ и Новой Кубѣ, и разрѣшенiи вытребовать изъ шамхальскихъ и мехтулинскихъ ауловъ 50 арбъ для подвозки матерiаловъ. Корпусный командиръ, баронъ Розенъ 1-й разрѣшилъ взять отъ 4-го баталiона только двѣ роты — 4-ю гренадерскую, подъ командою подпоручика Дивельковскаго, и 12-ю мушкетерскую штабсъ-капитана Толмачева, которыя 30-го мая и пришли въ Шуру; къ тому же времени доставлены были обывательскiя арбы, — и работа закипѣла.

Но какъ ни хлопоталъ генералъ Клугенау, чтобы въ теченiи года не трогали полка, предоставивъ ему возможность обстроиться, все-таки двѣ роты — 1-ю гренадерскую и 2-ю мушкетерскую — двинули на р. Сулакъ, для устройства переправы, въ видахъ прямаго сообщенiя между кр. Внезанной и Каспiйскимъ моремъ.

Избранное для того мѣсто находилось недалеко отъ сел. Чиръ-Юрта, между селенiями Зурама-Кентомъ и Мiатлами, и съ обоихъ береговъ Сулака переправа защищалась блокгаузами.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Шуру прибылъ новый полковой командиръ, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Ивеличъ, сдавъ которому полкъ, генералъ-маiоръ Клугенау остался начальникомъ отряда въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Графъ Ивеличъ съ тѣмъ-же усердiемъ и любовью, какъ и Клугенау, принялся за обстройку штабъ-квартиры и, къ концу года, дѣло настолько подвинулось впередъ, что офицеры и нижнiе чины уже имѣли помѣщенiя, а постройки лазарета и хозяйственныхъ зданiй продолжалась безостановочно.

1835 годъ прошелъ относительно спокойно.

Потерпѣвъ пораженiе въ прошломъ году у Могоха, Шамиль бѣжалъ въ Гимры, и ничего не предпринималъ до тѣхъ поръ, пока въ горахъ не ослабилось впечатлѣнiе этой неудачи.

Въ началѣ 1835 года онъ началъ приготовляться къ дѣйствiямъ, набирая партiи изъ койсубулинцевъ и другихъ обществъ Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана. Невѣжественные поборники исламизма — мюриды, руководимые личными выгодами и ненавистью къ русскимъ, съ единственною цѣлью произвести въ народѣ смуту, превозгласили Шамиля главою мюридизма, или имамомъ, и ревностно принялись за распространенiе новаго ученiя.

Одинъ изъ такихъ мюридовъ, Кибитъ-Магома, житель аула Тилитля, взволновавъ и укрѣпивъ въ ненависти къ русскимъ все тилитлинское общество, заставилъ его перейти подъ знамена Шамиля; изъ числа же преданныхъ намъ старшинъ — Бека-Чанку, убѣждавшаго народъ оставаться спокойнымъ, Кибитъ-Магома своими преслѣдованiями принудилъ бѣжать, а затѣмъ, настигнувъ въ одномъ аулѣ, убилъ его.

Кромѣ тилитлинцевъ, къ Шамилю присоединились гумбетовцы и андiйцы. Для прiобрѣтенiя влiянiя и на чеченцевъ, Шамиль вошелъ въ сношенiе съ извѣстнымъ чеченскимъ мюридомъ Ташевъ-Хаджи, чѣмъ и ограничились всѣ его успѣхи въ 1835 году, потому что въ нѣкоторыхъ обществахъ имамъ не встрѣтилъ сочувствiя, а унцукульцы, напримѣръ, грозили даже убить его со всѣми мюридами.

Въ этомъ-же году 21-я дивизiя была переименована въ 19-ю, и командиромъ 1-й бригады назначенъ генералъ-маiоръ Клюки-фонъ-Клугенау.

Прiостановленныя зимой работы по устройству штабъ-квартиры съ ранней весной 1836 года начались съ обычной дѣятельностью. Но положенiе дѣлъ въ Чечнѣ потребовало въ ней усиленiя войскъ, а, потому, въ апрѣлѣ, пришлось двумъ баталiонамъ двинуться на лѣвый флангъ Кавказской линiи.

Считая однако преждевременнымъ открытiе противъ насъ явныхъ военныхъ дѣйствiй,

Шамиль предварительно старался войти въ соглашеніе съ извѣстными дѣятелями Чечни, и съ однимъ изъ нихъ — Ташевъ-Хаджею — успѣлъ заключить договоръ, въ силу котораго первый обязывался поднять всю Чечню противъ русскихъ; затѣмъ чеченцы, соединившись съ дагестанскими горцами, должны были дѣйствовать противъ насъ сообща.

Ташевъ-Хаджи немедленно принялся за выполненіе плана. Первоначально у него едва набралось 100 чел. мюридовъ, съ которыми онъ и явился въ сел. Зандакъ; здѣсь къ партіи примкнули еще 100 чел. ичкеринцевъ, и тогда онъ двинулся въ Койсубу, гдѣ и соединился съ Шамилемъ и Кибитъ-Магомой, для совмѣстнаго дѣйствія противъ селеній Дагестана, враждебно относившихся къ мюридамъ. Съ перемѣннымъ успѣхомъ бунтари боролись съ жителями селеній Игали, Унцукуля и другихъ; аулъ Урада былъ истребленъ мюридами, а урадинцы бѣжали въ Аварію. По возвращеніи въ Чечню, Ташевъ-Хаджи началъ распускать слухи, будто многіе аулы въ Горномъ Дагестанѣ приняли уже новое ученіе, и приглашалъ чеченцевъ добровольно послѣдовать ихъ примѣру, грозя, въ противномъ случаѣ, принудить ихъ къ тому силой.

Въ видахъ противодѣйствія успѣхамъ Ташевъ-Хаджи и чтобы заставить его подумать о собственной безопасности, командующій Сунженской линіей, полковникъ Пулло, собравъ въ Брагунахъ отрядъ, изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, 350 казаковъ и 7 орудій, 11-го марта выступилъ къ р. Гудермесу, съ намѣреніемъ занять одно изъ мятежныхъ селеній — Бейбулатъ-Юртъ. Хотя предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, и, послѣ нѣкотораго сопротивленія, Бейбулатъ-Юртъ занятъ и истребленъ, но наказаніе одного селенія не могло уже потушить возстанія во всей Чечнѣ.

Возмутившіеся чеченцы угрожали кумыкскимъ владѣніямъ; поэтому полковникъ Пулло, перейдя черезъ Качкалыковскій хребетъ, подступилъ къ с. Шавдонъ-Юрту, взялъ отсюда нѣсколько аманатовъ и затѣмъ возвратился въ Брагуны; для охраненія же кумыкскихъ владѣній отъ вторженія чеченцевъ, въ Ташъ-Кичу оставленъ баталіонъ пѣхоты и 100 казаковъ. Экспедиція стоила отряду одного убитаго и одного раненаго офицеровъ; и 2-хъ нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ 19.

Между тѣмъ, возмущеніе быстро разросталось: мичиковцы, качкалыки и другія чеченскія общества уже явно возстали; ходили упорные слухи, что противникъ намѣревается вторгнуться на кумыкскую плоскость. Такое положеніе дѣлъ требовало принятія дѣятельныхъ мѣръ. Къ сожалѣнію, полковникъ Пулло располагалъ весьма ограниченнымъ количествомъ войскъ и, потому, онъ одновременно обратился къ корпусному командиру барону Розену и къ командующему войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генералъ-маіору Клугенау, съ просьбой о подкрѣпленіи его 2-мя баталіонами Апшеронскаго полка. Незадолго до этого, Ташевъ-Хаджи, съ партіей въ 600 человѣкъ, произвелъ нападеніе на с. Старый Аксай, гдѣ располагались баталіонъ пѣхоты, сотня казаковъ и 3 орудія. Хотя это дерзкое предпріятіе и не имѣло успѣха, тѣмъ не менѣе оно ясно показало, что чеченцы дѣйствуютъ уже открыто, опираясь на свою многочисленность и на помощь, ожидаемую отъ койсубулинцевъ, гумбетовцевъ и андійцевъ. Получивъ донесеніе полковника Пулло, генералъ Клугенау немедленно отправилъ въ его распоряженіе 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго полка, подъ командою Авраменки, съ 4-мя орудіями 19-й артиллерійской бригады. 11-го апрѣля Апшеронцы выступили изъ Шуры, а 13-го пришли въ кр. Внезапную. Между тѣмъ, Ташевъ-Хаджи успѣлъ нанести намъ чувствительный вредъ на линіи: 8-го числа онъ отправилъ одного изъ своихъ главныхъ помощниковъ — Уди-Муллу — съ 600 человѣкъ на правый берегъ Терека. Партія, переправясь черезъ рѣку, напала, 10-го апрѣля на работавшихъ въ полѣ жителей ст. Щедринской, изрубила 29 человѣкъ и 23 взяла въ

плѣнъ; затѣмъ, поспѣшно отступивъ за Терекъ, она соединилась съ Ташевъ-Хаджи. Удачно произведенное нападеніе, въ связи съ общимъ волненіемъ среди чеченскаго населенія, могло еще болѣе ухудшить положеніе дѣлъ; поэтому полковникъ Пулло, не ожидая прибытія Апшеронскихъ баталіоновъ, немедленно двинулся съ 3-мя баталіонами въ Чечню.

Изъ Внезапной, баталіоны Апшеронскаго полка направились къ с. Ойсунгуру, куда слѣдовалъ съ отрядомъ изъ Грозной полковникъ Пулло. Какъ только Ташевъ-Хаджи узналъ объ усиленіи войскъ на Сунженской линіи, то отступилъ къ сел. Мискиту и распустилъ скопище, взявъ обѣщаніе отъ своихъ главныхъ сподвижниковъ вновь собраться по первому призыву. Хотя качкалыковцы явно и не участвовали въ дѣйствіяхъ противъ насъ, тѣмъ не менѣе полковникъ Пулло вызвалъ 17-го апрѣля въ Ойсунгуръ старшинъ всѣхъ качкалыковскихъ селеній, сдѣлалъ имъ надлежащее внушеніе и, напомнивъ о данныхъ ими обязательствахъ, запретилъ принимать къ себѣ Ташевъ-Хаджи и его сообщниковъ. Старшины дали письменное обѣщаніе оставаться вѣрными и привели въ лагерь аманатовъ изъ почетныхъ семействъ.

Съ удаленіемъ Ташевъ-Хаджи въ лѣса, возникшее между чеченцами волненіе повидимому улеглось, поэтому оба баталіона Апшеронцевъ съ находившимися при нихъ орудіями возвратились въ Шуру.

Въ 1836 году полковая штабъ-квартира представляла еще довольно жалкій видъ: не было ни одного вполнѣ оконченнаго зданія, ибо строить приходилось много, а рабочихъ рукъ не хватало. Кромѣ того, хотя шамхалъ и прислалъ арбы, но возить матеріалъ изъ Чумкескента можно было только въ хорошую погоду; зимой же, вслѣдствіе большаго снѣга и грязи, работы совершенно прекращались. На скорую руку выстроили помѣщеніе для офицеровъ и лазаретъ; но въ этихъ зданіяхъ не имѣлось деревянныхъ половъ, стеколъ въ рамахъ, всюду были трещины, такъ что зимнее время въ лазаретѣ больные положительно мерзли.

Апшеронцы жили въ Шурѣ въ полной боевой обстановкѣ; отлучаться изъ укрѣпленія даже за полверсты было рисковано: вездѣ бродили мюриды, только и выжидавшіе случая, чтобы на кого нибудь напасть или взять въ плѣнъ, днемъ и ночью вокругъ штабъ-квартиры стояла цѣпь. Въ мартѣ мѣсяцѣ жертвой своей неосторожности сдѣлался только-что пріѣхавшій изъ Россіи въ полкъ *прапорщикъ Либертъ.* Рота, въ которой онъ находился, стояла въ Агачъ-Калѣ. Однажды оттуда пошла ротная повозка, которую сопровождали 2 унтеръ-офицера и 12 рядовыхъ. Либертъ, отправившійся верхомъ, вмѣстѣ съ повозкой, въ трехъ верстахъ отъ штабъ-квартиры опередилъ прикрытіе; но не успѣлъ онъ отъѣхать и версты, какъ солдаты услышали выстрѣлы, а затѣмъ къ нимъ прибѣжала лошадь Либерта. Нѣсколько человѣкъ бросились по направленію выстрѣловъ, и на дорогѣ нашли прапорщика мертвымъ: онъ получилъ четыре огнестрѣльныхъ и три кинжальныхъ раны. Всѣ поиски за разбойниками остались тщетными, такъ какъ кругомъ росъ густой трудно проходимый лѣсъ. Этотъ случай прекрасно обрисовываетъ обстановку жизни Апшеронцевъ.

Съ нѣкотораго времени Шамиль измѣнилъ къ намъ свои отношенія: то и дѣло онъ присылалъ къ генералу Клугенау письма съ увѣреніемъ въ преданности русскому правительству; наказывалъ за разбои въ Шамхальскихъ владѣніяхъ и за нападенія на наши команды. Но, въ то же время, онъ, соединяясь съ Ташевъ-Хаджи, Уди-Муллой и лезгинскимъ муллой Рамазаномъ принялся силой вводить въ Нагорномъ Дагестанѣ мюридизмъ. Собравъ съ этой цѣлью скопище въ 2.000 человѣкъ, имамъ направился къ сел. Игали и, занявъ его, началъ отсюда распространеніе своего ученія. Многія дагестанскія общества, не желая подвергать себя опасности разграбленія, принимали мюридизмъ и выдавали Шамилю

аманатовъ. Но жители аула Херадерха, расположеннаго на берегу Аварскаго Койсу и имѣвшаго только 70 дворовъ, отказались выполнить требованія имама и не признавали его въ этомъ званіи; — тогда онъ двинулся съ всѣмъ скопищемъ для наказанія ихъ. Получивъ помощь отъ хунзахцевъ, пришедшихъ со своимъ старшиной Эмиръ-Ханомъ, херадерхинцы рѣшились сопротивляться. Произошла упорная битва,—Шамиль овладѣлъ ауломъ, и изъ 140 жителей осталось въ живыхъ только 17; остальные были убиты; въ числѣ послѣднихъ находился и Эмиръ-Ханъ. Скопище Шамиля потеряло 15 человѣкъ убитыми и 30 ранеными. Послѣ истребленія Херадерха, имамъ обратился къ Хунзаху, обитатели котораго, вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ на помощь казикумухцами, разбили скопище мюридовъ и заставили его отступить въ койсубулинское селеніе Балаканы. Однако, дѣйствуя такимъ образомъ, Шамиль въ то же время старался усыплять бдительность генерала Клугенау, приводя въ оправданіе своихъ поступковъ единственное желаніе прекратить разбои и нападенія на русскихъ. Клугенау вдался въ обманъ и, въ донесеніяхъ своихъ корпусному командиру, писалъ, что Шамиль «ничего не предпринимаетъ». Но баронъ Розенъ разгадалъ замыслы Шамиля и, опасаясь, чтобы увеличивающееся вліяніе его на горцевъ не отозвалось вредно на Аваріи и покорныхъ намъ обществахъ, рѣшилъ положить предѣлъ дѣятельности имама. Онъ предписалъ военно-окружному начальнику въ Дагестанѣ, генералъ-маіору Реуту, сформировать отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ Апшеронскаго полка и, двинувшись съ нимъ въ Койсубу, дѣйствовать тамъ сообразно обстоятельствамъ. Въ то же время генералу Клугенау запретилъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ Шамилемъ.

Пріѣхавъ въ половинѣ іюля въ Шуру, генералъ Реутъ составилъ изъ всего полка три сводныхъ баталіона (собственно говоря, увеличенъ численный составъ 1-го, 2-го и 4-го баталіоновъ полка, такъ что во всѣхъ трехъ баталіонахъ было 1.500 рядовыхъ) и присоединилъ къ нимъ 4 горныхъ единорога и 4 кегорновыхъ мортирки. Прежде всего отрядъ этотъ предполагалось двинуть въ селеніе Ирганай. Чтобы помѣшать непріятелю сосредоточиться въ неприступныхъ мѣстахъ по пути къ Ирганаю, Реутъ, 20-го іюля, направилъ въ Ирганайское ущелье генералъ-маіора Клугенау съ 1-мъ баталіономъ и 4 кегорными мортирками. Клугенау выступилъ утромъ, изъ Шуры, въ тотъ же день переправился черезъ Койсубулинскій хребетъ и спустился къ Гимрамъ; давъ небольшой отдыхъ баталіону, онъ пошелъ дальше и занялъ входъ въ ущелье, ведущее къ Ирганаю. Здѣсь къ нему присоединился маіоръ Абу-Муселинъ шамхалъ Тарковскій и полковникъ Ахметъ-ханъ Мехтулинскій со своими милиціями, численностью до 1.500 человѣкъ. Изумленные неожиданнымъ для нихъ появленіемъ русскихъ, ирганайцы немедленно выслали на встрѣчу войскамъ своихъ старшинъ, которымъ генералъ Клугенау объявилъ, что пока преданность ихъ русскому правительству останется непоколебима, до тѣхъ поръ они могутъ оставаться спокойными и не бояться непріязненныхъ дѣйствій со стороны русскихъ.

Между тѣмъ, главный отрядъ, выступивъ изъ Шуры 21-го іюля, на другой день соединился съ колонной генерала Клугенау. По приходѣ въ Ирганайское ущелье, генералъ-маіоръ Реутъ приказалъ 1-му баталіону занять селеніе Ирганай, что было исполнено безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей. 23-го іюля остальныя войска двинулись къ этому селенію и расположились близъ него лагеремъ, а у входа въ ущелье оставлены двѣ роты 4-го баталіона, при 4-хъ мортиркахъ.

Начальникъ отряда вызвалъ къ себѣ старшинъ всѣхъ селеній, лежащихъ на правомъ берегу Койсу (Аварскаго), а генерала Клугенау отправилъ для рекогносцировки моста черезъ Койсу, по дорогѣ отъ Ирганая къ Унцукулю, находившемуся на разстояніи полутора часовой ѣзды. Дорога къ нему, трудная и опасная, представляла весьма узкую тропинку, съ

правой стороны которой высились совершенно отвѣсныя скалы, а съ лѣвой — находились крутые берега рѣки. Противоположный берегъ Аварскаго Койсу, весь покрытый скалами и большими камнями и представлявшій прекрасную и выгодную защиту отъ нашихъ выстрѣловъ, въ то же время позволялъ непріятелю безнаказанно наносить чувствительный вредъ нашимъ войскамъ. Кромѣ того, глубина рѣки служила весьма важнымъ препятствіемъ, въ случаѣ надобности въ переправѣ на противоположный берегъ. Когда Клугенау подошелъ къ сломанному мосту, его встрѣтили 4 унцукульскихъ старшины, объявившіе, что если унцукульцы и впустили къ себѣ Шамиля, то сдѣлали это не по собственному желанію, а подъ вліяніемъ угрожающей имъ опасности, и что они никогда не измѣнятъ данной Государю присягѣ. Сломавъ окончательно мостъ, генералъ-маіоръ Клугенау въ тотъ-же день возвратился въ Ирганай.

24-го числа, Клугенау съ 1-мъ же баталіономъ произвелъ рекогносцировку вверхъ по рѣкѣ къ с. Зырянамъ, лежащему на лѣвомъ берегу Казикумухскаго Койсу, у выхода изъ ущелья и упирающемуся въ самую рѣку; отсюда проходила дорога къ с. Балаканамъ. Рекогносцировка выяснила, что дорога къ Балаканамъ весьма затруднительная, и все ущелье, кромѣ природныхъ препятствій, преграждалось цѣлой системой заваловъ и укрѣпленій, такъ что доступъ къ селенію представлялся почти невозможнымъ. Сами балаканцы заняли Зыряны, для воспрепятствованія переправѣ войскъ на другой берегъ рѣки. Однако, во все время рекогносцировки горцы не выказывали никакихъ непріязненныхъ дѣйствій и съ ихъ стороны не раздалось даже ни одного выстрѣла. Пользуясь пребываніемъ отряда въ Ирганаѣ, генералъ Реутъ поручилъ штабсъ-капитану генеральнаго штаба Боргенгейму снять мѣстность и сдѣлать краткое ея описаніе. Утромъ, 24-го іюля, явившимся въ отрядъ старшинамъ Кудуха, Араканъ и Гимръ, съ увѣреніями въ преданности, генералъ-маіоръ Реутъ подтвердилъ, чтобы они не слушались Шамиля, не принимали мюридовъ, и, между прочимъ, указалъ на быстрое появленіе русскихъ войскъ въ самыхъ трудныхъ и неприступныхъ мѣстахъ, какъ на доказательство, что никакія недоступныя трущобы Дагестана не могутъ служить препятствіемъ къ проходу русскимъ для наказанія непокорныхъ. Того-же числа отрядъ двинулся обратно и 26-го пришелъ въ Шуру. Съ одной стороны, движеніе къ Ирганаю въ нѣкоторой степени достигло своей цѣли, т. е. произвело благопріятное для насъ впечатлѣніе на койсубулинскія селенія, хотя пользы можно было ожидать несравненно болѣе, если бы отрядъ оставался дольше на берегу Койсу и производилъ отсюда рекогносцировочныя движенія Но, съ другой — оставленіе малочисленнаго отряда въ мѣстахъ, съ непріязненнымъ намъ населеніемъ, являлось нѣкоторою неосторожностью.

Баронъ Розенъ одобрилъ дѣйствія генерала Реута, предписавъ ему внимательно слѣдить за дѣйствіями Шамиля и, при первыхъ непріязненныхъ намѣреніяхъ его противъ Аваріи, немедленно двинуться на помощь жителямъ.

Шамиль, уже по одному движенію нашего отряда къ Ирганаю, вывелъ весьма невыгодное для себя заключеніе: для него стало ясно, что хитрости не помогли; поэтому, не прикрываясь больше льстивыми увѣреніями въ преданности, онъ началъ явно собирать скопище для вторженія въ Аварію.

Имамъ выбралъ самое удобное время для открытія военныхъ дѣйствій, ибо Аварія находилась не въ особенно завидномъ положеніи. Какъ уже извѣстно, послѣ избіенія аварскихъ хановъ, правителемъ Аваріи назначенъ Асланъ-Ханъ-Казикумухскій. Въ 1835 году, послѣ смерти Асланъ-Хана, сынъ его Нуцалъ-Ханъ, сдѣлавшись ханомъ Казикумухскимъ, согласно воли командира Кавказскаго корпуса, сталъ правителемъ и Аваріи, въ которой, однако, самъ не жилъ, а поручилъ управленіе ею брату своему Магометъ-Мирзѣ.

*

20-го августа, умеръ и Нуцалъ-Ханъ, а Магометъ-Мирза тотчасъ-же отправился въ Казикумухъ и, какъ единственный братъ бездѣтно умершаго хана, долженъ былъ вступить въ управленіе Казикумухскимъ и Кюринскимъ ханствами.

Оставшись безъ управителя, Аварія представляла широкое и благодарное поле для мюридовъ, и Шамиль не замедлилъ этимъ воспользоваться: собравъ скопище койсубулинцевъ и гумбетовцевъ, онъ вторгся въ Гоцатль, устроилъ здѣсь свою главную квартиру, занялъ караулами с.с. Чалды и Еркачъ, а одинъ изъ его сподвижниковъ, Али-бекъ, направился съ партіей къ другой сторонѣ Аваріи и занялъ аулъ Урада. Изъ Гоцатля Шамиль поспѣшилъ въ Тилитль для освобожденія своего помощника Кибитъ-Магомы, котораго держалъ въ блокадѣ родственникъ Казикумухскаго хана, прапорщикъ Гаджи-Агья. Но у моста черезъ Койсу, близъ аула Карада, мюридовъ встрѣтили андалянцы и заставили ихъ отступить.

Получивъ извѣстіе объ успѣхахъ Шамиля и имѣя въ виду инструкціи барона Розена, генералъ-маіоръ Реутъ рѣшилъ немедленно двинуться съ отрядомъ въ Аварію и выгнать изъ нея мюридовъ. Назначенный для того отрядъ состоялъ изъ 1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго полка, 4-хъ легкихъ и 4-хъ горныхъ орудій, 4-хъ кегерновыхъ мортирокъ и 100 казаковъ. Для охраненія Шуры оставлены были инвалидная рота, всѣ неспособные и рекруты, подъ командой подполковника Карцова[11]). 26-го сентября Реутъ выступилъ изъ Шуры, и на другой день пришелъ въ с. Оглы; отсюда, по присоединеніи транспорта съ провіантомъ, войска направились къ Аймакамъ, гдѣ и остановился, такъ какъ предстояла разработка дороги для тяжестей къ Аймакамъ и дальше къ Гергебилю.

Изъ Аймаковъ Реутъ послалъ письмо Магометъ-Мирзѣ Казикумухскому, въ которомъ просилъ хана собрать какъ можно больше пѣшихъ и конныхъ жителей изъ подвластныхъ ему владѣній и двинуться въ Аварію со стороны Кумуха. Магометъ Мирза отправилъ часть милиціи съ двоюроднымъ братомъ своимъ Эмиръ-ханомъ, а самъ обѣщалъ вслѣдъ за нимъ явиться въ Аварію. Въ теченіи трехъ дней дорога была разработана. Къ отряду присоединился обозъ, транспорты съ продовольствіемъ, и прибылъ шамхалъ съ 500 чел. конницы: Гергебиль заняла милиція Ахметъ-Хана Мехтулинскаго. 1-го октября весь отрядъ поднялся на хребетъ, возвышающійся надъ Казикумухскимъ Койсу; въ тотъ же день войска спустились съ хребта и расположились лагеремъ близъ Гергебиля, на лѣвомъ берегу Казикумухскаго Койсу. Въ то же время Магометъ Мирза слѣдовалъ черезъ Карадахскій мостъ къ аулу Гоцатлю. Еще до прибытія нашихъ войскъ въ Гергебиль, генералъ Реутъ получилъ извѣстіе, что Шамиль, соединясь съ партіей Али-бека, имѣлъ съ аварцами дѣло, кончившееся для послѣднихъ весьма неудачно. Узнавъ же о движеніи въ Аварію русскаго отряда изъ Шуры, а Магометъ-Мирзы изъ Казикумуха, имамъ поспѣшно оставилъ Гоцатль и удалился съ партіей въ аулъ Буцры.

Оставивъ одинъ баталіонъ съ 2-мя горными единорогами у Могохской переправы, для обезпеченія обратнаго слѣдованія отряда со стороны Койсубу, начальникъ отряда съ другими 2-мя баталіонами: (1-мъ и 3-мъ) и мехтулинской и шамхальской милиціями выступилъ 4-го октября изъ Гергебиля къ Гоцатлю и, къ вечеру, прибылъ въ с. Джалды. Цѣль движенія отряда къ Гоцатлю заключалась въ томъ, чтобы наказать жителей за ихъ содѣйствіе Шамилю и Али-беку. 5-го октября уже началась переправа на лѣвый берегъ Аварскаго Койсу, когда получено извѣстіе, что Шамиль, находившійся съ партіей до 3 т. человѣкъ въ Буцра, видя съ нашей стороны рѣшительныя дѣйствія, распустилъ свое скопище и съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему мюридовъ, отправился въ с. Тлохъ. Вслѣдъ затѣмъ

---

[11]) Дѣло № 26. 1-е отд. Ген. Шт. Арх. Кавк. Окр. Шт.

Магометъ-Мирза Казикумухскій донесъ, что онъ занялъ Гоцатль и наказалъ его виновныхъ обитателей.

Оба эти извѣстія неожиданно измѣнили весь ходъ операціи: движеніе къ Гоцатлю являлось дѣломъ совершенно лишнимъ, и генералъ Реутъ, остановивъ отрядъ, отправился въ Гоцатль, куда прибыли также шамхалъ Абу-Муселимъ и Ахметъ-Ханъ Мехтулинскій. Тутъ Магометъ-Мирза вторично обратился къ генералу Реуту съ просьбой сложить съ него управленіе Аваріей, и указалъ на Ахметъ-Хана Мехтулинскаго, какъ на человѣка, могущаго вполнѣ его замѣнить. Да и сами аварцы просили за Ахметъ-Хана, который, оставаясь лично въ Аваріи, могъ имъ принести гораздо больше пользы, нежели Магометъ-Мирза, правившій страной изъ Казикумуха. Въ виду такого обстоятельства, о назначеніи Ахметъ-Хана правителемъ Аваріи, генералъ-маіоръ Реутъ сдѣлалъ представленіе барону Розену, который хотя и соглашался на это, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, писалъ Реуту, что «пристрастіе Ахметъ-Хана къ горячимъ напиткамъ вынуждаетъ его сомнѣваться насчетъ управленія имъ Аваріей» [12].

Итакъ Аварія вторично была освобождена отъ мюридовъ и въ ней введено прочное управленіе. Отправляя Ахметъ-Хана въ Хунзахъ, генералъ Реутъ не преминулъ напомнить ему, что его управленіе Аваріею — мѣра временная, впредь до совершеннолѣтія малолѣтняго сына убитаго Нуцаль-Хана Аварскаго.

Къ сожалѣнію, неблагопріятное время года и слабая численность отряда не позволяли двинуться въ Койсубу; какъ видно и Шамиль, съ своей стороны, старательно избѣгалъ имѣть дѣло съ отрядомъ, сознавая, что для борьбы съ русскими войсками, закаленными въ трудныхъ походахъ и бояхъ, скопище въ 3 т. не достаточно, и поэтому, не желая подрывать неудачей своего значенія въ глазахъ преданныхъ ему обществъ Сѣвернаго Дагестана, уклонялся отъ боя, выжидая для того болѣе благопріятнаго момента.

8-го октября, войска, расположенныя у Гоцатля, двинулись обратно къ Могохской переправѣ, гдѣ отрядъ и оставался нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ, отъ Гергебиля къ Аймакамъ разрабатывалась дорога, по которой, въ случаѣ надобности, войска могли пройти изъ Шуры прямо въ Аварію, вмѣсто кружнаго пути черезъ Урму, Лаваши и Ходжалъ-Махи.

По полученіи отъ Ахметъ-Хана увѣдомленія о всѣхъ принятыхъ имъ надлежащихъ мѣрахъ къ успокоенію края, генералъ-маіоръ Реутъ счелъ дальнѣйше пребываніе отряда въ Аваріи безполезнымъ и выступилъ въ Шуру, двумя колоннами, по двумъ дорогамъ. 11-го октября, 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго полка, 4 кегорновыя мортирки и сотня Шамхальской конницы двинулись по теченію Койсу, черезъ с.с. Зыряны и Ирганай; а на другой день генералъ Реутъ, съ 3-мъ баталіономъ Апшеронцевъ и 2-мя прибывшими баталіонами Куринскаго полка, пошелъ по вновь проложенной дорогѣ изъ Гергебиля въ Аймаки, и 14-го числа былъ уже въ Шурѣ. Первый эшелонъ (подъ начальствомъ генерала Клугенау) вечеромъ 11-го же числа подошелъ къ Ирганаю и расположился около него на ночлегъ; 2-я мушкетерская рота направлена для обозрѣнія дороги изъ Ирганая къ Казанищамъ, а остальныя части двинулись въ Шуру черезъ Агачъ-Калу и прибыли въ штабъ-квартиру вечеромъ, 12 декабря.

Узнавъ объ отступленіи русскихъ войскъ, Шамиль вознамѣрился отрѣзать дорогу колоннѣ генерала Клугенау во время ея слѣдованія черезъ Ирганайское ущелье, для чего, собравъ партію въ 500 мюридовъ, въ ночь съ 12-го на 13-е число, перешелъ черезъ Койсу и занялъ Ирганайское ущелье; но горцы опоздали, ибо колонна уже прошла.

---

[12]) Отношеніе № 1145. Дѣло № 26. 2-е отд. Ген. Шт. Арх. Кавк. Окр. Шт.

За неимѣніемъ помѣщеній въ штабъ-квартирѣ для всего полка, 2, 3, 5 и 6 мушкетерскія роты отправились на зимнія квартиры въ с.с. Бугдень и Малые Казанища, а 3-я гренадерская — въ Ишкарты кромѣ того, частями полка занимались: Чумкескентъ, Озень, Казиюртъ и Сулакская переправа.

Заканчивая годъ, скажемъ нѣсколько словъ о приготовленіяхъ Шамиля къ предстоящей борьбѣ съ русскими. Въ концѣ 1836 года уже ясно обрисовалось враждебное къ намъ отношеніе имама, рѣшившаго вести открытую и жестокую борьбу. Опираясь на Койсубулинское, Гумбетовское и другія вольныя общества, и имѣя поддержку въ Чечнѣ въ лицѣ преданныхъ ему мюридовъ Ташевъ-Хаджи, Магометъ-Хаджи Эфендія и другихъ, Шамиль приступилъ къ формированію нѣчто въ родѣ постояннаго войска, могущаго во всякую данную минуту явиться на его защиту. Для этой цѣли каждое общество обязывалось содержать на свой счетъ людей, исключительно предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій; каждые 10 дворовъ платили такому человѣку по 10 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи Шамиля во всякое время находилось около 1.500 человѣкъ, называемыхъ «муртазагами». Въ случаѣ же необходимости, кромѣ муртазаговъ, собирались особыя партіи и скопища.

За 1834 годъ получены были слѣдующія награды: командиръ полка полковникъ Клугенау чинъ генералъ-маіора и аренду въ тысячу рублей въ годъ; золотыя сабли — подполковникъ Авраменко и подпоручикъ Лункевичъ; св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ—капитаны Тарасевичъ и Хорошиловъ, поручики Лихутинъ, Педяшъ 2, и Евдокимовъ и подпоручикъ Дивельковскій; св. Анны 3 ст.: штабсъ-капитанъ Котовъ, поручики Дмитріевъ и Декельтъ, подпоручики — Сапожниковъ, Побѣдинскій и Кондратовичъ и прапорщикъ Никитинъ 2-й; св. Станислава 3-й ст.: маіоръ Быковъ, штабсъ-капитанъ Мягковъ и Люценко; поручики Черняевъ и Новицкій; подпоручики Гладкій, Сорочанъ и Мостовскій; прапорщики Никитинъ 1-й и Кольтинъ.

Св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость»: подпоручики — Безруковъ, Цедербергъ, Чернобровкинъ, Калистратовъ, Слодзевскій и Симплицкій.

Слѣдующіе чины: подполковника — маіоры Быковъ и Лихаревъ; произведены въ прапорщики — подпрапорщики Викентій Радецкій, Александръ Лулудоки, Павелъ Кандауровъ, Иванъ Есиповъ, Андрей Лысенко, Иванъ Саханскій, Михаилъ Чичинадзе, Алоизій Хохловскій, Александръ Евдокимовъ, Андрей Васильевъ и унтеръ-офицеръ Иванъ Щепкинъ, Высочайшее благоволеніе — подполковникъ Авраменко.

Знаки отличія Военнаго ордена — вторую треть прибавочной пенсіи рядовой Степанъ Свѣтличный и кромѣ того 25 руб. сер.; первыя трети прибавочной пенсіи: фельдфебеля Алексѣй Ивановъ и Иванъ Шереметьевъ; унтеръ-офицеры: Иванъ Абраменко, Ліонтій Родіоновъ, Алексѣй Кольцовъ, Трофимъ Соболевъ, Филиппъ Людинъ, Иванъ Кононовъ, Тимофей Марченко; вольноопредѣляющіеся: Петръ Жлецовъ и Алексѣй Аглинцовъ; унтеръ-офицеры: Иванъ Скоробогатенко, Илья Прамаренко, Абрамъ Лукьяновъ, Семенъ Абрамовъ, Кондратій Ивановъ, Максимъ Шаровъ, Петръ Онуфріевъ, Лукьянъ Семеновъ и Михаилъ Рѣдока; Рядовые: Степанъ Тихоновъ, Курмой Осиповъ, Ѳадѣй Михайловъ, Михаилъ Филоновъ, Иванъ Бойка, Ѳедоръ Ванюковъ, Кузьма Королевъ, Тимофей Мироновъ, Иванъ Черновъ, Ефимъ Драгуновъ, Василій Коревъ, Иванъ Гармачевъ, Алексѣй Ивановъ, Игнатъ Щербаковъ, Василій Шинскій, Ѳедоръ Погорѣловъ, Ефимъ Курбатовъ, Константинъ Максимовъ, Филатъ Васильевъ, Матвѣй Давыдовъ, Филиппъ Степановъ, Кирей Якушевъ, Савелій Елисѣевъ, Семенъ Михайловъ, Григорій Купріяновъ, Аѳанасій Антоновъ, Исай Филиповъ, Филиппъ Куликовъ, Алексѣй Новиковъ, Ибрай Бахтѣевъ, Алексѣй Ивановъ, Алексѣй Николаевъ, Иванъ Ряскинъ, Моисей Власовъ, Андрей Павленко, Юзефъ Яшевскій, Николай Шеповановъ, Степанъ Ксаченко, Николай Рыченко, Яковъ Бондаренко, Тимофей Положенко, Лазарь Недоростовъ и Романъ Бѣликовъ. Вторыя трети на знаки отличія Военнаго ордена: фельдфебеля: Григорій Семеновъ и Иванъ Лебедевъ; Высочайше пожалованы знаки отличія Военнаго ордена изъ сосланныхъ поляковъ рядовымъ: Николаю Поповскому, Игнатію Родзинскому, Яну Быховскому, Виктору Якубинскому и Яну Хмужинскому[13].

Кромѣ того, Государь Императоръ, за особенные труды и подвиги Дагестанскаго отряда, пожаловалъ нижнимъ чинамъ по 2 руб., 1 фун. мяса и по 2 чарки водки[14].

---

[13]) Дѣло № 141 Особ. Отд. Арх Кавк. Окр. Шт.

[14]) Приказъ по корпусу за 1834 годъ № 183.

Глава Двадцать Пятая.

Движеніе Апшеронскихъ баталіоновъ на лѣвый флангъ Кавказской линіи. — Экспедиція къ Аргуну и Мичику. — Составъ отряда. — Взятіе Шалажъ-Юрта. — Рубка просѣкъ. — Преслѣдованіе чеченцевъ по р. Мартану. — Истребленіе селеній. — Отступленіе отряда въ Грозную. — Результаты экспедиціи. — Вторая экспедиція за р. Аргунъ. — Разбитіе чеченцевъ у Шали. — Истребленіе селеній по р. Джалкѣ. — Сраженіе около беноевскихъ хуторовъ. — Занятіе Герменчука. — Пораженіе непріятеля у Автура. — Потери отряда. — Постройки Сунженскаго укрѣпленія у Мескиръ-юрта. — Изъявленіе покорности мичиковскими селеніями. — Движеніе къ Мичику. — Занятіе Мискита. — Постройка укрѣпленія. — Отъѣздъ командира полка въ Сѣверный Дагестанъ. — Изъявленіе покорности андійцами. — Движеніе генерала Клугенау къ Ашальтинскому мосту. — Геройское дѣло Апшеронцевъ у моста. — Смерть графа Ивелича, подполковника Авраменка и поручика Писарева. — Подвигъ рядоваго Усанова. — Отступленіе ротъ къ Каранаю. — Потери Апшеронцевъ. — Отзывъ Императора Николая I о дѣлѣ у Ашальтинскаго моста. — Новый командиръ полка. — Приготовленіе къ экспедиціи въ Аварію и Койсубу. — Занятіе Хунзаха. — Постройка укрѣпленія. — Движеніе къ Ашальтамъ. — Удаленіе Шамиля въ Тилитль. — Разбитіе скопища горцевъ у Бетлинской горы. — Штурмъ и взятіе Ашальтовъ. — Дѣйствія Апшеронцевъ и потери ихъ. — Отзывы объ Апшеронцахъ генерала Фезе. — Штурмъ 4-мъ баталіономъ замка Ахульга. — Взятіе замка. — Нападеніе на отрядъ громаднаго скопища горцевъ. — Отбитіе атакъ. — Ночной бой. — Потери отряда и Апшеронскихъ баталіоновъ. — Движеніе къ Тилитлю. — Осада этого аула. — Взятіе Верхняго Тилитля. — Переговоры съ Шамилемъ и принятіе отъ него аманатовъ. — Присяжный листъ Шамиля. — Результаты экспедиціи. — Ошибка генерала Фезе. — Дальнѣйшія дѣйствія отряда. — Разрушеніе ауловъ Ората и Хараки. — Возвращеніе Апшеронцевъ въ Шуру. — Награды.

Не успѣли баталіоны возвратиться изъ Аваріи, какъ уже 2-му и 4-му пришлось отправиться на лѣвый флангъ Кавказской линіи, въ распоряженіе начальника Сунженской линіи, полковника Пулло, для участія въ экспедиціяхъ противъ непокорныхъ намъ чеченцевъ.

26-го декабря, оба баталіона выступили изъ штабъ-квартиры въ кр. Грозную, гдѣ формировался отрядъ для дѣйствій въ Чечнѣ. Прибывъ въ Грозную, они получили все необходимое для зимняго похода и затѣмъ двинулись въ дѣйствующій отрядъ, къ которому и присоединились 14-го января въ Гойтинскомъ лѣсу. Въ первой экспедиціи Апшеронцы не принимали дѣятельнаго участія, такъ какъ Чеченскій отрядъ возвращался уже обратно. Между тѣмъ, въ Грозную прибыли начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Фезе и командиръ Апшеронскаго полка генералъ-маіоръ графъ Ивеличъ. Первый изъ нихъ, согласно предписанія командира Кавказскаго корпуса, принялъ начальство надъ всѣмъ отрядомъ, а Ивеличъ, надъ 2-мя баталіонами своего полка. На очереди стояло движеніе за рѣку Аргунъ въ Большую Чечню, по направленію къ селеніямъ Герменчуку и Шали. Ученіе Кази-Муллы, весьма дѣятельно распространяемое Шамилемъ, Ташевъ-Хаджи и другими главными послѣдователями мюридизма, нашло себѣ въ Чечнѣ весьма благопріятную почву, и волненіе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разросталось; необходимо было принять дѣйствительныя мѣры къ уничтоженію опаснаго для спокойствія края ученія. Такими мѣрами, по мнѣнію генерала Фезе, считались: истребленіе всѣхъ селеній, представлявшихъ изъ себя разсадникъ мюридизма въ Чечнѣ; уничтоженіе запасовъ хлѣба и фуража, собранныхъ жителями, нанесеніе послѣднимъ нѣсколькихъ

сильныхъ пораженій, что, вмѣстѣ взятое, могло принудить чеченцевъ къ безусловной покорности. Лучшимъ средствомъ къ достиженію поименованныхъ задачъ являлись экспедиціи къ р.р. Аргуну и Мичику. Въ окрестностяхъ Геременчука и Шали, по полученнымъ извѣстіямъ, находились Магометъ-Хаджи-Эфендій и Уди-Мулла съ партіей мюридовъ, около 500 человѣкъ, набранной изъ Ичкеринскаго и Андійскаго обществъ.

23-го января, въ три часа пополудни, Фезе выступилъ изъ Грозной, съ отрядомъ изъ 2-го и 4-го баталіоновъ Апшеронскаго полка, подъ командой командира полка, графа Ивелича, 4-хъ баталіоновъ Куринскаго полка, 257 казаковъ и 12 орудій, всего 3.249 человѣкъ. Перейдя при селеніи Кулларахъ черезъ рѣку Сунжу, войска поворотили на Гехинскія поля и направились къ селенію Шалажъ-Юрту. За весьма немногимъ исключеніемъ, жители послѣдняго перестали признавать власть русскихъ, укрывали у себя мюридовъ и сами, при каждомъ удобномъ случаѣ, принимали участіе въ дѣйствіяхъ противъ насъ. Слѣдовательно, наказаніе Шалажъ-Юрта являлось необходимой мѣрой. За четыре версты отъ селенія, движеніе отряда было открыто чеченскими караулами, и жители какъ Шалажъ-Юрта, такъ и ближайшихъ селеній, начали поспѣшно отправлять свои семейства и имущество въ горы, а сами приготовляться къ оборонѣ. Идя безостановочно, отрядъ, съ разсвѣтомъ, 24-го января, прибылъ къ Шалажу, сдѣлавъ переходъ въ 40 верстъ. Это селеніе, расположенное на правомъ лѣсистомъ берегу р. Шалажа, упирается въ подошву передней цѣпи Кавказскаго хребта, извѣстной подъ именемъ «Черныхъ горъ». Не доходя селенія, генералъ Фезе раздѣлилъ войска на три колонны: правая — изъ 10-ти ротъ (въ томъ числѣ 2 Апшеронскія) и Кизлярскихъ казаковъ, подъ командою полковника Пулло, — направлена въ обходъ селенія съ правой стороны; вторая колонна — изъ одного баталіона и сотни казаковъ, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Ковалевскаго, пошла въ обходъ селенія съ лѣвой стороны и, наконецъ, 3-я колонна, изъ 6-ти ротъ Апшеронскаго полка, въ вѣдѣніи генералъ-маіора графа Ивелича, двинулась въ атаку съ фронта. Апшеронскіе баталіоны, съ Ивеличемъ во-главѣ, бросились къ селенію, и, несмотря на сильный ружейный непріятельскій огонь изъ-за плетней, быстро овладѣли Шалажъ-Юртомъ, положивъ на мѣстѣ 14 человѣкъ и взявъ въ плѣнъ 67. Наша потеря состояла изъ одного убитаго и 2-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. По занятіи этого селенія, отрядъ расположился около него лагеремъ, выставивъ кругомъ цѣпь, потому что чеченцы не переставали стрѣлять по нашимъ войскамъ.

На другой день, генералъ Фезе предпринялъ движеніе въ лѣса, окружавшіе селеніе, для отысканія скрывшихся тамъ жителей и ихъ имущества. Съ этою цѣлью образовано двѣ колонны: лѣвая — изъ 2-хъ баталіоновъ Апшеронцевъ, подъ командою графа Ивелича, и правая, тоже изъ 2-хъ баталіоновъ, полковника Пулло. Графъ Ивеличъ направился съ баталіонами къ аулу Мурдару. Не успѣли Апшеронцы войти въ лѣсъ, какъ ихъ со всѣхъ сторонъ окружили чеченцы, и открыли сильный ружейный огонь. Остановка баталіоновъ могла повлечь за собой большую потерю, поэтому командиръ полка двинулся впередъ, быстро прошелъ лѣсъ, послѣ чего занялъ с. Мурдаръ, и два расположенные около него хутора и преслѣдовалъ непріятеля еще нѣсколько верстъ. У чеченцевъ отбито все имущество; наша потеря заключалась въ 2-хъ раненыхъ нижнихъ чинахъ и одной убитой лошади. Потеря непріятеля повидимому была значительна; на мѣстѣ онъ оставилъ 5 тѣлъ. Правая колонна также успѣла настичь чеченцевъ и отбить у нихъ имущество. На обратномъ пути обѣ колонны соединились и истребили зимовники для скота и сакли, по обѣимъ берегамъ р. Шалажи. Въ тотъ же день къ отряду прибыли еще одинъ баталіонъ, сотня казаковъ и 8 сотенъ осетинскихъ и ингушскихъ всадниковъ.

По истребленіи Шалажа, отрядъ двинулся къ селенію Ачхою, огромное большинство жителей котораго оставалось къ намъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, и потому, для успокоенія ихъ, генералъ Фезе послалъ сказать, что русскія войска двигаются къ Ачхой не ради наказанія, а для еще бо́льшаго утвержденія жителей населенія въ покорности. Ачхоевцы остались въ домахъ, и отрядъ, подойдя къ селенію, расположился около него лагеремъ. На другой день ачхоевцы принесли присягу въ покорности нашему правительству, выдали 6 аманатовъ изъ почетныхъ семействъ и 7 казачьихъ лошадей, доставшихся имъ во время прошлой экспедиціи. Вслѣдъ затѣмъ и старшины селеній Пханъ-Гичугоя, Пханъ-Гичучижинохоя и Нурикъ-Юрта представили 4-хъ аманатовъ и дѣвочку, взятую въ плѣнъ въ Кизлярѣ еще въ 1831 году. Хорошо знакомый съ нравами горцевъ, генералъ Фезе отлично понималъ, что выдача аманатовъ весьма мало обезпечиваетъ спокойствіе этой части Чечни, вслѣдствіе чего, для большого утвержденія здѣсь власти русскихъ, онъ предположилъ сдѣлать просѣку между полянами, окружавшими аулы Пханъ-Гичу и Капсеръ-Юртъ, которою открывался прямой путь изъ кр. Грозной черезъ Алханъ-Юртъ и Гехинское поле къ Чернымъ горамъ. Въ то время, какъ производилась рубка просѣки, въ лѣсъ за Умаханъ-Юртъ отправилась колонна изъ 2-хъ баталіоновъ, 4-хъ орудій и азіатской конницы для преслѣдованія скрывавшихся жителей. По найденнымъ слѣдамъ, конница настигла бѣглецовъ, отобрала скотъ и имущество, и убила 4 человѣкъ.

По окончаніи рубки лѣса, отрядъ расположился въ мирныхъ аулахъ: Умаханъ-Юртѣ, Чиръ-Юртѣ и Эльтемиръ-Юртѣ. 27-го января одна часть войскъ начала пролагать просѣки отъ Эльтемиръ-Юрта къ Гехинской полянѣ, а другая двинулась къ Шалажъ-Юрту, истребивъ на пути всѣ остальные хутора, а также и селеніе Магометъ-Ирзу.

По окончаніи работъ, отрядъ направился къ сел. Урусъ-Мартану и по дорогѣ истребилъ сс. Шааби и Ветирикъ, причемъ убитъ владѣтель послѣдняго и 8 человѣкъ мюридовъ, а 12 взяты въ плѣнъ. Около полудни, 28-го января, отрядъ прибылъ къ Урусъ-Мартанъ, жители котораго, за исключеніемъ 11 семействъ, бѣжали въ лѣса, окружающіе селеніе, для отысканія и преслѣдованія которыхъ отправлены три колонны: первая, подъ командою графа Ивелича, изъ 9-ти ротъ Апшеронскаго полка и половины азіатской конницы, двинулась на с. Тенги-Юртъ, въ ущелье р. Тенги; лѣвая, съ подполковникомъ Ковалевскимъ, пошла въ ущелье по правому берегу р. Мартана, а средняя колонна, изъ 6-ти ротъ пѣхоты, 2-хъ горныхъ единороговъ и сотни Моздокскихъ казаковъ, подъ начальствомъ генерала Фезе, предназначалась для связи между обѣими главными колоннами. Полковникъ Пулло съ резервомъ оставленъ къ Урусъ-Мартанѣ, для прикрытія артиллеріи и обоза.

Удачно направленныя атаки нашихъ колоннъ привели чеченцевъ въ такой неописанный ужасъ, что, несмотря на подѣланные въ лѣсу завалы, они уже не думали о сопротивленіи и искали спасенія въ самомъ безпорядочномъ бѣгствѣ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горцы останавливались и пытались-было защищаться, но каждый разъ были опрокидываемы и вновь пускались бѣжать. Во время преслѣдованія захвачено въ плѣнъ 13 душъ, множество скота и имущества, убито 23 человѣка; у насъ же убиты — 1 оберъ-офицеръ изъ осетинъ и 1 рядовой; ранены — 1 оберъ-офицеръ изъ азіатской конницы и 3 рядовыхъ. При обратномъ слѣдованіи сожжено болѣе 1000 сакель по Мартанскому ущелью и нѣсколько сотъ по Тенгинскому. На другой день докончилось истребленіе оставшихся еще сакель, запасовъ хлѣба и фуража, но уже безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей. Затѣмъ отрядъ двинулся къ Гойтинскому лѣсу и расположился лагеремъ у селенія Захиръ-Гойта, причемъ чеченцы затѣяли-было незначительную перестрѣлку съ азіатской конницей.

Между тѣмъ пора было подумать о возвращеніи отряда: чеченцы понесли весьма чувствительное наказаніе и дальнѣйшее пребываніе нашихъ войскъ среди разоренныхъ мѣстностей—генералъ Фезе считалъ безполезнымъ. Зная отлично, что, не смотря на большія матеріальныя потери, чеченцы, при отступленіи отряда, будутъ его преслѣдовать, начальникъ отряда заранѣе распорядился обезпечить отступленіе черезъ Гойтинскій лѣсъ. Съ разсвѣтомъ, 31-го января, послана была колонна изъ 2-хъ баталіоновъ, 4-хъ орудій, подъ командою подполковника Ковалевскаго, для занятія опушки у выхода изъ лѣса; затѣмъ тронулся полковникъ Пулло съ 2-мя баталіонами, обозомъ и артиллеріей; въ аріергардѣ шли 2 баталіона Апшеронцевъ, 1½ сотни казаковъ и 4 орудія съ графомъ Ивеличемъ во главѣ. Какъ только чеченцы, все время слѣдившіе за отрядомъ, замѣтили его отступленіе, сейчасъ же открыли сильную перестрѣлку съ аріергардомъ и, постепенно усиливаясь, нѣсколько разъ бросались въ шашки; но, опрокидываемые штыками, принуждены были прекратить свои попытки, и, только сильно насѣдая на аріергардъ, вели съ нимъ сильную перестрѣлку. По выходѣ изъ лѣса, непріятель прекратилъ преслѣдованіе. Во время перестрѣлки контуженъ генералъ-маіоръ Фезе пулей въ ногу и ранено 4 рядовыхъ; горцы же потеряли убитыми и ранеными около 20 человѣкъ. Вечеромъ того же числа, отрядъ возвратился въ кр. Грозную. Въ продолженіи всей экспедиціи истреблено множество селеній и хуторовъ по небольшимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Сунжу, уничтожены запасы хлѣба и сѣна, убито много чеченцевъ, взято въ плѣнъ 24 души и захвачено 811 штукъ рогатаго скота, 2,129 овецъ, 7 лошадей и почти все имущество жителей. Эта блистательная экспедиція, благодаря разумнымъ распоряженіямъ начальника отряда генералъ-маіора Фезе, совершена была, въ общемъ, съ весьма небольшой потерей, а именно: убито 3 и ранено 17 человѣкъ [1].

Непосредственнымъ благопріятнымъ послѣдствіемъ экспедиціи явилось не только удаленіе въ горы немирныхъ чеченцевъ, такъ что они не могли уже часто безпокоить своими нападеніями лѣвый флангъ Кавказской линіи, но и жители мирныхъ селеній убѣдились въ неизбѣжности строгаго наказанія со стороны русскихъ за каждый противъ нихъ вѣроломный поступокъ. Но такимъ разгромомъ далеко вполнѣ не было еще окончено дѣло, потому что главные притоны мюридовъ и сообщниковъ Шамиля находились въ селеніяхъ за р. Аргуномъ, почему генералъ Фезе, вслѣдъ за окончаніемъ этой экспедиціи, и просилъ командира Кавказскаго корпуса о начатіи новой. Просьба эта вполнѣ согласовалась съ видами корпуснаго командира, Фезе получилъ разрѣшеніе и предписаніе не ограничиваться военными дѣйствіями за Аргуномъ, но и направиться противъ Шамиля; Чеченскому отряду долженъ былъ содѣйствовать Дагестанскій. Давъ войскамъ трехъ-дневный отдыхъ, генералъ Фезе, 4-го февраля, выступилъ изъ Грозной въ восточную часть Чечни, гдѣ собрались скопища чеченцевъ, гумбетовцевъ и андійцевъ. Въ ночь съ 4-го на 5-е число войска перешли р. Аргунъ у селенія Большой Чеченъ.

Узнавъ здѣсь, что Уди-Мулла съ партіей находится въ лѣсахъ около сел. Энцель-Юрта (называвшагося также Цумтури), начальникъ отряда сейчасъ же направилъ къ нему два баталіона пѣхоты, а кавалерія пошла въ обходъ черезъ деревню Чингары. Уди-Мулла упорно защищался въ лѣсу, но, опрокинутый пѣхотой и тѣснимый кавалеріей,— принужденъ былъ отступить съ значительнымъ урономъ. Къ Энцель-Юрту стянулся весь отрядъ и двинулся отсюда къ сел. Шали. Партія Уди-Муллы, замѣтивъ направленіе, принятое нашими войсками, бросилась на защиту Шали, для воспрепятствованія чему генералъ Фезе послалъ на рысяхъ всю кавалерію и конныя орудія, пользуясь благопріятною мѣстностью около селенія, вполнѣ

[1] Дѣло № 9. 2 отд. Ген. Шт. Арх. Кавк. Окр. Штаба.

позволявшею конницѣ развернуться для атаки. Въ Шали собрались почти всѣ возмутители Чечни: Уди-Мулла, Магометъ-Хаджи-Эфендій, кадій Ичкиринскаго селенія Веденъ-Джаватъ-Ханъ, старшина селенія Шавдона — Магометъ и другіе, и каждый изъ нихъ разъѣзжалъ впереди своей партіи, имѣя при себѣ разноцвѣтный значекъ. Не смотря на двойную численность непріятеля сравнительно съ нашей кавалеріей, генералъ Фезе приказалъ начать наступленіе и открыть огонь изъ орудій. Для поддержанія атаки, орудія зарядили картечью и скрыли за цѣпью казаковъ. Когда чеченцы, увидѣвъ незначительность нашей конницы, перешли въ наступленіе и уже приблизились на картечный выстрѣлъ, то казаки разступились, и толпы непріятеля, осыпанныя градомъ картечи, совершенно разстроились и обратились въ бѣгство. Наша кавалерія преслѣдовала горцевъ до лѣса, лежащаго между селеніями Шали и Гайтыръ. Чеченцы оставили на мѣстѣ болѣе десятка тѣлъ и между убитыми находились старшины ичкеринскій — Гата, центуринскій — Аскиръ и знаменоносецъ Джаватъ-Хана. По прибытіи авангардной колонны графа Ивелича, она заняла лѣсъ между названными селеніями, а вслѣдъ затѣмъ конница двинулась за непріятелемъ по лѣвому берегу р. Джалки, черезъ селенія Ахой-Юртъ и Ломикъ-Юртъ или Бесинбердой, до подножія Черныхъ горъ, гдѣ толпы чеченцевъ совершенно скрылись изъ виду. Брошенные жителями селенія и хутора были совершенно разорены. Къ ночи всѣ части отряда собрались у Шали и расположились здѣсь лагеремъ. 6-го февраля шалинцы безпрекословно дали присягу въ вѣрности и выдали аманатовъ. Произведенная того же числа рекогносцировка выяснила, что партіи Уди-Муллы, Магометъ-Эфендія и чеченскихъ предводителей Домбоя и Ума-Хана сосредоточились у с.с. Койсымъ-Ирзау и Сало-Юрта, лежащихъ у подошвы Черныхъ горъ. На другой день отрядъ покинулъ Шали, перешелъ ниже селенія р. Джалку и, построившись въ боевой порядокъ, направился къ Койсымъ-Ирзау. Пѣшіе чеченцы заняли опушку лѣса между Койсымъ-Ирзау и Сало-Юртомъ и открыли по войскамъ ружейный огонь. Во избѣжаніе большой потери, генералъ Фезе приказалъ выдвинуть впередъ густую цѣпь застрѣльщиковъ отъ 4-го Апшеронскаго и Куринскаго баталіоновъ, огонь которыхъ былъ настолько удаченъ, что отрядъ, подъ его прикрытіемъ, подвигался безостановочно; а чеченцы не могли удержаться ни въ лѣсу, ни въ оврагахъ, ни въ Койсымъ-Ирзау, представлявшемъ прекрасную позицію для обороны. Только разъ непріятель, сосредоточившись за селеніемъ, у подошвы горъ, пытался остановить грозное наступленіе нашихъ войскъ; но дружный ударъ въ штыки Апшеронцевъ и Куринцевъ заставилъ его обратиться въ бѣгство. Быстрое наступленіе отряда отрѣзало и отбросило часть ичкеринцевъ къ Сало-Юрту, и графъ Ивеличъ, съ двумя баталіонами Апшеронцевъ и кавалеріей, отправился для ихъ преслѣдованія. Въ лѣсу, около селенія, ичкеринцы остановились и открыли сильный огонь по наступающимъ баталіонамъ, но были опрокинуты штыками, и преслѣдовались въ лѣсу до с.с. Хорачуй и Уденьчи. Разбитыя толпы ичкеринцевъ совершенно разсѣялись и разошлись по домамъ, потерявъ много убитыми и ранеными.

Между тѣмъ лазутчики дали знать, что на помощь Уди-Муллѣ пришли съ партіями Ташевъ-Хаджи и Али-бекъ и расположились около Гильдигена и Маюртупа, на соединеніе съ которыми Уди-Мулла и выступилъ ночью въ Герменчукъ. Туда, для разсѣянія соединенныхъ непріятельскихъ силъ, безъ замедленія отправился отрядъ — двумя колоннами, по обоимъ берегамъ р. Джалки; лѣвая колонна, полковника Пулло, заняла Герменчукъ безъ сопротивленія; но правая, — при коей находилась вся конница, подъ командою графа Ивелича, встрѣтила около Генаевскихъ хуторовъ партію Уди-Муллы. Открывъ огонь, чеченцы упорно держались въ завалахъ. Видя, что однимъ ружейнымъ огнемъ нельзя выбить непріятеля, графъ Ивеличъ направилъ на него въ атаку 2-й баталіонъ Апшеронцевъ, который

послѣ полуминутнаго штыковаго боя, совершенно очистилъ завалы отъ чеченцевъ. Скопище отступило по двумъ направленіямъ: одна часть бѣжала къ сел. Муртузали, а другая — къ хутору Беной. Послѣ того колонна Ивелича возвратилась Герменчукъ, гдѣ и соединилась съ остальными войсками; жители этого селенія уже изъявили покорность и выдали аманатовъ.

Ташевъ-Хаджи и андійскій мюридъ Газіевъ не успѣли прибыть къ Герменчуку и соединились съ Уди-Муллой около Саитъ-Юрта, гдѣ заняли позицію въ густомъ лѣсу, вправо отъ дороги изъ Герменчука къ Автуру. Али-Бекъ съ гумбетовцами не подоспѣлъ и остался въ сел. Гельдигенѣ.

Несмотря на то, что численность соединенныхъ партій чеченцевъ достигла до 4.000 человѣкъ, занявшихъ весьма крѣпкую позицію, генералъ Фезе рѣшился атаковать непріятеля. Отрядъ выступилъ изъ Герменчука 9-го февраля и оставляя съ правой стороны Саитъ-Юртовскій лѣсъ, двинулся прямо въ Автуръ. Чеченцы, замѣтивъ обходное движеніе русскихъ, завязали въ лѣсу, около хутора Гаки, перестрѣлку съ правымъ флангомъ; прикрываемый сильной цѣпью стрѣлковъ, отрядъ быстро двигался въ Автуру. Уди-Мулла послалъ андійцевъ занять переправу черезъ р. Хулхулау, протекающую впереди Автура, а самъ съ остальными горцами направился въ тылъ отряду, чтобы, такимъ образомъ, поставить русскія войска между двухъ огней и отвлечь ихъ отъ селенія. Невзирая на обрывистые и поросшіе густымъ кустарникомъ берега Хулхулау, войска наши успѣли занять ихъ, вслѣдствіе чего вся партія Уди-Муллы разбилась на двѣ части; изъ нихъ меньшая, изъ однихъ андійцевъ, оказалась совершенно отрѣзанной и очутилась въ опасномъ положеніи: всѣ андійцы — пѣшіе и конные — обратились въ бѣгство по направленію къ лѣсу, ведущему къ Гельдигену. Въ погоню за толпами бѣжавшихъ горцевъ направился подполковникъ Ковалевскій съ кавалеріей, которая, врубившись въ середину обезумѣвшихъ отъ страха андійцевъ, многихъ изъ нихъ положила на мѣстѣ, а другихъ взяла въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находились двое почетныхъ андійскихъ старшинъ Али-Гази Магомаевъ и Бій-Султанъ Ирбахановъ. Лѣвый флангъ первой линіи цѣпи также принялъ непосредственное участіе въ преслѣдованіи и оно продолжалось въ лѣсу за Автуромъ, до тѣхъ поръ, пока непріятель не скрылся.

Свидѣтель страшнаго пораженія андійцевъ, Уди-Мулла не дерзнулъ напасть на отрядъ съ тылу, и началъ отступать, преслѣдуемый полковникомъ Пулло съ 2-мя батальонами (4-мъ Апшеронскимъ и Куринскимъ) по теченію Хулхулау до Саитъ-Юртовскаго лѣса. Разоривъ оставленный жителями Автуръ, отрядъ двинулся слѣдомъ за Уди-Муллой къ Саитъ-Юрту, гдѣ скопища однакожъ не оказалось, — оно скрылось въ лѣса; и только въ самомъ селеніи захвачено въ плѣнъ 4 человѣка. Саитъ-Юртъ подвергся той-же участи, какъ и Автуръ, послѣ чего отрядъ возвратился въ лагерь при Герменчукѣ. Съ начала экспедиціи вся наша потеря отряда состояла изъ 2-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранены 1 оберъ-офицеръ и 22 нижнихъ чина, контужено 3 оберъ-офицера и 9 нижнихъ чиновъ, убито и ранено 27-мь лошадей.

Въ Апшеронскихъ батальонахъ ранены: *подпоручикъ Бадридзевъ и 12 нижнихъ чиновъ; контужены батальонный лекарь и 6 рядовыхъ*. Главную потерю батальоны имѣли у с. Беноя, гдѣ чеченцы особенно упорно сопротивлялись. Непріятель потерялъ болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными и оставилъ на мѣстѣ 31 тѣло.

По полученнымъ извѣстіямъ, разсѣянная партія Уди-Муллы вновь собралась при входѣ въ ущелье рѣки Хулхулау, а Али-бекъ съ гумбетовцами и частью андійцевъ стоялъ около Маюртупа. Изъ Герменчука отрядъ предпринялъ фланговое движеніе къ Местеръ-Юрту,

чтобы отсюда отправить въ Грозную раненыхъ, плѣнныхъ и аманатовъ, а изъ Грозной принять новый запасъ провіанта и боевыхъ припасовъ, подвозъ которыхъ являлся крайне необходимымъ, такъ какъ нельзя было точно опредѣлить конца экспедиціи: непріятельскія скопища еще не разошлись и большинство не изъявляло покорности. Чтобы имѣть поближе опорный пунктъ въ Большой Чечнѣ, на время продолженія военныхъ дѣйствій, у селенія Мескиръ-Юрта устроено временное укрѣпленіе, гдѣ оставлены всѣ излишнія тяжести подъ охраной 2-хъ ротъ и 3-хъ орудій. Во время постройки укрѣпленія жители с.с. Автура, Гельдигена, Маюртупа, Акуюрта и еще 6 мичиковскихъ селеній принесли безусловную покорность, вслѣдствіе чего во всей мѣстности, отъ Аргуна до Мичика, предъ нами не было непріязненно расположенныхъ жителей. Вслѣдъ за тѣмъ, между мюридами начались споры и несогласія; Уди-Мулла упрекалъ андійцевъ въ трусости, а Али-бека въ бездѣйствіи, чему и приписывалъ свое пораженіе при Автурѣ. Съ своей стороны, андійцы и гумбетовцы обвиняли Уди-Муллу въ обманѣ и понесенной ими потерѣ, такъ какъ, вмѣсто обѣщаннаго разграбленія Кизляра и Грозной, онъ подвелъ ихъ подъ русскіе штыки. Непосредственнымъ послѣдствіемъ такихъ несогласій было отдѣленіе андійцевъ, ушедшихъ въ свои селенія; за ними послѣдовалъ Али-бекъ съ гумбетовцами, а потомъ разошлись и остальные чеченцы.

15-го февраля отрядъ выступилъ изъ Мескиръ-Юрта къ Гельдигену. При выходѣ на Гельдигенскую поляну, около деревни Батырбей, гельдигенцы и старшины многихъ другихъ мичиковскихъ селеній явились съ изъявленіемъ покорности. Генералъ Фезе обѣщалъ не наказывать ихъ жителей за измѣну, но съ условіемъ, чтобы всѣ они возвратились въ свои дома, присягнули на вѣчное подданство Россіи и выдали аманатовъ по выбору русскаго начальства. Большая часть старшинъ дали обѣщаніе выполнить всѣ эти требованія, за исключеніемъ старшины сел. Автура и жителей нѣсколькихъ селеній, расположенныхъ въ Черныхъ горахъ, нерѣшившихся выдать аманатовъ.

Для окончательнаго усмиренія края, представлялась необходимость заставить и послѣднихъ согласиться на всѣ требованія; поэтому Фезе отправилъ небольшую колонну въ горы за Автуромъ, куда жители увезли свои семейства и имущество. Когда колонна все это захватила, то Автуръ, а за нимъ и прочія селенія немедленно выдали аманатовъ. Брошенныя жителями с.с. Ташевъ-Гаджи-Юртъ, Ацхуръ и Джюгуртъ были разорены до основанія. Экспедиція, продолжавшаяся всего только мѣсяцъ, дала весьма благопріятные результаты, а чеченцы, бывшіе до того рьяными послѣдователями мюридизма, совершенно смирились: они толпами выбѣгали на встрѣчу войскамъ, кланялись, вступали въ разговоры; женщины выходили на кровли домовъ, а молодежь, еще такъ недавно стоявшая лицомъ къ лицу въ бою противъ русскихъ войскъ, теперь джигитовала вокругъ отряда; одни изъ нихъ предлагали себя въ проводники, другіе примыкали къ нашей конницѣ, увеличивая, такимъ образомъ, ея численность. Само собою разумѣется, что, въ виду недавно совершившихся кровавыхъ событій, было бы большою самонадѣянностью и ошибкою принимать за чистую монету эти проявленія дружбы и расположенія чеченцевъ къ русскимъ; напротивъ, единственною причиною такой быстрой перемѣны въ настроеніи умовъ ихъ явился страхъ за свою безопасность и имущество.

19-го февраля отрядъ, подошедшій къ рѣкѣ Мичику, немедленно открылъ сообщеніе съ Ташкичу, откуда на другой день прибылъ съ кумыками полковникъ князь Хасаевъ.

Еще 18-го числа изъ Ташевъ-Хаджи-Юрта генералъ Фезе отправилъ въ Андію старшинъ — ачхоевскаго Яку и андійскаго — Мусу съ требованіемъ покорности. По прибытіи старшинъ въ Андію, жители послали спросить по этому предмету совѣта у Шамиля, кото-

рый далъ весьма уклончивый отвѣтъ, предоставивъ имъ полную свободу дѣйствій, и помощи не обѣщалъ.

Не ожидая ни откуда поддержки, андійцы на общемъ собраніи порѣшили отправить къ генералу Фезе двухъ депутатовъ, — старшинъ База и Залькарнейна — съ изъявленіемъ покорности, которые 23-го февраля прибыли въ русскій лагерь, у селенія Казбекъ-Юрта, и вручили генералу письменный отвѣтъ кадія и всего общества. Въ виду того, что посланіе андійцевъ было весьма неудовлетворительнаго содержанія, начальникъ отряда отослалъ старшинъ обратно, съ приказаніемъ передать жителямъ, чтобы они присягнули на вѣчное подданство Россіи, выдали аманатовъ и находившихся у нихъ въ плѣну русскихъ.

Утромъ, 24-го числа, отрядъ выступилъ изъ лагеря при Казбекъ-Юртѣ и направился вверхъ къ истокамъ Мичика; пройдя сел. Карасу, войска перешли черезъ Качкальковскій хребетъ. Когда русскіе показались на высотахъ у сел. Мискита, то жители, скрывавшіеся до того въ лѣсахъ и горахъ, поспѣшно вернулись въ свои дома и выслали на встрѣчу отряду старшинъ и аманатовъ съ изъявленіемъ покорности. По занятіи Мискита, генералъ-маіоръ Фезе намѣревался идти вверхъ по ущелью рѣки Аксая въ Ичкерію, а отсюда въ Андію. Для болѣе успѣшнаго выполненія экспедиціи, весьма важно было отвлечь Шамиля съ гумбетовцами и койсубулинцами и не позволить ему придти на помощь андійцамъ; поэтому Фезе отправилъ въ Шуру командира Апшеронскаго полка генералъ-маіора графа Ивелича, съ приказаніемъ объяснить генералъ-маіору Клугенау настоящее положеніе Чечни и Андіи, и просить его съ частью Дагестанскаго отряда произвести демонстрацію къ Андійскому Койсу, чтобы оттянуть дагестанскихъ горцевъ и Шамиля отъ Андіи и Чечни. До сихъ поръ, опорными пунктами дѣйствующимъ войскамъ служили сел. Ташкичу и кр. Внезапная. Но въ виду значительнаго отъ нихъ отдаленія отрядовъ, оба они утеряли уже свое назначеніе, поэтому генералъ Фезе рѣшилъ устроить въ Мискитѣ укрѣпленіе, могущее служить прочной базой при дальнѣйшемъ движеніи въ горы. Укрѣпленіе окончили въ 2 дня и надлежащимъ образомъ вооружили. Во время пребыванія отряда въ Мискитѣ, съ изъявленіемъ покорности явились въ лагерь старшины всѣхъ селеній, расположенныхъ по ущелью р. Яманъ-су отъ с.с. Булакъ-су до Билатлы; они выдали аманатовъ и присягнули на вѣчное подданство Россіи. 25-го февраля Фезе, съ частью войскъ, произвелъ рекогносцировку вверхъ по Аксаю до сел. Джагунберта. Когда колонна приблизилась къ селенію, то жители выслали старшинъ также съ изъявленіемъ покорности и выдали аманатовъ.

По совершенномъ окончаніи устройства укрѣпленія и полученіи отъ командующаго войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ извѣстія, что онъ съ отрядомъ выступилъ къ с. Ашальты, генералъ-маіоръ Фезе, 27-го февраля, выступилъ изъ Мискита съ авангардомъ, изъ 2-го и 4-го баталіоновъ Апшеронцевъ, всѣхъ казаковъ и конной артиллеріи, и направился черезъ Джогунбертъ къ сел. Аллерой, жители котораго, слѣдуя благоразумному примѣру остальныхъ ичкеринскихъ селеній, выслали къ отряду старшинъ, выдали аманатовъ и сами возвратились изъ горъ въ свои дома. На другой день, весь отрядъ собрался у Аллероя и расположился легеремъ.

До сихъ поръ все обходилось безъ выстрѣла; но дальнѣйшее движеніе уже не обѣщало такого спокойнаго изъявленія покорности, потому что Уди-Мулла, съ значительнымъ скопищемъ расположился между с.с. Жухной и Гурдали, у котораго мюриды поспѣшно устраивали большіе завалы и засѣки, съ цѣлью задержать наступленіе русскихъ. Однако, Уди-Мулла ошибся въ своихъ расчетахъ: вмѣсто того, чтобы идти на Гурт̕али, генералъ Фезе рѣ-

шилъ поворотить къ сел. Беною, для чего и началъ устраивать переправу черезъ рѣку Аксай. Узнавъ объ этомъ, ичкеринцы тотчасъ же спустились къ Аксаю и, засѣвъ въ густомъ по берегу кустарникѣ, открыли по работавшимъ сильный огонь. Когда всѣ матеріалы для моста были приготовлены, начальникъ отряда приказалъ открыть орудійный и ружейный огонь, подъ прикрытіемъ котораго войска начали переправляться. Первыми перешли черезъ мостъ 2-й Апшеронскій и Куринскій баталіоны: но непріятель уже отступилъ. Когда андійцы увидѣли, что ичкеринцы не могутъ задержать наступленія отряда въ ихъ страну, то рѣшились покориться, и прислали старшинъ Базу Мартузаліева и Сулеймана Нухаева. Условія покорности заключались въ томъ, что: 1) андійцы присягаютъ на вѣчное подданство Россіи и 2) выдаютъ 4-хъ аманатовъ изъ лучшихъ семействъ и бывшихъ у нихъ въ плѣну русскихъ. Кромѣ того, они обѣщали склонить къ покорности и ичкеринцевъ [2].

Такимъ образомъ, со дня выступленія изъ Мискита до 3-го марта изъявили покорность андійцы и 9 ичкеринскихъ селеній. 18-го марта отрядъ, дойдя до сел. Кошкельды, остановился и занялся рекогносцировочными движеніями. Въ это время въ отрядѣ пронеслись тревожныя вѣсти о смерти командира Апшеронскаго полка графа Ивелича, подполковника Авраменки и другихъ офицеровъ, во время ихъ движенія къ Ашальтамъ. Наконецъ въ Апшеронскіе баталіоны полученъ былъ приказъ по полку, изъ коего стало извѣстнымъ, что, за смертію графа Ивелича, во временное командованіе полкомъ вступилъ подполковникъ Карцевъ. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ неполученіемъ извѣстій отъ генерала Клугенау о положеніи дѣлъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, чрезвычайно безпокоили Фезе. Наконецъ, онъ получилъ подробное описаніе дѣйствій войскъ Сѣвернаго Дагестана. Имѣя приказаніе содѣйствовать со стороны Дагестана Чеченскому отряду, генералъ Клугенау немедленно сформировалъ отрядъ изъ 1-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго полка, подъ своимъ личнымъ начальствомъ. Главная цѣль дѣйствія заключалась въ отвлеченіи Шамиля съ гумбетовцами и койсубулинцами отъ Чечни, а лучшимъ средствомъ къ тому служило движеніе русскихъ войскъ къ сел. Ашальты, гдѣ жилъ самъ Шамиль, со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ. Въ виду того, что движеніе со стороны Дагестана было лишь демонстраціей, Клугенау предположилъ дойти только до Ашальтинскаго моста, лежащаго на Андійскомъ Койсу, въ 4-хъ верстахъ отъ селенія Ашальты.

27-го февраля, командующій войсками отправилъ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою подполковника Авраменки въ Каранай, расположенный въ 13-ти верстахъ отъ моста, а самъ съ 3-мъ баталіономъ выступилъ къ тому же селенію на другой день; при 3-мъ баталіонѣ находился только что пріѣхавшій изъ Чечни графъ Ивеличъ. Въ обоихъ вышедшихъ для экспедиціи баталіонахъ насчитывалось около 900 человѣкъ. Горныхъ единороговъ не взяли, въ виду чрезвычайной затруднительности дороги къ Ашальтинскому мосту, выпавшаго снѣга и сильной гололедицы; поэтому при отрядѣ слѣдовали только 4 кегорновыхъ мортирки, которыя неслись большей частью на рукахъ солдатъ.

Хорошо знакомый со всею окрестною мѣстностью, генералъ Клугенау, немедленно по прибытіи въ Каранай, приказалъ подполковнику Авраменкѣ подняться на Койсубулинскій хребетъ и сначала занять тропинку, идущую отъ Гимринскаго родника, по весьма тѣсному ущелью, къ Ашальтинскому мосту, послѣ чего съ 2-мя ротами и кегорновыми мортирками сойти со скалистыхъ высотъ и какъ можно поспѣшнѣе занять входъ на мостъ, закрываемый огромными камнями. Послѣдній пунктъ имѣлъ весьма важное значеніе, по своей неприступности, и двухъ ротъ вполнѣ было достаточно, чтобы держаться противъ большихъ непрія-

[2]) Дѣло № 9. 2 отд. Ген. Шт. Архивъ Кавк. Окр. Штаба.

тельскихъ силъ. Въ помощь Авраменкѣ, Клугенау далъ бригаднаго адъютанта поручика Апшеронскаго полка Евдокимова, уже раньше изучившаго эту мѣстность. Глубокій снѣгъ, завалившій тѣснины, и ледъ, покрывшій обрывистыя скалы, представляли на каждомъ шагу чрезвычайныя затрудненія для движенія, такъ что на переходъ 13-ти верстъ, отдѣлявшихъ Каранай отъ Ашальтинскаго моста, потрачено было болѣе сутокъ, и только на разсвѣтѣ 2-го марта Авраменко приблизился къ нему съ своими двумя ротами. Роты стали въ полуверстѣ отъ моста, на площадкѣ, совершенно закрытой отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; высланные же впередъ стрѣлки расположились частью у входа на мостъ, за камнями, частью же на высокомъ берегу р. Казикумухскаго Койсу, къ сторонѣ Гимръ. Горцы, не показывавшіеся болѣе часу, начали потомъ появляться на высотахъ противоположнаго берега и, постепенно все болѣе и болѣе увеличиваясь, открыли сильный ружейный огонь по нашей цѣпи. Но, хорошо прикрытые, стрѣлки несмотря на весьма близкое разстояніе, не понесли отъ непріятеля никакой потери.

Между тѣмъ, генералъ Клугенау, 1-го марта, выступилъ изъ Караная и спустился къ Гемринскому роднику; здѣсь къ нему явились гимринскіе старшины съ извѣстіемъ, что около 500 унцукульцевъ подошли къ Гимрамъ и возбуждали жителей къ поднятію оружія противъ русскихъ, увѣряя, что войска идутъ истребить селеніе. Клугенау успокоилъ старшинъ и приказалъ имъ объявить обществу, что пока оно не уклонилось отъ повиновенія и своихъ обязательствъ, русскіе не только не тронутъ Гимръ, но даже будутъ защищать ихъ отъ покушеній враждебныхъ имъ обществъ. На разсвѣтѣ, 2-го марта, отрядъ, преодолѣвъ большія трудности, спустился по узкой тропинкѣ около Гимръ къ р. Койсу. Расположивъ здѣсь роту для удержанія непріятеля, на случай его непріязненныхъ дѣйствій со стороны Унцукуля, съ остальными ротами Клугенау направился къ Ашальтинскому мосту, и, не доходя къ нему полуверсты, услышалъ сильную перестрѣлку. Оставивъ роты, генералъ послалъ двухъ татаръ къ подполковнику Авраменку узнать, можетъ ли отрядъ безъ большой потери съ нимъ соединиться; въ противномъ же случаѣ предписывалъ ему держаться до ночи и тогда уже начать отступленіе къ Каранаю. Командиръ полка графъ Ивеличъ, увлекаясь отважностью, просилъ начальника отряда отпустить его къ мосту, но получилъ въ этомъ рѣшительный отказъ въ виду опасности, которой графъ могъ подвергнуться, пробираясь по скаламъ подъ выстрѣлами горцевъ; къ тому же извѣстная опытность и храбрость Авраменки и всѣхъ бывшихъ при ротахъ офицеровъ дѣлала совершенно лишнимъ присутствіе тамъ командира полка. Графъ Ивеличъ наружно согласился съ начальникомъ отряда; но затѣмъ, отойдя нѣсколько шаговъ по направленію къ мосту, шагъ за шагомъ слѣдовалъ за шедшими къ Авраменкѣ татарами; пройдя же болѣе половины пути, Ивеличъ прямо направился къ мосту, не обращая никакого вниманія на направленные противъ него непріятельскіе выстрѣлы. Придя къ ротамъ, онъ отправился въ передовую цѣпь, несмотря на просьбы Авраменки остаться при резервѣ. Приблизившись къ самому опасному мѣсту, графъ Ивеличъ, желая посмотрѣть одного изъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, открылъ себя, и сейчасъ же былъ раненъ пулей въ руку на-вылетъ. На посланную Клугенау записку къ подполковнику Авраменко, Ивеличъ отвѣтилъ, что соединеніе съ ротами подвергнетъ отрядъ большой и совершенно безполезной потерѣ и, сообщая о полученной ранѣ, вторично просилъ позволенія остаться. Клугенау волей-неволей принужденъ былъ разрѣшить Ивеличу остаться у моста, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждалъ начать отступленіе вечеромъ. Ночное отступленіе дѣйствительно имѣло за собой полный разсчетъ на успѣхъ: занимая весьма выгодную позицію, роты, слѣдовательно, могли удерживать горцевъ до самаго вечера, а наступающая затѣмъ темнота вполнѣ благопріят-

ствовала отступленію. Если бы непріятель и вздумалъ преслѣдовать роты, то ему надлежало занять высоты, мимо которыхъ войскамъ надо было двигаться, представлявшія и днемъ большое затрудненіе для всхода, а ночью и тѣмъ болѣе. При томъ же въ ночное время ружейный огонь непріятеля оказывался почти недѣйствителенъ.

Въ полдень къ Клугенау вторично пришли гимринцы съ извѣстіемъ, что болѣе 1.000 унцукульцевъ, перейдя черезъ р. Койсу, выше Гимръ, приближаются къ селенію.

Еще раньше полученія этого извѣстія, начальникъ отряда, не имѣя возможности соединиться съ ротами у моста, намѣревался отступать прежней дорогой къ Каранаю. Теперь же подобное отступленіе нашихъ войскъ непріятель легко принялъ бы за робость и, сдѣлавшись смѣлѣе, занялъ бы высоты надъ тѣсниною, по пути движенія отряда, гдѣ солдатамъ приходилось идти гуськомъ, и могъ нанести намъ большой вредъ. Поэтому, отправивъ прибывшихъ гимринцевъ въ селеніе, съ наказомъ жителямъ не пускать къ себѣ унцукульцевъ, Клугенау, вмѣстѣ съ тѣмъ направился съ ротами къ Гимрамъ, съ цѣлью показать ихъ обитателямъ совершенную увѣренность въ ихъ преданности, хотя, между прочимъ, на эту преданность и нельзя было особенно полагаться. При движеніи отряда, непріятель открылъ съ противоположнаго берега рѣки сильный огонь, безвредный, впрочемъ, по дальности разстоянія.

Подойдя къ Гимрамъ, Клугенау замѣтилъ, что всѣ жители вооружились и находятся въ сборѣ передъ селеніемъ; но, при прохожденіи мимо него русскихъ, они никакихъ непріязненныхъ дѣйствій не выказали, и отрядъ безпрепятственно черезъ Гимры втянулся въ Гимринское ущелье, ведущее къ Каранаю. Между тѣмъ, часть унцукульцевъ стала пробираться по скаламъ для занятія высотъ, надъ дорогою изъ Гимръ. Чтобы предупредить непріятеля, генералъ-маіоръ Клугенау послалъ на высоты стрѣлковъ, которые и заняли быстро всѣ опасныя мѣста. Въ происшедшей здѣсь перестрѣлкѣ, раненъ пулей въ ногу *прапорщикъ Спиридовичъ*. На другой день, около полудня, отрядъ подошелъ къ Каранаю, гдѣ и расположился лагеремъ въ ожиданіи двухъ ротъ, оставшихся у Ашальтинскаго моста.

Теперь обратимся къ этимъ ротамъ, гдѣ уже произошла кровавая драма. Когда Клугенау съ отрядомъ ушелъ къ Гимрамъ, то стрѣлковая цѣпь, подъ командою поручика Писарева, передвинулась нѣсколько выше моста къ сторонѣ Гимръ. Между тѣмъ о значительномъ усиленіи непріятеля, прибывшими партіями унцукульцевъ, узналъ и генералъ-маіоръ графъ Ивеличъ, что, вѣроятно, и побудило его начать отступленіе не ночью, а тотъ часъ же, несмотря на всѣ убѣжденія подполковника Авраменки, приводившаго весьма вѣскіе доводы о гибельныхъ послѣдствіяхъ такого движенія для ротъ, въ виду непріятеля въ пять разъ превышавшаго ихъ своею численностью. Но Ивеличъ настоялъ на своемъ и началъ отступленіе. Къ сожалѣнію, высокія скалы, вблизи которыхъ предстояло проходить, не были заняты нами. Всѣ дѣйствія графа Ивелича въ этотъ день, какъ-то: самовольный уходъ къ мосту, полное презрѣніе къ непріятельскимъ выстрѣламъ, непонятное желаніе быть непремѣнно въ стрѣлковой цѣпи, и, наконецъ, положительное пренебреженіе своею жизнью изъ-за пустаго желанія видѣть раненаго солдата, будто ему этого не случалось видѣть раньше,— все, вмѣстѣ взятое,— являетъ собою нѣчто роковое для Апшеронцевъ и ихъ командира. Затѣмъ упорный отказъ уже раненаго графа Ивелича, несмотря на просьбы подполковника Авраменки, находиться во время отступленія при аріергардѣ, — не доказываетъ ли, что командиръ Апшеронскаго полка или просто-таки искалъ смерти, или же слишкомъ презиралъ своихъ враговъ, чему, по всѣмъ вѣроятіямъ, можетъ служить подтвержденіемъ самое время, избранное имъ для отступленія. Вѣдь отступая днемъ, по совершенно невыгодной для насъ мѣстности и имѣя за спиной впятеро сильнѣйшаго противника,

безъ надежды и возможности получить откуда-либо помощь, графъ Ивеличъ отлично сознавалъ, что идетъ на неизбѣжную гибель. Объяснять же всѣ его дѣйствія желаніемъ хвастнуть своею храбростью также едва ли возможно: каждый кавказскій офицеръ былъ храбръ, и потому Ивеличъ, какъ умный человѣкъ, врядъ ли сталъ бы рисоваться тѣмъ, что никого не могло удивить. Отправивъ къ броду ниже моста капитана Костырко съ 45 человѣками, съ цѣлью удержать непріятеля отъ перехода на лѣвый берегъ рѣки, командиръ полка приказалъ начать отступленіе. Едва горцы замѣтили, что роты оставляютъ позицію, какъ немедленно положили доски на перекладины моста и начали быстро перебѣгать на правый берегъ Койсу. Скопище раздѣлилось на двѣ части: одна — обратилась на аріергардъ, между тѣмъ какъ другая — устремилась на ближайшія высоты и, взобравшись на нихъ, горцы открыли частый ружейный огонь. Когда роты вошли въ обрывистое тѣсное ущелье, горцы стали сбрасывать на нихъ глыбы камней, а затѣмъ съ крикомъ «алла» бросились въ рукопашную на аріергардъ и колонну. Апшеронцы, ободряемые графомъ Ивеличемъ и подполковникомъ Авраменкой, приняли непріятеля въ штыки; завязался страшный бой. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ доходило до того, что солдаты и горцы, сцѣпляясь, грызли другъ друга и вмѣстѣ скатывались въ пропасти. Пораженный пулею на смерть, графъ Ивеличъ упалъ въ бездну; затѣмъ нѣсколько горцевъ бросились на подполковника Авраменко, отличавшагося высокимъ ростомъ, большою физическою силою и замѣчательною храбростью. Горцамъ Авраменко былъ хорошо извѣстенъ, и они прозвали его «шайтаномъ», что значитъ чортъ.

Послѣ отчаянной и долгой обороны, успѣвъ изрубить нѣсколько мюридовъ, храбрый Авраменко погибъ подъ ударами шашекъ и кинжаловъ разъяренныхъ горцевъ. Нельзя не упомянуть здѣсь о замѣчательномъ подвигѣ рядоваго Андрея Усанова; увидѣвъ, что горцы напали на Авраменко, онъ кинулся къ нему на помощь и закололъ штыкомъ одного мюрида, получивъ при этомъ шашечный ударъ. Быстро обернувшись, Усановъ прокололъ насквозь ранившаго его мюрида и въ ту же минуту убилъ третьяго. Замѣтивъ же, что батальонный командиръ убитъ, храбрецъ прикладомъ ружья проложилъ себѣ дорогу къ товарищамъ [3]. Въ концѣ концовъ, Апшеронцамъ все-таки удалось отбиться отъ многочисленнаго непріятеля, который, видя полную невозможность истребить горсть сплотившихся героевъ и понеся большую потерю въ рукопашномъ бою, — принужденъ былъ отступить. Отраженію горцевъ много способствовалъ поручикъ Евдокимовъ, единственный оставшійся въ живыхъ офицеръ, потому что поручикъ Писаревъ въ первый же моментъ схватки былъ убитъ [4]. Евдокимовъ соединилъ аріергардъ съ ротами и началъ отступать къ тому пункту, гдѣ находился съ командою капитанъ Костырко. Въ кровопролитной схваткѣ съ горцами, роты потеряли: 67 человѣкъ убитыми, 14 ранеными и 17 контуженными. Непріятель оставилъ на мѣстѣ около 60 тѣлъ, изъ чего можно заключить, что и онъ понесъ значительный уронъ. Много связывали солдатъ двѣ кегорновыя мортировки: они ихъ тащили на рукахъ и не выпускали во время самаго жестокаго боя.

Горцы еще неоднократно бросались въ шашки и кинжалы, но каждый разъ ихъ отбивали штыками, и во все это время поручикъ Евдокимовъ, не обращая вниманія на сильную контузію камнемъ, своею храбростью и распорядительностью подавалъ примѣръ солдатамъ. Наконецъ роты соединились съ командою капитана Костырки, принявшаго общее начальство. Оставаясь на выгодной позиціи, роты удерживались здѣсь до самаго вечера, отра-

3) Дѣло № 56. Особ. Отд. Арх. Кавк. Окр. Шт.

4) Этотъ самый Евдокимовъ впослѣдствіи стяжалъ себѣ большую извѣстность, получилъ графское достоинство и званіе генералъ-адъютанта.

жая натиски горцевъ ружейнымъ огнемъ и штыками. Когда уже стемнѣло, то Костырко предпринялъ отступленіе. Попеременно онъ и поручикъ Евдокимовъ командовали аріергардомъ, пока послѣдняго не ранили пулей въ щеку. Между тѣмъ непріятель не хотѣлъ выпустить горсти русскихъ солдатъ; постепенно приближаясь къ ротамъ, мюриды имѣли, повидимому, намѣреніе опять броситься въ кинжалы. Тогда капитанъ Костырко, присоединивъ къ аріергарду остальныхъ людей ротъ, численность коихъ не превышала 150 человѣкъ, съ крикомъ «ура» бросился въ штыки на толпы горцевъ. Озадаченный нападеніемъ, изумленный и ошеломленный такой смѣлостью со стороны русскихъ, непріятель обратился въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ еще 10 тѣлъ. Дальнѣйшее отступленіе продолжалось уже безпрепятственно, несмотря на то, что мѣстность, гдѣ проходили роты, представляла всѣ удобства для нанесенія имъ чувствительнаго урона. На разсвѣтѣ, 3-го марта, капитанъ Костырко прибылъ въ Каранай. Сеодинивъ весь отрядъ, генералъ-маіоръ Клугенау еще два дня оставался въ Каранаѣ, распуская слухи о вторичномъ намѣреніи двинуться къ Ашальтинскому мосту, а вечеромъ, 5-го марта, возвратился въ Шуру [5].

«Какъ ни прискорбна смерть храбраго командира Апшеронскаго полка», писалъ военному министру корпусный командиръ, — «столь много обѣщавшаго для пользы службы въ здѣшнемъ краѣ по пріобрѣтеніи вящей опытности въ войнѣ противъ горцевъ и храбраго, опытнаго подполковника Авраменко, и не менѣе храбрыхъ солдатъ, но за то этимъ движеніемъ вполнѣ достигнута цѣль, для которой оно предназначалось: оно принудило Шамиля обратить все вниманіе на собственную защиту и отказаться отъ поданія помощи ичкеринцамъ и андійцамъ, что, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе на изъявленіе послѣдними покорности нашему правительству».

Военный министръ, въ отзывѣ своемъ корпусному командиру писалъ, что Государь Императоръ Николай I, по прочтеніи подробнаго донесенія о боѣ у Ашальтинскаго моста, «крайне соболѣзнуя о смерти командира Апшеронскаго пѣхотнаго полка генералъ-маіора графа Ивелича и значительныхъ потеряхъ, понесенныхъ войсками подъ его начальствомъ бывшими, вмѣстѣ съ тѣмъ съ удовольствіемъ изволилъ усмотрѣть благоразумныя распоряженія и храбрость капитана Апшеронскаго полка Костырки и адъютанта 1-й бригады 19-й дивизіи поручика того же полка Евдокимова» [6].

Смерть командира полка, Авраменки, Писарева и нижнихъ чиновъ произвела въ штабъ-квартирѣ весьма удручающее впечатлѣніе: графа Ивелича и Авраменка очень любили всѣ офицеры и солдаты, и гибель обоихъ одѣла въ трауръ весь полкъ [7]. Вскорѣ новымъ командиромъ полка назначилъ былъ подполковникъ Поповъ 7-й.

Теперь возвратимся опять въ Чечню. Послѣ отъѣзда графа Ивелича изъ Чеченскаго отряда, Апшеронскими баталіонами командовалъ маіоръ Шнитниковъ.

Съ изъявленіемъ покорности андійцами, прекратились и военныя дѣйствія, ибо ичкеринцы, не ожидая ни откуда помощи, мало сопротивлялись русскимъ войскамъ; изрѣдка только происходили небольшія перестрѣлки, не имѣвшія никакихъ особенно важныхъ послѣдствій. Съ 22-го по 24-е марта отрядъ прошелъ отъ Маюртупа до Герменчука; почти всѣ жители Ичкеріи возвращались въ свои селенія и выдавали аманатовъ. Вообще, настроеніе умовъ было настолько для насъ благопріятное, что генералъ Фезе рѣшился очистить Мескиръ-Юртовское временное укрѣпленіе, и всѣ тяжести и артиллерія отправлены изъ укрѣп-

---

5) Дѣло № 45. 2 Отд. Генер. Шт. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

6) Дѣло № 56. 2 Отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

7) Въ 1889 году останки графа Ивелича, Авраменки и Писарева, съ Высочайшаго соизволенія, перенесены были на Апшеронское кладбище, и надъ ихъ могилами имѣется возобновленный нынѣ памятникъ.

*

ленія въ Грозную. Изъ Мескиръ-Юрта отрядъ двинулся тремя колоннами къ Шали и далѣе по рѣкѣ Джалкѣ, причемъ 2-й и 4-й баталіоны Апперонцевъ, составлявшіе среднюю колонну, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора Фезе, направились къ сел. Узденьчи. Какъ Узденьчи, такъ равно Алханъ-Юртъ и Бессенберды были заняты безъ выстрѣла, сопротивленіе оказано только при занятіи хуторовъ, расположенныхъ вблизи селеній. Выбитые отсюда, чеченцы собрались при входѣ въ Бессенбердыйское ущелье, гдѣ вскорѣ къ нимъ присоединилась партія ичкеринцевъ изъ селеній Ахасти, Алистанжи, Хорочуя и Веденя, расположенныхъ по рѣкамъ Бассѣ и Хулкулау. Генералъ Фезе, сосредоточивъ всѣ три колонны впереди с.с. Узденьчи и Ломикъ-Юрта, построилъ ихъ въ боевой порядокъ: 1-я линія состояла изъ 2-го Апшеронскаго и баталіона Куринскаго полковъ; во 2-й линіи шелъ 4-й баталіонъ Апшеронцевъ; на правомъ флангѣ расположился баталіонъ Куринцевъ съ двумя горными орудіями; всѣ конные казаки поставлены были впереди 1-й линіи, а спѣшенные образовали цѣпь застрѣльщиковъ. Остальныя войска находились въ резервѣ.

Большія толпы непріятеля, занявъ впереди-лежащія высоты, открыли сильный огонь. По данному приказанію, первая линія, безъ выстрѣла, бѣгомъ, бросилась вверхъ по отлогости горы. Сдѣлавъ безпорядочный залпъ по атакующимъ войскамъ, чеченцы кинулись въ шашки, но недолго продолжалась схватка: одна часть скопища была опрокинута въ въ глубокій оврагъ за горою, а другая — отступила въ густой лѣсъ, находившійся съ правой стороны непріятельской позиціи. Такъ закончилась послѣдняя попытка ичкеринцевъ противиться русскому оружію; какъ и всѣ предыдущія, она имѣла печальныя для противника послѣдствія.

27-го марта отрядъ, при дер. Малые Атаги, перешелъ р. Аргунъ, — конница и артиллерія въ бродъ, а пѣхота — по устроенному жителями арбяному мосту. Въ Гойтинскомъ лѣсу, около дер. Чингурой-Гойты, авангардъ встрѣтилъ шайку извѣстнаго въ Чечнѣ разбойника Таипа. Видя полную невозможность удержаться въ Чингурой-Гойтѣ, чеченцы Таипа отступили къ сел. Ахбамату, гдѣ мѣстность болѣе благопріятствовала оборонѣ. Но рѣшительная атака авангарда заставила шайку очистить селеніе, которое сейчасъ же и подожгли. Съ 27-го по 30-е марта отрядъ стоялъ около сел. Чингурой-Гойты; сюда съѣхались старшины всѣхъ гойтинскихъ и мартанскихъ селеній, съ изъявленіемъ покорности; они выдали аманатовъ и присягнули на вѣрноподданство. Вскорѣ явился и Таипъ съ родственниками своими и устархоновскій старшина Амма; оба они присягнули въ вѣрности Русскому правительству и выдали всѣхъ находившихся у нихъ русскихъ плѣнныхъ. Изъявленіе покорности Ичкеріей было конечной задачей Чеченскаго отряда, выполнивъ которую онъ направился къ кр. Грозной, куда и прибылъ вечеромъ, 1-го апрѣля. Экспедиція, продолжавшаяся съ 22-го марта по 2-е апрѣля, стоила намъ 18 раненыхъ нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 4 человѣка Апшеронцевъ); потери же непріятеля значительно превосходили наши, но, во всякомъ случаѣ, также были не велики, ибо чеченцы по большей части избѣгали открытыхъ встрѣчъ съ нашими войсками и при первой же атакѣ — разсѣевались.

6-го апрѣля Апшеронскіе баталіоны отправились въ Шуру — принять участіе въ готовящейся въ Дагестанѣ экспедиціи.

Еще въ концѣ 1836 года правитель Аваріи Ахметъ-Ханъ-Мехтулинскій доносилъ командиру Кавказскаго корпуса, барону Розену, что Шамиль всевозможными средствами старается склонить на свою сторону племена, обитавшія въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ и что, при малѣйшемъ успѣхѣ имама, онъ, Ахметъ-Ханъ, не можетъ поручиться

за аварцевъ, исключая жителей сел. Хунзаха. Поэтому правитель Аварiи просилъ корпуснаго командира съ началомъ весны въ эту мѣстность двинуть войска. Заявленiе Ахметъ-Хана подтвердили также и прибывшие въ Тифлисъ аварцы, которые для обезпеченiя своего спокойствiя, просили поставить въ Хунзахѣ на постоянное пребыванiе русскiй гарнизонъ, обѣщая его довольствовать на свой счетъ провiантомъ и дровами.

Хотя баронъ Розенъ и считалъ опасенiя Ахметъ-Хана нѣсколько преувеличенными, тѣмъ не менѣе онъ самъ былъ убѣжденъ, что Шамиль, съ началомъ весны, не останется спокойнымъ и откроетъ военныя дѣйствiя. Имамъ всегда стремился распространить свое влiянiе и власть на Аварiю, и слѣдовало ожидать, что сюда именно онъ и направитъ свои скопища, расчитывая на поддержку жителей многихъ приверженныхъ ему аварскихъ селенiй. Ахметъ-Ханъ съ одними хунзахцами не могъ представлять для Шамиля серьезнаго и опаснаго противника, а Магометъ-Мирза-Казикумухскiй, по своему сильно болѣзненному состоянiю, не имѣлъ возможности оказать скорой помощи. Слѣдовательно, Ахметъ-Ханъ, уступая силѣ, поневолѣ принужденъ будетъ оставить Хунзахъ. Если же Шамиль успѣлъ бы занять этотъ важный пунктъ, то, безъ особаго труда, утвердился во всей Аварiи и прiобрѣлъ первенствующее влiянiе на весь Нагорный Дагестанъ,— и тогда нашимъ войскамъ предстояло болѣе затрудненiй дѣйствовать противъ его скопищъ. Положенiе было весьма серьезное, и движенiе отряда въ Аварiю являлось дѣломъ первой и настоятельной важности. Рѣшивъ предпринять экспедицiю, главнокомандующiй имѣлъ въ виду двѣ весьма важныя задачи: 1) занять сел. Хунзахъ, укрѣпить и оставить въ немъ гарнизонъ, и 2) уничтожить Шамиля и его скопища.

Увеличивая годъ-отъ-году влiянiе свое въ горахъ и располагая многочисленными скопищами, Шамиль, подобно предшественникамъ своимъ, Кази-Муллѣ и Гамзатъ-беку, намѣревался прежде всего наброситься на покорныя намъ общества въ горахъ, а затѣмъ уже и на Шамхальскiя владѣнiя. Слѣдовательно, успѣшное выполненiе первой задачи, т. е. уничтоженiе скопищъ мюридовъ и плѣненiе или смерть самого Шамиля, — могли дать въ результатѣ полное успокоенiе края.

Вопросъ о занятiи Хунзаха былъ далеко не новый: онъ уже нѣсколько разъ подымался послѣ истребленiя аварскихъ хановъ Гамзатъ-бекомъ; но малочисленность войскъ въ Дагестанѣ и нѣкоторыя другiя обстоятельства, отвлекавшiя наше вниманiе, отдаляли исполненiе этого предпрiятiя до болѣе удобнаго случая. Наконецъ, двигаясь въ Хунзахъ, мы въ данномъ случаѣ исполняли только просьбу самихъ аварцевъ о помощи. Находясь въ центрѣ горъ, Аварiя имѣла весьма важное стратегическое положенiе, такъ что занятiе ея давало возможность кратчайшими путями устремляться въ Койсубу, Гумбетъ, Андiю, Карату и другiя общества, держать ихъ въ повиновенiи, тотчасъ же подавляя обнаруживавшiяся тамъ волненiя.

Однимъ изъ лучшихъ средствъ для выполненiя второй задачи экспедицiи являлось взятiе и разрушенiе селенiя Ашальты — главнаго гнѣзда мюридизма и резиденцiи имама, что могло быть выполнено двумя способами: или внезапно двинуться съ отрядомъ къ Ашальтинскому мосту и оттуда атаковать селенiе, или же предпринять открытое наступленiе къ Ашальтамъ черезъ Гергебиль. Командиръ корпуса баронъ Розенъ считалъ самымъ удобнымъ временемъ для начала экспедицiи половину апрѣля, а самымъ позднимъ— конецъ мая. По заранѣе составленному плану, отряду предстояло: двинуться изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Аварiю; придя въ Хунзахъ, укрѣпить ханскiй дворецъ или другое какое-нибудь мѣсто, — гдѣ и оставить для защиты аварцевъ, а въ особенности хунзахцевъ, одинъ баталiонъ Апшеронскаго полка, обезпечивъ его продовольствiемъ по крайней мѣрѣ на

3 или 4 мѣсяца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, корпусный командиръ вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность войскамъ платить жителямъ за все, что у нихъ будутъ брать, и даже если, по недостатку мѣста, придется часть баталіона располагать по саклямъ, то и за это вознаграждать обывателей. Въ составъ дѣйствующаго отряда назначались весь Апшеронскій полкъ, по 2 баталіона Куринскаго и князя Варшавскаго (Ширванскаго) полковъ, 8 горныхъ единороговъ, столько же кегерновыхъ мортирокъ и 2 1/2 сотни линейныхъ казаковъ. Въ виду важности и продолжительности экспедиціи, немедленно по полученіи отъ барона Розена предписанія и плана военныхъ дѣйствій, приступлено было къ заготовленію провіанта, боевыхъ припасовъ и шанцеваго инструмента; для перевозки же всѣхъ запасовъ устроенъ транспортъ арбяной и вьючный. Во все время военныхъ дѣйствій войскамъ назначались: нижнимъ чинамъ дача винной и мясной порціи (усиленная), а генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ раціоны; баталіону же, предназначенному въ Хунзахъ, круглый годъ полагался усиленный отпускъ; кромѣ того, штабъ-офицеры получали двойную суточную дачу солдатскаго пайка, а оберъ-офицеры ординарную.

Первоначально командованіе отрядомъ ввѣрено было генералъ-маіору Клюки-Фонъ-Клугенау; но потомъ это распоряженіе отмѣнено и назначенъ генералъ-маіоръ Фезе, а на Клугенау возложено снабженіе отряда всѣмъ необходимымъ, заготовка транспорта и т. п.

Шамиль отлично зналъ о всѣхъ нашихъ приготовленіяхъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; опасаясь же дурнаго исхода для себя экспедиціи, пустился на хитрости и сталъ подсылать въ Тифлисъ къ барону Розену нѣсколькихъ гимринскихъ старшинъ съ различными мирными предложеніями. Но корпусной командиръ отправилъ старшинъ обратно, приказавъ имъ сказать Шамилю, что никакого мира съ нимъ заключено быть не можетъ, а если имамъ хочетъ, то пусть изъявитъ безусловную покорность и выдастъ въ аманаты своего сына. Такой отвѣтъ ясно показалъ Шамилю, что рѣшеніе принято безповоротно и хитрости не помогутъ. Поэтому онъ собралъ всѣхъ старшинъ изъ Гумбета, Койсубу и другихъ обществъ для совѣщанія, на которомъ старшины порѣшили до послѣдней капли крови защищать своего имама, и затѣмъ немедленно разошлись, для сбора партій. Въ Сѣверный Дагестанъ къ Шамилю съѣхались всѣ его видные дѣятели, какъ-то: Кибитъ-Магома, Алибекъ, Ташевъ-Хаджи, Уди-Мулла и многіе другіе. Въ половинѣ апрѣля собралось уже скопище въ 12 т. человѣкъ; кромѣ того, стали волноваться и многія, до того времени покорныя общества, въ числѣ ихъ была и Акуша, черезъ которую предстояло проходить нашему отряду.

1-го мая въ Шуру пріѣхалъ генералъ Фезе. Несмотря на всѣ усилія, дѣйствительный составъ отряда являлся далеко не такимъ, какъ предполагалось. Такъ, напримѣръ, изъ Апшеронскаго полка, для обезпеченія тыла оставлены: въ Шурѣ 9-я, 10-я и 11-я мушкетерскія роты, подъ командой подполковника Лихарева; на Міатлинской переправѣ—1-я мушкетерская рота, съ поручикомъ Янышевымъ, и въ Казіортѣ—3-я мушкетерская рота, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Лисаневича. Въ походъ выступили: 2-й, 4-й, 5-й и сводный баталіоны (послѣдній изъ 1-й и 3-й гренадерскихъ и 2-й мушкетерской ротъ). Въ общемъ составѣ четыре баталіона имѣли: 4-хъ штабъ-офицеровъ, 35 оберъ-офицеровъ, 156 унтеръ-офицеровъ, 119 музыкантовъ, 1.835 рядовыхъ, 113 нестроевыхъ и 16 деньщиковъ. Въ полковомъ обозѣ находилось: 15 патронныхъ и зарядныхъ ящиковъ, 8 палаточныхъ, 1 аптечный, 20 сухарныхъ и 2 лазаретныхъ фуры. Всего же въ отрядѣ насчитывалось: 9-ть штабъ-офицеровъ, 82 оберъ-офицера, 369 унтеръ-офицеровъ, 230 музыкантовъ, 4.530 рядовыхъ и 225 нестроевыхъ. Вмѣстѣ съ кавалеріей боевая численность простиралась до 5.100 человѣкъ.

Въ то время, какъ происходила заготовка различныхъ запасовъ къ экспедиціи, укрѣ-

пленіе Темиръ-Ханъ-Шурѣ приводилось въ оборонительное положеніе, на случай дѣйствія непріятеля въ тылъ отряду. Наконецъ, къ 9-му мая, все было готово, и отрядъ могъ выступить въ походъ. Войска, раздѣленныя на три колонны, двинулись на с.с. Дженгутай и Урму: 1-я колонна, подъ командою подполковника Берзуля, выступилъ 7-го мая; 2-я— подполковника Цыклаурова—8-го мая и 3-я, подъ начальствомъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, подполковника Карцева, 9-го числа; послѣдняя колонна состояла изъ Апшеронскихъ баталіоновъ. 11-го мая весь отрядъ собрался около рѣчки Урмы (въ 4-хъ верстахъ отъ сел. того же имени), затѣмъ направился къ с. Хаджалъ-Махамъ, гдѣ переправился по мосту, чрезъ Казимухскій Койсу, и 18-го числа подошелъ къ Карадахскому мосту на Аварскомъ Койсу, который войска заняли безъ выстрѣла. Здѣсь къ отряду присоединился съ милиціей Магометъ-Ханъ Казикумухскій. Отъ Карадахскаго моста генералъ Фезе отправилъ на гору Чунабогда авангардъ, сводную саперную команду и рабочій баталіонъ, съ цѣлью разработать дорогу, которая уже на вершинѣ Хаджалъ-Махинскаго ущелья обращалась въ трудно-проходимую тропинку. Больше всего пришлось поработать при исправленіи дороги отъ Хаджалъ-Маховъ до сел. Куппы; но, благодаря энергіи завѣдывающаго саперной командой подпоручика Апшеронскаго полка Никитина 1-го, узенькая тропинка превратилась въ удобно проходимую дорогу. Хотя, во время движенія отряда, акушинцы и выказывали непріязненныя дѣйствія, но это случалось рѣдко такъ, что начальникъ отряда приказывалъ не отвѣчать на одиночную и случайною стрѣльбу акушинцевъ, чтобы не подымать на ноги всего селенія. Оставивъ для прикрытія Карадахскаго моста Магометъ-Хана Казикумухскаго, генералъ Фезе продолжалъ путь къ Хунзаху, куда и прибылъ 27-го мая. За все время слѣдованія отряда, только у сел. Большаго Гоцатля произошло незначительное дѣло съ мюридами, окончившееся плѣненіемъ 14-ти изъ нихъ и отбитіемъ 126 штукъ рогатаго скота; съ нашей стороны, въ происшедшей перестрѣлкѣ убито 2 и ранено 3 нижнихъ чина. Въ Хунзахѣ Фезе приказалъ занять ханскій дворецъ, подъ складъ провіанта.

Между тѣмъ, лазутчики дали знать, что Шамиль со скопищемъ находится въ обществѣ Карата, у верховьевъ Аварскаго Койсу; Али-бекъ съ другимъ скопищемъ стоитъ въ окрестностяхъ Унцукуля, а Кибитъ-Магома—въ Тилитлѣ. Когда Императоръ Николай получилъ донесеніе о занятіи Хунзаха, то приказалъ построить въ немъ цитадель, для опезпеченія безопасности гарнизона. Постройка продолжалась 7 дней и мѣстомъ, лля нея выбранъ старый ханскій дворецъ; оконченная цитадель имѣла видъ 4-хъ угольника, длиною 15, шириной 140 и вышиною 19 $^1/_2$ футовъ. Западная и сѣверная ея стороны были обращены къ селенію и фланкировались каменнымъ бастіономъ; южный фасъ обстрѣливался высокой трехъэтажной башней, а восточный—двумя башнями. Цитадель имѣла очень выгодное мѣстоположеніе, командуя надъ всѣмъ селеніемъ и окружающими ее высотами. Единственное неудобство заключалось въ близости новаго ханскаго дворца съ различными пристройками и принадлежащимъ къ нему минаретомъ, дававшимъ въ случаѣ осады, удобное прикрытіе горцамъ.

Съ цѣлью открыть возможно большее поле для дѣйствія артиллерійскаго и ружейнаго огня, генералъ-маіоръ Фезе приказалъ уничтожить 6 домовъ, прилегавшихъ къ новому дворцу, и значительно уменьшить вышину трехъ башенъ. На разстояніи 140 шаговъ отъ цитадели устроенъ блокгаузъ, представлявшій изъ себя каменный двухъ-этажный домъ, окруженный каменной же стѣной съ бойницами, предназначенный для обстрѣливанія резервуара воды, находившагося отъ него въ 150 шагахъ. Цитадель, башни и блокгаузъ соединялись капоньерами, представлявшими двойную каменную стѣну, въ 10 фут. высоты. Всѣ работы были быстро закончены потому, что надъ постройкой всѣхъ зданій трудился цѣ-

лый отрядъ и хунзахцы. Въ цитадели поставлены два полевыя орудія, а въ блокгаузѣ— одинъ горный единорогъ.

Постройка цитадели въ Хунзахѣ произвела страшный переполохъ во всемъ Дагестанѣ; даже аварцы и жители Хунзаха, вначалѣ сильно обрадованные прибытіемъ къ нимъ русскаго отряда, теперь совершенно охладѣли, такъ что на вѣрность ихъ сомнительно стало полагаться. Пользуясь такимъ настроеніемъ аварцевъ, Шамиль распускалъ слухи, что русскіе пришли для окончательнаго покоренія Дагестана. Непріятное впечатлѣніе, произведенное постройкой укрѣпленія, служило прекраснымь доказательствомъ, насколько такая мѣра являлась необходимой для водворенія владычества нашего въ горахъ Дагестана.

Въ то время какъ отрядъ трудился надъ возведеніемъ укрѣпленія въ Хунзахѣ, Шамиль, со свойственной ему дѣятельностью, приготовлялся къ борьбѣ съ нами; приказавъ въ верховьяхъ Аварскаго Койсу, въ 50 верстахъ отъ Хунзаха, устроить сильное укрѣпленіе, онъ вскорѣ прибылъ съ партіей въ 500 конныхъ и пѣшихъ мюридовъ въ селеніе Тилитль и соединился здѣсь со скопищемъ Кибитъ-Магомы. Для защиты Ашальтовъ, гдѣ жило семейство Шамиля, осталась партія мюридовъ, большею частью изъ койсубулинцевъ; по приказанію имама, Али-бекъ съ значительной партіей прибылъ въ сел. Орота и вмѣстѣ съ жителями послѣдняго укрѣплялъ его. Перейдя съ лѣваго берега Андійскаго Койсу къ Тилитлю, Шамиль имѣлъ намѣреніе: отвлечь вниманіе отряда отъ Ашальтовъ, угрожая намъ съ тылу, и поднять противъ русскихъ жителей с.с. Цудахара и Куппы. Послѣднее предпріятіе, т. е. возбужденіе волненія въ Даргинскомъ обществѣ, не требовало особенныхъ усилій, потому что, еще до прибытія Шамиля, обитатели двухъ названныхъ селеній смѣнили своихъ кадіевъ за приверженность къ русскимъ, и вмѣсто нихъ назначили отчаянныхъ мюридовъ.

Впрочемъ, даже и открытое возстаніе даргинцевъ и акушинцевъ не оказало бы никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ экспедиціи, потому что, если бы у насъ прервалось сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурой черезъ Карадахскій мостъ, то таковое мозможно было открыть, по взятіи Ашальты, черезъ Унцукуль или Балаканы на Ирганай и Гимры.

5-го іюня отрядъ выступилъ изъ Хунзаха, гарнизономъ въ цитадели оставлены 7 ротъ, въ томъ числѣ 4 Апшеронскія, подъ общей командою подполковника Апшеронскаго полка Карцева[8]. Придя вечеромъ того же числа въ урочище Сивухъ-Су, лежащее при началѣ Унцукульскаго ущелья, отрядъ имѣлъ первую встрѣчу съ непріятелемъ. Койсубулинцы, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, заняли противуположную гору и открыли по войскамъ ружейный огонь; но стрѣльба мюридовъ была совершенно безвредна, по дальности разстоянія. Когда на другой день генералъ Фезе распорядился объ обходѣ непріятельской позиціи, то находившіеся въ скопищѣ унцукульцы, опасаясь быть совершенно окруженными, вышли на встрѣчу русскимъ съ изъявленіемъ покорности, а прочіе койсубулинцы бѣжали. Спустя нѣсколько времени явились унцукульскіе старшины; взявъ отъ нихъ аманатовъ, начальникъ отряда немедленно послалъ авангардъ, состоявшій изъ конницы и двухъ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 2-й Апшеронскій баталіонъ), въ преслѣдованіе койсубулинцевъ, бѣжавшихъ по направленію къ Ашальтамъ. Непріятель былъ настигнутъ за селеніемъ Бетлы (Бетлетъ) и, послѣ непродолжительной перестрѣлки, у него отбиты часть скота и имущества. Послѣ того авангардъ возвратился, потерявъ во время преслѣдованія одного раненаго и одного контуженнаго казака.

Примѣру Унцукуля послѣдовали сел. Бетлы и Моксохъ, не замедлившіе изъявить покорность. 8-го іюня, съ Бетлинской горы Фезе произвелъ рекогносцировку Ашальтовъ. Въ

---

8) 3-я и 5-я гренадерскія и 13-я и 14-я мушкетерскія.

селеніи, на высотахъ, окружавшихъ его и около ближайшей большой башни виднѣлись значительныя толпы непріятела, которыми, по слухамъ, предводительствовали Али-бекъ и Сурхай-кадій. Въ тотъ же день приступили къ разработкѣ дороги, для спуска орудій съ Бетлинской горы. Шамиль, увидѣвъ, что ему не удалось отвлечь на себя отрядъ, продолжавшій подвигаться къ Ашальтамъ, рѣшилъ оставить Тилитль и спѣшить на помощь угрожаемому пункту; но такое намѣреніе имама было предупреждено: аварская и казикумухская милиціи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Боргенгейма, остановили Шамиля и заставили его съ партіей скрыться опять въ Тилитль. Опасаясь прорыва Шамиля сквозь милицію, генералъ Фезе отправилъ на помощь ей къ Телитлю баталіонъ Ширванскаго полка и пятую гренадерскую роту Апшеронцевъ, полъ командою подполковника Бучкіева, получившаго приказаніе: блокировать Тилитль, устроить траншеи, завалы и, ни въ какомъ случаѣ, не выпускать Шамиля. Обезпечивъ, такимъ образомъ, отрядъ со стороны Тилитля и принявъ покорность отъ жителей сел. Ахвальты[9], генералъ Фезе, 9-го іюня, спустился съ Бетлинской горы и направился къ Ашальтамъ. Въ 4-хъ верстахъ отъ селенія, на лѣвомъ берегу рѣчки Бетлинки, собралось скопище мюридовъ, состоявшее изъ жителей Койсубу, Гумбета и другихъ обществъ, подъ предводительствомъ Уди-Муллы, Али-бека, Сурхай-кадія и Махма-Али. Занятая непріятелемъ позиція отличалась неприступностью: правый ея флангъ упирался въ отвѣсныя скалы Бетлинской горы, фронтъ обезпечивался высокимъ и обрывистымъ берегомъ рѣчки, до впаденія ея въ Андійскій Койсу; лѣвый флангъ оканчивался глубокимъ непроходимымъ оврагомъ. Единственный подступъ къ позиціи представляла узенькая тропинка на правомъ флангѣ. Для атаки такой сильной позиціи назначены 2-й и сводный баталіоны Апшеронскаго и баталіонъ Куринскаго полковъ. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, баталіоны безъ выстрѣла бросились на гору; невзирая на открытый горцами сильный ружейный огонь, Апшеронцы и Куринцы штыками выбыли непріятеля съ занимаемой имъ позиціи, гнали его черезъ скалы и овраги до самаго селенія Ашальты; горцы даже и не останавливались а бѣжали безъ оглядки. У Ашальтовъ къ атакующимъ баталіонамъ присоединился весь отрядъ, и тогда генералъ-маіоръ Фезе рѣшилъ немедленно штурмовать самое селеніе.

Ашальты раскинуты амфитеатромъ на лѣвомъ берегу небольшой рѣчки, по отлогостямъ скалистаго перевала, черезъ который проходила дорога въ сел. Чиркатъ; правая часть селенія доходила до отвѣсной Бетлинской горы, а лѣвая — защищалась глубокимъ русломъ рѣчки, образующей водопадъ, противъ самаго селенія. Ожидая штурма селенія, ашальтинцы свои дома подготовили къ оборонѣ: окна и двери заложили камнями или толстыми бревнами, плоскія крыши приспособили къ стрѣльбѣ; независимо этого, всѣ дома соединены были барикадами, а узкія улицы завалены большими камнями и бревнами; строенія же на правомъ берегу рѣчки, которыя могли служить на пользу намъ, горцы снесли. Въ каждомъ домѣ продѣланы бойницы; кромѣ того, съ двухъ сторонъ селенія находились башни. Само по себѣ расположеніе Ашальтовъ представляло трехъярусную оборону. Число защитниковъ доходило до 2.000 самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, незадолго предъ штурмомъ поклявшихся на коранѣ побѣдить или умереть. Какъ только весь отрядъ сосредоточился у Ашальты, сейчасъ же назначены были штурмовыя колонны: лѣвая колонна, подъ командою Апшеронскаго полка маіора Шнитникова, состояла изъ 4-хъ ротъ (въ томъ числѣ 1-я гренадерская рота Апшеронцевъ); правая — маіора того же

---

9) Условія покорности были слѣдующія: 1) выдача аманатовъ по назначенію начальника отряда; 2) уплата годовой подати по одному барану съ каждаго дома и 3) внесеніе назначеннаго штрафа.

полка Фукса — изъ 3-хъ ротъ 2-го баталіона Апшеронцевъ, Донскихъ казаковъ, чеченцевъ и Шамхальской конницы

Среднюю колонну, подъ начальствомъ подполковника Берзуля, при которой находился также и начальникъ отряда, образовали 3-я гренадерская, 6-я и 15-я мушкетерскія роты Апшеронцевъ и рота Куринскаго полка. Ближайшей поддержкой штурмовыхъ колоннъ служили 5 ротъ (въ томъ числѣ 2-я мушкетерская Апшеронскаго полка) и сотня спѣшенныхъ казаковъ. Въ общемъ резервѣ и для прикрытія артиллеріи остался 4-й баталіонъ Апшеронцевъ и 3 роты Ширванцевъ. Чтобы не дать опомниться непріятелю, прогнанному съ первой позиціи, генералъ Фезе, не ожидая подготовки приступа артиллерійскимъ огнемъ, послалъ колонны на штурмъ. Послѣ весьма долгаго и отчаяннаго сопротивленія, лѣвой колоннѣ удалось наконецъ ворваться въ аулъ, причемъ тяжело былъ раненъ маіоръ Шнитниковъ; затѣмъ бросилась колонна маіора Фукса и, наконецъ, средняя колонна, съ штабсъ - капитаномъ Вагнеромъ во - главѣ 3 - й гренадерской роты Апшеронцевъ. По всѣмъ улицамъ завязался жесточайшій рукопашный бой. Каждую саклю приходилось штурмовать отдѣльно; изступленные мюриды не сдавались и дорого продавали свою жизнь; но послѣ нѣсколькихъ часовъ рѣзни, они все - таки вынуждены были очистить аулъ и отступили-было на высоты за деревню. Но, ободренные криками и воззваніями своихъ муллъ, вновь собрались на горѣ и шестикратно, съ страшнымъ ожесточеніемъ, бросались въ шашки на наши войска, желая вновь овладѣть селеніемъ, но каждый разъ ихъ отбивали штыками. Потерявъ множество людей, непріятель обратился въ бѣгство по всѣмъ направленіямъ, преслѣдуемый по террасамъ горы. Часть скопища направилась къ сел. Чаркату по мосту черезъ Андійское Койсу, который сейчасъ же и зажгли за собой; другая часть бѣжала вверхъ по правому берегу Койсу, а третья — самая значительная — засѣла въ укрѣпленномъ замкѣ Шамиля, расположенномъ на берегу р. Койсу, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Чирката. Хотя наступилъ уже вечеръ, а бой все-таки длился, ибо нѣсколько десятковъ мюридовъ, засѣвшихъ въ сакляхъ, еще продолжали защищаться, пока ихъ всѣхъ до-единаго солдаты не перекололи штыками. Славный штурмъ Ашальтовъ стоилъ намъ: 28 нижнихъ чиновъ убитыми; ранеными: одного штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ и 107 нижнихъ чиновъ, и контуженными одного оберъ-офицера и 30 нижнихъ чиновъ; больше всего пострадали Апшеронцы, у которыхъ *убито 13 нижнихъ чиновъ; ранены: маіоръ Шнитниковъ* (умеръ отъ раны), *штабсъ-капитаны Вагнеръ и Ктитаревъ, прапорщикъ Скворцовъ и 54 нижнихъ чина, и контужено 20 нижнихъ чиновъ*. Непріятель оставилъ на мѣстѣ 87 человѣкъ убитыми, не считая тѣхъ, которые погибли въ сакляхъ; кромѣ того, всю дорогу отъ Ашальтовъ до Чирката усѣяли убитые и раненые мюриды. Побѣдителямъ досталась часть имущества жителей и 300 барановъ. «Апшеронцы и Куринцы», пишетъ генералъ Фезе въ своемъ донесеніи корпусному командиру, «будучи одушевлены усердіемъ, соревновали между собой въ пренебреженіи всѣхъ опасностей. Однако справедливость требуетъ съ меня отнести успѣхъ этого дѣла храбрости Апшеронскаго пѣхотнаго полка маіоровъ: Шнитникова и Фукса, штабсъ-капитановъ: Вагнера, Ктитарева и Лысенко»[10].

На слѣдующій день, т. е. 10-го іюня, Фезе назначилъ штурмъ Шамилева замка, извѣстнаго подъ названіемъ Ахульго (Старое). Замокъ стоялъ на высокой и отвѣсной скалѣ, образующей мысъ на правомъ берегу Андійскаго Койсу, выше Ашальтовъ; узкій и скалистый перешеекъ, гдѣ и одному человѣку трудно пройти, соединялъ мысъ съ Ашальтинскою горою. Подступъ къ замку защищался двумя каменными башнями, соединенными между

[10]) Дѣло № 45. 2 отд. Ген. Шт. Донесеніе корпусному командиру генерала Фезе № 11.

собою каменной же стѣной, а для прикрытія сообщенія съ мысомъ горцы устроили крытый каменный капоньеръ, въ концѣ котораго находился завалъ изъ земли и туровъ. Замокъ и мысъ фланкировались съ лѣваго берега Койсу. Для взятія этой грозной твердыни Шамиля, назначенъ былъ 4-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою маіора Педяша; вечеромъ, 11-го числа, онъ обложилъ замокъ и перешеекъ, соединяющій его съ Ашальтинской горой; на болѣе удобныхъ мѣстахъ генералъ Фезе приказалъ устроить двѣ батареи изъ 4 кегорновыхъ мортирокъ и 1 горнаго единорога; въ то же время началась и разработка дороги для подвоза полевыхъ орудій, предназначаемыхъ пробить брешь въ стѣнѣ замка. Для облегченія штурма, 3 роты заняли высоты вправо отъ замка и здѣсь же возведена батарея для одного единорога и 2 кегорновыхъ мортирокъ. Въ 3 часа дня, 12 іюня, по окончаніи работъ, началась бомбардировка замка; когда въ немъ пробили брешь, маіоръ Педяшъ повелъ свой баталіонъ на штурмъ. Упираясь на ружья и втаскивая другъ друга за руки, Апшеронцы успѣли таки-взобраться на башню; первою ворвалась въ замокъ 4-я гренадерская рота, подъ командою подпоручика Калистратова. Послѣ упорнаго штыковаго боя, баталіонъ принудилъ мюридовъ выбѣжать изъ башни и, затѣмъ, не обращая вниманія на сильный огонь ашальтинцевъ и гумбетовцевъ, засѣвшихъ на высотахъ лѣваго берега Койсу, преслѣдовалъ непріятеля до пещеръ, находившихся по отвѣсной покатости, надъ самымъ берегомъ рѣки. Въ замкѣ взяты 3 фальконета, много оружія, съѣстныхъ припасовъ, имущества и часть скота ашальтинцевъ. Штурмъ Стараго Ахульго стоилъ баталіону одного раненаго оберъ-офицера *(подпоручикъ Викентій Колышко)*, 8 убитыхъ, 10-ти раненыхъ и 1 контуженнаго нижнихъ чиновъ. Слѣдующіе дни — 13-го и 14-го іюня, тотъ же 4-й баталіонъ Апшеронцевъ выбивалъ мюридовъ изъ пещеръ, гдѣ они отчаянно защищались; многіе изъ нихъ погибли, 56 взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ ашальтинскій кадій Махма-Кази и бѣжавшій изъ Унцукуля кадій Нуръ-Махмадъ, и освобождено 60 аманатовъ и плѣнныхъ аварцевъ. Потеря непріятеля, при взятіи замка и пещеръ, судя по оставленнымъ тѣламъ, была весьма велика.

Донося объ этомъ достойномъ подвигѣ Апшеронцевъ командиру корпуса, генералъ-маіоръ Фезе пишетъ: «Блистательный успѣхъ сей я обязанъ отнести распорядительности и неустрашимости Апшеронскаго полка маіора Педяша и вообще всѣхъ г.г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ 4-го баталіона Апшеронскаго полка, а наиболѣе отличились бывшія во главѣ колонны 4-я гренадерская рота, подъ командою подпоручика Калистратова, которая явила отличный примѣръ храбрости и отважности. Хотя при осадѣ замка и не нужно было устраивать траншей, но за то слѣдовало устроить коммуникаціонныя дороги отъ одной батареи къ другой по скаламъ, подъ непріятельскими ружейными выстрѣлами. Всѣми сими работами управлялъ Апшеронскаго полка подпоручикъ Никитинъ, который и при семъ случаѣ доказалъ большое усердіе соединенное съ неустрашимостью» [11].

Еще 10-го іюня отъ подполковника Бучкіева получено донесеніе о томъ, что Шамиль, Ташевъ-Хаджи и Кибитъ-Магома, въ ночь съ 7-го на 8-е іюня, произвели вылазку съ намѣреніемъ пробиться къ Ашальтамъ; но, не смотря на всю храбрость мюридовъ, ихъ вогнали обратно въ Тилитль. Впрочемъ, успѣхъ стоилъ намъ очень дорого: во время вылазки убито 2 оберъ-офицера и 92 нижнихъ чина ранено: 3 оберъ-офицера и 183 нижнихъ чина, контуженъ 1 штабъ-офицеръ. Донесеніе Бучкіева, полученное сейчасъ-же послѣ взятія Ашальты, заставило генерала Фезе поспѣшить взятіемъ замка Ахульго, чтобы затѣмъ отправиться къ Тилитлю и подкрѣпить блокирующія его войска. Но двинуться тотчасъ

---

[11]) Тамъ-же. Донесеніе № 12.

же отрядъ не могъ, будучи самъ атакованъ огромнымъ скопищемъ горцевъ. Послѣ взятія Ашальты, генералъ Фезе предпринялъ открыть сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурою, уже съ 10 числа прервавшееся, черезъ Казикумухское-Койсу и Хаджалмахинское ущелье. Съ этой цѣлью подполковникъ Берзуль, съ баталіономъ пѣхоты, сотней казаковъ и горнымъ единорогомъ, выступилъ 12-го іюня изъ Ашальты и въ тотъ же день занялъ Гимринскій мостъ. Отсюда въ Шуру отправлены всѣ больные и раненые, а изъ Шуры вытребованъ запасъ провіанта и огнестрѣльныхъ припасовъ. Когда Ашальты со всѣми садами были совершенно уничтожены, то Фезе намѣревался передвинуть отрядъ къ Унцукулю и здѣсь дождаться прибытія транспорта. Между тѣмъ, ярымъ приверженцамъ Шамиля удалось нафанатизировать и вооружить противъ русскихъ общества, обитающія у верховьевъ Андійскаго-Койсу, а именно: тиндинцевъ, богосцевъ, боголяльцевъ, калаляльцевъ, ансальтинцевъ и др.; всѣ они, образовавъ громадное—около 12-ти тысячъ—скопище, подъ предводительствомъ владѣтеля сел. Тинды Аличо-Махмы, спустились по лѣвому берегу Андійскаго-Койсу, переправились черезъ рѣку у Игалинскаго моста и соединились съ гумбетовцами, предводимыми Али-Бекомъ и Сурхай-Кадіемъ. 16-го іюня соединенное скопище горцевъ, переправясь на правый берегъ р. Койсу, стремительно атаковало позицію, занимаемую отрядомъ у развалинъ Ашальты, причемъ непріятель старался обойти нашъ лѣвый флангъ, упиравшійся въ Бетлинскую гору. Но всѣ нападенія, несмотря на ихъ ожесточенность, были отражаемы: на лѣвомъ флангѣ—3-мя ротами 2-го баталіона Апшеронцевъ, подъ командою маіора Фукса, въ центрѣ—баталіономъ Куринскаго полка, а на правомъ флангѣ—своднымъ баталіономъ Апшеронцевъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Фезе. Невзирая на большой уронъ, претерпѣваемый горцами, послѣ каждаго нападенія, они повторяли атаки и вступали въ рукопашный бой, стараясь своей многочисленностью задавить нашъ сравнительно небольшой отрядъ. Передъ вечеромъ, по отбитіи послѣдней атаки, войска немного отдохнули. Но бой далеко еще не кончился: толпы непріятеля расположились вблизи лагеря, а по долетавшему отрывочному разговору и крикамъ можно было заключить, что горцы ожидаютъ прибытія новыхъ скопищъ, въ виду чего Фезе рѣшилъ перевести правый флангъ и центръ расположенія отряда на болѣе крѣпкую позицію, оставляя на своемъ мѣстѣ лѣвый флангъ; такое измѣненіе явилось вслѣдствіе опасенія за обходъ нашего праваго фланга.

Еще съ вечера густой туманъ окуталъ окрестности и совершенно скрылъ отъ непріятеля расположеніе нашей позиціи; пользуясь туманомъ и наступившею ночью, начальникъ отряда приказалъ начать передвиженіе войскъ. Несмотря на соблюдавшуюся тишину, чуткій слухъ горцевъ уловилъ подозрительные звуки въ нашемъ лагерѣ, и они, не ожидая разсвѣта и подкрѣпленія, рѣшились атаковать русскихъ наличными силами. Съ криками «Алла» и неистовыми воплями бросился непріятель къ нашей позиціи, направляя преимущественно нападенія на фланги, причемъ ожесточеніе фанатиковъ дошло до крайняго своего предѣла. Сначала они осыпали отрядъ градомъ пуль, а затѣмъ пошли въ ходъ кинжалы и шашки. Крики «ура» и священныя пѣсни горцевъ слились въ одинъ неумолкаемый гулъ, прерывавшійся изрѣдка орудійными выстрѣлами; темнота и туманъ съ дождемъ придавали бою еще болѣе мрачный и ужасающій оттѣнокъ. Казалось, русскія войска, уступая громадному численному перевѣсу противника, должны будутъ неминуемо погибнуть. Но, благодаря замѣчательной стойкости и храбрости ротъ Апшеронскаго и Куринскаго полковъ, этого не случилось. Вскорѣ послѣ начала сраженія, у насъ началъ ощущаться недостатокъ въ патронахъ, которыхъ впрочемъ и не понадобились, ибо замки у ружей отсырѣли и бой велся исключительно на штыкахъ. Куда-бы ни устремлялись изступленные горцы, всюду ихъ кинжалы натыкались на штыки, и ярость противника разбивалась о непоколебимое

мужество кавказскаго солдата, какъ о гранитную скалу. Сраженіе продолжалось до самаго разсвѣта, пока, наконецъ, прибытіе колонны подполковника Берзуля не заставило непріятеля отступить. Полное изнеможеніе отряда, находившагося безпрерывно 24-е часа въ бою, и отсутствіе патроновъ помѣшали преслѣдованію отступившаго скопища. Потеря отряда была весьма значительна и состояла въ убитыхъ оберъ-офицерѣ и 32 нижнихъ чинахъ; 3 оберъ-офицерахъ и 93 нижнихъ чинахъ раненыхъ, и 3 оберъ-офицерахъ и 35 нижнихъ чинахъ контуженныхъ. *У Апшеронцевъ убиты прапорщикъ Пирщецкій и 11-ть нижнихъ чиновъ; ранены штабсъ-капитанъ Ермолаевъ, поручикъ Трофимовъ и 39-ть нижнихъ чиновъ; контужены капитанъ Костырко, штабсъ-капитанъ Лысенко, поручикъ Безруковъ и 26-ть нижнихъ чиновъ.* Но и потеря непріятеля оказалась громадной: тѣлами горцевъ буквально было усѣяно все поле сраженія, да, кромѣ того, много убитыхъ и всѣхъ раненыхъ они унесли съ собой.

Въ этомъ замѣчательномъ сраженіи, гдѣ русскій отрядъ имѣлъ противъ себя впятеро большаго противника, Апшеронцы оказались вполнѣ достойными громкой славы, которая уже успѣла установиться о нихъ послѣ прихода полка изъ Россіи на Кавказъ. Блестящія дѣла Апшеронскаго полка съ горцами стяжали ему у кавказскихъ начальствующихъ генераловъ названіе «храбраго», что очень часто приходится встрѣчать въ реляціяхъ и донесеніяхъ [12]. Послѣ пораженія горцевъ 15-го и 16-го іюня (при чемъ у нихъ ранены предводители Аличо - Махма и Сурхай-Кадій), отрядъ простоялъ на прежней позиціи до прибытія ожидаемаго изъ Шуры транспорта; за это время принесли покорность жители с. Балаканъ. 24-го числа пришелъ транспортъ, и тогда войска снялись съ позиціи у Ашальтовъ и двинулись къ Тилитлю, гдѣ Шамиль заперся съ своими главными сообщниками. Перейдя Аварское Койсу по узкому Чалдинскому мосту, отрядъ прибылъ 26-го числа къ Тилитлю въ то самое время, когда къ нему съ другой стороны, для освобожденія Шамиля, приближалось значительное скопище горцевъ, которое однако, замѣтивъ появленіе нашего отряда, разсѣялось. Селеніе Тилитль, хорошо защищенное самой природой, кромѣ того укрѣплено было 7 башнями и 2 крѣпкими замками. Въ ожиданіи полевой артиллеріи, слѣдовавшей черезъ Карадахскій мостъ, генералъ Фезе еще болѣе стѣснилъ блокаду, и, несмотря на сильный ружейный и фальконетный огонь осажденныхъ, на полуружейный выстрѣлъ отъ непріятельскаго расположенія устроилъ линію траншей, прикрытыхъ камнями и турами. 3-го іюля началось бомбардированіе четырехъ башенъ обоихъ замковъ. 3-го іюля началось бомбордированіе, и въ трехъ башняхъ и обоихъ замкахъ, непрерывнымъ въ теченіи сутокъ артиллерійскимъ огнемъ, открыты бреши; затѣмъ на эти башни и замки, по приказанію генерала Фезе, 4-го числа, поведенъ былъ пятью ротами успѣшный штурмъ, при чемъ у насъ убито оберъ-офицеровъ 1 и раненъ 1; нижнихъ чиновъ убито 27 и ранено 48. Мюриды, какъ и всегда, защищались съ упорствомъ, но были выбиты изъ башенъ и часть ихъ погибла. Въ тотъ же день артиллерія разрушила и остальныя 3 башни, защищавшія доступъ къ Тилитлю; оставалось взять самое селеніе, штурмъ котораго отложили до слѣдующаго дня. Наканунѣ штурма составлены были двѣ штурмовыя колонны: правая — изъ 6-ти, а лѣвая — изъ 4-хъ ротъ; онѣ имѣли своимъ назначеніемъ — двинувшись отъ взятыхъ 4-го іюля замковъ Кибитъ-Магомы и его брата, броситься въ селеніе и овладѣть его верхней половиной, отдѣляемой отъ нижней глубокимъ оврагомъ, кладбищемъ и ровною площадкою. Чтобы отвлечь непріятеля отъ настоящаго пункта атаки, Фезе приказалъ 5 ротамъ Апшеронцевъ, подъ командою маіора Фукса, отправиться внизъ по рѣчкѣ и напасть на нижнюю часть селенія, а 5 ротамъ Куринцевъ и казакамъ двигаться къ Тилитлю съ лѣваго

[12] Вообще слово «храбрые», какъ мнѣ нерѣдко приходилось читать въ оффиціальныхъ документахъ, присуще было полкамъ Апшеронскому, Кабардинскому, Ширванскому и Куринскому. *Авторъ.*

берега рѣчки. 5-го числа, когда Апшеронцы и Куринцы вступили въ дѣло и тѣмъ отвлекли часть защитниковъ отъ Верхняго Тилитля, то штурмовыя колонны бросились къ этой части селенія. Мюриды приняли русскихъ въ шашки и кинжалы, пытаясь остановить ихъ; но вскорѣ непріятель принужденъ былъ уступить часть Верхняго Тилитля; затѣмъ мюриды еще неоднократно, хотя и безуспѣшно, бросались въ шашки, съ цѣлью вытѣснить наши колонны. Когда горцы замѣтили, что опасность угрожаетъ и нижней части селенія, гдѣ шла сильная перестрѣлка, и Апшеронцы шагъ за шагомъ приближались къ стѣнамъ, то они бросились въ Нижній Тилитль и открыли сосредоточенный огонь по наступающей колоннѣ. Въ виду того, что взятіе нижней части селенія совсѣмъ не входило въ программу боя 5-го іюля, начальникъ отряда послалъ приказаніе Апшеронцамъ и Куринцамъ прекратить наступленіе. При штурмѣ верхняго селенія и демонстраціи нижняго, въ отрядѣ оберъ-офицеровъ убито — 3, ранено 2, контужено 2, и нижнихъ чиновъ убито 33, ранено 155 и контужено 18. У Апшеронцевъ убито 4, ранено 27 и контужено 9 нижнихъ чиновъ. Непріятель потерпѣлъ равномѣрно большой уронъ, опредѣлить который было трудно, потому что бой происходилъ по саклямъ и за оградами. 6-го числа открылись бомбардировка Нижняго Тилитля, съ цѣлью разрушить защищавшие его ограды и завалы. Видя себя запертымъ, какъ въ клѣткѣ, и замѣтивъ новыя приготовленія къ штурму, Шамиль рѣшился просить пощады. Утромъ, 7-го іюля, онъ выслалъ парламентеромъ одного изъ своихъ мюридовъ Гаджи, изъявившаго отъ имени Шамиля, Ташевъ-Хаджи, Кибитъ-Магомы и Абдурахманъ-Кадія покорность и обѣщаніе выдать аманатовъ. Генералъ Фезе немедленно прекратилъ артиллерійскій огонь и вступилъ въ переговоры, слѣдствіемъ коихъ было принятіе Шамилемъ, Ташевъ-Хаджи, Кибитъ-Магомой и другими присяги на вѣрность Русскому Правительству и выдача 3 аманатовъ — племянниковъ Шамиля, Кибитъ-Магомы и Абдурахмана.

Въ день сдачи Тилитля, Али-бекъ и Аличо-Махма съ громаднымъ скопищемъ горцевъ двигались уже отъ Хидатлинскаго моста на помощь своему имаму, но, узнавъ о покорности Тилитля, оба предводителя поспѣшно отступили. Поручивъ принятіе присяжныхъ листовъ, а равно и аманатовъ отъ Шамиля Магометъ-Хану Казикумухскому, генералъ-маіоръ Фезе 7-го іюля двинулся съ отрядомъ къ Хунзаху, куда и прибылъ 10-го числа. Казикумухская конница, находившаяся болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ экспедиціи и истратившая все свое продовольствіе, была распущена по домамъ, а милиція Ахметъ-Хана Мухтулинскаго расположилась вокругъ Хунзаха. Для содержанія гарнизона въ цитадели въ этомъ селеніи оставленъ 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Педяша, назначеннаго комендантомъ укрѣпленія. Кромѣ того, для окончательной отдѣлки крѣпостныхъ верковъ временно оставлены въ Хунзахѣ саперная команда и 5-я гренадерская и 14-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка. 12-го числа отрядъ уже вышелъ изъ Хунзаха и направился къ Ашальтамъ для принятія покорности отъ остальныхъ селеній Койсубулинскаго общества. Полевыя орудія, чтобы не обременять отрядъ излишними тяжестями, оставлены въ цитадели, чѣмъ увеличивалась ея оборонительная сила. 14-го числа Фезе подошелъ къ Бетлинской горѣ и сталъ здѣсь лагеремъ. Отсюда въ Шуру отправлены всѣ раненые и больные, а также излишнія тяжести. Послѣ сдачи Тилитля, экспедицію можно было считать законченной; поэтому считаемъ необходимымъ привести здѣсь ея обзоръ. Какъ уже говорилось раньше, генералъ Фезе получилъ приказаніе:

1) «Уничтожить Шамиля», для чего однимъ изъ лучшихъ средствъ рекомендовалось начать съ истребленія аула Ашальты.
2) Занять Хунзахъ, оставить здѣсь гарнизонъ, для обезпеченія котораго, согласно

Высочайшей воли, построить цитадель. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ задачъ, начальнику отряда вмѣнялось въ обязанность: вновь покорить и наказать тѣ койсубулинскія селенія, жители коихъ принимали болѣе видное участіе въ дѣйствіяхъ противъ насъ.

Спустя два мѣсяца, названныя предпріятія были исполнены, а именно: а) вся Аварія занята, въ Хунзахѣ построена весьма крѣпкая цитадель, вооруженная надлежащимъ образомъ. Аварскіе аулы: Гоцатль (Большой и Малый), Цатаныхъ, Орчло, Коло, Иштіури, Цельмесъ и Хирадерхъ, вышедшіе изъ повиновенія правителя Аваріи Ахметъ-Хана-Мехтулинскаго и примкнувшіе къ Шамилю, вновь приведены къ покорности и повиновенію. б) Аулъ Ашальты истребленъ до основанія, равно какъ и замокъ Ахульго, считавшійся неприступнымъ; кромѣ того, уничтоженъ Тилитль, служившій убѣжищемъ Шамиля, послѣ разоренія Ашальты. в) Главныя койсубулинскія селенія Унцукуль и Балаканы, болѣе всѣхъ поддерживавшія имама, а равно и Бетлы, Икольты, Ахкентъ и Моксохъ покорены, и наложенный на нихъ штрафъ взысканъ. Наконецъ, г) Шамиль съ своими главными сообщниками Кибитъ-Магомою, Ташевъ-Хаджіемъ и другими изъявили покорность и выдали аманатовъ, давъ присягу жить спокойно.

За время экспедиціи проложены дороги:

1) отъ Хаджалмахинскаго ущелья черезъ Карадахскій мостъ въ Хунзахъ;

2) отъ Хунзаха черезъ вершину Арактау до Ашальты и Унцукуля, и

3) отъ Карадахскаго моста, черезъ Куядинское ущелье, до Тилитля.

Теперь надлежало лишь обезпечить гарнизонъ Хунзаха продовольствіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ и проложить къ нему прямую арбяную дорогу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Для защиты этой дороги, предполагалось устроить при аулѣ Зырянахъ, черезъ который она долженствовала проходить, мостовыя укрѣпленія на одну или двѣ роты.

Затѣмъ оставалось привести къ покорности еще нѣсколько койсубулинскихъ селеній, что не могло представлять особеннаго труда, въ виду изъявленія покорности Шамилемъ. Единственный аулъ, еще продолжавшій укрѣпляться и не показывавшій никакихъ признаковъ покорности, былъ—Ората, взятіе котораго не могло обойтись безъ артиллеріи, не потому, чтобы собственно въ отрядѣ не было орудій, но при нихъ почти совсѣмъ не имѣлось снарядовъ, въ виду чего приходилось выжидать прибытія транспорта ихъ изъ Шуры.

Повидимому, результаты экспедиціи были самые блестящіе; а между тѣмъ одна ошибка повредила всему успѣху, такъ что всѣ труды и время оказались совершенно безполезно потраченными:—эта ошибка заключалась въ томъ, что генералъ Фезе выпустилъ Шамиля. Бомбардируемый и запертый со всѣхъ сторонъ русскими войсками, 7-го іюля Шамиль, считая положеніе свое въ Тилитлѣ самымъ плачевнымъ, пришелъ къ убѣжденію, что ему навѣрное придется испытать участь своего предшественника Кази-Муллы. Правда, къ осажденнымъ спѣшилъ со скопищемъ Али-бекъ; но эта помощь явилась бы слишкомъ запоздалою. При такой почти безъисходной обстановкѣ, Шамиль проситъ пощады, изъявляетъ покорность и обѣщаетъ выдать аманатовъ. Начальникъ отряда, Фезе, съ поспѣшностью, вполнѣ удивительной для такого опытнаго генерала, снимаетъ блокаду, вступаетъ въ переговоры, которыми Шамилю и его главнымъ пособникамъ обусловливается полнѣйшая свобода, съ обязательствомъ принесенія присяги на вѣрность и выдачи аманатовъ.

По-истинѣ странно, что такія условія заключались съ человѣкомъ, считавшимъ себя вполнѣ побѣжденнымъ, вредное вліяніе котораго въ Дагестанѣ уже было дознано и котораго баронъ Розенъ въ предписаніи генералу Фезе приказалъ «уничтожить». Но это еще не все. 7-го же іюля генералъ Фезе выступилъ съ отрядомъ къ Хунзаху, поручивъ

Магометъ-Хану-Казикумухскому принять отъ Шамиля присягу и аманатовъ. Что же заставило Фезе такъ торопиться? Ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ документовъ намъ неудалось найти разгадки такому поспѣшному движенію. Теперь, посмотримъ, какія же условія заключилъ съ Шамилемъ Магометъ-Ханъ. Для объясненія и большей видимости всѣхъ дѣйствій послѣдняго, приведемъ здѣсь копію съ письма хана къ генералу Фезе, «Вы приказали мнѣ и подполковнику Мадатову, что если Шамиль намѣревается покориться нашему Правительству и о томъ объявитъ намъ свое желаніе, то мы должны будемъ его, Кибитъ-Магому, Ташевъ-Хаджи, Абдурахмана и Омариль-Магомета привести къ присягѣ и, сверхъ того, взять отъ нихъ аманатовъ. А потому я послалъ къ нимъ въ деревню Тилитль съ моей стороны двухъ надежныхъ людей, а именно: Мирзу-Зази и Идриса, которые, прибывъ въ оную деревню, привели ихъ къ присягѣ, взявъ отъ нихъ аманатовъ, а именно: отъ Шамиля — благороднаго брата его Чефелова; отъ Кибитъ-Магомета — его родственника и отъ Абдурахмана — его брата — Абдуллу. Этихъ аманатовъ я буду имѣть у себя, пока Россійское Правительство изъявитъ о нихъ свою волю, по которой я буду поступать. При семъ имѣю честь представить вашему превосходительству присяжный листъ, который мои люди Мирза-Зази и Идрисъ отъ нихъ получили. *Хотя слова онаго присяжнаго листа, можетъ быть, не согласны съ Россійскимъ закономъ, но общее содержаніе его хорошее*; надѣюсь, что они не будутъ причиною къ измѣнѣ данныхъ имъ клятвенныхъ обѣщаній, потому что аманаты ихъ у меня и въ этомъ краѣ прекратилось возмущеніе» [13].

А вотъ и этотъ замѣчательный по своему содержанію присяжный листъ:

«Выдавая аманатовъ Магометъ-Мирзѣ-Хану, *мы заключаемъ «миръ» съ Россійскимъ Государствомъ*, который никто изъ насъ не нарушитъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы ни съ какой стороны не было оказано и малѣйшей обиды противъ другой; *если-же которая-либо сторона нарушитъ данныя ею обѣщанія, то она будетъ считаться измѣнницею, а измѣнникъ почитается проклятымъ передъ Богомъ и передъ людьми»* [14].

Съ трудомъ вѣрится, чтобы все это происходило въ дѣйствительности; но, къ сожалѣнію, оффиціальные документы уничтожаютъ всякое сомнѣніе. Ханъ Казикумухскій, не выполняя самъ возложеннаго на него порученія, посылаетъ какихъ-то Мирзу-Зази и Идриса для принятія присяги отъ Шамиля и взятія отъ него аманатовъ, а взаключеніе преподноситъ весьма оригинальную фразу, что «хотя присяжный листъ и не согласенъ съ Русскими Законами, но общее содержаніе его хорошее». Полагаемъ, что болѣе чѣмъ смѣло называть «хорошимъ» весьма дерзкій документъ, выданный Шамилемъ подъ именемъ «присяжнаго листа», въ коемъ онъ осмѣливается писать, что заключаетъ «съ Русскимъ Государемъ миръ» и даже ставитъ свои условія! Во всякомъ случаѣ, всѣми описанными выше дѣйствіями генерала Фезе не достигалось «уничтоженія» Шамиля и его вліянія на народъ, что, между прочимъ, и было главною основою предпринятой экспедиціи. Если же обращать исключительное вниманіе на разореніе Ашальтовъ, то потеря отрядомъ 4 штабъ- и 26 оберъ-офицеровъ и около 1,000 нижнихъ чиновъ — черезъ-чуръ ужь громадныя и несоразмѣрныя траты съ сравнительно малымъ результатомъ. Для Шамиля истребленіе селенія Ашальты и взятіе замка его Стараго Ахульго имѣло мало значенія, ибо будущее показало, что онъ создалъ Новое Ахульго и много другихъ сильныхъ укрѣпленій. Единственными полезными плодами экспедиціи можно считать устройство цитадели въ Хунзахѣ, по волѣ Государя Императора, и проложеніе нѣкоторыхъ дорогъ имѣвшихъ важное страте-

[13]) Дѣло № 45. 2 отд. Генер. штаба. Архивъ Кавказ. Окруж. штаба.
[14]) Тамъ же.

гическое значеніе для будущихъ мѣропріятій. Такимъ образомъ, экспедиція, веденная прекрасно и обѣщавшая такъ много, окончилась, благодаря оплошности генерала Фезе, безъ всякихъ послѣдствій. А между тѣмъ, это обстоятельство, быть можетъ, и затянуло войну еще на 22 года и стоило намъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лишнихъ жертвъ.

Во время лагерной стоянки при Бетлинской горѣ, продолжалась подвозка провіанта, разработка дорогъ и укомплектованіе частей войскъ нижними чинами, взамѣнъ выбывшихъ изъ строя. Отъ Апшеронскаго полка прислано на пополненіе убыли въ ротахъ 350 обученныхъ рекрутъ, при 35 старослужащихъ, и сборная рота въ 136 человѣкъ. Но въ баталіонахъ все-таки чувствовался большой недостатокъ въ штабъ- и оберъ-офицерахъ; такъ: изъ вышедшихъ въ походъ 4-хъ штабъ-офицеровъ осталось только 2 — маіоръ Педяшъ и Фуксъ; храбрый маіоръ Шнитниковъ умеръ отъ раны, а подполковникъ Карцовъ умеръ въ Хунзахѣ, изъ 35 же оберъ-офицеровъ выбыло изъ строя 9. По укомплектованіи баталіоновъ, Апшеронцы отправились изъ лагеря при Бетлинской горѣ въ Хунзахъ, для окончанія всѣхъ построекъ по укрѣпленію цитадели; остальныя части отряда занялись проложеніемъ прямой дороги изъ Шуры въ Хунзахъ и возведеніемъ укрѣпленій на рѣкѣ Казикумухскомъ Койсу, около селенія Зыряны, гдѣ предполагалось также устроить мостъ. Выпутавшись изъ бѣды, Шамиль оставилъ Тилитль и отправился на жительство въ селеніе Чиркатъ, откуда внимательно слѣдилъ за всѣми дѣйствіями нашихъ войскъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени дачи обѣщанія жить спокойно, какъ имамъ уже обнаружилъ непріязненныя дѣйствія. Предполагая, что отрядъ нашъ двигается къ с. Ората, Шамиль разослалъ воззванія ко всѣмъ койсубулинцамъ, убѣждая ихъ вооружиться на защиту названнаго пункта.

Вечеромъ, 24-го августа, почти весь дѣйствующій отрядъ собрался на хребтѣ Арактау, а на другой день утромъ уже стоялъ въ виду селеній Ората и Хараки. Какъ только жители ихъ замѣтили появленіе русскихъ войскъ, то немедленно заняли всѣ впереди лежащіе гребни и овраги, чтобы не допустить отряда до своихъ селеній. Завязалась довольно жаркая, но непродолжительная перестрѣлка; когда кавалерія авангарда, поддержанная пѣхотой, атаковала горцевъ, то они обратились въ безпорядочное бѣгство. 26-го августа приступлено было къ разрушенію Ората и Хараки; но обитатели послѣдняго, видя неминуемую его гибель, поспѣшили изъявить полную покорность, и такимъ образомъ разгромъ постигъ только перваго селенія. Участь Ората и воззванія генералъ-маіора Фезе возымѣли свое дѣйствіе, и въ нашъ лагерь явились, для изъявленія покорности, старшины с с. Хамашу, Средняго Харадериха, Коло, Хиндаха, Тлоха и др. По принятіи покорности отъ жителей, Фезе двинулся съ отрядомъ обратно къ гор. Арактау, и у подошвы ея расположился лагеремъ. Отсюда отрядъ направился къ сел. Карату, гдѣ собрались депутаты отъ с.с. Инхоли, Рицитля, Хидатля, Муку и др.; они присягнули на вѣрность нашему правительству и выдали аманатовъ. Такимъ образомъ, весь Сѣверный Дагестанъ изъявилъ покорность, и, въ виду окончанія экспедиціи, отрядъ двинулся обратно въ Шуру. Въ Хунзахѣ остался 4-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ командою маіора Педяша, а въ Зырянахъ — 2 Апшеронскія роты, съ капитаномъ Тарасевичемъ. Цитадели въ Хунзахѣ и Зырянахъ были снабжены провіантомъ: первая на 7, а послѣдняя на три мѣсяца. 8-го сентября остальныя части Апшеронскаго полка возвратились въ Шуру. Черезъ нѣсколько дней 7 ротъ Апшеронцевъ выступили въ Кубинскую провинцію, гдѣ начались волненія. Впрочемъ, усмиреніе этой провинціи произошло мирнымъ путемъ; но роты временно оставлены были въ Кубѣ и возвратились въ Шуру только въ концѣ октября.

За военныя отличія въ 1837 году получены слѣдующія награды: командиръ полка подполковникъ Поповъ 7-й произведенъ въ полковники; ордена св. Георгія 4 ст.: маіоръ Педяшъ и штабсъ-капитанъ Вагнеръ; ордена св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ: маіоръ Смолинъ, капитанъ Костырко, штабсъ-капитаны Ктитаревъ и Лысенко, подпоручикъ Калистратовъ и прапорщикъ Спиридовичъ; св. Анны 3 ст.: штабсъ-капитанъ Ермолаевъ и поручикъ Трофимовъ; св. Анны 4 ст. съ надписью: «за храбрость»: поручики: Еременко, Хорошиловъ 3-й, Безруковъ, Коняевъ, Кондратовичъ, Колышко 1-й, Лункевичъ, Гулевичъ, Мордмиловичъ, Поповъ, Скворцовъ, Левашовъ 2-й и Пургасовъ; подпоручики: Бадридзевъ, Мироновъ, Гавриленковъ и Никитинъ; получили чины: подполковника — маіоръ Фуксъ; маіора: капитаны Тарасевичъ, Хорошиловъ 1-й, Вагнеръ и Костырко; капитана—штабсъ-капитанъ Томилинъ, штабсъ-капитана — поручикъ Евдокимовъ, кромѣ того, онъ же получилъ 1.600 руб. единовременнаго пособія; поручика — подпоручикъ Калистратовъ. Монаршее благоволеніе — маіоръ Костырко и капитанъ Барановскій; произведены въ прапорщики—подпрапорщики Зиминъ и Лузановъ; унтеръ-офицеры — Тимофеевъ, Герасимовъ, Виноградскій 1-й, Виноградскій 2-й, Павловъ, Дуброво и Радошковскій; унтеръ-офицеры: Абаимцевъ и Хитрово. Высочайше повелѣно произвести въ унтеръ-офицеры: рядовыхъ Эльникова, Крылова, Мацкевича, Хрулева, Пилецкаго, Товбича, Ильмичевскаго, Поздюнина, Яворскаго, Хмужинскаго, Гилевича, Ревковскаго и Пилязовскаго.

Получили знаки отличія Военнаго ордена: вторую треть прибавочной пенсіи по знаку отличія Военнаго ордена — фельдфебель Поповъ. Съ Высочайшей воли именныхъ знаковъ за взятіе Ахульго назначено въ 4-й баталіонъ 12; въ 4-й гренадерской ротѣ получили: унтеръ-офицеръ Василій Матвѣевъ; рядовые Григорій Карповъ, Евстафій Григорьевъ и Титъ Жидковъ; 10-й мушкетерской роты: унтеръ-офицеръ Иванъ Исавинъ; рядовые Максимъ Споровъ и Трофимъ Безносовъ; 11-й мушкетерской роты: каптенармусъ Назаръ Трофимовъ; рядовые Яковъ Васильевъ и Игнатъ Трусовъ; 12-й мушкетерской унтеръ-офицеръ Павелъ Елизаровъ; рядовые Яковъ Аѳанасьевъ и Михей Ивановъ.

Въ остальныхъ баталіонахъ именные знаки получили: подпрапорщики Иванъ Дьяковъ и Константинъ Квятковскій; фельдфебеля—Ефремъ Румянцевъ и Михаилъ Рословцевъ; унтеръ-офицеры — Левъ Ракитинъ, Ѳедоръ Шерпановъ, Яковъ Ячменниковъ, Егоръ Герасимовъ, Ефимъ Вознюкъ, Иванъ Мельниковъ, Лукьянъ Руденко, Ѳедоръ Гордѣевъ, Ѳадей Андреевъ, Филиппъ Михайловъ, Данилъ Летвиновъ, Трофимъ Шеповаловъ и Иванъ Матузинъ; рядовые: Филиппъ Шляпошниковъ, Осипъ Новиковъ, Иванъ Кононовъ, Иванъ Черновъ, Филиппъ Луенко, Панфилъ Кульпинъ, Магометъ Заитовъ, Семенъ Ѳедотовъ, Назаръ Даниловъ, Сергѣй Никифоровъ, Игнатъ Васьмачка, Мартынъ Линцовъ, Павелъ Осиповъ, Степанъ Борищенко, Фелюсъ Саековскій и Савелій Пинявскій.

Кромѣ того въ баталіоны назначено 37 знаковъ, которые по выбору нижнихъ чиновъ розданы въ ротахъ; ихъ получили: унтеръ-офицеры Панкратъ Бунтовъ, Иванъ Тулузановъ, Пантилей Валовъ, Иванъ Дмитріевъ, Кузьма Анисовъ, Алексѣй Яковлевъ, Василій Храмовъ, Ѳедоръ Павловъ, каптенармусъ Сила Кровенко; рядовые — Иванъ Никитинъ, Семенъ Васильевъ, Михаилъ Ивановъ, Антонъ Сербинъ, Ѳедоръ Аѳанасьевъ, Иванъ Сохомлинъ, Антонъ Ефимовъ. Иванъ Потаповъ, Василій Соковъ, Андрей Михайловъ, Трофимъ Шевченко, Степанъ Владиміровъ, Ѳока Степановъ, Станиславъ Курчевскій, Игнатъ Петровъ, Антонъ Фетюшкинъ, Леонтій Гнимщиковъ, Петръ Смыковъ, Кузьма Сластухинъ, Петръ Ѳедоровъ, Абдулъ Ханравъ, Петръ Малакановъ, Адольфъ Гаворскій, Михаилъ Егоровъ, Илья Чаузовъ и Анисимъ Бугронъ[15]; фельдфебель Иванъ Веденѣевъ и рядовой Иванъ Рязановъ — вторыя трети прибавочной пенсіи по знаку отличія Военнаго ордена; 4-й степени (1-я треть прибавочной пенсіи) рядовой Андрей Усановъ. Рядовые изъ разжалованныхъ безъ выслуги: Николай Рязановъ, Николай Дуброво и Платонъ Антоновичъ, послѣдній изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета, лишенный дворянскаго достоинства за участіе въ тайномъ обществѣ Сунгурова — всѣ трое, по Высочайшей волѣ, получили званіе унтеръ-офицеровъ.

---

[15]) Дѣло № 258. Особ. Отд. Арх. Кавк. Окр. Шт.

Глава Двадцать Шестая.

Положеніе дѣлъ въ горахъ.— Совѣщанія старшинъ. – Рѣшенія, принятыя старшинами.— Сформированіе въ Шурѣ отряда.— Назначеніе его.— Непріязненныя отношенія между генералами Фезе и Клугенау.— Новый корпусный командиръ.— Приготовленія къ экспедиціи въ вольныя общества Дербентскаго округа.— Порядокъ экспедиціи.— Предполагаемыя въ Дагестанѣ работы.— Сраженія съ 4-го по 8-е мая у Аджіахуръ.— Подвиги ротъ Апшеронскаго полка.— Изъявленіе вольными обществами покорности.— Движеніе отряда въ Аварію.— Пораженіе мюридовъ у Бакули-Сивуха.— Выступленіе въ Кубинскую провинцію.— Возвращеніе ротъ въ Шуру.— Пожалованіе полку Александровскихъ лентъ на знамена и старшинства съ 1700 года.— Награды.

Вскорѣ послѣ ухода нашихъ войскъ изъ Аваріи, имамъ сталъ изыскивать способы для истребленія гарнизоновъ Хунзахскаго и Зырянскаго укрѣпленій. Въ Балаканахъ, по почину Шамиля, происходило собраніе старшинъ ауловъ Балаканъ, Кудуха и друг., на которомъ обсуждались предварительныя мѣры для военныхъ дѣйствій. Получивъ извѣстіе о происходившихъ совѣщаніяхъ старшинъ, корпусный командиръ, баронъ Розенъ, немедленно предписалъ генералъ-маіору Реуту направить изъ Кубинской провинціи въ Шуру 7 ротъ Апшеронцевъ, для поддержанія, въ случаѣ надобности, гарнизоновъ Хунзаха и Зырянъ. Вскорѣ послѣ того, комендантъ Хунзахской цитадели, подполковникъ Педяшъ, донесъ о волненіи среди койсубулинцевъ. Между тѣмъ, въ Кудухѣ состоялось второе собраніе старшинъ, въ которомъ приняли участіе гимринцы, ирганайцы, ашальтинцы, араканцы, гумбетовцы и андійцы. По общему соглашенію на этомъ собраніи рѣшено: всѣми средствами оказывать русскимъ противодѣйствіе въ дѣлѣ покоренія ими края, и, между прочимъ, съ началомъ весны напасть на укрѣпленіе Зыряны, истребить его гарнизонъ, отсюда двинуться и поднять народъ въ Аварію и, захвативъ Хунзахскую цитадель, уничтожить ея гарнизонъ. Принятыя непріятелемъ мѣры, въ связи съ коварнымъ и явно-враждебнымъ отношеніемъ къ русскимъ жителей Аваріи и даже хунзахцевъ, могли повести къ весьма прискорбнымъ для насъ событіямъ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ дѣломъ руководилъ такой дѣятельный и неугомонный вождь, какъ Шамиль. Чтобы имѣть возможность, въ случаѣ возстанія, подать руку помощи нашимъ гарнизонамъ, командиръ Кавказскаго корпуса предписалъ генералу Клугенау сформировать и собрать къ 1-му апрѣля въ Шурѣ отрядъ изъ 13-ти ротъ Апшеронскаго и двухъ сотенъ Донскаго казачьяго № 22 полковъ и присоединить къ нимъ возможно большее число орудій. Къ указанному времени сюда прибывалъ изъ Кубы 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ командою подполковника Фукса[1]). Между тѣмъ, посланные для выясненія всего происходившаго въ Сѣверномъ Дагестанѣ подпоручикъ Бибиковъ и штабсъ-капитанъ князь Сумбатовъ, къ сожалѣнію, никакихъ волненій не замѣтили и донесли барону Розену, яко-бы въ Дагестанѣ «все обстоитъ благополучно». На сколько эти донесенія были

---

[1]) 3-я рота этого баталіона возвратилась въ Шуру еще въ концѣ января.

правдоподобны, показало будущее. Нельзя здѣсь не отмѣтить одного весьма прискорбнаго явленія, не разъ имѣвшаго для насъ довольно невыгодныя послѣдствія: это — натянутости между генералъ-маіорами Фезе и Клугенау: въ силу такихъ, чисто личныхъ отношеній, весьма часто смѣшиваемыхъ съ служебными, каждое донесеніе генерала Клугенау о положеніи дѣлъ въ горахъ, Фезе опровергалъ и обвинялъ командующаго войсками Сѣвернаго Дагестана въ преувеличеніяхъ и даже совершенно напрасныхъ опасеніяхъ. Благодаря такому обстоятельству, баронъ Розенъ былъ введенъ въ заблужденіе и въ своемъ представленіи военному министру подтверждалъ о совершенномъ спокойствіи въ Нагорномъ Дагестанѣ; происходившія же сборища горцевъ, со словъ неопытнаго и дѣйствовавшаго не самостоятельно подпоручика Бибикова, объяснялъ «желаніемъ горцевъ строить мостъ у Зырянскаго укрѣпленія» [2].

Въ мартѣ мѣсяцѣ на Кавказъ прибылъ новый корпусный командиръ генералъ-лейтенантъ Головинъ, который отмѣнилъ предположенную экспедицію въ Нагорный Дагестанъ, какъ преждевременную. По его мнѣнію, гораздо важнѣе было немедленно подавить волненіе въ нѣкоторыхъ верхнихъ обществахъ Дербентскаго округа, а именно, въ вольныхъ обществахъ Рутульскомъ, Алтыпаринскомъ и Докуспаринскомъ и наказать жителей за участіе въ мятежѣ въ Кубинской провинціи въ 1837 году. Исполненіе новаго предпріятія возложено было на Фезе (уже генералъ-лейтенанта), который обязывался позаботиться о своевременномъ сборѣ войскъ и всѣхъ необходимыхъ для экспедиціи приготовленіяхъ.

Въ числѣ другихъ войскъ, въ составъ отряда вошли также и два баталіона Апшеронцевъ. Согласно указанія генерала Головина, отрядъ долженъ былъ состоять изъ 5-ти баталіоновъ, артиллеріи и кавалеріи [3].

Двинувшись съ войсками къ вышеназваннымъ вольнымъ обществамъ, генералъ Фезе потребовалъ отъ жителей взноса числящихся за ними недоимокъ и выдачи всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ возстанію въ Кубинской провинціи. По окончаніи экспедиціи, отрядъ направлялся въ Дербентъ, а оттуда въ общества: Табасаранское, Даргинское, Кубачинское и Сюргинское, для окончательнаго возстановленія и тамъ порядка. По исполненіи первыхъ двухъ экспедицій, представлявшихъ собою первый періодъ дѣйствій 1838 года въ Дагестанѣ, генералъ-лейтенантъ Фезе приступалъ къ дѣйствіямъ втораго періода, заключавшимся въ слѣдующемъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Восточномъ или Приморскомъ Дагестанѣ, отрядъ направлялся въ Шуру, чтобы заняться: 1) доставленіемъ въ Хунзахскую цитадель продовольственныхъ припасовъ, по крайней мѣрѣ, до 1-го іюля 1839 года; 2) обезпеченіемъ его гарнизона дровами и всѣми другими потребностями; 3) увеличеніемъ и укрѣпленіемъ Хунзаха до такой степени, чтобы онъ могъ служить складочнымъ пунктомъ при дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ; 4) постройкою прочнаго моста черезъ Казикумухское Койсу у аула Зыряны и возведеніемъ здѣсь мостоваго укрѣпленія; 5) улучшеніемъ дороги изъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Зырянамъ, а отсюда къ Хунзаху, чтобы, такимъ образомъ, достигнуть возможности быстраго и вѣрнаго сообщенія съ гарнизономъ цитадели. Въ виду того, что во второмъ періодѣ дѣйствій съ Дагестанѣ предстояли преимущественно весьма трудныя работы, командиръ корпуса разрѣшилъ вытребовать въ помощь войскамъ, находившимся въ Дагестанѣ, еще одинъ баталіонъ съ Сунженской линіи.

Въ началѣ апрѣля, генералъ Фезе прибылъ въ городъ Кубу. Послѣ ближайшаго ознакомленія съ мѣстностью, онъ избралъ складочнымъ пунктомъ для продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ аулъ Хазры, въ 60-ти верстахъ отъ города Кубы, по дорогѣ въ верхнія

[2] Дѣло № 12. 2-го отд. Генеральнаго Штаба. Архивъ Кавказскаго Окр. Шт.

[3] Сколько именно входило въ составъ отряда артиллеріи и кавалеріи—неизвѣстно.

общества, куда предполагалась экспедиція. Распорядившись о томъ, чтобы въ Хазры немедленно направились 3 баталіона, и приказавъ приступить къ перевозкѣ туда всѣхъ необходимыхъ припасовъ, Фезе, 25-го апрѣля, выѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, для выясненія на мѣстѣ состоянія дѣлъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ и всѣхъ предварительныхъ распоряженій для предназначенныхъ въ этомъ краѣ предпріятій. Изъ Шуры генералъ Фезе направился въ укрѣпленіе Зыряны, гдѣ происходили работы по устройству паромной переправы, впредь до постройки капитальнаго моста. Для прикрытія работъ и защиты переправы, генералъ Фезе распорядился возведеніемъ новаго укрѣпленія, которое вмѣстѣ съ тѣмъ должно было служить усиленіемъ Зырянскому укрѣпленію, составлявшему промежуточный пунктъ между Хунзахомъ и Шурой. Сначала на всѣ эти работы предназначались исключительно части Апшеронскаго полка; но когда генералъ-лейтенантъ Фезе получилъ извѣстіе объ усиливавшихся волненіяхъ въ верхнихъ обществахъ Дербентскаго округа, то приказалъ оставить для работъ только пять ротъ Апшеронцевъ, а въ помощь имъ и для прикрытія рабочихъ вытребовалъ съ линіи баталіонъ Куринскаго полка и 50 линейныхъ казаковъ. Кромѣ того, онъ приказалъ немедленно начать перевозку изъ Шуры къ Зырянамъ провіанта и боевыхъ припасовъ для Зырянскаго и Хунзахскаго гарнизоновъ. Возвратившись въ Шуру, Фезе направилъ въ Хазры 1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ и 4 горные единорога, для увеличенія же боевой численности отряда, собраны были Казикумухская и Кюринская милиціи; изъ нихъ первая направилась къ верховьямъ р. Самура, чтобы отсюда угрожать Рутульскому магалу, а послѣдняя—присоединилась къ отряду у аула Хазры.

Одновременно, для облегченія Дагестанскому отряду исполненія предпріятія, въ Джарской области сформированъ былъ отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ, 250 милиціонеровъ и 4-хъ горныхъ единороговъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Севарсемидзе, сосредоточившійся къ 18-му мая, у аула Мухахъ, для наступленія въ верхнія общества. Узнавъ о готовящейся экспедиціи, жители этихъ обществъ положили защищаться до послѣдней крайности. Въ половинѣ мая въ аулѣ Миркрахъ собралось значительное скопище горцевъ, которое и поджидало здѣсь наши войска. Но видя, что русскіе не выступаютъ изъ Хазровъ, скопище разошлось, оставивъ у моста между аулами Миркрахъ и Кара-Кюре, для устройства заваловъ, 300 человѣкъ. Однако, несмотря на принятое угрожающее положеніе, обитатели верхнихъ магаловъ, отлично сознавая всю ничтожность своихъ средствъ для борьбы съ нашими войсками, отправили къ генералу Фезе депутатовъ съ заявленіемъ, что, въ случаѣ движенія къ нимъ отряда, они драться не будутъ и уйдутъ въ глубь горъ. Когда командиръ корпуса узналъ о такомъ заявленіи, то, желая покончить все мирнымъ путемъ, предписалъ генералу Фезе предложить рутульцамъ, ахтынцамъ, алтыпаринцамъ и жителямъ другихъ обществъ слѣдующія условія: 1) принять къ себѣ правителями или наибами преданныхъ намъ людей; 2) платить такую дань, какую найдетъ возможнымъ взимать съ жителей назначенный къ нимъ наибъ; 3) жители должны прислать въ Тифлисъ депутатовъ для изъявленія покорности Государю Императору; 4) предложить жителямъ дать для службы въ милиціи нѣсколько всадниковъ, и 5) чтобы, согласно раньше данному обѣщанію, они выдали одного изъ зачинщиковъ бывшаго въ Кубинской провинціи возмущенія. Однако, предполагая даже самый мирный исходъ, генералъ Фезе долженъ былъ предпринять движеніе вверхъ по р. Самуру, для обозрѣнія мѣстности.

Всѣ заявленія жителей верхнихъ обществъ о покорности и о своей слабости имѣли цѣлью только выигрышъ во времени, чтобы собраться затѣмъ въ возможно большемъ числѣ для сопротивленія, что и выяснилось при началѣ движенія отряда. На разсвѣтѣ, 2-го іюня, генералъ Фезе выступилъ вверхъ по р. Самуру, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ

1-го и 2-го баталіоновъ Апшеронцевъ, 3-хъ баталіоновъ графа Варшавскаго полка (Ширванскаго), 2-хъ сотенъ Донскихъ казаковъ, 5-ти полевыхъ и 6-ти горныхъ орудій. Для прикрытія вагенбурга въ Хазрахъ оставлена одна рота, сборная команда со всѣхъ ротъ отряда и 3 полевыхъ орудія.

3-го числа войска пришли въ урочище Аджіахуръ, гдѣ между высокими и отвѣсными скалами дорога превращается въ узкую тропинку; впереди виднѣлась весьма сильная непріятельская позиція; здѣсь горцы устроили нѣсколько линій окоповъ и заваловъ, за которыми во множествѣ и расположились. Позиція горцевъ правымъ флангомъ упиралась въ утесистую вершину Каракюрской горы, а лѣвымъ флангомъ примыкала къ р. Самуру, въ описываемое время непроходимому, вслѣдствіе разлива. Не смотря на всю видимую неприступность позиціи, генералъ Фезе рѣшилъ немедленно штурмовать ее, для чего назначилъ два баталіона (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ) и спѣшенныхъ казаковъ, причемъ главная атака направлена была на лѣвый флангъ горцевъ. Стремительно полѣзли Апшеронцы и Графцы на горы и, не смотря на сильный непріятельскій огонь изъ заваловъ и бросаемые сверху обломки скалъ, подвигались впередъ безъ выстрѣла. Добравшись до линіи окоповъ, баталіоны ударили въ штыки и шагъ за шагомъ вытѣсняли непріятеля изъ-за заваловъ. Получивъ подкрѣпленіе, горцы неоднократно съ остервенѣньемъ бросались на нашу пѣхоту, чтобы взять обратно отбитые завалы, но, опрокидываемые штыками, они принуждены были отступить и выбрали себѣ новую позицію на противоположной высотѣ. На разсвѣтѣ, 4-го мая, непріятель, подкрѣпленный вновь прибывшими толпами, атаковалъ нашъ лѣвый флангъ (бывшую свою позицію), стараясь охватить его черезъ утесистую вершину Каракюринской горы. Но атака была блистательно отбита, послѣ чего Апшеронцы и Графцы, на плечахъ непріятеля, ворвались въ завалы второй позиціи, штыками выбили изъ нея горцевъ и обратили ихъ въ бѣгство. Объятый ужасомъ, непріятель бѣжалъ къ аулу Кара-Кюри и вверхъ по долинѣ р. Самура, преслѣдуемый на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Около полудня, когда сраженіе казалось уже совершенно оконченнымъ, непріятель, подкрѣпленный прибывшими партіями, опять перешелъ въ наступленіе и съ новой яростью атаковалъ отрядъ. Въ это время численность горцевъ, предводительствуемыхъ Ага-Бекомъ Рутульскимъ и Шейхомъ-Мулла Ахтынскимъ, доходила до 4,000 человѣкъ. Остатокъ дня и всю ночь продолжалась битва; горцы съ ожесточеніемъ нѣсколько разъ бросались въ шашки; но всѣ атаки ихъ, благодаря изумительной стойкости нашихъ баталіоновъ, были отбиты. Потерпѣвъ полную неудачу, понеся большія потери, скопище отступило. Однако и намъ побѣда досталась весьма дорого: за два дня почти непрерывнаго боя выбыло изъ строя: оберъ-офицеровъ — убитыми 2, ранеными 3 и нижнихъ чиновъ — убитыми 47, ранеными 71 и контуженными 29. У Апшеронцевъ были *убиты прапорщики Барсовъ и Рубецъ и 38 нижнихъ чиновъ*; *ранены*: *подпоручики Домбровскій* (умеръ отъ раны) *и Бадридзе и 62 нижнихъ чина*; *контужено 28 человѣкъ* [4].

Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ генералъ Фезе съ похвалою отзывается о маіорѣ Фуксѣ, штабсъ-капитанахъ Ктитаревѣ и Лысенко, «которыхъ особенная храбрость и распорядительность заставляли обращать на себя вниманіе».

Занятіе такого важнаго пункта, какъ Аджіахурское дефиле, явившееся слѣдствіемъ пораженія горцевъ 3-го и 4-го числа, произвело столь сильное впечатлѣніе на возмутившееся населеніе, что утромъ, 5-го числа, къ начальнику отряда прибыли депутаты съ письмомъ отъ всѣхъ обществъ, въ которомъ они, «во имя Іисуса Христа и Государя Импе-

---

4) Дѣло № 25, 2 отд. Гл. Шт. Арх. Кавк. Окр. Шт.

ратора», просили пощады. Но въ это время къ горцамъ подошли новыя подкрѣпленія, увеличившія ихъ численность до 7-ми тысячъ, и это обстоятельство мгновенно совершенно измѣнило намѣренія противника, возымѣвшаго надежду побѣдить русскихъ. Горцы возобновили перестрѣлку и послали большую партію кругомъ Каракюринской горы въ обходъ лѣваго фланга отряда. Когда обходная непріятельская партія, въ 6 часовъ утра, 6-го іюня, показалась въ тылу расположенія лагеря, то всѣ остальныя толпы атаковали отрядъ со всѣхъ сторонъ, причемъ всѣ ихъ усилія обращены были на правый флангъ, дабы отвлечь наше вниманіе отъ лѣваго. Въ виду случившагося, генералъ Фезе послалъ изъ резерва подкрѣпленіе на лѣвый флангъ, принудившее зашедшихъ въ тылъ горцевъ къ отступленію; всѣ же нападенія съ фронта были отбиты. Ночью съ 6-го на 7-е мая, непріятель возобновилъ атаки и все на тотъ же лѣвый флангъ, гдѣ стояли Апшеронцы и Графцы; другая большая партія бросилась на центръ нашей позиціи, съ цѣлью прорвать его. И на этотъ разъ на всѣхъ пунктахъ горцы были отбиты и принуждены отступить. Когда, 7-го числа, закончилась разработка дороги, ведущей въ ущелье, то непріятель, видя, что теперь не существуетъ уже преграды для дальнѣйшаго наступательнаго движенія отряда, вторично прислалъ съ изъявленіемъ совершенной покорности всѣхъ 4-хъ обществъ (Рутульскаго, Алтыпаринскаго, Ахтынскаго и Докуспаринскаго) депутатовъ, которые, въ виду собравшагося народа, дали клятвенное завѣреніе въ томъ, что всѣ 4 общества будутъ исполнять требованія правительства и повиноваться назначенному къ нимъ наибу, послѣ чего обратились съ просьбой о разрѣшеніи убрать своихъ убитыхъ односельчанъ, для погребенія ихъ дома, что имъ и было позволено.

Послѣ того огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился; горцы частью разошлись по домамъ, частью же занялись уборкою тѣлъ. Оказалось, что потеря непріятеля за пять дней военныхъ дѣйствій простиралась до 300 человѣкъ одними убитыми, между которыми находилось много почетныхъ лицъ. Уронъ отряда съ 5-го по 8-е число заключался въ 16-ти убитыхъ и 25-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ (изъ этого числа Апшеронскаго полка 16-ть убитыхъ и 4 ранено). «Благодаря стойкости и хладнокровной храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ, продолжавшихся безпрерывно день и ночь съ 5-го по 8-е, пѣхотою и спѣшившимися казаками командуемаго мною отряда, превышающимъ всякую похвалу, я всецѣло имъ приписываю побѣду надъ многочисленнымъ непріятелемъ», писалъ генералъ Фезе въ своемъ донесеніи командиру корпуса[5].

«Изъ частей отряда, бывшихъ въ дѣйствіи, особенно отличились Апшеронскаго полка 1-я гренадерская, 1-я и 4-я мушкетерскія роты, которыя, взявъ приступомъ самыя неприступныя укрѣпленныя мѣста, потомъ удержали ихъ за собою, не смотря на денныя и ночныя нападенія непріятеля; находились съ 3-го по 8-е число безпрерывно подъ непріятельскимъ огнемъ на высотахъ и въ скалахъ, гдѣ за неимѣніемъ дровъ, во все это время пищу варить нельзя было»[6].

8-го іюня, по принятіи отъ горцевъ присяги, отрядъ двинулся обратно въ Хазры, куда и прибылъ 9-го числа, не тревожимый по пути слѣдованія. Считая экспедицію оконченной, генералъ-лейтенантъ Фезе направился съ отрядомъ изъ Хазровъ къ городу Кубѣ, потому что волненіе, вызванное наборомъ всадниковъ въ Кубинской провинціи, требовало присутствія тамъ войскъ. 14-го числа отрядъ, уничтоживъ временное укрѣпленіе въ Хазрахъ, выступилъ отсюда и, придя къ урочищу Кусары (Новая Куба), расположился здѣсь лагеремъ.

---

[5]) Донесеніе № 3. Дѣло № 25. 2 Отд. Ген. Шт. Архивъ Кавк. Окр. Шт.
[6]) Тамъ-же. Донесеніе № 39.

Хотя въ Дагестанѣ, повидимому, и было спокойно, но уже имѣлись несомнѣнные признаки приближающейся грозы. Шамиль, съ помощью ашальтинцевъ, гумбетовцевъ, жителей Чирката и другихъ ауловъ, неподалеку отъ разореннаго замка Ахульго, построилъ новый, укрѣпилъ его гораздо сильнѣе стараго и жилъ въ немъ вмѣстѣ съ 200 мюридовъ. Это обстоятельство, въ связи съ явной непокорностью нѣкоторыхъ койсубулинскихъ ауловъ, ясно указывало, что задача 2-го періода предпріятія въ Дагестанѣ не пройдетъ спокойно и слѣдуетъ ожидать военныхъ дѣйствій Шамиля во всей его прежней силѣ.

Въ концѣ мая, начальство надъ войсками, собранными въ Сѣверномъ Дагестанѣ, принялъ командиръ 1-й бригады 19-й дивизіи генералъ-маіоръ Лачиновъ. Отрядъ состоялъ изъ 3-й и 5-й гренадерскихъ, 7-й, 8-й и 15-й мушкетерскихъ ротъ Апшеронскаго и баталіона Куринскаго полковъ, команды Донскихъ и Линейныхъ казаковъ и 3-хъ горныхъ единороговъ 2-й резервной роты 19-й артиллерійской бригады. 5 ротъ Апшеронцевъ назначались исключительно для военныхъ дѣйствій. На обязанность этого отряда возлагалось: 1) постройка прочнаго моста черезъ р. Казикумухское-Койсу и возведеніе здѣсь двойнаго предмостнаго укрѣпленія; 2) доставка продовольствія въ Зыряны для Хунзахскаго гарнизона и для отряда, которому предстояло дѣйствовать въ Нагорномъ Дагестанѣ въ теченіе лѣта и осени этого года; 3) перевозка въ Зыряны крѣпостныхъ орудій и снарядовъ и 4) исправленіе дороги черезъ Койсубулинскій хребетъ до Хунзаха. Кромѣ того, генералъ Лачиновъ долженъ былъ удерживать въ спокойствіи жителей Сѣвернаго Дагестана до прибытія туда главнаго дѣйствующаго отряда.

Работы велись весьма дѣятельно и къ концу іюня уже приходили къ концу, а именно: переправа у р. Койсу была готова и производилась съ помощью хорошо устроеннаго парома, подымавшаго до 50-ти человѣкъ за-разъ; всѣ необходимые матеріалы для устройства капитальнаго моста свезены; новыя укрѣпленія у Зырянъ почти окончены; для продовольствія хунзахскаго гарнизона и отряда доставлено въ Зыряны 1.370 четвертей сухарей и 90 четвертей крупы; въ самомъ Хунзахѣ имѣлось 603 четверти сухарей и 80 четвертей крупы, что, вмѣстѣ съ привезеннымъ въ Зыряны, составляло годовую пропорцію гарнизона. Между тѣмъ, Шамиль окончилъ постройку замка Новаго Ахульго и разослалъ воззванія во всѣ койсубулинскія, гумбетовскія и другія общества Нагорнаго Дагестана. Однако, горцы оставались пока спокойны, за исключеніемъ койсубулинцевъ и гумбетовцевъ, уже окончательно рѣшившихъ перейти на сторону имама. Въ Чечнѣ, въ особенности въ Ичкеріи, дѣйствовали въ пользу Шамиля Уди-Мулла и Ташевъ-Хаджи, стараясь вызвать въ народѣ возмущеніе. Поэтому генералъ Фезе предписалъ Лачинову, въ случаѣ таковаго, немедленно двинуться съ отрядомъ къ Міатлинской переправѣ, гдѣ и остановиться въ ожиданіи послѣдующихъ событій. Когда кр. Старая Куба приведена была въ надлежащее оборонительное состояніе, то отрядъ, 4-го іюля, выступилъ въ Сѣверный Дагестанъ изъ лагеря при урочищѣ Кусарахъ. Проходя черезъ Табасарань и Кайтахъ, генералъ-лейтенантъ Фезе разсылалъ воззванія къ народу съ приглашеніемъ жить мирно. Положеніе дѣлъ въ Нагорномъ Дагестанѣ, усиленіе Шамиля, отложеніе нѣкоторыхъ обществъ и постройка Новаго Ахульго — все это не позволяло намъ принимать болѣе рѣшительныхъ дѣйствій въ Табасарани и Кайтахѣ, ибо это могло отвлечь отрядъ отъ предстоявшихъ важныхъ предпріятій въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Впрочемъ, обстоятельства складывались въ нашу пользу: у Дербента явились въ отрядъ депутаты вольной Табасарани съ изъявленіемъ своей преданности нашему правительству, а 12-го іюля, когда отрядъ подошелъ къ селенію Великентъ, сюда собрались 18 депутатовъ и изъявили покорность отъ лица всѣхъ обществъ вольнаго Каракайтаха. Генералъ Фезе, принявъ отъ жителей эти заявленія, назначилъ къ нимъ наибомъ,

штабсъ-капитана Джамовъ-Бека. 16-го іюля отрядъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и отсюда 20-го числа выступилъ въ Аварію. Придя къ Зырянамъ и осмотрѣвъ вновь возведенныя укрѣпленія, Фезе остался вполнѣ доволенъ работами: все было сдѣлано прочно, изъ композиціоннаго кирпича на каменномъ фундаментѣ. Изъ Зырянъ одна рота Апшеронцевъ отправлена на Гимринскій хребетъ для рубки лѣса, а другія три остались для окончанія различныхъ построекъ и защиты укрѣпленій. Въ это время и гарнизонъ Хунзаха былъ смѣненъ 7-й, 8-й и 9-й мушкетерскими ротами Апшеронскаго полка, подъ командою маіора Костырки, а 4-й баталіонъ присоединился къ отряду.

Вступленіе русскихъ войскъ въ Аварію, какъ и слѣдовало ожидать, произвело сильный переполохъ между обществами Сѣвернаго Дагестана. Одни изъ нихъ, напр. Калаляльское, прислали депутатовъ съ увѣреніемъ въ неизмѣнной преданности; нѣкоторыя, какъ Боголяльское, Джамаляльское, Тиндинское, Хидатлинское и многія другія общества вооружились и начали собираться въ мѣстечкѣ Соно, между аулами Карата и Тлибоши, съ цѣлью противодѣйствовать русскимъ войскамъ. Когда отрядъ пришелъ въ Хунзахъ, то жители ауловъ Ашальты и Игали немедленно бросили свои аулы и, переправившись черезъ Андійское-Койсу, ушли въ Гумбетъ.

Шамиль разослалъ повсюду воззванія и призывалъ къ себѣ на помощь всѣхъ вѣрныхъ мусульманъ: и около него вскорѣ стали собираться мюриды всего Дагестана. Общество Акуша, въ особенности цудахаринцы и куппинцы, еще въ экспедицію прошлаго года ставшіе во враждебное къ намъ положеніе, теперь на общемъ собраніи поклялись вредить намъ на сколько у нихъ хватитъ силъ и средствъ. Послѣднее обстоятельство указывало на появленіе на арену войны новаго опаснаго врага, съ которымъ приходилось бороться. Казикумухцы съ нѣкотораго времени стали относиться все враждебнѣе и враждебнѣе къ русскому правительству; но, боясь открыто выказать свою непріязнь, они занимались только подстрекательствомъ къ возстанію акушинцевъ, кубинцевъ и др. 24-го іюля изъ главнаго отряда выдѣлилась особая колонна, для заготовленія дровъ хунзахскому гарнизону и выясненія, въ какое положеніе относительно насъ станутъ общества, живущія между Аваріей и Кахетіей. Колонна направилась изъ аула Танусъ прямою дорогою на хребетъ Талакари, дойдя до котораго, расположилась у аула Инкурдахъ, на западной границѣ Аваріи. Лѣсистая мѣстность около Инкурдаха позволяла заняться доставкой отсюда дровъ. Вскорѣ затѣмъ изъ Хунзаха выступила и остальная часть отряда; соединившись на горѣ Талакари, съ стоящею уже здѣсь колонною, войска расположились лагеремъ.

Воззванія Шамиля и убѣжденія мюридовъ раздѣлили жителей Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана на двѣ части, одна изъ которыхъ — меньшая — не желала войны и употребляла всѣ усилія сохранить въ странѣ миръ; другая-же — сильнѣйшая партія, съ самимъ Шамилемъ во главѣ, старалась возбудить всеобщее возстаніе въ Дагестанѣ, распуская слухи, что движеніе русскихъ войскъ въ Аварію имѣетъ цѣлью проложеніе дорогъ изъ Дагестана въ Кахетію и вслѣдъ затѣмъ покореніе всѣхъ вольныхъ обществъ. Вліянію послѣдней партіи подпали и аварцы, которые со времени постройки въ Хунзахѣ цитадели значительно къ намъ охладѣли, чему много способствовало также то обстоятельство, что гарнизонъ Хунзаха, принужденный рубить себѣ лѣсъ для топлива въ Аваріи — странѣ почти безлѣсной, пользовался также и пастбищами аварцевъ, давая за все это весьма небольшое вознагражденіе.

Враждебная намъ партія успѣла склонить къ возстанію общества Джамаляль и Тинды, которыя, собравъ большое скопище, подъ предводительствомъ Аличо-Махмы, отправили его въ аулъ Карата. Сюда-же пріѣхалъ и Шамиль со своими мюридами, такъ что весь сборъ горцевъ возросъ до 5.000 человѣкъ. Расположивъ скопище у горы Чодоты, имамъ

приказалъ усилить завалами и укрѣпленіями и безъ того сильную позицію. Генералъ Фезе считалъ безполезнымъ самому предпринять атаку горцевъ; онъ остался на мѣстѣ, ожидая или нападенія со стороны непріятеля, или разсѣянія скопища по недостатку продовольствія. 6-го августа непріятель покинулъ свою позицію, и все скопище, численностью уже въ 6.000 человѣкъ, съ 14 значками и знаменами, подъ предводительствомъ Шамиля и Аличо-Махмы, двинулось къ урочищу Бакули-Сивухъ, а оттуда на гору Арджу, съ цѣлью атаковать правый флангъ расположенія нашего отряда, причемъ на горѣ Чодота имамъ оставилъ 1.000 хидатлинцевъ. Получивъ извѣстіе о движеніи большей части скопища Шамиля по направленію къ горѣ Арджу, генералъ Фезе оставилъ у Талакари Ахметъ-Хана Мехтулинскаго съ 2-мя баталіонами пѣхоты и милиціей, для наблюденія за хидатлинцами, а самъ съ остальными войсками, раздѣленными на двѣ колонны, пошелъ на встрѣчу непріятелю. Правая колонна, подъ командою подполковника Берзуля,—изъ 6-ти ротъ (въ томъ числѣ 1-я гренадерская и 1-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка), направилась по вершинѣ горы Арджу; лѣвая,—подъ командою самаго генерала Фезе,—изъ 10-ти ротъ (въ томъ числѣ весь 2-й баталіонъ, 4-я гренадерская и 2-я мушкетерская роты Апшеронскаго полка), 150-ти всадниковъ, 2-хъ полевыхъ и 4-хъ горныхъ орудій, слѣдовала по склону горы. Непріятель, озадаченный рѣшительнымъ наступленіемъ отряда, поспѣшно отошелъ къ заваламъ, устроеннымъ у Бакули-Сивуха. По соединеніи обѣихъ колоннъ, начальникъ отряда послалъ одинъ баталіонъ для обхода позиціи горцевъ, а 5 ротъ двинулись на завалы съ фронта. Непріятель недолго держался, и вскорѣ, сбитый съ позиціи, бросился бѣжать внизъ съ горы. Преслѣдованіе продолжалось до ущелья р. Сони, гдѣ, у подошвы горы Чодота, Шамиль заранѣе выбралъ сильную позицію и приказалъ устроить здѣсь рядъ заваловъ, башенъ и каменныхъ стѣнъ; но горцы бросили и эту позицію. Авангардъ отряда расположился въ ущельи р. Сони, а главныя силы остались у урочища Бакули-Сивухъ. На слѣдующее утро (7-го августа) сильная партія мюридовъ показалась впереди аула Энхело. Угрожая правому флангу расположенія русскихъ войскъ, она, повидимому, намѣревалась при наступленіи отряда ударить намъ въ тылъ. Такое невыгодное для отряда положеніе горцевъ, заставило генерала Фезе направить противъ партіи 2 баталіона пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й баталіонъ Апшеронцевъ), съ конницей и двумя горными единорогами. Непріятель, въ числѣ 1.000 человѣкъ, занялъ узкій перешеекъ между горной плоскостью урочища Бакули-Сивухъ и аула Энхело, защищаемый большою башнею и каменною стѣною. Поддерживаемый огнемъ артиллеріи, 1-й баталіонъ Апшеронцевъ безъ выстрѣла бросился въ штыки на крѣпкую позицію горцевъ,—сбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство[7]. И такъ, почти неприступная непріятельская позиція была взята, а вслѣдъ затѣмъ аулъ Энхело съ принадлежавшими къ нему хуторами занятъ и истребленъ, а башни и стѣны разрушены до основанія. Узнавъ о пораженіи части своего скопища, Шамиль поспѣшно двинулся къ Энхело. Не желая подвергать понапрасну опасности занимавшіе аулъ два баталіона, генералъ Фезе послалъ туда изъ резерва еще два баталіона. Эта предосторожность оказалась далеко нелишней, потому что Шамиль, опоздавъ на помощь, всей массой обрушился на отступавшіе изъ Энхело баталіоны; но, несмотря на стремительныя атаки горцевъ, колонна двигалась, какъ на ученіи, и толпы непріятеля, съ большимъ для него урономъ, каждый разъ были отбиваемы русскими штыками. Тѣмъ не менѣе, непріятельскія атаки продолжались до тѣхъ поръ, пока колонна не соединилась съ главнымъ отрядомъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, горцы потеряли въ этихъ дѣлахъ до 500 человѣкъ убитыми и ранеными и, между

---

7) Дѣло № 148. 2-го отд. Генер. Штаба. Арх. Кавк. Окр. Штаба.

ними, много мюридовъ; на полѣ сраженія осталось очень много тѣлъ и оружія. Плѣнныхъ не брали, потому что горцы, не желая попадаться въ плѣнъ, дрались до послѣдней капли крови. Со стороны отряда потеря состояла изъ 16-ти убитыхъ нижнихъ чиновъ; ранены: 1 оберъ-офицеръ и 72 нижнихъ чина; изъ этого числа у Апшеронцевъ *убито 2 и ранены прапорщикъ Мироновъ (умеръ отъ раны) и 13 нижнихъ чиновъ; лошадей убито 3.*

Во время двудневнаго сраженія, стоявшіе у Чодота хидатлинцы нѣсколько разъ пытались двинуться вдоль по хребту горы, съ цѣлью атаковать наблюдательный отрядъ генерала Лачинова, но всегда безуспѣшно. Въ числѣ особенно отличившихся генералъ Фезе называетъ поручика Апшеронскаго полка Лункевича, «который, будучи со 2-й мушкетерской ротою впереди атакующихъ колоннъ, шелъ въ бой, какъ на прогулку» [8].

Пораженія, понесенныя горцами 6-го и 7-го августа, имѣли результатомъ покорность нѣкоторыхъ непріязненныхъ намъ обществъ, обратившихся къ Ахметъ-Хану-Мехтулинскому съ просьбою о посредничествѣ. Но генералъ-лейтенантъ Фезе приказалъ отвѣтить, что ни въ какіе переговоры онъ не войдетъ до тѣхъ поръ, пока скопище не разойдется и Шамиль не удалится изъ Аваріи и Койсубу. Опасаясь дальнѣйшаго и неизбѣжныхъ репрессалій со стороны русскихъ, горцы согласились на это требованіе. 9-го августа скопище, не взирая на просьбы и угрозы Шамиля, разошлось, а самъ онъ, съ 300 мюридовъ, уѣхалъ въ Чиркатъ. Въ тотъ-же день явился въ лагерь предводитель Аличо-Махма съ 23-мя депутатами изъ числа самыхъ почетныхъ людей и, отъ имени 8-ми обществъ, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ, изъявилъ покорность. Нѣкоторые изъ этихъ обществъ были до того совершенно свободныя, какъ-то: Тиндинское, Хидатлинское, Джамаляльское, Асса и Хиди; Аличо-Махма и депутаты отъ имени названныхъ обществъ приняли присягу на вѣрность.

Имѣя въ виду недавніе примѣры, генералъ Фезе не особенно полагался на присяги горцевъ: принимая въ соображеніе ихъ легкомысленность и обаяніе Шамиля, — эта присяга совсѣмъ не обезпечивала спокойствіе края. Тѣмъ не менѣе, изъявленіе покорности 8-ю обществами, хотя временно, спасало Аварію отъ непріязненныхъ сосѣдей, отнимало у Шамиля возможность на полученіе въ скоромъ времени отъ нихъ помощи и давало намъ возможность вступить въ сношеніе съ лезгинскими обществами, обитавшими на пространствѣ между Аваріей и Кахетіей.

11-го числа весь отрядъ возвратился въ Хунзахъ. Такимъ образомъ, задачи втораго періода дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ 1838 году были закончены: 1) Хунзахскій гарнизонъ обезпеченъ провіантомъ до іюля 1839 года; 2) дрова заготовлялись, и рубкою лѣса занималась большая часть отряда, независимо покупки ихъ у жителей; 3) цитадель значительно улучшена, построены новые бастіоны и каменный пороховой погребъ; 4) Зырянское укрѣпленіе было совершенно возведено и вооружено; 5) дорога отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Хунзаха продѣлана, и 6) сосѣднія съ Аваріей общества приведены къ покорности.

11-го сентября отрядъ, выйдя изъ Хунзаха, направился въ Кубинскую провинцію, и 18-го числа прибылъ въ Кубу, гдѣ и расположился лагеремъ. Вскорѣ послѣ ухода русскихъ войскъ изъ верхнихъ магаловъ Кубинской провинціи, жители забыли о данной ими такъ недавно присягѣ на вѣрность и вновь стали волноваться, стараясь приэтомъ возмутить всю Кубинскую провинцію, Кайтахъ и Табасарань; для большей же убѣдительности распускались слухи, что шахъ Персидскій объявилъ Россіи войну и съ большой арміей идетъ въ Дагестанъ. Подобные слухи, подкрѣпленные подложными письмами шаха, могли

[8]) Донесеніе № 13. Дѣло № 148. 2 отд. Генер. Шт. Арх. Кавк. Окр. Шт.

вредно повліять на умы жителей вольныхъ обществъ Дербентской провинціи. Впрочемъ, враждебныя дѣйствія Ахтынскаго, Рутульскаго и другихъ обществъ ограничивались пока выдѣленіемъ изъ среды своей небольшихъ шаекъ, занимавшихся грабежами и разбоями. Прибытіе отряда заставило жителей верхнихъ магаловъ подумать о собственной безопасности и защитѣ, и они вновь принялись укрѣплять Аджіахурскую позицію, гдѣ 3 мѣсяца тому назадъ понесли страшное пораженіе. Но сразу наступившіе холода поумѣрили воинственный пылъ вольныхъ обществъ и именно по слѣдующей причинѣ. За недостаткомъ корма въ горахъ, жители вольныхъ обществъ ежегодно отправляли свои стада на плоскость, куда и переселялись сами; рутульцы и ахтынцы сгоняли свои стада въ Шекинскую провинцію, а докуспаринцы и алтыпаринцы—въ Кубинскую. Вотъ это-то обстоятельство связывало ихъ по рукамъ, и, временно ставя въ зависимость отъ русскихъ, заставляло сидѣть спокойно. Тѣмъ не менѣе, генералъ Фезе, получивъ приказаніе отъ командира Кавказскаго корпуса, генерала Головина, начать наступательныя дѣйствія, 18-го сентября двинулся съ войсками въ вольныя общества. Отрядъ состоялъ изъ 6 ½ баталіоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго полка), 178 казаковъ, 6 полевыхъ орудій и 6 горныхъ единороговъ; кромѣ того, при немъ находились Казикумухская и Кюринская конницы. Несмотря на страшные дожди и грязь, отрядъ, 20-го числа, прибылъ въ Хазры, гдѣ и остановился, въ ожиданіи транспортовъ съ продовольствіемъ, шедшихъ изъ Дербента и Кубы. Впрочемъ, при всемъ желаніи генерала Фезе, наступленія продолжать было нельзя, вслѣдствіе сильнаго разлитія р. Самура. Съ прибытіемъ нашихъ войскъ въ Хазры, сюда начали являться депутаты отъ вольныхъ обществъ съ изъявленіемъ покорности. Основываясь на данныхъ корпуснымъ командиромъ инструкціяхъ, генералъ Фезе отправилъ депутатовъ обратно, приказавъ имъ объявить народу, что военныя дѣйствія имъ будутъ прекращены въ зависимости отъ исполненія слѣдующихъ условій со стороны обществъ: 1) Ага-Бекъ Рутульскій и 24 депутата отъ всѣхъ вольныхъ обществъ верхнихъ магаловъ должны явиться въ русскій лагерь съ изъявленіемъ покорности; 2) жители обязуются выдать самозванца Мешады-Мамеда, именовавшаго себя Кубинскимъ ханомъ, извѣстнаго возмутителя Ярь-Алія, и остальныхъ кубинскихъ бѣглецовъ и разбойниковъ; 3) кромѣ того, они должны заплатить всѣ подати и недостатки, а также вознаградить за убытки, произведенные ими во время вторженій въ Шекинскую провинцію. Сроку на размышленія дано горцамъ три дня, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ неполученія въ назначенный срокъ удовлетворительнаго отвѣта будутъ начаты наступательныя дѣйствія.

Не дождавшись транспортовъ съ продовольствіемъ, Фезе, 25-го сентября, двинулся вверхъ по р. Самуру и того же числа подошелъ къ аулу Зухула. Переправа черезъ одинъ изъ рукавовъ Самура не обошлась безъ несчастій: утонуло четыре артиллерійскихъ и одна вьючная лошадь; нѣсколько человѣкъ снесены быстрымъ теченіемъ, которые однако были спасены, благодаря неустрашимости всадниковъ Казахской милиціи. Узнавъ, что собралось у Аджіахура скопище отъ всѣхъ вольныхъ обществъ, генералъ Фезе направился сюда, и когда горцы замѣтили приближеніе отряда, то сейчасъ же выслали Ага-Бека Рутульскаго и 30 депутатовъ изъ числа почетныхъ съ изъявленіемъ безусловной покорности. Принявъ покорность отъ жителей въ лицѣ ихъ представителей, Фезе, 28-го сентября, возвратился съ войсками въ Хазры. 10-го октября отрядъ выступилъ въ Кубу, а въ Хазрахъ, для наблюденія за обывателями, оставленъ только одинъ баталіонъ, два орудія и 50 казаковъ; укрѣпленіе было исправлено и въ немъ образованъ провіантскій складъ; комендантомъ же его назначенъ Апшеронскаго полка маіоръ Фуксъ. Въ аулѣ Зіахурѣ оставленъ еще одинъ баталіонъ, командиръ котораго подчинялся маіору Фуксу.

1-й и 2-й баталіоны Апшеронцевъ, 2-го ноября, направились форсированнымъ маршемъ въ Сѣверный Дагестанъ, ибо дѣла тамъ находились далеко не въ блестящемъ состояніи.

По полученіи Шамилемъ извѣстій объ уходѣ русскихъ войскъ изъ Аваріи, его агенты немедленно начали дѣйствовать, подстрекая общество Тинды, Джамаляль и др. къ новому возстанію. Воззванія имама не остались безъ должнаго воздѣйствія на умы горцевъ, которые, собравъ большое скопище, двинулись въ Койсубу къ Шамилю. Первоначально Шамиль намѣревался наказать Унцукуль, жители коего совершенно ускользали изъ-подъ вліянія мюридовъ; но попытка открытой силой заставить унцукульцевъ повиноваться — окончилась неудачно. Тѣмъ не менѣе, скопище не разошлось и численность его съ каждымъ днемъ возрастала.

Такимъ образомъ, спокойствіе въ Сѣверномъ Дагестанѣ было нарушено, и опасное состояніе края обнаруживалось еще ощутительнѣе вслѣдствіе малочисленности нашихъ войскъ въ краѣ.

Понимая это хорошо, корпусный командиръ приказалъ сформировать, подъ начальствомъ генералъ-маіора Крюкова, на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи особый отрядъ, задачи котораго заключались въ томъ, чтобы, дѣйствуя отъ крѣпости Внезапной къ Салатавіи, Ичкеріи и Гумбету, отвлечь вниманіе Шамиля отъ Сѣвернаго Дагестана. Другой отрядъ, — изъ 6-ти ротъ Апшеронцевъ, въ вѣдѣніи генералъ-маіора Лачинова, долженъ былъ расположиться у границъ Койсубу. Но такъ какъ волненія въ Дагестанѣ съ каждымъ днемъ усиливались, то генералу Фезе предписано было немедленно отправить изъ Кубинской провинціи въ Шуру 1-й и 2-й баталіоны Апшеронскаго полка, чѣмъ увеличивались средства для обороны и поддержанія спокойствія въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Впрочемъ, на этотъ разъ вся дѣятельность Апшеронцевъ ограничилась лишь наблюденіемъ за дѣйствіями Шамиля и охраненіемъ нашихъ границъ отъ вторженія непріятельскихъ партій. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Зырянское укрѣпленіе было освящено и занято 2-й мушкетерской ротой Апшеронскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Жданова.

Въ концѣ года крѣпость Бурная была упразднена, а всѣ ея зданія переданы Апшеронскому полку для устройства лазарета и для помѣщенія гарнизономъ одного баталіона. Но, въ виду обветшалости зданій, корпусный командиръ разрѣшилъ лучшія отремонтировать, а остальныя разрушить [9].

Въ декабрѣ въ полковой штабъ-квартирѣ, — укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ, собрались четыре баталіона полка, за исключеніемъ 2-й мушкетерской роты; отъ нихъ, для наблюденія за койсубулинцами, командировались посмѣнно двѣ роты на Гимринскій спускъ. Въ этомъ же году Апшеронскому полку Высочайше пожалованы къ знаменамъ Александровскія орденскія ленты и дано старшинство съ 1700 года.

Въ послѣдовавшемъ по этому поводу Высочайшемъ указѣ, отъ 23-го іюля 1838 года, говорилось слѣдующее:

«Желая сохранить въ побѣдоносной нашей арміи память незабвеннаго ея основателя, и въ каждомъ полку передать позднѣйшему потомству достохвальные ихъ подвиги, и тѣмъ возбудить и въ новыхъ поколѣніяхъ храбрыхъ Россійскихъ войскъ соревнованіе къ столь же славнымъ на полѣ брани заслугамъ, установляемъ при знаменахъ и штандартахъ еще особые знаки отличія.

Отличія сіи присвоиваются на слѣдующихъ правилахъ:

---

9) Дѣло № 227. 2-е отд. Ген. Шт. Арх. Кавк. Окр. Шт.

1) Въ тѣхъ полкахъ и отдѣльныхъ частяхъ, кои со времени своего первоначальнаго учрежденія хотя и измѣнились въ наименованіи, но въ продолженіи 100 лѣтъ и болѣе не были расформированы, имѣть въ пѣхотѣ на знаменахъ, а въ кавалеріи на штандартахъ, особыя орденскія ленты съ бахрамой, по утвержденному образцу.
2) Лентамъ симъ быть: въ гвардіи Андреевскимъ, а въ арміи и въ гарнизонахъ Александровскимъ.
3) На лентахъ имѣть шитыя золотомъ или серебромъ, сообразно цвѣту пуговицъ полка, надписи, означающія:
   на лицевой сторонѣ — годъ основанія и первоначальное наименованіе полка;
   на внутренней сторонѣ, въ войскахъ, имѣющихъ знамена и штандарты съ разными надписями за отличія и подвиги, — годъ пожалованія оныхъ и самыя отличія.
4) Внизу лентъ надъ бахрамой, быть кованнымъ изображеніямъ:
   а) подъ означеніемъ года основанія полка — вензелевое имя основателя;
   б) подъ означеніемъ года пожалованія отличія на знамя или штандартъ, — вензелевое имя Государя, пожаловавшаго сіи отличія;
   в) на противоположномъ концѣ внутренней стороны — двуглаваго Россійскаго орла.
5) Вверху на бантѣ, у перегиба ленты, имѣть особую вышитую надпись, означающую годъ пожалованія ленты.
6) Ленты привязывать къ знаменамъ у верхней части древка, подъ орломъ или копьемъ, особымъ шнуромъ, продѣтымъ сквозь кольцо, у перегиба ленты подъ бантомъ.
7) Отличія сіи считать принадлежностью знаменъ или штандартовъ; но употреблять ихъ только во время полковыхъ праздниковъ, при водоосвященіяхъ, на Высочайшихъ смотрахъ и почетныхъ караулахъ, назначаемыхъ: къ Особамъ Императорской Фамиліи, къ коронованнымъ особамъ, генералъ-фельдмаршаламъ и къ шефамъ своимъ, а также на Петербургскихъ смотрахъ.
8) Внѣ сихъ случаевъ хранить ленты въ полковыхъ казенныхъ ящикахъ, за ключемъ и печатью полковаго командира.

При исчисленіи времени основанія полковъ, тѣмъ полкамъ, кои изъ разныхъ частей сформированы, считать старшинство по сильнѣйшей части, въ составъ его поступившей, если часть сія не менѣе полубаталіона или двухъ эскадроновъ; если же полкъ составленъ изъ другихъ полковъ въ меньшемъ составѣ частей, то старшинство, или сформированіе полка, полагать со дня послѣдовавшаго о томъ указа» [10].

На этомъ основаніи Апшеронскому полку, въ составъ котораго въ 1834 году вошли 2 баталіона 43-го егерскаго полка, сформированнаго въ 1700 году, подъ названіемъ Николая Балка-Новгородскаго полка, дано старшинство съ 1700 года.

За военныя отличія въ 1838 году чины полка получили слѣдующія награды: подполковникъ Пядышъ, маіоры Смолинъ и Тарасевичъ — ордена Св. Станислава 2-й ст.; капитанъ Барановскій, штабсъ-капитанъ Кузовлевъ и поручики Коняевъ, Колышко и Лункевичъ — ордена Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ; слѣдующіе чины: капитанъ Хорошиловъ, штабсъ-капитаны Ктитаровъ и Лысенко, поручикъ Побѣдинскій, подпоручикъ Бодридзе, прапорщики Соболевскій, Евдокимовъ, Ковалевскій, Гулевичъ 3-й, Поповъ 9-й, Левашовъ 2-й и Губертъ; Св. Анны 3-й степени — поручики Германъ и Никитинъ 1-й; подпоручики Пукаловъ, Леонтьевъ, Симплицкій, Мищенко и Бородавкинъ.

---

[10]) Русскій Инвалидъ 1838 г. №№ 164 и 165, стр. 655.

Произведены въ чины прапорщика: подпрапорщики Юрьевъ, Лощихинъ и Нестеренко.

Унтеръ-офицеръ Абрамовъ получилъ вторую треть прибавочной пенсіи по знаку отличія Военнаго ордена.

Первыя трети прибавочной пенсіи по знаку: фельдфебель Степанъ Павловъ, унтеръ-офицеры: Семенъ Книшевъ, Иванъ Гакитинскій, Ѳома Лопатовъ; рядовые: Гавріилъ Пожидаевъ, Андрей Горяиновъ, Андрей Фуденко, Михаилъ Маркевичъ, Андрей Антоновъ, Агафонъ Ѳедосѣевъ, Поликарпъ Гришечкинъ и изъ числа нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ польскомъ мятежѣ—унтеръ-офицеры Игнатій Гилевичъ и Николай Поповскій.

Высочайше утверждены въ званіи унтеръ-офицеровъ: Василій Гладышевъ, Степанъ Вознянскій, Юзефъ Яшевскій, Викторъ Пиніонжекъ.

Кромѣ того, въ баталіоны, участвовавшіе въ экспедиціяхъ, назначено 27 знаковъ отличія Военнаго ордена [11].

---

[11]) Дѣло № 273. Особ. отд. Архивъ Кавк. Окр. Штаба.

Глава Двадцать Седьмая.

Положеніе Дагестана къ началу 1839 года.— Значеніе Шамиля.— Рѣшеніе предпринять экспедицію къ Ахульго.— Предположеніе о дорогахъ.— Два періода дѣйствій.— Успѣхи Шамиля въ Сѣверномъ Дагестанѣ.— Дѣло у Ирганая.— Соединеніе Апшеронскихъ баталіоновъ съ Чеченскимъ отрядомъ.— Взятіе Буртуная.— Рекогносцировка Аргуани.— Блистательное дѣло 4-го баталіона.— Штурмъ и взятіе Аргуани.— Овладеніе Чиркатомъ.— Обложеніе Ахульго.— Описаніе укрѣпленій непріятеля.— Расположеніе войскъ.— Разбитіе скопища Ахварды-Магомы.— Штурмъ Сурхаевой башни.— Первый штурмъ Ахульго. — Неудача, потери колоннъ и потери Апшеронцевъ.— Переговоры съ Шамилемъ.— Второй штурмъ.— Дѣйствія Апшеронскихъ баталіоновъ.— Смерть маіора Тарасевича.— Взятіе обоихъ замковъ.— Потери отряда и Апшеронцевъ.— Уничтоженіе укрѣпленій Шамиля. — Бѣгство имама. — Возвращеніе отряда.— Дѣло у Чиркея.— Награды.

Ожесточенная борьба русскихъ съ дагестанскими народами, разжигаемыми Шамилемъ и его мюридами, съ каждымъ годомъ принимала все болѣе и болѣе острый характеръ. Вліяніе имама съ теченіемъ времени возрастало, и его не могли сломить никакіе успѣхи нашего оружія. Оставалось одно: уничтожить Шамиля—главнаго виновника всѣхъ возмущеній, и тогда уже можно было разсчитывать на спокойствіе въ краѣ. Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію событій 1839 года, считаемъ нелишнимъ предпослать краткій очеркъ положенія дѣлъ въ Дагестанѣ.

Съ пріѣздомъ на Кавказъ Алексѣя Петровича Ермолова, у насъ началась дѣйствительная борьба съ дагестанскими обществами; но прошло уже 20 лѣтъ, а между тѣмъ въ Дагестанѣ выстрѣлы не умолкали, свидѣтельствуя о малоуспѣшности всѣхъ нашихъ предпріятій къ умиротворенію края. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ нельзя было указать ни на одно общество, которое могло бы считаться покорнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова: большая часть вольныхъ обществъ Дагестана относилась къ намъ враждебно, и только немногіе притворно признавали свою зависимость отъ Русскаго правительства, возставая при каждомъ удобномъ случаѣ. Общества: Табасарань, Кайтахъ, Акуша, Андаляль и др. подъ словомъ «покорность» подразумѣвали только союзъ съ Россіей и всегда искали случая измѣнить намъ. Верхнія общества Кубинской провинціи, а именно: Ахтынское, Кубачинское, Верхняя Акуша, Рутульское и пр., считавшіяся подданными Россіи и обязанныя платить подати,— въ дѣйствительности никакихъ податей не вносили, а спокойными оставались до тѣхъ поръ, пока это было для нихъ выгоднымъ.

Аварцы, за весьма немногимъ исключеніемъ, относились къ русскимъ крайне враждебно; причины такой, хотя и не всегда явной, вражды надлежало искать въ вліяніи на народъ мюридовъ и въ постройкѣ въ Хунзахѣ цитадели, подавшей аварцамъ поводъ предполагать, что русскіе, создавая крѣпость въ сердцѣ Аваріи, тѣмъ самымъ покушаются уничтожить ихъ свободу. Сосѣднія съ Аваріей вольныя общества: Тиндинское, Джамаляльское и Койсубулинское становились покорными только подъ угрозою русскихъ штыковъ и отбрасывали всякую мысль о покорности, едва наши войска уходили отъ нихъ.

Жители верхняго Нагорнаго Дагестана и Анкратльскаго общества никогда не были мирными. Лѣтомъ они жили въ горахъ, а зимою спускались въ долину р. Алазани для пастьбы скота и, въ то же время, совершенно безнаказанно грабили и жгли деревни Кахетіи.

Постоянное тревожное положеніе Дагестана отчасти объяснялось и характеромъ населявшихъ его народовъ: невѣжественные, полудикіе, привыкшіе къ грабежамъ и разбоямъ, горцы не могли разстаться съ своей прежней жизнью и оставаться спокойными; неоднократно разбиваемые, — они добродушіе къ нимъ русскаго правительства всегда объясняли скорѣе нашей слабостью, чѣмъ снисходительностью.

Новое ученіе—мюридизмъ—вполнѣ соотвѣтствовало свойствамъ горцевъ, вызывая ихъ на грабежи, разбои и борьбу съ русскими, — словомъ, на все, что искони считалось у дагестанцевъ самымъ излюбленнымъ и почетнѣйшимъ занятіемъ.

Преемникъ Кази-Муллы, имамъ Шамиль сосредоточилъ въ себѣ всю духовную власть, сплотилъ всѣ вольныя общества и пріобрѣлъ надъ ними неограниченное вліяніе мусульманскаго владыки. Онъ всѣми силами старался поставить преграды увеличивающемуся вліянію русскихъ, и, опираясь на недоступность горныхъ трущобъ Дагестана, рѣшилъ вести войну до послѣдней крайности.

Впрочемъ, кромѣ мѣстности, непріятель имѣлъ на своей сторонѣ численность и лучшее вооруженіе. Въ то время, какъ наши солдаты имѣли гладкоствольныя ружья, бьющія въ цѣль на весьма близкомъ разстояніи, многіе изъ горцевъ вооружены были нарѣзнымъ оружіемъ и, кромѣ того, имѣли кинжалы, шашки и пистолеты.

Наконецъ, въ 1839 году рѣшено было предпринять серьезную экспедицію противъ Шамиля, съ цѣлью нанести окончательный ударъ владычеству имама въ его неприступномъ гнѣздѣ—замкѣ Ахульго. Съ паденіемъ Шамиля дѣло покоренія края значительно облегчалось и не могло уже представлять большого труда.

Одною изъ дѣйствительныхъ мѣръ для покоренія Дагестана являлось проложеніе по всѣмъ направленіямъ дорогъ, что и вошло въ предположенія на 1839 годъ. Предполагалось необходимымъ проложить слѣдующія дороги: 1) изъ Кахетіи черезъ землю дидойцевъ общества Богосъ и Тинды въ Хунзахъ; 2) изъ Аваріи черезъ землю гумбетовцевъ и салатавцевъ въ кр. Внезапную, и 3) изъ Дербента черезъ Акушу въ Хунзахъ. Изъ поименованныхъ дорогъ, которыми надлежало соединить Закавказскій край черезъ Нагорный Дагестанъ съ Каспійскимъ моремъ, безспорно выгоднѣйшей представлялась первая, т. е. изъ Кахетіи въ Хунзахъ; она долженствовала проходить черезъ землю сильныхъ лезгинскихъ обществъ: Ункрахъ, Богоское, Тинды, Боголяль и Калаляль, покореніе которыхъ могло оказать сильное нравственное вліяніе на умы прочихъ непокорныхъ обществъ. Къ тому же этотъ путь пролегалъ около границъ Тушетіи—племени грузинскаго, храбраго, воинственнаго и вполнѣ преданнаго русскимъ, какъ своимъ единовѣрцамъ; въ дѣятельномъ содѣйствіи тушинъ нельзя было и сомнѣваться, тѣмъ болѣе что предполагаемая дорога отчасти обезпечивала ихъ самихъ отъ вторженій со стороны Дагестана. Кромѣ того, по избранному направленію перевалъ черезъ Главный хребетъ представлялся удобнымъ, а почва горъ не особенно затруднительною для разработки. Но какъ ни необходима была эта дорога, проложеніе ея дѣлалось возможнымъ только по приведеніи къ дѣйствительной, а не мнимой покорности рутульцевъ, ахтынцевъ, докуспаринцевъ и алтыпаринцевъ, которые еще такъ недавно клятвенно обѣщались жить спокойно, а между тѣмъ уже готовились поднять знамя возмущенія. Поэтому движеніе въ нимъ сильнаго отряда являлось одной изъ первыхъ задачъ военныхъ дѣйствій 1839 года.

Предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ на 1839-й годъ подраздѣлялись на два періода: въ первомъ — 4 баталіона Апшеронскаго полка, съ наступленіемъ весны, должны были снабдить Хунзахъ и Зыряны годовымъ запасомъ провіанта и заготовить на двѣ недѣли провіанта и мяса для отряда, имѣвшаго прибыть въ Шуру, по окончаніи дѣйствій въ вольныхъ обществахъ.

Въ то-же время Чеченскій отрядъ, обязанный собраться во второй половинѣ мая мѣсяца при кр. Внезапной, вступалъ въ землю салатавцевъ и гумбетовцевъ, для разработки дороги къ Чиркату.

Во второмъ періодѣ Апшеронскій полкъ оставлялъ Аварію, соединялся съ Чеченскимъ отрядомъ и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нимъ противъ Чирката и Ахульго. По взятіи этихъ пунктовъ, предполагалось выстроить на мѣстѣ ихъ укрѣпленія, чтобы, такимъ образомъ, стать твердой ногой среди самыхъ непокорныхъ обществъ Дагестана.

Для дѣйствій противъ Шамиля назначалось 10 пѣхотныхъ баталіоновъ, 800 линейныхъ казаковъ, до 1.000 человѣкъ милиціи и 18 орудій [1].

Такъ какъ Апшеронцы вступили въ составъ Чеченскаго отряда только въ концѣ мая, то бросимъ взглядъ на дѣятельность полка до этого времени.

Какъ уже упоминалось раньше, Апшеронскому полку надлежало снабдить провіантомъ гарнизоны Хунзаха и Зырянскаго укрѣпленія, но положеніе дѣлъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ не позволяло полку заняться исключительно конвоированіемъ транспортовъ,— потому что грабежи и насилія Шамиля въ койсубулинскихъ и аварскихъ селеніяхъ поставили край въ самое безотрадное положеніе. Наконецъ, наступательныя дѣйствія Шамиля въ Койсубу ясно показали его намѣреніе склонить на свою сторону с.с. Унцукуль, Балаканы, Ирганай и др. и, усиливъ, такимъ образомъ, свое скопище, прервать сообщеніе Хунзаха и Зырянъ съ Шурой. Одновременно, получивъ обстоятельныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ нашихъ къ экспедиціи, Шамиль началъ принимать всевозможныя мѣры къ упорной оборонѣ своихъ замковъ — Новаго и Стараго Ахульго, сосредоточивалъ тамъ множество продовольственныхъ и огнестрѣльныхъ припасовъ и возводилъ различныя укрѣпленія.

Въ концѣ января въ Шуру прибылъ новый бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Пантелѣевъ, принявшій начальство надъ отрядомъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ (состоявшимъ изъ Апшеронскаго и баталіона Куринскаго полковъ); вскорѣ послѣ того онъ получилъ отъ воинскаго начальника Зырянскаго укрѣпленія, штабсъ-капитана Жданова, донесеніе, что, въ то время, какъ ирганайцы и араканцы не только не присоединяются къ Шамилю, но даже дѣйствуютъ сообща противъ мюридовъ,— въ обществахъ Гумбетѣ, Боголялѣ и Калалялѣ поднялось уже волненіе и Шамиль отъ нихъ успѣлъ взять аманатовъ. Опасаясь за Ирганай и другіе покорные намъ аулы, Пантелѣевъ отправилъ въ Бурундукъ-Кале маіора Костырко съ ротой Апшеронцевъ, для угрозы мюридамъ, имѣвшимъ виды на Ирганай и Араканы. Костырко, пройдя Зырянское ущелье и найдя въ немъ выставленные отъ ирганайцевъ караулы и посты, сообщившіе ему, что непріятель уже очистилъ все ущелье, счелъ за необходимое возвратиться въ Шуру.

Между тѣмъ Шамиль, все болѣе усиливаясь, кинулся къ Балаканамъ и Гимрамъ. Для защиты Унцукуля и Ирганая, генералъ Пантелѣевъ, 12-го февраля, оставивъ въ Бурундукъ-Кале, для обезпеченія тыла, двѣ роты, направился съ 7-ю ротами Апшеронцевъ въ Зыряны, гдѣ къ нему присоединились высланныя тремя днями раньше 3 роты съ двумя горными единорогами. Появленіе въ горахъ небольшаго русскаго отряда остановило успѣхи и дѣй-

[1]) 4 баталіона Апшеронскаго, 2 — Кабардинскаго и 4 — Куринскаго полковъ.

ствія Шамиля,— скопище котораго простиралось уже до 5.000 человѣкъ. Какъ только было удостовѣрено, что Шамиль явился въ Гимрахъ и жители приняли его безъ боя, Пантелѣевъ тотчасъ же двинулся въ Бурундукъ-Кале, оставивъ въ Балаканахъ, подъ командой маіора Костырки, 1-й баталіонъ Апшеронскаго полка съ двумя единорогами и 1.000 всадниковъ шамхальской и мехтулинской конницы. Впрочемъ, Шамиль не имѣлъ никакого желанія вступать въ бой съ нашими войсками, и, удалившись, распустилъ свое скопище. Генералъ Пантелѣевъ возвратился въ Шуру. Въ мартѣ мѣсяцѣ предпринималось совершенно безпрепятственно движеніе къ Хунзаху. Въ апрѣлѣ горцы вновь стали собираться въ партіи, и, повидимому, Шамиль намѣревался обрушиться на Ирганай и Араканы. 3-го мая изъ Шуры, на смѣну Апшеронцамъ, выступилъ въ Хунзахъ 9-й линейный баталіонъ, подъ командою подполковника Сахновскаго. Одновременно съ этимъ, изъ Зырянъ вышелъ маіоръ Вагнеръ съ 2-й гренадерской, 5-й и 6-й мушкетерскими ротами Апшеронскаго полка къ Ирганаю, такъ какъ получено было извѣстіе, что скопище горцевъ атаковало ирганайцевъ и заняло селеніе. Это движеніе находилось въ связи съ наступленіемъ подполковника Сахновскаго, предписавшаго Вагнеру дѣйствовать сообща.

6-го мая, по соединеніи съ Апшеронцами, Сахновскій атаковалъ Ирганай. Стрѣлки Апшеронскихъ ротъ бросились на селеніе и уже заняли часть его, какъ, совершенно неожиданно, прибыло отъ Сахновскаго приказаніе объ отступленіи къ Зырянамъ. Хотя храбрый Вагнеръ и находилъ неудобнымъ отступленіе въ то время, когда часть селенія была уже въ нашихъ рукахъ, но, не имѣя права ослушаться приказанія, онъ, скрѣпя сердце, приказалъ людямъ очистить Ирганай. Это дѣло стоило Апшеронцамъ: 5 нижнихъ чиновъ убитыми, 22-хъ — ранеными; изъ офицеровъ раненъ: прапорщикъ *Радошковскій*, между тѣмъ какъ въ линейномъ баталіонѣ вовсе не было ни раненыхъ, ни убитыхъ. Поводомъ къ отступленію отряда послужило появленіе толпы непріятеля со стороны Гимръ. Командиръ корпуса, по достоинству оцѣнившій храбрую дѣятельность маіора Вагнера и Апшеронскихъ ротъ, всецѣло приписалъ неудачу малодушію и нерѣшительности подполковника Сахновскаго, такъ какъ «еслибы онъ содѣйствовалъ маіору Вагнеру и не отдалъ приказанія отступать, то навѣрное аулъ былъ-бы взятъ» [2].

Чтобы не оставить покорныхъ намъ ауловъ подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ неудачи 6-го мая, генералъ Пантелѣевъ съ 6-ю ротами Апшеронскаго полка 10-го числа выступилъ изъ Шуры, съ цѣлью, во что-бы то ни стало, изгнать мюридовъ изъ Ирганая; но по дорогѣ онъ узналъ объ оставленіи непріятелемъ Ирганая, занятаго и истребленнаго прибывшимъ сюда командиромъ Апшеронскаго полка, полковникомъ Поповымъ, со 2-мъ баталіономъ. Этимъ заканчивается боевая дѣятельность Апшеронцевъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ въ 1839 году.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ Чеченскаго отряда, на соединеніе съ которымъ выступили изъ Шуры 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронскаго полка. Уже въ началѣ мая въ кр. Внезапной, для дѣйствій противъ Шамиля со стороны Салатавіи, сталъ сосредоточиваться отрядъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Граббе, состоявшій изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 8 орудій и туземной конной милиціи. Когда Шамиль увидѣлъ, что ему грозитъ серьезная опасность, то для болѣе успѣшной борьбы съ русскими войсками составилъ слѣдующій планъ: взять на себя заботы о наибольшемъ укрѣпленіи замка Ахульго, снабдить его провіантомъ на возможно продолжительное время, усилить свою партію насильственнымъ взятіемъ аманатовъ отъ племенъ, обитающихъ по обоимъ берегамъ р. Андійскаго

[2]) Дѣло № 21. 2 отд. Ген. Шт. Арх. Кавк. Окр. Штаба.

*

Койсу; въ то же время Ташевъ-Хаджи обязанъ былъ отвлекать часть нашихъ силъ отъ Чирката частыми набѣгами и движеніями на линію. Желая съ большимъ успѣхомъ исполнить возложенное на него имамомъ порученіе, Ташевъ-Хаджи въ продолженіи всей весны велъ переговоры съ чеченцами, убѣждая ихъ присоединиться къ нему и, въ концѣ концовъ, привлекъ-таки значительное число ихъ на свою сторону, заключилъ договоры со многими чеченскими старшинами селеній, расположенныхъ между рѣками Аргуномъ и Акташемъ, поднялъ воинственныхъ ичкеринцевъ и построилъ сильныя укрѣпленія въ малодоступной лѣсистой мѣстности, на рѣкѣ Аксаѣ, близъ с. Мискита и близъ уроч. Ахметъ-Тала. Чтобы не оставлять въ тылу у себя чеченскаго скопища, генералъ Граббе предпринялъ движеніе къ двумъ названнымъ выше укрѣпленіямъ, разбилъ собравшуюся тамъ партію Ташевъ-Хаджи, и, уничтоживъ самыя укрѣпленія, возвратился затѣмъ въ кр. Внезапную. 20-го мая, когда получилось извѣстіе о выступленіи изъ Шуры 3-хъ баталіоновъ Апшеронскаго полка и 4 горныхъ единороговъ, на другой же день выступилъ изъ лагеря подъ кр. Внезапной и прибылъ къ сел. Костала, гдѣ и оставался одинъ день, въ ожиданіи присоединенія Апшеронскихъ баталіоновъ. Какъ уже говорилось раньше, въ составъ Чеченскаго отряда должны были поступить 4 баталіона Апшеронскаго полка; но положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ и волненіе въ нѣкоторыхъ койсубулинскихъ селеніяхъ не позволяли отнимать такого значительнаго числа войскъ изъ отряда въ Сѣверномъ Дагестанѣ, почему и рѣшено взять только два Апшеронскихъ баталіона, а три оставить въ Шурѣ, для поддержанія спокойствія въ краѣ. Но въ войнѣ съ горцами, въ виду быстраго измѣненія обстоятельствъ, нельзя было произносить окончательнаго рѣшенія. Успѣхи нашего оружія въ Чечнѣ обратили все вниманіе Шамиля и заставили его сосредоточить противъ главнаго отряда всѣ собранныя въ Дагестанѣ и Чечнѣ скопища, вслѣдствіе чего койсубулинскія селенія оставались безъ поддержки мюридовъ. Это обстоятельство, въ связи съ поголовнымъ возстаніемъ салатаевцевъ и горскихъ племенъ, обитавшихъ на правомъ берегу Андійскаго Койсу, побудили генералъ-лейтенанта Граббе увеличить боевую численность своего отряда и взять изъ Дагестана не два, а три баталіона Апшеронскаго полка. Такимъ образомъ, въ окончательномъ видѣ отрядъ состоялъ: изъ 3-хъ баталіоновъ Апшеронцевъ, 2-хъ баталіоновъ Кабардинцевъ, 4-хъ баталіоновъ Куринцевъ, 200 конныхъ и 400 пѣшихъ казаковъ, 200 человѣкъ горской милиціи, 9 легкихъ и 8 горныхъ орудій и саперной роты[3]. Быстрое наступленіе нашихъ войскъ изъ кр. Внезапной удержало большую часть салатавскихъ селеній, по крайней мѣрѣ въ наружномъ—повиновеніи. 24-го мая отрядъ двинулся къ селенію Гертме.

Въ это время Шамиль, съ цѣлью остановить дальнѣйшее движеніе русскихъ, со скопищемъ въ 4 т. человѣкъ изъ гумбетовцевъ, андійцевъ, джемаляльцевъ, боголяльцевъ и каратинцевъ, занялъ фланговую позицію, близъ салатавскаго селенія Буртуная. Эта позиція всегда славилась между горцами своею неприступностью: съ трехъ сторонъ она защищалась глубокимъ оврагомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Теренгула; одна часть оврага подходитъ къ подножію хребта Соукъ-Булахъ, а другая соединяется съ Арубетскимъ ущельемъ. Такія выгоды Буртуная вселили въ его жителей твердую увѣренность въ полной своей безопасности, и, потому, они, передавшись на сторону Шамиля, рѣшились сопротивляться нашимъ войскамъ. По обозрѣніи мѣстности, генералъ Граббе пришелъ къ рѣшенію свернуть съ Чиркатской дороги и выбить непріятеля изъ его позиціи. Немедленно два легкія и два горныя орудія, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, выѣхали впередъ и, располо-

[3]) 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка выступилъ изъ Шуры на соединеніе съ отрядомъ только 23-го мая.

жась на возвышеніи, начали обстрѣливать Теренгульскій оврагъ. Весь вагенбургъ и резервъ, состоявшій изъ 1-го Апшеронскаго и 2-хъ Куринскихъ баталіоновъ, при 5 орудіяхъ, остановился на мѣстѣ развѣтвленія дорогъ въ Буртунай и Гертме; остальныя части войскъ (въ числѣ ихъ и 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка) направились въ атаку. Несмотря на отчаянное сопротивленіе и присутствіе самого Шамиля съ большей частью мюридовъ, горцы были выбиты изъ Теренгула. Когда войска выбрались изъ балки, то непріятель, тѣснимый съ фронта и опасаясь обхода съ лѣваго фланга, не выдержалъ и началъ поспѣшно отступать. Для довершенія пораженія, генералъ Граббе, съ $3^{1}/_{2}$ баталіонами, переправился черезъ оврагъ, чтобы общей атакой съ бывшими уже въ дѣлѣ войсками окончательно разсѣять огромное скопище. Какъ только Шамиль замѣтилъ движеніе свѣжихъ силъ русскаго отряда, то первый обратился въ бѣгство, а за нимъ совершенно разсѣялось и все его скопище. Пораженіе непріятеля было настолько сильно, что онъ даже и не помыслилъ о защитѣ сел. Буртуная, представлявшаго прекрасную позицію для весьма упорной обороны. Къ вечеру это весьма богатое и большое селеніе было занято и предано огню. Потеря отряда въ настоящемъ дѣлѣ состояла изъ 4-хъ убитыхъ и 39-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 7-ми человѣкъ Апшеронцевъ). Горцы-же понесли весьма чувствительный уронъ и въ числѣ раненыхъ называли главнаго приверженца Шамиля Сурхая[4]. Къ концу дѣла къ отряду присоединился, прибывшій изъ Шуры, 3-й Апшеронскій баталіонъ. На другой день войска продолжали наступательное движеніе и, 26-го числа, перешли чрезъ Соукъ-Булахъ.

Всѣ эти три дня похода сопряжены были съ невыразимыми трудностями: 17 верстъ подъема и три версты спуска отряду пришлось проходить по голымъ каменистымъ утесамъ, по едва проходимой тропинкѣ, которую на каждомъ шагу приходилось разработывать, причемъ во все время непрерывно лилъ проливной дождь, а на вершинѣ горы свирѣпствовалъ сильный со снѣгомъ вѣтеръ. Полнѣйшее отсутствіе даже кустиковъ не позволяло развести огня и погрѣться. Тѣмъ не менѣе, солдаты не теряли мужества и бодрости духа;— слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что во всѣ три дня тяжелаго похода непріятель не тревожилъ отряда.

27-го и 28-го мая войска спускались съ горы къ уроч. Кыркъ, которое, находясь на соединеніи нѣсколькихъ главныхъ дорогъ между дагестанскими и чеченскими обществами, пріобрѣтало особенную важность, потому что здѣсь прекращалась арбяная дорога и затѣмъ до самаго Чирката тянулось узкое дефиле, непроходимое для тяжестей, вслѣдствіе чего пришлось весь вагенбургъ оставить у Кырка. Генералъ Граббе приказалъ приступить къ возведенію полеваго укрѣпленія, названнаго, по окончаніи, «Удачнымъ», а для защиты его оставленъ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ и 5 полевыхъ орудій, подъ командой командира баталіона маіора Тарасевича. 29-го числа отрядъ выступилъ къ сел. Аргуани, гдѣ Шамиль занялъ позицію съ громаднымъ скопищемъ въ 10 тыс. человѣкъ, собраннымъ изъ всѣхъ племенъ, обитавшихъ между р.р. Аварскимъ Койсу, Сулакомъ и Аргуномъ. Мѣстность около Аргуани была настолько недоступна, что имамъ, полагаясь на нее, а также на многочисленность скопища своего, не безъ основанія надѣялся увидѣть у Аргуани окончаніе успѣховъ русскихъ и неизбѣжное истребленіе отряда. Селеніе Аргуани находилось на скатѣ отдѣльной горы и со всѣхъ сторонъ окружено утесистыми балками, настолько крутыми, что сами туземцы переходили ихъ только по двумъ тропинкамъ, и то съ величайшею осторожностью, потому что малѣйшая неосмотрительность вела къ непремѣнной гибели:—оступившійся падалъ въ пропасть и разбивался о скалы. Самое селеніе состояло изъ 500 каменныхъ толстостѣнныхъ

---

4) Дѣло № 120. 2-го отд. Генер Штаба. Архивъ Кавк. Окр. Штаба.

сакель, расположенныхъ шестью ярусами по скатамъ горы; каждая сакля имѣла бойницы и представляла изъ себя какъ-бы отдѣльную башню, которую надлежало брать штурмомъ; селеніе Аргуани пересѣкалось узкими извилистыми улицами, на которыхъ горцы устроили каменные завалы, каждый отъ 4 до 6 саженъ высоты. Вотъ на такой-то сильной позиціи и расположился Шамиль съ большей частью скопища, а гумбетовцевъ и андійцевъ поставилъ у с. Мехельты, для атаки отряда съ тылу. Въ продолженіи всей зимы и начала весны имамъ обращалъ вниманіе чеченцевъ, салатавцевъ и дагестанцевъ на Аргуани, предвидя, что сюда непремѣнно двинутся русскіе, и успѣлъ убѣдить горцевъ сплотиться здѣсь для воспрепятствованія дальнѣйшему движенію отряда, заставивъ ихъ дать клятву защищать Аргуани до послѣдней капли крови. Хотя генералъ Граббе хорошо сознавалъ всѣ трудности, которыя придется преодолѣвать при овладѣніи селеніемъ, тѣмъ не менѣе атака Аргуани являлась дѣломъ неизбѣжнымъ, потому что, со взятіемъ его и разбитіемъ непріятельскаго скопища, открывалась дорога къ Чиркату и къ замку Ахульго, т. е. къ мѣстамъ, составлявшимъ главнѣйшую цѣль предпринятой экспедиціи. Выступивъ 29-го мая изъ Кырка, отрядъ къ вечеру подошелъ къ сел. Данухъ, которое было сожжено, равно какъ и селеніе Артлухъ, лежащее на прямой, но крайне трудной дорогѣ къ Чиркату.

Переночевавъ у Артлуха, войска на другой день стали спускаться съ высотъ, окружавшихъ Аргуани. Съ цѣлью обозрѣть легчайшіе подступы къ непріятельской позиціи, Граббе произвелъ рекогносцировку, для которой 3 баталіона (въ томъ числѣ 4-й Апшеронскій), подъ командой полковника Лабинцева, поднялись на утесы со стороны Мехельты, въ обходъ лѣваго фланга скопища; 1-й баталіонъ Апшеронцевъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Пантелѣева, пошелъ изъ Дануха прямо на фронтъ непріятельской позиціи, а 2 баталіона Куринцевъ двинулись въ обходъ праваго фланга со стороны аула Кодори. Артиллерія была выведена на одну изъ высотъ и обстрѣливала деревню.

Въ 5 часовъ вечера батарея открыла сильный огонь по селенію. Ни горныя, ни легкія орудія не могли наносить значительнаго вреда непріятелю, защищенному толстыми стѣнами и утесами. Горцы съ своей стороны начали мѣткую ружейную стрѣльбу изъ бойницъ, особенно по стрѣлкамъ 1-го баталіона Апшеронцевъ, которые приблизились къ селенію по большой дорогѣ. 4-й баталіонъ Апшеронскаго полка, слѣдовавшій правѣе, очень скоро достигнулъ вершины гребня, отдѣляющагося отъ горнаго хребта со стороны Мехельты и примыкающаго къ аулу, и смѣло двинулся вдоль по гребню, несмотря на то, что могъ проходить лишь рядами между каменьями и скалами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула, гребень перерѣзывался глубокимъ и узкимъ рвомъ, впереди котораго мюриды возвели круглое укрѣпленіе, въ видѣ низкой башни съ бойницами. Апшеронцы, не обращая вниманія на мѣткіе выстрѣлы горцевъ и на трудность подступа, неустрашимо бросились въ штыки и такъ быстро ворвались въ укрѣпленіе, что горцы не успѣли изъ него выйдти; часть ихъ была переколота въ самомъ укрѣпленіи, а другая истреблена при бѣгствѣ черезъ ровъ. Баталіонъ, занявъ укрѣпленіе, не рѣшился перейти черезъ ровъ безъ особаго приказанія. Дальше войска не пошли, потому что генералъ Граббе не хотѣлъ обращать рекогносцировки въ дѣйствительный бой, долженствовавшій произойти на другой день.

Предпринятая рекогносцировка выяснила, что Аргуани доступно только съ трехъ сторонъ: одинъ подступъ, по дорогѣ изъ Дануха, прикрывался съ фронта низкими каменными воротами, а съ фланговъ — двумя бревенчатыми ретраншементами. Западный подступъ, со стороны Мехельты, имѣлъ видъ узкаго перешейка, на которомъ располагалось передовое укрѣпленіе, за нимъ крѣпкій завалъ, а справа мечеть, приведенная въ оборонительное положеніе; наконецъ, третій подступъ, по дорогѣ изъ Чирката — проходилъ черезъ скалу,

имѣвшую на вершинѣ двѣ башни. Всѣ три подступа обстрѣливались весьма хорошо ружейнымъ огнемъ изъ сакель и заваловъ. Чтобы приблизиться къ нимъ, приходилось пройти черезъ весьма глубокій оврагъ, подъ мѣткими выстрѣлами мюридовъ. Ко всему этому присоединялось еще одно немаловажное обстоятельство: весь бой долженъ былъ происходить безъ помощи артиллеріи, ибо мѣстность не позволяла легкимъ орудіямъ обстрѣливать селенія. Изъ разсмотрѣнныхъ трехъ подступовъ, начальникъ отряда выбралъ второй, т. е. западную сторону Аргуани, гдѣ находились завалы и укрѣпленная мечеть, потому что здѣсь мѣсто позволяло штурмующимъ войскамъ выстроить боевую линію.

Для штурма селенія войска были раздѣлены на три колонны: правая, подъ командою полковника Лабинцева, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ съ 4-мя горными орудіями, заняла отлогости высотъ со стороны Мехельты, съ тѣмъ, чтобы атаковать юго-западный уголъ селенія. Средняя колонна — полковника Пулло — изъ двухъ баталіоновъ (Куринскій и 4-й Апшеронскій) и 4-хъ горныхъ орудій, долженствовала атаковать завалы съ фронта. Лѣвая колонна — генералъ-маіора Галафѣева — изъ одного баталіона и пѣшихъ казаковъ, составляла прикрытіе четырехъ орудій полевой артиллеріи, расположенныхъ передъ фронтомъ деревни для обстрѣливанія главной башни и заваловъ; эта колонна вначалѣ угрожала непріятелю ложной атакой со стороны Дануха, а потомъ, обойдя Аргуани справа, должна была занять дорогу къ Чиркату, въ то время какъ первыя двѣ колонны ворвутся въ селеніе. 1-й баталіонъ Апшеронцевъ составлялъ подвижной резервъ.

Наступило 31-е мая. Еще за часъ до разсвѣта; всѣ три колонны выступили изъ лагеря для занятія назначенныхъ имъ по диспозиціи мѣстъ. Непріятель, замѣтивъ движеніе нашихъ войскъ, сейчасъ же открылъ по нимъ огонь, мало впрочемъ чувствительный, вслѣдствіе не разсѣявшейся еще темноты. Между тѣмъ, совершенно разсвѣло. Утро было чудесное; малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ листьевъ кустарниковъ въ балкахъ и на косогорахъ; впереди находился предметъ атаки, сел. Аргуани, окруженное грозными завалами и тысячами горцевъ, которые распѣвали пѣсни изъ алькорана; повсюду между ними развѣвались значки. Было уже 8 часовъ утра, когда всѣ три колонны заняли свои мѣста, и генералъ Граббе подалъ сигналъ къ атакѣ: — пѣхота, послѣ непродолжительной перестрѣлки, двинулась съ барабаннымъ боемъ на приступъ. Толпы мюридовъ встрѣтили баталіоны убійственнымъ ружейнымъ огнемъ изъ заваловъ и затѣмъ, воодушевляемые находившимся среди нихъ Шамилемъ, съ ожесточеніемъ нѣсколько разъ бросались въ шашки; но это воодушевленіе и храбрость исчезли, какъ только Апшеронцы и Куринцы, съ одной стороны, и Кабардинцы — съ другой — ворвались въ завалы. Горцы бѣжали, несмотря на свое численное превосходство сравнительно съ штурмовавшими войсками; часть непріятеля спустилась въ балку и бросилась къ Чиркату, но, встрѣченная здѣсь кавалеріей и Куринцами, оставила много убитыхъ и раненыхъ. Въ то же время Апшеронцы и Кабардинцы ворвались въ Аргуани, гдѣ въ сакляхъ засѣло нѣсколько сотъ отчаянныхъ мюридовъ; завязался упорный бой; приходилось брать отдѣльно каждую саклю; наконецъ селеніе было подожжено, и небольшая часть оставшихся въ живыхъ изувѣровъ сдѣлалась жертвой пламени. Въ тотъ же день Аргуани было окончательно занято, и отрядъ расположился вокругъ него лагеремъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, наша потеря была весьма значительна и состояла изъ одного штабъ-офицера, 5 оберъ-офицеровъ и 134 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены: 1 генералъ, 3 штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ и 471 нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа въ 4-мъ баталіонѣ Апшеронцевъ *убито нижнихъ чиновъ 31, ранены: штабсъ-капитанъ Левашовъ, поручики Таустъ и Лункевичъ и прикомандированные къ полку подполковникъ Быковъ и поручикъ Оренбургскаго баталіона Кильгинъ; нижнихъ чиновъ 96.*

Непріятель понесъ огромную потерю: имъ на мѣстѣ оставлено болѣе 400 тѣлъ, — кромѣ тѣхъ, которыя горцы успѣли увезти. Трофеями побѣды была булава и два значка Шамиля.

Въ сраженіи 31-го мая, въ числѣ отличившихся, генералъ Граббе называетъ Апшеронскаго полка капитана Ктитарева, «который со своей ротой первый ворвался въ селеніе», а также поручика Лункевича, находившагося все время впереди съ охотниками своей роты[5].

Результатомъ пораженія горцевъ при Аргуани было то важное обстоятельство, что Шамиль въ этомъ году, при всемъ своемъ вліяніи и убѣдительности воззваній, не могъ уже собрать такого новаго значительнаго скопища, какое сражалось 31-го мая. Разбитое скопище, какъ оказалось, состояло не изъ 10, а изъ 16 тысячъ человѣкъ, и понесло уронъ въ 600 человѣкъ убитыхъ и 1.500 раненыхъ.

На другой день, т. е. 1-го іюня, войска приступили къ уборкѣ непріятельскихъ тѣлъ и къ разрушенію Аргуани; въ то же время въ укрѣпленіе Удачное отправленъ 1-й баталіонъ Апшеронскаго и баталіонъ Куринскаго полковъ, для отвоза раненыхъ и доставки въ отрядъ провіанта. Къ вечеру 3-го числа оба баталіона возвратились съ провіантомъ; тѣмъ временемъ работы по разрушенію селенія были окончены и, слѣдовательно, отрядъ могъ двигаться дальше. На слѣдующій день войска выступили изъ лагеря и направились къ Чиркату. Хотя разстояніе до послѣдняго было и не велико, но за то дорога такъ затруднительна, что приходилось чуть ни на каждомъ шагу разрабатывать ее, вслѣдствіе чего отрядъ, не доходя 6 или 7-ми верстъ до Чирката, остановился на ночлегъ. Дальше дорога проходила по лѣвому нагорному берегу р. Койсу—очень крутому и, вдобавокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывающемуся почти отвѣсными обрывами; поэтому, чтобы свезти орудія къ рѣкѣ, приходилось разрабатывать спуски. Желая воспользоваться сильнымъ нравственнымъ потрясеніемъ, испытаннымъ горцами 31-го мая, генералъ Граббе послалъ съ мѣста ночлега, для занятія селенія Чирката, летучую колонну изъ 2-хъ баталіоновъ и 2-хъ горныхъ орудій. Какъ только чиркатцы увидали приближеніе къ нимъ русскихъ, то, опасаясь за правый берегъ р. Койсу, немедленно покинули селеніе и сожгли за собою мостъ черезъ рѣку. Оставленіе Чирката его обитателями не являлось событіемъ неожиданнымъ, такъ какъ уже послѣ пораженія Шамиля при Аргуани участь его была предрѣшена.

Чиркатъ—весьма многолюдное, расположенное на выгодной позиціи, селеніе съ громадными садами, представляло собою центръ дѣйствій Шамиля, его операціонную базу и сборный пунктъ скопищъ. Теперь оно почти безъ выстрѣла досталось летучей колоннѣ, ибо самые почетные чиркатскіе жители и всѣ мюриды покинули свои дома и вмѣстѣ съ Шамилемъ заперлись въ замкѣ Ахульго.

5-го и 6-го іюня продолжалась разработка дороги къ Чиркату.

Вечеромъ, 6-го мая, на одной изъ вершинъ хребта Арактау взвилась ракета,—сигналъ Ахметъ-Хана-Мехтулинскаго, которому надлежало съ одной частью своей милиціи двинуться къ сел. Игали и постараться занять мостъ черезъ рѣку Койсу, а съ другой—направиться къ Ашальтамъ. Одновременно съ Ахметъ-Ханомъ къ Ашальтамъ двинулся и Шамхалъ-Тарковскій со своей милиціей, для обезпеченія движенія транспорта съ боевыми и продовольственными припасами, направлявшагося изъ Шуры, подъ прикрытіемъ 2-го баталіона Апшеронскаго полка. Наконецъ, 7-го іюня, дорогу разработали, и весь отрядъ собрался у Чирката, гдѣ и расположился лагеремъ. Немедленно приступлено было къ постройкѣ новаго моста черезъ Койсу, для чего принялись заготовлять необходимый матеріалъ. Хотя

---

5) Дѣло № 120. 2 отд. Генер. Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

у Чирката Андійское Койсу представляетъ самое неудобное мѣсто для устройства переправы, потому что здѣсь рѣка необыкновенно быстра и глубока, шириною до 20 саженъ, съ каменистымъ дномъ; тѣмъ не менѣе мостъ начали строить.

Для ускоренія движенія транспорта изъ Зырянъ къ Ашальтамъ, начальникъ отряда рѣшилъ открыть сообщеніе съ Ахметъ-Ханомъ-Мехтулинскимъ, для чего явилось необходимымъ занять высоты противоположнаго берега Койсу. Съ этой цѣлью сформирована колонна изъ 2-хъ баталіоновъ, 2-хъ горныхъ орудій и всей кавалеріи, подъ командою полковника Катенина, которому приказано направиться вверхъ по лѣвому берегу р. Койсу и постараться захватить остатки разрушеннаго Согратлинскаго моста, потомъ перейти на правый берегъ, соединиться съ Ахметъ-Ханомъ и правымъ же берегомъ подойти къ Ашальтамъ. Движеніе этой колонны было выполнено съ полнымъ успѣхомъ, причемъ Согратлинскій мостъ войска возобновили. Въ тотъ-же день получились свѣдѣнія съ праваго берега отъ Шамхала-Ахметъ-Хана и командира Апшеронскаго полка полковника Попова, который съ транспортомъ переправился у Зырянъ черезъ Аварское Койсу и приближался къ сел. Ашальты. Итакъ, послѣднее гнѣздо Шамиля, Ахульго, было со всѣхъ сторонъ окружено нашими войсками, и вскорѣ должна была разыграться кровавая драма, имѣвшая въ результатѣ дать окончательное уничтоженіе Шамиля и его сообщниковъ—мюридовъ.

9-го іюня колонна полковника Катенина, почти безъ сопротивленія, заняла Ашальты.

Между тѣмъ, работы по устройству переправы у Чирката продолжались и къ вечеру, 11-го іюня, мостъ былъ уже готовъ, а на слѣдующій день войска начали переправляться на правый берегъ. Для обстрѣливанія Ахульго съ лѣваго берега и для отвлеченія вниманія непріятеля, у Чирката оставлены 1-й баталіонъ Апшеронскаго и 2 баталіона Кабардинскаго полковъ, при двухъ полевыхъ и одномъ горномъ орудіи, подъ командой полковника Лабинцева. Эта часть отряда должна была оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока не будутъ окончены всѣ приготовленія для болѣе прочнаго обложенія Ахульго, гдѣ теперь заперся Шамиль. Прочія войска, перейдя на правый берегъ Койсу, прошли Ашальты и расположились на высотахъ, окружавшихъ замки, въ разстояніи ружейнаго отъ нихъ выстрѣла; правый флангъ нашей позиціи примыкалъ къ Гимринской, а лѣвый — къ Чиркатской дорогамъ въ Ахульго, по лѣвому берегу рѣчки Ашальты. Съ мѣстъ расположенія войскъ открывались обѣ твердыни Шамиля—Старое и Новое Ахульго, башни, огромные завалы и другія сильныя препятствія. Уже раньше нами описывался замокъ Старый Ахульго, когда говорилось о взятіи его Апшеронцами въ 1837 году.

Съ того времени Шамиль успѣлъ возобновить старый замокъ и выстроилъ около него другой, подъ названіемъ Новое Ахульго, нѣсколько отдѣльныхъ башенъ, изъ которыхъ главная, впереди стоящая, именовалась «Сурхаевскою», по имени ея строителя, одного изъ главныхъ пособниковъ Шамиля. Предварительно описанія осады Ахульго, постараемся обрисовать положеніе Шамиля въ данное время.

Наши приготовленія къ походу съ началомъ весны 1839 года не могли оставаться тайной для Шамиля, и потому, прежде чѣмъ отрядъ собрался у кр. Внезапной, имамъ, съ своей стороны, также сталъ приготовляться къ упорной защитѣ, для чего пустилъ въ ходъ всѣ имѣющіяся у него средства, въ которыхъ, впрочемъ, недостатка не было. Однимъ изъ главныхъ способовъ защиты являлось постоянно окружающее Шамиля сборище мюридовъ, около 400 человѣкъ, въ высшей степени фанатиковъ, преданныхъ до самозабвенія своему имаму, храбрыхъ до безразсудства и имѣвшихъ связи по всему Дагестану и Чечнѣ. Эти фанатики представляли ядро и душу всѣхъ скопищъ Шамиля; при посредствѣ ихъ онъ распространялъ и сохранялъ власть и вліяніе во всемъ Дагестанѣ, — странѣ, въ которой

до него никогда не было ни центральной власти, ни единства. Вторымъ средствомъ служила политико-религіозная секта — мюридизмъ, — въ послѣдніе три года въ особенности быстро распространявшаяся, прельщая горцевъ положенными въ основу его независимостью, безначаліемъ и чувствомъ ненависти къ русскимъ. Это ученіе, развиваясь все болѣе и болѣе, принимало весьма опасное направленіе для спокойствія края, вызывая бо́льшія усилія для искорененія его. Можно было съ увѣренностью утверждать, что въ описываемое время не находилось ни одного селенія въ Нагорномъ Дагестанѣ, куда ни проникъ-бы мюридизмъ, гдѣ ни нашлось-бы нѣсколько десятковъ ярыхъ его послѣдователей; наконецъ оно стало проникать и въ Чечню, и имѣло въ лицѣ Ташевъ-Хаджи одного изъ способнѣйшихъ помощниковъ имама. Шамиль, пользуясь раздорами почти въ каждомъ изъ селеній и преданностью къ нему нѣкоторыхъ почетныхъ жителей, переселялъ въ вѣрныя ему селенія тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ не особенно расчитывалъ, въ видахъ постояннаго надъ ними наблюденія; затѣмъ бралъ надежныхъ аманатовъ и оружіе отъ селеній, не соглашавшихся принимать мюридизма, отнималъ стада, принадлежавшія обществамъ, и, такимъ образомъ, упрочивалъ свою власть и вліяніе въ Дагестанѣ, будучи всегда грозой для нежелавшихъ ему покоряться. Наконецъ, самое надежнѣйшее средство представляла собою мѣстность, на которой происходила борьба, — состоящая изъ небольшаго пространства, ограниченнаго хребтами Салатау, Бетлетъ и Койсубулинскимъ, покрытая высокими, крутыми каменистыми скалами и перерѣзанная по всѣмъ направленіямъ очень глубокими балками. Здѣсь на каждомъ шагу представлялись такія позиціи, которыя съ успѣхомъ могли быть обороняемы нѣсколькими десятками смѣльчаковъ. Обходъ такихъ позицій рѣдко бывалъ возможенъ для пѣхоты и почти никогда — для кавалеріи. Дорогъ, въ смыслѣ маломальски сносныхъ путей сообщенія, и помину не было; то же, что здѣсь называлось дорогами, было ничто иное какъ узенькія тропинки между скалами, по которымъ и сами горцы ходили съ осторожностью; ко всему описанному присоединялось полное отсутствіе лѣса, угрюмый, безплодный видъ голыхъ скалъ, наводившихъ какое-то уныніе на душу непривыкшаго къ нимъ человѣка. Въ этой мѣстности, какъ орлиныя гнѣзда, ютились сакли горцевъ, которые для постройки своихъ селеній выбирали мѣста самыя неприступныя въ этой вообще глухой части Дагестана. Ахульго, являя собою перлъ созданія этой дикой игры природы, отличалось особенной грозностью своей позиціи и представляло изъ себя двѣ одиноко стоящія крутыя скалы, разобщенныя отъ всего окружающаго глубокими обрывами! Вотъ средства, находившіяся въ рукахъ Шамиля и которыми онъ съумѣлъ искусно воспользоваться! Съ особенной заботливостью и предусмотрительностью принялся имамъ за укрѣпленіе обоихъ замковъ и при этомъ выказалъ такое знаніе и пониманіе инженернаго искусства, отъ которыхъ врядъ ли бы отказался любой ученый инженеръ: какъ видно, опытъ и уроки прошлыхъ годовъ не прошли даромъ для имама, и, приготовляясь къ окончательной борьбѣ, онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, съ цѣлью обезпечить себѣ успѣхъ.

Всѣ, нѣсколько доступныя покатости скалъ, на которыхъ стояли за́мки, были срѣзаны; слабѣйшіе пункты, гдѣ производилась атака въ 1837 году, усилены всевозможными фортификаціонными сооруженіями; всѣ подступы обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ, въ то время какъ защитники были невидимы, скрываясь въ капонирахъ, пещерахъ и подземельяхъ. Въ замкахъ собралась до 3 тысячъ защитниковъ, тутъ же находились и всѣ ихъ семейства, въ томъ числѣ и самого Шамиля.

У Ахульго имамъ рѣшился дать послѣднее сраженіе русскимъ, ибо отступать дальше было некуда.

Во всѣ концы Дагестана полетѣли воззванія Шамиля о помощи; но пораженія у Буртуная и Аргуани разсѣяли горцевъ, и они, опасаясь имѣть дѣло съ русскимъ штыкомъ, оставались пока безучастными зрителями всего происходившаго: таково было положеніе Шамиля, когда наши войска обложили Ахульго.

Обозрѣвъ со всѣхъ сторонъ оба замка, генералъ-лейтенантъ Граббе нашелъ возможнымъ атаковать ихъ только въ двухъ, болѣе доступныхъ мѣстахъ. Крѣпкіе завалы и башни, удачно расположенные для взаимной фланговой обороны, цѣлое селеніе изъ высокихъ каменныхъ сакель, усѣянныхъ бойницами, глубокія вокругъ всѣхъ этихъ мѣстъ пропасти, которыя необходимо было проходить, чтобы добраться до самыхъ укрѣпленій: — вотъ препятствія, преграждавшія доступъ къ послѣднему убѣжищу Шамиля. Осмотръ мѣстности показалъ, что штурмовать Ахульго немедленно — было предпріятіемъ весьма опаснымъ, которое могло повлечь за собой несомнѣнно большую потерю и, пожалуй, окончиться неудачей; слѣдовательно предстояло предпринять правильную осаду, вести сапы и дѣйствіемъ артиллерійскаго огня постепенно разрушать окружавшія оба замка препятствія.

Подъ Ахульго части отряда расположились слѣдующимъ образомъ.

Правый флангъ: къ востоку отъ Сурхаевой башни сталъ баталіонъ Куринскаго полка, при 4-хъ орудіяхъ, а въ ущельи, у самого берега р. Койсу, 2-й баталіонъ Апшеронцевъ[6].

Центръ: на мысу между рѣчками Ашальтою и Бетли, — баталіонъ Куринскаго полка съ 2-мя орудіями, а на высотахъ къ югу отъ Сурхаевой башни — другой Куринскій баталіонъ, также при 2-хъ орудіяхъ.

Лѣвый флангъ: на лѣвомъ берегу Ашальты весь 4-й и 2 роты 1-го баталіона Апшеронскаго полка, при 2-хъ горныхъ и 2-хъ конныхъ орудіяхъ. Другія двѣ роты 1-го баталіона, при одномъ горномъ орудіи, стояли у переправы черезъ Койсу.

На высотахъ къ сторонѣ с. Игали, фронтомъ къ западу, помѣстились 2 баталіона Кабардинскаго полка съ 2-мя горными орудіями.

Часть милиціи Ахметъ-Хана занимала селеніе Ашальты, а остальная — направлена была вверхъ по рѣкѣ, для наблюденія за горскими обществами и сосѣдними съ Аваріей и Койсубу селеніями; милиція Шамхала подкрѣпляла правый флангъ нашей позиціи и владѣла дорогою въ Гимры. Между тѣмъ разработка дороги отъ Чирката по вновь устроенному мосту быстро подвигалась впередъ и была теперь совершенно окончена; подходя къ с. Ашальтамъ, она соединялась съ другой, проложенной въ 1837 году отрядомъ генерала Фезе, — къ Хунзаху и Зырянамъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи трехъ недѣль, появился арбяной путь, соединившій кр. Внезапную, т. е. Кавказскую линію, — съ самыми недоступными мѣстами Нагорнаго Дагестана.

Оставленіе войскъ у Чирката генералъ Граббе нашелъ безполезнымъ: съ уничтоженіемъ старыхъ мостовъ, непріятель лишился возможности отступить къ Чиркату, и слѣдовательно блокада отсюда являлась совершенно лишней; поэтому баталіоны, кромѣ двухъ ротъ, присоединились къ отряду. Въ тотъ же день изъ Зырянъ прибылъ огромный транспортъ съ провіантомъ и боевыми припасами, подъ прикрытіемъ 2-го баталіона Апшеронцевъ, — вошедшаго въ составъ осадныхъ войскъ и, съ 2 горными орудіями, размѣщеннаго на правомъ флангѣ.

Съ начала осады до 17-го іюня наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ оберъ-офицерѣ *(Апшеронскаго полка штабсъ-капитанъ Кузовлевъ)* и 8 нижнихъ чинахъ, ранено 2 оберъ-офицера *(Апшеронскаго полка поручикъ Хорошиловъ)* и 28 нижнихъ чинахъ; въ Апшеронскихъ баталіонахъ убитъ 1 нижній чинъ, 15 ранено и 2 контужено.

[6]) Баталіонъ этотъ пришелъ 14-го іюня.

*

Между тѣмъ зажигательныя воззванія Шамиля къ горцамъ и убѣжденія придти къ нему на помощь, при содѣйствіи извѣстнаго мюрида, хунзахскаго абрека Ахверды-Магомы, воздѣйствовали на дагестанцевъ: жители селеній Карата и Мона поспѣшили на помощь своему имаму[7]. Ахверды-Магома, собравъ партію и присоединивъ къ ней горцевъ, жившихъ по Андійскому Койсу, двинулся къ Ахульго, съ цѣлью тревожить тылъ отряда и тѣмъ отвлекать вниманіе нашихъ войскъ отъ замковъ.

Для противодѣйствія скопищу Ахверды-Магомы, генералъ Граббе приказалъ Ахметъ-Хану Мехтулинскому немедленно отправиться съ милиціей къ сел. Игали, занять мостъ черезъ Койсу, съ цѣлью лишить непріятеля возможности переправляться черезъ рѣку на близкомъ къ намъ разстояніи. Ахметъ-Ханъ выступилъ 16-го іюня, но опоздалъ исполнить порученіе: Ахверды-Магома со своимъ скопищемъ, численностью до 2.000 человѣкъ, успѣлъ уже переправиться по Согратлинскому мосту и слѣдовалъ прямой дорогой къ Ашальтамъ. Неожиданное появленіе новаго противника чрезвычайно удивило начальника отряда, и онъ объяснилъ это тѣмъ, что или Ахметъ-Ханъ не понялъ смысла даннаго ему приказанія, или передовые посты его милиціи, наблюдавшіе дорогу къ Игали, не исполнили честно своихъ обязанностей и допустили непріятеля безпрепятственно перейти Койсу. Между тѣмъ, Ахверды занялъ сильную позицію на нагорномъ берегу Койсу, въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря, и укрѣплялъ ее завалами въ нѣсколько ярусовъ, а съ разсвѣтомъ 19-го іюня сталъ спускаться съ высотъ, съ намѣреніемъ напасть на лагерь.

Но находившіяся у новаго моста 2 роты Апшеронцевъ первыя замѣтили движеніе скопища и вступили съ нимъ въ бой; въ то же время на помощь Апшеронцамъ бѣгомъ направился изъ лагеря полковникъ Лабинцевъ съ 6-ю ротами Кабардинцевъ, а вслѣдъ за нимъ полковникъ Пулло съ 7-ми ротами Апшеронцевъ и Куринцевъ.

Кабардинцы подоспѣли во-время на выручку своихъ кунаковъ-Апшеронцевъ, ибо двѣ роты съ трудомъ удерживали натиски почти вдесятеро сильнѣйшаго противника. Съ крикомъ «ура» кинулись въ штыки Кабардинцы и Апшеронцы на горцевъ и прогнали ихъ до первыхъ заваловъ, которые мгновенно были взяты; но въ слѣдующихъ непріятель упорно держался.

Въ это время, съ противоположной стороны, поднимались Апшеронцы и Куринцы; дружная атака вновь подошедшей колонны привела непріятеля въ полное замѣшательство, и онъ, бросивъ главные завалы, обратился въ бѣгство по направленію къ Согратлинскому мосту, преслѣдуемый на разстояніи трехъ верстъ. Въ 2 часа пополудни дѣло было совершенно окончено, и обѣ колонны возвратились въ лагерь. Наша потеря заключалась въ 2-хъ убитыхъ нижнихъ чинахъ и 2-хъ оберъ-офицерахъ и 32-хъ нижнихъ чинахъ раненыхъ. У Апшеронцевъ *1 нижній чинъ убитъ и ранены прапорщикъ Ковалевскій и 16 нижнихъ чиновъ.*

Непріятель, повидимому, понесъ значительный уронъ; на мѣстѣ имъ оставлено 4 тѣла, много бурокъ, оружія и провіанта. Между тѣмъ осадныя работы безостановочно продолжались, и сапы были уже подвинуты къ самому утесу, на которомъ высился замокъ Старое Ахульго; артиллерійскимъ огнемъ постепенно разрушались завалы; но, къ сожалѣнію, дѣйствія артиллеріи не вполнѣ соотвѣтствовали предположеннымъ цѣлямъ, ибо въ снарядахъ чувствовался большой недостатокъ и ихъ пришлось расходовать съ особенною осторожностью.

---

7) Абреками назывались тѣ изъ горцевъ, которые давали обѣщаніе года на два, на три и болѣе не участвовать ни въ играхъ, ни въ весельяхъ, не жалѣть своей жизни въ набѣгахъ, не щадить враговъ въ битвѣ, не спускать ни малѣйшей обиды ни другу, ни брату родному, не знать завѣта на чужое, не боясь преслѣдованія или мести, — словомъ, быть непріятелемъ каждаго, чужимъ въ семьѣ своей. Одни дѣлались абреками изъ молодечества, другіе изъ бѣдности, а третьи съ какого нибудь горя. По окончаніи срока даннаго обѣщанія, абрекъ, обыкновенно, опять обращался къ прежней жизни.

Въ ночь на 20-е число, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шульцъ, сопровождаемый охотниками, спустился въ балку, отдѣлявшую Старое Ахульго отъ нашей позиціи, чтобы измѣрить глубину ея, опредѣлить крутизну спуска и подъема, для выясненія способовъ къ устройству перехода черезъ оврагъ. Едва Шульцъ спустился съ послѣдняго уступа, лежавшаго на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ главнаго ретраншемента въ Старомъ Ахульго, какъ горцы, замѣтившіе движеніе охотниковъ, открыли убійственный огонь съ фронта и фланкирующихъ заваловъ, находившихся въ Новомъ Ахульго. Охотники и и слѣдующій за ними резервъ отступили, но, уже запасшись всѣми надлежащими свѣдѣніями, по которымъ выяснилось, что для перехода черезъ балку необходимо вести тихую сапу и заложить у подошвы ея (балки) мину.

Во время этой рекогносцировки раненъ штабсъ-капитанъ Шульцъ. До 22-го іюня работы подвигались съ прежнимъ успѣхомъ; на лѣвомъ флангѣ заложена была новая батарея изъ двухъ горныхъ орудій, для обстрѣливанія на близкомъ разстояніи крытаго хода въ Новомъ Ахульго; въ то же время, на правомъ флангѣ, войска обложили со всѣхъ сторонъ Сурхаеву башню, гдѣ собрались самые отважные мюриды.

Ахверды-Магома, послѣ пораженія своего скопища 19-го іюня, направился къ Согратлинскому мосту, гдѣ и занялъ сильную позицію. Хотя неудача охладила нѣсколько энтузіазмъ горцевъ, но, воодушевляясь постоянными воззваніями Шамиля и убѣжденіями своего вожака Ахверды, они снова были готовы идти на бой съ русскими. Для начала, Ахверды-Магома намѣревался оттѣснить милицію Ахметъ-хана и напасть на транспортъ съ военными и продовольственными запасами, шедшій изъ Зырянъ, о чемъ узнавъ, генералъ Граббе сейчасъ же двинулся съ 4-мя баталіонами[8], всѣми казаками, горской милиціею и 4-мя горными орудіями на встрѣчу транспорту. Въ то время, какъ эта колонна подходила къ Согратлинскому мосту, непріятельское скопище уже успѣло оттѣснить передовые посты Мехтулинской милиціи по направленію къ Ахкенту и начало обходить ея лѣвый флангъ. Замѣтивъ движеніе русскаго отряда, горцы оставили Ахметъ-Хана и заняли сильную позицію; но быстрый и смѣлый ударъ въ штыки опрокинулъ скопище и непріятель обратился въ бѣгство, причемъ частью успѣлъ переправиться на лѣвый берегъ Койсу, а частью потянулся вверхъ по Андійскому Койсу къ Игали.

Чѣмъ тѣснѣе дѣлалась блокада Ахульго, тѣмъ тягостнѣе становилось положеніе Шамиля и его мюридовъ; защитниковъ въ особенности безпокоила брешь-батарея, устроенная на лѣвомъ флангѣ и угрожавшая уничтожить въ непродолжительномъ времени всѣ главные завалы, окружавшіе замокъ. Имамъ, пользуясь уходомъ изъ лагеря части войскъ, для преслѣдованія скопища Ахверды-Магомы, рѣшился уничтожить ненавистную брешь-батарею. Съ этой цѣлью, въ ночь съ 23-го на 24-е іюня, около 400 мюридовъ безъ шуму спустились изъ Новаго Ахульго, по тропинкѣ къ рѣчкѣ Ашальтѣ, и раздѣлились здѣсь на двѣ партіи: одна пошла на батарею, а другая бросилась вправо, чтобы отвлечь вниманіе нашего центра ложной атакой. Но еще передъ вечеромъ генералъ-маіоръ Галафѣевъ, оставшійся въ лагерѣ за начальника отряда, узналъ о предполагаемой вылазкѣ и поэтому, когда стемнѣло, перевелъ двѣ роты 4-го баталіона Апшеронцевъ на брешь-батарею. Подойдя совсѣмъ близко, мюриды съ неистовыми воплями бросились въ шашки на батарею, между тѣмъ какъ оставшіеся въ завалахъ открыли сильный огонь по всей линіи. Храбрые Апшеронцы, подпустивъ непріятеля на весьма близкое разстояніе, безъ выстрѣла бросились на горцевъ въ штыки, опрокинули и преслѣдовали ихъ до самаго спуска въ балку; когда же мюриды поднима-

---

[8]) Между ними одинъ сводный изъ двухъ ротъ Куринскаго и двухъ ротъ 4-го баталіона Апшеронскаго полковъ.

лись на противоположную покатость, то были поражаемы картечью со всѣхъ орудій брешь-батареи. Такое неудачное покушеніе, надо полагать, стоило горцамъ очень дорого; на мѣстѣ ими оставлено 4 тѣла, а множество горской одежды, разбросанной по пути преслѣдованія, ясно доказывало о значительно большей потерѣ. Въ числѣ убитыхъ находился Аширъ-ханъ-бекъ — младшій братъ извѣстнаго Гамзатъ-бека. Смерть его имѣла весьма важное значеніе для Шамиля: во-первыхъ, по близкимъ родственнымъ связямъ съ убитымъ, а во-вторыхъ, потому, что Аширъ-Ханъ пользовался большимъ вліяніемъ на общества, прилежащія къ р. Койсу. Въ нашихъ ротахъ одинъ раненъ и одинъ контуженъ нижній чинъ.

Между тѣмъ, ожидаемый транспортъ съ боевыми припасами прибылъ, и осада пошла еще дѣятельнѣе. На другой же день, т. е. 24-го числа, центръ блокадной линіи подвинулся впередъ до самаго спуска въ главную балку, окружающую Старый и Новый Ахульго, вслѣдствіе чего Сурхаева башня оказалась совершенно отрѣзанной отъ воды.

По разбитіи скопища Ахверды-Магомы, отправленный для наблюденія за нимъ Ахметъ-Ханъ Мехтулинскій со своей милиціей, на другой же день, донесъ, что скопище совершенно разсѣялось и горцы разошлись по домамъ, — обстоятельство чрезвычайно важнаго значенія, какъ позволявшее обратить вниманіе исключительно на Шамиля.

Такъ какъ дорога отъ Чирката и укр. «Удачнаго» была разработана, то вновь построенное укрѣпленіе потеряло свое значеніе и оказывалось совершенно излишнимъ, ибо подвозъ всего необходимаго для отряда удобнѣе было производить для отряда — чрезъ Зыряны и Ашальты, почему генералъ Граббе и рѣшилъ его упразднить, что давало возможность увеличить составъ осадныхъ войскъ 3-мъ баталіономъ Апшеронцевъ.

Граббе предписалъ командиру баталіона маіору Тарасевичу отправить всѣ излишнія тяжести въ Шуру и, взявъ оттуда транспортъ съ боевыми припасами, прибыть въ главный отрядъ. Имѣя возможность весьма подробно рекогносцировать мѣстность вокругъ Ахульго, генералъ Граббе пришелъ къ убѣжденію, что успѣху дѣла много мѣшала стоявшая впереди замковъ съ южной стороны Сурхаева башня, и потому рѣшилъ взять ее штурмомъ. Эта башня, по своему положенію, растягивала осадную линію болѣе чѣмъ на 4 версты, благодаря чему въ боевую линію требовалось, вмѣсто 4-хъ, 6 баталіоновъ; кромѣ того, командуя надъ всѣми мѣстами, гдѣ удобно было бы заложить батареи, она охраняла доступы къ этимъ пунктамъ. Хотя защитниковъ въ башнѣ находилось всего только 100 человѣкъ, но, во-первыхъ, они состояли изъ самыхъ отчаянныхъ и фанатичныхъ мюридовъ, и, во-вторыхъ, недоступность ихъ расположенія, гдѣ они засѣли, какъ бы удваивала ихъ численность. Предварительно, для подготовки штурма, генералъ Граббе приказалъ устроить батарею на 4 легкихъ орудія, на высокой каменистой горѣ, лежащей къ югу отъ башни, съ цѣлью открытія въ ней бреши. Собственно говоря, Сурхаева башня представляла укрѣпленіе изъ нѣсколькихъ башенъ, связанныхъ между собою толстою каменной стѣной; эти башни фланкировались завалами и расположенными въ нихъ въ два ряда бойницами; внутри были построены каменныя двухъ-этажныя сакли; нижній этажъ врытъ въ землю и совершенно обезпеченъ отъ артиллерійскаго огня; сакли соединялись крытыми ходами, а одна изъ нихъ, возвышаясь надъ остальными, командовала всѣмъ укрѣпленіемъ. Для штурма были назначены: 2-й баталіонъ Апшеронцевъ и 2 баталіона Куринцевъ. 29-го іюня, когда артиллерія разрушила часть стѣны, обращенной къ болѣе доступной сторонѣ, штурмующіе баталіоны, съ охотниками впереди, ползли съ трехъ сторонъ по крутому утесу. Скользкая, почти отвѣсная скала чрезвычайно затрудняла движеніе колоннъ; мюриды же, пользуясь мѣстностью и скатывая огромные камни и бревна на штурмующихъ, выбивали изъ нихъ цѣлые ряды, что однако нисколько не поколебало мужества нашихъ солдатъ: передніе

ряды замѣнялись слѣдующими, и все-таки храбрецы подвигались впередъ. Такимъ образомъ, колонны дошли до послѣдняго верхняго уступа и подошвы укрѣпленія. Отсюда до самыхъ стѣнъ шла крутая осыпь; охотники Апшеронцы и Куринцы двинулись впередъ по ней; но, подойдя къ стѣнѣ, увидѣли, что она состоитъ изъ огромныхъ цѣльныхъ каменныхъ глыбъ, которыхъ артиллерія разбить была не въ состояніи; пройти же къ бреши, которая находилась съ другой стороны и отдѣлялась отъ штурмующихъ пропастью, не представлялось никакой возможности, такъ что охотникамъ невольно пришлось остановиться подъ стѣнами. Между тѣмъ мюриды, стоявшіе на сакляхъ, видя почти безвыходное положеніе нашихъ войскъ, стали закидывать ихъ обломками стѣнъ и поражали ружейнымъ огнемъ изъ бойницъ и пещеръ. Генералъ Граббе послалъ-было въ помощь страшно утомленнымъ Апшеронцамъ и Куринцамъ, находившимся уже 8 часовъ въ бою, баталіонъ Кабардинцевъ; но и эта мѣра не могла сломить природы. Между тѣмъ начало уже смеркаться: возобновить штурмъ было поздно, и поэтому генералъ приказалъ отодвинуть войска и прекратить бой. Впослѣдствіи узнали, что во время штурма половина защитниковъ Сурхаевой башни погибла; но за то потеря наша была несравненно больше и заключалась: въ 2-хъ убитыхъ офицерахъ (одинъ штабъ-офицеръ) и 34 нижнихъ чинахъ; ранено 3 оберъ-офицера и 165 нижнихъ чиновъ; контужено оберъ-офицеровъ 15 и нижнихъ чиновъ 96, причемъ на долю Апшеронцевъ пришлось *4 убитыхъ и 9 раненыхъ нижнихъ чиновъ; контужены — прапорщики Гулевичъ и Ковалевскій 2-й и 8 нижнихъ чиновъ.*

Происшедшая неудача доказала, что прежде чѣмъ приступить къ рѣшительному штурму, требуется, во-первыхъ, усилить въ отрядѣ полевую артиллерію, и, во-вторыхъ, придвинуть батареи ближе къ башнѣ для уничтоженія ея укрѣпленій и пробитія широкихъ въ нихъ брешей[9].

До 3-го числа іюля на лѣвомъ флангѣ продолжались осадныя работы противъ Стараго Ахульго, а свободныя войска занимались прокладываніемъ двухъ новыхъ дорогъ: одной — къ Гимринскому мосту и дальше до Каранайскаго подъема, для прямаго вьючнаго сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурой; другой — для обезпеченія слѣдованія нашихъ транспортовъ въ обходъ Бетлинскаго оврага къ подъему на Бетлинскую гору, гдѣ эта дорога соединяется съ разработанной генераломъ Фезе въ 1837 году.

Въ то же время на краю возвышенія, съ восточной стороны Сурхаевой башни, заложена была батарея изъ 4 полевыхъ орудій. Несмотря на огромныя потери отъ нашей артиллеріи, Шамиль упорно держался въ обоихъ замкахъ, и только потеря имъ сына и надежнаго помощника — Али-бека, которому ядромъ оторвало руку, — отъ чего тотъ и умеръ, — произвела нѣкоторое впечатлѣніе (на имама), и онъ рѣшился вступить въ переговоры съ нами черезъ чиркеевцевъ. Генералъ Граббе отказался вступать въ переговоры съ чиркеевцами, никогда не отличавшимися вѣрностью и тайно помогавшими Шамилю.

Прибытіе 3-го баталіона Апшеронцевъ и 4-хъ легкихъ орудій дало возможность вооружить вновь построенную батарею противъ Сурхаевой башни. Баталіонъ этотъ расположился на правомъ флангѣ, и командиръ его, подполковникъ Вагнеръ, принялъ общее начальство надъ войсками праваго фланга.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, т. е. 4-го іюля, горцы произвели вылазку на батарею, заложенную на лѣвомъ флангѣ для дѣйствія противъ Стараго Ахульго. Находившаяся въ прикрытіи батареи рота 1-го баталіона Апшеронцевъ, подъ командой храбраго поручика Лесневича, мужественно встрѣтила непріятеля и отбросила его назадъ. Во время

9) Штурмъ долженъ былъ возобновиться съ прибытіемъ 3-го баталіона Апшеронцевъ и 4 полевыхъ орудій.

боя, два мюрида подползли по балкѣ и зажгли-было мантелетъ и нѣсколько туровъ сапы, но огонь успѣли затушить, а горцы, потерявъ нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ, отброшены обратно въ балку.

Къ сожалѣнію, вылазка обошлась намъ очень дорого; съ нашей стороны убитъ весьма храбрый и способный ротный командиръ *Лесневичъ*, — мужеству и распорядительности котораго отрядъ былъ обязанъ пораженіемъ мюридовъ 4-го числа [10].

Между тѣмъ на правомъ флангѣ шли приготовленія для вторичнаго штурма Сурхаевой башни, назначеннаго въ тотъ же день. Но теперь генералъ Граббе рѣшилъ штурмовать башню гораздо меньшимъ числомъ войскъ, такъ какъ при большемъ увеличиваются и самыя потери. Для штурма назначено было 200 человѣкъ охотниковъ Апшеронскаго, Куринскаго и Кабардинскаго полковъ. Апшеронцами командовалъ прапорщикъ Евдокимовъ. Въ 2 часа утра 10 полевыхъ орудій, расположенныхъ на трехъ батареяхъ, открыли сильный огонь по башнѣ и успѣли уничтожить завалы впереди нея, а въ 4 часа охотники, имѣя въ поддержкѣ двѣ роты, пошли на штурмъ. Еще до штурма, чтобы сколько нибудь предохранить солдатъ отъ камней, бросаемыхъ осажденными, генералъ Граббе приказалъ подѣлать деревянные щиты, подбитые войлокомъ, которыми охотники и прикрывали головы и переднюю часть тѣла.

Порядокъ штурма былъ точно таковъ же, какъ и 29-го іюня. На охотниковъ посыпались груды большихъ камней и бревенъ въ то время, когда тѣ съ большимъ трудомъ взбирались на крутую скалу, обстрѣливаемую съ главнѣйшихъ заваловъ. Подойдя къ подошвѣ башни, храбрые охотники остановились предъ стѣнами, мѣшавшими имъ двигаться дальше, и, несмотря на убійственный огонь горцевъ, не отступали, а спокойно расположились подъ ними въ ожиданіи ночи, чтобы тогда уже ворваться въ укрѣпленіе. И дѣйствительно, когда стемнѣло, прапорщикъ Евдокимовъ, бывшій съ Апшеронцами на южной сторонѣ башни, первый ворвался въ нее, а за нимъ фельдфебель Иванъ Тепловъ и унтеръ-офицеры: Юзефъ Жуковскій, Михаилъ Феклистовъ и Алексѣй Рубановъ, за которыми послѣдовали и остальные охотники — Апшеронцы [11]. Завязался страшный рукопашный бой, тѣмъ болѣе ужасный, что мюриды-защитники башни, не ожидая уже ни откуда помощи, дорого продавали свою жизнь. Бой продолжался недолго: находившіеся съ этой стороны укрѣпленія мюриды были всѣ переколоты, между тѣмъ какъ, въ то же время, Кабардинцы и Куринцы ворвались съ сѣверной стороны башни и покончили съ остальными защитниками. Въ полночь Сурхаева башня была цѣликомъ во власти охотниковъ; всѣ мюриды переколоты или погибли подъ развалинами своихъ заваловъ, исключая нѣсколькихъ раненыхъ, которые, пользуясь темнотою ночи, бѣжали въ Ахульго; въ рукахъ охотниковъ остались два плѣнныхъ и 36 убитыхъ.

Какъ бы велики ни были преодолѣнныя при штурмѣ трудности и потери, но онѣ окупились нравственнымъ торжествомъ, еще болѣе усилившимъ воодушевленіе нашихъ войскъ, и удручающимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на горцевъ взятіемъ этого орлинаго гнѣзда. Непріятель ясно сознавалъ, что русскій штыкъ найдетъ себѣ вездѣ доступъ. Наконецъ взятіе Сурхаевой башни дало возможность укоротить боевую линію почти на 2 версты.

2-й штурмъ башни стоилъ намъ: 11 убитыхъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ 2 оберъ-офицеровъ и 51 нижняго чина и контуженныхъ 1 оберъ-офицера и 50 нижнихъ чиновъ. Собственно у Апшеронцевъ *убито 9 нижнихъ чиновъ; ранены прапорщикъ Евдокимовъ и 13 нижнихъ чиновъ, контужено 18 нижнихъ чиновъ.*

---

[10]) Донесеніе № 224. Дѣло № 120. 2 отд. Ген. Шт. Архивъ Кавк. Окр. Шт.
[11]) Дѣло № 238. Особ. отд.

На другой день артиллерія окончательно разрушила Сурхаеву башню. Между тѣмъ этотъ новый успѣхъ, при осадѣ Ахульго, произвелъ общее передвиженіе войскъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ: они подались впередъ, не стѣсняемыя теперь башней. До 9-го іюля войска занимались возведеніемъ двухъ новыхъ батарей и проложеніемъ къ нимъ дорогъ. Хотя выбранныя для батарей мѣста представлялись единственными, съ которыхъ обстрѣливались передніе завалы у Новаго Ахульго, но за то подступы къ нимъ были настолько затруднительны, что орудія приходилось спускать на блокахъ съ отвѣсной скалы, въ 13 саженъ высотою. За это же время, для сообщенія различныхъ частей войскъ, устроены крытые ходы, для чего вырѣзывались уступы въ скалахъ и прикрывались со стороны замка каменными стѣнками или турами. Всѣ эти работы приходилось производить ночью, въ виду того, что расположеніе нашихъ войскъ отстояло на полуружейный выстрѣлъ отъ переднихъ непріятельскихъ заваловъ.

Шамиль, видя постепенное съуживаніе круга осадной линіи, старался всевозможными способами вредить работамъ, производя ночью усиленный огонь и вылазки, но безъ всякаго успѣха, потому что отъ ружейнаго огня войска, находясь въ траншеяхъ, были прикрыты, а вылазки оканчивались всегда неудачно: наши передовые посты прекрасно изучили окружающую мѣстность и всегда во-время предупреждали о каждомъ движеніи мюридовъ изъ укрѣпленій. 10-го іюля, съ вновь уже оконченныхъ и вооруженныхъ батарей открылся сильный огонь по окружавшимъ оба замка заваламъ, и они мало-по-малу разрушались. Гора, на которой находилась Сурхаева башня, не была еще занята нашими войсками, а между тѣмъ сторона ея, обращенная къ Ахульго, представляла особенную важность: въ этомъ мѣстѣ имѣлись два выступа, расположенные одинъ надъ другимъ и командовавшіе надъ замками. Занятіе этого пункта являлось дѣломъ первой важности, хотя подступъ къ нему находился подъ мѣткими выстрѣлами горцевъ. 11-го іюля, въ 5 часовъ по-полудни, для овладѣнія имъ направилась 4-я рота Апшеронскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Лысенко.

«Съ обыкновенной своей отвагой и беззавѣтной удалью двинулись храбрые Апшеронцы на указанный пунктъ; движеніе это было исполнено такъ быстро и съ такой рѣшительностью, что потеря заключалась всего лишь въ 5 раненыхъ нижнихъ чинахъ, между тѣмъ какъ рота все время шла, какъ сквозь строй, подъ полуружейными выстрѣлами непріятеля» [12].

На другой день въ отрядъ прибыли 3 баталіона Графцевъ (Ширванцевъ) съ двухъ полевыми и двумя горными орудіями; артиллерія расположилась по батареямъ для усиленія боевой линіи, а пѣхота стала въ резервѣ, обезпечивая тылъ отряда со стороны Согратлинскаго моста и высотъ, примыкающихъ къ г. Арактау. Въ то же время два легкія и два горныя орудія придвинулись еще ближе къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ для продольнаго обстрѣливанія крытаго пути, служившаго сообщеніемъ жилищъ мюридовъ и Новаго Ахульго. Кромѣ того, 4 кегорновыя мортирки, поставленныя на ближайшемъ гребнѣ противъ Ахульго, выбивали непріятеля изъ заваловъ и саклей, когда эти послѣднія открылись; другія же двѣ мортирки были отправлены на лѣвый флангъ позиціи, для обстрѣливанія съ этой стороны жилищъ мюридовъ. Такимъ образомъ, въ описываемый періодъ осады подъ Ахульго, дѣйствовало 12 легкихъ орудій, 8 горныхъ единороговъ и 6 кегорновыхъ мортирокъ.

14-го и 15-го іюля, когда артиллерія сосредоточила весь огонь противъ обоихъ замковъ, отъ дѣйствія ея снарядовъ непріятельскіе завалы и укрѣпленія, возвышавшіеся надъ землею, частью разрушились, частью же получили значительныя поврежденія. Но какъ большинство этихъ построекъ углублялось въ землю, сбоку прикрывалось большими глы-

---

12) Донесеніе № 307. Дѣло 120. 2-го отд. Генер. Штаба. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

бами камней, а сверху толстыми бревенчатыми крышами и, сверхъ того, земляными насыпями, то противъ нихъ артиллерія ничего не могла подѣлать; слѣдовательно, чтобы выбить отсюда горцевъ, требовалось дѣйствіе штыковъ, т. е. брать ихъ штурмомъ. Изъ ближайшихъ осмотровъ оказалось, что подступъ къ Новому Ахульго возможенъ лишь со стороны утеса, гдѣ находилась Сурхаева башня; въ этомъ мѣстѣ утесъ выдается въ видѣ клинообразнаго мыса, на которомъ и былъ построенъ замокъ, укрѣпленный четырьмя башнями, каменными саклями и завалами въ два и три яруса, составлявшими особое передовое укрѣпленіе. Исходящій уголъ этого укрѣпленія лежалъ на узкомъ перешейкѣ, съ обѣихъ сторонъ упиравшемся въ отвѣсныя скалы отъ 25 до 30 саженъ высотою. Въ свою очередь, перешеекъ настолько былъ узокъ, что по нему съ трудомъ могли проходить рядомъ два человѣка; но и тутъ горцы воздвигли препятствія: они перекопали проходъ такъ, что образовался ровъ, эскарпъ котораго состоялъ изъ двухъ огромныхъ камней, служившихъ въ то же время основаніемъ для угловой башни; скала же съ весьма крутой покатостью, обращенной къ главнымъ заваламъ, служила контръ-эскарпомъ этого рва. Позади укрѣпленій шелъ другой глубокій ровъ, перерѣзывавшій весь мысъ, и, наконецъ, за этимъ вторымъ рвомъ, возвышались описанные раньше завалы, образуя собой родъ огромнаго блокгауза. Вся поверхность и скаты возвышенія, на которомъ находилось Новое Ахульго, усѣяны были пещерами, завалами, продольными и поперечными траншеями. Кромѣ того, какъ уже говорилось раньше, Шамиль приказалъ срѣзать всѣ мало-мальски пологія покатости, вслѣдствіе чего штурмующимъ войскамъ приходилось двигаться впередъ узкой колонной съ весьма малымъ фронтомъ, гораздо меньшимъ, чѣмъ представлялъ фронтъ непріятеля, а это давало огромное преимущество мюридамъ, засѣвшимъ на неприступной позиціи. Правда, число защитниковъ замковъ было невелико, доходя только до 1.200 человѣкъ, но за то состояло изъ отборныхъ и отчаянныхъ мюридовъ, давшихъ клятву умереть, но отнюдь не сдаваться. Генералъ Граббе сознавалъ какъ мало шансовъ на успѣхъ представлялъ штурмъ замковъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣшился предпринять его, въ виду необходимости, во что бы то ни стало, взять и разрушить эти послѣднія убѣжища Шамиля. Штурмъ назначенъ на 16 іюля, и диспозиція его была слѣдующая: правая и главная колонна, подъ командою полковника барона Врангеля, изъ 3-хъ баталіоновъ графа Варшавскаго (Ширванскаго) и одного баталіона Куринскаго полковъ, назначалась для атаки Новаго Ахульго со стороны Сурхаевой башни; она собиралась на нижнемъ гребнѣ горы, имѣя при себѣ лѣстницы и фашины для перехода черезъ ровъ.

Средняя колонна, изъ 7-ми ротъ Апшеронцевъ (весь 3 баталіонъ и 3 роты 2-го), подъ начальствомъ маіора Тарасевича, должна была броситься по руслу рѣчки Ашальты, между Старымъ и Новымъ Ахульго и, такимъ образомъ, разорвать связь между обоими замками; при малѣйшей же возможности, роты обязывались подняться на вершину утеса и атаковать Новый Ахульго съ другой стороны, чѣмъ облегчалась атака главной колонны.

Лѣвая колонна (1-й баталіонъ Апшеронскаго полка), съ командиромъ полка полковникомъ Поповымъ во-главѣ, сначала отвлекая вниманіе непріятеля ложной атакой на Старое Ахульго, въ случаѣ успѣховъ главной колонны, обращала эту атаку въ дѣйствительную, съ цѣлью взять старый замокъ во что бы то ни стало.

Колонны двинулись одновременно, по сигналу начальника отряда, и при нихъ, для направленія движенія, состояли офицеры генеральнаго штаба: при главной — штабсъ-капитанъ Вольфъ, при средней — поручикъ Милютинъ и при лѣвой — штабсъ-капитанъ Эдельгеймъ. Остальныя войска — 5 баталіоновъ пѣхоты, 4 горные единорога и сборный казачій полкъ — составляли резервъ.

Съ разсвѣтомъ 16-го іюля, артиллерія открыла сильную канонаду по замкамъ и передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Въ 2 часа по полудни, главная колонна направилась къ сборному пункту, а въ 5 часовъ пошла на штурмъ; въ то же время средняя и лѣвая приступили къ выполненію возложенныхъ на нихъ задачъ, имѣвшихъ, собственно говоря, вначалѣ демонстративный характеръ. Горцы, съ своей стороны, открыли со всѣхъ заваловъ и пещеръ сильнѣйшій огонь; передніе закидывали атакующихъ бревнами и грудами каменьевъ; цѣлые ряды выбывали изъ строя; но, несмотря на это, войска смѣло шли впередъ. Двѣ передовыя башни были уже заняты баталіономъ Графцевъ, но остальные два подошли слишкомъ рано на помощь, такъ что на узкомъ перешейкѣ собралось до 1.500 человѣкъ, которые и были поражаемы со всѣхъ сторонъ сосредоточеннымъ огнемъ невидимаго непріятеля. Передніе ряды нашихъ войскъ бросились на слѣдующія двѣ башни и успѣли ихъ занять, но глубокая канава и нѣсколько рядовъ заваловъ, засыпанныхъ землею, воспрепятствовали дальнѣйшему движенію.

Лишенная почти всѣхъ своихъ начальниковъ, начиная съ барона Врангеля, колонна остановилась, и здѣсь завязался страшный рукопашный бой: нѣсколько разъ толпы изступленныхъ мюридовъ бросались въ шашки на баталіоны. Вообще горцы сражались съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ: засѣвъ въ сакляхъ, они погибали подъ ихъ развалинами и подъ разрушающимися завалами, но не оставляли мѣста; женщины — и тѣ не оставались безъ дѣла: однѣ изъ нихъ, переодѣтыя въ мужскую одежду, принимали самое дѣятельное участіе въ битвѣ; другія же, чтобы воодушивить своихъ мужей и родственниковъ, выводили маленькихъ дѣтей подъ самый сильный огонь и тѣмъ удерживали болѣе робкихъ отъ желанія бѣжать. Въ то же время средняя колонна, маіора Тарасевича, бросившаяся въ ущелье р. Ашальты, близко подошла къ замкамъ, и была встрѣчена убійственнымъ огнемъ со стороны Стараго и Новаго Ахульго; кромѣ того, тучи бревенъ и камней посыпались и на Апшеронцевъ. Такъ какъ ущелье все болѣе и болѣе съуживалось, то дальнѣйшее движеніе могло окончиться весьма плачевно для колонны: ей грозила опасность быть буквально засыпанной въ узкомъ промежуткѣ камнями, — она остановилась и вступила въ сильную перестрѣлку съ непріятелемъ. Что касается лѣвой колонны, то она ограничилась лишь перестрѣлкой, строго держась данной инструкціи. Начальникъ колонны, полковникъ Поповъ, остановилъ баталіонъ подъ Старымъ Ахульго, въ ожиданіи развязки дѣла главной колонны.

Между тѣмъ уже стемнѣло. Оставлять войска на невыгодныхъ мѣстахъ, гдѣ они въ тотъ моментъ находились, было невозможно, въ виду претерпѣваемой ими непроизводительной сильной потери. Поэтому генералъ Граббе, съ наступленіемъ полной темноты, далъ сигналъ къ отступленію, которое и совершилось въ полномъ порядкѣ; войска заняли свои прежнія позиціи.

Этотъ неудачный штурмъ стоилъ нашему отряду очень дорого: убиты 1 штабъ-офицеръ, 6 оберъ-офицеровъ и 143 нижнихъ чина; ранены 5 штабъ-офицеровъ, 27 оберъ-офицеровъ и 579 нижнихъ чиновъ; контужены 8 оберъ-офицеровъ и 96 нижнихъ чиновъ. Собственно у Апшеронцевъ во время штурма *убиты — подпоручикъ Мещенко и 22 нижнихъ чина; ранены — маіоры Тарасевичъ и баронъ Фитингофъ и поручикъ Никитинъ 2-й, нижнихъ чиновъ 101 человѣкъ; контужены штабсъ-капитанъ Мяковъ, прапорщикъ Ковалевскій и 56 нижнихъ чиновъ.*

Такая большая потеря объяснялась неприступностью мѣстности и ожесточеннымъ мужествомъ непріятеля, невидѣвшаго для себя возможности къ отступленію.

Хотя горцы, сравнительно съ нами, потеряли мало: у нихъ убито и ранено всего-навсе 150 человѣкъ, но для Шамиля и такая потеря была весьма чувствительна, ослабивъ гарнизонъ Ахульго на значительное число защитниковъ.

*

Страшная усталость всѣхъ трехъ колоннъ не позволяла продолжать штурма на слѣдующій день.

16-го числа артиллерія разрушила передніе завалы въ Новомъ Ахульго; поэтому расположеніе артиллеріи нѣсколько измѣнилось. Необходимо было обратить вниманіе на заднія непріятельскія укрѣпленія: съ этой цѣлью шесть полевыхъ орудій поставлены были на двухъ, вновь устроенныхъ батареяхъ; изъ нихъ четыре обстрѣливали продольно главныя траншеи, а два орудія назначались для дѣйствія по заваламъ во флангъ.

До 21-го числа производилось устройство крытаго спуска съ нижняго гребня утеса противъ Новаго Ахульго, — въ тѣхъ видахъ, чтобы во время новаго штурма замка, по возможности, сберечь людей, укорачивая путь наступленія.

21-го числа непріятель, замѣтивъ, что сапа уже подходитъ къ башнѣ, отдѣлявшей нашу позицію отъ Новаго Ахульго, рѣшился произвести вылазку для уничтоженія работъ. Было около 11-ти часовъ ночи. Работа по продолженію сапы уже началась подъ прикрытіемъ 30-ти человѣкъ, а въ резервѣ находились 1-я гренадерская и 4-я мушкетерскія роты Апшеронцевъ. Вдругъ громадная толпа мюридовъ съ воплями бросилась изъ балки на секретъ, который хотя и встрѣтилъ непріятеля штыками, но, внѣ всякаго сомнѣнія, этой горсти пришлось бы весьма плохо, не подоспѣй своевременно 2 бывшія въ резервѣ роты Апшеронскаго полка: кинувшись въ штыки на мюридовъ, онѣ опрокинули ихъ въ балку. Въ то же время, для поддержанія вылазки, непріятель со всѣхъ заваловъ открылъ сильный ружейный огонь. Разбитые горцы вторично устремились на Апшеронцевъ, но, встрѣтивъ мужественный отпоръ и вторично опрокинутые, принуждены были бѣжать, оставивъ на мѣстѣ 6 тѣлъ. Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что горцы, въ эту неудачую для нихъ вылазку, потеряли 7 убитыхъ и 9 раненыхъ. Независимо отъ вылазки изъ замка, 150 человѣкъ мюридовъ намѣревались напасть на лагерь со стороны Согратлинскаго моста, но воротились назадъ, замѣтивъ бдительность и соблюденіе осторожности на аванпостахъ.

Наша потеря заключалась въ раненыхъ: командирѣ 4-й мушкерской роты штабсъ-капитанѣ Лысенкѣ и 3-хъ нижнихъ чинахъ и одномъ контуженномъ.

24-го іюля непріятель опять произвелъ вылазку на тотъ же пунктъ, но, встрѣченный во-время секретомъ, удалился. Между тѣмъ лазутчики извѣщали начальника отряда о крайне бѣдственномъ положеніи Шамиля. Въ продолженіи 6-ти недѣль осады, горцы, сгруппированные на скалистомъ утесѣ, претерпѣвали всевозможныя лишенія; кромѣ того, они принуждены были дышать зараженнымъ воздухомъ отъ множества разлагавшихся, при сильной жарѣ, труповъ убитыхъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ. Такая обстановка Шамиля давала надежду на скорый конецъ осады. Для того, чтобы сдѣлать положеніе осажденныхъ еще тяжелѣе и тѣмъ ускорить развязку дѣла, генералъ Граббе рѣшилъ обложить замокъ и съ лѣвой стороны Койсу, откуда въ убѣжище Шамиля имѣлся еще свободный доступъ и гарнизонъ получалъ матеріальную поддержку. Съ этой стороны, почти въ виду отряда, проходили транспорты съ продовольствіемъ для осажденныхъ, отсюда-же приходила къ Шамилю и помощь. Значитъ, для полнаго успѣха предпріятія слѣдовало занять лѣвый берегъ рѣки Андійскаго Койсу и навести черезъ него мостъ, для постояннаго сообщенія съ главнымъ отрядомъ, стоявшимъ на лѣвомъ берегу. Генералъ Граббе въ началѣ блокады считалъ эту мѣру лишней, такъ какъ крутизна сѣверныхъ покатостей утесовъ, на которыхъ находятся замки, препятствовала осажденнымъ горцамъ снабжать себя съ этой стороны водой и продовольстіемъ; кромѣ того, свойства мѣстности требовали весьма значительнаго числа войскъ для полнаго обложенія Ахульго, а отдѣленіе 2-хъ или 3-хъ баталіоновъ на лѣвый берегъ Койсу могло сильно ослабить отрядъ.

Теперь же обстоятельства измѣнились. Горцы, въ силу необходимости, принуждены были вырубить въ скалахъ спускъ къ Койсу и затѣмъ устроили мостъ, при посредствѣ котораго и получали отъ враждебныхъ намъ селеній продовольствіе. Новый мостъ имѣлъ весьма простую конструкцію: онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, перекинутыхъ черезъ рѣку. Между тѣмъ, блокирующій отрядъ усилился 4-мя баталіонами, и, затѣмъ, взятіе Сурхаевой башни дало возможность уменьшить линію осады; слѣдовательно, безъ особаго ущерба, отрядъ могъ отдѣлить 2 баталіона на лѣвый берегъ, хотя это предпріятіе и сопрягалось съ чрезвычайно большими трудностями. Для изысканія мѣста постройки новаго моста, штабсъ-капитанъ Эдельгеймъ произвелъ подробную рекогносцировку рѣки. У Ахульго рѣки Андійское Койсу имѣла отъ 15 до 20 саженъ ширины и до 5 саженъ глубины; чрезвычайно быстрое теченіе въ каменистомъ руслѣ еще болѣе увеличивалось вслѣдствіе таянія снѣга въ горахъ; независимо значительной крутизны обоихъ береговъ, лѣвый изъ нихъ прорѣзывался глубокими извилистыми балками, доставлявшими горцамъ прекрасныя, защищенныя отъ дѣйствія артиллерійскаго огня, позиціи. Устройство переправы возможно было только въ двухъ пунктахъ: выше и ниже Ахульго; но у каждаго изъ нихъ горцы подѣлали крѣпкіе завалы, причемъ самые сильные располагались противъ мѣста, избраннаго для моста, выше Ахульго, гдѣ находился старый разрушенный мостъ.

28-го и 29-го іюля производилась разработка спуска къ рѣкѣ и свозились сюда матеріалы, необходимые для постройки, а также и горныя орудія. 30-го числа эти орудія открыли огонь по заваламъ на противоположномъ берегу. Губительное дѣйствіе огня быстро обнаружилось, и непріятель не могъ уже выходить изъ-за прикрытій, для стрѣльбы по нашимъ рабочимъ.

31-го іюля, ночью, 2 баталіона Кабардинскаго полка, подъ командою генералъ-маіора Лабинцева, заняли мѣсто около переправы, а двѣ роты спустились къ самой рѣкѣ, прикрывъ себя здѣсь каменною стѣнкою и турами. Съ разсвѣтомъ артиллерія возобновила огонь, заставившій горцевъ отступить къ нагорному берегу. Въ то же время 50 человѣкъ охотниковъ, со всѣхъ частей отряда (изъ Апшеронскихъ баталіоновъ вышло 20 человѣкъ), бросились въ рѣку и съ неимовѣрными усиліями переплыли ее; нѣкоторыхъ изъ нихъ сносило теченіемъ къ самому Ахульго, и хотя они выходили на берегъ подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, тѣмъ не менѣе почти всѣ успѣли спастись отъ вражескихъ пуль. Около 200 мюридовъ, ожидавшихъ русскихъ войскъ на лѣвомъ берегу, изумленные и ошеломленные отвагой охотниковъ, обратились въ бѣгство, и только человѣкъ 40 осталось въ завалахъ; но и эти, опасаясь артиллерійскаго огня, боялись выходить къ рѣкѣ и наносить вредъ смѣльчакамъ-охотникамъ, занявшимъ въ это время позицію у подошвы крутой покатости, обращенной къ Чиркату. Вслѣдъ за этимъ натянули два каната и сдѣлали опыты для устройства парома на бочкахъ и на бурдюкахъ; но всѣ попытки кончились неудачей, потому что страшная быстрина теченія и подводные камни рѣшительно препятствовали переправѣ на паромѣ. Видя невозможность устройства паромной переправы, генералъ Граббе пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ средствомъ къ переходу войскъ на лѣвый берегъ рѣки можетъ быть прочный мостъ, и, потому, на другой же день рѣшилъ приступить къ работѣ; охотниковъ отозвали обратно въ лагерь. 1-го и 2-го августа приготовлялся срубъ и свозились матеріалы къ мѣсту переправы, а 3-го мостъ не доходилъ до противуположнаго берега всего только на 5 саженъ. Горцы, видя наше намѣреніе построить мостъ, вырыли на берегу ямы, чтобы укрыться въ нихъ отъ артиллерійскаго огня, и отсюда стрѣляли по рабочимъ; но скоро ихъ выгнали — сосредоточенными выстрѣлами артиллеріи и стрѣлковъ, расположенныхъ по берегу.

Въ то же время семь человѣкъ отличныхъ пловцовъ (изъ нихъ четверо 3-го баталіона Апшеронцевъ) переплыли рѣку и натянули канатъ, съ помощью котораго на лѣвый берегъ перекинули лѣстницу, и по ней быстро переправились застрѣльщики и 3 роты, — что послужило сигналомъ ко всеобщему бѣгству мюридовъ изъ заваловъ.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ, почти безъ всякой потери, въ виду непріятеля, совершена была переправа черезъ рѣку, представлявшую для непріятеля всѣ средства упорной обороны. «Весь успѣхъ дѣла», пишетъ въ своемъ донесеніи генералъ Граббе: «я приписываю примѣрной отважности семи охотниковъ, которые первые, съ опасностью жизни, переплыли черезъ Койсу»[13].

На другой день, т. е. 4-го августа, 2 баталіона Кабардинскаго полка и два горныя орудія переправились по вновь устроенному мосту на лѣвый берегъ и заняли тамъ позицію. Во все это время потеря отряда заключалась въ 3 убитыхъ и 37 раненыхъ нижнихъ чинахъ; изъ нихъ Апшеронскаго полка 1 убитъ и 13 ранено. Того же числа произошло небольшое дѣло съ горцами, занявшими чиркатскіе сады; но, послѣ непродолжительной перестрѣлки, непріятель очистилъ ихъ. Милиція Ахметъ-Хана Мехтулинскаго заняла Чиркатъ и, при помощи постовъ, наблюдала за дорогами изъ Аргуани, Игали и Чиркея. 5-го августа партія изъ андійцевъ и гумбетовцевъ, около 200 человѣкъ, взошла на высоты надъ позиціей генералъ-маіора Лабинцева и начала тревожить нашу колонну; но посланныя противъ нея двѣ роты согнали ее съ высотъ и заставили разсѣяться. 6-го и 7-го августа возводились на лѣвомъ берегу Койсу двѣ новыя батареи для двухъ легкихъ орудій и двухъ кегорновыхъ мортирокъ, а 8-го числа онѣ уже открыли по замкамъ огонь, настолько мѣткій, что онъ положительно не давалъ покоя мюридамъ, не позволяя имъ даже переходить изъ одной сакли въ другую. Къ 12 числу крытый ходъ къ Новому Ахульго подходилъ уже близко къ перешейку, отдѣлявшему нашу позицію отъ замка, и мюриды, чтобы хоть нѣсколько помѣшать работамъ, сдѣлали вылазку. Ночью, около 80 человѣкъ, раздѣтые и босые, съ кинжалами въ зубахъ, вышли изъ своихъ заваловъ и поползли къ траншеямъ; передовые уже подползали къ тому мѣсту, гдѣ находился мантелетъ, прикрывавшій рабочихъ, когда лежавшій около него секретъ замѣтилъ непріятеля, подпустилъ его на близкое разстояніе и затѣмъ бросился въ штыки; шесть горцевъ остались на мѣстѣ, остальные бѣжали, и вылазка окончилась полной неудачей.

Послѣ переправы 2-хъ баталіоновъ на лѣвый берегъ р. Койсу, цѣпь постовъ нашего отряда находилась весьма близко къ непріятельскому расположенію и занимала всѣ подступы къ обоимъ замкамъ. Несмотря на всѣ невыгоды мѣстности, огонь артиллеріи стѣснялъ сообщенія одной сакли съ другой. Къ довершенію же всего, между осажденными появилась оспа; такимъ образомъ, множество больныхъ и раненыхъ чрезвычайно затрудняло Шамиля, потому что полное обложеніе замковъ лишило возможности отправлять ихъ изъ замковъ; при всемъ томъ недостатокъ въ провіантѣ также давалъ себя чувствовать. Безспорно, что въ войнѣ съ цивилизованнымъ народомъ, привыкшимъ къ нѣкоторымъ удобствамъ, такая тѣсная блокада принудила бы, какую-угодно, крѣпость къ сдачѣ. Но горцы, привыкшіе ко всевозможнымъ лишеніямъ, довольствующіеся очень малымъ, наэлектризованные фанатизмомъ и удерживаемые могущественнымъ вліяніемъ Шамиля, не рѣшались сложить оружія, хотя всѣ, начиная съ Шамиля и кончая послѣднимъ мюридомъ, отлично сознавали, что ихъ дѣло проиграно и мысль о побѣдѣ надъ русскими войсками обратилась въ несбыточную мечту.

[13]) Донесеніе № 372. Дѣло № 120. Къ сожалѣнію, въ донесеніи не упомянуты фамиліи этихъ храбрецовъ, между которыми находилось четыре Апшеронца.

Сознавая свое безъисходное положеніе и желая вывернуться изъ него, Шамиль нѣсколько разъ подсылалъ къ генералу Граббе своихъ приближенныхъ съ предложеніемъ изъявленія покорности; но какъ условія имама представляли весьма много выгодъ для него и ничего не давали намъ въ результатѣ, то Граббе отсылалъ обратно посланцовъ-посредниковъ и предварительно требовалъ отъ Шамиля выдачи аманатомъ его сына, тогда только соглашаясь вступить въ переговоры. Генералъ Граббе, мало имѣя надежды на миролюбивое окончаніе дѣла, сталъ готовиться къ новому штурму. Къ 16-му августа крытый ходъ къ Новому Ахульго довели до перешейка: дальше вести сапу не представлялось уже никакой возможности; являлась необходимость предварительнаго взятія штурмомъ цѣпи передовыхъ укрѣпленій, прикрывавшихъ утесъ у новаго замка; наконецъ дальнѣйшее продолженіе работъ позволяло горцамъ почти безнаказанно препятствовать успѣшному ихъ исполненію. Въ виду этого, генералъ Граббе рѣшилъ взять штурмомъ передовыя укрѣпленія съ тѣмъ, чтобы они послужили опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ работъ на плоскости утеса; въ общемъ же ходѣ осады, взятіе линіи передовыхъ непріятельскихъ укрѣпленій представлялось первымъ серьезнымъ шагомъ къ предполагаемому общему штурму обоихъ замковъ.

Для штурма заваловъ назначалось 5 баталіоновъ, образовавшихъ три колонны: первая — изъ 3-хъ баталіоновъ Куринцевъ и роты саперъ, подъ командою генералъ-маіора Пулло, имѣла своею задачею атаку главнаго ретраншемента Новаго Ахульго; въ центрѣ 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Тарасевича, направлялся по руслу рѣчки Ашальты, между Старымъ и Новымъ Ахульго; на лѣвомъ флангѣ — 4-й баталіонъ Апшеронцевъ, съ полковникомъ Поповымъ, сначала отвлекалъ вниманіе непріятеля демонстраціей къ приступу на Старый Ахульго, а затѣмъ, по мѣрѣ успѣха правой колонны, вмѣстѣ съ баталіономъ маіора Тарасевича, переходилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Однимъ словомъ, диспозиція осталась совершенно та-же, какъ и во время штурма 16-го іюля, только баталіоны графа Варшавскаго полка замѣнены Куринцами. Въ центрѣ позиціи 1 баталіонъ составлялъ резервъ штурмующимъ колоннамъ, всѣ-же остальныя войска остались на прежнихъ мѣстахъ, охраняя дороги въ Игали, Чиркатъ и Чиркей. Артиллеріи было приказано обстрѣливать оба замка и завалы до тѣхъ поръ, пока движеніе нашихъ колоннъ не заставитъ прекратить огонь.

Съ разсвѣтомъ, 17-го августа, всѣ три колонны пошли по назначеннымъ для атаки пунктамъ. Баталіоны Куринцевъ быстро взобрались на скалу, гдѣ стоялъ Новый Ахульго, и, несмотря на обычную встрѣчу нашихъ войскъ камнями, бревнами и сильнымъ ружейнымъ огнемъ, взобрались на утесъ, гдѣ находилось отдѣльное укрѣпленіе. Въ этомъ мѣстѣ засѣло всего 100 отчаянныхъ мюридовъ, подъ предводительствомъ Сурхая — главнаго помощника Шамиля. Мюриды, сдѣлавъ залпъ по нашимъ войскамъ почти въ упоръ, бросились въ шашки, но, опрокинутые, скрылись въ своихъ пещерахъ, вырытыхъ подъ самымъ утесомъ, откуда и открыли убійственный огонь. Скоро все передовое укрѣпленіе находилось въ нашихъ рукахъ и тотчасъ же приступлено было къ устройству здѣсь ложемента. Горцы, видя, что важнѣйшій ключъ къ ихъ позиціи взятъ, отчаянно кидались въ шашки на баталіоны Куринцевъ, въ надеждѣ возвратить передовое укрѣпленіе; но всѣ ихъ усилія оказались тщетными, и они погибали подъ штыками; тутъ же убили и Сурхая.

Въ то же время Апшеронцы, имѣвшіе до сихъ поръ только сильную перестрѣлку, бросились по руслу рѣки между двумя замками и полѣзли на утесъ, гдѣ стоялъ Новый Ахульго, не обращая вниманія на жестокую пальбу со стараго замка. Шамиль, замѣтивъ рѣшительную атаку нашихъ войскъ, не выдержалъ и, ровно въ часъ дня, выставилъ бѣлый флагъ, послу-

жившій сигналомъ къ прекращенію съ обѣихъ сторонъ пальбы. — Шамиль выслалъ, въ знакъ своей покорности, любимаго старшаго сына.

Это обстоятельство какъ нельзя болѣе пришлось кстати: наши войска, находившіяся въ бою уже около 7-ми часовъ, страшно утомились, и утомленіе особенно увеличилось необыкновенною въ этотъ день жарою; замѣнить же колонны свѣжими войсками не представлялось возможнымъ; наконецъ, непріятель могъ еще весьма долго держаться въ своихъ сакляхъ и пещерахъ; доведенные же до отчаянія, горцы дрались бы съ ожесточеніемъ и, значитъ, штурмъ могъ дорого обойтись отряду.

Генералъ Граббе немедленно принялъ въ лагерь сына Шамиля и затѣмъ отправилъ къ имаму начальника отряднаго штаба, генералъ-маіора Пулло, съ условіями капитуляціи. Условія эти заключались въ слѣдующемъ: 1) Шамиль обязывался выдать въ аманаты своего старшаго сына. 2) Онъ и всѣ мюриды, находившіеся въ Ахульго, обязывались сдаться русскому правительству; жизнь, имущество и семейства ихъ остаются неприкосновенными. Правительство назначаетъ имъ мѣсто жительства и содержаніе, все же остальное предоставлялось великодушію Русскаго Императора. 3) Все оружіе въ Ахульго передается русскому начальству. 4) Оба Ахульго считать на вѣчныя времена землею Императора Россійскаго, и горцамъ на ней безъ особаго дозволенія селиться воспрещалось.

Долго Шамиль не соглашался принять въ Ахульго генерала Пулло; но, наконецъ, рѣшился вступить съ нимъ въ личные переговоры; убѣжденный къ тому мюридами, онъ принялъ Пулло, прибывшаго въ Новое Ахульго съ небольшой свитой.

Однако эти переговоры не привели ни къ какому результату, хотя въ теченіи 18-го, 19-го и 20-го августа и происходилъ оживленный обмѣнъ писемъ. 21-го числа срокъ перемирія кончился, и, по ходу переговоровъ, генералъ Граббе пришелъ къ убѣжденію, что всѣ употребленныя имъ мѣры для взятія Ахульго мирнымъ путемъ не привели къ желаемому результату, и, слѣдовательно, оставалось единственное средство — это сила оружія. Необходимо надлежало ускорить дѣйствіе осады, потому что съ наступленіемъ сентября мѣсяца въ горахъ начиналось дождливое и холодное время.

Въ ночь съ 20-го на 21-е число военныя дѣйствія открылись взятіемъ башенъ, находившихся впереди нашей сапы.

Несмотря на упорную защиту, мюридовъ выбили отсюда. Во взятомъ укрѣпленіи, у Новаго Ахульго, оставлены 4-я и 5-я мушкетерскія роты Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ командира 2-го баталіона подполковника Вагнера, получившаго отъ генерала Граббе порученіе удержать этотъ важный пунктъ, на который горцы непремѣнно должны были ночью сдѣлать нападеніе. «Храбрый Вагнеръ исполнилъ возложенное на него порученіе съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ и безстрашіемъ. Нѣсколько разъ толпы мюридовъ бросилась на Апшеронцевъ; но каждый разъ ихъ опрокидывали штыками, и непріятелю не дозволяли и шагу сдѣлать впередъ» [14].

На 22-го августа Граббе назначилъ третій штурмъ обоихъ замковъ. Въ атаку Новаго Ахульго посланы баталіонъ Кабардинцевъ и двѣ роты Апшеронцевъ (подъ командою подполковника Вагнера), а 3-й баталіонъ Апшеронскаго полка двинулся по рѣчкѣ Ашальты для штурма Стараго Ахульго.

Въ поддержку первой линіи образована вторая — изъ двухъ баталіоновъ: 1-го Апшеронскаго и Куринскаго полковъ.

Но Шамиль уже не думалъ держаться въ Новомъ Ахульго.

---

[14]) Донесеніе № 654. Дѣло № 120. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Съ разсвѣтомъ, 22-го числа, въ Новомъ Ахульго замѣтили большое движеніе: оказалось, что женщины, дѣти и часть гарнизона поспѣшно переходили въ старый замокъ и переносили туда же свои пожитки.

Немедленно былъ открытъ по бѣгущимъ толпамъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь. Двѣ роты Апшеронцевъ, подъ командою Вагнера, а вслѣдъ за ними и двѣ роты Кабардинцевъ бросились къ замку, опрокидывая передъ собою толпы горцевъ, ошеломленныхъ такой грозной атакой.

На плечахъ мюридовъ храбрые Апшеронцы и Кабардинцы ворвались въ Новое Ахульго, и не прошло и четверти часа, какъ одна изъ грозныхъ твердынь Шамиля очутилась въ нашихъ рукахъ. Непріятель бѣжалъ въ ущелье рѣчки Ашальты, въ старый замокъ и въ подземные ходы, но нигдѣ не находилъ спасенія. Шамиль съ 40 приверженцами скрылся въ пещерѣ обрывистаго берега Койсу. Между тѣмъ, 200 мюридовъ, окруженные со всѣхъ сторонъ, заперлись въ укрѣпленныхъ сакляхъ, и, не имѣя надежды ни на отступленіе, ни на пощаду, дрались съ неописаннымъ ожесточеніемъ. Вмѣсто общаго боя завязался одиночный, гдѣ состязался русскій штыкъ съ лезгинскою шашкою.

Въ полдень рѣзня прекратилась, и въ Новомъ Ахульго не осталось уже ни одного живаго мюрида. Въ то время, какъ вышеописанное происходило въ новомъ замкѣ, генералъ-маіоръ Пулло, въ 10 часовъ утра, двинулъ 3-й баталіонъ Апшеронцевъ на штурмъ Стараго Ахульго. Воодушевляемый успѣхомъ своихъ боевыхъ товарищей и однополчанъ на правомъ флангѣ, и имѣя во главѣ своего храбраго командира, маіора Тарасевича, баталіонъ сталъ быстро подыматься на утесъ, гдѣ толпы Шамиля искали послѣдняго убѣжища. Апшеронцы должны были преодолѣвать невѣроятныя затрудненія, проходить по такой тѣснинѣ, гдѣ нѣсколько смѣлыхъ горцевъ могли бы задержать цѣлый отрядъ, потомъ взбираться поодиночкѣ по страшно крутой тропинкѣ, проложенной въ самой скалѣ; но смѣлая и рѣшительная атака ихъ все опрокинула. Они поднялись на плоскость Стараго Ахульго, также изрѣзанную пещерами, крытыми ходами, врытыми саклями, башнями и завалами, и здѣсь закипѣлъ ужасный бой: болѣе 600 мюридовъ заперлись въ сакляхъ и защищались съ отчаяніемъ. «Прапорщикъ Павловъ съ горстью солдатъ бросился въ одинъ изъ заваловъ; мгновенно онъ былъ окруженъ значительно сильнѣйшимъ непріятелемъ. На Павлова набросилось 4 человѣка горцевъ; но этотъ храбрый офицеръ успѣлъ 3-хъ изрубить, но четвертымъ былъ самъ раненъ шашкой въ голову; однако, прежде чѣмъ упасть, онъ и послѣдняго убилъ» [15].

Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ дошло до невообразимыхъ размѣровъ: въ бою приняли участіе женщины, бросавшіяся на солдатъ съ оружіемъ въ рукахъ, а дѣти кидали въ штурмующихъ камнями; чтобы не сдаваться, женщины съ грудными дѣтьми бросались въ кручу.

Кромѣ небольшой части мюридовъ, положившихъ въ началѣ боя оружіе, всѣ остальные, на предложенія о сдачѣ, отвѣчали выстрѣлами и ударами кинжаловъ. Движимые чувствомъ человѣколюбія, наши офицеры и солдаты часто подходили къ раненымъ и просившимъ пощады мюридамъ, но фанатики только и ожидали, чтобы врагъ довѣрчиво приблизился, и вѣроломно поражали подошедшаго къ нимъ. Жертвою такого ожесточенія и коварства сдѣлался храбрый маіоръ Тарасевичъ въ то самое мгновеніе, когда онъ хотѣлъ спасти жизнь одного изъ мюридовъ. «Но отчаянная храбрость горцевъ,— писалъ генералъ Граббе въ своемъ донесеніи корпусному командиру,— не могла противустоять мужеству

[15]) Дѣло № 238. Особ. отд. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

Апшеронцевъ, руководимыхъ чувствомъ долга, трудно сдерживаемой мести за смерть товарищей и усердіемъ къ службѣ. Послѣ продолжительнаго и кровопролитнаго боя, вся нижняя плоскость Стараго Ахульго была занята и, въ два часа пополудни, на стѣнахъ замка уже развивалось знамя 3-го баталіона Апшеронскаго полка»[16].

23-го августа, 3-й и 4-й баталіоны Апшеронцевъ двинуты въ нижнія пещеры, гдѣ засѣли мюриды. Опять начался кровопролитный бой между доведенными до отчаянія горцами и нашими солдатами; пощады никто изъ враговъ не просилъ и лишь заботился какъ можно дороже продать свою жизнь. Къ вечеру въ пещерахъ не осталось ни одной живой души, — всѣ были перебиты, и только одна недоступная пещера, въ которую спрятался со своимъ семействомъ и небольшимъ числомъ мюридовъ Шамиль, оставалась еще нетронутой. Такъ закончился 4-хъ-дневный бой, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ взятіе обоихъ замковъ Шамиля и почти поголовное истребленіе всѣхъ его мюридовъ. Но и наша потеря была весьма значительна и состояла: изъ 1 штабъ-офицера, 9 оберъ-офицеровъ и 255 нижнихъ чиновъ убитыми; ранены — 1 штабъ-офицеръ, 21 оберъ-офицеръ и 511 нижнихъ чиновъ. Значительная часть убитыхъ и раненыхъ выпала на долю Апшеронцевъ; *убиты — маіоръ Тарасевичъ, штабсъ-капитаны Тавастъ и Травинъ, поручики Мостовскій и Трофимовъ и прапорщикъ Логвиновъ, нижнихъ чиновъ 104; ранены — штабсъ-капитанъ Мягковъ, поручикъ Шредеръ* (умеръ отъ раны), *прапорщикъ Павловъ и нижнихъ чиновъ 157; контуженъ штабсъ-капитанъ Ктитаревъ и 30 нижнихъ чиновъ.*

Называя отличившихся при взятіи Ахульго, генералъ Граббе, между прочимъ, пишетъ: «Храбрый маіоръ Тарасевичъ, покрывшій себя съ баталіономъ славою, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ побѣды надъ непріятелемъ и убитъ въ стрѣлковой цѣпи, оставивъ послѣ себя многочисленное семейство, а храбрый штабсъ-капитанъ Мягковъ, во время штурма Стараго Ахульго, бросился со своей ротой (10-й мушкетерской) по такой тропинкѣ, гдѣ едва могла ступить человѣческая нога; но и эту узкую непроходимую тропу защищали горцы въ завалахъ, устроенныхъ 10-ю ярусами. Штабсъ-капитана Мягкова не остановило это грозное препятствіе; онъ бросился съ ротой на завалы и бралъ ихъ штыками одинъ за другимъ, поддерживаемый шедшими за нимъ остальными ротами 3-го баталіона»[17].

Въ томъ же донесеніи генералъ съ особенной похвалой отзывался о штабсъ-капитанѣ Лысенкѣ, поручикѣ Мостовскомъ и прапорщикѣ Павловѣ.

Потеря непріятеля была огромная и состояла изъ 1.200 убитыхъ и 900 раненыхъ. Ближайшій осмотръ утесовъ, гдѣ стояли оба замка, съ ихъ отвѣсными кручами, пещерами, подземными ходами, башнями и 10-ю ярусными завалами, краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о подвигахъ русскихъ войскъ, взявшихъ штурмомъ эти твердыни. Во все время осады солдаты наши безропотно переносили всѣ невзгоды: приходилось цѣлыя ночи не спать, проводя ихъ въ работѣ или въ ожиданіи вылазки. Не даромъ по Дагестану и Чечнѣ ходили слухи, что осаду Ахульго ведутъ отборныя русскія войска, нарочно назначенныя для того Государемъ Императоромъ.

«Несомнѣнно, — пишетъ генералъ Граббе, — что настоящая экспедиція не только поведетъ къ успокоенію края, гдѣ производились военныя дѣйствія, но отразится далеко въ горахъ Кавказа, и что впечатлѣніе штурма и взятія Ахульго надолго не изгладится изъ умовъ горцевъ и будетъ передаваемо однимъ поколѣніемъ другому. Партія Шамиля истреблена до основанія; но это только частный результатъ: гораздо важнѣйшимъ считаю я нравственное вліяніе, произведенное надъ горцами успѣхомъ русскаго оружія. Вліяніе это одно

[16]) Донесеніе № 456. Дѣло № 122. Архивъ Кавказскаго Окружнаго Штаба.

[17]) Дѣло №№ 120 и 238. Арх. Кавк. Окр. Шт.

можетъ остановить распространеніе вреднаго ученія Шамиля, прикрывавшаго политическую цѣль и замыслы честолюбія личиною фанатизма и усердія къ сохраненію чистоты магометанской вѣры» [18]. Но, какъ видно изъ этого донесенія, почтенный побѣдитель Шамиля совсѣмъ не принималъ въ разсчетъ главнаго виновника всѣхъ возмущеній въ Дагестанѣ и Чечнѣ: Граббе ни слова не говорилъ объ имамѣ, которому, между прочимъ, удалось бѣжать. Бѣгство его произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Какъ уже сказано раньше, Шамиль скрылся въ одной, безусловно недоступной, пещерѣ надъ р. Койсу и отсюда и задумалъ во что бы ни стало бѣжать. Съ перваго взгляда подобное предпріятіе казалось не только смѣлымъ, но даже невозможнымъ, ибо наши войска вездѣ его караулили и повсюду были разставлены посты; но Шамилю не измѣнилъ его вѣрный разсчетъ, на которомъ онъ основалъ весь планъ бѣгства. Дѣло въ томъ, что хотя вокругъ пещеры Шамиля и разставили посты, но какъ мѣстность представлялась весьма пересѣченной, то они не были видны другъ другу и между ними находились промежутки, совершенно не охраняемые, слѣдовательно ночью бѣгство становилось весьма возможнымъ. Для большаго успѣха предпріятія, Шамиль придумалъ такого рода хитрость: онъ устроилъ плотъ, который въ ночь съ 22-го на 23-е августа и спустилъ по Койсу, съ цѣлью привлеченія на него вниманія нашихъ постовъ. Разсчетъ оказался вѣрнымъ: плотъ замѣтили и на него посыпался градъ пуль; между тѣмъ, пока происходила тревога, въ это самое время Шамиль съ нѣсколькими мюридами и съ семействомъ своимъ сталъ пробираться берегомъ р. Койсу по направленію къ Гимрамъ. Но онъ неожиданно наткнулся на постъ, расположенный въ ущельи — нѣсколько ниже. Завязалась сильная перестрѣлка, но имамъ все-таки успѣлъ проскользнуть, хотя его при этомъ и ранили; онъ пробрался въ Ичкеринскіе лѣса и благополучно пришелъ въ сел. Саясанъ.

Взявши оба замка и разрушивъ ихъ, Граббе полагалъ все оконченнымъ; но не слишкомъ ли смѣлымъ было утверждать, съ увѣренностью, о полномъ возстановленіи спокойствія, когда Шамиль не находился еще въ нашихъ рукахъ? Безспорно, что пораженіе мюридовъ и взятіе Ахульго произвели сильное нравственное впечатлѣніе на горцевъ; однако, имѣя примѣромъ событія 1837 г., когда горцы потерпѣли не менѣе страшное пораженіе, генералъ Граббе ошибался, утверждая, что спокойствіе въ горахъ надолго возстановилось: разъ Шамиль оставался на свободѣ,—ни о какомъ спокойствіи не могло быть и рѣчи.

Нельзя было также ручаться, что мюридизмъ погибъ окончательно: разъ главный виновникъ пропаганды этого ученія былъ въ живыхъ,—съ нимъ жили въ полной силѣ его честолюбіе, ненависть къ русскимъ и желаніе поднять народъ для новой борьбы. Словомъ, осада и взятіе Ахульго и вообще вся экспедиція 1839 года покрыла громкой славой русскія войска, но вполнѣ удовлетворительнаго политическаго результата не дала.

До 30-го августа производилась уборка и погребеніе тѣлъ и разрушеніе замковъ. 30-го августа, въ день тезоименитства Наслѣдника Престола (впослѣдствіи въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Николаевича), отслужено въ лагерѣ благодарственное молебствіе и панихида по убитымъ воинамъ, а затѣмъ всѣ войска двинулись изъ-подъ дымящихся еще развалинъ Ахульго, покинувъ навсегда это мрачное мѣсто, гдѣ каждый изъ участниковъ въ осадѣ столько выстрадалъ и гдѣ каждая пядь земли пропиталась русскою кровью. Всѣ тяжести и легкая артиллерія, подъ прикрытіемъ 2-хъ баталіоновъ Апшеронцевъ, направлены въ Темиръ-Ханъ-Шуру по арбяной дорогѣ черезъ Цатаныхъ и Зыряны; остальныя войска отряда пошли туда же черезъ Унцукуль и Гимры.

1-го сентября войска прибыли въ Гимры.

---

18) Тамъ-же. Донесеніе № 498.

Это селеніе къ намъ всегда относилось враждебно, и всѣ горскіе возмутители, какъ-то: Кази-Мулла, Гамзатъ-Бекъ и Шамиль,— находили въ его жителяхъ готовый контингентъ войскъ для борьбы съ русскими; точно также и во время осады Ахульго, гимринцы тайно доставляли Шамилю помощь. Теперь они вышли навстрѣчу отряду съ изъявленіемъ полной покорности. Генералъ-адъютантъ Граббе[19] объявилъ всеобщее прощеніе и назначилъ въ Гимры приставомъ Уллу-бея-Эрпелинскаго.

3-го числа отрядъ пришелъ въ Шуру, гдѣ и расположился лагеремъ.

До 9-го сентября войскамъ данъ былъ полный отдыхъ. Милиціи Ахметъ-Хана-Мехтулинскаго и Шамхала-Тарковскаго были распущены. 9-го сентября отрядъ, въ прежнемъ своемъ составѣ, выступилъ къ Чиркею. Когда онъ спустился съ нагорнаго берега въ долину р. Сулака, всѣ старшины селенія вышли навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью и съ увѣреніями въ покорности чиркеевцевъ и въ полной готовности ихъ исполнить всѣ требованія русскихъ. Генералъ Граббе обласкалъ старшинъ, и вмѣстѣ съ ними отрядъ продолжалъ движеніе къ Чиркею. Авангардъ, состоящій изъ 3-хъ баталіоновъ графа Варшавскаго (Ширванскаго) полка, 1-го баталіона Апшеронцевъ и 4 горныхъ орудій, подъ командою генералъ-маіора Клугенау, имѣя впереди себя пѣсенниковъ и плясуновъ, началъ переправляться черезъ мостъ; два баталіона Графцевъ втягивались въ узкое дефиле между садами, чтобы, пройдя селеніе, занять позицію на противоположной сторонѣ его и здѣсь расположиться лагеремъ. Но едва только голова авангарда подошла къ первымъ саклямъ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ открытъ былъ убійственный огонь. Такая неожиданная встрѣча произвела замѣшательство въ войскахъ, поражаемыхъ со всѣхъ сторонъ и видѣвшихъ себя отрѣзанными отъ остальнаго отряда. Авангардъ сталъ отступать; произошелъ при этомъ безпорядокъ, во время котораго одно орудіе упало въ кручу. Въ то же время нѣсколько горцевъ садами подкрались къ мосту и зажгли его.

При движеніи авангарда къ Чиркею, главныя силы расположились лагеремъ на правой сторонѣ Сулака; когда же обнаружилась измѣна чиркеевцевъ, то начальникъ отряда потребовалъ объясненія отъ старшинъ, которые, казалось, не менѣе были изумлены происшедшимъ, и клялись, что это непреднамѣренная измѣна всѣхъ жителей Чиркея вообще; что большинство ихъ готовились исполнить всѣ приказанія, и что это продѣлка только 200 отчаянныхъ абрековъ, которые распускали слухъ, будто русскіе хотятъ уничтожить ихъ селеніе, и теперь рѣшили сопротивляться.

Тѣмъ не менѣе, жители, допустившіе подобную выходку, заслуживали примѣрнаго наказанія. Два баталіона, подвергшіеся измѣнническому нападенію, успѣли все-таки перейти обратно черезъ мостъ, причемъ потеря наша заключалась въ 55 убитыхъ нижнихъ чинахъ; ранено 2 оберъ-офицера и 81 нижній чинъ. Баталіонъ Апшеронцевъ еще не успѣлъ окончательно переправиться черезъ мостъ, поэтому понесъ незначительный уронъ: въ немъ *убито 4 и ранено 11 нижнихъ чиновъ.*

Для наказанія чиркеевцевъ, генералъ Граббе рѣшилъ, двинувшись къ Чиркею, черезъ Міатлинскую переправу, Хубары и Гертме, уничтожить это селеніе. 10-го сентября отрядъ выступилъ въ сказанномъ направленіи. У Міатловъ войска оставались 3 дня, въ ожиданіи транспорта изъ кр. Внезапной, по прибытіи котораго двинулись къ сел. Инчхе, гдѣ и расположились лагеремъ.

По дорогѣ къ Инчхе, отрядъ встрѣтили почетнѣйшіе жители Чиркея; стоя на колѣняхъ, безоружные, они молили генералъ-адъютанта Граббе о пощадѣ и представили гор-

---

[19]) Генералъ Граббе пожалованъ былъ званіемъ генералъ-адъютанта за взятіе Ахульго.

ное орудіе, которое они сами вытащили изъ балки. Униженныя просьбы чиркеевцевъ и полная готовность подчиниться всякому требованію русскихъ—умилостивили начальника отряда, и онъ даровалъ имъ прощеніе. Да въ сущности, не было никакой пользы въ разрушеніи богатѣйшаго, населеннѣйшаго и самого промышленнаго селенія въ цѣломъ Дагестанѣ, изъ-за дерзости 200 человѣкъ. Жителей въ Чиркеѣ насчитывалось около 4 тыс., и они занимались разрабатываніемъ виноградныхъ садовъ, обнимавшихъ собою пространство въ 10 квадратныхъ верстъ. Уничтожить такое цвѣтущее селеніе — значило бы привести въ полнѣйшую нищету нѣсколько тысячъ людей, изъ которыхъ громадное большинство не принимало ровно никакого участія въ происшествіи 9-го сентября. Поэтому начальникъ отряда ограничился предложеніемъ жителямъ слѣдующихъ условій: 1) чиркеевцы обязываются изгнать отъ себя всѣхъ мюридовъ; 2) выдать 40,000 барановъ, изъ числа 150 тыс., принадлежащихъ селенію; 3) очистить на правой сторонѣ Сулака мѣсто для возведенія укрѣпленія (для чего потребовалось бы вырубить нѣсколько виноградниковъ), а также приготовить весь необходимый для того матеріалъ. Всѣ предъявленныя условія жители поклялись выполнить.

Въ числѣ арестованныхъ чиркеевцевъ находился также извѣстный старшина Джамаллъ, усерднѣйшій помощникъ Шамиля и вѣрный исполнитель всѣхъ его замысловъ, долго ускользавшій отъ нашихъ рукъ.

Какъ ни желалъ генералъ Граббе немедленно же приступить къ постройкѣ укрѣпленія у Чиркея, но важнымъ къ тому препятствіемъ явились позднее время года, частые дожди и холодъ. Да, наконецъ, пора было дать отдыхъ и войскамъ: въ продолженіи 4 мѣсяцевъ, находясь въ походѣ, они постоянно несли непосильный трудъ и претерпѣвали всевозможныя лишенія.

Эти соображенія заставили начальника отряда отложить постройку укрѣпленія до весны слѣдующаго года. Въ теченіи послѣднихъ трехъ дней пребыванія отряда на позиціи у сел. Инчхе, явились съ изъявленіемъ покорности представители отъ Андійскаго и Гумбетовскаго обществъ. Шамиль все еще оставался въ Ичкеріи, не принимая пока никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ горцевъ. Какъ мало придавалъ значенія Шамилю генералъ Граббе, видно изъ того, что онъ предлагалъ 100 червонцевъ за его голову: «болѣе этого она теперь не стоитъ», писалъ онъ въ своемъ донесеніи корпусному командиру. Насколько сильно ошибался Граббе,— это покажетъ будущее. 18-го сентября войска были распущены по своимъ штабъ-квартирамъ; на зиму Апшеронскій полкъ размѣстился слѣдующимъ образомъ: 1-я гренадерская рота, 2-й и 4-й баталіоны, 5-я гренадерская и 14-я мушкетерскія роты остались въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; 1-я, 2-я и 3-я мушкетерскія роты стали въ сел. Эрпели; 3-й баталіонъ — въ Большихъ и Малыхъ Казанищахъ; 13-я мушкетерская — въ крѣпости Бурной и 15-я мушкетерская — въ Казіюртѣ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ полковникъ Поповъ 7-й былъ уволенъ въ годовой отпускъ, съ отчисленіемъ по арміи, а вмѣсто него командиромъ Апшеронскаго полка назначенъ полковникъ Симборскій 2-й.

За блестящій штурмъ Ахульго всѣмъ баталіонамъ Апшеронскаго полка пожалованы новыя знамена съ надписью: «За взятіе штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839 года». Независимо того, офицеры и нижніе чины получили награды: ордена св. Георгія 4-й ст.—штабсъ-капитанъ Мягковъ, поручикъ Лункевичъ и подпоручикъ Евдокимовъ; золотую саблю съ надписью: «за храбрость»—штабсъ-капитанъ Лысенко, Левашовъ и Хорошиловъ 3-й; св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ—маіоры баронъ Фитингофъ и Ктитаревъ, штабсъ-капитанъ Хорошиловъ 2-й, поручики Никитинъ 2-й, Леонтьевъ и Бадридзевъ, подпоручикъ Мордмиловичъ и прапорщикъ

Павловъ; св. Станислава 2-й ст. — подполковникъ Вагнеръ; св. Анны 3-й ст. — штабсъ-капитанъ Хорошиловъ 2-й, поручикъ Гавриленко и подпоручикъ Поповъ 9-й; св. Станислава 3-й ст. — поручикъ Еременко и Колокольцевъ, подпоручики Ковалевскій и Левицкій, прапорщики Тимофеевъ и Левицкій; св. Анны 4-й ст. — съ надписью «за храбрость» — штабсъ-капитанъ Падловъ, поручикъ Морозовъ и подпоручики Ягуловъ, Бурмейстеръ-Родамновскій и Губертъ; Монаршее благоволеніе — командиръ полка полковникъ Поповъ.

Произведены въ прапорщики: подпрапорщики Левъ Ракитинъ, Иванъ Дьяковъ, Янъ Койсевичъ, Иванъ Кавалевскій и Игнатій Гилевичъ.

За дѣла при Буртунаѣ и Аргуани получили знаки отличія Военнаго ордена: унтеръ-офицеры Михаилъ Ларіоновъ, Савелій Кузинъ, Тимофей Марченко, Лукьянъ Семеновъ, Иванъ Петровъ, Иванъ Шевеліевъ, Тимофей Ѳедоровъ и Иванъ Пушкарный; рядовые—Иванъ Мироновъ, Илья Ивановъ, Дементій Юровъ, Макаръ Дмитріевъ, Степанъ Егоровъ, Харитонъ Нестеровъ, Кузьма Финалѣевъ, Андрей Алексѣевъ, Станиславъ Матушевскій, Иванъ Каменскій, Иванъ Андреевъ, Антонъ Барановъ, Платонъ Антипинъ и Иванъ Полазюковъ.

За штурмъ Ахульго именные знаки Военнаго ордена получили: фельдфебеля Левъ Серебряковъ, Поликарпъ Домецкій и Леонтій Алексѣевъ; унтеръ-офицеры Алексѣй Ивановъ, Леопольдъ Пилецкій, Бернардъ Пилятовскій, Кириллъ Костиновъ, Петръ Худѣевъ, Иванъ Герцовскій, Трофимъ Колесниковъ, Тарасъ Сергѣевъ, Леонтій Егоровъ, Ѳедоръ Дьячковъ, Иванъ Летвиненко, Осипъ Битюцкій, Егоръ Ѳедоровъ, Юзефъ Жуковскій, Михаилъ Феклистовъ, Алексѣй Рубановъ, Алексѣй Войткевичъ, Петръ Ивановъ, Семенъ Мишинъ, Макаръ Передниковъ, Александръ Забковъ, Ѳедоръ Бондаренко, Тимофей Плещаковъ, Ѳедоръ Аристарховъ, Димитрій Давыдовъ и Захаръ Васильевъ; рядовые — Димитрій Алхишенко, Яковъ Семеновъ, Андрей Кобановъ, Никифоръ Пронинъ, Юзефъ Червинскій, Ларіонъ Бочаровъ, Герасимъ Дороховъ, Иванъ Вязовой, Сергѣй Трофимовъ, Иванъ Мирошниковъ, Сергѣй Харлановъ, Ефремъ Потаповъ, Артемій Крюковъ, Василій Давыдовъ, Ананій Григорьевъ, Василій Филиповъ, Алексѣй Крачковъ, Кириллъ Бѣликовъ, Адамъ Навялицъ, Егоръ Петровъ, Казиміръ Варжиковскій, Семенъ Силинъ, Павелъ Колесниковъ, Емельянъ Антаповъ, Юзефъ Яшевскій, Владиміръ Киселевъ, Самойло Рябовъ, Иванъ Никитьевъ, Павелъ Соколовъ, Иванъ Денисовъ, Димитрій Шаповаловъ, Романъ Гинько, Иванъ Улицкій, Лаврентій Закрудскій, Станиславъ Богуцкій, Филиппъ Сергѣевъ, Ѳедоръ Хрулевъ, Потапъ Крыловъ, Денисъ Малаховъ, Карлъ Левандовскій, Викторъ Аверьяновъ, Трофимъ Карпушенко, Иванъ Багирладовъ, Василій Левоновъ и ротный цирюльникъ Василій Волковъ. Фельдфебель Иванъ Тепловъ получилъ двѣ трети прапорщичьяго жалованья. Кромѣ того, согласно воли Государя Императора, пожаловано было еще 40 крестовъ для раздачи болѣе отличившимся и по 1 рублю сер. и по двойной порціи всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ штурмѣ. Знаки отличія получили: унтеръ-офицеры Никита Ивановъ, Иванъ Рѣзаковъ, Макаръ Теребникинъ, Григорій Чернявскій, Степанъ Кондратьевъ, Иванъ Балыковъ, Федоръ Лазаревъ, Иванъ Ивановъ, Степанъ Лазаревъ и Григорій Шелудяковъ; рядовые — Измаилъ Шарыповъ, Иванъ Ерофеевъ, Матвѣй Ивановъ, Карпъ Костенко, Григорій Солодовниковъ, Иванъ Калентьевъ, Степанъ Марковъ, Антефей Шаверновъ, Петръ Феклинъ, Димитрій Голяндинъ, Тимофей Чеботаревъ, Игнатъ Плотниковъ, Ефимъ Рублевъ, Николай Тройцевичъ, Гордѣй Сухановъ, Василій Степановъ, Александръ Костиковъ, Степанъ Паршинцевъ, Яковъ Бандаренко, Гавріилъ Алексѣевъ, Григорій Душкинъ, Василій Матвѣевъ, Емельянъ Нѣмченко, Янъ Бѣлько, Акимъ Агаповъ, Василій Балышевъ, Михаилъ Заговляевъ, Ѳедоръ Кыбалкинъ, Афанасій Григорьевъ и Миронъ Темлянкинъ.

Осада Ахульго и взятіе обоихъ замковъ увѣковѣчены Государемъ Императоромъ; кромѣ пожалованныхъ наградъ, всѣ участники осады и штурма Ахульго получили серебряныя медали на Георгіевскихъ лентахъ, съ надписью: «за взятіе штурмомъ Ахульго въ 1839 году».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А

Б

В

*

Г

Д

Е

Ж

З

И

I

К

Л

М

*

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш